СТЕПАН ШЕВЫРЕВ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Русская цивилизация

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Повесть Временных Лет
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Москва – Третий Рим
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
митр. Платон (Левшин)
Ростопчин Ф. В.
Уваров С. С.
Магницкий М. Л.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Шишков А. С.
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Коялович М. О.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Вельтман А. Ф.
Аскоченский В. И.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Игнатий (Брянчанинов)
Феофан Затворник
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Шевырев С. П.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Суворин А. С.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Трубецкой Е. Н.
Ушинский К. Д.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Говоруха-Отрок Ю. Н.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Лобанов М. П.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.
Кожинов В. В.
Панарин А. С.

СТЕПАН ШЕВЫРЕВ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

МОСКВА
Русская цивилизация
2017

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)4
Ш 38

Шевырев С. П.

Ш 38 История русской словесности / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Русская цивилизация, 2017. — 1088 с.

Впервые после 170-летнего перерыва Русский исследовательский центр публикует выдающееся произведение великого русского критика и историка литературы Степана Петровича Шевырева (1806–1864) «История русской словесности, преимущественно древней». С этой книги в свое время начался новый национальный этап в оценке русской литературы.

Шевырев во всей разносторонности своих интересов до наших дней остается значительно недооцененным русским национальным деятелем, более того – деятелем оболганным: почти 100 лет русским преподносили его как «реакционера», около его имени постоянно ставили уничижительные для того времени характеристики – «охранитель», «официоз», «славянофил». Сколько-нибудь значительное издание его трудов в течение XX века ни разу не предпринималось. Пламенные интернационалисты, носители доминировавших в обществе антирусских идей, в течение всего прошлого столетия низводили Шевырева до уровня третьестепенного литератора и принижали значение великого русского просветителя-патриота.

Настоящее издание призвано восстановить историческую справедливость и открыть современному читателю колоссальный по охвату материала и глубине его проработки труд, проникнутый деятельной любовью к русской литературе.

ISBN 978-5-4261-0176-0

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В 1844/45 академическом году я имел счастие прочесть перед московскою публикой курс истории русской словесности, преимущественно древней, в 33 лекциях. Столица почтила меня таким благосклонным вниманием, которое я всегда сохраню в своей памяти как одно из самых приятных воспоминаний в моей университетской деятельности. Ласкаю себя надеждою, что впечатление, произведенное моим курсом, не пройдет; что основная идея его отзовется и в общественной жизни; что многие отдельные мысли найдут свой отголосок в различных ее явлениях.

Но для того чтобы еще более упрочить впечатления преходящие, для того чтобы подвергнуть суду медленному, строгому и более взыскательному читателей то, что в летучих словах передано было мною слушателям, и представить свой труд публике не одной Москвы, но и всего моего Отечества, я вменил себе в обязанность написать мои лекции и издать их в свет.

По материалам, в течение многих лет собранным и заготовленным, лекции были сказаны устно перед слушателями, – и мгновенная речь облекала то, что было заранее обдумано мыслию. Отсутствие у нас стенографии лишило меня возможности тотчас же передать письму и печати горячие слова устного изложения. Потому не могу ручаться за верность всех выражений, но тем более ручаюсь за верность внутреннего содержания и мыслей при печатной передаче того, что было сказано. Иное, предложенное устной речью сокращенно, по недостатку времени, представляется более развитым и дополнен-

ным в письменном изложении. Текст мой снабжен примечаниями и ссылками: слушатели мои, дарившие мне свое доверие вместе с вниманием, здесь могут меня поверить на деле.

Этот курс преимущественно посвящен истории древней русской словесности: причины тому объяснены мною в первой лекции. Но, впрочем, последние десять лекций имеют предметом новоевропейский период, начиная с песен русского народа, поставленных на переходе от древнего к новому. Когда довершится труд печатно, тогда за ним может последовать и другой, в котором преимущественно разработана будет новая русская словесность.

Представляя свой курс на суд читателей, не могу скрыть внутреннего трепета и удовольствия при мысли, что лекции мои, сказанные в тесном пространстве московских аудиторий, переходят теперь посредством печати в огромную аудиторию моего любезного Отечества, слову и жизни которого они посвящаются.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, СОДЕРЖАЩАЯ ВВЕДЕНИЕ И СТОЛЕТИЯ IX И X

Введение в историю русской словесности

Слово *словесность* мы употребляем только в двух значениях: или в смысле совокупности произведений слова человеческого, или в смысле науки об этих произведениях.

Слово, общий дар людям от Бога, отличающий их от прочих животных, как говорили еще древние, есть внешнее выражение самопознающей души человеческой. По слову все люди братья и сходятся в возможности этого самопознания.

Но сло́ва собственно нет: оно живет и проявляется в языках. Так и человечество осуществляется в народах. Слово есть внешний образ человека вообще; язык – внешний образ народа.

По древнему Священному Преданию, было время, когда слово и язык не различались и все человечество составляло один народ: *и бе вся земля устне едине, и глас един всем* (Быт. 11, 1). В настоящее время до двух тысяч языков с их наречиями разделяют человечество, населяющее землю.

Не приняв смешения языков за событие несомненно историческое, нельзя объяснить себе этого явления. Как геология, исследуя недра земли, подтвердила истину Моисеева сказания о потопе, так филология, исследуя языки, подтверждает достоверность его же сказания о смешении языков.

В смешении языков начало разделению народов: в слове человеческом, воплощающемся в языках, как орудии слова Божия, начало их воссоединению в одно человечество. Языки, взаимные преграды народов между собою, служат орудиями всеобщего сближения, когда единый дух их соединяет.

Язык есть первое произведение слова, первый орган и первый признак народности. Языки были необходимы для того, чтобы дать средства человечеству выразить свое духовное самопознание в самых разнообразнейших видах. Немногие народы достигли этого выражения; есть еще тысячи, которые того ожидают.

Нет ни одного народа, как бы груб и дик он ни был, который бы употреблял язык свой для выражения одних только материальных потребностей человека. Где говорит человек, на каком бы то ни было языке, там он непременно выражает на нем духовное существо свое. Нет ни народа, ни языка без произведений слова. Религиозная деятельность его духа скажется в нем молитвою; сила ума, воли и памяти – пословицею, притчею, преданием; стремление художественное к красоте – песнею и сказкою. Нет ни одного народа без молитв, пословиц, притчей, преданий, песен и сказок. Это первые виды словесности у всех народов.

Произведения слова становятся тем значительнее в народе, чем сильнее божественная и человеческая деятельность проявляется в нем, взаимно проникая друг в друга.

Первая обнаруживается в нем верою; вторая – стремлениями к истинному, доброму и прекрасному в жизни и в слове, как необходимом для человека ее выражении. Вера без разумного познания истины легко уклоняется в суеверие; без стремления к добру, не оживленная любовью, мертвеет в обряде либо звучит как медь звенящая или кимвал звяцающий в одном внешнем богослужении; без искусства она не может благообразно величать и славить Бога. Человеческая деятельность остается также неполна и ограниченна без божественной. Наука без веры увлекает разум в бездну бесплодных сомнений или ограничивает мир его познаний одним материализмом, поглощающим и его душу. Жизнь без веры может быть не чужда добру, но будет творить его только из тщеславия, а не по высшему призванию Любви божественной, творящей добро для самого добра. Искусство без веры разовьет красоту изящных форм до последней крайности, но и отцветет после развития.

Всякое произведение слова в народе, чем полнее воспитано совокупным влиянием всех сфер духа человеческого, к какой бы сфере само ни принадлежало, тем оно совершеннее, тем прочнее действует на народ и человечество, тем достойнее нашего изучения.

Народ для своего человеческого образования нуждается в содействии других народов. Но это содействие возможно бывает тогда, когда все принимаемое народом от другого народа прививается к корню его собственной сущности и, превращаясь в живительный сок, питает его внутренний организм. Крепкая народность, с одной стороны, и человеческая восприемлемость, с другой, – вот условия прочного совершенствования народов. Народы, как сосуды Божии, необходимы для того, чтобы развивались в них идеи человечества. В древние времена народ еврейский стоял особняком среди бесчисленных инородных племен Востока и только в своей отрешенности от других мог спасти идею истинной веры. Но это не мешало ему призывать в свой храм другие народы для поклонения истинному Богу, понятие о котором он сохранял не для одного себя, а для всего человечества. Греки в сношениях своих не чуждались мудрости египтян, финикиян и других народов древних; их колонии простирались повсюду и связывали их со всем человечеством; но, только сосредоточившись в духе своем, греческий народ мог раскрыть идею красоты для всего человечества. Еще обширнее, чем у греков, были сношения у римлян с другими народами; но только в самой глубине римского духа мог быть постигнут разум государственной правды.

Но с тех пор, как Божий Дух в виде огненных языков сошел на просветителей всего человечества, стало возможным освящение всякой народности, и развитие человеческих идей не может быть уже исключительным преимуществом какой-нибудь одной из них, а составляет неотъемлемое достояние всех. Народы более, чем когда-нибудь, стали нуждаться во взаимной помощи, и Любовь призывает их соединиться в один духовный союз семьи человеческой. Старшие братья по образованию должны вести к тому младших, – и всякому

будет место на духовной трапезе всечеловеческой любви и просвещения.

Народность освящена и необходима, как создание Божие. Нельзя от нее отрешиться, как нельзя вырвать из уст своих языка, не уничтожив в себе первого внешнего признака своей человеческой природы. Каждый народ – сосуд Божий; человеческое содержание сосуда – незримая тайна Божия и один из зародышей будущей истории. Но стало уже невозможным для народа его развитие и совершенствование вне общения с другими. Брезгливость национальная кончилась и наказывается всеобщим оставлением. Чем более народ выразит сочувствия к другим народам во имя своего и их образования, тем он явится совершеннее, – и это совершенство отразится во всем, и особенно в произведениях его слова.

Словесность, в смысле совокупности произведений слова в каком-либо народе, мы можем изучать двояким образом: или, вникая во внутреннюю сущность этих произведений, объяснять на них общие законы развития слова человеческого – такое изучение называем мы теоретическим; или, сопоставляя их с историческим потоком жизни народной, отсюда объяснять их происхождение и в них же самих следить за развитием этой жизни – такое изучение называем историческим. Заметим, что оба способа изучения, один без другого, неполны и взаимно дополняют и совершенствуют друг друга.

Задача наша – историческое изучение произведений русского слова.

Сии последние изучать мы будем в самом обширном объеме, по всем сферам духа человеческого, к какой бы из них произведение ни принадлежало. Оправдания такому размеру предложены будут впоследствии. Если мы сказанное об отношении народного к человеческому применим к произведениям русского слова, то можем предварительно заметить следующее. Русский народ обнаруживает в своей словесности две стороны: сильную народную самобытность, которая постоит за себя, и обширную всечеловеческую восприимчивость, которая готова сочувствовать всему прекрасному в че-

ловечестве. Эти две стороны, проникая друг друга, обещают богатое развитие в будущем.

В древнем периоде своей жизни русский народ в лице избранных своих представителей изъявил свое сочувствие к лучшему умственному и нравственному сокровищу, какое приобретено было жившим до него человечеством, и перенес его к себе на языке своих славянских соплеменников. Вопрос об отношении человека к Божеству занял его прежде всех других вопросов, и все те произведения, в которых решаем был этот вопрос лучшими представителями христианства, он усвоил себе на языке племени родного; такое заимствование упрочило связь русского народа со всем человечеством в том, что оно имеет лучшего и наиболее прочного в умственных своих сокровищах, и со своим родным племенем, с которым связал он себя через славянской язык узами духовными, несокрушимыми, несмотря ни на какие временные препятствия. Народность свою он употребил вместо сосуда для хранения этого человеческого и славянского сокровища. Под спасительным влиянием этой великой силы он развил и образовал язык единый и готовый на всякое дело мысли; создал обширную литературу богословскую, историческую, государственную, существующую в изобильных письменных памятниках; создал другую словесность в бесчисленном сокровище пословиц, песен и сказок, существующую в устах народа.

Это лучшая сторона жизни и слова в древнем периоде истории русской словесности. Есть в нем и сторона слабая. Отсутствие науки, искусства и жизни общественной, так, как развивались они у народов Запада, было причиною того, что великое сокровище веры не принесло всех тех плодов, какие могло бы принести, что вера в народе иногда или уклонялась в суеверия, или каменела в букве обряда и мертвила дух любви, без которой и в вере нет жизни.

Такому недостатку пособил новый период, в котором Россия, разрушив средостение, отделявшее ее от других народов, вошла в живые сношения с ними и стала принимать дары человеческого образования. Эта восприимчивость есть

лучшая сторона нового периода; но и в нем дело обходится не без слабостей. Как вере древнего периода вредила буква мертвого обряда, так человеческому образованию периода нового вредит одна внешняя его форма вместо внутренней его сущности. Мы заняли у западных народов их одежду, как будто мундир европейской цивилизации: так берем напрокат их идеи, их науку, их литературу, их книги и особенно журналы, не вырабатывая почти ничего собственным трудом и мыслию. Мы забываем, что образование есть плод потового труда, терпения и усидчивости; что мысль никому не дается даром; что и чужая, только вследствие трудовой переработки она может быть усвоена нами. Самообольщение есть первый враг истинного человеческого образования. Прежде нас обольщали образованием внешним заемные учители; теперь у нас завелись и неутомимо действуют свои собственные. В них достигает последней крайности реформа Петрова. Они, как ее исключительное произведение, ненавидят Древнюю Русь с ее внутреннею основою и сущностью, а новую без древней считают весьма удобным средством для водворения в ней дешевой, взятой у Запада напрокат, цивилизации.

Эти отступники завета предков, отрекшиеся от пятой заповеди и тем сами обрекшие себя на недолголетие, говорят обыкновенно, что духовная словесность древнего периода не есть выражение жизни русского народа; что она по большей части византийского происхождения; что люди, которые ее изучали или возделывали, отрешились от народной среды и ей были чужды; что не русский народный язык, а славяноцерковный давал ей формы для выражения. Но духовные писатели Древней Руси, которых число в каждом столетии, начиная с десятого, становится значительным, к какому же народу принадлежали, если не к русскому? Правда, они были избранным его цветом; они представляли его мысль, достигшую сознания, точно так как и избранные писатели нового периода ее представляют; но с каких же пор такие люди перестают быть носителями народной мысли? Кто исключал их когда из истории словесности какого бы то ни было народа?

Откуда это воззрение? Где ему ученая опора и источник? В каких книгах оправдание? Духовные писатели черпали для русского народа сокровище христианской веры не из одного византийского, а из вселенского источника, точно так как новые писатели русские черпают из источников западных сокровища науки, искусства и общежития. Язык древних произведений не есть устный народный, а славянский; но где же первый? В каких произведениях нового периода мы найдем его? Разве язык Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина есть язык устный народный? Скажем даже, что между славянским языком древнего периода и народным устным, и в этимологии и в синтаксисе, мы найдем гораздо более взаимного общения, нежели между литературным языком нового периода и языком народным.

Народ глубоко чтил этих писателей и поклонялся многим из них, как святым. Были в числе их греки и славяне; но не сливались ли эти пришельцы духом и словом с русскою паствою, на которую действовали?

Между этими писателями и русским народом было и осталось до сих пор, несмотря на все препятствия, гораздо более живого общения, нежели между писателями нового периода и образованным сословием народа, которое читает их. Плодом деятельности и слова первых было утверждение веры в русском народе. Они приводили в умственное сознание и выражали словом то, что жило у него в сердце. Это событие обходится опять не без сильных противоречий со стороны отступников Древней Руси. Они говорят, что русский народ совсем не так предан вере, как полагают приверженцы Руси Древней; что в нем вера есть только или обряд, или суеверие. Вера, как в частных лицах, так и в целом народе, выражается или кругом всей его жизни, или в самых трудных ее событиях, потрясающих всю душу и вызывающих со дна все основные ее силы. Круг жизни русского народа – его история: кто ее знает, тот не может отрицать, что главными деятелями ее были вера и любовь к Отечеству, что великое у нас совершено этими двумя силами. В горестных событиях жизни, во все времена, и в про-

шедшие, и в настоящие, обнаруживается народная вера. Этого не видит или не хочет видеть только тот, кто собственное свое безверие или шаткость своей веры навязывает русскому народу. Правда, – повторим сказанное прежде, – что это сокровище таится все еще под спудом; что зерно не пошло в полный рост и не принесло всего плода; что высшее образованное сословие, слишком изменив доброму началу, своим примером производит большой соблазн в народе и удаляет его от христианского полного образования, которое могло бы быть ему сродно.

Есть вера в русском народе; но если вы не просветите в нем разума учением, не раскроете ему правил гражданской общественной и семейной жизни и не образуете в нем благородных человеческих потребностей, то не будет почвы для развития богатого семени, которое все-таки есть наследие древней его жизни, еще не изжитое, не погубленное, но и не развитое новою.

Оно не сгублено потому только, что вера глубже запала в сердце русского народа и согрела корень его сущности, нежели идеи человеческого образования, которые были развиты главными классическими писателями нового периода. Плод от древней жизни и представителей ее слова осязательнее, очевиднее живет в народе, нежели то, что посеяно было в новое время. Раскроем нашу мысль подробнее.

Ломоносов в жизни своей и во всех произведениях слова воплотил перед русским человеком идею науки; а принялась ли она так, как бы следовало ей приняться по мысли первого нашего в ней учителя? – Державин был провозвестником идеи правды в своей поэзии; его «Записки», недавно изданные в «Русской беседе», еще более подтвердили эту мысль; а водворена ли идея правды в нашей жизни? Писатели современные, алкая ее повсюду и обнаруживая везде ее отсутствие, доказывают противное. Не только в жизни мы не приобрели ее, но даже изгнали из самой области слова. – Карамзин во всех своих произведениях успел сочетать сочувствие ко всему прекрасному человеческому с сочувствием к своему народному, избегнув и отвлеченного космополитизма и ограниченного

патриотизма, – и его «История» есть прекрасный памятник гармонически слиянной в нем любви к человечеству и к Отечеству. А где живет теперь мысль Карамзина, когда только в отрешении от Отечества заключают возможность принадлежать человечеству и, ни во что вменив тысячелетнюю жизнь России, только с самих себя, со своей личности начинают ее новую эру? Наши комики и сатирики ярким смехом озарили многое неразумное в русской жизни; баснописцы, и Крылов во главе их, подражая русской пословице, силою здравого смысла обнаружили не одну в ней бессмыслицу; но много ли с тех пор прибавилось светлого разума и здравого смысла в нашей жизни? Жуковский в своей чистой и целомудренной поэзии возвел идеал красоты душевной до самого возвышенного и ясного образа, уловив его в прекраснейших созданиях поэзии всемирной. Но кто теперь думает о его идеале? Нет писателя, которому современная литература так мало бы сочувствовала, как Жуковскому. Его посмертные четыре тома прошли без отголоска между современниками. Его голубиная целость служит предметом насмешек для тех, которые ее отвергают, предпочитая ей только одну змеиную мудрость. С именем Пушкина срослась для всякого русского идея красоты художественной, как постигал ее и воплощал в русском слове русский художник. Но принялась ли идея Пушкина в нашей литературе? Нет, она встретила даже диких противников, и некоторые приверженцы великого поэта, в новом поколении воспитанные на его произведениях, вменили себе в обязанность взять оружие защиты и рыцарски оборонять память славного русского художника против ограниченного невежества, которое его не понимает. Такой подвиг недавно возобновлен в «Русской беседе» писательницей-женщиной, которая ярким светом великого дарования озарила новый небосклон нашей литературы.

Так мало еще идеи человеческие, возделанные первенствующими нашими писателями, принялись в нашем обществе. Но в чем главная тому причина? Прервано предание. Нить, связующая нас с Древнею Русью, для многих растор-

гнута; порвалась в новейшее время даже и та, которая нас связывала с лучшими деятелями новой.

Цель этого труда – возобновить предание и связать вновь все расторгнутые нити, без которых не может в полноте и свежести развиваться ткань будущей жизни Отечества. История словесности русской должна быть связана с потребностями словесности современной, а ей более, чем когда-нибудь, настоит надобность связать себя с народом и предками и действовать в гармонии всех сфер человеческой жизни, не отвергая ни одной из них и разумея правильным образом их взаимное отношение между собою.

Приближающаяся минута тысячелетия нашей жизни пускай свяжет все заветы прошлого с надеждами на славное будущее Отечества. В минувшем России есть зародыши для полного раскрытия всего человека в человеке русском. Зерно веры глубоко всеяно в сердце народа – и никто оттуда этого зерна не вырвет. В возвышенном слове писателей древних и новых глубоко и основательно раскрыто сознание этой веры. Идеи человеческие были также отчасти разработаны, каждая в свою очередь, и не без взаимного отношения друг ко другу. Все, кажется, у нас готово к полному образованию человеческому. Россия похожа на того витязя наших сказочных преданий, в котором разрозненные части тела вспрыснуты были мертвою водою: они срослись – и ждут теперь воды живой, для полной жизни всего тела.

Дело в том, что надобно начинать со всего вместе. Надобно ожить всем членам духовного тела России во всей их совокупности. Религия, наука, жизнь, искусство, промышленный труд должны идти заодно. Образованию половинному или частному нет более места. Ошибаются те, которые говорят, что для народа довольно ограничиться одним образованием религиозным: и в народе должен быть воспитан весь человек. Еще более ошибаются те, которые, отвечая на потребность современной минуты, хотят ограничиться покамест одним промышленным направлением и проповедуют материализм образования. Те не понимают назначения русского народа,

который с самых первых времен своей жизни выразил потребности духовные. Злоупотребления одностороннего материализма могут принести один только вред в нашем отечестве. В крайнем заблуждении находятся те, которые предполагают возможным какое-то образование без веры или думают заменить веру общую верою личною. Вера есть основа и средоточие жизни духовной; человек без нее – мертвец духом. При ней два неотъемлемых спутника: откровение и предание. Только вера, откровенная и основанная на предании, может служить союзом духовным для людей отдельных и для народа. Вера, лично понятая, только рознит людей, – и те, которые хотят таким образом разуметь ее, сходятся по большей части лишь в одном рушительном безверии.

Пора нам перестать думать, что наука, искусство и все блага жизни общественной должны быть только достоянием привилегированных сословий. Пора тому сословию, которое прибрело эти сокровища в свою собственность, подумать о том, как бы поделиться ими как можно щедрее с теми, которые еще их не вкушали. От литературы нашей мы вправе ожидать теперь таких произведений, которые обнимали бы, как можно обширнее, всю жизнь нашу, роднили бы все сословия в одном общем чувстве изящного и представляли бы пищу человеческую, доступную для всех. Такая общедоступность есть, конечно, первое условие совершенства всякого современного словесного произведения. Но достигнуть его невозможно, не изучив предварительно всего того, что словесность русская в своем историческом развитии предлагает. И здесь всего очевиднее связь нашего труда с современною потребностью. Только тот вполне может удовлетворить словом в настоящую минуту русскому народу, кто, будучи одарен от природы призванием писателя, возобновит в душе своей все сильнейшие минуты жизни русского народа и отзовется на них живым чувством сердца и сознанием ума.

Излагая произведения русского слова в последовательном порядке истории, необходимо будет обращать внимание на связь между ними и тем временем, когда они возникли.

Всякое произведение, более замечательное, непременно носит на себе этот отпечаток: отметить его верно есть обязанность историка. Но не одно временное в произведении достойно изучения: на временной его стороне есть отражение вечного, без которого и та не имеет значения. Великая идея есть плод вечного, а не временного: ее проявление принадлежит веку, но сама она переживает века и народы. Чем выше произведение, тем глубже в нем скрыта идея и тем сильнее выражена. Чем ниже и мельче оно, тем исключительнее принадлежит своему времени и какой-нибудь отдельной его минуте. Словесность, производящая одни современные эфемериды, непитательна для народа и не обещает ни прочной жизни, ни славы своим деятелям.

История словесности не исполнила бы важнейшей половины своей задачи, если бы в произведениях слова отмечала только одни случайные признаки, принадлежащие известной эпохе; нет, ее главная задача состоит в том, чтобы обнаруживать, как вечные идеи, развивающиеся в человечестве, отражались в словесных произведениях какого-либо народа. В наше время историки слишком мало думают об этой задаче: у них сами идеи, как черви, родятся, живут и умирают во времени. Закон мира материального применяется к миру духовному, и история человечества идет параллельно с историей натуральной. Дух во всем противоположен веществу, и законы его явлений не могут быть одинаковы с законами явлений материи. Философия германская, будучи заключительным плодом развития наук естественных, под личиною спиритуализма проповедовала материализм, обнаруживаемый теперь искренно ее верными последователями. Настало время действия для философии русской, и так как она ведет начало свое не из области наук естественных, а из сферы познаний духа, нераздельных с верою, то на ней лежит обязанность и ей предоставлена возможность возвратить права миру духовному и истинное значение тем вечным идеям человечества, которые отдельные народы проявляют в произведениях своего слова. История словесности может в этом отношении подать руку

помощи русской философии и подготовить решение многих задач, предстоящих сей последней.

Изложив те общие мысли, которые будут путеводить нас при совершении нашего труда, перейдем теперь к обозрению руководств, пособий и материалов для истории русской словесности.

Иностранным ученым, действовавшим в России, принадлежит первая мысль о нашей науке. Коль, первый профессор церковной истории и словесных наук, приглашенный в Петербургскую академию наук при самом ее основании, издал в 1729 году «Введение в историю словесности славян», которая преимущественно касалась переводов Священного Писания[1].

Профессор Московского университета Баузе в своем «Слове» 1796 года о том, что Россия древняя была не совсем без просвещения и не пренебрегала словесным учением[2], первый в новом периоде обратил внимание просвещенных русских на Древнюю Русь и на те литературные сокровища, которые нам от нее остались. Блеск реформы Петровой так ослепил глаза русских в новом периоде, что они, признавая древнее свое Отечество совершенно варварским, не могли заметить в нем того, что было. Баузе с кафедры Московского университета обличил этот предрассудок невежества, посягавшего на свое родное. С редкою любовию и знанием он собрал библиотеку древних рукописей, которая вместе со многими другими сокровищами погибла в пожаре 1812 года. Другой профессор

[1] Вот заглавие книги: Introductio in Historiam et rem litterariam Slavorum, imprimis sacram, sive Historia critica versionum Slavonicarum maxime insignium. 1729. Экземпляр этой весьма редкой книжки был найден мною в библиотеке барона Модля близ Мюнхена, в Дахау, и вместе с другими книгами доставлен в библиотеку Московского университета.

[2] Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita. 30-го июня 1796 года. См.: Истор. Моск. унив. Стр. 246; Биографический словарь профессоров Моск. унив. Т. I, стр. 68. В этой речи Баузе предложил разделение истории просвещения России до Петра на три периода: 1) до Владимира Святого включительно, 2) до Иоанна III, 3) до Петра Великого. Это разделение древнего периода принято было г. Гречем в его учебнике «История русской словесности».

того же университета, Буле, как говорит о нем Кеппен, первый почувствовал необходимость собрать подробнейшие сведения об источниках для истории российской словесности и в своей ученой статье, припечатанной к обозрению университетского преподавания 1809 года, но не вышедшей в свет, указал более сорока сочинений, относящихся к этому предмету[1]. Оба эти профессора, с любовью изучавшие в России ее древние памятники, литературные и художественные, много содействовали образованию в лице К. Ф. Калайдовича ученого исследователя русских древностей.

Кеппен, собираясь издавать библиографические листы, в «Материалах для истории просвещения в России» напечатал под № 1 «Обозрение источников для составления истории российской словесности» в 1849 году, составляющее теперь библиографическую редкость. Он указал на 137 таких источников, отечественных и иностранных.

Греч в четвертом томе своей «Учебной книги российской словесности» предложил «Опыт краткой истории русской литературы». Вышло два издания этой книги: первое – в 1822 году полнее, второе – в 1830 году сокращеннее. В первом издании книги для древнего периода автор воспользовался биографиями «Словаря духовных писателей» митрополита Евгения; для второго – биографиями, которые сам автор собрал у многих писателей. Книга Греча довольно долго служила руководством для преподавания истории русской словесности.

В 1839 году профессор Максимович напечатал первую книгу «Истории древней русской словесности». В ней драгоценны «Филологические основания, касающиеся особенностей русского языка сравнительно с другими славянскими наречиями».

Наши славянские соплеменники занимались также историей нашей словесности. Шафарик в свою «Историю

---

1 Prolusio de auctoribus supellectilis literariae Historiam Russicam proxime spectantis a Ioanne Theophilo Buhle. Mosquae. Сюдаже можно отнести его «Versuch einer kritischen literatur der Russischea Geschichte» (Moskwa, 1810). Вышла только первая часть этого сочинения.

славянского языка и литературы»[1], изданную в 1826 году, включил и краткую историю литературы русской. Мицкевич в своих публичных лекциях, читанных в Париже в 1840–1842 годах, изложил с большим сочувствием историю русской поэзии[2].

Перейдем к пособиям. К числу их прежде всего относятся словари писателей. Новиков первый оказал подобную услугу нашей науке своим «Опытом исторического словаря о российских писателях»[3]. Здесь автор соединил писателей духовных и светских. Затем последовал при «Любопытном месяцеслове на 1776 год» опыт краткого исторического словаря многих духовных лиц в России, в том числе и писателей[4]. Митрополит Евгений в журнале «Друг просвещения», выходившем в 1805–1806 годах, помещал словарь писателей духовных и светских и довел его до буквы *Л*[5]. В этом заключался зародыш двух трудов Евгениевых, которые вышли впоследствии. Первым был «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви»[6].

[1] Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, von Paul Ioseph Schaffarik. Ofen. 1826.

[2] Vorlesungen uber slawische Literatur und Zustande. Gehalten im College de France in den Jahren von 1840–1842 von Adam Mickiewicz. Deutsche, mit einer Vorrede des Verfassers versehene Ausgabe. Drei Theile in Banden. Leipzig und Paris. 1843–1844.

[3] Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий, собрал Николай Новиков. СПб., 1772.

[4] Московский любопытный месяцеслов на 1776 год и проч. При Импер. моск. унив., 1776.

[5] Я имею в своей библиотеке экземпляр этого «Словаря» из библиотеки Пл. П. Бекетова под рукописным заглавием «Новый опыт исторического словаря о российских писателях, собранный и изданный трудами преосв. Евгения, епископа Вологодского и Устюжского (что ныне Калужский и Боровский), и помещенный в журнале "Друг просвещения" 1805 и 1806 годов». М. Евгений в предисловии к труду своему говорит, что «Опыт» Новикова был принят с благодарностью от всех снисходительных любителей нашей словесности, а от некоторых строгих и взыскательных Аристархов – с критикой и даже с бранью.

[6] Издание второе: В 2-х ч. СПб., 1827. Первое издание вышло в 1818 году.

Ко второму тому присоединен хронологический список писателей в порядке столетий. С изучения этой книги каждый из нас начинал свои классические занятия историей русской словесности. Второй труд митрополита Евгения, «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранных, писавших в России», остался в рукописи после его смерти и издан был в Москве, в двух томах, в 1845 году; но при ученом употреблении это издание требует поверки в показании фактов и чисел. И. М. Снегирев на основании этого труда предпринял было издание «Словаря русских светских писателей», но, к сожалению, ограничился только первым томом, который заключил буквой Г. Наша публика не поддержала этого последнего издания[1]. Д. Н. Бантыш-Каменский в своем «Словаре достопамятных людей России»[2] поместил несколько биографий наших славных писателей. В Энциклопедическом словаре издания Плюшара находится также несколько биографий[3]. Преосвященный Филарет, идущий в ученых трудах по следам митрополита Евгения, издал в 1857 году в III книге «Ученых записок Второго отделения Академии наук» «Обзор русской духовной литературы (862–1720)» – книгу настольную для всякого, занимающегося историей русской словесности, особенно древнего ее периода. Зародыш этого труда можно видеть в «Хронологическом указании» П. М. Строева, которое, как результат его археологических странствий по России, было напечатано в 1837 году[4]. Частным пособием могут служить также «Биографический словарь профессоров

[1] Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, приехавших в Россию, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением. Издание второе. Снегирева. Том I. От А до Г. М., 1838.

[2] Словарь достопамятных людей Русской земли, составл. Дм. Бантыш-Каменским. Москва, 1836. 5 томов; СПб., 1847. 3 части. – Всего 8 томов.

[3] Энциклопедический словарь. 17 томов. 1835–1839. А – Диод.

[4] Журн. Минист. нар. просв. 1834. Февраль. Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения до начала XVIII столетия (П. М. Строева).

Московского университета» и его «История», изданные к его столетнему юбилею[1].

К пособиям следует также отнести «Историю Русской Церкви» преосвященного Филарета, в пяти частях, и «Историю Русской Церкви» преосвященного Макария в трех частях, доведенную до нашествия монголов. Отдельные монографии наших специалистов-филологов будут приводимы в свое время, каждая на своем месте, куда относится.

В собирании материалов для нашего предмета первую услугу оказал также Новиков своей «Древней российской вивлиофикой»[2]. В «Истории российской иерархии»[3], изданной Амвросием, напечатаны также многие материалы для древней словесности. Незабвенны имена Калайдовича и графа Румянцева в нашем деле: «Собрание государственных грамот и договоров», Иоанн, экзарх Болгарский, «Памятники русской словесности XII века» и «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым» были изданы трудами первого и на иждивении второго.

В новое время правительство изданиями Археографической экспедиции и комиссии обогатило науку. Сюда относятся: «Акты, собранные Археографической экспедицией» в четырех томах; «Акты исторические с дополнениями к ним»

---

1 В числе частных пособий к истории русской словесности следует указать еще на сочинение Н. В. Сушкова «Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и дружеского общества» (Москва, 1858). Здесь можно найти множество биографических и литературных подробностей касательно жизни и деятельности писателей, которые воспитывались в Университетском пансионе.

К числу таких же пособий можно отнести труд г. Старчевского «Очерк литературы русской истории до Карамзина» (СПб., 1845).

2 Древняя российская вивлиофика, изд. Новиковым. Первое издание, в десяти частях, вышло в 1773–1775 годах; второе, в двадцати, – в 1788–1789 годах. Продолжение «Древней российской вивлиофики» издано Академией наук в одиннадцати частях в 1788–1801 годах.

3 История российской иерархии, собранная Новогородской семинарии ритором и богословия учителем, Антониева монастыря архимандритом Амвросием. 6 томов. М., 1810–1815.

в одиннадцати томах; «Полное собрание русских летописей» в семи томах[1].

Затем следуют труды ученых обществ. Московское общество истории и древностей российских в этом деле показало первый пример. «Русские достопамятности», изданные в одном томе под редакцией Тимковского, «Сборник исторический» в семи томах – при секретаре Погодине, «Чтения» того же Общества с 1845 года при секретаре Бодянском, «Временник» в числе 25 томов – при секретаре Беляеве, и «Чтения», возобновленные в последнее время при секретаре Бодянском, представляют богатое собрание материалов.

Второе отделение Императорской академии наук, образовавшееся из Российской академии, с 1849 года предприняло издавать свои «Известия», которых вышло семь томов, и «Ученые записки», напечатанные в числе пяти книг. Сюда же относятся «Исторические чтения о языке и словесности» в двух книгах и «Памятники великорусского наречия», изданные тем же отделением. С благодарностью мы должны упомянуть имя двигателя этих трудов, И. И. Срезневского.

Духовные академии в Москве, в Петербурге и в Казани собрали и издали для изучения древней русской словесности значительное количество материалов. В «Прибавлениях к творениям св. отцов», издаваемых Московской духовной академией, напечатаны были новооткрытые творения св. Илариона, Серапиона, св. Алексея митрополита и многие отдельные монографии о деятелях древнего периода. В «Христианском чтении», которое издается при С.-Петербургской духовной академии, мы в первый раз познакомились с писаниями Иакова Мниха. Казанская духовная академия изданием «Православного собеседника» приносит также великую услугу нашему делу. Здесь уже, сверх многого отрывочного, напечатаны «Молитвы» св.

[1] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией И. Академии наук. СПб., 1836. Четыре тома, с алфавитным указателем. – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841–1842. Пять томов, к ним алфавитный указатель. Дополнения к ним в шести томах. 1846–1857. – Полное собрание русских летописей. Семь томов. СПб., 1846– 1857.

Кирилла Туровского, «Просветитель» св. Иосифа Волоцкого и печатаются все сочинения Максима Грека[1].

Нам недостает теперь систематического, в хронологическом порядке расположенного, издания древних памятников русской словесности, а то, что до сих пор было открыто и издано, заставляет желать такого издания от современной науки.

Во многих журналах русских печатаемы были также драгоценные материалы как для древнего, так и для нового периода истории русской словесности. «Москвитянин» (1841–1856) в этом отношении имеет первенство перед прочими. «Журнал Министерства народного просвещения» изобиловал также ими, особливо в прежнее время. В новое время «Русская беседа» открывает свои страницы для памятников древней литературы. «Библиографические записки» посвящены исключительно памятникам литературы новой и содержат много драгоценного. Жаль будет, если публика своим вниманием не поддержит такого полезного издания.

Материалы для истории русской словесности хранятся в наших библиотеках. История русских книгохранилищ с полным статистическим описанием их современного состояния принадлежит к числу первых потребностей нашей науки. Мы попытаемся хотя отчасти предложить то, что было нами собрано.

Учреждение и умножение библиотек были у нас плодом попечений православной нашей Церкви, мудрых государей наших и, в новое время, ревнителей отечественной старины и просвещения. Вера христианская имеет то преимущество перед другими верами, что она есть вера грамотная. С крещением Христовым приняли мы вместе письмена и книги. Книга лежит у нас на престоле храма Божия; вынося книгу из алтаря, возвещает ею священнослужитель проповедь Христову, исшедшую в мир. Наше православное исповедание имеет то

[1] Творения св. отцов в русском переводе с прибавлениями духовного содержания издаются при Московской духовной академии с 1843 года. – «Христианское чтение» при Санкт-Петербургской духовной академии – с 1821 года. – «Православный собеседник» при Казанской духовной академии – с 1855 года

преимущество перед другими, что передает нам веру на языке, не совсем народном, но для нас понятном, на языке нашего родного племени, потому все первые упоминания в летописях о введении к нам христианской веры можно принять за свидетельства о распространении в народе нашем книжного просвещения. Византия, особенно Болгария и Сербия, святая гора Афонская снабжали нас беспрерывно книгами, мужами учеными и писцами.

Первая библиотека, по всему вероятию, была у нас основана при Софийском соборе, в подражание той, которая находилась при Софийском соборе в Константинополе и в которой одним из библиотекарей был св. Кирилл, первоучитель славянской грамоты. Подобная же библиотека основана была и при Новгородской Софии: она была умножаема новгородскими архиепископами и теперь еще сохранилась. Так, и при московском Успенском соборе учредил библиотеку, вероятно, митрополит Петр, а потом возобновил митрополит Макарий.

Основатели монастырей прилагали попечение об учреждении при них библиотек. Св. Феодосий, основатель Киево-Печерского монастыря, держал в келье своей инока Илариона, который днем и ночью переписывал книги, а сам игумен в свободное время плел веревки для переплетов книжных. Монастырь Св. Григория Богослова в Ростове, нарицаемый *в затворе*, уже в XIII веке славился своим книжным просвещением и имел обширную библиотеку. Все сокровище Кирилла Белозерского, когда он из Москвы пришел в Белозерскую область на Сиверское озеро для основания обители, состояло в малом числе *книжиц*. Оно после возросло в большую библиотеку трудами иноков обители. Св. Иосиф Волоколамский положил также начало обширному книгохранилищу при обители, им основанной. Во времена разгромов татарских, когда татары истребляли книжные наши сокровища, митрополит Киприан, видя их оскудение, вывез в XIV веке из Царьграда и из своего отечества, Болгарии, многие книги, которые и в древние времена известны были у нас под именем киприа-

новских. Летопись XIV века упоминает о русских, живших в Царьграде, которые занимались списыванием книг.

Из надписания некоторых древних рукописей в библиотеках монастырских мы видим, что они переписаны были на горе Афонской, по заказу русских иноков. В обителях русских монахи постоянно занимались книжным делом; имена многих подобных тружеников остались на рукописях, ими списанных. Искавшие пострижения иногда вместо вклада приносили в обитель книги: так, Патриарх Никон, желая вступить в Кожеезерскую обитель, мог только внести в нее книги.

Из государей летопись прежде всех славит великого князя Ярослава, сына Владимира Святого. Он, по выражению летописи, «собра писцы многи, прекладаше от грек в славянское писмя, и списаша книгы многы... многы написав положи в церкви святой Софьи». С особенным благоговением выражается Нестор об этом великом князе, говоря, что отец его взорал и умягчил, а он насеял книжными словами сердца верных людей, и мы пожинаем учение книжное. Летописец сам, своим трудом был обязан этому книжному воспитанию. Примеру Ярослава последовал сын его, Святослав Ярославич. Память его не совсем чиста в истории тем, что он из честолюбия свергнул старшего брата своего Изяслава с Киевского престола; но он старался загладить этот проступок любовью к монастырям и книгам. На его имя переписан известный «Изборник» 1073 года, первоначально писанный для Симеона, царя Болгарского. К нему отнесены слова этого сборника, что Святослав клети свои наполнил божественными книгами. Внук его, Николай Святоша, князь Черниговский, инок Киево-Печерской обители, одарил ее многими рукописями, память о которых сохранил епископ Симон в Киевском патерике. Константин Всеволодович мудрый, великий князь Ростовский, собирал дела древних князей, то есть имел богатую библиотеку летописцев. Владимир Василькович, князь Волынский, многострадальный Иов России в ту эпоху, когда она страдала сама от монголов, одарил многие обители и церкви книгами; из них некоторые он сам переписал своею рукою.

Василий IV Иоаннович, сын Иоанна III, нашел такое богатое книжное сокровище, доставшееся ему от его предков, что счел занужное для разбора его пригласить ученого из Греции. Тогда явился к нам, с благословения царьградского Патриарха, из затворов Афонской горы Максим Грек, который изумился множеству книг греческих, еврейских, латинских и славянских в великокняжеской библиотеке. Иоанн Грозный показывал ту же библиотеку лютеранскому пастору Веттерману, который составил ей каталог, найденный профессором Дабеловым в архивах Дерпта и Пернау. Эти сокровища вошли, конечно, в теперешнюю Синодальную библиотеку. Царь Михаил Феодорович имел мысль составить государственную библиотеку из дубликатов и трипликатов всех монастырских библиотек. При царе Алексее Михайловиче, по мысли Патриарха Никона, привезено с Востока Арсением Сухановым 700 греческих и славянских рукописей, которые также вошли в состав библиотеки Синодальной.

Петр Великий, будучи еще двенадцатилетним отроком, выразил гнев свой Патриарху за то, что нашел библиотеку его в беспорядке, и поручил наставнику своему, Зотову, привести ее в порядок и хранить за царскою печатью. В 1716 году в Кенигсберге Петр отыскал в Радзивилловской библиотеке список Несторовой летописи, известный под именем Кенигсбергского, приказал его переписать и привез копию с него, как сокровище, в свое Отечество.

При академиях духовных и светских, при семинариях, при университетах основаны были библиотеки. По мысли Екатерины II получила свое начало библиотека Эрмитажа. В 1814 году января второго открыта в С.-Петербурге Императорская публичная библиотека. Ее преобразование и умножение в новое время принадлежит к числу именитых дел прошедшего царствования; исполнение его есть достойный подвиг барона М. А. Корфа. В 1828 году Академия наук, по мысли президента своего графа С. С. Уварова, снарядила Археографическую экспедицию, которая поручена была академикам Строеву и Бередникову, и осмотрела в гу-

берниях одной Северной России около двухсот библиотек и архивов. Нельзя не пожалеть о том, что мысль составить Библиологический словарь, или Указатель всех сочинений и переводов, известных в литературе нашей до начала XVIII столетия, не была приведена в исполнение, а этот Словарь долженствовал служить ключом к хранилищам рукописных пособий отечественной словесности. В прошедшее же царствование, по мысли другого просвещенного деятеля, графа Н. А. Протасова, определено было составить подробное описание всех церковных древностей по епархиям, в том числе и библиотек. Богатые плоды этого предприятия мы видим уже теперь. Учреждение библиотек по городам губернским и уездным вместе с изданием губернских ведомостей принадлежит к числу плодотворных мыслей того же времени. В Новое время эта мысль двинута с особенною силою – и до́лжно ожидать ее богатого исполнения, судя по той потребности, которая возбуждена почти во всех сословиях русского общества. Нельзя при этом не выразить сожаления, что Москва до сих пор не имеет публичной библиотеки. Учреждение ее было постоянною и любимою мыслью незабвенного градоначальника ее, князя Д. В. Голицына. Князь был готов положить в основание этой библиотеке свою собственную, которая находилась в селе Вяземах, и уверен был, что многие владельцы библиотек, остающихся в их именьях без всякого употребления, последуют его примеру.

Но его останавливали средства в исполнении прекрасной мысли: «В Москве, – говорил он, – все должно быть колоссально, все должно соответствовать государству и его древней столице. Библиотеку небольшую можно устроить сейчас, но на библиотеку, достойную Москвы, надобны большие средства».

В древние времена наши предки любили и уважали чтение книжное. Еще в XI веке Нестор Летописец так выражался о книгах: «Велика бо бывает полза от ученья книжного: книгами бо кажеми[1] и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных; се бо суть рекы,

[1] То есть наставляемы.

напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости; книгам бо есть неисчетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы, си суть узда въздержанью... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книга часто чтет, то беседует с Богом, или святыми мужи; почитая пророческыя беседы, и евангельская ученья и апостолская, житья святых отец, въспримлет душа велику ползу». В «Пчеле», одном из любимейших сборников Древней Руси, читаем о книгах: «Ум без книг аки птица опешена: якож она възлетети не может, такоже и ум не домыслится съвершена разума без книг. Свет дневный есть слово книжное, егож лишився безумной, акы в тме ходит и погыбнет в векы». В древних сборниках нередко встречаем слова, выбранные из творений отцов Церкви, о почитании книжном.

Конечно, любовь к чтению книг принадлежала по преимуществу духовному сословию, стоявшему во главе народного просвещения; но его не чуждались и другие, не только поставленные высоко в гражданском быту, но и самые низшие. Это можно видеть из надписаний на многих древних рукописях, которые принадлежали простолюдинам, и из даров, какие приносимы были людьми высокого сана и простыми. Так, в описи книг Троицкой Лавры значится, что книгу Григория Богослова дал боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский, и тут же рядом книгу Козьмы Индикоплова в лицах дал вкладу из овечинного ряду торговый человек Фома; «Правило Св. Отец» дал суздальский архиепископ Иосиф, а книги: Дионисий Ареопагит, «Шестоднев» Василия Великого и Козьма Индикоплов – слуга Алексей Тихонов. В одном из поучений о чтении книжном встречается мысль, что книги гораздо нужнее для людей, живущих в міре, нежели для чернецов, потому что «чернецы, убежав мирских мятежей и сидя в затишии, *много утвержения приемлют*, а мы, живучи в великом мятеже и в буре сего міра, творя много грехов, более нуждаемся в частом чтении святых книг, чтобы ими отгонять печали и искать путей спасения: вода, каплющая по капле, пробивает и камень, а книги, часто читаемые, наводят

на истинный путь и разрешают от уз греховных». «Кто без книги мудрствует, – говорит другое поучение, – тот подобен оплоту, без подпоры стоящему: пахнёт на него греховный ветер, и падет он, не имея подпоры в словах книжных». Древнее поучение не забыло и безграмотных: «Не умеешь читать, *прилепися* туда, где можно слышать и пользоваться. Увидишь мужа разумного, *утреннюй* к нему, и ступенями двери его да входит нога твоя».

Правда, что древние русские люди при чтении книжном имели в виду одну только цель: пользу души и ее спасение. Вот почему они ограничивались Священным Писанием и теми творениями, в которых оно объясняется. Было в обычае читать Евангелие всякой день. Псалтирь предки наши знали наизусть: она была их настольною книгою. Притчи, Премудрость, Экклезиаст Соломона и Премудрость Иисуса, сына Сирахова, своим поучительным и практическим характером приходились особенно по вкусу народа и проникли в его пословицы. В Прологах и в Четьях-минеях мы находим, кроме житий святых, празднуемых Церковью, поучения на всякий день, заимствованные у отцов Церкви, поучения успокоительные, глубокомысленные, способные руководить жизнь, направить ее на всякие добрые дела и утвердить человека среди бурь и волн житейского моря. К Древней Руси можно отнести слова, которые читаем в конце одного старинного свитка: «Аще кто ти речет, веси ли всю философию? – и тыж ему рцы: эллинских борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывах; учуся книгам благодатного закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех». В этой односторонности душевных занятий древнего русского человека при книжном чтении заключались и достоинство его и недостаток.

Но, по охоте к чтению, стали вторгаться в круг книг славянских от самого начала славянской грамоты такие книги, которые или искажали веру лжеучениями, или плодили суеверия в народе. Весьма рано пастыри Церкви начали заботиться о том, чтобы поставить преграду распространению

подобных книг, и положили Правило о книгах истинных и ложных. У нас в первый раз встречается оно в Киприановском требнике XIV века и, вероятно, привезено было митрополитом Киприаном из Болгарии, где книжное чтение было тогда распространено более, чем в России, и где ложные книги были в большем ходу, чем у нас. Позднее это же самое Правило переписывалось с разными дополнениями и даже было напечатано в сборнике 1644 года, известном под именем Кирилловой книги.

Книги Священного Писания любили читать наши предки с толкованием: таковы толковые Евангелие, Апостол, Псалтирь, Апокалипсис. После Св. Писания любимыми книгами для чтения домашнего были паремейники, сборники, выбранные из творений св. отцов, каковы «Златоуст», «Златоструй», «Маргарит», «Андриатис», из творений св. Иоанна Златоуста, который был любимым писателем русского народа во времена древние[1]. Далее следуют «Измарагд» – сборник, составленный из сочинений разных отцов Церкви, «Пчела», собрание изречений мудрецов языческих, библейских и отеческих, «Златая чепь», «Златая матица» и «Бисер». Торжественники, или собрания похвальных слов на праздники Господские и Богородичные и на дни некоторых святых, принадлежат также сюда. Патерики: Египетский, Иерусалимский, Синайский, Афонский, Киевский, жития святых Вселенской Церкви и русских входит также в круг народного чтения[2]. Слова в дни недельные всего года и на все праздники находились при храмах сел, принадлежавших монастырям, и, конечно, читаемы были священниками приходу в дни соот-

[1] Инок Силуан, сотрудник Максима Грека, переводя с греческого беседы св. Иоанна Златоустого на Евангелие от Матфея, так говорит в предисловии, обращаясь ко всему русскому народу: «Ты же... русский московский народ, грядите стецитеся к присноживотному сему из рая разумного исходящему Нилу, и почерпите с веселием воду бесмертия, и пейте от нея вси и главы и руце помазуйте: се бо есть пиршество, его же вем *яко любите златого языком и медоточного устнами Иоанна*...»). Опис. Слав. ркп. Моск. Синод. библ. Отд. 2. Стр. 118.

[2] О чтении книг (о *почитании книжном*) в древние времена России. Правосл. собеседник. Казань. 1858. Июнь и июль.

ветственные[1]. Огромное количество сборников, чрезвычайно умно составленных, показывает охоту в древних русских людях к составлению душеполезных книг для народного чтения. Сборники, конечно, не употреблялись в храмах, а служили только для чтения. Иногда над такими сборниками трудились сановные мужи Церкви: так, Даниил митрополит, сложив с себя сан митрополичий, в монастыре Иосифа Волоцкого, откуда вышел и на митрополию, составил свой превосходный «Главник», писанный, вероятно, его же рукою и украшающий библиотеку монастырскую.

Судя по всем данным, и в древние времена в ревнителях книжного дела и в собирателях книг недостатка не было. Но, по безличному характеру всей нашей древней Руси, по скромности и смирению наших предков, имена их не сохранились. Ближе к новому периоду, в царствование царей Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича, мы можем указать на бояр Феодора Михайловича Ртищева и Артамона Сергеевича Матвеева, из которых последний в своем пустозерском заточении, не имея книг около себя, в письма к Патриарху вставлял по памяти целые отрывки из Иоанна Златоуста. К ним можно присоединить несколько позднее знаменитого библиографа Сильвестра Медведева, который владел обширною библиотекою и еще в древние времена положил ученые основания для «Славянорусской библиографии»; но о нем мы будем говорить позднее.

В Новое время, начиная от Петра Великого, имена знаменитых собирателей рукописей и печатных книг, относящихся до славянорусской словесности, уже становятся известнее. Мы можем поименовать их. Вот они: Новиков, Селакадзев, Демидов, профессор Баузе, граф Мусин-Пушкин, книгопродавцы Сопиков и Плавильщиков, Еропкин, канцлер граф Румянцев,

[1] Так, в библиотеке Иосифова монастыря находятся два подобных сборника, которые некогда принадлежали селам, лежащим близ обители: Шестакову и Белову. В первом за № 434 находится вместе со «Словами» Иоанна Златоуста и творение Нила Сорского о осьми помыслах; во втором, за № 525, за «Словами» Иоанна Златоуста и других отцов Церкви следуют слова Кирилла Туровского. Эти книги, вероятно, были вкладом от обители и возвратились к ней, когда села отошли от монастырей.

граф Толстой, книгопродавцы Смирдин и Ширяев, Лаптев, Кастерин, Яковлев, Царской, Погодин, Чертков, князь Оболенский, граф Уваров, Ундольский, Лобков, Полторацкий, Соболевский, Лонгинов, Геннади[1].

Прежде чем приступить к обозрению замечательных книгохранилищ государственных, общественных и частных, относящихся к нашему предмету и находящихся в России, мы укажем на участь тех, которые прежде существовали.

Начнем с книгохранилищ монастырских, как древнейших. При Патриархе Никоне, когда приступили к исправлению богослужебных книг, вытребовали из Разряда опись книг, какие находились в монастырях того времени. Она существует рукописная в Московской синодальной библиотеке и была напечатана[2]. Здесь обозначены книги 39 монастырей, из которых весьма немногие сохранили до нашего времени свои библиотеки. Эта опись может свидетельствовать, сколько книгохранилищ монастырских с тех пор исчезло. В «Описании Румянцевского музеума» находим «Описание рукописям Звенигородского Саввы Сторожевского монастыря», составленное в 1818 году на шести листах в четвертку[3], судя по нумерам которого, находилось в монастырской библиотеке более 200 рукописей. В 1843 году я посетил этот монастырь и не нашел в нем ни одной уже рукописи. В частных библиотеках весьма часто встречаете рукописи с надписями, из которых видно, что они принадлежали некогда русским обителям. Такому книжному опустошению положит, конечно, преграду описание всех епархий Русской Церкви, предпринятое правительством. В 1847 году я совершил поездку в Кирилло-Белозерский монастырь и нашел библиотеку в совершенном беспорядке, с голословной описью, означавшей число рукописей и не более. В 1856 году я посетил Иосифов Волоколамский

1 В числе собирателей рукописей и печатных книг должны быть поименованы Хлебниковы – отец Петр Кириллович и сын его Николай Петрович.

2 В. М. Ундольским в «Чтениях Общ. ист. и древн. росс.» (1848. Год третий. № 6).

3 № 219.

монастырь с целью изучения его библиотеки и нашел уже весьма основательный, подробный каталог, составленный по правилам ученой библиографии, который облегчал мне возможность пользоваться всеми сокровищами библиотеки. Такие каталоги уже, конечно, существуют теперь для всех библиотек духовного ведомства. Они окончательно обезопасят существование государственных книгохранилищ от прежних похищений и дадут возможность русским ученым пользоваться ими; но для сей последней цели необходимо, чтобы эти каталоги были напечатаны.

Перейдем к участи других библиотек. Новиковская своими сокровищами была известна в свое время за границею, как свидетельствовал друг его, профессор Шварц. О библиотеке Селакадзева упоминают многие, между прочим и Державин в издании мнимого славянорусского стихотворения I века, из которого видно, что в ней было не без подлогов. Участь, ее постигшая, также неизвестна. Селакадзев получил в нашей библиографии печальную известность поддельщика фальшивых подписей на древних рукописях[1]. Библиотеки Демидова, профессора Баузе, графа Мусина-Пушкина погибли вместе с библиотекою Московского университета и со многими другими в пожаре 1812 года. Библиотеки Павла Григорьевича Демидова сохранился только печатный каталог, изданный профессором Фишером в 1806 году. Каталог русских книг с ученым к нему предисловием перепечатан известным нашим библиографом В. М. Ундольским[2]. Библиотека Баузе частью сгорела, частью была разграблена, потому что случалось иногда и мне встречать рукописи и старопечатные книги с его надписью. Сопиков имел у себя ее каталог. Незаменима утрата библиотеки графа Мусина-Пушкина. Пользуясь властью обер-прокурора Синода, граф собирал из монастырей в свою библиотеку многие драгоценные рукописи, которые все погибли, и в том числе славный сборник, где находился единственный рукописный экземпляр «Слова о полку Игореве».

1 См.: Отчет И. публичной библиотеки за 1852 год. СПб., 1858. Стр. 27.

2 Чтения Общ. ист. 1846. № 2.

Памятником библиотеки Сопикова остался его «Опыт российской библиографии», доведенный до 1813 года: труд, подобного которому мы еще не имеем. Куда делась библиотека Сопикова, мы не знаем. Библиотека книгопродавца Плавильщикова оставила по себе также «Роспись», расположенную систематическим порядком и снабженную алфавитным указателем[1]. Она послужила, кажется, основанием для библиотеки Смирдина, а «Роспись» – к составлению обширной его «Росписи» в четырех частях, труду превосходному, которому желательно бы было найти продолжателей в современных нам книгопродавцах[2]. Но самая библиотека Смирдина, конечно, полнейшая из всех частных для истории нового периода русской словесности, была продана с аукциона, к крайнему прискорбию всех друзей науки и отечественной словесности.

О библиотеке надворного советника Еропкина извещает нас Сопиков, владевший ее каталогом. Библиотека канцлера графа Николая Петровича Румянцева, как часть Румянцевского музеума, по завещанию самого основателя из частной собственности сделалась государственною. Она снабжена образцовым каталогом, который совершен был по воле завещателя и на его иждивении нашим первым филологом Востоковым и напечатан в 1842 году под заглавием: «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума». Библиотека графа Федора Андреевича Толстого была приобретена правительством и вошла в состав Императорской публичной. Памятником попечения владельца о своем книгохранилище остался печатный каталог, составленный весьма подробно и изданный с палеографическими снимками двумя нашими славными археологами, К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строе-

[1] Роспись российским книгам для чтении из библиотеки В. Плавильщикова, систематическим порядком расположенная: В 3 частях. СПб., 1820, с прибавлением 1821 года.

[2] Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная: В 4 частях с приложением Азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков и Краткой росписи книгам, по азбучному порядку. СПб., 1828, с прибавлением 1829 года.

вым[1]. Библиотека книгопродавца Ширяева состояла из старопечатных книг и была также приобретена правительством. Каталог ее был издан владельцем при его жизни[2]. Библиотека Лаптева была продана с аукциона в Петербурге в 1841 году; многие сокровища перешли из нее в Погодинское древлехранилище. Иван Никитич Царский имел две библиотеки: рукописей и старопечатных книг. Обе снабжены были учеными каталогами, которые составил и издал на иждивении владельца П. М. Строев[3]. Библиотека рукописей приобретена была графом А. С. Уваровым и вошла, как главная часть, в состав его обширного книгохранилища; библиотека старопечатных книг осталась собственностью наследников покойного собирателя. Библиотека М. П. Погодина, часть его обширного древлехранилища, которое было плодом многолетнего собирания и трудов, приобретена правительством и вошла в состав Императорской публичной библиотеки, равно как и библиотека Кастерина. Об участи библиотеки Яковлева, упоминаемой Сахаровым, мы не знаем.

Приступая к обозрению замечательных библиотек русской словесности, в которых хранятся материалы для истории ее древнего и нового периода, мы должны наперед сказать, что только та библиотека может быть вполне доступна к ученому употреблению и служить истинным материалом для науки, которая имеет каталог подробный, составленный по

[1] Обстоятельное описание славянороссийских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Федора Андреевича Толстого. Издали К. Калайдович и П. Строев. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С двумя прибавлениями, изданными П. М. Строевым.

[2] Реестр старопечатных славянских книг, находящихся в библиотеке А. С. Ширяева. М., 1833.

[3] Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. Разобраны и описаны Павлом Строевым. М., 1848; Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке И. Н. Царского. Издал Павел Строев, с 12 гравированными изображениями шрифтов. М., 1836; Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке графа Ф. А. Толстого. Издал Павел Строев с 24 гравированными изображениями шрифтов. Москва, 1829.

правилам библиографии и напечатанный. Таких библиотек у нас весьма немного. Можно сказать даже, что один только Румянцевский музеум составляет в этом отношении яркое классическое исключение.

Библиотеки мы разделим на государственные и общественные, то есть принадлежащие ученым обществам, в столицах, городах и монастырях, и частные, принадлежащие лицам.

Начнем с Москвы.

1) *Библиотека Синодальная*, бывшая Патриаршая. Основание ей положено митрополитами Московскими. Известно, что митрополит Киприан вывез с собою из Царьграда и своего отечества, Болгарии, многие рукописи славянские. Карамзин полагал, что еще при Иоанне III мы получили много рукописей греческих через греков, приехавших с Софиею Фоминишною Палеолог. Не вошли ли в библиотеку Патриаршую и те книжные сокровища, для описания которых Василий, сын Иоанна III, вызвал с Афонской горы Максима Грека, и которые Иоанн Грозный показывал лютеранскому пастору Веттерману?[1] Библиотека обогащалась при патриархах книгами из монастырей. Особенно обогатилась она при Патриархе Никоне его собственными вкладами, деятельностью ученого грека Арсения, призванного Никоном в помощники справщика книг на печатном дворе, книгами, вытребованными от обителей для исправления книжного, и семьюстами рукописей, которые иеромонах Арсений Суханов, отправленный на Восток еще Патриархом Иосифом, привез при Никоне с Афона и из других мест. Помета Арсения и надписания афонских архимандритов свидетельствуют о приношениях Святой горы. Бывало и то, что рукописи, посланные из Москвы в дар Афону, возвращались снова в Мо-

[1] См. статью проф. Клоссиуса в «Журн. Минист. нар. просвещ» (1834. Июнь) «Библиотека Великого князя Василия (IV) Иоанновича и царя Иоанна (IV) Васильевича. Проф. Клоссиус сомневается, чтобы эта библиотека могла перейти в Патриаршую. Список книг, принадлежавших библиотеке Царя Московского, сделанный дерптским пастором, был найден в документах дерптских и перновских профессором Дабеловым.

скву[1]. Патриархи заботами своими продолжали обогащать свою библиотеку до тех пор, пока, по уничтожении патриаршества в 1721 году, она не поступила в ведение Святейшего синода и с тех пор уже называется Синодальною. Описания библиотеки, находящиеся в ней самой, принадлежат к 1696, 1701, 1702, 1708, 1709 и 1771–72 годам.

Первый трудившийся над составлением каталога греческих книг этой библиотеки, был гамбургский уроженец Шумахер. Знаменитый Вольф в своих письмах к Лакрозу в 1725 году упоминает об этом труде. В прежнем каталоге рукописей библиотеки Академии наук значился под № 68 «Каталог книгам греческим харатейным и печатным, находящимся в ризнице Патриаршей 1718 года». Первое печатное описание рукописей греческих этой библиотеки принадлежит ученому греку Афанасию Скиаде и было напечатано при Петре Великом, в 1723 году, на латинском и русском языках, в двух частях, из которых первая содержит описание 50, а вторая – 304 рукописей[2]. По повелению императрицы Екатерины II и по поручению Крутицкого епископа Самуила Миславского трудился над составлением каталога греческих рукописей профессор Московского университета Маттеи, и после первого краткого указателя, изданного в 1780 году, в 1805 году напечатал в Лейпциге полный ученый каталог[3]. Известно, что Маттеи открыл в рукописных сокровищах этой библиотеки один из древнейших гимнов Гомеровых, гимн Церер, изданный в Германии Рункением. Карамзин в Дрезденской библиотеке видел древнюю рукопись одной Еврипидовой

[1] Таково «Толкование на 16 пророков» – рукопись, которую боярин воевода Михаил Яковлевич Морозов в 1556 году пожертвовал Хиландарскому монастырю на Афоне, а Арсений Суханов вывез опять в Москву.

[2] Catalogi duo codicum manuscriptorum Graecorum in Bibliotheca Synodali Mosquensi.

[3] Accurate Codicum Graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio, edita a Chr. Frid. Matthaei. Lipsiae, 1805 an. In 8. В I томе описаны греческие рукописи, числом 401, собственно Синодальной библиотеки, а во 2-м – 101 рукопись Московской синодальной тилографии.

трагедии с пометою Синодальной библиотеки – рукопись, которую Маттеи продал за 1500 талеров.

Иностранные ученые описывали только греческие рукописи Синодальной библиотеки; но славянские оставались долго без описания. Бывший библиотекарь и ризничий синодальный, архимандрит Евстафий, составил каталог, довольно подробный, с описанием содержания каждой рукописи: я с признательностью пользовался им, когда начал свои первые занятия в библиотеке. С 1849 года, по мысли московского митрополита Филарета, утвержденной Святейшим синодом, трудятся над составлением ученого описания этих книжных сокровищ профессоры Горский и Невоструев. Уже вышло два тома: в первом описаны рукописи, содержащие Священное Писание (числом 53); во втором – те, которые объемлют толкование Священного Писания (также в числе 53)[1]. Но это не каталог, а ученое исследование над каждой из этих рукописей, отчасти в библиографическом и отчасти в филологическом отношениях. В тех размерах, какие даны описанию, оно скоро не может быть приведено к желанному окончанию. Каталог подробный все-таки остается необходимым для ученого пользования библиотекой, а любопытные и многополезные исследования ученых могли бы быть изданы и позднее.

В ожидании подробного каталога мы можем пока руководствоваться указателем, который издан был архимандритом Саввою в первый раз в 1855 году, а в 1858-м вышел вторым изданием[2]. Здесь находим краткую историю книгохранилища, составленную по вновь отысканным источникам в Московском архиве иностранных дел, и два указателя греческих и славянских рукописей, расположенных в азбучном порядке.

По каталогу 1823 года в библиотеке сохраняется теперь рукописей греческих 467, в том числе 242, писанных на пер-

[1] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел первый. Священное Писание. М., 1855; Отдел второй. Писания святых отцов и толкование Священного Писания. М., 1857.

[2] Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки, составлен синодальным ризничим архимандритом Саввою. Издание второе, значительно дополненное. М., 1858.

гамене, и 21 на бомбицине (то есть хлопчатой бумаге); славянорусских – 956; между ними 96 пергаменных и 20 бомбицинных; жалованных и других грамот и писем по прежнему каталогу считалось 303. Евангелия греческие восходят к VII и VIII векам; писания святых отцев – к IX, X и XI. Ученые английские, издатели творений Иоанна Златоуста на греческом языке, прибегали к Синодальной библиотеке; отрывки из ее рукописей были доставляемы им профессорами Московской семинарии Кирьяковым, Лебедевым, Нечаевым. Эти рукописи могут служить превосходными подлинниками для поверки тех переводов, которые совершены были с творений отеческих славянскими переводчиками во времена древние.

Из рукописей, обозначенных годами, к XI веку относится известный «Изборник» Святославов 1073 года, перенесенный сюда в 1834 году из Воскресенского монастыря; к XII веку – две пергаменные рукописи, из которых особенно замечательно Евангелие 1143 года; к XIII веку – шесть пергаменных; заметим между ними «Апостол толковый» 1220 года, «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского, 1263 года, Псалтирь и «Пандекты» Никона Черногорца 1296 года; к XIV веку – 16 рукописей, из которых пять Евангелий *апракос* (1307–1358) и шестое *тетр* 1383 года, Апостол 1307 и 1309–1312 годов, «Летопись» Константина Манассии 1345 года, Хронограф Георгия Амартола 1386 года; к XV веку – 22 рукописи: из них особенно замечательны другой список «Изборника» Святославова 1403 года, Олимпиодора толкование на Иова 1412 года и полный список Библии 1499 года, составленный архиепископом Новгородским Геннадием; к XVI веку – 23 рукописи, к XVII – 40, к XVIII – 16.

Последнее великое приобретение Синодальной библиотеки составляют Великие Четьи-минеи митрополита Макария, рукопись 1553 года, 12 огромных фолиантов, перенесенные из ризницы московского Успенского собора[1].

[1] Оглавление Четий-миней всероссийского митрополита Макария, хранящихся в московском Успенском соборе, составленное справщиком монахом Евфимием, со введением д. ч. В. Ундольского. Чт. общ. ист. 1847. Год третий. № 4.

2) *Библиотека московского Успенского собора*. Она основана была, вероятно, митрополитом святителем Петром, создателем самого собора, а после пожара 1547 года возобновлена митрополитом Макарием, который вложил в нее и упомянутые нами Великие Четьи-минеи[1]. В ней пергаменных рукописей 18. В их числе: превосходное Евангелие апракос греческое неполное, судя по почерку X века, принадлежавшее некогда Св. Софии в Константинополе; часть его написана по киновари золотом; превосходны изображения евангелистов Иоанна и Матфея в чисто византийском стиле; Евангелие славянское, с изображениями евангелистов, не восходит ранее XV века; два Пролога, писанные в 1406 году при митрополите Фотии; Устав церковный 1432 года; две Триоди, Постная и Цветная (1403) – дар митрополита Киприана; книги нотного пения, восходящие к XIII веку; Минеи месячные XV века – дар митрополита Ионы. Рукописей на бумаге – 91. Евангелие древнейшее не восходит ранее конца XIV века; есть Евангелие, обозначенное 1499 годом; три Евангелия толковых на Иоанна Богослова, на Марка и Апостольские деяния, на Луку – дар митрополита Макария соборному храму, принесенный в 1544 году; Поучения недельные и праздничные в 1527 году при митрополите Данииле, списанные с перевода 1343 года, также дар митрополита Макария; Творения Дионисия Ареопагита, Слова св. Григория Богослова – дары патриархов Иосифа и Адриана; «Златоструй, или Собрание слов св. Иоанна Златоуста», 1505 года, дар митрополита Симона; «Лествица Иоанна», сербский перевод, рукопись XV века; Псалтирь 1594 года – дар боярина Димитрия Годунова; «Часослов» 1601 года; «Кормчая» – дар боярина Григория Годунова; много Миней, Канонов, книг нотного пения; синодики XVI, XVII и XVIII столетий; Слова святителя Димитрия Ростовского, Антония Радивиловского, Феофана Прокоповича; записки всякие, касающиеся богослужений собора и проч.

В соборной ризнице находятся Евангелие, по преданию – келейное митрополита Ионы, другое – митрополита Симона 1499 года, вероятно, писанное им самим, судя по тому, что над-

[1] «Памятники московской древности» Ив. Снегирева (М., 1842–1845. Стр. 42).

пись о вкладе («се аз дал есмь») и почерк рукописи одной и той же руки, и Евангелие – труд царевны Татианы Михайловны[1].

3) *Библиотека Типографская, принадлежащая Синодальной типографии в Москве*. Основание ее, конечно, современно началу самой типографии, следовательно, 1553 году. Библиотека была умножена еще более, когда при царе Михаиле Феодоровиче основана была Греко-латино-славянская школа при самой типографии. Знаменитый наш библиограф, Сильвестр Медведев, конечно, пользовался ею для составления своего библиографического каталога[2]. В каталоге рукописей Академической библиотеки значился под № 69 «Каталог универсальный книгам, находящимся в библиотеке Московской типографии», в четверку. К каталогу Скиады есть третье прибавление, где упомянуто о 93 рукописях, хранящихся в Московской синодальной типографии. Второй том каталога Маттеи содержит описание 101 греческой рукописи Типографской библиотеки, из которых, однако, бóльшая часть перешла в Синодальную. В Румянцевском музеуме хранится также каталог ее рукописей и книг[3]. Эта библиотека есть драгоценный материал для истории книгопечатания церковных и вообще духовных книг в России, и для великого дела, бывшего постоянным предметом забот Православной Церкви в России, – книжного исправления. Недавно в лице П. А. Бессонова, одного из самых замечательных деятелей нового поколения, питомцев Московского университета, мы приобрели и знатока и историка этой многозначительной библиотеки. Руководствуясь его основательным трудом[4], мы предложим несколько данных для истории и значения этого книгохранилища.

Библиотека родилась вместе с типографией. Отсюда, говоря словами церковных памятников, в ней изданных, «на-

[1] Подробным сведениям о библиотеке Успенского собора я признательно обязан г. протопресвитеру Д. П. Новскому.

[2] Оглавление книг, кто их сложил, составленное Сильвестром Медведевым, с Указателем, дополненным издателем, д. чл. Вуколом Ундольским // Чт. Общ. ист. 1846. № 3.

[3] № CCXXI.

[4] Типографская библиотека в Москве. Исторический очерк // Русская беседа. 1859. Т. V.

чашася быти печатныя книги, и *пойде книжное исправление в Рустей нашей земли»*. Но тут же прибавлено: «и еще *не удовлеся* тем церковь Божия к своему исполнению»: в последних словах мы видим указание на то, что если бы Церковь захотела вновь предпринять свое истинно мудрое дело, исправление книжное, то должна б была обратиться к этой же сокровищнице. Если историю библиотеки Патриаршей не возводить до митрополитов русских, а библиотеку Успенского собора отнести к тому вкладу Великих Четьих-миней, который был совершен митрополитом Макарием в 1553 году, то библиотека Типографская может войти в соперничество с ними относительно древности, уступив, однако, первенство между московскими библиотеками Чудовской, современной началу обители, где находится. Дары царей, начиная с Иоанна Грозного и особенно с Михаила, и патриархов, со времени Филарета, постоянно ее обогащали. Библиотеки Ртищевского или Крутицкого братства, по его уничтожении, Паисия, митрополита Газского, Павла Сарского и Подонского, справщика Евфимия, Симеона Полоцкого, ученика его Сильвестра Медведева, святителя Димитрия Ростовского поступили в Типографскую. Ее сокровищами воспользовались и многие другие, в том числе и Синодальная, куда перешли из Типографской и рукопись полной Библии Геннадиевской 1499 года, и Послания российских митрополитов, принадлежавшие Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому. В своих старопечатных книгах эта библиотека представляет образцы церковных шрифтов, в ней образовавшихся: евангельского, библейного, осиповского, арсеньевского и воскресенского.

Здесь совершилось преобразование печатного шрифта в гражданский; здесь, вместе со справщиком Федором Поликарповым и другими, трудился над этим делом сам Петр Великий; здесь изобретал он начертания букв и шрифты, исправлял, делал заметки, и все это, вместе с *первым* станком его, печатавшим указы, осталось в Типографской библиотеке драгоценным, неотъемлемым памятником его славного труда. Библиотека хранит все первые инкунабулы гражданской печа-

ти, из нее вышедшие. При ней действовали исправители текста Библии во времена Петра I; из нее вышли так называемые елисаветинские издания; в ней хранятся все документы Московского библейского общества. Слышно было, что угрожает этому хранилищу уничтожение, разделение и переведение в Петербург; но отнять эту библиотеку у Москвы значит лишить древнюю столицу одного из значительнейших памятников ее духовной деятельности, а оставить Синодальную типографию без ее библиотеки значит отнять душу от тела, лишить типографию ее жизни, истории и всякой возможности усовершать и исправлять главное дело, для которого она существует. «Такое сокровище, как Типографская библиотека, – скажем словами ее историка, – в нравственном отношении принадлежит и драгоценно всем москвичам, всей Руси, всему образованному миру. Наше духовенство этим вековечным памятником своей деятельности оказало услугу всем и каждому; оно же, призванное историей, взялось его беречь в своих руках; и действительно, соблюло по возможности неприкосновенно, в память минувшего, в живой, непорванной связи с современностью, в обилии задатков для будущего».

Библиотека Типографская делится на *основную* (или *фундаментальную*) и *корректурную.* Корректурная состоит из книг, узаконением или, чаще, обычаем принятых за образец при издании книг в настоящее время. Так, например, для Святого евангелия образцом служит издание 1722 года; для Типикона – издания 1733 и 1814 годов; для Месяцеслова церковной печати – издание 1741 года; для Четьих-миней св. Димитрия Ростовского – Киевское издание 1695 года и Елисаветинское, и т. д. Здесь же находятся и предшествовавшие корректуры продолжающихся изданий, поскольку нет в них значительных перемен; они восходят до XVIII века; здесь подлинники книг новейших, печатание коих началось с XIX столетия. Для всех более важных справок при печатании восходят к фундаментальной.

Фундаментальная делится на *древнюю* и *новую*; новая начинается после 1827 года.

В *древней* трудно в настоящее время, по причине многих обстоятельств, определить точнейшим образом количество всех экземпляров; но приблизительно к истине можем мы сказать, что она содержит теперь до пяти тысяч званий или титулов.

Число греческих и церковнославянских (в числе их и писанные в России) рукописей всего 792; и в них греческих 40; прочие греческие, до 60 по прежним каталогам, переданы в Синодальную. Из церковнославянских рукописей пергаменных 180; из пергаменных и бумажных – древнейшие и замечательнейшие следующие:

XI века: Минея служебная, Октябрь, 1096, и Ноябрь, 1097 года (№ последнего каталога: 1268, 1317, 1318, 1249).

XI–XII века: Минея служебная, Январь, Февраль, Апрель, Июль (неполный), Август (№ 1271, 1256, 1257, 1314, 1260).

XII века: Четвероевангелие (№ 1189), Евангелие апракос (№ 1265), Минея служебная, Сентябрь и Июль (№ 1293 и 1259), Стихирарь нотный из Триоди постной и цветной (№ 1198), Ирмолог нотный (№ 1313).

К XIII веку относится 7 рукописей; к XIII–XIV – 10, и в числе их много Прологов; к XIV – 27, и между ними Евангелие апракос в осьми экземплярах, Псалтирь в четырех, Паремейник в трех, Шестоднев в пяти, Пролог, 1-я половина года в пяти экземплярах, 2-я в четырех.

На рукописях последующих столетий, от XV до XVII, достойны особенного внимания замечания, приписки, исправления, выноски, извлечения и т. п., сделанные типографскими деятелями, равно как Полоцким, Медведевым и св. Димитрием Ростовским в их библиотеках. В них заключаются автографы библиотеки, равно как и в письмах Петра I, Яворского, Мусина-Пушкина, Меньшикова, Шафирова, Апраксина, Ягужинского, Головкина, Брюса и т. д. о делах типографских от 1708 до 1724 года. К автографам же относятся копия с указа о фискалах, с поправками Петровой руки, 1714 года; письменный Устав морской за его же рукою, 1720 года; Доношение Посошкова; Свиток соборный за руками патриархов и проч.

Кроме того, несколько десятков латинских и польских рукописей, в особенности системы разных наук, юго-западных русских школ; в этом числе автограф Крижанича, грамматика, напечатанная в «Чтениях Общ. ист. и древн.».

Книг старопечатных церковной печати всего 1092. Они начинаются с 1512 года (Евангелие угро-влахийское) и 1518 (Книги царств Скорины) и представляют замечательную полноту. Между ними находим издания молдовлахийские, московские, острожские, киевские, черниговские, львовские, рахмановские, уневские, виленские, кременецкие, кутеинские, Эвю, амстердамские «Введение в историю» (1699 года), почаевские, несвижские, иверские, стрятинские, пражские (Скорины), могилевские, новгород-северские, петербургские и т. д. Многие экземпляры, правленные для печатания, например Библия Острожская; Соборник, правленный при Иосифе Патриархе; Прологá с поправками иеромонаха Евфимия; Служебник с поправками Петра Могилы; Пролог с поправками св. Димитрия и многие другие.

Есть прелюбопытные материалы для истории самого начала гражданской печати: таковы Морской устав с оглавлением, за рукою Петра I; об Ассамблеях с корректурными поправками его же руки; манифесты о царице Евдокии и царевиче Алексее корректурные; суд над царевичем в корректурах и т. п. Сюда же принадлежат до сотни книг первопечатных гражданских, русской печати; некоторые из них с самыми подлинниками и первыми корректурами.

Так Типографская библиотека связывает видимым образом историю древнего периода нашей словесности с новым в самом внешнем признаке их характера, в церковной и гражданской печати. Приведем в заключение еще слова ее историка.

«Типографская библиотека есть живая, в *лицах-книгах*, история нескольких и важнейших веков общего русского просвещения, и в особенности духовно-церковного; история нашей Православной Церкви в просвещеннейших ее представителях и деятелях, от патриархов до справщиков, и даже печатников, история души, одушевлявшей эти века, как вы-

ражалась она в слове и запечатлевалась *церковною русскою печатью*, а потом переводила печатное слово в целый народ, его воспитывала, его просвещала, с твердым хранением наследий прошедшего и беспрерывным обновлением на том основании, *которого другого никто положить не может*».

4. *Библиотека московского кафедрального Чудова монастыря.* Она современна основанию самой обители. Первое украшение ее есть пергаменное Евангелие, писанное самим митрополитом святителем Алексием и хранимое в монастырской ризнице. Вторым основателем библиотеки был Новгородский архиепископ Геннадий, известный обличитель жидовской ереси; он рукоположен был из чудовских архимандритов, клеветою еретиков низведен с престола и скончался в Чудове монастыре. Книги этого ученого мужа сделались, по смерти его, собственностью обители. Здесь жил и занимался исправлением книг Максим Грек со своими сотрудниками. Книжная палата Чудова монастыря упоминается в конце XVI века. В XVII веке школа патриаршая, куда был вызван из Киева Епифаний Славинецкий, находилась здесь. Исправление богослужебных книг при Патриархе Никоне совершалось также в Чудове. Некоторые труды Славинецкого, монаха Евфимия и Кариона Истомина до сих пор хранятся здесь.

Библиотека не имеет каталога; она заменяется описью, в которой показано 253 нумера, томов же в ней будет гораздо более; пергаменных рукописей – 21. Замечательны: Псалтирь толковая на пергамене, вероятно XI века, судя по правильному употреблению юсов и по всем другим признакам славянорусской палеографии; Псалтирь, пожертвованная Димитрием Годуновым в 1600 году; Евангелие толковое в 1535 году, данное митрополитом Геронтием; Апостол – дар Пафнутьеву монастырю близ Боровска от митрополита Макария; полная Кормчая XIV века. «Зерцало чудовское», писанное в Константинополе в 1308 году Зиновием; Минеи-четьи, список с Макарьевских, сделанный при Борисе Годунове; Книга степенная, собранная в XVI веке митрополитом Афанасием; различные поучения и письма Кариона Истомина; «Арифмо-

логиа», сиречь числословие всех, Николая Спафария, 1673 года, и проч.[1]. Для истории библиотеки и обители особенно замечательна пергаменная рукопись XIV века Никона Черногорца – «Толкование заповедей Господних», в 63 главах, из которых 41-я глава, «О поставлении властель, яко не вся убо власти поставляет Бог, всеми действует», послужила, по всему вероятию, подлинником, откуда святитель Алексий заимствовал свое сокращение, вставленное им в заключение четырех Евангелий, на 52-м л. об. Нового Завета, писанного его рукою[2]. В настоящее время составляет подробный каталог Чудовскому книгохранилищу.

5. *Библиотека Московского архива иностранных дел.* Это богатейшее книгохранилище, современное самому архиву, обильное и рукописными, и печатными сокровищами, удовлетворяет требованиям изучающих и древний, и новый период истории русской словесности. Здесь находим первое собрание государственных грамот, которых древнейшие и значительнейшие образцы были напечатаны на иждивении канцлера графа Румянцева. Здесь хранится грамота на избрание царя Михаила Феодоровича Романова. Богато собрание летописцев. Число рукописей переходит за тысячу. Умножением их и превосходными качеством каждой из них, то есть дополнением и приведением их в возможное совершенство, библиотека обязана начальнику архива, князю М. А. Оболенскому. Портфели Миллера, Бантыш-Каменского и других бывших начальников архива содержат богатые материалы для истории нового периода России по всем отраслям. Едва ли где найдется такое полное собрание «Московских ведомостей» за все столетие их существования, со всеми к ним прибавлениями, русских журналов и других периодических изданий XVIII века. Желательно было бы, чтобы просвещенные чиновники архива, состоящие по большей части из питомцев

[1] Пам. моск. древн. Стр. 145.

[2] См.: История русск. слов. Ч. 3. Стр. 128. Заметны исправления в слоге, совершенные святителем для лучшего уяснения текста. Так, в самом заглавии вставлена частица *же*: «всеми *же* действует».

Московского университета, дали печатную известность каталогу архивного книгохранилища.

6. *Государственный архив старых дел.* Он составляет вторую часть сенатских архивов: первая есть разрядный, а вторая – вотчинный архив. Приведение в порядок и описание этого государственного древлехранилища принадлежит его настоящему начальнику, П. И. Иванову. Архив изобилует древними грамотами, которых более 15 000, и содержит также некоторые материалы для истории нашего гражданского образования[1]. Древность грамот восходит к XIV веку. Многие материалы отсюда вошли в издание актов исторических и юридических, совершенное Археографической комиссией. Другие, касающиеся Академии наук и Московского университета, напечатаны самим П. И. Ивановым в разных изданиях. В приложениях к описанию архива замечательны: опись библиотеки Патриарха Филарета[2], многие грамоты и другие документы, как материалы для истории нравов в Древней Руси.

7. *Библиотека Московского университета.* Все книжные сокровища Университетской библиотеки до 1812 года сгорели в славном пожаре Москвы, – и как не пожалеть о том, если вспомнить, что основание университета почти современно началу нового периода русской словесности! Ныне славянорусских рукописей в библиотеке всех 35, из них 4 пергаменных: два Евангелия, относимые к XIV веку, дары бывшего попечителя, графа С. Г. Строганова, и Псалтирь, неполная, не позднее XV века. Замечательны: Деяния апостольские, греческая рукопись конца XI столетия и Беседы Василия Великого, также греческая, конца X или начала XI века. Между книгами славяноцерковной печати можно указать на сербское Евангелие начала XVI столетия, на Новый Завет 1562 года, печатанный глаголитскими буквами, на Библию Острожскую, на Библию 1663 года, на Кутеинское

[1] Описание Государственного архива старых дел, составленное П. И. Ивановым. М., 1850. – Путеводитель по Государственным архивам, состоящим при Правительствующем сенате, в Москве. Составлен П. Ивановым. М., 1845.

[2] Стр. 287.

издание молитв повседневных (1631), между которыми помещены и Молитвы на всю седмицу, творение Кирилла Туровского. В литературе нового периода особенной полнотой отличается отдел драматический, считающий 845 отдельных званий, кроме русского феатра. Присоединение библиотеки бывшего попечителя университета М. Н. Муравьева много восполнило пробелы литературы прошлого столетия и первых лет нынешнего, равно и литературные материалы для истории Московского университета. В коллекции портретов, подаренной Вигелем, находим большое собрание портретов русских писателей и других лиц замечательных. Есть и «Московские ведомости» за все столетие, кроме 70-х годов, почти полные, благодаря деятельности покойного библиотекаря С. П. Полуденского и нынешнего, Д. И. Штейнберга, от которого особенно библиотека может ожидать рационального умножения своих книжных сокровищ и восполнения многих пробелов. Превосходным устройством своим, дающим возможность необыкновенно скоро отыскивать книги, она обязана библиотекарю Рейсу[1].

8. *Библиотека Московского общества истории и древностей российских.* Она начинается, так же как и Университетская, после пожара 1812 года, с возобновления самого Общества, и снабжена каталогом, который составлен был одним из ее библиотекарей, П. М. Строевым, и напечатан в 1845 году[2]. По каталогу всех рукописей 335 нумеров, переплетами – 348, грамот и столбцов – 265; в том числе пергаменных 7 книг и 1 грамота; к XIV и XIV столетиям принадлежат 9 рукописей, к XVI – 63, к XVII – 96. Сюда не входят, разумеется, рукописи, поступившие по издании каталога. Весьма замечателен пергаменный экземпляр «Русской правды» в этой библиотеке, который относили знатоки к XIII веку: он послужил основанием для текста при издании этого памятника д. членом Дубенским.

---

[1] См. ст. Г. Геннади в 66 № «Московских Ведомостей» 1858 года: «Библиотека Московского университета».

[2] Библиотека Императорского общества истории и древностей российских. М., 1845.

9. *Библиотека московского Английского клуба.* Она начинается также после пожара 1812 года; допожарная погибла. Едва ли где в Москве можно найти такое полное собрание русских газет и журналов, как в этой библиотеке. До́лжно заметить, что они отличаются вообще хорошим, верным сохранением, хотя не без исключений[1]. Хороший библиографический указатель к этим журналам принадлежит ad pia desideria нашей науки, и эта библиотека может послужить одним из лучших для того материалов.

10. *Библиотека московского Дворянского клуба.* Она начинается с 1840 года, то есть со времени основания клуба, и за 19 лет может предложить хорошее библиографическое пособие в своем собрании русских газет и журналов.

Перейдем к Петербургу.

11. *Императорская публичная библиотека.*

Мысль об основании публичной библиотеки в С.-Петербурге принадлежит императрице Екатерине II. Для первого основания послужило варшавское книгохранилище графов Залуских, которое в 1795 году было перевезено в С.-Петербург. Около 15 лет продолжалось ее образование при графе А. С. Строганове, и наконец при директоре Оленине она уже была совсем готова к открытию для общественного употребления в 1812 году, как нашествие французов заставило укупорить все полтораста тысяч томов этой библиотеки и отвезти их водою в Олонецкую губернию. Только в 1814 году, января 2-го, она была открыта актом, на котором говорили речи Оленин и Гнедич, а Крылов читал свою басню «Водолазы». Имена Крылова, Батюшкова, Гнедича, Востокова, барона Дельвига, Загоскина украшали списки ее библиотекарей и чиновников. Умножение, усовершенствование библиотеки и приведение ее в то образцовое устройство, которое она теперь представляет, есть подвиг, украшающий память про-

[1] Мне случилось в «Журнале Минист. нар. просв.» (ч. LIII, 1847) искать статьи проф. Григоровича: «Изыскания о славянских Апостолах, произведенные в странах европейской Турции», и я не нашел ее: она вырвана.

шедшего царствования, а совершителем его, по воле покойного Государя, был барон М. А. Корф.

Варшавская библиотека, доходившая до 300 тысяч печатных томов и 10 тысяч рукописей, происхождением своим была обязана страсти к книгам просвещеннейшего в свое время человека, графа Иосифа Залуского. Эмигранты граф Шуазель Гуфье и кавалер д'Огар, бывшие первыми библиотекарями, много содействовали к растрате книжных сокровищ, привезенных из Варшавы. Но при Оленине и его славных сотрудниках эти злоупотребления прекратились.

Библиотека, в силу нового узаконения, умножалась беспрерывным внесением того, что выходило из типографии всего Русского государства. Знаменитое собрание библиомана Дубровского, плод его странствий по всей Европе, содержавшее образцы всех разнородных графических школ, процветавших в Европе с IV века до самого изобретения книгопечатания, и огромное количество мемуаров, писем и автографов (одних последних до 8000) вошли в библиотеку при императоре Александре. Тогда же приобретено было собрание рукописей (208) и старопечатных книг (214) сенатора Фролова.

Но несравненно богатейшие дары библиотеке принесены императором Николаем. Тогда вошли в нее: библиотека князя Лобанова-Ростовского; Ардебильская, трофей Персидской войны, сокровище восточных рукописей; часть библиотеки нашего посланника в Риме, Италинского; восточные рукописи мечети Ахалцика, также Баязета, Дагестана и Арзерума; Кораны Адрианополя; исторические сочинения и произведения персидских поэтов, поднесенные Государю Хозрев-Мирзою, верх персидской каллиграфии; библиотека, купленная у графа О. А. Толстого, 1300 славянорусских рукописей и старопечатных книг 377; все редкие и роскошные издания уничтоженной Полоцкой иезуитской академии; 10 тысяч книг и слишком 300 рукописей из библиотек Сапеги, Ржевуского и Пулавской Чарторижских; 115 тысяч книг и около 2 тысяч рукописей из библиотек варшавских: Публичной

и принадлежавшей Обществу любителей словесности и наук; 27 тысяч томов из библиотеки графа Сухтелена, знаменитого библиографа своего времени, бывшего русским посланником в Стокгольме, в том числе около тысячи инкунабулов (до 1520 года) и множество Альдов, Эльзевиров и проч., и собрание автографов, одно из богатейших в Европе; библиотека, принесенная в дар князем А. Н. Голицыным; книги из библиотек Царскосельской и Эрмитажа; Кастеринское богатейшее собрание книг славяноцерковной печати – 1048 названий в 1082 переплетах – дар купца Соловьева[1,2].

В 1852 году приобретено было Государем Погодинское древлехранилище: тогда вошли отсюда в библиотеку 2019 рукописей, в том числе 78 пергаменных, 589 автографов, 1054 грамоты и документа, 538 книг старопечатных славянских, 1115 портретов и гравюр. Между рукописями первое место занимают листки из жития св. Кодрата, св. великомученицы Феклы и толковой Псалтири, восходящие, по мнению Шафарика, к IX и X столетиям. Рукописи проходят по всем векам. Заметим Апостол митрополита Филиппа, Житие св. Ольги, написанное Сильвестром, духовником Грозного, Камень веры, подлинник Стефана Яворского, 23 списка летописей, 47 хронографов, летописи Киевскую и Волынскую, летопись Тверскую, творения отцов Церкви Вселенской и Русской во множестве списков, жития русских святых – собрание самое изобильное из всех существующих, подлинник сочинений Посошкова, автографы многих славных лиц отечества и русских писателей, начиная с Кантемира.

В том же году вошло в библиотеку и собрание Карабанова.

Последним важнейшим приобретением библиотеки в 1858 году была покупка греческих и восточных рукописей профессора Тишендорфа и дар царствующего Государя: гре-

---

[1] Ундольский В. М. Библиотека славянорусских книг церковной печати А. И. Кастерина (Чтения. 1848, № 9).

[2] Путеводитель по Императорской публичной библиотеке. СПб., 1852; Десятилетие Императорской публичной библиотеки (1849–1859). СПб., 1859; Путеводитель по Императорской публичной библиотеке. СПб., 1860.

ческое Евангелие, поднесенное Его Величеству Требизондским митрополитом Константием с 13 живописными миниатюрами VI–VII столетий.

Директор возбудил живое участие во всех любителях книжного просвещения – и отовсюду новые дары обогащали библиотеку; сам он поездками за границу своими и своих сотрудников и учеными связями приобретал и приобретает беспрерывно новые сокровища.

К 1 января 1859 года Императорская публичная библиотека имела 840 853 тома; но 100 000 не были еще внесены в каталог. Книжные ее сокровища скоро возрастут до миллиона. В этом числе русских книг со славяноцерковными – до 45 000. Рукописей на 41 языке библиотека имеет 29 045, эстампов – 66 162, автографов – более 30 тысяч[1].

Отчеты библиотеки, издаваемые ежегодно начиная с 1850 года, представляют превосходные материалы, как для истории этого первенствующего в государстве книгохранилища, так и для библиографии вообще. Для занимающихся палеографией и библиографией она предлагает ученые пособия, которые самым простым наглядным способом облегчают труд науки. Таковы ее превосходные выставки, имеющие глубокомысленное значение: здесь Библия, переведенная

[1] Зал, занятых отделениями, в библиотеке 24; полок – 53, 838 футов (15 вер. 191 саж. к фут).

В числе сокровищ, которыми владеет Императорская публичная библиотека, дóлжно указать на вновь поступившее: *Синайский древний список Библии*, принесенный в дар синайскими монахами Государю Императору. Об этом см.: СПб. ведом. 1859, № 251. Рукопись доставлена была в Петербург лейпцигским ученым Константином Тишендорфом, но открыта ученому миру и описана в первый раз архимандритом Порфирием Успенским в его «Первом путешествии в Синайский монастырь в 1845 году» (СПб., 1856. Стр. 225–238). Рукопись содержит Ветхий Завет неполный и весь Новый Завет с посланием апостола Варнавы и книгою Ермы под названием «Ποιμὴν», то есть «Пастырь». Она писана на тончайшем белом пергамене в 4-ю долю длинного и широкого листа. Буквы в ней совершенно похожи на церковнославянские. А. Порфирий приложил и снимки с рукописи между синайскими видами. Он относит ее к V веку; но И. И. Срезневский по почерку ее полагает, что она писана может быть и позже V века (Изв. Акад. Т. VIII. Вып. III. Стр. 240).

на все возможные языки в 300 нумерах[1]; здесь произведения церковнославянского книгопечатания: краковские, начиная с 1491 года, венецианские, южнославянские, Богемской Праги, виленские, германские, белорусские, острожские, московские, львовские, уневские, киевские, новгород-северские, черниговские, клинцовские, петербургские. Здесь церковнославянские рукописи расположены в хронологическим порядке так, что, следя за этими памятниками, на которых означены годы их написания, можно наглядно проследить постепенное изменение почерка из столетия в столетие[2].

В библиотеке хранятся: Остромирово Евангелие, писанное в 1056 и 1057 годах; перевод творений Григория Богослова, рукопись харатейная XI века[3]; Сборник Святославов, второй экземпляр 1076 года; древнейший Лаврентьевский список Несторовой летописи, писанный в 1377 году.

Выставлены также рукописи с миниатюрами, восходящие к XIII столетию; здесь особенно замечательны: Псалтирь *в лицах* 1485 года; Житие св. Алексия митрополита XVI века; Хронограф XVII века; Синодик с помещенною в нем Повестью о новгородском посаднике Щиле конца XVII столетия.

Шестьдесят шесть автографов русских святителей, иерархов и духовных особ и 218 записок знаменитых русских людей привлекают внимание каждого русского, которому дорога слава Отечества.

Русское отделение (VI зала библиотеки) представляет в совокупной целости все плоды умственной деятельности нашего Отечества с эпохи преобразований Петра Великого: тут все русские и славянорусские книги, печатанные с 1708 года, то есть со времени введения у нас гражданской печати. Книги, напечатанные при Петре Великом, помещены в особом

---

[1] Всех иноязычных библий в Императорской публичной библиотеке находится 1365 нумеров, независимо от выставки, которая содержит их 300.

[2] К произведениям церковнославянского книгопечатания следует еще прибавить римские, амстердамские и другие заграничные.

[3] Описана в библиографических листах Кеппена (№ 7) и в «Известиях Академии».

шкафе: здесь довольно полная коллекция вышедших в его царствование газет и первое произведение петербургских типографий: Книга Марсова, или Воинских дел, 1713 года, с полным числом рисунков.

Выставка собственноручных, большого объема, сочинений отечественных писателей представляет: Нравоучительное рассуждение Патриарха Адриана; «Глас последний к Богу» Симеона Полоцкого; «Камень веры» Стефана Яворского; сатиры князя А. Д. Кантемира с его поправками; комедию «Обманчивая наружность» Д. И. Фонвизина; трагедию «Василий Темный» Державина; собрание писем Карамзина к брату; 22 басни Крылова; перевод «Одиссеи» Жуковского; «Историю Пугачевского бунта» и «Сказку о золотом петушке» Пушкина; первый том «Мертвых душ» Гоголя; черновую книгу стихотворений Лермонтова.

Выставка греческих рукописей начинается отрывками II века и представляет графические образцы всех последующих столетий до XV включительно, то есть до эпохи падения Византийской империи. Здесь превосходные материалы для объяснения состава письмен кирилловских из элементов греческой азбуки IX столетия; миниатюры, украшающие рукописи, – памятники византийского и связанного с ним русского искусства.

Выставка материалов письменности разрешает наглядным образом один из важнейших и труднейших вопросов всемирной и славянорусской палеографии. Мы встречаем здесь образцы письменности: на восковых дощечках, на папирусе[1], на пальмовых листах, на лубке, на русской бересте, на камне, на свинце и олове (китайские слова), на хлопчатобумажных листах (китайские, тибетские и бурятские книги), на так называемой рисовой бумаге (китайской и чилийской), на деревянных тонких листках, на коже, сафьяне, шелковых тканях и т. п.

[1] Между выставленными здесь папирусами первое место занимает книга, написанная не разгаданными до сих пор письменами и относимая, на основании приложенного в ее конце латинского перевода, ко времени земной жизни Спасителя. Это дар Суворова императрице Екатерине II, присланный после взятия Варшавы.

Тут же находятся две коллекции, в хронологическом порядке, образцов пергамена и бумаги (хлопчатой и тряпичной), первого начиная с IX века, второй – с 1380 года, до превосходнейших французского пергамена и бумаги английской и французской (бристольская, атласная и фарфоровая) нашего времени.

Рассматривая все образцовое устройство этого классического книгохранилища в нашем Отечестве, воплощающего в себе живую мысль всемирной палеографии и библиографии, мы позволяем себе выразить желание, чтобы этот образец хотя в миниатюре повторен был в Москве и в важнейших городах России. Тогда бы с неимоверной быстротой двинулось вперед внутреннее просвещение нашего Отечества.

Мы ожидаем также, что ученые библиотекари, постоянно одушевляемые их деятельным начальником, издадут полный библиографический каталог Русского отделения, в котором мы найдем превосходный материал для нового периода истории русской словесности.

12. *Румянцевский музеум.* Он основан и подарен Отечеству в государственную собственность покойным государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым, который сам собирал эти рукописи в последние годы своей жизни. Кроме подлинных рукописей любитель приобретал и верные копии с рукописей известных: такова, например, копия со Святославова Изборника. Всех нумеров в библиотеке 473: в том числе рукописей XII века – 3, XIII – 10, XIV – 21, XV – 42, XVI – 87, XVII – 90. Библиотека имеет классический каталог, изданный академиком А. Х. Востоковым в 1842 году под заглавием «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума». В этом отношении Румянцевский музеум есть единственное книгохранилище во всей России. Изданием этого описания, можно сказать, была открыта дверь к изучению нашей допетровской литературной древности.

13. *Библиотека Императорской академии наук.* Она современна основанию самой Академии. По каталогу, или росписи, ее 1742 года она имела 333 рукописи; в 1776 году – 500. В 1818 году изданы были г. Соколовым обстоятельные каталоги

ее рукописным книгам, церковным и относящимся к русской истории и географии[1]. В 1840 году В. М. Перевощиков напечатал роспись книгам и рукописям Российской академии, то есть теперешнего второго Отделения.

14. *Библиотека Императорского Эрмитажа*, современная основанию Эрмитажа при императрице Екатерине II. Она постепенно приобретала все бумаги государственных людей и многих знаменитых писателей России, поскольку они были государственными людьми. В ней было до 50 летописцев[2]. В 1852 году поступило из нее в Императорскую публичную 8 911 томов и все рукописи, в числе 345 в 434 переплетах; главная по древности рукопись пергаменная, Сборник Святославов 1076 года, копия с рукописи 1073 года[3].

15. *Библиотека С.-Петербургской духовной академии, или Александро-Невской Лавры.* Мы не имеем каталога этой библиотеки и не знаем нисколько о ее содержании.

16. *Библиотека С.-Петербургского университета.*

В других городах и монастырях России.

17. *Софийская библиотека в Новгороде при соборной церкви.* Она, по всей вероятности, современна основанию самого храма, который был заложен Владимиром, сыном Ярослава[4], в 1045 году, и учреждена так же как и библиотека при Софии Киевской, заложенной в 1037 году. Книгохранилище умножалось веками: архиепископы Новгородские, конечно, много о том пеклись. Нельзя не вспомнить Макария, который до своего постановления в митрополиты Московские правил архиепископией Новгорода и принес в дар Св. Софии первый экземпляр своей энциклопедической церковной библиотеки, Великих четьих-миней. В XVII веке книгохранилище было

[1] См. в «Журн. Мин. нар. просв.» (1835, июль) статью о некоторых важнейших рукописях, хранящихся в Библиотеке Академии наук.

[2] Журн. Минист. нар. просв. 1836. Февраль.

[3] Отч. И. публ. библ. за 1852 год. Стр. 65 и 66.

[4] Тем самым, для которого были списаны «Книги пророков с толкованиями» в 1047 году.

уже значительно; но в этом же веке стали из него требовать книг в Москву для исправления книжного. Патриарх Никон, оставляя Новгород, вывез с собою многие из них в столицу. При учреждении штатов монастырских в 1764 году библиотеки от упраздненных монастырей и церквей Новгородской епархии поступали в Софийскую. Самое важное приращение ее было в конце XVIII века, когда в нее поступила значительная часть рукописей и старопечатных книг Кирилло-Белозерского монастыря. Многие рукописи из нее достались Крекшину, Татищеву и графу Мусину-Пушкину[1]. Первый каталог ей составлен был в 1784 году, по распоряжению преосвященного Гавриила. В нем показано 1189 рукописей, в том числе 98 пергаменных, и 1247 старопечатных книг[2]. В настоящее время особо учрежденная из лиц духовных комиссия занимается сочинением полного и подробного каталога книг и рукописей библиотеки. Неизвестно, когда этот труд будет приведен к окончанию. Общее число ее рукописей доходит до 2 000; в числе их 87 пергаменных. По времени письма из сих последних одна XI века, пять – XII, три – XII–XIII, восемь – XIII, пять XIII–XIV, тридцать семь – XIV, остальные XV века. Их описал и обозрел г. Куприянов, и ими пользовался для «Истории Русской Церкви» преосвященный Макарий[3]. В ней находится первый экземпляр Макариевских Великих Четьих-миней, положенный Макарием в Святую Софию Новогорода еще в то время, когда он был новгородским архиепископом.

18. *Библиотека Троицко-Сергиевой Лавры.* Современна началу самой обители; имеет 820 рукописей и в том числе пергаменных – 43; старопечатных славянских книг, изданных в XVI, XVII и XVIII веках, – около 1500. Настоящий библиотекарь ее, отец Иларий, составил ей подробный каталог, ко-

1 Исторический очерк Софийской библиотеки. И. К. Куприянова. Изв. 2-го Отд. Акад. наук. Т. V. Л. 124.

2 Этот каталог напечатан был в «Русском вестнике» 1842 года, № 12.

3 Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки, составленное И. К. Куприяновым. Изв. листы 128 и 143. Рукописи все богослужебного содержания.

торый облегчает для ученых ее употребление. Желательно бы было видеть его в печати.

Библиотека образовалась через списывание книг в монастыре и вкладами лиц духовных, особенно же иноков самой обители. В древних описях книг значатся рукописи: *два служебника на харатье, свертки на деревце, Чудотворца Сергия; Евангелие и Псалтирь*, писанные Исааком Молчальником, учеником преп. Сергия; *Библия письменная*, дар Варлаама митрополита; но, к сожалению, они до нас не дошли. Рукописи наиболее замечательные: Пятокнижие Моисеево, писанное на пергамене, конца XIV или начала XV века; Паремейник, писанный на пергамене; Слова Григория Богослова, перг., XIII или XIV столетия; Златая цепь, где открыты были слова Серапиона, епископа Владимирского; Октоихи Никона, ученика Сергиева; Стихирарь, писанный в 1303 году Епифанием; Житие Св. Нифонта, первой половины XIII века; Часослов 1423 года; Слова постнические Исаака Сирианина 1381 года, еще при жизни преп. Сергия; поучения аввы Дорофея 1414 года; Лествица 1412-го, в двух экземплярах; Список сокращенного Пахомиева жизнеописания преп. Сергия 1431 года; Псалтирь Толковая Брюнона 1535 года; Беседы св. Иоанна Златоуста на Ев. Матфея, перевод инока обители, Селивана, ученика Максима Грека, совершенный при Данииле митрополите.

В ризнице Лавры: Евангелие греческое XII века; Евангелий XIV века семь, из них одно преп. Никона; Евангелий XV века шесть; служебник XIV века, принадлежавший преп. Никону; Псалтирь пергаменная времен Иоанна Грозного.

19. *Библиотека Московской духовной академии*, находящаяся в той же Лавре, но существующая отдельно. Число славянских рукописей простирается до 490. Между ними писанных на пергамене шесть. Самые примечательнейшие: 1) Временник Георгия Амартола, на пергам. XIV века, впрочем неполный, с картинами; 2) 13 книг Ветхого Завета, исторических, рукопись XV века; 3) Златоструй Симеона, царя Болгарского, в списке XV века; 4) Толкование на пророков, известное по спискам с именем попа Упира, XV века; 5) одиннадцать месяцев житий

святых, не из собрания Макариева, но или ранее его, или современно писанных; 6) Максима Грека слова XVI века и перевод Псалтири с подстрочным греческим текстом, XVII века; 7) Апокалипсис с толкованием Андрея Кесарийского и с картинами числом до 70, XVII века. К автографам принадлежат: Лествица, Псалтирь и Творения св. Дионисия Ареопагита, писанные митрополитом Киприаном; Катехизические поучения митрополита Платона, говоренные им еще в Славяно-греко-латинской академии; Собрание слов его же, впрочем уже изданных; Пространный катехизис Православной Кафолической Церкви московского митрополита Филарета и его же Собрание слов. Старопечатных славянских книг до 150 званий.

20. *Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря.* Основанием своим она обязана основателю обители, преп. Кириллу. В ризнице хранятся книги, писанные его собственною рукою и рукою учеников его, Христофора и Мартиниана. Книгохранилище умножено было трудами иноков, подписи которых еще видны на многих рукописях. Много трат понесло оно с перенесением рукописей в другие библиотеки – и государственные, и даже частные. Когда в 1847 году я посетил обитель, по описи 1841 года в ней считалось 1938 книг, рукописных и печатных. В краткое время моего пребывания в монастыре я успел открыть экземпляр Святославова Изборника, писанный в 1445 году, с именем Болгарского царя Симеона, для которого он был первоначально переведен; Сборник так называемый Паисиевский со Словом св. Григория о мифологии славянской; пятое Слово Серапионово о маловерии и проч.[1] Сопиков имел ее каталог. В Румянцевском музеуме хранится ведомость рукописным книгам Кирилловской книгохранительницы, относящимся до русской истории[2]. Она была составлена во второй половине XVIII века. Г. Сахаров напечатал ее в «Русском вестнике» 1842 года. Судя по содержанию, здесь помещены книги, относящиеся не до

1 Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. 2 части, 1850.

2 № CCXXII. В этой ведомости между прочим показано, из каких северных монастырей присланы были в Святейший синод сочинения, относящиеся до русской истории.

одной русской истории; ног. Сахаров говорит, что это только часть всеобщего каталога. В описании Кириллова монастыря, напечатанном в 1805 году, сказано, что число рукописей его библиотеки простирается до 3000. Подробного каталога мы вправе ожидать от просвещенной деятельности теперешнего начальника обители, о. архимандрита Варлаама, который изучает и описывает замечательнейшие рукописи[1].

21. *Библиотека Соловецкой обители.* Она перевезена уже из Соловков в Казань и теперь стала собственностью Казанской духовной академии. Когда еще находилась она на острове Соловецком в обители, ею в 1840 году для просвещенной цели воспользовался соловецкий настоятель, архимандрит Иларий, и на основании рукописей и грамот, находившихся в библиотеке, опроверг все доводы так называемой Соловецкой челобитной, этой хартии наших раскольников[2]. В руках ученых членов Казанской духовной академии библиотека сделалась постоянным предметом исследований, источником новых открытий. Свещник теперь не скрыт под спудом, а светит всем. Благодаря таким трудам мы имеем понятие о содержании библиотеки, об истории ее происхождения и возрастания[3]. Результаты этого описания мы можем предложить читателям.

Соловецкую библиотеку составляют 1343 нумера рукописей[4] и 83 нумера старопечатных книг. Рукописи разделены на три отдела: 1) духовного содержания (числом 1495), 2) светского содержания (числом 54) и 3) рукописи Анзерского скита,

[1] См. в V томе «Ученых записок 2-го отдел.» его «Описание Сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря».

[2] Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. СПб., 1844. К книге приложена выписка из описи библиотеки Соловецкой о старинных книгах, писанных и печатанных до книжного при Патриархе Никоне исправления. Здесь указаны годы и столетия рукописей, равно и имена вкладчиков, между которыми встречаем имена Филиппа митрополита, Иоанна Грозного, Сильвестра, Авраамия Палицына, князя Пожарского и других.

[3] Православный собеседник при Каз. дух. акад. 1859. Январь. Февраль. Май. Библиотека Соловецкого монастыря.

[4] Желательно бы было знать, сколько рукописей писано на пергамене и сколько на бомбицине.

который в 1764 был присоединен к Соловецкой обители (числом 94). На рукописном Лавсаике читаем имя Зосимы, на Сборнике – имя Германа, учредителей монастыря. Но первым основателем библиотеки был Досифей, седьмой в списке игумнов монастырских, живший в конце XV века. В Новгороде, еще до своего игуменства, он много трудился над собиранием и списыванием рукописей, которые посылал в обитель. Митрополит св. Филипп, Патриарх Никон, Патриарх Иоасаф I, Исидор, митрополит Новгородский, Иларион, митрополит Псковский, многие игумны обители, знаменитый Сильвестр, священник Благовещенский, и сын его Анфим, келарь Авраамий Палицын, архимандрит Троицкий Дионисий, Иоанн Грозный, князь Пожарский и многие лица, неизвестные, из всех сословий, были вкладчиками в библиотеку. Распоряжение книгами принадлежало главным образом игумену, келарю и казначею, а потом и всему собору монастырскому. При монастыре была *казенная орфография*, или казенная книгописная палата, и при ней особый разряд книгописцев, обязанностью которых было списывать, по распоряжению и благословению игумнов, книги для монастыря и между прочим писать копии с монастырских рукописей для продажи посторонним лицам.

22. *Библиотека Иосифова Волоколамского монастыря.* Она имеет каталог достаточно подробный для ученого пользования библиотекою. Он составлен местным духовенством. Содержание всякой рукописи описано по образцу каталогов П. М. Строева. Всего значится 691 нумер, кроме того в дополнительном каталоге 14, всего 705 рукописей, из которых 6 пергаменных. Древнейшая из сих последних, Евангелие, относится к XI или XII веку. Часть библиотеки перевезена в Троицкую Сергиеву Лавру и поступила в ученое ведомство Московской духовной академии[1]. Она, вероятно, сделается также предметом ученых исследований; но желательно бы было, чтобы поскорее был обнародован ее рукописный каталог.

[1] Из библиотеки Иосифова Волоколамского монастыря в библиотеку Московской духовной академии, что в Троицкой Лавре, перевезено 236 нумеров рукописей.

Начало книгохранилища современно учреждению обители в 1469 году. Есть книги, писанные рукою преп. Иосифа: таковы Евангелие, Триодь постная 1460 года, писанная еще до основания монастыря, Богородичник, Псалтирь, которого первые псалмы писаны им, Каноник. Много есть отличных рукописей его Просветителя, но нет ни одной, писанной его рукою, и ни в одной из них нет главы 12. Есть в библиотеке автографы рукописные лиц значительных: такова книга св. Иоанна Дамаскина, переведенная Иоанном, экзархом Болгарским, писание Даниила митрополита (№ 490); *Главник Даниловский* (№ 489), сборник, составленный митрополитом Даниилом, когда уже он, сложив с себя высокий сан, жил на покое в обители; часть рукописи (№ 637), содержащая житие Паисия Великого, писана рукою Нила Сорского; есть сборник, писанный Феодосием, архиепископом Новгорода и Пскова, и двумя учениками его, Иеремиею и Евфимием Турковым, из которых имя последнего, бывшего игуменом обители, встречается и на других рукописях. Герасим Поповка, ученик Иосифов, Досифей Топорков, Вассиан, ученик старца Фотия, ученика Кассиана Босого, подписали имена свои на многих рукописях. Есть сборник Дионисия Звенигородского, Леонида, владыки Рязанского. Не можем обойти молчанием рукопись 1489 года, писанную иноком Тимофеем Вениаминовым: Слова Афанасия Александрийского. Он дописал ее *к вечеру солнечнаго дня захода седморичнаго реку века*: этим днем считался конец 1489 года, когда ожидали на последнее трехлетие истекавшей седьмой тысячи пришествия Антихриста. Есть служебник, названный Киприановским, в котором встречаются страшные угрозы христианам по случаю ожидания Последнего Суда. В синодиках обители поминается в роде князя Димитрия Пожарского князь Козьма, на место князя Димитрия: известно, что князь Пожарский, посхимившись перед смертью, принял имя друга своего Минина[1]. Встречаем также в роде Бориса Годунова несчастную Ксению, в инокинях Ольгу.

[1] В одном месте синодика написано: «Род боярина князя Димитрия Михайловича Пожарского: князя Козьмы» – и только. В другом месте род записан подробнее.

23. *Библиотека Воскресенского, или Новоиерусалимского, монастыря.* Она современна самой обители, которая учреждена Патриархом Никоном в 1656 году. В ризнице есть Евангелие, писанное в Новгороде хлебным ключником архиепископа Ионы в 1468 году, – дар Патриарха Никона. Другое Евангелие печатное, дар и труд царевны Татьяны Михайловны, сестры царя Алексея Михайловича; оно по краям все убрано живописными цветами руки этой царственной художницы, которая еще вовсе не оценена в истории нашей живописи; при изображениях евангелистов находятся их символы, начертанные рукою превосходного мастера: лев, телец и орел исполнены одушевления поэтического и религиозного. В библиотеке 200 рукописей, из которых 33 писаны на пергамене. Древнейшие из сих последних – Антиохов Пандект XI века и Евангелие, писанное в Новгороде до 1128 года. Книг старопечатных также до 200; они печатаны до 1700 года. Рукописи по большей части – дар Патриарха Никона и перевезены им из Новгорода. Пергаменные по большей части уже исследованы и описаны о. архимандритом Амфилохием, начальником обители, в «Известиях акад.» (т. VII), и с особенной филологической подробностью – Антиохов Пандект. От него же, как полного и просвещенного хозяина библиотеки, мы вправе ожидать и подробного ее каталога.

24. *Библиотека Флорищевой пустыни.* Вероятно, современна самой же обители, которая началась также при Патриархе Никоне. Рукописных бумажных книг имеет 143, печатных – 413. В ней П. М. Строев открыл древнейший харатейный экземпляр Странника, или известного Хождения Даниила Паломника в Иерусалим. В ней находятся: экземпляр Толковой Псалтири, переведенной Максимом Греком и поднесенной великому князю Василию Ивановичу в 1523 году; полемические сочинения Иоанникия и Софрония Лихудиев при Патриархе Иоакиме; обличение на Соловецкую челобитную, сочиненное на сербском языке Юрием Сербянином и переведенное на славянский язык в 1704 году.

Кроме этих духовных библиотек нам еще случалось встречать упоминание о книгохранилищах Киевской Лавры и Владимирской семинарской, каталоги которых были в руках у Сопикова, Пафнутьева Боровского монастыря, Спасо-Евфимьевского в Суздале, Тихвинского Успенского[1]. Мы должны ожидать, что при всеобщей любознательности, которая простерлась с недавних пор на все памятники нашей допетровской старины, все эти рукописные сокровища будут наконец приведены в известность и навсегда ограждены от расхищения. В наше время эти библиотеки находятся в руках знатоков дела, которые умеют и ценить значение рукописей, и исследовать их ученым образом. Желательно бы было, чтобы как можно скорее были доставлены и напечатаны каталоги всех этих библиотек по образцу описаний Калайдовича и Строева. Исследования же и извлечения могут быть обнародованы и после; им конца нет и не будет, и внесение их в каталоги преждевременное может только задержать первый необходимый труд. Когда он совершится, тогда можно будет приступить к изданию памятников нашей древней словесности по столетиям: сюда, во-первых, войдут оригинальные памятники, принадлежащие русским духовным лицам; во-вторых, переводы творений отеческих. В сих последних найдутся, может быть, переводы, сделанные с оригиналов самых древних, какие теперь в греческом тексте не существуют. Найдены же были такие переводы творений Нила Синайского, каких в подлиннике уже нет. Скажем также, что славянские древние переводы своим языком могут предложить неисчерпаемую сокровищницу выражений для переводов новейших; к сожалению, новые наши переводчики творений св. отцов не обращают никакого внимания на эти превосходные пособия и вовсе ими не пользуются.

---

1 См.: «Описание 4 рукописей, хранящихся в его библиотеке» Я. Бередникова. Журн. Мин. нар. просв., 1847. Сентябрь. См. его же статью «О некоторых рукописях, хранящихся в монастырских и других библиотеках» (Журн. Мин. нар. просв. 1853. Июнь). См. также статью Г. Куприянова «Указание на некоторые рукописи новгородских церквей и монастырей» (Там же. 1853. Декабрь).

К общественным библиотекам принадлежат еще в городах:

25. *Библиотека Казанского университета.* Мы имеем любопытное описание этой библиотеки, составленное г. Артемьевым[1]. Из древних славянорусских рукописей в ней особенно замечательна: Око церковное, переведенное 28 лет спустя после того, как подлинник явился в Царьграде, и написанное в 1429 году в Троицко-Сергиевой Лавре, при митрополите Фотии, при игумене Савве, рукою инока Ионы; также – Донатус, сиречь Грамматика и Азбука, переведенная Димитрием Толмачом (известным нашим латинистом и сотрудником Максима Грека) с латинского языка в 1522 году, а списанная в 1563-м. К новому периоду литературы относятся автографы Державина.

26. *Библиотека Харьковского университета.*

27. *Библиотека Киевского университета.*

Перейдем к частным.

В Москве первое место для изучения древнего периода словесности занимает:

28. *Библиотека В. М. Ундольского.* Она заключает в себе более 1000 рукописей и много старопечатных книг. В собирателе виден отличный библиограф, истинный знаток дела, который не только умеет приобрести рукопись, но дополнить и оправить ее так, чтобы она вполне удовлетворила требованиям ученого специалиста.

Отметим некоторые замечательные рукописи этой библиотеки: Служба божественная пермская с зырянским словарем, Канон с молитвами Кирилла Туровского, Шестодневец Авраамия Палицына, Каноны русским святым, Пасхалии архиеп. Геннадия XVI века, Нила Сорского устав современный, Духовная Иосифа Волоколамского, Маргарит новый Златоуста в переводе князя А. М. Курбского, Лествица монаха Авраамия 1412 года, Пчела со Словом при конце Даниила

[1] Статья г. Артемьева о библиотеке Казанского университета и об исторических ее рукописях помещены в «Журн. Минист. нар. просв.» (1851, июнь и ноябрь. 1852, сентябрь. 1854, июль и август).

Заточника, Собрание житий святых русских, самое обильное, Описание Нового Иерусалима, Катехизис великий Лаврентия Зизания, Венец веры Симеона Полоцкого, Зерцало богословия Кирилла Транквиллиона, Палинодия Захария Копыстенского, Просветитель литовский, Книга о вере, О вере единой, Прение о вере, Пасхалия В. Тредиаковского, вся полемика братьев Лихудиев с Сильвестром Медведевым, Просветитель Иосифа Волоцкого с весьма редким 12-м словом, Максима Грека слова и главизны с экземпляра Сергиевой Лавры, Беседы инока Зиновия на ересь Феодосия Косого, Артемия старца послания против Будного, Увет духовный Патриарха Иоакима рукописный, Игнатия митрополита Сибирского послания, Соловецкая челобитная с ее историею, Поморские ответы, Библиотека староверческой церкви, Словарь староверческой церкви, Никодимовы ответы, Ответы Ивана Пошехонова, Ответы архангелогородские, Хрисмологион Николая Спафария, Писида Георгия о сотворении всея твари, Симеона Суздальского о 8-м соборе, Проскинитарий А. Суханова, Коробейникова путешествие, Украинцова Емельяна посольство в Турцию (1700), Макария и Сильвестра иеромонаха путешествие в Иерусалим (1704), Летописный сборник со стихом о Голубиной книге в конце, Слово о Мамаевом побоище, Сочинения кн. Курбского, Сказание о Гришке Отрепьеве, напечатанное в «Чтениях», Письма Сильвестра Медведева, Риторика Козмы, Сатиры Кантемира, Пословицы по алфавиту, Собрание рукописных сказок, Слово о Бове, О Димитрии Басарге купце слово, Сказание о богатыре Еруслане, о Фроле Скобееве история, Грамматика и Риторика Софрония Лихуда, Кормчая, собственноручно правленная митрополитом Макарием, и проч. Мы ставили рукописи по порядку нумеров каталога.

29. *Библиотека А. И. Лобкова.* В образцах славянорусского древлеписания, изданных Погодиным, находим из этой библиотеки харатейные рукописи: Пролог, писанный в 1283 году в Новегороде, Служебное Евангелие XIII или начала XIV века, Апостол XIV века и Толковый Апостол, писанный на бумаге в 1503 году. В числе рукописей есть превосходный

экземпляр Бесед инока Зиновия, ученика Максима Грека, против ереси Феодосия Косого.

30. *Библиотека старопечатных книг И. Н. Царского.* Мы знаем об этой библиотеке по описанию, составленному и изданному П. М. Строевым[1]. Она недавно приобретена графом В. П. Орловым-Давыдовым и перевезена в Отраду, его подмосковную.

31. *Библиотека А. Д. Черткова.* Покойный собиратель имел в виду одну патриотическую мысль: соединить в своей библиотеке книги на русском и иностранных языках, касающиеся России. Он издал им печатный каталог с двумя прибавлениями в малом числе экземпляров[2]. Теперь библиотека принадлежит сыну собирателя, Г. А. Черткову, который наследовал от отца своего любовь к книжному делу и обещает сделать ее публичною.

32. *Библиотека С. Д. Полторацкого.* Основанием для нее послужила библиотека, собранная библиофилом Петром Кирилловичем Хлебниковым. Ею пользовался и Карамзин, нашедший в ней Летопись Киевскую, единственный список Несторовой летописи с именем Нестора, по имени владельца названный Хлебниковским, и Летопись Волынскую. В ней собрана была вся современная и предшествовавшая русская литература. Между рукописями замечательны были собственноручные письма к Хлебникову епископа Крутицкого о поимке Пугачева. Много библиографических редкостей она заключала в себе, между прочим оду Ломоносова Иоанну Антоновичу 1741 года. Сын основателя библиотеки, Николай Петрович Хлебников, унаследовав любовь к книгам от отца, умножал ее. От Хлебниковых она досталась по наследству Д. М. Полторацкому, а от него перешла уже к известному нашему библиографу Сергею Дмитриевичу, который постоянно ее увеличивал.

[1] Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке И. Н. Царского, издал П. Строев. С 12 гравированными изображениями шрифтов. М., 1636.

[2] Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. М., 1838. Тут же и первое прибавление с 529-й стр. Второе прибавление к нему вышло в 1844 году.

В числе библиографических редкостей находится в ней собрание «Русских ведомостей», московских и петербургских, со времен Петра Великого (1703), самое полное. Оно может служить одним из лучших пособий для изучения нового периода русской словесности. Часть этой библиотеки находится в Москве, другая – в селе Авчурине, близ Калуги. Желательно бы было, чтобы библиографические труды, совершенные владельцем над своим книгохранилищем, были изданы в свет. Ему мы обязаны полнейшим обозрением русских журналов до 1828 года. напечатанным в «Московском телеграфе».

33. *Библиотека С. А. Соболевского.* Начало библиотеки положено значительным собранием книг, исключительно французских, прошлого столетия, которые владелец наследовал. С тех пор он всегда собирал книги о разных предметах по мере того, как любознательность его переходила от одного предмета к другому. Впоследствии многолетние его путешествия доставили ему случай пополнять начатые собрания.

Библиотека С. А. Соболевского содержит до 20 000 томов, из которых около 3000 книг русских. Тут все наиболее необходимое по русской словесности и истории, замечательно полнотою собрание всех русских путешественников и русских писателей о странах, вне Европы находящихся. Рукописей одна: никому неизвестное и весьма занимательное путешествие попа Иоанна Лукьянова, ездившего в Иерусалим в 1701 и 1702 годах[1].

34. *Библиотека М. Н. Лонгинова.* Для изучения истории русской словесности нового периода, начиная от Кантемира и Ломоносова, это едва ли не первое пособие, потому что библи-

[1] В иноязычных книгах библиотеки надобно заметить: 1) многотомное собрание самых редких старинных путешествий, печатанных с конца XV века по конец XVII на всех европейских языках, в числе коих особенно замечательны испанские; 2) коллекция всего лучшего и редкого из сочинений, служащих для изучения библиографии, истории книгопечатания и истории словесности; 3) много сочинений тех средневековых поэтов и прозаиков, от которых ведут свое начало нынешние словесности: немецкая, французская, английская, итальянская, испанская и португальская. В последнем отделе много книг истинно редких и любопытных. Это собрание ценится за границею.

отека задумана и собрана с этой целью. Собиратель стал известен в нашей современной литературе многими замечательными статьями, относящимися к русской библиографии и к истории русской словесности; но при его огромных средствах и при его даровитой деятельности мы вправе от него ожидать полной русской библиографии нового периода.

Сообщим подробности об этой библиотеке, за которые изъявляем признательность самому ее владельцу.

В ней заглавий 2659; томов, брошюр, оттисков, листов и т. д. – 5453[1]. Библиотека, посвященная исключительно русской словесности, составлена из произведений и трудов 927 авторов, переводчиков, редакторов и издателей. Есть много других неизвестных. Она имеет характер чисто литературный и собрана по плану, заранее обдуманному. С 1851 года М. Н. Лонгинов начал собирать ее в Петербурге и собрал разве одну четверть или треть настоящего собрания; сюда вошли и книги, наследованные владельцем от его родителя; все остальное собрано в Москве начиная с 1854 года. Книгопродавцы – в Петербурге Я. В. Матюшин, а в Москве И. Г. Кольчугин и Зайцев-сын – снабжали старыми книгами любознательного собирателя, который сам рано приобрел библиографическую опытность.

Самый богатый отдел составляют полные собрания сочинений в стихах и прозе разных авторов. Здесь не забыты даже и самые плохие писатели, а образцовые, начиная от Ломоносова до Гоголя и Аксакова, собраны во всех, *по возможности*, изданиях или, по крайней мере, большей их части. Сюда относятся превосходные экземпляры первых изданий, как полного собрания сочинений, так и отдельных произведений почти всех русских писателей. Альманахи и разные сборники разных авторов представляют также полноту желанную. Русские журналы и главные литературные газеты – довольно полное и редкое собрание. Здесь почти все мелкие сатирические журналы XVIII века и в их числе едва ли не единственная у частных любителей «Поденщина» Василья

[1] Так было к 15 октября 1859 года. Здесь это число очень важно, потому что библиотека растет днями.

Тузова, 1769 года, все новиковские издания, весь «Сионский вестник», «Европеец» и другие. Отдельно изданные произведения – эпические, драматические, лирические и пр. – собраны преимущественно важнейшие по содержанию, имевшие почему-либо особый успех, написанные известными лицами и редкие почему-либо. Тут между прочим замечательны собранные в составных томах *все* произведения, отдельно изданные, авторов, собрания сочинений которых никогда не были вместе напечатаны; например пьесы Шаховского, Писарева, Загоскина, Кокошкина, Врончeнки и других.

Романы, повести и сказки представляют небольшой, но полный выбор сочинений в этом роде, лучших и более редких.

Остальные книги содержания преимущественно исторического, биографического (особенно о XVIII и XIX веках) и библиографического. Классические книги по разным предметам дополняют библиотеку. Небольшое собрание самых редких масонских книг составляет замечательную редкость и хороший материал для истории мистицизма у нас в России.

Рукописей мало, но особенного заслуживают внимания «Путешествия» Радищева, в четверку, рукопись, судя по почерку, конца XVIII века, из библиотеки П. В. Голубкова.

Между автографами любопытны надписи на книгах: *Державина* на великолепнейшем экземпляре его сочинений издания 1808–1816 годов, его племяннице, П. Н. Львовой; *Капниста* на роскошном экземпляре, издания 1796 года, поднесенном Д. А. Державиной; митр. *Платона* на экз. поучительных слов, поднесенном Мих. Матв. Ртищеву; *Гнедича* на экземпляре Танкреда и *Рылеева* – на экз. «Полярной звезды» 1824 года, подаренных Николаю Михайловичу Лонгинову. Есть автографы Пушкина, Гамалеи, Дмитриева, Жуковского, Аксакова, Чаадаева, Графа С. С. Уварова и других.

Из редких книг можно указать на «Жизнь Сифа» Фонвизина, на первые переводы Карамзина: Юлий Цезарь, Эмилия Галотти и другие, на Вадима Княжнина, на «Российского Жилблаза» Нарежного, на «Пригожую повариху» Чулкова, на «Сатиры» Рабенера Трусова, на «Думы», на поэму «Вой-

наровский» и на «Полярную звезду» всех годов Рылеева и проч. и проч.

Все книги и брошюры переплетены. При библиотеке три каталога: 1) каталог по отделам; 2) азбучная роспись авторов, переводчиков, редакторов и издателей русских; 3) каталог сочинений по алфавиту авторов.

Пожелаем, чтобы владелец этой прекрасной библиотеки, вмещающей в себе все умственное движение нашей светской литературы нового периода, ознакомил нас печатным образом с ее каталогом и в нем несколько подробнее и библиографически с теми сокровищами, которые она в себе заключает.

35. *Библиотека Г. Н. Геннади.* Наша наука обязана собирателю отличным библиографическим трудом, который он издал под заглавием «Литература русской библиографии»[1]. Библиотека его рассеяна в Петербурге, Москве и в деревне Смоленской губернии Сычевского уезда.

В Петербурге находится превосходная для изучения древней русской словесности:

36. *Библиотека графа А. С. Уварова.* Мы знаем о ее содержании по печатному каталогу рукописей И. Н. Царского, которые были приобретены графом А. С. Уваровым; но собиратель с тех пор значительно умножил свое книгохранилище. По рукописям графа Уварова изданы были Г. Сухомлиновым в 1858 году «Творения Кирилла Туровского».

37. *Библиотека князя Б. Д. Голицына*, около Москвы, в селе Вяземах. Она досталась князю Борису Дмитриевичу по наследству от родителя его, князя Дмитрия Владимировича Голицына, всегда Москве памятного добром и ее любимого градоначальника. Основание этой библиотеке положено было братом его, князем Борисом Владимировичем, одним из просвещеннейших вельмож своего времени, приятелем Державина, Мерзлякова, который в его доме на Басманной читал публичные лекции. Библиотека особенно замечательна собранием книг, изданных при Петре Великом в Голлан-

[1] Литература русской библиографии. Опись библиографических книг и статей, изданных в России. Издал Григорий Геннади. СПб., 1858.

дии, в Москве и в Петербурге. Здесь же находятся: полный экземпляр Нового Завета на голландском и славянском языках 1717–1719 годов издание, как известно, весьма редкое; собрание «Ведомостей» довольно полное и проч. Библиотека иностранная изобильна рукописями, весьма редкими по миниатюрам, их украшающим, а особенно: «Livre de chasse, traité de Gaston Fébus, fait pour lefameux Philippe de France duc de Bourgogne frere de Charles roi de France, manuscrit del'an 1381» и французский перевод новелл Боккаччо 1414 года, переведенный 39 лет спустя по смерти автора с десятью превосходными миниатюрами.

В Симбирской губернии:

38. *Библиотека М. А. Дмитриева.* Она досталась известному писателю после покойного дяди его, Ивана Ивановича. Здесь находятся «Записки» сего последнего, изданные только отрывками в «Москвитянине»; здесь же – и собрание писем Карамзина к другу его, Дмитриеву, писанных за многие годы; одна только часть их была напечатана в «Библиографических листах». Самая библиотека, находящаяся в симбирской деревне настоящего владельца, содержит в себе многочисленное собрание редких книг, которые рачительно собирал и хранил ее покойный владелец.

Основание публичной библиотеки в Москве принадлежит к числу самых настоятельных современных потребностей отечественного просвещения. Она могла бы соединить со временем и те книжные сокровища, которые находятся в частных руках. Из примера библиотек Новикова, Татищева, Сопикова, Мусина-Пушкина, Баузе, Смирдина, Лаптева и многих других мы могли видеть, как частные книгохранилища непрочны, как зависят они от обстоятельств, как пропадают даже без вести, если не приобретаются в государственную собственность. Мы вполне убеждены в том, что московские граждане, чувствуя эту потребность просвещения, захотят ознаменовать приближающееся тысячелетие России учреждением всенародного книгохранилища в древней ее столице.

Такое дело было бы достойно и их любви к Отечеству, и того великого праздника, который нас ожидает.

Основание библиотек во внутренних городах Империи принадлежит к числу отрадных явлений современных. Мы желали бы, чтобы оно простерлось не только на города, но и на села. Тогда только мысль о распространении грамотности в народе найдет для себя плодотворную пищу, когда при всякой сельской церкви будут устроены училище и сельская библиотека. Тогда только исполнится в народе русском завет первоучителя славянской грамоты, св. Кирилла, выраженный в предисловии к переводу Евангелия и звенящий нам теперь укором из глубины десяти веков: «Душа *безбуковная* (т. е. не просвещенная грамотой) мертва является в человеках».

Вспомогательными науками при истории словесности являются *палеография* и *библиография*.

Для того чтобы положить основания славянорусской палеографии, трудились Оленин, Карамзин, Ермолаев, хранитель рукописей Императорской публичной библиотеки, митрополит Евгений, Кеппен, Востоков, Калайдович, Строев, Иванов, Погодин, Бередников, Бодянский, Ундольский, Тромонин, Буслаев, Срезневский и многие другие.

Исчислим те ученые исследования и издания, в которых мы можем почерпнуть некоторые данные для этой науки.

Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне тьмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году, с описанием картин, к письму приложенных, соч. А. Оленина. СПб., 1806. Это первый отчетливый палеографической труд в нашей литературе.

Примечания на грамоту Великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю, напечатанные митрополитом Евгением в «Вестнике Европы» 1818 года с приложением списка самой грамоты. Здесь изложены в первый раз на основании данных всеобщей палеографии верные начала и для палеографии славянорусской.

В этой науке составило эпоху важное открытие, сделанное Востоковым касательно употребления юсов в наших древнейших рукописях; а потому мы по порядку времени должны здесь доставить и его «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам», напечатанное в XVII части «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете», 1820 (стр. 43–53). Вот слова из этого рассуждения, относящиеся к вопросу:

«В Остромировом Евангелии употреблен ѫ именно там, где поляки ą или ę произносят. Такое же строгое различие наблюдается в Остромировом Евангелии между ѫ и ѧ, какое между ѫ и оү. Ѫ ставится там, где у поляков ią или ię, или ą ę после l, rz, ź, cz; а ѧ, где чистое ia. Если бы действительно оказалось, что таковое правописание принадлежало болгарскому диалекту, то сие открытие послужило бы в подкрепление тому мнению, что славянская азбука изобретена первоначально для болгар, кои имели в языке звуки носовые звуки ѫ и ѧ. В древнейшие времена наблюдалась, вероятно, разность в произношении между сими звуками, так как у поляков ą и ę; ибо в Остромировом Евангелии никогда ѫ и ѧ один вместо другого не употребляются. Может быть, в 13-м или 14-м веке болгары начали в произношении смешивать сии два носовых звука, а потому и начертания оных употреблять одно за другое».

Все позднейшие исследования подтвердили истину этого открытия.

Иоанн, экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. Написано Константином Калайдовичем. С 16 гравированными изображениями. Москва, 1824. Здесь автор на 25–27 страницах изложил результаты своих палеографических изысканий и подтвердил их приложенными снимками. Седьмой снимок меньших букв, киноварных, особенно достоин изучения для палеографа.

Палеографические таблицы почерков с XI по XVII век (числом 12), принадлежащие к обстоятельному описанию сла-

вянороссийских рукописей, хранящихся в библиотеке графа Ф. А. Толстого, составленному Калайдовичем и Строевым и изданному в 1825 году, представили наглядным образом, хотя весьма неполно, изменение наших почерков по столетиям.

В собрании «Словенских памятников, находящихся в России» (СПб., 1827), издатель их Кеппен в первый раз обнародовал «Начертания букв и разных знаков Остромирова Евангелия».

Образцы славянорусского древлеписания, издаваемого профессором Погодиным. М., 1840–1841. Их литографировал художник Тромонин; вышло только две тетради. В первой помещено 20 образцов, которые начинаются X веком и оканчиваются 1445 годом; вторая тетрадь содержит также 20 образцов и, представляя много дополнений к предыдущей, простирается до 1720 года. Это превосходные материалы для изучения нашей палеографии. Здесь наглядным образом можно полнее, чем где-нибудь, проследить хронологически изменения славянорусского почерка. Не можем кстати не упомянуть также о «Русском историческом альбоме на 1837 год» того же издателя, который содержит 261 автографический снимок.

В предисловии к «Описанию русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» (СПб., 1842) Востоков изложил особенные признаки почерков и правописания, встречаемые в рукописях. В «Грамматических правилах словенского языка, извлеченных из Остромирова Евангелия», приложенных к изданию самого текста (СПб., 1843), он же установил первые филологические начала, без которых не может обойтись палеограф, изучающий рукописи.

Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма, разных периодов времени, изданный для воспитанников Межевого института П. Ивановым. М., 1844. Сборнику снимков предшествует «Исторический взгляд на развитие славянорусской письменности и словесности», в котором автор изложил исторические изменения в нашем языке, поскольку они связаны с палеографией. Снимки расположены в хронологическом порядке, сделаны с грамот, начиная с древ-

нейшей Мстиславовой, данной Новгородскому Юрьеву монастырю, и с других актов, обозначенных годами; представляют также азбуки древнейших памятников XI, XIII и XIV столетий и скорописи, начиная с XV по XVIII век включительно. Эта наглядная русская палеография имеет в виду практическую пользу для образованных межевщиков, которые должны быть добрыми начетчиками древних актов вотчинного владения; но она может быть полезна и для всякого, изучающего славянорусскую палеографию.

Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Московской синодальной библиотеки И. Д. Э. О. профессора Ф. Буслаевым, с приложением 22 снимков, литографированных Ионою Шелковниковым. М., 1855. Здесь, по моей мысли, выбраны были те древние греческие рукописи VII, VIII и XI столетий, которые находятся у нас в Синодальной библиотеке и могут служить для сличения славянских букв с греческими, а из славянских выбраны для снимков наиболее замечательные и обозначенные годами, начиная с 1073 года и оканчивая 1537-м, с той целью, чтобы можно было наглядным образом проследить изменения почерков по рукописям, особенно значительным. Профессор Буслаев снабдил этот труд обильными филологическими исследованиями, в которых предлагаются и филологические пособия, столь необходимые для палеографии.

К числу пособий для славянорусской палеографии до́лжно отнести сочинение г. Пыпина, напечатанное в «Ученых записках Акад.» (кн. 2, СПб., 1856) «Описания рукописей А. Х. Востокова». Заглавие неясно – правильнее было бы сказать: описание рукописей, составленных А. Х. Востоковым.

Не привожу особенно других палеографических снимков, рассеянных в «Достопамятностях Москвы» Тромонина[1] и в приложениях к сочинению профессора Бодянского «О времени происхождения славянских письмен», – там они прилагались с другой целью.

[1] Шесть тетрадей. 1845.

Срезневский в «Известиях Второго отделения Академии» предложил краткое и легкое обозрение того, что до сих пор было совершено для славянорусской палеографии, под заглавием «Палеографические исследования памятников русской древности»[1].

При изучении древних рукописей и грамот до́лжно рассматривать: 1) вещество, на каком они писаны, 2) вещество, каким писаны, 3) почерк, употребленный писцом, 4) правописание.

Вещество, на котором писались наши древние рукописи и грамоты, было трoякое: пергамен, хлопчатая бумага, или бомбицина, и холстинная бумага. В глубокой древности и в Средние века для межевых планов употреблялась березовая кора, или луб. По свидетельствам арабских писателей X века, паспорты, или грамоты пропускные, писались у нас на белой коре древесной. В юридических актах XV века встречаем выражения: «*да и на луб выписали... да и велись по лубу*» (1483). Императорская публичная библиотека в своей выставке материалов для писания показывает и русскую бересту, или верхний слой березовой коры.

Пергамен есть самый древний у нас материал для писания рукописей и грамот. Древнейшее ему название было *хартия* или *харатья* от греческого слова χάρτης, χαρτίον, откуда происходит слово *харатейный*. Пергамен (περγαμηνὴ χάρτη), как известно, получил название свое от города Пергама, где при господстве царей Атталов грамматик Кратес если не сам изобрел, то, по крайней мере, усовершенствовал изобретение этого вещества для письма, которое приготовляли из кожи животного, преимущественно бараньей.

Слова *пергамен*, или *пергамент* у нас позднейшего употребления.

Нельзя сомневаться в том, что мы это вещество, т. е. харатью, получали из Греции, еще до введения христианства, потому что на харатье были писаны договоры Олега, Игоря и Святослава, как это свидетельствуют летописец и самые памятники. Предположить можно, что и Новгород получал его

[1] Т. VI. Л. 17 и 18-й «Известий».

от Запада, через торговлю с Ганзою; но выделывали ли у нас свой пергамен, мы того не знаем. Все древнейшие наши рукописи и грамоты XI, XII, XIII и первой половины XIV века писаны на пергамене. Это вещество встречается и позднее, но уже становится редким.

Хлопчатая бумага, или бомбицина, заметна толщиною и плотностью своею в старинных наших бумажных книгах и грамотах. Она обыкновенно вылощивалась зубом или каким другим орудием у писцов. На такой бумаге писаны все татарские и калмыцкие старые грамоты. Древнейшие русские грамоты, до сих пор известные, писаны на хлопчатой бумаге: договорная грамота Симеона Гордого, первого Великого князя *всея Руси*, с его братьями, кн. Иваном и кн. Андреем, в 1341 году, и духовная его же, в 1353-м. Древнейшая книга бумажная в библиотеке Санкт-Петербургской Академии наук писана в 1371 году.

Холстинная бумага тонкая появилась у нас также с XIV века. Карамзин замечает, что тряпичную бумагу предки наши получали тогда через немцев. Выделывать бумагу на своих фабриках мы начали не прежде царствования Алексия Михайловича или Феодора Алексеевича. Древность бумаги, а потому и столетие, когда писана рукопись, можно отчасти узнавать по клеймам, какие на ней обозначаются: так, например, *бычья голова* есть клеймо, свидетельствующее об отдаленной древности рукописи. У нас двое трудились над решением этого вопроса: купец Лаптев[1], известный бывший владелец богатой библиотеки, и художник Тромонин[2]. Первый издал 152 клейма, с 1439 года по 1700; второй умножил число знаков до 287, но расположены они не в хронологическом порядке.

---

[1] Опыт в старинной Русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков вологодского купца Ивана Лаптева. СПб., 1824.

[2] Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. Собрал и издал Корнилий Тромонин. М., 1844.

Вещество, которым писали, были чернила, киноварь, золото, серебро и разные краски. Текст в рукописях писался чернилами, которые отличались необыкновенной прочностью, потому что так ясно сохранили письмена через многие столетий. Киноварь, или красные чернила, употреблялась для заглавий и больших, или прописных, букв, которые отличались фантастическими узорами, составленными из зверей, птиц и других украшений, как свидетельствуют это снимки, превосходно изготовленные Тромониным и особенно Шелковниковым. Одна и та же буква писалась бесконечно разнообразными узорами, в которых была неисчерпаема фантазия писца-художника. Имели ли все эти узоры какое-нибудь символическое значение, решить трудно: этого никто не исследовал. Нет примера, чтобы рукописи наши или древние грамоты писались сплошь киноварью. Есть одно только исключение: Иоанн Грозный в 1555 годя написал письмо к Гурию, архиепископу Казанскому, все киноварью, может быть, из подражания императорам греческим, имевшим исключительное право подписывать свои грамоты пурпуровыми или багряными чернилами, которые изготовлялись для них из крови каких-то раковин и назывались encaustum sacrum. Золото, серебро, разноцветные краски употреблялись для заглавных рисунков над книгами и для начертания первоначальных вензелеватых букв в виде животных или насекомых.

Перейдем к почерку. Древнейший есть *устав*, или *уставный* почерк, у западных дипломатиков называемый litterae unciales: он смешан из заглавных угловатых и некоторых округлых букв. Устав разделить можно на крупный и мелкий; но буквы и в том и в другом сохраняют одинаковый характер. Уставом писаны все наши древнейшие рукописи и грамоты XI, XII, XIII и части XIV века.

За уставом следует полуустав, состоящий больше из округлых, нежели прямолинейных букв, что ясно можно заметить в палеографических снимках Калайдовича и Строева, № 3 рукопись 1397 года, или в снимках Погодина из харатейного Служебника и такого же Апостола XIV века (№ 16

и 17 первой тетради). Здесь наглядным образом увидите, что такое полуустав и как он зачинается у нас со второй половины XIV века.

Скоропись, или *скорописное* письмо, началось с XV века и пришло к нам из Польши.

До́лжно заметить, что устав встречается и в рукописях позднейших веков; но этот почерк есть только подражание древнему и снят верно и точно с древних пергаменных рукописей.

В рукописях, чем они древнее, тем ближе слова пишутся друг к другу, без расстановки, разве отделяясь где точками.

Перейдем к признакам букв по векам и к знакам препинания.

Рукописи самые древние имеют большое сходство с греческими VIII и IX века. Для того чтобы убедиться в этом, любопытно взглянуть на снимки греческие, приводимые у Монфокона, или на те, которые были изданы в палеографических материалах к столетнему юбилею Московского университета, и сличить их с Остромировым Евангелием и другими древнейшими нашими рукописями. Это сходство поразит во всем, и никакого сомнения не останется у вас, что кирилловская азбука списана в главных своих письменах с греческой азбуки IX столетия. Особенное внимание обратить надобно на букву И, которая походит на теперешний Н, как греческая, и на букву Н с ее диагональной чертою N. Но и все прочие буквы, сходные звуками в обеих азбуках, славянской и греческой, обнаружат такое же сходство в начертании.

В так называемых йотированных гласных буквах, которых начертание обозначено через ї, поперечная черта в гласных ѥ, н, ю, ѩ, положенная горизонтально, служит приметой древнейших рукописей: ибо черту эту в XIV веке начали поднимать вверх, и она получила вид диагонали. Древнейшее начертание буквы Ъı указывает на ее составление из букв Ъ и I, соединяемых нередко горизонтальною черточкой. Позднейшее ее написание, соответствующее теперешнему Ы из Ь и I, начинает встречаться с XIII века, и особенно в сербских рукописях.

Из букв согласных особенные признаки древности, по Востокову, можно заметить в буквах Ч, Ж и З. Древнейшая форма буквы Ч есть чаша. Гениальная догадка А. С. Хомякова, что эта форма была ей дана самим ее изобретателем, совершенно оправдывается, когда взглянешь на начертания этой буквы в азбуке, приложенной Калайдовичем к изданию Иоанна, экзарха Болгарского. С XIII и особенно с XIV века Ч принимает форму вилообразную. Буква Ж в древнейших рукописях более сжата к середине своего стана. С XIV века она становится шире, и нижняя часть ее больше поднимается кверху. Буква З в древнейших рукописях нижним концом более загнута прямо, а с XIV века откидывается больше направо.

С XV века буква Ч получает теперешнюю свою форму, буква З также, Ж встречается почти теперешняя скорописная. Достойна замечания также по своим изменениям буква Т: в древнейших рукописях она пишется с поднятыми крыльями, как ее первоначальный образчик греческий, но с XV века она больше и больше опускает свои крылья и переходит в нынешнее *т*.

Древнейшие знаки препинания: точки посередине строки и крестообразное, вероятно символическое, четвероточие, как бы служившее отдыхом для набожного писца, его крестное знамение, где точки заменяют персты. С XIII и XIV веков точка становится уже у подошвы букв; с XIV и особенно с XV века входят запятая и двоеточие. Ударений в древнейших пергаменных рукописях нет; они появились в бумажных.

Правописание, по Востокову, в рукописях наших троякое: *русское*, *болгарское* и *сербское*. *Русское* есть то, которое мы видим в печатных церковных книгах. В нем нет юсов (ѫ), а ѧ и ѩ равнозвучны. Мстиславово Евангелие, хранящееся в Москве в Архангельском соборе, может служить образчиком древнейшего русского правописания. Болгарское древнее отличается употреблением ѫ и ѧ в значении носовых букв ą и ę. Остромирово Евангелие представляет древнейший для него образец; в нем весьма немногие отступления встречаем от этого правила. Сюда же относятся Толковая Псалтирь Чудовской обители, от-

рывок из Толковой Псалтири, принадлежавшей митрополиту Евгению, Житие Кодрата, Житие Феклы. *Болгарское* позднейшее правописание смешивает ѫ и ѧ, употребляя одно вместо другого. С XIV века *юсы* у болгар совершенно утратили свое носовое значение и, по замечанию Калайдовича, употребляются в болгарских рукописях на место различных гласных букв: *а*, *о*, *у*, *ю* и *я*. Позднее буква *юс* сделалась особенным признаком задунайских и молдовлахийских славянских рукописей. *Сербское* правописание, подобно русскому, не употребляет юсов, но от русского отличается употреблением ь-ря, вместо ъ-ра, и Е вместо ѧ. Видно, что сербы скоро утратили твердый звук Ъ. Рукописи, так называемые киприановские, хранящиеся в Троицкой Лавре, могут служить лучшим тому доказательством. Даже в Никоновском служебнике Троицкой ризницы видно сильное влияние Сербского ь-я.

Букву Ѣ как болгары, так и сербы употребляют правильно; но русские писцы позднейшего времени, утратившие в языке своем различие звуков Ѣ и Е, часто ставят Е вместо ѣ. Ярким примером неправильности такого употребления этих двух букв у русских писцов может служить Русская летопись по Никонову списку.

Перейдем к *библиографии*. Здесь прежде всего укажем на два отличных труда, облегчающих для нас библиографию самой библиографии: «Библиографические розыскания» В. М. Ундольского[1], важные для древнего периода истории русской словесности, и на «Литературу русской библиографии, или Опись библиографических книг и статей, изданных в России» Г. Я. Геннади[2], особенно важную для нового ее периода.

В древние времена предки наши не были чужды библиографических занятий. Первыми у нас библиографами были: Максим Грек, разбиравший библиотеку В. князя Василия IV Иоанновича; справщик монах Евфимий, составивший оглавление Четьих-миней митрополита Макария, и особенно Сильвестр Медведев, автор сочинения «Оглавление книг, кто их

1 Москва, 1846.

2 СПб., 1858. См. выше.

сложил», первого русского библиографического труда, который был издан новым нашим славным библиографом В. М. Ундольским, усвоившим Сильвестру Медведеву имя отца славянорусской библиографии.

Укажем сначала на те издания, которые прежде всего могут служить руководствами и посевами при изучении славянорусской библиографии. Первая роспись книгам гражданской печати, по замечанию Г. Геннади, была у нас составлена при Петре Великом, под заглавием «Реестр книгам гражданским, которые, по указу Царского Величества, напечатаны новоизобретенною амстердамскою азбукою, по 1-е число июня нынешнего 1710 году» (в «Моск. вед.» 1710, мая 31).

Начала для русской библиографии положены у нас в новом периоде иностранцами. Первый, трудившийся ученым образом на этом поприще, был Бакмейстер, инспектор гимназии при Академии наук. С 1772 года по 1787-й включительно он издавал на немецком языке «Русскую библиотеку», служащую к познанию настоящего состояния литературы в России[1]. Начиная со знаменитого «Наказа» Екатерины эта «Библиотека» представляет полную библиографию русской словесности за 1772–1787 годы, с алфавитным указателем авторов и книг в конце XI тома. Нельзя не пожалеть, что такое издание не продолжалось. Мы имели бы в нем превосходный материал для истории русской словесности нового периода. Бантыш-Каменский, издавая в 1776 году при Московском университете Бургиеву «Риторику», приложил к ней список русских книг, которые были ему известны, по семи отделам (филология, история, география, математика, медицина, философия, богословие), до 900 заглавий, но далеко не полный, по замечанию Бакмейстера, потому что Академическая библиотека вмещала тогда уже 1500 заглавий[2]. Другие два ученых иностранца, Шторх и Аделунг, предприняли подобный

[1] Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Literatur in Russland, herausgegeben von H. L. Chr. Backmeister. 1772– 1782. St.-Petersburg, Riga und Leipzig. 11 томов.

[2] Ioh. Frid. Burgii elementa oratoria. Edidit Nicolaus Bantisch-Kamenski. 1776.

Бакмейстерову, но уже систематический труд для русской литературы за первое пятилетие царствования Александра I (1801–1806)[1]. В первом томе, кроме предисловия, библиографически описана вся русская литература за это пятилетие, по разным ее отделам, с алфавитным списком русских писателей и их сочинений: это труд Шторха; второй том, составленный Аделунгом, содержит иностранную литературу в России.

Далее следует до сих пор по полноте единственный «Опыт российской библиографии» Василия Сопикова[2]. В этом труде Сопиков представил нам результат двадцатилетних занятий своих книжной торговлей. В предуведомлении он сделал общее обозрение распространению типографий в Европе, в славянских землях и в России. Тут приложен и список первых книг, вышедших из типографий разных городов в Европе, начиная с Майнцкой Псалтири 1457 года и кончая 1500 годом. Далее следует «Роспись славянским книгам», расположенная по годам, от начала заведения типографий до XVIII столетия. Что не попало в эту роспись, то считается у нас необыкновенно редким. *«Нет у Сопикова!»* – известная поговорка у наших библиографов, желающих похвалиться редкостью книги. Затем помещено краткое известие о начале гражданских типографий в России, заимствованное у митрополита Евгения, и указание на те, какие в ней тогда существовали. Сопиков предложил и свою новую библиографическую систему. Первая часть «Опыта» заключает по алфавитному порядку книги славянские духовные, с росписью писателей и их сочинений в конце части; последующие четыре части содержат в себе

[1] Систематическое обозрение литературы в России, в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год. Сочиненное А. Шторхом и Ф. Аделунгом. СПб., 1810– 1811.

[2] Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славянском и российском языках, от начала заведения типографии до 1613 года, с предисловием, служащим введением в сию науку, совершенно новую в России, с историею о начале и успехах книгопечатания, как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях и с краткими из оных выписками. Собранный из достоверных источников Василием Сопиковым. СПб., 1813– 1821. 5 частей.

книги светские гражданской печати и представляют самый полный библиографический материал для истории нашей словесности до 1813 года. Последняя, пятая часть была издана по смерти Сопикова Анастасевичем. В этих частях находим многие выписки, сделанные библиографом из замечательнейших произведений русской словесности.

В Словаре духовных писателей митрополита Евгения необходимо указать на биографию диакона Иоанна Федорова, первого печатника русского, и сотрудника его, Петра Тимофеева Мстиславцева[1], где духовный библиограф изложил истории первого учреждения типографии церковной и изобретения гражданской печати в России. Сопиков пользовался этой статьею, которая первоначально была напечатана в «Друге просвещения» в 1807 году.

Недостатки Сопикова в «Славяно-церковной библиографии» восполняются «Хронологическою росписью первопечатным словенским книгам», которую Кеппен приложил к «Библиографическим листам» своим, изданию 1825 года. Эта роспись начинается Новым Заветом на чешском языке 1475 года, изданным неизвестно где, и оканчивается Виленским Евангелием 1600 года, с дополнительными замечаниями[2], которые возводят славянское книгопечатание к письмам Ивана Гуса из Костница, к священнику Гавлику и другим лицам 1459 года. Русская словесность имеет полную библиографию за этот счастливый для нее 1825 год в издании Кеппена. Но публика, к сожалению, не поддержала этого полезного предприятия.

Другое важное дополнение к труду Сопикова представляет «Обозрение славянорусской библиографии», изданное Сахаровым[3]. Оно начинается Краковским Шестодневом 1491 года и оканчивается Чином освящения воды 1655 года, изданным в Москве. Драгоценны указания библиографа на то, в

[1] Т. 1. Стр. 260.

[2] Библиографические листы. № 26.

[3] Обозрение славянорусской библиографии. Т. I. Книга 2. СПб., 1849. На обвертке показан выпуск четвертый. 184 стр. Обещано довести библиографию до 1731 года, но доведена только до 1655-го.

каких библиотеках находятся описанные им книги, и ссылки на те статьи, в которых о них было что-нибудь сказано. Любопытно в предисловии указание на те типографии, откуда вышли все 1800 изданий, какие предполагал сполна описать наш достойный библиограф.

Дополнением к другой части «Опыта» Сопикова служат уже известные нам росписи библиотек Плавильщикова и Смирдина, на которые указано в «Материалах».

В новое время литературные журналы наши представляют довольно подробную библиографию русских книг. Такою полнотою особенно отличаются «Отечественные записки», добывающие материалы для того из самых полных официальных источников. За некоторые годы имеем мы библиографические отчеты при «Журнале Мин. нар. пр.». Замечателен отчет за 1855 год, составленный для «Русской беседы» г. Бартеневым. Подробной, полной и систематической библиографии русской словесности мы вправе ожидать только от ученых деятелей Императорской публичной библиотеки, которая имеет все для того средства. Книжная наша торговля не получила еще ученой библиографической основы, и мы не имеем таких каталогов, какие ежегодно печатает по четвертям года Лейпцигская ярмарка. Мы ожидали подобного явления у нас от книжного магазина гг. Щепкина и Солдатенкова; но ожидания наши, к сожалению, не сбылись. Мы обязаны, однако, выразить благодарность этим книгопродавцам за издание «Библиографических записок», настойчивое продолжение которых и в 1859 году есть, конечно, плод их просвещенного усердия к прошедшим временам русской словесности[1].

Библиография в наше время имеет многих деятелей, от совокупных усилий которых мы можем ожидать зрелых плодов для нашей науки. Вот имена их: Афанасьев, Бодянский,

[1] Издание «Библиографических записок», к сожалению прекратившееся, ошибочно приписано гг. Щепкину и Солдатенкову. Мысль и исполнение этого полезного предприятия, не поддержанного участием публики, принадлежит г. Афанасьеву и Полуденскому. В числе лиц, действующих с пользою на поприще библиографии, пропущены имена гг. Бартенева и Бессонова. – *Позднейшее прим. автора из второго тома труда.*

Буслаев, Бычков, Геннади, Лонгинов, Погодин, Полторацкий, Полуденский, Пыпин, Сахаров, Срезневский, Сухомлинов, Тихонравов, Ундольский. Словарь русских писателей нового периода и библиографический указатель ко всем нашим журналам, касающийся биографии писателей и их сочинений, должен быть общим трудом таких библиографов, и желательно было бы, чтобы Общество любителей российской словесности, возобновив труды свои, в числе своих задач поставило и эти две, без которых история русской словесности нового периода никогда не будет иметь в своих руках полных материалов.

Первые толки о необходимости основания у нас типографии относятся к собору 1551 года, а первая типография основана была в 1553 году. Исторические подробности учреждения принадлежат XVI веку истории русской словесности. Медленно действовали наши предки в распространении печатного дела. От первого основания типографии до издания первой книги прошло 11 лет. В 1564 году был издан в Москве Апостол диаконом гостунским Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцевым, а в 1565 году ими же – Часослов. Было ли издано тогда Евангелие, – наверное не знаем, но есть указания довольно верные, что было.

Когда первые печатники наши бежали, по причинам еще недостаточно исследованным, из Москвы на юг, печатное дело продолжалось в Москве под руководством новых печатников, Никифора Тарасиева и Тимофея Невежи[1], и напечатана была в Москве, в 1568 году, Псалтирь. Но далее дело переносится уже в Александровскую слободу, где Андроник Тимофеев Невежа, вероятно сын предыдущего, напечатал Псалтирь в 1577 году.

Печатники, бежавшие из Москвы, действовали в Остроге, под покровительством князя Константина Константиновича Острожского, известного ревнителя православия на Юго-Западе России. Диакон Иван Федоров печатает в 1580 году Псалтирь, Новый Завет и всю Библию первым изданием, а в

[1] В акте 1556 года упоминаются еще печатный мастер Маруш Нефедов и резчик Васюк Никифоров, новгородец («умеет резати резь всякую»).

1581 году – также всю Библию вторым изданием. Она известна у нас под именем Острожской. Потом Иван Федоров продолжает печатать в Заблудове и в Лемберге (во Львове), где он и умер и где находится его гробница. Товарищ же его, Мстиславцев, действовал в Вильне.

Печатное дело в Москве возобновляется с 1589 года, трудами слободского печатника Андроника Тимофеева Невежи. Напечатаны были: Триодь постная (1589), Псалтирь (1591), Триодь цветная (1591, 1594), Октоих (1593, 1594). Но издание полной Библии в Москве отстоит от начала типографии на 110 лет и совершилось в 1663 году, при царе Алексее Михайловиче.

Во время пребывания Петра Великого в Голландии амстердамский типографщик Тессинг просил у него дозволения завести в Амстердаме славянскую типографию для печатания всяких математических и художественных книг с рисунками, также ландкарт, эстампов и проч., на немецком и русском языках[1]. Тессингу была дана привилегия печатать эти книги и торговать ими в России 15 лет. Голландец взял себе в сотрудники белоруса-студента, учившегося в Голландии и перешедшего в реформатскую веру, Илью Федорова Кошевского, или Кошевича, который переводил для этой типографии книги на русский язык. Здесь кроме математических и художественных книг печатались учебные книги для истории и латинского языка. Кроме Тессинга, или Ивана Тезина, как он у нас назывался, встречаем, далее, имена Авраама Бренана и Гендрика Броина, амстердамских же типографщиков, которые продолжали его дело. Для того чтобы заохотить русских людей, и особенно бояр, к голландскому языку, Петр Великий, зная, что Священное Писание было любимою книгою в России, приказал напечатать на голландском языке Новый Завет в Гааге, у типографщика Ван Дюрена, а Ветхий – в Амстердаме, у Данила Ван Лёвена, с белым полулистом для славянского текста, который следо-

[1] Выключая тех, сказано в привилегии, кои содержанием иметь будут догматы православной веры греко-кафолической и христианской вообще.

вало отпечатать в С.-Петербурге, в Александро-Невской типографии. Весьма немногие экземпляры были отпечатаны со славянским текстом одного Нового Завета.

В 1704 году Петр Великий с помощью справщика Московской типографии Федора Поликарпова изобрел новый почерк гражданской русской печати, применив ее к округлости латинской азбуки и выключив некоторые ненужные нашему правописанию буквы и ударения. Память и документы этого изобретения, равно как и станок, служивший Петру Великому, до сих пор хранятся в Московской Синодальной типографии. Буквы по рисунку Петра были отлиты в Амстердаме в 1707 году[1]. Первая книга, печатанная гражданскими буквами, вышла в 1708 году в Москве; это были «Приклады како пишутся комплементы разные на немецком языке»[2]. Затем, с бо́льшею пользою, приложено было новое изобретение к изданию «Московских ведомостей», которые с 1703 года печатались в Москве славяноцерковными буквами, а с 1710 – гражданскими. Гражданская типография переведена была в Петербург; первая книга гражданской печати, вышедшая там, была «Книга Марсова», в 1713 году, а за нею с 1714 года стали выходить той же печатью и «Санкт-Петербургские ведомости».

С 1727 года гражданская типография поступила в Академию наук и начала там постоянно печатать, при Академии, «Санкт-Петербургские ведомости». Разные правительственные учреждения в Санкт-Петербурге заводили у себя гражданские типографии: Сенат с 1713 года, Св. Синод при своей канцелярии – с 1737, Кадетский сухопутный корпус – с 1757, Военная коллегия – с 1762, Берг-коллегия и Горный корпус – с 1775.

Первую вольную типографию для русских и иностранных книг завел в Санкт-Петербурге с 1769 года Гартунг, по

1 Разговор о правописании Тредьяковского. СПб., 1748. Стр. 253.

2 То есть писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалетельные и иные; такожде между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык. Я имею издание 1712 года. Видно, что эта книжка скоро разошлась, потому что через 4 года потребовалось уже второе издание.

привилегии, данной Сенатом; а после него Вейтбрехт – с 1772 года и Шпор – с 1776, по такой же привилегии.

В Москве, после первого опыта гражданской типографии, которая переведена была в Санкт-Петербург, первую гражданскую типографию учредил Московский университет, с 1755 года, а потом Сенат – с 1764-го.

Указом 15 января 1783 года дана была свобода заводить вольные типографии и печатать в них книги под надзором полицейской цензуры. В 1796 году, указом сентября 16-го, запрещены были все вольные типографии: тогда все они разошлись по губерниям и основались при губернских правлениях. Но с 1802 года, указом февраля 9-го, снова возвращена им свобода.

Когда Сопиков издавал в 1813 году первый том своего «Библиографического опыта», в России насчитал он до 66 типографий, казенных и частных.

Гражданский почерк наш изменялся, особенно сначала, в некоторых буквах при Петре и Елисавете; но при Екатерине вместе с светской литературой и он утвердился. История этих изменений может быть вполне исследована тогда только, когда мы соберем полную библиотеку первопечатных гражданских книг в хронологическом порядке. Замечания, сделанные митрополитом Евгением в биографии Иоанна Федорова касательно изменения букв, весьма неверны.

Заключим введение наше в историю русской словесности изъявлением трех желаний, которые истекают из нашего беспристрастного и неодностороннего воззрения на оба периода ее истории – древний и новый.

I. Необходимо в наше время издать в хронологическом порядке все творения духовной словесности, завещанные нам Древней Русью. Они должны быть разделены на два отдела: 1) творения оригинальные, принадлежащие соотечественникам и соплеменникам или единоверцам; 2) переводы творений отцов Церкви вселенской, совершенные в землях славянских и у нас в порядке их истории.

Такое издание представит нам великую и лучшую сторону жизни наших древних предков; в этих письменных со-

кровищах сохраняется завет их нам, сознание той высшей духовной жизни, до какой они достигали и какая должна связывать с ними и нас. Тогда Древняя Русь обнаружит перед нами глубокое зерно своей сущности, которое растет со дна тысячи лет нашей жизни и должно расти через все века, как вечное ее начало, нам присущее и неизменно верное. Такое издание, монументальное во всей полноте своей по столетиям, утвердит духовные основы, заложенные в нашей Руси, – основы, на которые опирается нравственная сила нашего Отечества. Мы оправдаемся тогда и перед предками, перед священным их заветом, который нередко забываем, и целым передадим его потомству.

Из этой сокровищницы духовной всякий русский может почерпать вечные истины и применять их к науке, к искусству, к жизни государственной, общественной и семейной, к воспитанию, к труду промышленному. Здесь равно могут черпать все и всякий по мере сил своих, по мере своего образования, по мере духовной жажды, объемлющей его душу: это кладезь всемирный, школа всенародная, источник, бьющий живою водою без конца.

Все сокровища языка славянского, заключенного в этих сочинениях и переводах, тогда только окончательно могут быть извлечены из тьмы забвения и собраны вместе в один славяноцерковный словарь. Тогда только и грамматика древнего языка, и история всех перемен его получат полные материалы для филологической науки.

Не можем не выразить глубокого и искреннего сожаления о том, как это дело ведется теперь у нас. Мы находим в нем два существенных недостатка. Во-первых, издание этих древних памятников подверглось журнальной срочности. Конечно, нельзя не благодарить некоторых журналистов за то, что они знакомили и знакомят нас немедленно с такими любопытными памятниками по мере их открытия; но все-таки неприятно видеть, что они исчезают в водовороте журнального потока и не переходят постепенно в такое издание, где им было бы прочное и законное место. Даже те издания, которые

преимущественно назначены для подобных сокровищ, и те принимают в наше время летучий, эфемерный, отрывочный характер. Странно видеть какой-нибудь великолепный «Словарь древнего языка» разбитым на лоскутки периодического издания: и на этом великом труде исполняется закон быстролетного времени, и над ним совершается всеобщий приговор современной литературы: все, что не прошло через водоворот ее журнализма, все то не имеет успеха в публике. Как не пожелать, чтобы все эти произведения древней жизни, отмеченные особенной печатью вечных начал духа, в них затаенных, были изъяты из бурного потока всеуносящей современности и собираемы в одно постоянное хранилище!

Другой недостаток, ярко заметный в обнародовании этих памятников, есть укоренившийся способ их издания. У нас совершенно забыто древнее правило учителей этого дела: установление *чтения* (lectio), уяснение смысла, расстановка знаков препинания. Как издавались древние классики? В чем состояла редакция текста? Правила классических изданий были у нас приноровлены к нашему делу Тимковским и Калайдовичем; но мы уклоняемся от них и издаем текст древних памятников, не заботясь нисколько о прочтении их, потому что так издавать – и легче, и скорее. Как журнальная поспешность вредит нашему языку и литературе, так и здесь срочная торопливость исказила верные начала классической филологии в приложении их к печатанию древних текстов. Прочесть древнее сочинение так, как читается новое, расставить в нем знаки препинания, как мы ставим их теперь, – значит приготовить текст к изданию. Дело не в славянском шрифте, а в разуме текста, который мы совершенно теряем из виду.

II. Второе желание наше обращается в устной словесности нашего народа. Пора бы и ее избавить от того же эфемерного состояния, которое и над нею тяготеет. Пора бы было собрать все песни, сказки, притчи и пословицы русского народа, не записанные до сих пор, записать и вместе с напечатанными и рассеянными повсюду соединить в один свод и издать для всего народа.

Здесь опять не можем не заметить больших недостатков в наших собирателях. Думают, что, записавши сказку или песню со слов первого встречного крестьянина, сделали уже все, что нужно, – и что она готова к изданию. В селах и деревнях наших есть свои поэты, свои знатоки народного языка и словесности. Одна и та же песня и сказка совершенно иными предстанут из уст такого народного критика и словесника. В селах и деревнях надобно обращаться только к таким: они у себя на родине пользуются общей известностью. Надобно подвергать устное произведение народной словесности сличению по многим вариантам. Надобно самому собирателю иметь большой запас и вкуса эстетического, и чутья народности, которыми так был богат наш славный Пушкин. С его времени, по его указаниям, усилилось и наше стремление к памятникам этой словесности, живущей в устах народа.

Есть у нас и письменная старинная литература, так называемая простонародная. В ней не без уродов, не без исчадий, особенно в XVII веке, когда Россия доживала до своего великого перелома. Есть люди, имеющие особенное влечение и призвание к изучению таких чудищ нашей подземной народной письменности, и эти люди с их трудолюбием и своенравным влечением – необходимы, и от их трудов мы ожидаем пользы, потому что надобно обнять все – и высокие, и аномальные явления народного организма. Но думать, что по этим уродливым уклонениям от человеческого существа мы определим самую сущность народной словесности, – все то же, что вообразить себя вполне изучающим анатомию тела человеческого, когда рассматриваешь одних только уродов: по одним лягушкам и жабам нельзя судить о всей твари, населяющей землю.

III. Третье желание наше касается тех писателей нового периода русской словесности, которые в своих произведениях выразили высокие идеи человечества: все они нуждаются в новых изданиях, согласных с современным развитием науки слова. Нельзя было не приветствовать от всей души нового издания Державина, которое предпринимает Академия наук под редакцией академика и профессора Грота. Но жаль, что подвиг

не начат с отца русской словесности и науки в новом периоде, с Ломоносова. Такое великое дело надобно бы начинать сначала. Будем надеяться, что и первый наш мастер в русском слове будет почтен подобным же памятником.

Вспоминая, как это дело совершалось и еще совершается теперь, мы не можем не выразить некоторых сожалений. Издания так называемые смирдинские имели вид одной торговой спекуляции и исказили текст многих произведений русской литературы. Отсутствие всякой критики и небрежность в издании текста положили печать отвержения на все эти томики, к которым, однако, мы должны иногда прибегать за неимением лучших изданий. Через торговое предприятие Смирдина молодое поколение имело случай, по крайней мере, ближе и короче познакомиться с теми писателями, которых полуслепая и заносчивая критика петербургских журналов только что отвергала.

Из наших классических писателей один только Крылов издан безукоризненно, да и то потому, что достался в руки мастера.

Издание Пушкина, сделанное г. Анненковым, заслуживает благодарности за полноту, за биографию поэта, верную, впрочем, не во всех подробностях, за хронологический порядок, за варианты и многие замечания, но относительно текста и оно не совсем безукоризненно[1].

[1] Так, например, в «Борисе Годунове» (изд. Анненкова) мы читаем:

Что пользы в том, что явных казней нет,
Что на полу кровавом всенародно
Мы не поем канонов Иисусу?

Напечатано: «на полу», что не имеет смысла, вместо *«на колу»*: отношение к казням Иоанновым и к тому, что казненные, сидя на колу, пели акафист Иисусу. Эта явная опечатка перешла из самого первого издания.
В послании к Дельвигу 1817 года читаем стих, не имеющий размера:

Милой друг, и я певец! И мой смиренный путь...

Мог ли Пушкин в 18 лет сложить такой стих, в котором нет размера? Вместо «милой» надобно читать «мой». Такие промахи нередки у г. Анненко-

Стихотворения Языкова, изданные вновь, не чужды самых грубых ошибок против логического смысла, против вкуса и просодии. Сочинения Гоголя в последнем издании – увы! – кипят типографскими ошибками, которые искажают самый даже текст.

Все это показывает, что издание писателей есть дело, требующее многих условий, которые не всегда равно соединяются в издателях. Желаем, чтобы Академия и Общество любителей российской словесности обратили внимание на это важное дело у нас в Отечестве – и исправным изданием текстов воздали должную честь первым двигателям нашей мысли и нашего слова.

Октября 18
1859

ва в произведениях Пушкина первой эпохи, которые требовали и лучшей эстетической критики, и лучшего знания просодии от издателя. Совершенный недостаток первой обнаружил г. Анненков в знаменитой опечатке, где «персти» превратились у него в «перси» (стихотворение «Виноград»). Эта опечатка хотя и была исправлена в перепечатанном листике, но все-таки обнаружила, как мало развито было эстетическое чувство в г. Анненкове, когда он принялся издавать Пушкина.

Издание VII тома сочинений Пушкина, совершенное г. Анненковым, еще более убедило в том, что издатель мало знаком с русской просодией и что он не сделал никаких успехов в эстетической критике со времени издания первых шести томов. В отрывок из Евгения Онегина угодил трехстопный стих без всякой отметки:

А я все бодр и бледен.

В поэму «Родословная моего героя», писанную тем же четырехстопным ямбом, стих шестистопный:

Собою белокур, немного рябоват.

Не много надобно иметь вкуса, чтобы не признать такого стихотворения как «Эт….. му» за пушкинское. В подтверждение моих замечаний приведу «Библиографическое указание» Н. В. Сушкова, напечатанное в «Русском инвалиде» 1859 года, № 99, по случаю стихотворения, изданного в Рауте к князю А. М. Горчакову. Г. Анненков без всякого основания отвергнул восемь прекрасных стихов, как будто бы не принадлежащих самой пьесе, а приписать посредственные стихи Пушкину не усомнился.

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Общественная потребность мысли. – Выбор предмета. – Народное самопознание. – Отношение народного к человеческому и Божественному. – Слово – выражение духа и души народа. – Стихии духовно-душевной жизни народа. – Их взаимное отношение. – Слово – их общая оболочка. – Объем нашей истории словесности. – Причины обширности объема: – местные – современные во взгляде на словесность и ее науку. – Задача словесности в Европе. – Надежда и мысль России.

Тема лекции: обозрение курса. – Разделение истории русской словесности. – Два главных периода. – Подразделение древнего периода. – Обозрение содержания. – Язык устный и письменный. – Песни. – XI век: Иларион, Феодосий, Нестор. – XII век: главные явления. – XIII век: бесплодие. Серапион. – XIV век: Петр Митрополит. Москва – рассадник духовной силы. – XV век: Церковь дает силу государству и единство народу. Ересь жидовская. Иосиф Волоцкий. Отделение Киевской митрополии. – XVI век: Даниил Митрополит. Максим Грек. Митрополит Макарий. Ересь Феодосия Косого. Зиновий. Иоанн Грозный и Курбский. Начало действий на юг. – XVII век: междуцарствие. Грамоты. Полемическая деятельность Киева. Охраняющее действие Москвы. Патриархи. Никон. Расколы. Борьба с латинством.

Причины, побудившие ограничиться преимущественно периодом древним. – Неизвестность. – Связь вопроса науки с вопросом жизни общественной. – Упрек Древней Руси. – Оправдание. – Назначение древней Руси. – Отношение к Западу. – Новый период русской словесности. – Главные его представители. – Отношение древнего периода к новому

Общественная потребность мысли. Потребность мысли, так сильно выражаемая обществом Москвы, соединила вас здесь. Каждый из нас, трудящихся в этом рассаднике мысли,

обязан по силам своим отвечать такой высокой общественной потребности. Вот что вызвало меня сюда.

Выбор предмета. Мне предстоял выбор между двумя предметами, которыми я равно занимаюсь: с одной стороны, привлекала меня блистательная словесность Запада своими гордыми именами, своим всемирным значением; с другой – скромная словесность нашего Отечества, еще так недавно – можно сказать, со смерти Пушкина, – обратившая на себя справедливое внимание Западной Европы, которая согласилась наконец признать и ее существование. Я избрал вторую. Объявлю причины тому. Первая проста: скажу ее открыто: в каком же просвещенном веке кто-нибудь усомнится объявить перед всеми, что он любит свое родное? Мне думалось: в этом слове наша жизнь, наша мысль, дух нашего народа; это мы сами, это наша незримая плоть и кровь. Но в науке чувство любви хотя и может завлечь к предмету (потому что без любви и знать ничего невозможно, как сознавали еще древние в имени философии) (1), – однако оно должно уступить первенство разумной мысли. Наука требует жертвы. Какая же мысль одушевила меня в этом избрании? Вот она.

Народное самопознание. Всякий, конечно, заметит в современном движении умов отечественных, что наука, переселенная к нам из чужбины, начинает у нас господствовать. Водворение науки – самое замечательное событие в нашей современной жизни. На храме языческой мудрости написано было: «Познай самого себя». Что там отнесено к человеку вообще, то можно отнести и к народу в особенности, который ищет познания. Народ, не зная себя, не может совершенно знать и другие народы: обратно, не зная других народов, он не может знать и себя. Одним дополняется другое. В необходимости народного самопознания все более или менее согласны; но нельзя не заметить различия двух крайних мнений, к которым примыкают у нас люди мыслящие. Одни думают, что самопознание народное должно внушить нам гордость и привести к народной исключительности; другие, напротив того, воображают, что оно должно уничтожить нас перед другими

народами. Я не держусь первого мнения, еще менее держусь второго, по русской пословице: «Уничижение паче гордости». Я не думаю, чтобы народное самопознание, будучи внесено в науку, могло привести нас к ограниченной гордости, тем еще менее – к отчаянию и какому-то духовному падению (2). Нет! Оно, как мне кажется, должно произвести в нас ясное, разумное сознание нашей народной силы, и с тем вместе открытую исповедь наших народных недостатков, без которой ни в человеке отдельно, ни в народе целом невозможно христианское совершенствование.

Мы можем сказать без самохвальства, что нет народа в мире, который так открыто готов исповедовать перед целым миром свои недостатки, как народ русский. С этой точки зрения мы оправдываем даже и тех русских, которые, смотря на одну только черную сторону нашей жизни, содействуют целому народу в такой исповеди. Лишь бы эта исповедь совершалась с полной любовью к нему, с горячим желанием исправить этот недостаток, а не из бессильного оправдания своего отречения от народа: из сего источника, впрочем, может выйти только одна клевета на народ, а не полное, разумное сознание его недостатка (3).

Что разумеем мы под именем народности? Часто употребляется у нас это слово; надобно определить его: по моему мнению – совокупность всех духовных и физических сил, данных от Провидения какому-нибудь народу для того, чтобы он совершил на земле свое человеческое назначение. Поэтому народ есть только сосуд для того, чтобы в нем росло все прекрасное человеческое. Точно так как человеческое, в свою очередь, есть сосуд для божественного.

Отношение народного к человеческому и божественному. «В народном человеческое – и в человеческом божественное» – вот идеал земного совершенства, вот цель нашего достижения. Мысль, что Провидение ведет постоянно человека к тому, чтобы он уподобился Богу, часто встречается в наших древних книгах. «Бывший совет Божий, – говорится в одном духовном сочинении о обожении человеческого естества, – во-

век пребывает» (4). Народное, как сосуд, необходимо: без него не в чем было бы расти человеческому и явиться божественному. Но ясно, что чем сосуд вместительнее и шире, тем он лучше – и во всемирном состязании народов тот народ станет выше других, кто более способен другим сочувствовать и в себя принимать всемирное, очищая его в божественном.

Народу – народное из другого народа принимать в себя нельзя: он может принимать только человеческое, общее всем народам. Но и человеческое прочно принимать нельзя иначе, как очищая его в божественном. Для того чтоб совершилось сие очищение человеческого в божественном, необходимо сознание, что в Иисусе Христе человеческое, кроме греха, соединяется с божественным и что каждый человек, через Него очищая грех свой, свое человеческое и всемирное претворяет в божественное. Начало, которое разрознит божественное с человеческим во Христе, лишит народ вообще и человека отдельно великой силы воспринимать всечеловеческое и очищать его в божественном.

К сожалению, это явление нашего времени, но ему уже на самом Западе возникает сильное противодействие.

Связь нашего народного с христианским. Русское народное тем отличается от других, что оно с самого начала бытия своего окрестилось, облеклось во Христа. Мы называли себя искони людом крещеным, православным. Нам даже ставили и ставят в вину, что мы так тесно сопрягли христианское с народным; но обвинители наши не замечают, что в этом заключалась, с одной стороны, возможность дать народной сущности прочность непоколебимую, потому что раз облеченное во Христа не умирает; с другой же стороны – предохранить себя от односторонней исключительности, потому что в христианстве начало любви всемирной, и тот народ только может явиться со временем сосудом всеобщего примирения, кто возрастит в себе до конца семя Христово.

Слово – выражение духа и души народа. Можно подумать, что я этими размышлениями слишком удалился от своего предмета; напротив, я теперь прямо выхожу к нему.

Ни в чем народное не выражается так ярко, как в слове. Слово – невидимый образ народа. По учению древней русской философии, «слово есть душа рождающаяся». Можно применить эту мысль к нашему делу. В слове родится и выражается душа народа. Душа, в свою очередь, есть носительница духа. Поэтому в истории русского слова мы будем рассматривать, как рождались и развивались постепенно душа и дух народа русского.

Стихия духовно-душевной жизни народа. Духовно-душевная жизнь каждого народа слагается из трех человеческих стихий, которые подчиняются одной высшей – Божественной. Эта высшая – сущность, основа и крепость бытия народного – вера, которая, открываясь от Бога народу, как его соединяет с Божеством, так и члены народа связует между собою неразрывными узами. Прочие три стихии, собственно человеческие: наука – плод разума нашего в стремлении его постигнуть истину в предметах сущих видимого и невидимого мира; жизнь гражданская и государственная – плод нашей воли в ее стремлении водворить благо в жизни внешней, – и Искусство – плод нашей творческой, художественной силы в стремлении ее воплотить изящное в явлении.

Их взаимное отношение. Совершенство каждого человека и народа зависит от правильного соотношения трех стихий человеческих как между собою, так и с высшею стихиею – началом божественным. На земле нет еще народа, который бы совершенно правильно олицетворил это отношение. Когда он будет, тогда на земле начнется Царствие Божие. Общая задача всего действующего человечества состоит в том, чтобы найти и определить такое отношение. До сих же пор каждый народ больше отдельно развивал дары Провидения – и на земле нет еще человеческого бытия цельного.

Слово – их общая оболочка. Слово народа, как незримое тело его души и духа, облекает каждую из четырех стихий, – и в истории слова более, нежели в чем-нибудь, можем мы видеть постепенное раскрытие внутренней человеческой жизни народа всеми ее стихиями.

Объем нашей истории словесности. Вот тот обширный объем, в котором принимаю я значение словесности, излагая ее историю в нашем Отечестве. Объяснюсь сравнением. Если бы можно было подслушать и совокупить в одно слово сказанное каждым из нас в важнейшие минуты жизни – тогда из их совокупности, приведенной в разумное сознание, сказались бы во всей полноте дух и душа того, кем они сказаны, точно так как в драме весь характер лица, весь внутренний человек выражается одним живым его разговором. Но есть в числе наших слов такие многозначительные глаголы, как полные монологи в драме художественной, в которых сосредоточиваются все силы души и высказывается в нас весь человек всею глубиною существа своего: таковы в истории словесности те произведения народа, в которых сказалась вся его душа, народом ли в совокупности, как бывает в народной песне и пословице, лицом ли отдельным, избранным из среды народа, как бывает в художественных произведениях. Соглашаюсь, что объем мой слишком обширен, а потому трудно в науке сохранить единство.

Мысль основная. Но *видеть в слове русском русского человека* – вот мысль, около которой я буду постоянно сосредоточиваться и которая соберет, поскольку мне силы позволят, в одно воззрение все произведения словесности русской.

Причины обширности объема. Я обязан принести еще несколько оправданий в обширности объема, какой даю своей науке. Есть тому причины местные, заключающиеся в самом предмете. В истории словесности всемирной необходимо бывает ограничиться более тесным кругом, например одной поэзией.

Местные. Но в истории словесности отечественной при таком ограничении объема период древний, который составит главный предмет моих занятий в этом году, потерял бы все свое значение.

Современные во взгляде на словесность и ее науку. Есть еще причины высшие: они в современном взгляде на предмет науки и, следовательно, на самую науку. Период сло-

весности исключительно художественной кончился. Германия – родина всего отвлеченного, создала было поэзию, отрешенную от жизни, и вслед за ней такую же науку. Но обе уже почувствовали свое одиночество и в нем свою несостоятельность. Поэзия и в Германии принимает уже характер то религиозный, то политический. Во Франции и в Англии она затрагивает вопросы религии и общественной жизни. Конечно, это состояние переходное невыгодно, но оно чрезвычайно важно. Оно показывает, что отдельные стихии человеческого бытия, развившись порознь, стремятся ко взаимному соединению, хотят сопроникнуть друг друга. Человек европейский ищет бытия цельного и полного. Ничто разрозненное не может удовлетворить его. От дробного анализа он хотел бы уже перейти к заключительной синтезе и в каждом явлении жизни своей сознавать полноту бытия своего.

Такому взгляду на словесность в практическом отношении соответствует и даже помогает взгляд на нее в науке. Исключительно эстетические воззрения миновали. Наш соплеменник Мицкевич, еще недавно на кафедре Парижа раскрывая изумленным французам сокровища литератур славянских, обнимал весь круг жизни народной, поскольку выражается он словом, и даже вносил сюда и памятники законодательные. Немецкие критики ставили ему в вину, что он слишком мало обращал внимания на словесность церковную. Гервинус в своем курсе истории немецкой литературы хотя и ограничивается поэзиею, но беспрерывно связывает ее с религиозным, ученым и общественным развитием германского народа. Ампер, Эдгар, Кине, Филарет Шал в самом обширном объеме излагают историю литературы отечественной и иноземной.

Задача словесности в Европе. Такой взгляд на словесность, видимый и в ее явлениях, и в самой науке, выражает мысль глубокую – задачу современного человечества – представить цельность бытия человеческого, покамест словом, прежде чем выразится оно делом. Все народы, идущие вперед, участвуют теперь в великом состязании о том: кто цельнее представит идеал человека?

Надежда и мысль России. Если мы верим в постепенность развития человечества, а потому думаем, что народы в последовательном своем шествии друг за другом приносят очередные вклады в общую сокровищницу этого развития; если позволительно питать такую мысль о своем народе, к которому принадлежишь и в жизнь которого погружаешь все существо свое то не обвинять нас в народной самонадеянности, если мы скажем, что во всемирном состязании и нам, по всему вероятию, назначена какая-нибудь доля. Мы не были призваны к участию в отдельных развитиях человеческих: не выпадет ли нам на жребий трудная задача – как совместить их все и разрешить загадку о человеке полном и цельном? Ужели даром, без особенной воли Провидения, Древняя Русь в течение первых семи веков жила исключительно жизнью веры, отказываясь от долей человеческих в европейском развитии? И в наше время Россия не стремится ли к тому, чтобы сознать особенность своего назначения? С одной стороны, углубляясь в тайны своей древней жизни, стараясь проникнуть в сущность народного быта, с другой – объявляя открытые сочувствия всемирным явлениям западного развития, хотя и не находящие там желанного отголоска, – Россия не собирается ли с внутренними духовными силами, чтобы наконец вымолвить и свое слово в общем деле человеческого образования? Кто постигает важность настоящей минуты для нашего Отечества, тот поймет, почему мы дали такой обширный объем нашей науке, почему мы наложили на себя трудную задачу: раскрыть душу русского человека в истории его слова.

Тема лекции: обозрение курса. Теперь беглою мыслию я постараюсь обнять все пространство моего курса; развить перед моими слушателями живую программу того, что мы намерены изучить. Такое общее обозрение познакомит вначале и с предметами моей науки, и с мыслию, которую я влагаю в ее основу.

Разделение истории русской словесности. Два главных периода. Сначала предложу разделение. Вся история русской словесности, как выражения жизни народа, делится

на два периода, в промежутке которых живою, огромною гранью стоит Петр Великий. В первом периоде Россия жила жизнию, в самой себе сосредоточенною, и почти исключительно погружена была духом в жизнь веры. Во втором она вышла из своего сомкнутого мира, вступила в решительное общение с европейскими народами и начала принимать в себя плоды западной образованности. В первом периоде Россия воспитывалась Церковью; во втором воспитание ее приняла на себя власть правительственная.

Подразделение древнего периода. Первый период мы подразделим на три отделения по месту действия, где совершалась жизнь народная. Первое, обнимающее столетие от IX до XII, и даже первую четверть XIII, мы называем южным, потому что Киев является средоточием русского образования и все значительные явления жизни русской, даже на Севере, к нему примыкают. Второе, содержащее в себе столетия XIII, XIV и XV, мы называем *северным*. Первое из этих столетий составит переход к нему. XIV и XV сосредоточиваются все около Москвы, хотя деятельность их отдается и на юго-запад. Наконец третье отделение будет обнимать XVI и XVII столетия. Мы назовем его *северно-южным*, потому что литературную деятельность России должны следить одинаково – то на Севере, то на Юге. XVI представляет переход ко взаимному общению двух средоточий русской жизни, которое в XVII достигает высшей степени, так что Север и Юг России взаимно дополняют и объясняют друг друга, разнообразными действиями своими поддерживая великое единство – основу всей древней русской жизни.

Обозрение содержания. Предложив это разделение, пройдем теперь все содержание древнего периода. IX и X столетия, когда Русь движением норманнов на юг образовалась политически и воздействием Византии привила к своему внешнему преходящему могуществу внутреннюю силу – зародыш будущего ее единства, – столетия, великие и важные в государственном отношении, явятся по недостатку памятников почти бесплодными в истории словесности. Мы здесь

предпошлем несколько чтений об устном языке, о языке письменном и древних русских песнях.

Язык устный и письменный. Излагая историю словесности какого бы то ни было народа, надобно же вначале познакомиться с отличительными чертами того языка, на котором он говорит. Я постараюсь совершить это над языком отечественным в трех отношениях – разумеется, с исторической точки зрения. Во-первых, я представлю его отношение всемирное в ряду тех языков индоевропейских, с которыми он составляет одно великое целое; во-вторых, его отношение племенное в том славянском семействе, с которым он имеет ближайшее родство; в-третьих, его отношение домашнее, его обхождение с языками племен, имевших на народ наш влияние политическое.

От устного языка мы перейдем к письменному. Для того мы должны перенестись к нашим юго-западным братьям: болгарам, сербам, моравам и чехам, в те отдаленные века, когда мы еще приняли через них первые семена христианского вероучения, на языке родном и понятном, и жили с ними в общении Духа и Слова Божия. Мы должны возобновить в благодарной памяти эту исконную связь с племенами, которая так несправедливо была нами забыта. Перед нами пройдут в смиренном величии святые первоучители славянских народов Кирилл и Мефодий, давшие им то сокровище, сохранить которое верно назначены были мы от Провидения. Мы увидим здесь отношение языка славяноцерковного к русскому: как в самом начале язык письменный отделялся у нас от устного, но не образовал никакой враждебной угнетающей стихии, а напротив, заключал в себе внутреннюю духовную силу, которая постоянно действовала на живую речь народа, и служил проводником сокровищ, притекавших к нам через него от других славянских племен, единоверных с нами.

Песни. От языка письменного мы перейдем к нашим родным песням. Песня русская будет сопровождать весь древний период, откликаясь на все важнейшие его события. Как раздается она, *бесконечная*, по выражению Гоголя, по

всей широте Русского царства, так проносится и во всю глубину нашей исторической жизни, вмещая в себе слои различных эпох. Она прозвучит перед нами в начале и в конце древнего периода, перед эпохою Петра, отглашаясь и теперь в отторженной части народа, как звук уже почти минувший. Богатырские предания о борьбе с народами дикими, беспрерывно напиравшими на нас из Азии, об уничтожении язычества и чернокнижия раздадутся в наших исторических песнях: их первый слой относится ко временам Владимира. За богатырскими песнями, которые изображают довольно мрачную сторону древней народной жизни, последуют высокие, светлые песни духовные, где отразится первое спокойное созерцание мира и человека, внушенное нашему народу первоначальным христианством. Песня, как общее выражение народного духа, не знает времени, или, лучше, объемлет одним мгновением все времена и судьбы народа. Дело науки определить в ней эпоху и на каждом вечном ее звуке отметить временный отпечаток.

XI век. Иларион, Феодосий, Нестор. В XI веке начинаются первые значительные памятники нашей письменности и произведения, означаемые именами писателей. Византийское образование, переселенное к нам в X веке вместе с христианскою верою, усваивается Руси и принимает особенный народный характер. К этому столетию относятся основание первого народного русского монастыря, Киево-Печерского, который во времена господства грубой силы и разъединения образует силу духовную и является первым источником единства, любви и просвещения. Около него сходятся три великих двигателя этой внутренней жизни и слова: Иларион, первый митрополит из русских, проникший в основную глубину христианства, как мы видим то из его творений, недавно открытых; Феодосий, первый установитель монастырского общежития, имевшего впоследствии такое великое духовное влияние на всю Россию, – и Нестор-летописец, из смиренной кельи которого вытекают две струи народного предания: Жития святых, отражающие духовную жизнь подвигоположников нашей Церкви,

и летопись, источник нашего народного самопознания, где глядится вся первоначальная жизнь нашей Древней Руси.

XII век. Главные явления. В XII веке более и более раскрывается то, что приготовлено было в XI. Немногие обломки дошли до нас от нашей дотатарской древности, но и по ним мы можем достоверно заключать, что велико и значительно уже было здание. Эти немногие, но важные отрывки, связанные вместе одною мыслию, представят нам довольно полное зрелище внутренней жизни народа. В картине образования этого века мы увидим прямое действие Церкви на наш народ. Жития святых раскроют перед нами, как сильно мысль веры двигала и соединяла все сословия. Скромное хождение Даниила Паломника в Иерусалим в то время, когда Запад совершал свои блистательные крестовые походы, покажет нам, что мысль наших предков стремилась также к Гробу Христову; но, отстаивая жизнь у себя, они могли только посылать туда молитвы о единстве земли Русской. Поучение Владимира Мономаха кратко, но сильно изобразит нам наше древнее христианское воспитание, в котором таилось начало духовной силы, до сих пор еще не совсем в нас развитое, и предложит первую значительную исповедь наших коренных недостатков. В послании митрополита Никифора к Владимиру Мономаху мы увидим назидательное отношение власти духовной и светской в нашей Древней Руси. Слово Даниила Заточника обнаружит замечательное отношение самой литературы к власти правительственной и черту южнорусского характера, юмор, который кроется еще в столь далекой древности и теперь только возделывается художественно нашим поэтом. Проповедь Кирилла Туровского, которой могла бы позавидовать христианская Европа, того же столетия, разоблачит перед нами глубокие тайны Христовой жизни и учения, будет для нас живым свидетельством того, как всемирно предки наши XII века понимали христианство, и глубину мысли христианской облечет в возвышенные поэтические образы.

Подробнее остановимся мы на «Слове о полку Игореве», как значительном памятнике нашей светской литературы:

это произведение, прошедшее через сомнения критики, всего лучше оправдается нам своим веком, потому что в нем отзовется и тяжкое его горе, и современная, раздробленная жизнь его, и его блистательная поэзия.

Более к XIII веку относятся сказание Симона о создании Киево-Печерской церкви, где глубокая мысль веры приняла чудные образы поэзии, и послания духовных особ, которые назидательным словом и примером сильно действовали на народ.

Так из отрывков, по-видимому несвязных, выступит перед нами довольно стройное целое, если мы обратим внимание на одну мысль, которая движется через все части народной жизни и все связывает крепкими узами.

XIII век. Бесплодие. Серапион. После XII века, столько обильного, нас поразит внезапное бесплодие XIII. Как унылая степь, протянется он перед нами. Лишь только одинокая проповедь Серапиона раздастся в нем, подражая то скорбному, то гневному, то утешительному голосу пророков во времена вавилонского плена. Замирает жизнь на Юге от чуждого рабства, от огня и меча опустошений, – и переходит на Север.

XIV век. Петр митрополит. Еще митрополит Кирилл переносит слово жизни и духа во Владимир, ближе к новому ее средоточию, и вот, в заключение XIII века и в начале XIV залогом будущего освобождения и великого роста духовной силы всходит наша Москва в лице Петра митрополита.

В XIV веке Москва явилась средоточием жизни. В ней зарождается первая мысль об освобождении, в ней срастаются силы государственные, но всему этому источником служит сила духовная – и Москва в первый раз начинает совершать свое всегдашнее призвание: становится ее рассадником на всю Россию. Около Москвы преподобный Сергий Радонежский возжигает свет пустынной жизни; в самой Москве Алексий митрополит действует пастырским словом – и власть его простирается от столицы до Орды Ханской. Наши соплеменники, сербы, вспомнив о нас в годину самую трудную, дали нам митрополита Киприана, который восстановил у нас книжное

учение, падшее во время татар. Из Москвы во все концы России распространяется духовная сила. Преподобный Кирилл несет ее на Белоозеро и оттуда действует своими посланиями на враждующих князей.

Сила государственная уже сознает себя на Куликовом поле: ее подвиг, подкрепленный могуществом веры, запечатлен в «Слове о Мамаевом побоище». Мысль, знамением Иисуса Христа осенявшая полки Донского, отразилась и во всем сказании. У духовной силы, у Церкви, свои препятствия, свои битвы. Ересь стригольников, возникшая в Новгороде и Пскове, открытых более влиянию чужеземному, вызывает красноречивые послания митрополитов московских.

XV век. Церковь дает силу государству и единство народу. XV век – зрелище единения государственного и политического освобождения. Слово Церкви участвует во всех важнейших событиях. Оно укрощает удельных князей, сосредоточивает власть, внушает ей силу к восстанию против чуждого ига. Послание архиепископа Вассиана к Иоанну III больше участвует в освобождении России от татар, чем полки Великого князя, бежавшие от ахматовых. Между тем рост и политической силы облекает только невидимый рост силы духовной, без которой не обрела бы Россия и внешнего могущества. От средоточного московского светильника, от пустынной Сергиевой обители загораются такие же светочи по всем концам унылой русской степи. От силы духовного света падают дремучие леса, населяются пустыни, желтеют кругом нивы, смягчаются нравы, умолкают суеверия. Слово жизни действенно проникает всюду – и смиренные основатели обителей сетью высшего духовного единства, нерасторжимого как единство политическое, связуют бесчисленный народ русский на необозримом пространстве его населения.

Ересь жидовская. Иосиф Волоцкий. Между тем единство духовной силы подвергается новым искушениям, которые только умножают торжество его. Новая ересь, опаснее прежней, ересь жидовская, зачинается в том же Новгороде, но проникает в самый центр русской жизни, в Москву, заража-

ет духовенство, митрополита, государственных сановников, входит в самые чертоги Великого князя. Но Церковь была уже сильна и богата воинами духа и слова, вполне вооруженными для такой борьбы. Тогда явились архиепископ Геннадий в Новгороде и Иосиф Волоцкий в Москве. Мы увидим особенно деятельность сего последнего. Его обличительные слова, известные под именем «Просветителя», исполнены самой высокой мудрости и отличаются сильным языком, обнаруживающим характер писателя, который иногда слишком увлекался своим рвением.

Отделение Киевской митрополии. Между тем Юго-Запад угрожает нашей Церкви отторжением. Слово ее действует и там; но, несмотря на то, Киевская митрополия отделилась от Московской. Казалось бы, единство разрушено; но оно, как обнаружили последствия, стояло уже выше внешних отношений. Образование киевского средоточия обратилось во благо – и приготовило сильный отпор покушениям Запада на православие.

XVI век. Даниил митрополит. Писатели начала XVI столетия носят на себе печать пустынного духовного созерцания, вынесенного ими из предыдущего века, в котором они воспитались. Таковы творения Нила Сорского и Даниила митрополита.

Наши сношения с православным греческим югом не прерываются. Греция от своих ученых развалин посылает нам славного мужа, который деятельностью своею наполнил бóльшую часть этого столетия. То была услуга великая со стороны земли, близкой нам по вере. Во времена разнородных иноземных влияний нам нужен был такой искушенный поборник православия.

Максим Грек. Максим Грек то переводит духовные творения, то исправляет церковные книги, то борется с различными ересями, то пишет послания к царю, к боярам и дает уроки власти, то разрешает вопросы богословские и ученые – и все это, терпя муки изгнания и заточения: жертва великодушная смуте того времени, которую признали Церковь и народ.

Митрополит Макарий. Другая деятельность, наполняющая этот век, принадлежит митрополиту Макарию. Как будто предчувствуя, что в конце века власть Церкви сосредоточится в руке одного, заботливый пастырь собирает все сокровища нашего церковного слова, переданные письму, переведенные творения отцов Церкви, труды наших святителей, Жития святых всего православия, Жития святых русских, – и под именем Великих Четьих-миней поручает это исполинское собрание хранению Софии Премудрости Божией, в Новгороде и соборному храму Успения Богоматери в Москве.

Ересь Феодосия Косого. – Зиновий. Между тем ереси не прекращаются, и слово Церкви стоит беспрерывно на страже. Ересь Феодосия Косого, подкапывающая все основы христианства и в догматах веры, и в жизни, проникает в простой народ, посягает на семейные узы. Но воин готов: простой инок Зиновий, ученик Максима Грека, ополчился против лжеучения книгою, – и живому глаголу Церкви, мечу духовному, а не телесному, уступают у нас вражьи силы, и духовное единство хранится целым и неповрежденным в народе.

Иоанн Грозный и Курбский. Литература в XVI веке не ограничивается трудами духовных особ, но переходит и в руки светских. История русской словесности считает в числе своих писателей не одного венценосца. В Древней Руси – Владимир Мономах и Иоанн Грозный, в новой – Петр Великий и Екатерина Вторая. Мы познакомимся с Иоанном Грозным как писателем. В его посланиях обнаружатся перед нами глубокие богословские познания, хитрый диалектический ум и эта русская ирония – народная черта, которая так редко сочеталась в Грозном с ревнивою властью и которою действовал он, как орудием, против другой власти, власти духовной. Мы увидим необыкновенный в других литературах словесный поединок между царем и подданным, Иоанном и Курбским. Мы услышим и грозный донос потомству сего последнего на деяния Грозного.

Начало действий на Юге. Деятельности северной в конце XVI века начинает сильно соревновать деятельность южная,

вызванная притязаниями Запада. Князь Константин Константинович движет печати Острожскую и другие, ведет полемику, учреждает училища. Ему содействуют многие; но предупредительный Запад насильственно отнимает у нас сокровища этой полемической литературы. Так, сожжены все сочинения Никифора Тура. В самом конце века, в огненных и кровавых бурях войн рождается Киевское училище, которому великая и славная судьба предназначена в последующем столетии.

XVII век. Первый Патриарх русский в заключение века передает нам спокойно и величаво жизнь и кончину последнего царя древней отрасли. XVII век открылся страшною переломною болезнью русского народа. Все застои его тела, все злые внутренние соки, все искушения внешние, все вместе собралось и разразилось тяжкою бедою.

Междуцарствие. Грамоты. Но сила духовная, воспитанная недаром в течение столь многих веков, была тут. Не стало руки правящей, но Церковь спасла и народ и государство. Ее глаголами началось спасение: им отвечали глаголы народные по всей России. В Грамотах Патриарха, монастырей, городов, сличалось слово Церкви со словом народа, и оба вместе подвигли, одушевили, спасли Русскую землю.

Картина Древней Руси при Романовых, от Михаила до Петра, познакомит нас с главными чертами ее образования и обнаружит уже многие сочувствия, которые предки наши питали еще до Петра к просвещенным народам Запада. Деятельность литературную в XVII веке мы должны следить равно на Юге и на Севере.

Полемическая деятельность Киева. Киевское училище вырастает силами, входит в ученые сношения со всею Европою, усваивает себе науку в том виде, как она в то время существовала на Западе, обращает ее, как сильное оружие, за веру и против всех возможных покушений, римских и протестантских, отстаивает православие. Но во всякой борьбе подвергаешься опасности заразиться отчасти тем, против чего ратуешь. Хранителем от такой опасности, на какую шел неутомимый борец Киев, стоял наш твердый непоколеби-

мый Московский Север, который наблюдал движения Киева, пользовался сам сокровищами его науки и отметал все то, что могло быть привнесено частными лицами противного великому единству.

Охраняющее действие Москвы. В противоположность и дополнение полемическому действию Киева является охраняющее и утверждающее действие Москвы. В этом веке друг за другом пройдут перед нами наши ревностные патриархи, около которых сосредоточивается вся духовная и литературная деятельность.

Патриархи. Средь их смирения, то кроткого до слабости, то величавого, нас остановит и поразит необыкновенным явлением строптивый лик даровитого Никона. Как будто предчувствуя, что наступит скоро для России иное время – время суетное, не досужее к занятиям духовным, они иногда слишком торопливо поспешают предать печати церковные книги, чтобы избавить их от случайностей письменности; но зато другие более основательным рассмотрением исправляют торопливость первых.

Никон. Проницательность и предприимчивость Никона много приносят пользы; но его вспыльчивая и упрямая личность причиняет и великий вред. Ко временам патриархов относятся великолепные памятники церковного слова, которыми уставлены и устроены богослужебные обряды, с их многозначительным смыслом, и устранено все еретическое: таковы Скрижаль Никонова, Иоакимов Жезл правления, Увет духовный и другие. Каждое слово, изрекаемое Церковью народу, обращает на себя внимание; весь православный Восток призывается к совету; но, так строго наблюдая за словом, поскольку оно есть выражение духа и разумного смысла веры, Церковь наша не останавливается на букве и допускает в ней случайные изменения, необходимые в таком деле, где надобно человеческим ограниченным языком выразить бесконечный Дух Божественный.

Раскол. Но в этом стремлении своем Церковь встречает сильное препятствие в той части народа, которая дух веры

приковала к букве слова, живой смысл перенесла в мертвый обряд и откололась, как онемевшая часть тела, от живого органического единства. Великую борьбу внутреннюю должна была испытать наша Церковь с народными расколами.

Борьба с латинством. Кроме того, были у нее еще и другие битвы с покушениями латинства, которое, по природному свойству своему, незаметно прокралось и к нам на север, – и только одно заботливое внимание стражей Церкви могло нас предохранить от его поползновений, против которых мы действовали истиною веры и сильным, у Запада же перенятым диалектическим словом.

Димитрий Ростовский. Период древний мы заключим изображением Димитрия Ростовского. Он в жизни своей и слове связал Древнюю Русь с новою, вынес из первой веру не буквы, не обряда, но живую, действенную веру Духа, и признавал новые потребности Руси, выступавшей из круга своей ограниченной народности во всемирное общение с теми племенами, которые предлагали ей прекрасные дары своего человеческого образования.

Причины, побудившие ограничиться преимущественно периодом древним. В этом беглом обозрении я обозначил причины изучения, ожидающие нас *преимущественно.* На этом слове я должен остановить внимание моих слушателей. Они вправе спросить меня: почему я, предприняв изложить перед ними историю русской словесности, прибавил к заглавию моего курса: *преимущественно древней*? Здесь время обнаружить причины, которые меня к тому побудили[1].

Неизвестность. Первою будет почти совершенная неизвестность, покрывающая наш древний период, неизвестность, всегда завлекательная для науки. Блестящая завеса нового преобразования скрыла от нас почти совсем скромную жизнь древнерусскую. Увлеченные в другую сторону, ослепленные внешним блеском заемного просвещения, многие из

[1] Если силы позволят, а Отечество своим вниманием подкрепит их, тогда и литература нового периода будет изложена подробнее. Вот почему на заглавии нового издания и уничтожил слова: *преимущественно древней.*

нас или не хотят смотреть на нее из какой-то бессознательной гордости, или смотрят с каким-то неразумным пренебрежением. Конечно, мы обращали внимание на внешние события, на наружный рост огромного царства; но мало вникали в то, где ему тайна и семя. Мы не подозревали даже, что тут есть глубокая внутренняя жизнь, которая некогда облеклась словом, есть в ней не блестящие наружные, не внешние, но смиренные и тем более значительные явления. К тому же и словесность эта по большей части таилась в пыльных рукописях, которые рассеяны в книгохранилищах в Москве, на берегах Невы, в Новгороде, во многих монастырях древнерусских, в домах и часто в хижинах почтенных любителей родной старины. Недавно, благодаря просвещенным заботам правительства, стали деятельнее показываться наружу эти сокровища. Труды Калайдовича, Тимковского, Востокова и других достойных археологов познакомили нас печатно со многими памятниками. Но все же до сих пор они еще не сделались собственностью науки, не перешли в наше сознание: мысль не покушалась связать их в стройное целое.

Связь вопроса науки с вопросом жизни общественной. Кроме неизвестности, есть еще другая важнейшая причина, которая побуждает меня к изучению преимущественно древней русской словесности. Эта словесность до сих пор принадлежит народу, или, точнее, той его части, которой мы предоставили право, честь и славу именоваться по преимуществу народом русским. С некоторых пор в обществе нашем заметно похвальное стремление к тому, чтобы сблизиться с этой отторженной от нас частью народа, сблизиться с нею в благотворении, в уделении ей тех даров образования, которые мы получили от Запада и которыми гордимся как особенным преимуществом, какою-то привилегией нашего круга. Для того чтобы принести народу истинную пользу в этом сближении, не уделять ему того, чем бы только нарушалась полнота и сила бытия его, а уделенное насадить и упрочить на доброй почве, – надобно знать его. Литература, которая будет главным предметом наших занятий, воспитала его це-

лыми веками, перешла в его предания, в дух его жизни; отнимаемая у него влиянием чуждым, не покинула его до сих пор и составляет любимый предмет занятий грамотной его части, тему бесед его, источник прений. Она-то всего вернее разоблачит нам сущность нашего народа, раскроет его душу. Избрав такую премудрую посредницу в нашем сближении с народом, мы, вероятно, откажемся от своей гордости, удалим даже излишнее сострадание, которое только унизительно в подобных сношениях, и почувствуем, может быть, даже уважение к нему, более плодотворное в наших о нем заботах. Принося ему пользу, мы принесем ее и себе; раскрывая основу его бытия, мы раскроем основу и нашего бытия собственного, которая у нас с ним общее наследие нашей многовековой, когда-то цельной и полной жизни, от которой отречься мы не можем, не сокрушив в себе и народной, и человеческой, и божественной животворной силы, которую сознать пришла нам пора и необходимость, потому что на ней только можем мы с пользою для себя и для всех наших соотчичей, а может быть и далее, пересаждать прекрасные плоды всемирного человеческого образования.

Упрек Древней Руси. Те мыслители, которые слишком заботливо беспокоятся об истории народов, особенно нашего, и желали бы своею самобытною мыслью дать ему иное шествие, а не то, которое принял он сам, разумеется, согласно с волею Провидения, – те обыкновенно вменяют ему в вину, что он в древней своей жизни сосредоточил все силы своего духа почти в одном понимании веры и не развивал ни науки, ни искусства, ни жизни общественной так, как развивали их народы Запада.

Оправдание. Этот упрек не должен остаться без ответа. Прежде всего, до́лжно оградить веру нашу и Церковь от несправедливой укоризны в том, что будто бы в них заключалось противодействие нашему человеческому развитию. В памятниках древней словесности нашей мы найдем выражение многих сочувствий к науке, которую определяли наши предки весьма глубокомысленно (5). Наука Запада, в

том виде, как она тогда процветала, была усвоена Древнею Россиею, можно сказать, даже более, нежели наука, нам современная, теперь усвоена нами; но предки наши употребляли ее как орудие на защиту веры. Древняя филология процветала у нас сильнее, нежели теперь процветает, потому что мы черпали ее не из источника, нам чуждого, а из родного: из Греции, и изучали не отвлеченно, а связывали с вопросами жизни (6). Кремль – свидетель тому, что наши предки первые из всех народов объявили сочувствие искусству Италии, когда процвело оно, и, принимая его, как великое украшение жизни государственной, не допустили его чувственных форм в средоточие духовной жизни, с которою они не согласовались. – Что касается до поэзии, то наша народная песня, разнообразная, объемлющая все стороны жизни, предмет зависти для других народов, жила у нас свободно, как всеобщее народное достояние, без гонения Церкви, не только в мире, но и в общении с верою, которая предлагала ей многие прекрасные внушения, и, блюдя чистоту жизни, блюла чистоту и народной песни (7). Наша жизнь общественная, особенно в самые древние времена, представит много полезных влияний со стороны веры не в наружных формах изысканной рыцарской вежливости, а в более существенных и важных отношениях человека в обществе. Конечно, до́лжно заметить, что разные посторонние препятствия – то от грубой силы Востока, то от силы утонченной Запада – до сих пор мешали божественно-человеческому началу христианства проникнуть внутренние составы нашего общества – и это главная задача будущего нашего развития, которое возможно только при сознании начала, в нас еще присущего, но почти оцепенелого.

Назначение древней Руси. Правда, что все внимание жизни, все стремления сил народа сосредоточивались в вере Церкви, которые подчиняли себе всякое духовное развитие русского человека. Это главный характер древнего периода – и то, в чем другие видят упрек ему, есть для нас его великое достоинство. Глубокий общий смысл русского народа понял лучше, нежели теперь понимают некоторые из нас, что, вид-

но, нельзя было, заправляя сущность своей жизни, в одно и то же время заниматься одинаково делом Божиим и делом человеческим, а следовало для первого покинуть на время последнее. Здесь кстати можно применить остроумные слова одного из представителей учения нашей Церкви, которые написаны были по другому случаю. Когда Сорбонская академия предлагала Петру Великому соединение Церквей Восточной и Западной и в предложении своем поместила упрек, что будто бы Церковь Восточная оставила Церковь Западную, – тогда Стефан Яворский, которому разумный царь поручил сочинить ответ Академии, между прочим отвечал на упрек ее евангельским повествованием о Марии и Марфе. Марфа обвиняла Марию, что она покинула ее в попечениях о домашней службе; но и Мария могла бы обвинять Марфу в том, что она оставила ее в прилежном слышании слова Божия. Мы удалим взаимные обвинения от нашего дела и применим счастливую мысль Стефана Яворского иначе. Запад избрал долю Марфы и рано предался заботам о деле человеческом, подчинив им и дело Божие; а наша Древняя Русь избрала долю Марии, и, оставив домашнее служение со всею его суетою и прелестью, только слушала слово Божие. Оправдание ей в словах Божественного Учителя, Который сказал, что она избрала благую часть, *яже не отымется от нея*, потому что *блажени слышащии Слово Божие и хранящии é*. Выслушав его неуклонно и верно, она заповедала нам сохранить его – и мы, принявшие на себя теперь дело человеческое, должны провести через него и в нем оправдать истину слова Божия (8).

Отношение к Западу. Одна из главных причин того, почему нельзя было нашим предкам в одно и то же время слушать слово Божие и заниматься делом человеческим, состояла в том, что Россия не могла тогда принять просвещения западного, не изменив православию. Положительные события нам подтвердят истину этого замечания. Сколько раз и в лице своего правительства, и во многих частных покушениях Древняя Россия объявляла живое сочувствие пре-

красным плодам западного образования, стремилась к тому, чтобы их себе усвоить; но Запад требовал, чтобы она купила их ценою измены вере своей, и вот на что никогда не могли решиться наши предки.

В XVI и XVII веках наука еще не освободилась от оков Западной Церкви, которая сначала употребляла ее для своих видов, а потом, заметив в ней порывы к самостоятельности, объявила ей войну непримиримую. Войны за веру кипели в Европе XVII века: борьба католиков и протестантов решалась военно и политически. Еще в 1633 году наука в лице Галилея была осуждена римскою инквизициею. Имена Бэкона, Локка, Ньютона, Декарта, всех двигателей и освободителей науки, относятся к тем же столетиям. Но в них было только начало ее первого свободного действования. Только в XVIII веке образовалась эта высокая терпимость мысли, которая, сделав науку доступною для всех верований, избавила приступающих к ней от необходимости отречься от коренного основания своей жизни. Недаром Петр и Лейбниц – современники.

Да, Россия избрала надлежащее время к тому, чтобы вступить с Западом в общение человеческого образования. Тогда она могла принять его, не отторгая от себя духовного корня своей жизни. Когда она решилась на то, Церковь наша не только не оказала ей сопротивления – напротив, в лице своих представителей благословила Россию на такой подвиг, и из духовных школ вышли наши первые светские ученые. Такое обхождение Церкви нашей с наукою было причиною всегда мирных между ними отношений. Наука Запада принуждена была объявить мятеж против Церкви, ее притеснявшей. Науке русской не нужно было восставать на Церковь, под покровом и благословением которой она начала свои рост в русском народе. Отсюда ясно, что истории и характер науки должны быть у нас иные, нежели на Западе.

Новый период русской словесности. История русской словесности в новом ее периоде от Петра до наших времен по недостатку времени не войдет во всей подробности в состав

моего курса нынешнего академического года. Я представлю ее в сокращении[1]. Однако время Петра, так тесно связанное с предыдущим, я постараюсь означить чертами более подробными. Его писатели еще относятся своим образованием к древнему периоду, продолжают великое дело древней Руси. Но сам Петр стоит уже во главе нового. В его характере и действиях мы видим зародыши того, что развилось позднее. Мы познакомимся с ним как писателем. Конечно, содержание его сочинений относится к его жизни военной и государственной, но в них важен для нас русский слог, в котором ярко выражается Петрова личность.

Время Анны изобразит для нас несчастную крайность одной стороны царствования Петрова – иноземного влияния. Все развитие нашей литературы, от Ломоносова до Пушкина включительно, мы обозрим в одной общей картине, сосредоточив все частности около главных идей, развиваемых в целом.

Главные его представители. Но особенное внимание посвятим изучению важнейших ее представителей. Каждый из них олицетворит для нас общую мысль, около которой сосредоточиваются все его действия. Ломоносов и своей биографией, и академической деятельностью, и поэзией выразит для нас мысль о науке; Державин, юрист и поэт, – мысль о правде государственной; Карамзин – сочувствие ко всемирному человеческому образованию, связанное с глубокою любовью к своему народу; Жуковский – идею всего душевно-прекрасного, идеал чистой красоты душевной; Пушкин – мысль художественную в полном цвете слова. Так словесность наша в новоевропейском периоде, несмотря на немноголетнее свое существование, уже успела в своих представителях благородно выразить те общие человеческие мысли, которыми должно двигаться новое русское образование при содействии древней духовной силы. Недаром покры-

1 Так было исполнено в публичном курсе 1844/45 года. Теперь я задаю себе задачу несколько обширнее; но идеи, олицетворяемые в главных представителях нового периода русской словесности, послужат путеводной нитью при изложении его в науке.

ты народною славою имена лучших представителей нашего слова; в этом слове их блещет бессмертная мысль, без которой не венчало бы их славою общее мнение. Все вместе своими произведениями они могут уже достойно участвовать в воспитании человеческой стороны в русском народе, – и те мысли, которые каждый из наших писателей олицетворил в слове своем, должны теперь сделаться собственностью всего русского народа и привиться к той твердой, неколебимой почве, которую он сам себе заготовил в древней жизни.

Отношение древнего периода к новому. Вот отношение, которое я полагаю между древним и новым периодом жизни нашей и нашего слова, и с тем вместе задача будущего развития России.

Сегодня я представил вам очерк труда, который себе задал. Предпринято много: труд великий и новый, перед которым робеют мои силы. Потому мне нужно внимание ваше к моей мысли, снисхождение к делу по его новости. Позвольте мне на них надеяться.

Если мои чтения пробудят сколько-нибудь в нас народное самопознание и, следовательно, двинут вперед народную мысль – я почту себя счастливым и более чем вознагражденным за мои усилия.

Не скрою от вас удовольствия, какое чувствую при мысли, что мне выпал жребий передавать вам историю нашего древнего слова здесь, в Москве, в виду священных стен Кремля, у этой ограды, за которою когда-то кипела народная жизнь и слышалось это самое слово. Мы теперь с бессознательным благоговением смотрим на наши памятники; но они будут еще знаменательнее для нас, когда из каждого их камня выступит звук древней жизни, в нем затаенный. Эти звуки не умерли: они живы еще в нас, они только дремлют и ждут пробуждения. И, конечно, придет то время, и, может быть, оно близко, когда эти глаголы жизни проснутся, как благовест нашей воскресной полночи, и обнимут невидимой сетью любви сначала всех нас, несмотря на разделение мнений, а потом вместе с нами и все народы мира.

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Первые вопросы в истории русской словесности. – Начало устного языка. – Точка зрения. – Три части исследования. 1) Всемирное отношение русского языка. – Сходства с индийцами. – Отношение к санскриту. – Сходства с зендом. – Общение с племенами греческими. – Мнения о родстве русского языка с греческим. – Общение с римлянами. – Общение с кельтами. – Общение с готфо-германским племенем. – Племя леттское. – Заключение о всемирном отношении русского языка. – 2) Отношение племенное. – Мнения ученых о славянском племени. – Гердер. – Шлецер. – Шафарик. – Мы в семье славян. – Древнейшие названия географические и слова. – Деление славянских наречий на отрасли. – Добровский. – Востоков. – Максимович. – Догадка. – Припев о Дунае. – Свидетельство Нестора. – Влахи. – Движение славян на север. – Дунай – наша родина. – Мысль Срезневского. – Признаки великорусского наречия. – Заключение о племенном отношении. – 3) Отношение русского языка домашнее. – Финны. – Варяго-русы. – Противоположные мнения. – Мнение среднее. – Слова скандинавские. – Заключение. – Общий вывод

Первые вопросы в истории русской словесности. В истории словесности какого бы то ни было народа, изучаемой в обширном смысле, с первого раза встречают нас два вопроса: 1) когда слово этого народа становится известным? 2) когда он начал писать? – Изучение первоначальной речи русского народа, прежде устной, потом письменной, составит предмет двух наших бесед.

Начало устного языка. Любопытно путем науки дойти до первых звуков родного языка, которые доносятся к нам из древнейших свидетельств всемирной истории, из географических названий, принимающий в ней участие; но в этих увлекательных изысканиях первыми памятниками могут для нас служить языки тех самых народов, с которыми вместе мы

составляем одно великое семейство. Сходство в словах и изменение речи – лучшее очевидное доказательство бывшему когда-то взаимному общению. Для разрешения вопросов, которые здесь встречаются, я должен буду войти в некоторые филологические подробности. Но я не ограничусь только ими. Филология должна быть оживлена духом, осмыслена жизнью тех народов, слово которых мы изучаем.

Точка зрения. Такою я желал бы видеть ее в нашем отечестве, где в прежние времена живое слово преобладало над письменным и дух над буквою. Язык есть только внешний образ, незримое тело народа – и будет трупом, если мы его лишим души народной. Общение и родство языков в звуках, словах, образе речи не будет иметь важного значения, если не облечется им другое высшее родство и общение в жизни, нравах и обычаях.

Три части исследования. Чтобы не потерять нити в нашем исследовании, мы разделим его на три части и рассмотрим язык наш в трех отношениях. *Во-первых*, определим его отношение всемирное к тем языкам, с которым он, как и прочие его братья, составляет одно великое целое; *во-вторых* – его отношение племенное к славянским наречиям; *в-третьих* – его отношение домашнее к языкам тех народов, которые имели с ним политические столкновения.

1) Всемирное отношение русского языка. Начнем с отношения всемирного. Для ответа на этот огромный вопрос мы должны будем ограничиться только намеками на путь к его решению и некоторыми мнениями ученых, отвечавших на него по частям. Филологи на основании начал, определенных Вильгельмом Гумбольдтом, делят все языки на три разряда. Первый разряд называют *односложным*: в языках этого разряда слова состоят из корней односложных, неизменяемых, без означения в самом слове его отношения к другому слову. Второй разряд называют *приставляющим*: здесь грамматические формы в виде приставок прибавляются к неизменяемому корню. Третий, наконец, куда относятся все языки индоевропейские, изменяющие самые корни слов посредством флек-

сий (сгибов) для выражения грамматического значения, называется сгибающим или *изменяющим* (1). Язык наш вместе со своими славянскими братьями относится к отрасли языков индоевропейских, несправедливо именуемой у односторонних немцев индогерманскою, куда принадлежат языки санскритский, древнеперсидский (зендский и пельви), греческий, латинский, кельтский, готфо-германские и скандинавские, и леттский. У наших предков в самой глубокой древности, как видно, было общение со всеми этими народами в жизни и слове. Укажем на некоторые следы и того и другого.

Сходство с индийцами. Приметы нашего древнего жизненного общения с индийцами видны в сходствах мифологических, в общинном сельском устроении, в характере народа, в семейном начале, в некоторых обычаях и суевериях. Гануш и Данковский в своих сочинениях указывали на мифологическое сродство у языческих славян и индийцев (2). Еще Карамзин заметил сходство между нашим Перуном и Перуном Понголем, великим праздником индийским, который бывает в январе месяце (3). У нас этим вопросом особенно занимался г. Вельтман и развил его гораздо подробнее в своем новом сочинении «Индогерманы, или сайване». Здесь указаны сродство мифологическое двух племен, сходства во многих обычаях воинских, гражданских и домашних, и совокуплены весьма остроумно многие схожие слова, выражающие семейное родство, чувствования души, возрасты, части тела, дом с его хозяйственными принадлежностями, четыре времени года, четыре времени дня, четыре стихии, разные роды звуков – словом, почти все первоначальные понятия человека (4). Шафарик находит соотношение между нашим древним языческим Сварогом, отцом бога солнца, следы которого видны и в народных суевериях о Сварожице, и Сваргою индийцев (5). Рассказы Эльфинстона о быте сел индийских много напоминают нам наше сельское устройство: та же родовая привязанность к селам, те же старейшины, тот же глава семьи, тоже миролюбивое, уступчивое сопротивление в набегах вражеских, та же готовность покинуть жилища и убежать в леса (6). В записках полковника Слимана

об Индии указаны черты народного характера, подобные нашим. Таковы смирение и покорность индийцев среди тяжких бедствий, как, например, голода. Дóлжно заметить, однако, что у них в подобных случаях нередко случается самоубийство, от которого наш народ огражден христианской верой. Наказания колдуний, обвиняемых народом в высасывании крови из людей, сходны с грубыми суеверными обычаями наших предков в XI веке (7). Добровольное самосожжение верной жены на костре мужа, и теперь встречающееся в Индии, несмотря на строгие запрещения английского правительства, напоминает подобный обычай наших языческих жен, по свидетельству Ибн Фадлана (8). Обычай сожжения мертвых одинаков у всех народов этой отрасли. В индийской драме «Сакунтала» мы находим обыкновение садиться перед отъездом в дальний путь. Многие суеверные предчувствия и приметы, упоминаемые там же, имеют сходство с нашими (9). Мифологические предания о змеях, которыми изобилует индийская поэзия, может быть, послужили первоначальным источником и для наших таких же преданий. Для изучения древностей Индии наука сравнительной археологии имеет теперь превосходное, хотя еще не оконченное сочинение Лассена «Indische Alterthumskunde» (10).

Отношение к санскриту. Первый русский, знавший по-индийски, был купец Афанасий Никитин, совершивший странствие свое в XV столетии (11). Другой наш соотечественник, Герасим Лебедев, издал индийскую грамматику по-английски; но изучал ли он сродство языка санскритского с нашим, мы не знаем (12). Профессор Антон в Виттенберге первый посвятил себя этому делу (13). Аделунг в маленькой брошюре о сходстве санскритского языка с русским приводит 180 сходных слов, к которым принадлежат многие имена первой необходимости (14). Бопп в «Сравнительной грамматике», Эйхгоф в «Параллели языком Европы и Индии», Рейф в «Словаре русско-французском», Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» указали на многие сходные слова и корни и на сродство в некоторых формах. Бопп во втором вновь обработанном издании своего великого

труда много дополнил славянскую стихию согласно с новыми исследованиями (15).

Сличая слова в обоих языках, можно заметить, что русский любит там букву *е*, где санскритский предпочитает *а*, например: валья – велий; двар – дверь, маси – месяц, свастри – сестра, тапа – тепло, чатвара – четыре. – Признак нашего языка, свидетельствующей в пользу его древности перед другими его соплеменными братьями, есть его полногласие, или любовь к гласным звукам, например *голос* вместо *глас*, *город* вместо *град*. Тот же признак находим мы и в языке санскритском, но распространенный и на другие согласные, сверх *л* и *р*, которыми полногласие ограничивается по большей части в языке русском; например, в санскритском *парага* – порох, *патака* – птаха, *тавас* – твой, *савас* – свой и проч. Честь этого замечания, весьма важного, и самое название полногласия, вошедшего с тех пор в употребление между филологами, принадлежит г-ну профессору М. А. Максимовичу. Позднее им же замечено в «Начатках русской филологии», что это полногласие в русском языке имеет особенное отношение к согласным *р* и *л*. Г. Катков отнес его к тем словам, которые в других наречиях славянских имеют сокращенный слог с долгим ударением. Г. Лавровский в своем обширном исследовании нашел соответствие между нашим полногласием, сосредоточенным около согласных *р* и *л*, и теми же звуками, принявшими в санскрите гласный характер (16). Добровский предполагал, что полногласие наше есть наследство от племен финских, обитавших на тех же местах, где поселились наши предки; но он не подкрепил своего мнения доказательствами. – Наше народное местоимение *этот*, признак русского наречия, существует в том же виде и в языке санскритском. Местный, или предложный, падеж сохранился у нас в той же форме и кончится в санскритском на э, как у нас на *е*. Местоимение притяжательное *свои*, по-санскритски *sva*, точно так же употребляется для всех трех лиц и в санскритском языке, как в нашем. Особенность московского выговора, принятого от Москвы всею образованною Россиею, состоит в пристрастии к самой приятной гласной *а*, к которой *о* наклоняется

всегда, когда нет на нем ударения. Любовь к букве *а* с первого раза бросается в глаза и в древнем языке индийцев. Многие санскритские слова, сходные с нашими, там употребляют *а*, где и наше *о* переходит в этот звук, например: *агни* – огонь, *адима* – один, *юга* – иго, и другие. Вот несколько намеков на коренные сходства, показывающие, что русский язык, и даже московское его наречие, сохранили следы первоначального общения с языком санскритским. Для решения такого важного вопроса с достаточной полнотой мы имеем уже несколько своих самостоятельных трудов: таковы «Санскрито-русский словарь» Коссовича, «Исследования о сродстве языка славянского с санскритским» Гильфердинга, его же «Об отношении языка славянского к языкам родственным» и Хомякова «Сравнение русских слов с санскритскими». Корни слов древнеславянского языка, сравнительно сопоставленные Миклошичем, представляют также полезные материалы для той же цели (17).

Сходства с зендом. Следы персидского двубожия видны в языческом поклонении наших предков Белбогу и Чернобогу, как двум началам света и тьмы, добра и зла. В летописных преданиях XI века белозерские волхвы в прении своем с Яном обнаруживают веру в два противоположных начала: бога небесного и дьявола, бога земного (18). Поклонение богу огня под именем Сварога и суеверия, касающиеся огневика и приведенные выше, имеют также отношение к древнему персидскому огнепоклонению (19). Наше слово *бог* только в древнеперсидском языке употребляется в том же значении: *Баг*, а в санскритском *бага* означает счастье и божью силу (20). Местоимения в зендском языке предлагают разительные сходства с нашими: *во*, не – *вы*, *гва* – *его*, *твой* (по-зендски) – *тебе*, также и *те*. Окончание местного падежа на *е* то же, что и у нас; двойственное число: в им. и вин. для муж р. *а*, для род. и местного – *ай-о*, сходное с нашим *у* и *ою*. Двойств. жен. на *е* соответствует славянскому *е*: *hizve, деве*. Зендское *убойо*, сходное с санскритским *убайос* (amborum, in ambobus), еще сходнее с нашим древним *обою* (21). Вот несколько слов, взятых из зенда и пельви, сходных с нашими: *дявам* (пельви) – день; *зивад*, *зивед*

(пельви) – живет; *дедаете* (зенд) – дает; *земе*, *за* (зенд) – земля; *гнад* (бьет) – гонит; *медо* (вино) – мед; *веще*, *вещао* – вещаю; *виспе* – все; *паурвио* – первый; *два* – два: *три* – три; *четвере* – четыре; *третим* – третий; *трестем* – тридцать; *траiосете* – триста. Слова персидские: хорош – *хорс*, чертог – *чартак*, курган – *куркане*, богатырь – *бегадер* (22).

Присоединим еще слова, выбранные нами из зендского словаря, приложенного к Брокгаузову изданию одной из книг Зороастровых, «Вендидад-Саде»: aoba – оба, antara – внутренний, azem – аз, я, anya – иной, uç, uça – разумение, katara – который из двух, kamere – комара, свод, khruç – кричать, gairi – гора, gara (от gere, глотать и петь) – горло, gi – жить, ghena – жена, zairi – желтый, золотой, zem – земь, zema – земля, zemaena – земляной, zima – зима, zeredhaya – сердце, tatha – рождающий, çura – сильный, Сур (древнее имя богатыря), суровый, mizda – мзда, hujîti – хорошо живущий (от жити и гоити) и пр. и пр. Не можем не заметить, что слово русское *дорога* объясняется из зендского слова daregha, долгий, *ночь* из глагола naç (уничтожать), а *береза* – из зендского глагола berez – расти и слов bereza, высокий, и berezya, растущий. Та же книга «Вендидад», изданная профессором восточных языков в Берлинском университете Петрашевским с польским переводом и многими филологическими примечаниями, предлагает обилие драгоценных материалов для сближения славянских языков с зендским (23).

Общение с племенами греческими. Еще в конце прошлого столетия западные ученые, приезжавшие в Россию, отыскивали сходство между древними греками и русским народом в преданиях мифологических и в обычаях жизни. Англичанин Матвей Гютри, врач кадетского корпуса, член ученых обществ Лондонского и Эдинбургского, увлеченный мыслью Уильяма Джонса, что все народы европейские ведут начало свое от востока, и сродством, какое отыскал знаменитый санскритолог между баснословными преданиями греков и индийцев, был поражен также сходством между греками и русскими в музыкальных орудиях народа, в остатках обрядов языческих, свадебных и похоронных, в играх и гаданьях, в круглых хо-

роводах и других наших народных увеселениях. Хотя не все наблюдения ученого англичанина верны, но нельзя не согласиться, что многое сближено остроумно и правдоподобно (24).

Наука и в новое время открывает многие следы нашего первоначального общения с племенами греческими. Данковский в своем сочинении «Götter Griechenland's» не в ином языке, как в славянском, находит филологические средства для объяснения именований греческих богов. В своем «Homerus slavizans» он простирает еще далее на Древнюю Грецию завоевания славянской науки. Не вдаваясь в его увлечения, которые, конечно, имеют и ученое основание, мы сделаем несколько намеков. Поклонение источникам и рощам у наших языческих предков обнаруживает сходство с древнегреческим. Фракия именуется родиною песнопений греческих, а во Фракии обитали народы, говорившие языком варварским, непонятным для греков. Ученые не знают, как разрешить эту трудную загадку, но она, может быть, разрешится вернее, если допустим здесь влияние славянского племени, искони любившего песни (25). *Зефир* у Гомера в «Илиаде», как известно, есть ветер северный, дующий из Фракии: его имя может объясниться только нашим *севером*, по свойству русской буквы *в* переходить в греческую *ф* и обратно (26). Обычай звать по отчеству, иногда устраняя даже имя, одинаков у нас с древними греками: самое окончание на δης схоже с нашим на *ич*. Жалобный характер первоначальных песен Древней Греции намекает на унылость наших. Припевы их, начинающиеся междометиями *ай* и *ой*, сходны с русскими (27). У Гомера женщины голосят и причитывают над покойниками, как наши. Мы равнодушно смотрим на хороводы своих поселян – и не замечаем, что это прекрасная развалина из нашей первобытной жизни, живое свидетельство древнего общения с художественным племенем Эллады. Самое слово *хор*, которое не могло быть заимствовано позднее, на то указывает. Хор наш движется круговидно, состоит из лиц обоего пола, иногда делится на две части, заплетается и расплетается, допускает или пляску или действие в середине: все это признаки сходства с хором древнегреческим (28). Только

два народа могут соревновать друг другу в богатстве песен: древние греки и славяне. Песня наша любит живой пластический образ, как греческая; то же глубокое чувство природы в ней дышит; она так же отзывается на всякое действие народа в его быту семейном и общинном, в его занятиях домашних и полевых (29). Пластическая красота прически русского мужика и его рубашки, замеченная даже иностранцами, к нам неблагосклонными, указывает на верность первоначального чутья к изящному, в котором предки наши могли родниться с художниками-греками. Греческое искусство позднейшее признало это, оставив нам типические образы славянского лица, волос и одежды в произведениях резца своего (30).

К сходству языческих обрядов древних славян и греков следует отнести еще следующий: по свидетельству Льва Диакона, русские закалали над умершими петухов, что подтверждается и позднейшими обрядами, сохранявшимися у славян (Временник. 1851, № 9. Летописец Переяславля-Суздальского. Предисловие, стр. VI). Вспомним, что Сократ, умирая, велит ученикам принести в жертву Эскулапу петуха.

Мнение о родстве русского языка с греческим. Первоначальное родство языка нашего с греческим было определяемо многими учеными. Нельзя не упомянуть о рагузанце Ф. М. Апендини, который в своем сочинении «О сходстве языка древних народов Малой Азии с языком древних и новых народов фракийских и иллирийских» простер, конечно, далеко смелую мысль свою, но первый на исторических свидетельствах основал сведения обобщении наших предков с племенами греческими в Малой Азии (31). Ученые в наше время смело разбирают ликийские надписи, открытые в Малой Азии, посредством славянских слов (32). Экономид в своем большом филологическом труде называет славянорусский язык одним из диалектов фрако-пелазгийского языка, или того необразованного греческого или полугреческого языка, которым говорили до Омировых и даже до Орфеевых времен. Из диалектов же эллиногреческих язык наш всего более приближается своими корнями к эолийскому (33). Сию послед-

нюю мысль развил г. Готтес в особом сочинении, где он доказывает, что русский язык есть обширная отрасль древнего эллинского языка, а диалект его по большей части эолический, или северных греков (34).

Общение с римлянами. Следы жизненного общения с древними римлянами также у нас заметны. Они были, как и наши предки, народ по преимуществу пастушеский и земледельческий. Жертвы богам стад и полей занимают важнейшее место в римском календаре Овидия. У нас поклонение Волосу, скотию богу, было также очень сильно. Римляне имели понятие о *мире*, как и наш народ; но они называли *миром* (mundus) искусственный круглый ров, куда все граждане слагали часть добра и малую горсть той земли, с которой пришли они. Это было средоточие их города, знаменательное зерно их будущего всемирного владычества (35). Наш народ под именем *мира* разумеет живое собрание людей, связанных одним советом и мыслию. Суеверия, касающиеся птицегаданий, общи обоим народам. У нас долго не уступали они разуму веры христианской. Предубеждение тех, которые женятся, против мая месяца существовало у римлян. Вера в силу черного глаза до сих пор еще нераздельна с характером южного жителя Италии. Суеверные обряды кормилиц, приводимые Овидием, напоминают наши (36). И. М. Снегирев в своем сочинении «Русские простонародные праздники» указывает нередко на сходства между языческими обычаями наших предков и римлян. Есть исторические и географические имена у древних римлян, объясняемые только из языков славянских. Древнее наименование Нептуна – Consus – полатыни переведено Equester, по-ливиевски – Equestrus, и значит *конский* (37). Дауны, давны, древние обитатели Апулии, вели род свой от Давна, вышедшего из Иллирии. Недалеко от Рима, у племени эквов, находился древний город Bola, или Vola, откуда происходил Горациев Болан, отличавшийся сельскою искреннею речью (38).

Намеки на родство с латинским языком. В прошлом столетии еще Левек в своей «Истории России» отыскивал

сходства между языками латинским и русским. В «Собеседнике» 1783 года вы находите рассуждение, в котором автор, увлекшийся любовью к своему языку, доказывает не только современность его с латинским, но даже признаки старшинства по некоторым словам (39). Мицкевич не усомнился на Эвгубинских таблицах, древнейшей латинской надписи, найти наши слова и польские: баран, мир, граб, или гроб, дзень (день). Мне известно одно изустное остроумное объяснение форм латинского глагола посредством нашего древнего славянского спряжения. Оно принадлежит А. С. Хомякову. Носовые звуки в других славянских наречиях, соответствующие древним болгарским юсам, а теперешним *у* и *ю*, имеют прямое отношение к формам латинского языка, в которых участвует носовая буква *n*. Относительно к звукам можно заметить у римлян и у русских одинаковую любовь к букве *в* там, где греческий язык ее не употребляет иди допускает придыхание, например: ἰδεῖν – videre, видеть; ἕσπερος – vesper, вечер; ðινος – vinum, вино; ἀέω – вею, ventus и проч. Эту любовь от латинского языка наследовал итальянский: только по-русски и по-итальянски имя Иоанн требует для благозвучия вставки буквы *в*: Иван, Giovanni. Замечательно также умягчение буквы *р* посредством *л* в словах, измененных ухом народа: Lemuria вместо Remuria, у нас февраль вместо феврарь, пролубь вместо прорубь. Теперешние римляне, напротив, заменяют буквою r букву l (morto вм. molto, vorta вм. volta). Некоторые итальянские слова, как, например, manzo – говядина, находят свое отдаленное сродство в нашем *мясо* (с древним носовым юсом), в санскритском mânsa (мясо), ciabate, обувь простолюдинов, в наших чоботах того же значения (40).

В новейшее время явились значительные исследования, касающиеся родства и общения славян с первобытными жителями Италии. Коллар в своей «Славянской Староиталии» предложил богатые доказательства в пользу того мнения, что в слоях племен, населявших постепенно Италию, одним из древнейших и значительнейших был слой славянский (41). Русский ученый А. Д. Чертков в своем добросовестном труде

«О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнения его с древнеславянским» внес также в науку значительный вклад для решения вопроса (42).

Общение с кельтами. Общение наше с кельтами Шафарик полагает до VI века христианской эры, потому что в это время племя кельтское уже не существовало в Европе, а было поглощено другими народами. Признаки этого общения – кельтские слова, находящиеся в славянском: баня, скала, брзда (борозда), тын (43). Можно к ним присоединить слово *гай*, на древнекельтском – роща, нем. Hain и наше *гай* с тем же значением в припевах народных песен (44). Поклонение лесам у кельтов имеет родство с таким же поклонением у наших языческих предков. Имя *друида* Диффенбах объясняет из кельтского *дервен*, во множ. *дерв*, что значит *дерево*, и гораздо ближе к нашему слову, нежели к санскритскому *дру* иди к греческому δενδρον (45).

Многие вновь добытые материалы для решения этого вопроса представляют сравнительные филологические исследования в области языков арийских, кельтских и славянских, издаваемые Куном и Шлейхером (46).

Общение с готфо-германским племенем. Общение наших предков с племенем готфо-германским принадлежит уже ко временам историческим. Вот славянские слова в переводе готфской Библии, совершенном Улфилою около 350 года по Р. Х.: aurtigards – вертоград, dulg – долг, plinsjan – плясать, stikls – (кубок) стекло, hlaips – хлеб, drus – трус (трясете), mota – мыт, misdo – мзда, minniza – малый (мизинец), auhns – печь (огонь) и т. д. (47). Замечательно, что некоторые грамматические формы готфского языка более близки к нашим, нежели к теперешним немецким, например: im – им вм. ihnen, meina – меня, managai – многой (mancher), godamma – доброму (в муж. и средн.), goda – добра, godai – доброй, nimanna mag *twaimfraujam* skalkinon (никто не может двоим господам служить) (48).

Богатые материалы для решения этого вопроса представляет «Сравнительный готфский словарь», изданный Диффенбахом в 1846 году. Здесь, между прочим, в слове

hvass – острый, кислый, можно найти корень и объяснение нашему слову *квас* (49).

Для изучения сродства между русским языком и исландским может служить «Грамматика исландского языка», составленная протоиереем С. К. Сабининым (СПб., 1849). Вот замечание его, относящееся к нашему делу: «У исландцев, так же как у готов и славян, есть и *дательный самостоятельный*, но он выражается у них уже с предлогом… Употребление дательного с предлогом встречается и в готском языке, хотя не так часто, как употребление дательного самостоятельного без предлога… Отсюда до́лжно заключать, что дательный самостоятельный перешел к исландцам от готов. По словам Мунха и Унгера, встречаются иногда *дательные самостоятельные* падежи без предлога и в исландском языке. Но мне самому не встречалось находить тому примеров» (стр. 200).

С германцами предки наши, особенно же предки наших соплеменников, были в беспрерывных враждебных отношениях. Мирные слова земледельческого и сельского быта в немецком языке большею частью славянские. Шумные слова брани, оружия, распорядка воинского в славянских языках почти все немецкие. Замечательно, что немецкое слово volk означает по-славянски полк, войско (50). Так, видно, в начале являлся воинственный германский народ мирному славянскому племени. Укажем для лексической стороны вопроса на сравнение слов славянских с немецкими, предложенное С. П. Микуцким (51).

Племя леттское. Племя леттское, по мнению некоторых ученых, служит переходом от готфского к славянскому. В литовском языке, по Ватсону, четыре шестых доли слов славянских, т. е. более чем половина, а в латышском три шестых, т. е. половина ровно (52).

Древняя история литовского народа, написанная Нарбутом, представляет материалы для сближения двух племен славянского и литовского. В новое время «Словарь литовского языка», изданный в 1850 году Нессельманом, и «Руководство к изучению литовского языка», напечатанное в 1856 году в Праге Шлейхером, открыли богатые средства к изуче-

нию родства нашего языка с литовским. Отчеты, представленные г. Микуцким Второму отделению Академии наук в его «Филологическом путешествии по западным краям России», содержат множество новых данных, обогащающих сравнительное языкознание, особенно в сближении литовского языка с русским (53).

Заключение о всемирном отношении русского языка. Итак, русский язык стоит в ряду тех языков, которыми говорили и говорят народы – двигатели человеческого образования. Он – самобытный член в этой всемирной семье, необходимое звено в целой системе, без которого не могут быть полны ни совокупный их словарь, ни грамматика. Живые следы первобытного общения со своими сочленами сохранил он на себе до сих пор, как бы в залог того, что народ, им говорящий, может воспринять в себя плоды образования, приготовленные предшественниками. Младший по времени своего всемирного действия, он носит на себе, однако, яркие признаки древности предпочтительно перед другими. Он может указать на свое полногласие, на богатство своих словесных звуков, на свои твердые гласные, которых не может произнести никакое иное европейское горло, кроме нашего и польского и которым родственны звуки только восточных народов. До сих пор наука по своим данным не могла определить связи между индоевропейской и семитической отраслями. Ученые на Западе трудятся, однако, над решением вопроса. Мейер в своем «Еврейском корнеслове» объяснил несколько немецких слов от корней еврейских. Француз Парра сблизил еврейский текст первой главы Книги Бытия с санскритскими словами и открыл много замечательных соотношений (54). Кто знает – может быть, со временем к решению вопроса послужит и наш язык, звучащий на рубеже Европы и Азии. Вот несколько слов еврейских, сходных с нашими: сей – зе, гора – гар, дорога – дерех, кадь – кад, ковш – кос, туга – фуга, сон – шене, конец – кец, царь – сар (господин), слать – шалах (откуда объясняется форма *шлю*), вино – яин, мысль – мишль, жара – шарав, заря – заро. Многие изменения форм грамматических основаны у

нас на изменении гласных букв, которое не подведено еще ни под какие строгие правила. Таких условий не имеют грамматики языков, нам родственных, но такие условия находятся только в грамматике языков еврейского и арабского, где все изменения объясняются переходами гласных. Павский первый намекнул на эту мысль – и воспользовался знанием грамматики еврейской для того, чтобы искать подобного закона в образовании форм русского слова (55).

Наш язык вместе с другими ему родными наречиями владеет особенной способностью откликаться своими звуками на звуки всех языков мира. Мы и наши соплеменники иногда во зло употребляли эту способность – и не на основаниях науки искали одного произвольного сходства, ни к чему не ведущего. Даже Мицкевич, говоря с парижской кафедры, думал найти в ассириянах и в малоазиатских народах племена славянские, в лидянах – людей, в мизянах – мужей, в карийцах – карих (люд мужей карих, lud mężow carich), во фригиянах, обитавших по морю, – брегиян, брежан, береговых жителей. Здесь трудно отличить, что может принадлежать мечтам поэта и что – науке. У нас также увлекались подобными игрушками. Мы любим счесться родством языка с далеким народом, как любим счесться роднею в нашем семейном обычае. Это проистекает, может быть, у некоторых из ограниченного желания все вывести из тесного круга своей народности; но зато у других, и, конечно, у большей части, из глубокого сочувствия со всеми племенами мира, из той плодотворной мысли, что все народы вместе с нами составляют одну великую семью, все братья и дети одного Отца, все делатели на одной и той же родине – земле, призванные когда-нибудь соединиться в одну Любовь вселенскую. Не для того ли нашему языку уделено от Бога такое сокровище разнообразных звуков? Мы славились и славимся тем между иными народами, что можем говорить с ними и наслаждаться живою их речью. Мы во зло употребляем этот дар Божий, неблагодарно отрекаясь и у себя от родного языка, в гибких и разнообразных звуках которого содержится сила нашей всемирной способности. Но, вникая глубже во все эти

свойства, мы не перейдем за границу сознания, если скажем, что язык наш во всемирном своем значении есть язык народа, призванного сочувствовать всем другим народам мира и откликаться на их разнообразные звуки (56).

Так, по немногим данным, может определиться отношение языка нашего всемирное. Свои исследования в этом вопросе я не иным чем признаю, как только одним намеком на будущее решение великой задачи и на путь, каким до́лжно идти к нему (57). Нельзя не пожелать такого сравнительного русского словаря, в котором слова русского языка по своему значению были бы объяснены из всех языков, родственных нашему племени. Наука сравнительного языкознания достигла теперь такого состояния, что может ожидать подобного труда от наших ученых. Но заметим, к прискорбию, что все такого рода великие труды сделались невозможны в нашей литературе по причине слишком эфемерного ее направления.

2) Отношение племенное. Перейдем к отношению племенному. Ближайшая семья, к которой принадлежит наш язык, есть славянская. Какое место он в ней занимает?

Вопрос о славянском племени, его значении, истории, языке, сделался одним из важных вопросов современных. Здесь место упомянуть с благодарностью об ученых, которые тому содействовали в науке. Прежде всех честь и слава великому германцу Гердеру (58), который с высоким беспристрастием, свойственным народу его в деле науки, и со своим особенным всечеловеческим чувством первый сказал доброе слово правды о славянском племени. Славяне, по мнению Гердера, никогда не были воинственным народом, искателем приключений, как немцы. Без меча, без крови, уступая другим, заняли они такое огромное пространство; любили земледелие, скотоводство, благородные домашние занятия, славились и торговлею, плавили металлы, ткали полотна, варили мед, сажали плодовитые деревья, вели веселую музыкальную жизнь, были кротки, гостеприимны до расточительности, друзья сельской свободы, но покорные и преданные, – и всегдашние враги кровопролития и грабежа. Мысль о господстве

никогда их не увлекала; но этот мирный характер не избавил их от притеснений. Многие народы жестоко против них согрешили, особенно же германские. Карл Великий из торговых видов, но под предлогом христианской веры, вел с ними кровавые войны. Германское племя, гордящееся тем, что внесло начало личной свободы в мир новой Европы, дало славянам рабство. Гердер предсказал еще в XVIII столетии, что политика и законодательство будут усиливать в Европе мирное трудолюбе, спокойные сношения народов, и тогда, говорил он, обращаясь к племенам славянским в Германии, вы, глубоко падшие, некогда трудолюбивые и счастливые народы, проснетесь от вашего тяжелого сна, сбросите цепи, воспользуетесь вашими прекрасными странами от Адриатического моря до гор Карпатских, от Дона до Мульды, и будете снова праздновать древние торжества мирного труда и торговли. Русское спасибо славному германцу за его теплое слово о наших братьях! Мы принадлежим к той же семье, любящей, терпеливой, земледельческой; но доля наша была счастливее тем, что мы отстояли свою независимость.

Шлецер. Честь и слава другому германцу, Шлецеру. Шлецер, который один из первых в ученом мире узнал славянский язык, изучал его памятники и сказал, что ни один народ во вселенной, кроме арабов, так далеко не распространялся, как славяне. Бóльшая половина Европы и треть Азии заняты ими. От Рагузы, на Адриатическом море до Немецкого, до Ледовитого моря, до Камчатки распространили они свой язык, свою силу, свои поселения. Арабы также простирались некогда от Малакки до Лиссабона, но сила, их двигавшая, была фанатизм религии; их орудия – меч и огонь, путь их – путь крови. Не так распространялись славяне. Им не сделает история упрека в бесчеловечии и своекорыстии. Мирно заняли они свое огромное место, уступая лучшие земли другим народам, сами подвигаясь на север, прочими оставленный. Но зато развитие и владычество арабов мелькнули, как блестящее мгновение в истории; мир же славянский развивался не быстро; велико его прошедшее, но все ему пророчит еще славнейшее будущее.

Шафарик. Славянам недоставало своего ученого, который бы соединял с пламенною любовью к своему племени, с глубокою верою в его великое назначение живое знание его наречий, его многочисленных памятников и многостороннюю ученость – плод западного образования. Такой муж явился в наше время и всю жизнь свою посвятил одному вопросу. Словак по рождению, чех по гражданству, он живет в Праге; но мысль его постоянно обитает во всех землях его родного племени, в их истории, в их нравах, обычаях, законах, вере, в их жизни, в их поэзии, в звуках наречий, которыми говорят они. С горькою нуждою борется он во имя науки. Всегда мрачно его высокое славянское чело; грусть и дума слились в больших голубых очах его, – и только тогда проясняется лицо Шафарика, когда он видит своего соплеменника, пришедшего к нему с севера, и протягивает ему руку.

С самых малых лет он имел случай узнать разные славянские наречия. Образование его совершилось под влиянием глубоких филологических исследований Добровского. При нем открыты были древние памятники письменности чехов. В нем, можно сказать, созрело и выразилось полное сознание племени. Он первый взором истинного ученого, осмысленным думою, обнял его на всей раздольной широте его теперешнего существования и во всю, самую темную глубину его исторической жизни. Его карта племен славянских, теперь населяющих землю, изумила Европу. В «Славянских древностях» он с чисто ученой точки зрения, чуждой всякого произвола фантазии, обозрел все предания греческого и римского мира и открыл в них несомненные следы нашего стародавнего бытия в Европе, чего до сих пор не замечали ученые других народов, искавшие у древних только своеземных и своенародных преданий.

Мы в семье славян. По исчислению Шафарика, в 1812 году славян на земном шаре считалось 78 691 000, в том числе русских самая бо́льшая половина: 51 184 000, и собственно нас, великороссов, – 35 314 000. Числом, самобытностью и политическим могуществом мы составляем важнейшую часть в том племени, к которому принадлежим.

Древнейшие названия географические и слова. Не так давно еще думали, что до христианской эры история не упоминает о славянах. Карамзин умер с этой мыслью. Нашей науки собственно не касаются все заключения о стародавности нашего племени в Европе, извлекаемые учеными из Геродота, Птоломея, Страбона и других историков и географов. Но нас касаются те славянские слова, которые доносятся к нам из древнего мира. Это первые памятники нашего исторического бытия. Узнаем ли мы в них свои родные звуки? Вот несколько славянских наименований у древних писателей. Иллирийский город Bylazora встречается у Ливия за 178 лет до Р. Х. Peiso у Плиния – название озера в Паннонии, у позднейших писателей pelso – наше *плесо*, слово, и теперь живущее в народной пословице: «Рыбак рыбака далеко в плесе видит». Tsierna – Черна, город на нынешней реке Черне, впадающей в Дунай, встречается на римской надписи 157 года. Pathissus, по Плинию и другим писателям, составляло у древних название округа реки Тисы, то есть Потисье, – слово, составленное как Поморье, Поречье, Поволожье и проч. Bersovia – поселение в земле сарматов, по Певтингеровым картам, наше Березово. Granua, река в сочинениях имп. Марка Антонина Философа, явно от корня *грань*, *граница*. Pelva, по Антонинову «Дорожнику», – местечко в Нижней Паннонии, где и теперь находятся селение и река Плева. Bustricius, река в Паннонии, по древнеримским картам и дорожникам, – наша Быстрица. В 359 году, в войне Константина Великого с сарматами, раздавался клик сих последних: mar ha! – в котором филологам и Шафарику слышатся славянские звуки. Приск, в 448 году посланный от греческого императора к Аттиле, жившему в Северной Венгрии, получал по дороге от туземных жителей напиток, называемый медом (δ μέδος ἐπιχωρίως χαλούμενος). Иорнанд под 454 годом в известии о погребении Аттилы упоминает слово *страва*, обряд погребения, известный из наших древних летописей. Коллар в комментарии Помпония Сабина к Вергилиевым «Георгикам» отыскал слово *санки*, которые скифы, по словам комментатора, употребляли для езды по льду (59).

Итак, *Белазоря* (или *Белоозеро*), *Плеса, Черна*, *Потисье*, *Березово*, *Грана*, граница, *Плева*, *Быстрица*, *мед*, *страва*, *санки* – вот славянские слова, которые доносятся к нам от древних писателей и в которых мы узнаем слова, нам родные. Нельзя не остановить внимания особенно на трех, которые свидетельствуют о древности нашего выговора, как, например, Pathissus, где *о* перешло в *а*, как в нашем московском или образованном великорусском выговоре, и Bustricius, где латинское *и* явно соответствует нашему *ы*, теперь уже не звучащему у юго-западных славян, а прежде бывшему общею принадлежностью их языка (60). Судя по этим остаткам, мы не смело поступим, если заключим, что язык наш едва ли не вернее остался первоначальным племенным своим звукам, нежели прочие братья, против воли подвергшиеся власти народов и влиянию языков чуждых.

Какое же место занимает русский язык в семье славянской? Все ее наречия, по глубокому замечанию О. М. Бодянского, образуют собою одну круглую цепь и входят, как звенья, одно в другое, так что объясняют и дополняют друг друга. Это славянское коло, или сплетшийся руками хоровод, который совершенно разнять невозможно. Но наука пытается посредством особых примет определить границы наречий.

Деление славянских наречий на отрасли. Добровский. Добровский, как известно, первый разделил все славянские наречия на две отрасли: восточную и западную, по десяти приметам, а именно:

для восточной	для западной
1. раз: разум	роз: розум
2. из: издати	вы: выдати
3. л – вставная буква: корабль. земля	отсутствие вставной *л*: корабь, земя
4. отсутствие вставной *д*: сало, крило, молитися	присутствие вставной *д*: садло, кридло, модлитисе
5. пещи, мощи	пеци, моци
6. звезда, цвет	гвезда, квет
7. т (той)	тен

8.	пепел	попел
9.	птица	птак
10.	десница	правица

К восточной отрасли Добровский отнес и язык русский (61).

Востоков. Но еще Востоков в своем рассуждении о славянском языке заметил, что некоторые из сих примет сходятся в русском, как, например: *раз* и *роз*, *из* и *вы*, *птица* и *птаха* или древнее *потка*, и поставил три приметы деления: для западной отрасли – вставную *ж* после *р* (ржеч), вставную *д* перед *л* (вёдл), и для восточной – вставную *л* после губных *б*, *п*, *в*, *м* (земля, люблю и пр.) (62).

Максимович. Максимович нанес окончательный удар верности этого разделения относительно русского языка и в особом рассуждении доказал, что большею частью приметы сии сходятся в русском языке, особенно если примем в соображение различные его наречия. На этом основании профессор отнес русский язык к особому третьему разряду, в котором как будто совмещаются отрасли восточная и западная (63).

Догадка. Еще Востоков намекнул на мысль, что, соединяя признаки обеих отраслей, русский язык должен составлять средину между восточными и западными наречиями славянскими, наклоняясь более к первым, нежели ко вторым, и что самое племя славян, заселивших Россию, жило некогда в середине между восточным и западным коленами.

Вот заключение, на котором до новых изысканий может покамест остановиться наша наука. Оно подкрепляется важными историческими доводами, недавно только уясненными. Предки наши, населившие Русскую землю, пришли с берегов Дуная, на которых некогда жили.

Припев о Дунае. До сих пор имя Дуная слышится в устах нашего народа.

Дунай ты мой, Дунай,
Широкий мой Дунай,
Веселый мой Дунай!

Вот любимый припев русских хороводных песен! Иногда прибавляется к нему отчество: Иванович. Может быть, народ смешивает его и с Доном, вытекающим из Иванова озера. В одной древней песне Дунай Иванович олицетворен в виде витязя, удалого стрелка; он женит князя Владимира, сам женится на сестре жены его, стреляет в кольцо на голове своей жены и, застрелив ее, с отчаяния бросается в реку, отчего и река прозвана Дунаем (64).

Свидетельство Нестора. До сих пор имя Дуная, любимое нашими песнями, было загадкою; но в наше время наука разгадала вековой ее смысл. Вот свидетельство летописца, которому отзывается народная песня: «По многих временах славяне сели по Дунаю, где ныне земля угорская и болгарская. От тех славян разошлись другие по земле и прозвались своими именами, смотря по тому, где кто сел, на котором месте. Одни сели на реке Мораве и прозвались моравою; другие чехами, хорватами белыми, серебью, хорутанами. Когда же влахи напали на славян дунайских, поселились у них и стали их насиловать, – тогда славяне ушли и сели: одни на Висле и прозвались ляхами, от тех же ляхов иные прозвались полянами, другие лутичами, те мазовшанами, а те поморянами. Так и другие славяне, севшие по Днепру, одни нареклись полянами, другие древлянами от лесов, в которых поселились; севшие между Припетью и Двиною назвались дреговичами; иные от речки Полоты, втекающей в Двину, прозвались полочанами. Те же, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем, построили город, нарекли его Новгородом; а другие сели по Десне, по Семи, по Суле и назвались севером... Так разошелся язык славянский» (65)...

Вот достоверное свидетельство нашего летописца о том, что с юга двигались славяне на север до самого Поморья и что наши предки жили некогда на Дунае, между восточной и западной отраслью. До сих пор около Загреба (или Аграма), в Крапинской долине, окруженной горами, у хорватов в простом народе живет устное предание о том, как Чех, Лях и Рус оставили старшего брата своего Хорвата, пошли на север,

и как Рус зашел всех далее и перешагнул за Урал в самую Азию. Лужицкие сербы сохранили до сих пор то же самое предание, – и в 1697 году Михаил Бранцель приветствовал им Петра Великого (66).

Влахи. Движение славян на север. Кто же эти влахи, которые нападением и насилиями двинули наших предков с Дуная на север? Есть ли исторические свидетельства на западе этому событию? Когда это совершилось? Шафарик своими глубокими исследованиями окончательно разрешил этот вопрос. Под именем влахов разумеются галлы, или кельты, которые, по свидетельству Юстина и Трога Помпея, вторглись в Иллирию, в Паннонию, во все подунайские земли и выгнали оттуда их первообитателей. Это произошло незадолго до наступления царствования Александра Македонского, следовательно в IV столетии до Р. Х. (67).

Откуда же Нестор мог заимствовать это предание? Конечно, не у византийцев, замечает Шафарик, – у них нет о том известия, а из устных сказаний своих соотчичей, потому что устная история каждого великого, самостоятельного народа гораздо старше писаной (68).

Множество географических названий у нас, на севере, совершенно одинаковых с названиями городов и урочищ на Юге, доказывает, что предки наши, покидая родной юг и подвигаясь на север, переносили с собою названия тех любезных мест, которые они оставляли. Имена Новгорода, Любеча, Смоленска, Плескова, Киева, Рязани, даже Москвы встречаются и у славян задунайских (69).

Дунай – наша родина. Таким образом, наука в Новейшее время объясняет нам любимый припев в русских песнях. Это память нашей древней родины. Простой народ нам о том доносит, как верно и благодарно через 2200 лет пронес он и сохранил любезное имя реки, которая когда-то поила его предков! Не были ли мы здесь народом серединным между нашими соплеменниками? Не соединяли ли мы и тогда уже признаков отрасли восточной и западной? Эти вопросы, конечно, разрешит нам современная филология при сильном движе-

нии, какое дано ей у нас, когда нам усвоятся все соплеменные наречия, а у нас разработаются и сделаются собственностью науки все областные оттенки нашего языка. Г. Лавровский в своем исследовании о русском полногласии дает также срединное место русскому языку между родственными наречиями (70). До сих пор песни и наречия у нас на севере обличают во многом южное происхождение. Как в народе нашем, возле лица северного, судя по русому волосу, по голубым глазам, по снежной белизне кожи, встречается лицо южное, с черными как смоль волосами, с глазами, пылающими как уголь, – так точно и в нашем языке северная сила умягчается полуденною нежностью; нет преобладающего господства согласных, как в языках скандинаво-германской Европы; нет изнеженной любви к гласным звукам, а видно стройное их сочетание. Так и в самой поэзии языка пластически образ соединяется у нас с музыкальностью речи; нам равно доступны живая кисть Ариоста и Тасса и глубокая дума Шекспира и Байрона.

Мысль И. И. Срезневского. И. И. Срезневский в своих «Мыслях об истории русского языка» принимает два периода в развитии языков вообще: первый называет он временем устроения самобытных его форм; второй – периодом превращений, когда прежние формы постепенно падают и заменяются другими, более свободными, отрешенными. Филолог, задав себе задачу исследовать русский язык с тех пор, как он отделился от других славянских наречий, полагает, что он тогда в отношении к своему строю был при исходе развития своих первобытных форм, уже начав период их превращений (71).

Признаки великорусского наречия. К тем признакам, какие Шафарик установил в своем описании славянских наречий для нашего языка, мы можем в дополнение прибавить признаки, которые касаются собственно великорусского образованного наречия, наложенного нашей Москвой на всю Россию. Эти признаки будут состоять в произношении. Наши гласные по лестнице звуков: *и, е, а, о, у* – весьма естественно переходят в выговоре, двигаясь назад, за исключением буквы *у*, которая

есть уже стремление гласной разрешиться в согласную и потому не подвержена изменениям. Буква *о* наклоняется у нас постоянно к звуку *а*, когда нет ударения; буква *а* – к букве *е* после многих букв шипящих, и буква *е* – к букве *и*, обе в тех случаях, когда нет на них ударения. Наши согласные делятся резко на твердые и мягкие, соответственные друг другу, и бóльшая часть первых переливается во вторые при конце слова. Вот особенности нашего выговора (72).

Заключение о племенном отношении. Заключим же о нашем племенном отношении по тем данным, какие теперь предлагает наука. Русский народ пришел с юга, с берегов Дуная, где когда-то обитал в середине, между своими братьями, восточными и западными. Подвигаясь на север, он остался наиболее верен первоначальным звукам племенного языка, тогда как другие его братья подверглись сильному влиянию иноземной речи народов, насиловавших их бытие. Он сохранил свой срединный характер – и, может быть, призван Провидением на то, чтобы служить точкою примирения для своих расторженных братий. Как в чистоте сберег он веру, духовно его с ними некогда соединившую, – так точно он остался верен еще первоначальному единству с ними в своей устной молве, в древних памятниках речи письменной, в которых соплеменники его более и более могут узнавать и первоначальное природное, и последовавшее духовное родство с нами.

3) Отношение русского языка домашнее. Постараемся теперь определить отношение языка русского домашнее. Под сим последним мы разумеем его отношение к языкам тех племен, с которыми он в первоначальные времена жизни своей имел столкновение. Таких племен два – финское и варяго-русское.

Финны. Финны были первыми насельниками той земли, которую заняли наши предки. Определить, какое влияние первоначально имел финский язык на русский, мы будем тогда в состоянии, когда обратимся к изучению всех вопросов, касающихся нашей земли, народа и жизни, когда иссле-

дуем наречия всех племен, населяющих наше Отечество (73). До тех же пор должны ограничиться немногими скудными заметками. Добровский приписывал наше полногласие в начале слов влиянию финского языка, известного своим благозвучием; но мнение его едва ли справедливо. Шафарик приводит несколько слов финских вообще в славянском языке: *кумир* по-чудски – *куммардама*, *пакость* – *паггаст*, *волхв* – *вёльго*, *окно* – *аккуна*, *хлеб* – *лейпе* и проч. (74). Можно бы было подумать, что из этих слов слово *волхв* заимствовано у финнов, потому что они всегда славились кудесничеством; но это слово встречается в Остромировом Евангелии, следовательно, было и в древнеболгарском наречии. Г. Шёгрень в своем сочинении о финском языке и его литературе первый указал на сходство русских и финских слов, но заметил притом, что финские, вероятно, заимствованы из языка русского. Г. Бутков в своем рассуждении о финских словах в русском языке обратил внимание также на одинаковые слова его с финскими; но они, судя по их значению и присутствию у нас с коренными и производными, скорее могли из нашего переселиться в финский. Наша согласная *б* переходит в финскую *р*, а *д* в *т*, из чего можно заключить об излишней мягкости финского языка. Г. Бутков объясняет бóльшую часть древних слов, встречающихся в наших письменных памятниках, из финского источника; но здесь, кажется, он слишком далеко простер свое предпочтение финнам и объясняет языком их те слова, которые весьма легко объясняются из наших собственных стихий и из наречий, нам родственных (75). Всего вернее в исследованиях, касающихся этого вопроса, что многие урочища наши сохранили до сих пор финские названия, свидетельствующие о первых поселенцах. Озеро *Ильмер* ясно указывает на julimeri, верхнее море; Нева – niwa, узкий пролив, и newo – большое озеро; Волхов – wuollas, стремительный поток; Шелонь от sälli, резвая; Мста от musta – черная; Руса – от rusa, красная; Ока от joki, или jogi, – река, и многие другие. Множество названий северных наших рек, кончающихся на *га*, обнаруживает тоже финское происхождение.

Некоторые имя Москвы производили от musco, темный, и va, вода (по-пермски и зырянски); но едва ли кто-нибудь отнимет у нас это родное нам имя. В Боснии у славян есть река почти такого же имени, Моква, а у западных славянских племен есть местечко с тем же названием (76).

В словаре областных наречий Великой России Я. К. Грот отыскал небольшое количество слов финского происхождения, означающих предметы первой необходимости. Это открытие указывает на признаки отдаленного сообщения Великороссии с племенем финским (77).

Варяго-русы. Было ли влияние норманнского или скандинавского племени на наш язык вследствие того участия, какое отрасль этого племени приняла в первоначальном устроении политического бытия нашего Отечества? Известно резкое разделение мнений относительно вопроса о происхождении варяго-русов. Одни видят в нем чисто скандинавский источник, другие – славянский. Последнее мнение, принадлежавшее Ломоносову, сильно высказалось в наше время и нашло ревностных защитников в Венелине, Морошкине, Максимовиче, Савельеве-Ростиславиче. Меня касается этот вопрос, поскольку он связан с историей языка. Мне кажется, что в наше время наука собрала новые важные материалы для настоящего решения этого вопроса. Открытия, сделанные ею касательно древних обитателей острова Рюген и вообще всего Балтийского поморья и островов, к нему прилежащих, бросают новый свет на это дело. Здесь сходились мир славянский, двигавшийся с юга, с миром скандинавским, напиравшим от севера.

Мнение среднее. Руги, рузь, русь (по нашему выговору) были, по свидетельству всех древних летописцев, племя славянское, но сильно оскандинавленное, принявшее в себя и воинский дух скандинавов, и многие их обычаи (78). Повсюдное почитание славянского бога Световида в земле ругиев особенно это свидетельствует (79). Кого ж разуметь под родовым именем варягов? Конечно, все скандинаво-готфское племя, как ясно видно из нашего летописца. От верингов ли,

союзников (waere, союз), происходит это имя, от древнего ли германского слова war (война), или wargangus, блуждающий, от шведского ли слова värja, меч, värja, защищать, värjande, защищающий, – но то вероятно, что предки наши, любившие, как и теперь народ наш любит, осмыслить чуждое слово, под именем варяга разумели *ворога*, *врага*, и сначала это имя простерли на норманнское племя, с которым враждовали, а потом под именем варяжского стали разуметь все вражеское, напиравшее от запада, так, например, и латинскую веру (80). В то время как скандинавы, наши вороги, или варяги, ходили войною на Византию через нашу землю, – мудрено ли, что предки, беспрерывно тревожимые соседями, призвал на защиту свою такое племя, которое хотя и обитало близ мира скандинавского (варяжского), но по языку, по верованиям своим и, может быть, по древним обычаям не было нам чуждо, а знанием варяжского быта и воинским искусством, перенятым у скандинавов, могло быть для нас полезно? Такое-то племя было руги, рузь или русь, племя по корню славянское, родное нам, по образованию воинскому и гражданскому норманнское (варяжское). Наречие этого племени домашнее было родным нашему и могло служить таким же посредником в сношениях с норманнским миром, каким служило болгарское наречие на юге в сношениях наших с Византией. Присутствие в нем коренной славянской стихии ручалось за то, что оно скоро свой варяжский обычай переведет на наш народный и освоится с нами. Так и случилось.

Нельзя, однако, отрицать, что норманнская стихия была сильно привита к этому племени и через него вошла и к нам в первоначальный быт нашего государства. Имена первых наших князей, имена послов в договорах Игоря и Олега, явно это показывают. Для нашего дела особенно важно свидетельство Константина Багрянородного. Названия днепровских порогов приведены у него по-русски и по-славянски. Слова русские: Ульворси, Аэифар, Варуфорос, Леанти – объясняются только из языков скандинавских. Соответственные им: Островуни-праг, Неасит (неясыть, птица аист), Вульни-праг,

Веручи (Вручай, от *врею*, *киплю*) – слова, нам родные, объясняются из нашего языка и названы у Константина Багрянородного славянскими (81). Стало быть, в X веке под именем русского языка разумелся у нас скандинавский. Это несомненно – и составляет камень преткновения для тех, которые хотят отрицать всякое присутствие норманнской стихии в первоначальном быте нашего Отечества. Русское племя, по свидетельствам историческим, в корне своем было славянское; но прививок норманнский так был в нем силен, что изменил его гражданский обычай, поселил в нем дух войны и наложил на него чужой язык. В таком измененном виде явилось это племя к нашим предкам. Сила нашей народности скоро поглотила в себя чуждые стихии и претворила их в свое бытие. Каждый иноземец, приходящий к нам, в третьем поколении становится нашим. Так сбылось и над первым пришельцем в нашу землю. Внук Рюрика уже носил славянское имя, держал родной обычай и нашей речью зажигал сердца дружины. Язык руссов хотя и слыл скандинавским несколько времени, по внешнему обычаю пришельцев, вскоре однако превратился в славянский, как и самое племя.

Но остались ли какие-нибудь следы норманнского влияния на нашем языке первоначальном? При разрешении этого вопроса надобно удалить сходства, могущие быть между скандинавскими словами и нашими вследствие общего родства в семье санскрито-европейской, к которой мы принадлежим вместе. На это прежде не обращали внимания филологи, занимавшиеся этим предметом (82). В этом отношении И. И. Срезневский примечаниями к своей «Истории русского языка» оказал большую услугу нашей филологии, объяснив из общего славянского источника многие слова, происхождение которых приписывалось скандинавскому и германскому на нас влиянию (83). Новые лексические исследования С. К. Сабинина, предлагающие материалы для сравнения русского языка со скандинавским, и областные великорусские слова, сходные со скандинавскими, объясненные Я. К. Гротом, привели к тем же заключениям (84).

Вне первоначального родства, было ли на язык наш какое-нибудь позднейшее влияние варягов, проистекшее от политических сношений?

Мне кажется, что это влияние было, но ограничилось немногими словами, относящимися до гражданского быта, измененного варягами. Вместе с бытом многие из них исчезли; другие изменили свое значение, по смыслу народному; немногие остались в употреблении. Пересчитаем эти слова.

Слова скандинавские. Слово *боярин* у нас производили от норманнских ярлов. Протоиерей Сабинин производил его от исландского слова Baearmenn (байармен), которое часто употребляется в исландских сагах и означает знатных людей города или двора (85). Венелин своим исследованием о слове *боярин* и Срезневский нанесли решительный удар этому мнению, доказав, что слово *болярин* или *болерин* встречается у болгар; в той же форме перешло оно к валахам, а в форме *боярин* – к молдаванам. Срезневский производит его от двух корней: *бой* и *болий* (86). Вопрос остался нерешенным: откуда именно наши бояре? Но заметим, что особенное сословие мужей с привилегией городской или дворской, основанной на происхождении, на знатности рода, не было в духе нашего племени. Народ осмыслил бояр по-своему. Не знатность рода, не привилегию города выразил он в этом слове, но наименовал своего боярина *мужем боя*, мужем, который мечом служит князю и общине. Другому имени, болярин, вероятно, позднейшему и выражающему понятие большинства, первенства, он устами поэта, постигавшего духом смысл народный, дал еще высшее нравственное значение:

Болярин, коль за всех болею.

Смерд – слово древнее, означающее человека, совершенно ничтожного в обществе, человека без прав, – происходит, по-видимому, от скандинавского smaerd (homo nauci) (87). В древнейшем периоде нашей истории в «Русской Правде» и летописях встречается это слово. Срезневский также нашел

ему корень и подобные слова в других славянских наречиях. Будучи по своему понятию чуждо смыслу самого народа, оно исчезло и заменилось словом *крестьянин*, то есть християнин, человек, обрекший себя на служение благу всех и каждого.

Гридень, *гридин* явно происходит от слова Hird с членом Hirdinn, что значит также телохранитель княжеский (88). *Тиун* или тивун – от Tion, служитель, чиновник или судья, или от Tiund – десятина, десятая часть, и Tiu-menn, великокняжеский казначей, собиравший десятины или подать, принадлежавшую князьям (89). *Огнищанин* – человек, владеющей огнищем, то есть владелец дома, может происходить от Eingingandinn, также владелец. Народ осмыслил это слово, трудное к произношению, точно так, как осмыслил он миродера из французского слова maraudeur (90). Вот еще несколько древних слов, объясняемых из языков скандинавских: *быль* – жилец от byl, habitator; *вира*, плата за убийство, от fiar деньги, или wärgeld, слова древнегерманского, то же означавшего; *метник* может быть от maet, товарищ по делам; *ябетник* (ябеда, ябедник) – от aembed, должность, поручение, то есть человек, имеющий поручение (91). Злоупотребление дало этому слову с течением времени иной, безнравственный смысл. Западные писатели, неблагосклонные к России, навязывают нам слово *кнут*: оно не наше и не татарское, как некоторые думают: мы можем возвратить его языку шведскому, где оно имеет корень и существует со всеми производными (92).

Многие иные народы проходили через нашу землю, имели с нами политические и воинские столкновения и могли забросить какие-нибудь слова в наш язык. Так, угры, или мадьяры, кочевавшие в Киеве, оставили у нас слово *телега*, по-мадьярски taliga. О татарских словах мы скажем в свое время.

Но какое заключение мы выведем относительно к норманнскому влиянию?

Заключение. Окончательное решение вопроса может быть совершено тогда только, когда наш словарь и грамматика будут прилежно сличены со словарями и грамматиками языков скандинавских. Издание шведско-русского словаря

предлагает прекрасный материал для желающих заняться решением вопроса (93). Но по тем исследованиям, какие до сих пор были сделаны, мы можем не без основания предположить, что скандинавская стихия не имела никакого значительного влияния на коренную славянскую стихию нашего языка, что это влияние ограничилось словами, которые относились до древнего гражданского быта и вместе с ним по большей части исчезли.

Явление, видимое в языке, соответствует явлению государственному. Россия была основана не завоеванием, а добровольным призванием племени, конечно, малочисленного в сравнении с ее населением. Норманны, куда ни приходили, нигде не изменяли языка, а у нас русы, племя славянское, хотя и под влиянием норманнской стихии, еще менее могли изменить его. Совершенно противоположное явление мы видим из юго-западе Европы, у народов романских. Там языки, как самая жизнь, образуются из столкновения двух стихий – завоевывающей и завоеванной. Варвары налагают насильственно грамматические формы языка своего на словари племен покоренных. Язык, как и жизнь, является плодом борьбы стихий враждебных. У нас язык, как и жизнь, сохраняет чистое, неприкосновенное единство и не терпит чужого насилия. Он подвергается влиянию, как скоро мы увидим, другого языка, но языка родного, соплеменного, и влиянию не насильственному, а высокому, духовному, нисколько не нарушающему его единства.

Общий вывод. Заключим же теперь главными чертами нашего языка в тех трех отношениях, в которых мы его изучили.

В отношении всемирном язык русский есть язык народа, стоящего в ряду двигателей человеческого образования, язык, сохранивший во многом глубокие следы отдаленной древности, знаки своего первобытного семейного родства, и призванный своими звуками сочувствовать языкам всего мира и, может быть, связать Европу с Азией.

В отношении племенном язык русский, по всему вероятию, есть язык срединный между двумя отраслями славянско-

го племени, западной и восточной, оставшийся верным своему племенному характеру.

В отношении домашнем язык русский у себя дома хозяин, хотя гостеприимный к чуждым влияниям, но оберегающий против них свое внутреннее существо; с виду много чуждых слов в себя принимает он, но проносит их, как наплыв, в потоке народной жизни; оставляет же у себя только то, что осмыслит по-своему, и против всякого насильственного вторжения бережет свое цельное, неприкосновенное единство.

Современное значение филологии. Филология, основанная на строгих началах науки, об руку с историей, оживленная философией и поэзией, есть наука великая, живая, одно из отраднейших явлений современной мысли. Заметим, что в Германии совершилось слишком сильное распадение между наукой мысли и наукой слова, между философией и филологией, которое отражается и у нас. Фонетика, или наука о звуках, – это необходимая часть грамматики, но не всю же ее поглощающая, заняла в филологии слишком обширное место и не введена в должные границы. При сравнительном изучении одного родственного языка с другим можно дойти до определения некоторых постоянных законов в переходах одного звука в другой. Но подвести все возможные переходы членораздельных звуков голоса человеческого под одну стройную систему есть задача, противоречащая самому́ живому, свободному строю языка. Из-за наблюдений фонетических теряется в науке многое важнейшее, – и филология мельчает. Не одним миром инфузорий исчерпывает зоология свои явления. Не откроет новых законов природы физика, углубясь исключительно в одни метеорологические наблюдения.

Назначение филологии – сближать языки, единство которых расторглось, а через то соединять и самое человечество. Если язык есть выражение мысли, то непременно было время, когда каждое слово нашего языка имело ясный смысл, значение, с первого раза понятное. Но смешались языки – и этот смысл потускнел. Слово, так сказать, потемнело, утратив

свою мыслительную прозрачность. Звуки его, отдельно взятые, кажутся теперь только случайным выражением известного понятия. Но если взглянем на это слово в целом организме языков, сопряженных родством взаимным, то находим ему объяснение – и утраченный смысл опять возвращается слову, и оно перед нами светлеет. Объяснимся примерами.

Слово *дроги* (исландское treggia, шведское drög) из нашего языка для нас неясно; но корень его открывает нам язык латинский в слове *traho* – везу, влеку, и в слове *traha*, и происхождение его нам уясняется. Так, слово *дорога* получает смысл в зендском слове *daregha*, долгий; *береза* – в зендском глаголе *berez*, расти, в словах *bereza*, высокий, *berezya* – растущий и высокий; *квас*, в готфском и англосаксонском *hwass* – острый, кислый; слово *ночь* – в санскритском глаголе *naç*, уничтожать, и зендском, с ним схожим. Так и обратно: можно будет найти и у нас много корней, которые предложат объяснение для многих слов в языках, родственных нашему. Такой объяснительный словарь для русского языка был бы филологическим сокровищем – и мог бы, конечно, послужить пособием для изучения других языков. Мы, к сожалению, ничего еще не предприняли для подобной цели, хотя вправе ожидать подобного труда от питомца Московского университета С. П. Микуцкого.

Но и вопрос о племенном нашем отношении не двинут еще к решению более многостороннему. Уже 20 лет, как введено преподавание славянских наречий в русских университетах, а мы не имеем ни словарей, ни грамматик этих наречий на языке русском, довольствуясь одними немецкими пособиями. Без таких приготовительных трудов невозможна у нас и сравнительная грамматика славянских наречий. В Дерпте г. Полевой предпринял такой опыт для имени существительного по наречиям: церковнославянскому, великороссийскому, чешскому и польскому. «Сравнительная грамматика славянских наречий» Миклошича ограничивается до сих пор звуками и формами, но предлагает обильный запас материалов (94). В Праге был начат «Словарь славянского языка» шести главных

наречий: русского, болгарского, церковного, сербского, чешского и польского; но, к сожалению, смерть филолога положила конец делу при самом его начале (95). Не понимаем только, как можно было, принимаясь за такой всеславянский труд, положить немецкий язык ему в основу.

Есть у нас и свой домашний вопрос об отношении русского языка ко всем тем языкам иностранным, с которыми он имел дело у себя дома. Труды Второго отделения Академии наук, печатаемые в «Известиях», подвинули вопрос к некоторому решению. Исследования ориенталистов наших. Казембека, Григорьева и Петрова над «Областным словарем» представили много любопытных данных (96). Словарь наш также гостеприимен к иностранным языкам, как и мы сами ко всему иностранному; язык в этом случае – живое изображение народа. Возьмите в нашем «Академическом словаре» одну букву А: в ней почти нет русских слов, а все иностранные. Необходимо в «Словаре» обозначить при каждом слове тот язык, откуда оно заимствовано. Это живое свидетельство, говорящее нам о наших сношениях с другими народами. Дело истории языка и слога определить влияние на нас языков иностранных и в грамматическом отношении. Наш синтаксис подвергался ему так много и так часто, что мы сквозь настилку чуждых слоев с трудом добираемся до природного склада нашей народной речи. Здесь только песня, да сказка, да пословица, да разве памятники древней письменности, особенно те, которые взяты из бытовой жизни народа, нам окажут помощь.

Много, много еще предстоит нам дела над нашим языком, дела великого, прекрасного, благотворного. О, если бы молодое поколение за него принялось живо, дружно, систематически, по плану обдуманному! К сожалению, мы того не видим. Оно увлекается осуждением других и журнальной поденщиной, которая отучает его от ученого, усидчивого труда. Но будем надеяться, что когда-нибудь воспрянет наше благородное юношество, полюбит вполне науку, принесет ей искренно и честно свои силы и двинет все вопросы, в этой лекции предложенные, к основательному и многостороннему их решению.

ЛЕКЦИЯ ТРЕТЬЯ

Вопрос о начале речи письменной. – Предания у славян. – Арабские известия о русских письменах. – Грамота христианская. – Движение ученого о ней вопроса. – Славяне в Греции. – Дух Византии и Рима. – Константин и Мефодий. – Образование. – Прения. – Замысел. – Цель и предмет его. – Изобретение славянской азбуки. – Время изобретения. – Характер азбуки. – Глаголица. – Первые слова нашей грамоты. – Славянское богослужение у болгар. – У моравов. – Кирилл и Мефодий позваны в Рим. – Прения в Венеции. – Богослужение славянское в Риме. – Кончина Кирилла. – Завещание Мефодия. – Коцел зовет его. – Действия Мефодия в Моравии. – Первоначальное единство веры у славян. – Неприятности Мефодия. – Послание папы Иоанна VIII. – Система пап. – Кончина Мефодия (885). – Гонения пап на славянскую литургию. – Славянский язык процветает у славян восточных. – Совпадение трех событий. – Внесение грамоты славянской в Русь. – Наречие перевода. – Отношение его к другим наречиям. – Задачи славянской филологии. – Отголоски ее в жизни. – Словацкая песня. – Болгары. – Венелин. – Отношение славяноцерковного наречия к русскому. – Развитие языков западных. – Особенное явление в нашем языке. – Услуги славяноцерковного языка русскому. – Неразрывная связь их

Вопрос о начале речи письменной. От речи устной мы перейдем к речи письменной и спросим: когда наш народ начал писать и откуда он заимствовал свою первоначальную грамоту?

Предания у славян. Решая этот вопрос, мы не можем отделить наших предков от их соплеменников, потому что первоначальные предания у нас сходятся. Были ли у славян письмена в язычестве? Древнейшее свидетельство о письменах славянских принадлежит чехам и находится в отрывке из поэмы «Суд Любуши», которой содержание относится к началу VIII века, а рукопись – к концу IX. Здесь говорится о *досках правдодат-*

ных, на коих начертаны были законы (1). Дитмар Мерзебургский, писавший в XI веке, свидетельствует, что на кумирах славян языческих имена богов были вырезаны (2). Венеды, по мнению Карамзина, знали употребление букв. На ретрских кумирах, найденных близ Толлензского озера, вырезаны письмена рунические (3). Но здесь уже видно влияние скандинавское, как вообще у славян прибалтийских. У нас в Отечестве находится в древних рукописях важное болгарское известие о том, что славяне, будучи еще погаными, не имели *книг*, то есть *письмен*, а *чертами* и *резами* читали и гадали; потом же перешли к письменам греческим и римским. Известие принадлежит черноризцу Храбру и относится несомненно к X веку (4). В 1836 году найдены были в Карпатских горах неизвестные надписи: ученые полагают, что они должны быть древнеславянские, потому что Карпаты, по мнению некоторых, были исконной колыбелью славянского племени. Надписи не разгаданы: кто знает, может быть, это наши древние *черты* и *резы* (5)?

Арабские известия о русских письменах. Перейдем к нашему Отечеству. Есть ли свидетельства, что были русские письмена до введения христианской славянской грамоты? Есть. Они находятся у арабских историков; их открытие принадлежит г. Френу. Ахмет, сын Фоцлана, в 922 году свидетельствует, что русские на могильных холмах ставили столбы и надписывали на них имя покойника вместе с именем князя русского (6). Второе известие еще важнее. В нем переданы и самые письмена. Писатель X века, Абуль-Фарадж-Мохаммед ибн Исхак эль Недим, передает рассказ своего знакомца, человека, по словам его, вполне достоверного, который сказывал ему, что послан был к королю русских одним из кавказских владетелей; что у русов есть свои письмена, вырезываемые на дереве; при этом он вынул и показал Недиму кусок белого дерева, на котором были надрезанные фигуры, изображавшие неизвестно – целые ли слова или отдельные буквы, только вот какого вида:

(7)

Были ли у нас в X веке сношения с Кавказом? Да, еще при Игоре и Святославе мы вели борьбу с горскими племенами. В 912 году русы ходили на Каспийское море и разорили Дагестан и Ширван. В 944 году взяли Барду. В 965 году Святослав победил касогов и ясов (черкесов и осетинцев) (8). Посольство от кавказского владетеля к русскому князю не только вероятно, но подтверждается историей. Что это за грамоту показал посланный Недиму? До́лжно думать, свой пропуск. В договоре Игоря упоминается о подобных грамотах (9). Древесная белая кора, конечно, есть *луб*, который у нас употребляли еще в XV веке для чертежей границ, отчего и осталось выражение: вестись по лубу (10). Верно ли переданы письмена? Каллиграфия арабов известна: сличение рукописи петербургской, где найдено г. Френом известие, с константинопольскою убедило в том, что надпись передана верно. Но что это за буквы? Г. Френ, сличая их со всеми известными ему письменами, нашел в них сходство с синайскими; но это не могло повести ни к какому заключению. Датский ученый, Финн Магнусен, прочел их по руническому ключу и нашел в них значение: «славен визуслют», или «русьлюд», то есть будто бы славян, русский человек. Славен, по мнению ученого, – имя владельца паспорта. Академик Шёгрень совершил тот же опыт и прочел с изменением: «Славяне с яси т…», или «славянин с русси (славн с русси)». Трудно решить, какую степень достоверности заслуживают такие чтения. По мнению обоих ученых, это руны скандинавские, отдельными чертами писанные. В надписях, найденных Ф. Н. Глинкою в Тверской Карелии на камнях, вероятно, надгробных, Ф. Магнусен нашел связное руническое письмо и прочел: «Иварови (Игореви) взят», то есть «воздвигнут Игорю». Г. Шёгрень выводит из всего исследования Финна Магнусена и своего несомненные доказательства, что скандинавские руны еще в конце X века были употребительны в России, даже применялись к славянскому языку, и совершенно по древнейшему северному способу вырезываемы были на дереве и на камнях как отдельными чертами, так и связными рунами (11). Мы видим, что мнение г. Шёгреня клонится к тому,

чтобы подкрепить скандинавскую систему в ученом воззрении на первый период нашей истории.

Грамота христианская. Вот все, что до сих пор известно касательно письмен славянских и русских в языческом периоде, до введения христианской грамоты. Письма вразумительного мы не имеем: оно начинается у нас с христианства. Откуда же ведет начало грамота, нами теперь употребляемая? Чтобы решить этот вопрос, мы должны перенестись в девятое столетие, к нашим соплеменникам, славянам болгарским и чешским. От них мы приняли эту грамоту и через тысячу лет ее сохранили. Для ответа на вопрос существуют источники отечественные, греческие и латинские (12). Многие ученые над ними трудились: Шлёцер, Добровский, Шафарик, митрополит Евгений, Калайдович, Горский, Мацеёвский, Новицкий, Бодянский, Венелин, Срезневский, Григорович, архиепископы Филарет и Макарий, Ваттенбах, Гинцель (13).

Движение ученого о ней вопроса. С 1844 года, когда была прочтена мною эта лекция, вопрос о славянских первоучителях и славянской грамоте деятельно занимал наших ученых. Мне и необходимо и особенно приятно проследить ход этого вопроса, потому что в его разрешении принимали самое живое участие русские ученые, помогая славному учителю своему, Шафарику.

В 1845 году профессор Григорович посетил Охриду и там, отыскав живые следы учеников св. Кирилла и Мефодия, открыл сокращенное житие св. Климента на греческом языке, которое указало на Климента как на второго изобретателя славянской же грамоты, отличной от первой, изобретенной Кириллом. Открытия, сделанные тем же профессором в глагольской письменности, побудили его отдать ей преимущество древности перед кириллицею: его мнению последовал наконец и Шафарик (14).

В рукописях Троицкой Лавры профессором Горским найден был список Храброва сказания о письменах славянских со вставкою слов, какие в прежних списках не встречались: «Суть бо еще живи, иже суть видели их». Этими слова-

ми время сказания определилось точнее и отнесено учеными к X веку. Следы того, что сказание переведено было с глаголицы на кириллицу, указали на Западную Булгарию, как на место его происхождения.

Между тем Паннонские жития Кирилла и Мефодия, еще прежде открытые и сведенные вместе проф. Горским, привлекли внимание наших духовных ученых Филарета и Макария и особенно Шафарика. Первый основал на них новое свое исследование (15). Второй в истории христианства в России (16) по этим данным согласил год изобретения славянской грамоты с годом основания русского государства, хотя, заметим мимоходом, в Паннонском житии св. Кирилла ни слова не сказано о годе этого изобретения. Шафарик в 1847 году, в своем «Расцвете славянской письменности», переведенном с чешского профессором Бодянским (17), сделал прекрасное обозрение всего того, что было открыто относительно памятников первоначальной славяноцерковной словесности, указал на деятельность так называемых седмичисленников, просветивших всю Болгарию, и изменил мнение свое о годе изобретения письмен, отнесши его не к 855 году, как относил прежде, на основании Храброва показания, а к 861 или 862-му.

Между тем открытия, касающиеся глагольской письменности, беспрерывно умножались. Самое важное из них принадлежит нашему архимандриту Порфирию: в Иверской обители Афона он нашел подпись попа Георгия из жителей Кастра Ериссо, сделанную глагольскими буквами в 980 году, и на основании данных памятников утвердил, что болгары Афонского Кастра употребляли глагольское письмо до 960 года (18). Исследования, произведенные Шафариком над глагольскими памятниками, сильно поколебали его прежние мнения и побудили его приписать изобретение глаголицы архиепископу Клименту, на основании сокращенного жития, найденного Григоровичем.

Между тем приближался 1855 год – столетие Московского университета. По прежним мнениям ученых, Добровского и Шафарика в особенности, предполагалось возможным соединить два праздника в один: столетие нашего Университета

и тысячелетие славянской грамоты. Но мнения изменились: Шафарик силою своего авторитета особенно поколебал их. Профессор Бодянский напечатал к университетскому юбилею обширное исследование свое «О времени происхождения славянских письмен» (19), в котором, отвергнув показание Храбра, согласился с мнением архиепископа Макария, что оба тысячелетия – славянской грамоты и основания Руси – совпадают в 862 году.

Шафарик, продолжая свои исследования над глаголицею от 1852 до 1858 года, совершенно изменил свое мнение и в последнем рассуждении своем 1858 года «О происхождении и родине глаголицы», на основании слов, приведенных Бодянским из похвального Слова Кириллу и Мефодию «не на тоужемь основании свое дело полагающе, к изнова писмена воображьша и свьршиста в язык нов», сообразив эти слова с прочими данными, приписал изобретение глаголицы св. Кириллу, а на основании слов из сокращенного жития св. Климента изобретение так называемой кириллицы отнес к св. Клименту, как изобретение, которым усовершился подвиг Кирилла. Согласимся, что исследования Шафарика чрезвычайно как увлекательны; но, по верному и остроумному замечанию профессора Срезневского, они также были увлекательны и в то время, когда он утверждал совершенно противное тому, что теперь утверждаете (20).

Редактор «Известий Второго отделения Академии наук» сам своими исследованиями содействовал движению вопроса, давал о ходе его подробный отчет, умеряя увлечения изыскателей, и наконец своими последними открытиями следов глаголицы в памятниках X века, а именно в договорных грамотах Святослава с византийцами, способствовал тому, чтобы утвердить древность глаголицы, хотя и не перебивая преимущества в ее пользу у грамоты Кирилловой (21).

Немецкие ученые также трудились над решением вопроса: сюда принадлежат Ваттенбах и Гинцель. Первый следует во всем прежним мнениям Шафарика. Гинцель оказал услугу науке изданием латинских свидетельств; но он совершенно равноду-

шен к преданиям византийским и славянским, и потому взгляд его на вопрос обличает латинскую односторонность (22).

Согласимся, что данные, открытые до сих пор наукою для решения вопроса, по неопределенности своего характера открывают исследователям обширное поле для догадок, противоречащих между собою. Григорович, основавшись на рассказе Паннонского жития о св. Кирилле, что он до отъезда своего в Паннонию нашел в Херсонесе Таврическом Евангелие и Псалтирь, писанные русскими буквами, заключил, что это было письмо глагольское, которое Кирилл перенес в Паннонию, а изобретение кириллицы приписал он Мефодию. Мнения Шафарика, сменявшие друг друга, нам уже известны.

До́лжно заметить, что три страны, которые пользовались письменами и переводом Кирилла – Россия, Паннония и Болгария, – относили к себе это изобретение. В России предание приписало его даже не Кириллу, а какому-то русскому, у которого Кирилл будто бы его заимствовал. Оно закралось даже и в житие Паннонское (23). Сие последнее не упоминает о болгарах и Болгарии, а называет подвиг Кирилла только ответом на требование князей Паннонии и Моравии. Предания болгарские в этом отношении беспристрастнее других – и, не забывая своего отечества, отдают справедливость и Паннонии, как важной участнице в великом деле.

Есть открытие, весьма важное в отношении к решению вопроса: для кого именно из славянских племен совершен был подвиг св. Кириллом? Оно принадлежит питомцу Московского университета А. Ф. Гильфердингу. Это открытие есть предисловие св. Кирилла к переводу Евангелия, найденное в Печи, в рукописном сербском Евангелии XIII века, – и написано самим первоучителем, по всему вероятию, до его предсмертного путешествия в Рим, потому что творец предисловия назван только своим мирским именем Константин, а не Кириллом, именем, которое он принял в Риме вместе со схимою. Здесь переводчик обращается ко всем славянам: «Услышите словени вси!» – «Слышите словенский народ весь! Слышите, слово от Бога прииде, слово, иже кормит душе человеческые,

слово, еже крепит сердца и умы» (24). Отсюда видно ясно, что первоучитель Кирилл, равно как и последователи его, совершал свои подвиги не для какого-нибудь славянского племени исключительно, но для всех славян вообще.

С этой точки зрения, самой беспристрастной и указываемой, по преданию, самим великим творцом дела, я постараюсь предложить одни полные выводы, так, как они представляются моей мысли, согласно с данными, выработанными современной наукой, но без увлечений частных. Не вдаваясь в подробности исследований, я постараюсь быть только верным и точным докладчиком по решению вопроса.

Славяне в Греции. В VII, VIII, IX и X столетиях история застает славян постепенно распространяющимися по всей Византийской империи, так что славянская стихия начинает господствовать над греческой. В VII веке они более слышны были на севере Империи – во Фракии, Македонии, Фессалии. Но в VIII (746–799) покрывают весь Пелопоннес и остальные земли Греции: позднейшие писатели жалуются, что вся страна греческая уже ославянилась. Тщетно императоры Византии борются с массами племен славянских. В IX веке на престол греческий восходит славянин: это был Василий Македонянин (867–886). Он сохранил обычай племени, откуда был родом, и любил бороться *на подрез* (χατά πόδρεζαν), как пишут о нем византийские летописцы. Сократитель Страбоновой «Географии» около 1000 года говорит не преувеличенно, что весь Эпир, Эллада, Пелопоннес и Македония находились тогда во власти скифославов. Константин Багрянородный и история двух последующих столетий совершенно подтверждают достоверность этого известия, потому что имена лиц, городов, рек, гор, какие встречаются в означенных странах, по большей части славянские (25).

Между этими племенами, как восточными, так и западными, были ли христиане в IX веке? Конечно, были. Народ по большей части был окрещен; но настоящими христианами они могли быть только на языке греческом или латинском, потому что до второй половины IX века народного христианско-

го богослужения славяне не имели и христианство, по всему вероятию, было исключительным преимуществом людей, образованных по-гречески или по-римски. Есть свидетельство, что славяне употребляли письмо греческое и латинское до приобретения своей азбуки. У славян западных, живших под влиянием Римской церкви и римского образования, некоторые молитвы, поучения, формулы исповеди были переведены на славянский язык и писались буквами латинскими (26).

Дух Византии и Рима. Как в древности языческий Рим покорял племена мечом железным, так в новые христианские времена Византия смиряла народы, в ее ли недрах волновавшиеся, извне ли напиравшие, мечом духовным, глаголом Божиим. Она имела то важное преимущество перед Римом, что у племен, с которыми вела сношения, распространяла и утверждала христианскую веру на их народных языках, тогда как Рим употреблял сии языки только для насаждения первых начатков веры, а потом все подводил под свое латинское внешнее единство, соответствовавшее прежнему единству политическому. Многие народы, находившиеся в сношениях с Византией, могли уже разуметь христианского Бога на языках своих; но славяне еще не имели такого счастья. Кто же совершил для них этот подвиг и передал им в народном их слове весь разум Христовой веры?

Константин и Мефодий. В Фессалониках, или Солуне, полуславянском городе, торговом и богатом, жил человек знатного рода по имени Лев, носивший сан стратигова наместника. Говорят, что он был грек по происхождению; но славянский язык, которым хорошо говорил народ солунский, конечно, слышался и в его доме. Семь сыновей было у него; из них особенно младший, Константин (р. в 827 году), отличался разумом и любовью к учению. Есть предание, что он, подобно Григорию Богослову, видел во сне семь дев и избрал из них Софию, Божию Премудрость. Есть еще другое: отрок любил охоту; однажды с ястребом вышел он в поле; ветер отнес птицу от руки его, – и отрок покинул забаву для учения. Старший брат его, Мефодий, служил воеводою, в сношениях с воинами прибрел

еще большее знание славянского языка, но рано почувствовал призвание быть иноком и отошел на Олимпийскую гору, где принял пострижение.

Образование. Первое образование получил Константин в доме родительском. Особенно любил он читать Григория Богослова. Логофет, вельможа царский, призвал его в Константинополь, учиться вместе с малолетним царем Михаилом. Скоро Константин усвоил себе Гомера и всю языческую науку. Он отклонил от себя брак с дочерью Логофета, принял сан священника и место библиотекаря при патриаршем храме Св. Софии. Здесь он имел средства овладеть многими языками, но главное – проникнуть в дух Писания. Звание Философа получил он как ученый.

Прения. Прежде чем совершить великий подвиг на пользу славянским племенам, Константин является защитником веры против разных лжеучений. Еще в юности он держит прение с еретическим патриархом Аннием, или Иоанном, за иконопочитание; потом с магометанами, с иудеями, с козарскими мудрецами. К козарам он был послан для евангельской проповеди на Черное и Азовское моря и возвратился оттуда в Константинополь с мощами св. Климента, епископа Римского, погибшего смертью мученика в Херсонесе Таврическом.

Замысел. В Царьграде соединился он опять со своим братом Мефодием, – и тогда, оба вместе, обратили они внимание на славянский народ, простиравшийся по всей Греции и Болгарии. По большей части он был окрещен, но по недостатку священных книг на языке народном возвращался снова к идолослужению. В Болгарии управляли им еще языческие государи. Между тем другие народы около Византии и далее – армяне, иверцы, сирияне и даже готфы на западе – совершали богослужение на языках отечественных. Константин замыслил оказать то же благодеяние и славянскому племени.

Цель и предмет его. Некоторые исследователи, доверяя исключительно сказанию житий Паннонских, отвергают, что Кирилл и Мефодий сначала переложили Писание для славян болгарских. Таковы особенно те ученые, которые хотят при-

урочить время изобретения письмен к 862 году. Но странно бы было, если бы переводчики, совершая столь великое дело, обошли им своих соотечественников и ближайших соплеменников. Мы уже из слов самого св. Кирилла знаем, что он призывал к изучению переведенного им писания всех славян: ужели бы захотел он исключить из их числа тех, которые по родине были ему ближе? Паннонское житие говорит, что сложены письмена и перевод начат в Царьграде, конечно потому, что этот город был столицею просвещения и для всех славян, его окружавших. Моравская легенда, писанная латинским языком, упоминает, что Кирилл с братом своим Мефодием, собравшись в путь на вызов моравского князя для просвещения Моравии, пришел прежде к болгарам и при помощи благодати Божией своею проповедью обратил их к христианской вере. То же самое повторяет и легенда чешская о св. Людмиле, и другие западные легенды (27). В половине XII века моравские монахи называли славянские письмена булгарскими. (28) Краткое житие Кирилла, найденное Гильфердингом, свидетельствует также, что Кирилл первоначально своих славян обратил к православной вере и для них написал книги славянским языком (29). В сокращенном житии Климента, которое было открыто Григоровичем, сказано, что Св. Писание переведено было Кириллом на местное наречие болгар и Мефодий назван великим учителем народа мисов, то есть славян болгарских (30). Обширное житие св. Климента, приписываемое Феофилакту, передает нам, что Мефодий крестил болгарского царя Бориса, жившего во времена греческого императора Михаила; что при Борисе народ болгарский начал просвещаться св. крещением и христианством; что Кирилл и Мефодий, видя умножение верующих и крещающихся и с тем вместе замечая совершенный недостаток духовной для них пищи, изобрели письмена и переложили Св. Писание на болгарский язык, «чтобы родившиеся чада Божия достаточно имели божественной пищи и могли достигать исполнения духовного и приходить в меру возраста Христова» (31). Борис, тотчас после крещения своего, учредил в Болгарии семь епископий. Православная Церковь, в своих

канонах в честь славянских первоучителей воспевая довольно подробно все их подвиги, дает знать, что они сначала просветили учением ближайшие грады, а потом от востока понесли его к странам западным, подражая апостолу Павлу, учителю языков. В Болгарском местном каноне упоминаются три земли, славящие своих первоучителей: первая – Мисия, то есть Болгария, вторая – Паннония, третья – земля Моравская (32).

Изобретение славянской азбуки. Решив вопрос так, что Кирилл, имея в виду все племена славянские, при совершении своего подвига изобрел письмена и переложил Писание первоначально для славян болгарских, перейдем теперь к тому, где и как он совершил это изобретение. Все ученые, и во главе их Шафарик, согласны в том, что местом изобретения был Царьград; но решение вопроса о способе изобретения письмен тесно связано с другим вопросом – о том, для кого оно предназначалось. Относя изобретение до славян паннонских, Шафарик мог дойти прямо до глаголицы; но если мы согласились с преданиями, что оно совершено первоначально в Царьграде для славян, которые уже употребляли для письменного языка своего азбуку греческую, то, конечно, всего вероятнее будет, что изобретатель употребил первоначально те же письмена для обозначения букв славянской азбуки. С этим согласно и сказание Храбра, который говорит: «Как изобретатели греческой азбуки подражали письменам еврейским, так и Кирилл – письменам греческим».

После сорокадневного поста Кирилл приступил к сочинению азбуки и, как говорит Храбр, одни письмена сотворил по чину греческих, а другие по славянской речи. Двадцать четыре буквы греческого языка, благозвучного и художественного, были недостаточны для того, чтобы воспринять в себя все разнообразие, всю полноту звуков языка славянского. Константин должен был прибегнуть для того к алфавитам других племен. Иные думают, что он ограничился для этой цели письменами греческими, еврейскими и латинскими, удовлетворяя предрассудку некоторых учителей Западной церкви, хотевших этими тремя языками ограничить богослужение для всех народов (33).

Но такой предрассудок не существовал в Византии, едва зачинался в Риме, – и не нужно было Константину прибегать к такой хитрости. Скорее согласимся с Добровским, что мудрый изобретатель славянской азбуки принял в основу письмена греческие, за другими же недостававшими обратился к письменам восточным: еврейским, армянским и коптским. Средства у него были. Византия, кроме духовных сношений, и политические вела на письме тех народов, с которыми сносилась. Соборная софийская библиотека, конечно, могла предложить Константину грамоту всех племен, тогда писавших. По Храбру, тридцать восемь букв, а позднее и более, потребовалось для того, чтоб выразить все оттенки звуков славянского языка.

Когда были начертаны эти звуки? Здесь опять в обозначении года разнообразны мнения ученых, которые противоречат и самим себе, и друг другу.

По источникам год показывается неодинаково. По сербским летописям, которые изданы Шафариком, в лето 852 «написаше се словеса святыим Кирилом». В таком случае год совпадает с годом, в который, по словам Несторовой летописи, «начася прозывати Руска земля». Сказание Храбра указывает на 855 год, которому следовали Добровский и потом Шафарик в своих «Славянских древностях». К нему подходит и первое крещение болгар, то есть князя их Бориса и всех бояр в 858 году, как свидетельствует наша летопись. В таком случае тысячелетие славянской грамоты совпало со столетием жизни Московского университета. Хотя Паннонские жития не говорят о годе изобретения, но по их свидетельствам, соображенным с другими данными, русские ученые Макарий, Филарет и Бодянский полагают 362-й. В таком случае он совпадает с наступающим тысячелетием основания государства Русского. Шафарик, стоящий во главе этого мнения, остался и теперь при том же 862 или даже 863[1], как он выражается, годе; но уже относит к нему изобретение глаголицы, а не кириллицы, которой начало должно быть, по мнению Шафарика, отнесено

[1] В расцвете славянской письменности показаны года 861 или начало 862-го; в последнем сочинении о происхождении и родине глаголицы – 861 или 863.

к 869 году, когда совершено было крещение всего болгарского народа, и Климент, первый архиепископ Болгарии, включил ее, как вполне христианскую страну, в патриархат Царьградский.

Характер. Чем более ученые вникали и вникают в славянскую азбуку, тем более изумлялись и изумляются премудрому ее составлению. Шафарик в кириллице видит усовершенствование первоначальной глаголицы. Вот какие слова беспристрастный протестант Шлецер обратил к нашим первоучителям: «Приветствую вас здесь, бессмертные изобретатели славянской грамоты! Вы первые дерзнули грубый (34) язык, имеющий множество ему только свойственных звуков, взять, так сказать, из уст народа и писать греческими буквами; но в этом деле поступили вы, как люди, отличным умом одаренные, и для каждого особенного звука, которого грек не имел в своем языке, изобрели вы новые особенные знаки или буквы. Как мал противу вас эльзасский монах Отфрид, или кто бы ни был тот немец, который первый осмелился писать на своем языке, но для сего рабски только снял латинскую азбуку!»

Глаголица. Судя по всем современным открытиям, глаголитская азбука вступает почти в равные права относительно древности с кириллицею. Еще наш ученый славянист Прейс говорил, что нет возможности определить времени, когда вошли в употребление слова «глагольский», «глаголита» (35). Такая древность имени указывает и на древность происхождения. Если Кирилл изобрел азбуку в Царьграде, и сначала для болгарских славян, то нет сомнения, что воспользовался элементами греческой азбуки для изобретения славянской. Но когда дело перенесено было в Паннонию и Моравию, то с ним могло последовать изменение, согласное с местными обстоятельствами. Что глаголица паннонского происхождения, в том, кажется, нельзя сомневаться, судя по паннонизмам ее языка, на которые еще указывали Копитар и наш Прейс и которые так уяснил в наше время Шафарик. Гримм доказывал, что руны могли принять участие в образовании глаголицы и что многие буквы глагольской письменности, обращенные не от левой к правой стороне, а от правой к левой, указывают также

на древность ее происхождения. К сожалению, рунное письмо западных славян остается еще загадкою. Но первоучители могли им воспользоваться для применения письмен к местной потребности, – и потому участие рунических письмен в образовании глагольской азбуки может быть принято не без основания. Самое название глаголицы, как азбуки *глаголющей*, говорящей, могло произойти, в отличие от рунических письмен, как загадочных, потому что славяне, по сказанию Храбра, до христианской грамоты чертами и резами читали и *гадали*. Мефодий мог принять особенное участие в этом изменении азбуки, потому что действовал после брата своего Кирилла, умершего в Риме. Замечательно, что в западных свидетельствах есть такие, которые приписывают изобретение грамоты исключительно Мефодию (36). Не в этом ли смысле назван он в болгарском каноне *обратником святым буквам* (37), тогда как, по болгарским преданиям, всегда Кирилл именуется первым их изобретателем? Не Климент ли, как ученик Мефодия, ввел это письмо в Болгарию, и не так ли до́лжно понимать свидетельство сокращенного его жития, что он выдумал письмена, отличные от кирилловских, как и разумел это прежде Шафарик? Известно, что впоследствии глаголица введена была в Болгарию и называлась даже азбукою болгарскою. И теперь есть две глаголицы – одна болгарская, круглого почерка, другая хорватская, угловатого.

До́лжно заметить, что позднее, с XIII века, когда уже разделение Церквей совершенно резко обозначилось, глаголица была азбукою славян латинской веры, так как и теперь она употребляется в книгопечатне римской пропаганды. У нас глаголица хотя и встречается изредка между кириллицею и современна ей по древности (38), но никогда не была исключительно принята. Мы держались царьградских преданий и вели всегда свою грамоту от первоначального изобретения, которое совершено была Кириллом. Имя кириллицы оставалось всегда и остается за грамотой, которую употребляет наша Церковь, и едва ли наука может поколебать силу предания, которое в этом вопросе представляет истину факта.

Первые слова нашей грамоты. Что первое преложено было с греческого языка на славянский Константином и Мефодием? – «Искони бе Слово, и Слово бе от Бога, и Бог бе Слово: се бе искони у Бога» (39). – Вот первые слова, написанные на языке почти нашем – ими Церковь благовествует в праздник Воскресения Спасителя, выражая основную мысль Христовой веры, эти слова апостола любви, который возлежал на персях у Христа и которому Спаситель, умирая на кресте, поручил Мать Свою. Старее этих слов не имеет наша грамота. Когда преложено было Благовестие от Иоанна, Константин и Мефодий показали царю, патриарху и всему собору, и все о том с радостью прославили Бога. Затем переведены были: все Евангелие, Апостол, литургия, псалмы и все необходимые богослужебные книги. Греческие и болгарские славяне с восторгом приняли дар Слова Божия на языке народном от своих первоучителей (40).

Славянское богослужение у болгар. В 858 году, по свидетельству Нестора, Мефодий крестил болгарского царя Бориса. Таким образом, с 855 до 862 года славянская литургия распространилась сначала у славян греческих, потом болгарских, которые по берегам Дуная, к северу, граничили с другими своими соплеменниками.

Между тем моравские славяне приняли у моравов крещение от Римской церкви; но Рим не имел преимуществ Византии, не заключал в своих недрах племен славянских и чуждался благой мысли распространять и утверждать Божие Слово через народное. До моравов доходят слухи о том, что братья их, соплеменники, совершают богослужение на языке вразумительном. Западный раскол хотя уже тогда готовился, но еще не совершился. Потому моравский князь Ростислав в 863 году мог обратиться к императору Михаилу и просить его, чтобы он прислал для его народа славянских учителей. Михаил отправил к нему немедленно Константина и Мефодия с другими помощниками, между которыми позднее прославился Климент, епископ Болгарский в Македонии. Ростислав, тогда еще независимый от немцев, с восторгом принял славянских апостолов в своей столице, в моравском Велеграде,

нынешнем Градище, и народ разделил с князем его радость. Первой заботой Константина и Мефодия было строить церкви, переводить далее Священное Писание, вводить славянское богослужение во всем государстве Ростислава.

Кирилл и Мефодий позваны в Рим. Скоро в самые дальние пределы перешло известие о том, что славянская литургия раздается более и более в странах, которые до тех пор управлялись латинскими священниками. О том услыхал и наместник Петра. Тогда папской тиарою украшался Николай I. Он позвал обоих братьев в Рим в 867 году.

Прения в Венеции. В Житии Мефодия, почти современном, сказано: когда братья пришли в Венецию, неся с собою славянские богослужебные книги и мощи св. Климента, их встретили препятствия со стороны латинских попов и монахов, которые тогда уже начали обнаруживать дух пагубной односторонности. Константин держал с ними прение. Они говорили ему: «Как же ты сотворил славянам книги и обучаешь их тому, чего не позволили ни апостол, ни Римский папа, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин? Мы знаем только три языка, на которых можно по книгам славить Бога: еврейский, эллинский, латинский». Философ отвечал им: «Не льется ли дождь от Бога на все? Солнце не сияет ли равно на весь мир? Не все ли мы дышим одним и тем же воздухом? Как не стыдитесь вы принимать только три языка, а прочим племенам велите быть слепыми и глухими? Бог, по-вашему, или немощен, что не может дать того, или завистлив, что не хочет? Нам известно, что многие народы умеют воздавать славу Богу, каждый своим языком: армяне, персы, абазги, иверийцы, готфы, обры, турки, козары, аравляне, египтяне, сирияне и еще другие. Если не хотите уразуметь того: из Писания познайте Судию. Давид вопиет, глаголя: пойте Господеви вся земля, пойте Господеви песнь нову». Вот в каком виде предание сохранило нам прения Константина с латинским духовенством, которые, конечно, были обширны.

Богослужение славянское в Риме. Братья идут в Рим. Туда несут они мощи св. Климента и славянские кни-

ги. Между тем папа Адриан сменил умершего Николая. Со всем духовным собором епископ Римский выходит навстречу св. мощам, принимает их и славянские книги, освящает сии последние и кладет их в церкви Св. Марии (41). В храме Св. Петра и в храме великого учителя языков, апостола Павла, и в других церквах Рима пели литургию на языке славянском. На гробницах первоверховных апостолов лежало славянское Евангелие.

Папа не был еще тогда заражен латинской брезгливостью. Умный Адриан не принял возражений противников, враждебных народному богослужению славян, а тех, которые утверждали, что священные книги могут быть писаны лишь на трех языках – еврейском, греческом и латинском, потому будто бы, что на них только повелением Пилата написано было на кресте имя распятого Спасителя, – проклял и нарек *пилатниками* и *триязычниками*.

Кончина Кирилла. Константин, изнуренный многими трудами, заболел в Риме. Предчувствуя свою кончину, он облекся в иноческий образ и принял имя Кирилл. Через пятьдесят дней после того он скончался, сорока двух лет, 14 февраля 869 года. В Риме, идучи от Колизея к базилике Латеранской, на левой руке вы входите в небольшую церковь Св. Климента, хранящую мощи его, принесенные Кириллом. Перистиль этой церкви, ее расположение на три части – все говорит о ее древности. Здесь покоятся и нетленные останки первоучителя нашей грамоты, св. Кирилла (42), которому мы обязаны разумным словом веры, – покоятся как будто залогом возможности будущего соединения всех, о чем не перестает ежедневно молиться наша Православная Церковь.

Завещание Мефодию. Св. Кирилл перед кончиной так убеждал брата своего Мефодия не оставлять дела, начатого у славян: «Мы с тобою, – говорил он, – как чета волов, взрывали одну борозду. Я кончил свой день и падаю на *лех* (на гряде). Ты любишь слишком гору: не покидай ради своего Олимпа нашего учения, которым спасешься». Мефодий исполнил завещание брата.

Коцел зовет его. Между тем Коцел, князь части Моравии, лежащей за Дунаем, посылает послов к папе с просьбою отпустить Мефодия. Адриан отвечал: «Не тебе одному, но и всем тем славянским странам посылаю учителя от Бога и от святого апостола Петра». В грамоте своей к моравским князьям Адриан повелевал уже, чтобы Евангелие читалось прежде по-латыни, а после по-славянски, с угрозою, что если кто будет поступать иначе, тот подвергнется церковному отлучению. Эта угроза уже предвещала будущие гонения.

Действия Мефодия в Моравии. Мефодий возвратился в Моравию во времена самые бурные войн между Ростиславом и племянником его Святополком, которыми пользовались император Людвиг и Карломан (869–870). В мирной земле Коцела он продолжал действовать, вводил славянскую литургию, но навлек на себя гнев зальцбургского протопресвитера Рихбальда, который защищал обряд латинский и с завистью видел уменьшение своей власти в народе по влиянию Мефодия. Но сей последний был неутомим. Когда кончилась моравская война и Святополк, выдав Карломану дядю своего Ростислава, овладел Велеградом, Мефодий возвратился туда и в 873 году крестил чешского князя Буривоя. Славянская литургия, любезная народу, быстро распространилась в соседних странах – в Хорватии, Сербии, чехах, Польше и далее.

Первоначальное единство веры и слова у славян. Да, было время, когда все наши соплеменники вместе с нами в вере составляли одно и молились христианскому Богу на том же понятном языке, на каком мы теперь молимся. Только недавно наука разгадала эту духовную связь, соединявшую в начале все племена славянские. Но предки наши хранили о том всегдашнюю память. В «Русском хронографе» 1494 года вы читаете: «Еще послан бысть Констянтин в Мораву Михаилом царем, моравскому князю просившу философа, и тамо шед, научи мораву, и ляхи, и чехи, и прочая языкы, и веру православную утверди в них, и книги написа им рускым гласом и добре научив... Потом многым летом минувшим, приидоша вои латинскии в Мораву, в чехи и в ляхи, разрушиша веру православ-

ную и рускую грамоту отвергоша, и латинскую грамоту и веру поставиша» (43). Мы увидим теперь, как это случилось, и как Латинская церковь расторгла наше древнее великое единство.

Неприятности Мефодию. Последние годы жизни Мефодия были все омрачены борьбою с немецкими епископами и с насилием латинским. Зальцбургское духовенство жаловалось на него папе в том, что он отступает от учения Римской церкви и ведет народ к заблуждению. Иоанн VIII, наследник Адриана, запрещает ему богослужение славянское и требует его к ответу в Рим. Мефодий явился к Иоанну, оправдался перед ним и снова снискал от него позволение служить обедню на языке народном, вероятно, указав ему на пример терпимости языков в Греческой церкви и объяснив, что в противном случае отторгнутся от него крещеные племена славянские.

Послания папы Иоанна VIII. В 879 году Иоанн VIII так пишет к архиепископу Мефодию: «Мы слышим, что ты поешь литургию на варварском, то есть на славянском, языке; посланием нашим, отправленным к тебе через Павла, епископа Анконского, мы запретили тебе петь на этом языке священную литургию, но позволили или на латинском, или на греческом, как поет Церковь на всем земном шаре и у всех народов распространенная; проповедовать же по-славянски тебе позволяется, ибо Псалмопевец советует всем хвалить Господа». В 880 году тот же папа Иоанн VIII, видно, склонясь на представления Мефодиевы, с ним отправляет послание к Святополку и уже льстит его народному самолюбию: «Славянские письмена, – говорит он, – изобретенные некиим Философом Константином, мы похваляем... Священное Писание велит не тремя языками, но всеми славить Господа: хвалите Господа вси языцы. Апостолы, исполнясь Святого Духа, глаголали всеми языками величие Божие. Небесная труба – Павел, гремит, вещая: всяк язык да исповест, яко Господь наш Иисус Христос в славу Бога Отца, – и в Первом послании к коринфянам ясно увещевает нас, да, глаголя языками, созиждем Церковь Божию. Ничто не препятствует здравой вере и учению петь литургию на славянском языке, или читать Святое Евангелие, или божественные

поучения Нового и Ветхого Завета, хорошо переведенные и истолкованные, или все другие церковные книги; ибо Кто создал три главных языка – еврейский, греческий и латинский, – Тот же сотворил и все прочие, во славу и хвалу Свою. Однако же повелеваем, чтобы во всех церквах земли вашей, ради большей важности, Евангелие читали на латинском, а после для не разумеющих переводили на славянский язык».

Система пап. Что значит это колебание решений? Чем объяснить такие противоречия, которые могли бы внушить сомнение, что не один и тот же папа писал эти письма? В них обнаруживается принятая система Римской церкви. Она уже не заботилась о распространении разумной для народов веры, а только об умножении своего патриархата, который отмерялся межою латинскою. Это был расчет политический и финансовый. Система языческого завоевания мечом переходила в систему завоевания церковного. Народные языки употреблялись только для первоначального обращения, а потом латинский обряд все сковывал одним внешним единством и скрывал от крещеных народов тайну веры.

Кончина Мефодия (885). В том же 880 году поставлен был во владениях Святополка епископ Нитры, немец Викинг. Он всячески преследовал Мефодия до конца его жизни и старался разрушить связь между им и Святополком, в чем и успел. К огорчениям Мефодия присоединилась и латинская ересь. Filioque уже раздавалось в устах врагов единства и готовило западный раскол (44). Последнее время жизни Мефодий употребил на борьбу против этой ереси. В 885 году – по иным, в Риме, куда был призван еще раз для ответа, но вероятнее в Велеграде, скончался он, за три дня предсказав свою кончину и назначив себе наместником ученика своего Горазда. Так довершил он великое дело, начатое вместе с братом, – но не для того народа, среди которого действовал.

Гонения пап на славянскую литургию. При жизни Мефодия, подкрепленного папою, еще могло держаться славянское богослужение и противостоять насилию германо-латинскому. Но после его смерти все погибло. Лучшие славянские священ-

ники – Климент, Наум, Ангелар, Савва, Горазд, известные у славян болгарских вместе со своими учителями под именем седмичисленников Лаврентий и другие, наущением немецкого духовенства и без ведома Святополка, который не тем был занят, заключены в оковы, посажены в темницу и потом изгнаны из отечества. Славянская литургия держалась еще кое-где в Моравии и часто в чехах, но не была уже господствующею. Папа Иоанн IX по желанию Моимира прислал новых епископов, которые действовали в смысле совершенно враждебном преданиям Мефодия. В 907 году пришли мадьяры и задушили первое семя народной веры в Паннонии и между словаками.

Гонения со стороны Римской церкви не умолкали. В 925 году собор в Фессалониках, на самой родине Кирилла и Мефодия, запретил славянскую литургию (45). В том же году запрещение повторено собором же в городе Сплите, в Далмации, при князе хорватском Томиславе и архиепископе Иоанне III. Там же постановлено, чтобы никакой епископ не смел совершать посвящений в духовный сан на языке славянском (46). В 1059 году, при короле Крестмире IV, под предводительством кардинала Майнара был другой собор, на котором не только запрещен язык славянский в богослужении, но и сам Мефодий объявлен еретиком, казненным будто бы от Бога внезапною смертью за оскорбления, нанесенные им католической вере употреблением *проклятых* письмен. Не так думал папа Адриан, внимавший славянской литургии в храмах Петра и Павла; не так – даже Иоанн VIII, позволивший их употребление. Несмотря на то, папа Александр II подтвердил решение собора, запретил давать священство тем, которые не знают иного языка, кроме славянского, и повелел запереть церкви, непокорные его определениям.

Когда Вратислав, король чешский, просил папу Григория VII позволить для его народа исключительное употребление языка славянского в богослужении, гордый папа отвечал, что Слово Божие было бы унижено, если бы его передавали народу на языке, для него понятном. Тот же папа Звинимиру, князю далматскому, согласился дать королевскую корону

на том условии, чтобы он уничтожил все народные обычаи. В XI столетии в Сацаве, что в Богемии, был еще греческий монастырь, где хранился славянский обряд и славянские книги; но в 1097 году, при чешском князе Брячиславе, латинское духовенство все уничтожило и истребило (47).

Славянский язык процветает у славян восточных. Между тем как у западных племен славянских усилиями могучих пап разрушалось таким образом великое дело, совершенное Кириллом и Мефодием, у восточных славян, напротив, в Болгарии и Сербии, под покровительством Константинопольской церкви оно процветало трудами новых подвижников. Сотрудники первоучителей, известные вместе с ними под именем седмичисленников, из них особенно Климент, архиепископ Болгарский или Велицкий, ученик Мефодия, Константин епископ Болгарский или Преславский, Григорий священник, Иоанн, экзарх Болгарский, Феодор Дукс, черноризец Храбр и в их главе сам князь Симеон, сын крестившегося Бориса (48), переводили святых отцов; высокие творения Иоанна Златоуста, Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина становились доступны для народа на языке славянском. Это продолжалось в течение многих столетий; но впоследствии у болгар и сербов распри их с греками и вторжение турок были причиною того, что книжные богатства не уцелели. Сохранять их предоставлено было нам, – и мы, принимавшие их постоянно от наших соплеменников в течение всей древней жизни, благодарно и верно сберегли, как для самих себя, так и для них, этот словесный залог нашего первоначального духовного единства.

Совпадение трех событий. Чудно совпадают в истории эти три события. В то самое время, как переводится на славянский язык Священное Писание и западный раскол в основном догмате Церкви совершился, в те же самые годы тот народ образуется в государство, которому назначено хранить святыню истинной Церкви в живом, разумно-понятном, общем слове своего племени, а не в мертвой букве отжившего язычества. Такие события совпадают в истории недаром: перст Божий

явен на них для желающего видеть. Здесь обозначилось уже будущее назначение нашего Отечества, – и вся древняя жизнь его была посвящена тому, как мы увидим.

Внесение грамоты славянской в Русь. Откуда и когда получили мы Священное Писание на языке славянском? Конечно, от славян болгарских через Византию, с которой имели сношения воинские, политические, религиозные. Все известия о введении христианства в Русь можно принять за известия о распространении у нас славянской грамоты, потому что вера Христова не иначе действовала, как словом устным и письменным, и повсюду к народам необразованным вносила с собою грамоту. Константинополь весьма благоразумно избрал в посредники сношений своих с нашей воинственной силой болгарское племя и его язык, родственный нашему. Еще до введения у нас всенародного богослужения на языке славянском Византия употребляла уже болгарскую грамоту в политических сношениях с нами. То свидетельствуют договоры Олега, Игоря и Святослава (49). Потом уже славянский язык послужил для всего народа при его крещении к разумному принятию христианства.

Наречие перевода. Какое было первоначальное наречие, наиболее участвовавшее в переводе Писания? Нестор говорит, что одна и та же грамота у Руси и у болгар дунайских. Шлецер первый с каким-то предчувствием обратил внимание на эти слова Нестора (50). Добровский назвал самое наречие болгаро-сербо-македонским, отдав таким образом преимущество участия в его образовании болгарским славянам. Новые исследования Шафарика, Венелина, Бодянского, окончательно утвердили это мнение и оправдали слова летописца. Шафарик родиной церковного языка полагает Словению, которая занимала собою северную часть Македонии и прежней Мизии, а впоследствии Болгарии. Имя болгар, народа-победителя, вытеснило название Словении точно так, как у нас имя русов-пришельцев заменило славянские именования племен. Это древнее наречие должно быть совершенно отличено от среднего и нового болгарского.

Отношение его к другим наречиям. Но до́лжно вспомнить, что многие славянские наречия через различных ученых объявляли право на первое участие в языке церковном. Так, у нас митрополит Евгений отдавал это первенство наречию моравскому, рагузинец Себастьяно Дольчи – иллирийскому, Копитар и Гримм – хорутано-славянскому; Добровский в первых своих исследованиях признавал древнее сербское за первоначальное. У нас были ученые, почитавшие это наречие древнерусским (51). Все эти мнения, конечно, теперь уже ошибочны, но имели некоторое основание. Мне кажется, до́лжно допустить, что славяноцерковное наречие, первоначально образовавшееся грамматически у славян болгарских, по мере того как проникало к другим племенам, подвергалось влиянию их наречий и собирало в себя отдельные черты их. Так было во времена самые первоначальные, когда нас всех совокупляло единство веры и слова. В этом смысле не совсем несправедливо думали те, которые почитали язык церковнославянский первоначальным общим языком, простирая это мнение до того даже, что видели в нем источник и всем наречиям славянским. Так объясняются и слова Шафарика, который говорит, что все первобытные свойства славянского языка, попадающиеся в прочих наречиях только отдельно, по частям, словно обломки после бури и наводнения, в церковном все находятся вместе и в целости. Таким образом, славяноцерковный язык представляет нам избранный цвет всех славянских наречий, из которых каждое во времена первоначальные внесло в него хотя одну черту свою.

Задача славянской филологии. Нашему времени предоставлено разгадать эту загадку и отметить разноплеменные черты, в нем одном собранные. Сравнительная грамматика и такой же словарь славянских наречий с принятием языка славяноцерковного за основу принадлежат к числу первых необходимых трудов, вызываемых потребностью современной. Исследования начались, и работы двинуты успешно и нашими, и другими славянскими учеными. Но у племен славянских движение в науке не может остаться отвлеченным. Оно находит прекрасные отголоски и в жизни.

Отголоски ее в жизни. Словак среди мадьяров поет теперь грустно-торжественную песню, соединяя с нею воспоминание о святом первоучителе Слова Божия, Мефодии. По иным, это песня древняя; по другим, сочинена пятьдесят лет тому назад, когда возобновлена была наукою память великого прошедшего. Она раздается и у моравов, и у чехов, и у других народов славянских. Она донеслась и к нам.

Словацкая песня

Нитра мила, Нитра, ты высока Нитра!
Кдеже су те ча́сы, в кто́рых с ты квитла?
Нитра мила, Нитра, ты словенска мати!
Цо позрем на теба, мусим заплака́ти.
Ты си бо́ла некды вше́цких кра́ин гла́ва,
В кто́рых те́че Дунай, Висла и Морава;
Ты си бо́ла быдло кра́ля Сватоплука,
Кеч' ту панова́ла его мо́цна рука;
Ты си бола свате место Методо́во,
Кеч' ту нашим о́тцом ка́зав Божье Слово.
Вчилек тво́я слава в ту́они скрыта ле́жи:
Так са ча́сы меня, так тенто свет бежи.

«Нитра милая, Нитра, ты высокая Нитра! Где же то время, когда ты процветала? Нитра милая, Нитра, ты славянская мать! Что́ ни взглянем на тебя, должны заплакать. Ты была некогда главою всех земель, где текут Дунай, Висла и Морава. Ты была столицей короля Святополка, когда там господствовала мощная рука его; ты была святою обителью Мефодия, когда он наших отцов учил Слову Божию. Теперь твоя слава даром сокрылась: так-то меняется время, так-то бежит мир!»

Болгары. Наука, наследуя вопрос о племенах и наречиях славянских, была причиною того, что целый народ, до тех пор не сознававший бытия своего, воскрес и призван к новой жизни. Это болгары – то самое племя, от которого мы вначале получили в дар Слово Божие и которое потом, в самые тяжкие времена нашего Отечества, во времена удельных войн и татар,

не переставало уделять нам часть своих книжных сокровищ, посылать к нам просвещенных мужей духовных и поддерживать у нас образование, когда огонь, меч, вражда его губили.

Венелин. Долг благодарности требует, чтобы мы здесь почтили память того человека, который своим трудом вызвал целый народ к деятельности. В 1825 году между студентами медицинского факультета в Московском университете один отличался пламенною любовью к истории племен славянских. Карпаторосс по отчизне, русский по образованию, он рано соединил знание многих нам родных наречий. Часто хаживал он к профессору Погодину за книгами. Пылкий ум его не исключал неистощимого трудолюбия. Скоро плодом его исследований явилась книга «О древних и новых болгарах». Он на иждивении Русской академии совершил путешествие к открытому им народу и написал грамматику его языка и истории его древней жизни. Мысль ученого внезапно принялась в целом народе, который проснулся, сознал себя, взглянул на свое прошедшее, начал заниматься языком, заводить училища.

Благодарный, он не забыл того, кто первый трудом ученым пробудил в нем чувство жизни после долгого усыпления. Около Москвы, в Данилове монастыре, погребено его тело. Колонна из белого мрамора, осененная крестом, указывает на его могилу. С одной стороны вы читаете надпись: «Юрию Ивановичу Венелину одесские болгаре. Родился в 1802 году, скончался в 1839»; с другой: «Он первый напомнил свету о забытом, но некогда славном и могущественном племени болгар, и пламенно желал его возрождения. Господи, услыши молитву раба Твоего!»

Так живое слово Кирилла и Мефодия через многие столетия действует опять в тех народах, у которых оно зачалось и так долго оставалось безжизненно (52).

Отношение славяноцерковного наречия к русскому. Но нигде оно так постоянно не действовало, так не срослось с жизнью всего народа, как у нас в Отечестве. История славяноцерковного языка неразрывно связана с историей языка русского. Через первый мы восприняли в себя многие сокро-

вища древних наречий, нам соплеменных. Славяноцерковный язык был всегда и может быть еще живым посредником между нами и другими ветвями нашего племени в общении словесном. Весь словарь наш обогащен изречениями из этого языка. Хотя формы грамматические впоследствии и образовались у нас самостоятельно, но история их развития вся скрыта в формах языка славяноцерковного, который у нас покорялся также влиянию устной народной речи. Правописание наше до сих пор в основах своих носит следы грамоты славяноцерковной.

Развитие языков западных. Вот особенное явление в развитии русского слова, которым мы совершенно отличаемся от западных народов. Языки романские там составились из двух стихий, враждебных друг другу: языка завоеванного и языка завоевателя. Первый дает словарь, второй насильно налагает грамматику. Все литературное развитие языков народных представляет борьбу с языком латинским, – и постепенное освобождение от него сказывается в важнейших произведениях словесности. Язык провансальский даже погибает от насилий Западной церкви. Язык итальянский развивается в борьбе с латинским, который под конец его одолевает. Язык германский представляет, конечно, единство в своем образовании: здесь нет двух стихий враждующих, как в романских языках; но зато в синтаксическом отношении он подвергается рабству латинского и до сих пор носит на себе его оковы.

Особенное явление в нашем языке. У нас совершенно иное. У нас не язык меча, не язык насилия действует на живую устную речь народа; но язык силы духовной, язык веры, родной по племени, возвышенный над обыкновенным, но понятный для народа. Он приносит с собою сокровища Слова Божия и избранные выражения из других наречий. Он так слился с молвью живой, что сам подвергся ее влиянию, хотя сохранил свои особенные грамматические формы. Сколько незабвенных услуг оказал этот язык и русскому слову, и русской жизни!

Услуги славяноцерковного языка русскому. Во времена удельных усобиц, в тяжкие времена татарского ига он связывал всю Древнюю раздробленную Русь, он исполнял на-

стоящее назначение языка, по смыслу коренному этого слова у нас, как силы связующей (53), и соединял нас духовно. Он служил отпором против влияния латино-польского. Когда преобразование Петра Великого открыло настежь двери в Россию всему иноземному и язык исказился от множества иностранных слов, его наводнивших, – Ломоносов поставил славянскую Библию и духовные книги плотиною чуждому вторжению и отсюда черпал силы для создания русской речи в новом периоде нашей жизни. Державин шел по следам его. Карамзин, казалось, отправился от другого начала, но, изучая Древнюю Русь в ее памятниках, возвратился к тому же источнику, и речь его, как Волга, богатела и росла по мере того, как принимала в себя вклады нашего древнего слова. Жуковский и Пушкин (54) возвращали живому языку обороты, которые казались для него навсегда умершими. Поэты всех школ, всех мнений пользовались этим сокровищем.

Неразрывная связь их. Разнять два языка, славяноцерковный и русский, невозможно. Они срослись друг с другом во всей жизни нашего народа. Разнять их значило бы разорвать самую жизнь нашу на две половины. То, что прежде совершалось в жизни просто, то перешло теперь в крепкую мысль науки, и она может смело сказать, что славяноцерковный язык своею бесконечною духовною силою до тех пор не перестанет действовать на язык русский, покамест, заключу словами Ломоносова, «Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет».

ЛЕКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Заключение из предыдущего. – Первое, южное отделение древнего периода. – IX и X века. – Первые памятники письменности в X веке. – Три замечания на третье чтение. – Первое: о богатстве языка. – Второе: о разумном его единстве. – Третье: об отношении славянского языка к греческому. – Писатели древней болгарской

словесности: св. Кирилл. – Св. Мефодий. – Остальные седмичисленники: Св. Климент. – Св. Наум. – Св. Ангелар. – Св. Сава. – Св. Горазд. – Симеон, царь Болгарский. – Заслуги К. Ф. Калайдовича. – Открытия его. Иоанн Экзарх. – Константин, еп. Болгарский. – Григорий и другие. – Книги ложные. – Договоры Олега и Игоря. – Поэтические предания. – Славянская стихия в скандинавских мифах. – Взаимное влияние. – Скандинавские саги. – Скандинавская стихия Руси мало-помалу переходит в славянскую. – Речь Святослава. – Духовное действие Византии на Русь. – Крещение князя и народа – Молитва св. Владимира. – Духовная связь князя с народом. – Пиры Владимира. – Учение книжное. – Первая эпоха народных песен. – Богатыри. – Любимый витязь народа – Телесная сила наших богатырей. – Дикие орды Азии. – Наша борьба с ними. – Запад счастливее. – Предания об Илье Муромце. – Черты Ильи Муромца в совокупности. – Сближение с Цидом. – Сибирское предание: отчего витязи перевелись на Руси? – Значение предания

Заключение из предыдущего. В предыдущих двух чтениях были решены два вопроса: *первый*, о начале языка устного, и *второй* – о начале языка письменного. Так, в преддверии науки мы старались прежде всего определить характер языка того народа, слово которого в его историческом ходе будем изучать. Мы уже сказали, что язык – невидимый образ народа, его физиогномия; на летящих его звуках отливаются все внутренние черты, все свойства, вся душа его. По языку можно отчасти заранее разгадать, каково будет его развитие. В языке зародыш грядущего, данный вперед для разумной жизни того, кто его создал. По характеру русского языка, как мы его до сих пор определили, можно заключить и о народе, что он будет иметь всемирное назначение, питать сочувствие ко всем народам мира, но останется верен своему племени, постоит за свою народность, не потерпит чуждого завоевания.

Первое южное отделение древнего периода. Заключив вопросы о языке, мы вступаем теперь в самую историю словесности. Припомним, как мы разделили древний пери-

од на три отделения: южное, северное и северно-южное. Мы входим в первое из них, которое обнимает столетия от IX по первую четверть XIII включительно. Вся деятельность сосредоточивается в Киеве и отсюда распространяется на другие города. Новгород в духовном отношении зависит также от Киева. Излагая историю словесности древней по отделениям, мною принятым, в каждом отделении порознь я буду следовать порядку столетий.

IX и X века. Девятый и десятый века мы соединим вместе. Памятники еще так скудны, что это не только возможно, но и необходимо. Мы внесем сюда и темные предания истории, в которых отражается первый проблеск фантазии народа, где видны древнейшие следы его устных сказаний; мы внесем сюда и первый слой наших исторических песен, откликающихся жизни народной во всем ее развитии. Здесь раздадутся их стародавние, сильные звуки.

Первые памятники письменности в X веке. В начале истории словесности каждого народа драгоценны бывают самые первые памятники письменности, если бы даже относились они и к постороннему предмету. Их редкость, их спасение в бурях веков, возбуждают участие. Кому не любопытны начальные черты письмен своих предков? Так римлянин в истории латинской словесности с благоговением указывает на евгубинские таблицы, на жреческие надписи братьев арвальских. Мы не оставим без внимания в первых веках нашей словесности, когда еще так скудна письменность, ни древних надписей, ни древних рукописей, уцелевших от пожаров, грабежей, татар, литовцев, равнодушия.

Первые памятники нашего письма относятся к X веку, ко временам Владимира Святого. Это надписи на двух монетах – золотой и серебряной. Обе найдены в Киеве. Первая утрачена, но сохранился ее снимок. На одной ее стороне изображен Спаситель с круговой надписью «† Исус Христос», а на обороте – св. Владимир со скипетром и державой, в короне, осененной крестом; перед ним какой-то необъясненный знак, подобный трезубцу или хоругви, и кругом надпись «Владимир, а се его

злато». Другая медаль серебряная: на ней, с лицевой стороны, Владимир со скипетром и в короне, сидит на престоле, и кругом надпись: «Владимирь на столе»; на обороте тот же знак и слова: «а се его сребро». Третий памятник – черниговская золотая медаль, или гривна; с лицевой стороны – архангел Михаил с греческою надписью кругом, которая значит: «Свят, Свят Свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Его»; на обороте человеческая голова, окруженная десятью змеями, древний амулет, по мнению митрополита Евгения, и две надписи вокруг: одна славянская: «г̃и помози рабоу своѥму василичѫ амин»; другая писана греческими буквами. Думают, что имя Василий есть христианское имя Владимира. Прежде был известен один образчик этой гривны; теперь их много, особенно в музее Погодинском. Четвертый памятник письменности X века есть надпись, найденная в киевской Десятинной церкви, достроенной в 996 году; но никто не мог до сих пор понять значения этой надписи (1).

Явления слова в IX веке уже известны из предыдущего чтения. Они совершаются у других народов того же племени, но становятся нашим достоянием. Внимая Божественной литургии и чтению Священного Писания, мы должны помнить, что это первые памятники нашей словесности, дошедшие до нас с немногими маловажными изменениями в языке. Все первоначальное наше слово носит на себе печать христианства: ничего языческого мы не имеем.

Три замечания на 3-е чтение. В дополнение к тому, что было сказано прежде, мы прибавим еще *три* замечания.

Первое: о богатстве языка. Первое будет касаться языка, на который переведено Писание. До́лжно предполагать, что он не был дик и груб, а представлял уже замечательное развитие, если в нем нашлись достаточные силы для того, чтобы передать глубину мыслей и красоту образов Священного Писания. Но здесь, конечно, нельзя не заметить того чудесного явления, которое совершалось во всех языках, куда переносилось Слово Божие. Не потому ли северные литературы Западной Европы имели всегда преимущество мысли перед

южными литературами, что ими ранее усвоен был перевод Священного Писания на народный язык?

Второе: о единстве разумном. *Второе* замечание будет о единстве языка разумно-понятного, который проходит через все тысячелетие нашей народной Церкви. Кроме отрады чувству есть великое значение в том, что наш собрат-христианин в IX веке молился Богу на том же языке, на каком и мы теперь молимся, и точно так же мог понимать свою молитву, как и мы теперь ее понимаем. Такое единство разумения и слова в деле веры, проведенное через тысячу лет, есть великое явление, славная особенность нашей истории. Вот молитва «Отче наш» по рукописи Евангелия половины XI века; так, конечно, читалась она и в IX столетии:

«Отче наш, иже Еси на небесех! Да святиться имя Твое; да придет царьствие Твое; да будет воля Твоя, яка на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; но остави нам дългы нашя, яко и мы оставляем дължъником нашим, и не введи нас в напасть, но избави ны от неприязни».

Этот язык малым чем отличается от нашего теперешнего лучшего языка, и понятен равно неучу-простолюдину, как и образованному. В том же столетии взгляните на народную речь племен романского и германского. Вот язык французов в известной присяге войска Карла Лысого, относящейся к 842 году:

«Si Lodhwigs sagrament, que son fradre Karlo jurat, conservat, et Karlus meos sendra de suo part non los tanit, si jo returnar non lint pois, ne jo ne neuls cui jo returnar int pois in nulla adjudha contra Lodhuwig nun hi fuer».

Вот то же самое на языке немецком IX века:

«Oba Karl then eid, then er sinemo bruodher Ludhuuuig gesuor, geleistit inde Ludhuuuig min herro then er imo gesuor, forbrichhit, ob ihinan es eruvenden ne mag, imo ze follusti uuidhar Karlo ne uuirdhit» (2).

В первой речи мы находим пеструю смесь, какой-то хаос всех романских наречий, которые позднее образовались. Вторая не может быть понятна немцу, филологическим незнако-

мому с языком древних памятников германской словесности. Оба войска должны были присягать на народных языках, потому что латинский язык был для них непонятен, а между тем на нем только могли они молиться, на нем только могли оба народа внимать Божественной литургии. Римская Церковь заботилась об одном внешнем единстве, не признавая необходимости единства разумного, внутреннего. Даже в XVI веке представители ее действовали и писали в этом смысле. К 1559 году относится запретительный каталог (Index expurgatorius) папы Павла IV, в котором запрещены все переводы Библии на новые языки, в числе 48 изданий. Один из поборников римского католицизма во всех его крайностях, Госий, на вопрос «Каким языком лучше молиться – своим родным или чужим, непонятным?» – отвечает: «Все равно, потому что Бог испытует сердца наши, а не смотрит на букву выражения»(3). Итак, по смыслу Римской церкви человек может приносить Богу молитву бессмысленную и разум изъять из области веры. Ясно после этого, почему, наконец, разум протестовал против такой Церкви, которая отнимала у него понятие в вере и молитве, и почему Запад мог дойти до положения, что наука – дело разума – начинается там, где оканчивается вера. У нас не могло и не может быть ничего подобного.

Третье: об отношении славянского языка к греческому. *Третьим* замечанием мы определим отношение между языками греческим и славянским в переводе Писания. До сих пор, несмотря на исследования славных филологов, у нас господствовало несправедливое мнение, что славянский язык подвергся совершенной эллинизации. Экономид и Добровский давно уже ослабили это мнение. Влияние со стороны греческого языка непременно было; но коренные свойства славянского в переводе сохранились. Этимология осталась совершенно независимою от этого влияния. Двойственное число в греческом языке перевода Семидесяти толковников уже не существовало, а в славяноцерковном оно – коренная, древняя его собственность. Падежи местный и творительный, система спряжений; в синтаксисе: двойное

отрицание, дательный – замена родительному, родительный при действительном глаголе с отрицанием на место винительного, прилагательные притяжательные и многие другие обороты, существующие в древнейших рукописях, доказывают, что переводчики переводили не буква в букву, не слово в слово, а вникали в дух родного языка и его особенности. Добровский, сличая древние рукописи, находит, что самый порядок слов в них свободнее от влияния греческого. Позднее исправители Библии внесли гораздо более эллинских оборотов в славяноцерковный язык, который чище является в древнейших кодексах Евангелия (4).

Писатели древней болгарской словесности. Писатели, относящееся к IX и X столетиям, принадлежат нам не по своему происхождению и месту действия, но по тому, что произведения их сохранились у нас. Имена их уже известны из предыдущего чтения. Но здесь мы обозрим по порядку литературную деятельность каждого из них.

Св. Кирилл. Константин, в монашестве Кирилл (827–869), вместе с братом своим Мефодием перевел избранные места из *Евангелия* (или так называемое Евангелие *апракос*, расположенное по церковным праздникам, начиная с Пасхи) и *Апостола*, потом все книги, необходимые для церковного богослужения: служебник с требником – две книги, самые необходимые для архиерея, и священника и диакона, первая – во время богослужения общественного, вторая – в разных случаях богослужения частного; *Часослов* вместе с *Псалтирью* – две книги, необходимые для клирошан; *Октоих*, или *Осмогласник* – книгу для пения; *Минею общую*, содержащую в себе восследования праздникам Богородицы, Предтечи, и общие целым чинам святых книгу, которая в богослужебных книгах и в древние времена считалась у нас творением и собранием святого отца Кирилла Философа, учителя славянам и болгарам; *Паремейник*, или собрание чтений из Ветхого и Нового Завета, известное под именем паремей, читаемых на вечернях, и, наконец, *Устав*, или общий чин православного богослужения на дни всего года (5).

Кириллу же приписывают дошедшее до нас *Написание о правей вере*, в котором он, согласно с Православною Церковью, исповедует учение о Пресвятой Троице, также догматы о воплощении Сына Божия и иконопочитании, и присоединяет своего брата Мефодия к сему исповеданию (6).

В предыдущей лекции мы уже упоминали о предисловии св. Кирилла к переводу Евангелия, которое под заглавием «Блаженнааго учителя нашего Константина Философа слово» открыто было А. Ф. Гильфердингом в Печи, где был в старину престол сербских патриархов. В этом кратком слове, призывая всех славян равно к слушанию слова Божия на их языке, просветитель сознает значение подвига передать его на родном языке: «*Проглас* Св. Евангелия, как пророкли о нем пророки: Христос грядет собрать языки: свет бо есть всему миру. Они сказали: слепые прозрят, глухие услышат слово *буковное* и Бога познают, как до́лжно. Итак, услышьте славяне все: дар сей дан от Бога... Внушите ныне от своего ума, слышите славянский народ весь, слышите: слово от Бога пришло, слово, которое кормит души человеческие, слово, которое крепит сердца и умы, слово, уготовляющее к богопознанию. Без света не будет радости оку видеть творение Божие: так и всякой душе бессловесной, не видящей Божия закона... Душа *безбуковная* мертва является в человеках... Кто на чужом языке слышит слово, как будто медного звона голос ему слышится; ибо св. Павел сказал: молитву свою воздавая Богу, хочу лучше пять слов сказать разумных, чтобы и прочие разумели, нежели тьму слов неразумных, которых человек не понимает... Всякая душа отпадает от жизни Божией, когда слова Божия не слышит... Наги все языки без книг: без оружия сражаться не могут с противником душ наших; готовы в плен муке вечной»(7)... Вот глубокомысленный завет первоучителя нашей грамоты! Вот побуждение к ее всенародному распространению! «Душа *безбуковная* (то есть не просвещенная грамотою) мертва является в человеках!» – говорит он, а сколько таких мертвых, неграмотных душ до сих пор в народе русском!

«Слово о злых дусех» с именем св. Кирилла, как творца его, открытое князем М. А. Оболенским, обращено к славянам-язычникам и нападает на многие их суеверия, обличая тем древность сочинения (8). В рукописях Иосифова Волоколамского монастыря встречается с именем Кирилла молитва о покаянии, об исходе души и за всех христиан (9). Ему же приписывается «Сказание о обретении мощей св. Климента Римского в Таврии», составленное, судя по содержанию, очевидцем (10).

Под именем Кирилла Философа встречаются в наших рукописных сборниках изречения о создании человека, об апостольской тайне, о том, что есть философия, – показывающие, что народ наш искони уважал первоучителя славянской грамоты и ему приписывал решение многих вопросов, занимавших мысль его. Некоторые из этих изречений заимствованы из Кириллова жития (11).

Биограф Кирилла, Климент, говорит, что по дороге к козарам в Херсон научился он еврейскому языку и еврейским книгам и перевел восемь частей грамматики, вероятно на греческий язык, потому что славянская грамота еще не была изобретена (12). Тот же биограф ссылается на сочинение Кириллово, на беседы его с магометанами и жидами в земле Козарской, из которых он извлек в житии отрывки. Мефодий перевел эти беседы на славянский язык и разделил на восемь слов. Это сочинение известно было диклейскому священнику, жившему в XII веке, а в XIII веке распространено было между славянами в виде отдельного творения под заглавием: *Кирилл Славянский*. Им пользовались многие богословы наши, препиравшиеся с жидами, между прочими и Григорий Цамблак, как это видно из слов его, обращенных против еврейского учения (13).

Западные ученые приписывают еще нашему Кириллу сочинение басен на греческом языке в числе 95, разделенных на четыре книги. Шёль в своей «Истории греческой словесности» говорит, что св. Кирилл, будучи убежден в том, что на народ, стоящий на низшей ступени образования, ничто так не действует, как басня, сочинил на греческом языке басни для

варварских народов, вновь обращенных в христианство, и приказал перевести их на славянский язык. Говорят, что они еще существуют на языке чешском. Греческий подлинник пропал, но древний перевод латинский сохранился под заглавием «Quadripartitus apologicus», или «Speculum sapientae» (14).

Св. Мефодий. Св. Мефодий (885) участвовал с младшим братом своим в переводе Евангелия с Апостолом, Псалтири и книг богослужебных, а по смерти брата перевел шестьдесят уставных или канонических книг Св. Писания, кроме Маккавеев (15).

Этот подвиг Мефодия не может быть подвержен никакому сомнению, потому что о нем свидетельствуют до восьми древних писателей, и в их числе Иоанн, экзарх Болгарский (16). До нас, к сожалению, не дошло вполне великое дело Мефодиево: полная Библия, какую мы имеем, относится к 1499 году, и даже по преданиям, исследованным учеными, не знают полной Библии славянской, писанной ранее 1429 года. Но отдельные книги Ветхого Завета, особенно Пятикнижие Моисеево, встречаются в рукописях и носят на себе признаки языка глубокой древности (17). Биограф Мефодия ему же приписывает перевод «Номоканона», древнейшего собрания церковных законов, и отеческих книг, содержащих в себе жития святых Вселенской Церкви (18).

Остальные седмичисленники. За первоучителями славянскими, Кириллом и Мефодием, следуют их ученики и сподвижники – св. Климент, св. Наум, св. Ангелар, св. Сава и св. Горазд, которые вместе с ними известны в Болгарии под именем седмичисленников. Они, конечно, участвовали все в переводе Писания и, по смерти Мефодия претерпев гонения и заключение тюремное, перешли в Болгарию, где под покровительством царя Бориса продолжали свою деятельность, столько полезную для славян. По рассказам В. И. Григоровича мы знаем, как до сих пор их память уважается в Охриде. Недавно открытая А. Ф. Гильфердингом и напечатанная служба седмичисленникам на греческом языке вместе с житием св. Наума Болгарского обнаруживает то же самое (19). Здесь говорится,

что седмичисленники окропили всю землю болгар купелью крещения и что на них, как на семи столпах, Бог основал всю церковь диких болгар и далматов (то есть сербов). Ясно, что ими довершено было крещение и христианское просвещение всех болгар, начатое в 858 году.

Св. Климент. Во главе учеников Кирилла и Мефодия стоит св. Климент, первый епископ в Болгарии из болгар, жизнеописатель своих учителей. Он действовал вместе с ними в Моравии и Паннонии, по смерти Мефодия терпел гонения от Вихинга, епископа Немецкого, вместе с Наумом и Ангеларом бежал в Болгарию, действовал при царе Борисе и особенно при Симеоне, возведшем его в сан епископа Велицкого в 886 году, и скончался в 916-м в Охриде, где почивают его мощи и где до сих пор находится надгробный его камень со славянскою надписью. В житии его, которое приписывается Феофилакту Болгарскому, рассказаны подробно все его подвиги. В другом сокращенном житии ему приписывается изобретение новых славянских письмен, отличных от кирилловских. Шафарик в последнем результате мнений своих под этим разумеет так называемую кириллицу, которая таким образом представила усовершенствование глаголицы, примененной к азбуке греческой. Прежде тот же ученый, а за ним и другие, разумели под этим начертание той особенной глаголицы круглого письма, которая известна была под именем азбуки болгарской. Наконец, есть еще третье мнение – Шафарик также излагал его прежде, – что Климент внес некоторые новые буквы в азбуку кириллову. Все это, по неопределенности известий в самих источниках, подвергается произволу толкователей.

Клименту приписываются встречающиеся у нас нередко в рукописях похвальные слова и поучения во славу Христа Спасителя, Пресвятой Девы Марии, св. Иоанна Крестителя, св. пророков, апостолов, мучеников и других св. отцов. Им переведена незадолго до смерти Триодь Цветная, которая поется от Пасхи до Пятидесятницы. Жития так называемые паннонские Кирилла и Мефодия и похвальное им слово ему же приписываются. Славяно-болгарская словесность до сих пор ожидает

издания творений св. Климента от известного нашего библиографа и археолога В. М. Ундольского (20).

Св. Наум. Св. Наум, как сказано в его житии, был сотрудником Кирилла и Мефодия в переводе Писания и младшим их спутником во время путешествия их в Рим. Возвратившись вместе с Мефодием в славянские земли, он после гонений в Моравии перешел в Болгарию и здесь был ближайшим сотрудником и преемником Климента. Он жил на восточном берегу Охридского озера, где до сих пор древний монастырь, посвященный его имени, хранит его св. мощи. Он побуждал епископа Константина перевести по-славянски Златоустово толкование на недельные Евангелия.

Св. Ангелар. Об Ангеларе мы ничего не знаем, кроме того, что он, возвратясь с Климентом и Наумом в Болгарию, скоро умер, пользуясь гостеприимством Часлава, вельможи Борисова.

Св. Сава. Сава вместе с Гораздом другим путем отправился в Болгарию, но, когда умер, неизвестно.

Св. Горазд. Горазд был родом мораван, превосходно знал языки латинский и греческий. Мефодий готовил в нем себе преемника и возвел его в сан епископа. Вместе с ним и с Климентом он неустрашимо отстаивал славянское православие против немца Вихинга, но после мучений и заключения в темнице принужден был силою удалиться в Болгарию, где и скончался неизвестно когда. В Албании близ Берата есть монастырь и храм, посвященные его имени: здесь хранятся его мощи. Шафарик приписывает Горазду славянское сказание о Мефодии, называемое Паннонским.

Принесем благодарность нашему славному В. И. Григоровичу, который, странствуя в пределах Европейской Турции, на месте отыскал драгоценные для нас следы пяти из великих седмичисленников Болгарии, которых до сих пор славит и воспевает Болгарская нам единоверная церковь (21).

Симеон, царь Болгарский. При Симеоне, царе Болгарии, процвела особенно болгарская словесность. Он был младшим сыном Михаила-Бориса, принявшего крещение.

Воспитание свое получил он в Константинополе, куда был послан отцом. Современники, по свидетельству Лиутпранда, звали его полугреком. Он правил престолом Болгарии от 888 до 927 года со славой победителя над врагами и просветителя своего народа. Болгарский ученый, питомец Московского университета С. Ш. Палаузов изобразил нам это золотое время болгарской словесности в своем сочинении «Век болгарского царя Симеона» (22).

Симеон сам перевел 136 избранных слов Иоанна Златоуста и с некоторыми своими прибавлениями соединил их в один сборник под именем «Златоструя», который встречается в наших древних рукописях (23). Он покровительствовал всем наследникам полезной деятельности Кирилла и Мефодия на поприще болгарской словесности. Мы имеем еще памятник его любви к ней – «Изборник» 1073 года, известный у нас под именем Святославова. Он был только переписан для нашего князя, но первоначально переведен с греческого для Симеона, как открылось это в рукописи, найденной мною в монастыре Кирилло-Белозерском (24). Этот великолепный памятник издается теперь трудами нашего знаменитого славяниста О. М. Бодянского, на иждивении И. Н. Денкоглу, болгарина, благодетельного любителя своего племени.

Царь Симеон был окружен многими болгарскими писателями, которые наследовали и продолжали деятельность седмичисленников. Но прежде нежели сказать о них, почтим память того русского ученого, которому древняя болгарская словесность, имевшая такое сильное влияние на нашу, обязана лучшими открытиями. Это был К. Ф. Калайдович.

Заслуги К. Ф. Калайдовича. С неистощимым трудолюбием он соединял самую пылкую, страстную душу. Пепловидный цвет лица его – след непрерывной работы – таил сильный огонь, всегда готовый вспыхнуть. Снаружи тихий и спокойный, он кипел внутри постоянной любовью ко всему древнерусскому. Чтоб добыть старинную рукопись, он готов был решиться на самые необыкновенные средства. Молодость его не обошлась без странных приключений: его лечили в

больнице сумасшедших; несколько времени он жил в Песношском монастыре. Когда успокоились волнения юности, он принялся за постоянную работу. Тогда он нашел себе ценителя и покровителя в незабвенном графе Н. П. Румянцеве, которого имя здесь должно быть также упомянуто с полным чувством признательности. Румянцевский музей остался нам красноречивым свидетелем любви к слову древнерусскому в просвещенном русском вельможе по самому лучшему, благороднейшему смыслу этого слова. Тогда-то, трудами Калайдовича, на иждивении графа, увидали свет (не исчисляя всех других изданий) «Памятники русской словесности XII века», «Древние русские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» и наконец Иоанн, экзарх Болгарский, писатель X века.

Открытия его. Иоанн экзарх. До этого открытия история древней славянской литературы знала только Кирилла и Мефодия. Недаром Калайдович с услаждением воспоминает год и день (1813, сентября 19), когда в Синодальной библиотеке он открыл нового писателя, который шел по стопам славянских первоучителей и оправдывал их великое дело. Иоанн, экзарх Болгарский, перевел «Богословие» Иоанна Дамаскина чрез 150 лет по смерти творца этого глубокого произведения; сам сочинил «Шестоднев», или рассуждение о шестидневном творении Божием, в подражание известному труду Василия Великого; перевел также сочинение Иоанна Дамаскина «О осьми частях слова, или Греческую грамматику с применением к грамматике славянского языка», «Философию» Дамаскина под заглавием «Любомудрие», наконец сочинил «Слово на Вознесение Господа нашего Иисуса Христа» и несколько других Слов. Все это совершил Иоанн при Симеоне, князе Болгарском, сыне крестившегося Бориса. Ему посвятил он свой перевод Дамаскина и «Шестоднев» (25). Калайдович познакомил в своем издании только с отрывками произведения Иоанна. О. М. Бодянский предпринял полное их издание, и «Богословие» уже отпечатано.

Константин, епископ Болгарский. Во главе писателей, которые наследовали седмичисленникам, Шафарик ставит

Константина, епископа Болгарского, – вероятно, Преславского. Он сам называет себя учеником первоучителя Константина:

Шествую ныне по следу учителя,
Имени его и делу последуя.

Калайдович открыл четыре Слова на ариан Афанасия Александрийского, переведенные Константином в 906 году по желанию царя Симеона. Другой перевод Константина есть выбор слова на Евангелия недельные, частью из Иоанна Златоустого (37 Слов), частью из Исидора Пелусиотского (5 Слов) с собственными вступлениями и заключениями переводчика и с собственным его Словом. Константин переводил это сочинение еще при болгарском царе Борисе, изображенном на рукописи, по настоянию старца Наума, одного из седмичисленников, в 898 году. Рукопись пергаменная XI века, писана с рукописи 918 года. В молитве, начинающей предисловие к произведению и писанной стихами, говорится:

Летит бо ныне и словянско племя:
К крещению обратишася вси.

Открытие рукописи принадлежит В. М. Ундольскому, который и трудится над изданием произведений Константина. Сему же болгарскому писателю Шафарик приписывает «Написание о правой вере», которое мы, следуя мнению архиепископа Филарета, отнесли к произведениям Константина первоучителя (26).

Григорий и другие. Григорий, болгарский священник, перевел для царя Симеона с греческого хронику Иоанна Малалы, куда вставлены рассказы о разорении Трои и о жизни и деяниях Александра Македонского. Герой Македонский и поход Ахиллеса с мирмидонянами под Трою были любимым чтением болгар, которые считали мирмидонян и македонян за своих предков. Перевод, дошедший до нас, тем особенно важен, что он полнее сохранившегося греческого подлин-

ника. Нестор и другие летописцы наши пользовались этим хронографом. При сличении славянского перевода с греческим оригиналом встречаем драгоценные указания для истории славянской мифологии. Все эти открытия принадлежат князю М. А. Оболенскому (27). Тогда же, конечно, и, по всему вероятию, тем же Григорием совершен был перевод Георгия Амартола, летописца, отрывки из которого приводит Нестор.

К этим уже известным теперь писателям мы должны присоединить Феодора Доксова, или Дукса, усердного поборника славянской письменности, переписавшего Слова Афанасия, переведенные Константином, черноризца Храбра, известного автора «Сказания о письменех», и безымянного переводчика двух житий – Антония Великого и Панкратия, ученика Петрова.

Нашему любознательному времени принадлежит открытие всех этих памятников древнеболгарской словесности. Россия сохранила их, как драгоценный залог исконной связи своей с племенем болгар, и желательно, чтобы филология, извлекши их из древних библиотек, напечатанием возвратила болгарам их давние рукописные сокровища, у нас уцелевшие.

Книги ложные. В конце правления Симеонова и при сыне его Петре появились и еретические учения у болгар, виновниками которых были попы Богомил и Иеремия. Эти ереси рассеяны были по Болгарии и Сербии и известны под именем богомилов, бабунов, патаренов, манихеев, павликиан и проч. Учение их содержалось преимущественно в апокрифических евангелиях и посланиях. К этому же времени до́лжно отнести происхождение книг суеверного содержания с их странными заглавиями: «Пларторой», «Мартолой» или «Фартолог» («Острролог»), «Царевы сновидцы», «Чаровник», «Громник», «Молниянин», «Коледник», «Мысленик», «Волховник», «Путник», «Звездочетец» и др. Но еще тогда, в самые древние времена, представители Православной церкви в Болгарии указывали на эти еретические и суеверные книги и ограждали паству от их неразумных учений (28).

Договоры Олега и Игоря. Византия, как сказали мы прежде, употребляла письменное болгарское наречие в политических сношениях с нами, еще до полного водворения христианства в Русской земле. То свидетельствуют договоры Олега и Игоря. Хотя эти памятники по содержанию своему не принадлежат нам, но нельзя не обратить на них внимания в отношении к языку и по редкости памятников письменных в X веке. Наука в лице Шлецера подвергала их также сомнению, но в лице Круга он возвратила их достоверной истории. Слова «литра», «епитимия», «грамота», «корабль», «кубара», «харатья», «нети» и «ключ» носят на себе следы греческого влияния (29). Вот отрывок из Игорева договора, замечательный по силе языка, и теперь понятного каждому русскому.

«Иже помыслит от страны Рускиия разрушити таку любовь, и елико их крещенье прияли суть, да приимут месть от Бога Вседержителя, осуженье на погибель в весь век, в будущии: и елико их не хрещено, да не имут помощи от Бога, ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посечени будут мечи своими, от стрел и от иного оружья своего, и да будут раби в сии век и в будущии».

Для сравнения припомним теперь народную речь французов и немцев IX столетия, приведенную прежде из подобного же памятника, с которого обыкновенно начинается история западных народных литератур. Язык нашего договора, после 900 лет, еще вразумителен будет и теперь русскому человеку. Чудесное единство и в народной речи, проходящее через многие столетия нашей жизни! Им мы обязаны народной целости, оградившей нас от завоевания, а главное, духовному внутреннему единству веры, без которого бессильно б было и всякое другое внешнее единство.

В новое время профессор Лавровский подверг подробному разбору язык договоров и нашел, что византийское влияние преимущественно отразилось на их синтаксисе. Между договорами Олега и Игоря ученый филолог полагает то различие, что Игорев гораздо свободнее от резких грецизмов и что переводчик его, не стесняясь буквою подлинника, находил в

себе довольно сил, чтобы озаботиться не только о чистоте, но даже и о красоте языка своего (30).

Срезневский полагает, что договоры первоначально написаны были по-гречески, а потом переведены на церковнославянский язык, к которому примешалась уже позднее от переписчиков и русская стихия. Исследования, произведенные тем же ученым касательно обычаев и нравов времени по договорам, чрезвычайно любопытны. Жены князей или владетельные княгини – Ольга, мать Игоря, Предслава, и жена Улебова, Сфандрь, имеют своих послов, участвующих в общем посольстве Руси в Грецию. Имение убийцы переходило к ближним убитого; но жена убийцы имела, однако, свою часть из имения мужа, неприкосновенную по закону. Эти два обстоятельства бросают настоящий свет на состояние русской женщины в самом древнем периоде Руси. Русские совершали уже тогда письменные завещания: стало быть, грамота была распространена. Употребление печатей было всеобщее: послы имели золотые, а гости – серебряные. Различие слов «закон» и «по́кон» (обычай) указывает на развитие понятий юридических весьма замечательное. Выражение «Сотворити любовь со всеми людьми греческими, дондеже солнце сияет и весь мир стоит» хотя было переведено с греческого, но приносит честь языку и народу того времени. Хотя рабство у нас уже и было, челядины покупались и продавались, но с ужасом смотрели русские на рабство, потому что не могли представить себе муки ужаснейшей, постигающей клятвопреступление, как рабство в сем веке и в будущем («и да будут раби в сей век и в будущий») (31).

Эти договоры, равно как и исследования, произведенные над нашей первой летописью Погодиным и Срезневским, убеждают нас в том, что письменность в X веке уже была у нас в ходу и что замечательные события времени записывались летописцами, велись по годам и послужили впоследствии первым материалом для составления летописи более подробной (32).

Поэтические предания. Памятников поэтических, относящихся собственно к этим векам, мы не имеем; но в

летописях видны яркие следы устных преданий народа, в которых участвует фантазия. Обратим внимание на скандинавскую стихию в них, на то, что есть сходного с сагами. Разумеется, я ограничусь только поэтическою их стороною; историческая меня не касается.

Славянская стихия в скандинавских мифах. Но прежде, нежели мы коснемся скандинавской стихии в наших древних преданиях, постараемся отметить славянскую в скандинавских, чтобы отсюда могло яснее определиться взаимное влияние.

В скандинавской мифологии, как изображают ее предания Эдды, третий из двенадцати божественных азов есть Ниорд. Он управляет ветрами, укрощает море и огонь. Его призывают на помощь мореплаватели и рыбаки. Он так богат, что может дарить богатство всем, его призывающим. Но Ниорд не из рода азов: он воспитался в земле ванов, под именем которых разумеются в Эдде славяне. Любимое местопребывание Ниорда есть Ноатун, то есть Новгород. Здесь от жены Скады он произвел двоих детей – Фрейра и Фрейю. Фрейр есть превосходнейший из азов: он властитель над радугой, солнечным светом и миром растений. Его молят о плодородии и мире. Он господствует над всеми зажиточными людьми. Жена его, Фрея, первенствует в женской половине азов. Ясно, что идеи морской торговли, земледелия и мира, изображаемые в лице Ниорда, воспитанного у славян, и Фрейра, у них рожденного, указывают на то, что сами скандинавы, дышавшие исключительно войною, признавали в своих мифических преданиях заимствование этих идей у славянского племени.

Браги в числе азов есть бог мудрости и поэзии: по имени его это искусство называется *брагуром*. А вот как сам Браги рассказывает о происхождении поэзии у своего народа. Боги вели войну с народом ванами, то есть со славянами. Наконец они заключили мир, и знаком взаимного примирения было то, что они вместе плюнули в сосуд. Этот знак мира азы превратили в человека по имени Квасира, который был так премудр, что на все вопросы давал ответы и ездил по всей их земли,

поучая людей. Раз приехал он к карлам Фиалару и Галару, которые его убили и выцедили из него кровь в две бочки; потом примешали к этой крови меду, и вышел из этого смешения превосходный напиток, или мед, дарующий вдохновение поэзии и мудрость всем, от него вкушающим. Здесь опять, хотя и в грубом образе, ясно сознание в скандинавском веровании, что поэзия произошла в этом племени в минуту дружеского общения, после долгой войны, со славянским племенем. Не делая теперь никаких филологических натяжек на имена Браги и Квасира, мы предоставляем будущим филологам разрешить, имеют ли эти имена какое-нибудь отношение к самому мифическому преданию, указывающему на древнее общение двух племен в деле мирного искусства (33).

Взаимное влияние. Влияние, конечно, было взаимное. Вот один след такого влияния со стороны скандинавской поэзии на народную нашу. Кому неизвестны прекрасные предания Скандинавии о валькириях? В саге об Ниали они представлены ткачихами, и битва в виде их тканья, где утком служит синяя кровь, а внутренность людей – нитками для ткани. Валькирии поют страшную песню, изображающую это действие (34). Такое сближение мирного ткацкого занятия с битвою напоминает нам подобное сближение другого мирного занятия, молотьбы, также с битвою в «Слове о полку Игореве»: «на Немиге снопы стелют головами, молотят цепами харалужными, на токе живот кладут, веют душу от тела». Как в этих двух сравнениях, из которых одно взято из скандинавской поэзии, а другое из русской, оправдывается мифическое предание о сближении скандинавов со славянами в созданиях поэтических!

Валькирии владеют способностью превращаться в разных животных, в орла, в волка; но особенно замечательно их любимое превращение в лебедей. Шея лебединая особенно приятна Ниорду, питомцу ванов. Лебедь, можно сказать, есть любимая птица и наших песен. У нас девы принимают также вид лебедей: вспомним Авдотью Лиховидьевну в песне «Поток Михайло Иванович». Вспомним в «Слове о полку Игореве» Обиду, которая вступила «девою на землю Трояню

и всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона плещучи». Брунгильда в лебедином образе купалась со своими восемью сестрами, когда Сигурд овладел ею, унесши под дуб их одежды (35). В сказке о царе Берендее, переложенной Жуковским в гекзаметры, Иван Царевич точно тем же способом овладевает Марьею Царевною, которая со своими сестрами купалась, только в виде не лебедей, а уточек. Многие сходства доказывают, что сближение между скандинавами и русскими славянами в поэзии было.

Скандинавские саги. Заметим теперь еще более очевидное влияние скандинавских саг на первоначальные предания русской истории.

Призвание трех братьев – Рюрика, Синеуса и Трувора сходно с ирландским преданием, которое говорит, что народ ирландский (гибернский) по причине врожденной лености не хотел ни ездить по морям, ни заниматься торговлею; общим мнением признали за полезное принять какой-нибудь народ в некоторые части земли для производства дел торговых. Призваны были три брата из остманнов (мужей востока), Амелав, Ситарак и Ивор, которые построили также три города и в них поселились. Впрочем, предание о трех братьях есть и у нашего племени общее, и наше домашнее. Вспомним Ляха, Чеха и Русса; Кия, Щека и Хорива. Не имеют ли все они одного источника в библейском сказании о трех сынах Ноевых? Заметим, что в одной скандинавской саге имена трех знатнейших морских разбойников – Рёрекр, Сиггеир и Туарес – сходны с именами наших пришельцев (36).

Предание о смерти Олега Вещего с некоторыми изменениями встречается в норвежской истории Торфея; оно взято из исландских сказок и относится к витязю Орвар Одду. Приведем его. «Витязь Орвар Одд говорил: "Посмотрим на курган, под которым погребли мы коня Факса, погрязшего в болоте". Пришедши же к кургану, сказал: "Теперь нет уже никакой опасности от предсказания ворожеи, угрожавшей мне смертию от Факса". Между тем загорелось болото, и никаких следов не осталось от кургана; лежала только голая и гни-

лая голова коня. Увидев ее, он произнес: ”Узнаёте ли голову коня?” Кругом стоявшие подтвердили. “И это Факсова голова!” – говорил он, поворачивая ее копьем. Тут выскочила из конской головы ящерица и уязвила его в пяту, отчего все тело его заразилось я дом» (37).

В «Степенной книге» встречается прекрасное поэтическое сказание о первой встрече Игоря с Ольгою. Князь был на ловле. Ему хотелось переехать через реку. Он увидел ладью и позвал ту, которая в ней правила. Это была прекрасная девица Ольга. Она перевезла Игоря и словами целомудрия смирила первые порывы его любви (38). Неизвестен источник этого сказания. В скандинавских сагах нет подобного.

Но зато другое – месть Ольгина над Коростенем, крылатая дань, возвращенная пожаром городу, – отзывается в саге о Гаральде Гардраде, меньшом брате Олава Святого. В Сицилии он осаждал город. Граждане были снабжены всем для выдержания осады. Гаральд придумал средство: приказал ловить птиц, имевших гнезда в стенах и прилетавших днем в город за пищею. К пойманным он велел привязать сучки сухих деревьев с серою и смолою, подложив пылающие уголья. Выпущенные птицы полетели в гнезда, свитые между стенами в верхней части строений, покрытый соломою и тростником. Сделался пожар, и вышедшие граждане предложили сдать город (39). Однако заметить надобно, что наше предание отнесено исторически к X веку, а Гаральдово относится к веку XI.

С этим Гаральдом соединено у нас другое историческое воспоминание, переданное им самим в известной песне. Он любил Елизавету, прекрасную дочь Ярослава; но русская дева, взлелеянная в тишине семейного быта, столько сродного нашим нравам, была равнодушна к подвигам норвежского героя. Тщетно брал он города, выигрывал сражения, где падали короли, удивлял Африку и Сицилию своими подвигами; тщетно на малых ладьях бороздил моря, был в Царьграде у императрицы, ездил в Иерусалим и очистил путь иорданский от разбойников; тщетно отовсюду посылал сокровища к Ярославу... Все презирала русская дева. Но когда витязь от

тревожной жизни возвратился домой и сложил с себя доспехи брани, – тогда Ярослав вместе с сокровищами, им сбереженными, отдал Гаральду и свое сокровище – прекрасную дочь, и Елизавета, не любившая мужа брани в Гаральде, полюбила в нем доброго и мирного супруга.

Скандинавская стихия Руси мало-помалу переходит в славянскую. Вот предания поэтические, связывающие нашу первоначальную историю со скандинавским севером. Норманнская удаль, которую мы видели в Гаральде, отражается на всех первых героях Древней Руси, воинским шествием на Византию открывающих нашу политическую историю. Наши славянские предки были храбры для защиты очагов своих, но ничто их не двигало на другие народы. Послать «от дыма меч» врагу-насильщику было их делом; но отказываться от мира семей своих для того, чтобы идти тревожить чужого, они не любили. Предприимчивый дух оскандинавленной Руси, тот же дух, который двигал норманнов от севера к берегам Италии, Франции и Англии, двинул и наших предков к воинственным подвигам. Они пошли за Рюриком, Аскольдом и Диром, Олегом, Игорем, Святославом. По дороге северных вождей на Византию основано было наше государство. В первых вождях преобладает норманнская стихия. Олег – норманнский рус. Он увлекает духом мужества и славой, но предание о смерти его показывает, что к нему нет еще полного сочувствия. Игорь еще менее возбуждает его: слабый и медленный, он ни то ни се, он – переход от руса-варяга к русу-славянину. Но Святослав – воин наш; в нем полное сочетание руса со славянином. Его имя, его одежда, его обычай – все свидетельствует, что он привязался к народу. Его речь к воинам и ответ их прошли через века, и теперь чье сердце из нас не забьется при звуке этих слов, доходящих к нам из-за девяти почти столетий!

Речь Святослава. «Уже нам некамо ся дети! Волею и неволею стати противу, да не посрамим земли Руские, но ляжем костьми; мертвыи бо срама не имам, аще ли побегнем, срам имам, ни имам убежати, но станем крепко, аще же пред вами поиду; аще и моя глава ляжет, то промыслите со-

бою». И сказали воины: «Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим». В последних словах мы видим, какими крепкими узами были соединены князь и его дружина. Владимир связан уже не только с дружиною, но и с народом. Он строит капища тем языческим богам, которым народ поклоняется. Он не любит варягов; он не дает им денег, когда они ему докучают окупом с народа; он отправляет их в Царьград и просит царя расточить их и не отпускать на Русь ни единого. В сердце Владимира, еще язычника, отзывается уже мягкость, свойственная сердцу нашего народа. Истина Христовой веры довершила его союз с народом.

Духовное действие Византии на Русь. Между тем молодая Русь развивает телесные силы и движет их враждебно на Византию, отсюда воздействует на нее сила духовная и побеждает. Не насилие меча водворило у нас Христову веру, не миссионеры в заботах о распространении владений церковных внесли ее к нам. Нет, она принята по разумному избранию князем, послушавшим учение от философа греческого, с совета бояр, старцев и мужей «добрых и смысленых», которые ходили в разные земли, чтобы своими очами видеть богослужение. Не знали они – на небе, на земле ли они были, созерцая, как греки служат своему Богу; на земле не видали такой красоты и думали, что, конечно, с ними Бог пребывает. Как эти слова киевских мужей до сих пор отзываются сердцу истинноруccкому!

Крещение князя и народа. Слепец-язычник прозрел очами внешними и внутренними, разумно исповедал истинного Бога – и спешит разделить веру, дар Божий, со своим народом. На берегу Днепра, мы видим, князь и народ слились в одну семью под благословением креста Господня. Была радость на небесах и на земле видеть толико душ спасаемых, говорит летописец. Добрый народ крестился, поверив князю и боярам, и не раскаялся в своем доверии.

Молитва св. Владимира. Из уст Святослава доходит до нас речь его к воинам, одушевляющая чувством чести наше воинство, залог нашей материальной силы.

Из уст Владимира, крестителя Русской земли, нам слышится его молитва по крещении народа, залог нашей силы духовной:

«Боже, створивый небо и землю! Призри на новыя люди сия и дажь им, Господи, уведети Тобе, истиньнаго Бога, якоже уведеша страны хрестьянскыя; утверди и веру в них праву и несовратьну, и мне помоги, Господи, на супротивного врага, да надеяся на Тя и на Твою державу, побежю козни его».

Духовная связь князя с народом. Сердце Владимира, и прежде мягкое, по крещении растворилось полною любовию и к дружине, и к народу. Слова Евангелия: «Блаженни милостивии, яко ти помиловани будут; продайте имения ваша и дадите нищим; не скрывайте себе сокровищ на земли, но скрывайте сокровище на небесех» – глубоко проникли в его душу. Он стал делить все со своим народом.

Пиры Владимира. Нищий и убогий шли во двор княжеский и брали себе всякую потребу для жизни. Летопись сохранила память о пирах князя, на которые он сзывал бесчисленное множество народа, куда сходились все сословия, где было всего обильно. Немощным и больным посылались дары от пира во все стороны города. Щедрый князь баловал и дружину серебряными ложками. Противно ему было пролитие крови: он щадил и разбойников.

Учение книжное. Вместе с христианством к нам проникло и грамотное образование. Еще Владимир, по словам летописца, посылал брать детей у людей *нарочитых* и отдавать их в учение книжное, или по церквам, или в особенные при них училища. Матери плакали о детях, как будто по мертвецах потому что еще не были утверждены верою. Сохранилось предание, что первый митрополит Михаил призывал к себе учителей грамоты и наказывал им учить детей любовно, но без слабости (40).

Первая эпоха народных песен. Благодарная память русского народа через многие века сохранила в песнях воспоминание о великолепных пирах князя Владимира, которого они называют всегда «ласковым и красным солнышком». Его име-

нем обозначается первый исторический слой наших народных песен. Беспрерывно повторяют они, как

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова осударь князя Владимира,
Было пированье, почестной пир,
Было столованье почестной стол,

и как

Владимир князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Черны кудри расчесывает.

Богатыри. Его окружают могучие богатыри. Имена некоторых сохранила история. Другие остались только в песнях и сказках. Тут Добрыня Никитич, дядя Владимира, брат Малуши, покоритель белоглазой чуди, наказавший Марину, еретницу и безбожницу. Тут Алеша Попович, сын соборного попа, одолевший Тугарина Змеевича, который, может быть, олицетворяет орду татарскую. Тут Чурило Пленкович, вождь большой силы, русский кондотьери, который набирает огромное войско для Владимира... Тут много их, храбрых и сильных.

Любимый витязь народа. У каждого свой любимый витязь народа. Все они служат князю и Русской земле. Но любимый витязь русского народа, любимый герой его устных преданий – Илья Муромец, которого сама Церковь признала святым.

Телесная сила наших богатырей. У нас обыкновенно в народных преданиях обращают внимание только на телесную крепость наших богатырей; видят в них олицетворение одной дикой, грубой, вещественной силы. Это воззрение одностороннее. Правда, что у нас, как в юности всякого великого народа, развивалась эта сила, но при особенных обстоятельствах, которые ее вызвали и дали ей особый характер. Мы уже видели, как Русь своею скандинавской стихией привила к нашему мир-

ному племени воинский дух, который, однако, много уступил коренному свойству народа и, главное, –духовной силе.

Дикие орды Азии. Но всего более вызвана была на поприще телесная сила нашего народа набегами диких племен, которые напирали на нас из Азии. Мы стояли первой стражей у Европы – и на свои плечи должны были принимать всю эту дичь, всю эту плоть народов кочевых, которые в течение столь многих столетий извергала на нас Азия, народов без мысли, без гражданского образования, несших только меч и огонь в наши пределы. С самых незапамятных времен начинается это шествие. В VI или VII веке нашли на наших предков обры, телом великие, умом гордые, как называет их летопись: они вместо волов и коней впрягали в телеги жен дулебских. Бог потребил их руками русского народа: не осталось ни одного, «ни наследка, ни племени», и только народным присловьем отметила летопись их существование: «погибоша аки обре». За обрами следовали козары, племени турецкого. Они были не столько дики, но что могли вносить к нам? – войну, сначала идолопоклонство, потом жидовскую веру. Киевские славяне послали им по мечу от дома, но козары обложили их пушною данью. Через нас проходили угры. Кто не знает сурового племени мадьяров? В Западной Европе, окруженное всем развитием человеческой гражданственности, оно еще в XIX веке сохранило яркие черты своего жестокого характера. В тяжкие времена общих бедствий человечества выступают наружу коренные свойства народов. В холеру мадьяры провзошли все племена европейские своею жестокостью. Каковы же они были тогда, когда в 898 году кочевали под Киевом на берегу Днепра?– За уграми шли печенеги, свирепые грабители всего юга Русской земли, пившие вино из черепа Святославова; за печенегами – кровожадные половцы, без преданий семейных, – наконец татары, два века с половиной тяготившие нашу землю... Не высчитываю иных.

Наша борьба с ними. Вот с какими племенами в течение столь многих столетий суждено было бороться русскому народу! Богатыри наши стояли на страже земли своей: в них народ

олицетворил все свои силы, им употребленные на отпор. Немудрено, что беспрерывное столкновение с племенами столь дикими отозвалось и в наших витязях некоторою грубостью. Насилие рождает насилие; с кем поведешься, тем и прослывешь. Следы грубости и произвола до сих пор являются наростом на нашем характере, от природы мягком и кротком.

Запад счастливее. Счастливее нас в этом отношении были народы Запада. Азия послала и на них свою силу, но в лице арабов, народа, который внешним просвещением своим превосходил племена, воевавшие с ними. Арабы внесли науки и поэзию в Испанию и Прованс. Арабы напомнили о древних писателях, забытых во времена варварские. Мнения ученых разделены: арабскому или германскому племени приписать начало рыцарства, уважение к женщинам, рифму – эту красоту романтической поэзии, которой не знала древняя, и первые ее образцы. Вот с каким племенем суждено было бороться франкам! Не такие племена выпали нам на долю.

Предания об Илье Муромце. Но остановим внимание на любимом витязе нашего народа, Илье Муромце, и рассмотрим черты его, как народ их создал. Об нем одном только из всех его товарищей до сих пор раздаются устные предания недалеко от Мурома, на берегу Оки, в селе Карачарове, и целая семья силачей ведет от него род свой (41). Невелик его «род племен», а почестен во міру: он сын крестьянина Ивана Тимофеевича; отец и мать его правят міром в селе Карачарове. Сидит он сиднем 30 лет; не владеет ни руками, ни ногами. Что же вдруг дает ему силу? Желание сотворить милостыню двум прохожим нищим. Они просят утолить их жажду. Илья встал в первый раз и приносит им по великой братине пива и вина крепкого. Но дар его нищим обратился ему же в пользу: «Выпей-ка сам», – сказали калики перехожие. Когда Илья выпил, они «спрошали» его: «Слышишь ли, Илья, силу свою?» – «Слышу». – «Как велика твоя сила?» – «Кабы был столб от земли до неба, и я перевернул бы всю землю». – «Много дано силы Илье: земля не снесет. Поубавим силы, – говорят калики промеж себя. – Сходи-ка опять за пивом да напои нас». Илья

принес пива крепкого пуще того: калики его напоили в третий раз – и силы в нем поубавилось, кабы на семую часть. «Будет с него», – сказали калики и простились с ним. Само Провидение в виде нищих сотворило чудную силу богатыря, обратив в нее его милостыню. Когда Илья ощутил в себе силу, он задумал дело великое и снарядил сбрую ратную, копье булатное, коня богатырского. Какое же дело задумал он? – ехать во стольной град Киев, Богу помолитися, князю Владимиру поклонитися. Но, как добрый семьянин, он прежде является к отцу и матери и просит у них благословения великого. «На кого ты нас старых покидаешь, любимое детище?» – говорят ему родители. Но Илья бьет челом пуще того. Дали ему отец с матерью благословение великое и положили на него крепкую заповедь, сказав ему: «Берегись обиды напрасныя, не проливай крови христианския». Принял благословение Илья Муромец и обещался соблюдать крепкую заповедь.

Два раза объезжает он Соловья-разбойника, что заложил прямоезжую дорогу к Киеву, чтобы только не нарушить своей заповеди: не вымать из колчана калену стрелу, из налушна тугой лук. Впервые разрушает он великую заповедь, когда нападают на него разбойники-станишники и хотят отнять у него коня богатырского. Тогда только вынимает Илья из налушна тугой лук, из колчана калену стрелу; но стреляет не по станишникам, а по сыру дубу, по сырой земле. Спела была тетивка у его туга лука, угодила стрела в сыр кряковистый дуб да в сыру землю; изломала дуб в черенья ножевые, учала рвать землю в косую сажень. От того ль грома богатырского станишники испужалися… Страхом победил Илья разбойников, но пощадил кровь их. Они отдают себя ему в холопство вековечное, предлагают ему казны, сколько хочет; но Илья не берет ни того, ни другого.

Далее два раза только нарушает свою заповедь Илья Муромец: в первый раз – когда видит он, что несметная сила бусурманская хочет обложить Чернигов – град, стены разломать и извечные домы Божии на дым спустить. Он побил эту силу, полонил царя и не со славой и похвальбой, а каликой перехо-

жим взошел в освобожденный им город. «Приими со святой Руси русского; приими и пожалуй словом ласковыим калику перехожего; приими немалы подарочки со родной земли», – говорит Илья князю черниговскому в его высоком тереме. Стольный князь велит князьям, боярам и всему люду почестному, чтобы кланялись калике перехожему. Он жалует с Руси русского золотым перстнем да становым кафтаном и угощает пиром на весь Чернигов-город.

В другой раз Илья нарушил заповедь для того, чтобы освободить дорогу в Киев от Соловья-разбойника. Угодив стрелой ему в правый глаз, он схватил его в торока и, привязав к луке седельной, повез в Киев-град. Не хочет он золотой казны, которую предлагают ему жена и дети Соловья. В Киеве, в терему Великого князя Владимира, он объявляет себя каликой перехожим из села Карачаева. «Ты скажись, молодец, кто твой род племен?» – спрашивает его Владимир князь. «Невелик мой род племен, а почестен во миру, – отвечает Илья. – Един был сын у батюшки, един сын у матушки, да и оба живут в селе Карачаеве, а и оба правят міром».

Косо посматривают на сельского калику другие богатыри и не верят, чтобы он полонил Соловья-разбойника. Тогда, не вытерпев этой обиды, Илья говорит Владимиру князю: «Кладу голову во неправде; дай суд со расправой на широком дворе». Свист Соловья оправдал Илью. Добрыня Никитич первый побратался с ним. Последним подвигом Ильи было поражение ненасытного киевского идолища, которое ест жареных быков и пьет мед сыченый: явное олицетворение язычества, жадного к требам народным. Владимир князь наравне с князьями и боярами и сильными могучими богатырями, дал почет и витязю-крестьянину, калике перехожему, – и весь народ, старые и малые, уважали его до глубокой старости.

Черты Ильи Муромца в совокупности. Вот в каких чертах русский народ воображает своего любимого витязя: он милосерд к нищим, его сила – награда за его милостыню; он добрый сын; он бережется напрасной обиды; он не проливает крови христианской; он щадит даже разбойников; он поднима-

ет оружие только для защиты народа и веры против врагов и язычества; он без похвальбы служит Русской земле – освобождает Чернигов от осады и дорогу к святому городу Киеву от чернокнижника и разбойника; он не хочет ни холопства разбойников, ни золотой казны побежденных им; он не требует ни земель, ни почестей, ни даров за свои услуги, но сам несет дары к стольным князьям; благородно сознает он свое крестьянское род-племя на дворе у князя Владимира; славится тем, что отец и мать его правят міром; смиренным каликой сельским является он в Чернигове и Киеве после побед своих; а когда при дворе хотят у него отнять честь подвига, тогда он готов положить голову во неправде и требует суда и расправы перед лицом всего народа, у Великого князя на широком дворе.

Сближение с Цидом. Я позволю себе сближение, которое, может быть, покажется слишком смелым по господствующим у нас предубеждениям. Я сравню нашего народного витязя с образцом испанского рыцаря, с кампеадором Цидом, который был прославлен столь многими дивными песнями. Прекрасно в нем благородное чувство личной чести; но не может ему сочувствовать мягкое, любящее сердце русского народа, когда десятилетний Цид говорит: «Не ставьте мне в порок, если я повесил вора, потому что такое преступление лишает человека всякой цены». Правда ему выше всего; но для русского народа, называющего преступление *несчастьем*, милость выше правды, хотя и за вину проливающей кровь ближнего. Отец Цида воспитывает его для мести за обиженную честь свою. Но не будет семейное чувство русского сочувствовать Циду в то время, как отец жмет ему руку, и он, не стерпев этого пожатия, мечет на него взгляды гирканского тигра, и, исполненный ярости, посылает отца к черту, и готов бы был пальцами вместо кинжала или ножа выворотить его внутренность, если бы то не был отец его, – и отец радуется ярости сына (42). Благородны чувства сознания своего достоинства в Циде перед королем Альфонсом; но и много замков получил он от короля за свои услуги, и много сокровищ оставил наследникам по смерти своей.

Сибирское предание. Есть иные сказки и песни, где Илья Муромец смешивается с другими богатырями и олицетворяет исключительно телесную силу; но все они уступают место одному чудному преданию о том, отчего перевелись витязи на Святой Руси. Это предание олицетворяет великую мысль, каким образом сила вещественная в России мало-помалу уступает место силе духовной. Предание должно быть древнее: оно раздается еще в устах сибирских жителей. Мне сообщил его студент Московского университета г. Никотин (43).

На заходе красного солнышка выезжало на Сафат-реку семь удалых русских витязей, семь могучих братьев названых, и в их числе: Алеша Попович млад, Добрыня молодец и матерой казак Илья Муромец.

Отчего витязи перевелись на Руси? Сафат-река очень часто является в тех русских песнях, которые воспевают борьбу нашего народа с ордами азиатскими. Она как будто граница Русского мира, – и на ней совершаются великие битвы.

Перед витязями раскинулось поле чистое: на нем стоит стар кряковистый дуб. От него идут три дороги: первая в Новгород, вторая в Киев, третья дорога ко синю морю.

«Становились витязи на распутии, разбивали бел полотнян шатер, отпускали коней погулять по чисту полю. Ходят кони по шелковой траве-мураве, зеленую травку пощипывают, золотою уздечкой побрякивают; а в шатре полотняном витязи опочив держат».

«Было так на восходе красного солнышка; вставал Добрыня молодец раньше всех; выходил он на Сафат-реку, умывался студеной водой, утирался тонким полотном, молился на восток... Видит Добрыня за Сафат-рекой бел полотнян шатерь; в том ли шатре залег татарчонок, злой татарин бусурманчонок: не пропускает ни конного, ни пешего, ни езжалаго доброго молодца. Седлал Добрыня своего борзого коня: клал на него он потнички, а на потнички коврички, клал седельце черкасское, брал копейцо урзамецкое, брал чингалище булатное и садился на добра коня».

Перескочив через реку, Добрыня первый вызывает татарина: честный бой держать! Татарин принял вызов. Они съехались. Копья поломались, мечи разлетелись, витязи с коней долой, начался рукопашный.

«Правая ножка Добрынина ускóльзнула, правая ручка Добрынина удрóгнула, и валился он на сыру землю. Скакал ему татарин на белы груди, порол ему белы груди, вынимал сердце с печенью».

Вставал второй, Алеша Попович. Видит он за рекой коня Добрынина. Стоит борзый конь, оседланный и взнузданный, – стоит, только невесел; потупил ясны очи во сыру землю: знать, тоскует по своем хозяине.

Садился Алеша на коня; конь осержается, отделяется от сырой земли, перескочил с витязем за Сафат-реку.

«Что не бель во полях забелелася – забелелася ставка богатырская; что не синь во полях засинелася – засинелися мечи булатные; что не красъ во полях закраснелася – закраснелася кровь с печенью».

Алеша подъезжает к шатру, видит: Добрыня спит глубоким сном. Вызывает Алеша татарина на честный бой. Сразились витязи. Одолел Алеша татарина, валил его на сыру землю, скакал ему на белы груди, хотел пороть ему белы груди, вынимать сердце с печенью.

Тут откуда ни взялся черный ворон. Он вьется около Алеши, просит его не пороть грудей татарину, а обещается ему слетать на сине море, принести для Добрыни мертвой и живой воды. Алеша послушался. Ворон сдержал слово. «Вспрыскивал Алеша Добрыню мертвой водой – срасталось его тело белое, затягивались его раны кровавые; вспрыскивал его живой водой – пробуждался витязь от смертного сна. Отпускали они татарина».

Третий вставал в шатре Илья Муромец.

«Видит он: через Сафат-реку переправляется сила бусурманская несметная: и той силы доброму молодцу не объехать, серому волку не обрыскать, черному ворону не облететь». Илья сзывает витязей. Сбегались на зов его витязи,

садились на добрых коней, бросались на силу бусурманскую. «Не столько витязи рубят, сколько добрые кони их топчут. Бились три часа и три минуточки; изрубили силу поганую».

Победив ее, загординились витязи и стали похваляться так:

«Не намахались наши могутные плечи, не уходились наши добрые кони, не иступились наши булатные мечи!» И вот первый, Алеша Попович млад, обезумел от гордости и говорит: «Подавай нам Силу небесную; мы и с тою Силою, витязи, справимся».

Чуть промолвил он слово неразумное – и слетело двое небесных воителей, и вещали они громким голосом: «А давайте с нами, витязи, бой держать, хоть нас двое, а вас семеро». Разгорелся Алеша Попович на те слова, поднял он коня борзого, налетел он на небесных воителей и разрубил их пополам со всего плеча. Стало четверо – и живы все! Налетел на них Добрыня молодец, разрубил их пополам со всего плеча – стало восьмеро, и живы все! Налетел на них Илья Муромец, разрубил их пополам со всего плеча – стало вдвое более, и живы все! Бросились на Силу все витязи, стали они Силу колоть-рубить, а Сила все растет да растет, все на витязей с боем идет. Не столько витязи рубят, сколько добрые кони их топчут, а Сила все растет да растет, все на витязей с боем идет.

Билися витязи три дня, три часа, три минуточки, намахалися их плечи могутные, уходилися кони их добрые, иступились мечи их булатные; а Сила все растет да растет, все на витязей с боем идет.

Испугались могучие витязи, побежали они в каменные горы, в темные пещеры. Подбежит витязь к горе и окаменеет, подбежит другой и окаменеет, подбежит третий и окаменеет».

С тех-то пор и перевелись витязи на Святой Руси.

Значение предания. Так русский народ этим глубокомысленным преданием объясняет себе, как в древней его жизни сила телесная, олицетворенная в витязях, победив азиатские орды, уступила место силе духовной, которая мало-помалу простерлась во все концы земли Русской. Но поэзия народа в прошедшем пророчит и грядущее: так и в этом пре-

дании о минувшем русский народ сознает свое будущее духовное назначение, сознает, что сила духа должна будет в нем победить всякую силу телесную.

ЛЕКЦИЯ ПЯТАЯ

Возвращение к предыдущему. – Объяснение. – Положения о витязях. – Сословия витязей. – Их родины и единство. – Черты витязей. – Что они олицетворяют? – Борьба с Азией. – Самоотвержение. – Черты грубости. – Борьба с остатками язычества. – Церковь на Западе. – Церковь у нас. – Подвиги витязей. – Витязи-кудесники. – Песня о Михаиле Потоке. – Индийские змеи. – Песня о Волхе Всеславьевиче. – Значение Индии в этом предании. – Особенность преданий об Илье Муромце. – Оправдание сближению Ильи Муромца с Цидом. – Дополнения. – Былины, сохраняющие образ Ильи. – Былины, исказившие его образ. – Духовные песни или стихи. – Стих о Голубиной книге. – Стих о расставании души с телом. – Плач Земли перед Богом. – Сближение с итальянским стихотворением. – Стих о Страшном Суде

Возвращение к предыдущему. Я не могу так скоро расстаться с русскими витязями. Увлекшись рассказом прекрасных поэтических преданий нашего народа, я не успел еще округлить никаких результатов касательно этого вопроса, необходимых в науке. Кроме того, я и в долгу перед русскими витязями. Сказанное мною подало повод к различным толкованиям. Не скрою затруднений, какие более и более встречают меня при чтении предмета, мало разработанного и притом отечественного. Передавая самый материал науки, у нас неизвестный, хотя и родной нашему сердцу, работая над веществом, трудно в тоже время отделяться от него мыслью, производить выводы, ставить положения.

Объяснение. Близость предмета сердцу каждого заключает в себе выгоду и невыгоду. Выгода – в живом участии слу-

шателей; невыгода в том, что каждый вопрос науки принимается к сердцу; в ее спокойную область вторгается беспрерывно тревожная стихия жизни, – и ученому становится труднее сохранить то бесстрастие мысли, при котором только возможно ясное созерцание истины. Такие столкновения, впрочем, могут встречаться нередко: надобно быть против них всегда наготове и, пользуясь жизнью предмета, не позволять ее страсти разрушать тишину разумного созерцания.

Излишнее равнодушие к своему народному до сих пор не позволяло науке важным взором мысли взглянуть на наши предания. Это пренебрежение, конечно, должно исчезнуть перед ее светом, для которого нет ничего малого и неважного, а все возвышается ее всеобъемлющей мыслью, особенно же то, в чем сознается та или другая народная сила.

Положения о витязях. Я позволю себе относительно наших витязей поставить несколько догадочных положений, которые, впрочем, основаны все на строгом изучении песен и преданий.

Сословия витязей. Витязи, соединившиеся около князя Владимира, принадлежат всем сословиям. Добрыня, брат Малуши, Ольгиной ключницы, известный по летописям, дядя Владимира, стольник и чашник по песням, всех важнее по своему родству с самым князем (1). Дунай Иванович женат на родной сестре супруги Владимира (2). Волх Всеславьевич по матери своей породы княжеской (3). Дюк Степанович – боярской сын (4). Алеша Попович – из духовенства, сын соборного попа в Ростове (5). Из купечества – Иван, гостиной сын, сын гостя, как самое имя его показывает; Соловей Будимирович, также славный, богатый гость и великий строитель. Наконец Илья Муромец, называемый в некоторых песнях матерым казаком, сын крестьянина-старосты, который правит міром. Видно, что все сословия имеют в витязях своих представителей; ни одно не исключено; ни одному нет преимущественного права на богатырство; все равно служат князю и народу.

Их родины и единство. Со всех концов обширной Руси стеклись наши витязи: Дюк Степанович и Михайло Казаринов

выехали из Волынца, красна Галичья (6); Добрыня в одной из песен назван рязанцем (7); Волх родился в Киеве; Иван, гостиной сын, также из Киева; Дунай напоминает древнюю родину наших предков; Чурило и отец его Плен, или Пленко, из Сурожа (8); Алеша Попович из Ростова; Илья из Мурома; но все они потеряли уже свой местный, областной характер: ни в одном мы не видим черты его города; все они стерли признаки родин своих в великом единстве Русской земли, в братстве во имя ее; все они *братья названые*, *святорусские* могучие богатыри. От них отличаются своим особенным характером разве одни новгородцы, как, например, Василий Буслаев, буйный и предприимчивый, охотник до далеких странствий, намекающих на выселенцев Новгорода, и Садко, славный торговым богатством и монополией, которую искупает он строением великолепных церквей. Но витязи новгородские не входят в круг Владимировых и никогда не соединяются в песнях с именем этого князя.

Черты витязей. Все они представляют развитие телесных, вещественных сил русского народа в древние времена. Несметная мощь тела, удальство, бесстрашие, самоотвержение, отсутствие всякой личности, хитрость и оборотливость, ирония и шутка, грубость, вызываемая племенами, с которыми мы имели дело, иногда доходящая до жестокости, – вот черты, выдающиеся с первого раза на физиономии наших витязей.

Хотя все они соединяются около князя Владимира, но к именам их примыкают различные эпохи. Главные, в которых они действуют: Владимирова, Татарская и эпоха Самозванцев – самая последняя.

Что они олицетворяют? Что же в них олицетворил русский народ? Ту часть самого себя, которая с примерным самоотвержением совершила два великих подвига: *первый* – отражение или истребление диких азиатских орд, *второй* – уничтожение язычества и кудесничества. Все действия Владимировых витязей соединяются около двух этих подвигов. Иные принимают участие в обоих, другие ограничиваются одним из них.

Борьба с Азией. О первом подвиге мы уже говорили в прошедшей лекции. Великое было дело отстоять свою землю против напора диких кочевых племен Азии, каковы были обры, угры, печенеги, половцы, татары. Кроме того, надлежало покорить народы, обитавшие внутри нашей земли или на ее границах. Дикие восточные звуки, искаженные временем и устами народа, часто раздаются в этих песнях. Татарское племя играет в них важнейшую роль. Странные имена царей – Саул Леванидович, Этмануил Этмануйлович, Афромей Афромеевич, Калин Калинович, Азвяк Таврулович, Салтык Ставрульевич означают насмешливые намеки на татарских ханов. Татарщина олицетворяется иногда в виде Змея Горынчища, который дышит огнем, как дышала на нас пожарами и убийством татарская орда; или в виде Тугарина Змеевича, сына Большого змея, как будто Малой орды крымской, порожденной Большой. Орда смешивается с землею Половецкою (9). Иногда странное имя намекает будто на историческое имя племени, например: царство Алыберское не имеет ли отношения к ольберам, упоминаемым в «Слове о полку Игореве»? (10)

Добрыня

Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую,
И тех черкес пятигорских,
А и тех калмыков с татарами,
Чукши все и Алюторы (11).

Странное смешение имен! Алеша Попович отрубил голову Тугарину Змеевичу. Илья Муромец уничтожил Калина-царя; все богатыри вместе – всю бусурманскую силу.

Самоотвержение. Замечают отсутствие личных чувств в наших витязях. Точно, они не заняты оскорблениями личной чести или страстями сердца, как рыцари Запада. Отсюда отсутствие романического интереса в их подвигах. Но над всеми личными чертами возвышается в них и господствует

одна великая черта, принадлежащая тому народу, который они олицетворяют: самоотвержение. Только через него мог быть совершен подвиг – очищение Русской земли от всего дикого и скрепление ее частей в исполинское целое. Если бы во времена княжеских усобиц и нашествия свирепых орд разыгрались в самом русском народе чувства личной независимости, чести и страстей сердечных, – не совершилось бы никогда великое дело, не явилась бы Россия тем, чем она есть. Не будем требовать от наших витязей того, что принадлежит рыцарям Запада. Пускай они выражают черту своего народа – самоотвержение, в котором только и заключалась возможность спасения Отечества. Недаром такой народ, а не германское племя, одаренное природным чувством личной независимости, поставлен был рукою Провидения на границах Европы и Азии, чтобы ограждать дело европейского образования с одной стороны, а с другой – взращивать в себе семя духовной силы на времена грядущие.

Черты грубости. В прошедший раз я заметил черту грубости в наших витязях, которая доходит иногда до жестокости. Это замечание подало повод к недоразумениям, несмотря на то, что я предложил историческое тому оправдание. Конечно, я никогда не признаю грубости врожденною чертою нашего народа, которого сердце от природы скорее мягко и кротко. Но я признаю эту черту наростом от диких племен, с которыми нам так долго суждено было водиться. Есть черты природные; есть черты пришлые в характере народа – плод его исторического воспитания. Насилие вызывается насилием, произвол – произволом, грубость – грубостью. Особенно можно видеть это на Илье Муромце в песне «Калин-царь», как мало-помалу русский человек, вынуждаемый насилием, доходит до жестокости. Калин-царь осадил Киев и посылает посла к Владимиру. Является татарин в городе, входит во гридню князеву, Спасову образу не молится, Владимиру-князю не кланяется, а в Киеве людей ничем зовет и требует сдачи города. Богатырей не случилось. Василий-пьяница взошел на стрельную башню, натянул свой лук на татар и угодил

стрелою в правый глаз Сартаку, зятю Калина. Татарский царь осердился пуще того и требует выдачи виноватого.

Что ясной сокол в перелете летит,
Как белой кречет перепорхивает;
Бежит паленица удалая,
Старый казак Илья Муромец.

Владимир совещается с ним: сдать ли город без напрасного кровопролития? Мягкий Илья советует послать подарочки. Сам везет он их в ставку к царю:

Перву мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью скатного жемчуга.

Но Калин все требует виноватого. Илья кротко предлагает подарочки. Калин не честно́ принимает золоту казну, сам прибранивает. Илья не вынес, отвечает ему грубыми словами. Калин велел схватить Илью и связать его белые руки. Илье за беду стало: он повторяет те же слова. Калин плюет Илье в ясны очи. Тогда Илья вскочил в полдрева стоячего, разорвал путы, рвется к своему добру коню, к своей палице тяжкой, медной, литой в три тысячи. Его не допускают. Нечего делать. Илья схватил татарского посла за ноги,

И зачал татарином помахивати:
Куда ли махнет – тут и улицы лежат,
Куда отвернет – с переулками,
А и сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин, не ломится,
А и жиловат, собака, не изорвется» (12).

Вот насилие, вызванное насилием! Но можно указать еще на черты этой грубости в обращении с женщинами, как Добрыня Никитич и Иван Годинович учат жен своих, хотя,

правда, первый – еретницу, а второй – изменницу (13), или как Дунай-витязь обходится с Настасьей Королевишной (14), или Михайло Казаринов с русской полоняночкой, которую освободил от трех татар-наездников (15). Конечно, до́лжно и то сказать, что с рыцарями Запада мы знакомимся по большей части через поэтов, которые очистили их в своей художественной фантазии и сняли с них все грубое. В преданиях первоначальных они также грубы и жестоки. Наши же витязи не испытали такой очистки: мы в песнях видим их так, как созданы они были искренним воображением народа.

Борьба с остатками язычества. Второй подвиг русского племени, олицетворенный в витязях, составляет борьба с остатками язычества: чернокнижием и волхвованием. Эти остатки были, как до́лжно думать, довольно сильны в нашем народе, в котором все крепко принимается и нескоро уступает противной силе. Великим делом избранной его половины было искоренить это в другой.

Церковь на Западе. Здесь опять ярко заметно различие между явлениями западной жизни и нашей. Там Церковь принимала на себя борьбу с остатками народного язычества, волхвами и ересями. С этой целью в XIII столетии учреждены были постоянные инквизиционные суды. Место инквизитора соединялось с необыкновенным могуществом и большим доходом. Суд облекался правами исповеди. Доносчикам обещали спасение и давали деньги. Костры и закладка живых людей в стены были обыкновенными казнями. Иннокентий IV (1252) определил третью часть с имения осужденных в пользу судей, а другую треть – в пользу их будущих изысканий. Впоследствии и все имение поступало к инквизиторам. Самые власти восставали на это насилие Западной церкви, но еще более – угнетенный народ. Волхвование и магия были признаваемы ересью. В половине XIV века была написана систематическая книга Николаем Эймериком под заглавием «Directorium Inquisitorium», где изложено подробно, как до́лжно преследовать волшебников. Процесс Иоанны д'Арк известен. В 1487 году явился страшный «Malleus maleficarum» папы Иннокен-

тия VIII, где с полной верою изложены все роды кудесничества, особенно у женщин, и указаны средства к их уничтожению. Еще в XVIII столетии продолжались эти гонения. Есть примеры, что народ во Франции, подражая своей Церкви, преследовал волшебников кострами даже в XIX столетии (16).

Церковь у нас. У нас Церковь в древнейшие времена никогда не принимала участия в борьбе с язычеством и чернокнижием. Она употребляла одни духовные меры убеждений и церковных наказаний, состоящие в покаянии и молитве. Власти и народ, уважая Церковь и зная, что вмешательство в такую борьбу нанесло бы вред тому благоговению, которое все должны питать к ней, как духовной матери, возрождающей человека, принимали сами на себя расправу с язычниками, волхвами, чернокнижниками и даже еретиками. Летописцы наши это ясно свидетельствуют. Вспомним действия Ярослава против суздальских волхвов, воеводы Яна против них же на Белоозере, действия новгородцев и псковитян против кудесников, свержение еретиков с моста в Новегороде. Здесь же епископ Феодор отвлекает народ от волхва одним только крестом, а князь Глеб прибегает к топору (17). Мы увидим даже, как Церковь удерживала народ от насилия в подобных случаях.

Подвиги витязей. Русские витязи в преданиях и песнях олицетворяют многими своими действиями и эту сторону народной жизни. Илья Муромец, как мы уже видели, поражает киевское идолище, то есть язычество. Соловей-разбойник, заложивший дорогу от Мурома ко святому городу Киеву, и девять сыновей его, которые хотят превратиться в черных воронов с железными носами, когда подъезжает к ним Илья, – олицетворяют также волхвование. Самый двор Соловья означает что-то таинственное. Имя его показывает отношение к Соловью Богомилу, который, по Иоакимовской летописи, является верховным жрецом, противников христианства (18). Алеша Попович употребляет молитву против Тугарина Змеевича, который на бумажных крыльях поднимает к небу (19). О Добрыне Никитиче Иоакимовская летопись рассказывает, что он сокрушил идолов в Новегороде. Этому преданию отвечают и песни. В

одной из них он прогнал Змея Горынчища и совершил жестокую казнь над еретницей и колдуньей Мариной, именем напоминающей Марину Мнишек; но до совершения этой казни сам он едва не сделался жертвою волшебницы, превратившей его в гнедого тура (20). Но как некоторые из наших витязей, сражаясь с грубыми племенами, заразились от них грубостью, или, вынуждаемые насилием, прибегали тоже к насилию, так точно другие, ведя борьбу с волхвами, сами заразились волхвованием и употребляли то же оружие, против которого сражались.

Витязи-кудесники. Таковы особенно: Михайло Поток Иванович и Волх Всеславьевич. Я расскажу поэтические предания, которые касаются этих двух витязей.

Песня о Михайле Потоке. На пиру своем князь Владимир поручает одному из святорусских могучих богатырей, Михайлу Потоку Ивановичу, сослужить ему службу заочную, настрелять гусей, белых лебедей, перелетных малых уточек к его столу княженецкому. Поток поехал ко Синю морю, настрелял птицы много, едет от Синя моря, смотрит на тихие заводи и видит: плывет в них белая лебедушка, через перо вся золотая, а головка у ней увита красным золотом и скатным жемчугом. Витязь хочет стрелять в нее:

Вынимает он Поток
Из налушна свой тугой лук,
Из колчана вынимал калену стрелу,
И берет он тугой лук в руку левую.
Калену стрелу во правую,
Накладывает на тетивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей,
Заскрыпели полосы булатные
И завыли рога у туга лука...

Лишь только хотел он спустить стрелу, как провещится ему лебедь белая: «Не стреляй ты меня, Поток Михайло Ивановичи! Не в кое время пригожуся тебе».

Выходила она на крутой бережок,
Обернулася душой красной девицей.

Поток пленился ею, он берет ее замуж, но чародейка выходит за него на уговоре: «Кто из нас прежде умрет, второму за ним живому во гроб идти». Сыграли в Киеве свадьбу. Но только полтора года жила Потокова жена. Когда умерла она, погребли ее тело в огромной могиле; но муж обязан был исполнить уговор. Тут Поток с конем и ратною сбруею опустился в тоеж могилу глубокую: их закрыли дубовым потолком, засыпали песками желтыми, над могилой поставили деревянный крест и протянули веревку до соборного колокола.

Поток стоит в могиле с конем; добыв огня, зажигает свечи воску ярого. Пришла полуночная пора; собираются к нему все змеиные гады, а потом пришел и Большой змей: он жжет и палит пламенем огненным. Поток вынул саблю, убил змея, ссек ему голову и той головой змеиною *учал* мазать тело жены своей... Тогда еретница пробуждалась из мертвых... Поток ударил в колокол... Собирался, дивился православный народ... Поток ревет в могиле зычным голосом. Разрывают могилу наскоро, опускают лестницы, вынимают Потока с конем и с его молодой женой. Велено было им жить по-старому; но когда Поток умер, уговор исполнили над чародейкой, и жену его, живую, зарыли в сыру землю (21).

Индийские змеи. Так, в этой песне мы видим, что Поток употребляет чары жены своей для того, чтобы оживить ее тело. Но кто же этот змей и змеиные гады, которые собираются под землею около витязя? Откуда они? Здесь несомненно ясны остатки индийских преданий. Вспомним то множество змей, какое встречается в санскритской мифологии и поэзии, их змеезаклинателей, о которых рассказывают путешественники, и особенно Царя змеев, тысячеглавого Сэша, который играет важную роль в санскритском миростроении (22). Конечно, от этого индийского змея ведут свой род и наш Большой змей, действующий в этом предании, и Змей Горыныч,

хотя к нему и примешана идея татарщины. Самый уговор жены Потока – живому идти с мертвым в могилу – намекает на остаток индийского обычая, но уже измененного. Видно, что все наши древние предания, родственные с индийскими, перешли уже в волхвование, в силу вражию, которая борется с силою высшею, духовною.

Песня о Волхе Всеславьевиче. Но познакомимся теперь с витязем, героем всех кудесников, который уничтожил самое царство чародейства. Его зовут Волх Всеславьевич. Имя его – намек на его первенство в волхвовании. Отчество указывает на Всеслава, князя Полоцкого, который представлен чародеем в «Слове о полку Игореве». Но в песенном предании отец его лютый Змей; зато мать, княжна Марфа Всеславьевна, напоминает тоже о Всеславе Полоцком. На небе просветя светел месяц, в Киеве родился могуч богатырь, Волх Всеславьевич... Тогда

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно *Царство Индейское*,
А и Синее море сколебалося
Для ради рожденья…

Вся природа, все животные приходят в страх когда родится кудесник, назначенный разрушить царство кудесничества, который сам будет оборачиваться во всякого зверя, во всякую птицу…

Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам…

Будет Волх в полтора часа – уж он говорит, как гром гремит. Что же он говорит своей матери?

А не пеленай во пелену червчатую,
А не пояси в поясья шелковые, –
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд.

Семи годов выучили Волха грамоте: читать и писать. Десяти годов он учился трем премудростям: первой мудрости – обертываться ясным соколом, второй мудрости – обертываться серым волком, третьей-то мудрости учился – обертываться гнедым туром – золотые рога. Двенадцати лет начал он собирать дружину – и в три года набрал ее себе семь тысячей. Вот индейский царь снаряжется к городу Киеву и хочет Киев град за щитом весь взять, а Божьи церкви на дым спустить. Волх со всею храброю дружиною отправляется сам к славному царству Индейскому. В походе дружина спит, так Волх не спит. Обернется серым волком; бегает, скачет по темным лесам, бьет зверей сохатых, кормит ими свою дружину, а шубки снимает с них да одевает своих удальцев в шубы соболиные, переменные-то барсовые. Обернется ясным соколом; летит за сине море, бьет гусей белых лебедей, серых малых уточек; поит, кормит дружинушку… Спрашивает Волх у своей дружины: «Есть ли, братцы, у вас таков человек, кто бы обернулся гнедым туром, сбегал бы к царству Индейскому, проведал бы про царство и про царя Салтыка Ставрульевича?» – «Нет у нас такого молодца, опричь тебя», – отвечает дружина. Тут Волх Всеславьевич обернулся гнедым туром – золотые рога, побежал он к царству Индейскому; первой скок за целу версту скочил, а другой скок не могли найти. Обернулся он ясным соколом; полетел к царству Индейскому; сел на палаты царские, белокаменные, на окошечко косящатое... Буйные ветры по *насту* (23) тянут, царь со царицею в разговоры говорят. Царица сказывает царю, что на небе просветя светел месяц, а в Киеве народился могуч бо-

гатырь, *ему, царю, сопротивничек*. Подслушав речи на окошке косящатом, Волх обернулся горностаем,

Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал, –

и все в землю закапывал. Обернулся опять ясным соколом, взвился высоко по поднебесью, долетел до своей дружины, разбудил ее и повел к царству Индейскому. Пришли... Стоит стена крепкая, белокаменная; ворота у города железные; крюки, засовы медные; стоят караулы денны, нощны; стоит подворотня дорог рыбий зуб; мудреные по ней вырезы, а в вырезе только мурашику пройти. Закручинилась, запечалилась дружина... Как пройти стену? Но Волх догадлив был, сам обернулся мурашиком и всех добрых молодцев обернул мурашиками... Прошли они по вырезам стену белокаменную: очутились в царстве Индейском; обернулись добрыми молодцами. Тогда Волх велел дружине ходить по царству Индейскому, рубить старого и малого, не оставить в царстве на семена и пощадить только по выбору семь тысячей красных девиц. Сам Волх вторгся в палаты к царю, убил его, взял за себя царицу, переженил всю дружину на красных девицах и насел царем на царстве Индейском (24).

Значение Индии в этом предании. Отчего же Индейское царство играет такую важную роль в песне о богатыре-кудеснике? Отчего трястись ему, когда он родится? Отчего же Волх – сопротивник самого царя индейского? Индия – родина чернокнижия и волхвования. Оттуда, из этого первоначального родства с индийским племенем, наш народ почерпнул свои предания чернокнижные. Чудная память его сохранила темное о том сознание. Волх, представитель богатырской силы в кудесничестве, овладев всеми его тайнами, разрушает вконец

Индийское царство, самую родину волхвования, и выселяется туда из своего отечества. Так может, по моему мнению, наука осмыслить песенное предание о борьбе с царством Индейским Волха Всеславьевича, главного олицетворителя той части народа, которая сражалась с остатками язычества.

Особенность преданий об Илье Муромце. Вот подвиги, которые соединяют память о витязях с жизнью русского народа. Но эти предания везде местно уже прошли. Сами витязи являются в них как темные призраки. Один только сохранился в памяти народа, как живое лицо, его любимец, – Илья Муромец. Карачаровские рассказы еще не умолкли на берегах Оки. Там еще показывают и богатырскую гору, и колодезь, выбитый копытом коня Ильи на том месте, откуда он перескочил через Оку-реку. Вот почему в прошедшей лекции я особенно отделил живое предание об Илье Муромце от прочих, уже потускнелых, преданий о других витязях, лишенных местного сочувствия. Сословие, откуда вышел Илья, позаботилось о том, чтобы создать чистый образец своего витязя. Прочие не приложили такой заботы о своих представителях. Таким образом, предание об Илье, рассказанное в прошедший раз, составляет как бы свое особенное целое – и в нем характер Ильи отходит от того же лица, встречающегося в других песнях. Это идеальный Илья, чистый витязь, или самая светлая мысль о витязе, по сознанию народному (25).

Оправдание сближению Ильи Муромца с Цидом. Сравнение Ильи Муромца с испанским Цидом показалось для некоторых слушателей слишком смелым. Меня даже обвиняли, что я своим сближением поставил обоих наравне. Но если испанский народ понимает рыцаря своего по-своему, то позвольте же на правах свободомыслия, которым вы славите XIX век, и русскому народу понять своего витязя по своему разумению.. Мы сближаем не с тем, чтобы предпочесть одного другому, а с тем, чтобы уяснить предмет: это необходимо в исторической науке, особливо же при господстве тех предубеждений, которые у нас направлены против всего народного. Позвольте же Илье Муромцу понять семью, месть, правду

и милость иначе, нежели понимает их Цид. Кто не уважит в Циде благородного чувства чести, сознания личных прав своих? Цид сознает честь и мщение даже по смерти: когда жид, взошедший во храм, где в гробу лежало Цидово тело, хотел обесчестить рыцаря и взять его за бороду, чего не позволял он делать при жизни своей, – Цид мертвый схватился за меч и выдернул его из ножен. В чертах Ильи Муромца чувство личной чести не выдается над всем – нет, скорее главная черта его – служение миру. Один поэт прекрасно назвал его витязем служебной силы. В своем самоотвержении почерпает он сознание своего достоинства. Гордится в своих родителях тем только, что и они служат міру. Притворяется каликой перехожим, *незнамым* человеком; но когда недостойные, пронырливые витязи при дворе Владимира хотят отнять у него славу победы над Соловьем-разбойником, тогда и в нем просыпается личное чувство, – и он готов положить голову во неправде перед лицом всего народа. Он признает в себе личность не как личность, а как необходимое орудие служения пользе общей. Он не выдает ее сам наружу, а объявляет ее лишь тогда, когда хотят у него отнять полезный подвиг и обличить его в неправде и самохвальстве. Впрочем, до́лжно заметить, что в сказке одни только неважные витязи, судя по их именам, как, например, Сухан Домантьевич да братья Збродовичи, и другие в их роде не хотели признать Ильи Муромца. Добрыня Никитич, напротив, дружится с ним, – и мы уверены, что сам честный и благородный Цид, если бы познакомился с нашим кротким, безобидным и бескорыстным Ильею, не отказался бы протянуть ему свою рыцарскую руку в знак уважения.

Предание, которым заключена была последняя лекция, о том, отчего перевелись витязи на Святой Руси, указывает, как мы заметили, на ту мысль: каким образом сила телесная русского народа, сражавшаяся с дикими ордами грубых племен Азии и с остатками язычества, в Древней Руси уступила наконец сама силе духовной, покрывшей всю нашу землю.

Дополнения. Я изучал наши песни и сказки, касающиеся русских витязей, по известному сборнику песен Кирши Дани-

лова, по другим народным памятникам, уже тогда изданным, наконец, по собственным воспоминаниям, которые во всяком русском человеке, чье воспитание не было отторгнуто от жизни народа, остаются от его детства. Но с тех пор издано было еще несколько так называемых былин, или *побывальщин*, про наших витязей в «Москвитянине», в «Московском сборнике» и особенно в «Известиях академии». В некоторых былинах наши древние витязи, и особенно Илья Муромец, сохраняют свой прежний идеальный характер, но в других, до́лжно признаться – этот образ, и особенно прекрасный образ Ильи, совершенно исказился. Скажем сначала о первых.

Былины, сохраняющие образ Ильи. В былине про Василису Данилову Илья Муромец честно и прямо противоречит коварному совету, который Мишатка Путятин дает князю Владимиру, чтобы он отнял у Данилы Денисьевича его молодую жену Василису. Сильно предсказание Ильи:

Уж ты, батюшка Владимир князь,
Изведешь ты яснова сокола,
Не пымать тебе белой лебеди!

Оно сбывается. Данила и Василиса погибают оба булатным ножом и тем спасают себя от позора и бесчестия. Илья же за прямое слово свое высидел в темном погребе, но потом оправдан перед князем и пожалован от него шубой соболиною (26).

В другой песне про Илью Муромца, носящей на себе все признаки глубокой древности, изображена его борьба с могучим богатырем Жидовином, имеющая отношение к древней нашей борьбе с козарами, принадлежавшими к жидовской вере, и к борьбе с евреями, которые от самого начала христианства до времени появления жидовской ереси осаждали русский народ, всегда резко выражавший их учению свое противочувствие. Под Киевом витязи стерегут заставу Русской земли, и атаманом их – Илья Муромец. Добрыня в чистом поле, *по ископыти* (то есть по яме, выбитой конским копытом) величиною в полпечи узнает, что проехал заставу Жидовин,

могуч богатырь. Надобно сразиться с нахвальщиком, а кого послать? Не Ваську долгополого, по-видимому, дьяка или грамотея, потому что он только в долгих полах своих запутается; не Гришку, боярского сына, потому что боярские роды хвастливые и Гришка на бою призахвастается; не Алешу Поповича, потому что он увидит на нахвальщике много злата, серебра, злату позавидует – и погинет по-напрасному. Положили ехать Добрыне, но неудачен был опыт: конь его испугался и на коленца пал. Потому что при появлении богатыря

Сыра мать земля всколебалася,
Из озер вода выливалася!

Тогда уже решился ехать сам Илья Муромец. Но и он не устоял своею телесною силою: поскользнулся в продолжительной борьбе и пал на сыру землю. Тогда богатырь-нахвальщик сел Илье на белы груди и уже сбирался вспороть их кинжалищем булатным, как Илья вспомнил о словах Писания и сказал:

Да не ладно у святых отцов написано,
Не ладно у апостолов удумано:
Написано было у святых отцов,
Удумано было у апостолов:
Не бывать Илье в чистом поле убитому,
А теперь Илья под богатырем!

Воспоминание о словах Писания, вера в его силу и истину спасает Илью мгновенно. В нем прибыло силы *втрое* – и он сшиб с себя Жидовина и отсек ему голову.

Здесь Илья опять является служебною силою народа русского; он верен совершенно своему прежнему характеру (27).

Былины, исказившие его образ. Но в других былинах, на которых ясно видны наросты позднейшего времени, едва ли не подходящие к нашему, Илья, к сожалению, уже во многом изменил свой благородный характер и весьма часто явля-

ется подверженным грубому пороку пьянства. Так, в былине про него и про Ермака Тимофеевича Илья, посланный Владимиром на Куликово поле за богатырями, чтобы прогнать царя Мамая, зашел в шатер к витязям; они поднесли ему чару вина, а его с той чары хмель зашиб, и вместо помощи Владимиру он опочив держит в шатре:

Богатырской сон по двенадцать ден!

Песня, по всем признакам, носит на себе следы позднейшего происхождения.

В другой былине Илья привозит побежденного Соловья-разбойника ко двору Владимира, который принимает его уже не с тем почетом, как прежде, зовет шельщиной, деревенщиной и сам не дает веры его подвигу. На пиру у князя Илья напивается пьян, бесчинствует, а в заключение избил всех гостей до единого <…>.

Но трудно найти былины, в которых бы прекрасный образ Ильи так был опозорен и обесчещен, как две, записанные г. Верещагиным в гор. Онеге. Здесь к пьянству присоединились в Илье всевозможные пороки, так что нашего прежнего народного витязя в нем решительно узнать нельзя, и сам он нечестно погибает от своего незаконного сына (28).

Порок пьянства в этих былинах, кроме Ильи, овладел и другими витязями. Так, например, в былине про Дуная Ивановича и жену его Настасью, записанной также в гор. Онеге, и благородный Дунай, идучи в Киев-град, заходит на царев кабак, пропивает шляпу греческую, сапоги сафьянные, с себя все платье цветное и сидит в одной рогожке. А новый богатырь этих былин, искаженных народным пьянством, Василий Казнерович, освобождающий Киев от царя Батыя, перепивает уже всех витязей! Он просит князя Володимира поднести ему чарочку похмельную, которой чарой пьет Илья Муромец, а Илья пьет чарой в полсёма ведра. Василий выпивает ее досуха и просит поднести еще заздравную чарочку, которою пьет Добрыня Никитич, а он пьет чарой в полпята ведра – и

эту чару Василий выпивает досуха. Затем он просит у князя еще третьей чарочки веселой, которою пьет Олеша Попович, а Олеша пьет чару в полтретья ведра, и эту чару выпивал Василей досуха – и, перепивши трех славных витязей, он идет наконец супротив Мамая.

Грустно читать эти былины, в которых наш народ, безнадежно преданный пороку пьянства, сам искажает идеальный нравственный образ своего витязя Ильи, которым он прежде так дорожил.

Светлый образ песни народа тускнеет нередко от нечистого дыхания его жизни. Премудр был древний обычай императоров Китая собирать народные песни и судить по ним о нравах и обычаях народа (29). До древней нашей идеальной песни надобно доходить в народе уже с некоторым усилием; но она совершенно погибнуть не может и все-таки откликается и сказывается иногда русскому сердцу (30).

Отрезвление народа, пробуждающегося в наше время после долгого упоения и усыпления, надеемся, очистит со временем и его песню и возвратит ей ее светлый древний характер.

Духовные песни, или стихи. От богатырских песен, как будто бы от темного мира борьбы с грубыми силами вражиими, мы перейдем теперь к миру светлому и спокойному, который нам открывается в *духовных песнях* русского народа. Эпизод о них мы вставляем также в эпоху Владимирову, потому что основная мысль и чувство, их проникающие, имеют начало свое в главном событии эпохи – в принятии Христовой веры. К тому же до́лжно сказать, что многие из них носят на себе признаки глубочайшей древности.

Иначе эти песни называются *стихами*. Их поют одни слепые нищие, собирая милостыню у монастырей, у храмов Божиих в праздничные дни, на народных съездах. До сих пор никто не обращал на них внимания, напротив – все, кроме простого народа, пренебрегали однообразными звуками, не предполагая, чтобы в них могло таиться что-нибудь достойное науки. Но не так думал Петр Васильевич Киреевский: он, соединив любознательность ученого с глубоким чувством

любви к своему народу, прислушивался терпеливо к этим песням, передал их бумаге и открыл в них красоты, которых и не подозревали. Я обязан выразить благодарность скромному собирателю, потому что без его труда я не мог бы ничего предложить моим слушателям об этих песнях. Благодаря О. М. Бодянскому они были изданы Обществом истории и древностей российских (31).

Передавая их, я предупреждаю, что здесь до́лжно видеть не верования народа, а поэтическую фантазию. По предубеждениям, господствующим у нас, боюсь, чтобы не приписали вере народа того, что есть плод его чистой и невинной мечты, и чтобы отсюда тотчас не вывели всегда готовых заключений о его невежестве. Но притом, конечно, следует заметить, что все образы этой поэтической фантазии заимствуют свое глубокое значение в основах веры.

Число *стихов* весьма обильно. Содержание иных почерпнуто из недоступных источников: хотя в основе их таится мысль христианская, но нельзя не заметить примеси языческих преданий. Предметы других ясно взяты из Ветхого и Нового Завета, из житий святых, из богослужебных песней, даже из сочинений духовных (32). Время не позволит нам, конечно, обозреть все. Мы кинем взгляд на важнейшие. Но в течение курса будем еще к ним возвращаться, потому что многие хотя и заимствуют предметы из священных преданий, однако обнаруживают применение к разным событиям русской истории.

Важнейшие стихи: *о Голубиной книге* и о *Страшном Суде*. В первом поэтическая дума народа о начале мира; во втором – картина его кончины: две главные мысли его жизни, два существенных вопроса души его. Мы обратим на них особенное внимание.

Стих о Голубиной книге. Первый стих носит на себе следы глубокой древности. Это род поэтической космогонии народа, которой образы облечены в мысль христианскую. Действие происходит в Иерусалиме. Смешаны вместе эпохи Давида, Захарии, Владимира. Песня не знает времени. Совершается диво на небе. Встает с востока и с полудня *туча сильна грозная*...

Она разверзается, и выходит из нее исполинская книга, Божественное Писание. Так фантазия народа представляет, что все Небо, то есть все высшие духовные силы, невидимо участвовали в создании этой книги, которая покрывает вселенную.

Около нее сходится собор царей и царевичей, князей и князевичей, собор духовный, и *много народу, людей мелкиих, христиан православныих*. Но никто не смеет приступить к Божественной книге, никто не в силах разогнуть ее. Тогда из царского собора подходит к ней премудрый царь Давид Иессеевич:

До Божьей до книги он доступается,
Перед ним книга разгибается,
Все Божественное Писание ему объявляется.

С другой стороны подходит к ней, также из царского собора, князь Владимир, креститель Русской земли. Мы видели, как в богатырских своих песнях народ славит Владимира именем ласкового: здесь мы увидим, как он разумеет и славит его премудрость.

Начинается в присутствии народа беседа между двумя царями – тем, которому в Ветхом Завете была пророчески открыта истина христианская, и тем, которому, первому, была открыта она в нашей земле. Владимир просит Давида объяснить ему дела Божии:

Про наше житие про святорусское,
Про наше житие свету вольного.

Он предлагает ему вопросы о начале явлений мира и человека. Как в этих вопросах выражается пытливая мысль того народа, от лица которого они предлагаются! Вот они:

Отчего у нас белый, вольный свет?
Отчего у нас солнце красное?
Отчего у нас млад светел месяц?

Отчего у нас звезды частые?
Отчего у нас ночи темные?
Отчего у нас зори утренни?
………………………………
Отчего у нас ум-разум?
Отчего наши помыслы?
Отчего у нас мир-народ?
Отчего кости крепкие?
Отчего телеса наши?
Отчего кровь руда наша?

Так разрешает народ русский эти вопросы в своей поэтической думе:

У нас белый свет от Господа,
Самого Христа, Царя Небесного;
Солнце красное от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад, светел месяц от грудей Божиих,
Самого Христа, Царя Небесного;
Звезды частые от риз Божиих,
Самого Христа, Царя Небесного;
Ночи темные от дум Господниих,
Самого Христа, Царя Небесного;
Зóри утренни от очей Господниих,
Самого Христа, Царя Небесного;
У нас ум-разум Самого Христа,
Самого Христа, Царя небесного;
Наши помыслы от облак небесных;
У нас мир народ от Адамия,
Кости крепкие от камени,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь-руда наша от Черна моря.

Так все прекрасные, светлые явления мира претворяются в Христовы символы в воображении народа русского. Свой

ум-разум он облекает в Христову силу, по словам самого апостола[1]; свои же помыслы человеческие сравнивает с летучими небесными облаками (33).

Затем следуют вопросы другого рода – вопросы любопытства. Пытливое воображение русское, желая дойти до первого во всяком важном явлении жизни и природы, спрашивает: который царь над царями царь? Который город всем городам отец? Которая церковь всем церквам мати? Которая река всем рекам мати? Такие же вопросы следуют о горе, о дереве, о траве, рыбе, море, звере, птице.

«У нас Белый царь над царями царь», – отвечает народ, и вот причина:

Что он принял веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За дом Пресвятыя Богородицы,
Все орды ему преклонилися,
Все языцы ему покорилися:
Потому белый царь над царями царь.

Так признание власти и покорность ей в русском народе основаны на той уверенности, что она есть первая хранительница православной веры. Город всем городам отец – Иерусалим: в нем совершилось искупление, и он стоит середи земли (34). Мать всех церквей та, где гробница Христова и почивают Его ризы. Иордан – мать всем рекам: в ней Христос окрестился в присутствии всей небесной силы, Фавор-гора – всем горам мать: на ней Христос преобразился и показал славу ученикам Своим. Кипарис-дерево – мать всем деревам, потому что на кипарисе, по преданию, был распят Спаситель. Так всякое явление в жизни и природе относится ко Христу и от Него только заимствует свое первенство и значение.

Исполнено особенной прелести и умиления предание о траве, которая всем травам мать:

[1] Мы же ум Христов имамы (1 Кор. 2, 16).

Плакун-трава всем травам мати,
Потому она всем травам мати:
Когда шел Христос на распятие,
Мать Пресвятая Богородица,
На сырой земле стоючи,
Плакала, рыдала,
Ронила слезы на сырую землю;
От тех от слез от пречистыих
Зарождалася плакун-трава:
Потому плакун-трава всем травам мати (35).

Почти рядом с этой картиной, где чувство веры облечено в прелестный поэтический образ, выступает другая величественная. Океан-море всем морям мати, потому что из него выходила церковь соборная святого Климента, попа Римского, и в той церкви соборной явились книги Самого Христа, Царя небесного. Это место в песне тем особенно замечательно, что напоминает предание, находящееся в житии св. Кирилла, первоучителя славянской грамоты, где сказано, что св. Кирилл, пришед в Херсонес Таврический, нашел здесь Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, а потом извлек из моря мощи св. Климента (36).

Следуют три предания о животных, обличающие языческое происхождение. Кит-рыба всем рыбам мать: на ней основана земля; кит-рыба потронется, вся земля восколеблется (37). Родоначальник всех зверей – Индрик (38): он подземный инженер, ходит по подземелью, *пропущает реки, кладязи студеные*, сам живет во Святой горе, водит в ней детей и молится Богу за Святую гору (39). По варианту, слышанному мною недавно от слепца Сергея в Клинском уезде, этот зверь живет на святой горе Синайской, и вот еще на чем основано его первенство над всеми зверями:

Когда этот зверь возыграется,
Вся земля вострепехнется,
И все зверья порасходятся,

И все ужасти откроются,
Все зверья ему преклонные.

Мать всем птицам – *Истрофил*-птица (строус): она живет на Синем море, топит корабли гостиные со товарами драгоценными, пьет, ест из синя моря, водит на нем детей и Богу молится за сине море. А по тому же варианту, мною недавно слышанному:

Когда тая птица воспустит свой глас,
По той земле пойдет благодатный дух,
Все птицы воспеваются
И все жизни наслаждаются.

Последняя часть беседы между двумя царями касается основного закона жизни человеческой – Правды. Приняв ответы, царь Владимир рассказывает свой сон царю Давиду: ему виделось, что два зверя сходились и дрались между собою: бел заяц и сер заяц. Так изъясняется этот сон царем Давидом:

А не два зверя соходилися,
И не бел заяц и не сер заяц,
Соходилася Правда с Кривдою;
Правда Кривду переспорила;
Кривда оставалась на сырой земле,
А Правда пошла поднебесью,
К Самому Христу, Царю Небесному (40).
Кто будет Кривдой жить,
Тот отчаянный от Господа,
Та душа не наследует
Себе Царства Небесного;
А кто будет Правдой жить,
Тот причаянный ко Господу,
Та душа и наследует
Себе Царство Небесное.

Старым людям на послушанье,
А молодым людям для памяти.

Стих о расставаньи души с телом. От стихов, в которых фантазия русского народа определяет начало и основу мира видимого и невидимого, перейдем к другим, противоположным, где она касается вопросов о кончине мира и будущем жребии нашей земли. На переходе к этим стихам мы поставим стих, который имеет предметом кончину каждого человека, расставанье души его с телом. Вот в каком светлом образе представляется смерть воображению русского народа

Солнышко на закат пошло,
Красное закатилося,
Душа с телом расставалася,
Отошедши она, телу поклонилася:
«Ты прости, мое тело белое;
Тебе, тело белое, лежать во сырой земле,
Станут точить тебя, тело, черви сыпучие,
Сыпучие, неутолимые;
А мне, душе, идти к Самому Христу,
К Самому Христу, Судье праведному (41).

Как глубока и чиста должна быть душа того народа, который так светло изображает конечное мгновение жизни человеческой! Этот последний поклон души телу, в котором она жила, страдала и наслаждалась, это прощание с ним, соболезнование о нем показывают то человеческое уважение, которое наш народ способен питать к телу как храму Духа, по слову апостола. Но все эти чувства уступают место твердой уверенности в бессмертии, которая покрывает своим сиянием весь грустный образ.

Плач Земли перед Богом. Стих о Страшном Суде, изображающий кончину мира, в устах нашего народа существует в значительных отрывках, которые хотя трудно, но связываются мыслью в одно большое целое. Постараюсь представить

их в этой связи. Мне кажется, что самому стиху о Страшном Суде можно предпослать в виде прелюдии *Плач Земли перед Богом*, отягченной грехами человеческими.

Земля жалуется Господу на множество грешников, и Господь подкрепляет ее терпением. Вот самый стих:

Расступилась, расплакалась
Матушка Сыра Земля
Перед Господом Богом:
«Тяжел-то мне, тяжел, Господи, вольный свет;
Тяжел – много грешников, боле беззаконников».
Речет же Сам Господь Сырой Земле:
«Потерпи же ты, Матушка Сыра Земля!
Не придут ли рабы грешники
К Самому Богу с чистым покаянием?
Ежели придут, прибавлю Я им свету вольного,
Царство Небесное.
Ежели не придут ко Мне к Богу,
Убавлю Я им свету вольного,
Прибавлю Я им муки вечныя».

Понятие о Боге, какое выражает христианский народ в своих поэтических думах, разумеется, зависит от того воспитания, какое дает ему Церковь. Воспитанный духовною матерью мягкою, кроткою, любящею, снисходительною, такое понятие составит он и о Боге – и мы можем это заметить в приведенном стихе, где Бог представлен милующим грешника до конца и ободряющим землю к терпению.

В «Православном собеседнике» (1858, август) напечатано в «Памятниках древнерусской духовной письменности»[1]

[1] Отчего не словесности? «Письменность» есть русский перевод иностранного слова «литература». Словесность есть наше русское слово. Если словом «письменность» хотят издатели выразить *мнимый* мертвый характер этих памятников, уступая мнению тех, которые говорят, что эти памятники не имели никакого влияния на жизнь народа, то напечатанные здесь *два слова о деннонощной молитве* служат ярким опровержением такому ложному воззрению.

прекрасное «Слово от видения апостола Павла», которое показывает, что источником народному стиху «Плач Земли перед Богом» было церковное слово. Вот его содержание. Слово начинается укором от Господа: «Вся тварь велению Божию повинуется; только люди преступают заповедь Божию». Солнце много раз молилось Богу, говоря: «Господи, все содержащий! Доколе терпеть будешь неправды человеков и беззакония многие? Вели, Господи, и их пожгу, чтобы не творили зла». Голос был к Солнцу: «Я все это знаю, и видит око Мое, но терплю, даруя покаяния время; если не покаются, буду судить их». Месяц и звезды жалуются также на ужасы, ночью совершаемые людьми, и просят погубить их. Господь и их успокаивает. Море и реки о том же вопиют к Господу. Наконец Земля жалуется более всех; но и ее жалоба усмирена долготерпением Божиим. Затем следует прекрасный образ ангелов, отдающих отчет Богу о делах человеческих, совершаемых днем и ночью.

Сближение с итальянским стихотворением. Я позволю себе сравнить наш народный стих с произведением итальянской поэзии XIII века подобного содержания. Оно принадлежит феррарскому поэту Антонию деи Беккари. Это разговор между поэтом, Богом и Божиею Матерью о кончине мира. Поэт спрашивает Господа: отчего до сих пор меч небесного правосудия не покарал преступного мира? – и вот как отвечает Бог, по народным понятиям итальянского поэта в XIII веке:

Io son Colui che veggio ogni segreto;
Io son Colui che l'universo abbraccio;
Io son Colui che scaccio
Ogni perversita fuor del mio regno.
Nessun potra campar dal mío Decreto,
Ch'io non lo faccia strugger più che ghiaccio.
Dall' eterno mio laccio
Non vi dissolverà forza, nè ingegno
Voi considerate pur, genti, ch'io dorraa,
Perchè sto tanto dal suonar la tromba,

Ma si non corre fromba,
Come va lieve il tempo.
L'ultimo di parrà troppo per tempo.
Io son Colui che v'apersi le porte
Di Paradiso, o, falsi Cristiani,
Che come lupi e cani
Vi pensate tuttora divorare.
Or che mi vale il mondo tempestare
Con gran tremueti, e tuoni, e gran diluvii
E soperchianti fluvii?
Che del mal far non fate voi mai resta,
Finchè la spada non v'è sulla testa (42).

«Я Тот, Который вижу всякую тайну; Я Тот, Который объемлю Вселенную; Я Тот, Который изгоняю из Моего царствия всякое нечестие. Никто не может избавиться от Моего определения: скорее, чем лед, он у Меня растает. От вечных уз Моих не освободит вас ни сила, ни разум... А! народы, вы думаете, Я сплю, потому что медлю голосом трубы. Но так быстро праща не летит, как летит время. Последний день явится слишком скоро...

Не Я ли отверз вам двери рая, лжехристиане, а вы, как волки и псы, только и думаете о том, чтобы пожирать друг друга! К чему Мне обуревать мир великим трусом, громом, наводнениями? Вы не перестанете никогда делать злое, покамест меч не повиснет над вашими головами».

Как в этих словах раздраженного гневом Бога еще раздаются остатки языческих перунов Юпитера Ватиканского! Тем умилительнее потом следует речь Божией Матери, Которая, напоминая Господу о святом млеке, Его питавшем, старается молитвами своими смягчить ярость Его гнева. Но понятно становится отсюда, как народ Италии, привыкший созерцать Бога в грозном лице видимого главы Церкви, всегда облеченного неприступною властью, забывал иногда имя Спасителя перед именем Божией Матери. Понятно отсюда народное значение итальянской Мадонны, Которая неред-

ко является в южном искусстве заступницею народа против стрел карающего Бога (49).

Стих о Страшном Суде. Конечно, изо всех евангельских сказаний наиболее поражает воображение христианина картина Страшного Суда. Сколько раз последняя труба архангела тревожила сон русского отрока, воспитанного под влиянием евангельских преданий! Сколько вдохновений эта мысль подавала искусству! В X веке, который ожидал кончины мира, эта картина, до́лжно полагать, в первый раз написана была в Византии. Оттуда перешла она в Италию вместе с первыми началами искусства и одушевляла кисть Джиотто, Андрея Орканьи, Микеланджело и поэтический гений Данта.

У нас эта картина принадлежит к числу народных изображений. Древность ее несомненна и засвидетельствована летописцем. Она действовала на воображение Владимира. Имя Руси, до сих пор стоящее ошуюю, есть обстоятельство замечательное, имеющее отношение к летописному сказанию. Есть некоторое сходство между народною картиною и стихом, который касается того же предмета (44). Вероятно, византийская живопись одушевляла отчасти народную фантазию.

Вот содержание стиха. Михаил Архангел сходит на гору Синайскую[1], как на гору закона, и будит мертвых из гробов. Отверзается небо: нисходит Богородица в сонме ангелов; они сносят на землю Крест, на котором был распят Христос, Крест – символ искупления, осуждающий нераскаянных грешников. Потом является и сам Суд. Суд передан верно по слову евангельскому. Праведные идут в рай, и Божия Матерь встречает их. Грешные осуждены на вечную муку; но, прежде чем идти в нее, они с мольбою обращаются к Михаилу Архангелу, чтобы он заступился за них перед Судиею, – но Архангел отвергает их молитву.

Грешники обращаются к праведникам, но праведники не смеют молить за них Бога. Тогда отверженные прибегают к Заступнице всего рода человеческого – и Она, тронутая их мольбами, молит Судию, чтобы Он ради Ея помиловал мно-

[1] Так в варианте, мною слышанном от того же слепца Сергея.

гогрешный народ погибающий. Господь соглашается помиловать их, если только Матерь Его захочет во вторые видеть Его на распятии. Но Она не в силах вынести того в другой раз. Грешники осуждены.

Тогда начинается их глубоко знаменательное прощание со всем тем, что христианину в этом мире было драгоценно. Они прощаются с мыслью о рае, с пищею райскою, с Животворящим Крестом, с крестным знамением, которого лишаются, с Заступницею Пресвятою Богородицей, с Иисусом Христом, с Иоанном Предтечей, с архангелами, ангелами, херувимами, серафимами и всей Силой Небесной, со всеми святыми и праведными, с пророками, апостолами, мучениками, страстотерпцами, пустынными жителями, со всеми угодниками Божиими. Вот последние слова этого чудного прощания, в котором русский человек глубоко изобразил, как тяжко ему, отверженному, будет отрывать от своего сердца всю святыню мира христианского:

Простите, наследницы все Божии!
Царствуйте вы вовеки в Царствии Небесном!
Вашему Царству не будет конца!
А уже мы, грешные,
Вашего Царства лишаемся...

После этого слезного прощания так изображена в стихе кончина мира и вечная смерть грешников:

От востока солнца до западу
Протечет река-Сион огненная:
Протечет она, яко гром прогремит.
Тогда ангелы, архангелы преустрáшатся,
Херувимы, серафимы преужáснутся,
И вся Сила Небесная
Вострепещется, восколеблется;
Понесет сия река огненная

Человека многогрешного
По мукам по разноличным;
Повелит Господь всем ангелам, архангелам,
Брега с места содвигнути,
Повелит Господь перстьем засы́пати,
Святым духам замура́вити,
Чтоб от грешных было не слышати
Ни зыку, ни крику, ни рыдания.

Так в этой шумной кончине мира грешные исчезли с лица земли; но на отчаянной картине не может остановиться воображение народа, воспитанного любящей Церковью, а, верное евангельскому откровению, оно успокаивается на мысли о земле новой, убеленной. Вот отрывок, который, по моему мнению, мог бы достойно заключить стих о Страшном Суде. Я передаю вам то, что слышал сам из уст семидесятилетней крестьянки:

Было добро, да миновалося;
Будет добро, того долго ждать.
И речет Пресвятая Богородица,
Святая Жена милосердия:
«Рабы де вы мои христолюбивые!
Поимейте веру христианскую:
И верою и любовию
Поимейте друг друга и брат брата
И сын отца и мать свою!
За вашу веру христианскую
Сошлет Господи пророчество:
Илью пророка, и Онофрия,
И станут святые пророчити,
И со́йдет на землю бездушный бог,
Бездушный бог, Антихристо́с:
Он исколет святое пророчество.
От той-то от святой о́т крови
Загорится матушка сыра земля;

С восхода загорится до запада,
С полудня загорится да до́ ночи:
И выгорят горы со раздольями,
И выгорят лесы темные.
И сошлет Господи потопия,
И на три дни, на три месяца,
И вымоют матушку сыру землю,
Аки харатью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную,
Аки вдовицу благочестивую (45).

На этом светлом образе земли, очищенной огнем и водою, успокаивается воображение русского народа, взволнованное всеми ужасами кончины мира.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ, СОДЕРЖАЩАЯ СТОЛЕТИЯ XI И XII

ЛЕКЦИЯ ШЕСТАЯ

Выводы из предыдущего. – Черты русской фантазии в народных песнях. – XI век. – Предания о волхвах. – Подвиги князей на пользу духовного образования. – Остромирово Евангелие. – Изборник Святославов. – Поучение Луки Жидяты. – Основание монастыря Киево-Печерского. – Антоний. – Представители словесности в XI веке. – Иларион. – Сочинения его. – Содержание их: Закон и Благодать. – Всемирное значение христианства. – Богочеловечество Иисуса Христа. – Новые народы для христианства, как новые мехи. – В числе их и русские. – Похвала Владимиру. – Молитва к Богу. – Исповедание веры. – Феодосий. – Борьба с семейным началом. – Феодосий-инок. – Последняя борьба с матерью. – Пещера днепровская. – Феодосий-игумен. – Студийский устав. – Различие в монастырях наших и западных. – Деятельность Феодосия. – Отношение его к князьям. – Отношение к народу. – Кончина Феодосия. – Сочинение Феодосия. – Иаков-черноризец и его сочинения. – Приход Нестора в обитель

Выводы из предыдущего. Мы познакомились отчасти с историческими и духовными песнями русского народа, которых зачало в отношении к эпохе и к основной мысли таится в X веке, во временах Владимира I. Все обозрение наше соответствовало двум половинам самых песен. Одна из них, еще темная, полуязыческая, представляет развитие сил телесных в борьбе с диким насилием и с самим язычеством; другая, светлая, берет начало свое из христианства и представляет об-

разы мира чистого и духовного. Не две ли это стороны самой жизни нашего народа, которые так ярко отражаются в древнейшем истоке его первоначальной песни?

Черты русской фантазии в народных песнях. Впечатления при изучении содержания песен препятствуют мысли отделяться от них и сокращаться в заключительных выводах. Теперь нам удобнее это сделать и определить главные черты народной фантазии, как она является в самом зачале, еще нетронутая никаким чуждым влиянием. В первой половине, в богатырских песнях, фантазия представляет, с одной стороны, образы ярко преувеличенные, с другой – естественные, снятые с природы. Дуб, например, часто бывает изломан стрелою в черенья ножевые. Огромный лук несут десять человек. Пьют и едят витязи не в меру людям. Яркие следы родства с фантазиею Востока видны в этих картинах. Но есть и другие, напоминающие естественность, дружбу с природою фантазии греческой: приведем на память стрелянье из лука, сходное с гомерическим, чертоги и пиры Владимировы. Можно было бы поставить фантазию наших богатырских песен на переходной границе от Востока к Греции. Затем выдаются еще две яркие черты: резвая ироническая шутка, по большей части добродушная, – и хитрая, всесторонняя оборотливость, особенно заметная в песнях кудеснических. По этим чертам можно заранее заключить о народе, что он совместит в себе Азию и Европу и явится между ними посредником; что он в произведениях поэтических разовьет особенно дар комедии; что он в сношениях с народами мира раскроет ту же оборотливость, какую раскрывали его волхвы в употреблении сил природы, и также прикидываться будет оборотнем, то итальянским, то французским, то немецким, то английским, то каким хотите, особенно в отдельных лицах, не изменяя в целом своей народной самостоятельности.

Заметим теперь черты фантазии в другой светлой половине первоначальных народных песен. Кто-то, может быть не совсем в благосклонном смысле, назвал их *детскими*. Он только угадал мысль мою. Точно, младенчески ясная простота составляет их основную черту. Да, это фантазия младенца, но одного из тех, о которых сказал Спаситель, что им открыто

будет то, что утаено от премудрых и разумных. Да, это фантазия младенца, по глубоким взорам которого можно уже заключить, что когда он вырастет силами духа, то прострет пытливую мысль свою на глубокие вопросы о мире в человеке. Это фантазия народа, который, не отказываясь от вопросов разума, основу жизни своей утвердит в вере; но, покорный ее же началу, выше всего поставит любовь, которая все терпит и все прощает. В чистых образах этой фантазии таится начало мысли о примирении любви и правды, почерпнутое из самой глубины христианства. Разум и сердце, утомленные вопросами о борьбе духа и тела, о власти греха на земле, о суде миру, успокаиваются на светлых видениях души, примиряющейся с телом перед разлукою, – Бога, подкрепляющего землю в ее страданиях от человеческого зла, – самой земли, убеленной и очищенной.

Радуюсь тому, если указание на эти сокровища народной поэзии возбудило в моих слушателях сочувствие к самому народу в его первобытных поэтических думах. К сожалению, мы добровольно отрекаемся от этих сокровищ, не зная цены им. Я благодарю науку Запада за то, что она изучением красот его поэзии помогла мне открыть особенные черты в красотах нашей поэзии народной и внести какой-нибудь луч мысли в ее самородные создания. Желаю, чтобы новые поколения обращались к этому чистому источнику, который глубок и светел, как Волга, когда она только что выбилась из недр; а в нем может быть зародыш того, о чем еще не гадала поэзия иных племен. Но вспомним, что младенчески чистое может быть возвращено жизни только душою, также младенчески чистою.

XI век. От X века мы переходим в XI. Прежде чем говорить о памятниках словесности, обратим взгляд на народное образование и здесь укажем сначала на грубые следы язычества, отчасти нам уже известные. Они ярко видны в преданиях летописи, связывают предыдущий век с последующим и оправдывают мой взгляд на одну сторону наших богатырских преданий.

Предания о волхвах. В 1024 году волхвы в Суздале, страдавшем от голода, избивают старых баб, приписывая им это несчастие. Ярослав приезжает в Суздаль, расточает убийц, грабит их домы, казнит некоторых и утверждает в народе мне-

ние, что один только Бог наводит бедствия на человеков. В 1071 году волхв приходит к Киеву и пророчит в народе, что на пятое лето Днепр потечет назад, что Греческая земля станет на месте Русской, а Русская – на месте Греческой. Как в голосе этого кудесника раздаются современные мнения тех, которые противились влиянию греческого образования на русское! Пророк пропал без вести. В то же время два волхва приходят из Ярославля в Ростовскую область, также в голодную пору, и убивают лучших жен, уверяя, что они в самих себе содержат жито, мед и рыбу. Ян Вышатич преследует этих волхвов в Белозерских лесах и состязается с ними о создании человека. Они обнаруживают ему мнения свои, что Сатана спорил с Богом, кто сотворит человека; что дьявол сотворил его, а Бог вложил в него душу; что они веруют в Бога не небесного, а сидящего в бездне, в Антихриста. Ян подверг кудесников разным мукам, обличив предсказания их богов, и предал их мщению тех, чьи матери и жены погибли от рук их. Другой кудесник, в чуди, волхвуя одному новгородцу, говорит, что боги их живут в бездне, черные, крылатые и хвостатые. В Новгороде является волхв и привлекает народ обещанием пройти по Волхову. Епископ Феодор выходит с крестом середи народа и вызывает верующих в волхва идти к нему, а неверующих остаться у креста. Князь Глеб и дружина его идут к епископу; народ – к волхву. Но топор князя решает перед людьми судьбу кудесника (1).

Из этих событий мы видим, что волхвы в народе имели еще большую силу, потому что сами князья и воеводы боролись с ними; что особенную ненависть питали они к женщинам, которые, по словам летописца (2), также занимались волхвованиями; что верили они в злое начало и поклонялись ему, олицетворяя его в подземных бесах; что преимущественно являлись они около тех мест, где жили меря, весь и другие чудские племена; что действовали, однако, во всех русских городах: в Киеве, Суздале, Ростове, Ярославле, Новгороде; что власти и дружина боролись с ними, а духовенство действовало на народ одною верою (3).

Подвиг князей на пользу духовного образования. От темной стороны XI века мы перейдем к его стороне светлой. В нашу историю входят не шумные дела князей, дела войны

и политики, но мирные подвиги их на поприще духовного образования. Мы упоминаем только о двигателях сего последнего. Итак, в XI веке помянем же с благодарностью Ярослава за то, что он премудро продолжал дело отца своего, прилежал книгам, читал их часто ночью и днем, собирал писцов, прелагал книги с греческого на славянский язык, списывал многие, учредил книгохранилище при Святой Софии, которую создал сам, украсил златом и сребром, сосудами церковными, пением демественным, греческою живописью, любил и чтил духовенство, открыл Илариона, поручал священникам учить людей благочестию, учредил в Новгороде училище на триста детей и радовался тому, что многие церкви уже осеняли разные места России и что все русские люди становились христианами (4). Летопись сохранила нам краткое и сильное его завещание к детям, исполненное одной мысли о любви друг к другу (5). Этим памятником еще более подтверждается возможность будущего, более значительного памятника – завещания Владимира Мономаха. Ко времени Ярослава относятся образцы византийской мусии, украшающие Софийскую церковь в Киеве, с греческими надписями; монета его имени с надписью «Ярославле сребро» и мраморная его гробница в Софийской церкви (6).

Остромирово Евангелие. Помянем Владимира, старшего сына Ярослава, за то, что он заложил Святую Софию в Новгороде (1045) наподобие киевской. Помянем Изяслава Ярославича за уничтожение смертной казни в законах и за содействие к основанию первого народного русского монастыря, Киево-Печерского. К его княжению относится первый значительный памятник письменности – Остромирово Евангелие, писанное в 1056 и 1057 годах в Новгороде, для посадника Остромира, дьяконом Григорием: древнейшая рукопись кирилловского письма из доселе известных с означением года. Она когда-то принадлежала новгородскому Софийскому собору; вероятно, при Иоанне Грозном, в 1570 году, вместе со многими вещами церковными из Софийской ризницы перевезена была в Москву, а может быть и позднее, при царях Михаиле Феодоровиче или Алексии Михайловиче; в Москве хранилась в дворцовой Воскресенской церкви (Воскресения Словущего), *что у Государей вверху*; в 1720 году,

сеоуже третие
ıе·ıависѧ ıс҃ оу
ченикомъ сво
имъ·въставъ
отъмьртвы
ихъ·:·—

а҃ı ѥ҃ ева·отъ иоана·гл҃а·скѕ·

Въ врѣмѧ оно·
ıависѧ ıс҃ оу
ченикомъ
своимъ·въ
ставъ отъ мь
ртвыихъ·игла
симоноу петр·:·—

Образец письмен Евангелия, писанного в 1056 году

А А Ꙗ Ꙗ Б В В Г Д Д

Є Є Є Є Ѥ Ѥ Ж Ж Ѕ Ꙃ Ꙁ

Н І К Л Л М М Н О О Ѡ

Ѡ Ѡ Ѿ Ѿ П Р Р С Т Т Ѹ

Ф Ф Х Ч Ү Ү Ү Ш Щ Ъ

Ъ Ы Ꙑ Ꙑ Ь Ѣ Ѣ Ю Ю Ѧ

Ѧ Ѩ Ѫ Ѫ Ѭ Ѯ Ѯ Ѯ Ѱ Ѳ

Ѳ Ѳ Ѵ Ѷ Ѷ а а ꙗ ꙗ ꙗ б б в в г

д є є є ѥ ж ѕ ѕ ꙁ ꙁ н і ї к л м м н о ѿ

ѿ п р р с т т ѹ ѹ ф ф х ч ч ү ъ ъ

ш щ ъ ꙑ ꙑ ї ꙑ ь ѣ ю ѧ ѩ ѫ ѭ ѯ ѯ ѱ

ѳ ѳ ѵ ѷ ѷ

для новгородского посадника Остромира

по указу Петра Великого, послана в Петербург (7); найдена была в покоях императрицы Екатерины II после ее кончины Я. А. Дружининым, и в 1806 году поднесена императору Александру; с 1811 года хранится в Императорской публичной библиотеке. В 1843 году этот величавый памятник издан А. Х. Востоковым с приложением греческого текста Евангелия, словарем и грамматикою. Мы имеем книги пророков с толкованиями в копии, снятой с рукописи, писанной в 1047 году для новгородского князя Владимира Ярославича, девятью годами прежде Остромирова Евангелия. Но самая копия относится уже к XV веку. Все исторические обстоятельства, упоминаемые в послесловии Остромирова Евангелия, будучи сличены с летописями, подтверждают достоверность памятника. Замечательно, что первая значительная рукопись, уцелевшая от кораблекрушения письменных сокровищ нашей Древней Руси, есть Евангелие. Предлагаем начало благовестия Иоаннова. Нельзя не удивляться ясности и простоте этого языка и не вспомнить с благоговением, что Русская Церковь возглашала эти слова на пасхальной литургии нашим православным братьям XI столетия:

«Искони бе Слово и Слово бе от Бога, и Бог бе Слово: се бе искони у Бога. И Темь вся бышя, и без Него ничьто же не бысть еже бысть. В Томь животе бе, и живот бе свет чловеком, и свет в тьме свьтиться, и тьма его не обят. Бысть чловек послан от Бога: имя ему Иоан. Тъ приде в съведетельство, да съведетельствуеть о Свете, да вьси веру имуть имь. Не бе тъ свет, нъ да съведетельствуеть о Свете. Бе Свет истиньныи, иже просвещаеть всякого человека грядуща в мир. В мире бе, и мир Темь бысть, и мир Его не позна. В Своя приде, и Свои его не прияшя. Елико же их прият и дасть им область чядом Божием быти верующем в имя Его. Иже ни от кръви, ни от похоти плътьскыя, ни от похоти мужьскы; но от Бога родишася. И Слово плъть бысть, и въселися в ны. И видехом славу Его: славу яко Единочядааго от Отца: испълнь благодати и истины. Иоан съведетельствова о нем, и възъва глаголя: Сь бе Егоже рех; Грядыи по мне, пред мною бысть: яко пьрвеи мене бе. И от испълнения Его, мы вьси прияхом благодать възблагодать. Яко закон Мосеомь дан бысть: благодать и истина Исус Христомь бысть» (8).

После Изяслава мы помянем с благодарностью брата его, Святослава Ярославича. Хотя в летописях он является похитителем престола, но, по другим свидетельствам, мы узнаем его любовь к книжному учению. Летописцы русский и немецкий согласно повествуют о том, как Святослав хвалился перед послами германского императора бесчисленным множеством золота, серебра и паволок. Летописец немецкий говорит, что история и не запомнит, чтобы такое богатство в одно время случилось у немецкого государя. Летописец русский влагает в уста немецким послам свою мысль: «Ни во что это богатство; мертвым лежит оно; дружина лучше, с нею добудешь более».

Изборник Святославов. В самом деле, сокровища Святослава *рассыпались розно*, по слову летописи; но уцелели два сборника из его клетей, наполненных божественными книгами. Первый, важнейший из них, «Изборник», относящийся к 1073 году, есть перевод с греческого и содержит в себе многие богословские отрывки из отцов Церкви, преимущественно из Василия Великого, Анастасия Синаита и других, также философские и риторические. Перевод был совершен болгарским славянином для болгарского царя Симеона, как это открылось из позднейшей рукописи того же «Сборника», писанной в 1445 году и найденной мною в Кирилло-Белозерском монастыре; но переписан он был для В. князя Святослава дьяком Иоанном, изменявшим болгарское правописание на русское; отсюда произошло здесь смешение правильного употребления носовых *юсов* с неправильными. Рисунки, присоединенные к этому «Изборнику», представляют первый памятник нашей книжной живописи: один из них изображает самого В. князя Святослава с супругою и пятью сыновьями, которые все, друг за другом, следуют по мере возраста. Любопытны древние их одежды, приведенные теперь в общую известность. К палеографическим материалам, изданным к столетнему юбилею Московского университета, приложены снимки некоторых листов этого памятника с изображением зодиака. «Изборник» должен быть скоро издан профессором Бодянским на иждивении просвещенного болгарина И. Н. Денко-

глу, любителя православной старины своего отечества (9). Второй сборник, писанный тем же дьяком Иоанном, но не приведенный еще в большую известность, относится к 1076 году, году кончины Святослава (10).

Недавно открыты были о. архимандритом Саввою в Типографской библиотеке две Минеи: октябрь 1096 года, писанная Григорием для новгородского Лазаревского женского монастыря, и ноябрь 1097 года, писанная Михаилом. Они еще не описаны филологически (11).

Без означения же года, по признакам палеографии, к XI же веку (а некоторые, может быть, и ранее) относятся: отрывки из житий апостола Кодрата, великомученицы Феклы, толковой Псалтири, перешедшие из Погодинского древлехранилища в Имп. публичную библиотеку, творения Григория Богослова в той же библиотеке, толковая Псалтирь Чудовской обители в Москве, Антиохов пандект монастыря Новоиерусалимского и Новгородская Софийская Минея (12).

Поучение Луки Жидяты. Самый древний памятник нашего проповедного слова есть поучение Луки Жидяты, архиепископа Новгородского, открытый и изданный Тимковским. Оно относится к первой половине XI века (1036–1059). Простота искренней веры и любви дышит во всем этом слове. Все обязанности христианина к Богу и ближнему высказаны здесь кратко и сильно. «Любовь имейте со всяким человеком, а более с братиею; не будь у тебя одно на сердце, а другое на устах; под братом ямы не рой, да Бог тебя в горшую той не вринет». До́лжно думать, что этим поучением, по обычаю времени, архиепископ приветствовал свою паству. Лучшего поучения и теперь для народа и для всех нас нельзя придумать. Заповеди в нем раскрыты с глубокомысленною полнотою и применены даже к особенным свойствам народа, как показывает следующее выражение: «Не пей не впору, но вдоволь, а не до пьянства» («Не пий без года, но здовол, а не до пианьства»).

Основание монастыря Киево-Печерского. Самое важнейшее событие в истории духовного образования России XI века есть, конечно, основание монастыря Киево-Печерского.

Но почему же это? Уже прежде существовали монастыри в России: Киево-Николаевский, учрежденный при Ольге; Киево-Златоверхо-Михайловский, основанный митрополитом Михаилом, крестителем Русской земли; Киево-Межигорский, основанный монахами, с ним пришедшими. Кроме того, известны еще Выдубицкий, воздвигнутый на том месте, где низверженный идол Перунов приплыл к берегу; новгородский Перынь, где было требище того же идола; Авраамиев, построенный на месте мерянского идола Волоса в Ростове. Но отчего же все эти монастыри не получили такой славы, какую имел всегда монастырь Киево-Печерский? Он явился рассадником образования духовного, нравственного и словесного на всю тогдашнюю Русь. В XII веке он считал уже пятьдесят епископов, которые вышли из стен его. Он в лице питомцев своих повсюду распространял веру: Леонтий насадил ее в Ростове, Кукша в земле вятичей – и оба кровью запечатлели свои подвиги. Земная власть склонялась перед этим монастырем, который, по выражению своего же питомца и пламенного приверженца епископа Симона, как море, не терпел гнилого, а изметал его вон.

Две причины этому явлению. Первую выразила летопись, передавшая нам начало самой обители: «Много монастырей, – говорит она, – поставлено от князей, от бояр и от богатства; но не таковы они, каковы поставленные слезами, пощением и молитвою. Антоний не имел ни злата, ни сребра, но стяжал слезами и постом». Другая причина заключалась в его народном начале и характере. До тех пор в России господствовали греческие монастыри. В Киево-Печерской же обители в первый раз духовная жизнь привита была к народной стихии, и вот почему через него она пустила корни во всем народе и к стенам обители привлекала все сословия. Этот монастырь был основан и устроен русскими.

Антоний. Мирянин из Любеча полюбил странствия и устремился на Святую гору Афонскую. Эта гора недалеко от Солуня, подобно острову возвышается над морем, вечно окруженная облаками. Там издревле, под покровом самого

неба, сохранялась истинная жизнь монастырская в обителях греческих и славянских. Любечский мирянин был так ею пленен, что пожелал принять иноческий образ и наречен Антонием. Общежительный монастырь Эсфигмен на Афоне до сих пор показывает недалеко от него пещеру близ моря, где подвизался св. Антоний (13). Возвратясь в Киев, он искал себе места жительства, ходил по монастырям, но не возлюбил ни единого; удалился в дебри и в горы; пришел на холм, где Иларион ископал пещерку, возлюбил это место, поселился в нем и стал в молитвах своих просить Господа, чтобы Он утвердил здесь благословение Святой горы. Слава о духовных подвигах Антония скоро разнеслась в народе, дошла и до власти. Изяслав с дружиною посетил его. Сначала собралось около Антония двенадцать человек братии: они ископали пещерку, церковь и кельи. Антоний поставил им Варлаама игумном, а сам удалился на гору, в свою пещерку. Церковь из-под земли вышла на свет, сначала в виде малой. Князь Изяслав, уступя просьбе Антония, отдал гору под монастырь. Скоро возникла церковь более пространная. Игумен Варлаам был отозван Изяславом в монастырь святого Димитрия, и тогда Антоний дал братии в игумны Феодосия, который был настоящим устроителем Печерского монастыря и ввел в него устав Студийский. Но об этом мы скажем после.

Представители словесности в XI веке. Таким образом, в подземных пещерах на берегу Днепра возникло у нас первое семя духовной иноческой жизни, перенесенное от Святой горы русским человеком. Около обители Киево-Печерской соединяются четыре писателя, принадлежащие истории словесности: Иларион, первый митрополит из русских, ископавший ту самую пещерку, которую возлюбил Антоний; Феодосий, учредитель общежития монастырского, творец поучений; Нестор-летописец, сохранивший нам вместе с преданиями о самой обители и предания о первоначальной жизни нашего Отечества. К ним присоединить можно четвертого, Иакова мниха. В них сосредоточивается почти вся наша словесность XI столетия (14).

Иларион. Немногое известно нам о жизни Илариона. Летопись говорит, что он был русский родом. Образование мог он получить в том училище, которое учредил в Киеве Владимир. Был священником в селе Берестове, любимом месте пребывания В. князя Ярослава; но часто хаживал из села на соседний днепровский холм, покрытый великим лесом. Здесь ископал он пещерку в две сажени и, удаляясь из Берестова в нее, пел часы и молился Богу втайне. Ярослав часто приезжал в свой загородный берестовский дворец, в котором скончался и отец его Владимир, и здесь коротко мог узнать Илариона, мужа благого, книжного и постника, по словам летописи. Не стало в Киеве митрополита Феопемпта. Войны с греками, как говорит летопись, препятствовали сношениям с Константинополем (15). В 1051 году Ярослав созывает собор епископов, которые по уставу апостольскому ставят Илариона митрополитом Киеву и всей Русской земле. До сих пор оставалось необъясненным, почему в лице Илариона, смиренного священника берестовского, первый русский удостоен был столь высокой чести – занять престол митрополии. Летописи не объясняли тому причины. Но в наше время, и не очень давно, она разгадана изысканиями науки. Ученые мужи Троицкой Лавры открыли сочинения первого русского митрополита Илариона.

Сочинения его. В рукописи XVI века найдены: «Слово о законе, данном чрез Моисея, и о благодати и истине, происшедшей через Иисуса Христа», к которому присовокуплена: 2) «Похвала кагану нашему Владимиру»; затем следует: 3) «Изложение веры». Сверх того, в харатейном сборнике XVI или XV века открыто «Слово святого Илариона, митрополита Киевского» (16).

Содержание их. Эти сочинения открывают нам тайну того богомыслия, которому предавался Иларион в своем уединении. Трудно вкратце изложить их содержание; но мы постараемся извлечь из них главные мысли, из которых увидим, как он всемерно и глубоко понимал христианство, как соединял с этим понятием будущее назначение своего Отечества и как по разуму веры своей достоин был той степени, на

которую возведен желанием Ярослава и духовною властию собора русских епископов.

Закон и Благодать. *Первая* мысль касается учения о законе и благодати: оно изложено согласно с посланием к галатам апостола Павла. Закон – *проуготование истины и благодати*, предтеча и слуга им; истина же и благодать – слуги будущему веку, жизни нетленной. Прежде закон, потом благодать; прежде тень, потом истина. Образ закону и благодати – Агарь и Сарра: прежде раба, потом свободная. Авраам от юности имел женою Сарру свободную, а не рабу: Бог прежде века изволил и умыслил Сына Своего послать в мир и явиться благодати. Но Сарра не рождала, была неплодна, и Божиим Промыслом определено ей родить на старость: так и безвестная мудрость Божия утаена была от ангелов и человеков. Сарра глаголала Аврааму: «Заключил меня Господь Бог не раждати; вниди к рабе моей Агари и родишь от нея». Благодать глаголала к Богу: если мне не время сойти на землю и спасти мир, сниди на гору Синай и положи закон. Послушал Авраам речи Сарриной и взошел к рабе ее Агари. Послушал и Бог словес благодати и сошел на Синай. Агарь раба родила раба Измаила. Снес Моисей от Синайской горы закон, а не благодать, тень, а не истину... Тогда *отключил* Бог ложесна Саррины, и свободная родила Исаака свободного. Посетил Бог естество человеческое; явилось безвестное и утаенное; родилась благодать и истина, а не закон, – Сын, а не раб. Отдоился отрок Исаак и окреп, и сотворил Авраам *гостивство* великое. Когда явился Христос на земли, благодать еще не окрепла, но воздоялась 30 лет, в которые Христос таился. Когда же Он отдоился и окреп, явилась благодать Божия всем человекам в иорданской реке, и Бог сотворил *гостивство* и пир великий, тельцом, упитанным от века, возлюбленным Сыном Своим, Иисус Христом, созвав на едино веселие небесных и земных, совокупив во едино ангелов и человеков. Сарра, видев сына своего, обидимого сыном рабыни, возопила к Богу: «Отжени рабу и с сыном ея!» По вознесении Иисуса Христа иудеям и христианам, живущим вместе в Ие-

русалиме, крещение благодатное бывало обидимо от обрезания законного, и благодать возопила к Богу: отжени иудеев с законом и расточи по странам! Кое общение тени с истиною, иудейству с христианством? Отгнана была Агарь раба с сыном ее Измаилом, и Исаак, сын свободной, наследником стал отцу своему Аврааму. Отгнаны были иудеи и расточены по странам, и чада благодатные, христиане, стали наследниками Богу и Отцу. Отошел свет луны воссиявшему солнцу; отошел закон явльшейся благодати; погиб ночной холод солнечной теплоте, согревшей землю. И уже не гордится в законе человечество, но в благодати пространно ходит. Иудеи при свече закона совершали свое оправдание, христиане при солнце благодати свое спасение зиждут. Иудейство тенью и законом оправдывалось, а не спасалось; христиане же истиною и благодатию не оправдываются, но спасаются. В иудеях оправдание, в христианах спасение: оправдание в сем мире, а спасение нам в будущем веке. Иудеи о земных веселились, христиане веселятся о сущих на небесах.

Все это место об отлучении иудеев от христиан, кроме своего общего значения, может иметь и значение относительное к XI столетию. Иудеи, вероятно, и до Владимира через козар, а при Владимире несомненно пытались внести к нам свою веру. Торговые сношения с ними были постоянные. В Киеве были Жидовские ворота и Жидовская улица, о чем упоминает летопись. Жиды вели торговлю в подрыв русским купцам, делали им притеснения, вводили лихоимство и монополию, имели свою синагогу, пользовались покровительством некоторых князей и отвращали многих людей от христианства. В правиле митрополита Иоанна предписывается не продавать христиан жидам. Феодосий сам вступал в прения с жидами. Есть примеры мучений, претерпенных нашими святыми мужами от жидов. Позднее мы знаем, как учение жидовское проникло сквозь затворы монастыря Киево-Печерского и заразило Никиту Затворника. Все эти обстоятельства объясняют, почему вопрос о христианстве и иудействе мог быть при Иларионе вопросом современным.

Показав отношение закона к благодати, как предшествующего к последующему, как неполного к совершенному, Иларион переходит ко *второй* мысли: ко всемирному значению христианства.

Всемирное значение христианства. Оправдание иудейское, говорит он, было скупо, зависти ради, и, не простираясь на иные языки, оставалось в одной Иудее; спасение же христиан благо и щедро простерлось на все края земные. Закон был прежде, вознесся вмале и отошел. Вера же христианская, явившись после, стала выше закона, расплодилась на множество языков, и Христова благодать объяла всю землю и, как вода морская, покрыла ее: и все, отложши ветхое, обветшавшее завистью иудейскою, держат новое, по пророчеству Исаиину: ветхая мимоидоша, и новая вам возвещаю. Пойте Богу песнь нову, и славимо есть имя Его от конец земли... Прежде было в одном Иерусалиме место поклонению, ныне же по всей земле. Гедеон сказал Богу: «Если Ты рукою моею спасаешь Израиля, да будет роса на руне токмо, по всей же земле суша», – и было так. Прежде по всей земле была суша; идольская лесть одержала язы́ки, не принимавшие росы благодатной, и только иудеи знали Бога. Снова Гедеон сказал Богу: «Да будет суша на руне токмо, а по всей земле роса», и было так. Иудейство престало; закон отошел: по всей земле роса; по всей земле вера простерлась; дождь благодатный обросил; купель пакипорождения облачила сынов своих в нетление... По всей земле уже славится Святая Троица, и поклонение от всей твари приемлет, и малые и великие славят Бога...

Богочеловечество Иисуса Христа. От мысли о всемирном значении христианства, которое доступно всем человекам и простерлось по всей земле, Иларион переходит к *третьей* мысли, которая есть основная мысль самого христианства, а именно: совокупление Божества и человечества в Иисусе Христе. Нельзя не удивляться тому, с какой ясностью Иларион излагает эту великую и глубочайшую тайну, проводя мысль через все действия земной жизни Иисуса Христа.

Един *сый* в двух естествах: Божество и человечество. *Исполнь* человек, по вочеловечению, а не привидением; но *исполнь* Богь по Божеству, а не просто человек. Показал на земле Божеское и человеческое: как человек в утробе матери вырастал, и как Бог исшел, девства не повредив; как человек принял млеко матери, и как Бог приставил ангелов с пастухами петь: Слава в вышних Богу; как человек повился в пелены и как Бог звездою водил волхвов; как человек возлежал в яслях и как Бог принял дары и поклонение от волхвов; как человек бежал в Египет и как Богу рукотворенные кумиры египетские поклонились; как человек пришел на крещение, и, устрашась его, как Бога, Иордан возвратился вспять; как человек, обнаженный, вошел в воды и как Бог получил от Отца свидетельство: се Сын Мой возлюбленный; как человек постился сорок дней и взалкал и как Бог победил искушающего; как человек пришел на брак в Кану Галилейскую и как Бог воду в вино преложил; как человек спал в корабле и как Бог запретил ветрам и морю, и послушали Его; как человек прослезился по Лазарю и как Бог воскресил его из мертвых; как человек сел на осла и как Богу звали Ему: благословен грядый во имя Господне; как человек был распят и как Бог Своей властию спропятого с Ним впустил в рай; как человек вкусил оцта и испустил дух и как Бог помрачил солнце и потряс землю; как человек во гробе положен был и как Бог разрушил ад и освободил души; как человек запечатан был во гробе и как Бог исшел, сохранив печати целыми; как человека старались иудеи утаить воскресение, подкупая стражей, но как Бог уведан был и познан всеми концами земли (17).

Даниил митрополит, писавший в первой половине XVI столетия в «Слове о воплощении Господа нашего Иисуса Христа», рассматривая в Нем оба существа – совершенного Бога и совершенного человека, по принятому им для всех своих Слов способу изложения сначала изъясняет основной догмат христианства и сосредотачивает внимание наше на той мысли, что Спаситель одних и тех же апостолов, Петра и сынов Зеведеевых, Иоанна и Иакова, брал с собою на Фавор

и в Гефсиманию: на Фаворе сиянием славы показал Он им Свое Божество, в Гефсимании скорбию и *тугою* – Свое человечество. Затем следуют все места из Священного Писания и из творений отеческих, которыми объясняется догмат. В числе сих последних мы встречаем и весь отрывок из Слова Иларионова. Он окружен выписками изобличительного Слова на армян и учение Евтихиево Иоанна, митрополита Никейского, из Кирилла Александрийского, Иоанна Дамаскина и особенно из Слова св. Ефрема на Преображение Господне, которое, по-видимому, имело сильнейшее влияние на Слово Иларионово. Ясно отсюда, что все эти творения были ему уже известны (18).

Новые народы для христианства, как новые мехи. Объяснив так осязательно глубокую тайну христианства, богослов переходит к *четвертой* мысли о том, что новые люди были потребны на то, чтобы восприять благодать и истину. Пришел Спаситель и не принят был от Израиля; пришел к своим, и свои Его не прияли: от языков же был Он принят. Видно, благодати и истине потребно было воссиять на новых людей: не вливают бо, по словеси Господню, вина нового, учения благодатного, в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе; если вольют, то просядутся мехи и вино прольется. Не могли удержать иудеи и тени закона, а много раз поклонялись идолам: как же бы удержали они учение истинной благодати? Но для учения нового – новые мехи, новые язы́ки, и то и другое соблюдется.

В числе их и русские. В числе этих новых людей находимся и мы. Здесь митрополит русский сознает назначение своего Отечества. Вера благодатная, говорит он, распространилась по всей земле и дошла до нашего язы́ка русского. Иссохло озеро закона; евангельский источник покрыл всю землю и пролиялся до нас. Вот и мы со всеми христианами славим Святую Троицу, а Иудея молчит… Уже не идолослужителями зовемся, но христианами. Уже не капища сограждаем, но Христовы церкви зиждем. Уже не закалаем бесам друг друга, но Христос за нас закалаем бывает и дробим в жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертв вкушая, погибаем, но Христо-

вой Пречистой Крови вкушая, спасаемся. Все страны благий Бог помиловал – и нас не презрел; захотел и спас, и в разум истинный привел. Мы, бывшие чужими, нареклись людьми Божиими; были врагами, а теперь сыны Его. Не творим совета, как распять Христа, но как Распятому поклониться; не распинаем Спаса, но руки к Нему воздеваем; не прободаем ребр, но от них пием источник нетления; не тридесять сребреников взимаем за Него, но друг друга и весь живот Ему предаем; не таим воскресения, но во всех домах своих зовем: Христос воскресе из мертвых! Не говорим, что украден был, но что вознесся туда, где был; не неверуем, но, подобно Петру, к Нему говорим: Ты еси Христос, Сын Бога живаго; со Фомою: Господь наш и Бог Ты еси; с разбойником: помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Свое.

Сравнивая прежнюю языческую Русь с христианскою, пастырь Церкви переходит к ликованию радости и выражает это чувство словами то пророков, то Псалмопевца: «Пойте Богу нашему, пойте; пойте Цареви нашему, пойте, яко Царь всей земли Бог, пойте разумно. Въцарися Бог над языкы».

Похвала Владимиру. Но кому обязана Русь этим счастием? Здесь следует похвала Владимиру. Хвалит Римская страна Петра и Павла, ими же уверовала в Иисуса Христа, Сына Божия; Азия, и Ефес, и Патмос – Иоанна Богослова; Индия – Фому, Египет – Марка; все страны, города и люди чтут и славят, каждые, своего учителя в православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами, великое и дивное сотворшего нашего учителя и наставника, великого кагана нашей земли Владимира, внука старого Игоря, сына славного Святослава, которые, в свои лета владычествуя, мужеством и храбростью прославлялись во многих странах и победами и крепостью поминаются ныне. Не в худой, не в неведомой земле они владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима во всех концах земли (19)... Владимир... единодержец быв земли своей, покорив под себя окружные страны, тех миром, а непокорных мечом, землю свою пас правдою, мужеством и смыслом: и пришло на него посещение Вышнего... и воссиял

разум в сердце его: уразумел он суету идольства и взыскал единого Бога... Слышано было ему всегда о благоверной земле Греческой, христолюбивой и сильной верою: как греки единого Бога в Троице чтут и Ему кланяются; как у них деются силы, чудеса и знамения; как церкви людьми наполнены; как благоверны веси и грады, все в молитвах прилежат, все Богу предстоят. Услышав сие, возжелал он сердцем, возгорелся духом, чтобы ему быть христианином и земле его... И отряс наш каган прах неверствия и, вшед во святую купель, породился от Духа и воды. Во Христа крестился, во Христа облекся.

Умилительно потом слышать свидетельство первого митрополита Русского, который мог быть сам в числе младенцев, крещенных при Владимире, и видеть своими очами чудесно-быстрое распространение христианства по всей нашей земле: как взаимная любовь князя и народа к тому содействовала, чтобы вдруг, в одно время, вся земля Русская обратилась к Христовой вере (20). «Владимир заповедал по всей земле своей креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа, и ясно, и велегласно во всех городах славиться Святой Троице, и всем быть христианами... И не было ни одного противящегося благочестному его повелению. Если кто не любовию, то страхом повелевающего крестился: так его благоверие со властию сопрягалось. И в едино время вся земля наша восславила Христа с Отцем и со Святым Духом».

Затем следует живая картина распространения христианства. «Тогда тьма бесовского служения погибла, и солнце евангельское землю нашу осияло: капища разрушились, и церкви поставляются. Идолы сокрушились, иконы святых являются. Бесы убежали: кресть освятил грады. Пастухи словесных овец Христовых стали епископами, попами и дьяконами, и возносят Бескровную Жертву. Весь клир украсился в лепоту. Оделись святые церкви. Апостольская труба и евангельский гром огласил все грады; фимиам, возносимый Богу, освятил воздух; монастыри стали на горах; явились черноризцы; мужи и жены, малые и большие, и все люди, наполнив святые церкви, восславили Бога, говоря: един свят, един Господь Иисус Христос,

в славу Богу Отцу, аминь. Христос победил, Христос одолел. Христос воцарился, Христос прославился! Велий еси Господи, и чудна дела Твоя! Боже наш, слава Тебе!»

Но каким образом Владимир принял христианскую веру? Как это случилось? «Как ты уверовал? – вопрошает Иларион Владимира. – Как разгорелся в любовь Христову? Ты не видел Христа, не ходил по Нем. Ты не видел апостола, который бы пришел в землю твою, и нищетою своею, и наготою, и гладом, и жаждою склонил бы сердце твое на смирение. Ты не видел, как именем Христовым изгоняли бесов, как выздоравливали болящие, как мертвые восставали: как же, не видев, уверовал? – *Токмо от благого смысла и остроумия* ты уразумел, что Бог един Творец видимым и невидимым, небесным и земным, и что послал в мир спасения ради возлюбленного Своего Сына. Ты помыслил о том и вошел в святую купель. И что другим казалось юродством – тебе вменилось в силу Божию».

Так, по свидетельству первого русского митрополита, разумом принял веру креститель земли Русской; но это разумное принятие веры тотчас же отозвалось в сердце его любовью и милосердием. «Кто расскажет о многих твоих ночных милостынях, о дневных щедротах, которые ты творил убогим, сирым, болящим, должникам, вдовам и всем, требующим милости?.. Твои щедроты и милостыни и ныне поминаются в человеках, паче же пред Богом и ангелами Его».

Сравнив Владимира с Константином Великим, Иларион переходит к Георгию (Ярославу), наследнику и сыну его, который доканчивает недоконченное Владимиром, украшает храмы и славный град Киев. Радуясь подвигам сына, пастырь Церкви возбуждает отца от гроба, чтобы встал он и возвеселился, взглянув на Россию.

«Встань от гроба твоего, встань, отряси сон! Ты не умер, но спишь до общего всем восстания... Взгляни на чадо свое, на Георгия, на утробу свою, на милого своего, его же Господь извел из чресл твоих, как он красит стол земли твоей»…

Молитва к Богу. Все слово оканчивается молитвою к Богу, исполненною народного смирения и упования на силу

и милость Божию. «Не взгнушайся нами, Господи, хотя мы и малое стадо, но скажи нам: не бойся, малое стадо, яко благоизволи Отец ваш Небесный дати вам царствие». – «Каемся, просим, молим. Каемся в злых своих делах; просим, да страх Твой пошлешь в сердца наши; молим, да на Страшном Суде помилуешь нас!» – «Мало показни, а много помилуй; мало язви, а милостивно исцели, а вскоре овесели: не терпит наша природа долго носить гнева Твоего, как стеблие огня». – В заключение молитва пастыря простирается на весь народ и на все страждущее человечество. Замечательно, что Древняя Русь эту молитву первого своего народного митрополита имела обычай читать в новолетие.

Исповедание веры. К этому слову приложено исповедание веры, в котором кратко и ясно изложены основы кафолической и апостольской Церкви, к ней же притекает Иларион: с верою входит в нее, с верою молится, с верою исходит. Замечательна, между прочим, мысль, постоянно выражаемая духовными учителями нашими, что Бог воплотился в человека для того, чтобы человека обожить. Это исповедание полагает он перед народами и, отдавая все Богу, строющему о нем выше силы его, просит, чтобы молили о нем честные учители и владыки Русской земли.

Слово, надписанное всем православным христианам, кратко, но сильно приглашает их заботиться о вечной жизни, а не о земной, о Царстве Небесном, а не о здешнем, и тем выражает мысль всей Древней Руси, течение, по которому пошла она.

Вот то, о чем богомыслил Иларион в своей двухсаженной пещерке, открывая собою начало мысли древнерусской. Вот где разоблачается для нас тайна историческая и содержится полное оправдание избранию его в митрополиты русские. В лице его наша Церковь обрела народного представителя, который глубоко сознал и ясно изложил народу основы учения веры.

Феодосий. Перейдем теперь к другому духовному деятелю, который трудился на ином поприще и был родоначальником монастырского общежития у нас в Отечестве. Житие

Феодосия, написанное преподобным Нестором, есть также памятник (21) духовной словесности XI века. Мы расскажем его подробно.

Вся жизнь Феодосия делится на две половины, из которых в первой он борется с русским семейным началом; в другой, победив его, учреждает высшую семью духовную, на начале Любви божественной, и отсюда действует уже на братию, на власти, на народ.

Борьба с семейным началом. Недалеко от Киева, в городке Василеве, родился Феодосий от родителей благочестивых, которые скоро переселились в Курск. Здесь провел он свое отрочество. Церковь Божия была первым его училищем. Здесь Божественная служба и чтение св. книг рано пробудили в отроке духовное призвание. Он чуждался игр детских, не любил цветного платья, предпочитал убогое. Скоро навык он грамоте у одного из городских учителей. Тринадцати лет лишился отца. После этой потери стал прилежнее выходить на работу вместе со своими рабами; мать видела в том унижение рода; она одевала его в одежду светлую, гнала на игры со сверстниками; мальчик терпел побои от раздраженной матери, которая была телом крепка и сильна, как мужчина. Слышал он о местах святых, где Господь походил Своею плотию, и желал туда. Молитва его была услышана. Странники проходили через Курск в Иерусалим. Феодосий узнал о том и просил их взять его с собою. Получив их согласие, ночью убежал он тайком из дому матери и отправился с ними; но она догнала его. Ужасные мучения вытерпел беглец. Железа сковали ему ноги. Мать все боялась, чтобы сын опять не бежал от нее. В страданиях ему утешением была церковь. Желая чем-нибудь послужить ей и зная, что народ иногда лишается литургии по недостатку просвир, Феодосий посвятил себя печенью церковных хлебов. Товарищи смеялись над его занятием. Мать, оскорбленная этими насмешками, с любовью возобновила упреки сыну своему, что он занимается слишком низким делом. Феодосий отвечал: Господь на Тайной Вечери претворил хлеб в тело Свое и раздавал его ученикам. Как же

мне не радоваться, что Он сподобил меня готовить хлеб для плоти Его? – Но мать не прекращала своих гонений. Тщетно юноша убежал от нее в соседний город, в дом к одному пресвитеру: она не могла жить без сына, настигла его и там; но чем более страдал Феодосий, тем сильнее разгоралась в нем любовь к духовной жизни.

Он заказал кузнецу железные вериги и опоясался ими. Железо вгрызалось в его юное тело. В праздничный день властелин города давал пир вельможам: велено было отроку Феодосию явиться в светлой одежде, чтобы служить при этом пире. Таков был обычай времени. Мать, наряжая сына, увидела кровь на его сорочке. С ужасом усмотрела она вериги на его теле, растерзала одежду его и сбросила их.

Однажды юноша, внимая чтению Евангелия, услышал слова: «Аще кто не оставит отца и матерь и вслед Мене не идет, несть Мене достоин». Эти слова как громом поразили Феодосия. С тех пор неотступно преследовала его мысль: покинуть дом матери и идти в монастырь. Воспользовавшись однажды ее отсутствием, он решился на подвиг: кроме одежды и хлеба он ничего не взял с собою и пошел в Киев. Не зная дороги, вслед за купеческим обозом, медленно ехавшим туда же, Феодосий добрался до города.

Феодосий-инок. Много монастырей обошел он, но нигде его не приняли: худые ризы кроткого отрока были тому причиною. Видно, требовали монастыри уже богатства, а не той духовной силы, которую с собой приносил Феодосий. Вот слышит он о блаженном Антонии, живущем в пещере, и устремляется к нему. Со слезами пал он к ногам пустынника и просил принять его. Антоний прозрел духовными очами призвание юноши и, искушая его решимость, сказал: «Чадо! Ты видишь пещеру мою: она скорбная, место мое тесное. Ты молод: не вытерпишь». Решение Феодосия было твердо. Антоний благословил его. Никон постриг.

Последняя борьба с матерью. Начались иноческие подвиги Феодосия. Но ему предстояло новое, сильнейшее искушение. Борьба с семейным началом для него еще не окончилась.

Мать, лишившись сына, была в отчаянии. Тщетно искала она его сама по всем окрестным местам; тщетно наказывала народу искать его и обещала плату тому, кто его приведет. Прошло четыре года. Но вот от путников из Киева узнает она, что сын ее там. Не медля отправилась туда; обошла все монастыри и наконец узнала, что он в пещере Антония. Она идет к пустыннику. Тронутый заботами матери, старец успокоил ее, сказав, что сын ее жив и здесь. Тогда началась последняя, решительная борьба между сыном и матерью: она хочет его видеть; но Феодосий, отдавший себя Богу, не принимает матери. Никакие моления его не трогают; увещания самого Антония бессильны. Тогда мать от просьб переходит к гневу: она грозит старцу, что погубит себя перед его пещерою, если он не покажет ей сына. Антоний в скорби и страхе входит в пещеру и молит Феодосия выйти к матери. Не смея ослушаться старца, он вышел к ней. Тогда мать увидела изможденного сына: лицо его изменилось от многого труда и воздержания. Любовь матери вспыхнула еще сильнее при этом виде; тут уже не было места гневу: она бросилась к нему на шею и долго, долго обливала его горькими слезами. Настала минута последней борьбы; начались увещания матери: «Возвратись в дом свой, мое детище! Все, что тебе потребно для спасения души твоей, ты будешь делать в доме, по воле своей; только не отлучайся от меня. Когда умру, ты погребешь тело мое и тогда возвратишься в эту пещеру, как хочешь. Не смогу жить и не видеть тебя!» – Но напрасны были слова матери. Феодосий предложил ей постричься в одном из ближних женских монастырей, если хочет видаться с ним; если же она не согласится, то никогда не увидит лица его. После долгой борьбы чувство матери победило: она, не будучи в силах расстаться навсегда с сыном, уступила его желанию и постриглась в женском монастыре Св. Николая. Все эти подробности о жизни Феодосия от самой его юности до прихода матери к нему в пещеру Нестор слышал от келаря Феодора, бывшего при самом Феодосии, а Феодор принял их от самой его матери. Далее служили ему источником предания отцов обители (22).

Пещера днепровская. Так Феодосий, победив духовной силой семью земную, был уже готов на совершение другого подвига, на устроение семьи духовной. А между тем она умножалась. Игуменствовал Никон. Со всех концов России стекалась братия, изо всех сословий. И боляр от княжеского дома привлекала духовная сила трех мужей: Антония, Никона, Феодосия, сиявших из темной пещеры на всю окрестную страну. Сын знатного вельможи, Иван, приехал однажды к старцу в одежде светлой, на богатом коне, окруженный отроками. Снял он с себя боярскую одежду, положил перед старцем, отпустил коня и просил о пострижении. Антоний напоминал ему о силе обета, о власти отца, о гневе князя. Юноша не поколебался. Никон постриг его и нарек Варлаамом. Вслед за ним дворцовый евнух, любимый князем, принял также пострижение и наречен Ефремом. Рассердился Изяслав на то, что пещера отнимает у дворца его воинов и слуг. Раздраженный, призывает он к себе Никона и спрашивает: «Ты ли постриг их без моего повеления?» Никон отвечал: «Благодатию Божиею я постриг их, повелением Царя Небесного, Иисуса Христа, призывавшего их на такой подвиг». Князь сказал: «Поди, убеждай их, чтоб они возвратились назад, не то я *поточу* тебя и всех, кто с тобою, и пещеру вашу велю раскопать». Никон отвечал Изяславу: «Владыко! Как угодно тебе, так и твори, а я не могу отнимать воинов у Царя небесного». Кроткая жена Изяслава смягчила гнев своего мужа.

Феодосий-игумен. Так из мрака пещеры росла духовная сила. Собралось пятьдесят человек братии. Многие из них отъезжали в Константинополь или в другие места на юг. Никон поселился в Тьмутаракани. Ему наследовал на игуменстве Варлаам; а когда он по повелению князя Изяслава перешел в монастырь Св. Димитрия, тогда всею братиею избрали в настоятели единогласно Феодосия, снискавшего всеобщую любовь подвигами смирения и непрерывного труда, и Антоний благословил избрание.

Студийский устав. Первыми подвигами Феодосия на игуменстве были: строение большой церкви и введение Сту-

дийского устава. Сей последний получил он в полном списке от Ефрема скопца, инока Киево-Печерского, который жил в одном монастыре константинопольском (23). Так как этот устав имел сильное и обширное влияние на распространение духовной жизни по всей России, то считаю нужным сказать несколько слов о его происхождении и виновнике.

Феодор Студит, основатель устава монастырского общежития, жил в Византии во времена иконоборства и Седьмого Вселенского собора в Никее. Твердый в догматах, рано прославился он своими прениями с еретиками и еще более тем, что возлюбил иноческое житие по древним правилам св. отец, особенно же Василия Великого. Еще живучи под начальством настоятеля Платона, в монастыре Сакудиане, он строго исполнял, до последней черты, все предписания Василиевы. Потом и сам в том же монастыре игуменствовал и твердо защищал уставы Церкви перед лицом царя Константина, изгнавшего мать и жену свою. Но вполне утвердить свой новый иноческий устав Феодор возмог только в монастыре Студийском, в Царьграде. Этот монастырь преданиями своими былъ связан с Римом: его основал один патриций Римский, Студий, на строгих правилах. По имени его назван был и монастырь. Он опустел в царствование иконоборца Копронима, но Феодор снова восстановил его. До тысячи братий собралось к нему. Все иноки были для него равны – кем бы ни был кто пострижен, не так, как в других обителях. Любовь и строгость общежития – вот две силы, которыми действовал Феодор Студит.

Содержание устава очень просто. Первое правило касается соборной молитвы и церковного благочиния. Молитва соборная выше келейной. Это правило так было водворено в монастыре Киево-Печерском, что внушило одному из питомцев его, епископу Симону, эти значительные слова: «Аще и Псалтырь чтеши, или обанадесять псалма поеши, ни единому “Господи помилуй” подобится соборному пению». Мысль о церковной всенародной общей молитве, как высшей, вкоренилась у нас через влияние монастырей и в самом народе (21). За нарушение благочиния церковного налагались духовные

эпитимии. У иноков были трапеза общая и стяжание общее. Еще под началом игумена Платона Феодор не иначе вкушал пищу, как вместе с братиею. То же самое благоговение соблюдалось при братней трапезе, как при святом жертвеннике. Безмолвно вкушали пищу и внимали чтению. Более трех ястий не подавалось. Без благословения игумена вне трапезы никто не смел ни есть, ни пить, ни держать хлеба или воды в келлии, ни съесть ягоды в поле. Стяжание у иноков все было общее, даже и одежда. Никто не мог ничего назвать своим. Даже в разговоре запрещалось употреблять: *мое собинное*, или *твое*, или *сего*, или *онаго*. Инок не принимал милостыни ни от кого. Взять у кого что бы то ни было позволялось не иначе, как с благословения настоятеля. Иноки не смели ходить по келлиям друг ко другу; без разрешения игумена не выходили за монастырские ворота. Всякого рода художество заводимо было в обители и составляло занятия братии (25).

Различие в монастырях наших и западных. Вот вкратце тот общежительный устав, который основан был Феодором Студитом, а у нас, в России, введен Феодосием в Киево-Печерскую обитель, откуда он распространился и по всей России. Здесь опять заметим коренную черту различия истории наших монастырей и западных. У нас один и тот же устав общего жития проходил через все наши древнерусские обители. Когда ослабевал он в одних, тогда новые подвижники духовной жизни переносили его в другие. На Западе начало развития внесено было в самое существо монастырского устава. Призывая силы человеческие к подкреплению дела Божия, Западная церковь нуждалась в особенных опорах сообразно с обстоятельствами. Такими опорами являлись для нее монастырские ордена, из которых каждый предлагал ей свою силу. Доминик предложил инквизицию, которая была вначале не вредным учреждением; Франциск – нищету; Игнатий Лойола – три силы, самые значительные между людьми: разум, богатство и знатность рода. Наша Церковь, будучи уверена в истине существа своего, не считала за нужное прибегать к подобным средствам, которые и там вначале приносили временную пользу, но после, как вся-

кое учреждение человеческое, перерождались и кончали вредом существу самой Церкви (26).

Деятельность Феодосия. Феодосий, водворив Студийский устав в своей обители, с любовию принимал всех без разбора, кто ни приходил к нему. Ревностно заботился он о строгом исполнении правил. Сам ходил по келлиям иноков: заставая брата в молитве, присоединял к ней свою; заставая беседу, не позволенную уставом, стуком в дверь напоминал правило. Один брат часто отбегал от монастыря и опять возвращался; Феодосий действовал на него одною молитвою. Пищу, находимую в келлии, или что-нибудь другое неуставное, бросал в огонь. Наказания его были чисто духовные. Вся деятельность его в монастыре представляла хозяина трудолюбивого, который сам с любовию служил братии, находившейся под его началом, пек хлебы, носил воду, колол дрова. На всякое дело шел сам прежде всех. В церковь являлся первый, последний выходил из нее. Носил ветхую одежду, над которою насмехались многие. Книжное учение под его надзором процветало в обители. Инок Иларион день и ночь переписывал книги в его келлии. Никон исправлял должность переплетчика, а Феодосий сам не пренебрегал и тем занятием, что плел веревки для переплета книг, сопровождая каждое дело свое чтением Псалтири наизусть.

Отношения его к князьям. В уединении своей обители Феодосий воспитал такую духовную силу, которая в скором времени благодетельно подействовала на светскую власть и народ. Замечательны отношения Киево-Печерского монастыря к великим князьям киевским. Всегда убегая вражды, соблюдая покорность, настоятель ограничивал влияние свое любовью, примером и словом поучительным. Однажды Изяслав пришел в монастырь в час полуденного отдыха братии, когда Феодосий запрещал впускать кого бы то ни было, чтобы не нарушался покой иноков, готовившихся ко всенощному бдению. Привратник, узнав князя, не смел впустить его, не доложив о том прежде Феодосию, который принял его в церкви и занял своею беседою. Изяславу особенно нравилась

сладость монастырских брашен, и он спрашивал Феодосия о том, отчего же у него нет таких сладких яств, хотя они и ценнее. – «Оттого, – отвечал Феодосий, – что здесь братия все готовят с молитвою и благословением, а твои рабы ссорятся, клянут друг друга и получают побои от приставников, когда снаряжают тебе трапезу».

Святослав и Всеволод изгнали законного князя и старшего брата своего, Изяслава, из Киева. Водворившись в городе, они зовут Феодосия на пир, зная, что соучастие такого человека привлечет на их сторону народ. Феодосий отвечает посланному, что он не пойдет на трапезу Иезавелину и не причастится брашна, исполненного крови и убийства. Когда Святослав, изгнавши брата изо всей области, сел на престоле Киевском, Феодосий не переставал обличать его в незаконном поступке, писал к нему письма, наказывал ему о том же через вельможи наконец отправил к нему обширное послание, в котором сравнивал его с Каином и приводил примеры всех братоненавистников (27). Святослав, с гневом бросив грамоту на пол, угрожал Феодосию заточением: Феодосий тому радовался и только усиливал свои обличения. Святослав умолк, чувствуя бессилие свое чем-нибудь обидеть праведника. Феодосий, видя смирение князя и уступя просьбам братии, перестал обличать, но хотел действовать мольбою. Святослав просил позволения у Феодосия прийти к нему в монастырь. Феодосий позволил. Приняв князя в церкви после обычной молитвы, игумен не переставал убеждать его о мире с братом, о возвращении ему престола. С тех пор нередки были их свидания. Феодосий хаживал во дворец княжеский. Однажды пришел он к Святославу во время игрища: песни и музыка оглашали дом его. Феодосий сел поодаль, поник очами долу и потом, взглянув на князя, сказал: «Будет ли так на том свете?» Прослезился Святослав – и велел прекратить игрище. Потом уже всегда умолкали игры в палатах князя, если кто-нибудь из приближенных возвещал приход Феодосия. Когда Святослав выражал ему любовь свою и радость о его приходе, Феодосий всегда пользовался излияниями любви княжеской, чтобы

напомнить ему о примирении с братом, о возвращении ему Киевского престола. Между тем молитвы об изгнанном Изяславе не умолкали в Печерской обители. На ектениях сначала поминалось одно его имя. Когда же Святослав, своею любовью к книжному учению, своим прилежанием к церкви привлек на свою сторону братию монастыря – они упросили Феодосия присоединить к молитвам церковным имя Святославово; но тем не менее оно возглашалось не иначе как после имени законного стольного князя киевского.

Отношение к народу. Феодосий питал глубокую любовь к народу, который своим сочувствием святому мужу придавал ему много силы. Ветхая одежда игумена, возбуждавшая насмешки многих, конечно, нравилась народу вообще. Монастырь принимал всякого убогого. Близ обители был устроен двор для нищих, слепых, хромых и других увечных. Все потребности их исполнялись, и монастырь отдавал им десятую часть со всякого дохода. Скорбных страдальцев Феодосий утешал молитвами и слезами. Всякую субботу воз хлебов из обители отправляли в темницы. Однажды привели к настоятелю разбойников, пойманных в краже на одном монастырском селе. Видя на них оковы, видя скорбь их, Феодосий прослезился, велел их разрешить от уз, дать им есть и пить, предложить поучение и отпустил их с миром. Разбойники исправились.

Следующее событие еще более доказывает любовь Феодосия к народу. Однажды, пробыв довольно долгое время у Изяслава, поздно ночью он должен был возвратиться в обитель – и В. князь повелел довезти его на возу. Провожатый, заключая по одежде, что это должен быть какой-нибудь из убогих черноризцев, сказал ему: «Ты целый день провел в праздности, а я трудился: не могу ехать на коне; дай мне лечь на возу, а сам садись на коня». Блаженный тотчас же смиренно слез с воза, уступил на нем место вожатому, а сам сел на коня – и так провел всю ночь. Когда дремота одолевала его, он шел пешком возле коня до тех пор, пока не утомлялся; тогда садился на него снова. Занималась заря. Встречались блаженному вельможи и, сходя с коней, кланялись ему почтительно. Проснувшийся вожатай,

заметив это, испугался; но испуг его превратился в ужас, когда вся братия вышла навстречу к своему игумену и поклонилась ему до земли. Феодосий взял за руку вожатая, ввел его в трапезу, накормил и напоил, одарил деньгами и отпустил к князю. Сам повозник рассказывал после об этом событии.

Кончина Феодосия. Предчувствуя свою кончину, Феодосий собрал всю братию и спросил: кого хотят они иметь игуменом после его смерти? – Иноки назначили Стефана. Желание их было исполнено. Трогательно простившись со всеми и заповедав им любовь, он скончался в 1074 году.

Сочинения Феодосия. От Феодосия осталось нам несколько сочинений, которые в новое время были изданы и подвергнуты ученому исследованию преосвященным Макарием (28). Нестор свидетельствует, что он нередко поучал братию, князей, бояр и народ (29). Нельзя не пожалеть, что обличительное послание к Святославу, упоминаемое в его житии, не дошло до нас ни в одном списке. Остались два послания к Изяславу. Одно объясняет значение воскресного дня, в отличие от жидовской субботы и дней постных; здесь слышен отголосок слова Илариона в словах: «Господь Бог наш съниде на землю: жидовьская вся умолкоша». Известно, что Феодосий сам входил в прения с иудеями и готов был умереть от них за исповедание Христа. Во втором послании Феодосий наставляет Изяслава в различиях латинской веры от нашей. Видно, что латинян было немало в нашей земле и что они отличались многими обычаями от православных. «Не подобает хвалити чужой веры, – говорит наставник. – Кто хвалит чужую веру, тот хулит уже тем свою. Если же начнет он непрестанно хвалить и свою, и чужую, то держит *двоеверие* и близок к ереси». – «Если кто тебе скажет: сию веру и ону Бог дал, – отвечай ему: мниши ли Бога *двоеверна?* – Един Бог, едина вера, едино крещение». Ограждая таким образом единство веры и утверждая в ней, Феодосий совершенно уничтожает разность вер в делах любви. – «Свою веру непрестанно хвали, подвизайся в ней добрыми делами. Милостынею милуй людей не токмо своей веры, но и чужой. Видишь нагого, голодного, холодом ли, бе-

дою ли одержимого, будь он жид, срацин, болгарин, еретик, латинянин, из поганых, – всякого помилуй и от беды избавь, как можешь, и мзды от Бога не минуешь. Бог и Сам ныне печется о язычниках, как о христианах. Поганым и иноверным в сем веке попечение от Бога, в будущем другое». – Феодосий вспоминает наставление отца своего умереть за свою веру и, если бы случилось, выходить на прю с иноверцами, когда хотят они отвести кого от правой веры. Зерно ее, как видно, было рано посажено и укреплено отцом, которого Феодосий лишился на 14-м году возраста.

Поучения к братии дошли до нас и в отрывках, и полные в числе пяти. Пост, покаяние, нестяжательность, терпение, любовь, милостыня, смирение, молитва и хождение в церковь составляют главное их содержание, которое совершенно согласно с тем нравственным образом Феодосия среди его братии, какой начертан Нестором в его житии. Учитель нередко переходит от наставлений к сильным укорам, показывающим, что он не таил грехов монастырской братии, а горестно и сильно обличал их. Остановим внимание на некоторых мыслях.

Черноризцы, возбраняйте грешные помыслы крестным знамением и словами: Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, аминь. (Любимая молитва русского народа, известная всякому православному.)

Помыслы возрастут – сотворяется грех.

Псалтырь Давидов подобает иметь в устах черноризцам. (Псалтырь во всяком деле Феодосия никогда не выходила из уст его.) Пост сорокадневный – десятина, даемая от тела Богу. Постное время очищает ум человеку.

Не сбирайте, братия, имений в кельях. Помните слово Господа: идеже сокровище ваше, ту и сердце ваше будет.

О любви ко всем ближним без изъятия и против богопротивной брезгливости к людям иноверным так говорит духовный наставник: «Будьте совершенны, как Отец ваш. Солнце его сияет на злых и на добрых, дождь посылает он равно рабам своим и сопостатам. Не для себя Слово Божие сошло на землю, но для всех, и за всех смерть восприяло. Петру,

гнушавшемуся иноязычников, послан был сосуд с нечистыми гадами и сказано: что Бог очистил, тем человек не скверни. Если Бог так сотворил, буду ли я Ему противником? Трость не пишет сама, если не будет пишущего ею, ниже прославится секира без секущего ею».

Призывая братию кормить убогих и странных, кто бы они ни были, а не праздным ходить из кельи в келью, делиться с бедными тем, что боголюбивые люди приносят в обитель, Феодосий нападает на зло сребролюбия и указывает на Иуду, который продал Учителя на тридесяти сребрениках, а сам удавился. – «О, как же мне не стенать и не тужить, любимцы мои, слыша в вас такое? Скажу с пророком: кто даст главе моей камение и очам моим источники слез, да плачуся день и ночь о дщери людей моих? Мы удалились в пустыню: по писанию, мы чаем Бога, спасающего нас, изведены из Египта, от мира, в пустыню сию безводную, не рукою Моисеевою, но благодатию Божиею. Что же у вас отнято было, братия мои и отцы, что принесли вы от имений своих на место сие или чего требовал я от вас, принимая вас в обитель сию и в человеколюбие Божие?

Помянем первый свой вход, как были мы, когда приступили к дверям монастырским: не все ли обещались терпеть – и поношение, и укорение, и уничижение, и изгнание?.. Истаявает душа моя по все дни, не видя, чтобы вы помнили ваше обещание. Жития святых читая, затыкаете уши, чтобы не слышать о их мужествовании. Скорее стиснете уста свои, чем выговорите аминь к прочитанному, а на речи неприличные, на укоры, на гнев не ленивы. На это и уста отверзаем, и очи не дремлют, и ухо настороже.

Труба будит воина на битву: Христову ли воину лениться, когда ударяет било и зовет к святой церкви на божественное пение?

Подвизайтесь, труженики: Христос ждет нашего входа. Зажжем светильники наши любовью и послушанием, кротостью и смирением, и встретим Христа лицем непостыдным. Било ударило: не лежать нам время, а вставать на молитву,

как божественный Феодор учит, имея в уме Давидово слово: готово сердце мое, Боже, готово.

Стоя со страхом при стенах и не опираясь на них, помните, что на честь нам столпы и стены церковные, а не на бесчестие.

Когда пресвитер кадит святой алтарь, вспомним, что кадило – образ Святого Духа, да не лишимся его, любимые.

Созвала нас благодать Святого Духа и молитва Пресвятой Богородицы в сию обитель – в единодушие и в единоумие, и в едину волю, да будет бо воля Твоя, яже на небеси и на земли, а мы хотим иметь здесь многия воли».

Вот в краткой сущности то, чему Феодосий поучал братию. Поучений к народу осталось два: одно, о казнях Божиих, вставлено в летопись, другое может относиться и к народу и к инокам. Двумя бедствиями страдала тогда Россия: набегами половцев и междоусобиями князей. «Наводит Бог по гневу Своему, – говорит Феодосий, – казнь какую-либо или поганыя, зане не встягнемся к Богу; а усобная рать бывает от соблажнения диаволя и от злых человек. – Страна согрешила – и казнит ее Бог смертью, или гладом, или наведением поганых, или бездождием и иными различными казнями. – Винограды ваши и древа всякие, носящие плод, и нивы, Я все *истер*, – глаголет Господь, – а злоб ваших не могу *истереть*. Буду скоро свидетель Я клянущемуся именем Моим, лишающему мзды наемника и насилующему сироту судом неправым».

Феодосий преследует остатки язычества в обычаях народных: встретят ли чернеца или черницу, свинью ли или коня лысого – возвращаются назад. Верят чиханью, которое бывает на здравие голове. Инок нападает на скоморохов, на гусли, сопели и всякие игры злые, но нигде не упоминает о песнях, о чем бы непременно упомянул он, если бы Церковь преследовала песню. – «Когда стоим в церкви, как смеем смеяться или творить шепот?» – «Мы говорим на молитве: “Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею, жертва вечерняя”. Но огляди свои руки, испытай, нет ли на них следов грабительства, мзды неправедной. Если ты грабил, если брал взятки или корчемный прикуп, если кого чем обидел, не гово-

ри той молитвы, не возвышай той руки, пока она не очистится. Отцы наши уставили постные дни: в них тело корми земным брашном, а душу духовным. Оно послано к нам с неба до изобилия в писаниях святых книг. Все творите любовию: без нее никакая добродетель не приносится к Богу. Мирно живите не с друзьями только, но и с врагами, с врагами своими, а не с Божиими. Свои нам враги, если кому кто или сына, или брата заколол перед очами: все тому прости и отдай».

Конец слова, равно как и все другое слово, направлены против народного порока – пьянства. Сие последнее, по всем признакам, относится к братии; но преосвященный Макарий относит его к одному народу. Вероятно, порок народный проникал и сквозь стены монастырские – и Феодосий преследовал его и в обители, и за нею. Он влагает в уста диаволу слова: «Мои все пьяные, а трезвые – Божии». Помня изречение св. Владимира «Руси есть веселье пити, не можем без того быти», он различает пьянство от питья в меру: «Ино бо пианство есть злое, а ино питье в меру, и в закон, и в подобно время, и в славу Божию. – Три тропарные чаши позволены за обедом: поставивши обед, славится Христос Бог наш, и *сести пити лепо есть и честно*; кончается обед, прославится Девица Мария; третья чаша господарю, *а лише не велим*. – Если кто упоит другого за любовь или святыми заклиная, да постится семь дней; если же до вредной крайности, то 40 дней на хлебе и на воде. Пьяный хуже бесного: бесный страждет неволею и добудет вечной жизни, пьяный волею страждет и добудет вечной муки. Иерей, пришед к бесному, сотворит молитву и прогонит беса, а над пьяным, если бы и со всей земли сошлись попы и сотворили молитву, то не прогонят пьянства самовольного беса. – Тропари уставлены не на все дни, а в нарочитые праздники: тропарь плача не рождает. Песни церковные только при трезвом уме рождают плач, а у пития творимые рождают грех и муку».

Сочинения Феодосия заключаются молитвою его за всех христиан. Приведем отрывки. «Верных, Господи, утверди, чтоб были вернее. Неразумных Сам, Владыко, вразуми.

Язычников обрати на христианство, и будут братьями нашими. Тех, что в темницах, в оковах и в нужде избави от всякой печали. Тем, что в затворах, в столпах и в пещерах и в пустыни братия наша, Ты, Господи, подай крепость им к подвигу. Помилуй сущих в недостатках и озлобленных нищетою: подай им богатую милость». Молитва Феодосия всегда чувством истины отзывалась русскому сердцу. Ее встречаем уже в Псалтири 1296 года (30).

Иаков-черноризец и его сочинения. К Илариону и Феодосию следует еще присоединить Иакова-черноризца, который предшествовал Нестору. Открытие этого писателя принадлежит Погодину (31), а издание сочинений его – преосвященному Макарию, архиепископу Тамбовскому (32).

Ученые согласны в том, что под именем этого Иакова до́лжно разуметь пресвитера, которого Феодосий перед кончиною предлагал киево-печерской братии в игумны после себя; но братия не захотела, потому что он был не из их обители, а пришел с Альты, где на месте страдания св. Бориса воздвигнуты были, как видно, храм и монастырь. Ему же, без всякого сомнения, надписано и правило церковное от святых книг митрополитом Иоанном, вторым этого имени, мужем *хитрым книгам и ученью*, как говорит о нем летописец.

Вероятно, пребывание на таком святом месте, как берега Альты, орошенные кровью Бориса, внушило Иакову написать «Сказание о страстях двух братьев-мучеников», Бориса и Глеба, и «Похвалу» им. Слова «Сице убо бысть малым преже сих лет», которыми начинается «Сказание», обнаруживают близость автора к событиям. Нежная любовь двух братьев, погибших рукою мучителя в веке вражды родовой и семейной и трогательная их кончина одушевили инока. Вероятно, устные предания о мученической смерти братьев ходили тогда в народе. Инок передал их и вложил одушевленные лирические воззвания в уста обоим страдальцам. Смиренная готовность Бориса умереть без всякого сопротивления своему мучителю есть черта разительная в его характере. Призывание отца Василия и брата Бориса и желание спасения всем своим в устах Глеба, ко-

нечно, возбуждали слезы в современниках. А этот Святополк, гонимый невидимою силою из Русской земли в пустыню к чехам и ляхам с беспрерывным криком «Бегите, гонят, гонят нас! Ох мне!» есть изображение, достойное руки художника.

Ни один исследователь этих памятников не сомневается, что «Похвала Владимиру» принадлежит Иакову, потому что он здесь называет самого себя, говоря, что слышал от многих о Владимире и, собрав вместе слышанное, написал (33).

Творец «Похвалы» называет крещение России *освобождением всякой души, мужеской и женской* (34)… Владимир крестил всю землю Русскую, от конца до конца... и потом украсил ее святыми церквами... и исторг из уст дьявола и привел к Богу, к свету истинному... и был Володимир аки уста Божии.

Иаков вспоминает также об Ольге, говорит о гробе ее и чуде, от него бывающем, не изумляется тому, что нет чудес от Владимира, припоминая слова Иоанна Златоуста, что святой человек познается не от чудес, а от дел своих.

Ученые не столь согласно приписывают житие Владимира тому же Иакову; но в начале те же самые слова, что и в «Сказании о Борисе и Глебе»: *сице убо бысть малым преже сих лет*, и некоторые известия, не находящиеся в летописи и касающиеся чисел времени, в творце жития обнаруживают писателя, близкого к самым событиям.

«Послание к Изяславу» (некоего отца к духовному сыну), названному в послании христианским именем Димитрий, приписывается тому же Иакову. Духовный отец проповедует особенно чистоту телесную и остерегает князя против жен: «Буди всегда бодр страж телу своему. Живи в чистоте, аки в церкви святей». Слово принимает иногда характер притчи, напоминая приточника еврейского, Соломона, и нашего Даниила Заточника. «Жена уязвила лицем и яд вложила в сердце, и мысли, как мухи, вязнут *в поставах паучиих*». – «Змиевы мысли не видят света и, как нетопыри, в тьме ныряют: в тьме есть учитель». – «Мал квас око смутит, мало слово ярость родит, и малыми болезньми бóльших избыти». Здесь, конечно, есть много намеков современных на

жизнь и окружение Изяслава; но все они исчезают в общем характере духовного наставления.

Правило церковное от святых книг митрополита Иоанна, нареченного Пророком Христа, надписано тому же Иакову. Похвала, воспеваемая летописцем Иоанну, второму митрополиту этого имени, объясняет высокое его прозвание, а время деятельности на престоле митрополии совпадает с временем черноризца Иакова.

Приход Нестора в обитель. При Феодосии ли, за год до его кончины, или, вернее, при игумене Стефане пришел в Киево-Печерскую обитель странник, желавший пострижения. Он-то, по устным преданиям древних отцов монастыря, и описал житие Феодосия; но его деятельности посвятим особое чтение (35).

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ

Умозрительное построение летописи по историческим данным. – Европейские летописи XI века на трех языках. – Биографические известия о летописце. – Житие свв. Бориса и Глеба. – Житие св. Феодосия. – Значение Нестора как летописца. – Шлецер. – Открытие Шлецера. – Исследования других ученых. – Свои скептики и оправдатели. – Труд профессора Сухомлинова. – Основная причина оправданию Нестора. – Характер христианства в Несторе-летописце. – Наша история есть дар нашей Церкви. – Мысль о единстве земли Русской в законе Христовом. – Источник одушевления Нестора в чувстве веры. – Мертвые источники летописца. – Живые его источники. – Население монастыря. – Отношения монастыря ко внешней жизни. – Ян Воевода. – Гюрятя Новгородец. – Форма изложения летописи: притча и рассказ. – Значение притчи. – Первая притча о козарах и полянах. – Другие притчи. – Драматическая форма в изложении. – Язык. – Отличие западных летописцев: отсутствие личности. – Черты народного сознания. – Отношения к современным событиям. – Удельные меж-

доусобия. – Набеги половцев. – Образец братской любви в Борисе и Глебе. – Мысль о Русской земле. – Слова М. П. Погодина о Несторе

Умозрительное построение летописи по историческим данным. Соберем в одно черты русского образования в XI веке, чтобы отсюда не только понять возможность, но и вывести необходимость появления современной летописи. Четыре князя деятельно помогают просвещению и сами занимаются делом книжным. При Ярославе у Св. Софии Киевской возникает соборная библиотека наподобие константинопольской. Духовенство, по желанию князя, распространяет учение в народе. Святослав, сын Ярослава, подражая отцу, наполняет книгами клети своего дома. Владимир Мономах сам является писателем. От книжных сокровищ XI века, сквозь разгромы половецкие, татарские, литовские и другие, сквозь пожары, которыми никакая история так не обильна, как наша, сквозь 12-й год, сквозь наше губительное равнодушие доходят до нас пять значительных памятников, с обозначением года, как будто для того, чтобы неопровержимо свидетельствовать о том богатстве, которого мы лишились. Три из них принадлежат Новгороду, два другие – Киеву. Византийские художества украшают север и юг России. Божии храмы умножаются. Образование духовенства восходит на такую степень, что главою Русской Церкви является впервые наш же соотечественник, глубоко постигнувший основы христианства. Среди множества монастырей греческих основывается монастырь народный русский, где семя духовной жизни принимается скоро, куда стекаются со всех сторон, изо всех сословий, русские люди, чувствующие к ней призвание, и где строитель сам споспешествует книжному делу. Ужели при всех этих условиях не пробудится в народе мысль выразить письменно сознание подвигов своей жизни, не явится летопись? Это было бы противосмысленно всему тому, что мы знаем об этом веке даже из других памятников, кроме преданий летописных. По данным, какие имеем, можно бы было

умозрительно построить сочинение летописи. Где явиться ей? Конечно, в Киеве – средоточии духовной и государственной жизни. В каком месте Киева? Непременно в той обители, где византийское образование восприняло характер народный. Из какого сословия выйдет летописец? Верно, из иноков, но не греческих, а русских, с полным сочувствием к отечественной жизни. Но в монастыре будет ли он иметь средства к наблюдению жизни государственной? Мы видели отношение этого монастыря к светской власти и к народу; мы видели, как он привлекал в свои стены людей из всех сословий, как он духовную власть свою простирал на все стихии жизни. Отсюда нам ясна возможность сближения летописца-инока с людьми практическими. Откуда займет летописец свое летосчисление? С какого образца снимет внешнюю оправу своей летописи? Конечно, все это предложит ему Византия. Таков характер всего столетия в господствующих главах духовенства, в монастырских уставах, в зодчестве и живописи. Византийские хронографы были нам уже тогда известны в болгарских переводах. Что послужит источником для труда его? Прежде всего устные предания, живущие в народе, из которого сам инок вышел и с которым сохранил связи отношений и сочувствия; потом государственные акты, церковные записки, рассказы мужей войны и совета, собственные наблюдения; из источников иностранных преимущественно византийские, а не западные, от которых удаляла вера. По мере того как рассказ будет углубляться в XI век, яснее и яснее будет становиться ткань историческая, ярче и ярче должны выступать лица и события, потому что летописец имеет их уже перед своими глазами. Какой дух выразится в летописце? Дух свежего, нового христианина, дух не брезгливый, но любящий и кроткий, простирающий сочувствие свое и на то, что прекрасного представляло наше Отечество и в своей языческой жизни. Удельные междоусобия братьев-князей и набеги половецкие отзовутся непременно в его сказаниях. В самой форме рассказа чье влияние будет заметно? Не столько византийские хронографы, сколько свежее прочтение Библии

и, может быть, особенный характер южнорусских преданий положат печать свою на летописание инока. Свои думы о событиях времени он будет сопровождать песнями псаломскими и притчами Соломона, точно так, как первый учитель монастыря, Феодосий, сопровождал ими каждое свое занятие. Наконец, язык в грамматических формах своих непременно должен представить господствующее влияние болгарской письменности; но, несмотря на то, в нем скажется невольно устная стихия языка народного, которая перейдет под перо летописца вместе с живыми сказаниями о событиях.

Так строим мы умозрительно летопись нашу в XI столетии по тем данным, которые в руках наших, – и все, что в ней находим, совершенно подтверждает наши предположения. Летописец есть. В прошедший раз мы видели, как он в юном еще возрасте пришел в Киево-Печерский монастырь. Здесь полюбил он книжное учение; здесь, говоря его же словами, пожинал он то, что посеяно было Ярославом. В своей летописи сильно выразил он нам эту любовь к книгам, сравнив их с реками, напаяющими вселенную, с исходищами мудрости. «В книгах, – говорит он, – неисчетная глубина; ими утешаемся в печали; они – узда воздержанию... Если в книгах поищешь мудрости, обрящешь великую пользу душе своей; кто книги часто читает, тот беседует с Богом или святыми мужами» (1). Такой плод принесли заботы Феодосия о водворении книжного учения в его обители. Из нее простерлась духовная жизнь на всю нашу Россию; из нее же вытекла и чистая струя летописного предания, в которой видим мы всю первоначальную жизнь нашего Отечества.

Европейские летописи XI века на трех языках. В Европе XI столетия только на трех языках писалась современная история: на греческом повествовали византийцы, на латинском все летописатели западные, что нанесло великий вред живой достоверности событий, и, наконец, третий язык, на котором писалась история нашего Севера в стенах Киево-Печерского монастыря, был славянорусский. У французов первый народный летописец их, Вил-Гардуэн, писавший по-

французски, относится к началу XIII века; к тому же веку принадлежит и первый летописец на итальянском языке, Маттео Спинелли (2). Немецкие летописцы, покинувшие латинский язык в пользу народного, – еще позднее.

Биографические известия о летописце. Кто же этот летописец, которому мы обязаны сведениями о первоначальной жизни нашего Отечества? То кажется несомненным, что он – черноризец Феодосиева Печерского монастыря, потому что таким он означается на многих списках Киевской летописи, за исключением, однако, древнейшего лаврентьевского. Все обстоятельства и подробности событий, примыкающие к сему монастырю, показывают и без этого имени, что она писана в стенах его. Если согласить разноречие в показаниях летописи и патерика Киево-Печерского таким образом, что летописец пришел в монастырь за год до кончины Феодосия, когда уже Стефан, может быть, назначен был ему в преемники и, пробыв год в бельцах, принял пострижение от Стефана, – тогда год пришествия летописца в монастырь будет 1073-й. Он сам себе определяет в таком случае 17 лет. Если все это должно быть отнесено к творцу самой летописи, а не к сочинителю небольшого отрывка о начале Печерского монастыря, вставленного после в летопись, – то в таком случае может быть с точностью определен и год рождения летописца, а именно 1056-й совпадавший замечательным образом с годом первого значительного памятника нашей письменности, с годом Остромирова Евангелия (3). Татищев назначил и родину летописцу – Белоозеро, неизвестно на каком основании; но до́лжно думать, что инок до поселения своего в монастыре имел случай странствовать по всему северу своего Отечества, потому что так верно описал его. Конечно, мог он узнать о нем многое и от своих собратий по обители, которые стеклись в нее ото всех концов Руси, привлекаемые любовию и гостеприимством Феодосия.

На каком основании мы именуем нашего первого летописца Нестором? На одном только списке летописи изо всех, до нас дошедших, Хлебниковском, мы находим имя Нестора (4).

Татищев свидетельствует, что он видел это имя на трех списках; но они не дошли до нас (5). Шлецер говорит, что нигде на списках он не встречал имени Нестора. Скромность ли самого летописца была тому причиною, что он не хотел оставить своего имени на повести о деяниях своего народа; другие ли летописцы, продолжая его сказания, изгладили его имя? Вернее, конечно, первая причина, объясняемая древним смирением нашим; но она получит смысл еще глубочайший, когда мы вникнем в дух самой летописи (6). Какое же древнее свидетельство дает нам право называть Нестора творцом первой нашей летописи? Оно находится в патерике Киево-Печерском. В послании черноризца Печерского монастыря, Поликарпа, к архимандриту того же монастыря, Анкидину, содержащем жития святых, прославивших обитель, в житии Агапита, безмездного врача, Поликарп, предлагая игумену Анкидину труды свои на сохранение преданий о святых мужах обители, принимает для того в образцы Нестора и так о нем выражается: «Яко же блаженный Нестор в Летописце написа о блаженных отцех: о Дамияне, и Иеремии, и Матвее, и Исаакии» (7). В самом деле, не в патерике, а в летописце мы находим жития этих святых, из которых Иеремия помнил крещение Русской земли, и летописец предлагает их в том же самом порядке, в каком они здесь поименованы. Видно, что Поликарп писал имена их, содержа в памяти своей этот порядок. В другом отрывке того же послания, о житии Никиты Затворника, бывшего впоследствии Новогородским епископом, сказано, что, когда он одержим был бесом и пророчествовал по его внушениям, тогда пришли к нему в келлию для совершения над ним молитв целебных с игуменом Никоном многие иноки, и в их числе *Нестор, иже написа Летописец* (8). Когда же игуменствовал Никон? Он наследовал Стефану, преемнику Феодосиеву, тому самому, который постриг Нестора. Стефан правил монастырем с 1074 года, а в 1078-м передал игуменство Никону, который держал его до кончины своей, а именно до 1088 года (9). Итак, пришествие богоносных отцов Печерской обители в келлию к Никите-

затворнику совершилось в промежутки десяти лет (от 1078 до 1088 года). Кто же это свидетельствует? Поликарп, черноризец того же монастыря, автор третьей части патерика Печерского. Он, по собственным его словам, принял это свидетельство от Симона, епископа Владимирского и Суздальского, который сам был прежде черноризцем того же монастыря, епископствовал от 1215 до 1226 года и участвовал также в сочинении патерика (10). Древнейшая пергаменная рукопись патерика, какую мы имеем, относится к 1406 году (11), но содержит только одно из двух свидетельства.

Выведем же заключение из всего нашего исследования. Мы имеем свидетельства двух иноков Киево-Печерского монастыря, живших во второй половине XII и в первой четверти XIII столетия, – свидетельства, из которых знаем, что в том же монастыре во время игуменства Никонова (1078–1088) жил инок Нестор, который сочинил Летописец (12). Предание это в течение многих столетий постоянно сохранялось в обители, где в ближней Антониевой пещере почивают и мощи преподобного Нестора, первого летописателя русского, а в дальней Феодосиевой пещере находятся мощи другого Нестора, который, в отличие от летописца, назван некнижным (13).

Есть ли другие известия о жизни Нестора?

Мы знаем, что он был несколько времени дьяконом в монастыре и принял посвящение в этот сан от игумена Стефана (14). Это могло бы свидетельствовать о том, что он одарен был благозвучным голосом. Под 1091 годом летописи он рассказывает о том, как он по желанию всех иноков и по приказанию игумена с помощью двух собратий откопал мощи Феодосия, которые сонмом епископов и игуменов были перенесены в церковь обители (15). Другие сочинения Нестора, означенные его именем и несомненно ему принадлежащие, еще более утверждают за ним право на звание творца первой летописи. Таковы житие Бориса и Глеба и житие Феодосия (16).

Житие Бориса и Глеба. Через четырнадцать лет после того, как обнародованы были эти слова, вышли наконец в печать трудами нашего славного ревнителя и знатока русской

старины О. М. Бодянского житие Бориса и Глеба и житие преподобного Феодосия, написанные Нестором (17). Издатели печатного патерика приписывали Нестору еще сочинение жития св. Антония, на которое ссылаются Поликарп и Симон, творцы многих житий патерика, нигде, однако, не упоминая имени Нестора как автора жития. Самое сочинение до нас не дошло (18).

В заключение жития Бориса и Глеба Нестор именует сам себя (19). Кроме того, в приступе к житию Феодосия он упоминает о том труде своем как о первом (20). Гораздо более сходства между житиями двух братьев-мучеников, написанных Иаковом-мнихом, и летописью, нежели между сею последнею и житием Бориса и Глеба, которое написал Нестор. Это ведет к заключению, что летописец, приступив к историческому труду своему, дополнил свои сведения трудом Иакова, который, будучи сам жителем берегов Альты и постриженником монастыря, там основанного, мог точнее собрать многие сведения о святых страстотерпцах на месте мучения одного из них.

Нестор, рассказав мученичские подвиги Бориса и Глеба и чудеса от мощей их, такое слово обращает к современникам, связывая им свое повествование с главною язвою века, с удельными междоусобиями. «Видите ли, братья, как высоко поставлена была покорность святых к их старейшему брату? Если бы они воспротивились ему, то едва ли бы сподоблены были от Бога такого чудесного дара. Много и ныне *детских князей*, не покоряющихся старейшим и противящихся им. Их убивают, но не сподобляются они такой благодати, как те святые, ибо что чуднее их? В такой чести и в такой славе являют покорность до того, что и на смерть предаются. Мы же не имеем ни малой покорности к старейшим, но иногда вопреки им глаголем, иногда укоряем их и часто противимся. А послушайте, что говорится о тех святых: когда пришли посланные на погибель им, они не только молили окружавших, чтобы не противились, но и отослали их от себя домой, желая лучше умереть за всех в подражание Иисусу Христу, положившему душу за людей Своих» (21).

Ясно, что Нестор, сочиняя это житие, имел в виду подкрепить основное начало старейшинства в роде, которое колебалось уже сильно в молодом поколении князей. Борис и Глеб представлены здесь добровольными мучениками этого начала: они, проникнутые духом первых времен христианства, идут на смерть, покоряясь старейшему в роде без малейшего прекословия.

Прославление двух страдальцев-князей в это время было чудесным явлением в народной жизни и вере нашей. И житие, и летопись равно замечают, что митрополит Георгий, будучи греком, не хотел дать веры явлению угодников Божиих, но потом объят был ужасом, пал ниц и просил прощения, целуя мощи их.

Житие св. Феодосия. Житие Феодосия Печерского написано позднее и обнаруживает бóльшую опытность в писателе. Мы уже знакомы с подробностями его содержания. Инок проникся всеми устными преданиями обители и, сочиняя житие, не имел никакой иной цели, как слить их в один живой и нравственный образ на память современникам и потомкам. В житиях отцов-пустынников, какие остались нам от Древней Руси, житие Феодосия представляет, конечно, первенствующий образец поистине собранных преданий по простоте и силе изложения. Здесь нет риторики школ позднейших, ни витиеватого вступления, ни отвлеченных размышлений, отдаляющих от живой нити увлекательного рассказа.

Мы думаем, что эти два труда послужили для Нестора приготовлением к главному труду – летописи. Дополнения, какие в ней находим к обоим житиям, и даже разногласия между ними и летописью, при несомненных свидетельствах патерика и других данных, нисколько не колеблют нашей уверенности в том, что творец житий и летописи есть одно и то же лицо. Зная любознательность и добросовестность нашего летописателя, мы совершенно понимаем, как он старался дополнять свою летопись новыми, более точными сведениями. Разногласие в подробностях событий, проистекающее от разных свидетелей, есть повод не к сомнениям, а к уверенности в том, что сказания

добросовестны. Нестор, конечно, не опасался, что за это бросят тень сомнения на лицо его как летописателя. Остается одно только противоречие между сказанием о начале Печерского монастыря, вставленным в летопись, где сказано, что Нестор был принят Феодосием, и между житием Феодосия, по которому он был принят и пострижен Стефаном. Противоречие важно потому, что касается самого лица летописателя. Возможность его разрешения предложена нами выше.

Значение Нестора как летописца. Утвердив историческое основание, на котором мы признаем Нестора творцом первой нашей летописи, мы перейдем теперь к его значению. Без него мы имели бы весьма малые сведения о некоторых событиях из первоначальной жизни нашего Отечества, по одним византийским западным источникам. Но мы не знали бы, кто мы, откуда мы, какая связь наша с народами иноплеменными, вошедшими в состав нашего исполинского целого. Этого мало: скажем еще, что редкие народы так ясно и верно знают начало своих государств, как мы. Известия о том, до нас дошедшие, не омрачены никакою баснию, не запутаны никаким произвольным вымыслом. Этим мы обязаны монастырю Феодосиеву и иноку, им воспитанному, – Нестору. Сколько критика ни блуждала в своих сомнениях и предположениях, но все-таки возвращалась к оправданию простых и глубокомысленных сказаний истинолюбивого летописца.

Но не одним домашним значением ограничивается его заслуга. Все то славянское племя, к которому мы принадлежим, в Несторе находит первое достоверное свидетельство о своем движении с юга на север и о водворении на тех местах, где оно теперь различными отраслями своими обитает (22). Кроме того, дóлжно сказать, что весь северо-восток Европы без нашего летописца остался бы навсегда погружен в совершенную тьму неизвестности (23).

Шлецер. Долго мы признавали в Несторе одно свое, домашнее значение и не постигали всемирного. Для того чтобы открыть сие последнее, нужен был подвиг иностранного ученого, вооруженного всеми силами западной науки. Странная

участь связала нашего инока-летописца с первым, можно сказать, родоначальником исторической критики в Германии. К нашей летописи в первый раз применен был тот испытующий анализ науки, который и впоследствии Нибур применил к началам истории римской, к Титу Ливию, и который едва ли был испытан еще каким-нибудь западным летописцем. На нас лежит обязанность здесь воздать должное тому ученому, который, будучи одарен высоким беспристрастием мысли, свойственным его народу, оказал незабвенную услугу первым началам нашей истории. К тому же знаменитая личность Шлецера входит сама собою в ученую биографию нашего летописца.

В кабинете М. П. Погодина можно видеть портрет этого колоссального мужа науки, мужа прежней Германии. На лице его вы замечаете отпечаток самого трезвого и проницательного разума; глаза его бросают меткий и острый взгляд всеобъемлющего критика; самоуверенность и твердость при нем – эти сопутницы германской науки, впрочем, не всегда с пользой ей служащие; к устам его прикован сарказм сомнения, ограждающий от всякого предрассудка, вредного разумному сознанию. Август Людвиг Шлецер родился в 1735 году, в деревушке Гогенлоге-Кирхбергской, от сельского пастора. На десятом году возраста он собирал уже анекдоты и пословицы, объявляя тем сочувствие живому событию и народному смыслу. Два университета германских, Виттенбергский и Гёттингенский, и третий шведский, в Упсале, участвовали в его образовании. Богословие было первою наукою, которою он занимался в Виттенберге. За ним следовала филология. Упсала открыла ему естественные науки. Рано усвоил он себе многие языки, в том числе восточные, древний готфский в переводе Улфилы и исландский в сагах. Гёттинген довершил его ученое образование. Здесь к наукам отвлеченным присоединились науки практические, обозначавшие будущее направление Шлецера историко-статистическое и политическое. Здесь физика, химия, ботаника, анатомия, зоология, Моисеево законодательство, история империи германской, ленное право, нравоучение, естественное право, вексельное право, математика и политика

попеременно его занимали. Судя по этому, можно видеть, какие разнообразные сведения вмещал в себе этот человек и на какой обширной энциклопедической почве выросла его великая специальность в исторической критике (241).

Вот каких ученых мужей доставляла тогда Германия нашему Отечеству! Это был колосс в деле знания и с тем вместе человек гениальный. Миллер, сам у нас достойно возделывавший отечественную науку, пригласил к нам и Шлецера и тем еще более заслужил нашу признательность. В 1761 году переехал Шлецер в Петербург, за год до вступления на престол русский принцессы Ангальт-Цербтской, которая еще 16 лет, в 1745 году, приехала в Россию и занемогла от усиленных занятий русским языком. Можно заключить, как пример Екатерины II действовал на германцев, приезжавших в Россию. Шлецер неутомимо принялся за русский язык, который был пятнадцатым из всех, какие он уже тогда изучил. Но ни с одним он не вынес такой борьбы, как с русским. Через год по восшествии на престол императрицы Екатерины II, в 1763 году, Шлецер издавал уже русскую грамматику.

Изучение языка и сближение с русскими дали Шлецеру понятие о русском народе и его способностях. Он, как и Екатерина, имел в высшей степени характер беспристрастного германца, способного отречься от своих народных предрассудков в пользу чужой народности: наука особенно давала ему эту возможность. Весь огромный запас своих сведений и всю силу исторической критики, им первым развитую, Шлецер применил к Несторовой летописи. В течение сорока лет наш инок-летописец выносил на себе всю тяжесть учености германца, все пробы неутомимой его пытливости, и вынес их с честью и славой.

Открытие Шлецера. Шлецер, сличив Нестора со всеми византийскими и западными летописцами, открыл, что на всем пространстве верхнесеверной истории от 800-го по самый 1500 год Нестор есть *один только* настоящий, в своем роде полный и справедливый летописатель. Он назвал его *честным* Нестором преимущественно перед другими его совместниками (25).

Исследования других ученых. Шлецер завещал своим наследникам в исторической критике многие сомнения касательно нашего летописца. Любопытно проследить в истории этих исследований, как мало-помалу наука новыми своими открытиями оправдывала все показания Нестеровы. Шлецер оподозрил договоры Олега и Игоря; Круг совершенно оправдал их достоверность прилежным изучением византийских источников. Шлецер указал на три византийских летописца, которые могли служить материалом для Нестора: на Георгия Синкелла, неизвестного автора Хроники Пасхальной, и Георгия Кедрина и прибавил, что, может быть, кому-нибудь удастся отыскать еще четвертого или пятого византийского историка, с которым Нестор более согласуется, нежели с Кедрином (26). Предположение Шлецера оправдалось: найден был, в самом деле, один из древнейших греческих летописцев, процветавший в IX столетии, Георгий Амартол, которого хроника давно была переведена на славяноболгарский язык и послужила Нестору, так сказать, оправою, куда он вставил свои собственные сказания (27). Разработка всех иностранных источников, арабских г. Френом, западных на севере и юге и своих отечественных послужила только к решительному оправданию всех известий Несторовой летописи. В самом деле, любопытно видеть, как разные историки в различных странах и в разные времена согласно подтверждают его свидетельства: Массуди и Ибн-Фоцлан, историки X века, в Багдаде и Александрии; Луитпранд, епископ Кремонский, в Северной Италии; Константин Багрянородный, Лев Диакон того же века, Кедрин XI в Византий; Дитмар, епископ Мерзебургский, Ламберт Ашаффенбургский, Зигберт Гемблурский в XI столетии в разных местах Германии; неизвестный автор исландских саг на острове Исландии. Едва ли в какой-нибудь другой истории может повториться такое любопытное явление (28).

Свои скептики и оправдатели. Сомнения, оставленные Шлецером, породили у нас школу и своих скептиков. Не с чувством укора поминаем мы их, а, напротив, с чувством благодарности. Надобно было до конца, искренно выразиться

всем этим сомнениям, которые произвели сильное воздействие. Надобно было и нашим ученым сказать полное, решительное слово о Несторе: скептицизм вызвал достойные труды Буткова, Погодина, Кубарева (29).

С тех пор как в 1846 году издан был весь подлинник летописи по древнейшему ее Лаврентьевскому списку, многие новые труды совершены были еще над нею. Погодин продолжал по ней свои исследования исторические. Беляев совершил обозрение всех событий русской истории, в ней переданных, и, приведя их к некоторому единству, извлек отсюда заключение о единстве лица, собравшего их в одно целое.

Труд проф. Сухомлинова. Но главный труд, принадлежащий собственно истории русской словесности, был совершен проф. Сухомлиновым. В своем рассуждении «О древней русской летописи как памятнике литературном» он сличил летопись с теми источниками, откуда в ней многое заимствовано. Здесь особенно замечательны выписки из Палея, вставленные в проповедь греческого философа, обращавшего Владимира в христианство; исповедание веры Владимира при крещении, переведенное на славянский язык из Михаила, синкелла Иерусалимского патриарха Фомы и друга Феодора Студита; выписки из хроники Георгия Амартола, переведенной на славянский язык, также из Мефодия Патарского; извлечения из Паннонских житий Кирилла и Мефодия, из жития св. Владимира, из сказания о Борисе и Глебе, писанных монахом Иаковом, из поучений Феодосия и проч. (30).

Вторую часть труда своего ученый посвятил на изучение самостоятельной части летописи. Здесь мне особенно приятно было заметить встречу в мыслях автора со мною во всем основном воззрении на летописца.

Конечно, никакой другой летописец не подвергался таким истязаниям критическим от чужих и своих, как наш инок киево-печерский. Его можно назвать истинным мучеником науки. Но чем более она пытала его, тем большею славою венчался он. Апофеоза его как ученого вполне совершилась в наше время – как у нас, так и во всей Европе. Нестору покло-

нились уже ученые-иноземцы, наши соплеменники-славяне и наконец мы, увидев, что наш Нестор имеет не одно семейное русское, но и всемирное значение.

Основная причина оправданию Нестора. К числу доказательств, которые истощила уже наука в пользу правдолюбия Несторова, мы прибавим еще новое, предлагаемое нам нашею наукою и ясно истекающее из всего предыдущего, что мы уже знаем о начале нашей древней жизни в христианстве. Что всего более может поручиться нам за достоверность Несторову? Его христианский характер. Нестор – обновленный человеке, свежий христианин. Сказать что-нибудь противное его совести и убеждению было бы противно его вере. Это первый ученый у нас с добросовестностью христианина. Правда его летописи есть правда исторической его совести, окрещенной во Христа. Недаром наша Церковь признала его святым: он в самом деле угодил Богу своею летописью, в которой кроме истины, сознанной разумом, облеченным в простоту духовной силы, не сказал ничего. В этой чистой совести просвещенного христианина таится основная причина того, почему Нестор так славно победил все истязания науки, которая со своей точки зрения наконец признала то, что давно уже утвердила Церковь (31).

Характер христианства в Несторе-летописце. Какой характер христианства в Несторовой летописи? Это христианство, исполненное любви, не пристрастное, не одностороннее, а истинное христианство, чистое и светлое, каким оно должно быть. Оно не мешало ему касаться с участием языческой истории нашего Отечества. Он вполне постигает, что народы, окрещенные во Христа, выше всех других народов; но такое воззрение нисколько не препятствует ему и до введения христианства находить у племен языческих доброе. Вспомним, как он, следуя показаниям учителя своего в летописании, Георгия Амартола, хвалит закон сириян, бактриян, брахманов индийских, британцев, у которых замечает одноженство. Вспомним то, что говорит он о полянах, языческих предках киевлян, как хвалит их верность отеческим обычаям, тихость

и кротость их нравов, целомудрие в быту семейном, брачные уставы и обряды (32). Нестор, даже порицая дурное в нравах народов поганых, живущих внутри и около России, не питает, однако против них никакого озлобления. Напротив, есть у него прекрасное место, свидетельствующее о христианском его сочувствии ко всей природе и ко всему человечеству, почти в заключении его летописи – там, где говорит он об ангелах. «Нельзя людям видеть естества ангельского: ангелы принимают разные образы, являются столпом огненным или облачным. К каждой твари приставлен ангел, по словам премудрого Епифания. Есть ангел облакам и туманам, ангел снегу, граду и морозу, ангел гласам и громам, ангел зиме и зною, осени, весне и лету; ангелы живут в тайнах бездны; ангелы скрыты под землею и в преисподних тьмы; весь мир ими исполнен. Вечер и ночь, свет и день: все сотворенное хранимо ангелами. Так ангел приставлен и к каждой земле, да соблюдает ее, хотя бы она была и поганая. Если Божий гнев бывает на землю, Бог велит ангелу другой земли идти на нее, и ангел ведет народы. Так на нас за грехи наши Бог послал поганых иноплеменников, и они пошли, водимые ангелом. Если бы кто сказал, что нет ангела у поганых народов, тот пускай услышит о том, как ангел в виде мужа предстал Александру Македонскому, шедшему на царей Востока, и сказал ему: послал меня Бог пред тобою унимать царей великих и народы; я хожу пред тобою, помогая тебе. Но в христианах уже не один ангел, а столько их, сколько людей крестилось» (33). С таким воззрением на природу тесно связано и воззрение на ее явления, в которых летописец видит знамения духовных сил, в ней незримо присутствующих. Приведу здесь кстати слова г. Сухомлинова: «Такая вера в родство человека с природою, в единство всех сил Вселенной, средоточием которой является человек с его замыслами и поступками, с его ограниченными нуждами, – есть след давно минувшего быта, удержанный сказаниями летописи. Возникнув во времена первобытные, эта вера оживляла многие поколения, к ряду коих принадлежит и поколение, современное нашему летописцу. Простым и необходимым явлениям природы он придает

значение высшее, как бы осмысляет их, что оказывает самое название: *знамение* – явление знаменательное, предвещавшее что-либо доброе или злое: *знамения бо бывают ова на зло, ова на* добро, – говорит летописец». Заметим только, что эта вера в единство сил природы и человека, относящаяся ко временам первобытным человечества, одухотворена была в летописце воззрением христианским. Отношение мира духовного к миру физическому до сих пор остается для нас великою тайною. На раскрытие ее не посягнула наука даже в современном ее состоянии, а между тем человек, в себе самом связывающий оба эти мира, всегда стремился разгадать ее, хотя бы то было каким-нибудь таинственным предчувствием. Этот мистицизм был сроден человеку во все времена; он не чужд и XIX столетию, и отсюда объясняем мы стремление нашего Нестора, как и других летописцев, описывать, по выражению поэта

Пророчества и знаменья небесны.

Христианство нисколько не мешало Нестору с живым сочувствием изображать дела наших языческих князей. С какою полнотою выдается перед нами суровое лицо Святослава, его любовь к войне, славе и дружине! Как верно переданы дела Ольги и Владимира, когда они еще были язычниками! Вся первоначальная история Древней Руси до введения христианства предстает нам в такой правдивой, неискаженной целости. Этим мы обязаны кроткому христианскому воззрению и какому-то ненарушимому спокойствию нашего летописца, который, вместе с народом своим зная истину Христовой веры, не считает за нужное обращать никаких гонений на язычество. Когда мы взглянем на летописи наших западных братий и других народов, то невольно приходит в голову вопрос: что бы было с нашею первоначальною историею, если бы она попалась под латинское перо римско-католических монахов?

Наша история есть дар нашей Церкви. Мы только исполним долг благодарности, если скажем простую и очевидную истину, что вся наша достоверная первоначальная история

есть дар нашей Православной Церкви, плод того счастливого события, что мы приняли истину веры из византийско-иерусалимского источника, а не от Западной церкви (34).

Мысль о единстве земли Русской в законе Христовом. Но, не обнаруживая никакого брезгливого чувства ко временам языческим, а, напротив, принимая искреннее участие во всем том, что составляет славу и силу Отечества, Нестор, конечно, черпает свое собственное одушевление в мысли о христианстве. Как глубоко сознает он, что единство не только для земли Русской, но и для всего человечества возможно в одном законе Христовом! Рассказав о том, как племена языческие у нас разделены были законом и обычаем, как то же разделение постигало и все другие народы, жившие в язычестве, по свидетельству Георгия Амартола, и применив это к половцам, как народу дикому, современно известному во всей тогдашней Руси, Нестор прибавляет: «Мы же, христиане, сколько есть земель, верующих во Святую Троицу, во единое крещенье, во единую веру, закон имеем един все, сколько нас ни есть во Христа облекшихся» (35).

Источник одушевления Нестора в чувстве веры. Все свое личное одушевление черпает он в мысли о христианской вере. Ее постепенное водворение в России и, наконец, крещение народа составляют, можно сказать, главное действие, к которому примыкают все нити его рассказа. Основание Русского государства и его исполинский рост в первых мужах силы служат одним преддверием к этому событию, через которое силе внешней суждено только облечь силу внутреннюю. Одушевление его возрастает по мере того, как христианская вера более и более распространяется в пределах Русской земли; оно доходит до светлого восторга, когда летописец начинает рассказывать водворение веры в самом народе. Первый сильный порыв религиозного одушевления обнаруживается в Несторе, когда он говорит об Ольге после ее кончины.

«Си бысть предътекущия крестьянстей земли, аки деньница пред солнцемь и аки зоря пред светом, си бо сьяше аки луна в нощи... Мы же рцем к ней: радуйся, руское познанье к

Богу; начаток примиренью быхом. Си первое вниде в Царство Небесное от Руси, сию бо хвалять Рустие сынове, аки началницю; ибо по смерти моляше Бога за Русь».

Но главный герой всей летописи Несторовой есть сам насадитель духовного семени в земле Русской – Владимир. Около него соединяются, так сказать, все силы летописца. Замечательна мысль изобразить его обращенным Соломоном: тот был мудр, а наконец погиб; этот сначала был невеждою, а наконец обрел спасенье. Владимир вмещает в себе все физические силы, все естественные страсти русского человека, и вся жизнь его знаменательно прообразует, как все это богатое и грубое вещество должно уступить место духовной силе веры, но веры, принятой не слепо, а при полном свете разумного сознания. Владимир, по изображению Нестора, представляет первого русского христианина, в котором разум вполне сочетался с духом веры. В исповедании веры, которое произносит он при крещении, все основы христианства так ясно и отчетливо сознаны, как только может их сознать истинный христианин. Здесь таятся глубокие начала философии христианской, которые и после так же ясно сознаются всеми представителями нашей Церкви, подвизавшимися за ее истину против ересей (36).

Крещение народа Нестор передает как будто словами какого-нибудь очевидца, может быть, того инока Иеремии, который жил в монастыре Киево-Печерском и помнил это событие. «На утрия же изиде Володимир с попы царицины и с Корсуньскыми на Дънепр, и снидеся бещисла людей; влезоша в воду и стояху овы до шие, а друзии до персии, младии же от берега, друзии же млади држаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си ведети радость на небеси и на земли, толико душь спасаемых; а дьявол стеня глаголаше: оувы мне, яко отсюда прогоним есмь!» После того как Нестор рассказал о крещении Руси и распространении грамотности, так выражает он свою духовную торжественную радость об этом событии: «Благословен Господь Иисус Христос, Яже возлюби новые люди, Руськую землю, просвети ю крещеньем святым. Тем же и мы

припадаем к Нему, глаголюще: Господи Иисусе Христе, что ти въздамы о всех, яже въздасть нам, грешником нам сущем? недоумеем противу даром Твоим въздаянья въздати; велии бо еси и чюдна дела Твоя, величью Твоему несть конца, род и род въсхвалить дела Твоя». Подражая учителю своему Феодосио, который всякое дело жизни сопровождал тихим чтением псалмов, он славословит Бога словами Давида. Потом, возвращаясь к мысли о событии, он продолжает: «Колика ти радость! не един, ни два спасаетася. Рече бо Господь, яко радость бывает на небеси о едином грешнице кающемься; се же не един, ни два, но бещисленное множьство к Богу приступиша, святым крещеньем просвещени. Яко же и пророк рече: въскроплю на вы воду чисту, и очиститеся и от идол ваших, и от грех ваших». Пророки и апостолы предлагают летописцу свои вдохновенные мысли и образы для духовного прославления этого события. Наконец так он заключает свое славословие: «Мы же взопьем к Господу Богу нашему, глаголюще: благословен Господь, иже не даст нас в ловитву зубом их; сеть скрушися, и мы избавлени быхом от прельсти дьяволя. И погибе память его с шюмом, и Господь в векы пребываеть, хвалим от русьскых сынов, певаем в Троици; а демони проклинаеми от благоверных мужь и от верных жен, иже прияли суть крещенье и покаянье в отпущенье грехов, новии людье хрестьянстии, избрании Богом».

К числу лирических мест, исполненных христианского одушевления, принадлежит и похвала св. Владимиру, которою летописец заключает описание его кончины и всенародного по нем плача. Назвав его новым Константином великого Рима, он продолжает: «Дивно же есть се, колико добра створил Русьстей земли, крестив ю. Мы же, хрестьяне суще, не воздаем почестья противу оного възданью. Аще бо он не крестил бы нас, то ныне были быхом в прельсти дьяволи, яко же и прародители наши погынуша. Да аще быхом имели потщанье, и мольбы приносили Богу зань в день преставленья его; и видя бы Бог тщанье наше к нему, прославил бы ѝ: нам бо достоить зань Бога молити, понеже тем Бога познахом. Но

дажь ти Господь по сердцю твоему, и вся прошенья твоя исполни, его же желание, Царства Небесного: дажь ти Господь венец с праведными, в пищи райстей веселье и ликъствованье с Аврамомь и с прочими патриархы; яко же Соломоне рече: умершю мужю праведну, не погыбаеть упованье. Сего бо в память держать Русьстии людье, поминающе святое прещенье, и прославляють Бога в молитвах и в песнех и в псалмех, поюще Господеви, – новии людье, просвещени Святымь Духом, чающе надежи великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, въздати комуждо противу трудом, неизреченную радость, юже буди улучити всем хрестьяном».

Мертвые источники летописца. Определив и уяснив основную черту в характере летописца, мы перейдем теперь к уразумению других его отношений, которыми обозначаются его живые источники. Об источниках мертвых мы уже говорили – это византийские хроники. Они дают ему внешнюю оправу, летосчисление, известия о первоначальном расселении народов, об обычаях некоторых племен, предания о первых походах языческой Руси на Царьград, взятые из Георгия Амартола и Кедрина (37); но, говоря вообще о народах диких и русским неизвестных, летописец старается оживлять рассказ свой современными уподоблениями. Так, например, приводя из Георгия Амартола место о нравах и обычаях разных грубых народов, Нестор указывает на половцев, которые, будучи верны закону отцов своих, проливают кровь, едят мертвечину и всякую нечистоту и не соблюдают целомудрия семейного. Говоря о племенах, издревле живших в России, он указывает на современных ему вятичей, которые оставались в том же обычае, потому что крещением просвещены были только в XIII столетии печерским иноком Кукшею; следовательно, после Нестора. Поминая о походе угров через Киев в 898 году, летописец сравнивает образ их кочевого шествия с половецким (38).

Живые его источники. Население монастыря. Чтобы объяснить все живые источники, какими мог пользоваться Нестор, надобно представить себе внутреннее состояние

Киево-Печерского монастыря и его отношения к внешней жизни. Еще при Антонии он имел до ста человек братии, которые стеклись со всех концов Руси, изо всех сословий; иные же приходили от других народов или сносились с ними посредством странствий, а иногда несчастных случаев, как, например, плена. Антоний был сам из Любека и странствовал по землям востока. Феодосий хотя родился около Киева, но жил долго в области Курской. Варлаам, сын первого киевского боярина, вышел из палат боярских и великокняжеских; Ефрем – из конюших Великого князя. Исаакий-затворник был богатый купец из Торопца. Арефа – уроженец города Полоцка. Николай Святоша, князь Черниговский, участвовал в некоторых походах против половцев. Ефрем, после епископ Переяславский, был родом грек; Моисей – угрин (мадьяр) и жил долго в плену у Болеслава, короля польского. Евстратий и Никон Сухой были в плену у половцев. Последний обратил в христианство половчина, своего хозяина, у которого содержался, и он постригся. Другой Никон, после игумен монастыря, несколько времени епископствовал в Тьмутаракани. Исаия и Леонтий обращали язычников в Ростове и, конечно, со своею обителью сохраняли постоянные сношения. Иные старцы так были многолетни, что помнили самые отдаленные события русской жизни: таков был Иеремия прозорливый, который, вероятно, сам получил крещение при Владимире в 988 году, был свидетелем этого всенародного события и, конечно, рассказывал о нем всей братии. Когда представишь себе все это население монастыря Киево-Печерского, тогда поймешь, каким образом все отечественные предания могли раздаваться в стенах монастырских и переходить в Несторову летопись.

Отношения монастыря к внешней жизни. Ян Воевода. Рассмотрим теперь отношения монастыря ко внешней жизни. Летописец сам о них доносит. В притворе монастырском был погребен 90-летний старец Ян, умерший в 1106 году. От него сам летописец слышал многое, что́ внес в свою летопись. Ян был сын Вышаты, который также правил воеводством при

Ярославе, и внук того Остромира, посадника новгородского, для которого написано было в Новгороде Евангелие дьяконом Григорием. Мы знаем дружелюбные отношения Феодосия к Яну и жене его, Марии. Конечно, воевода великокняжеский посещал нередко монастырь и держал беседу с Нестором. Это был муж практический, изведавший опыт жизни. Он сбирал дани от имени князей по разным странам русским; он спорил с волхвами и усмирял их; он держал воеводство киевской тысячи в то время, как освящена была церковь киево-печерская; он сражался до конца жизни с половцами. Близость к монастырю Печерскому такого человека, который в памяти своей мог содержать предания своего отца и деда, правивших делами военными и государственными, конечно, была много плодотворна для летописца.

Гюрятя Новгородец. Кроме Яна есть еще другой свидетель, на которого ссылается Нестор, – Гюрятя Рогович Новгородец. Он сообщает ему то, что слышал через отрока своего, посыланного в печору, платившую дань новгородцам, от югры, жившей на севере около тех мест. Из всех этих отношений мы видим, что монастырь Киево-Печерский не прерывал совершенно связей со внешним миром, что его посещали мужи разных стран, ведавшие предания жизни древней и события современные. Отсюда ясны для нас живые источники летописца. Присутствие в обители Иакова монаха, который был высоко чтим Феодосием и написал житие Владимира, похвалу ему и «Сказание о смерти Бориса и Глеба», пополняет еще те же самые источники.

Форма изложения летописи: притча и рассказ. Перейдем теперь к форме изложения Нестерова. В этом отношении вся летопись, как мне кажется, может быть разделена на две половины, из которых в первой, содержащей в себе события до XI века, преобладает форма *притчи*, а во второй половине, начиная с XI столетия, уже виден *рассказ* почти современника и, наконец, очевидца.

Значение притчи. Притчу надобно совершенно отличить от мифа. Миф есть басня, или вымысел фантазии, в котором

содержится только намек на истину события, почти исчезающий в произволе самого вымысла. Притча же чужда всякой фантазии и заключает в основе своей событие чисто историческое, которое в разуме народном осмыслилось и округлилось, а фантазия разве в том только здесь участвовала, что дала ей самую простую форму, нисколько не изменяющую истины ее смысла. Вся первоначальная наша история тем и отличается от истории других народов, что вовсе чужда мифа, за исключением разве некоторой скандинавской примеси, о чем было говорено в четвертой лекции. Характер ее – притча.

Пример: первая притча о козарах и полянах. Чтобы еще более уяснить, как я это разумею, приведу самую первую притчу, какая встречается в летописи, а именно о козарах и полянах.

«По сих же летех… наидоша я (то есть на полян) козаре седящая на горах сих в лесех, и реша козари: платите нам дань. Съдумавше поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему, и к стариишиным, и реша им: се налезохом (нашли) дань нооу. Они же реша им: откуду? они же реша: в лесе на горах, над рекою Днепрьскою. Они же реша: что суть въдали? они же показаша мечь. Реша старци козарьстии: недобра дань, княже! мы ся доискахом оружьем одиною стороною, рекше саблями (то есть мы доискались этой дани оружием острым одною стороною), а сих оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на нас и на инех странах. Се же сбыся все; не от своея воля рекоша, но от Божья повеленья».

Так народ округлил в памяти своей событие, истина которого состояла, как кажется, в том, что козары напали на полян, а поляне, сами будучи племенем тихим, кротким, но крепко стоявшим за свободу, мечами отстояли свою независимость.

Другие притчи. В подобных притчах предстают и далее важнейшие события первоначальной жизни Отечества. Таковы: призвание варягов-руси чудью, славянами и кривичами; водворение Олега в Киеве; поход его на Царьград; притча о парусах паволочитых для Руси, а кропинных для славян, выражающая предпочтение Олега к своим сопришельцам; по-

ходы Игоря; смерть его; первое мщение Ольгино; избрание веры Владимиром: единоборство печенега с русскими. Некоторые происшествия, являющиеся в промежутках, не имеют этого характера, потому что явным образом заимствованы из византийских источников. Последняя притча относится к 997 году и содержит в себе рассказ об осаде Белагорода печенегами, которые были обмануты хитростью одного старца, предложившего жителям города наполнить два колодезя киселем и сытою. Вскоре за тем рассказана смерть Владимира. Далее все события принимают характер чисто исторический. При Ярославе уже ни одной притчи. Потом встречаются описания самой наружности князей, как, например, Мстислава Владимировича, Глеба Святославича, Изяслава Ярославича. Видно, что пишет или очевидец, или человек, слышавший про события от современников.

Драматическая форма в изложении. Какой внешний характер принимает форма в изложении Нестеровом? Как в притче, так и в собственном его рассказе внешний характер формы – драматический. Выводимые лица, а иногда и целые племена ведут разговоры между собою. Откуда могла быть заимствована эта форма? Конечно, не у византийских летописцев, у которых она не существует. Можно, по моему мнению, искать двух источников для объяснения этому явлению. Первый заключается в форме библейской. Иногда, читая летопись, как будто забываешься и читаешь Библию, если удалить мысль о содержании. Так, повсюду видны живые следы прочтенной Библии. Второй источник, может быть, в характере южнорусских песен, которые предпочтительно перед песнями всех других славянских племен отличаются драматическою формою, как заметил О. М. Бодянский (39). Вероятно, обе причины вместе могли подействовать на Нестора.

Язык. Язык его в грамматических формах носит следы самого сильного влияния грамоты славяноболгарской, то есть нашей древней церковной. При этом кстати припомнить собственные слова летописца, который говорит, что в его время одна и та же грамота была на Руси и у болгар дунайских. У

Владимира одна из жен, мать Бориса и Глеба, была родом из Болгарии. Сношения с дунайскими болгарами упоминаются в XI веке (40). Славяноболгарское наречие, прежде всех образовавшееся письменно, определенными формами своими долго имело влияние на наш язык. Но, несмотря на то, в языке Нестора пробивается сильно эта живая устная речь. Полногласие русских слов, повторение предлогов, будущее время вместо настоящего и другие обороты указывают на народную стихию. Выражения, как, например: *иде в греки*, *иде из грек, посла по варяги, посла по гости, да пойди за князь наш за Мал* (оборот древний, оставшийся у нас в выражении: *замуж*), *с патреярхом с Фотьемь, ялися по дань, емля дань на грецех, за малом бо бе не дошел Царяграда* отзываются временем самого Нестора и теперь еще живут в народе русском почти в том же самом виде. Через семь веков приятно подслушивать следы этой живой молви, которая раздавалась, может быть, в келье Несторовой из уст рассказчика Яна и переходила на древнюю хартию под перо летописца.

Отличие от западных летописцев: отсутствие личности. В Несторе, как и во всех древних летописцах наших, замечается отсутствие личности, которая, напротив, так господствует в западных летописателях. В Виль-Гардуэне виден смелый предводитель ватаги французских смельчаков, занятый только водворением в Константинополе и презирающий все византийское; в Джиованни Виллани – обанкротившийся купец, который богомольным странником явился в Рим, влюбился в великолепие его древних памятников и гордое славолюбие языческого Рима перенес на предания своего отечества; во Фруасаре – трубадур, искатель приключений и любезник, который бродит по феодальным замкам, угождает дамам и рыцарям, собирает и записывает их рассказы. Отсюда, из этой личности, проистекает заманчивость хроник Запада; всегда личные страсти оживляют их повествование; но тут есть, конечно, и невыгода: трудно бывает науке сквозь эти пристрастия добраться до исторической истины. Сам Вильмень говорит, что хроника Виль-Гардуэня похожа на рыцарский роман.

Наш летописец Нестор и его последователи не имеют этой выгоды западных летописцев. В нем видим мы лицо бесстрастное, человека, не увлекаемого никаким пристрастием. Но эта личность уступает место другой великой личности и становится за нее – личности самого народа русского. Да, наш Нестор – это сама народная совесть, принявшая образ летописца; это народные уста, которыми высказалась первоначальная жизнь нашего Отечества. Позднее, в летописях XVI века, когда они принимают уже государственный характер, вы не встречаете той же искренности. Как понял это гений Шлецера! Как он сочувствовал Нестору и как не любил Степенных книг! Когда вникнешь в этот характер летописца, скрывшего лицо свое за лицом своего народа, тогда поймешь, что не без глубокого смысла самое имя его исчезло на летописи.

Только погрузив свое личное в дух своего народа, летописец мог дойти до сознания тех глубоких истин, как в событиях, так и в чертах народной физиогномии, которые до сих пор остаются теми же и поражают нас в его бесстрастном и простодушном рассказе. Припомним здесь то, в чем мы, пережившие столько изменений, подчинявшиеся столь многим явлениям, даже и теперь можем признать себя.

Черты народного сознания. При самом начале нашего государства приведем на память: какие слова раздались из уст наших предков? Так или иначе совершилось призвание варягов-руси, для защиты ли от напоров вражеских, для внутреннего ли устроения земли, – пускай о том спорит критика; но глубокомысленною истиною звучат для нас эти слова, которыми открывается история нашего Отечества: «Вся земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет; да поидете княжить и володети нами». Сколько добродушной иронии в этих словах, иронии, обращенной на самих себя, к чему способен едва ли не один только русский человек! Как открыто исповедует он свой природный недостаток перед чужими племенами и как гостеприимно приглашает их к себе для устроения своей великой и обильной земли! В этих словах еще отзываемся все мы, сколько нас ни есть.

Когда магометане предлагают закон свой Владимиру – он отвечает только: «Руси есть веселье питье, не можем без того быти». Сколько любви к народу заключается в этом ответе царя, который, не входя ни в какие иные соображения, потому лишь отверг закон магометанский, что он вовсе отвергает веселящий напиток, необходимый для русского народа!

Высокую терпимость обнаруживает Владимир, выслушивая представителей разных вер и вникая подробно в учение каждой. Не чувствуя себя вправе предоставить себе одному решение в таком деле, от которого зависела вся жизнь его народа, он призывает к себе бояр и старцев градских и совещается с ними. Сколько здравого, практического смысла в ответе бояр и старцев: «Ты знаешь, князь, что своего никто не хулит, а хвалит; если хочешь испытать вполне, имеешь у себя мужей: пошли их узнавать, как кто из них служит Богу!»

Как поверяет на душе своей каждый сын Православной Церкви верность впечатления, какое испытали в соборном храме Царьграда послы Владимировы, предстоя богослужению: мы не знали, на небе ли мы были или на земле! (41)

Какое добродушное доверие выражается в словах народа, который с радостью идет к днепровской купели и говорит: «Если бы то не было добро, князь и бояре сего бы не прияли!»

Голос истины, звучащий из глубины этих слов, оправдывается нам и теперь собственным нашим народным сознанием, которое вернее всего может убедить нас в правдивости летописца. И теперь в нашей мысли, поскольку она связывается с народною мыслию, разгадывается глубокий знаменательный смысл этих событий.

Припомним некоторые отдельные черты, так верно уловляемые летописцем из народной жизни. Доступен нашему сердцу голос русских матерей, которые, видя детей своих, *понимаемых* Владимиром в ученье книжное, плачут по ним, как по мертвецам. Тут сказалось наше исключительное семейное начало, которое нередко находится у нас в противоречии с государственною необходимостью. Этот киевский отрок, обма-

нывающий врагов-печенегов звуками печенежского языка, и теперь ясен нам, до крайности доводящим свою способность подделываться под языки иноземные. Мы и ныне еще любим величаться своим богатством, особенно перед немцами, как в 1073 году величался и Святослав Ярославич. Чем более вникаешь во все подробности событий, передаваемых летописцем, тем более внутри себя, как русского человека, сознаешь их правду и тем более постигаешь, что одним только погружением лица своего в личность всего народа летописец мог так верно и простодушно познавать его первоначальную жизнь в самых древних о ней преданиях.

Отношения к современным событиям. Но неужели лицо летописца не обнаруживает никаких отношений к современным событиям Отечества? Напротив, очень яркие и важные с двух сторон. Во-первых, они служат одним из сильнейших доказательств, к какому времени должна быть отнесена Несторова летопись; во-вторых, они дают высокий нравственный характер историку: отсутствие личности здесь еще более содействует к тому, чтобы летопись его взошла на степень нравственного современного подвига.

Два главных события кладут печать современности на Нестеровы сказания: междоусобия братьев-князей и набеги половецкие. Они между собою связаны в мысли летописца: последнее он представляет как наказание Русской земле за первое, чем оно действительно и было, потому что дикие кочевые народы много пользовались раздорами братьев-князей, чтобы чинить набеги на наше Отечество.

Удельные междоусобия. Вражда братьев, губящая Русскую землю, всего более гложет сердце летописца и внушает ему сильные и смелые уроки в пользу мира. Всюду, где только находит он к тому удобный случай, он исполняет это, как священную обязанность. В самом начале летописи мы находим значительное место. Описав, по Георгию Амартолу, разделение земли между сынами Ноевыми, Нестор прибавляет: «Сим же, и Хам, и Афет, разделивше землю, жребьи метавше *не преступати никомуже в жребии братск, живяху кождо в*

своей части». Сличите это место с Амартолом и другими византийскими летописцами – вы не найдете у них ничего подобного. Не явно ли, что эта прибавка сделана от самого летописца с умыслом, чтобы по случаю такого важного события, как первое разделение земли, дать урок братьям-князьям? У Амартола, напротив, вслед за этим разделением говорится о Ханаане, сыне Хамовом, который, видев, что земля, прилежащая к Ливану, хороша и плодовита, и гораздо лучше его земли, силою отнял ее и изгнал наследников Симовых. Об этом событии упоминает Нестор в другом месте, где говорит о Святославе, изгнавшем Изяслава, и приводит его иными словами, как нарушение отцовской заповеди, вместе с казнию, которая через 400 лет постигла хананейское племя от евреев, потомков Симовых (42).

Святополка Нестор изображает окаянным братоубийцей, сравнивая его то с Каином, то с Авимелехом, избившим братью свою, то с Ламехом, который виновнее Каина, потому что знал уже о казнях Божиих, постигающих братоненавидение: явный намек на князей современных. Рассказав об ужасных делах Святополка, летописец предлагает такое значительное поучение, заимствуя основную мысль его из вопросов и ответов Анастасия Синаита, помещенных в Святославовом «Изборнике» 1073 года: «Аще бо кая земля управится пред Богом, поставляет еи царя или князя праведна, любяще суд и правду, и властеля устраяет, и судью правящего суд. Аще бо князи правьдивы бываю ть в земли, то многа отдаются согрешенья; аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводить Бог на землю, понеже то глава есть земли; тако бо Исаия рече: согрешиша от главы и до ногу, еже есть от царя и до простых людии. Люте бо граду тому, в немьже князь оун, любяи вино пити с гусльми и с младыми светцики. Сяковыя бо Бог дает за грехы, а старыя и мудрыя отъиметь, якоже Исаия глаголеть: отъиметь Господь от Иерусалима крепкого исполина, и человека храбра, и судию, и пророка, и смерена старца, и дивна светника, и мудра хитреца, разумна, послушлива: поставлю уношу князя им, и ругателя обладающа ими».

Набеги половцев. Изображая частые набеги половцев, Нестор припоминает слова учителя Феодосия и не упускает случая напомнить князьям об усобных ратях, народу о его суевериях и остатках язычества. «Наводит Бог по гневу Своему иноплеменников на землю: усобная рать бывает от соблазнения дьявольского… Дьявол радуется злому убийству и *кровипролитью*, подвигая свары и зависти, братоненавиденье, клеветы». – Так говорит он к народу словами того же Феодосия: «Мы только словом нарицаемся христиане, а живем по-погански. Верим встрече: если кто черноризца встретит, или попа, или коня лысого, или свинью, то возвращается. Не поганский или то обычай? Другие верят чиханью, что бывает будто бы на здоровье голове. Всякими соблазнами привлекает нас дьявол: трубами, скоморохами, гуслями, русальями. Видим игрища *утолочены* народом, который пихает друг друга, а церкви стоят пусты».

Всеслав победил половцев, потому что в день Воздвиженья воздохнул ко кресту Господню. «Бог явил тогда силу крестную на показанье земле Русской, да не преступают честного креста, целовавши его; если же кто преступит, то и здесь примет казнь, и *на придущем* веке казнь вечную» (43). Уроки значительные князьям, которые в XI веке беспрерывно нарушали крестное целованье.

Под 1093 годом, описывая нападение половцев на Киев, бывшее в праздник Бориса и Глеба, Нестор говорит, что Бог и самые праздники отнимает у народа, пославши первое зло сего лета на Вознесенье Господне, а второе – на новый праздник Русской земли, в день Бориса и Глеба. Сбывается слово Пророка: преложу праздники ваши в плач и песни в рыдания. Затем следует живая картина опустошенной земли и особенно пленников, которые, в чужой стране терпя зиму, голод, жажду, почерневшие телом, нагие, босые, с изможденными лицами, с воспаленным языком, с ногами, изъязвленными тернием, на взаимные вопросы отвечают со слезами друг другу: я из того города, я из той веси, – сказывают род свой и, вздыхая, возводят очи на небо к Вышнему, сведущему тайная. Эти подроб-

ности о пленных Нестор мог, вероятно, слышать от иноков, которые нередко страдали в плену половецком.

Образец братской любви в Борисе и Глебе. Но, не желая только уроками поучать одних, а других, может быть, раздражать, летописец гораздо сильнее и действительнее выражает задушевную мысль свою о всеобщем мире в образце братской любви, Борисе и Глебе, падших жертвою ненависти. Велика была мысль Божия послать таких угодников во времена семейных междоусобий: конечно, молитвы киево-печерских иноков о единстве Русской земли много участвовали в явлении их мощей и в учреждении нового праздника, который совершался во имя братской любви, приявшей венец небесной награды.

Особенно трогательны все места летописи, касающиеся их жизни и смерти. Видно, что это было любимым предметом размышлений летописца, который свое поприще как писателя начал житием братьев-страстотерпцев. В житии Нестор особенно указывал на начало старейшинства между князьями, которому принесли себя в жертву мученики; увидев из опыта, как это начало колебалось в жизни, в летописи Нестор уже сосредоточивает все внимание на братской любви, которая соединяла братьев в жизни и увенчала их венцом небесной радости. Мы приведем отрывки.

Такие слова влагает летописец Глебу, плачущему об убитом брате своем, Борисе: «Увы мне, Господи! луче бы ми умрети с братомь, нежели жити на свете семь; аще бо бых, брате мой, видел лице твое ангельское, умерл бых с тобою; ныне же что ради остах аз един? где суть словеса твоя, яже глагола к мне, брате мой любимый? ныне уже не услышю тихого твоего наказанья; да аще еси получил дерзновенье у Бога, молися о мне, да и аз бых туже страсть приял; луче бо ми было с тобою жити, неже в свете семь прелестнемь».

По убиении Глеба так изображает летописец небесное свидание двух братьев: «Акы агня непорочно принесеся на жертву Богови, в воню благоуханья, жертва словесная, и прия венець; вшед в небесные обители, и узре желаемого брата своего, и радовашеся с нимь неиздреченною радостью, юже

улучиста братолюбьемь своимь. Се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупе!»

Известно, что житие Бориса и Глеба по древнему уставу нашей Церкви читалось иногда вместо паремий. Конечно, это чтение действовало благотворно на князей того времени. Часто раздавалось в стенах монастырских и молитвенное пение акафиста в честь Бориса и Глеба, которым летописец заключает свою повесть об их кончине. Приведем из него те слова, сила коих, конечно, наиболее совершала чудес любви и единения в тяжкую эпоху раздоров.

«Радуитася, страстотерпца Христова Русьскыя земля, яже изцеленье подаста приходящим к вам верою и любовью. Радуитася, небесная жителя, в плоти Ангела быста, единомысленая служителя… Радуитася, брата вкупе, в местех златозарных, в селех небесных, в славе неувядающей… Възвысила бо есть ваю светоносна любы небесная, тем красных всех наследоваста в небеснем житьи: славу, и райскую пищю, и свет разумный, красныя радости. Радуитася, яко вся напаяюща сердца, горести и болезни отгоняща, страсти злыя изцеляюща, каплями кровными святыми очервивша багряницю, славная. Ту же красно носяща, с Христом царствуета всегда, молящася за новыя люди хрестьянскыя и сродникы своя (земля бо благословися ваю кровью; и мощьми лежаща, духомь божественымь просвещаета)… Радуитася, светлеи звезде, заутра въсходящии. Но Христолюбивая Страстотерпца и заступника наша! покорита поганыя под нозе князем нашим, молящася к Владыце Богу нашему мирно пребывати в совокуплении и в сдравии, избавяща от усобныя рати и от пронырства дьяволя» (44).

Мысль о Русской земле. Так наш летописец, передавая современникам события из древней жизни нашего Отечества, обращал прошедшее в глубокомысленный урок настоящему. Заслонив трудом своим одинокую свою личность, он, конечно, один из первых летописью своею содействовал важнейшему событию в древней истории нашего Отечества: единению Русской земли. Эта мысль носится над всем его сказанием и выражается значительно на самом заглавии, где в первый раз

и дважды встречаем мы это великое имя: *Русская земля*, в котором только и могли сходиться наши разделенные предки XI столетия. Отсюда понятен нам высокий нравственный смысл надписания летописи: «Се повести времяньных лет, откуду есть пошла *Русская земля*, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду *Русская земля* стала есть».

Это замечание печатно в первый раз высказано было моим товарищем и другом М. П. Погодиным, который, к общему сожалению, покинул кафедру русской истории в нашем университете. Ничем лучше не могу заключить изучения Несторовой летописи, как теми словами, которыми он заключил свое исследование о том же предмете в историческом отношении: «Мы обладаем в Несторовой летописи таким сокровищем, какого не представит нам латинская Европа, какому завидуют наши старшие братья-славяне. Нестор во мраке XI века, в эпоху междоусобных войн, возымел первый мысль передать на память векам деяния наших предков, мучительное рождение Государства, бурное его детство. Нестор проложил дорогу, подал пример всем своим преемникам в Новегороде и Волыни, Владимире и Пскове, Киеве и Москве, как продолжать его историческое дело, без которого мы блуждали бы во тьме преданий и вымыслов. Нестор исполнил это дело с примечательным здравым смыслом, искусством, добросовестностью, правдивостью и, прибавим здесь еще одно прекрасное его свойство, с теплотою душевною, с любовию к Отечеству. Любовь к Отечеству в эпоху столь отдаленную, в эпоху, когда везде господствовала личность, выражение о Русской земле, когда всякий думал только о Киевском, Черниговском или Дорогобужском княжестве, – выражение о Русской земле в устах святого отшельника, погребенного заживо в глубокой пещере, обращенного всею душею к Богу и уделяющего между тем по нескольку минут на размышления о земной своей Отчизне, – явления умилительные! Так, милостивые государи, Нестор есть прекрасный характер русской истории, характер, которым должен дорожить всякий русский, любящий свое Отечество, ревну-

ющий литературной славе его, славе чистой и прекрасной. Нестор по всем правам должен занимать почетное место в пантеоне русской литературы, русского просвещения, – там, где блистают имена бессмертных *Кирилла* и *Мефодия*, изобретателей славянской грамоты, которые научили наших предков молиться Богу на своем языке, между тем как вся Европа в священных храмах лепетала чуждые, непонятные, варварские звуки; там, где блистает имя *Добровского*, законодателя славянского языка, обретшего непреложные законы в движениях его коренных элементов, сообщившего филологии ее высокое достоинство; там, где мы благоговеем пред изображением нашего холмогорского рыбака, *Ломоносова*, давшего нам услышать новую, чудную гармонию в отечественной речи; где возвышается памятник *Карамзина*, которого должны мы почитать Нестором нашего времени, идеалом русского гражданина и писателя; куда перенесли мы недавно со слезами гроб нашего *Пушкина*, который опустился далее всех в глубину русской души и извлек из нее самые основные звуки. Туда, туда постановим мы... не портрет, но освященный образ нашего первого летописателя, знаменитого инока киево-печерского Нестора, провозгласим ему вечную память и будем молиться ему, чтоб он послал нам духа русской истории, ибо дух только животворит, а буква, буква одна умерщвляет, по слову Святого Писания; мы будем молиться ему, чтобы он соприсутствовал нам в наших разысканиях о предмете земной его любви, о предмете самом важном в системе гражданского образования, в коем таится все наше настоящее и будущее, – об отечественной истории; мы будем молить его, чтоб он подавал нам собой пример трудиться не для удовлетворения своего бедного самолюбия, не из угождения своим мелким страстям, а в духе того смиренномудрия, которое внушило ему эти прекрасные слова, по замечанию одного из моих товарищей: "Аз грешный Нестор мних всех в монастыре блаженнаго отца всех Феодосия", – трудиться в духе горячей любви к Отечеству, с искренним желанием научиться и узнать истину».

ЛЕКЦИЯ ВОСЬМАЯ

Другие летописцы, современные Нестору. – Патерик Киево-Печерский. – Сказание о создании Киево-Печерской церкви. – Заключительная мысль об XI веке. – Государственные деятели XII века на поприще духовного образования. – Владимир Мономах. – Мстислав. – Георгий. – Ростислав-Михаил. – Андрей Боголюбский. – Николай Святоша. – Евфросиния Полоцкая. – Верхуслава. – Памятники письменности XII века. – Общие черты образования в XII веке. – Изящные искусства. – Зодчество. – Живопись. – Церковное пение. – Духовенство. – Отношения к Западной церкви. – Отношения к Церкви Константинопольской. – Отношения духовенства к народу. – Общее обозрение памятников словесности XII века. – Писатели, упоминаемые в летописях. – Паломник, или Хождение Даниила. – Странствия в Иерусалим. – Сочувствие летописца крестовым походам. – Время хождения Даниилова. – Предположения о родине Даниила. – Подробности очевидца. – Содержание. – Главный характер рассказа. – Первый взгляд на Иерусалим. – Иордан и водокрещение. – Заключительный рассказ о сошествии Света. – Свидание с Балдуином. – Кандило от всея Русския земли. – Воскресная ночь. – Явление света. – Снятие русского кандила со Гроба. – Заключение

Другие летописцы, современные Нестору. Были ли другие летописцы, современные Нестору? Без сомнения. Симон, епископ Владимирский, в своем послании к Поликарпу ссылается на летописца старого ростовского, который упоминал более чем о тридцати епископах. Самые вставки в летопись доказывают, что Нестор пользовался письменными трудами своих современников. Под 1097 годом инок Василий рассказывает с изумительными подробностями ослепление Василька – эту юридическую драму времен удельных, где в ужасном действии обнаружилось чувство правды, жившее тогда в русском народе,

где не отрывочными правилами какого-нибудь устава, а цельными событиями самой жизни определяется простой смысл древних первоначальных отношений между властью князей, семейными обязанности, Церковью и народом. Рассказчик сам участвовал в сношениях между Давидом и Васильком, который был ему тезкой: этому счастливому случаю мы обязаны сохранением имени летописца. К сожалению, событие еще не разгадано наукой и давно ожидает художника, который бы постигал смысл древней жизни нашего народа.

В другом месте, под 1114 годом, летописец доносит о себе, что был в Ладоге, и передает, что слышал от ладожан о *стеклянных глазка́х*, падающих с неба дождем и выполаскиваемых Волховом; он сам подобрал их более ста. Еще рассказывали ему ладожане о том, что в стране за югрой и самоедами бывает чудное явление: из тучи падают белочки и маленькие олени, вырастают и разбегаются по земле. Обилие пушных зверей этой страны дало повод к такой сказке. В свидетели преданию рассказчику приводит посадника Павла Ладожского и всех ладожан. Сам ли Нестор был в Ладоге или другой летописец – автор этой вставки, – мы решить не можем; но вернее кажется принять последнее предположение (1).

Патерик Киево-Печерский. Мы уже сказали, что начало патерику Киево-Печерскому положено было Нестором в житии Феодосия и тех местах летописи, которые касаются обретения мощей св. Феодосия и житий Дамиана, Иеремии, Матвея и Исакия. Продолжатели Несторова труда, или, может быть, правильнее, настоящие основатели патерика, к трудам которых впоследствии присоединено было все, написанное Нестором относительно важнейших событий монастыря, были: Симон, сначала инок печерский, потом епископ Владимирский и Суздальский, и Поликарп-черноризец. Оба жили во второй половине XII столетия и в первой четверти XIII. Мы, нарушая хронологию, здесь упоминаем об их трудах потому, что они связаны тесно с первым камнем патерика, принадлежащим Нестору, а самое содержание их изображает нам лучшую сторону жизни XI столетия.

Симону принадлежит «Послание к Поликарпу» с житиями угодников Печерских и «Сказание о создании Печерской церкви»; Поликарпу – «Послание к Акиндину», также заключающее в себе жития Печерских угодников, из коих иные жили и в XI, и в XII столетиях. Патерик представляет нам записки монастыря, из которых мы видим, как духовная жизнь его, привлекая к себе избранных изо всех сословий, в свою очередь, из обители проливала свет на все страны нашего Отечества и на самые дикие племена, с ним воевавшие. Недаром игумен Никон в ответе своем гневному Изяславу, требовавшему возвращения боярского сына, назвал их *воинами Царя Небесного*. В самом деле, они были такими. По словам Симона, подобно апостолам, посланным во всю вселенную, питомцы сего монастыря крещением освятили всю Русскую землю. Леонтий, епископ Ростовский, погиб от неверных и явился в лике мучеников *третьим гражданином* от русского мира вместе с двумя варягами. Исаия продолжал дело Леонтия и обращал идолопоклонников в Ростове. Евстратий, раздавший свое имение нищим и постригшийся в монастырь, отведен был половцами в плен вместе с 50 русскими, в числе которых было 30 иноков. Половцы продали их в Грецию, жиду. В плену Евстратий проповедовал спутникам своим верность обету крещения. Слово подействовало: все погибли голодом и жаждою. Постник Евстратий, приучивший тело свое к воздержанию, пережил всех, но для того чтобы испытать мщение от жида и претерпеть страдания Христовы. Распятый на кресте, он праздновал день Пасхи словами: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь!» – и обращал жидов со креста своим терпением и словом. Никон Сухой выносил тяжкие мучения в плену у половцев, не хотел выкупа и, чудно спасенный, обратил к истинной вере половчина, который терзал его. Кукша в начале XIII столетия просвещал вятичей, живших по Оке, и вместе со своим учеником был усечен неверными. В самых стенах монастыря совершались прекрасные явления любви. Пресвитер Тит был причислен к лику святых за то, что умел победить в себе чувство ненависти к диакону Евагрию и про-

сил у него прощения, тогда как он никак не хотел примириться с Титом. Этот образец кротости был поучителен для времени, когда вражда составляла главное несчастье Русской земли.

Так Киево-Печерский монастырь являлся светильником любви, мира и добрых христианских нравов на всю тогдашнюю Русь. В нем одним и тем же пером зачалась летопись государственная и летопись монастырская – жития святых. Обе струи вытекли отсюда; в первой глядится первоначальная жизнь самого народа; во второй сам народ созерцал для себя высшие образцы духовной жизни и к ним стремился. Можно ли исчислить все добро, которое воспитали в нем жития святых? Он читал их и улучшался; они были для него духовною школою, откуда он почерпал свое христианское смирение, неистощимую любовь и преданность вере. То, что начато было монастырем Киево-Печерским, продолжалось после, в течение всей жизни древнерусской: не оскудевали никогда в нашей допетровской словесности ни летописные сказания, ни предания о жизни духовных мужей, которыми воспитывалась внутренняя сила Отечества. В примерах русской святости мы видим, как народ наш понимал христианство и переносил его истину во внутреннюю глубину своего духа, не употребляя никогда оной для каких-нибудь внешних, практических целей, сопряженных с выгодами человеческой личности. Христианство возделывало у нас внутреннего человека и не обращало внимания на блеск внешнего. Желательно, чтобы в наше время, когда образование обратилось на эту внешнюю сторону, приведено было в яснейшее сознание то, что воспитала Древняя Русь, – тот человек внутренний, который образуется духом веры и содержит в себе почву для всякого прочного внешнего развития.

Сказание о создании Киево-Печерской церкви. В XI веке построена была церковь Киево-Печерского монастыря в византийском стиле трудами и подвигами игуменов святой обители. В конце XII столетия или в начале XIII, епископ Симон передал письму прекрасное священное сказание о том, как изобразилась и преднаписалась церковь эта в небесах, а потом создалась и украсилась на земле. Событие и сказание

связывают одиннадцатый век с двенадцатым, и вот почему мы приведем здесь содержание этого произведения, в котором мысль веры сочеталась с изящными образами.

У Африкана, варяжского князя, было два сына, Фрианд и Шимон. По смерти отца они были изгнаны из родной области дядею своим, Якуном Слепым. Шимон пришел в Киев и предложил услуги свои Ярославу, который послал его к сыну своему, Всеволоду. Князья шли в поход против половцев. Шимон был с ними. Святый Антоний благословил Всеволода и предрек сопутнику его, Шимону, что Бог сохранит его в битве и что тело его ляжет в стенах церкви, которая будет создана. Солнце взошло и осветило на берегах Альты битву, какой еще не было. Три раза соступались войска, говорит летописец; бросая оружие, сцеплялись руками; кровь текла по удольям. Русские были разбиты и бежали. Шимон раненый лежал на поле и вдруг на небесах увидел церковь ту же самую, какую видел на море, во время бури. Молитва к Богу спасла его от смерти. Возвратясь в Киев, он явился к Антонию и передал ему то, что до тех пор таил в душе своей. Он рассказал ему, что у отца его был крест с изображением Христа, как чтут его латины, и что отец украсил его поясом о чреслах в пятьдесят гривен злата и венцом на главе. Изгнанный Якуном Шимон снял пояс и венец с Иисуса и слышал голос от Его изображения: «Не возлагай их на себя, но неси на уготованное место, где созиждется церковь Матери Моей, и отдай Феодосию» (2). Когда плыл он по морю на корабле, случилась ужасная буря. Все отчаялись в спасении. Он возопил ко Господу с покаянием – и вдруг увидел на небесах церковь и слышал из бури голос, что это та самая, на которую даны венец и пояс. Ее же видел он, раненый, и на поле битвы. Таинственным голосом даны были и размеры ее величине. Антоний нарек Шимона Симоном и, призвав Феодосия, вручил ему венец и пояс.

Князь Святослав копает ров для храма и на построение дает сто гривен злата. Симон просит Феодосия, чтобы в этой церкви упокоилось тело его по смерти и чтобы приносились моления за его родителей и детей. Приходят к Антонию ма-

стера из Царяграда: ангелы-юноши позвали их к Влахернской Богоматери, и Она Сама послала их в Киев, дав им злата на три года, мощи святых, Свою икону, и обещала Сама посетить церковь, которую избрала Себе обителью. По гласу Ея они также видели церковь на воздухе. Антоний принял путников. Все готово к строению. Надобно определить место. Всю ночь молит он Бога о том, чтобы утром по всей земле была роса, кроме того участка, где надлежало быть храму. И утром сушею обозначилось его основание. На другую ночь другая молитва: да будет по всей земле суша, а на месте святом – роса, и было так. Золотым поясом Господним измерены широта и долгота храма. Молитвою Антония низведен огонь с неба, который пожег деревья и терния и полизал росу. Нередко впоследствии столпы огненные являлись над церковью до самого неба. Владимир Мономах был тогда еще ребенком, и златой пояс исцелил его от недуга.

Иконописцы византийские приходят к игумену Никону расписывать церковь. К ним в Царьграде явились Антоний и Феодосий, уже не бывшие тогда в живых, договорились с ними и вручили им злато. Пришед в монастырь, они узнали святых старцев по иконам их. В пути они видели церковь на высоте. Лодка сама несла их вверх по Днепру и сама пристала к обители. Когда братья-живописцы окладывали храм мусиею, образ Богоматери сам изобразился на стене и просиял, как солнце, и белый голубь излетел из уст его и влетел в уста изображения Спасова, и садился у написанных святых то на руках, то на головах, и иконописцы не могли изловить голубя и признали в нем явление Духа Божия (3). Когда еще не совершилось освящение церкви, в ней уже являлись чудеса. В Киеве жили два друга – Иоанн и Сергий. Пришед в церковь, они пред иконою вступили в духовное братство. Иоанн имел пятилетнего сына Захарию; бóльшую часть имения своего он раздал нищим, а часть сыновнюю, сто гривен злата и тысячу серебра, вручил для хранения другу своему и брату Сергию. Сын 15 лет захотел взять свое имение, но Сергий отрекся и утаил его. Тщетно Захария просил у него половины, или тре-

тьей, или даже десятой части. Тогда он призвал Сергия в ту самую церковь, где он сочетался духовным братством с покойным отцом его, и требовал клятвы. Сергий поклялся, но когда приступил к целованию иконы, он не мог вынести напора бесов – и во всем сознался (4).

Когда пришло время освящать церковь, епископы разных городов, незваные, собрались в монастырь, подобно апостолам, слетевшимся к телу усопшей Божией Матери. Когда же соборно запели они перед вступлением в церковь: «Возьмите врата князи ваша!» – никого не было в храме, и сами ангелы отвечали из него: «Кто есть Царь славы?»

Так, говорит «Сказание», все строилось Божьим Промыслом об этой святой и божественной церкви. Голос Божий, венец и пояс Христа, Дух Святой, Божия Матерь, ангелы, угодники и, по воле Божьей, византийские зодчие и иконописцы, князья, народ, небо, Днепр – вся природа участвуют в ее создании, – и, прежде чем явиться ей на земле, она носится беспрерывно на небесах, и во время морской бури на тучах неба, и над битвою Альтскою, и над Царьградом... Чудное, священное предание! Как не пожалеть, что оно, заключая в себе столько поэтических и живописных образов, не одушевило у нас ни одного художника? Не потому ли, что искусство наше живет на чужбине и черпает свои вдохновения из источников иноземных? Такое предание на Западе давно бы прославлено было по Европе и кистью славных живописцев, и словом поэтов (5).

Заключительная мысль об XI веке. Прежде чем перейти к XII веку, заключим век XI главной мыслью, которую он выражает. Вот она. Духовное образование, принятое нами в X столетии от Византии, в XI было усвоено нашей жизни, и посредником в этом усвоении явился Киево-Печерский монастырь, который во времена удельных междоусобий действовал во имя внутреннего духовного единства – Русской земли. Заметить надобно, что, принимая образование от Византии, мы совершенно удалили от себя всякое влияние стихии языческой. Дóлжно сказать и то, что восточная столица Империи, будучи основана Константином под влиянием христианской

мысли, допустила в себя мир языческий только во внешних украшениях жизни (6), тогда как Запад содержал его в самой своей внутренности и тем после повредил в себе полному действию начала христианского. Мы же приняли сие последнее во всей его чистоте и искренности, без всякой посторонней примеси, которая, особенно вначале, могла быть вредна нашему духовному росту. Отсюда проистекает коренное различие во всем последующем западном и нашем образовании; надобно заметить это в самом зерне его.

Государственные деятели XII века на поприще духовного образования. Владимир Мономах. Государственные деятели XII века, принесшие пользу духовному образованию Руси, были следующие. Во главе других стоит правнук великого Владимира и внук Ярослава, Владимир Мономах, княживший от 1113 до 1125 года. Он представляет первый прекрасный плод того духовного начала, которое распространяла Церковь. Прославился он победами над половцами, но еще более – духом любви и мира. Мы увидим его еще раз в числе писателей и к нему возвратимся, а здесь упомянем о дружелюбных его отношениях к митрополиту Никифору, который писал к нему учительные послания.

Мстислав. С именем Мстислава Владимировича (1125–1136) соединено воспоминание об одном значительном памятнике письменности этого века.

Георгий. Георгий Владимирович Долгорукий (ум. 1157) содействовал развитию жизни на севере и в городе своем Суздале создал церковь наподобие Киево-Печерской (7).

Ростислав-Михаил. Ростислав-Михаил Мстиславович (кн. 1160–1168) любил беседу с игуменом Печерского монастыря, Поликарпом, и нередко угощал у себя всю братию. Часто выражал он желание Поликарпу постричься в монастыре, но тот удерживал его словами: «Вам Бог так велел быть: правду делать на сем свете, в правду суд судить и в крестном целованьи стоять». Со вздохом отвечал ему Ростислав: «Отче! Княжение и мир не могут быть без греха» – и томился по обители. Трогательно описана кончина его в летописи и те молитвенные

слезы, с которыми он испустил дух и которые летописец называет жемчужными зернами (8).

Андрей Боголюбский. Андрей Боголюбский(кн. от 1159 до 1174) продолжал дело отца своего во Владимире, построил город и назвал его именем любви к Богу, много прилежал к Божественному Писанию, строил прекрасные церкви, заслужил в летописях сравнение с Соломоном, покровительствовал славному проповеднику Кириллу, епископу Туровскому, и получал от него частые послания (9).

Николай Святоша. Из удельных князей XII столетия замечателен пример Николая Святоши, князя Черниговского, сына Давидова и внука того Святослава Ярославича, которого любовь к книжному ученью нам уже известна. В 1106 году этот князь, оставив честь, славу и власть княжения, пришел в монастырь, постригся и явил пример послушания и непрерывной деятельности. Он был поваром, дровосеком и вратарем монастыря; казну свою он употреблял на церковное строение и на книги, которых множество хранилось в обители еще во второй половине XII века, как свидетельствует епископ Симон (10).

Евфросиния Полоцкая. Упомянем еще о двух женах из рода княжеского. Евфросиния, мирски Предислава, была дочерью Георгия, князя Полоцкого, младшего из сыновей Всеслава Брячиславича. Красота ее пленяла юных князей, но она отвергла их для Небесного Жениха и постриглась в монастыре, где игуменьей была тетка ее, супруга князя Романа Всеславича. По примеру иерусалимских дев она испросила у Полоцкого епископа Илии дозволения жить в пристроенной к Софийскому собору келлии, где молилась и списывала священные книги, которые отдавала в продажу, а деньги, вырученные за них, раздавала нищим. С благословения епископа она учредила монастырь при церкви Спасовой на Сельце, куда принимала дев и жен, в том числе родную сестру свою, Градиславу, и двоюродную, Звениславу, которая принесла ей все свои драгоценные одежды и утвари. Здесь наставляла она духовную семью свою в книжном учении. В ее житии сохранилось краткое поучение к инокиням, из которого мы

приведем заключительные слова: «Сотворитеся же чистая пшеница Христова, измелитеся в жерновах смирения постническими труды, чистотою же, любовию и молитвами, да будете яко хлеб сладок Богу». Евфросиния построила церковь Св. Спаса, памятник нашего зодчества в XII веке, и теперь еще уцелевший; приобрела от греческого императора Мануила Эфесскую икону Богоматери, писанную, по преданиям, св. евангелистом Лукою и теперь хранимую в Торопце; более сорока лет была игуменьею монастыря своего; уже в глубокой старости совершила странствие ко Гробу Господню и скончалась в Иерусалиме, до 1169 года. В обители Спасской долго хранился дар ее благочестия, крест с надписью 1161 года, который потом перенесен в Софийский собор и по воссоединении униатов совершил странствие в обе наши столицы (11).

Верхуслава. Другая замечательная жена этого столетия, Верхуслава, супруга Ростиславова и невестка Рюрика, князя Киевского. Она писала письма к епископу Симону и покровительствовала Поликарпу-черноризцу, известному списателю житий в патерике (12).

Сводная летопись Татищева, которая в новое время возвратила доверие русских историков (13), славит многих князей за их любовь к училищам, к ученым и к чтению книжному. О Святославе Юрьевиче († 1174) говорит она, что он имел большую начитанность, милостиво принимал ученых, приходивших от греков и латин, часто с ними беседовал и имел состязания. Роман Ростиславич, по свидетельству той же летописи, частыми беседами поучал своих братьев и вельмож; устраивал в Смоленске училища, своею казною содержал в них учителей греческих и латинских, не хотел иметь священников неученых и до того истощил на все это свое имение, что смольняне погребли его на свои деньги, снесенные любовью народа к покойному. Ярослав Галицкий († 1188), прозванием Осмомысл, прославленный в «Слове о полку Игореве», призывал художников и ремесленников изо всех стран, знал языки, читал многие книги, искоренял ереси наставлениями, призывал всех к ученью и доходы с монастырей употреблял на

училища. Константин Всеволодович, по летописям Мудрый († 1218), не щадил словесных наставлений своему народу, дом свой по смерти отдал под училище во Владимире и внес в него свои книги, был охотник до чтения их и знал многие науки, имел при себе многих ученых, покупал древние греческие книги высокою ценою, получал другие в дар от патриархов и собрал их более тысячи, повелевал переводить их на русский язык, собрал многие дела древних князей, самих описывал, и другие с ним трудились (14).

Памятники письменности XII века. Поименуем памятники письменности, несомненно относящиеся к XII столетию. Все они писаны на пергамене. Евангелие, писанное в лист Алексою, сыном пресвитера Лазаря, для Новгородского князя Мстислава Владимировича, впоследствии бывшего и князем Киевским, хранится в московском Архангельском соборе. Оно было относимо всегда к 1125–1132 годам Мстиславова княжения в Киеве; но, судя по тому, что в послесловии к сему Евангелию Мстислав называется князем Новгородским, что хранилось оно в Новгороде, до́лжно полагать, что оно писано ранее 1125 года (15). Этот список, полный апракос, в тексте передающий древний первоначальный перевод славянских просветителей, обилующий древнейшими формами и оборотами славянской речи, сличен с тремя списками XII века и с четвертым XII-го, и приготовлен к изданию проф. Невоструевым (16). Второе Евангелие, апракос, писано для Новгородского Юрьева монастыря Феодором при игумене Кириаке между 1119–1128 годами и принадлежит Новоиерусалимскому монастырю (17). Третье Евангелие (Галичское) писано, кажется, южным славянином в 1144 году и хранится в Синодальной библиотеке. Это самый древний список Евангелия *тетра*, то есть расположенного по четырем Евангелистам (18). Четвертое Евангелие, 1164 года, писано дьяком Константином, а мирски Добрило, для попа Семена и находится в Румянцевском музеуме (19). По указателю Московской Синодальной библиотеки значатся Служебник, по преданию, принадлежавший Антонию Римлянину, скончавшемуся в 1147 году, и Стихирарь месячный нот-

ный 1157 года (20). Новгородская Софийская библиотека имеет Стихирарь праздничный, писанный при Новгородском епископе Аркадии и при тиуне Тупочеле между 1156–1163 годами. В Румянцевском музее есть пергаменная рукопись, содержащая в себе Иоанна Лествичника «Беседы к монашествующим», несомненно XII века, хотя год подробно и не обозначен (21). Замечательно, что это богословско-созерцательное сочинение дошло до нас в столь древнем переводе и списке и писано русским правописанием – следовательно, в России. В Синодальной библиотеке есть 18 огласительных и пять тайноводственных поучений Кирилла Иерусалимского, писанных уставом XII–XIII веков (№ 478). Упомянуты в приписке писцы Феодор и Константин. К этому же столетию относятся некоторые надписи: 1) нам уже известная на кресте Евфросинии Полоцкой, 1161 года, 2) надписи в той же церкви Св. Спаса, и 3) надпись на Рогволодовом, так называемом Борисоглебском, или Оршанском, камне 1171 года, времен Полоцкого князя Рогволода (Василия), сына Борисова (22). К тому же столетию относится и первая грамота, писанная на пергамене и данная Мстиславом Новгородскому Юрьеву монастырю, вместо крепости на земли и судные пошлины при игумене Исаие, следовательно, между 1128 и 1132 годами. Этот важный памятник письменности XII века для нас еще тем более драгоценен, что он первый в своем роде был подвергнут критическому истолкованию незабвенным митрополитом Евгением, причем в первый раз положены некоторые основания для русской палеографии (23).

Общие черты образования в XII веке. Соберем в одно черты, которыми обозначается лучшая сторона этого столетия. Византийское образование, пересаженное на русскую почву, приносит в нем значительные плоды. Сношения с Грецией не прерываются. Владимир Мономах был сын гречанки и внук греческого царя Константина Мономаха. Его внука, дочь Мстиславова, была за греческим царевичем. Всеволод III Георгиевич был воспитан в Греции. Наши князья вступали в брачные союзы с Англиею, Франциею, Норвегиею, Даниею, чехами, Польшею, ханами половецкими (24). Все это могло содейство-

вать распространению у нас иноземных языков. Мы рано развили эту способность и любили ею славиться перед другими народами: «В том бо честь есть от инех земель», – говорит Владимир Мономах в своем «Поучении». Если отец его, Всеволод, сидя дома, знал пять языков, то до́лжно думать, что другие князья, посещавшие чужие земли, могли превосходить Всеволода в этом знании. Замечательным образом распространен был латинский язык в нашей земле. Константин Всеволодович, княживший уже в XIII веке, но образовавшийся в XII, говорил латинским языком как своим природным, по свидетельству друга его, епископа Симона (25). Монах Рубруквис, странствовавший по России в половине XIII века, встретился с половчином, говорившим по-латыни (26). Врачебная наука приходила к нам с Востока. Ею занимались армяне и сирияне. Владимира Мономаха пользовал армянин; врачом у Николы Святоши был сириянин. Но и в монастыре Печерском иноки занимались также врачеванием: Алипий исцелял вапами; Агапит, безмездный врач Печерский, простыми зелиями и молитвами.

Изящные искусства. Зодчество. Искусства изящные, зодчество и живопись, перенесенные из Византии в Киев, стали размножаться и на севере. Уже не одни греки, но и русские ими занимались. Церковь Киево-Печерская, *небеси подобная*, по выражению современников, возбудила во многих князьях соревнование строить такие же: Владимир Мономах соорудил подобную в Ростове, Георгий – в Суздале. Андрей Боголюбский в течение всего своего княжения во Владимире занимался созиданием великолепной церкви, и мастера изо всех земель участвовали в ее построении. Сам город вырастал по мере того, как вырастала и украшалась церковь. Другой, также славный, храм был воздвигнут Андреем в Боголюбове. Имя Соломона заслужил он от летописцев, как великий храмоздатель (27). Богатство церквей его, конечно, было достойно изумления, судя по свидетельствам очевидцев. Недавно найденные фрески во Владимирском соборе, может быть, относятся к его времени и обнаруживают стиль необыкновенно изящный (28). Кроме того, столицу свою он украсил двумя вратами – золотыми и

серебряными. В 1194 году надобно было обновить две церкви: одну во Владимире, опаленную в великий пожар, а другую в Суздале, которая *опадала старостью и безнарядьем*, как говорит летописец. Епископ Иоанн искал даже мастеров немецких, а нашел своих на всякую строительную потребу (29). В конце же XII столетия Давид Ростиславич Смоленский воздвиг в своем городе церковь во имя Архистратига Михаила, которая своею красотою возбуждала удивление во всей стране полунощной (30). В самом конце века летопись упоминает о русском зодчем Милонеге-Петре, которого нашел между своими приятелями Рюрик Ростиславич, питавший ненасытную любовь к зданиям. Сей-то зодчий вывел каменную стену по берегу Днепра, у Михайловского Выдубицкого монастыря, которая возбудила удивление летописца, вероятно, инока той же обители, и внушила ему страницы благодарности князю и художнику, которых он сравнивает с Моисеем и Веселеилом (31). О Милонеге упоминает и новгородская летопись как о тысяцком; но мы не знаем, он ли был вместе и зодчим (32).

Живопись. Когда греческие мастера пришли в Киев расписывать церковь Печерскую, тогда Алипий был им поручен родителями своими для обучения иконописанию. Сначала он был учеником их, а после помощником. В течение всей жизни своей он занимался этим искусством в обители; трудился для игумена, для братии; обновлял обветшавшие иконы. Плату за труд свой он делил на три части: одну употреблял на покупку красок, другую раздавал нищим, третью отдавал в монастырь. Он знал, вероятно, целебную силу некоторых красок, потому что однажды, помазав вапою лицо прокаженного, исцелил его от гнойных струпов. Есть прекрасное предание об этом первом русском живописце, достойное кисти художника. Удрученный летами и предсмертною болезнию, он не мог докончить образа Успения Божией Матери, заказанного ему усердным богатым богомольцем к самому дню этого праздника, и ангел в виде юноши явился к немощному, дописал за него икону, и в срок готово было изображение. Деятельность этого иконописца относится к концу XI столетия и переходит в XII.

Церковное пение. Церковное пение вместе с христианским богослужением введено к нам из Греции. Около 1051 года переселились в Киев из Царьграда три певца со своими семействами, и от них ведет свое начало *ангелоподобное пение* древних наших храмов. Тогда же введено, конечно, и *демественное* пение – пение целым хором, всенародное. Прежде 1074 года жил в Киево-Печерском монастыре доместик Стефан; около 1434 года в Новгородском Юрьевском монастыре – доместик Кирик. В Киеве к концу XI и в начале XII века известен был двор доместиков за Десятинною церковью, где доместики, как до́лжно предполагать, обучали русских церковному хорному пению. Около 1130 года пришли из Греции к В. к. Мстиславу три гораздые певцы, из которых один, скопец Мануил, был поставлен в 1137 году епископом в Смоленске. Некоторые краткие молитвы пелись по-гречески. При перенесении мощей Бориса и Глеба народ единогласно взывал: «Кирие елеисон» (33). По освобождении от врагов народ, участвуя в благодарственном богослужении, имел обычай хором возглашать тот же греческий припев. Древнейшие нотные стихирари и минеи с крюковыми нотами относятся у нас к XI и особенно к XII веку. Русские люди слагали свои каноны: так, в Киево-Печерской обители известен был Григорий, *творец канонов*. Иоанн, митрополит Русский, сложил канон свв. Борису и Глебу, недавно открытый (34). Св. Кирилл Туровский сочинил *канон молебный*, отличающийся многими духовными красотами (35).

Духовенство. Хотя по некоторым памятникам этого века и по преданиям летописным мы имеем право заключить, что образование становилось принадлежностью также и мирских людей, особенно же представителей власти, но, конечно, всего более сосредоточивалось оно в лицах духовных. Потому, если мы хотим начертать полную картину образования русского в этом столетии, то прежде всего обратим внимание на духовенство. Мы изобразим его в трех отношениях: во-первых, в отношении к Западной церкви, которая хотела простереть на нас свое влияние, во-вторых, в отношении к духовенству греческому, и в-третьих, в отношении к народу.

Отношения к Западной церкви. Разделение между Восточной и Западною церквами обозначалось все ярче и ярче, особливо в тех крайних последствиях, к которым приходил запас через свое отторжение. Духовенство наше всегда неусыпно и деятельно заботилось о том, чтобы оградиться от смешения. Еще в прошлом столетии игумен Феодосий писал послание к Великому князю Изяславу о варяжской вере (36). Митрополит Георгий, современник Феодосия, написал «Стязанье с латиною» (37). В XII митрополит Никифор наставлял о том же Владимира Мономаха, по его собственному вопрошанию. Все точки разделения, как во внешних обрядах, обычаях, так и во внутреннем содержании веры, обозначены весьма отчетливо и ясно. Более подробное внимание обращено на приложение: *и Сына* к Символу веры. Указаны опресноки, употребление давленины в народе, запрещение брака белому духовенству, противное правилам Первого Собора, неуважение к алтарю, и резко обозначен обычай епископов и попов воинственного Запада ходить на войну и осквернять руки кровью (38). Поучая власть, духовенство предостерегало и народ. В ответах епископа Нифонта на вопросы черноризца Кирика налагается шестинедельная эпитимия на жен, которые носили детей своих к варяжским попам для молитвы (39). Начальники Церкви как бы с умыслом настаивали на соблюдении некоторых православных обрядов, чтобы оградить и предостеречь паству от всякого наружного общения, к коему любило прибегать западное духовенство, чувствуя само в себе недостаток общения внутреннего. Так, например, в тех же ответах Нифонта повелевается хоронить мертвецов до захождения солнца, как будто по той причине, что мертвец в последний раз является на свет до общего воскресения; но вернее, кажется, потому, что латиняне ввели обычай погребать по захождении солнца (40). Есть памятники у нас, свидетельствующие, что мы имели сношение с римскими папами по предмету разделения Церквей. Таково послание русского митрополита Иоанна III к папе Александру III (1104–1166). Судя по содержанию, ясно видно, что оно было вызвано самим папою. Писано оно

в духе кротости, любви и мира. «Отдай же ми Господа ради, – говорит Иоанн, – от многия бо любве таковая написавшу ми тобе». Он указывает на пап или их полномочных, которые заседали в соборах, и на отступления, затем последовавшие. Он желает соединения, но просит, чтобы папа обратился к своему брату по духу, Патриарху Константинопольскому, и показал ему всякое тщание, «да разрушатся соблазны и в едино нам единение быти и возглаголание духовно» (41).

Отношения к Церкви Константинопольской. Самое это послание уже показывает то отношение покорности и любви, в каком всегда находилась Церковь Русская к своей матери, Церкви Константинопольской. В духовенстве нашем этого столетия ярко заметны две стихии – греческая и русская. Митрополиты по большей части были греки; но видно уже стремление призывать русских на престол митрополии. В 1147 году Изяслав Мстиславич собором шести епископов поставил митрополитом Климента Смолятича, человека ученого, но без благословения Св. Софии; это поставление встретило сильное противодействие в других епископах, особенно же в Нифонте Новгородском, который отрицался служить вместе с Климентом и смело обличал его (42). В летописях того времени обнаруживается недоверие к хитрому характеру греков (43). Может быть, эта же самая причина высказывается в действиях той части духовенства, которая не благоприятствовала Царьграду. Но следовало же отделить вопрос Церкви от народных и местных отношений и сохранить восточное единство. Нашлись у нас и тогда люди, понявшие эту великую мысль, и главным в числе их был Нифонт Новгородский, которого летописи именуют *поборником Русской земли*, хотя он и являлся представителем прав греческой стороны в нашем духовенстве. Так было всегда в истории нашего образования: когда обнаруживалась в некоторой части русских какая-нибудь исключительность, могущая быть вредною самому народу в высшем духовном общении с другими народами мира – всегда являлись у нас, подобно Нифонту, поборники Русской земли и народа, не в тесном, а в самом обширнейшем

значении этого слова. С другой стороны, просвещеннейшие из греков старались сами согласоваться с потребностями народными и писали на славянорусском языке, как, например, митрополит Никифор, современник Мономаха.

Отношение духовенства к народу. Взглянем теперь на отношение духовенства к народу. Важною задачею для того времени было водворить благоустройство в Церкви, истребить нечистые остатки язычества, внести духовные начала в жизнь гражданскую, освятить нравы и обычаи жизни семейной, домашней. Кротко, снисходительно и заботливо действовала Церковь для достижения этой цели. Вопросы Кирика и других Нифонту Новгородскому – памятник нашей внутренней церковной деятельности – ясно это свидетельствуют. Давать ли причащение больным, извергающим гной? –Непременно, отвечает Нифонт. Не то смрад и отлучение святыни, что из уст исходит, но смрад греховный. В великую заслугу вменяется погребение валяющихся костей человеческих. Рачительно смотрела Церковь за пищею народа, чтобы он не ел белок и удавленины. Всякий оскверненный сосуд до́лжно было очищать молитвою: так религия способствовала к очищению даже всей внешней жизни русского человека. По шести недель эпитимии налагалось на жену, которая носила больных детей своих к волхвам или которая, следуя языческим суевериям, в случае охлаждения любви мужа, омыв тело свое водою, давала ему пить ее. Никаких других наказаний не налагала Церковь, кроме духовных. Принимается в соображение и возраст наказуемого: для молодых эпитимии не так отяготительны, как для взрослых. При обращении язычников в христианскую веру Церковь отдает первенство соплеменникам-славянам перед другими народами, вероятно, по преимуществу языка, более для них понятного, нежели для иноплеменных; огласительные молитвы для болгарина, половчина, чудина продолжаются сорок дней, а для славянина – только восемь. Строго наблюдала Церковь за своими служителями и за благочинием во храмах; строго – за чистотою жизни своих духовных чад в отношении к исполнению церковных обязанностей; обузды-

вала злоупотребления, хотя бы они совершались и под самым набожным предлогом: так, например, налагала эпитимии на тех, которые давали клятву идти в Иерусалим и не были в силах исполнить ее или, может быть, иногда прикрывали бродяжничество этою святою целию (44).

Общее обозрение памятников словесности в XII веке. Эти черты русского образования в XII веке, совокупленные в одно, послужат к тому, чтобы подтвердить достоверность и объяснить значение тех памятников словесности, к изучению которых мы теперь приступим. Мы уже сказали, что от этого века дошло до нас немаловажное число отрывков, по коим можно заключить, как значительно было целое. Каждый из них выражает свою особенную мысль, – а совокупленные вместе наукою, они доказывают, что словесность наша в этом столетии вступила в деятельную связь с современною жизнью. Обозрим сначала вообще все эти памятники по внутреннему их значению, прежде нежели изучать каждый порознь. «Хождение Даниила Паломника в Иерусалим» представляет нам, как мысль о Гробе Господнем жила тогда еще в народе русском и сливалась с мыслью о Русской земле. «Поучение Владимира Мономаха детям» изображает несложную картину века, характер этого князя и первое очевидное влияние христианства на воспитание древнего русского человека. Послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху, подтверждая достоверность предыдущего памятника, определяет отношения представителей Церкви к предержателям светской власти. «Слово Даниила Заточника», раскрывая в первый раз черту южнорусского характера в словесном произведении – юмор, – доказывает, что можно было у нас в XII столетии разумным и смелым словом снять с себя опалу княжескую. «Слова Кирилла Туровского» – памятник духовного красноречия, изумительный по глубине мыслей богословских, по красотам образов духовной поэзии. «Слово о полку Игореве», нося на себе черты южнорусской природы и поэзии, вскрывает самую глубокую рану в жизни этого периода и высказывает чувство, наиболее господствовавшее в сердце народа.

Писатели, упоминаемые в летописях. Прежде чем изучать подробно и порознь каждое из этих произведений, упомянем для полноты имена тех писателей, которые, судя по известиям летописей, вероятно, действовали словом, но не дошли до нас в своих сочинениях. Нифонт, епископ Новгородский с 1130 года, скончавшийся в 1156 году, строгий защитник единомыслия нашего с Константинополем, именуется в летописи ревнителем *священным и Божественным вещем*. Татищев полагает его одним из продолжателей Несторовой летописи. Нам уже известны его ответы на вопрошение черноризца Кирика, обнаруживающее христианский разум этого святителя. В древних рукописях под именем святого Нифонта значатся некоторые слова, к сожалению, еще не приведенные в известность. Митрополит Евгений приписывает их Новгородскому епископу (45). О Клименте Смолятиче, возведенном в 1147 году из молчальной кельи своей на престол Киевской митрополии по желанию Изяслава, летописи говорят, что он был очень книжен и учителен и много оставил сочинений (46). В рукописях нередко встречаются слова с именем Климента епископа; но до сих пор они не изданы, – и критика не решила еще: должны ли быть они приписаны Клименту, папе Римскому, или Клименту, славянскому епископу, или, наконец, нашему Клименту Смоленскому. Третий духовный деятель в «Слове» был Авраамий, основатель Богородицкого монастыря в Смоленске. Он отличался даром красноречия в проповедях своих и привлекал великое множество молельщиков в свою обитель, но тем возбудил зависть в духовенстве, оклеветан был пред народом в чернокнижии и даже осужден Смоленским епископом Игнатием, запретившим ему священнослужение вскоре, однако, оправдан другим епископом, Лазарем. К сожалению, из слов Авраамия дошло до нас только одно, – и духовное красноречие его было только по большей части собственностью его современников (47).

«Паломник, или Хождение Даниила». Странствия в Иерусалим. От начала этого столетия остался нам памятник, известный под именем «Книга глаголемая странник», также

«Паломник, или хождение Даниила Русския земли игумена». Мы уже знаем, что хождения русских в Иерусалим в этом веке были довольно часты. Припомним подробности о странниках в начале жития Феодосиева, путешествие св. Евфросинии Полоцкой, свидетельство в вопрошении Кириковом, что клятва ходить к св. местам простиралась даже до вредной крайности, против которой Церковь принимала благоразумные меры предосторожности. Мысль о Гробе Господнем была всеобщею мыслью христианства этого времени. Запад совершал тогда свои блистательные крестовые походы. Наши предки, занятые у себя раздорами внутренними и набегами вражьими, не могли принимать в них участия. Но в летописи, современной этим событиям, есть отголоски народного сочувствия западному движению на Восток в главной его побудительной мысли. Вот слова, которые мы читаем под 1190 годом летописи: «В то же лето иде царь Немецкый со всею своею землею битися за Гроб Господень, проявил бо бяшеть ему Господь ангелом, веля ему ити. И пришедшим им и бьющимся крепко с богостудными тыми агаряны, Богу же тако попустившу гнев Свой на весь мир, зане исполнися злоб наших вся земля, и си вся наведе на ны грех ради наших, во истину суд створи и правы судбы Его, и преда место святыня Своея инем иноплеменником: сии же немци, яко мученици святии, прольяша кровь свою за Христа, со цари своими. О сих бо Господь Бог наш знамения прояви: аще кто от них в брани от иноплеменьных убьени быша, и по трех днех телеса их невидимо из гроб их ангелом Господним взята бывахуть, и прочии видяще се тосняхуться пострадати за Христа; о сих бо воля Господня да сбысться, и причте я́ ко избраньному Своему стаду, в лик мученицкый» (48).

Так мы наравне со многими государями и народами крестоносного Запада видели издалека одну только светлую сторону дела; мы не знали тогда, что под его благочестивым блеском скрывалась тайная мысль римских первосвященников распространять свое владычество. Мы не знали, что папы, говоря словами историка крестовых походов, во зло употребляя власть свою над умами верных, вооружили крестоносные

полки против народов христианских и против личных своих врагов, и что священные войны, утратив свой первоначальный характер, превратились в междоусобные распри самих христиан (49).

Мы не вносили меча в обетованную землю, но провожали ко гробу Господню многих богомольных странников с молитвами за Русскую землю. Удивительно было бы, если бы никто из них не дал нам сведений о своем хождении. Даниил игумен исполнил это за всех. Немногие произведения древней нашей словесности дошли до нас в таком множестве списков, как его «Хождение». Причина ясна: оно было любимым чтением русского народа. Частое переписывание этого памятника было также виною искажения языка его (50).

Время хождения Даниилова. Когда совершил свое странствие Даниил? Вот его собственный ответ на этот вопрос: «Ходил есми тамо в княженье русское великого князя Святополка Изяславича». Княжение это продолжалось от 1093 до 1113 года. Есть другие обстоятельства, также определяющие время хождения Даниилова: первое – он говорит об Акре, что она уже принадлежала франкам, а не сарацинам; в самом деле Акра была взята франками в 1110 году; другое – упоминаемый Даниилом поход короля Иерусалимского Балдуина к Дамаску, который совершился в 1114 и 1115 годах. О нем говорит Даниил как очевидец. Но как же согласить год смерти Святополка с годом Балдуинова похода? Различие двух лет, конечно, дело весьма маловажное в хронологии. Кроме того, можно предположить, что Даниил отправился в 1113 году, когда еще княжил Святополк, и пробыл там, как он сам говорит, 16 месяцев в метохии Св. Саввы, вероятно, без сведений о смерти Великого князя. Другие князья, имена которых он поминал на ектениях и записал у Святого Саввы в Лавре, – Владимир Мономах, Давид Святославич, Олег-Михаил, Святослав-Панкратий и Глеб Минский – все относятся к началу XII века и тем более определяют время памятника.

Предположения о родине Даниила. Кто был этот Даниил? Он сам себя называет игуменом Русской земли; но какого

монастыря – неизвестно. Карамзин полагал, что это мог быть Юрьевский епископ Даниил, поставленный в 1113 году; но этот год противоречит соображениям, приведенным выше. Описывая Иордан, он сравнивает его такими словами с рекою Сосновою: «Всем есть подобен Иордан Соснове реце и в ширину, и в глубину, лукарево ж вельми (то есть извилисто) и быстро течет, болоние имать, також яко Соснова река». Это сравнение дало повод митрополиту Евгению и Карамзину предполагать, что Даниил или родился, или жил в Черниговской области, где течет река этого имени (51). Прозвание Паломника, встречающееся в некоторых рукописях, указывает на существование у нас того же обычая, какой был на Западе, – называть паломниками (palmieri) богомольцев, которые, возвращаясь из Иерусалима, приносили с собою пальмовые ветви от заутрени Вербного воскресения. – Один ли странствовал Даниил? – Он упоминает о *дружине* своей, о русских, *приключившихся* тогда вместе с ним, новгородцах и киевлянах, ссылается даже на них по именам, особенно на Седеслава Иванковича (52), которого одного мог едва ввести с собою в столп Давидов (других не впустили); также на Городислава Михайловича, на двух Кашкичей и *иных многих*, бывших свидетелями его странствия.

Подробности очевидца. Все подробности описаний показывают очевидца; везде оправдываются собственные слова его: «Яко видех очима своима грешныма, по истине тако и написах». Расстояния мест по большей части он обозначает глазомером, употребляя такие выражения: «то есть близ стены городныя, яко муж каменем довержет», – или еще при описании высоты горы Фавора, которую сравнивает с круглым стогом сена: «Высота ее ж есть яко может с нея на полдень лиц олны добрый стрелец четырежды встрелить, а на земли стоя, горе осмижды встрелить, коли доброй стрелец» (53). При посещении всех святых мест помогал Даниилу один инок из обители Св. Саввы, муж святой, *старый деньми*, *вельми книжный*, живший в Галилеи лет 36 и у Св. Саввы 20 лет: «тому мужеви святому вложи Бог в сердце любити ми вельми худаго» (54). Вообще с чувством благодарности и любви говорит Даниил

о гостеприимной лавре Св. Саввы: ее пять келий каменных, высоких, по словам его, прилеплены к скалам и стоят страшно на высоте, по обеим сторонам потока, *утверждены Богом*, *как звезды на небесах* (55).

Касательно зданий и местности игумен Даниил, по свидетельству нашего паломника XIX столетия, не дает совершенно ясного о них понятия, быть может, по ошибкам переписчиков, перемешавших меру, расстояние и взаимное положение мест; представляет, однако же, любопытные сведения о греческих и латинских обителях того времени. Они, вероятно, были разрушены; позднейшие путешественники не упоминают о многих, приводимых Даниилом. В течение первых пяти веков со времени завоевания Св. Земли сарацинами и до крестоносцев монастыри держались в руках греков, и до́лжно полагать, что запустенье оных было следствием крестовых походов, раздраживших Восток. Даниил сам жалуется уже на разорения, которые совершаемы были сарацинами. Г. Муравьев нашел еще развалины нескольких обителей на местах, описанных Даниилом (56).

Содержание. После этого предуведомления, которое было необходимо для того, чтобы убедиться в достоверности памятника, мы познакомимся короче с его содержанием, чтобы уяснить себе дух паломника, характер его рассказа и тайную сердечную мысль, которая привела его на Гроб Господень. Дух его есть дух смирения, искренней, простодушной набожности без малейшей примеси лицемерия. Описания его чужды всякой искусственной изысканности, но при всей простоте носят на себе печать той живописи, которую внушает природа, а не искусство. Задушевная мысль его, высказанная в заключении, – молитва о земле Русской.

Главный характер рассказа. В кратком вступлении и в некоторых словах послесловия, предшествующих заключительному повествованию, игумен сам выражает характер своего рассказа. Свой путь и святые места, где Христос Бог наш походил Своими ногами, Даниил описал, не возносяся, не величаяся путем сим, но любви ради святых мест, чтобы не за-

быть того, что Бог показал ему, недостойному, и для верных человек, дабы кто, услышав о местах сих святых, потщался к ним душою и мыслию: тогда равную мзду приимет с ходившими. Многие, сидя дома, милостынями и добрыми делами достигают святых мест и бóльшую мзду приимут от Бога.

Многие же, доходив до святых мест и увидев святый град Иерусалим, вознесшися умом, как будто нечто доброе сотворили, погубляют мзду труда своего. Все эти советы Даниила совершенно согласны с советами отцов Церкви, касающихся того же предмета (57). На пути своем странник не видел никакого зла – ни от поганых, ни от зверя лютого, ни болезни в теле не чуя: всегда, как орел, был телом легок, укрепляемый Божиею благостию; как олень, ходил крепко, без всякого труда и без лености: «Аще похвалитися подобает, то силою Христа моего похвалюся: сила бо моя в немощах совершается», – говорит апостол Павел. Все же написал он нехитро, но просто, о местах святых, о граде Иерусалиме и о всей Земле обетованной, если и немудрено, то *безо лжи*: как видел своими очами, так и написал (58).

Первый взгляд на Иерусалим. Так передает Даниил первый взгляд на Иерусалим и чувство, которое бывает тогда в душе каждого христианина: «И есть же св. град Иерусалим в дебрех, около его гóры каменны высоки, и олны пришед близ к городу, то видети град. Первое виден дом Давыдов, а потом мало подошед видети Елеонская гора и Святая Святых, а потом весь град видети. И ту есть гора, ровна близ пути Иерусалима, яко версты одноя вдалее, и на той горе ссядают людие с коней, и пеши вси людие ходят, и покланяются христиане Святому Воскресению. Бывает же тогда радость всякому Христианину велика, увидевшему град святый Иерусалим: никто же бо может не прослезитись, видевши землю желанную, и места святая, иде же Христос Бог нашего ради спасения походи, и идут пеши с радостию великою ко граду Иерусалиму».

Весьма трогательно описано то место, откуда плачущая Божия Матерь смотрела на распинаемого Сына Своего. Мы уже знаем это место из предыдущих чтений. Замечательно

изображение природы, окружающей Иерусалим. На ней видит Даниил благословение Божие. Он описывает плоды ее, из которых всего более понравился ему виноград: «Лучше бо всех овощов на земли, и гроздия несть таковаго нигде же овоща: подобен есть небесному овощу», – говорит Даниил. Любопытно средневековое предание о том, что кровь и вода истекли из ребр Иисусовых через разседшийся камень на главу Адамову и омыли грехи рода человеческого. Встречается иногда, хотя весьма редко, одушевление поэтическое, внушаемое Даниилу словами Писания. Так, например, говоря о том, что воды Содомского моря убежали от прежнего места на четыре версты ради Крещения, он так выражается: «Тогда бо узрев море наго Божество в водах Иорданских, убоявся, побеже и вострепета, и видев Бога, Иордан возвратися вспять, яко же Пророк глаголет: “что ти есть, море, да побеже, и ты, Иордан, возвратися вспять?”».

Иордан и водокрещение. Три раза был он на Иордане. Сам его измерил, перешел вброд на другую сторону и много ходил по тому берегу, *любовно*. Особенно приятно ему сходство между Иорданом и рекою Сосновою, устьем которой он дает понятие о ширине Иордана. Он возвращается и после к этому любимому сравнению. Был он и на водокрещении. Вот описание этого праздника: «Сподоби ж мя Бог трижды быть на Иордане, и в самый праздник водокрещения бых на Иордане, со всею дружиною моею, видехом благость Божию, приходящую на воду иорданскую. И множество народа без числа тогда приходят к воде со свещами, и всю ту нощь бывает пение изрядно, свещем без числа горящем. В полунощи ж бывает крещение воде. Тогда бо Дух Святый исходит на воды Иорданские. Достойнии ж человецы видят добрии, како выходит Дух Святый, а вси народи не видят, но токмо радость и веселие всякому человеку бывает тогда в сердцы, едва погрузят Крест честный и егда рекут: “Во Иордани крещающутися Господи” – тогда вси людие вскочат в воду Иордана, крестящесь в Иорданстей реце, яко ж Христос в полунощи крестился есть от Иоанна».

Заключительный рассказ о сошествии Света. Перейдем теперь к заключению рассказа, где Даниил упоминает о своих сношениях с Балдуином, королем Иерусалимским, и выражает тайную мысль свою, которая, кажется, всего более побудила его не только совершить это отдаленное странствие, но и описать его. Все это содержится в последней главе «Хождения», надписанной так: «А се о свете, како сходит ко Гробу Господню с небеси». Здесь описана Воскресная полночь в Иерусалиме, и особенно выдается правдивость рассказа нашего странника, который не хочет поразить своих читателей никаким чудом.

Вот как приступает он к своему повествованию: «И се ми показал Бог видети, худому и недостойному рабу своему, Даниилу иноку: видех бо очима своима грешныма по истине, како сходит Свет святый ко Гробу животворящему Господа нашего Иисуса Христа. Мнози бо инии странници не право глаголют о схожении Света святаго. Инии бо глаголют, яко Дух Святый голубем сходит ко Гробу Господню; а другия бо глаголют, яко молния сходит с небеси, и тако вжигаются кандила над Гробом Господним. То есть лжа и неправда: ничто же бо тогда видети – ни голубя, ни молнии, но тако невидимо сходит благодать Божия, и вжигаются кандила над Гробом Господним. Да о том скажу, яко ж видех по истине».

Свидание с Балдуином. Кандило от всей Русской земли. Описывая приготовление кандил на Гробе Господнем в Великую Пятницу, запечатление самого Гроба и погашение всех светильников по церквам иерусалимским, Даниил так передает свидание с Балдуином и свой последний подвиг в Иерусалиме: «Тогда аз худый и недостойный идохом в Пятницу Великую в первом часу дни ко князю Балдвину и поклонихся ему до земли. Он же, видев мя поклонившась, призва мя к собе с любовию и рече ми: "Что хощеши, игумене русский?" – познал бо мя бяше добре и любяше мя вельми, яко ж бяше муж благ и смирен вельми и не гордит. Аз же рекох к нему: "Княже мой, господине! Молюти ся Бога деля, и князей русских: *хотел бых и аз поставити кандило свое на Гробе святем Го-*

споднем от всея Русския земли, и за вся князи наши, и за вся християне Русския земли". И тогда князь с радостью повеле ми поставити кандило, и посла со мною мужа своего, слугу лучшего, ко иконому Святаго Воскресенья, и к тому, иж держит Гроб Господень. И повелеста ми оба – иконом и ключарь Святаго Гроба Господня, принести кандило свое с маслом. Аз же поклонихся има, и шедше на торг с радостию великою, и купих кандило стеклянное велико, и налиях масла древянаго чистаго без воды, и принесох ко Гробу Господню, уж вечеру сущу, и умолих ключаря того единого, и возвестих ему. Он же отверз двери Гроба Господня, и повеле ми выступити из калиг, и тако босого введе мя единаго во Гроб Господень с кандилом, еже ношах аз, и повели ми поставити своима рукама грешныма в ногах, а в головах стояше кандило греческое, а на персех Святаго Гроба Господня кандило всех монастырей, а на среде русское кандило, еже поставих аз грешный». Русский игумен прибавляет к тому, что только эти три кандила, стоявшие внизу, и зажглись в то время, а из фряжских, подвешенных наверху, ни одно не возгорелось тогда.

Поставив кандило свое на Святом Гробе Господа нашего Иисуса Христа, он поклонился честному тому Гробу Господню, и облобызал с любовью и со слезами то святое и честное место, где лежало тело пречистое Господа нашего Иисуса Христа, и вышел из Гроба того с радостию великою, и пошел в свою келлию.

Воскресная ночь. На другой день, в субботу, многое множество людей собралось перед церковью Воскресения Христова: туземцы и пришельцы от всех стран, от Вавилона, Египта, Антиохии и других. Все стояли с незажженными свечами у храма: когда отворились двери, в тесноте великой все вошли во храм и наполнили церковь и палату. Так описывает Даниил всенародную молитву перед сошествием небесного Света: «И те людие иного не глаголют ничто же, но токмо: "Господи помилуй!" – зовут не ослабляючи, и вопиют сильно, яко тутнати и взгремети всему месту тому от вопля людей тех. И ту источницы прольются слезами от верных человек; аще бы у кого

окаменено сердце имать, и той тогда может ся прослезити; всяк бо человек тогда зазрит себе и поминает грехи своя, глаголет в себе: "Егда моих деля грехов не снидет Свет святый?" – и тако стоят вси вернии слезно и сокрушенно сердце имуще. И ту сам князь Балдвин стоит со страхом и смирением великим, источник слез проливается от очию его; также и дружина его стоят около его прямо гробу, близ олтаря великаго».

В седьмом часу дня князь Балдуин отправился ко Гробу Господню из дому со своею дружиною: все босые и пешие. Игумен Св. Саввы с братиею, и в том числе наш паломник Даниил, пользовались покровительством Балдуина, который поставил нашего странника близ себя. Воины раздвинули улицу в народе. Наши путники прошли в церковь до самого Святого Гроба под покровом Балдуина. Он приказал сам поставить Даниила высоко, над самыми дверьми гробными, против великого олтаря, так, что можно было ему *дозреть* во двери гробные, которые все были замкнуты и запечатаны царскою печатью. Великий олтарь был занят латинскими попами. Православные священники, стоявшие над самим Гробом Господним, начали петь вечерню; латиняне же в великом олтаре, как выражается Даниил, стали *верещать по-свойски*. Долго ожидали Света. Епископ с диаконом два раза исходил из олтаря и припадал к гробным дверям, не увидит ли света? Но напрасно. В то время все люди возопили со слезами: «Кирие елеисон». Когда же запели песнь «Господеви поем», внезапно малая тучка пришла от востока и остановилась над непокрытым верхом церкви, и одождила над Гробом святым, и омочила всех, над ним стоявших.

Явление Света. Тогда внезапно воссиял Свет во Святом Гробе, и вышло из него блистание страшное. Епископ с четырьмя диаконами подошел ко Гробу и отворил двери; взяв свечу у князя Балдуина, он вошел во Гроб и зажег ее от того святого Света, и, изнесши из Гроба, отдал самому князю в руки, и стал князь на месте своем, держа свечу с радостию великою. От той свечи все близ стоявшие и наш паломник зажгли свои свечи, а от них уже все люди. Свет святой казался

Даниилу не как земной огонь, но светился чудно: пламя его было червлено, как киноварь. Кто не видел этой радости, прибавляет инок, тот не может иметь веры к сказующему об этом видении. Но верные добрые люди веруют и всласть слушают сказания о сей святыне. «Верный бо вмале и в мнозе верен есть, а злу человеку истина крива есть».

Приняв свет, все пошли в свои храмы и, возжегши там свечи, довершили богослужение. На другой день игумен Святого Саввы с братиею вынес свое зажженное кандило из Гроба. Иконом и ключарь Святого Гроба Господня объявили им, что только три кандила, стоявшие ниже над гробом, и зажглись тогда. Даниилу казалось, что пять латинских кандил, гордо висевших выше, горели другим светом. После трех дней наш странник взял и свое кандило, которое поставил он во имя Русской земли. Вот это описание.

Снятие русского кандила со Гроба. «И по трех же днех по литургии идохом аз ко ключарю Святаго Гроба Господня и рех ему: “Хотел бых взяти кандило свое”. Он же поим мя с любовию токмо единаго, введе мя с собою во Гроб, и вшедше во Гроб обретох свое кандило на Гробе Святем, еще горящее светом тем святым, и поклонихся Гробу тому Святому и облобызах со слезами место то святое, идеже лежало пречистое Господа нашего Иисуса Христа тело; и тогда бо измерих собою Гроб в длину и в ширину; при людех бо не возможно измерити никому же; и почестих Святаго Гроба Господня по силе своей как мог, и тому ключареви подах нечто мало и худое благословение свое. Он же, видев любовь мою сущу ко Гробу Господню, и к тому самому удвигнув же дску сущую в головах Святаго Гроба, и уломи тако святаго камени нечто мало на благословение, и запрети ми с клятвою никому ж поведати во Иерусалиме. Аз же поклонихся Гробу тому святому, и у того ключаря взем кандило свое с маслом горящим, и изыдохом с радостию великою зело и обогатився Божиею благодатию, нося в руку моею дар и знамение Святаго Гроба: просвещая семо вся места, идохом радуясь, яко некако сокровище богатества обретох».

Заключение. Вот набожный подвиг, совершенный на Гробе Господнем в начале XII века духовным представителем Русской земли по его собственному простодушному рассказу. Он не обратил никакого внимания на крестовые походы, которые тогда были во всем своем разгаре. Летописцы наши издали сочувствовали, однако, мысли, двигавшей Запад ко Святому Гробу; но, может быть, действительность вблизи представляла иное и обнажала пружины не совсем чистые. Худого слова Даниил не сказал о них, может быть потому, что не мог сказать доброго. Два раза, по случаю возжжения кандил и вечерни, выражает он свое неблаговоление к Латинской церкви. Но замечательно его особенное человеческое сочувствие к благородной личности князя Балдуина, которого называет он мужем благим, смиренным, не гордящимся, и изображает его веру и терпимость перед лицом своего народа. Благородный князь Запада и наш простодушный инок, как видно, поняли друг друга в том, что одно сближает людей всех веков и народов. Все же блистательное, гордое движение крестоносцев на Восток было вне сферы мыслей смиренного представителя русской духовной жизни того времени и вне той цели, для которой он совершил свое далекое странствие. В то время, когда кипели раздоры князей, когда половцы, по свидетельству летописи, *несли землю розно* и сами дети рвали члены своей матери, игумен русский ставит на Гробе Господнем кандило от всей Русской земли, за всех князей наших и за всех христиан земли Русской. Так мысль о земле своей, о ее единстве духовном, когда еще не было возможно государственное, принимала главное участие в молитвах нашего странника XII столетия, – и вне ее он ничего сознать не мог.

И, видно, усердно помолился русский инок о нашей земле. В том же столетии, через 33 года по совершении его подвига, в летописи под 1147 годом, в словах, которыми Георгий Владимирович звал к себе на пир Святослава Ольговича, в первый раз помянулось имя Москвы, – и родился город, залог спасения России, где впоследствии олицетворилось государственно мысль о том единстве Русской земли, за которое молился у Гроба Господня паломник Даниил.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

Предмет лекции. – Венценосцы-писатели. – «Поучение» на «Послание» Владимира Мономаха. – Сомнение в авторе. – Особенный характер произведений древнерусской словесности. – Точка зрения на памятник. – Повод к сочинению. – Сочувствие к Василию Великому. – Понимание христианства. – Слова против смертной казни. – Обхождение с людьми. – Гостеприимство к иноземцам. – Знание языков. – Слова против лени. – Дневные занятия князя. – Походы Владимира. – Ловы его. – Домашняя деятельность. – Три мысли заключительные: мысль о Промысле Божием. – Мысль о любви и прощении. – Послание к Олегу. – Молитва заключительная и мысль о покаянии. – Послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху. – Другие сочинения того же митрополита. – Повод к сочинению «Послания». – Сличение «Послания» с «Поучением». – Содержание «Послания». – Духовное значение поста. – Три силы души. – Чувства человека. – Зрение и слух. – Разбор сил души и чувств князя Владимира. – Погрешность в слухе. – Наставление князю. – Заключение. – Значение «Послания». – Слово о Данииле Заточнике. – Исторические известия о «Слове». – Общий характер «Слова». – Расположение «Слова». – Содержание. – Черты южнорусского юмора. – Переделка «Слова» в XIII веке. – Летописец Переяславля Суздальского. – Проповедь Кирилла Туровского. – Сведения о жизни Кирилла. – Сочинения его. – Общий характер проповеди. Не политический. – Не противоязыческий. – Духовно-созерцательный. – Способ изложения. – Подробный разбор трех «Слов». – «Слово в новую неделю по Пасхе». – Символический образ. – «Слово о расслабленном». – Всемирная мысль христианская. – «Слово на Вознесение Господне». – Мысль и образ. – Замечательное в других «Словах». – Общее заключение о проповеди. – Притчи и молитвы

Предмет лекции. «Поучение Владимира Мономаха детям», «Послание» к нему митрополита Никифора, «Слово

Даниила Заточника» и «Слово Кирилла Туровского» будут предметом нашей лекции.

Венценосцы-писатели. Русская словесность может указать у себя на четырех венценосцев-писателей. К удельному периоду относится Владимир Мономах, к царскому – Иоанн Грозный, ко временам новым – Петр Первый и Екатерина Вторая. К ним можно было б присоединить еще старшего из всех, из периода героического, Святослава, который действовал словом не письменным, а устным, на свою дружину, и Владимира Святого, сложившего молитву при крещении русского народа.

«Поучение» и «Послание» Владимира Мономаха. «Поучение Владимира Мономаха детям» найдено было в Лаврентьевском списке Несторовой летописи, где вставлено под 1096 годом (1). Перед заключительной молитвой оно содержит в себе примирительное «Послание к Олегу Святославичу», писанное в 1006 году, после Муромского сражения, в котором убит сын Владимиров, Изяслав (2). Из разбора памятника мы увидим, что не летописец, а сам Владимир, по всему вероятию, вставил это «Послание» в «Поучение», потому что оно совершенно приходится к смыслу своего места.

Сомнение в авторе. Вставка «Поучения» в летопись могла бы подать повод ко мнению, будто оно сочинено не Владимиром Мономахом, а самим летописцем, который таким «Поучением» хотел обозначить черты Мономахова характера. Но есть неопровержимые противоречия такому произвольному предположению: во-первых, умышленное сочетание двух сочинений в одно, чего бы не сделал, конечно, летописец, которому возможна было вставить одно «Послание» под 1096 год, если оба сочинения существовали раздельно; он же вставил все, потому что на «Поучении» время не обозначено, а «Послание» приходится к событию года; во-вторых, отсутствие «Поучения» во всех других списках летописи, кроме Лаврентьевского; в-третьих, характер «Поучения», которое, конечно, было бы совершенно иным, если бы сочинил его инок. Но изучение самого содержания,

показав внутреннее значение этого памятника и связь его с жизнью, всего более убедит нас в его подлинности.

Особенный характер произведений древнерусской словесности. При взгляде на этот памятник нельзя не обратить внимания на особенный характер произведений нашей древней словесности. Не блещут они внешними формами изящества, не отличаются вовсе огромностью, но богаты внутренним значением и, главное, выражают цель самой жизни. Странным покажется для иных такое произведение словесности, как поучение отца детям; но когда мы вникнем в смысл нашей древней жизни, когда представим себе, как важно было у нас слово престарелого и умирающего, как переходило оно от отца к сыну и внуку и до поздних потомков, как оно, представляя, с одной стороны, опыт прошедшей жизни, с другой, предлагало завет грядущему, – то отсюда выступит для нас важность немногословного «Поучения». Такие заветы оставляли у нас пастыри Церкви, князья и цари, частные люди (3). Немного их сохранилось, но тем они для нас важнее. Духовные завещания в самой древности едва ли имели тот исключительно юридический характер деления собственности, какой они позднее приняли. Важнее было оставить детям наследие духовное в мудром опыте и слове жизни.

Точка зрения на памятник. «Поучение Владимира Мономаха» носит на себе во многих подробностях яркие следы современного удельного периода; но для нас оно особенно важно духом христианства, проникающим в первоначальную жизнь древнего русского человека, и теми чертами, в которых впервые сознает себя он – как в своих достоинствах, так и в недостатках. Вот точка зрения, с которой мы будем смотреть на этот памятник, и он оживет для нас.

Повод к сочинению. Сидя *на санях* писал это «Поучение» Владимир и хвалил Бога за то, что он соблюл его до таких дней; следовательно, уже в глубокой старости (4). Писал же он эту грамоту детям своим с тем, чтобы они или иной кто приняли ее в сердце свое и, читая ее, потщались бы на все добрые дела (5). Первое слово его касается главной раны време-

ни: братних междоусобий и клятвонарушения. Когда он был на Волге, встретили его послы от братьев и звали на Ростиславича; но он, несмотря на то, что мог подвергнуться их гневу, отказался, чтобы не нарушать крестного целования.

Сочувствие к Василию Великому. По обычаю времени, в печали он разгнул Псалтирь и нашел в нем слова утешения: «Вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя?.. Кротции наследят землю, насладятся на множестве мира». Пример Василия Великого, собиравшего юношей, душою чистых и телом нескверных, для того чтобы поучать их, поощряет и Владимира к поучению. Он обнаруживает большое сочувствие к сему отцу Церкви, именем которого был сам наречен при крещении. Видно, что творения Васильевы были ему известны. Славится Василий преимущественно как проповедник милостыни, и Владимир с самых первых слов «Поучения» говорит о ней (6). То же сочувствие к природе, какое встречаем в творениях Василия, заметно и здесь. Вглядываясь в премудрое устроение мира, Владимир особенно поражен разноличием образа человеческого: если бы мир весь совокупить, то всякий из нас предстал бы со своим особенным лицом по мудрости Божией (7). С чувством поэта говорит он о пении птиц: «И птицы небесные умудрены Тобою, Господи: егда повелиши, то вспоють и человекы веселять Тобе; и егда же не повелиши им, язык же имеюще онемеют». Здесь видно благочестивое созерцание природы, настроенное чтением творений Василия Великого.

Понимание христианства. В понимании христианской веры являет Владимир питомца древней Церкви нашей. Его христианство имеет характер непритворный, искренний; он не ханжа, не лицемер. Он говорит, что милость Божия заслуживается не *одиночеством* (то есть самозаключением), не монашеством, не голодом, как иные добрые люди терпят (8): вот одно из доказательств, что произведение скорее принадлежит мирянину, чем иноку. Три дела добрые для него заключают в себе не тяжкую Божию заповедь, ведущую к Небесному Царствию: покаянье, слезы и милостыня. Замечательны эти ночные земные поклоны и ночное пение, которым очищаем то,

в чем согрешали днем: обычай древнего русского человека. Путешествующему на коне, если и не будет при нем оружия, не нужно многих молитв, – довольно одной: «Господи, помилуй», самой лучшей изо всех, любимой молитвы Владимира Мономаха и русского народа (9).

Слова против смертной казни. Христианство Владимира не обрядовое, а деятельное. От совета о поклонах и молитве он переходит к делам милосердия и правды и говорит: «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите и придавайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити человека». Затем следуют те драгоценные золотые слова против смертной казни, на которые XII век может указать в поучение XIX веку: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его; аще будет повинен смерти, а душа не погубляете никакоя же хрестьяны». Во времена так называемые варварские христианская любовь открыла Владимиру Мономаху эту истину, которой не могла выразуметь юридическая мудрость веков просвещеннейших. Смысл этой истины, с самых первых времен христианства озарившей у нас Владимира Святого, Изяслава, Мономаха, впоследствии долго был затемняем то диким татарским влиянием, то просвещенным западным, пока не открылся опять в сердце основательницы нашего университета по тому же простому христианскому внушению, какое было и Владимиру Мономаху.

Обхождение с людьми. Христианство одушевляет его прекрасными человеческими чувствами в общественном обхождении с людьми: «Паче всего гордости не имейте в сердци и в уме, но рцем: смертни есмы. Днесь живи, а заутра в гроб». – «Болнаго присетите, над мертвеця идите, яко вси мертвени есмы, и человека не минете не привечавше, добро слово ему дадите».

Гостеприимство к иноземцам. Совет о гостеприимстве к иноземцам Владимир доводит до крайности и с простодушною искренностью выказывает его источник – наше заграничное славолюбие, которое так часто иностранные гости наши употребляли во зло: «и боле же чтите гость, откуду же к вам

придеть, или прост, или добр, или сол, аще не может даром, брашном и питьем, *ти бо мимоходячы прославят человека по всем землям, любо добрым, любо злым*». Как в этой черте русские XIX столетия еще сходятся с русскими XII-го! Гостеприимство свое русский переносил с собою и в дорогу; Владимир дает совет напоить и накормить хозяина, у которого остановишься: «Куда же подете, идеже станете, напойте, накормите *унеина* (хозяина)» – обычай, еще и теперь сохранившийся в наших, областных, странствиях.

Знание языков. Мономах советует знать чужие языки. Нам известно, что это знание было тогда уже нашею народною чертою. Источник его указан Владимиром также в чувстве русского честолюбия перед иными народами: «Его же умеючи, того не забывайте доброго, а его же не умеючи, а тому ся учите; якоже бо отець мой, дома седя, изумеяше пять язык, *в том бо честь есть от инех земль*».

Слова против лени. Глубоко сознает Владимир Мономах наш порок народный, нашу лень, которая, по собственному нашему же признанно, заслужила эпитет русской, – порок, которого корень таится или в природе нашей страны, подающей нам собою пример шестимесячного бездействия, или в исторических обстоятельствах нашей жизни, или, наконец, в особенности нашего темперамента, принадлежности народов, как и людей отдельных. На этот порок воздействует только одна порывистая наша деятельность, способная обнаружить необычайные внезапные силы, сократить в десятилетия то, для чего потребны века, в месяцы то, для чего нужны годы, точно так, как сама природа наша после долгого тяжкого сна совершает с дивной быстротою весь процесс растительный. Против этого народного порока, в частности, возможно только действие человеческой воли, и с ним боролись все наши славные исторические личности, начиная от Владимира Мономаха до Петра Великого, Ломоносова, Карамзина.

В своем кратком «Поучении» Владимир считает нужным пять раз сказать слово против лености в предостережение детей своих от нее. И здесь христианская вера помогает ему как

сознать этот порок, так и действовать против него. «Бога деля не *ленитеся*, молю вы ся, не забывайте трех дел тех: не бо суть тяжка». – «Того не забывайте, не *ленитеся*», – прибавляет он к предписанию о ночных поклонах. Не лениться велит он в дому своем: «В дому своем не *ленитеся*, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящии к вам, и дому вашему, ни обеду вашему», – не лениться велит он на войне: «На войну вышед, не *ленитеся*, не зрите на воеводы, ни питью, ни еденью не лагодите, ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь отвсюду нарядивше, около вой тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе, вборзе не розглядавше, *леноцами* внезапу бо человек погыбаеть». – Леность в русском человеке мать тому, что он забывает то, что умеет, и не учится тому, чего не умеете «*Леность* бо всему мати, еже умееть, то забудеть, а его же не умееть, а тому ся не учить; добре же творяще, не мозите *ся ленити* ни на что же доброе».

Дневные занятия князя. Солнце не заставало на постели русского христианина XII столетия; колокол церковный будил его: «Да не застанет вас солнце на постели, тако бо отец мои деяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении». За утреней отдавши Богу хвалу, когда он видел всходящее солнце, то прославлял Бога с радостью и говорил: «Просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет твой красный», и еще: «Господи, приложи ми лето к лету, да прок грехов моих (то есть в остальных грехах моих) покаявся, оправдив живот, тако похвалю Бога».

После этой молитвы древний князь садился *думать* (то есть совещаться) с дружиною, потом людей судил; но при этом случае Владимир Мономах употребляет прекрасное выражение, которого смысл хорошо бы возвратить просвещенным юристам и нашего времени; у него людей *судить* значит людей *оправдивати*... Потом на лов ездил. Следуя русскому обычаю, Мономах советует спать после обеда: «Спанье есть от Бога присужено полудне, от чина бо почиваеть и зверь, и птици, и человеци».

Походы Владимира. Не в похвальбу себе, а зная, что собственный живой пример всего лучше действует на людей, Вла-

димир Мономах рассказывает детям о походах своих и ловах в течение одних 13 лет. Здесь мы переносимся в жизнь и внешнюю деятельность наших князей XII века. Всех походов больших Владимир совершил 83, а меньших и не припомнить. В том числе важнейшее место занимают походы половецкие. Миров с половецкими князьями заключил он без одного 20; лучших князей из оков выпустил 109; побито более 200. Освобождать землю Русскую от диких племен и от диких зверей – вот было два дела у князей того времени, любивших Отечество.

Ловы его. Охота была тогда не праздною забавою, не тратою времени, а спасительным подвигом. Она поражала не мирных безвредных животных, а свирепых или доставляла полезных человеку. Можно представить себе, каким множеством диких зверей наполнены были тогда леса и поля России. Владимир довольно подробно рассказывает о своих ловах. За Черниговом он по сту зверей уганивал. В Турове вместе с отцом ловил всякого зверя. В Чернигове коней диких живых вязал сам путами по десяти и по двадцати, а других брал руками. Многим опасностям подвергался он на своих ловах. Два тура метали его и с конем на рогах своих; олень бодал – и два лося: один топтал ногами, другой рогами бодал; вепрь от бедра меч оторвал; медведь у колена подкладку откусил; какой-то лютый зверь вскочил к нему на бедра и коня с ним опрокинул. Но Бог сохранил его невредимо. И с коня много раз падал, голову пробил себе дважды, зашибал руки и ноги, в юности не берег живота, не щадил головы своей. Что надо было делать отроку его, то творил он сам, на войне и на охоте, ночью и днем, в зной и в холод, не давая себе покою; несмотря ни на посадников, ни на бирючей, сам делал, что было надобно.

Домашняя деятельность. Такова была деятельность Владимира вне дома; ей соответствовала и домашняя. Весь порядок в доме своем устраивал он сам; ловчий наряд весь сам содержал: сам смотрел за конюшней, за соколами, за ястребами; но в то же время и худого смерда, и убогой вдовицы не давал сильным обидеть, и за церковным нарядом и службою сам смотрел. Но за все это хвалил он не себя, а

Бога, Который не ленивым сотворил его, а потребным на все дела человеческие.

Три мысли заключительные. Тремя мыслями заключает Мономах свое «Поучение».

Мысль о Промысле Божием. Первая мысль – о Промысле Божием, простирающемся на всякий случай жизни человеческой. «Никто же вас не может вредитися и убити, – говорит Владимир, – понеже не будеть от Бога повелено; а иже от Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти... Божие блюденье леплее есть человечьскаго!» Вот еще когда, в начале XII века, мы находим такое ясное выражение этой мысли в народе русском, которая была источником славных его подвигов, приобрела ему столько земли, стяжала ему столько царств, которая велика в целом народе и часто искажается до вредного предрассудка в отдельных лицах и бывает виною небрежности, особенно страшной в его быту домашнем.

Мысль о любви и прощении. Вторая мысль касается любви христианской и прощенья братьям, что Владимир выражает словами апостола и Спасителя: «Молвит бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть, и пакы: аще не отпустите прегрешений брату, ни вам отпустит Отец вашь Небесный» (10). Эта мысль одна только врачевала раны междоусобий братских при Владимире. В ней одной заключалась сила духовная, спасавшая Россию от совершенного раздробления.

Послание к Олегу. Здесь, вероятно, автор «Поучения» сам вставил послание, писанное им к Олегу Святославичу в 1096 году, после Муромского сражения, где был убит сын Владимиров Изяслав. Оно здесь кстати, как пример отца, завещанный детям. Написано оно было Владимиром по желанию сына его, крестника Олегова, и представляет одно из очевидных доказательств тому, как действовала иногда сила евангельской любви в эти ужасные времена братского кровопролития. Замечателен совет ему сына его: «Не будем ему мстителями, но возложим все на Бога, перед Котораго все предстанем, а Русской земли не погубим!» Владимир дает самый кроткий урок Олегу, как бы следовало ему прислать ко Владимиру по смерти

его сына утешительную грамоту (видно, был такой обычай) и вдову, сноху его, чтобы им вместе оплакивать ее мужа и свадьбу ее, *на место песней* (1), потому что свекор ее, видно за грехи свои, не видал ее первой радости, ее венчанья.

Молитва заключительная и мысль о покаянии. Все «Поучение» заключается молитвою, в которой Владимир совместил многие молитвы Спасителю, Божией Матери и Андрею Критскому, творцу канона покаянного. Здесь, как бы перед кончиною, Владимир сам совершает над собою первое из трех христианских дел, порученных от него детям, дело покаяния, в котором очищается душа его и без которого страшно было умереть древнему русскому человеку, и говорит словами св. Андрея Критского: «Всклонися, душе моя, и дела своя помысла, яже сдея, пред очи свои принеси, и капля испусти слез своих, и повежь яве деянья и вся мысли Христу, и очистися!» (12).

Послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху. С «Поучением» Владимира Мономаха тесно сопряжен другой памятник, относящийся также ко времени и к лицу его: «Послание» к нему митрополита Киевского Никифора (13). Мы знакомы уже с другим «Посланием» того же митрополита к тому же князю о разделении церквей Восточной и Западной. Известны еще два послания его к князьям о том же предмете. Очень мало сведений сообщают нам летописи о митрополите Никифоре. Мы знаем, что он был родом грек и прислан от Константинопольского патриарха к нам в Россию в 1104 или 1106 году и скончался в 1121-м.

Другие сочинения того же митрополита. В уставе Новгородского Софийского собора, по словам митрополита Евгения, находится его же «Поучение в неделю Сыропустную о посте, к духовным и мирским людям», которое обыкновенно читалось в церкви архиереем после вечерни в неделю Сыропустную. Здесь святитель сознается в незнании языка, принуждающем его к безгласности и безмолвию (14). Совместное присутствие двух помянутых посланий при весьма древнем переводе богословского сочинения Мефодия, епископа Па-

тарского, встречающееся в рукописях, заставило Калайдовича предполагать, что и этот самый перевод принадлежит митрополиту Никифору.

Повод к сочинению «Послания». По какому поводу написано наше «Послание»? Приведем слова самого автора, из которых это объясняется. «Сего ради дръзнухом мы, яко устав есть церковный и правило, – в время се (то есть во время поста) и к князем глаголати что полезное». Стало быть, церковный устав требовал, чтобы митрополит во время поста писал учительные послания к представителю светской власти, и в силу этого церковного правила митрополит Никифор написал «Послание к Владимиру Мономаху», в котором разбирает его душевные и чувственные способности.

Сличение «Послания» с «Поучением». Но прежде чем вникнем подробнее в содержание и мысль произведения, взглянем на отношение его к предшествующему. Мы увидим, что одно подтверждается другим, и увидим также, к чести Владимира Мономаха, что он в «Поучении» детям своим предписывал то, что выполнял сам на деле, по свидетельству митрополита Никифора. Из «Послания» узнаем, что этот князь больше спал на земле, редко жил дома, чуждался светлого платья, любил ходить по лесам в простой одежде, и, только по нужде возвращаясь в город, облекался в ризу властительскую (15). Не тот же ли это самый Владимир, который и «Поучение» свое пишет не дома, беспрерывно занят военными походами и ловами? Его домашняя деятельность, его гостеприимство, смирение, любовь ко всем и воздержание подтверждаются словами его духовного наставника. Здесь он также служит сам и все стережет своими руками; дает светлые пиры своим подданным; смотрит на них, как они объедаются и упиваются, а сам доволен малою пищею и водою; угождает своим рабам и покоряет их своею любовью (16). Сокровище его никогда не залеживалось, серебро и золото никогда не считались, а все раздавал он обеими руками: не тот же ли это Мономах, который в «Поучении» говорит, обращаясь к Богу: «се все, что ны еси дал, не наше, но твое, поручил ны еси на

мало дний», и потом к детям: «и в земли не хороните, то ны есть велик грех» (17).

Содержание «Послания». Вникнем теперь подробнее в содержание «Послания». Предварительно пастырь Церкви излагает значение поста.

Духовное значение поста. «Если бы в начале праотец Адам постился от древа разумного и сохранил владычнюю заповедь, то второй Адам, Христос Бог наш, не требовал бы от нас поста и не постился бы Сам на извещение Своего вочеловечения. Двояко житие наше: словесное и бессловесное, бесплотное и телесное. Словесное и бесплотное есть в нас чудное и божественное; бессловесное – страстное и сластолюбивое. Отсюда рать в нас многая: плоть противится духу, и дух – плоти. Отсюда и потребность поста: он кротит телесные страсти и духу покоряет тело. В сей победе начало всякому благу. Так пост есть основание добродетели – и как солнце воссиял он в мире. Все языки постятся ради преступления первого праотца; но не все так разумеют силу поста, как люди Христовы, язык святой, царское священие. Многое иное мог бы я сказать на похвалу поста, если бы говорил кому другому; но с тобою нечего долго беседовать о посте, добляя глава наша и всей христолюбивой земли, его же Бог издалека проразумел и предповелел, его же из утробы освятил и помазал, смесив от царской и княжеской крови, его же благочестие воспитало и пост воздоил, и святая Христова купель от самой младости очистила».

Три силы души. От предварительного наставления о посте митрополит переходит к исследованию источника добра и зла, которые так смешаны в человеке и так тесно сопряжены между собой, что легко бывает ему одно принять за другое. Здесь духовный созерцатель обнаруживает замечательную глубину в своих богословско-психологических наблюдениях над существом души человеческой. Три силы, или три стихии, находит он в нашей душе, сотворенной Божественным вдохновением. Он называет их так, вероятно, переводя с греческого: словесное, яростное и желанное. Судя по определению каждой из этих сил, можно без натяжки заме-

тить, что словесное соответствует разумному началу, яростное – деятельному (воле), желанное – силе творческой. Конечно, пастырь Церкви понимает их богословски; но здесь явен первоначальный источник мысли, перешедшей в немецкую философию, и через нее принятой и нами, мимо того древнего начала, откуда истекла она и откуда мы могли бы теперь пополнить то, чего недостает в ней.

Словесное (конечно, от λόγος, слово и разум) старее и выше всех: им уразумели мы небо и все прочее сотворенное, и взошли к разуму Божию. Авраам упражнялся в звездословии, но от хождения и стояния звезд познал Творца их и уверовал в Бога. Енох прежде его словесным угодил Богу и преселился на небо. Моисей видел *задняя Божия* (конечно, историю мира и человека) и тем взошел до разума самого Зиждителя. Такова сила словесного в тех, которые по правде сохранили ее. Та же сила словесная действовала в Деннице ангеле, но он не по правде принял эту силу, а непщевал равен быти Богу и за гордость свою спал с небес. Так, эллины были словесными, но не сохранили силы словесного, не уразумели его как до́лжно и впали в идолослужение. Яростное в истинном своем направлении есть ревность по Боге и месть на врагов Божиих; но, искаженное, перерождается оно в злобу и зависть. Так исказилось оно в Каине-братоубийце, а действовало по правде в Моисее, когда он поразил египтянина, биющего иудея, когда сокрушил доски Закона и сам копием побивал отступников; в Илии, когда истреблял он жрецов Вааловых. Разбойники избивают поганых, но по злобе и желанию их имущества. Третья сила – *желанное* – есть постоянное желание к Богу, от которого раздираешь вретище, переходишь в сияние Божие и наслаждаешься весельем. Это веселье рождается от страдания ради Бога; от того веселья растет семя жизни, от него чудотворения, пророчества. Тем человек приближается к Богу – и еще на земле носит уже образ и подобие Божие. Не есть ли это творческая сила в нас, в самом высшем, духовном своем значении?

Чувства человека. От трех сил души человека переходит наставник к чувственным его способностям. Чувства называ-

ет он слугами, воеводами и вспоминателями души. Приведем все это прекрасное место в подлиннике: «Та убо душа седить в главе, ум имущи, якоже светлое око в себе, и исполняющи все тело силою своею. Якоже бо ты, княже, седя зде в сей своей земли, воеводами и слугами своими действуеши по всей земли, и сам ты еси господин и князь: тако и душа по всему телу действуеть пятью слуг своих, рекше пятию чювьствии: очима, слухом, обонянием, вкушением и осязанием».

Зрение и слух. Зрение тем выше слуха, что если мы сами что, не без ума, однако, видим, то верно видим; слух же сообщает нам как истинное, так и ложное. Но есть у слуха и свои преимущества, которых зрение не имеет: зрение видит только спереди, а слух слышит спереди и сзади. Но зато зрению можно веровать, слуху же надобно не веровать, ни неверовать, а много испытывать что услышишь: премудрые советы для того, в чьих руках участь многих.

Разбор сил души и чувств князя Владимира. От изучения сил души и тела вообще духовный наставник переходит к исследованию их в самом князе и здесь сравнивает себя с врачами тела, которые, любя болящего, стараются проникнуть в *разум его недуга*. По душевным *силам* митрополит испытал князя и не находит в нем порока. По словесному, князь не уклонился от правой веры. По яростному, он имеет по Боге ревность – здесь пастырь Церкви пользуется случаем напомнить князю, чтобы он не давал волку внити в стадо Христово, в виноград Божий не допустил бы терния, а сохранил бы старое предание отцов своих, – и тем, вероятно, намекает на предупредительное «Послание» свое о разделении двух церквей – Восточной и Западной. По желанному, не за малое почитает он то, что в нем видит. Но, разбирая пять чувств великого князя, он находит погрешность в одном только слухе, вероятно, потому, как говорит он, что князь, не будучи в состоянии все видеть своими глазами, от своих напоминателей через слух принимает «пакость душевную». «И отвръстоу сущу слуху, тем единем стрела входить ти; того ради Соломон повелевает нам, глаголя: блюдете, да не смерть внидеть оконци вашими».

Наставление князю. Здесь следует трогательное наставление пастыря, где он перед властию является заступником всех страдающих. Приведем это место словами подлинника: «О сем испытай, княже мой, о том помысли: о изгнанных от тебе, о осуженых от тебе наказаниа ради, о презреных; вспомяни о всех, кто на кого изрекл, и кто кого оклеветал, и сам суди и рассуди таковыя, и якоже от Бога наставляем, всех помяни, и тако сътвори и отпусти, да ти ся отпустять, и отдаждь, да ти ся отдасть. Аще бо не отдамы, якоже Христос глаголеть, грехопадениа человеком, ни Отец Небесный оставить нам прегрешений наших. Но и всуе нарицаем отца Бога, и глаголем к Нему лжюще: остави нам длъгы наша, якоже и мы оставляем длъжником нашим».

Духовный наставник опасается, чтобы князь не опечалился его словом, а еще более, чтобы не подумал, что написано оно по внушению какого-нибудь лица, сетующего на князя. Здесь весьма верно сознаны назначение представителя Церкви и отношение его к представителю власти. Церковь у нас никогда не вступалась в разборы личных отношений между князем и его подданными. Учительное послание митрополита князю не имело бы вовсе своей силы и важности, если бы внушено было не постановлением Церкви, а каким-нибудь частным обстоятельством. Против такого обвинения тщательно ограждает себя митрополит. «Нет, ради благоверия твоего, просто написал я так, на воспоминание тебе, потому что великия власти великаго напоминания требуют; великую пользу приносят оне и великим грехам подвержены». Здесь в оправдание своего «Послания» митрополит ссылается на устав церковный.

Заключение. «Хотя мы и грешники острупленные, но Слово Божие, в нас живущее, здраво и цело: оно только может исцелять. Есть в нас невидимым искуситель: человек в лице, Бог в сердце». В заключение пастырь советует князю уединяться от здешней молвы в гору Хоривскую и там петь вместе с Давидом царственные псальмы, особенно же псалом «милость и суд пою тебе, Господи», в котором заключается ис-

тинное изображение царское и княжеское. Творя правду и милость, созиждет он дом душевного спасения и сохранит град, который есть душа его, и Бог просветит его разумные очи, и *освятит его слух*, и очистит сердце.

Значение «Послания». Этот памятник, несмотря на краткий объем свой, представляет самым значительным образом то правильное отношение, какое у нас существовало в самые древнейшие времена между Церковью и светскою властью. Вытекло же оно из самого разума, в каком мы приняли христианство. Всего яснее обозначиться оно могло в лице того князя, который в удельные времена представлял прекрасный образец духовного воспитания Церкви.

«Слово о Данииле Заточнике». От сего произведения, строгого и важного по своему значению, мы перейдем к другому, в роде веселом и забавном. Это «Слово о Данииле Заточнике» (18).

Исторические известия о «Слове». Исторические известия об этом памятнике весьма малочисленны. Из подробностей самого «Слова» мы узнаем, что Данило был сослан на озеро Лачь (теперь в Олонецкой губернии), неизвестно, за какую вину, но предположить можно, что обвиняли его в воровстве, судя по этим словам: «Или ми речеши: солгал ми еси аки тать; аще бых умел украсти, толико бы не скорбех… Муж погубляет мужество свое татьбою». Автор жалуется много на нищету свою. В изгнании он написал это «Слово», которое будто бы чудесным образом дошло до князя, – и князь, прочитав его, велел освободить заточника.

В летописи XIV века есть свидетельство, что имя Данила и, вероятно, «Слово» его были тогда уже известны. Под 1378 годом, по случаю Вожской победы над татарами, говорится об одном священнике, который был сослан *на Лаче озеро, идеже бе Данило заточеник* (19). Автор сам обращается к князю и называет его сыном великого царя Владимера, а водном из списков князь назван Ярославом. Посему можно было б отнести это «Слово» к Ярославу Владимировичу, следовательно, к XI столетию, но Калайдович говорит, что титул

царя приличнее Владимиру Мономаху, о котором и митрополит Никифор сказал, что Бог смесил его от царской и княжеской крови, намекая тем на происхождение его по матери от византийских императоров; а относительно имени Ярослава Карамзин полагает, что это могло быть светское имя Георгия. Вот по каким данным ученые заключают, что это «Послание» надобно отнести к великому князю Георгию Долгорукому, сыну Владимира Мономаха. Нельзя не сознаться, что основания критики довольно шатки. Кроме того, яснее определяется столетие памятника словом одного князя, которое вставлено в это «Послание» и относится к XI веку, по свидетельству летописцев (20). Приводятся также слова Святослава Игоревича к его малой дружине, которых нет в Несторовой летописи: «Нам ли от града погинути или граду от нас пленену быти?» Не показывает ли это, что автору известны были исторические источники, до нас не дошедшие? «Слово» содержит в себе множество намеков, как до́лжно думать, на современные ему обстоятельства; но все они облечены такою тайною безличности, что мы решительно не можем вывести из них никакого заключения, кроме одного, что оно относится ко временам удельным, которых черты ярко обозначаются в «Слове». Нельзя даже решить, автор «Слова» – светское лицо или духовное: судя по общему характеру сочинения, вернее кажется предположить его лицом светским. Безличность нашей древней жизни причиною и здесь той таинственности, которою облечено это произведение вместе со многими другими.

Общий характер «Слова». Но тем не менее важны внутреннее его значение и содержание. Исторические обстоятельства «Послания» все-таки показывают, что можно было у нас еще в удельные времена разумным словом сложить с себя княжескую опалу и под видом остроумной штуки сказать много смелых истин. В «Слове» Даниила Заточника в первый раз обнаруживается, как в малом зародыше, малороссийский юмор – это особенное свойство наших южных русинов, возведенное на высшую степень художественности Гоголем, – это чудное слияние плачущего смеха и улыбаю-

щейся грусти, которые находят примирение в светлоразумной мысли, выливающейся в самую простую народную форму – русской пословицы или Соломоновой притчи. Весьма замечательно сочетание этих двух форм выражения в «Слове Заточника» – это сочувствие между Соломоном и русским народным смыслом. «Да разверзу во причах гадание мое», – говорит Данило и нередко одевает глубокомысленную Соломонову притчу в яркую одежду русской пословицы, а иногда свою собственную мысль возвышает до мысли общей, мысли духовной, облекая ее в возвышенный образ Когелефа. Такое сочетание понятно из общего характера образования, первым орудием которого была Библия. Летописец с драматической формой ее повествования согласил форму древних народных преданий: так и наш первый юморист, Данило, Соломоновой притчей придал духовный характер своей пословице.

Расположение «Слова». Рассмотрим теперь содержание самого «Слова». Вникнув в него глубже, мы увидим в нем не одно случайное сплетение остроумных изречений, а все приемы хитрого русского человека, который глубоко знает входы души человеческой и сознательно идет к своей цели. Сначала веселит он князя своими остроумными шутками: расположив его к веселью, глубже трогает его чувство изображением своего состояния, и потом уже, овладев его сердцем, является перед разум его со смелою мыслью и словом. Рассказ содержания оправдает воззрение наше на ход всего «Слова».

Содержание. Сначала автор хотел бы вострубить *в разум ума своего*, отверзть в притчах свое гадание, прославиться мудростью; но боится похуления князя и его опалы. Тут изображает он свое положение и с тем вместе положение всякого опального человека, сравнивая его с травою, растущею в такой тени, что на нее и солнце не сияет, ни дождь нейдет, а потом веселит князя своими шутками.

«Аз бо есмь, княже господине, яко трава блещанна, растуще за стению, на юже ни солнце сияет, ни дождь идет: тако и аз, княже господине, всеми обидим есмь, зане огражен есмь страхом грозы твоея, яко оплотом твердым. Но не воззри на

мя, княже господине, яко волк на ягня; но воззри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Воззри, Господине, на птицы небесныя, яко ти ни орют, ни сеют, ни в житницу собирают, но уповают на милость Божию; тако и мы, княже господине, желам твоея милости: зане, господине, кому Любово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне черныя смолы; кому Лачь озеро, а мне, на нем седя, плачь горки; кому ти есть Новгород, а мне углы опали: зане не процвете часть моя».

Вот первые русские каламбуры, восходящие к половине XII столетия.

Изображая свое положение, Данило жалуется на нищету свою и так представляет параллель между богатым и убогим: «Богат мужь везде знаем есть и в чюжей земле друзи имать, а убог и во своих невидимо ходит. Богат возглаголет, вси возмолчат, а слово его вознесут до облак; а убог возглаголет, вси нань кликнут и уста ему заградят: их же ризы светлы, тех и речь честна. Княже мой, Господине мой! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, яко птицу от кляпцы, яко утя от ногтей псоимаго ястреба, яко овцу от уст львовых».

Еще раз Данило обращает внимание князя на состояние русского человека, находящегося в опале княжеской: он похож на дерево при пути: многие посекают его и в огонь бросают. Никто за него: всеми он обидим, «зане огражен страхом грозы твоея».

Все мрачнее и мрачнее становится речь Заточника по мере того, как он глубже раскрывает свое положение. Вот сильное его слово о печали: «Злато искушается огнем, а человек напастьми; пшеница бо, много мучима, чист хлеб подает, а в печали обретает человек ум совершен. Молеве ризы изъедают, а человека печаль; печалну мужу засышут кости. Аще кто человека в печали призрит, как студеною водою напоит во знойный день. Птица бо радуется весне, а младенец матери; тако и аз, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшает цветы землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человекы своею милостью, сироты и вдовицы, от вельмож погружаеми».

Расположив князя такими словами к себе, Данило резко противоположными чертами представляет жизнь князя и свою: «Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сух хлеб ядущь, или пиеши сладкое питие, а мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша от места заветреня. Егда ляжеши на мягкых постелях под собольими одеялы, а мене помяни под единым платом лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрелами сердце пронизающе. Да не буди, княже, рука твоя согбена на подание убогим: ни чашею бо моря росчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити».

Мы видели, как весело Данило начал и какие слезы теперь в словах его.

Растрогав сердце князя и овладев его чувством, он говорит ему сильное слово в полной уверенности, что теперь светлый разум его через истину чувства уже найдет верный доступ к разуму князя. Мы передадим несколько мыслей в том порядке, как они следуют.

Вот мысль о том, что князь богат не казною, а людьми: «Яко же бо невод не удержит воды, но точию едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но роздай людем. Паволока, испещрена многи шелки, красно лице являет: тако и князь многыми людьми честен и славен по всем странам... Похвалися Езикей царь послом царя вавилоньскаго, и показаша им множество злата и сребра; они же реша ему: наш царь богатее тебя, не множеством злата, но множеством воя: занеже мужи злато добудут, а златом людей не добыти».

Вот изображение князя щедрого и князя скупого: «Гусли бо строятся персты, а тело основается жилами, а дуб крепится множеством корения: тако и град наш крепится твоею державою. Зане князь щедр отец есть всем; слузи бо мнози отца и матери лишаются и к нему прибегают. Добру бо господину служа, дослужится свободы, а злу господину служа, дослужится болшиа работы. Зане князь щедр, аки река без берегов текуще всквозе дубравы, напаяюще не токмо человецы, но и скоти и вся звери; а князь скуп, аки река, велик брег имущь каменны:

не лзя пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладезь сладок; а скуп боярин, аки кладезь солон».

Вот смелые слова о тиуне и рядовичах князя: «Не имей себе двора близ княжа двора; не держи села близ княжа села: тиун бо его яко огнь трепетицею (тряпицею или трутом) накладен, а рядовичи его яко искры; аще от огня устережешися, но от искры не можешь устрещися жжения порт (одежды)».

Вот мысли о безумных и мудрых, исполненные необыкновенного остроумия: «Княже, господине мой! Не лиши хлеба нища мудра, ни вознеси до облак богатаго безумна, несмысленна: нищь бо мудр, яко злато в калне сосуде, а богат красен не смыслен, то аки паволочитое зголовье, соломы наткано».

«Мужа мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, сам не ленися по нем итти... Не сей на браздах жита, ни мудрости на сердце безумных: безумных бо ни орют, ни сеют, ни в житницы собирают, но сами ся ражают. Как во утел мех воду лити, так безумнаго учити; псом и свиниям не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца розсмешити, ни безумна наказати (то есть научить)... Коли пожрет синица орла, коли камение воспловет по воде, коли свиния почнет на белку лаяти, тогда безумный уму научится. Или ми речеши: от безумия ми еси молвил: то не видал есми неба полстяна, ни звезд лутовяных, ни безумна мудрость глаголюща».

Вот смело изображение отношений князя к его советникам, откуда яснеют черты удельного времени: «Княже мой господине! Не море топит корабли, но ветри; на не огнь творит разжжение железу, но надымание мешное: такоже и князь не сам впадает во многия в вещи злыя, но думцы водят. За добрым бо думцею князь высока стол додумаетца, а с лихим думцею думает, и малаго стола лишен будет».

Далее, до самого заключения «Слова», следует самая едкая и довольно длинная выходка против злых жен. Здесь могут быть заметны современные отношения, но они скрыты в общих чертах. Можно было бы предположить, что виновницей изгнания Данила была какая-нибудь злая женщина, потому что нигде шутка его не переходит в такую злость, как здесь. «Гла-

голет бо в мирских притчах: не скот в скотех коза, а не зверь во зверех еж, не рыба в рыбах рак, не птица во птицах нетопырь; а не муж в мужех, кем жена владеет… Лучше вола ввести в дом, нежели понять злую жену: вол не молвит, не мыслит зла, а злая жена биема бесится, а кротима высится, в богатстве гордится, а в убожестве других осуждает. Что есть жена злая?.. Мирской мятеж, ослепление уму, начальница всякой злобе, поборница греху, засада спасению… Червь древо тлит, а злая жена дом мужа своего теряет. Лучше в утлой ладье по воде ездить, нежели злой жене тайны поведать: утлая ладья одежду вымочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляет. Лучше камень долотить, нежели злую жену учить; или железо варить: железо уваришь, а злой жены не научишь: злая жена ни ученья не слушает, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает. Что льва злее в четвероногих? Что лютее змеи в ползающих по земле? Всего того злая жена злее. Нет на земле больше женской злобы: женою прадед наш Адам изгнан из рая; жены ради Иосиф Прекрасный затворен был в темницу; жены ради пророка Даниила в ров ввергли, – и львы ему ноги лизали. Злое орудие дьявольское! У одного умерла жена злая: он по смерти ея начал детей продавать; люди сказали ему: зачем ты продаешь детей? Он отвечал им: если родились в мать, то, выросши, они меня продадут».

При определении исторического значения этого памятника до́лжно принять в соображение подробности, которые Татищев в своей сводной летописи передает о Георгии Долгоруком. Он был женолюбив, любил сладкую пищу и питье, предпочитал веселье расправе и заботам о воинстве, поручал правление вельможам-любимцам. Дом свой загородный, приют веселья и жен, Георгий сам называл раем. Слова Данила Заточника: «Помилуй мя, сыне великого царя Владимера! Да не восплачюся, яко Адам раю…» и далее еще: «женою бо сперва прадед наш Адам изгнан бысть из рая», могут иметь отношение к показанным историческим данным; но все-таки останутся одними догадками. Плач Адама по изгнании из рая есть известная церковная песня.

Слова Данила: «но бых яко падая пчела по различным цветам и совокупляя яко медвеный сот: тако и аз по многим книгам собирая сладость словесную и разум», – показывают, что автор пользовался многими книгами для составления своего «Слова». Но, несмотря на заимствования, он остался верен своему юмористическому характеру.

Характер южнорусского юмора. Итак, вот еще где в произведении, отстоящем на семь веков от нашего времени, мы встречаем первое проявление того южнорусского юмора, который только в наше время достиг у нас полноты своего развития. Так необходимо изучение этих первых начатков нашего «Слова», которые снаружи кажутся незначительны, а между тем таят в себе первородные черты русского духа и служат к объяснению многих явлений в европейском периоде нашей жизни. Эти начатки тем важны, что на них нет еще чуждого влияния, и потому зародыши коренных свойств наших, хотя малые и вовсе неразвитые, предстают в них во всей своей чистоте, без малейшего изменения. Так наше древнее, мнимо отторженное и мертвое, связывается с новым и оживает в мысленном сознании. Юмор Гоголя вызван был в наше время юмором Гофмана и Жан-Поля в мир русской поэзии; но зародыш его, как мы видим, за семь веков нашей жизни и, конечно, еще ранее, не выходя наружу, таился в самом духе южнорусского народа: ибо то только принимается в нашем теперешнем образовании и переходит в значительные явления жизни, при влиянии всемирной образованности, чему есть зародыш в чистой недосягаемой глубине народного духа. Если мы сличим юмор Гоголя с юмором Заточника, то, несмотря на размер развития, коренные черты их будут одни и те же. Это сходство может даже послужить к тому, чтобы отличить юмор Гоголя от юмора германских поэтов. Сей последний представляет то же раздвоившееся чувство между смехом и грустью, но под влиянием совершенно субъективного произвола, или каприза фантазии, которая вовсе отрешена от действительной жизни и не ведет к примирению. В юморе южнорусском раздвоившееся чувство находится под влиянием светло-разумной ху-

дожественной мысли, которая чужда всего капризного и произвольного, и потому не отрешается от жизни: в сей последней ссорится она только с частным неразумным, но ссорится по тайной любви, по тайному сочувствию с разумною сущностью самой народной жизни. Вот почему всегда для нее возможен исход к примирению. Да, юмор Гоголя и юмор Заточника – есть юмор светлоразумный и глубоко любящий: этими чертами до́лжно отличить его от того ложного юмора, который у нас теперь нередко встречается в словесности и который вовсе чужд любви, а следовательно, и разума, и способен только или ненавидеть, или карикатурить, или кривить мыслию.

Переделка «Слова» в XIII веке. Наши скептики подвергали и этот памятник древней словесности русской сомнениям, ни на чем не основанным; но в новое время археологу В. М. Ундольскому посчастливилось открыть позднейшую переделку его, относящуюся к первой четверти XIII столетия, под заглавием «Данила Заточника моление к своему князю Ярославу Всеволодовичу» (21). Открытие ясно обнаружило, что слово Даниилово было известно у нас в XII веке; оно положило конец всем праздным сомнениям.

Каламбур над озером Лачем заменен здесь игрою слов над Переславлем: «Кому ти есть *Переславль*, а мне *Гореславль*». Автор говорит: «Княже мой господине: орел царь над птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над *переаславцы*». Оба места ясно обнаруживают, что «Слово» переложено было согласно с местными обстоятельствами в Переславле-Залесском или Суздальском и обращено к Ярославу Всеволодовичу, как это видно из надписания «Слова» и из обращения к князю: «Помяни мя, сыне великого царя Всеволода».

Ярослав (Феодор), сын Всеволода III Георгиевича, десяти лет отправлен был отцом своим, в 1201 году, на княжение в свою родину, Переславль, который до самого восшествия Ярослава на престол великокняжеский во Владимире в 1238 году оставался его любимым городом. Княжа в Новгороде, он нередко покидал новгородцев и удалялся от их бурного

веча в свой мирный Переславль, а иногда призывал отсюда свое войско под Новгород. Этим временем (1201–1230) определяется переделка «Слова». Вот место, изображающее отношения князя: «Лев рыкнет: кто не устрашится? А ты, княже, induceречеши: кто не убоится? Якож бо змий страшен свистанием своим: тако и ты, княже наш, грозен множеством и силных вой. Злато красота женам, а ты, княже, людем своим. Тело крепится жилами, а мы, княже, твоею державою. Птенцы радуются весне, а младенцы матери, а мы, княже, тобе. Гусли строятся персты, а град наш твоею державою. Якож бо ряб збирает птенца не токмо своя, но и от чюжих гнезд приносит яица, воспоет, рече, ряб, созовет птенца, ихже роди, ихже не роди: так и ты, княже, многи совокупи, не токмо своя домочадца, но и от иных стран совокупи притекающая к тебе, ведуще твою обычную милость. Князь бо милостив яко источник тих, не токмо скоты напаяет, но и человека» (22). Отношения князя Ярослава к Новгороду и к Рязанской области, где он также княжил несколько времени, могут служить к объяснению этого места.

Плен татарский, угрожавший целой России, находит свой отголосок в конце «Слова»; но видно, что он не постиг еще Русского Севера. Вот это место: «Се уже остави мречи и речем сице: воскресни, Боже, суди земли! Воздвигни князя, убуди бояр, умножи силу князю нашему, укрепи бо ны и утверди ленивыя, вложи ярость страшливых в сердцы! Не дай же, Господи, в полон земля нашея языком, не знающим Бога! Да не рекут иноплеменницы: где есть Бог их? Бог же наш на небеси и на земли. Подай же им, Господи, победу на вся востающая на ны!»

Все главное содержание «Слова» почерпнуто из Даниилова подлинника; но заметно изменение в порядке мыслей и образов. В одном месте приводятся слова Даниила, но их не встречаем в изданной рукописи, по крайней мере в том же самом виде: «Данил рече: храбра, княже, борзо добудеши, а умный дорог есть, зане умных дума добра. Тех бо и полцы крепцы и гради тверды; инех же полцы силни, а без думы, и

на тех бывает победа: мнози бо ополчающесь на болшая грады с своих с менших сседают».

Есть места совершенно оригинальные, принадлежащие подражателю. В них, хотя не вполне ясно, обнаруживаются отношения, в каких он находился. Приведем наиболее замечательное, в русском переводе. «Князь, господин мой! Был я в великой нужде; под работным ярмом пострадал, испытал все это зло. Лучше бы было мне видеть ноги свои в лыках да в дому твоем, чем в красных сапогах да на боярском дворе. Лучше бы я тебе в дерюге служил, чем в красной одеже да на боярском дворе. Нелепа серга златая в ноздряху свиньи; то же на холопах красивое платье. Вздень котлу в ушки золотые кольца, дно его все черно будет и весь он обожжен: так и холоп, хотя бы паче меры гордился и буянил (гордел и буял). Не избыть ему своего укора – холопьего имени. Лучше бы мне было пить в дому твоем воду, чем медь на боярском дворе. Лучше бы мне было воробья печеного принимать от руки твоей, чем бараньи плеча от руки злых господ. Часто работный хлеб у меня как полынь в устах, а питье свое растворяю плачем. Доброму господину служа, дослужишься свободы, а злому мужу служа, дослужишься бóльшего рабства».

Нельзя не сочувствовать такому благородному порыву негодования против холопства и рабской работы. Видно, что подражатель Даниилу Заточнику терпел в Переславле подобное горе на дворе у какого-нибудь боярина. Страшно ему холопство! Страшно оно у боярина, но еще страшнее у самого холопа. «Не холоп в холопех, кто у холопа работает!» – говорит он.

Дух всего подражания «Слову Даниила Заточника» показывает, что оно писано до татарского нашествия, когда рабство было еще ненавистно русскому человеку, когда он еще не был приучен к нему двумя с половиною веками самого позорного ига.

Это видно еще и из того, что автор не сочувствовал иноческому званию, особенно когда клобук не помогал в борьбе с бесом, как топор бегающему около тура. «Или скажешь ты

мне, князь, – говорит он, – в чернецы постричься? Не видал я, чтобы мертвец на свиньях ездил или черт на бабе. Не едал я от ивы смоквы, ни от липы гроздия виноградного. Лучше уж мне тако кончить жизнь свою, нежели, восприняв ангельский образ, солгать Богу. Лги миру, а не Богу; Богу нельзя лгать, ни Вышним играть. Многие, отошедши от мира, опять возвращаются, как псы на свою блевотину, и гоняются за миром; обходят села и дома славных мира сего, как псы ласкосердые: где браки и пиры, там чернецы и черницы».

Во времена татарщины русские люди выше стали понимать духовное призвание иночества. Тогда русский, страдавший от рабства, достигал в обителях внутренней свободы и мог в уединении хранить и воспитывать нравственные силы для будущего, более счастливого времени (23).

Летопись Переславля Суздальского. К тому же самому времени Ярослава Всеволодовича, когда он княжил еще в Переславле, и к той же самой местности до́лжно отнести «Летописец Переславля Суздальского», писанный в Переславле гораздо до нашествия татар. Многие места обнаруживают в авторе дух гражданина переславского, преданного своей родине, любовь к своему князю Ярославу и сердечную приязнь, какая связывала князя с родиною и ее сынами переяславцами. Этот литературный памятник древнего города Переславля может служить к объяснению и историческому подтверждению предыдущего. Замечательно, что летописец для описания первоначальных событий истории русской, совершившихся в Киеве, пользовался таким древнейшим списком Несторовой летописи, который не был еще искажен в иных местах переписчиком Лаврентием-мнихом, списавшим ее в Суздале (24).

Проповедь Кирилла Туровского. Но вот нас еще ожидает в XII столетии памятник, который объемом и содержанием важнее всех предыдущих – «Проповедь Кирилла Туровского». Странно бы было, если бы при всем том влиянии, какое Византия в XII веке имела на нас в деле веры, Церкви, искусств изящных, в летописях, житиях святых, – одно ее христианское красноречие не нашло у нас отголоска, оста-

лось без подражателей. Из «Поучения Владимира Мономаха» мы видели, что творения Василия Великого были у нас известны. В Святославовом «Сборнике» XI века, писанном в России, находятся отрывки из сочинений отцов Церкви. Мы имеем пергаменную рукопись тринадцати «Слов» Григория Богослова, хотя не обозначенную годом, но относимую также к XI веку и писанную, вероятно, в России (25). В летописях встречаются речения из Иоанна Златоуста. Если списки переводов Иоанна Лествичника, писанных русским правописанием, восходят у нас до XII века, то, конечно, до́лжно предполагать, что болгарские переводы отцов Церкви весьма рано сделались нам известны и питали мысль и слово избранных представителей нашего духовенства.

Проповедь у нас была. Подробности жизни Авраамия Смоленского это свидетельствуют; но «Слова» его, за исключением одного, не дошли до нас. Зато мы имеем немаловажное количество «Слов» такого проповедника, каким могла бы гордиться любая европейская словесность того же столетия. Предложим исторические известия о Кирилле Туровском, извлекаемые из одного жития его, которое должно быть писано во время татар, потому что сочинитель в обращении своем к Кириллу молит его избавить Россию *от настоящия нам беды и от безбожных агарян, присно мучающих нас.*

Сведения о жизни Кирилла. Сын богатых родителей, Кирилл родился и воспитан в Турове, городе, лежавшем недалеко от Киева. Не возлюбил он богатства, а прилежал к изучению священных книг и постиг силу Божественного Писания. Постригся в иноки и служил образцом для всей братии. Особенно же наставлял монахов в послушании игумену. Заключился в столпе на несколько времени; здесь упражнялся в посте и молитве; отсюда излагал Божественное Писание и прославился по всей стране. Князь и народ города Турова, внимавшие его поучениям, умолили Киевского митрополита возвести Кирилла на епископский престол Турова (26), и митрополит исполнил их желание. Кирилл со своего престола Туровского действовал против Ростовского еписко-

па Феодорца, которого летопись так называет *заукоризну*, с ужасом воспоминая о делах его под 1171 годом. Этот епископ, отлучивший во Владимире народ от Церкви (пример весьма редкий в нашей истории!), представляет своим тиранством и корыстолюбием яркое исключение в летописях нашего древнего духовенства. Кирилл словами Писания обличил его ересь и проклял его. Не к нему ли относится намек Кирилла в одном из его сочинений? Он говорит, обращаясь к инокам: «Подобает и в нынешних апостолах и ныне Иуде быти: не продадим Божия слова на ложь, воруя, грабя, обижая» (27). Конечно, и этот случай мог подать повод Кириллу вступить в ближайшие сношения с Андреем Георгиевичем Боголюбским, который должен был бороться с Феодором. В кратком житии Кирилла сказано, что он написал к Андрею многие послания от евангельских и пророческих указаний, также «Слова» на Господские праздники и другие многие душеполезные сочинения (28). Все это передал он Церкви, – и во времена татар русские верные люди читали его слова, называя творца их другим *златословесным* учителем, воссиявшим в России паче всех. Скончался Кирилл во второй половине XII столетия. Неизвестно, когда Церковь наша причислила его к лику своих святых. Память его празднуется 28 апреля.

Сочинения его. К. В. Калайдовичу принадлежит честь открытия творений этого проповедника, о котором не знали ни Карамзин, ни митрополит Евгений. Сочинения Кирилла встречаются нередко в рукописных сборниках библиотек Синодальной, Иосифова Волоколамского монастыря, Румянцевской, Толстовской, Погодинской, Уваровской и других, под именами *Кюрила мниха*, *Кюрила недостойнаго*, иногда просто *грешнаго мниха*, редко *Кюрила Епископа Туровскаго*. Рукописи восходят до XIII века. Очень часто встречаются они вместе с сочинениями Иоанна Златоуста и Григория Назианзина. Иногда поучения Кириловы приписываются Златоусту, потому что сходны с его «Словами» по характеру. Видно, что предки наши смешивали этих двух проповедников, что засвидетельствовано и житием (29). Из 12 «Слов», напечатан-

ных Калайдовичем в «Памятниках словесности XII века», на трех, а именно: на VI, X и XI, нет имени Кирилла. Но, несмотря на то, по сходству слога и характера Калайдович ему же приписывает эти «Слова». Шестое «Слово» в рукописи означено даже именем Иоанна Златоуста; но Калайдович не нашел его в числе известных поучений сего проповедника. К числу доказательств может быть отнесено и следующее: в этом «Слове» духовный вития укоряет народ, лениво приходящий внимать его поучениям (30); Иоанн Златоуст, напротив, порицал народ свой за то, что он лениво ходил на литургию, а прилежнее на слушание проповедей его.

Первые десять «Слов» составляют одно целое и следуют одно за другим, от недели Ваий до праздника Пятидесятницы: это поучения воскресные и праздничные; XI «Слово» о премудрости; XII, не имеющее заглавия, о будущем веке, принадлежит, как открылось после, Авраамию Смоленскому. Затем следуют «Сказание о черноризьстем чину от Ветхаго и Новаго Завета», представляющее совершенство иноческого образа, и две притчи: одна, под именем «Повести к Василью игумену Печерскому», содержит в себе аллегорию о житии иноческом и мирском; другая также аллегорически изображает отношение души к телу (31).

Общий характер проповеди. Не политический. Постараемся вначале изобразить общий характер проповеди Кирилла. Она не представляет никаких отношений к современным событиям: в заключительных молитвах упоминается иногда о благоверных князьях, но без имен их и не более. Таким образом, она вовсе чужда политического характера. Какие тому причины? Они проистекают из назначения самой Церкви, из ее отношения к народу и властям предержащим. Если бы русская проповедь в это время захотела принять характер политический, то есть определить цель и действия свои событиями современными, то должна была бы нападать на междоусобия братьев-князей. Церковь совершала эту обязанность свою, как мы могли видеть в разных явлениях жизни того времени: она давала уроки князьям в частных посланиях, в уединении стен

монастырских, в одиноких беседах и на светлых пирах, и, наконец, в дееписании Отечества. Но проповедь оглашала храм, где сходились вместе и власти, и народ. Нападать на междоусобия князей в присутствии народа значило бы унижать нравственное достоинство предержащей власти и водворять раздор между ею и народом. На такое дело никогда не решилась бы Церковь, которая всегда действовала во имя Любви, уважала власть и, следуя Евангелию, проповедовала повиновение к ней. Не решилась бы такая Церковь, поучая князей, с одной стороны, с другой, – восстановлять против них народ. Вот главные причины, по которым, как мне кажется, проповедь русская не могла принять характера политического.

Не противоязыческий. В отношении к народу она также не имела нужды принимать характер противоязыческий, преследовать идолослужение. Из всех известных «Слов» только одно, Авраамия Смоленского (XII по изданию Калайдовича), касается некоторых языческих суеверий, еще живших в народе, как то: веры во встречу, в чиханье, в птичий грай и в ворожбу. Но эти суеверия, и теперь еще встречающиеся у нас, были уже маловажными остатками язычества, которые требовали только напоминаний. Об очищении же нравов и обычаев Церковь наша заботилась другими, практическими и более верными средствами, а не проповедью.

И в том и в другом случае, и в отношении к властям, и в отношении к народу Церковь, наша понимала премудро, что нападать и преследовать словом значит иногда более раздражать, нежели действовать на пользу; она постигала, что главною целью церковного слова должно быть самое раскрытие истин веры, и что утверждение их в сердце и мысли народа мимо всех житейских временных отношений есть самое лучшее средство к тому, чтобы очистить жизнь народа – как внутреннюю, так и внешнюю.

Духовно-созерцательный. Вот почему характер русской проповеди в главном из древних ее представителей есть духовно-созерцательный. На ней нет печати ничего временного, преходящего, условного: она – вещательница истины веч-

ной, неизменяемой – принадлежит, можно сказать, всем векам жизни русского народа, а не одному только XII. Она обращается к верным, к полным христианам и с ними вместе проникает в смысл евангельских повествований. Так изображает основную черту «Слова» своего сам проповедник: «Не от своего сердца сия изношу словеса: в души бо грешне ни дело добро, ни слово полезно ражается; но творим повесть, вземлюще от святаго Евангелия»... (стр. 56). «Мы бо слову несм творци, нъ пророчьскых и апостольскых вследующе глагол, иже послушествоваша о Бозе живе, им же Дух Святый вписати тако повеле: верующим на спасение, а неверующим на погибель» (стр. 67). Так, по свидетельству самого проповедника, Священное Писание есть единственный источник его вдохновений. Потому во всех подробностях он строго держится Евангелия и пророческих сказаний. Но способ изложения его совсем не догматический: вы не найдете у него искусных утонченных толкований догмата. Он действует преимущественно не на разум, а на весь дух христианина, и особенно на воображение и чувство, как на две способности, которые первоначально развиваются в человеке. Здесь, может быть, только есть некоторое временное отношение проповеди Кирилла. Красноречие его восходит иногда на степень духовной поэзии; но в этой поэзии есть всегда глубокая затаенная богословская мысль.

Способ изложения. Многие проповеди Кирилла содержат распространенный рассказ о том, что прочтено в Евангелии – рассказ, всегда проникнутый глубокою христианскою мыслью. Самому повествованию дается богословское значение, то есть таинственный духовный смысл Евангелия всегда в нем обнаружен. Иногда вития рисует картину; иногда выводит разговор и влагает в уста говорящим лицам слова, всегда прямо истекающие из духа Евангелия. Из такого изобразительно-драматического изложения выступает сама собою мысль, сокрытая в повествовании. В стиле картин видно византийское влияние; ярки узоры восточной витиеватости в проповедях его, имеющие отношение к подобным узорам мозаиковой живописи и архитектуры византийской,

всегда исполненным таинственного, глубокомысленного значения: По этим внешним признакам можно назвать Кирилла византийцем в славянорусских формах.

Профессор Сухомлинов в своем исследовании о сочинениях Кирилла Туровского, приложенном к новому их изданию, указал на различия и сходства, какие находятся между Иоанном Златоустом и нашим Кириллом, а в «Словах» сего последнего – на отрывки, заимствованные из речей Прокла Константинопольского, Тита Вострского, из канона Симеона Логофета «Плач Богоматери» и других отцов, но особенно из Григория Богослова. Мы находим, что критик слишком мало внимания обратил на церковную песнь и службу, которая иногда одушевляла нашего проповедника (32). Так, скорее всего из церковных канонов, нежели из других источников, можно объяснить поэтический прием Кирилла, когда он влагает целые речи в уста святым лицам, действующим в его «Словах». Конечно, и церковная песнь в этом отношении подражает образцам Луки Евангелиста. Так, каноном Симеона Логофета сам г. Сухомлинов объяснил «Плач Богоматери», вставленный в «Слово о снятии тела Христова с креста». Из церковной же песни можно было бы объяснить обращение Иосифа Аримафейского к Иисусу Христу, вставленное в то же самое «Слово» (33).

Подробный разбор трех «Слов». От общего характера проповеди перейдем к разбору замечательных «Слов» отдельно. Для этой цели избираю три слова: *третье* в новую неделю по Пасхе, *пятое* о расслабленном в неделю четвертую и *восьмое* «Слово» на Вознесение. Первое из них даст понятие об узорочных и символических образах проповеди Кирилловой; второе – о глубине христианской мысли, проникающей его «Слово»; третье, одно из совершеннейших, соединит и то, и другое.

Слово в новую неделю по Пасхе. Слово в новую неделю по Пасхе имеет предметом объяснить значение воскресенья, заменившего ветхую субботу, или древней нашей *недели*, по имени которой названа после и вся седмица, также объяс-

нить обряд Церкви, – раздачу артоса в этот день, и, наконец, вспомнить Фомино испытание ребр Господних. Я приведу только те части слова, в которых более выдается его изобразительный характер.

«В минувшую неделю (то есть воскресенье) все изменилось: небом стала земля, очищенная Богом; обновилась тварь; не нарицаются уже богами стихии... Отселе ад не приемлет в требы младенцев, закалаемых отцами; ни смерть не знает уже почести; престало идолослужение; не только спасен человеческий род, но и освятился Христовою верою. Христос один – жертва за всех. Перестал праздник субботе; царствует во днях неделя, день Воскресения. Увенчаем же, братие, царицу дней; принесем же ей драгоценные дары с верою; дадим по силе всякий что может: кто милостыню, беззлобие и любовь; другие – девство чистое и веру правую, и смирение нелицемерное; иные пение псальмов, апостольское ученье и молитву с воздыханием перед Богом».

Далее следует параллель между временем года – весною и праздником Воскресения Христова во всем обширном его значении, где особенно заметно подражание Григорию Богослову (34), не без некоторого влияния и церковной песни.

«Все ветхое конец прияло и стало новым: как видимое, так и невидимое. Ныне небеса просветились, совлекли с себя темные облака, как вретища, и светлым воздухом исповедают славу Господню; эти видимые небеса – символ небес разумных или Сионской горницы, соединившей апостолов. Солнце восходит, красуясь, и, радуясь, землю согревает: так восстал из гроба праведное Солнце Христос и спасает всех верующих. Луна уступила честь высшему светилу: ветхий закон – закону Христову. Зима языческого кумирослужения престала; лед Фомина неверия показанием ребр Христовых растаял. Весна красная – то вера Христова, оживляющая естество человека; бурные ветры– грехотворений помыслы, покаянием претворенные в добро, возвращают плоды душеполезные; земля естества нашего, приняв, как семя, Слово Божие, раждает дух спасения. Новорожденные агнцы и

юнцы бегут с веселием на поля к матерям своим, и пастухи играют в свирели: кроткие из язычников люди-агнцы, кумирослужители неверных стран – юнцы возвращаются к Святой Церкви и сосут млеко ее учения; пастухи – учители Христова стада: они молятся о всех и славят Христа Бога, собравшего и волков и агнцев в единое стадо. Деревья распускаются... Так мы были прежде древами дубравными, не приносили плода, а ныне привилася к нам вера Христова. Земледельцы-ратаи Слова приводят словесных юнцов к духовному ярму, погружают крестное рало в браздах мысли, всыпают семя духовное и веселятся надеждами будущих благ. Реки полны вод, совершаются рыбные ловы: так апостолы, испытав глубину Божия вочеловечения, обретают церковную мрежу, полную ловитвы. Трудолюбивые пчелы летят на цветы и творят медвяные соты: то иноки, которые в пустынях сами себя питают, удивляют ангелов и человеков и готовят сладость людям и потребное Церкви. Наконец птицы – веселые лики всей Церкви... На этот новый праздник Воскресения приносятся разные дары: от язы́ков вера, от христиан – требы, от иереев – святые жертвы, от миродержителей – боголюбная милостыня, от вельмож – церковное попечение, от праведников – смиренномудрие, от грешников – истинное покаяние, от нечестивых – обращение к Богу, от *ненавидящихся – духовная любовь.* Взойдем ныне и мы, братия, мысленно в Сионскую горницу, где собрались апостолы и Сам Иисус Христос»... Здесь следует пришествие Фомы, слово Спасителя к нему и ответ его, изображающие переход от неверия к полной и совершенной вере.

Символический образ. Так все это «Слово» в главной мысли своей представляет символический образ: одухотворение всей видимой природы во время самого лучшего ее расцвета в невидимую в самом высшем проявлении Богочеловеческого ее начала. Краски византийские особенно ярки на образах этого «Слова».

«Слово о расслабленном».«Слово о расслабленном» имеет другой характер и представляет яснее другую сторону

проповеди Кирилловой – сторону богословской мысли. Здесь проповедник распространяет только рассказ о том, что содержится в Иоанновом благовестии (гл. 5) о расслабленном, но с постоянной мыслью извлечь из простого повествования Евангельского все глубокое его значение. Эта мысль обнаруживается всего более в разговоре между расслабленным и Спасителем; потому я и представлю весь этот разговор в сокращении.

Господь пришел к овчей купели и, увидев человека расслабленного, долгое время лежавшего на одре в недуге, спросил его: «Хощеши ли здрав быти?» – «Ей, – рече, – Господи! Хотел бых, но не имам человека, дабы по возмущении ангелове ввергл мя бы в купель». Расслабленный изображает Спасителю свои недуги, подражая во многом словам Иова и Псалмопевца. Тридцать восемь лет на одре сем, недугом пригвожденный, лежу, говорит он. Грехи мои расслабили все члены тела моего. Богу молюся – и не слушает меня. Врачам раздал все мое имение, но помощи получить не мог; нет у них зелия, могущего переменить казнь Божию. Знакомые мои гнушаются мною; смрад мой лишил меня всякой утехи; ближние мои стыдятся меня... Нет утешающего. Мертвым ли себя назову? Но чрево мое пищи желает, а язык иссыхает от жажды. Живым ли себя *помышлю*? Но не только встать с одра, ни подвинуть себя не могу: ноги мои *непоступны*; руки не только *бездельны*, но и тела осязать не могут; непогребенным мертвецом разумеюся, и одр сей гроб мне есть. Мертвый я в живых и живой в мертвых. Как живой, питаюся; как мертвый, ничего не делаю. Мучим я, как в аду, бесстудием поносящих меня: смех юношам, притча старцам. Все глумятся надо мною. Внутри болезнь *клещит* меня, извне обиды... Обрящу ли брашно, но в уста вложить его не могу; всем молюсь, чтобы кто-нибудь накормил меня, и бывает делим мой бедный укрух с питающими меня; стеню со слезами, томим болью недуга, и никто не придет посетить меня... Лежу *наг Божия покрова*; не имею человека, кто бы, не гнушаясь, послужил мне. Енох и Илия взяты на небо; Авраам с Иовом преставились в бесконечную жизнь; Моисей, боговидец и законодавец, не

узрел обетованной земли; Соломон премудрый три раза беседовал с Богом, а на старости прельстился женами. Господи! человека не имам, вложаща мя в купель, вси бо уклонишася и неключими быша, и несть творящего блага, несть ни единого, и не разумеют вси творящии беззаконие».

И все сие услышав из уст расслабленного, благий наш Врач, Господь Иисус Христос, отвечал ему: «Что глаголеши: человека не имам? Аз тебе ради человек бых, щедр и милостив, не солгав обета Моего въчеловечения... Ты слышал пророка, говорящаго: отроча родится, Сын Вышняго: той болезни и недуги наша понесет. Тебя ради безплотен сый, обложился Я плотию. Тебя ради, невидимый силам ангельским, явился всем человекам. Не хотел Я презреть образа Моего, лежащаго в тлении, но хотел спасти его и в разум истинный привести, и говоришь ты: *человека не имам*? *Аз бых человек, да Богом человека створю*, рех бо: богами будут и сынами Вышняго вси, и кто же иной вернее Меня служит тебе? – Тебе всю тварь на работу Я сотворил; небо и земля тебе служат: небо влагою, земля плодом; для тебя солнце светом и теплотою служит, и луна со звездами ночь *обеляет*; для тебя облака напаяют землю дожден, и земля на твою службу возращает всякую траву семенитую и древа плодовитыя; для тебя текут реки, и пустыня зверей питает, и говоришь ты: человека не имам! И кто Меня вернее человек? Я не солгал обета Моего вочеловечения. Я клялся Аврааму и сдержал клятву. Я послал в крещении ту воду, которой жаждал Исаия – а ты жаждешь овчей купели. Встань, возми одр свой, *да слышит Меня Адам и обновится ныне с тобою от истления*; в тебе исцеляю Евину клятву первого преступления... Встань, возми одр свой и иди в дом свой!» – Внезапно вскочил расслабленный с одра, здравый всеми членами тела и силою мощный, и, взявши одр, пошел с ним посреди народа.

Всемирная мысль христианская. Кто же этот расслабленный, исцеленный Спасителем? Заключительные слова Спасителя, обращенные к Адаму, показывают, что под ним разумеется весь ветхий человек, на котором тяготела клятва

падения. Что знаменует овчая купель? Купель крещения, вода которой через освящение Духом дает всем здравие. Сам проповедник свидетельствует, что сказание евангельское имеет всемирное значение, следующими словами: «Но да не мним, яко тому единому се глагола Христос, но всем нам, приемшим крещения благодать, им же праотеческия очистихомся скверны, и изцелени быхом от растлевающаго ны греха» (35).

«Слово на Вознесение Господне». Наконец третье «Слово», подлежащее нашему разбору, самое блистательное из всех. «Слово на Вознесение Господне» соединяет с глубиною христианской мысли все изящество поэтического образа. Вдохновенный мыслью высочайшего праздника после Пасхи проповедник согласно с Церковью приглашает пророка Захарию дать начало его «Слову», потому что он всех яснее пророчествовал о Вознесении Христовом, и припоминает слово Исаии, который всех явственнее предсказал, какая была брань на общего врага, дьявола, как Христос победою крестною над всеми врагами темными извел всеродного Адама со всеми народами мира и все языки соединил в имени людей, а скончавшихся в законе нарек чадами, по слову пророка: не людие ли сия суть и чада Моя.

Проповедник приглашает христиан прийти умом на гору Елеонскую и узреть мысленно все славное, что на ней совершилось. На ту гору Сам Христос Бог сегодня пришел, и собралися чины всех святых: соборы праотцев, патриархов множество, полки пророков, лики апостолов, толпы верных. Тут, в небесах и на земле, готовится торжество Вознесения. Собрались ангельские силы и архангельские воинства: одни приносят облака на крыльях ветряных для взятия от земли Христа Бога нашего; другие готовят престол херувимский. Бог Отец ожидает Того, Кого в лоне Своем имел еще прежде с Собою. Небеса веселятся, украшая свои светила, готовя их к тому, чтобы принять благословение от Творца, когда Он с плотию Своею через их же врата на облака вознесется. Земля радуется, видя на себе Бога явственно ходящаго, и вся тварь красуется, просвещаемая от Елеонской горы, которая свято-

стью превзошла Синайскую. Началось песнословие небесное во славу Вознесения. Сначала, как громы, раздаются голоса пророков: «Вознесися силою Твоею, Боже! Поем и воспоем силы Твоя». За ними поют ангелы... Патриархи начинают песнь: «Се Бог наш возносится!» Возглашают преподобные, велегласуют праведные. Давид, как старейшина ликов, уясняя плененные голоса, говорит: «Вси языцы, восплещите руками, воскликните Богу гласом радости, да взыдет Бог в воскликновении и Господь во гласе трубнем». Все голоса заключает Павел апостол, присущий также Вознесению не по времени последования сказаний новозаветных, но по вечной мысли тайны Христовой, так ясно открывшейся ему во всех событиях Спасителевой жизни (36).

За этими ликами следует голос Церкви. Христова Невеста, видя Жениха своего, возносимого на небеса, скорбит и, стеная от сердца, вопиет с Соломоном: «Уязвлена я любовию Твоею, Жених мой небесный», и, провожая любезного, просит, да целует Он ее от лобзания уст Своих. За ней и апостольский лик жалостно молит Владыку не оставить их сирых и послать им Утешителя Духа. Иисус произнес слово утешения, воздвиг руки, благословил их и начал возноситься на небо; апостолы поклонились Ему, и светлое облако подняло Его от очей их, и взошел Он на херувимах, и полетел на крыльях ветряных, и возносил с собою души человеческие в дар Отцу Своему.

Внезапно видению проповедника открывается в небесах чудная борьба между ангелами. Впереди Спасителя текут ангельские силы, со страхом и радостно, и хотят отворить врата небесные; но вышние вратники возбраняют им, вопия: се врата Господни, никто из земных ими не проходит; так положил Сам Бог: ныне дивимся, зря человека, седящего на херувимском престоле и хотящего пройти через врата прежде серафимов. Ангелы поведали силу и сан Сына Божия, человеческим обложенного телом, и сказали: не пререкайте воле Божией; никто не чул, как сошел Он на землю, и се, рабий нося образ, восходит. Но небесные вратники отвечали: не покоримся, если не услышим слова Божия. Тогда возгласил Христос: отверзите

мне врата правды, и, вшед в них, возвещу Отцу Моему, что сделал и как пострадал на земле. И, познавши глас Господень, все силы небесные пали, поклонившись и говоря: если не видели, Владыко, Тебя сходящаго, то поклоняемся Тебе, восходящему в славе. Тогда Дух Святый исходит на сретение, вводит равного Себе Сына Божия и, почесть творя, глаголет: да поклонятся Ему все Ангелы Божии. Сам Бог Отец возглашает грядущему во плоти: Сын мой еси Ты, сяди одесную Мене; се престол Твой, Боже, во веки веков: Твои небеса и Твоя земля, и конец земли Ты основал. И, посадив Отец Сына на престол, венчает Его десницею, воспевающим серафимам: положил еси на главе Его венец от камене честна, славою и честью венчал Его, силу и велелепие возложил на Него.

Мысль и образ. Славится на Западе поэзия Данта в начале XIV века своими чудными видениями, в которых она переносила на небо блистательные процессии Итальянской церкви. Но выше и знаменательнее тех видений духовное видение Кириллово XII века, где так глубоко раскрыта основная мысль христианства – вознесение падшего человечества на небеса в лице Спасителя, и олицетворена в чудно-изящном образе (37).

Замечательное в других «Словах». Не буду разбирать в такой же подробности других слов Кирилловых; но обращу внимание на то, что в них есть замечательного. В первом «Слове в неделю ваий» прекрасна мысль, что Иисус Христос в младенцах, сретавших Его в Иерусалиме, прообразовал всех христиан, которые, ничтоже о Нем пытая, о Нем живут и о Нем умирают. Исполнено силы воззвание к народу, которым заключается «Слово»: «Излием, как мvро, на главу его веру и любовь нашу; изыдем любовию, как народы, в сретение ему; сломим гневодержание, как ветви; постелем ему, как ризы, добродетели; воскликнем молитвами и беззлобием, как младенцы; предъидем милостынями к нищим; восследуем смирением и постом, бдением и блаженным покаянием, и не погубим труда четырехдесятидневного поста, да и в наш Иерусалим внидет ныне Христос». Во втором «Слове» есть

сравнение между человеческими и Божескими деяниями Христа, из которого видно, что Иларионово «Слово» было известно Кириллу, потому что здесь заметно явное подражание ему даже в некоторых выражениях (38). Изобильно духовным чувством любви все четвертое «Слово о снятии тела Христова со креста». Прекрасны здесь: плач Богоматери перед распятым Спасителем, частию заимствованный из Симеона Логофета, размышление Иосифа, снявшего тело, и похвала ему от проповедника. Наконец, в «Слове» девятом, на Собор трехсот осьмнадцати святых отцев в Никее, замечательно вступает: «Если историки и витии, то есть летописцы и песнотворцы, преклоняют слух свой к бывшим между царями ратям и ополчениям, да украсят словами и возвеличают мужествовавших крепко по своем царе и не давших плечей врагам во брани, и тех славя похвалами венчают: тем более нам прилично хвалу к хвале приложить о храбрых и великих воеводах Божиих, крепко подвизавшихся по Сыне Божием, своем царе, и Господе нашем Иисусе Христе». Это место показывает, что проповедник наш знаком был с поэтическими произведениями, может быть древними, а может быть и нашими, прославлявшими подвиги князей.

Общее заключение о проповеди. Извлечем теперь из всего нашего изложения общие черты проповеди Кирилловой. На первом плане выдается глубина мысли христианской, которая проникает все основы «Слова». Христианство же объемлется этою мыслию в своем вечном и всемирном значении. Самая мысль облекается всегда в образ, заимствуемый из природы, или из евангельской притчи, или из жизни Спасителя, или из духовных созерцаний самого проповедника. Этот образ по внутреннему своему значению становится символом, и вот почему духовное красноречие Кирилла во многих местах переходит в символическую поэзию. Византийские краски в узорах речи иногда очень ярки на этом «Слове», но всегда исполнены таинственного смысла. В языке видим совершенное господство славяноцерковной речи; она изобилует прекрасными выражениями, которые могут перейти в собственность

современного языка. Их сравнил бы я с теми драгоценными камнями на древних окладах икон, которые всегда сохраняют свою внутреннюю цену и ожидают художника для того, чтобы явиться в блеске новой красоты.

Притчи и молитвы. Заключу изучение «Слов» Кирилла указанием на притчи и молитвы его. Проповедник любил притчу, как любит ее вообще и народ русский. Притчу *о хромце и слепце*, приставленных домовитым человеком к винограднику, он заимствовал из «Пролога», но распространил ее. Хромец – тело, а слепец – душа; виноградник, ими обокраденный, – рай. Другая притча, аллегорическая повесть, надписанная Василью, игумену Печерскому, изображает глубокое значение монастырской жизни и заимствована в главной мысли из жития Варлаама и Иоасафа, индийского царевича. В самом же житии мысль взята из «Бесед» Иоанна Златоуста (39). В одном городе жил царь благой, кроткий и милостивый, и пекся о своих людях; только одним был он неразумен: не боялся тревоги и не держал ратного оружия. Он имел при себе многих советников и дочь *мужеумную*. Из советников только один благоразумный сокрушался о неосторожности царевой. Внезапно случилось ужасное волнение в городе. Царь вышел с советниками, чтобы усмирить мятеж, но не нашел виновников, а город был в ужасном движении. Тогда умный советник повел царя и дочь его к великой горе, где в пещере лежало много разного оружия. Через окно взглянули они внутрь вертепа и увидели там мужа, который жил в крайней нищете, покрытый худыми одеждами. Возле него сидела жена и пела песни, слаще всякого брашна. Перед ним же стоял некто прекрасный и высокий на твердом камне; он питал его и подавал ему вино в чаше. Муж, принимая чашу, венчался похвалами и многою радостью. Царь, увидев это, созвал своих друзей и сказал им: «Что за чудо, друзья мои, вы видите! Такое снаружи худое житье, а лучше нашей державы веселится, и светлее внешнего внутреннее сияет».

Город – человеческий образ; люди, в нем живущие, – телесные чувства; царь, обладающий телом и угождающий

чувствам, – ум; советники и друзья – житейские мысли; шум и тревога – болезнь или какое-нибудь несчастье; благоразумный советник – печаль ума; гора – монастырь; духовные оружия в нем – пост, молитва, слезы, воздержание, чистота, любовь, смирение, покорение, труды бескорыстные; глубокая пещера – монастырская церковь; приничение к окну – душеполезное учение; муж в крайней нищете – иноческий чин; жена, неотлучная при нем и поющая сладкие песни, – смертная память; предстоящий ему в красоте и величии – Христос, подающий в таинстве Плоть и Кровь Свою.

Эта значительная повесть показывает, что иноческая жизнь начинала уже проникать тогда в народную жизнь: в ней-то Кирилл черпал вдохновение для «Слова» своего, на которое недаром приглашал он народ, как на *мед духовный*.

Первые отцы нашей Русской Церкви любили слагать молитвы: таковы молитвы Илариона и Феодосия Печерского. Кирилл Туровский сложил молитвы повседневные на всю седмицу, начиная с воскресенья и оканчивая субботою, и канон покаянный. Передадим об этих молитвах слова нового издателя: «Молитвы св. Кирилла были частными молитвами, выражающими чувствования христианина, глубоко благодарного Господу за Его неизреченные блага, но еще глубже сознающего свое недостоинство, свои духовные и телесные нужды; и потому, как согласные с чувствами и потребностями всякого православного христианина русского, они вошли во всеобщее употребление у всего народа вместе с покаянным каноном» (40). Часто встречаются они в сборниках Древней Руси, а теперь новою печатью возвращены снова народу. В некоторых молитвах находим мысли и образы, подобные тем, какие читаем в «Словах», из чего видно, что молитвы и «Слова» – творение одного лица. Не будем сравнивать их между собою: молитва не проповедь и проповедь не молитва. Думаем, что кто умел молиться с таким глубоким чувством и молитвою обнимать все силы души, тот мог быть и великим проповедником. Молитва Кирилла Туровского есть духовный ключ к объяснению истин и красот его проповедного слова.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ

«Слово о полку Игореве». – Открытие «Слова». – Издания. – История мнений о «С. о п. И.». – Доказательства подлинности «Слова о п. И.» – Предмет «Слова» по летописям. – Почему избран такой предмет? – Содержание «Слова». – 1. Историческая сторона «Слова». – Воспоминание о Трояне. – Эпохи русской истории в «Слове». – Первая эпоха. – Вторая эпоха: Олег. – Всеслав. – Боян. – Третья эпоха, современная «Слову». – Грусть: главное чувство «Слова». – Ратный дух. – Картины скорби. – Мысль о Русской земле. – Воззвание к современным князьям. – Мифологическая стихия «Слова». – 2. Поэтическая сторона «Слова». – Поэзия «Слова» в природе. – Краски южных степей. – Природа живет в «Слове». – Сочувствие явлений природы событиям. – Плач Ярославны. – Мысль плача. – Безличность автора «Слова». – Летописи в XII веке

«Слово о полку Игореве». Двенадцатый век мы заключим изучением «Слова о полку Игореве» – памятника, который своим поэтическим достоинством заслужил известность европейскую и был несколько раз переведен на иностранные языки.

Открытие «Слова». В конце прошлого столетия открыто было «Слово о полку Игореве» графом А. И. Мусиным-Пушкиным в одном древнем сборнике, который по почерку своему и бумаге, как свидетельствовали ученые, видевшие рукопись, мог быть отнесен к концу XIV или к началу XV века и заключал в себе статьи светского содержания. Здесь, между «Хронографом», «Сказанием об Индии богатой», «Синагрипом, царем адоров» и «Деянием прежних времен храбрых человек о борзости и о силе, и о храбрости», находился пятою статьею и наш памятник под заглавием «Слово о пльку Игореве, Игоря Святъславля, внука Ольгова». В 1800 году граф Мусин-Пушкин в сообществе с Н. Н. Бантыш-Каменским и А. В. Малиновским издал «Слово», верно следуя тексту рукописи. В 1812 году сия последняя сгорела вместе со многими сокрови-

щами библиотеки гр. Мусина-Пушкина; таким образом погиб единственный рукописный экземпляр подлинника. Несмотря на все поиски археологов, другого не нашли, – и печатный текст первых издателей до сих пор должен быть принимаем как рукописный. Такое обстоятельство дало повод скептикам навести большие сомнения на самый памятник.

Издания. Первые издатели снабдили текст переводом и некоторыми историческими примечаниями. С тех пор вышло более десяти изданий (1). Заметим важнейшие. А. С. Шишков (1805, 1826) новым преложением содействовал тому, чтобы объяснить нередко темный смысл подлинника, и обратил внимание на многие древние слова и изящные выражения. Я. Пожарский (1819) применил знание польского языка к изучению этого памятника, указал на многие сходства в словах с польскими, но слишком увлекся в этом стремлении и, первый, может быть, подал повод одному польскому ученому видеть в «Слове о полку Игореве» почти польское произведение (2). Грамматин (1823) в своем добросовестном труде обогатил чрезвычайно исторический комментарий; первый сличил многие места «Слова» с подобными местами в летописях; но изменил неправильно некоторые слова первоначального текста и тем обнаружил малые сведения свои и своих современников в самых основаниях славянской филологии. До́лжно отдать честь его добросовестности, что он в конце издания сам указал на все изменения, им сделанные. А. Ф. Вельтман (1833) в своем изящном преложении разделил «Слово» на части и обратил внимание на поэтическую его сторону. М. А. Максимович (1837) кроме разделения и перевода, уяснивших многое в произведении, объяснил символику птиц и зверей, указал на краски природы южной, живо напечатленные на «Слове», и на многие черты народного духа и красо́ты поэтические, укрывавшиеся от прежних критиков. И. М. Снегирев (1838), издав «Слово» вместе со «Сказанием о побоище в. князя Димитрия Ивановича Донского», дал средства к определению отношений между этими двумя произведениями, столько важных для исторической критики. И. П. Сахаров (1839–1841) первый сделал полное обо-

зрение трудам всех своих предшественников – как изданиям, так и критике «Слова». Д. Н. Дубенский воспользовался всем тем, что до него было сделано, применил начала грамматики Добровского к филологическому изучению текста и напечатал самое полное издание «Слова», следуя во всем тексту первых издателей без произвольных изменений, с богатым комментарием, с переводом и предисловием, где указаны и оценены труды его предшественников, и с драгоценным словарем, где грамматически разобрано каждое слово.

Известно, что Пушкин готовил издание «Слова о полку Игореве». С глубоким уважением говорил он о его поэтических достоинствах и не сочувствовал нисколько мнениям скептиков, которые всего сильнее действовали в его время. Нельзя не пожалеть, что он не успел докончить труда своего (3).

В 1846 году г. Головин издал «Примечания на “Слово о полку Игореве”» к которым приложен и самый текст. Некоторые объяснения издателя приняты были в науку, особенно то, которое касается седьмого века Траянова. В 1854 году г. Гербель напечатал поэтический перевод слова. Весьма замечательно в этом издании разделение всего подлинного текста на отдельные стихи: оно объясняет отчасти внешнюю поэтическую форму памятника. В том же году г. Август Больц, учитель русского языка в Берлинской военной школе, издал славянорусский текст «Слова» со стихотворным немецким переводом, к которому кроме примечаний приложены краткая грамматика «Слова» и глоссарий. В 1859 году М. А. Максимович издал во второй раз стихотворный перевод «Слова» на украинское наречие и, приложив к нему подлинник, снабдил его некоторыми примечаниями. Многие из них должны быть приняты в науку, особенно же объяснение самого темного места в «Слове»: «нъ рози нося им хоботы пашут», и другого, о реке Стугне: «стругы ростре» (или «простре», как читает это место наш украинский переводчик (4).

История мнений о «С. о п. И.». Сказав об изданиях, изложим вкратце историю мнений об этом памятнике (5). Первые издатели, как можно водить по заглавию, за ними даже и

Грамматин почти через 25 лет, смотрели на «Слово о полку Игореве», как на героическую поэму, сравнивали творца ее с Гомером и Оссианом и прилагали все правила классической поэтики к разбору «Слова». Грамматин находил в нем единство действия, времени, места и чудесное. За этим воззрением, в котором отражалась современная теория искусства, последовало другое, совершенно противоположное первому.

Стали сомневаться в достоверности памятника. Исторически скептицизм, порожденный Нибуром на Западе, отразился и у нас по подражанию и обращен был на памятники старины. Если летопись Нестора, имевшая за себя столько списков, которые все могли быть сведены в один, подвергалась последней пытке от наших скептиков, то «Слово о полку Игореве», не огражденное даже ни одною рукописью, представляло еще обширнейшее поле для сомнений. Скептики, считавшие «Слово» подлогом, делились на два разряда. Одни относили подлог к концу XVIII столетия и находили соотношение между «Словом о полку Игореве» и гаэльскою поэзиею Макферсона. Некоторые выражения, как, например, «крычат телегы полунощы» или «хощу копие приломити конець поля Половецкаго с вами, Русици», казались галлицизмами для нашихскептиков, которые в своем ослеплении не вникли даже в различие смысла между последним выражением и рыцарским французским: rompre une lance avec quelqu'un (6). Другие, более снисходительные, относили подлог к XVI столетию и произвольно предполагали, что какой-то начетчик старинных книг в этом веке изложил песню Игореву по древнему списку, исказив ее язык и сделав многие вставки (7).

Подлоги древних произведений бывают во времена процветания филологии: они роскошь науки. Так было в Италии XVI столетия. Таковы подделки Чаттертоновы в Англии. Подделка Макферсона нейдет сюда: она произошла более от неумения записывать и передавать народные произведения в эпоху лжеклассическую. В то время, когда образуются искусники филологических подлогов, готовы бывают, с другой стороны, и строгие им обличители. У нас была попытка подлога в 1811

году славянорусского стихотворения; но она обличает только совершенное невежество в древнем языке (8). Взгляните на издание Грамматина: изменения в тексте «Слова о полку Игореве», им сделанные, обнаруживают человека, совершенно недалекого в филологии. Он считает то ошибкою против языка, что есть признак его древности. Между тем Грамматин в свое время первенствовал перед другими в изучении памятников древнего слова (9). Так было в 1823 году. Лучше ли во время самых скептиков? Они своими замечаниями о *пардужьем гнезде* и другими подобными сами обличили скудную начитанность в древних памятниках (10). Если так в наше время, чего же ожидать от конца прошлого столетия, когда еще не существовала «Грамматика» Добровского? Говорить ли о том, что мнимый поддельщик непременно был поэтом, потому что нельзя же отнять поэтических красот у «Слова», признанных не только лучшими нашими поэтами, но и мнением всей ученой Европы; а между тем мы знаем, что никто из участников в первом издании не обнаружил никакого поэтического дарования.

Еще несообразнее было бы отнести подлог к XVI столетию. Филологический, конечно, был тогда не в нравах времени, а политический ни из чего не объясняется. Какое соотношение между московским единодержавием и периодом княжеских усобиц и половцев? Подстроить же старую песню под старый же лад – что-то странное: не лучше ли в таком случае просто списать ее (11)?

Скептики, сами не определив ничего, поколебали, однако, своими сомнениями таких людей, которые неохотно предаются произволу догадок. Даже О. М. Бодянский относил «Слово» к XIV столетию (12). Только в наше время образовалось мнение правильное и положительное касательно этого памятника. Филологическая критика здесь по отсутствию рукописей всегда будет блуждать ощупью; но зато во всей силе может быть допущена критика историческая, не менее важная для определения достоверности.

С 1816 года, когда вышла в печать эта лекция, явилось замечательное исследование князя П. П. Вяземского о «Сло-

ве», где собраны все исторические данные, объясняющие нам образование того века, когда жил творец его. Тем утвердилась еще более достоверность произведения. Максимович все более и более продолжал свои драгоценные исследования; знакомство с южнорусским языком и природою придавало его открытиям особенную жизнь и силу. Весьма замечательны также указания г. Березина на турчизмы, или восточные слова, встречающиеся в памятнике (13).

Доказательства подлинности «Слова о п. И.». Прежде чем изучать самый памятник, скажем, все то, что убеждает в его подлинности. Главный довод скептиков – одинокость исчезнувшей рукописи – может быть употреблен скорее в пользу памятника, нежели против него, если мы вникнем в его характер и взглянем на него в связи с другими произведениями нашей древней словесности. Известно, что с XIII и особенно XIV века вся литература наша принимает характер чисто духовный. В монастырях, которых размножение относится особенно к XIV и XV столетиям, переписываются те произведения, которые носят на себе печать религиозную. «Слово о полку Игореве», напротив, по цели своей есть произведение чисто политическое. Характер светский на нем явен; даже ярки воспоминания язычества; упоминается о четырех божествах: Велесе, Дажьбоге, Стрибоге, Хорсе; сам народ русский назван внуком Дажьбога (солнца); заметны многие древние суеверия. Все это заставило думать и Карамзина, что оно писано мирянином. Только обращение к *братьям*, упоминание в конце «Слова» о Святой Богородице Пирогощей, христианах, побораящих поганые полки, и заключительный *аминь* могли бы свидетельствовать в пользу духовного лица как автора; но эти признаки не столько ярки, как другие, как весь дух «Слова», как мысль, его проникающая. Вот где таится причина, почему оно не нашло в Древней Руси такого же множества переписчиков, какое суждено было иметь «Хождению Даниила Паломника» и «Сказанию о Мамаевом побоище» – памятникам, которых религиозный характер ясно выступает при первом на них воззрении. Зато сии последние и подверглись ужасному

искажению в языке, вставкам и анахронизмам. Если с этой точки зрения взглянуть на первое основание наших скептиков, то увидим, что оно при знании всего хода нашей древней литературы обращается совершенно против них (14).

Сличение «Слова о полку Игореве» с другими памятниками служит также сильным доказательством в пользу его подлинности. Калайдович открыл пергаменный «Апостол» 1307 года, в котором игумен Пантелеймонова Псковского монастыря Зосима, приписавши заключение к первой книге, изображая гибельную войну Михаила и Юрия за княжение новгородское, употребляет почти те же выражения, какие употребил автор «Слова» при изображении междоусобий русских во время Ольга Святославича: «При сих князех сеяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша в князех которы, и веци скоротишася человеком». В «Слове» вы читаете: «Тогда при Олзе Гориславиче сеяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дждьбожа внука; в княжих крамолах веци человеком скратишась» (15). Переписчик «Апостола», конечно, счел неприличным на священной книге употребить имя языческого бога (Солнца) и назвать русский народ даждьбоговым, то есть солнцевым, внуком: вот причина изменению. Но явно то, что «Слово о полку Игореве» известно было в 1307 году, даже в пределах псковских.

Последующий памятник XIV века, «Слово о Мамаевом побоище», носит на себе явные признаки подражания «Слову о полку Игореве». За исключением религиозной мысли, лежащей в основе первого произведения, все его внешнее расположение во многом заимствовано отсюда. Князь Владимир Андреевич соответствует Буй-Туру Всеволоду, и речь его взята явно из речи Всеволодовой, только с изменениями. Плач Евдокии напоминает плач Ярославны. Предзнаменования природы также сходятся в выражениях. Но нельзя ли предположить, что заимствование обратно, что поддельщик «Слова о полку» пользовался «Сказанием о побоище»?! Никак нельзя. Не большая нужна проницательность в критике, чтобы распознать оригинал. Что кратко и сильно сказано в первом, то разбавлено и

слабо во втором. Сравните особенно речь Всеволода с речью Владимира и картину предвещаний природы и в том, и в другом «Слове» (16). Позднейшая переделка «Слова о Мамаевом побоище», означенная именем «Задонщины», XV века, открытая недавно, еще более утвердила историческую достоверность нашего памятника (17). Псковский летописец, описывая Оршанскую битву под 1514 годом, подражает некоторым выражениям «Слова» в описании битвы (18).

Сличение киевской летописи с нашим «Словом» подтверждает также несомненную его достоверность. Все событие, составляющее содержание «Слова», описано под 1185 годом летописи. В главном подробности все сходны; в частностях они разнятся. Так, например, «Слово» не упоминает подробно о ране Игоря в левую руку, о чем говорит летопись; в плаче Ярославны сказано вообще о ранах. Зато есть и в «Слове» подробности о князьях, которых не найдете в летописи. Но все это свидетельствует только в пользу его истины. Кроме того, имена ханов половецких, Кончака, Гзы, Кобяка, рек Сулы и Каялы, и многие слова живо говорят о современности. Еще Карамзин заметил сходство в языке. Слова *полк* летопись употребляет в том же значении, как стоит оно на заглавии «Слова». Выражения *кмети*, *шоломя*, *оксамиты*, *стяг*, *чолка*, *кощей*, *чага*, *сыновец*, *посады*, *испить шеломом Дон* – встречаются в летописи, формы двойственного числа глаголов на -*в* и окончания глаголов на -*шет* и на -*ахуть* одинаковы здесь и в «Слове». Значение Дажьбога как солнца ясно из летописи (19). В заключение «Слова» Игорь едет по Боричеву к Святой Богородице Пирогощей. Летопись, одна под 1131, другая под 1132 годом упоминает о заложении церкви Богородицы Пирогощей Мстиславом. Икону ее не до́лжно смешивать с Владимирскою, хотя и вместе привезли их на одном корабле из Царьграда, по свидетельству летописей. В «Слове» готские красные девы поют песни на берегу синего моря; звоня русскими золотом, поют время Бусово и питают месть Шароканову. Летописи упоминают о Готском береге Тавриды, который заняли половцы с 1050 года, простершись

по всей Русской земле до моря, как пардусье гнездо. Готские девы – то же, что половецкие, а о половецких песнях говорит также летопись. Сырчан, хан половецкий, загнанный за Дон Владимиром Мономахом, а потом оживший рыбою, как выражается летопись, узнав о смерти Владимира, посылает в радости к брату своему последнего оставшегося ему гудца и велит петь ему *песни половецкие* (20). О Шаруканах, двух братьях, князьях половецких, упоминает Мономах в своем «Поученье». О Шарукане старом – летопись под 1107 годом.

О хане Бусе не говорят летописи; но имя его, может быть, сохранилось в урочище *Бусов яре*, находящемся недалеко от левого берега Донца, играющего также значительную ролю в местности «Слова». Тьмутараканский болван, о котором упоминает «Слово», соединяя его с Корсуном, есть, конечно, памятник Комосарии, супруге босфорского владельца Перисада, по мнению П. И. Кеппена (21).

Можно ли найти свидетельства в летописях о том, что и светские люди занимались литературою? Ипатьевский список летописи под 1205 годом упоминает о Тимофее, премудром книжнике, который был родом из Киева и притчею нападал на Бенедикта, воеводу короля галицкого Андрея, томителя бояр и граждан. К соображению можно принять выражение той же летописи под 1202 годом: *славяху Игоревича*. Под 1251 годом сказано, что князю Даниилу с товарищами, избавившему многих христиан от плена, пели славную песню. Видно, был такой обычай. Наконец, та же летопись, изображая волынские события, под 1241 годом упоминает о словутном певце Митусе, который древле *за гордость* не восхотел служить князю Даниилу и, связанный, с роздранной одеждой, приведен был к нему дворецким его Андреем (22).

Так, из многих древних памятников, объясняется подлинность «Слова о полку Игореве». Прибавим же сюда и то, что предлагает оно само как ясное свидетельство о современности своей тому событию, которое послужило ему содержанием. Автор начинает свою повесть, или песнь, по былинам *сего времени*; называет Игоря *нынешним* (от старого Владими-

ра до нынешнего Игоря); обращаясь к современным князьям, просит их вступиться за обиду *сего времени*. Здесь явны живые отношения к событиям эпохи.

Утвердив достоверность памятника, мы теперь обратимся к изучению его со вниманием более почтительным, а когда вникнем во все подробности его содержания, тогда еще яснее предстанет нам его истина.

Предмет «Слова» по летописям. Предметом «Слова о полку Игореве» послужил поход Игоря Святославича, внука Ольгова, на половцев, совершенный в 1185 году. Ипатьевский список летописи под этим самым годом передает подробности этого несчастного похода. Отсюда мы узнаем, что Игорь, позвав с собою многих родных ему князей, отправился на половцев. Приехав к Донцу, он видел солнечное затмение и принял это за печальное предвестие. Переехав Донец, два дня ждал он брата своего, Всеволода, из Курска. В пятницу встретил они половцев и сначала победили их; половцы пустились бежать. Игорь не удовольствовался тем и пошел далее. Но на другой день, в субботу, полки половецкие начали выступать, как боры сосновые, в бесчисленном множестве (23). Изумились русские князья. Они спешились. Началась битва. Игорь был ранен в левую руку. Бились целый день. Воскресенье осветило поражение русских. Всеволод сражался до невозможности; он и раненый Игорь взяты в плен. Игорь принял это как Божие наказание за кровь христианскую, которую понапрасну проливал он, наводя сам поганых на свою землю. Так, по крайней мере, видно из слов, вложенных ему в уста летописцем. Между тем как другие князья воевали с половцами и хан Кончак овладел городом Римовым, а Кза *в силах тяжких* сожег все около Путивля, – Игорь оставался в плену у половцев. Ему давали волю; он мог ездить на охоту с ястребом; имел с собою священника и слуг. Один половчин по имени Лавор предложил ему бегство, но благородный Игорь не хотел оставить в плену мужей своих; однако, убежденный потом словами сына тысяцкого своего и конюшего, решился и, воспользовавшись сном половцев, упившихся кумыса, бежал в свою землю.

Другой список летописи (Лаврентьевский), относя событие к 1186 году и передавая главное в сокращении, прибавляет, что некому было о наших принести вести, что через купцов (гостей) узнали об их несчастии. Князья и бояре, услышав о такой погибели братьев, все возопили; был плач и стенанье: у одних побиты и пленены братья, у других отцы и ближние. Князь Святослав послал по сыновей своих и по всех князей; они собрались к Киеву и выступили к Каневу; половцы, услышав, что вся земля Русская идет на них, бежали за Дон; Святослав, сведав это, возвратился с князьями назад, и все разошлись по землям своим. Половцы же, услышав о том, погнали на Переяславль, взяли все города по Суле и бились у Переяславля целый день. Один Владимир Глебович защищал город. Между тем Игорь убежал от половцев.

Вот подробности события, как передали его летописи. Видно из некоторых слов, что Игорь был сильно любим своими; во время плена его многие печалились о нем и проливали за него слезы. В самом деле, поведением своим он достоин был этой любви. Из плена не хочет он бежать, чтобы не оставить своих; во время решительной битвы, раненый, не будучи в силах сражаться, без шлема, беспрерывно стремится он к полкам своим и становится жертвою своей любви к дружине, попадается в плен. Эти обстоятельства, знакомящие нас с благородным характером героя «Слова», оправдывают то участие, которое автор питал к этому князю.

Почему избран такой предмет? Но если целью «Слова» было прославить воинские дела князей, и особенно Игоря, почему же из всех походов против половцев избран именно самый несчастный, кончившийся постыдным поражением и продолжительным пленом того самого князя, который его предпринял? После славного Владимира Мономаха, грозы половцев, отстоящего на 60 лет от певца Игорева, – в течение долгих междоусобий сына Владимирова Георгия с племянником его Изяславом половцы одолели Русскую землю. Князья сами призывали их в помощь, сражаясь друг против друга. Но после долгого усыпления пробудилось снова чувство славы и

любви к Отчизне в некоторых князьях. В 1170 году Мстислав Изяславич первый возымел благую мысль возвратить отнятый половцами путь греческий и позвал для того князей. Поход был счастлив. С богатым пленом и добычею возвратились князья. Примеру Мстислава последовал Игорь Святославич – и в 1174 году совершил поход против Кончака и Кобяка, довольно счастливый. В 1183 году Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич вместе со многими князьями увенчались также славою против половцев. В 1184 году Кончак, набежавши на Русь, был отражен Святославом. Наконец, в том же самом 1185 году, к которому относится плачевное событие Игорево, Святослав и Рюрик одержали в марте славную победу над половцами: Игорь не мог в ней участвовать по причине весеннего водополья, мешавшего ему соединиться с князьями. Все эти славные походы были современны автору, но не они возбудили его участие и дали предмет его «Слову», а поход самый несчастный одушевил его, тот поход, в котором Игорь, по его же словам, пересел из золотого седла в седло *кощеево.* Ясно, что автор имел в виду не прославление личных деяний Игоря. Нет, перед ним была другая мысль, которая стояла выше, нежели частный подвиг: эта мысль – земля Русская с ее страданиями, с ее горем и обидою, земля Русская, которую *несли розно* и сыновья ее и враги. Эта мысль возносится над всеми личными отношениями, над всеми особенностями события, ясно выражается в сильнейших местах «Слова», объясняет выбор автора и, может быть, причину, почему это произведение спаслось из бездны минувшего, столько у нас поглотившей. Этой мысли не мог бы вложить в «Слово» никакой поддельщик, потому что зерна́ жизни вложить нельзя ничем искусственными: она связывает произведение с эпохою; она согревает его внутреннею теплотою, веет из него горем и любовью и вернее всех филологических и исторических доводов говорит в пользу его истины.

Содержание «Слова». Расскажем вкратце содержание «Слова». Автор вначале задал себе задачу: рассказать *трудную*, то есть скорбную, повесть о походе Игоревом, не по замышлению Боянову, а по былинам своего времени. Тут

кстати припоминает он предания о Бояне и обычаях прежних певцов. Игорь в первый раз является в «Слове» в ту самую минуту, как видит затмение солнца и все свое воинство, покрытое тьмою. Он зовет дружину в поход и ждет в Путивле брата своего, Всеволода. Всеволод является со своими курянами: едут князья в поход. Зловещие предзнаменования сопровождают их. В пяток потоптаны поганые полки половецкие. Но вот на другой день новые горькие предвещания шлет природа. Со всех сторон высыпают половцы. Всеволод борется храбро. Мысль певца отходит от тяжкого боя и уносится к началам сильных междоусобиц, от которых пошло горе Русской земли. Вот и новое. Пали стяги Игоревы. Тоска льется по всей земле. Плачут русские жены. Помрачены дела Святославовы, его торжество над Кобяком. Уныние достигло Киева. Святослав видит смутный сон. Его с вечера одевали черною *паполомой* (πέπλωμα) на кровати тесовой; черпали ему синее вино, с горем смешанное; сыпали ему из пустых колчанов поганых половцев жемчуг на лоно (жемчуг во сне – слезы наяву и по теперешним гаданиям русского народа) и нежили его в тереме. А доски в златоверхом терему показались ему без князя – без верха, а всю ночь у Плесньска каркали вóроны... Бояре возвестили князю о несчастии, постигшем двух соколов, слетевших с отцовского золотого престола, и о радости половцев, и о песнях готских дев. Святослав льет слезы и сожалеет о сыновцах своих, Игоре и Всеволоде.

Следует сильное, полное чувства скорби и любви к Отчизне воззвание ко всем современным русским князьям о том, чтобы они вступились *за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославича*: сильнейшее место во всем «Слове», где высказалась задушевная мысль его творца. От имени ли киевского князя Святослава, от самого ли автора совершено это воззвание – решить трудно, и мне кажется, что эта самая загадочность получит большое значение, когда вникнешь в дух целого «Слова».

Но никто из князей не явился на помощь. Снова мысль певца останавливается на тяжких картинах бедствий, снова

восходит к прежним временам, вспоминает о Всеславе, тоскует по старом Владимире и стонет о Русской земле.

Внезапно раздается плач Ярославны, жены Игоря, со стен Путивля, осажденного половцами. Природа сочувствует этому плачу; Игорь возвращается из половецкой земли. Гзак и Кончак его преследуют, но Бог за Игоря – и сама природа содействует его избавлению (24).

Историческая сторона «Слова». С двух сторон рассмотрим мы «Слово о полку Игореве»: исторической и поэтической, хотя трудно разделить их, особенно в таком произведении, которое дышит жизнью своего времени. Под именем первой мы разумеем все временные отношения его к жизни. Во всяком произведении они важны, но здесь еще важнее, как мы увидим, и без них характер целого не может быть ясен.

Воспоминание о Трояне. Самое древнейшее воспоминание автора восходит ко временам императора Траяна. Четыре раза упоминает он его имя: говорит о тропе Трояновой, о сечах или, правильнее, веках Трояновых, о седьмом веке Трояновом, к которому относит Всеславово время, о земле Трояновой. Видно, что это воспоминание завещано ему Бояном, песнотворцем старого времени. Долго имя Траяна было загадкою в «Слове о полку Игореве». Теперь кажется несомненным, что воспоминания о нем долго сохранялись в Дакии, в той стране, где этот римский император воевал, а через южных славян дошли и к нам. Дакия называется землею Трояновой; тропа или дорога Траяна до сих пор существует в Валахии и упоминается в простонародной песне наших солдат, сочиненной во время Екатерининских походов в Турцию. Царь Траян играет роль в одной сербской сказке, приведенной Вуком Стефановичем Караджичем в его «Сербском словаре» (25). От Траяна, как от самого дальнего воспоминания, ведет свое летосчисление автор. Г. Головин объяснил сие последнее славянскими сороками, полагая век в четыре сорока, или во 160 лет, и таким образом согласил 1068 год, когда Всеслав овладел Киевом, с седьмым веком от Траяна или от того времени, как он покорил Дакию.

Эпохи русской истории в «Слове». В истории отечественной ясно выдаются в «Слове» три эпохи. К первой относится X столетие и первая половина XI; вторая начинается с половины XI и переходит в XII век; к третьей принадлежит его собственное время. Означим важнейшие лица каждой из них, упоминаемые в «Слове».

Первая эпоха. В первой являются: Ярослав *старый*, конечно Владимирович, прапрадед Игорев; храбрый Мстислав, старший его брат, который после тяжкого единоборства зарезал Редедю, князя касожского, перед его полками, как говорит о том летопись под 1022 годом; *красный* Роман Святославич, убитый половцами в 1079 году. При них был еще, видно, обычай пускать соколов на стадо лебедей перед началом песни: чей прежде долетал, тому прежде и песня пелась. Но из древней эпохи всего более сожалеет творец «Слова» о *старом* Владимире, то есть Святославиче, что нельзя было пригвоздить его к горам киевским: тогда еще Русская земля была едина, теперь же стяги стали одни Рюриковы, а другие Давидовы.

Вторая эпоха. Вторая эпоха представляет сильнейший разгар удельных войн, когда усобица отвела князей от брани на поганых, когда брат брату сказал: *это мое, и то мое же*, и начали князья про малое говорить: *это великое*, и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

Олег. Здесь главную и плачевную ролю занимает Олег Святославич тьмутараканский († 1115), который чаще всех водил половцев на родную землю и всю Южную Русь обуревал войнами. Не питает к нему никакого сочувствия творец «Слова», несмотря на то что любит и славит внука его Игоря; напротив, отчество Святославича он обращает иронически в прозвище Гориславича. Здесь вероятен отголосок народной молвы. От Олега ведут свое начало самые тяжкие бедствия. Он, по выражению «Слова», «мечем крамолу ковал и стрелы по земле сеял… При нем, при Олеге Гориславиче, сеялось и расло усобицами; погибала жизнь внука Дажьбогова, внука Солнцева, народа русскаго; в княжих крамолах веки челове-

кам сократились. Тогда по Русской земле редко оратаи шумели, но часто враны каркали, деля себе трупы, а галки свою речь говорили, собираясь на кормы свои».

Всеслав. За Олегом к этому же времени относится Всеслав, князь полоцкий († 1101). Замечательно, что в «Слове» является он волшебником. Всеслав, говорит оно, подперся клюками о коней, то есть оперся на стремена коней, и скочил к городу Киеву, и дотянулся копьем золотого престола киевского. И оттуда поскакал он лютым зверем в полночь из Белагорода, обернувшися синею мглою; а наутро стенобитным орудием отворил ворота Новугороду, расшиб славу Ярославову и поскакал волком к Немиге с Дудуток. Далее, Всеслав людей судил, князьям города раздавал, а сам в ночь волком рыскал; из Киева дорыскивал до куреней Тьмутараканя; великому Хорсу волком путь перебегал (26). Ему в Полоцке позвонили рано к заутрени в колокол Святой Софии, а он в Киеве звон слышал. Хотя была у него вещая душа в теле, но и он беды терпел. Ему-то Боян, вещий и смысленый, сказал припевку: «Ни хитрому, ни гораздому, хоть бы летал как птица, суда Божия не минути». Летопись Несторова совершенно согласно с этим изображает нам Всеслава, сына Брячиславова. Под 1044 годом, упоминая о вступлении его на престол полоцкий по смерти отца, летописец прибавляет, что мать родила его от волхвованья; что когда он родился, было *язвено* (знак язвы) на голове его, что сами волхвы велели носить ему это до конца жизни, и что носит его Всеслав и теперь; оттого-то он немилостив на кровопролитье (27). Далее, все рати Всеславовы предшествуются или сопровождаются знамениями. То Волхов течет назад перед тем, как Всеславу выжечь Новгород; то является на небе звезда превеликая, с кровавыми лучами, и находят урода в реке, и затмевается солнце, когда Всеслав зачинает войну (28). Когда же он сам бежит от князей, тогда знамений нет. Но и над этим кудесником Бог показывает крестную силу. Когда Всеслав сел на киевский престол и наступили поганые на столицу, он воздохнул в день Воздвижения к честному кресту – и избавился от поганых. Замечательно, что правоверный и благочестивый

Киев обращает полуязыческого Всеслава к христианству. Ночью бежит он из Белагорода в Полоцк. С тех пор знамения уже не сопровождают его походов. Но под 1092 годом рассказываются дивные события в самом Полоцке, столице Всеславовой: середи ночи внезапно раздавался стук; как люди, рыскали бесы по улицам; если кто вылезал из хоромины, желая видеть, что такое, бывал уязвляем. Потом уже днем бесы стали являться на конях, но нельзя было их видеть самих, а они уязвляли полочан. Затем последовали страшные знамения от природы. Загоралась земля, боры и болота, – и была от половцев рать великая. Все эти страшные чудеса начинаются от земли Полоцкой, земли Всеслава. Все это предание о Всеславе как кудеснике сохранилось даже в памяти народных песен. Мы знаем уже, что Волх, представитель кудесничества между витязями, рожденный также от волхованья, называется Всеславьевичем, и мать его – также Марфою Всеславьевною (29).

С именем Всеслава соединено имя Бояна. Он величается соловьем старого времени, Велесовым внуком. Все «Слово» написано как будто под сильным внушением гения Боянова. Воспоминанием о нем начинает автор; тем же и кончает он. В действиях Бояна, как поэта, видно также что-то волшебное. Эпитет *вещего*, одинаковый у него с древним Олегом, на то же указывает. Если кому хотел он песнь творить, то растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Свои *вещие* персты возлагал он на живые струны – и они сами князьям славу рокотали. Прекрасно сознает «Слово» характер поэта в Бояне, представляя силу воображения его чем-то чудесным, когда он скачет соловьем по дереву мысли, летает умом под облаками, свивает славу как венец около своего времени и рыщет по тропе Трояновой через поля на горы. Кто же был тот Боян, о котором говорит «Слово»? Приведем о том мнения разных ученых. Вельтман остроумно предполагал, что Боян есть одно лицо с Яном, добрым старцем, от которого Нестор слышал многие *словеса*; что частица *бо*, связующая предложения, очень часто встречается в языке «Слова» и «Летописи» и, будучи слита с именем *Яна*, образо-

вала имя *Бояна*, которое затем уже принято в тексте переписчиками. Догадка остроумная; но она не прилагается ко многим местам текста иначе как посредством натяжек, например: *Боян бо* вещий; *о Бояне*, по замышлению *Бояню* (30). Другое мнение принадлежит покойному Венелину. Он указал в истории Болгарии на лицо такого же имени и считал его заодно с нашим Бояном. Это был Боян, сын Владимира-Симеона, царя Болгарского. Симеон, воспитанник великого Мефодия, сын Бориса, принявшего крещение, царствовал от 889 до 927 года. В его время распространилась и процвела болгарская держава. Он был двигатель словесного образования. Из четырех сыновей его младший, Боян, отказался от отцовского удела, предпочел жизнь частную и посвятил себя поэзии и музыке. Предания болгарские изображают его также колдуном, который мог превратить человека в волка или в иного какого зверя. Венелин находил соотношение между этим болгарским Бояном и нашим вещим. Ему помогали в том и предания о Трояне, в «Слове» почти всюду связанные с именем Бояна; они родом из одной земли; особенно же выражение *рыщет по тропе Трояновой* свидетельствует, по мнению Венелина, что Боян родом болгарин. На стороне того же мнения и сербская сказка о Трояне, и еще более одна болгарская песня, в которой до сих пор упоминается Бояново имя (31).

Но против Венелина говорит свидетельство самого «Слова». По мнению его, Боян должен был жить в X веке, потому что отец его Симеон кончил жизнь в войне с хорватами 927 года. Наш же Боян несомненно принадлежит XI веку. Его припевка Всеславу о том, что ни хитрому человеку, ни гораздому суда Божия не миновать, намекает или на поражения, бывшие Всеславу, или, еще вернее, на смерть его, которая после 57-летнего княжения случилась в 1101 году. Этим временем уже определяется существование Бояна, которое, как видно, переходит в XII столетие. В другом месте говорится, что памятны были при нем первые времена усобицы; что тогда был обычай пускать соколов на стадо лебедей: чей долетал прежде, тому и песню прежде пели. Но видно, что это был обычай певцов,

предшествовавших Бояну, потому что он сам же не пускал соколов на стадо лебедей, не по жеребью пел, а возлагал вещие персты на струны, и они сами рокотали славу князьям. Ясно по смыслу «Слова», что этот обычай пускать соколов на лебедей и таким жеребьем решать, в чью славу должна быть пета первая песня, относится к первым временам междоусобий. Боян его помнил; но ему уже не следовал, а сам по воле своей воспевал князей, кого хотел (32). Еще сказано о Бояне, что он ходил на Святославова песнотворца старого времени, Ярославова и Ольгова, и сказал слово против него. Видно, что он был противником этого песнотворца, и автор «Слова» ему в том сочувствует: это понятно, потому что певец славил Олегово время, которое возбуждало негодование в авторе, как время разгара самых страшных междоусобий (33). Стало быть, кроме Бояна были и другие певцы. Припомним опять кстати Тимофея книжника, и особенно гордого и словутного певца Митусу, о котором говорит Волынская летопись.

Имеет ли какое-нибудь отношение наш Боян к Бояну болгарскому? По данным историческим мы ничем положительным не можем отвечать на этот вопрос. Не перенесены ли были сочинения Бояна, певца болгарского, жившего в X веке, к нам в Россию вместе с другими памятниками болгарской письменности? Не стало ли имя этого певца и кудесника нарицательным именем певца в России? Не его ли примеру следовали у нас певцы, рыская по тропе Трояновой? Не считались ли они вещими и колдунами? Ничего утвердить не можем, а поле догадок обширно в науке, если дать им волю.

Все, что верного можем извлечь о Бояне, заключается в том, что это был певец русский, живший во второй половине XI столетия и в начале XII, что он прекрасно сознавал свое поэтическое назначение, что он был певцом независимым и добровольно пел песни в честь князей, не подвергая своего вдохновения произволу жеребья, что он слагал эти песни устно, а не передавал их письму, сочинял смелые припевки на князей и не любил певца Олега Святославича. Все это вместе, как видно, внушило автору «Слова» уважение к Бояну – и вот почему он

именем его начал и окончил свое «Слово» и добровольно уступал свое дело ему, как сам выразился: «О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плъкы ущекотал… Пети было песь Игореви, того (Олга) внуку»… Благородному характеру Бояна верен и творец «Слова». Он, как мы доказали уже, не имел целию одно прославление Игоря. Сочувствуя его подвигу, хотя и неуспешному, смело нападал на деда его Олега, называл его Гориславичем и починал от него все бедствия Русской земли.

Третья эпоха, современная «Слову». Перейдем теперь к третьей эпохе, современной автору. В «Слове о полку Игореве» виден ясно переход от времени песенного ко времени повестному, к былинам современным. Сам автор называет «Слово» свое то повестью, то песнию. «Не лепо ли ны бяшеть, братие, начяти старыми словесы *трудных повестий*» (34), а потом: «начати же ся той *песни*» – и еще: «почнем *повестью* сию…» С самого начала выражает он намерение свое изложить эту повесть *не по замышлению Боянову, а по былинам сего времени.* Далее, не один раз уступает он песенное дело Бояну: «чили воспети было, вещей Бояне, Велесов внуче!»

Да, видно, наступало время тяжкое. Видно, бедствия междоусобий достигали уже крайней степени. Горькая действительность пересиливала фантазию. Поэзия вымысла отходила вдаль. Важное настоящее брало над ним верх. Умолкал поэт, и сильнее выступал гражданин в произведении. «Слово» выражает повсюду это состояние перехода от песни к былине, от вымысла к событию. В самой внешней форме оно видно. Следы размера южнорусских песен, как отдаленные отголоски, раздаются еще иногда в «Слове» так, например:

Прысну море полунощи,
Идут сморци мглами.

Или:

Овлур свисну за рекою,
Велит князю разумети

Князю Игорю не быть;
Кликну, стукну земля;
Вшуме трава…

Или:

Уже нам своих милых лад
Ни мыслию смыслити,
Ни думою сдумати;
Ни очима сглядати.

Иногда же слышится и созвучие:

Ту ся копием приламати
Ту ся саблям потручати… (35)

По временам автор наслаждается звуками речи, в которой слышен современный гул оружия: *гремлеши о шеломы мечи харалужными*.

Грусть: главное чувство «Слова». Но проза осиливает песенный лад. Так и тяжкая жизнь действительная везде осиливает свободную дума поэта. Какое главное чувство господствует в произведении и составляет его душу? Оно внушено жизнию: это грусть, глубокая грусть от начала до самого конца. Все синонимы, как нарочно, выисканы для него в языке; все они тут, чтобы передать это чувство: *туга, тоска, уныние, горе, печаль, труд*. Самая повесть называется *трудною*, то есть прискорбною, по древнему значению этого слова (36). Там начинает расти сила «Слова», где растет сила этого чувства, особенно тогда, когда, вспомнив начало бедствий междоусобия при Ольге Гориславиче, злое семя, посеянное дедом, он видит плод его перед собою: поражение воинов и плен внука его, Игоря.

«Никнет трава от жалости, и древо с печалью к земли преклонилось.

Уже, братья, не веселая година настала; уже пустыня силу нашу покрыла. Встала Обида в силах Даждь-Богова

внука. Вступила девою на землю Траянову; всплескала лебедиными крылами на Синем мори; у Дону плещучи, разбудила богатыя времена.

Усобица ослабила силу князей на поганых. Сказал брат брату: вот мое, и то мое же, и начали князья молвит про малое: это великое, и сами на себя ковать крамолу. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел наш сокол, гоня птиц к морю... А Игорева храбраго полку не воскресить уже!

Жены русския всплакались, приговаривая: уже нам своих милых друзей ни мыслию взмыслити, ни думою вздумати, ни очами увидети, – и тем златом и серебром уже не звенети!

Застонал, братья, Киев с печали, Чернигов с напасти. Разлилася тоска по Русской земле; течет жирная печаль среди Русской земли…» (37)

Сон Святослава, нам уже известный и вскоре следующий за этими словами, своими черными картинами разливает также грусть на самую средину «Слова», а далее слышится слезный плач Ярославны. Только в конце, когда возвращается Игорь на родину, веселье, как слабый луч солнца, пробивается сквозь густые облака скорби, носящиеся над всем произведением.

Так чувством горя всего более связывается «Слово о полку Игореве» с эпохою своего времени. Это чувство крепко лежит в зерне самого произведения, определяет все живые его краски, питает в нем силу речи – одним словом, дает ему душу. Чувство же это было чувством самой жизни, в благороднейшей избранной части ее, к которой принадлежал творец «Слова»: в нем нашло оно полный и прекрасный отголосок.

Ратный дух. Рассмотрим после главной другие черты времени, дающие свой оттенок всей картине. Это времена *железных* полков, которые так часто встречаются в «Летописи» и в «Слове». Вид наших древних броней оправдывает нам этот эпитет. Ратный дух не погас еще в князьях. Благородные его представители: Игорь, князь Новгород-Северский, брат его Всеволод, князь Трубчевский, и Святослав III Всеволодович, великий князь Киевский.

Этот ратный дух веет в словах Игоря к дружине и напоминает лучшие времена Святославовы: «Братья и дружина! Лучше быть изрублену, чем полонену! А сядем, братья, на своих борзых коней да позрим синяго Дону!.. Хочу переломить копье о конец поля половецкого с вами, русичи, хочу главу свою положить или шеломом испить Дону!» (38). Но дело не подтверждает уже силы этих слов: битва кончилась пленом князя.

Всеволод так говорит брату о своих курянах: «Мои куряне – сведомые слуги, под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, концем копья вскормлены: пути им ведомы, овраги им знакомы; луки у них напряжены, тулы отворены, сабли изощрены; сами скачут как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы» (39).

Подвигам Всеволода воздает творец «Слова» наибольшую почесть: «Яр-тур Всеволод! – говорит он ему, – ты стоишь на обороне; прыщещь стрелами на воинов, гремлешь о шеломы мечами харалужными. Где только, тур, проскачешь ты, своим золотым шеломом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие, исщепаны саблями калеными шеломы оварские от тебя, яр-тур Всеволод!

Какая рана дорога, братья, забывшему почесть и жизнь, и город Чернигов, отцов золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, приветы и ласки?» (40)

Грозен еще ратный дух в великом князе Киевском, Святославе III Всеволодовиче. Творец «Слова» припоминает так его походы на половцев: «Грозою был он, наводил трепет своими сильными полками и харалужными мечами; наступил на землю половецкую; притоптал холмы и овраги; возмутил реки и озера; иссушил потоки и болота; а поганого Кобяка из Лукоморья, от железных великих полков половецких, как вихрь, исторгнул: и пал кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой» (41).

Картины скорби. Но эти яркие картины ратного мужества, возбуждающие дух к бодрости, скоро сменяются другими, мрачными. Фантазия предлагает ему изящные, живописные сравнения, но самые приятные картины сельской природы

или семейной жизни превращаются у него в темные образы скорби, так, например: посев, брачный пир, молотьба.

«Черна земля под копытами, – говорит он, – костьми была засеяна, а кровию полита: печалью взошли они по Русской земле».

«Тут разлучились братья на береге быстрой Каялы. Тут кроваваго вина недостало; тут докончили пир храбрые русичи: сватов попоили, а сами полегли за землю Русскую».

«На Немиге снопы стелят головами, молотят цепами харалужными (булатными), на токе живот кладут, веют душу от тела».

«Кровавые берега Немиги не добром были засеяны: засеяны костьми русских сынов» (42).

Иногда же память предлагает ему предания о смерти и одинокой гибели прежних князей или современных.

Так, например, Бориса Вячеславича слава *на суд*, то есть на смерть, привела, и на шелковый зеленый покров положила, за обиду Олегову, храброго и молодого князя. Гордый Борис Вячеславич, слишком похвалившийся, пал в 1078 году, в битве Нежатинской, жертвою своей преданности Олегу, который вел его на Всеволода (43).

В другом месте Ростислав, бежавший со Святополком и Владимиром от половцев, утопает в Стугне... «Юноше князю Ростиславу, – говорит «Слово», – затворил Днепр темные берега. Плачет мать по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы жалобою, и дерево с печалью к земле преклонилось». Летопись об этих грустных событиях доносит под 1093 годом (44).

Вот еще трогательная картина одинокой смерти Изяслава Васильковича, внука Всеслава Полоцкого: «Уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, а Двина болотом течет к тем грозным полочанам под кликом поганых. Один Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шеломы литовские; перебил славу у деда своего Всеслава и сам под червлеными щитами на кровавой траве побит мечами литовскими. И схватил он ту славу на смертный одр, и сказал: дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а зве-

ри кровь полизали. Не было тут брата Брячислава, ни другого Всеволода; один изронил он жемчужную душу из храброго тела чрез златое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие. Трубы трубят городенския». Летопись не говорит нам о благородной кончине Изяслава, который пожертвованием ко всем славнейшим современным князьям, чтобы они вступились за землю Русскую, за обиду сего времени, за раны Игоревы.

Воззвание к современным князьям. В этом воззвании упоминаются: Всеволод III Георгиевич, который был тогда великим князем Русского Севера и […], видно, забывал уже Южную Русь; Рюрик и Давид Ростиславичи, внуки Мстислава Великого, о которых особенно упомянуто в летописи, что они опоздали на призыв Владимира Святославича; Ярослав, князь галицкий, именуемый Осмомыслом: и летопись подтверждает это прозвище, сказывая о нем, что он был *мудр и речен языком*, и богобоязлив, и честен в землях, и славен полками; «Слово» говорит, что он подпер Карпатские горы полками железными, кидает бремена через облака, грозы шлет по землям, с отцовского престола стреляет в салтанов, – и все это совершенно согласно со свидетельством летописи, что он сам не ходил никуда со своими полками, а посылал их с воеводами; год смерти этого князя (1187) доказывает также, что «Слово» писано до сего времени, следовательно, в 1186 году; далее, Роман Мстиславич Волынский, насевший после Ярослава на престол галицкий, о чем однако «Слово» не упоминает, и Мстислав Ярославич, двоюродный брат его; наконец, три Мстиславича: Ингвар, Всеволод и Мстислав, названные так по прадеду их, Мстиславу Великому. Все эти князья являются действующими лицами в событиях XII века, переданных летописью. Это воззвание к князьям есть, конечно, сильнейшее место в «Слове» и одно из лучших доказательств его современности событию. С какою целию могло бы быть оно написано в позднейшее время? Какой писатель в эпоху татар или еще поздние стал бы с такою одушевленною речью обращаться к князьям, которых уже не было на свете, в тяжкие времена другого нашествия или в эпоху единодержавия московского? А захотев

подделаться под XII век, где бы нашел он тех красок жизни, которые здесь так ярки на каждом слове, и откуда бы взял он это чувство, согревающее от начала до конца все воззвание? Нет, здесь говорит гражданин-современник, поэт переходит в оратора, поэзия – в красноречие. Трудно определить, вложено ли это воззвание в уста Святославу Киевскому или сказано устами самого автора? По летописи можно бы скорее предположить первое. Но эта неопределенность, как мне кажется, имеет свое значение. Как везде лицо творца скрыто за важностью мысли и события, так и самое воззвание его к лицам князей скрыто за лицом важнейшего из державных владетелей тогдашней Южной Руси, которая была сценою события. Приведу это место, где всего более высказывается жизнь и сила «Слова», и связь его с минутою времени.

«Великий князь Всеволод! Не в мысли видно у тебя перелететь издалеча, отцовскаго золотого престола поблюсти? Ты ведь можешь Волгу веслами раскропить, а Дон шеломами вылить. Как бы ты здесь был, была бы чага (половецкая пленница) по ногате, а кощей по резани. Ты ведь можешь посуху стрелять живыми самострелами, удалыми сынами глебовыми» (46).

«Ты, смелый Рюрик и Давид, не ваши ли золочеными шеломами по крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненые саблями калеными, в поле незнакомом? Вступите, государи, в злат стремен, за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, *буего* Святославича» (47).

«Галицкий Осьмомысл, Ярослав! Высоко ты сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Угорския своими железными полками, заступив путь королю, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут: отворяешь ворота Киеву; стреляешь с отцовскаго золотого престола салтанов за землями. Стреляй, государь, Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святославича» (48).

«А ты, смелый Роман, и Мстислав! Храбрая мысль носит ум ваш на дело; высоко ты плаваешь на дело в отваге, как сокол на ветрах ширяяся, хотя птицу одолеть в ярости (49). У вас

железные брони под шеломами латинскими: от них треснула земля, и многия страны ханския. Литва, ятвяги, деремела и половцы побросали свои пики, а головы свои подклонили под те мечи харалужные».

«Но уже, князь Игорь, убавился свет солнца, а дерево не добром листья сронило; по Роси, по Суле города поделили, а Игорева храбраго полку не воскресить. Дон тебе, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, подоспели на брань».

«Ингвар и Всеволод, и все три Мстиславича, не худаго гнезда шестокрыльцы! Не победными жребиями вы себе власть разделили! На что же ваши золотые шеломы, и пики ляцкия, и щиты? Загородите ворота половцам своими острыми стрелами, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича» (50).

Этот благородный голос в пользу единства Русской земли если и не достиг цели в свое время, то обнаружил, что великая мысль о нем в лучших душах русских тогда жила: он отозвался после в самом действии, когда созрело для того время.

Мифологическая стихия «Слова». На переходе от исторической стороны «Слова» к поэтической я коснусь мифологической его стихии, хотя не изобильной, но весьма в нем заметной. Эта стихия является уже не в виде народного верования, но в виде исторического предания, еще жившего в народе от прошлых стародавних времен, или в виде поэтического украшения, в которых трудно отличить, что принадлежит отжившему верованию народа, и что – фантазии самого поэта.

Четыре божества языческих упоминаются в «Слове»: Дажьбог, Хорс, Велес, Стрибог. Два раза русский народ именуется внуком Дажьбоговым: *погыбашеть жизнь Даждь-божа внука, встала обида в силахь Дажьбожа внука*. По исследованиям, никакого сомнения не осталось, что под именем Дажьбога наши языческие предки поклонялись солнцу и именовали себя смиренно его внуками, не смея ли именоваться его сынами или, скорее, сознавая, что, удалив-

шись к холодному северу, они удалились на целое поколение от влияния благотворного светила.

Что касается до Хорса, то из всех исследований, какие до сих пор были сделаны, наиболее подходящее к истине принадлежит О. М. Бодянскому. Он считает Хорса за одно божество с Дажьбогом, полагая, что это русский перевод древнезендского слова *кореш* – солнце. Написание Хорса слитно с Дажьбогом в «Летописи» и древнем «Прологе» дает сильную опору его мнению. Место, где упоминается Хорс в «Слове о полку Игореве», получает отсюда объяснение: Всеслав, рыскавший из Киева в ночь до кур (до куреней) Тьмутараканя, *великому Хръсови влъком путь прерыскаше*. Ясно, что Всеслав, чудесно поспевавший за ночь из Киева в Тьмутаракань, перенимал путь у солнца, которое за ним не поспевало (51).

Имя Велеса упоминается один раз в «Слове». Вещий певец Боян назван Велесовым внуком. Велес упоминается в Святославовом договоре с греками (971) под именем скотья бога. При уничтожении идолов кумир Волосов был брошен в реку Почайну. В Ростове Авраамий, внося христианство, должен был бороться с идолом Велеса, которому поклонялись жители города.

Но какое же отношение Велес, как бог скотоводства, мог иметь к славному певцу Бояну? Нет ли здесь, в фантазии творца «Слова», намека на соотношение между *Велесом* и *Гелиосом*, также солнцем? Созвучие имени греческого со славянским замечательно. Гелиосу были посвящены быки в Сицилии; спутники Одиссея, пожравшие их с голоду, поплатились жизнью, не доехав до родины. Аполлон, за убийство циклопов сосланный с неба, пас стада у Адмета, царя фессалийского. Отсюда ясно, что с понятием о солнце у греков, как и у славян, могло сливаться понятие о божестве, хранителе стад, и что Велес, как Гелиос-Аполлон, мог одушевлять своего вещего внука Бояна.

Остается Стрибог. Ветры названы в «Слове» внуками Стрибога. Владимир в Киеве воздвигал кумиры Перуну, Хорсу-Дажьбогу, Стрибогу, Симарглу и Мокошу, следова-

тельно, Стрибог считался как бы третьим божеством в мифологии Древней Руси.

Эпитет буй-тура и яр-тура, встречающийся в «Слове», картины зловещего дива и Обиды в образе девы, вступившей на землю Траянову, принадлежат к числу эпических красот произведения.

Упоминание «Летописи» о Туровской божнице, бывшей в Киеве, Тур – основатель города Турова, давший имя туровцам, не могут еще вести ни к какому заключению о родстве славянской мифологии со скандинавским богом Тором. Прозвище буй-тура и яр-тура, которое придает творец «Слова» Всеволоду, брату Игоря, имеет характер эпитета чисто гомерического, который взят от свойств сильного, бодрого и храброго животного и перенесен на военные качества молодого героя брани.

Прекрасна картина дива. Когда Игорь вступил в златое стремя и поскакал по чистому полю, вместе с другими предзнаменованиями див кличет сверху дерева по всей земле незнаемой до самого Крыма, и как будто зловещим кликом своим сзывает половцев, которые неготовыми дорогами побежали к Дону великому, а телеги их обоза кричат в полночь, как лебеди распущенные. Когда же случилось горе, когда хула превзошла хвалу, когда насилие восстало на вольность, тогда и див с дерева ударился на землю. В этом зловещем диве некоторые находят соотношение с дэвою, злым духом иранской мифологии. Образ поэтически остается прекрасен, а самое верование и родство с Ираном уходят в тьму отдаленности и дают только повод к бесконечным предположениям ученых.

Таков и образ Девы, в котором олицетворилась Обида, постигшая Даждьбогова внука, то есть народ русский. Дева Обида всплескала лебедиными крылами на Синем море у Дона и разбудила память о счастливых временах.

Есть ли эта Дева славянская Диана? Имеет ли она отношение к Деве, женскому божеству в «Зендавесте»? Образ остается поэтически прекрасен без этих смутных мифологических намеков. Славянский поэт Мицкевич повторил его

в своем «Конраде Валленроде», когда в виде девы, машущей кровавым платом, изобразил чуму (52).

Языческая мифология славян не пустила в народе нашем глубоких корней в жизнь, потому что ни история, ни искусство не образовали ее в стройную систему верования: она уступила скоро разуму христианской веры. Конечно, мы не будем сожалеть о том, как сожалеют некоторые археологи и филологи, дорожа более материалами для своей придуманной системы, нежели существенными потребностями народной жизни. Нам кажется, что самое искусство выиграло у нас чрез такое разумное действие христианской веры. У нас нет богатых мифологических преданий для так называемой романтической поэзии; но зато скорее мы могли обратиться прямо к человеку и к тайнам его жизни, что предлагает существенное и неизменное содержание для поэзии во все времена, к чему обратились мы теперь и что еще более и обширнее разработаем, когда глубже и искреннее постигнем начало, принесенное на землю Тем, Кто, ходя по ней, *ведал все, что было в человеке*.

Историческая сторона в «Слове о полку Игореве» побеждает мифологическую, которая придает произведению загадочный оттенок минувшего предания.

2. Поэтическая сторона «Слова». Рассмотрев историческую сторону «Слова», взглянем теперь на поэтическую. Мы уже видели, как первая тесно связана со второю, как она даже преобладает в «Слове» и дает ему мысль и характер. Из собственного признания автора нам известно, что он отказался от поэзии вымысла в пользу важных событий времени; уступил право песен прежним поэтам, а себе предоставил повествование. Во всем характере своем «Слово» обнаруживает переход от поэзии вымысла, которой представителем является Боян, к поэзии действительной жизни, которую изображает сам творец «Слова»: переход от *песни* к *повести*, говоря его же выражением. Мы видели, как это оправдывается и внешнею формою «Слова»: отрывки песен и лад созвучий отглашаются иногда в его речи, но главный ее характер – проза: форма той

поэзии, которая ближе к вопросам жизни и теснее связана с действительным бытием нашим.

В содержании «Слова» автор не допустил ни малейшего произвола, не удалился ни на шаг от современных событий. Плач Ярославны дан ему положением жены, разлученной с пленным мужем. Подобные плачи у нас нередки в сказаниях и в житиях святых. Главное чувство «Слова», горе, есть плод той же современной жизни в душе чистой и русской. Мысль о единстве земли вызывается ее же тяжкими бедами. Да, тут все дала жизнь: поэт благородно уступил ей свободу своего вымысла – и я не скажу, чтобы оттого что-нибудь потеряло его «Слово».

Поэзия «Слова» в природе. Если поэт, как гражданин, принес столько жертв важным требованиям времени, то что же предоставил он себе как поэт? Отчего же через семь с половиною веков мы находим в его произведении красоты, поражающие нас своею неизменяемою свежестью? Где и в чем он поэт по преимуществу? – В своих отношениях к природе. Уступя жизни другое, здесь сохранил он свободу своего творчества и показал, что жертва, им принесенная жизни, есть жертва действительная ума, рожденного творческим. Не нашед места произволу своего вымысла в былинах многотрудного своего времени, он нашел поэзию в красотах природы, никогда неизменной в мнимой своей изменчивости, равно отзывной и горю и веселью, равно прекрасной в дни скорби и радости.

Рассмотрим же красоты природы, составляющие главное поэтическое содержание «Слова о полку Игореве» сначала в отношении к местности юга, где произведение родилось, потом в отношении к самой природе, как она предстает созерцанию поэта.

Краски южных степей. За семь с половиною веков прежде, чем Гоголь накинул нам своею широкою кистью южнорусские степи, творец «Слова о полку Игореве» уже дал нам вкусить красоту их природы в своем произведении. Стада воронов, галок, лебедей, орлы и соколы, чайки и гоголи, дятлы и

сороки проносятся здесь, как по степям южным. Трава зашумела, когда двинулись шатры половецкие: не степная ли это трава? – *Земля тутнет – кликну, стукну земля* – не созданы ли эти выражения поэтом, который часто прислушивался к гулу степи, к ее чуткому отзыву на всякое движение? *Телеги кричат в полуночи, как лебеди распущенные*, – эта краска не снята ли со степей малорусских, где и теперь еще скрыпят обозы чумаков, и этот скрып ярче отдается в полунощной тишине ровного поля? Все отголоски ярки в этом «Слове», как в степи: овлур свистнул за рекою – и через свист переговаривается с князем; стяги говорят, когда идут половцы от Дона. Плакучие деревья, частые на юге, и здесь нередко изображают скорбь. Слово также богато и растительностью, как южная природа. Реки стелют зеленую траву на серебряных, то есть белопесчаных, берегах, и теплые туманы подымаются от волн их. Текут они своенравно и быстрыми потоками заливают кусты.

Природа живет в «Слове». Но природа является у поэта не в отрывочных описаниях, не в отдельных картинах, снятых с местности и прилаженных к событию. Нет, она является живым, одушевленным лицом; она заодно с поэтом; она полна сочувствия к человеку; она разделяет все его волнения, и особенно горе; она угрожает предвестиями; она откликается и на радость. Все явления природы – здесь разные чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тела. Только поэт истинный мог так живо и цельно понимать природу.

Сочувствия явлений природы событиям. Когда Игорь идет в поход, солнце тьмою путь ему заступает; ночь, стеная грозой, будит птиц; звери ревут; див кличет сверху дерева и велит слушать земле незнакомой, Волге и Поморью, и Посулью, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутараканский болван! Клик этой зловещей птицы при отъезде князя простирается до крайних пределов русского юга. Когда половцы с одной стороны, а Игорь с другой подходят к Дону, тогда волки воют по оврагам, орлы клекотом на кости зверей зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

В день поражения рано кровавые зори свет поведают; черные тучи идут с моря, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии: быть грому великому!.. Ветры, Стрибоговы внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы! Земля стучит, реки текут мутно, пыль поля покрывает.

В первые дни междоусобий часто враны каркали да галки речь свою говорили... Всю ночь каркают вороны близ Киева, предвещая несчастие Игоря.

Когда кончилась битва и полегли воины за Русскую землю, никнет трава от жалости, и дерево с печалью к земле преклонилось. Преклонилось оно также, когда мать Ростиславова плакала по своем утопшем сыне... Див, предрекавший несчастье в начале похода, бросился на землю, когда оно сбылось.

Плач Ярославны. Но нигде так прекрасно не выражается это сочувствие природы к несчастью и к человеческой душе в ее заветных чувствах, как в плаче Ярославны. Здесь, конечно, лучшая поэтически и прекрасная человечески мысль творца «Слова». Плач жены по муже, погибшем, или плененном, или отъехавшем на войну, – в нравах нашей древней поэзии. Припомним плач княгини Анны по убитом Михаиле Тверском в житии сего последнего и плач Евдокии по Димитрии Иоанновиче в «Сказании о Мамаевом побоище». Первая мысль этих плачей, конечно, в древнем обычае русских жен *причитать* на могилах мужей или во время разлуки с ними. Причитанья, которыми кончается «Илиада», похожи на наши. Мысль, как и самый обычай, вытекла из нашего особенно крепкого семейного начала. Такого мотива нельзя найти в рыцарской поэзии Запада: он – наша особенность.

Но нигде эта мысль не достигла такой красоты художественного исполнения, как в нашем «Слове»: здесь она является чисто оригинальным созданием. Прочтем самый плач, припомнив то место, где он поставлен. Когда после тщетного воззвания к князьям поэт перешел к грустным воспоминаниям междоусобий и гибели князей и вырвалось у него почти отчаянное слово: «О! стонать Русской земле, помянувши первую

годину и первых князей!» – тогда слышится голос Ярославны; одинокой кукушкой она рано зовет: «Полечу кукушкою по Дунаю: омочу бобровый рукав в Каяле реке; утру князю кровавые его раны на крепком его теле».

«Ярославна рано плачет в Путивле на стене, говоря: “О ветер, ветер! Зачем, господин мой, так насильно веешь? Зачем на легких крыльях своих мечешь ханские стрелы на воинов моего друга? Мало ли тебе было гор под облаками веять, лелеючи корабли на синем море! Зачем же, господин мой, мое веселие по ковылю развеял?”»

«Ярославна рано плачет в Путивле городе на стене, говоря: “О Днепр, сын славы! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую; ты лелеял на себе ладьи Святославовы до полку Кобякова: взлелей же, господин мой, ко мне моего друга, чтобы я не слала к нему слезна море, с каждым утром».

«Ярославна рано плачет в Путивле на стене, говоря: “Светлое и тресветлое солнце! Ты для всех тепло и красно: зачем же, господин мой, простерло горячий луч свой на воинов моего друга? В поле безводном жаждою им луки свело, печалью колчаны заткало?» (53)

Мысль плача. Так жалобный плач супруги Игоревой несется к ветру, Днепру и солнцу. Лишь только раздался он, как начинается избавление Игоря. То, чего не сделали железные полки совокупных князей, совершается чудом любви супружеской. Горькому воплю сирой жены сочувствует и бездушная природа, и прикрывает побег ее мужа. Море прыснуло в полночь; туманы пошли от него столбами. Бог кажет путь князю Игорю из земли Половецкой на землю Русскую. Донец встречает его приветными словами, лелеет его на волнах, стелет ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевает его теплыми мглами под сенью зеленого дерева, стережет его гоголями на воде, чайками на струях. Когда Гзак и Кончак, два половецких хана, гонятся за Игорем, бегущим в родную землю, тогда зловещие птицы умолкают: вороны не каркают, галки притихли, сороки не стрекочут, только ползком ползают; дятлы же тектом путь к реке кажут, – а соловьи

веселыми песнями зарю поведают. Явился Игорь в Русской земле – и солнце светится на небесах. И на Дунае раздаются девичьи песни, и вьются голоса через море до Киева. Игорь едет к образу Божией Матери...

Эта изящная мысль есть плод прекрасного человеческого чувства и крепкого семейного начала, присного нашему народу. Если прощание Гектора с Андромахой принадлежит по чистоте мысли к числу многих сокровищ греческой поэзии, то плач Ярославны есть одно из немногих сокровищ нашей поэзии, от которого не отказалась бы и богатая Греция.

Безличность автора «Слова». Кто был автор «Слова о полку Игореве»? Кто в конце XII века страдал за Россию ее горем, кто взывал к князьям о Русской земле, кто за семь веков с половиною до Гоголя оживил нам словом южные степи, кто создал чудную поэтическую мысль: плач Ярославны, возбуждающий сочувствие всей природы? – Мы не знаем его имени: оно вместе с тем столь многим прекрасным кануло без вести в безличную глубину нашей древней народной жизни. Но тем сильнее раздается этот благородный голос, тем сильнее действует он на душу, Что здесь отсутствует страсть лица, а говорит как будто вся лучшая часть русского народа в XII веке.

Летописи в XII веке. Русские летописи в этом столетии носят на себе еще более яркие черты современности, нежели в веке XI. Замечательны подробные рассказы о смерти князей, о строении церковных зданий – везде ясна речь очевидцев. Некоторые поговорки и выражения отдаются нам из летописей как живые отголоски времени. Так, например, воющие князья открывают переговоры о мире словами: *мир стоит до рати, а рать до мира*. Видно, что в беспрерывных переходах от войны к миру и от мира к войне сочинилась эта ироническая пословица. – Вот еще другое выражение, которое отзывается смутными происшествиями времени и объясняется из беспрерывных набегов половецких; Изяслав говорит Ростиславу Георгиевичу: «Иди в Божьский, пребуди же тамо, доколе я схожю на отца твоего, а ты *постерези земле Русской*

оттоле», – и в другом месте тоже: «Се яз, брате… иду на отца твоего, а на своего стрыя, а ты *постерези Русской земли*».

Вот живая картина, снятая с русской жизни 1111 года, конечно, очевидцем: «Вложил Бог Володимиру в сердце, и начал он говорить брату своему Святополку, *понужая его* на поганых, *на весну.* Святополк же поведал дружине своей речь Володимирову; а они сказали: "Не время ныне удалять крестьян (смердов) от пашни (рольи)". И послал Святополк сказать Володимиру: "Сойдемся, да подумаем о том с дружиною…" Пришел Володимир, встретились в Долобске, сели в одном шатре: Святополк со своею дружиною, а Володимир со своею. Помолчали немного, и сказал Володимир: "Брат! Ты старше: начни же говорить, как бы нам промыслить о земле Русской?" – И сказал Святополк: "Брат! Нет, ты начни". – И сказал Володимир: "Как же мне говорить, когда на меня же хотят говорить и твоя дружина и моя: хочет-де погубить смердов и пашню у смердов! А вот что мне дивно, братец: жалеете вы смердов и коней их, а о том не помышляете, что на весну начнет смерд орать землю своею лошадью, – приедет половчин, ударит смерда стрелою, отнимет у него и лошадь, и жену, и детей, и гумно ее зажжет: об этом-то вы и не подумаете?" – И сказала вся дружина: "Право, воистину так". И сказал Святополк: "Ну, братец, и я готов с тобою". И послали к Давыду Святославичу, *велячи ему с собою*» (54).

Какая живая картина! Как видно, что она писана с натуры! Какой русский характер в этой беседе: сначала помолчали немного; потом стали переговариваться: брат, ты начни, нет, ты начни! Не так ли и теперь часто говорят между собою простые русские люди? Кто же бы мог подделаться под все современные отношения в последующем веке, когда были враги другого рода? Как прекрасно выдаются здравый смысл и храбрость Владимира Мономаха, этого *доброго страдальца за Русскую землю*, как называет его летописец!

Но есть ли различие между летописцем XI века и летописцем XII в отношении ко взгляду их на те события, которые досталось им описывать, а именно – междоусобия братьев

и набеги половецкие? – Мы находим большое. В XI веке новы и свежи еще эти раны Отечества. Летописец частыми намеками дает поучения враждующим князьям – и не пропускает к тому ни одного удобного случая, говоря, например, о разделении земли между сыновьями Ноя и описывая братскую любовь Бориса и Глеба. Набеги половецкие изображаются также с чувством ужаса и представляются казнию Божиею, посылаемою за грехи враждующих. Не то в XII веке. Летописцы, особенно во второй половине его, уж как будто привыкли к ранам Отечества; эти несчастия словно вошли в обыкновенный порядок русской жизни. Называются половцы в начале столетия также батогом, которым Бог казнит Русь за ее раздоры; есть уроки и братьям; но нет тех свежих, прежних чувств уныния и пророческого негодования, которыми внушены летописцу XI века такие богатые лирические места – везде видна какая-то свычка с бедствиями земли Русской.

Тем возвышеннее является подвиг автора «Слова о полку Игореве»; тем сильнее выступает его одинокое горе, которое такая жизнь могла возрастить в одной душе благородной. Когда большинство правителей и народа привыкает к злу и равнодушно, как ежедневную одежду, носит на себе пороки жизни, – тогда теснее сжимается добро в немногих избранных душах, и сила его крепче выражается в слове, и действует если не в свое время, то когда придет другое, лучшее. Так сбылось и с автором «Слова». Семя добра его, воспитанное горем современной ему жизни, взошло после силой и славой в единстве Русского государства.

Окончен нами XII век, и заключено первое южное отделение древнего периода. В коротких чертах обозрим все, что мы до сих пор сделали, прежде чем идти далее.

Из десяти чтений могли уже быть ясны мысль и метода науки. В первом вмещено зерно той мысли, которая имеет быть развита в целом курсе, и предложены объем предмета, разделение и способ занятий. Во втором изображены черты языка того народа, словесность которого будет занимать нас, и мы видели, что наш язык состоит в родстве с языками наро-

дов – главных двигателей человеческого образования, что он верен остался древнему характеру своего племени, что он гостеприимен к языкам чуждым при условии сохранения своей народности. Третье чтение показало нам, как приуготовилось будущее литературное образование нашего языка через духовную связь, которая сочетала наречие народное с наречием Церкви. В четвертом и пятом чтениях мы видели первый рассвет народной поэзии и в ней первые черты нашего характера, в телесную и духовную его сторону. В шестом сильное начало духовного образования сказалось в слове пастыря Церкви и в жизни отца наших иноков. События XI века объяснили нам необходимость появления летописи, которой смысл, содержание и характер раскрылись перед нами в седьмом чтении. Восьмое представило в XII столетии сильнейшее развитие того, что обещало XI. Совокупные черты его образования, слитые в одно целое, объяснили нам возможность создания тех значительных памятников, изучение которых составляет предмет девятого и десятого чтений.

Надеюсь, что не будут теперь укорять меня в том, что я историю русского образования ввожу как часть в историю словесности. Я мог бы сослаться на моих европейских товарищей по предмету занятий, которые употребляли точно ту же методу; но, мне кажется, всего более говорит за нее изложение предмета в его целости. История образования давала мне, так сказать, грунт для картины, – и только на ней могли живо обозначаться и одушевляться смыслом те словесные явления, которые мы изучали. Здесь иная малая, по-видимому, черта получала важное значение, поскольку она входила в смысл древнего памятника.

Не думаю, чтобы подробности отвлекали меня от той главной мысли, около которой я обещал постоянно сосредоточиваться, а именно: *видеть в слове русском всего русского человека*. Если в продолжение первых десяти чтений я успел уже собрать и привести в сознание науки хотя некоторые черты нашего внутреннего образа, выраженные в самых древнейших памятниках слова, то мысль моя уже отчасти оправдана, и я не изменил ни цели своей, ни единству науки.

ДОПОЛНЕНИЕ К ДЕСЯТОЙ ЛЕКЦИИ

«Русская правда». – «Мерило праведное».

Чтобы дополнить изучение нашей древней словесности XI и XII столетий, мы остановим внимание еще на двух значительных памятниках. Первый есть законодательный – «Русская правда»; второй – руководство к государственному управлению, «Мерило праведное». Хотя оба памятника не прямо относятся к области словесности, но они столько выражают общий дух народного образования, что мы не можем обойти их, не нарушив целости исторического образа умственной и нравственной жизни наших предков в такую отдаленную эпоху.

«Русская правда». «Русская правда», открытая Татищевым в Новгородской летописи и в первый раз изданная Шлецером как древнейший памятник нашего народного права, была предметом многосторонних исследований русских и иностранных историков и юристов. В последнее время особенно два профессора Московского университета оказали в этом отношении великую услугу отечественной науке: Калачов – полным изданием памятника, сличенного по всевозможным спискам, и Лешков, определивший на основаниях науки юридический смысл и народный дух «Русской правды» в своем классическом труде «Русский народ и государство, или История русского общественного права до XVIII века».

Исследователи признали, что «Русская правда» по изложению, за исключением некоторых статей, даже в полном составе, есть произведение конца XII или начала XIII века; но на основании кратких списков, без сомнения, может быть отнесена еще к отдаленнейшему времени. В древнейших стихиях, какие она в себе содержит, видны повсюду следы обычного права, олицетворяющего на деле ту мысль, которая встречается в памятнике государственного управления, ей современном, в «Мериле праведном»: *твердый закон – норов добр.* Письменам передано было это право в первый раз при Ярославе I,

в Новгороде, наиболее сохранившем общинное начало; далее продолжают дополнять «Правду» в письменном изложении Ярославовы сыновья: Изяслав, Святослав, Всеволод с советом мужей своих, а за ними внук Ярославов, Владимир Мономах, со своею дружиною.

Рассматривая постепенное развитие русского законодательства в этих трех поколениях государей, мы видим, как влиянием христианской веры смягчается дух «Правды»; как дети Ярослава отложили *убиение за голову*, учредив на место его *выкуп кунами*; как сначала ограждена была только личность человека строгим законом и мало-помалу ограждается при Владимире Мономахе всякая его собственность; устраиваются отношения семейные посредством законов о наследстве; обеспечиваются права матери и вдовы; уравниваются по́лы перед судом; защищена жизнь самых рабов и обеспечено целомудрие женское безсестною вирою.

Главное, что особенно поражает нас в этом памятнике нашего народного права, есть дух общинный, проникающий его насквозь. Этот дух превосходно исследован и определен профессором Лешковым[1], который назвал «Русскую правду» *кодексом общинности*. Понятие об общине «Русская правда» выражает многими названиями, как, например: *мир, людие, село, торг, город, вервь.* Безопасность общественная, касающаяся как лиц, таки собственности, обеспечена общиною, и ответственность за нее лежит на *верви*, или окру́ге, и на всех ее членах. Таким образом, всякое лицо, как часть большего целого, принимает участие во всеобщем благосостоянии его членов. Общине известна собственность каждого лица – и в случае татьбы (кражи) можно посредством свода дойти до виновника в ней. Торг есть одно из средств к обличению; на нем закликается, то есть заявляется, всякая пропажа. Народная молва и народный глаз становятся верными орудиями общественной

[1] Не могу не привести глубокомысленных слов г. профессора: «Живое, истинно русское вполне понятно только русскому, как французское – французу и немецкое – немцу. Отсюда само собою следует, что тот, кто отказывается от своей народности, лишает себя возможности живо понимать ее в проявлениях общественной жизни во все времена ее.

полиции. *Видоки* и *послухи*, два вида свидетелей, остроумно различенные законом, имеют полную силу при таком живом общинном управлении, а не являются только немыми орудиями какого-нибудь формального судопроизводства.

Дух общины, веющий из этого древнего памятника первоначального общественного устройства в России, есть дух народа русского, плод его жизни, всегда ему присущий и никогда его не оставляющий. Он мог уступать силе противоречащих обстоятельств; он мог искажаться от внешних влияний; но в сущности своей он всегда свойствен русскому народу, и к нему должно относиться правительство всегда, когда желает согласить свои учреждения с народными началами и оживить их народным духом.

В языке «Русской правды» славяноцерковная стихия уступает почти совершенно место народной устной. Краткость и сила многих выражений показывает, что закон жил некогда в устном слове обычая, а потом уже был записан. Вот некоторые примеры: *Потнет ли* (ударит) *насмерть, то вира. – Аже борть подтнет, то три продаже, а за дерево пол гривне. – Тъ все детем – а своя им воля.* – Частое употребление русских союзов *а, то, аже* указывает на то же самое. Иногда встречаются чисто простонародные выражения, как, например: *вины ему в том нетуть*[1]. Так как многие древние слова в «Русской правде» уже объяснены с достаточною ясностью нашими юристами, то теперь следовало бы перевести весь памятник на современный нам русский язык.

«Мерило праведное». «Мерило праведное» до сих пор остается не только не изданным, но даже и не было предметом исследования ни историков наших, ни юристов. Судя по своему содержанию, «Мерило праведное» было настольною книгою великих и удельных князей и государей Древней Руси, книгою, которая служила им руководством для суда,

---

[1] Таково еще выражение: *дикая* вира. Оно объясняется из простонародного значения слова: *дикой*, неизвестный. Это ему *дико*, то есть неизвестно; он человек в этом городе *дикой*, то есть никому не знакомый и никого не знающий.

управления и надлежащего установления отношений между церковною и светскою властью. Многие статьи взяты из Священного Писания, из отцов Церкви, из сборника «Пчелы», из апокрифической книги Еноха праведного, из «Кормчей», из постановлений византийских императоров: Леона Философа, Алексея Комнина, Иустиниана, Константина и Романа. Здесь помещены и все сорок граней «Закона градского», перевод «Прохирона» императора Василия Македонянина, изданного им с сыновьями его Константином и Леоном в 870–878 годах. Первые 14 граней касаются брака, как первой основы гражданского общества. Далее следуют грани о сооружении храмов и благотворительных учреждений, о долгах и залогах, о найме, о составлении общин, о завещаниях, свидетелях, о поставлении епископов и священников, и проч.[1]

Все это содержание показывает, что «Мерило праведное» по большей части – перевод с греческого. Но есть в нем и русская стихия: таковы выписки из Нестора летописца; «Устав церковный Св. Владимира»; «Суд Ярославль, или Правда русская»; «Устав Владимира Всеволодовича»; выписки 16-го правила Иоанна, митрополита Русского, и 17-го правила Илии, епископа Новгородского; «Сказание» Симеона, епископа Тверского, вставленное после. В заключение находим статью о власах и о других обычаях: она, конечно, относится к постригам – обычаю, входившему в воспитание князей[2]. Самое заглавие памятника первоначально, по всему вероятию, переведено было с греческого, но со вставками русскими. Вот оно: «Сия книгы Мерило Праведное, извес истинный, свет уму, око слову, зерцало совести, тьме светило, слепоте вожь, припутен ум, скровен разум, прикрыт помысл, пастырь стаду, кораблю

[1] Здесь в 19-й грани в первый раз встречается слово *община* в смысле учреждения, в котором участвуют *обещники* пожертвованием своих имуществ. След., неправы те наши историки и юристы, которые отрицали присутствие этого слова в Древней Руси, и даже те, которые, защищая слово, относили его по летописям только к XIV веку.

[2] Здесь говорится против язычников, которые не стригли волос своим детям, обрекая их на служение идолам.

кормник, волком ловец, татем пес, воронам сокол, нетопырем солнце, *оку квас*[1], червем соль».

При «Мериле праведном» вместо предисловия встречается «Послание учительное», по всему вероятию, переведенное с греческого. Конец этого «Послания» – «Не рассея ли ны Бог по лицу всея земли?» – заимствовано из «Слова» Кирилла митрополита, помещенного при его «Правиле» 1274 года. В одном списке оно надписано великому князю православному русскому вообще; в другом – в. князю Ярославу Святославичу, сыну Святослава Ярославича, внуку Ярослава Великого, умершему в 1129 году[2]; в третьем отнесено к в. князю Василию, сыну Александра Невского. В самом тексте «Послания» встречаются имена Михаила и Володимира, но неизвестно каких. Если «Мерило праведное» в начале XII века надписывалось уже для Ярослава Святославича, удельного князя Муромского, то до́лжно предполагать, что оно гораздо ранее было в употреблении у великих князей.

В одном сборнике учительное послание найдено было с именем Стефана Пермского и надписано Димитрию Донскому[3]. Один из списков «Мерила праведного», принадлежащих Синодальной библиотеке, писан в 1587 году при царе Феодоре Иоанновиче и с благословения митрополита Дионисия. По всем этим данным ясно видно, что у высших духовных лиц было в обычае списывать эту книгу и подносить ее всем предержателям власти, князьям великим и удельным и царям, в назидание и руководство.

Чтобы познакомить с литературным характером этого памятника государственной мудрости в древние времена Руси, мы приведем некоторые мысли и отрывки из первой его части, служащей общим введением к статьям отдельным.

---

1 Употребление *кваса* как лекарства, освежающего глаза, есть древний обычай русских простолюдинов.

2 Так это разногласие находим в двух списках «Мерила праведного» из Синодальной библиотеки за № 524 и 525. «Послание» напечатано в исследовании барона Розенкампфа о «Кормчей».

3 Напечатано в «Москвитянине» 1847 года, № 1.

«Мерило праведное» начинается толкованием Афанасия Александрийского на некоторые царственные псалмы, касающиеся суда. «Бог ста в сборе Богом: боги сии не идолы, но человеки. Аз Бог учиних все князи, яко боги, власти держати... Бе и диявол князь ангелом и за гордыню спаде: тако всяк презорив князь падает и не встает. Воскресни из мертвых, разори земную мысль, яко ты наследиши во всех языцех... Ум судит в правду. Праведный судия всходит от степени на степень, от разума на разум и от силы в силу».

«Поучительное послание» начинается изложением величия, премудрости и всемогущества Божия. Носитель власти земной прежде всего должен погрузить мысль свою в эти свойства Божии – и вот почему: «Аще знаема ти будут Божия, то во свете еси Божии, и свет мирови, око вселенней ума чистотою, свет видя и к свету правя подвластныя. Тогда ты узнаешь, что от вышнего Промысла принял правление над родом человеческим не для того, чтобы только о своем пещись и свое житие править, но все обладаемое спасать от треволнения. Разумей, что ум твой должен быть стражем татям, ловцом волкам, губителем всякому зверю. Не бойся шума волнений, ни потаенной брани, скрываемой лукавством; будь благорассуден, чтобы вред от одного не перешел на многих. Исправляй без злобы, как хитрый врач, леча вред, режет, но творит сие без гнева». Указав на все нестроение мира человеческого, причиненное падением человека, и на призвание князя и членов семьи его способствовать устроению того, что расстроено, духовный учитель указывает на те законы и постановления, которыми он должен руководиться в великом деле строения земли своей.

Приведем теперь отрывки, особенно значительные по мыслям.

От «Пчелы». Градская душа закон есть; души изшедши, тело падет: тако и град без закона. Того ради добре стоят, идеже гражане князя слушают, а князь закона. Та власть крепка, в ней же вси боятся закона аки мучителя; не вещь к закону, но закон к вещи бывает. Идеже закони мнози, ту и

обиды многы… Твердый закон – норов добр… Красота граду мужество, а телу риза, а души слово мудро, а слову истина, а вещи добродеяние.

От Иоанна Златоуста о царевом достоинстве. Тот царь истинный, кто воздержится от ярости и зависти и сладости, и ум своей соблюдет свободным, и не даст владеть душою своею сластолюбию. Кто ум свой приставит над страстями душевными, тот может владеть и людьми по закону божественному. Кто хочет над людьми властвовать, а сам работает ярости, буйству и сластолюбию, тот будет в посмешище людям; златой венец он носит, украшенный драгоценными камнями, а целомудрием он не венчался; тело его, хламидою покрытое, все просветилось, а душа его осталась скверною. Он не знает, как исправить властью свою. Кто собою не умеет владеть, как других может вести к закону Божию? Царь венцом ума не приищет: ум ведь царствует. Персидские цари перед жертвою беседуют о правоверии, перед питием о целомудрии, перед исполчением о мудрости.

О силе слова. Коню дано ржание, волу рев, псу лай, лютому зверю рыкание; то их знаменует. Так и человеку дано слово: то его град и стена, оружие и сила.

От «Пчелы» о княжении. Покоряйтеся всякой человеческой твари Господа ради, царю как владеющему, правителям как посланным на месть злым и на похвалу добрым. Князь мира сего правда. Потщись, чтобы ничто не утаилось от тебя бывающее в людях, как бы княжить над ними радостно и щадить власть свою.

Троих ненавидит душа моя: старика-сластолюбца, нищего нахала, богатого лгуна.

Князю о трех вещах напоминать надобно: первое, что он над людьми владеет; второе, что закон поручен ему; третье, что власть временная истлевает.

Душу имей как воеводу, тело как воина, а ум свой как церковь Божию, и храни чистоту в любви. Тьмят облака солнце, страсти – ум.

Поты рождают славу, а труды подают венец.

О власти. Бесчиние знаменует самовластие, а чин являет владеющих. Каков властелин града, таковы и живущие в нем; каков судия людям, таковы и слуги его.

Обычай у людей всегдашний – узнавать то, что говорят властители. Если узнают, что думают они одно, а делают другое, – тогда ни запрещения не боятся, ни делам не подражают. Держи в сердце, что ты хочешь сказать и сотворить: явится оно несомненно на позор народу и не может никак утаиться. Если при жизни ты уйдешь от жестокого слова, то после с дерзновением будет истина проповедуема.

От «Пчелы» о судьях. Судьям подобает не прилагать человеколюбия к законному повелению. Многие дают слово, а истину крадут. Два меха мы носим: один перед собою, в него кладем чужие грехи, а сзади свои.

От книг Еноха праведного, прежде Потопа. Кто презирает лицо человека, тот презирает и лицо Господне: гнев и суд великий на того, кто плюет на лицо человеку. Блажен, кто направляет сердце свое на всякого человека так, чтобы помочь судимому, поднять сокрушенного, зане в день Великого Суда все то приложится на весы ему.

Правость суда всего более зависит от состояния души судящего, потому что «истинныя правды не имея преже лежащия в души его… суда исправить не может».

Св. Евагрия о властелях. Поставлен ли ты в царский сан, или судией земли своей, или строителем граду своему и многие тебе кланяются, идут к тебе малые и великие, славные и неславные, принося тебе дары и к ногам припадая: то благо от Бога тебе даровано – блюди его. Если кто, желая победить соперника, подкупит тебя мздою, и ты осудишь человека неправедно, – вспомни, что ты осудил носящего образ Божий, за которого пролита кровь Христова.

Слово о гордости. Не сочтем того за великое, что нас люди боятся. Величаешься ли ты силою и властью, то поведай мне: что за сила, что за власть, человеками поставленная? Поставлен ты царем: будь внутри себя царь самому себе: владыка и царь не тот, кого зовут таким, но кто таков

умом правым. Если же нет, только имя понапрасну носишь. Скажешь: да разве нет при мне меча? разве не имею власти отнять имение? И я скажу тебе: все то имеешь, но это одно внешнее сияние власти. И на все это есть сила враждебная, перед которою и твоя издали плеча покажет. Воле того ничто не страшно, ни его мыслям, кто божественное учение принимает и прилепляется к такому источнику.

По Ефрему. Бог вместо себя избрал вас на земле и, вознесши, на престоле Своем посадил. Милость и жизнь положил он у вас. Разумейте, что вы отцы миру. Писано: князь миру сего правда. А вы поставляете на свое место властелей и тиунов, мужей не богобойных, язычных, злохитрых, суда не разумеющих, правды не смотрящих, судящих в пьянстве, судом спешащих, когда Бог повелел не одним днем вещь испытать, грабителей и мздоимцев, гордостью и величанием возносящихся... Пилат, умыв руки, предал Иисуса и сказал: что мне роды Твои? Жиды отдали Тебя мне, кровь Твою взяли на себя и на чад своих. Но сим Пилат не оправдался.

К тебе, князю, плачут, а ты не мстишь, держишь истину в неправде, любишь беззаконные прибытки и ради их напустил злаго судью на людей своих. Писано: «Не добр позор лисица в курех, и нелепо льву овцы паствити, един вълк всю чреду взмутить, один тать на все стороны мерзит. Царю неправедну все слуги под ним беззаконны суть». Лисица в курятнике, лев и волк в овчарне напоминают нам Крылова. Выписка из Ефрема может быть русским сочинением.

Так исполнен истины и правдиво-смел был назидательный голос Церкви перед лицом власти предержащей. Всегда проповедуя подданным повиновение и никогда не подвигая их на бунт, она имела и полное право и святую обязанность говорить истину лицам властным, которые принимали учительное слово ее в духе покорности Тому, Кем всякая власть, будучи освящена, обращается на пользу миру и людям.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
СТОЛЕТИЯ XIII, XIV И НАЧАЛО XV

ЛЕКЦИЯ ОДИННАДЦАТАЯ

Симон и Поликарп. – Симон. – «Послание» Симона к Поликарпу. – Жития святых киево-печерских. – Поликарп. – «Послание» Поликарпа к Анкидину. – Жития святых Киево-Печерских. – Св. Авраамий Смоленский. – Обратный взгляд на XII век. – Впечатления от XIII века. – Нашествие татар. – Влияние наше на татар. – Юго-Запад Руси. – Три князя, представители эпохи. – Св. Александр Невский. – Св. Михаил Черниговский. – Владимир Волынский. – События Церкви. – Памятники письменности. – Три Кирилла. Кирилл I митрополит. – Кирилл, епископ Ростовский. – Кирилл II митрополит. – Поучение священникам. – Серапион и «Слова» его. – Симеон, епископ Тверской. – Максим митрополит. – «Учение ко всем христианом». – Паремии о Борисе и Глебе. – Летописи XIII века. – Жития святых. – Герои Отечества. – Святые по жизни. – Святитель Петр. Житие его. – «Слово» святителя Петра

Симон и Поликарп. На границе между XII и XIII столетиям, в последней половине XII и первой XIII, встречаем двух писателей замечательных, связанных дружбою и единством труда. Мы уже знакомы отчасти с ними и их произведением; но нельзя не возвратиться к ним на том месте, которое они занимают в порядке истории. Эти писатели – Симон и Поликарп, сочинители «Киевского Патерика». Здесь доскажем о них то, что прежде не было сказано (1).

Симон. Симон был черноризцем Киево-Печерского монастыря и самым ревностным его приверженцем; в 1214 году из игумнов обители Рождества Богородицы поставлен он епископом Суздальским и Владимирским, а в 1226 году скончался во Владимире, принявши схиму. Летопись именует его блаженным, милостивым и *учительным* (2). Кроме «Сказания о Киево-Печерской церкви» (3) Симон написал «Послание к Поликарпу» и при нем жития киево-печерских святых: Евстратия постника, Никона многотерпеливого, прозванного Сухим; священномученика Кукши, крестителя вятичей; Афанасия затворника; Николая Святоши, князя Черниговского; Эразма, истощившего все имение свое на иконы Киево-Печерской церкви; Арефы, которому имение, украденное ворами, вменилось в милостыню; попа Тита, желавшего тщетно погасить вражду диакона Евагрия.

«Послание» Симона к Поликарпу. «Послание» Симона к Поликарпу (4) принадлежит к числу замечательнейших произведений, завершающих первую эпоху нашей словесности до татар. Известно, что наша литература богата посланиями духовных и даже светских лиц. Первоначальный образец для них заключается в посланиях апостольских. Степенная книга объясняет местное происхождение этого рода сочинений у нас из обычая, что если кто по простоте сердца или по неведению Божественных Писаний впадал в прегрешение, то знающие дело беседами и посланиями любовно и разумно исправляли такого (5). Главная цель Симонова «Послания» заключается в том, чтобы успокоить честолюбие Поликарпа, который желал быть игумном в обители Космодемьянской или у святого Димитрия: Верхуслава, супруга Ростиславова, желала поставить его епископом в Новгороде, или в Смоленске, или в Юрьеве. Симон, прозревая, конечно, что Поликарп довершит дело, им начатое – описания житий угодников киево-печерских, – склонял его к тому, чтобы он остался в монастыре и послужил архимандриту Анкидину. Главная мысль, одушевляющая Симона в его слове к Поликарпу, есть мысль о Церкви. Так он ее выражает: «Как дождь

растит семя, так и Церковь влечет душу на добрыя дела: все, что творишь ты в келлии, ни во что вменяется, Псалтырь ли читаешь, дванадесять ли псалмов поешь, ни единому "Господи помилуй" подобится соборного пения. Вспомни, брат, что верховный апостол Петр, сам будучи церковью Бога живаго, взятый Иродом и посаженный в темницу, избавлен был от руки его церковною молитвою! Давид молился так: одного прошу у Господа и того ищу, чтобы жить мне в дому Господнем во все дни жизни моей, и видеть красоты Господни, и посещать святую Его церковь. Сам Господь говорит: дом Мой – дом молитвы наречется; где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я середи их. Если же такой собор соберется более ста, веруй, что Бог наш с ними. От Его божественнаго огня их обед сотворяется, от него же и я желаю хотя одной крупицы, более всего сущаго предо мною» (6). Возможность олицетворить эту мысль о Церкви представляется Симону в Печерском монастыре, который, по слову его, «море есть, не держит в себе гнилаго, но измещет вон». «Как от Самого Христа Бога нашего апостолы во всю вселенную были посланы, так от Матери Госпожи нашей Богородицы великаго монастыря многие епископы поставлены были в Русскую землю». Симон сам оставил бы епископство и работал бы игумену, если бы Владимирская и Суздальская соборная церковь, им созданная, не удерживала его своими красотами. Но все города, области и села, и десятину, всю славу и власть он вменил бы во прах, если бы только мог *трескою* торчать за воротами Печерского монастыря или *сметием* в нем валяться, попираемым человеками. «Лучше счесть один день временной жизни в дому Божией Матери, нежели тысячу лет в селениях грешничьих». И далее говорит Симон: «Я, грешный епископ Симон, тужу и скорблю, и плачу и желаю там мне скончаться, чтобы только положен я был в божественной этой персти и принял отраду от многих грехов моих».

Таковы были любовь и благоговение иноков киево-печерских к обители, их воспитавшей. Чтобы сильнее устремить брата на желанный подвиг и возбудить в нем ревность

к монастырю, Симон представляет ему примеры святых его мужей. Евстратий у жидов, Никон у половцев, Кукша у вятичей свидетельствуют мучениями истину Христовой веры. Афанасий изображает подвиг 12-летнего затворничества; Святоша – отречение от княжеской власти и почестей; Эразм и Арефа – от стяжаний; Тит – любовь, стремящуюся погасить вражду, не угасавшую в веке вражды непрерывной.

Жития святых киево-печерских. Источниками Симону для описания житий угодников Божиих служили живые предания самой обители. Все знают, говорит он, о Кукше, как он бесов прогонял, и вятичей крестил, и дождь свел с неба, и озеро иссушил. Вавила, исцеленный затворником Афанасием, сам рассказывал Симону об этом исцелении. Келья, где жил Святоша, еще при нем звалась Святошиною. В обители был огород, устроенный его руками; хранились книги, им подаренные. Никто в монастыре не видал Святошу праздным. Иконы, окованные Эразмом, находились во время Симона над алтарем. Подробности о пострижении в схиму и о кончине Эразма он слышал «от тех свидетелей святых и самовидцев блаженных старцев». Арефу он сам видел, сам вместе с отцами обители был свидетелем перемены, происшедшей в его уме и нраве, когда воры украли его имение, которое прежде составляло единственный предмет забот его.

Вражда попа Тита и диакона Евагрия, болезнь первого и внезапная смерть второго, не захотевшего уступить просьбе братии и помириться с противником, случились на глазах Симона. В помянниках сохранялись имена святых: Евагрий записан был *протостратором* ради его мученической кончины, а Никон назван *Сухим*, потому что высох от ран, полученных им от половцев. Из книг ссылается Симон на Иоанна Лествичника, на «Летописца» старого Ростовского, касательно числа епископов, вышедших из монастыря, – на жития Антония и Феодосия, особенно же первого во многих местах (7).

Тому же епископу Симону Татищев приписывает участие в продолжении Несторовой летописи на основании рукописей, которые были на руках его, но до нас не дошли (8).

Поликарп. Ни год рождения Поликарпа, ни год кончины его неизвестны. Вероятно, в юных летах постригся он в монастыре (9). Двои двери в большом храме Святой Богородицы Печерской были устроены им (10). Знаем по его же свидетельству, что он был в Ростове самовидцем чуда, совершившегося от иконы, писанной Алипием Киево-Печерским (11). Монастыри Св. Козьмы и Дамиана и Св. Димитрия желали его иметь своим игуменом. Княгиня Верхуслава, или Анастасия, дочь Всеволода III, намеревалась доставить ему епископский сан в Новгороде, Смоленске или Юрьеве. Князь Георгий Всеволодович, брат ее, хотел поставить его наместником Симона на епископии Владимирской и Суздальской. Все эти обстоятельства свидетельствуют об уме, дарованиях и учености Поликарпа. Но Симон отвлек его от этих прельщений возвышения и сам воспротивился желаниям княгини Верхуславы и князя Георгия. Он, вероятно, провидел в нем будущего продолжателя начатого им труда и потому писал, чтобы Поликарп не оставлял обители (12).

«Послание» Поликарпа к Анкидину. Поликарп совершил это дело по желанию архимандрита Анкидина, как он сам то свидетельствует (13). В «Послании» к нему он изложил жития тех святых и блаженных черноризцев киево-печерских, которые не были описаны епископом Симоном (14). В изложении своем он подражал древним мужам, слагателям житий святых отец в «Патерике Печерском» (15), равно и Нестору, написавшему в «Летописце» своем кратко о Дамиане, Иеремии, Матфии и Исаакии. Цель его при этом изложении состояла в том, чтобы потомкам пользы ради оставить то, что пришло бы в совершенное забвение, если бы он о том умолчал (16). Время своего труда автор сам определяет пятнадцатым годом игуменства Анкидинова. Об Анкидине упоминает летопись под 1231 годом: он участвовал в ставлении Кирилла епископом Ростову (17). Но неизвестно, сколько времени тогда он уже был архимандритом. Ближе определяется время Поликарпова труда следующими его словами: «Сто шестьдесят лет не было воспоминовения о святых отцах обители», – говорит

он вслед за тем, как упомянул о сказании Нестора. Ясно, что он имел пред глазами летопись, которая под 1074 годом содержит в себе жития, описанные Нестором. Если приложим к этому числу 100, то время труда Поликарпова определится со всею вероятностью 1234 годом – и оправдывается обстоятельством, приведенным выше относительно архимандрита Анкидина.

Жития святых киево-печерских. Главным источником для Поликарпа послужили устные сказания епископа Симона, о чем он свидетельствует два раза (18). Летопись Нестора была ему известна, как то ясно из его двукратного о ней упоминания. Кроме того, он ссылается на летописца в том месте, где говорит о небесном знамении, о трех столпах, явившихся над трапезницею во время преставления Пименова (19). В другом месте, повествуя о делах, происходивших у ляхов, ссылается на летописца, вероятно польского (20); а иногда дополняет события, известные из летописи, монастырскими сказаниями. Так Григорий чудотворец, обесчещенный отроками Ростислава Всеволодовича, предсказывает им гибель от воды вместе с князем их, за что и сам брошен в воду сим последним: летопись действительно доносит нам о том, как Ростислав погиб в реке Стугне. «Слово о полку Игореве» также оплакивает кончину его в реке (31). В житии Прохора, творившего хлеб из лебеды и соль из пепла, сказано о брани, которая была между Святополком и Давидом Игоревичем по случаю ослепления Василька: не пускали гостей из Галича, ни ладей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле (22). В житии Феодора и Василия говорится о том, как Мстислав Святополкович выпытывал у них о сокровище, которое скрыл Феодор, как Василий был уязвлен от князя стрелою до смерти и предсказал ему смерть от стрелы же, и как Мстислав, пораженный на стенах Владимира стрелою во время битвы с Давидом Игоревичем, припомнил тогда же предсказание Василиево. Летопись действительно упоминает о подобной кончине Мстислава, но без подробностей о Василии и его предсказании (23а).

Взглянем теперь на те образцы святости, которые изобразил Поликарп Анкидину. Никита Затворник, впоследствии

епископ Новгородский, представляет гордость знания, побежденную молитвою иноков и смирением. Агапит, безмездный врач, торжествует над искусным врачом-армянином; чтобы не нарушить монастырского устава и не покидать обители, не решается идти к больному Владимиру Мономаху на его приглашение, но, исцелив его заочно, отвергает дары князя и побуждает его раздать все имение нищим. Григорий Чудотворец борется с ворами и обращает их в усердных работников обители. Иоанн Затворник, сражаясь с помыслом чувственным, употребляет против него бессоние, жажду, тяжкие вериги и наконец яму и персть земную на все тело, кроме руки и головы. Привлекательна повесть о целомудренном красавце Моисее, родом венгерце, который был братом Георгию, убитому вместе со святым Борисом на Альте. Уведенный в плен Болеславом вместе с Предславою, сестрою Ярослава, в Польшу, Моисей становится предметом страстной любви одной богатой польской жены, противостоит всем ее искушениям, терпит муки и спасает свое целомудрие. Прохор во время голода печет вкусные хлебы из лебеды и во время беспорядков, разрушивших торговлю, добывает соль из пепла (вероятно, поташ) и тем помогает страдающему народу. Марк Печерник копает могилы для братии, и мертвые его слушаются. Феодор и Василий заставляют бесов работать на монастырь и презирают скрытое первым сокровище, вынося за то муки от власти княжеской. Алипий Иконописец украшает храмы обители и другие чудными иконами и своими целебными вапами врачует безобразие человека, покрытого струпами. Наконец, Пимен Многострадальный в течение двадцати лет страдает в обители тяжким недугом и, как Иов, поет хвалу Господу.

Сочинение «Киевского патерика» восходит, таким образом, к самому началу татарского нашествия. Изображение подобных примеров святости явилось кстати в эпоху, когда своекорыстие, себялюбие и ненависть, раздирая утробу России, привлекали в нее полчища дикарей самых грубых. Чтение «Патерика» послужило много к тому, чтобы воспитывать в духовенстве и во всех сословиях русского народа, в древнем

периоде его жизни, те добродетели. которыми и теперь пока еще твердо наше Отечество.

Св. Авраамий Смоленский. На рубеже тех же двух столетий встречается еще святой муж, сильно действовавший словом, св. Авраамий Смоленский. Житие его написано было учеником его, иноком Ефремом, вскоре после его кончины. Ефрем описал даже его внешний образ, находя в нем сходство с Василием Великим. Двенадцать дочерей было у родителей Авраамия; мать молила Бога о сыне: он был ей послан. Как только стало можно, отдан был на учение грамоте. Призвание его к иночеству открылось рано. По смерти родителей он ему последовал и постригся в Богородицком монастыре близ Смоленска. Он читал неутомимо жития и поучения Антония Великого, Илариона, Евфимия, Саввы, Феодосия, что близ Иерусалима, Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста и Феодосия Печерского. Имея необыкновенный дар слова, он привлекал своими поучениями весь город. Не только мастер был читать, но и толковать Писание. Даже несведущие его понимали. Память его обнимала все – и ничто из Писания не могло от него утаиться. Не умолкал он, поучая и больших и малых, рабов, свободных и ремесленников. Днем поучал, ночью молился за народ. Поставленный в священники при Мстиславе, князе Смоленском, он ни дня не пропустил, чтобы не служить литургии. Был и живописцем, написал две иконы: Страшный Суд и испытания воздушных мытарств, и любил о том беседовать.

Но зависть поднялась на красноречивого учителя. И духовенство, и граждане восстали и обнесли его клеветою. Сам епископ Игнатий ему позавидовал. Авраамий перешел в монастырь Св. Креста, но число его слушателей все увеличивалось. Тогда завистники стали обвинять его в ереси, в том, что читает какие-то *глубинные* книги, требовали от епископа, чтобы Авраамий быль предан суду. И вот позорно повлекли его на суд; но он спасен был каким-то благочестивым иноком, Лукою Прусином, который, совершая тогда девятый час молитвы, услышал таинственный голос в пользу невинного и пошел на его защиту. Мученик был избавлен от позора. Вступился за

него и смоленский священник Лазарь, после бывший преемником епископа Игнатия. Правда обнаружилась. Авраамий был избран в игумены Богородицкой обители. Поучительное слово его все не умолкало. Перед кончиною он любил поминать о разлучении души с телом, о мытарствах, ее ожидающих, об ответе на Страшном Суде, об огненной реке, которая пожжет всю землю, о том, что кроме покаяния, милостыни, молитвы и любви не будет ни для кого иной помощи. Пятьдесят лет продолжался его подвиг. Время кончины его неизвестно. Полагают в первой четверти XIII века. Поучения его до сих пор не были открыты; но в библиотеке Иосифова Волоколамского монастыря есть «Слово преподобного отца нашего Авраамия о Небесных силах, чего ради создан бысть человек». Содержание его совершенно сходно с тем, о чем любил беседовать в последнее время жизни своей Авраамий, по свидетельству его ученика и жизнеописателя. Главная мысль, проникающая все «Слово», есть отношение человека к миру вышних сил. Проповедник начинает словами Кирилла Философа, что созданы мы были не для того, чтобы есть, пить и одеваться в различные одежды, а для того, чтобы угодить Богу и наследовать будущие блага. Сначала сотворены были ангелы, но некоторые из них пали. В восполнение падших, не соответствовавших Богу, создан был человек: и он пал, но не совсем, не без надежды на восстание. В течение 7000 лет, определенных на существование человечеству, должен быть восполнен чин ангелов, отпадших на небесах. К сему вел Господь человека в мире древнем казнями; к сему ведет его искуплением ожиданием Страшного Суда. Два ангела, добрый и злой, блюдут за всею жизнью человека. От изображения ее под влиянием этих двух сил проповедник переходит к смертному часу и к мытарствам, ожидающим душу по ее исходу. Душе показывается ангелами весь мир духовный, и светлый и темный. «Слово» заключается мыслью об обновлении земли.

В рукописях того же монастыря это «Слово» встречается иногда с именем Кирилла. В сокращенном виде оно было напечатано Калайдовичем в числе проповедей Кирилла Туровско-

го. Замечательно мнение о семитысячелетнем существовании мира: в последние три года седьмого тысячелетия, пророчит слово, будет пришествие Антихристово, а по истечении трех лет архангелы Михаил и Гавриил затрубят и созовут на суд вселенную. Мы еще встретимся с этим мнением в столетиях XIV и XV, когда оно всего сильнее действовало (23b).

Обратный взгляд на XII век. Переходя к XIII столетию и обращая взор на совокупность памятников словесности XII века, мы можем со всею вероятностью сказать, что это одни только значительные обломки от великого кораблекрушения нашей дотатарской древности. Славянорусское слово говорило в XII веке устами богомольного странника, великого князя, митрополита, юмориста-заточника, глубокомысленного и красноречивого проповедника, певца – друга Отечества, мужей святых, славивших свою обитель, плодотворную чудесами. В глубине всех этих произведений лежит одна великая и живая мысль – как зерно будущего величия России, как залог ее соединения государственного, как основа ее сил нравственных, как опора и точка отправления в ее умственном развитии – мысль о православной Церкви нашей, источнике спасения и временного и вечного. Из памятников древнейшего нашего слова мы видим, что семя русское взошло было славно, но татарские снега его завалили: волею Промысла оно было уже окрещено, и потому не могло погибнуть; долго лежало под снегами; росло между тем крепкою внутреннею духовною жизнью, пока Провидению угодно стало вызвать его снова на свет Божий.

Впечатление от XIII века. Резкая граница отделяет XII век от последующего, начиная со второй его четверти. Внезапное бесплодие, поражающее нас в XIII веке, можно было бы сравнить с впечатлением пустыни, встречавшей в те времена странников наших на их пути из населенной России к полудню, к татарским кочевьям.

Нашествие татар. Слова, читаемые нами под 1224 годом летописи, объясняют нам это бесплодие: «Том же лете, по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никтоже не

весть, кто суть и отколе изыдоша, и что язык их, и которого племене суть, и что вера их; а зовут я татары».

Нельзя лучше выразить всей внезапности ужаса, который обуял тогда наших соотечественников. Силы монголов, в то время еще не разъединенные, были огромны; наши же, несмотря на личную храбрость многих князей и на самоотвержение многих городов, раздробленны и потому ничтожны. Вспомним, что нашествие татар поразило страхом всю Европу. Императоры созвали против них крестовый поход. Папа испугался за безопасность своей церкви (24) и счел за нужное отправить к татарам послов-миссионеров, которые в Орде подвергались всем унизительным условиям ханского обычая. Плано Карпини и Асцелин с двух сторон проникли в татарские орды в 1246 году. Французский король Людовик Святой в 1253 году отправил к ним также и своего посла, монаха Рубруквиса.

Храбрость, смешанная с легкомыслием, обнаружилась в первых действиях наших против татар. Отдельные князья вооружились мужественно, а избили татарских послов легкомысленно. Битва Калкская проиграна потому только, что три Мстислава, Киевский, Козельский и Галицкий, старейшины Русской земли, ненавидели друг друга. Втуне покрыт ранами храбрый осьмнадцатилетний юноша Даниил Романович; втуне стоит твердо Олег Курский; даром льется русская кровь как вода: поражение при Калке было такое, какого князья наши не испытали от самого начала Русской земли. Татары клали их под доски и, сидя на них, обедали. Из воинов десятый не избежал меча. Погибло семьдесят великих и храбрых богатырей, в том числе Александр Попович и Добрыня Рязанский, золотой пояс. Сам Великий князь Киевский, Мстислав Романович, с детьми и с зятем был убит руками татар. Киевлян одних избито 60 тысяч, а других сколько? Один Бог то ведает: «число бесчисленное».

Несчастный пример юга не был спасителен для раздробленного севера. Батый, «молнийная стрела», устремился на Рязань. Юрий Всеволодович не пошел на приглашение Юрия Игоревича Рязанского. Феодор Юрьевич убит Батыем за то,

что не хотел выдать прекрасной супруги своей сластолюбцу. Бросилась с высокого своего терема и прекрасная Евпраксия с сыном своим Иваном, когда услыхала о смерти мужа, и убилась до смерти. Город за городом берут татары: 14 городов взято ими за один февраль месяц в Рязанской и Суздальской областях. Воевода Филипп Нянька погиб в Москве за православную веру; старцы и дети обагрили кровью улицы города. Владимир, лишенный своего князя, славно противится и в соборном храме возносит к небу жертвенник всесожжения, в котором сгорают владыка Митрофан, великая княгиня с дочерьми и снохами, бояре с семействами. Евпатий Коловрат, богатырь Рязанский, собирает дружину, бьет воинов Батыевых, поражает татарского богатыря Хоздоврула и сам уступает только множеству врагов. Меркурий, витязь смоленский, родом римлянин, положил татарского исполина на долгом мосту. Козельск увенчался славою имени злого города, данного ему Батыем, и умылся кровью своих младенцев, не пощаженных мстителем. Пал великодушно на берегах Сити Юрий Всеволодович со своими воеводами, боярами и воинством. Предан мученической смерти и братанич его, Василько Константинович Ростовский, в плену у татар за те слова, которыми он поносил их. От многоветвистого дерева князей русских уцелели всего 15 князей, избывших меча татарского. – Погасла перед Батыем и величественная красота Киева: едва ли 200 домов оставалось в городе в то время, когда посетил его папский посланник Плано Карпини. Один за одним сдавались Батыю русские города. В 1243 году великий князь Ярослав Всеволодович кланялся ему в Орде и принял от него старейшинство над всеми князьями и народом. Начались жалкие странствия князей русских в Орду, где они подвергались всевозможным унижениям своего сана, где самые низшие прислужники ханские ходили впереди их, занимали всегда первое и верхнее место и часто сажали их позади себя. В 1257 году татары сочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятников, сотников, тысячников и темников, не сочли только одного духовенства. В 1259 году новгородцы, боясь татарской рати,

добровольно сами пригласили к себе татарских счетчиков, которые изочли земли и Новгородскую, и Псковскую. Изредка вспыхивает открыто ненависть против татар: в 1262 году русские князья избивают татарских баскаков, а других изгоняют; иные татары крестятся в нашу веру (25). В Ярославле народ предает смерти и псам на съедение отступника монаха Зосиму, который гонит православие в пользу магометанства и мирволит татарам! Но в 1278 году русские князья воюют уже заодно с татарами против ясов.

Влияние наше на татар. Образованием своим мы действовали тогда на татар. Воевода Батыев, Мангу-хан, удивился красоте и величеству Киева, и даже сначала не хотел разорять его. Плано Карпини, проезжая через Киев, нанял в нем толмача для переговоров с татарами; но он, однако, не был в состоянии перевести латинскую папскую грамоту на татарский язык. Золотых дел мастера были весьма честимы татарами. Так, русский золотых дел мастер Кузьма был очень любим ханом Гаюком и помогал миссионерам папским в их нуждах. Он сделал для хана престол и печать (26). Толмачом при великом князе Ярославе и спутнике его, половецком князе Сангоре, был русский из Суздаля. Монах Рубруквис, посол Людовиков, нашел при дворе Мангу-хана русского архитектора. К духовенству русскому татары питали уважение. Их перепись, которая забирала все в подданство ханам, не коснулась только духовенства: они не считали ни архимандритов, ни игуменов, ни иноков, ни попов, ни диаконов, ни крылошан, ни всего причта церковного, говорят летописцы. Многие духовные русские люди пребывали при дворе ханском, когда был там Плано Карпини. Перед большим шатром Гаюка, отличавшегося особенным сочувствием к христианству, всегда была христианская часовня, где наши священнослужители открыто звонили к часам и пели. В 1261 году учреждена была в Сарае епархия, и Кирилл митрополит поставил первым Сарайским епископом Митрофана, который в 1269 году облекся в схиму и уступил свое место новопоставленному епископу Переславскому и Сарайскому Феогносту.

Юго-Запад Руси. На Юго-Западе Руси, в Галиции, куда не столько достигала татарская гроза, было более приволья строить города и украшать их храмы. Летописец волынский рассказывает о городе Холме, сожженном в войну с Куремсою, как он создан был Даниилом, как приходили к нему немцы, лях и русь, как всякие мастера бежали от татар, ковачи железа, меди и серебра, *и была жизнь*, и дворами наполнились все окрестности, поля и села, окружавшие город. Создана была великолепная церковь во имя св. Иоанна: своды ее были поставлены на четырех головах человеческих, изваянных каким-то художником: до́лжно думать, что они изображали четырех евангелистов; три окна были украшены римскими стеклами, вероятно расписанными; два столпа из цельного камня стояли в алтаре; над ними своды, а верх украшен золотыми звездами по лазури; внутренний помост вылит из меди и чистого олова и блестел как зеркало; двои дверей украшены камнем галицким белым и зеленым холмским: узоры на них делал художник Авдей, шарообразные и золотые; на одних дверях изображался Спаситель, на других – св. Иоанн. Огромная башня поднималась середи города, снизу каменная, верх деревянный; выбеленная, светилась она во все стороны. И после пожара Даниил возобновил город и храм, но не мог возобновить башни, потому что надобно было строить города против татар. Другую церковь построил он в городе Холме, во имя Пресвятыя Богородицы, и украсил ее чашею из багряного мрамора, принесенною из земли Угорской: чудно была она изваяна и змеиные главы обвивали ее.

Тот же волынский летописец упоминает вскользь о славном певце Митусе, который за гордость не хотел служить князю Даниилу и жил в Перемышле: дворецкий Даниилов, Андрей, привел певца связанного и в разодранном рубище к своему князю. В той же летописи говорится о славной песне, которую пели Даниилу и его воинам после победы их над ятвягами и после того, как они многих христиан освободили из плена. Летописец сравнивает Даниила с отцом его, Романом, который как лев выходил на поганых: именем Романа

половцы стращали детей. Но летописец не распространяется об этой песне, заимствуя, может быть, из нее выражение о Романе: ибо, по его мнению, изъявленному в другом месте по случаю хвального слова, произнесенного Даниилом, *Бог похвального слова не* любит (27).

В летописях XIII же века упоминается о том, как в областях Олега, князя Рыльского и Волгорского, были ловища лебединые, и сокольники царя Ногая ловили ему лебедей соколами. В этих ловлях Древней Руси, которые совершались в 1284 году в Курском княжении, заимствован один из прекраснейших образов превосходной хороводной песни нашего народа: «Ах по морю, морю синему, плыла лебедь белая со лебедушками… Где ни взялся млад ясен сокол, убил, ушиб лебедь белую…» (28).

Три князя, представители эпохи. Три князя олицетворяют для нас Россию этого времени: Александр, Михаил и Владимир.

Св. Александр Невский. Во времена унижения народного духа и страданий всякого рода мысль летописца и с ним вместе мысль всякого русского отдыхает на величавом и прекрасном образе родоначальника будущих освободителей России, князей Московских, Александра Невского, в котором не умирала наша древняя воинская слава. Западные страны, по словам летописца, дивились ему и завидовали его славе. Мужество и благоразумие сочетались в нем. В то время, когда на юге одолевали нас татары, Александр на севере, окруженный шестью богатырями, побеждал немцев. Он едет в Орду по призыву Батыя, и Батый удивляется его доброте и величеству, и жены татарские, как, вероятно, пели тогда в народных песнях, убаюкивали плачущих младенцев словами: молчи, великий князь Александр едет. Слава его расходится по всем землям от моря Варяжского до Понтийского, до гор Араратских и до Рима. «Чада милые, разумейте, что зашло солнце земли Русской!» – сказал митрополит Кирилл по преставлении сего князя.

Св. Михаил Черниговский. В то время как Александр Невский подвигами меча питал воинственный дух в князьях

и народе, другой великий князь, Михаил Черниговский, со своим верным боярином Феодором подвигом мученичества укреплял в них веру и кровию своею посеял семя будущего спасения Отечества. Когда все русские князья, миссионеры папы и послы короля французского совершали языческое поклонение огню и солнцу по требованию ханов, Михаил Всеволодович, князь Черниговский, и боярин его Феодор объявили решительно волхвам или жрецам хана, что христиане не поклоняются ни твари, ни идолам, а поклоняются только Пресвятой Троице – Отцу и Сыну и Святому Духу. Тщетно племянник Михаила, князь Борис Василькович Ростовский, тщетно многие русские князья и бояре со слезами убеждали Михаила исполнить волю цареву и обещались, возвратясь в свою землю, всею землею взять этот грех на себя и совершить всенародную епитимию за князя; тщетно говорили Михаилу, что он многими благами Русской земле и им всем искупит этот грех. Подкрепило Михаила в минуту искушения слово Феодора, напомнившего ему о евангельском наставлении духовника их, Ивана. Решительный ответ Михаила Эльдеге, ханскому вельможе, что он готов умереть, вызвал мучение. Нашелся отступник из русских, некто Доман, северянин, родом из Путивля, чтобы отрезать ножом честную главу святого великомученика Михаила, которая, отброшенная от тела, проговорила: «Христианин есмь». Боярин Феодор принял тоже мучение. Посторонний очевидец события, папский посол Плано Карпини, засвидетельствовал его истину (29). Князь Роман Олегович Рязанский в 1270 году последовал примеру Михаила и вынес в Орде жесточайшие истязания за веру.

Владимир Волынский. Третий князь, в котором олицетворяется Россия XIII века, был Владимир Василькович Волынский. Высокий рост, сильные плечи, прекрасное лицо, русые кудрявые волосы, борода остриженная, стройные руки и ноги, исподняя часть рта полная и голос громкий составляли признаки его наружности. Он был искусный ловец, храбр, кроток, смирен, незлобив, правдив, не мздоимец, ненавидел

воровство, не пил вина от ранних лет своих, имел высокое просвещение, говорил вразумительно от книг, любил беседу с духовными, украсил храмы городов Берестья и Каменца, им основанных, Бельска, Владимира Волынского, Перемышля, Чернигова, Луцка, Любомля – иконами, сосудами, ризами и другими церковными потребами, снабдил книгами – Евангелиями, апостолами, служебниками, прологами, минеями, сборниками отца своего. Из этих книг он сам своею рукою переписал многие. Был иконописцем; написал многие иконы, между прочими икону св. Георгия на золоте, а другую, Пресвятой Богородицы, не докончил (30). Летописец, воспевая похвалу сему князю, говорит о нем: правда облекала его, крепость препоясывала, милостыня, как золотая гривна, украшала его, обвивала истина и смысл венчал его. И вот за четыре года до своей кончины он начал страдать болезнью, которая была так замечательна, что со всеми подробностями описана в летописи. У него начала гнить исподняя часть рта, с каждым годом все более и более. Сначала эта болезнь не мешала ему ходить и ездить на коне; он раздавал все имение свое нищим. Потом, на четвертый год, опало у него все мясо с бороды, выгнили нижние зубы, кость бородная перегнила, обнаружилась внутренность гортани, в течение семи недель он не питался ничем, кроме воды, и то скудно, – и наконец скончался после тяжких страданий в 1288 году, 10 декабря, в городе Любомле.

Мужество, веру и терпение в страданиях олицетворяла Россия XIII века в этих трех князьях – Александре Невском, Михаиле Черниговском и Владимире Волынском.

События Церкви. В 1227 году князь Ярослав Всеволодович распространял христианство на севере и послал священников, которые окрестили почти всех корел. В том же году новогородцы варварски сожгли четырех волхвов на Ярославовом дворе, которые причиняли много зла в народе; но духовенство не принимало в том никакого участия.

В 1274 году, по случаю поставления киево-печерского архимандрита Серапиона в епископы Владимирские и Суз-

дальские, Киевский митрополит Кирилл II созвал собор епископов во Владимир и, сам собою или через других узнав о многих нестроениях в церквах, поставил вместе с епископами соборное «Правило», составляющее значительный памятник нашей словесности (31). Прежде всего, согласно правилам семи соборов, он восстает против ставления на мзде не только настоятеля обители или священника, но даже и ключаря церковного: семью гривнами на клирошан должна ограничиваться вся издержка попа или дьякона. Мздоимцы да будут извержены из церкви, а ходатайствующие за них прокляты. Это совершалось у нас в то время, когда на западе в Германии императоры, во Франции короли обогащались продажею епископских мест, а римскою тиарою в 1276 году украшался Николай III, которого Дант вместе с Бонифацием VIII и Климентом V казнил в аду за святокупство (32). Раб не мог быть поставлен, не приняв отпускной от своего господина. Житие ставленника должны были свидетельствовать семь священников и добрые соседи, знавшие его с детства. Не одни преступления важные мешали ставлению: кто отдавал деньги в рост, удручал слуг голодом и наготою, страдою, т.е. рабочею порою мучил, убегал дани, чародействовал, не мог быть ни попом, ни дьяконом, ни даже причетником. Во священники ставили не менее тридцати лет. Пьяницы все отвергались, если не покаются: «Лучше один достойный служитель олтаря, нежели тысяча беззаконных», – говорит «Правило». Восстает оно также против игрищ народных, на которых люди убивали себя до смерти. В пределах же новгородских держались еще языческие обычаи и суеверия: водили невест к воде, а в субботу, в ночь накануне воскресенья, мужья и жены вместе праздновали какой-то нечестивый Дионисов праздник (33).

В начале этого «Правила» есть замечательное место, где митрополит обращает слова укоризны ко всему русскому народу своего времени: «Какую прибыль получили мы, оставив божественные правила? Не рассеял ли нас Бог по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные князья наши острием меча? Не отведены ли в плен дети наши?

Не запустели ли святые Божии церкви? Не томят ли нас каждый день безбожные и нечистые поганые? Все это постигло нас за то, что мы не храним правил святых наших и преподобных отец» (34). Эти слова, раздавшиеся из уст пастыря, скорбевшего о несчастьях Русской земли, повторялись нередко и после, в летописях и словах, при бедствиях Отечества, подобных тому, которое постигло его в XIII столетии. Видно, что они глубоко врезывались в памяти и переходили из рода в род по устному и письменному преданию.

В 1284 году все русские епископы созваны были в Киев к митрополиту Максиму. Вероятно, к этому времени относится «Правило» Максима митрополита, встречающееся в «Кормчих», о мясопусте и охранении законного брака (35).

Уже давно обстоятельства требовали, чтобы средоточие Церкви Русской перенесено было с юга, задавленного татарами, на север, где могло зародиться освобождение. Митрополиты весьма часто оставляли Киев и нередко жили во Владимире. Сношения с церквами русскими и с великими князьями были отсюда гораздо удобнее. Наконец в 1300 году митрополит Максим, не терпя татарского насилия, как сказано в летописи, перенес окончательно митрополию из Киева во Владимир. Весь Киев разбежался, прибавляет летописец, вслед за митрополитом: так сильна была охрана Церкви.

В 1301 году, несмотря на смуты времени и на затруднения пути, в Константинопольском соборе, бывшем при патриархе Иоанне Векке, участвовали русский митрополит Максим и Сарайский епископ Феогност. Ответы собора на вопросы, предложенные Максимом, существуют в наших рукописях. Вопросы вызваны были преимущественно нуждами Сарайской церкви: таковы особенно о крещении татар, несториан и яковитов, которых было много в войске монголов из Персии, Индии и Монголии (36).

Памятники письменности. Памятники письменности, относящиеся несомненно к XIII веку и означенные годами или обстоятельствами, определяющими годы, следующие: 1) Евангелие, писанное в Новгороде попом Домкою, пове-

лением Милятина Лукиниця, принадлежащее Публичной библиотеке и по признакам почти несомненным относимое Востоковым к 1215 или 1230 году (37). 2) Апостол толковый 1220 года в Синодальной библиотеке, судя по филологическим признакам списанный с древнейшего текста (38). 3) Евангелие 1270 года, писанное Георгием, сыном попа Лотыша, по заказу чернеца Симона, с признаками новгородского наречия, принадлежащее Румянцевскому музеуму (39). 4) Псалтырь 1296 года, писанная писцом Захарием по повелению княгини Марины и принадлежащая Синодальной библиотеке (40). 5) Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского, писанный сербским грамматиком Феодором в 1263 году в Хиландаре (41). 6) Номоканун, писанный пятью писцами в 1284 году, при рязанских князьях, братьях Ярославе и Феодоре и матери их великой княгине Анастасии, по желанию епископа Рязанского Иосифа (42). Сюда же относятся: Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом, писанная в 1229 году; три договорные грамоты Новгорода с великим князем тверским Ярославом Ярославичем 1265 и 1270 годов; ярлык, данный от кончакского царя Менгу-Тимура русским митрополитам и священнослужителям, писанный между 1270 и 1276 годами; грамота смоленского князя Феодора Ростиславича к Рижскому епископу, мейстеру и ратманам, 1284 года; две духовные грамоты владимирского на Волыни князя Владимира Васильковича, писанные около 1286 года; грамота владимирского на Волыни и луцкого князя Мстислава Даниловича, писанная около 1289 года (43); данная на села Мининское и Романовское Суздальскому Васильевскому монастырю (44). Не привожу тех памятников, которые гадательно относимы бывают к тому же столетию.

Три Кирилла. Кирилл I митрополит. Скудно число писателей, относящихся к XIII веку; еще скуднее число памятников, от них оставшихся. Упомянем имена тех, которых славят летописи за книжное их просвещение. Кирилл, родом грек из Никеи, поставленный в киевские митрополиты в 1223 году и преставившийся в 1233-м, был, по словам ле-

тописей, *философ велий, учителен зело и хитр ученью божественных книг* (45). К нему Герман, патриарх Цареградский с шестью митрополитами писал послание о непосвящении рабов в духовный сан (46).

Кирилл, епископ Ростовский. Второй Кирилл, книжному просвещению которого летописцы воздают похвалу, был епископ Ростовский, поставленный в 1231 году и скончавшийся в 1262-м. Суздальский летописец говорит о нем, что он не только учил словом, но и на деле показывал свое учение; что все князья и вельможи, все люди города Ростова, не только простые, но и духовные, все приходившие из окрестных городов, удивлялись соборному храму, который епископ украсил великолепно, удивлялись также, внимая учению его от божественных книг (47). Летописец, великий почитатель учения и словес сего епископа, в каком-то узком месте, вероятно в затворе ростовского монастыря Св. Григория Богослова, задал себе труд передать письму словеса его (48). Сему Кириллу архиепископ Филарет приписывает с большой вероятностью перевод с греческого жития Нифонта и многие «Слова», обозначаемые в рукописях именем Кирилла; но слова требуют еще издания, а предположения – ученого исследования.

Кирилл II митрополит. Третий Кирилл, митрополит Русский, действовал благотворно и делом и словом: он грамотою помирил новгородцев с великим князем Василием Ярославичем; первый из митрополитов получил от хана Мангу-Темира ярлык, которым духовенство освобождалось от поголовной дани, а церковные имения – от сборов; говорил слово при погребении великого князя Александра Невского; при болгарском царе Константине Техе получил от деспота болгарского Иакова Святислава «Номоканун», или «Кормчую», переписанную для русского митрополита тремя писцами в 50 дней (49); в 1274 году собрал собор во Владимире и сочинил «Правило», с содержанием которого мы уже знакомы; неутомимо действовал в северных пределах России, уготовляя перенесение митрополии во Владимир, и бдительно охранял южную паству от наветов римского католичества; осудил

Игнатия, епископа Ростовского, за строгое его действие над прахом князя Глеба Васильковича Ростовского, который изринут был из церкви соборной Игнатием и просто закопан в землю. При этом митрополит сказал Игнатию замечательное слово: «Не возносись, не считай себя безгрешным; не столько запрещай и отлучай, сколько освобождай и прощай; прощение грехам нашим мы обретаем в прощении братий наших; милость Господня скрывается для нас в милости нашей к ближнему. Плачься, чадо, и кайся до смерти о своей бесстыдной дерзости: ты прежде суда Божия, осудил уже скончавшегося; а от живого ты принимал дары; ты ел и пил с ним; ты живал у него и веселился с ним; когда было можно его исправить, ты не исправил, и ныне ли исправить хочешь мертвого жестоким отлучением? А если желаешь сотворить ему помощь, твори ее милостынями нищим, молитвой и божественною службою». Летописи говорят о Кирилле, что он, проходя города всей Руси, неутомимо учил, наставлял, исправлял. Смерть застигла его на пути в 1280 году в Переславле-Залесском; но похоронен он был в соборной церкви Киева.

Поучение священникам. Не знают, которому из двух Кириллов, митрополиту ли Киевскому или епископу Ростовскому, приписать «Поучение священникам», которое встречается в «Кормчих» при «Правиле» Кирилла митрополита, хотя и не всегда. Ученые Троицкой Лавры с вероятностью приписывают его епископу, полагая при том, что митрополит Кирилл на известном соборе присоединил это «Слово» к своему «Правилу» (50). Это краткое «Поучение» все исполнено сознания святости иерейского сана. Приведем некоторые главные мысли: «Внимай, иереев собор преподобный! К вам мое слово. Вы нареклись земными ангелами, небесными человеками. Вы с ангелами предстоите у престола Господня; вы с Серафимами носите Господа. Вы сводите с небеси Дух Святый и претворяете хлеб в плоть и вино в кровь Божию, человекам невидимо, а святые многие видели. Вы просвещаете людей крещением святым; вы связуете, вы разрешаете. Вами совершает Господь тайну спасения роду человеческому; вас поставил стражею и па-

стухами словесных овец Своих, за них же кровь Свою излиял... Господь сказал: лучше навязать жернов на шею и погрузить в море, нежели соблазнить единого из малых. *Душе бо человеческой, ни единой, мир весь не равняется...* Простец, согрешив, за одну свою душу даст ответ перед Богом; а иерей, согрешив, многих соблазнит, и за души их будет ему осуждение...

Я не ленюсь вам говорить... Разумейте, как учить духовных детей: не слабо, чтобы ленивы не были; не жестко, чтобы не пришли в отчаяние...

Святую же страшную службу совершайте со страхом. Никогда не входи во святой алтарь, имея вражду с кем-нибудь, и если спорил много с кем, не служи в тот день, но, укротив мысли, возшли молитвы к Господу от чистого ума. И не озирайся назад, но ум весь имей горе: ты с ангелами служишь, и не мысли о земном в тот час; ибо Небесного Царя приемлешь в сердце свое; весь освящайся Им.

Блюдите и родимых детей ваших, чтобы целомудренны были до женитьбы. И безгрешный перед Богом священник за сыновние грехи может быть послан в муку, ибо не учил добру сыновей своих и не наказывал их» (51).

Это поучение встретилось однажды вставленным в другое, более обширное «Слово на Собор Великого Архистратига Михаила и прочих сил безплотных», и тем подало повод к заключению, что оно составляет с ним одно целое. Но до́лжно заметить, что «Слово о небесных силах и чего ради создан бысть человек и о исходе души» встречается под именем Кирилла Философа и под именем Авраамия. Это «Слово» требует еще особого исследования (52).

Серапион и «Слова» его. Наиболее значительный объемом и содержанием памятник духовной словесности XIII века составляют пять «Слов» Серапионовых, не в давнем времени открытых. О Серапионе знали мы по летописям и по «Правилам» Владимирского собора, что он из архимандритов Киево-Печерского монастыря, в 1274 году поставлен был Кириллом митрополитом в епископы городам Владимиру и Суздалю, и что в следующем, 1275 году он преставился и похоронен во

Владимирской соборной церкви: «бе же сей *зело учителен и силен в божественном писании*». Архиепископ Филарет, автор «Истории Русской Церкви», открыл в пергаменной рукописи Сергиевой Лавры, писанной, вероятно, в XIV веке, под заглавием «Златая чепь» четыре поучения, надписанные именем преподобного отца нашего Серапиона. Пятое найдено мною в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря под заглавием «Слова блаженного Серапиона о маловерии» (53).

Пребывание Серапиона в монастыре Печерском указывает на то, что он мог образовать искусство словесное в той самой обители, которая, как мы знаем, была его рассадником. Время же поучений ясно определяется некоторыми событиями, современными эпохе татарской.

В 1230 году, в 3-й день мая, в пятницу, на праздник преподобного Феодосия, во время святой литургии, когда читалось Евангелие в соборной церкви Пресвятой Богородицы во Владимире, потряслась земля, а с нею и церковь и трапеза; иконы двигались по стенам, паникадило со свечами поколебалось; люди изумились; говорили друг другу, что голова у них кружится. Землетрясение было и в других городах, но в Киеве всего сильнее. То был праздник самого Киева, праздник св. Феодосия, и каменная церковь монастыря Печерского треснула на четыре части в то самое время, как были в ней митрополит Кирилл, князь Владимир, бояре и множество народа. В трапезнице камень посыпался сверху на кушанье и на питье. В Переславле-Залесском обрушился свод церкви Св. Михаила. По случаю этого страшного события, с рассказа очевидцев записанного летописцами, зачинается «Слово» Серапионово. «Вы слышали, братия, слова Евангелия, говорит проповедник: в последняя лета будут знамения в солнце и в луне и в звездах, и труси по местом и глади. Тогда реченное Господом – ныне сбывается. Сколько раз видали мы солнце погибшее, луну померкшую! Ныне же видели своими глазами и земли трясение. Земля, от начала утвержденная и неподвижная, повелением Божиим ныне движется, грехами нашими колеблется, беззакония нашего сносить не может. Не послу-

шали мы Евангелия, не послушали апостола, не послушали пророков, не послушали светил великих: Василия, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и иных святителей святых, ими же вера утверждена, еретики прогнаны и Бог познан всеми языками... Господь уже не устами говорит нам, но делом нас наказывает. Всем казнив, не отвлек Он нас от злого обычая: ныне землею трясет и колеблет, беззакония и грехи многие от земли отрясти хочет, как листья с дерева. Но скажут: бывали и прежде потрясения. Так, бывали, но потом что было нам? Не голод ли? Не мор ли несколько раз? (54) Не рати ли многие? Однако мы не покаялись, пока пришел на нас народ немилостивый, по Божию попущению, опустошил нашу землю, взял наши города, разорил святые церкви, избил отцов и братий наших, поругался над матерями и сестрами нашими... Ныне, братия, убоимся прещения страшного... Отступим от немилостивых судов, оставим кровавое *резоимство*... В какое время видали мы столько примеров внезапной смерти? Иные не успели о доме своем сделать распоряжения, как были ею похищены. Иные с вечера легли здоровы и не проснулись поутру... Много раз говорил я... Но многие не внимают, а дремлют, как будто бессмертные». Мыслью о Страшном Суде и последнем воздаянии заключается «Слово».

Время, когда сказано было второе «Слово» Серапионово, определяется верно: «Се уже к м̃ лет приближает томление и мука», – говорит он о нашествии иноплеменников и о тяжких данях, которые от них наложены. Стало быть, «Слово» говорено было в 1264 году. Неистощим в укорах проповедник. «Не так скорбит мать, видя детей своих больными, как я, грешный отец ваш, видя вас болящих делами беззаконными. Много раз я говорил вам... но не вижу в вас перемены». Следует исчисление пороков, из которых особенно *резоимство* поражает пастыря. – «Чем мне утешиться? Чем обрадоваться? Всегда сею в ниву сердец ваших семя божественное, и никогда не вижу, чтобы оно прозябло и плод породило». После увещаний изображается современное состояние России, как повторяется оно с некоторыми изменениями и в «Правиле»

Кирилла митрополита: «Чего не навели мы на себя? Какой казни от Бога не восприяли? Не пленена ли была наша земля? Не взяты ли были наши города? Не пали ли отцы и братья наши трупами на землю? Не отведены ли наши жены и дети в плен? Не порабощены ли были мы, оставшиеся, горьким рабством от иноплеменников? Вот уже к сорока годам приближается наше томление и мука; и тяжкие дани с нас не прекращаются, и голод и мор скота нашего! И всласть хлеба мы съесть не можем. И вздыхание и печаль иссушают кости наши. А что нас до сего довело? Наше беззаконие, наши грехи, наше непослушание, наша нераскаянность. Молю вас, братия: каждый из вас вникни в свои мысли, сердечными очами рассмотри дела свои; раскайся – и гнев Божий минует... Великими нас Господь сотворил, а ослушанием мы сделались малы. Не погубим, братия, величия нашего... *Прослезим*, сотворим милостыню нищим, поможем бедным...» Приводится пример Ниневии: она согрешила, но потребила беззакония свои покаянием, постом, молитвою и плачем, наложив пост на всех, от старцев и юношей до грудных младенцев, лишив их на три дни молока, и на самый скот, на коней и домашних животных, и умолила она Господа, и ярость Божия перешла в милосердие. «Но что нам говорить о них? Мы сами чего не видали? Чего над нами не сотворилось? Чем не наказывает нас Господь Бог наш, желая обратить нас от беззаконий наших? Ни одного лета, ни зимы не проходило, чтобы Бог не казнил нас... Терпят и праведные вместе с грешными; тем светлый венец, а этим бóльшие мучения за страдания праведных». Проповедник заключает молитвенными изречениями Псалмопевца об обращении народа и помиловании его.

Третье «Слово», возобновляя те же укоры, содержит в себе превосходное изображение монгольского нашествия, напоминающее слова книги Второзакония (гл. 28, ст. 49). «Тогда Господь навел на нас народ немилостивый, народ лютый, не щадящий ни красоты юной, ни немощи старцев, ни младости детей. Мы подвинули на себя ярость Бога нашего. По Давиду, вскоре возгоралась ярость Его на нас. Разрушены божествен-

ные церкви; осквернены сосуды священные, потоптана святыня; святители мечу в пищу достались; тела преподобных иноков птицам повержены на снедь; кровь отцев и братьев наших как многая вода напоила землю. Исчезла крепость наших князей и воевод; храбрые наши, исполненные страха, бежали. Бо́льшая часть братьев и детей наших отведена в плен. Села наши поросли травою, и величество наше смирилось, красота погибла, богатство наше другим в корысть досталось, труд наш поганые наследовали. Земля наша сделалась достоянием иноплеменников; в поношение стали мы живущим *вскрай земли нашей* в посмех врагам нашим (55). Как дождь с небеси, мы свели на себя гнев Господень... Не было казни, которая бы нас миновала... Умаленные, мы еще величаемся... Зависть умножилась, злоба перемогает нас, величанье вознесло ум наш, *ненависть к ближним вселилась в сердца наши*, корыстолюбие поработило нас: нет в нас милости, не милуем и сирот, *не сознаем естества человеческого*; но как звери алчут плоти, так и нам всех бы погубить – да чужое заграбить!.. Бог говорит устами пророка: не разумеют ли люди, что величайшее беззаконие – снедать людей вместо хлеба?.. Лихоимцы и грабители осудятся вместе с идолослужителями... Моисею что сказал Бог? Если озлобите вдовицу и сироту, слухом услышу вопль их и разгневаюсь яростью, и погублю вас мечом. И ныне сбылось реченное. Не от меча ли мы падали, не один раз и не два?.. Вспомним наибольшую заповедь – любить друг друга... не воздавать злом за зло. Нет ничего ненавистнее Господу, как человек злопамятный. Как же мы скажем: Отче наш, остави нам грехи наши; а сами не оставляем? В ню же меру мерите, отмерится вам». Заключение этого «Слова» все исполнено намеков на братские междоусобия, раздиравшие Русскую землю.

Четвертое «Слово», презамечательное, направлено все против варварского обычая сожигать волхвов. В летописи этого столетия упоминается о сожжении четырех волхвов в Новегороде. До́лжно предполагать, что бывали и другие примеры подобного варварства. «Мал час порадовался о вас,

чада, – говорит проповедник, – видя вашу любовь и послушанье... Но вы еще поганского обычая держитесь, волхвованию веруете и, пожигая огнем невинных людей, наводите на весь мир и город убийство. Если кто и не участвовал в убийстве, а в сонмище был и соглашался, и тот убийца. Кто мог помочь, да не помог, как будто бы сам велел убить. Из каких книг, из какого писания вы слышали, что от волхвования бывает на земле голод и что волхвованием умножается жито? Если верите сему, то зачем сожигаете их? Молитесь им, чтите их, приносите им дары, чтобы они благоустроили мир, пускали дождь, приводили тепло, велели земле плодить. Ныне вот три лета нет рода житу, не только на Руси, но и в латыни: разве это волхвы сотворили? Разве не Бог устраивает Свою тварь, как хочет, за грех нас томя? Из Божественного Писания я знаю, что чародеи действуют на людей, но только на тех, которые веруют в них. И бесы действуют, по Божию попущению, на тех, кто их боится. Но кто веру твердую содержит в Бога, над тем чародеи не имеют силы. Печален я о вашем безумии. Молю вас, отступите от дел поганских... Если вы хотите очищать город от людей беззаконных, очищайте. Царь Давид то же делал, но он судил в страхе Божием, видел Святым Духом и ответ давал по правде. А у вас один судит по вражде, другой ради горького прибытка. Иной же, лишенный ума, только жаждет убить и ограбить; а за что убить, и того не знает. Правила божественные повелевают, по свидетельству многих, осуждать на смерть человека. Вы же воду свидетелем поставили и говорите: если начнет утопать, неповинна; если поплывет, волшебница... Вы оставили свидетельство богосотворенного человека и пошли к бездушному естеству, к воде, чтобы от нее принять свидетельство и прогневать Бога». Проповедник припоминает казни, бывшие древнему человечеству, переходит к казни современной, к иноплеменникам; велит чуждаться басней человеческих, а притекать к Божественному Писанию; радуется тому, что народ ходит с великою любовию в церковь и стоит с благоговением. О если бы он мог наполнить сердце и утробу каждого разума бо-

жественного! Таково желание проповедника, и так разумно действовала наша Церковь в том же самом XIII веке, когда церковь Западная учреждала повсюду инквизиционные суды (inquisitio haereticae pravitatis) под ведомством ученого ордена доминиканских проповедников, для которых неистощимую пищу предлагали процессы о волхвах, когда сам глава церкви, папа Иоанн XXII, в начале XIV века личною боязнию чародейства много содействовал развитию грубого варварства, осуждавшего волшебников на костры и виселицы (56).

В пятом «Слове», о маловерии, повторяются некоторые укоры, содержащиеся в предыдущих словах. Проповедник указывает еще на суеверие: народ запрещал погребать удавленников и утопленников и выгребал их, приписывая им несчастья, постигавшие землю. Далее, сильнее еще, чем в других словах, преследует он пороки времени. «Это ли ваше покаяние? – восклицает он. – Тем ли Бога умолите, чтоб утопшего или удавленника выгрести? Тем ли Божию казнь хотите утишить? Лучше, братья, перестанем от зла; лишимся всех дел злых: разбоя, грабительства, пьянства, прелюбодейства, скупости, лихвы, обиды, воровства, лживого свидетельства, гнева, ярости, злопамятства, лжи, клеветы, резоимания. Я, грешный, всегда учу вас, дети; велю вам каяться, вы же не перестали от злых дел. А если какая на нас казнь от Бога придет, то мы еще более его прогневляем, делая изветы: того ради ведро, сего деля дождь, того деля жито не родится, – и бываете строители Божией твари, а о безумии своем почто не скорбите? Поганые, закона Божия не ведая, не убивают единоверных своих, не грабят, не обижают, не клеплют, не крадут, не запираются в чужом. Поганый брата своего не продаст; но кого из них постигнет беда, то искупят его и на промысел дадут ему; а найденное в торгу проявляют. Мы же считаемся верными, крещены во имя Божие, и заповеди его слышим всегда, а исполнены неправды, зависти, немилосердия. Братию свою грабим, убиваем, в погань продаем, обидим, завидуем: если бы можно, съели бы друг друга... Кого, окаянный, кого снедаешь? Не такой же ли человек, как и ты? Не зверь,

не иноверец. Почто плач и клятву на себя привлекаешь? Или ты бессмертен? Не чаешь суда Божия?.. От сна восстав, не на молитву ум прелагаешь, а как бы озлобить кого, *лжами перемочь*. Говорю вам: не оставите сего, горшее вам будет... Видно, и за мои грехи беды с вами деются; но придите со мною на покаяние, да умолим Бога...»

Симеон, епископ Тверской. Летопись по Никонову списку хвалит еще Симона, первого епископа Тверского, из князей полоцких, как архипастыря добродетельного и учительного, и сильного в книгах Божественного Писания: князей не стыдился он, слово Христово правил истинно и право, всем творившим неправду был страшен. Скончался он в 1288 году (57). Под именем его встречается в рукописях «Мерила праведного» небольшое поучение, изложенное в виде беседы между Константином, князем полоцким, и им самим. Князь спрашивает у епископа: где тиуну быть на том свете? Симеон отвечает: где и князю. Князю не полюбился ответ; он говорит: тиун неправедно судит, мзду берет, людей продает, мучит, зло всякое делает, а что я? Симеон отвечает: если князь добр, богобоязнив, жалеет о людях, правду любит, то тиуна и властеля избирает такого же: тогда и князь в раю, и тиун в раю. Если же князь без Божия страха, христиан не жалеет, сирот не милует, о вдовицах не печалуется, – и в тиуны или властели ставит человека злого, лишь бы только князю товару добывал: тогда и князя в ад, и тиуна с ним в ад (57).

Максим, митрополит Киевский, хиротонисанный в Царьграде в 1283 году, хотя по происхождению своему, как грек, и не мог принимать участия в словесном образовании России, но духовною деятельностью своею принес много пользы. Он в 1301 году предлагал вместе с Феогностом вопросы на соборе Царьградском; он оставил «Правила», касающиеся особенно семейного благоустройства. Главная заслуга его состоит в том, что он в заключение века (1299–1300) перенес митрополию из Киева во Владимир на Клязьме.

«Учение ко всем христианом». Гадательно, но с вероятностью можно отнести к XIII же столетию «Учение ко всем

христианом», судя по необыкновенной простоте содержания и слога, напоминающей времена первобытные и «Слова» Луки Жидяты и Феодосия. Предложив в начале о необходимости соединять веру с любовью, оно содержит наставления: «О посте», «О суседех», «О монастыри», «О епископе», «О князе», «О друзех», «О челяди», «О женне смерти», «О тайне», «О снех», «О смирении», «О рабех», «О молитве». Изложим главные мысли каждой статьи. Пост чистый имейте к Богу: постяся раздробляйте хлеб свой. Не обижайте сирот домашних, помилуйте их: убогий инде себе выпросит, а домашние в твоих руках. Челядь милуйте и учите на спасение и на покаяние; старых на свободу отпускайте, а иных поучайте на послушание и на добро. Соседа не обижайте; не берите его земли за себя. Бог не одному человеку велит жить на земле, но многим. Монастыри любите: это сыновья святых, *пристанища сего света*. Входя в них, вы видите, как игумен пасет свое стадо; один чернец не говорит, страха ради Божия; другой возносит руки и сердца горе, а очи держит долу; тот плачет в своей келье и лежит ниц; этот работает, как полоненный; те заняты делом; другие стоят в церкви, будто каменные и неподвижные, воссылая молитвы к Богу за весь мир. Епископов чтите, как Петра и Павла: они молитвенники за ваши домы и за ваше спасение. Принимая чернеца или причетника в дом свой, более трех чаш не принуждайте пить: бесовское дело – до срама напоять слуг Божиих; надобно отпустить их с поклоном и взять их благословение. *Прийайте* князю главою своею и мечом своим и всею мыслию своею: не возмогут иные князи противиться вашему добру, если будете верны вашему князю, и разбогатеет земля ваша, и плод добрый возьмете с нея... Если кто от своего князя к иному князю отъедет, то подобен будет Иуде, замыслившему продать Господа князьям жидовским. Друзьям малым и великим покоряйтеся; на пир званы будете, садитесь на последнем месте, и вас пригласят на высшее. Челядь свою кормите до сытости, одевайте и обувайте; если же не кормите, не обуваете, а холопа или рабу вашу убьют в воровстве, за кровь

их вы будете отвечать в день Страшного Суда. Учите их на крещение, на покаяние, на весь закон Божий: ты как апостол в доме своем. Учи грозою и ласкою; если же не учишь, ответь дашь за то перед Богом: Авраам сам учил своих домочадцев всему добру, закону Божию и доброму нраву. Если же тебя не послушают нимало, то не щади лозы, и от четырех до шести, до двенадцати, двадцати и даже до тридцати ударов, смотря по вине, дать позволяется, но не более тридцати (58). Если умрет жена, и возьмешь другую, и будет она не любить детей от первой, осужден будешь на муку вечную и подобен коню, который отдал себя в управление кобыле. Кто хочет любить живот свой, и голову свою, и дом свой, да хранит тайну царскую и друзей своих. Премудрость сказала: слышал тайну, да умрет с тобою. Если же захотел кому передать, почитая его за доброго друга, то напряг стрелы с *чемерью* и с серою горячею на главу свою и на дом свой. Открыв ее, будешь иметь двух врагов: и в том, от кого слышал, и в том, кому поведал. Кто блюдет тайну, тот блюдет и свою голову. Снам не верьте, братья и чада. Кто верует снам, тот погиб: многие святые мужи тем себя погубили. Иисус Сирах говорит: кто может за тенью своею или за ветром угнаться, тот сну веруй. Если хочешь быть велик перед Богом и перед человеками, смирися. Ко всякому ласкайся, в очи и за очи. Над кем смеются, а ты хвали его. Рабы, работайте, думая, что вы не человеку работаете, но самому Богу. Ведомо будь, что не пытаемо молитвенное место: Иеремия умолил Бога в пропасти, три отрока в пещи, Даниил пророк во рву львином, Иов на гноищи, Моисей на море, разбойник на кресте: так и ты, где бы ни был, на море, на пути, на торжище, во всяком месте или в храме, молись часто, и Бог услышит тебя: Того бо есть земля и исполнение ее, и на всяком месте владычествие Его (59).

Паремьи о Борисе и Глебе. К числу учительных сочинений, которые Церковь наша возглашала в храмах Руси во времена междоусобий, принадлежат три паремьи о убиении страстотерпцев Бориса и Глеба от Святополка. Они встречаются в рукописях XIV столетия под заглавием «Чтения от Бы-

тия»; заимствованы сокращенно из летописи Нестора, но с некоторыми прибавлениями. Так, например, вначале говорится: «Братья! В бедах пособивы бывайте: муж безумный плещет руками и радуется о злобе, когда удручает братьев своих; греголюбец радуется рати и кровопролитию: не добро ковать ков брату на брата. Горе душе твоей, поелику ты зло умыслил на праведных братьев своих и сказал так: избию братьев своих и буду один властителем на Руси, – не ведая, что меч на него поострится. Не помянул он Иоанна Богослова, обличающего его: возлюбленнии! Аще кто речет: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть; не любяй бо брата своего, его же виде, Бога, его же не виде, како можеть любити?.. Вот окаянный Святополк и братьев своих возненавидел...» После рассказа об убиении братьев в паремье говорится: «Стенам твоим, Вышгород, я устроил на весь день и на всю ночь стражей; они не уснут и не воздремлют, храня и утверждая отчину свою, Русскую землю, от супостатов поганых и от усобной рати: праведники по смерти жив есть. Кровь их до кончины века не перестанет вопиять к Богу на беззаконного и гордого Святополка, лучше скажу Поганополка, безглавого зверя…» (60)

Летописи XIII века. Летописи XIII века также памятники словесности, современные самому столетию. Имена летописцев столь же редко встречаются, как в XI и XII столетиях. В Новгородской летописи под 1230 годом упоминает о себе Тимофей пономарь. В другой рукописи вместо Тимофея стоит имя попа Иоанна. Явно, что оба они были переписчики и что каждый особо вписал свое имя (61). Заметим следы времени существования летописцев и следы очевидного или по слуху свидетельства. В Воскресенском списке летописи есть место, из которого видно, что первый издатель оного жил в самом начале XIII века, судя по именам византийских императоров, ему современных, до которых он доводит свое повествование (62). В 1227 году летописец был во Владимире при ставлении в епископы игумна Митрофана митрополитом Кириллом и четырьмя епископами, в присутствии великого князя Георгия Всеволодовича и детей его, братьев его Свя-

тослава и Иоанна и всех бояр и множества народа: он называет это зрелище дивным и преславным (63). Все подробности разрушений, какие произведены были в разных городах землетрясением 1230 года, рассказаны со слов самовидцев: «тако слышахом у самовидець, бывших тамо в то время». То же самое прибавляет летописец, говоря о знамениях небесных, виденных в Киеве: «тако сказаша нам самовидци, бывши там» (64). Ужасные действия голода, в том же году посетившего Новгород, переданы со всеми подробностями очевидца и должны принадлежать новогородцу. «Начали мы покупать хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а пшеницы по 40 гривен, а пшена по 50, а овса по 13 гривен, и разошелся город наш и волость наша, и полны были чужие города и страны братий наших и сестер, а остальные начали умирать, и кто не прослезится о сем, видя мертвецов, по улицам лежащих, и младенцев, псами изъедаемых? И вложил Бог в сердце архиепископу Спиридону сотворить благое: он поставил скудельницу у святых апостол, в яме, на Прусской улице, и приставил к ней мужа доброго и смиренного по имени Станилу, который объезжал город на конях, возил в яму мертвецов и наполнил ее до верха: мертвых в ней было 3030... Что сказать о бывшей на нас от Бога казни? Простолюдины резали живых людей и ели, иные обрезывали мясо с трупов, другие ели конину, псину, кошек; кормились мхом, сосною, корою липовой, листом, кто чем мог. Злые люди стали зажигать дома, где чуяли рожь, и грабили имение. Мертвецы лежали по улицам, по торгу, по мосту по великому: псы их ели. Поставили еще две скудельницы, и те все наполнились: мертвых было в них без числа. Видя все это перед глазами, мы бы должны были делаться лучшими, а становились хуже: брат не жалел о брате, ни отец о сыне, ни мать о дочери; сосед соседу не уломлял хлеба; не было милости между нами, но была туга и печаль. На улице скорбь друг с другом; дома тоска при виде детей, с плачем просивших хлеба или умиравших. Покупали мы хлеб по гривне и больше, а ржи 4-ю часть кади по гривне серебра, и отдавали отцы и матери детей своих гостям из хлеба. Это

горе было не в одной нашей земле, но и во всей области Русской кроме Киева, и так Бог воздал по делам нашим».

Летописец, под 1231 годом пишущий похвалу Кириллу, епископу Ростовскому, явным образом находился в близких с ним сношениях и пользовался его учением. С вероятностью можно то же предположить о похвале, которая под 1238 годом касается Ростовского князя Василька Константиновича, особливо по иным спискам летописи: «Был лицем прекрасен, очами светел, грозен взором, паче меры храбр, на ловах проворен, сердцем легок, а кто ему служил, а хлеб его ел, чашу его пил, тот за его любовь никак не мог у иного князя быть и служить – так он любил слуг своих...» (65). Приступая к описанию жизни и подвигов Александра Невского, летописец говорит, что он слышал все это от отцов своих и сам был свидетелем его возрасту, а рассказав о победе его при Неве и о шести храбрых витязях, которые были с ним: Гаврило Олексич, Сбыслав Якунович, Яков Полочанин, Миша, Сава и Ратмир, – прибавляет, что все это он слышал от самого господина своего великого князя Александра и других, которые в той самой битве находились.

На описаниях нашествия татарского живы по большей части следы впечатлений, принятых очевидцами: так, особенно это заметно под 1240 годом, где говорится о том, как Батый осадил Киев. «Нельзя было в городе разговаривая слышать друг друга от скрыпа телег, рева верблюдов, от звука труб и органов, от ржания конских стад, от клича и вопля бесчисленных человек: вся земля была наполнена татарами».

Несмотря на то, что летописи XIII века носят на себе характер удельного периода и занимаются подробностями, относящимися к тем местностям, где составлены отдельные их списки, все важнейшие события татарского нашествия, объемлющие и несчастья Отечества, и подвиги самоотвержения, рассказаны почти одинаково во всех возможных списках. Таковы: самое первое впечатление ужаса от татар, битва при Калке, нашествие Батыя, взятие Рязани, Москвы, Владимира, подвиг Владимирского епископа Митрофана, упорная осада

Козельска, битва при Сити, кончина Георгия Всеволодовича и Василька Константиновича, осада и взятие Киева, мученические подвиги Михаила Черниговского с боярином Феодором и Романа Рязанского. Некоторые частные подвиги против татар, как, например, Евпраксии Рязанской, Евпатия Коловрата, Меркурия Смоленского, описаны не везде с равною подробностью. Но главные события, помянутые выше, записаны везде, записаны даже в летописи Новгорода, который более, чем другие города, отторгался от русского единства. То же следует сказать о подвигах Александра Невского, этого единственного героя силы в XIII веке, надежды Отечества, на котором отдыхает сердце русское, истерзанное его бедствиями. И они, как события славы, записаны одинаково повсюду вслед за событиями горя и страдания. В слове летописей мысль веры и чувство любви к земле Русской, водившие пером летописцев, уготовляли желанное освобождение от тяжкого ига и будущее единение земли в одну державу несокрушимую. Переписывание и чтение этих страниц, облитых нередко слезами и смягченных молитвою, конечно, приняло немалое участие в избавлении России.

Заметим черты образованности и начитанности в наших летописях. Но начнем с черты противной, с черты признания в невежестве. Новгородский летописец, говоря о первом нашествии татар, так выражается: «Бог один ведает, кто они и откуда вышли; премудрые мужи, кто книги разумеет, знают их хорошо; мы же их не знаем, кто они, но здесь вписали о них памяти ради русских князей и бед, которые им были от них». Волынский летописец под 1233 годом приводит из Гомера слова о лести: «О злая лесть! До обличения сладка она, обличенная же зла; кто в ней ходит, конец злой приимет. Злее зла это зло!» В другом месте ссылается он на «Хронограф» (66). Вообще до́лжно заметить, что волынский летописец более оживляет свое повествование поэзиею: битвы Даниила и Василька с Ростиславом под пером его весьма живописны. В некоторых списках летописи под 1248 годом встречается предание о войне царя Батыя с венгерским королем Владиславом, как Батый оса-

дил Варадин и пленил сестру Владислава, которая потом уже помогала врагу против брата, как наконец Владислав убил царя Батыя и с ним изменницу сестру свою. Это предание, конечно, заимствовано из истории племен славянских. Здесь же упоминается о том, что угры прежде были православными, приняв крещение от греков, что потом, по недостатку своей грамоты, перешли к римлянами что святой Савва, архиепископ Сербский, обратил короля Владислава снова к православию, но не явно, а тайно, из боязни восстания народного (67).

Личность летописцев вместе с именами их скрывается в общем духе исторического сказания. Они позволяют себе чувство, размышление, укор, совет, но не от лица своего, а в силу того общего начала, которое и тогда уже составляло основу русской жизни. Иногда чувство русского, повествующего о бедствиях отечества, вырывается простым, но сильным воплем: «Да кто, отцы, братья и дети, видя это Божие попущение на всю Русскую землю, из нас не плачется? Кто остался в живых? О, если бы мы, это видя, устрашилися и восплакали бы о грехах своих день и ночь, забыв про имение и ненависть братскую!» (68) Летописец южный, более страстный, чем северные, рассказывая об унижениях, которые переносит Даниил, сын славного Романа, в орде Батыевой, как пьет кумыс и зовется от Батыя татарином, глубоко чувствует обиду земли своей и не может удержаться от восклицания: «О, злее зла честь татарская! Даниил Романович, князь, бывший великим, обладавший Русскою землею, Киевом, Владимиром и Галичем, ныне сидит на коленях, называется холопом, дани от него хотят, живота не чает, грозы на него приходят. О, злая честь татарская! Его же отец был царем в Русской земле, покорил землю Половецкую, воевал на иные страны, а сын не приял его чести: то иной кто может приять?.. Когда пришел он опять в свою землю, брат и сыновья его встретили и был *плач обиде его...*» (69).

Летописцы северные, менее чувствительные к обиде, предаются важным благочестивым размышлениям, соединенным с укорами. «Се наводит на нас Бог, веля нам иметь покаяние и

вспрянуть от грехов наших... Бог казнит рабов Своих напастьми разноличными: огнем, водою, ратью, смертью внезапною: так и подобает христианам многими напастями и скорбями внити в Царство Небесное, если с благодареньем примут напасти». – «Бог, видя наши беззакония, братоненавидение, зависть, видя, как мы, присягая во лжи, скверными устами целуем тот крест, которого ангелы зреть не могут, а многоочитые крылами закрываются, – наводит поганых на нас: они землю нашу опустошили, и мы сами, не блюдя ничего, без милости истеряли власть свою». – «Грехов ради наших Бог попустил на нас поганых: по гневу Своему наводит иноплеменников на землю... Усобная рать бывает от дьявола, Бог же не хочет зла в человеках, а дьявол радуется злому убийству и кровопролитию. Земле же, которой-либо согрешившей, Бог казнит ее смертию, или голодом, или наведением поганых, или ведром, или дождем сильным, или казнями иными». – «Братия, за грехи наши казнит нас Бог, и отъял у нас мужей добрых, чтобы мы покаялись. Писание говорит: дивное оружие молитва и пост, и паки: милостыня, совокупленная с постом и молитвою, от смерти избавляет человека… А мы хотим съесть завистью брат брата, друг друга. Целуем крест и преступаем его, не ведая, какова сила крестная: крестом побеждаются бесовские силы, крест князьям пособляет в бранях, крестом ограждаемые верные люди побеждают сопротивных» (70).

Рассказав мученический подвиг князя рязанского Романа, летописец с таким советом обращается к князьям русским: «О возлюбленные князья русские! Не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою света сего: она хуже паутины, изменяется ежечасно, как тень проходит, как дым исчезает, как сон она вся: вы не принесли на этот свет ничего, ни отнести с него что можете: наги вышли из чрева своей матери, наги и отойдете. Не обижайте друг друга, не лукавствуйте между собою, не похищайте чужого, не обижайте меньших сродников ваших, их же ангелы видят лице Отца вашего Небесного. Возлюбите истинную правду и смирение, долготерпение, чистоту, любовь и милость, да радость святых исполнится» (71).

В «Русском временнике» по случаю описания нашествия Батыя под 1240 годом встречается весьма красноречивое отступление, в котором мрачными красками изображены бедствия Русской земли, и перед этим зрелищем вся природа плачет, и плачет общая наша мать-земля, как чадолюбивая мать плотская, и стеная говорит: «Сыны, сыны русские! Зачем ходили вы пред Господом Богом, сотворившим вас, в похотях сердец ваших? Или не слыхали пророка Господня, говорящего: аще хощете и послушаете мене, благая земли снесте аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружие вас пояст: уста Господни глаголали сие. Чада мои, чада мои! Прогневали вы Господа своего, моего Творца и Бога! Вижу, как вас отторгают от недр моих, как праведным судом Божиим впадаете в немилостивые руки поганых; вижу иго работы на плечах ваших. Я же без вас, моих чад любимых, остаюсь вдова бедная и бездетная. Но кого прежде мне оплакивать? мужа ли? чад ли любимых? Вдовство мое – опустение многих городов, честных монастырей, святых церквей, лишение чад, учителей, священников, властителей и народа». Плач земли Русской заключается ее молитвою к Господу, «да утолит праведный гнев свой и *возвратит плененных восвояси*»; и к этой молитве присоединяется молитва всех православных, чтобы Господь избавил нас от злого нашествия нечестивых варваров и укрепил на них православных царей наших. Заключение показывает, что это есть позднейшее распространение какого-нибудь отголоска летописи, современного событиям XIII века.

Скорбь об Отечестве, покаяние и молитва дают главное содержание и силу русскому слову в XIII веке: оно не обильно, но значительно. Пораженный внешними бедствиями, избранный русский человек того времени все более и более уходил в самого себя, и здесь, внутренними слезами омывая беды родной земли своей, воспитывал в себе те духовные силы, которые возросли после и уже в следующем веке, обильно развиваясь, уготовляли славное освобождение Отечества.

Жития святых. Жития святых мужей, живших в XIII столетии, тем особенно примечательны, что в них чис-

ло мирян почти превышает число духовных. Это объясняется несчастным временем татарского ига, в начале которого первыми подвижниками за веру и Отечество должны были явиться князья и витязи. Многие из этих житий сложены в том же столетии и внесены в летопись; другие появились в XIV, XV и даже XVI столетиях уже в подробнейшем изложении. Но мы решились при изучении этих многообильных памятников нашей древней словесности следовать не времени, когда жития написаны, а времени тех святых мужей, которых жизнь послужила для них предметом. На это две причины: первая та, что устные предания, служившие для составления житий, рождались современно святому мужу, которого касались; вторая, что подробности, извлекаемыя из житий, раскрывая нам внутреннюю сторону народной жизни, в порядке времени особенно любопытны на своем месте, живее обрисовывают каждый век и тем восполняют недостатки летописей, которые этой стороны по большей части чуждаются.

Герои Отечества. Первое место в ряду святых мужей XIII столетия занимают герои, действовавшие против татар мечом и мученическим терпением. Первым является Меркурий, смоленский витязь и чудотворец; он родом был римлянин, но православного исповедания; Богоматерь от иконы Своей позвала его на подвиг против татар. На долгом мосту перед Смоленском сражался он с ними; сначала поразил он какого-то исполина татарского, а потом и целые полчища врагов. Ему помогали святые молниеносные мужи и Сама Богоматерь солнцеобразная. Эту воздушную рать видели татары. Но по совершении победы суд Божий, то есть смерть, постиг и Меркурия. Он, утомленный, приклонил сном голову, и сын исполина, им убитого, ему отсек ее. Меркурий взял голову и принес ее в город. Исповедав событие перед изумленным народом, он возлег в Смоленске и особенным явлением приказал, чтобы оружие его было повешено над его гробом (72). Подвиги Юрия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода, положившего голову свою за Отечество на берегах Сити, и Василька Константиновича Ростовского, в плену не

изменившего вере и приявшего конец мученика, записаны в летописях под 1237 годом, но встречаются и отдельно писанные (73). Константин Всеволодович и Василий Всеволодович, строитель трех церквей в Ярославле, также пали жертвами татарского нашествия (74). Повесть о святых мучениках, о великом князе Михаиле Всеволодовиче Черниговском и о боярине его Феодоре, вкупе пострадавших, составлена, конечно, современником, судя по подробностям, которые оправдываются свидетельством римского миссионера Плано Карпини, очевидца события. Она вставлена, однако, в позднейшие сборники летописей (75) под 1246 годом. Страдание подражателя Михаилова, великого князя Романа Ольговича Рязанского, встречается в летописи под 1270 годом (76).

Святые по жизни. Другой Роман Владимирович, князь Углицкий, скончавшийся в 1285 году, прославился святостию жизни. Мощи его свидетельствовал в 1605 году митрополит Казанский Ермоген при патриархе Иове. Стихиры и каноны ему сложены тщанием и трудами воеводы Симеона Романовича Олферьева да инока Переславского Данилова монастыря Сергия. Житие с чудесами, писанное при открытии мощей, погибло в разорении от литвы города Углича (77).

Прекрасная дочь Михаила, Евфросиния Суздальская, украшение суздальской обители Положения Риз Богоматери во Влахерне, жила также в этом столетии. Благоухание, внезапно наполнившее дом ее родителей, просивших у Бога детей, и видение во сне прекрасной голубки, добровольно летавшей в их руки, предсказали Михаилу и жене его рождение необыкновенной дочери, Феодулии. Рано обрекши себя Богу, она не пренебрегла и земными науками, как говорится о ней в житии: изучала грамматику, риторику, философию, науку числа и меры. Далеко шла о ней молва по земле Русской: многие князья желали руки ее. Мина, князь Суздальский, был обручен с Феодулиею; но, когда она прибыла в Суздаль, не стало жениха ее, и она обручилась жениху небесному, и осталась навсегда под именем Евфросинии в женской суздальской обители Риз положения, которая была основана еще прежде,

в 1207 году. Своим словом Евфросиния насаждала и укрепляла духовную жизнь в обители. Своими молитвами спасла ее от нашествия Батыя. Когда отец ее, Михаил Всеволодович, сбираясь в Орду к хану, колебался в нерешимости, уступить ли обычаям татарским и поклониться огню, кусту и поганым идолам у ставки хана, – дочь его, по словам жития, убедительным письмом укрепила в душе отца волю его на мученический подвиг. Духовные образцы Антония и Феодосия, основателей Киево-Печерской обители, одушевили ее для подвигов в монастыре, где кончила она жизнь в сане игумении. Предание сохранило ее русский ответ одному богатому человеку, который, видя ее в одежде разодранной и ветхой, принес ей новую. Не приняв дара, она сказала: «Рыба на стуже, засыпанная снегом, не смердит и не покрывается червями, но сладка бывает в пищу: так и мы, черноризцы, мужского и женского полу, если зимою страдая и потерпим, то Христу будем сладость в вечную жизнь». Отец ее, Михаил, с верным бояриным своим Феодором явился к ней в белых ризах перед самою ее кончиною и призвал ее на вечное и радостное свидание. Григорий, монах суздальского же Спасо-Евфимиева монастыря, написал житие Евфросинии в половине XVI века по преданиям, какие слышал он из уст инокинь ее обители (78), и сложил ей канон; Суздальский епископ Варлаам около 1580 года поднеси житие и канон царю Иоанну Васильевичу.

Житие св. Александра Невского, как читается оно в летописях, носит на себе следы происхождения современного. Но более подробное и отдельное житие святого принадлежит иноку Михаилу, который сочинил его около 1547 года (79). В жизни этого святого князя и действиях на пользу Отечества, можно сказать, выразились впервые душа, сила и разум князей московских – и от него могли только произойти будущие освободители и собиратели Отечества.

Даниил Александрович, сын Невского, глава князей московских, первый начал храбрую борьбу с татарами у Рязани и у Переславля-Рязанского. Он основал в Москве обитель во имя св. Даниила Столпника, где и сам постригся. Обитель перене-

сена была в Кремль на княжеский двор Калитою, а при Иоанне III утвердилась на том месте, где теперь находится и куда при царе Алексее перенесено было и тело Даниилово. Потомки Даниила, начиная с Иоанна III, чтили его память. При патриархе Иове сложены были стихиры и канон святому трудами Симеона Романовича Олферьева да инока Переславского Данилова монастыря Сергия. Когда составлено житие, неизвестно: вероятно, в 1652 году, при Патриархе Никоне, когда мощи святого перенесены были в самый монастырь, в храм Святых отец семи вселенских соборов (80). Церковь величала Даниила заступником и забралом земли Русской, великим поборником города его Москвы, и просила его, чтобы он молитвами своими утверждал мир, любовь и здравие во всех домах ея.

Два Феодора в князьях русских прославились святостью жизни: Феодор Ярославич, князь Новгородский, и Феодор Ростиславич по прозванию Черный, князь Смоленский и Ярославский, со своими детьми Давидом и Константином. Житие сего последнего было составлено Антонием, иеромонахом Спасо-Ярославского монастыря, при Великом князе Иване (81) Васильевиче и сыне его Иване Ивановиче. Феодор имел второю женою дочь татарского хана, но обратил ее еще до брака в христианство. В житии его замечателен рассказ о предсмертном его пострижении в схиму, когда князь велел проводить себя в монастырь Святого Спаса. Это было в 1299 году. Сентября 18-го, в пятницу, в три часа дня, ударили во все колокола на дворе у Святой Богородицы, и стекся весь город на княжий двор, от малого возраста и до великого, мужеский пол и женский, и до грудных младенцев. Князя понесли от сеней и несли через весь город к монастырю Святого Спаса, и был во всем народе плач неутешный. Не слышно было голоса поющих от вопля и крика людей: всем была общая скорбь. Когда же принесли его в монастырь к Святому Спасу и поставили в притворе церковном, начал игумен вопрошать по обычаю: «Что пришел, брат? Или припадаешь к святому жертвеннику и к святой дружине сей?» И потом: «Или желаешь сподобиться ангельского образа?» Блаженный, воздев руки на

небо, сказал: «Рад всею душою, Владыка и Творец мой, работать Тебе во всем житии сем», и потом прибавил, обращаясь к игумну: «Да, честный отче», и со всем смирением и покорностью дал обет пострижения, и благодарил Бога за то, что сподобил его такого дара, какого желал издавна. Потом понесли его на двор к игумну, и он пробыл тут целый день, исповедуясь пред всеми в грехах своих, благословляя и прощая тех, которые против него согрешили. Во всем повинился он перед Богом и перед всеми человеками, а потом призвал свою княгиню и детей, говорил им о любви, учил и наказывал, чтобы пребывали в единстве мира и любви. «Дети мои, – сказал он, – если кто из вас слово мое соблюдет, благословение мое да пребудет на нем; если же кто не соблюдет слова моего и не послушает наказания моего, благословение мое удалится от него». Потом был вечер, и настал четвертый час ночи: он начал изнемогать и скорбеть; призвал игумна, братию, и повелел постричь себя в схиму, и дал обет Богу с великою верою и любовию душевною. Постригшись в схиму, всех, тут бывших целуя, благословил и простил, а потом всем приказал выйти вон, кроме игумна и немногих из братии. Время приспело звонить к заутрени, и, когда начинали третью «Славу» Псалтири, он изнемог до конца и, знаменовав себя крестным знамением, предал душу свою в руки Божии.

Житие Муромского князя Петра и супруги его Февронии носит на себе следы устных преданий народных, которые собраны неизвестно кем и когда. В одном сборнике сочинитель назван монахом Эразмом. Феврония была дочь крестьянина, древолазца. Муромский князь Петр искал врачей в земле Рязанской для излечения от струпов, которыми покрыл его тело змей, им убитый. Юноша из свиты князя вошел в одну избу села Сласкова: в ней сидела девица за ткацким станом и ткала красна. На вопросы юноши девица говорила загадками: не хорошо быть дому без ушей, а храмине без очей; отец и мать ее пошли взаймы плакать, а брат пошел через ноги в мертвецы смотреть. На вопросы юноши: что значат эти речи?– девица так объяснила их: уши дому – пес, очи храмине – ребенок; отец

и мать ее пошли на погребение, о мертвом плакать: это заимоданный плач; брат пошел с дерева мед снимать: это значит с высоты в землю на мертвецов смотреть; легко сорваться и жизнь потерять. Юноша передал ответы девицы князю. Он удивился ее разуму. Феврония исцелила князя от струпов. Перед исцелением князь посылает ей льну и поручает соткать ему сорочку, порты и полотенце в то время, как он пробудет в бане. Феврония велит посланному отколоть часть полена и просит князя, чтобы он приготовил ей ткацкий стан и все строение для тканья его полотна тем временем, как она очешет лен его.

Князь взял остроумную деву в замужство; но боярыни города не захотели повиноваться княгине из крестьянок и послали мужьев своих к князю с просьбою, чтобы он развелся с женою. Князь не захотел нарушить евангельского слова о браке и предпочел покинуть лучше княжение, чем жену. Они выехали оба из Мурома по Оке; но вскоре бояре, встревоженные внутренними смутами города, просили князя, чтобы он снова возвратился к ним на княжение. Оба снискали любовь народную смирением и простотою жизни и, постригшись под именами Давида и Евфросинии, скончались в один день и час, 25 июня (82).

Житие Петра, царевича ордынского, по прозванию Берки, свидетельствует, что силою Христовой веры мы в XIII веке уже действовали на своих поработителей, татар. В Орде, когда епископ Ростовский Кирилл рассказывал хану Беркаю о том, как Леонтий крестил Ростовскую землю, – тогда слушал его племянник хана, пленился христианством, оставил все богатство отца своего и вместе с епископом ушел из Орды в Ростов. Богослужение храма Пресвятой Богородицы, где на левом клиросе пели тогда по-гречески, а на правом по-русски, поразило татарского царевича. Он молил Кирилла крестить его. Им основаны были впоследствии храм во имя Петра и Павла на том месте, где явились ему сами первоверховные апостолы, и монастырь на берегу озера. Петр был женат на русской, одарен землею от князя – и по кончине супруги, постригшись в монахи, скончался в глубокой старости в 1253

году. Потомки Петра спасали Ростов от грозы татарских ханов, напоминая им о родстве своем (83).

Св. Довмонт, князь Пскова, был родом литвин и идолопоклонник: в Пскове крестился он и наречен Тимофеем. Князь Дмитрий Александрович выдал за него дочь свою, Марфу. Вера и любовь породнили Довмонта с русским народом. Он говорил псковичам: «Братья мужи псковичи, кто стар, тот мне отец; кто молод, тот мне брат. Слышал я про ваше мужество во всех странах. Вот предлежит нам смерть и жизнь: братья, пойдем за Святую Троицу, за святыя церкви и за Отечество». Такими словами одушевлял он воинов и побеждал литву и немцев. Храбрый в войне, он был приветлив в мире, украшал церкви, любил духовенство и нищих, праздники праздновал честно. Летописец псковский вписал его подвиги под 1265–1272 годами Псковской летописи, откуда перенесены были они и в другие (84). Супруга его, Марфа, постриглась после его кончины, преставилась в 1300 году и причтена также к лику святых. Тетка Довмонта, Евпраксия, в миру Евфросиния, дочь литовского князя Рогволода и супруга Ярослава Владимировича, княжившего во Пскове, в 1243 году основала в нем женский монастырь и была убита мученически своим пасынком в городе Медвежья Голова (85).

К числу духовных лиц, святою жизнию угодивших Богу в XIII столетии, принадлежит Антоний, архиепископ Новгородский и Псковский, кроткая, смиренная и покорная жертва новгородцев, простиравших буйное своеволие от князей и на духовных пастырей; Игнатий, епископ Ростовский, примиритель междоусобий своей области; Василий, епископ Муромский и потом Рязанский, другая жертва несправедливых подозрений жителей Мурома, чудно спасенный волнами Оки, соединяющей оба города и перенесшей Василия, а вместе с ним и престол епископский из Мурома в Рязань (86); Киприан, богатый земледелец, построивший монастырь Архангельский в Устюжской волости.

Особенною славою святости и чудес в этом столетии сияет Варлаам, чудотворец новгородский, основатель и игумен

Хутынского монастыря. Житие его сочинено было по устным преданиям Пахомием Логофетом в XV веке, по повелению и благословению Новгородского архиепископа Евфимия, открывавшего в 1440 году мощи преподобного Варлаама (87). На севере России Варлаам, подобно предшественнику своему, Антонию Римлянину, дал образец иноческого жития, основав обитель на Хутыни, в десяти верстах от Новгорода. Действие святого мужа на вольных новгородцев так было сильно, что, однажды встретив на Волховском мосту осужденного на свержение с моста, Варлаам одним словом выпросил у народа освобождение виновному от казни. Но в другой раз не хотел он в подобном случае вступиться перед народом за невинно осужденного, потому что прозревал его невинность и знал, что, приняв неправедную казнь, он примет от Бога и венец мученика. Благоговение к памяти святого до сих пор так укоренилось в народе, что в день его смерти, 6 ноября, в монастыре Хутынском живет обычай не отказывать в милостыне ни одному нищему, в покое – ни одному страннику (88). Ученики Варлаама, Антоний Дымский и Ксенофонт, сначала поочередно наследовали ему на игуменстве, а потом основали свои обители, первый на озере Дымском, второй на реке Робейке. Третий ученик его, Константин Косинский, основал монастырь Косин близ Старой Русы (89).

Уроженец западных стран, немец латинской веры, купец богатый приехал в Новгород со своими земляками и товарищами по торговле: целый корабль нагружен был его имением и сокровищами. Но в Новгороде не торговля пленила пришельца, а истинная православная Христова вера. Она сияла в мире как солнце, говорит жизнеописание Прокопия Устюжского, и пленила его церковным украшением, поклонением святым иконам, звоном великим, святым пением и чтением книг святых, множеством обителей, окружавших Новгород. Прокопий возлюбил Новгород и его веру православную. Ходя по монастырям, он нашел в одном из них себе наставника в Варлааме Хутынском и принял от него истину Евангельского слова и крещение. Имение отдал Прокопий нищим и на украшение

монастырского храма. Скоро слава пронеслась о нем по всему Новгороду, но он укрылся от нее, принял на себя юродство, пошел на восток и через многие города и веси достиг города Устюга. Здесь он выбрал себе жилищем паперть соборной церкви Успения Богоматери, а церковь была деревянная и превысокая. Зимой и летом, днем и ночью он был тут; ни в чей дом не входил он; о пище и об одежде не заботился, добрые люди его кормили; но пищу он брал от бедных, а не от богатых. Раз только, после ужасного мороза, посетил он устюжского гражданина, Симеона, отца Стефана Пермского, и рассказал, как дивною ветвию ангела он был согрет и избавлен от смерти. Прозрение бедствия тяготило юродивого: он звал народ к покаянию и на паперти соборной, и по улицам города. Устюжане не слушались. Ужасные тучи, с громом и бурею, собрались на город. Жители пришли в ужас, принесли всенародную молитву в соборном храме, покрыли своими лицами помост церковный. С народом вместе молился и Прокопий, поставляя себя, пришельца в этой земле, виновником гнева Божия. Тучи рассеялись; но в 20 верстах лесоломная буря разразилась каменным градом над землею, где теперь весь Котовальская.

Однажды трехлетняя дочь посадского человека, именем Мария, шла с родителями своими мимо соборной церкви: народ слушал в тот час вечерню. Прокопий сошел с церковной паперти, поклонился ей до земли и сказал во всеуслышание, что она будет матерью Стефана, просветителя Перми. Он ходил в ветхом, разодранном рубище, которое спускалось с его плеча, в сапогах без подошв; по ночам, как будто сторож всей святыни города, обходил все храмы Устюга и молился у каждого из них. Три кочерги нашивал он в левой руке. Когда держал их прямо, народ видел в этом предзнаменование изобилия; когда держал их вниз, предвидели скудость. Часто сиживал Прокопий на камне у берега реки Сухоны, смотрел, как люди в малых лодочках перевозились через реку, и молился за них, чтобы Господь даровал им тихое плавание. Полюбил он это место и просил народ, чтобы по смерти погребли его тут и камень, на котором он сиживал, положили бы на его мо-

гилу. В 1303 году июля 8-го, отслужив заутреню, священники и диаконы вышли из соборной церкви и с удивлением не заметили Прокопия, который не пропускал ни одной церковной службы. Три дня искали его по городу и нашли мертвое тело его у монастыря Архангела Михаила. Здесь, на конце мосту, крестообразно сложив на груди руки, он заснул вечным сном: люди из народа видели, что он сам прочитал себе отходную молитву. Житие Прокопия слагалось в течение столетий. Первое начало ему, как видно, положено было отцом Стефана Пермского (90), Симеоном.

Святитель Петр. Житие его. В высшей духовной жизни русского народа звеном, связующим XIII столетие с XIV является святой Петр, первый митрополит Московский. Житие его написано было в конце следующего столетия одним из наследников его на престоле Московской митрополии, св. Киприаном (91). Он вышел из семьи благочестивых родителей: отец его назывался Феодором; мать, нося его в утробе своей, видела сон: ей казалось, что она держит на руках своих агнца; перед нею посреди горы вырастало благолиственное дерево; цветы и плоды его покрывали; многие свечи горели на ветвях; кругом разносилось благовоние. Видение предзнаменовало кротость и смирение первого святителя Московского и богатое духовными плодами русской жизни древо митрополии Московской. Семи лет принялся он за грамоту; двенадцати вышел на подвиги монастырской жизни. Одним из любимых его занятий было иконописание. Он писал Спасителя, Пречистую Его Матерь и лики святых. Когда кто лица любимых помянет, от предмета любви к слезам обращается: так и божественный святитель от изображений к изображаемым возносился, а от них к доброй жизни и слезам обращался. Игумен обители раздавал его иконы братии и молельщикам, в нее приходившим. Созрел Петри для своего подвига: оставил монастырь и на реке Рате обрел место безмолвное. Здесь воздвиг он церковь во имя Христа Спасителя, поставил кельи для братии, и скоро собралось около него немалое число иноков. Он был кроток нравом, молчалив, казался между братиею не старшим, а последним

из всех; никогда ни на кого не сердился, а с тихостию учил словом умильным. Милосердие же его было такое, что ни один убогий, ни странник не отошел от него никогда с пустыми руками. Тайно от братии своей подавал нищим, помня слово: милующий нищего Богу взаймы дает. Не было дать чего – давал свои иконы или снимал с себя власяницу. Князь Волынской земли и многие вельможи узнали о жизни Петра. Митрополит Максим, перенесший престол из Киева во Владимир, посетил однажды Волынскую землю, поучая людей Божиих по преданному уставу. Божий человек Петр вышел к нему навстречу со своею братиею, принял благословение от святителя и поднес ему икону Богоматери своего письма.

По смерти Максима некто игумен Геронтий хотел восхитить сан митрополичий и отправился к патриарху в Константинополь, но буря на море удержала его. Князь Волынской земли и другие князья, желая учредить у себя митрополию Галицкую на место Киевской, отправили от себя Петра в Царьград с просительным посланием к патриарху. Море скоро и безопасно принесло его. Патриарх Афанасий с духовным собором возвел его на престол митрополии Русской. Киприан слышал в Царьграде предание о том, как лицо Петра в то время просветилось и как все, сослужившие патриарху, смотря на Петра, пришли от того в изумление. Афанасий, возлагая на него многотрудное дело, говорил ему: «Великий корабль Христос Бог поручил тебе: наставляй его, управляй им и веди его к пристанищу спасения. Да не обленишься никогда, да не уныешь, да не отяготишься *великим попечением о величестве и множестве земли Русской!* Ты преемник служения апостолов: будь же им подражатель; будь ученик истинный Спасителя, да возможешь с дерзновением во Второе Пришествие его стать и воззвать: Господи! се аз и дети, яже ми еси дал!»

Святитель принял паству русскую; начал учить ее деятельно, переезжая с места на место; в учении и правлении обнаружил смирение, труд и кротость, вспоминая слова: в сердце кротких почиет Бог. Скоро искушение встретило архипастыря Церкви Русской. Епископ Тверской Андрей, «легкий умом,

легчайший разумом», оклеветал Петра доносом патриарху. Созван был, по повелению патриарха, собор в Переславле-Залесском; собрались духовные и князья. Прочли донос к патриарху. Сильное волнение обнаружилось на соборе. Кроткий ученик кроткого Учителя, вспомнив слова: вонзи нож в ножны его, сказал, подражая Григорию Богослову: «Братия и чада о Христе возлюбленные! Не лучше же я Ионы пророка. Если из-за меня это великое волнение, изгоните меня из среды своей. Буря успокоится между вами: зачем же из-за меня вам волноваться?» Но волнение было о том, чтобы найти клеветника, и когда он обнаружился перед всеми и покрыт был от всех срамом и уничижением, один Петр обратился к нему со словами утешения: «Мир тебе, о Христе чадо! Не ты сотворил это, но завистник изначала рода человеческого, диавол. Ты же отныне берегись лжи, а за прошлое да простит тебя Бог».

Святитель продолжал труд поучения по городам и по селам. Кротостью победил он хана Узбека в Орде и снискал подтверждение прав русскому духовенству. Какой-то еретик Сеит явился тогда противником православной веры: Петр победил его прением.

Москва привлекла его к себе, а в ней благоразумный князь Иван Данилович Калита. Благочестие и любовь к Москве сблизили обоих узами дружбы. Перенесение митрополии из Владимира в Москву имело следствием и перенесение столицы. Святитель просил князя воздвигнуть каменную церковь во имя Богоматери и просьбу свою сопровождал таким пророчеством о Москве: «Если ты меня послушаешь и храм Пречистой Богородице воздвигнешь в своем городе, то сам прославишься паче иных князей, а сыновья и внуки твои в род и род, и город сей славен будет во всех городах русских, и святители поживут в нем, и взыдут руки его на плеча врагов его, и прославится Бог в нем; еще и кости мои в нем положены будут».

Князь послушался святителя; началось строение храма; Петр, предвидя скорую свою кончину, начал своими руками копать себе гроб близ святого жертвенника. Князь Иван рассказал ему сон: он видел гору высокую и на вершине ее снег.

Но вдруг снег растаял и исчез. Петр отвечал ему: «Гора высокая – это ты, князь; а снег – это я, смиренный. Мне прежде тебя отойти из этой жизни».

Храм еще не был достроен, когда пришла кончина святителя. Князя не было в Москве. 21 декабря 1326 года святитель вошел во храм, принес молитву за царей и князей, за своего сына князя Ивана, за все христианское множество всей земли Русской, помянул умерших, причастился Святых Таин, вышел из храма, призвал церковный причет, поучал его, пригласил старейшину города Протасия, в лице его простился с отсутствовавшим князем, благодарил за свое успокоение, обещал роду его могущество, отдал все свое имение на совершение церкви, сказал мир православным и начал петь вечерню. Молитва еще была на устах его, как душа оставила тело.

Святитель почивает в трех шагах от того места, где скончался, исправляя долг пастыря. У этой гробницы утвердилось единодержавие государства Московского и Русского. Москва хранит его св. иконы, панагию (92) и посох. Церковь, воспевая его кончину 21 декабря, взывает к своему святителю: радуйся, утверждение граду нашему!

«Слово» святителя Петра. От многих поучений неутомимого учителя паствы, о которых говорит его житие, поучений, вероятно, изустных, по обычаю Древней России, осталось только одно письменное «Слово игуменом, попом и диаконом». Все содержание его заключается в самом простом, кратком и сильном изложении обязанностей каждого пастыря Христова стада. «Да будет вам, дети, понятно, в каком звании вы поставлены Богом, как апостол Павел пишет: в какое звание кто позван, в том да пребывает. Вы же, дети, нареклись церковными стражами, пастухами овец словесных, за них же Христос спасительную кровь Свою пролил. Будьте же, дети, пастухами истинными, а не наемниками, млеко снедая и волну снимая, а об овцах не имея попечения» (93). Кротость и смирение учитель ставит в числе первых дел, какими подобает прежде всего просветиться Христову пастырю. В этих словах поучения яснеют и дело всей жизни, и внутренний об-

раз самого святителя, предзнаменованные еще до рождения его видением агнца на руках его матери.

ЛЕКЦИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ

Второе отделение первого периода. – Двоякое назначение Москвы. – Наша задача. – Представители троякой деятельности святителя Петра. – Св. Сергий Радонежский. Житие его. – Черты в жизни святого, сочувственные народу. – Младенчество и отрочество. – Призвание к пустыне. – Исполнение семейного долга. – Сергий в пустыне. – Церковь во имя Пресвятыя Троицы. – Сергий инок. – Сходится братия. – Сергий игумен. – Слава обители. – Введение общего жития. – Добродетели пустынножителя. – Основная мысль его жизни: ученик Пресвятыя Троицы. – Святитель св. Алексий. Житие его. – Детство его. – Иночество. – Ученик м. Феогноста. – Алексий митрополит. – Подвиги государственные. – Памятники словесной деятельности. – Новый Завет. – Предисловия к книгам Н. Завета в переводах. – Слово о поставлении властелей и проч. – Поучение. – Действие устным словом. – Павел Высокий. – св. Стефан Пермский. Житие его. – Рождение и образование. – Пермская грамота. – Пермь. – Начало подвига Стефанова. – Борьба с народом. – Борьба с волхвами. – Сотник Пама. – Книги у пермян. – Стефан, епископ Пермский. – Участь пермской письменности. – Заключительный вывод

Второе отделение первого периода. Переходим к XIV столетию и вступаем во *второе* отделение *первого* периода истории русской словесности. Здесь средоточием русской жизни является север – и в нем наша Москва. Памятники русского слова возбуждают в нас живое местное участие.

Двоякое назначение Москвы. Назначение Москвы было двоякое: духовное и государственное. С одной стороны, она простирала свет и единство духовной жизни на весь Рус-

ский Север. Загорались светильники в диких пустынях; падали густые леса под секирами отшельников; вера и труд полагали первую основу гражданскому образованию. С другой стороны, к Москве тянули все уделы и города, все отдельные силы русской общественной жизни: в ней должны были они срастись в одно Московское государство. Духовная жизнь, как внутренняя, предшествовала государственной, как внешней; первая вела за собою вторую, ее освящала и укрепляла. Носителем первой был святитель Петр, носителем второй – Иоанн Калита.

Наша задача. Наша задача в период Древней Руси преимущественно касается духовной стороны. В ней русская жизнь, как и русское слово, находят свои источники и свою первородную силу. Духовное начало, как крепкая основа, глубже и глубже залагается в нас: внешние испытания, как удары судьбы, сильнее вдвигают его в самый корень нашей народной сущности.

Представители троякой деятельности святителя Петра. В лице святителя Петра соединялись пустынножитель, государственный муж, провидевший значение Москвы, и ученый богослов, поборавший ереси. Эта троякая его деятельность в XIV веке как бы перешла в три сильные животворные струи на разных деятелей. Пустынножительство принял на крепкие рамена свои преподобный Сергий со святолепным сонмом своих учеников и последователей, которые понесли его к дальним краям холодного севера. Деятельность государственная благотворно воплотилась в святителе Алексии в тяжкое время татарского ига и удельных междоусобиц. Богословская ученость сказалась практически евангельскою проповедью в Стефане Пермском, просветителе зырян, и в митрополите Киприяне, восстановившем у нас книжное просвещение в период татарского разгрома.

Св. Сергий Радонежский. Житие его. Св. Сергий Радонежский, возжегши близ Москвы свет пустынного общежития, был тем же для всего севера России, чем св. Феодосий для юга. Жизнь его, посвященная одной мысли и одному делу,

занимает пространство 78 лет в XIV столетии (1319– 1397); монахом он был 50 лет (1). Житие его написано учеником его, священноиноком Епифанием, по самым свежим следам воспоминаний об усопшем в основанной им обители. Епифаний лично знал святого, многое слышал из собственных уст его, многое видел своими глазами. Другое передал ему близкий святому человек, ходивший за ним и возливавший воду на его руки, – также старший брат Сергиев, Стефан, и старцы, бывшие самовидцами его рождению, воспитанию, книжному учению, юности, пострижению, началу пустынножительства, поставлению на игуменство и другим событиям его жизни (2). Один или два года спустя по кончине святого Епифаний начал уже составлять о нем записки в свитках и тетрадях, а двадцать шесть лет спустя, не видя, чтобы кто принялся за подобный труд, сам совершил его по совету старцев: таить тайну цареву и проповедовать дела Божии (3). Впоследствии еще другой инок, Пахомий, уже по кончине Сергия пришедший в его обитель, переписывал и продолжал труд Епифания, особенно в описании чудес преподобного (4).

Недаром, думали современники, воссиял этот светильник в Русской земле на скончание седьмой тысячи: «Бог проявил его в последние времена, на скончание века, последнему роду нашему», – говорили они. Наступило последнее сто седьмого тысячелетия: с окончанием века ожидали тогдашние люди кончины мира.

Св. Сергий, по сказанию его биографа, родился в лета державного царя Андроника, самодержца греческого, который царствовал тогда в Царьграде, при архиепископе Константинограда Калисте патриархе вселенском, в земле же Русской в княжение великое тверское, при великом князе Димитрии Михайловиче, при архиепископе Петре, митрополите всея Руси.

Сказатель жития соединяет великое событие Русской земли, рождение Сергиево, не с владычеством татарских ханов, но с хронологическим последованием царей греческих и иерархов Восточной Церкви. Тверь вела тогда сильную борьбу с Москвою; но Москва уже княжила над всеми уделами не име-

нем великого княжения, а самою вещью. Гроза московская разразилась над Ростовом, колыбелью Сергия, москвичи отняли у ростовцев власть, княжение, имение, честь и славу и осрамили многих ростовских бояр: все потянуло к Москве. Тогда-то родители Варфоломея (это было светское имя Сергия), Кирилл и Мария, вместе с другими боярами переселились в местечко Радонеж, которое досталось меньшому сыну Калиты, Андрею, и пользовалось некоторыми льготами (5).

Черты в житии святого, сочувственные народу. В преданиях о жизни святого мы постараемся уловить те черты, которые особенно любит и с благоговением чтит в угоднике Божием народ русский, как неоцененное достояние своей духовной сущности, стекаясь со всех сторон великой земли своей в его обитель, к гробу мощей его.

Мы все знаем, с каким благоговением русский человек преклоняет свою голову перед аналоем евангельским и внемлет понятному громогласному слову благовестия; мы знаем, с каким внутренним трепетом он сретает во время литургии песнь ижехерувимскую и как глубоко чувствует свое недостоинство, когда священник, приступая к св. причащению, из алтаря возглашает миру: святая святым! В эти три мгновения Божественной литургии каким-то особенным трепетом бьется сердце благочестивого русского (6). По преданию, хранившемуся в народе, этот трепет, в богослужении нашем сочувственный ангельскому, ощутил св. Сергий три раза еще младенцем в утробе своей матери, и тем исповедал заранее, что он будет ученик Пресвятыя Троицы.

Младенчество и отрочество. Пост – великую добродетель русского человека, воспитывающую в нем силу воли, – стяжал он еще на груди своей матери. Еще до рождения он был уже к нему приготовлен ее строгим воздержанием: нося его во чреве, она не ела ни мяса, ни рыбы, не пила ни вина, ни молока, а питалась только хлебом, зелием и водою. Не захотел он кормиться грудью чужой матери, когда мать привела ему кормилицу. Но и на груди материнской, в пеленах и колыбели, был уже строгим постником. До 12-летнего возрас-

та он удручал себя постом жестоким, в постные дни недели не ел ничего, а в другие хлеб да воду и бóльшую часть ночи проводил без сна, на молитве. Мать увещевала его: «Детище, не сокруши тела своего многим воздержанием! Ты слишком молод: впадешь в болезнь. Тело твое растет и цветет. Никто в годы твои такому посту не предается; никто из братьев, из сверстников твоих не томит себя таким воздержанием. Другие едят по семи раз в день и пьют без числа от утра до ночи. А ты раз в день ешь, иногда же ни разу, но через день. Перестань, мое детище: все хорошо в свое время». Сын отвечал матери: «Не тревожь меня, матушка, не понуждай к ослушанию. Не вы ли говорили мне, что когда я был в пеленах и колыбели, то в пятницу и середу груди не сосал: как же могу теперь во сколько есть силы не воспрянуть к Богу, чтобы избавиться от грехов моих?» «Да какие же у тебя грехи? – возражала мать. – Тебе еще нет двенадцати лет». «Что говоришь? – отвечал отрок. – Тебя ослепляет естественная любовь к детям. Послушай Писания: никто не чист перед Богом, если бы и день один прожил на земле. Никто не без греха. Или не слыхала слов Давидовых? Се бо в беззакониих зачат есмь и во гресех роди мя мати моя».

Такой пост не мешал Сергию, как не мешает и русскому человеку, иметь силу за двоих и терпеливо переносить самые тяжкие сельские работы. Приучив себя с малых лет к такому воздержанию, он мог три дни сряду ничего не есть, на четвертый срубить еще сени для кельи старца Даниила и в награду за труд утолить свой голод укрухом гнилого хлеба.

На седьмом году возраста по обычаю времени посадили его за грамоту. Братья его учились быстро, но ему грамота не давалась. Тщетно томил его учитель, укоряли товарищи, скорбели родители, отрок плакал. Но дар грамоты открыл ему внезапно неведомый старец в поле, куда послал его отец за конями. Он сказал ему прежде слово на пользу души, указывая тем на настоящее назначение грамоты, по смыслу русского человека. В первый раз Варфоломей начал бойко читать псалом на службе у часов, которую совершал старец, приглашенный

в дом родителей, как будто грамота дана была самому Сергию только для молитвы и прославления имени Божия.

Призвание к пустыне. Рано почувствовал он призвание к пустынной жизни. Еще в детстве не ходил на игры к детям, чуждался смехотворного слова, а устремлялся на славословие Божие. Тихость, кротость, безмолвие, смирение, безгневие, простота, любовь равная ко всем пророчили в нем образец для иноков. Юноша стал проситься у родителей в пустыню. Они ему сказал: «Чадо, потерпи немного для нас. Мы в старости, скудости и болезни: некому послужить нам. Твои братья, Стефан и Петр, женились и стараются, как угодить своим женам. У тебя же одна работа: как бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи нам еще немного – и когда проводишь до гроба своих родителей и покроешь их землею, тогда сотворишь мысль свою и исполнишь волю». Сын покорился желанию родителей и до конца их жизни угождал им, чтобы наследовать их молитву и благословение. Родители скончались в иноческом образе. Варфоломей почтил отца и мать слезами, украсил память их панихидами, молитвами, милостынями убогим, кормил нищих у гроба их и, совершив так сорок дней, возвратился домой, полный богатства духовного; меньшому брату, Петру, отдал наследство родительское (старший был уже иноком) – и тогда, свободный от всех земных уз, начал искать пустыни.

Исполнение сыновнего долга. Эту семейную добродетель в жизни пустынника, эту преданность обязанностям сыновним чтит свято русский народ в угоднике Божием Сергии. Поклонники, притекая тысячами в его обитель, не прежде считают себя достойными принести ему поклонение, как почтив панихидой память его отца и матери и совершив дорогой молитвенное о них поминание (7).

Сергий в пустыне. Варфоломей был уже на деле иноком, еще до пострижения. С братом своим Стефаном он искал места для своей пустыни в самой густой чаще леса. Оба сотворили молитву и начали своими руками рубить лес, на плечах своих носили бревна, сначала сколотили кровать, по-

том срубили хижину и покрыли ее, наконец одну келью и малую церквицу. Пришло время освящать ее. Варфоломей спросил у брата своего, Стефана, как старшего: во имя какого праздника или святого освятить ее? Стефан напомнил тогда брату семейное предание и пророчество, что ему суждено от утробы материнской быть учеником Святыя Троицы и многих привести и научить веровать во Святую Троицу. Варфоломей сказал: «Такова была и моя мысль, но смирения ради я спросил тебя». Братья взяли благословение у святителя – и митрополит Феогност прислал священников, которые освятили церквицу во имя Пресвятыя Троицы.

Церковь во имя Пресвятыя Троицы. По освящении храма Стефан недолго оставался с братом своим в пустыне. Житие было скорбное, жестокое. Отовсюду теснили недостатки: ни пищи, ни питья, ничего на потребу. Ни прихода, ни приноса ниоткуда. Вокруг не было ни сел, ни дворов, ни пути людского, ни путника, ни посетителя; около всего места все лес да пустыня. Стосковался Стефан и, покинув своего брата, пустыннолюбца и пустынножителя, сам отошел в Москву, в монастырь Св. Богоявления, где сблизился с Алексием митрополитом, тогда еще смиренно проходившим иноческое житие. Стефан почтен был саном пресвитера, игумена и духовника великого князя Симеона Иоанновича, тысячника Василия и многих московских бояр.

Св. Сергий инок. Познав труд и уединение пустыни, Варфоломей захотел пострижения. Двадцати трех лет, в первой поре мужества, он был пострижен игумном Митрофаном и наречен Сергием. Семь дней оставался он во храме, питаясь одною просфорою из рук игумна. Псаломская песнь не покидала уст его, и особенно слова ея: «се удалихся бегая и водворихся в пустыни». Начался подвиг одинокого пустынножительства. Около двух лет он его совершал. Устав иноческого правила Сергий хранил и исполнял непорочно. Стенание, непрестанное моление к Богу, теплые слезы, плач душевный, воздыхания сердечные, бдения всенощные, пение трезвенное, молитва беспрерывная, стояние без отдыха, чте-

ние прилежное, коленопоклонение частое, голод, жажда, сон на голой земле, нищета духовная, скудость во всем, во всем недостаток – такова была жизнь пустынника. К этому присоединилась и борьба. Разные звери во множестве находили на него не только ночью, но и днем. Стада волков выли и ревели кругом его кельи. Иногда же являлись медведи. Отшельник благодатью Божией возвращал себе силу первосозданного человека над животными – и звери ему покорялись. Они приближались к нему безвредно, окружали его и нюхали. Один медведь даже подружился с ним. Святой выносил ему из хижины хлеб и клал на пень или на колоду; иногда делил с ним вместе последний укрух свой; иногда, при скудости хлеба, уступал даже свой кусок голодному зверю; случалось, что монах и зверь оба вместе терпели голод.

Злая сила, говорит житие, ополчалась также на отшельника: однажды явилась она к нему в одеждах и островерхих шапках литовских, грозила, что разорит церковь и убьет его; в другой раз прямо наводила на него смущение подобными мыслями: «Ступай отсюда! Чего здесь ищешь? Людей здесь нет и не будет! Или не боишься умереть с голоду? Душегубцы-разбойники убьют тебя или звери плотоядные съедят, умрешь напрасною смертью!..» Но сила Пресвятой Троицы превозмогала все, пустынник оставался верен пустыне, и молитве уступала нечистая сила.

Сходится братия. После двух лет одиночества стали приходить к Сергию иноки, сначала по одному, потом по двое и по три. Он удалял их, указывая на свои недостатки; но должен был уступать усильным их требованиям. Собралось 12 человек братии; срубили кельи. Сергий сам три или четыре построил. Деревья шумели листьями над приютами иноков. Около келий рассажены огороды. Пустынник сам служил для всех примером телесной и духовной деятельности: сам на братию дрова рубил, муку в жерновах молол, хлебы пек, вариво варил, обувь им готовил, одежу кроил и шил, воду носил из источника, а в ночь молился еще за всех. Хлеб и вода служили ему пищею. Ни часу не оставался он праздным, и псалом всегда был на устах

его. Все службы церковные сам он совершал с братиею, а для обедни призывали священника или игумена.

Но вот игумен Митрофан, часто посещавший пустыню, скончался – и вся братия единодушно приступила к Сергию, чтобы он принял на себя игуменство и согласился бы предстоять престолу Святой Троицы, воссылая к Богу серафимскую Трисвятую песнь и безкровную совершая службу своими руками. Сергий отрекся с первого раза, смиренно чувствуя все свое недостоинство. Началась плодотворная борьба между ним и братиею, борьба смирения с любовию. Она была решена в Переславле-Залесском епископом Афанасием, правившим обязанности митрополита в отсутствие святителя Алексея. Афанасий посвяти Сергия в пресвитеры и игумены.

Сергий игумен. Строгое общее житие уже на деле существовало в обители еще прежде, чем введен был устав общежительный, по предложению патриарха Цареградского Филофея. Число двенадцать, долго державшееся между иноками, было нарушено приходом смоленского архимандрита Симона, который предпочел быть простым иноком в обители Сергия, нежели начальствовать у себя. Число братии стало умножаться. Никому не отказывал игумен, всех принимал, но сначала одевал в длинную черную свитку и постригал тогда уже, когда новопришедший узнавал все монастырское дело. Бдительный взор игумна проникал и денно и нощно в кельи и души иноков. Любовь и в самом наказании его одушевляла. Как бы ни был велик недостаток в обители, никто не смел выходить из нее за подаянием и что-нибудь считать своею собственностью. Как достаток делили все, так и голод и нужда были общие. По два и по три дня оставались без хлеба; но внезапно и неведомо откуда привозились благовонные и мягкие хлебы и наполняли трапезу. Сила голода уступала, однако, силе молитвы, и игумен соборно благодарил Питателя вселенной, прежде чем преломлял привезенные хлебы.

Однажды в глубокий вечер игумен молился за всю свою братию. Вдруг слышит голос: «Сергий! Ты молишься о своих чадах: Господь принял твою молитву. Смотри, какое множе-

ство иноков, сошедшихся в твою паству во имя Святой и Живоначальной Троицы и тобою наставляемых!» Сергий взглянул в окно, откуда был голос, и видел множество прекрасных птиц, слетевшихся в монастырь и вокруг него, и голос говорил: «Стадо учеников твоих умножится, как эти птицы, и не оскудеют они, если захотят последовать твоим стопам». Сергий позвал инока Симона, чтобы показать ему, что он видел, но видение уже исчезло.

Слава обители. Узка, тесна и прискорбна была первая стезя к обители; но в княжение Иоанна Иоанновича люди начали стекаться к ней и селиться подле. Леса падали кругом, разлеглись поля, возникли дворы и села. Слава пустынника привлекала народ отовсюду. Дорога к обители становилась все шире. Какой-то селянин, привлеченный славою инока, пришел издалека и хотел непременно его видеть; но, увидев работника в ветхом рубище с заплатами, трудившегося над грядой в огороде, никак не хотел поверить, чтобы этот сирота был славным в народе пророком, и только тогда поверил, когда толпа бояр и слуг княжеских отогнала селянина и сам князь, поклонившись пустыннику в ветхом рубище, сел с ним за одну трапезу.

Введение общего жития. До Царьграда дошла слава Сергия, и патриарх Филофей прислал к нему послов с крестом, парамандом и схимою: они вручили пустыннику послание, в котором патриарх предлагал Сергию устроить в монастыре общее житие. Все уже было готово в нем для введения устава. С тех пор благотворения обители полились вокруг: рука ее простерлась ко всем требующим, как река многоводная и тихая струями. Странники, нищие, больные толпами устремились к новому рассаднику любви христианской.

Алексий митрополит и Стефан, великий просветитель Перми, посещали Сергия. Однажды Стефан, за десять верст от обители духом поклонившись ему, вызвал поклон преподобного, сидевшего за братскою трапезою, поклон, перешедший в обычай у иноков троицких на память духовного братства между двумя великими мужами века.

Донская битва. Загремела Донская битва. Великий князь Димитрий понес на Куликово поле благословение Сергиево. Иноки обители, Александр Пересвет и Ослябя, сражались и пали за Россию. Св. Сергий в духе видел всю битву и молитвою был за Отечество и с Отечеством в тот день, когда оно победоносно свергало с себя позорное иго татарского владычества.

Так плодотворно было одинокое пустынножительство Сергиево: оно не отлучило его от родной земли, а еще более связало с ее народом узами любви вечной. Оно покорило ему природу дикую, соединило около него людей во имя труда и молитвы, умножило народонаселение и возрастило ту духовную силу, которая засияла первым лучом свободы Отечества на берегах Дона и Непрядвы. И после, во всех трудных войнах России, являлся св. Сергий чудотворным за нее молитвенником и подвижником, как говорят о том народные предания. Вспомним явления его во время осады Троицкой Лавры и троекратно Козьме Минину, которого подвигнул он на избавление Отечества. Его иноки наследовали от него любовь к Отчизне: вспомним Авраамия Палицына в 1612 году, митрополита Платона в 1812-м, и в наше время врача Анастасия в лазарете севастопольском.

Шесть монастырей, кроме седьмого, Троицкого, или основал сам преподобный, или благословил их основание: во имя Благовещения на Киржаче, Андроньев во имя Нерукотворенного Спаса на берегу Яузы, Симонов на Москве реке во имя Рождества Богоматери, на реке Дубенке во имя Успения в память Донской битвы, Голутвин в Коломне во имя Богоявления на месте родины Донского, в Серпухове на берегу Нары на Высоком, родине князя Владимира Андреевича, во имя Зачатия Божией Матери. Мы еще увидим, как русские иноки понесут благодать духовной жизни во все концы севера великой России.

Добродетели пустынножителя. Но чем же стяжал св. Сергий высокие дары духовной жизни, которые передал своему Отечеству? Самоотвержением и нищетою. «Ищите прежде всего Царствия Божия, – говорил он своей бра-

тии, – и сия вся приложатся вам». Вот почему русский народ с благоговением смотрит на его крашенинную ризу, на простые деревянные сосуды, в которых совершал он таинство, помнит по преданию ту сермягу, которую выбирал он себе на одежу, когда отказывался от нее самый последний из иноков, и сосновую или березовую лучину, которая за недостатком воску освещала мрак его церквицы во время ночной церковной службы. При таком самоотвержении пустынник мог глубоко проникать в духовные тайны православного богослужения, и видеть ангелов, ему сослуживших, и принять посещение Богоматери с двумя апостолами, Петром и Иоанном, в своей келье после молитвы.

Основная мысль его жизни: ученик Пресвятыя Троицы. Какая же мысль сосредоточила всю деятельность пустынножителя и на всякий его подвиг дала ему животворную силу? Эта мысль его обнаруживается для нас в имени ученика Пресвятыя Троицы, а главное дело его жизни – словами его жития: «Яко будет некогда Троичный ученик еже и бысть, и многы приведет в разум и в уведение Божие, уча словесны овца веровати в Святую Троицу единосущную, в едино Божество». Не богословским трактатом запечатлел св. Сергий это учение: «то, чему учил он словом, творил и делом», – говорит его жизнеописатель. «Многие поминают его душеполезные слова и учения. Слово его было исполнено сладости и любви. Кто, слыша добрый его ответ, не насладился когда от сладости словес его? Кто, глядя на лице его, не веселился? Кто, видя его святое житие, не покаялся?» И святая жизнь его передана жизнеописателем с тою целью, «да не будут без памяти сладкия его словеса и любезные глаголы». Епифаний как очевидец так рисует нам образ святого пустынника в похвальном ему слове: «Ангелолепными сединами честен, постом украшен, воздержанием сияя, братолюбием цветя, кроток взором, тих хождением, умилен видением, смирен сердцем, высок житием добродетельным, почтен Божиею благодатию: он чтил Бога, и Бог почтил его, возложив на него многую честь Божию».

Присоединим к сему изображению слова нового жизнеописателя Сергиева, которыми подкрепляем мысль нашу поставить святого пустынника во главе духовной деятельности в XIV веке жизни нашего Отечества. «Не надлежало бы дивиться, – говорит он, – если бы мы не сказали, что сей великий пустынножитель был высокий богослов: ибо Дух Святый *разделяет* (1 Кор 12, 11) дарования духовные, а не каждому дает все; но, чего, может быть, не ожидают от пустынного подвижника, мы должны сказать на основании опытов, что преподобный Сергий был высокий и проницательный богослов. Скажу мимоходом: не богословский ли дух являлся в нем еще тогда, когда он избирал именование созидаемому им храму? Его ум устремился тогда к высочайшему христианскому догмату, дабы привлечь за собою умы даже младенцев веры. Посвятив храм сей имени Пресвятыя Троицы, он сделал то, что здесь по самому напоминанию имени храма каждый поклонник богословствует, исповедует и славит Живоначальную Троицу и, богословствуя, приносит свою молитву». В преданиях о пресвитере Симеоне, спутнике изменника Исидора на Флорентинский собор, сказано, что ему явился преп. Сергий, принял его под свою защиту на чужой земле, повелел ему во всех странах православных проповедовать учение Марка Ефесского, отстоявшего православие в Ферраре и Флоренции, и покровительствовал Симеону в пути вместе с товарищем славного его бегства, тверским послом Фомою. Так в народных преданиях сохранялась вера в непоколебимого ученика Пресвятыя Троицы.

Не все предания о жизни преподобного Сергия вмещены в рукописных житиях его: многие до сих пор еще хранятся в устах народных. Много колодцев, говорит народ, вырыл св. Сергий вокруг своей обители для пользы здоровья народного, как бы подражая ветхозаветным праотцам израильского народа. Моровая язва 1771 года, французское разорение 1812-го, холера 1830-го, поразив Москву, не коснулись обители Сергия: народ верит в его охрану, верит в его живое присутствие в окрестностях им созданной обители. Есть еще одно умилительное предание: народ говорит, что преподобный, подражая

Спасителю, любил детей и, когда родители приводили их к нему под благословение, охотно разговаривал, играл с ними и оделял их игрушками, которые сам для них готовил. Вот почему троицкие мещане, памятуя любовь основателя Лавры к детям, сделали из детских игрушек значительный промысел и, подражая в них произведениям природы, взятым особенно из животного царства, снабжают ими детей целой России.

Митрополит Алексий узнал Сергия через брата его, Стефана, и был с ним связан узами любви духовной. Чувствуя приближение своей кончины, он желал передать духовный престол свой пустынножителю, призвал его, повелел вынести ему крест с парамандом, украшенный золотом и каменьями, и объявил свое желание. Отшельник отвечал: «Прости, владыко, от юности я не был златоносцем, а в старости тем паче хочу в нищете остаться» – и смиренно отклонил от себя святительство, как дело свыше его меры. Пустынник остался пустынником – и дело его пошло по всем лесам великого севера России.

Святитель св. Алексий. Житие его. Житие святителя Алексия первоначально составлено было Питиримом, епископом и мучеником Пермским; он же сложил и канон святому, когда открыты были его мощи. Серб Пахомий воспользовался преданиями Питирима для составления своего жития и прибавил к нему некоторые чудеса. Пространнейшее житие составлено было при митрополите Макарии и помещено в Степенной книге. Повесть об Алексии, митрополите всея Руси, дополненная из жития преп. Сергия и других источников, перешла в Никонову летопись. Позднейшее житие составлено было при царе Алексии Михайловиче Епифанием Славинецким (8). Заметим, что летописями и грамотами много дополняется житие Алексия, как мужа государственного.

Детство его. Отец Алексия, Феодор Бяконт, тот самый, от которого ведут род свой дворяне Плещеевы, был боярин города Чернигова и по причине разорений татарских выехал оттуда в Москву при князе Данииле. Он был близок к князю и сыну его, Иоанну Даниловичу, и даже некоторое время правил Москвой.

Старший сын его, Елевферий, впоследствии св. Алексий, родившийся в 1293 году, был крестником Калиты. Государственные занятия отца объясняют отчасти, как мог воспитаться практический государственный смысл в его сыне.

Елевферий, готовясь к гражданскому поприщу, рано выучился грамоте и полюбил книги; но не оставлял и мирских удовольствий: он любил ловить птиц сетями. Есть предание, что на 12-м году возраста, утомленный этой ловлею в поле, он заснул и услышал голос: «Алексий! Что понапрасну трудишься? Отныне будешь людей ловить». Имя Алексея и голос глубоко запали в душу отрока. Он оставил мирские забавы. С 15 лет ни о чем ином не думал, как об иноческом образе, и вступил в Богоявленский монастырь в Москве, где постригся на 20-м году возраста и наречен Алексием.

Иночество. Здесь строго проходил он иноческое житие вместе с двумя любимыми сподвижниками: старцем Геронтием и Стефаном, братом преподобного Сергия. Здесь узнал Алексия митрополит Феогност и приблизил к себе.

Ученик митрополита Феогноста. Двенадцать лет и три месяца он был его наместником и управлял церковными судами на дворе митрополичьем. Такое занятие дало иноку навык в делах практических. Предвидя в Алексии будущего себе наследника на Московской митрополии, Феогност поставил его в епископы Владимирские.

Смута, последовавшая в Русской Церкви по кончине Феогноста, по случаю поставления в Царьграде двух русских митрополитов решена была двукратным туда странствием Алексия. Роману вверена была Церковь Русская на юге, Алексию – на севере, и тогда обозначилось впервые то разделение Русской митрополии, которое сначала казалось так страшно для единства отечественной Церкви, а потом обратилось ей же во благо.

Подвиги государственные. Всюду, где только мог, святитель вносил христианское начало мира. Новгород, тревожным духом своим волновавший нередко и дела Церкви, ни разу не принес жалобы патриарху Царьградскому на Алек-

сия. Тверского епископа Феодора, мирившего тверских князей, он удержал в епархии в то время, когда миротворец терял уже последнее терпение. Алексий решил спор, начавшийся еще при митрополите Феогносте, о пределах епархий Сарайской и Рязанской в пользу последней и утвердил решение грамотою к Червленому Яру, которая дошла до нас. Строго сознанный долг пастыря и учителя проникает каждое слово этой грамоты. Пастырь, прияв силу благодати Пресвятаго Духа от патриарха Вселенского и от святого Собора, чувствует великую обязанность на себе *молвить* и учить всех на все душеполезное. Он укоряет паству, что она слова его не слушает, а исполняет волю телесную и делает дела темные. «Имейте, – говорит учитель, – веру правую к Святой и Единосущной Троице, в Нее же крестились, любовь и мир друг к другу, правду, целомудрие, милостыню, исповедание грехов своих...» «Творите дела светлыя...» «К церквам всегда прибегайте с женами и с детьми, и что имеете в руках, приносите им и святым, а священников и монахов любите, просите молитвы их; вдовиц, сирот, полоняников и странных милуйте и призирайте, а кто в темнице, посещайте того, да сподобитесь блаженного оного святого гласа Христова: придите, благословеннии Отца Моего, и наследуйте уготованное вам царство отсложения мира…» Сознавая власть свою как учителя, пастырь говорит. «Мы Христовы и Христовы слова говорим: кто Христов, слушает нас и творит, что пишу; кто не слушает нас, не есть Божий» (9).

Мы знаем по летописям и по преданиям русской песни, как татарская гроза разражалась над городами и селами России – то пожарами, то убийствами. Святость жизни Алексия и чудесная сила молитв его не только смирили Орду и ее хана, Джанибека, но и внушили веру Тайдулле, его жене, страдавшей слепотою, прибегнуть к молитве русского святителя. И татары узнали, что есть в России святой муж, которого молитвы слышит Бог и исполняет. Видно, что сила духовная веры торжествовала в Орде над грубою силой татарскою. Алексий принят был в ней с торжеством. Чудесное

исцеление совершено – и отвращена одна гроза от Отечества. Но вот грозит ему другая: хан Бердибек, убийца своего отца и 12 своих братьев, требует дани от всех князей русских и собирается идти войною. Миротворец святитель снова едет в Орду и чрез Тайдуллу, им исцеленную, укрощает сына ее, Бердибека: Отечество опять спокойно, без пролития крови, благодаря одной миротворной силе любви и молитвы.

Глубокий государственный смысл митрополита Алексия обнаружился особенно в делах, касавшихся единения Московского государства. Когда великое княжение Владимирское досталось Димитрию Суздальскому, Алексий благословил его на княжение во Владимире, но сам возвратился оттуда в Москву, верный завещанию о ней своего предместника, святителя Петра, и провидя ее назначение. Воспитание Димитрия Донского, сочетавшего смирение с мужеством, которые торжествовали на берегах Дона, принадлежит Алексию. Знаменитый договор Владимира Андреевича с Димитрием, решивший участь престолонаследия и утвердивший единство государства, был заключен при посредничестве Алексия. Борьба Москвы с Суздальским княжением решена была браком Димитрия с Евдокиею, дочерью Димитрия Суздальского. Дела Твери были труднее. В родственные ссоры князей ее вмешивалась уже Москва; но Алексий, видя невозможность мира и единения, удалился от дел тверских до самого примирения князей между собою.

Единство Церкви Православной было одним из главных предметов бдительной его заботы. Он посетил Киев, противился распространению римской веры в Литве и установил праздновать в Церкви Русской память трех мучеников – Иоанна, Антония и Евстафия, пострадавших там за православие. Смерть митрополита Романа доставила ему возможность действовать свободнее в пользу единства Церкви и государства.

Шестидесяти лет вступил он на престол Московской митрополии, двадцать четыре года действовал на нем, двадцать одного епископа поставил в Чудовской обители, им основанной, и на 85-м году жизни скончался (1377).

Образец письмен Евангелия святителя Алексия

Памятники словесной деятельности. Нам осталось два памятника словесной деятельности митрополита Алексия: список Нового Завета, по преданию писанный его собственною рукой, и «Поучение».

Новый Завет. Первый хранится в Чудовом монастыре. Когда при царе Алексее Михайловиче предпринято было исправление Библии Епифанием Славинецким и другими нашими богословами, то первая книга, послужившая исправителям, была рукопись святителя Алексия. Издавна по ней читалось Евангелие над болящими. Св. Алексий, изучивший греческий язык под руководством наставника своего, Феогноста, воспользовался пребыванием своим в Царьграде в 1355 году и по лучшим греческим спискам, как это дознано исследованиями Добровского, исправлял славянский текст и совершил в нем многие изменения ближе к греческому подлиннику. Это малое по объему сокровище выносит наша Церковь при богослужении во дни, посвященные памяти святого. Вопреки всем староверным защитникам буквы, оно представляет живое доказательство тому, что наши святые пастыри чтили дух Писания, а не мертвую букву, и издревле, рачительно заботясь об исправности славянского текста, тем благословляли и впредь подобные труды.

Предисловия к книгам Нового Завета в переводе. В Синодальной библиотеке хранятся греческие рукописные подлинники Нового Завета, которыми может быть поверен перевод святителя Алексия. Почти всем книгам новозаветным, особенно же Деяниям и Посланиям апостольским, предшествуют предисловия, в которых обозначены время написания книги, повод к написанию, сущность содержания и потом самое содержание по главам. За Деяниями апостольскими следует толкование Пречистой, то есть объяснение апостольского предания о богородичном хлебе. Всем соборным посланиям предпослан пролог, в котором автор относится к другу своему любимому, Афанасию, и просит его молить за него Бога и молит «всего о Христе церковного человека, святым сословесного, непрестанно молиться за него». Перед

посланиями апостола Павла читаем предисловие к ним, написанное диаконом Ефалием. Все эти переводы с греческого, вероятно, принадлежат святителю. Сличая текст Евангелия с греческим подлинником и с предшествовавшим славянским текстом, находим, что переводчик, с одной стороны, сближает перевод свой со смыслом первого, с другой же – допускает более народные обороты в славянский язык и держится русского правописания. В переводах предисловий заметны излишняя близость к подлиннику и господство греческого синтаксиса (10а).

«Слово о поставлении властелей» и пр. За четырьмя евангелистами следует «Слово» или «Рассуждение»: «О поставлении властелии, яко не вся убо во власть поставляет Бог, всеми же действует. Убо достойни яко достойни поставляются, недостойнии же на наказанье согрешим и на обращенье, и яко тою вещью по правому суду Божью предани бываем языком, яко наказанья ради обладающим нами: зли суть, не убежат суда Божья. И о различии вещем и о ставлении и яко во время оставленья ни своих царь щадит Бог».

«Рассуждение» состоит из пяти вопросов и ответов, выбранных из Анастасия Синаита. Они взяты из его известного сочинения, но здесь сопоставлены совершенно в ином порядке и составляют как бы одно целое. В этом виде встречается это слово в «Пандектах» Никона Черногорца, жившего в XI веке, и там отмечается 41-м «Словом».

Святитель, вероятно, сам перевел его, во многом сократив и даже исключив некоторые места. Оставлены все вопросы и ответы Анастасия Синаита, равно и выписки из Иоанна Златоуста. Но с какою же целью оно избрано по преимуществу и поставлено здесь? Познакомимся с содержанием и увидим, что оно имеет большие отношения и к современной святителю жизни, и к русскому человеку вообще.

К первому вопросу подают повод слова апостола: «Все власти мирские учинены от Бога»; всякой ли царь, или князь, или епископ от Бога поставляется? Вот ответ: Бог в законе говорит: дам вам князя по сердцу вашему: ясно, что некоторые

из царей или князей поставляются достойными такой чести от Бога, а недостойные поставляются против недостоинства людей, по злобе их, по Божью попущению и хотению. Приводятся два примера: мучители Фоки в Царьграде и одного недостойного епископа Фиваиды. Итак, когда видишь недостойного, злого царя и князя или епископа, не дивися, *ни Божия Промысла оглаголуй*, но научися и веруй, что по беззаконью нашему таким мучителям предаемся.

Второй вопрос, также близкий народу русскому по тогдашнему времени, о том, как Бог допускает иноплеменные и поганые народы творить нам зло? – решается так. Согрешившим нам человеколюбивый Бог, как праведный Судия, предает нас врагам нашим не на пагубу, а на казнь. Через Иеремию Он говорит Израилю: дерзайте, люди, мои, не погибнет память Израилева; вы преданы были языкам не на пагубу, но за то, что прогневали Бога. А вот слова Исаии: кто даст на расхищенье Иакова и на разграбленье Израиля? Не Бог ли? Ему же согрешили, не хотели ходить в путях его, ни слушать закона его, и навел он на них гнев Своей ярости…

Господь Бог, не любя поганых (у Никона названы сыны Измаиловы), дает им насилие – воевать землю христианскую ради беззакония и грехов ее, через неверных посылает скорби на верных, чтобы истребились в них плевелы: огнь искушения *время оно*, да явятся избранные. Златоуст говорит: если при бранях, при толиких напастях, нам належащих, мы согрешаем, – то какими были бы мы, легко живучи?

На третий вопрос о том, какие образы бывают оставлению Божию, Анастасий Синаит дает ответ: двумя образами Бог оставляет нас: на обращение и уцеломудрение, как отец сына, или на необращение, как царь врага, или Христос Иуду. Оставлены были и Лазарь и расслабленный, но на прощение от грехов... Много утешительного предлагает учитель народу в его томительных бедствиях. Нет беды, говорит он словами Златоуста, если все нас отвращаются и ненавидят, а Бог приемлет и любит. Вот и наставления: ныне согрешающим нам Бог наводит врагов, но мы, брань от них приемля, не творим

брани к ним, но лучше исповедаем, что согрешили, и исправимся, и узрим врагов, падающих перед очами нашими… Если хочешь видеть перемену в творящих брань на тебя, покайся, в чем согрешил, и враги падут.

Четвертый вопрос возбужден грешниками, на земле счастливыми, и праведниками, на ней страдающими… Недоведомы судьбы Божии и *непротолкуемы*, говорит учитель и, приводя многие примеры из Писания, старается утвердить в мысли непоколебимое равновесие правды Божией. Нет праведника, не имеющего греха, говорит он, и нет грешника, не имеющего чего-нибудь доброго. Праведник здесь страдает, искупляя какой-нибудь грех, чтобы там не мучиться; грешник за какое-нибудь дело доброе принимает здесь благо, чтобы мучиться там... Если бы кто здесь не мучился, не признали бы люди Бога *надстоящего вещам человеческим*, а если бы все мучились, никто бы не ожидал воскресения, потому что тогда все бы здесь по делам воспринимали. Праведники же скорбят в этом мире, как чужие, как пришельцы, живучи на чужбине...

Есть еще пятый вопрос. Он всегда поражал мыслителей русских, потому что вытекал из частых явлений самой жизни русского народа. Вопрос касается внезапных смертей человека: с берега ли кто упадет, землею ли засыплется или утонет: по Божьему ли то бывает прещенью и веленью или от действия дьявольского? Учитель удаляет последнюю отчаянную мысль, говоря, что дьявол не только людьми, но даже и свиньями не владеет. Он указывает в таких смертях на естественную причину, заключенную в нашем собственном неразумии. «Не *претребуй*, – говорит он, – когда видишь кого с берега свалившегося, не говори: зачем так умер? Часто и от своего безрассудства и безумья впадаем в беды, и в напасти, и в смерти...» Но тем не менее и подобные случаи бывают не без воли Божией: это уроки другим, чтоб были мудры. Допускается и внезапная кончина праведников, чтобы, видя прещение Божие, другие умудрялись, ибо ничто не бывает вне разума Божия. Заметим, что при решении всех вопросов, и особен-

но последнего, привлекает внимание пастыря Церкви одна из любимых мыслей русского народа, близкая его сердцу и разуму, – мысль о Промысле Божием в жизни народов вообще и всякого человека в особенности (10b). «Слово» в переводе, или, правильнее, в сокращении, остановилось на общей мысли, и устранен еще вопрос блаженного Александра к великому Евсевию о причине смерти человека, внезапно унесенного рекою. Но в конце другими чернилами с красной строки приписал смиренный переводчик – сократитель слова: «смерено мысляй есть иже всех последняго себе мняй и исправленьи своих утаяяся: ино есть цель».

«Поучение». «Поучение» митрополита Алексия (11), по мнению его ученых издателей, не есть проповедь, изустно произнесенная в храме, но пастырское послание, написанное им немедленно по вступлении на престол митрополии Русской. Многие выражения, как, например: «Се же, дети, вкратце *писахом* вам. Аще приимете и соблюдете в сердцах ваших, еже *писахом* вам», подтверждают истину этого мнения, а другие мысли и выражения, сходные с подобными в грамоте вышеприведенной, показывают, что оба памятника принадлежат одному и тому же лицу (12).

Первая мысль поучения, как и грамоты, – сказать братьям слово на пользу души, нужное для их спасения: «Хощу вам, братия, воспомянути душеполезнаа и спасенаа». Что же побуждает к тому учителя? Обязанность. «Понеже убо, дети, должен есмь вас пасти и учити порученую ми паству, якоже пишет Павел апостол к Тимофею, епископу Критскому: чадо Тимофее! учи, моли, запрети во время и без времени». Какой же первый совет «Поучения»? «Дети, да будет от вас всяк скор на послушание, а медлен на глаголание, позден во гнев».

Две притчи Спасителя предлагает наставник. Первая, о сеятеле, изложена кратко. Семя – слово Божие истинное, а земля – сердца человеческие. Да не будет же, дети, земля сердца вашего терновата леностию и небрежением, не творя плода духовного, или окаменена бесстрашием Божиим, и при пути – пристрастием жития. Но да будет земля сердца вашего добра

на приятие слова Божия истинного, Евангелия, творя плод душевный, ово тридцать, ово шестьдесять, ово сто.

Вторая притча Господня – о человеке домовитом, который насадил виноград, оградил его оплотом, создал столп, ископал в нем точило и предал его делателям. Человек – Христос Бог наш, Бог и человек вместе, поживший с людьми для нашего спасения, во всем нам подобный, кроме греха. Виноград – человечество на земле; оплот – закон божественный; столп – Церковь Божия; точило – честная кровь, пролитая Им для нашего спасения; делатели – святые апостолы и святые отцы, патриархи, митрополиты, епископы и весь священнический чин: упасши и научив людей закону Божию, да рекут они во Второе Пришествие Христа Бога нашего: Господи! И се мы, и дети, яже еси дал нам.

Здесь место и творцу поучения. От преданий апостольских ведет он свое пастырское служение. «Так и я грешный, – говорит он, – сподоблен был святительства не по моим достоинствам, но по Божьим щедротам и по великой Его милости, ее же излиял на нас обильно, сподоблен был вам, детям моим, быть пастухом и учителем, пасти порученное мне стадо словесных овец. А потому, дети, воспоминаю вам слово Спасово к Его ученикам и апостолам; да любите друг друга: потому и узнают вас, что вы ученики мои, если пребудете в любви. Так и вы, дети, имейте между собою мир и любовь. О том же говорит и апостол Павел: весь закон в одном заключается – любить друг друга и ближнего, как самого себя.

Также, дети, имейте страх Божий в сердцах своих: им может человек всякую добродетель стяжать. Начало премудрости – страх Господень. Так и Григорий Богослов пишет: где боязнь Господня, там плоти чищение и заповедям Божиим соблюдение, а где заповедям соблюдение, там душе возвышение в горний Иерусалим. А заповеди Божии соблюдаются покаянием чистым, милостынею и удалением от дел неподобных: от пиянства, от грабительства, насилия, чародейства и волхвования и от ненасытного обогащения. Имейте, дети, в уме своем смерть, и воскресение, и суд, и отдание каждому по делам его».

Предложив правила жизни для всех, учитель обращается к сословиям, и прежде всего к сильным мира, за которыми власть. Вот им правило: «Князья и бояра и вельможи! Судите суд милостиво: суд будет без милости не сотворшему милости, хвалится милость на суде. Мзды не берите, судите не на лица, судите людям в правду; вдовиц и сирот и пришлецов не обижайте, да не возопиют на вас к Богу».

А вот правила для всего народа: «А людская чадь, Бога бойтеся, а князя чтите, а святительство держите выше своей головы, со всяким покорением, без всякого прекословия: они *печалуют* день и ночь о душах ваших; им воздать ответ Богу о пастве своей. Захочет ли кто небрежением о своем спасении лишиться вечного живота, не внемля словам Спасовым: приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененни, и Аз упокою вы? Зовет нас Христос в Царство Свое Небесное... Притеките к иерею, отцу духовному, с покаяньем и со слезами... Святители и иереи – ходатаи между Богом и человеками... Сколько может сила ваша, исполняйте закон Божий не словом, но делом, как изрек Спас: что Мя зовете: Господи, Господи, а не творите воли Моей? Отъидите от Мене; не вем вас. Вы же, дети, принимайте в души ваши и пишите на сердцах ваших евангельские речи, апостольские проповеди и святых отец правила».

Святитель переходит ко храму Божию, к церковной молитве сравнительно с домашнею, к глубокому смыслу литургии. Здесь слово его проникнуто все высоким значением Церкви и мыслью о связи ее богослужения с нашей жизнью.

«А к церковному пению будьте, дети, поспешны, утекая друг перед другом, как Иоанн Богослов перед Петром ко гробу Христову.

Князья, бояра, и купцы, и всякий правоверный христианин! Оставив вси дела свои, на церковную молитву стекайтесь без лености и не говорите так: отпоем себе дома. Не может та молитва успеть нисколько без молитвы церковной. Как храмина дымом без огня не может согреться, так и домашняя молитва без церковной. Церковь наречется земное небо, в ней же закаляется Агнец, Сын, Слово Божие, за очищение грехов все-

го мира верных и людей, трепещущих словес Божиих, в ней же проповедуется Евангелие Царствия Божия, и святых апостол деяния, и соборные послания, и светлого нашего учителя Павла апостола 14 посланий, и святых вселенских отец семи соборов почитаются, и престол Божией славы херувимами невидимо осеняется, и священническими руками тело и кровь Божественная приемлется и верным людям подается на спасение и на очищение душам и телам. Таково страшное и грозное и преславное чудо Божие совершается в церкви, а вы хотите домашним своим пением обрести себе пользу!

Рассмотрев эти слова, дети, *пострашите* сердца ваши, вложите их в разуме, прикладывайте свою молитву домашнюю к церковной молитве. Когда же, дети, приходите в церковь, имейте со всеми мир и со всеми любовь, по слову Спасову. А входя в церковь, потрепещи душею и телом: не в простой дом входишь. Будете так творить – и молитва церковная за вас придет. С боязнью, благоговением и со страхом Божиим входите в церковь и с радостию исходите, получив прощение грехов.

Когда же стоите в церкви, помышляйте о своих прегрешениях; в такое время оставляйте за собою все дела вне церкви. Откровением Святого Духа изложили божественную службу Великий Василий Кесарийский, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов: "Станем со страхом. Возлюбим друг друга сердечною любовию, а не устами и языком". И: "всякую ныне житейскую отвергнем печаль. Ныне бо Силы небесныя с нами невидимо служат". Не могите, дети, прогневать Бога говорением своим в церкви…

Я должен, приняв от Бога талант, не скрывать, а раздать вам, добрым торжникам. Куплю духовную творите с прибытком, да возмогу я с апостолом Павлом сказать в день судный: вы похвала моя, вы и радость, вы и венец моей пред Богом. Да сподобит меня грешного Бог сказать во Второе Его Пришествие с вами, с моими детьми: Господи! Се аз и дети, яже ми еси дал».

Последний совет своей пастве заимствует пастырь из «Слова» Григория Богослова: «Овца знаменана неудобь украдома убывает». Знамение же овцам стада Божия есть причащение Телу и Крови Христовой. «Вы, дети, овцы словесного

стада, не пропускайте ни которого говения без того знамения, но будьте причастниками Телу и Крови Христовой».

В этом «Поучении» два достоинства. Первое есть полнота его и краткость: так трудно кажется в столь малом размере вместить столь богатое содержание и в немногих словах сказать все, что только должен сказать пастве своей христианский пастырь. Но это чудо полноты и краткости объясняется тем, что здесь всякое наставление запечатлено силою действия, всякое слово есть отголосок внутренней жизни. Второе достоинство «Поучения» есть непрерывная логическая связь всех его мыслей между собою. Это особенно чувствуешь, когда, извлекая, сокращаешь его: видишь, что невольно нарушаются звенья той строгой последовательности, в какой все оно сказано. Оба сокровища, завещанные пастырем его пастве, малы объемом, но велики содержанием.

Действие устным словом. Странным с первого раза покажется, что из двух первенствующих деятелей в духовной жизни нашей XIV века один не оставил ничего письменного, другой – мало по объему. О св. Сергии говорит его жизнеописатель, что он учил словом и что многие в его время поминали душеполезные его слова и учения; в повести о св. Алексие также сказано, что он на святительском престоле многие лета учил слову Божию и что даже в глубокой старости и во многом изнеможении не переставал учить ему (13). Ясно, что оба действовали, по обычаю древних русских людей, изустным словом. Подобные явления нередки в древней жизни нашей, судя по свидетельству летописей Отечества.

Павел Высокий. Так, например, в том же XIV веке, под 1382 годом, летописец передает нам известие о кончине одного книжного и ученого инока, Павла Высокого: «Того же лета преставился блаженный старец Павел, живший житием иноческим дивным: он был весьма книжен и учен (философ велий) (14); долго безмолвствовал. Но когда наступало время беседы, бывал многорассудителен и весьма полезен; слово его было растворено солью божественною; много добродетелен и дивен всем, по имени и прозванию *Павел Высокий*.

Положили его в Печерском монастыре в Нижнем Новгороде. Поскорбели о нем многие. Для людей, приходивших к нему, он был утешением и прибежищем духовным. Поскорбели не только пресвитеры и иноки, но и миряне. И сам митрополит, и епископы, и Дионисий, епископ Суздальский и Нижнего Новгорода, опечалились о нем, потому что был очень книжен, благорастворен обычаем добрым, благопослушлив о Господе, всем сладок, утешителен и полезен». А между тем от Павла Высокого нам ничего не осталось (15).

Св. Стефан Пермский. Житие его. На исход числа седьмой тысячи лет, как говорили современники, Господь помилосердовал о народе пермском и послал ему христианского просветителя в лице Стефана. Деятельная сила веры сочеталась с богословскою ученостью и знанием языков в этом духовном подвижнике XIV века. Житие Стефана Пермского написано было вскоре после его кончины (1396) тем же иеромонахом Епифанием, который написал и Сергиево. Жизнеописатель сам знал его лично и довольно коротко; нередко даже спорил с ним о некоторых событиях или, как ученый ритор, о каком-нибудь слове, стихе или строке; иное в житии узнал он из бесед с самим Стефаном, иному был сам очевидным свидетелем, а другое передали ему ученики Стефановы и старые люди, которых он расспрашивал (16). Некоторые предания о жизни и подвигах Стефана Пермского не содержатся в писанном житии, а до сих пор живут или в изустных, или в рукописных народных преданиях той страны, где он действовал, и связаны со многими местными памятниками святыни или даже старины языческой (17).

Рождение его и образование. Стефан был родом из города Великого Устюга, Двинской области, сын одного из причетников соборной Успенской церкви, Симеона, и жены его Марии. Рождение его, по народному преданию, предсказал еще св. Прокопий, юродивый Устюга, смотря на трехлетнюю Марию. Симеон, отец Стефанов, имел словесное образование и первый написал житие св. Прокопия Устюжского по тем преданиям, которые слышал от него лично (18). Ясно, что отец и сам мог нау-

чить грамоте даровитого сына, однако отдал его в ученье. Через год он так ей выучился, что мог канонаршить и быть чтецом в соборной церкви. Жизнеописатель говорит, что Стефан в городе Устюге научился всей *грамматической хитрости и книжной силе* и читал многие книги Ветхого и Нового Завета. Видно, что книжное образование в XIV веке не было чуждо и нашим второстепенным городам, если сыну устюжского причетника оно было доступно. В Устюге же Стефан узнал пермский язык из разговоров с зырянами, которые часто наезжали туда.

Устюг тянул к Ростову. Здесь, в монастыре Св. Григория Богослова, нарицаемом в *затворе*, близ епископии, постригся Стефан. Этот монастырь уже в XIII веке славился своим книжным просвещением: в нем летописец передал тогда письму «Слова» Кирилла, епископа Ростовского. При монастыре находилась обширная библиотека. Игумен Максим, прозвищем Калина, постриг Стефана и был ему *трудолюбивый сподвизалец в разгбении божественных писаний.* Вскоре Арсений, епископ из рода княжеского, поставил его в иеродиаконы. Стефан старался быть совопросником и собеседником каждого мужа мудрого и книжного, каждого старца разумного и духовного. Всякую повесть божественную ловил он жадным слухом; слова, речи, поучения и повести старческие были для него любимою пищею; жития святых он читал не бесплодно, стараясь подражать им. Святые книги переписывал искусно, красиво и скоро: многие книги его еще при Епифании служили тому свидетельством. Некоторые же он и сам трудолюбиво собрал (19).

Пермская грамота. В Ростове, задумав великий подвиг и зная пермский язык практически, Стефан принялся возделывать и образовать его, сам сложил для него азбуку и начал прелагать на пермский язык русские священные книги. Желая достигнуть высшего образования, он выучился и греческому языку, который еще в XIII веке процветал в Ростове, потому что употреблялся в церковном богослужении наравне со славянским. Стефан быстро читал греческие книги и держал их у себя. Он выучился говорить и писать на трех языках: по-русски, по-гречески и по-пермски (20).

Грамотеи XIV века в «Словах» бл. Феодорита насчитали, что всех народов, на которые разделилось человечество при столпотворении вавилонском, было 72, но что не все они последовали апостольской проповеди, а только 51; двадцать же один народ оставался некрещеным. В числе их были и пермяне. Еще другое учение было в ходу между современниками: когда все народы обратятся ко Христу, тогда с концом седьмого тысячелетия последует кончина мира. Таким образом, крещение пермского народа связывалось с этою мыслию, которая тяготела на думами Руси в XIV и XV столетиях.

Пермь. Огромная страна, известная под именем Перми, прилегала к Двинской области на севере России. Четыре главные реки ее орошали: Вымь, впадающая в Вычегду, и Вятка, текущая в Каму. Современные географы удивлялись, как из одной и той же Пермской земли могли две реки течь в противоположные стороны: Вычегда – на север и Кама – на полдень. Многие народцы в самой Перми и около нее жили; вот имена их: двиняне, устюжане, вилежане, вычежане, пенежане, южане, сырьяне, галичане, вятчане, лопь, корела, югра, печера, гогуличи, самоед, пертасы, пермь великая, или чусовая. Вся эта земля говорила особенным языком финского племени. Новгород и Москва простирали на нее власть свою и брали с нее пушные дани. Москва присылала ей своих тиунов, доводчиков и приставников. Но христианское просвещение еще ее не коснулось. Пермь казалась образованным современникам землею чар и волшебства: «Пермская земля, – говорили они, – полна и волшвения, и кобения, и чарования, и кудешения». Замечательно, что она и до сих пор в простом народе сохранила некоторые черты тех же предрассудков. Тогда же волхвы, кудесники, чаротворцы заведовали верою народа и содержали его в глубокой тьме невежества. Кумирницы с идолами и со зверями, приносимыми им, встречались часто в лесах. Главные идолы были Воипель и Золотая баба в виде старухи с двумя младенцами. Почитались и особенные деревья, как, например, *прокудливая береза*, предание о которой дошло до наших времен. На ветви навешивались дорогие шкуры пушных зверей.

Начало подвига Стефанова. Изготовляясь к своему подвигу, Стефан спрашивал всех, кого только мог, о земле Пермской и ее соседях. Грамота пермская была у него готова около 1375 года. Стефан испросил благословение у Герасима, епископа Коломенского, который за отсутствием митрополита правил тогда Церковью в Москве. Герасим исполнен был любви и благоволения к предприятию Стефана. Он дал подвижнику мощей святых, антиминсы, все потребное к освящению церкви, святое муро, священное масло, снабдил его грамотами от князя и своими. С молитвою вступил Стефан в дикую землю, вступил один, подкрепляемый тою же благодатною силою, которая в древние времена подвигала апостолов. Двинулся он из родного города своего, Устюга, Северною Двиною, а там Вычегдою, в Пермь.

Борьба с народом. Началась борьба с народом. Местные урочища до сих пор хранят о том свидетельства. Несколько раз угрожали ему язычники убийством: то приступали к нему с дубьем и дрекольем, то напрягали на него луки со стрелами, то грозили сжечь его соломой. Молитва, кротость и слово Божие на пермском языке были единственным оружием Стефана против язычников. Он обозначал повсюду путь свой крестами и часовнями. Слово проникло в сердца дикие: начали обращаться. Обращенные сами после сознавались, что хотели убить его, но никогда не начинал он бою, а они того только и ждали. Первым явным плодом успеха Стефанова было создание деревянной церкви на устье Выми, там, где пала она в Вычегду. Он сам заложил и построил храм во имя Благовещения, праздника, начального всем христианским праздникам, празднуемого в марте, первом из всех месяцев, когда, по мнению современников, был создан мир и Адам, когда совершилось начало нашего спасения и когда должна совершиться кончина мира (21). При церкви созданы были после обитель и епископия.

Борьба с волхвами. Приходили язычники в храм смотреть на его красоту, слушать прения Стефана с волхвами и потом беседу. Народ разделился на две стороны: на христиан и кумирослужителей. Последние ненавидели первых. Чем бо-

лее распространялось число христиан, тем в бóльшую ярость приходили язычники. Стефан плакал и молился, а число верных умножалось. По свидетельству жития, он крестил своими руками 700 пермян, а по другим свидетельствам – тысячу, и построил три церкви. Храм во имя Архангелов Михаила и Гавриила был воздвигнут на месте той волшебной березы, которой пень еще в прошедшем столетии был открыт при перестройке деревянной церкви в каменную и разобран простым народом как предмет обожания их предков.

После кротости Стефан действовал на народ еще своим бескорыстием. Когда сокрушал он кумирницы и в них идолов – все приношения, все меха, составлявшие богатство не одной Перми, но России, Орды, литвы и немцев, вместе с поленьями разрубленного идола летели в огонь. Стефан не оставлял себе ничего, не подражая в том волхвам и кудесникам Перми. Пелены же с важнейших идолов он отдавал новообращенному слуге своему, отроку Матвею, на онучи, не из корысти, а для того, чтобы обесчестить самих идолов таким употреблением их одежды. Народ изумлялся и благоговел перед простотою и мужеством русского инока.

Встречалось иногда и сопротивление. Новообращенные, увлекаясь волхвами, возвращались опять к своим суевериям: такое предание сохранилось местно об измене селения Гама, которое за то и до сих пор зовется в народе *слепым Гамом*.

Борьба с волхвами. Но борьба с волхвами была труднее, нежели борьба с народом. Они стояли за свою веру, которая связана была с их силою, властью и богатством. В житии довольно подробно рассказано прение Стефана с волхвом, Памою сотником. Смело, красноречиво и твердо препирался с ним просветитель Перми во имя живого Бога Вседержителя. Пама убеждал народ силою отеческих преданий не доверять пришельцу московскому. «От Москвы может ли какое добро быть для нас? – говорил он. – Не оттуда ли на нас все тяжести, и дани, и насильства, и тиуны, и доводчики, и приставники? Он вам чужой, а я с вами один род, одна земля, одно колено, один язык». Пама доказывал, что выгоднее иметь многих бо-

гов, поспешников во всем и поборников, нежели одного бога: что все дары природы в водах, в воздухе, в болотах, дубравах, в борах, лугах, порослях, чащах, в березнике, в сосняке, в ельнике и в других деревьях белки, соболи, куницы, рыси и вся ловля их – все это дары разных богов. В числе доводов, что вера пермян лучше христианской, было и то, что в Перми один человек ходит на медведя, а на Руси многие; что вести в Перми чрезвычайно скоро передаются и, что бы ни случилось в самой дальней стране, в тот же час узнается и здесь. Последний довод доказывает, что волхвы разных земель пермских на отдаленных расстояниях были связаны узами взаимного согласия и, вероятно, какими-нибудь искусственными средствами передавали друг другу вести о случавшихся происшествиях (22).

Пама предложил два испытания Стефану: пройти через огонь и потом подо льдом реки Вычегды. Стефан отвечал, что такое дело превосходит его смирение и выше сил его, но не отказался. Когда огонь был принесен и костер зажжен, Стефан, совершив молитву и простившись с народом, три раза приглашал Паму идти, но Пама не пошел. То же повторилось и у двух прорубей реки Вычегды. Народ рассердился на волхва, приговорил его к казни и предал Стефану; но Стефан, сказав, что Христос послал его не бить, но благовестить, не мучить, а учить с кротостию и увещевать с тихостию, удовлетворился только тем, чтобы запрещено было кудеснику учить и чтобы он отлучен был от их общины.

Книги у пермян. Стефан дал грамоту пермянам и их научил ей. Часословец, осмогласник, песница Давидова, то есть Псалтирь, и другие книги были переведены им на пермский язык. Многие книги переводил он даже и с греческого языка.

Стефан, епископ Пермский. Когда умножилось число христиан и созданы были церкви, тогда потребно стало учредить епископию в Перми для ставления священников и причта церковного. Митрополит Пимен не усомнился поставить епископом Перми самого Стефана, как стяжавшего дар учительства и знающего разные языки и грамоты. Великий князь Димитрий Иоаннович дал на то свое согласие. Но подвиг Стефана

обошелся в Москве не без противоречий. Нашлись и такие, которые говорили: зачем было изобретать новую пермскую грамоту, когда через 120 лет будет конец миру? Довольно было бы и русской. Другие: откуда ему такая премудрость? Как он мог изобрести пермскую грамоту? Были даже люди, называвшие его просто Храпом, без всякого уважения к его делу (Храп было светское прозвище отца Стефанова, Симеона). Но зато лучшие люди называли его философом и сравнивали с Кириллом, славянским первоучителем.

Стефан, возвратясь епископом к своей новой пастве, был принят с полною радостью. Грамотных пермян он начал ставить в попы, в диаконы, поддиаконы, чтецы и певцы. Попы его и диаконы служили обедню, заутреню и вечерню на пермском языке, канонархи канонаршили, чтецы читали и певцы пели по пермским книгам. Сами они помогали ему переписывать богослужебные книги на родном их языке.

Великокняжеская власть в лице Димитрия Донского покровительствовала подвигу Стефана. Вся Усть-Вымская волость была отдана в отчину пермских архиереев, и Усть-Вымь именовался в грамотах *юродом владычним*. Самая дань с приезжавших в Пермь купцов и промышленников поступала уже не в казну, а пермскому владыке с братиею.

Епископ являлся ходатаем и посредником между народом и князем, о жалобе народа, о льготе и пользе его; перед боярами, у которых была власть, заступался за народ, избавлял его от насилия и работы, от тиунской продажи и тяжкой дани; действовал даже на новгородских ушкуйников, которые разбоями своими тревожили пермян: они склонялись на увещания Стефана и оставляли Пермь в покое. Летописи новгородские упоминают о посещениях Стефана Новгороду.

Гостеприимство, страннолюбие, кормление нищих были всегдашними добродетелями Стефана. Своею благотворительностию он спасал пермский народ от смерти во время голода. Много раз привозил на ладьях хлеб из Вологды в Пермь – и весь употреблял на странников. Не было пришельца, который бы не отведал его трапезы, не принял бы от него благослове-

ния и молитвы; до стола, во время стола и после не умолкала святая псаломская песнь. Народ до того воспламенился усердием к своему просветителю, что сам подымал руки на свои кумиры и соревновал друг другу в их истреблении.

Стефан скончался не в своей Перми, а в Москве, 26 апреля 1396 года, в день Преполовения, при митрополите Киприане, который очень любил его и имел до него много дел, касавшихся веры и церкви. Перед кончиною Стефан сказал поучение пермянам и передал его своим клирикам для сообщения народу. Всенародное погребение совершено было в монастыре Св. Спаса. Клирики, бывшие при кончине Стефана, повезли народу пермскому печальную весть, также ризы его, ризницу и книги. Пермский собор до сих пор хранит его посох с изображением и описанием его деяний, устроенный, вероятно, вскоре после его кончины.

Осталось ли нам что-нибудь от словесно-духовной деятельности Стефана Пермского на славянском языке? Решительно ничего. В житии его Епифаний вставил его речь к Герасиму, епископу Коломенскому, молитву перед вступлением в Пермскую землю, его поучение пермскому народу, речь к волхву Паме сотнику, прощание с пермянами перед последним отъездом, молитву о новокрещенных пермянах и предсмертное им поучение умирающего святителя; но все эти вставки, судя по сходству слога с самим житием, равно и с речами епископа Герасима, пермян, волхва Памы, с плачем пермских людей по кончине Стефана, с плачем пермской церкви и молитвою о ее епископе и, наконец, с собственным плачем и похвалою самого биографа, принадлежат, конечно, риторическому перу Епифания, а не Стефана. Послание, писанное им к Димитрию Донскому во время голода в стране Пермской, которым епископ молил Великого князя уменьшить на нее налоги, не дошло до нас. В рукописи XVI века найдено «Послание учительно от Божественного Писания Стефана, епископа Пермского, к православному царю и великому князю Димитрию Ивановичу, всеа Русии самодержцу и победоносцу, иже убо победи безбожного и бесерменского царя Мамая

Ординского»; но сличение текста послания с предисловием к рукописям «Мерила праведного» убедило в том, что это та же самая статья, которую высокие духовные лица, как видно, имели обычай надписывать великим князьям, начиная от первых времен водворения у нас христианства (23).

Участь пермской письменности. Дошли ли до нас памятники зырянской письменности трудов Стефана Пермского? Ни одного. Двадцать четыре буквы пермской азбуки, изобретенные Стефаном (по другим свидетельствам, более 24), сохранились в древних рукописях, в особенных своих начертаниях, с обозначением звука и наименований каждой буквы (24). Две зырянские надписи, одна на образе Св. Троицы в вологодской соборной церкви, другая на образе Сошествия Св. Духа в церкви Вожемской зырянской волости, не были до сих пор разобраны. В обители Стефановской, основанной самим Стефаном и лежавшей в 50 верстах от Усть-Сысольска на реке Сысоле, в нынешнем селе Вотче, еще в прошлом столетии, пелись некоторые стихи церковной службы на зырянском языке для зырян, которые жили на реке Сысоле и менее других своих однородцев понимали славянорусский язык (25). Между рукописями встречается Божественная литургия Иоанна Златоуста, переведенная на зырянский язык Стефаном Пермским, но писанная русскими буквами (26). Образование русское и сила русского слова изгладили следы изобретения и трудов Стефановых на зырянском языке. Остался один его подвиг: первоначальное крещение Перми по берегам реки Вычегды до впадения в нее Усть-Выма, также по Сысоле и Лузе. Епископы пермские: Исаакий, Герасим и Питирим, два мученика – Иона и Филофей продолжали его святое дело и, исполняя мысль св. Стефана, содействовали тому, что и вся Пермь, соединясь через веру с великою Русью, слилась и государственною жизнию с великим княжеством Московским.

Заключительный вывод. В главных народных представителях Русской Церкви, бывшей всегда верною апостольским преданиям, отражается мысль и дух представи-

телей Церкви первоначальной. В Сергии живет и действует по преимуществу мысль Иоанна Богослова: созерцание Пресвятой Троицы и любовь к братии по пустыне и к братии по Отечеству составляют главное содержание всей его пустыннической жизни. На Алексии, образце пастыреначальников русских, отразился образ того апостола, которому Спаситель трикратно сказал: паси овцы Моя, и который передал наставление своего Учителя своим последователям такими словами: «Пасите Божие стадо, какое у вас есть, надзирая за ним непринужденно, но охотно и по Боге: не для гнусной корысти, но из усердия. И не господствуйте над наследием Божиим, но будьте примером для стада». Эти слова апостола Петра олицетворил святитель Алексий в своей жизни. Стефан Пермский в своей проповеди и подвиге последовал стопам учителя языков, апостола Павла.

Иоанн, Петр и Павел живут в наших Сергии, Алексии и Стефане своею мыслию, учением и делом (27).

ЛЕКЦИЯ ТРИНАДЦАТАЯ

Два пришельца в Россию. – Святитель св. Феогност. – Святитель св. Киприан. – Первый приезд в Киев. – Встреча ему в Тернове. – Киприан в Москве. – Житие св. Петра митрополита. – Киприан в Царьграде. – Труды его. – Возвращение в Москву. – Дела его. – Литературные труды. – Послания и грамоты. – Переводы канонов и молитв. – Автографы. – Сербская стихия в языке. – Убежища для трудов. – Кончина. – Прощальная грамота. – Состояние русского общества. – 80 обителей. – Их происхождение. – Св. Кирилл Белозерский. Житие его. – Книги. – Кончина. – Значение его обители. – Стих об Иоасафе Царевиче

Два пришельца в Россию. В московском Успенском соборе почивают отдельно два пришельца на Русскую землю, жившие у нас в XIV веке и стяжавшие венец праведников.

Святитель св. Феогност. С одним из них мы уже знакомы: это был митрополит Феогност, образователь митрополита Алексия. От него дошла до нас одна только грамота, писанная на Червленый Яр к баскакам, духовенству и мирянам о пределах епархий Рязанской и Сарайской.

Святитель св. Киприан. Другой пришелец, свято живший и почивший у нас в Москве, родом славянин, был митрополит Киприан. Отечеством его была Болгария, родиною город Тернов. Царства Болгарское и Сербское уже теряли свою независимость. Связанный с Россиею узам веры, Киприан сочетался с нею и узами единоплеменности, как бы предчувствуя, что она должна скоро возвратить себе ту свободу, которую теряло его отечество, и служить опорой против исламизма, уже страшно тяготевшего над греческим и славянским востоком.

Первый приезд в Киев. В 1377 году он приехал в Россию, поставленный Константинопольским патриархом в митрополиты, вероятно, для Южной России. Первое пребывание его было в Киеве. В житии св. Арсения, епископа Тверского, говорится, что Киприан игуменствовал в Киево-Печерском монастыре. В 1379 году он снова отправился в Царьград и посетил свой родной город, Тернов.

Встреча ему в Тернове. Нам осталось описание встречи, ему приготовленной патриархом Терновским Евфимием и народом. Земляк и племянник Киприана Григорий Цамблак, очевидец события, еще будучи отроком, знал Киприана в доме отца своего и передал нам подробности о том в надгробном «Слове» своему усопшему дяде. Сильное искушение и многие скорби встретили Киприана на пути его по берегам Буга (Истра): он был ограблен. Но зато отечество покрыло эту скорбь радостью и самым теплым приемом. Веселился Киприан, видя, как церковь в его земле управляется достойным главою, Евфимием. Жители города, подобно волнам быстрой реки, хлынули навстречу святителю, шедшему к ним от единоплеменного севера. Никто не остался дома, даже сторожа домов; купцы не затворили своих лавок и товары свои покидали на торжище. Рабы оставили господ, художники – дела свои; и

жители Тернова, и иноземцы – все вышли за город. И дева *неисходная*, по древним славянским обычаям, забывши стыд, пошла с народом. Старый и недужный влачились за всеми. Великая сладость была народу видеть святое лицо Киприана: не только учением или словом – одним видом своим он вселял в души все доброе. Одни шли близко, касались ног его, целовали руки; другие, взирая на него издали, довольствовались одним его благословением. Жены особенно припадали с умилением к святителю, клали детей своих недужных под его ноги: благодать веры изливалась по его следам, как в оны времена сила апостольская; благословенье его освящало верный народ и подавало отраду в страданиях (1). Эти живые черты описания свидетельствуют, как искони славянские племена восточного исповедания любили своих святителей. Любовь же болгарского народа к Киприану умножалась еще тем, что он, по свидетельству своего панегириста, как Моисей, был добр к своим соплеменникам и заботился о них (2).

Тогда же Киприан возложением рук своих благословил племянника своего, Григория Цамблака, и духом прозрел его будущее, а потом из России письмом вызвал его на новое поприще.

Киприан в Москве. По кончине митрополита Алексия, последовавшей 12 февраля 1380 года, когда Михаил, избранный на митрополию Димитрием Донским, скончался на пути в Царьград, а Пимен, думавший самовольно похитить сан митрополита, был отвергнут великим князем, – Киприана из Киева вызвали в Москву. Когда приехал он туда? До Донской ли битвы или после? Карамзин, следуя Троицкому, Ростовскому и другим спискам летописи, держится второго мнения и назначает 1381 год (3). Профессор Горский, по свидетельству Типографской летописи, определяет даже и число прибытия митрополита Киприана в Москву, 23 мая 1381 года (4). Но есть и другое свидетельство: в «Сказании о Мамаевом побоище», памятнике словесности, почти современном событию, принимает участие в начале предприятия Киприан: к нему за советом приходит Димитрий, и митрополит обращает к нему

эти слова, утвердившие великого князя в намерении идти на врагов своих: «Ты же именем Господним противися им, и Господь правдив будет ти помощник». Этого же свидетельства держится и Никонова летопись. В «Синопсисе» сказано, что Димитрий Донской, возвращаясь со славной битвы, встречен был Киприаном и собором духовенства в день Покрова Богоматери в Андроньеве монастыре. Во всяком случае, замечательно, что в преданиях народных память Донской битвы, начавшей освобождение Отечества, была соединена с именем митрополита Киприана.

Житие св. Петра митрополита. В первый же год правления своего в Москве Киприан написал житие святителя Петра, основателя митрополии Московской, в благодарность за то исцеление и спасение, какое даровал ему московский чудотворец во время пребывания его в Константинополе. Вскоре после Донской победы Киприан кстати напомнил жителям Москвы пророчество св. Петра, что руки ее взыдут на плеча врагов ее, и указал на ту духовную связь, которая соединяла главу Церкви с главою государства, святителя Петра с Иоанном Калитою.

Киприан в Царьграде. Тохтамыш осадил Москву. Быстрое удаление митрополита Киприана в Твери к князю Михаилу, враждовавшему беспрерывно с Димитрием, было причиною взаимных неудовольствий между князем и святителем. Киприан возвратился в Киев и оттуда снова поехал в Царьград.

Пребывание на севере России, хотя кратковременное, открыло ему недостатки, какие терпело наше Отечество в деле книжного просвещения. Пожары и грабежи татарские беспрерывно уничтожали книжные наши сокровища. В Тохтамышево нашествие Киприан сам мог быть очевидным свидетелем тому, какое множество книг, снесенных со всего города, из загородья, из сел положено было на сохранение в соборных церквах и потом пропало без вести (5).

Труды его. Не знаем посетил ли Киприан тогда свое отечество, но знаем положительно, что в Константинополе, живучи в обители Студийской, он занимался списыванием церковных книг: плод таких занятий, рукопись «Лествицы»

Иоанна Лествичника, в 1378 году написанная Киприаном, хранится в рукописях Сергиевой Лавры. Знаем также, что колония русских постоянно пребывала там в обители Св. Иоанна Предтечи и что иноки занимались в ней также списыванием книг. Архимандрит Высоцкого Серпуховского монастыря Афанасий, сопровождавший Киприана в его странствии в Царьград, несмотря на увещания его возвратиться в отечество, остался там и предпочел келью Предтеченской обители всем почестям, какие ожидали его в России. Афанасий склонял также братию монастырскую на подобные рукописные труды. Дóлжно предполагать, что Киприан в это время успел и сам приготовить и приобрести многие книжные сокровища для нового своего отечества.

Возвращение в Москву. Битва Косовская, где сербский царь Лазарь со множеством своего воинства был поражен турецким султаном Баязетом в 1389 году, положила конец Сербскому царству. В том же году митрополит Киприан возвратился снова через Киев к своей московской пастве с плодами трудов своих, которые могли погибнуть в Греции и Сербии, но сохранились у нас. Был бурен, исполнен морских бедствий возвратный путь его в Россию; он описал его в грамоте и прислал ее к русским, жившим в Царьграде, которых много утешил этим письменным словом.

Дела его. В Москве княжил уже Василий Дмитриевич. Вместе с матерью своею, Евдокиею, великий князь за городом встретил митрополита торжественно в 1390 году. Деятельность Киприана при содействии власти великокняжеской приобрела новую силу. В 1390 году Киприан вместе с двумя епископами, пермским Стефаном и смоленским Михаилом, и двумя митрополитами греческими, Матфеем Адрианопольским и Никандром Гайским, в Твери совершил суд над епископом Евфимием, на которого жаловались князь, бояре и духовенство, и, лишив его сана, посвятил в епископы протодиакона своего Арсения, стяжавшего после славу святого своею жизнию (6). В Новгороде, как говорит летопись, Киприан велегласно поучал людей во всю церковь и боролся

со своеволием народа, который не хотел признать суда митрополичьего. Строгость архипастыря в этом случае обнаружилась на новгородском архиепископе Иоанне, которого он держал в монастыре Николы Старого три года с половиной и из тяжкого затвора возвратил потом Новгороду. В нашествие Тамерлана в 1395 году, 26 августа Киприан в Москве отражал грозу варварского нашествия, вместе с народом сретая икону Богоматери, перенесенную из Владимира в новую столицу, по желанию великого князя. Предание сохранило в летописи чудный сон Тамерлана, о котором тогда говорили в народе: хан видел будто бы высокую гору; святители с золотыми жезлами с горы стремились на него, а над ними на воздухе – жена в багряных ризах со множеством воинства. Проснувшись, Тамерлан затрепетал – и, рассказав о видении своем князьям и воеводам, немедленно повелел войску идти назад.

При Киприане совершилось крещение земли Пермской. Стефан, как мы уже знаем, был одним из самых ему близких. Два раза Киприан оставлял Москву для того, чтобы посетить пределы Юго-Западной России, где римско-католическая пропаганда уже начинала свои действия, угрожая нашему православному единству. Вызвав в Киев на митрополию Григория Цамблака, своего племянника, Киприан таким выбором много содействовал укреплению того внутреннего единства, которое всегда с тех пор хранилось между югом и севером России, несмотря на внешнее разделение. В лице Киприана русские митрополиты перестали уже совершать странствия в татарскую орду – и независимость от нее пастырей Церкви предсказывала будущую независимость власти великокняжеской.

Литературные труды. Татищев в своей сводной летописи, вероятно, заимствовал из какого-нибудь летописца известие о письменных трудах митрополита Киприана. Он говорит, что в наставление душевное написал он соборы, бывшие в Руси, многие жития русских святых и степени великих князей русских; другие же книги написал в наставление плотское, как, например, правды и суды, и летопись русскую от начала Русской земли все по ряду и, собрав многие книги для сей послед-

ней цели, повелел докончить это дело архимандриту Игнатию, что он и исполнил. Со всем вероятием предположить можно, что этот Игнатий есть тот самый, который сопровождал митрополита Пимена в Царьград, посетил Иерусалим и описал нам свое путешествие. Но мы еще к нему возвратимся.

Известие Татищева подало повод к некоторым догадкам со стороны ученых относительно трудов митрополита Киприана. Думают, что он к древней Кормчей, привезенной им из Константинополя и хранившейся в московском Успенском соборе, мог присовокупить определения двух русских соборов, до него бывших, и правила митрополитов русских. Кроме жития святителя Петра, написанного Киприаном, других творений его в этом роде мы не знаем. С вероятностью приписывают ему включение в русские святцы имен сербских святых. Степенные книги в том виде, как мы их теперь читаем, принадлежат митрополитам Афанасию и Макарию; но в виде более кратком могли быть уже начаты Киприаном. Правды и суды заставляют думать, что он переписывал «Правду Русскую», некоторые судные грамоты князей и законы греческие, принятые в состав Кормчей. Что касается до русской летописи, которую повел Киприан от начала Русской земли и, не успев докончить, передал архимандриту Игнатию вместе со множеством источников, для нее собранных, – профессор Горский предполагает, что это была летопись Троицкая, которою пользовался Карамзин. Ее писал современник великого князя Василия Димитриевича и окончил описанием Эдигеева нашествия в 1408 году. В пожаре 1812 года погибла харатейная рукопись – и нам остались одни отрывки из нее, внесенные Карамзиным в примечания к его «Истории».

По памятникам, до нас дошедшим, мы видим, что Киприан много заботился о введении у нас единообразия в чин православного богослужения и своими переводами с греческого или творениями утвердил некоторые обряды Церкви. Сюда относятся особенно «Служебник», переведенный им с греческого и написанный первоначально собственною рукою, также разрешительная молитва князю и всякому христианину. Неко-

торые рукописи богослужебного содержания обозначались у нас издавна киприановскими (7).

Послания и грамоты. Из посланий и грамот под его именем мы видим, как он посылал псковскому духовенству устав божественной службы Златоустовой и Василия Великого, синодик истинный, который читается в Царьграде, в Св. Софии у патриарха, обряды поминания царей и князей, крещения детей, обручения и венчания; как заботился о списании и отсылке потребных рукописей. Утверждение истинных обрядов православной вселенской Церкви и разрешение многих недоумений входило постоянно в круг его деятельности. В свой «Молитвенник» он вписал древнее сказание преподобного отца Никона о книгах ложных (8). Некоторые из этих книг, внесенные к нам из Болгарии, переписывались невежественными писцами и ходили в народе, плодя предрассудки и суеверия или распространяя кривые понятия о преданиях Церкви. Митрополиту же Киприану приписывается изменение в календаре церковном: при нем, как думает Карамзин, начали считать год не с марта, а с сентября месяца, подражая тогдашним грекам (9).

Строго отделяет Киприан права власти мирской и духовной в своих грамотах, посланиях и поучениях (10), запрещает мирянам судить и казнить духовенство; отстаивает церковные стяжания, чтобы Церковь не была изобижена; но и не признает вмешательства власти духовной в светскую, а потому рушит и раздирает грамоту, которую епископ Суздальский Дионисий написал было псковичам в противность уставу по старине великого князя Александра. «Всякий царь, – пишет Киприан, – волен в своем царстве или князь в своем княженьи, всякие дела управливает и грамоты записывает: также и тот князь великий Александр в своем княженьи, а списал такову грамоту, по чему ходити, на христианское добро, волен в том. А что Денисий владыка вплелся не в свое дело, да списал неподобную грамоту, и яз тую грамоту рушаю. А вы, дети мои, псковичи, аж будет преже сего ходили по той грамоте князя великого Александрове, а будет то у вас старина: и вы по той старине и ходите; а что владычня грамота Денисьева,

а ту грамоту пошлите ко мне, да тое я сам подеру: та грамота не в грамоту». Когда нужно Киприану решить вопрос об усыновлении вдовою приемыша мужа ее, он развертывает «Номоканон» и решает его по церковному правилу. Когда монастырские поселяне спорят с игуменом о своих сельских обязанностях относительно монастыря, Киприан прибегает к старине и преданиям и расспрашивает о том прежнего игумна и бояр своих.

Высокое назначение и чистота священнического и иноческого сана внушали Киприану многие о том послания. В одном из них, до нас дошедшем, еще не напечатанному, Киприан говорит, что много раз он писал к священникам и инокам о их обязанностях. И здесь повторяет им: «Священство, которое прияли вы от Святого Духа, соблюдайте чисто и непорочно, и, *как люди Божии*, ходите по мятежному сему миру… Кто учить хочет, прежде себе внимай. Всяк говорящий и учащий, но не творящий, как медь звенящая. Блажен, кто творит и учит». Укоряет он священников в том, что они не налагают на согрешивших очистительной епитимии, а сами *смотрят ко взятию*; троеженцам же и четвероженцам не запрещают иметь жен невенчанных. Попам вдовым советует идти в монастыри. В другом послании, также учительном, пастырь говорит: «К поповству и дияконству аже кому ставитись, надобе чисту быти, *как от чрева матерня родитися*».

В послании своем к игумену Афанасию, отвечая на предложенные от него вопросы, митрополит Киприан предписывает духовному отцу при исповеди испытывать всякое дело и налагать епитимию по возрасту и *устроению* каждого, по разуму и неразумию. «Иначе, – говорит он, – до́лжно рассуждать о молодом, иначе о пришедшем к возрасту, иначе о пришедшем в возраст, иначе о согрешившем в старости, иначе о смышленом и несмышленом, иначе о согрешившем самоволием или неволею, иначе о рабе, иначе о свободном: все надлежит испытывать и обо всем рассуждать отцу духовному». Такие испытания поставлены выше относительно священников и диаконов, и еще выше относительно чернецов.

В этом же послании Киприан касается вопроса о селах монастырских, которые, как видно, начинал тревожить людей избранных, в том числе и игумна Афанасия. «Села и людей держать инокам не предано святыми отцами, – пишет м. Киприан, – Как можно раз отрекшемуся мира и всего мирского снова обязываться мирскими делами, и что разорил, созидать опять и являться преступником заповеди апостольской? И древние отцы не приобретали ни сел, ни богатства, как святой Пахомий, и св. Феодосий общежитель, и св. Герасим, и другие многие святые в Палестине и в Синайской горе, и в Раифе, и в Св. горе, которую я и сам видел; но после маломалу дело пришло в расслабление, и начали монастыри и скиты держать села и стяжания.

Ты спрашиваешь меня о селе, которое князь дал тебе в монастырь, как и что делать с ним? Слушай мой ответ и прими совет мой: если уповаешь на Бога со своею братиею, и даже доныне Бог препитал вас без села и вперед препитает, – почтоже обязываться попечением мирским и вместо того, чтобы поминать Бога и служить Ему единому, поминать о селах и о мирских попечениях? Вникни и в это: когда чернец свободен от всякого попечения мирского, тогда он в мире со всеми мирянами и все люди любят его и воздают честь ему; когда же обяжется селами и мирскими попечениями, тогда нужда ходит по князьям и по властелям, искать судилищ, стоять за обидимых, спорить и мириться, и поневоле, лишь бы не выдать в обиду людей своих, перед всяким человеком поднимать труд великий и отступать от своего правила. А еще и того страшнее чернецам, властвуя над селами, судить мужей и жен, часто ходить к ним и о них заботиться: чем же будут они от мирянина отличны? Чернецам общаться с женами и творить с ними беседы опасно. Но вот как лучше быть селу под монастырем: чернецу никогда не бывать в нем, а приказать его какому-нибудь богобоязненному мирянину и ему заботиться о всяких делах; в монастырь же бы готове привозил житом и всякими потребами: не то – пагуба чернецам владеть селами и часто ходить в них».

Обращаясь к любимой, но мрачной мысли века о близкой кончине мира, святитель говорит: «Ныне последнее время, и летам скончание приходит, и конец веку сему... Оскудела добродетель, любовь перестала, простота духовная отбежала; зависть, лукавство и ненависть водворились; ухищрения и высокоумия мы исполнилась; отчудились всякого радования духовного... Горе нам! Оставили путь правый! Все обладать хотим, все учителями быть, не достигши ученичества; новоначальные многолетними обладать хотят и над всеми высокоумствуют. Плакать бы мне только да лить слезы: всего же больше плачу и тужу о лжах, живущих в человеках; ни Бога не боясь, ни людей не стыдясь, сплетаем лживые слова на ближнего, завистью и бесом движимые». Всего более учитель нападает на зависть. «Зла есть страсть зависть», – говорит он и призывает паству свою к чистой любви; «кроме любви нельзя иным путем спастися, если бы кто и тело свое великим трудами изнурил. Но одержимым завистью нельзя любви достигнуть… Как Иисус начал в одно время творить и учить, так и учителю дóлжно учить словом, а делом подтверждать учение. Если и ручному ремеслу никто не может словом научить, а надобно делом показать, то тем паче духовное дело, совершаемое умом, а не телом».

Переводы канонов и молитв. Патриархи цареградские, Филофей и Исидор, сложили много церковных канонов и молитв в утешение православным христианам Восточной Церкви, терпевшим многие бедствия и от войн междоусобных, и от насилия народов иноплеменных. Эти творения Константинопольской Церкви все были усвоены нашей через переводы на славянский язык. Киприан первый принимал участие в переводах. Его имя, как переводчика, обозначено на творении патриарха Филофея, молитве Пресвятому Духу, читавшейся на божественной службе в неделю Пресвятого Духа и помещенной в служебнике Киприановом, и на двух канонах того же патриарха: каноне молебном ко Господу нашему Иисусу Христу в усобных бранях иноплеменных и канон Иисусу Христу и Пречистой Его Матери на поганых. Прочтем некоторые

стихиры первого канона: в них Церковь своими молитвами отзывается современному горю Русской земли.

«Христе, ты оделся в весь мой сокрушившийся образ... Жезлом твоей силы сокруши, владыко, языческое шатание, как ливанские кедры; возвысь князей твоих и, снова собрав расточенных своих чад, обнови наше согласие.

Единый всех Царю, мир, все превозмогающий, даруй, удали соблазны, укроти молвы, смирение подай князьям православным и врагов, находящих на нас, покори, Боже, молитвами святых твоих.

Познаем, братия, друг друга, разделение чуждое отсечем, сойдемся в единство, да составятся снова члены под главою всяческих, совокупим тело и поживем Христу, во веки с ним радуясь».

Канон заключается молитвою о князьях, да соблюдет их Господь в мире и в правде и в мужестве, да покорит им все иноплеменные языки, на брань хотящие, да приложит им веру и благоговеинство, да оградит их страхом Своим, да даст им мирная мудрствовати и да возглаголет в сердце их благая о Церкви своей и о людях своих.

Многие другие каноны и молитвы патриархов Филофея, Исидора, Никифора и других слагателей были переведены, вероятно, в то же самое время. Много утешений предлагали в них пастыри Церкви и всему народу, и каждому человеку особенно, страдавшему от всеобщей вражды и насилия, как духовной болезни человечества, и от смертоносной язвы, которая не раз возвращалась и губила целые города. С одной стороны, церковная песнь возбуждала дух бодрости и освобождения от чуждого ига; с другой, призывала к покаянию, к успокоению внутренней вражды, к любви и миру, как ее выражению. Мы еще возвратимся к ней и услышим ее знаменательный голос (11).

Автографы. Московская духовная академия хранит до сих пор в своей библиотеке драгоценные остатки неутомимой книжной деятельности м. Киприана, его автографы, к сожалению, еще не описанные: Псалтирь, «Лествицу» с толкования-

ми, переписанную им в царьградской Студийском монастыре в 1387 году, и сочинения Дионисия Ареопагита (12).

Сербская стихия в языке. Киприану приписывают у нас обыкновенно внесение многих сербских выражений и оборотов в славяноцерковный язык. Еще в XVI веке некто Нил Курлятев, ученик Максима Грека, в предисловии к своему переводу псалмов с греческого в 1522 году обвинял Киприана в незнании греческого языка и во внесении излишней сербской стихии в письменный наш язык. Обвинение в первом, вероятно, сказано со слов Максима Грека. Обвинение во втором должно быть окончательно решено нашими славянистами; но этого решения мы до сих пор еще от них ожидаем. Надобно сказать, однако, что некоторые грамоты Киприановы писаны совершенно русскою речью, и если он сам писал их, то обнаруживают гораздо большее влияние на его язык нашей народной стихии, нежели обратно.

Убежища для трудов. Неутомимый архипастырь постоянно соединял труды свои по пастве с трудами книжными. Для сих последних он удалялся иногда от тревоги дел в свои любимые лесные пустынные места. Таких убежищ он устроил себе два; одно во Владимирской своей волости, на святом озере, у церкви Преображения Господня, им основанной; другое в митрополичьем селе Голенищеве, у храма во имя Трех святителей. Здесь устроил Киприан для себя место тихое, безмолвное, спокойное, на стрелке между двух рек, Сетуни и Раменки, над прудом; лес осенял это убежище с обеих сторон. Здесь-то часто пребывал святитель; здесь упражнялся в молитве, в памяти смертной и в чтении божественного Писания; здесь писал книги своею рукою и ставил епископов. В этом убежище застигла его болезнь и смерть, которая одна только могла пресечь непрерывный подвиг его жизни – учение всех слову Божию.

Кончина. Киприан скончался 16 сентября 1407 года, быв в сане митрополита 30 лет без малого, из которых 18 лет пас он Русскую Церковь.

Прощальная грамота. За четыре дня до кончины Киприан написал *чудную*, как летописец ее называет, прощальную

грамоту, в которой, всех прощая и благословляя, сам просил у всех также прощения и благословенья. Эта грамота, говорит летописец, была плодом истинного любомудрия и смирения. Святитель заповедал епископам при положении его во гроб прочесть эту грамоту вслух всему народу: воля усопшего была исполнена Григорием, архиепископом Ростовским.

Исповедав веру православную, умирающий святитель прощается с патриархами, митрополитами, великим князем Василием Димитриевичем и его семейством, со всеми великими князьями русскими, князьями местными, их княгинями и детьми, с епископами, священноиноками и всем священническим чином, с князьями малыми, боярами великими и меньшими, с их женами и детьми и со всем христианским народом; епитимью ли возложил он на кого, всех разрешает; пороптал ли кто на него, всех прощает. А на тех, кто возлюбил его, кто помиловал Господа ради в его нуждах, в трудных хождениях, в путях, в землях различных, призывает Божие благословение (13).

Грамота заключается таким размышлением; «Множество человеческое, все на землю пришедшее, общее естество наше оплачем мы, которые так несчастно обогащаемся. О, как же лучшее из Божиих созданий, по подобию Его и образу созданное, без дыханья зрится, и мертво, и полно червей нечистых, испуская смрад! Как исчезло мудрование? Как скрылось слово? Как разрешилось *сугубое*? Куда утаилось *тричастное*?..[1] Увы страсти?.. Земля наше смешение, земля покрывает, земля и восстание. Увы страсти, увы мне! Наг вышел я на плач младенцем, наг отойду снова! Что тружусь и смущаюсь всуе, гадая конец жития, видя его действие, как все мы равным образом шествуем от тьмы на свет, от света же в тьму, от чрева матерняго с плачем в мир, от мира печального с плачем во гроб. Начало и конец – плачь! Что же в середине? Сон, тень, мечтание,

[1] Под именем *сугубого* здесь, конечно разумеется двойственное существо человека, состоящее из души и тела; под именем *тричастного* христианские философы Греции разумели три силы души: словесное, яростное и желанное, как они называли их (См.: Послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху // И. Р. Сл. Т. 2, стр. 205).

красота житейская. Увы, увы страсти! Во многом сплетении жития все как цветы, как прах, как тень проходит».

Велегласно, вслух всему народу читал эту грамоту архиепископ Ростовский Григорий. Его чтение многих из предстоявших подвигло на слезы; плач и рыдание оглашали Успенский собор. Чтение прощальных грамот по данному Киприаном образцу вошло с тех пор в обычай при погребении митрополитов.

В подобных минутах древней русской жизни выражается лучшая сторона ее и ее поэзия.

Состояние русского общества. Чуждое иго, тяготевшее над Отечеством, внутренние раздоры, перешедшие с юга на север, грабительство и насилие от варваров пришлых, а иногда и от своих были тяжкими искушениями для русского народа в XIV столетии. Но он не унывал: они послужили к раскрытию в нем высших сил души. Пустыни, пустыни алкал тогда избранный русский человек. Но это стремление было не праздное: сила духовная через него развивалась, а труд и борьба с северною природою его сопровождали.

80 обителей. В XIII столетии основано было 22 монастыря; в XIV их считаем до 80, если не более. Монастыри и церкви были тогда и народными училищами, и рассадниками книжного просвещения. Юноши с высшим призванием к учению стремились тогда в монастырь, как ныне в университет. Общинное начало, всегда присущее русскому народу, исконный зародыш его общественного образования, содействовало также умножению обителей, в которых оно могло достигнуть высшей степени христианского развития в виде общего жития. Непрерывная молитва, богослужение, отрадный звон колокола, руководство в строгом исполнении устава и обрядов Церкви, пост, воздержание, труд, терпение и любовь братская простирали благотворное свое влияние на всю окрестность около того места, где учреждалась обитель; на пути для странника по бесконечной земле Русской она служила верным приютом; во время голода кормила народ. Родители посылали в нее детей своих на обученье грамоте; в

скорбях душевных и телесных искали в ней отрады и исцеления. Время образовало из некоторых монастырей твердыни государственные против врагов Отечества. Но прежде всего община монастырская служила идеальным образцом для общины городской и сельской – и в этом заключается главная тайна ее успеха и быстрого распространения в древней русской жизни. Эти общины были нравственными оплотами для общества, еще не сложившегося в государство, и, как крепкие несокрушимые связи, содействовали утверждению великого религиозного духовного единства земли Русской.

Их происхождение. Взглянем на происхождение если не всех, то, по крайней мере, замечательнейших обителей в XIV столетии и рассмотрим те народные силы, которые участвовали в их образовании. Есть обители, коих происхождение покрыто мраком неизвестности: такова обитель Валаамская на острове Ладожского озера, Валаам. Пустынники Сергий и Герман, ее основавшие, догадочно относятся к XIV веку. Таково и основание обители Муромской Успенской на острове Мурманском Онежского озера, приписываемое Лазарю Римлянину. Иные обители упоминаются уже в летописях как существовавшие, а когда начались они, неизвестно.

Некоторые подвижники переносят общежительные предания на север России с юга, из древнейшего их русского рассадника, из Лавры Киево-Печерской. Таков Дионисий, основатель нижегородского Печерского Вознесенского монастыря, и архиепископ Суздальский. Мы знаем дружбу его с Сергием Радонежским. Ученик Дионисия, Евфимий, основал в Суздале обитель Спасо-Евфимиевскую. Таков еще Стефан Махрищский, киевлянин родом и также постриженик Киево-Печерской Лавры. Он распространял пустынную жизнь не только около Москвы, в соседстве Лавры Сергиевой, но и в пределах вологодских, которым дал двух учеников, Григория и Кассиана. Мы увидим, какое влияние он имел на судьбу св. Кирилла Белозерского.

Власти духовные и светские и самый народ участвовали совокупно в учреждении обителей. Здесь первое место зани-

мают митрополиты и епископы. Святитель Петр в самом начале века основывает монастырь на волынской своей родине, на берегу реки Раты. Святитель Алексий основал пять монастырей: Спасо-Андроньев в память спасения своего от морской бури, Чудов в память чудесного исцеления татарской царицы Тайдуллы, Цареконстантиновский во Владимирской области, Владычен-Серпуховский и Благовещенский нижегородский при устье Оки; святитель Киприан – Святоозерский суздальский, как уединенное убежище для ученых трудов своих, и Сретенский – в память спасения Москвы от Тамерлана.

Новгородскому архиепископу Моисею приписывается основание шести обителей новгородских. Этот святой муж, правивший паствою Новгорода во времена самые бурные его народных распрей, беспрерывно алкал уединения, чтобы в нем собирать духовные силы для своих гражданских подвигов, и делил, можно сказать, всю жизнь свою между престолом архиепископским в Св. Софии и схимою в сковородской обители Архангела Михаила. Когда две враждебные стороны Новгорода, Софийская и Торговая, или Славянская, выходили друг на друга; когда вмешивали они в свою распрю народных святых своих: Софийская – юродивого Николу Качанова, Славянская – юродивого Феодора (14); когда Волховский мост, соединявший оба конца, бывал разметан и старец схимник Моисей являлся с крестом в руках на остатках моста посреди враждующих сторон, призывал их к миру и унимал кровопролитие. Усердный к устроению обителей, сам заживо умерший миру схимник, Моисей понимал, как необходимы были для бурного Новгорода приюты братского согласия и миротворной молитвы.

Арсений, постриженик киево-печерский, епископ Тверской, поставленный Киприаном и столько угодивший своей пастве после сверженного Евфимия, под конец жизни стремился также к уединению и на берегу Тмаки учредил обитель Желтиковскую (15).

Стефан, епископ Пермский, устроил три пустыни в своей епархии.

Ростов был недоволен своим епископом, Иаковом, и лишил его кафедры. Он удалился на берег озера Неро, построил себе уединенную хижину, а потом основал обитель, впоследствии столько славную и до сих пор носящую его имя.

Князья ознаменовывали важные события государственные или счастливые случаи их домашней жизни основанием монастырей. Калита осенил свой княжеский дом обителью Спаса на Бору. Димитрий Донской после славной своей победы подарил 12 сел монастырю Сергиеву и в память ее построил обитель на Дубенке, а на месте своей родины, при впадении реки Москвы в Оку, монастырь Голутвин. Василий, сын его, основал Железноборовский галицкий монастырь в благодарность за выздоровление беременной супруги своей, Софии Витовтовны. Татарский князь Чет, родоначальник Годуновых, принявши нашу веру, основал костромской Ипатьевский монастырь. Княгини соревновали своим супругам в том же деле. Благочестивая жена Донского, Евдокия, содействовала основанию Горицкого монастыря близ Переславля, где постригся св. Димитрий Прилуцкий, и сама по смерти мужа затворилась в обители Вознесенской, построенной ею в Кремле. Мария, мать князя Владимира Андреевича, учредила девичий Рождественский монастырь; княгиня Феодора Иоанновна, супруга Андрея Константиновича, Зачатейский нижегородский. Села и земли были постоянно даримы монастырям, при самом их основании и после, что впоследствии образовало земную ношу, слишком тяжелую для духовного существа Церкви.

Народ любил основание обителей и отгадывал их рождение около себя каким-то вещим предчувствием. Во всех житиях рассказывается, что поселяне задолго до прихода святого мужа в их пределы слышат невесть откуда звон колокольный и пение церковное. А как придет угодник Божий в лесную около них чащу, немедленно являются к нему сельские христолюбцы и помогают вырубать ее, строить келью и потом церквицу. Если и встретится иногда в каком-нибудь месте препятствие от завистников, как встретилось сначала Димитрию Прилуцкому близ селения Авнежского на реке Великой, – то в утеше-

ние ревностному подвижнику при луке реки Вологды, где и была учреждена им обитель, названная по урочищу, владельцы места сами отдают свою под нее землю и топчут озимые, зазеленевшие свои нивы, чтобы только не отлагать строения желанной церкви. Народ до сих пор повсюду около монастырей хранит и передает из уста в уста живые предания об их основателях, каких не находим в их рукописных житиях.

Но все эти человеческие усилия, внушенные самым ревностным усердием властей, не дали бы такого прочного хода делу, если бы не управляло ими высшее призвание. Великие пустынножители слышат этот внутренний зов от самых ранних лет их юности, не руководствуясь никакими частными своими или общими событиями Отечества. Это подвиг их жизни, ему все силы, все думы, все скорби и труды, все радости и успехи. Таков особенно св. Сергий Радонежский, носитель главной мысли века от самой утробы матери, которого мы и поставили во главе его. Хотя еще до него в самой Москве, в монастыре Высокопетровском первый архимандрит его, Иоанн, ввел устав общежительный, послуживший для других монастырей; но истинный дух пустынножительства распространился не отсюда, а от преподобного Сергия. Не было, конечно, ни одного подвижника, который бы не был другом его или собеседником, а большею частью они были его учениками. В те времена, как сказано в житии одного из них, Павла Комельского, преподобный Сергий просиял в благом своем жительстве и во многих знамениях, и слава о нем повсюду проносилась.

Мы уже знаем, какое дружество связывало его со святителем Алексием, Стефаном Пермским, Дионисием Суздальским. Димитрий Прилуцкий, принесший в дар необыкновенную красоту лица призванию пустынника и скрывавший ее в монашеском куколе, часто посещал Сергия и принимал его советы для основания обители Николаевской у озера Переславского. Он, восприемник детей Димитрия Донского, удалился от славы мира в пределы вологодские, первый принес туда общее житие и водворил его в обители Спасо-Прилуцкой. Потребность книжная, видно, тогда чувствовалась. Братия жало-

валась ему на то, что мало книг в монастыре. Димитрий отвечал: «Довольно, братия; имеем обычные книги, утешительные душам; если не поленимся хвалить Бога, то, как труба Божия, будем гласить и день и ночь». Есть еще предание об отшельнике. Один из близких соседей принес в обитель пищу и питье; но Димитрий не принял, а сказал: «Отнеси все это назад в дом свой и напитай прежде рабов и сирот в дому твоем, чтобы не гибли голодом, жаждою и наготою, а там уж что останется, принеси и нам» (16).

Ученики Сергиевы основали много обителей: Авраамий – Чухломскую в Галицкой области; Андроник – Спасо-Андроньевскую в Москве; Феодор, родной племянник его, – Симонову; Афанасий – Высоцкую в Серпухове; Савва – Сторожевскую звенигородскую; Григорий – Голутвинскую; Сергий, грек, пришелец с Афонской горы, – нуромскую Спасо-Преображенскую на реке Нурме, в пределах вологодских; Мефодий – песношскую Николаевскую близ Дмитрова; Роман – Киржачскую Введенскую во Владимирской области; Кирилл – Белозерскую на озере Сиверском в пределах белозерских; Павел Комельский, или Обнорский, – Троицкую Обнорскую близ Грязовца, в пределах вологодских.

Мы взойдем в подробности жизни двух последних, и особенно св. Кирилла Белозерского. Оба они связывают четырнадцатое столетие с пятнадцатым. Св. Павел, москвич родом, сын богатых родителей, начал с детства раздавать все нищим, и даже с себя одежду, 22 лет покинул дом отца и постригся на берегу Волги. Слава св. Сергия привлекла его к Троице. Пятьдесят лет жил он в разных самых пустынных обителях и изучал житие иноческое до тех пор, пока не предпринял своего собственного подвига. Семидесяти двух лет удалился он в Комельский лес на речку Грязовицу. Три года дупло старой липы в чаще леса служило ему вместо кельи. Сам жил он, как птица Божия, – и птицы его любили. Он кормил их – и они садились ему на голову и на плечи, а дикие звери кругом ходили мирно. В этом окружении застал его св. Сергий Нуромский, сосед его по пустыне. Через три года и Павел основал обитель, которою

правил сорок лет. Сто двенадцать прожил он – и пустыня его долго славилась святыми подвижниками, а в XVI веке представила Церкви в своих старцах мучеников, погибших от меча казанских татар (17).

Св. Кирилл Белозерский. Житие его. Житие св. Кирилла Белозерского составлено было Пахомием Логофетом (18) в последующем столетии, вскоре по смерти преподобного, по живым следам преданий, которые рассказаны слагателю его учениками. В 1337 году в Москве от благочестивых родителей родился мальчик Кузьма. Рано он лишился их – и поручен был ими родственнику, окольничему Тимофею. Тимофей был знатным лицом в Москве, силен при дворе у великого князя Димитрия, славен и почестями и богатством. Это, конечно, тот самый Тимофей Окольничий, который участвовал в победе Вожской и потом является воеводою на Куликовом поле. Строгая патриархальность обычаев времени видна из того, что окольничий не хотел допустить за стол свой сродника Кузьму до тех пор, пока не пришел он в совершенный возраст. Тогда приставлен он был и казначеем к имению Тимофея. Но у Кузьмы, как у человека с высшим призванием, с малых лет была одна только дума: любимая пустыня. Тимофей и слышать о том не хотел. Тщетно Кузьма тайно от него бродил по монастырям московским; нигде его не принимали: везде боялись гнева окольничьего. Но вот однажды в дом к нему приходит погостить муж, известный великим житием своим, Стефан Махрищский. Кузьма обрадовался такому случаю и открыл сильному гостю свое задушевное желание. Стефан решился принять на себя дело, благословил его в иноки и назвал Кириллом. Вот приходит святой муж к Тимофею и говорит ему: я принес тебе благословение от богомольца Кирилла. – А кто этот Кирилл? – спрашивает Тимофей. – Кузьма, твой бывший сродник, а теперь инок. – Вспыхнул гневом Тимофей, забыв уважение к святому мужу. Стефан произнес грозные слова, заповеданные Спасителем ученикам Его: идеже не приемлют вас, исходяще оттуду и прах прилепший оттрясите от ног ваших – и вышел от Тимофея. Тогда богобоязненная жена

окольничего решилась вразумить своего супруга и сказала ему: «Что ты это сделал? Ведь ты оскорбил святого мужа!» – и повторяла слова, произнесенные Стефаном. Опомнился Тимофей. Послана погоня за обиженным, и, когда возвратился он в дом обидевшего, Тимофей просил у него прощения и благословил желание Кузьмы.

Стефан отвел бельца в монастырь Симонов к архимандриту Феодору, где совершил он искус и принял пострижение. Постепенно готовился он к тому. Старец Михаил, впоследствии епископ Смоленский, руководил Кирилла. Он умерял все порывы молодого усердия и мало-помалу приучал ученика к посту и молитве. Из кельи старца перешел молодой инок в хлебню, на служение братии. Здесь не укрылся он от прозорливости преподобного Сергия, который посещал своего племянника Феодора в его обители. Нередко Сергий прямо хаживал в хлебню и целые часы проводил в душевной беседе с Кириллом. Благоволение великого пустынножителя к молодому иноку сейчас же огласилось в братии и народе и отразилось на нем славою; но смиренный хотел от нее укрыться. Из хлебни он перешел в поварню и здесь принял на себя юродство, за что подвергался наказаниям от игумна до тех пор, пока не открылась настоящая причина его поступков. Вот наконец достиг он и своей особенной кельи, в ней безмолвствует, молится, пишет книги для обители, но все не оставляет и низшего служения братии, работает и в поварне. Архимандрит Феодор призван на святительский престол города Ростова. Кирилл избран на его место, но недолго остается на нем. Безмолвие кельи для него милее власти. Он оставляет власть и снова уединяется. А между тем слава его по народу несется далее и далее, и со всех концов стекаются люди в его тесную келью видеть великого инока и слушать душеспасительное его слово. Такая слава возбуждает ненависть в новом архимандрите Сергии; Кирилл, чтобы уклониться от зла, удаляется в древний монастырь, что на Старом Симонове, и здесь молит Богоматерь указать ему путь спасения.

Павлу Комельскому было 72 года, когда он решился на совершение подвига; Кириллу 60 лет. В том возрасте, когда

люди, утомленные жизнью, сходят со своего поприща, наши пустынножители ощущали в себе бодрые свежие силы и решимость на новые тяжкие труды, на пути дальше, на борьбу с природою. Какая-то сила влекла их всего более на север, *к студеному морю-окияну*, как говорится в их житиях.

Чудесно обнаружилось призвание Кириллу. Раз по обычаю читал он ночью акафист Божией Матери; мысль его остановилась на словах «Странное рождество видевше, устранимся мира и ум на небо преложим», – и сильно загорелась в нем давняя молитва. Вдруг слышит он голос: иди на Белоозеро! Там место твоего спасения – и внезапно горний свет озарил его келью. Он отворил окно – свет изливался от стран полунощных, где скрывалось Белоозеро, а голос звал и манил его туда. Эта ночь была ему светлее дня. Она исполнила его радости и дала ему силу решиться на подвиг.

Ферапонт, товарищ его по пострижению, сам родом с Белоозера, приходит к нему в келью. Кирилл расспрашивает его о странах Белозерских. Ферапонт хвалит ему красоту их пустынь, и вот оба решаются вместе оставить обитель Симонову и идти туда, на Белоозеро.

Долго блуждал Кирилл по стране, которая дала ему прозвище Белозерского и которую наполнил он славою богоугодных дел своих, и наконец обрел он место, указанное в видении. Есть неподалеку от обители гора Мау́ра, самая высокая во всей окрестности; подошву ее омывают волны озера Сиверского, на берегах которого водворился Кирилл. Здесь, на этой горе, лежит гранитный камень и на нем виден след ступни человеческой: по народному преданию, здесь остановился Кирилл и узнал то место, о котором гадала душа его. Поля, леса, луга, воды соединились здесь на огромном пространстве и образовали на самом деле одно из прекраснейших видений земли Русской. С одной стороны, Шексна разлилась самыми роскошными извивами по лугам нескончаемым; с другой озера, как куски голубого неба, сброшенные на землю, в оправах лесов и полей в разных местах ее покрыли. А небу над этим зрелищем во все стороны нет конца, и склоны его, простираясь кругом, кажется,

с любовью захватывают все дива благословенной земли... Здесь успокоилась дума Кирилла – и он пал с благодарною молитвой к Пречистой, увидев наконец место своего спасения.

Начались труды отшельника. Сначала сработал он вместе со своим спутником летнюю келью и выкопал колодезь да подземную пещеру. Но Ферапонт скоро расстался с товарищем и отошел за 15 верст на озеро Паское, где также основал обитель.

Земледельцы собираются около одинокого Кирилла. Они уже прослышали вещий звон и чудесное пение. Исаия, Авксентий Ворон и Матфей Кикос помогают ему рубить чащу и непроходимый бор, где он поселился. Жизнь отшельника подвергается опасностям. Раз, утомленный трудами, он заснул под елью. Невидимый голос разбудил его и заставил отбежать в сторону. Ель зашаталась от ветра и упала на том самом месте, где он лежал: Кирилл вырубил из этой ели крест, до сих пор хранимый в его летней келье. В другой раз, собрав в одно место хворост от вырубленного леса, он зажег его, чтобы приготовить хорошую землю для посева. Вдруг поднялся ветер и раздул пожар, окруживши отовсюду отшельника: но добрый человек, Тимофей, спас его от огня и смерти.

Стала сходиться братия, сначала из Симонова, откуда пришел Кирилл, потом из мест южных. Зачинается обитель. Первая мысль всех построить церковь. Но как быть? Страна дикая, плотников нет. Приходят неожиданно и плотники – церквица построена, и богослужение огласило лесную глушь. Слава Кирилла обносится кругом и привлекает к нему народ. Но является и враг, боярин, промышляющий разбоем: он думает найти у Кирилла богатство многое, но находит только одежду в заплатах да *мало книжиц*.

Кирилл, соединив около себя братию, водворил в ней устав общего жития. Никто не имел права на какую-либо собственность: все было общее. Серебро и золото принадлежало одной казне монастырской. Даже и воду для утоления жажды иноки должны были брать в трапезе, а в келье иметь у себя только для умытия рук. Ни братия, ни сама обитель не должны были просить милостыни у мирян для удовлетворения какой

бы то ни было, самой крайней нужды. Одно соревнование позволено было для братии – о том, кто ранее придет в церковь. Игумен сам служил для всех примером. Никогда в храме Божием не прислонялся он к стене, никогда не садился. Ноги его были как столпы. К целованию иконы и в трапезу шли по старшинству. За трапезой раздавался голос чтеца. Ели три блюда, но Кирилл вкушал только от двух, и то не до сытости. Ни письма, ни поминка нельзя было получить, не показав игумну. За ограду обители никто не выходил без его благословения.

Монастырь до сих пор хранит бедные ризы и одежду преподобного, сосуды и утварь, свидетельствующие о простоте его жизни. Но главное сокровище, конечно, те книги, о которых Кирилл сам сказал враждовавшему боярину. В ризнице монастырской мы находим их 17, кроме святцев, писанных собственною рукою преподобного на пергамене. Из них пергаменные же: Евангелие, труд ученика его, Христофора; здесь находим те самые изменения в тексте начала благовестия Иоаннова, какие видели в рукописи святителя Алексия; Псалтирь Кирилла, писанная также по его благословению; два канонника соборных, из которых один писан может быть им самим, а другой учеником его, Мартинианом. Замечательны две маленькие книжки, написанные на самой плотной хлопчатой бумаге. В них содержатся многие правила св. соборов и св. отец, относящиеся особенно к церковному уставу и к пустынной иноческой жизни. Здесь между прочим встречаем из Василия Великого и вопрошений св. Луки Стирийского правила о том, как единствующим в пустынях позволяется совершать причащение своею собственною рукою, в келье, без священника. Эти книжки, вероятно, сопутствовали Кириллу во время его странствий – и правила, в них изложенные, исполнял он сам на деле. Здесь же находим правила для крещения татар в христианскую веру, о верующих в гады и звери, в часы добрые и злые, паремьи из житий св. Бориса и Глеба и перевод Галеновой «Физики» или сочинения его о большом и малом мире, где естественными причинами объясняются многие явления небесные и земные. Из этой книжки ясно видно, что состави-

тель ее, столько любивший красоты мира Божия, как это показывает место, избранное им для обители, вникал разумом и в причины его естественных явлений для того, чтобы противодействовать предрассудкам и суевериям народным и очищать тем истинную веру христианскую.

Эти немногие книжки Кирилловы были зародышем того огромного и славного книгохранилища, которое после возросло трудами иноков Кирилло-Белозерской обители.

Тридцать лет правил Кирилл обителью – и действовал из нее на всю Белозерскую область и на ее жителей. Обитель его служила приютом для больных и народною житницею во времена голодные. Из своей пустыни отшельник простирал влияние и на князей, вотчинников Белоозера, и на брата их, великого князя Василия Димитриевича. Он поучал их своими посланиями, склонял к смирению, братолюбию и согласию; смело говорил против поклепов, подметов и посулов в судах, против корчемства и пьянства, как порока народного, которым пользуются корчемники, против мытов, как пошлин неправедных. Мы еще подробнее познакомимся с немногими из этих посланий, до нас дошедших, в следующем чтении, когда будем обозревать всю литературу церковных посланий XIV столетия.

Одному из этих князей, сыну Донского, князю Можайскому Андрею Димитриевичу, поручил Кирилл обитель свою в духовном завещании, писанном его собственною рукою и хранимом в ризнице.

Кончина. 10 июня 1427 года преставился девяностолетний старец. Последние слова его к братии, рыдавшей кругом его смертного одра, были: «Не скорбите: если я угодил Богу, то место не оскудеет, а еще более распространится; только любовь имейте между собою; не скорбите, братья и дети, в день покоя моего; уже час мне почити о Господе; предаю вас Богу и Его Пречистой Матери: Он да сохранит вас от всех искушений лукавого, а сын мой, Иннокентий, да будет вам игуменом вместо меня: почитайте его как меня; он исправит ваши недостатки».

Значение его обители. Пророчество основателя обители над нею сбылось. Весь Русский Север озарился ее духовным

светом. Устав общего жития в ней долго стоял нерушимо, без изменений. В ней созрели и из нее вышли многие святые мужи: в их числе Мартиниан, Христофор, Корнилий Комельский и Нил Сорский, первый учредитель скитского жития в России. Князья и цари перед нею благоговели и ее посещали. Грозный то сам желал в ней иночествовать, то громил ее посланиями, как всякую власть, возбуждавшую в нем ревность. В XVI и XVII столетиях она была уже и крепостью государственною и несколько раз отражала нападения литвы.

Так государство извлекало свои выгоды из этих твердынь духовных, облекая их неприступными стенами и исполинскими башнями. Когда вы подъезжаете теперь к Кириллову монастырю, он вас еще издали изумит величием белокаменных столпостен своих. Но первоначальная сила обители была не внешняя вещественная, а духовная. Она пошла от шестидесятилетнего старца, который не знал другого оружия, кроме молитвы и поста, и духом покорял себе плоть и силы природы физической.

Стих об Иоасафе Царевиче. Мы сказали, что все эпохи древней жизни русского народа со всеми их значительнейшими событиями отражаются в нашей народной песне. Пустыня, плод русской жизни в XIV веке, находит свой отголосок в стихе об Иоасафе Царевиче, этом прекрасном пустынножителе индийского Востока, которого житие вместе с учителем его, Варлаамом, составляло, конечно, одно из любимых чтений тогдашнего времени. Этим стихом, в котором отдается XIV век, заключим чтение.

Расплакался млад юнош,
Иосафий Царевич,
Перед пу́стынею стоя:
«Прекрасная пустыня!
Восприми меня, пустыня!
Со премногими грехами,
Со многозорными делами,
Яко матерь своего чаду

На белыя руци!
Научи меня, пустыня,
Волю Божию творити,
Яко матерь своего сына
Все на добрыя дела!
Избави меня, пустыня,
Огня, вечныя муки!
Возведи меня, пустыня,
В Небесное Царство!
Прогласит пустыня
Архангельским гласом:
«О премладый юноша,
Иосафий Царевич!
Еще гда тебе во мне жити,
Волю Божию творити?
Во мне, во пустыне,
Житие смертельное;
Во мне, во пустыне,
Всякия нужды восприяти,
Терпя потерпети,
Трудом потрудиться,
Постом попоститься
И Богу помолиться;
У меня, у пустыни,
Нету цветнаго платья,
Нет сахарных яств
И медвяных пойлов;
Во мне, во пустыне,
Гнилая колода,
Болотная вода;
Во мне, во пустыни,
Тебе будет жити
Грустно и тошно;
У меня ли, у пустыни,
Тебе негде разгуляться,
Не с кем думу думать,

Не с кем слова говорити!»
Расплакался млад юнош,
Иосафий Царевич,
Перед пустынею стоя:
На пустыню взирает,
Пустыне отвечает:
«Могу я в тебе жити,
Волю Божию творити!
Могу я в пустыне
Всякия нужды восприяти,
Терния потерпети,
Трудом потрудиться,
Постом попоститься
И Богу помолиться.
Про тебя, матерь-пустыня,
И Сам Господь знает;
Тебя, матерь-пустыня,
Все архангелы хвалят,
А преподобные прославляют;
Во тебе, матерь-пустыня,
Предтечий пребывает,
Питается Предтечий
Дивим медом-виноградом!
Во тебе, матерь пустыня,
Гнилая колода
То сахарное мне будет яство,
То мне райская пища;
Во тебе, матерь-пустыня,
Болотная вода
То медвяное мое пойло,
То мне тихие прохлады!
Разгуляюсь я, млад юноша,
Иосафий Царевич,
Во зеленой во дубраве;
Там есть частыя древа,
Со мной будут думу думати;

На древах есть мелкие листья,
Со мной станут говорити;
Прилетят птицы райские,
Станут распевати,
Меня будут потешати,
Христа Бога прославляти!
Как Христос Бог на небесах,
Херувимы-серафимы
С небесною силой,
Славен наш Бог прославился;
Велико Его имя Господне на земле!»

ЛЕКЦИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Искусства. – Иконопись. – Зодчество. – Литейное искусство. – Двери. – Колокола. – Рукописи XIV века. – Грамоты. – Памятники словесности. – Каноны церковные. – Переводы с греческого. – Св. Василий, архиепископ Новгородский. – Его послание о земном рае. – Послания патриархов против стригольников. – Послания к князьям св. Кирилла Белозерского. – Путешествия. – «Странник» Стефана Новгородца. – «Хождение» м. Пимена в Царьград. – «Сказание о Мамаевом побоище». – «Слово о житии и преставлении в. князя Димитрия». – Летописи. – Московская. – Новгородская. – Псковская. – Тверские события. – Пострижение в. кн. Михаила Тверского. – Народные песни эпохи татарской. – «Щелкан Дудентьевич». – «Калин царь». – «Михаил Казаринов». – Три колыбельные песни. – Ненависть к татарам. – Татарские слова в русском языке

Мы познакомились с внутреннею духовною жизнию русского народа в XIV веке. Взглянем теперь на состояние искусств и на рукописные памятники того же столетия.

Искусства. Иконопись. Первым иконописцем в начале века был святитель Петр. Москва в Успенском соборе благо-

говейно чтит две иконы, по преданию, им писанные: Успение Божией Матери и Богоматерь, известную под именем Петровской. В 1344 году, при Симеоне Иоанновиче, храм Успения Богоматери расписывали греческие живописцы митрополита Феогноста; храм Архангела Михаила – русские иконники Великого князя Симеона: главные мастера, Захария, Иосиф и Николай с их товарищами; храм Св. Спаса – иконник мастер Гоитан, судя по имени иностранец, и с ним русские: Семен и Иван. Под 1395 годом упоминаются два живописца: Феофан Грек да Семен Черный со своими учениками. Новгородский летописец называет двух живописцев-греков, Исаию и Феофана, расписывавших церкви Новгорода.

Феодор, архимандрит симоновский, а после архиепископ Ростовский, занимался иконописью и, по преданию, написал образ своего дяди, преп. Сергия. Игнатий *златый*, спостник Кирилла Белозерского, украсил иконами монастырь Симонов.

Царьград посылал нам также свои образа. Святитель Алексий привез из Царьграда икону Спаса Нерукотворенного, хранимую как святыню в Андроньевом монастыре, им основанном. Дионисий Суздальский в Царьграде списал с иконы Богоматери Одигитрии два списка: один для нижегородского храма Преображения, другой для суздальской соборной церкви. Царь Мануил и Царьградский патриарх в благодарность за помощь, оказанную против турок, отправили ко всем русским князьям иконы вместе с мощами святых и тогда же прислали В. князю Василию Димитриевичу икону Спаса в белой ризе. Серпуховский Высоцкий монастырь, устроенный Афанасием, учеником Сергия, хранит у себя деисус, состоящий из семи поясных икон в иконостасе. Есть предание, что они присланы императором Мануилом и патриархом, может быть по ходатайству Афанасия, поселившегося в Царьграде, в обители Студийской.

Зодчество. Древнейший памятник зодчества XIV века есть, конечно, храм Преображения, известный под именем Спаса на Бору, возобновленный недавно в первоначальном своем виде так, что можно ясно отличить первобытную фор-

му здания, очищенную от всех позднейших пристроек. Первоначальное основание соборов Успенского и Архангельского относится к этому же веку. Церковь каменная во имя Иоанна Лествичника под колоколами на площади Ивановской, названной по ее имени, в первый раз заложена была в 1328 году. Новгородский летописец часто говорит о строении каменных церквей в Новгороде; псковский – о том же во Пскове. Пожары беспрерывно истребляли храмы; но деятельность пастырей и усердие граждан также беспрерывно воздвигали новые. Не одно храмовое зодчество действовало: с ростом государства зачиналось и государственное. Великий князь Димитрий Иоаннович заложил в Москве каменный город. Новгородский владыка Василий возобновлял мост на Волхове своими людьми.

Литейное искусство. Двери. В Твери епископ Феодор в церкви Преображения в 1343 году устроил медные двери, а в 1358-м – мраморный пол. Еще прежде того, в 1336 году, в Новгороде у Святой Софии владыка Василий устроил двери медные вызолоченные. Нам осталось двои дверей новгородских. Одни вывезены из Новгорода Грозным в его Александровскую слободу после разгрома новгородского в 1570 году и украшают соборную церковь города Александрова: они известны под именем Васильевских, потому что приписываются владыке Василию. Литье их относят к 1336 году. Судя по словам Татищевского свода летописей: «привезше из немец, купи ценою великою», некоторые думают, что они были вылиты в Германии. Но признаки новгородского наречия в надписях показывают, что дело совершено было под надзором людей новгородских. Другие двери, известные под именем Корсунских, находятся в новгородском Софийском соборе. Аделунг посвятил им обширное исследование. Ученый приписывает эти врата Василию, а родиною их несомненно утверждает Германию и в ней город Магдебург. Изображения и имена литейщиков: Риквина, Авраама и Вайсмута; изображение славного магдебургского архиепископа Вихманна, жившего в XII веке; смешение преданий латинских с византийскими, надписей римских со славянскими; немецкие одежды средне-

го века на изваянных ликах служат ясными доказательствами тому, что двери литы были в Германии.

Колокола. Искусство лить колокола, столько необходимое для нашего богослужения, привлекало внимание летописцев. При Симеоне Ионновиче в 1345 году, иждивением его и братьев его, Иоанна и Андрея, мастер Борис Римлянин вылил три больших колокола и два малых. Того же мастера владыка Василий приглашал из Москвы в Новгород еще в 1342 году – лить большой колокол для Св. Софии.

Рукописи. Пускай теперь XIV век раскроет перед нами свои книжные сокровища, уцелевшие от времени. Вот рукописи, означенные верными годами: 1) Евангелие апракос 1307 года, Синодальной библиотеки, писанное попом Поликарпом. Правописание замечательно признаками южного выговора (1); 2) Апостол того же 1307 года, С. б., расположенный также по чтениям церковным; писан Диомидом для Пантелеймонова монастыря во Пскове. В послесловии встречаем упоминание о междоусобной рати князей Михаила и Юрия за княженье новгородское, и выражение по этому случаю, заимствованное из слова о полку Игореве: «при сих князех сеяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наши в князех которы и веци скоротишася человеком» (2); 3) Апостол 1309–1312 годов, Син. б., по церковным чтениям, писан Максимом Павловым, сыном священника, по-мирски Станимиром, при архиепископе Новгородском Давиде, при Великом князе Новгородском Михаиле Ярославиче. Тарасий Антонович, староста церкви Св. Воскресения, подарил ей этот Апостол, а потом чернец Александр купил его для монастыря Св. Пантелеймона. (3); 4) Евангелие апракос 1354 года, Син. б., писано чернецом Иоанном Телешом по замышлению Алексия Константиновича, при Великом князе Иване Ивановиче, при архиепископе Переяславском Афанасии, правившем митрополиею Московскою по случаю отъезда митрополита Алексия в Царьград (4); 5) Новый Завет собственноручный св. Алексия митрополита, хранимый в Чудове монастыре и писанный в 1355 году (5); 6) Евангелие апракос, 1355 года, Синод. б., писано двумя писцами, Леони-

дом и Григорием, при Новгородском архиепископе Моисее (6); 7) Евангелие апракос, С. б., 1357 года, писано в Галиче, в княженье Великого князя Ивана Ивановича рукою писца Феофана (7); 8) Евангелие апракос, С. б., 1358 год, писано двумя писцами, Лукьяном и Феодором, при том же Великом князе и при митрополите Алексии (8); 9) Паремейник Румянцевского музея; содержит церковные чтения из Ветхого Завета, читаемые на вечернях; писан 1370 года в Спасском монастыре при игумне Авраамии рукою чернеца Афанасия. На память св. мучеников Бориса и Глеба, под 24 июля, встречаем повествование о убиении их под тем же названием, как встречались они и в прошлом столетии: *от бытия чтение.* Видно, что Церковь во времена княжеских междоусобий не переставала возглашать в храмах эти назидательные чтения (9); 10) Список самый древний Несторовой летописи, рукопись И. публ. б., писан в Суздале монахом Лаврентием и потому названный Лаврентьевским и Суздальским; докончен в 1377 году, при Великом князе Суздальском Димитрии Константиновиче и при епископе Дионисии (10); 11) Четвероевангелие, расположенное по евангелистам, но с указанием зачал, Синод. б., 1383 года, писано в Константинополе. Список весьма замечателен по чистоте и исправности текста (11); 12) Служебник Румянц. муз., 1386 года; 13) «Лествица» Иоанна Лествичника, оконченная в 1387 году в Студийской обители м. Киприаном, Библ. Моск. дух. акад. (12); 14) Четвероевангелие из библиотеки графа Толстого, писано дьяконом Зиновием в Переяславле, в Введенском монастыре, при игумене Савве в княжение Василия Дмитриевича (13); 15) Тактикон, или Чиновная книга, творение Никона Черногорца. Писана в 1397 году по приказанию новгородского архиепископа Иоанна в Рождественский Богородичный монастырь калугерами Яковом и Пименом со списка, принесенного с Афонской горы игуменом Иларионом при начальстве ученика его Варлаама (14а).

В Синодальной библиотеке находится еще два 16 и 17) Параклита, содержащих в себе каноны церковной службы осмогласника, один 1369 года, писанный во Пскове, другой

1386 года. В ней же сохранились две рукописи, писанные у наших единоверцев: 18) Леонтия епископа Кипрского житие Иоанна Милостивого, писанное в 1348 году на хлопчатой бумаге для болгарского царя Иоанна Александра священноиноком Лаврентием и 19) «Летописец Георгия мниха Амартола от Адама по царство Константина и Ирины», писанный на Афоне в Хиландарском монастыре на хлопчатой бумаге в 1386 году иноками Романом и Василием для Радована.

Прибавим к этим рукописям еще четыре, недавно открытые в новгородской Софийской библиотеке и описанные г. Куприяновым; 20) Евангелие служебное (апракос); писано при новгородском архиепископе Моисее, с признаками русского полногласия, доводимого до крайности; 21) Евангелие служебное, 1362 года, писано при владыке Алексии его паробком Микулою; 22 и 23) Две «Минеи» служебных, 1369 и 1370 года; обе писаны при том же Алексии паробком его Симеоном (14b).

Все эти рукописи писаны большею частью на пергамене, за исключением Болгарской и Афонской, уставным и полууставным почерком. В одном только Служебнике встречаются листы хлопчатобумажные; но и те вставлены в следующем столетии. Правописание русское в них господствует. Нередко видны следы местных наречий, где писалась рукопись, особенно новгородского.

Из сличения семи первых списков Евангелия, здесь приведенных, несмотря на общее единство текста, во всех ясно видны в каждом новые поправки против греческого подлинника. Заметно также стремление выразить иногда греческие термины или обороты русскими, им соответствующими, иногда же славянское устаревшее слово более современным народным, даже местным областным. В двух списках Апостола, почти современных друг другу, находим те же разноречия в тексте от тех же самых причин (15).

Мы обозрели рукописи, обозначенные верными годами; но есть многие другие, без годов, относимые нашими палеографами к XIV веку. Некоторые писаны не на пергамене, а на бумаге, сделанной из хлопчатой, весьма плотной, называе-

мой бомбициною. Самые древнейшие письменные памятники наши, писанные на этом веществе, – две грамоты Симеона Гордого: его договор с братьями 1341 года и духовное завещание 1353-го. В княжение Симеоново бумага довольно быстро начала распространяться по России; вероятно, получали мы ее через Новгород (16).

Грамоты. К XIV же столетию относятся многие грамоты, обозначенные годами, как памятники нашей государственной жизни: новгородских, содержащих в себе договоры князей с Новгородом, четырнадцать; княжеских, духовных и договорных – пятнадцать. Все они писаны старинным русским языком и представляют драгоценные памятники не только древнего нашего быта, но и сильного народного слова. Благородно держит Новгород свою свободную речь к князьям своим: «Княжение твое честно держати по пошлине, без обиды; а тобе, господине, тако же держати Новгород, по пошлине, без обиды». Ревнив он к земле своей, как достоянию новгородской общины и Св. Софии, и ни за что не уступает ее под села ни князю, ни его княгине, ни боярам, беспрерывно повторяя в своих грамотах эти краткие и сильные слова: «А земля к Новугороду, – а земля к святой Софии, – а земля святой Софии к Новугороду, – а новгородское Новугороду». Сознавая, что одна любовь только может соединять князя с миром, он не допускает никакого в нем произвольного чувства: «А гнева ти, княже, до Новогорода не держати, ни до одиного человека». Крепко стоит за право суда своего: «А без посадника ти, княже, суда не судити» – «а самосуда не замышляти», – за право народного управления: «а волости новгородския держати ти не своими мужи, а мужи новгородскими», – за свои грамоты крестные с немецкими городами, чтобы князь на них *не наступался, а блюл бы душу новгородскую*. Сознает Новгород монгольское иго, тяготеющее на его князе, и как бы с гневным укором говорит ему: «А вынесут тобе из орды княжение великое, нам еси князь великий; или пак не вынесут тобе княжения великого из орды, поити твоим наместникам из города проць, и из новгородских пригородов; а в том Новугороду измены нету».

Беспощаден Новгород к тем малым князьям, которым поручил он города или волости, если они не исполнили принятых на себя обязанностей. Князю Федору Михайловичу отдал он город стольный Псков, и он ел хлеб его, а как пошла рать, отъехал, покинув город, а новгородского и псковского поклона не послушал. За то Новгород говорит отцу его Великому князю Михаилу Ярославичу: «Тобе, княже, не кормити его новгородским хлебом, кормити его у себе». Другого князя, Бориса Константиновича, кормил Новгород корелою, а он корелу всю истерял и за немцев загнал. Ему также отказывает Новгород в своем хлебе, говоря Великому князю: «А тобе, господине, новгородским хлебом не кормити его».

Величава и сильна народная речь Новгорода с князьями.

В грамотах княжих видим, с одной стороны, крепость семейного союза в словах: «быти ны за один до живота, а брата своего старейшего имети ны и чтити во отцево место». Старший брат, Симеон, такую держит речь к младшим своим братьям: отец наш «приказал нам жити за один, такоже и яз вам приказываю жити за одинъ… А пишу вам се слово того деля, чтобы не перестала память родителей наших и наша, *и сеча бы не угасла*». Димитрий говорит своим детям: «а вы, дети мои, живите за один», и беспрерывно повторяет: «а матери своей слушайте во всем, из ея воли не выступайтеся ни в чем». С другой стороны, при благословении митрополитов Алексия, Киприана, игумена Сергия, по совету разумных бояр, вырабатываются между князьями государственные отношения, и Великий князь Московский Димитрий так выражается уже князю Владимиру Андреевичу: «А тобе брату моему молодшему князю Володимеру держати ти подо мною княженье мое великое честно и грозно», – и потом прибавляет: «подо мною и под моим сыном под князем под Васильем, и под моими детьми». Князья начинают чувствовать потребность государственного живого единства и говорят: «А князья великие христианские и ярославские с нами один человек». Наконец монгольское иго сильно уже чувствуется – и дань ордынская называется везде: *ординская тягость* и *протор.* Сильно сознается и по-

требность общей думы князей в делах с татарами: «с татары оже будет нам мир, по думе; а будет нам дати выход, по думе же; а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тобе с одиного всем противу их; или мы пойдем на них, и тобе с нами и с одиного пойти на них». Провидится впереди и освобождение, если не для себя, то, по крайней мере, для детей своих. «А переменит Бог орду, дети мои не имут давати выхода в орду», – говорит Донской в своем духовном завещании.

Все эти сильные слова, переходя из рода в род между князьями, содействовали развитию самостоятельной государственной жизни в Отечестве.

Памятники словесности. К памятникам словесности XIV века, кроме рассмотренных прежде, принадлежат церковные каноны, переведенные с греческого, и другие переводы, послания Церкви и ее духовных представителей, жития святых, описания путешествий, совершенных русскими, слова-сказания о современных событиях и летописи. Рассмотрим их по порядку.

Каноны церковные. Каноны, укреплявшие дух народных в бедствиях того времени, слагала Константинопольская Церковь, и особенно патриарх ее Никифор, Исидор, Филофей и Нил. Эти события были почти одинаковы и у нас, и на всем православном Востоке: «враги агарянские», как их называет церковная песнь, и смертоносная язва, черная смерть, губившая по временам целые города и села. У нас присоединялись к тому еще и княжеския междоусобия. Из содержания канонов видно, что слагатели этих скорбных духовных песней общею молитвою Церкви обнимали и нас. Мы уже знакомы с некоторыми из этих канонов и молитв, переведенными митрополитом Киприаном. На других не означены имена переводчиков, но по содержанию они должны относиться к тому же времени.

В «Молении певаемом за князя и за люди, егда исходити противу ратным» раздается тот же псаломский стих, который теперь мы слышим при молитвенном воспоминании о 1812 годе: «С нами Бог, разумейте, языци, и покоряйтеся, яко с нами

Бог». В «Каноне молебном к Господу нашему Иисусу Христу и ко всем святым, певаемому за князя и за люди, егда исходити из града противу ратным» читаем: «Яко фараона гонителя и того колесница погуби: тако, всех Царю, *агарьскыа* погуби *враги*, на нас убогих вооружающая брани.

В час, владыко, явися десницею ополчая иже на Тя уповающим, всегда скрушити *главы агарьскыа* крепце.

Крестом Твоим погуби *агаряны*, Боже, и на ня укрепи десницу раб твоих, державне, яко да величаем многую Твою державу, Щедре, и благость».

Церковь призывает всех святых своих воителей, Меркурия славного, Евстафия воителя, Артемия Великого, Георгия Победоносца, великого Димитрия Селунского, двух Феодоров светлых, Прокопия и Нестора, храбрых и непобедимых, чтобы помогли верным людям *поганское шатание низложиты*. К Богоматери так возносит она свою молитвенную песнь: «Пречистая, не дажь врагом взнестися, иже Тебе не хвалят, ни Твоего Сына, Богородице Чистая, и Твоей иконе не покланяются».

«Канон молебен на поганых, творение патриарха Филофея» так обращается к Иисусу Христу и Пречистой Его Матери.

«Силою непобедимою, Христе, Матере Своея молитвами препоясав князя нашего, покори ему поганых шатаниа, ты бо державен един во бранех, человеколюбче.

Буесть беззаконных враг, злую гордость и шатание, покори под нозе, молим, Владычице, верным князем нашим твое заступление оружия страшно одевающе».

Русские не могут без умиления перечитывать эти молитвы, вспоминая, сколько силы почерпали в них предки для тяжкой борьбы с татарами на берегах Вожи и Дона.

От врагов внешних Церковь переходит и к вражде внутренней и стремится смягчить ее и водворить единство такою молитвою, сложенною также патриархом Филофеем: «Верныа же князя наша силою на супротивныа одев непобедимою, возглаголи мирная в сердци их о друг друзей, о Церкви Твоей, и о людех Твоих всех съкрушеных напастьми, якоже зриши, и истомленных всюду» (17)

Раздор от властей переходил и на зависящих от них. Вражда, как бы узаконенная державцами земли, врывалась, как язва, в домы и семьи. И на эти внутренние глубокие раны Церковь простирала свою цельбу молитвою «в любовь еже есть мир» и другою – «еже от вражды смиряющихся».

В то время, когда черная смерть, язва XIV века, губила народ, вот какие песни воспевала Церковь в своих храмах:

«Умиления, Христе, и покаяния отверзи дверь; даруй ми стенание и слезам источник, прилежное рыдание от сердца истинно, яко да покланяюсь.

Время конца прииде, предста посреди, спешит посечение, належит зелне; приидете, рыдаим; судию, взлюбленнии, покаянием воздвижем.

Путь им же и течем, жития во истинну сень и сон, яко птиць скоро мимоходить…

Стенем и въсплачем. Общее составим вси рыдание, гнева Божия нерастворенное, покаянием и слезами растворити потщимся.

Слово умертвися и дело, всякого студа исполнь. Иже слова божественнии проповедници, предстаните ми в час скорбей сих.

Каплю жажуща мя во пламени искушениих, якоже и милосердаго богата, прохладити умилосердитеся моля, апостоли славнии, реки бывше божественныя благодати».

Патриарх Филофей в это самое время двумя молитвами своими так призывал народ к покаянию и так изображал всеобщее бедствие:

«Согрешихом и беззаконновахом, не оправдихом, преблагий владыко, преступихом спасеныя ти заповеди и священныя обеты наша... Именем токмо и словесы честное евангелие и истинного христианства, окааннии, обносим... Руки наша ко всякому граблению и несытству прилежнии быша; ноги же быстры и удобни ко всякой неправде…

Запустеша и гради, погибоша и торжества и священныа празднества, и свершенна божественных пений составлена умолкоша. Храми добрии и велиции: по Писанию, несть и

живущаго в них. Страх и трепет прииде на ны. И тьма толста и мрачна грозныя сия смерти всех покры. Не успеваем, Владыко, скончевающихся, яко же обычно, рыдати подобающеи – и конец нас постизает, и иных взыскуем рыдающих нас, и общему гробу предаемся… преже смерти страхом смерти окаянне умирающе…»

Грустно-значительны становятся для нас эти песни и молитвы, когда прочтем в летописях XIV века описание этой всемирной болезни. Попы не могли провожать мертвых по одному от двора: не успевали от множества умиравших. Каждый должен был привозить мертвых своих прямо на церковный двор. За ночь к утру собиралось до тридцати, а иногда и более мертвецов около одной только церкви. Всем был один провод, пели одну надгробную песнь; только душевную разрешительную молитву каждому говорили особенно. По три и по пяти мертвых клали в один гроб. Недоставало могил для погребания. Разрывали целые места, и тела хоронили вместе. Вопль не умолкал. Многие шли в монастыри, мужи и жены. Другие, в заботе о душах своих, отдавали села и имения монастырям, церквам и нищим.

Были у нас и свои слагатели канонов, как, например, Прохор, епископ Ростовский, сложивший канон святителю Петру.

Переводы с греческого. Кроме канонов и молитв к этому столетию относятся еще другие переводы с греческого. Инок Исаия, родом серб, в 1371 году совершил в своем отечестве перевод творения Дионисия Ареопагита «О небесном священноначалии». Перевод, уцелевший у нас, нередко встречается в рукописях и помещен под 3 октября в «Великих четьих минеях» митрополита Макария. Переводчик в предисловии жалуется на тяжкое состояние своего отечества в то время, когда доканчивал он свой труд: тогда Углеш, царь сербский, вместе со множеством своего войска пал от руки турок, и Сербия начала уже испытывать варварское их иго. Другой замечательный перевод совершен был в 1385 году Димитрием Зографом: подлинником избрана греческая поэма Георгия Писида «О сотворении мира»; судя по тому, что язык перевода назван рус-

ским, до́лжно думать, что он совершен был в России. Нередко встречаем в этой поэме поэтические мысли, довольно сильно выраженные древним славянским языком; но греческий синтаксис вообще насильственно господствует над славянским, затемняя смысл перевода. О воздухе, например, сказано, что «неоскудно его течение, бессребренно даяние, ни богатый, ни бедный не восхитит дыхания лишнего, но всем раздает он равную благодать». Солнце – «общее око, всевидимая зеница, всепитательный огонь, под землею оно – вечер, над землею – деятель дня, всемирное зерцало... Ничто не скроется от его хождения; оно постигает и *доконечныя глубины*». Времена года, подобно девам, сплетающим персты свои в одном лике, подвижным хороводом составляют образ доброчинного жития. Земля – корабль, стоящий на воде и носящий всю вселенную; она посыпает песок, как стену, кругом моря и в нем имеет тонкую ограду против бури. Замечательно объяснение образованию града: в глубинах облачных зарождается он каплями; потом холод окаменит в них слабое и *омраморит* град, и он льется кругло и каменнообразно. Описание тела человеческого, в котором насаждено огнеобразное сердце, представляет много пластического и живописного. Знание многих явлений природы и стремление объяснить их простыми законами естества весьма замечательны в этом произведении, которого подлинник относится к VII веку по Р. Х. – Иоанн, монах афонский, в 1399 году перевел «Плены Иерусалима» и «Книгу премудрого Иосифа Маттафиева, или Историю Маккавеев». Все эти труды наших ученых соплеменников сохранились у нас, потому что и тогда уже мы имели частые и деятельные сношения с Афоном и Царьградом.

С большою вероятностью до́лжно отнести к этому же времени перевод греческого сборника, известного под именем «Пчелы», и распространение ее списков в пределах России. По новым исследованиям молодого ученого, обещающего трудами своими обильную жатву для истории нашей древней словесности, г. Бессонова, утвердить можно, что перевод «Пчелы» совершен был на славянский язык русскими в Царьграде или

на Афоне и распространен через наших странников, особенно новгородских. «Пчела» остроумными изречениями греческих мудрецов пришлась по духу и вкусу народа и подверглась скоро у нас своеземным переделкам (18а).

Перейдем к посланиям. Первое по времени принадлежит архиепископу Новгородскому Василию.

Св. Василий, архиепископ Новгородский. Святитель Василий двадцать один год, четыре месяца и два дня управлял новгородскою паствою. Когда Моисей захотел принять схиму и удалился на покой в монастырь, новгородцы восемь месяцев оставались без владыки. Наконец весь город и все духовенство избрали священника Козьмодемьянской церкви на Холопьей улице, Григория Калеку, мужа доброго и смиренного, который был уже известен народу своим странствием в Иерусалим и к берегам Иордана. Григорий постригся, принял имя Василия и возведен народом на сени владычнего дома, а потом на Волыни поставлен в архиепископы митрополитом Феогностом.

Деятельность этого пастыря была неутомимая. Новгородская летопись изображает его великим строителем. Он строил великую каменную стену Новгорода, два раза мост через Волхов, покрывал дважды свинцом собор Софийский и утверждал на нем крест, лил для него колокола, украсил его медными золочеными дверями, известными и теперь под именем Васильевских, соорудил много храмов, возобновлял истребленные пожарами, расписывал их мастерами греческими.

Внутренняя деятельность пастыря была миротворная. Он мирил Новгород с Иоанном Калитою и Симеоном Гордым, несколько раз укрощал внутренние его междоусобицы, когда одна сторона в оружии выходила на другую и примирением обеих возвеличен был крест, как говорит летописец. Феогност дал Василию крещатые ризы, а патриарх Филофей украсил его белым клобуком.

Когда Магнус, король шведский, вызывал новгородцев на прение о вере и приглашал их прислать на то философов, обещая доставить и своих, чтобы решили: которая вера лучше? – владыка Василий отвечал королю: если хочешь узнать,

чья лучше, пошли в Царьград к патриарху; мы приняли веру от греков, а с тобою о вере спорить не будем. Новгородцы, движимые ревностию Василия, крепко отстаивали единоверных нам корел против Магнуса, который силою хотел обращать их в свою веру.

Василий скончался жертвою любви к своей пастве. Псков страдал язвою, известною под именем черной смерти, и звал к себе пастыря на духовное утешение. Василий поехал к псковичам, благословил их и, возвращаясь оттуда, тяжко заболел на берегу реки Узы и скончался 3 июля 1352 года.

Его послание о земном рае. От него-то осталось нам «Послание к епископу Тверскому Феодору о земном рае», внесенное в «Степенную книгу» и в Софийский временник. Поводом к нему были прения, происходившие об этом предмете в тверском духовенстве и народе. Василий счел обязанностью написать это послание к Феодору, следуя примеру апостолов. Феодор полагал, что земной рай, где водворен был Богом первый человек, погиб и что надобно воображать его мысленно. Василий опровергает это мнение, утверждая, что рай Адамов надобно считать на земле действительным, равно как и ад. Он ссылается на святых Макария, который жил в двадцати поприщах от рая, и на Евфросина, который был в нем и вынес из него три целебных яблока (18b). Он приводит слова Иоанна Златоуста, что Бог насадил рай на востоке, а на западе уготовал муки.

На западе Европы в XIV и даже XV столетиях существовали почти те же самые мнения. Основанием для них служили слова о рае св. Василия Великого, блаженного Августина и блаженного Амвросия Медиоланского. Августин предполагал его на вершине горы, которая непомерно высока и достигает четвертого слоя атмосферы, приближающейся к луне. Дант, основавшись на этих мнениях, поместил рай на верху горы Чистилища, противоположно Иерусалиму. На географической карте 1346 года остров Тенериф назван адом, а на карте 1436 года Андрея Бианко рай со своими четырьмя реками помещен на юге Азии.

Известна любовь наших древних новгородцев к странствиям и удалым предприятиям. Ей мы обязаны распространением наших владений на север и восток России. Видно, что и новгородские путешественники любили рассказывать на родине чудеса о своих странствиях. Василий приводит их свидетельства о существовании ада и рая на земле. «А муки и ныне суть на западе, – говорит он, – много детей моих, новогородцев, видоки тому: на дышущем море червь неусыпающий, скрежет зубовный и река смоляная – Могр, и вода входит в преисподняя и паки исходит трижды денем». А место святого рая находил Моислав Новгородец и сын его Яков, а тех мужей дети и внучата ныне живут в добром здоровьи. Вот рассказ их. Три было у них юмы (то есть лодки): одна из них много блуждала и погибла; другие две море долго носило ветром и принесло к высоким горам. На горе увидели они деисус, написанный чудным лазурем, сотворенный как будто не человеческими руками, а Божиею благодатию. Солнца они не видали, а свет самосиянный светлее солнца разливался кругом; на горах же слышно было ликование, раздавались голоса веселые. Двое по очереди всходили на гору и, увлеченные голосами, к своим не возвратились. Третьего привязали за веревку: он, как и первые двое, всплеснул руками от радости и побежал на голоса, забыв на ногах веревки; но когда сдернули его вниз, он был уже мертв. Замечательно, что и в преданиях новгородских встречаем ту же высокую гору, какая от времен блаженного Августина соединялась на западе с преданием о земном рае. Богомольные странники в народе русском до сих пор воображают земной рай в землях сибирских и рассказывают, что там есть такие пустыньки, где живут святые старцы: кругом зима и снег, а у них растет всякое древо и на деревьях висят всякие плоды.

Из этого послания мы узнаем о тех странствиях, которые Василий еще до своего пострижения совершил по Востоку. «Самовидец есмь сему, брате, – говорит он, – егда Христос идый в Иерусалим на страсть вольную, и затвори своима рукама врата градная, и до сего дени не отворими суть; а егда

постися Христос над Ерданом, своима очима видел есмь постницу его, и сто финик Христос посадил, не движими суть и до ныне, не погибли, ни погнили».

«Послание» заключается указанием на будущий рай. Насажденный рай не погиб на земле, по мнению Василия, он светит самосиянным светом, твердь его до гор раевых; а мысленный рай будет тогда, когда небо и земля по Втором Пришествии будут новые. «То и есть, брате, мысленный рай, егда вся земля просвещена будет светом неизреченным, исполнена радости и веселия, яко же апостол Павел глаголет, егда восхищен бысть до третьего небеси: око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыде, еже уготова Бог любящим Его». Такими думами о водворении рая на земле заняты были избранные мужи Древней Руси в половине XIV столетия.

Послания патриархов против стригольников. Живая связь Константинопольской Церкви с ее русскою паствою обнаруживается в посланиях патриархов Нила и Антония к псковичам по случаю ереси стригольников. Мы знаем, что отвечал архиепископ Василий королю Магнусу, когда он приглашал духовенство новгородское на прение о вере. Василий указал на Царьград как на источник, откуда мы приняли веру, и на наше с ним церковное единство. Ответ свидетельствует перед нами, как живо и действенно могло быть слово царьградских патриархов на народ в таком важном событии, которое угрожало нашему духовному единству. До́лжно думать, что ересь началась в Новгороде, а потом перешла во Псков. Новгородская летопись под 1376 годом упоминает, что народ побил стригольников, диакона Никиту, диакона Карпа и еще человека его, и сбросил их с мосту в Волхов, неправильно истолковавши евангельское слово: аще кто соблазнит единого от малых сих, лучше будет ему, да обвесится камень жерновный о выи его и потонет в пучине морстей. Начальником ереси в Антониевом «Послании» назван Карп диакон. Ремесло стригольников, давшее имя еретикам, показывает, что ересь возникла в простом народе. Было ли какое-нибудь иноземное влияние, подавшее к ней повод? Исследователи не допускают.

Причину ереси положить можно со всем вероятием в свободном духе новгородцев и псковитян, которые обнаруживали непокорность свою властям, как светским, так и духовным, избегая суда митрополичьего. Повод же к ереси заключался, конечно, в каких-нибудь злоупотреблениях духовенства, жившего среди народа торгового и богатого: это предположение получает тем бо́льшую вероятность, что первым предлогом к отступлению еретиков было поставление на мзде.

Обнося ставление иереев святокупством, стригольники не хотели иметь священников по рукоположению и преданию, а в порыве высокоумия сами себя поставляли в учители народу и произвольно толковали Священное Писание. Отвергая священство, они не могли совершать и таинств, но вполне их не отрицали. Они допускали внутреннее покаяние, хотели, чтобы человек сам про себя в землю каялся, а не священнику, перед ним предстоящему. Они восставали также против молитв об усопших. Основанием же главным всему учению их, как видно, было произвольное толкование Священного Писания без преданий Церкви: это ясно выражено в послании патриарха Антония словами: «Книжное почитание, рекша, правоверным недвижимо спасение». Самое появление в простом народе такой ереси, которая признавала свободное чтение священных книг началом истинного спасения, уже показывает, как распространено было Священное Писание в народе.

Жестокая казнь, которой новгородцы подвергли своих еретиков, как видно, не подействовала. Ересь продолжалась, потому что через шесть лет после казни, в 1382 году, Дионисий, поставленный в Царьграде в архиепископы Суздальские и Нижегородские, привез от патриарха Нила псковичам грамоту с поручением «да благословит их, поучит и накажет, и да совокупит соборной апостольской Божией Церкви». По всему вероятию, самая грамота если не прямо была написана на славянорусском языке Дионисием, то, по крайней мере, переведена им с греческого подлинника.

Церковный учитель обращается в послании своем ко всему народу псковскому, именуя прежде бояр, посадника и сот-

ских, и в числе сыновей и чад своих ставит даже и тех, которые отступили от соборной Церкви и христианского общения. Такое кроткое и мягкое обхождение патриарха с отступниками, конечно, привлекало к Церкви любовь народную. Нечистая сила, говорит он, лишившись в идолослужении, пропавшем без вести, средства уловлять народ, пустилась в ереси и с самого начала христианства учила людей именовать Сына Божия тварью. Она же действует и в новой ереси. Все содержание послания сосредоточено в мысли о мнимом поставлении иереев на мзде. Злоупотребления некоторых епископов не могут оправдывать отсечения от Церкви, ибо смысл всей Церкви не тот. То, что здесь злоупотребление, в Римской церкви – правило (19).

Послание Патриарха Антония (1388–1395) к тем же псковичам гораздо подробнее обличает все учение ереси и предлагает советы самые деятельные против нее. Новгородская летопись под 1394 годом говорит, что патриарх Антоний с вифлеемским владыкою Михаилом прислал Новгороду две грамоты на поучение христианом. Сокрушаясь духом о раздоре, отделившем часть народа от служителей Божиих через Карпа, отлученного диакона и стригольника, патриарх через посланного им архиепископа Суздальского Дионисия приглашает псковичей соединиться во благое, в смирение и любовь к иереям, воздать Церкви Божией должное покорение. *Церковь всем входна*: она, как мать, порождает все крещением святым, питает все живущее в ней, одевает и веселит все, в нее вселившееся... Бог в Церкви хранит и предлагает нам плод вечной жизни, причащение Святых Таин. Диавол, сначала удаливший человека от древа жизни, силится и теперь удалить его через стригольников от причащения тела и крови Христовых. Подобно Корею, Дафану и Авирону, они восстают на чин истинных священников и сами, не имея ни священства, ни святительского сана, поставляют себя в учители народу. Рукоположение ведет начало свое от Иисуса Христа и апостолов: по живому преданию оно дошло до наших священников. Смотри на иерея, совершающего Божию службу, как на Христа в Сионе, вечеряющего с учениками. Не рассуждай

и не испытывай об иерее Божием, достоин он или нет. Помните вы, стригольники, что говорит апостол Павел, смотрите на себя, а не на иерея Божия. И вы осмеливаетесь называть их недостойными духопродавцами! Но скажите, еретики, где хотите вы попа взять себе? Не придет Христос во второй раз воплотиться на земле, не сойдет ангел освятить вам попа; но если бы и ангел освятил вам попа, то и ему не подобает веровать, по словам апостола: «Аще ангел вам благовестит паче проповеданаго, еже приасте, проклят да будет».

Вы осуждаете духовенство за то, что оно от Церкви питается. Кто насадит виноград, от плода его не ест ли? Кто пасет стадо, от молока его не ест ли? Завистию подстрекаемые, вы восстаете на священников, желая их честь себе перехватить; изучив словеса книжные, которые сладко слышать христианам, вы поставили себя учителями народу. Но вы не помянули слова Христова: «Не входяй дверми во двор овчий, но прелазя инуде, тать есть и разбойник». Не имеющий поставления святительского и покушающийся учить не в двери вошел. Воры и разбойники убивают людей оружием, а вы, стригольники, убиваете людей разумно смертию, удаляя их от Пречистых Таин. Вы говорите, стригольники, что апостол Павел и простому человеку повелел учить; но тогда все люди были неверны: не вам, ерстикам, то было сказано. Вы – нога, творите себя головою; вы – овца, хотите быть пастухом.

Еще же и ту ересь прилагаете, стригольники: велите к земле каяться человеку, а не попу. Но разве не слышите вы Господа, глаголющего вам: исповедайте грехи своя, молитеся друг за друга, да исцелеете. Святые отцы для того и уставили духовных отцов, чтоб им исповедались христиане. Как больной человек объявит врачу вред свой, и врач приложит ему зелие по *достоянию* вреда того, и он исцелеет: так и духовному отцу исповедает грехи свои человек, и духовный отец от греха того перестать повелит, и противу греха того воздаст ему епитемью понести: того деля Бог отпустит тот грех. А кто исповедается земле, то исповедание не в исповедание: «земля бо бездушная тварь есть, и не слышит и не умеет от-

вещати, и не вспретить, да не съгрешаем». Не подаст Христос Бог прощения грехов к земле кающемуся.

Эту злую сеть сам диавол положил в Карпе диаконе, который не велел каяться попам, чтобы от них отнять честь иерейскую, право вязать и разрешать, данное Христом. Зная заранее, что тело его, как еретика, не будет погребено с псалмами и песнями, он начал говорить людям, что не надо ни петь над умершими, ни поминать их, ни службы совершать, ни приноса за мертвых приносить в церковь, ни пиров творить, ни милостыни давать. В апостольских правилах писано творить память по умерших: так и святые отцы уставили. Следуют их сказания.

Стригольники постятся, молятся, живут чисто, занимаются книгами: но и фарисеи постились дважды в неделю и целый день не ели; так и все еретики были постниками, молебниками и книжниками. Если бы житие их люди не видели чистым, кто бы веровал в их ересь? Они изучают Священное Писание, – но если бы не от книг они говорили, кто бы послушал их? И бесермени постятся и от книг говорят, да не подобает слушать их. О самопоставляющихся учителях апостол сказал, что многие лжепророки вошли в мир; но не послушайте словес их и в домы свои не принимайте их: слуги льстивые преображаются в слуг истинных, и сам сатана в светлого ангела (20).

Так поучала Царьградская Церковь свою русскую паству, ограждая православное единство от ересей, возникавших в нашем Отечестве. Мы и в XV веке услышим еще голос русского пастыря против той же ереси.

Послания к князьям св. Кирилла Белозерского. Если в двух посланиях патриархов Нила и Антония мы видим живую связь, какая соединяла Церковь с народом, то в посланиях св. Кирилла Белозерского к князьям, сыновьям Димитрия Донского, обнаруживается другая духовная связь – между Церковью и светскою властью. Этих посланий дошло до нас три; но есть признаки, что писано было и более. Первое обращено к Великому князю Василию Димитриевичу и относится к 1399–1402 годам. Инок, радуясь смирению Великого князя

всей земли Русской, который от толикой славы мира преклоняется к нищете его и братии и поручает им молиться о грехах его, предлагает Великому князю два наставления: одно общее, другое частное. Прочтем первое: «Въздай же убо Благодателю долг, святыя его храня заповеди, всякаго уклоняясь пути, ведущаго в пагубу. Яко же бо о кораблех есть, егда убо наемник, еже есть гребец, съблазнится, мал вред творит плавающим с ним; егда же кормчий, тогда всему кораблю сътворяет пагубу: тако же, господине, и о князех. Аще кто от бояр согрешит, не творит всем людем пакость, но токмо себе единому; аще ли же сам князь, всем людем, иже под ним, сътворяет вред. Ты же, господине, с многою твердостию храни собе в добрых делех; рече бо святый апостол: "мир имейте и святыню, без нея же никто же узрит Господа". Возненавиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грех; непреложен имей благочестия помысл и не возвышайся, господине, временною славою к суетному шатанию: мал же убо и краток сущий зде живот и с плотию съпряжена смерть. И сия убо помышляя, не впадеши в ров гордостный: но бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блажен будеши: "блажени бо, рече, боящеися Господа"».

Второе, частное наставление касается раздоров Великого князя с князьями суздальскими. «Да слышел есми, господине князь Великий, что смущение велико между тобою и сродники твоими князми суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а в том, господине, межи вас крестьяном кровопролитие велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, в чем будет их правда перед тобою, и ты, господине, своим смирением поступи на себе; а в чем будет твоя правда пред ними, и ты, господине, за себе стой по правде. А почнуть ти, господине, бити челом, и ты бы, господине, Бога ради пожаловал их, по их мере; занеже, господине, тако слышел есмь, что доселе были у тебе в пути, да от того ся, господине, и возбранили (то есть заратилися). И ты, господине, Бога ради покажи к ним свою любовь и жалованье, чтобы не погибли в заблуждении в татарских странах, да тамо бы

не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княжение, ни иная кая власть не может нас избавити от нелицемерного суда Божия; а еже, господине, възлюбити ближняго, яко себе, и утешити душа скорбящая и озлобленая, много, господине, поможет на страшнем и праведнем Суде Христове, понеже пишет апостол Павел ученик Христов: “аще имам веру горы преставляти, и аще имам раздати все имение свое, любве же не имам, ничто же полза ми есть”. Възлюбленный же пишет Иоанн Богослов: “аще кто речет: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь есть”. Тем же и ты, господине, възлюби Господа Бога от всея души своея; тако възлюби и братию твою и вся крестьяне: и тако, господине, вера твоя к Богу и милостыня твоя к нищим Богом приятна будет».

Смиренный голос инока раздавался в пользу братской любви между враждовавшими князьями; а польза государственная, московское единство, требовали других соображений. Симеон и Василий Кирдяна, отстаивавшие независимость Суздаля, умерли в изгнании. Но внук Кирдянин женился, однако, на дочери Великого князя. Может быть, и доброе слово Кириллово участвовало в этом родственном примирении.

Другое послание надписано к можайскому князю Андрею Димитриевичу, тому самому, которому Кирилл в духовном своем завещании поручил обитель. Белозерская область была вотчиною князя Андрея. Он езжал в нее часто и мог оттуда легко покровительствовать обители. Послание Кириллово написано в ответ на Андреево, в котором князь извещал Кирилла о чудесах, бывших от Богоматери. Судя по этим данным, оно относится к 1408 или к 1413 году. Побеседовав с князем о чудесах Богоматери, Кирилл предлагает такие наставления князю: «И ты, господине князь Андрей, видя человеколюбие и милосердие Господа нашего Иисуса Христа, что гнев Свой от нас отвел, а милость Свою явил народу крестьянскому, молитвами Пречистыя Госпожи Богородицы Матери Своея, и ты, господине, смотри того: властелин еси в отчине, от Бога поставлен, люди, господине, свои уймати от лихого обычая. Суд бы, господине, судили праведно, как

пред Богом, право; поклепов бы, господине, не было; подметов бы, господине, не было; судьи бы, господине, посулов не имали, доволны бы были уроки своими, понеже сице глаголет Господь: "да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни силна, ни богата устыдися на суде, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради; ни сотвориши неправду на суди, яко суд истинен есть, проклят всяк неправо судя". Пророк рече: "ярость Господня на них неисцелна до века, и огнь пояст нечестивыя мзды ради, иже неправдою взимают". А судя праведно, безо мзды, спасени будут и Царство Небесное наследуют. И ты, господине, внимай себе, чтобы корчмы в твоей вотчине не было; занеже, господине, то велика пагуба душам: крестьяне ся, господине, пропивают, а души гибнут. Тако же, господине, и мытов бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а где, господине, перевозу, туто, господине, пригоже дати труда ради. (Вот еще когда Церковь наша говорила против внутренних таможен!) Такоже, господине, и разбоя бы и татбы в твоей вотчине не было. И аще не уймутся своего злаго дела, и ты их вели наказывати своим наказанием, чему будут достойни. Тако же, господине, уймай под собою люди от скверных слов и от даяния, понеже то все прогневает Бога; и аще, господине, не потщишися всего того управити, все то на тебе взыщется: понеже властитель еси своим людем, от Бога поставлен. А крестьяном, господине, не ленись управы давати сам: то, господине, выше тебе от Бога вменится и молитвы и поста. А от упиваниаа бы есте уймались, а милостынку бы есте по силе давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися ленитеся; ино в то место, господине, вам милостыня ваш недостаток исполнить». Так говорит инок князю о стоянии в церкви: «В церкви стойте, господине, с страхом и трепетом, помышляюще в себе аки на небеси стояще: занеже, господине, церковь наречется земное небо, в ней же свершаются Христова таинства. Блюди и себе, господине, опасно; в церкви, господине, стоя, беседы не твори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши от велмож своих или от простых людей, беседующа

в церкви, и ты им, господине, възбраняй: понеже, господине, то все прогневает Бога».

В третьем послании св. Кирилл предлагает духовные утешения звенигородскому князю Георгию Димитриевичу по случаю болезни его супруги (21). Георгий хотел посетить обитель Кириллову, но инок уклоняется от этой великой чести, боясь молвы, которая скажет: «Кирилла деля токмо поехал», потому что Георгий не имел вотчины на Белоозере, как Андрей, брат его.

Простодушные наставления Кирилловы, выраженные живою современною русскою речью, имеют всегда значение истины, а в XIV веке обнаруживают ясно искренние отношения между Церковью и князьями.

Путешествия. От посланий перейдем к путешествиям. Сношения наши с Царьградом так были часты, что странно бы было, если бы Древняя Русь не сохранила нам ни одного описания колыбели нашей веры.

«Странник» Стефана Новгородца. «Странник» Стефана Новгородца есть, можно сказать, дополнение к «Страннику» Даниила Паломника. Стефан, Старый монах, уже удрученный летами, был в Царьграде с восемью друзьями своими в шестое лето патриаршества Исидорова, то есть в 1350 году.

Пришедши в Царьград на Страстной неделе, граждане новгородской Софии прежде всего отправились к Святой Софии царьградской. На пути к ней их остановила статуя Юстинианова. Впечатление передано странником очень ясно и живо. «И видехом: ту стоит столп чуден вельми, толстотою и высотою и красотою издалеча смотря видети его, и на верху его сидит Юстиниан Великий на коне, вельми чуден, аки жив, в доспесе одеян срацинском, грозно видети его, а в руце держит яблоко злато велико, а на яблоце крест, а правую руку от себя простре буйно на полдни, на срацинскую землю к Иерусалиму…» Через семь дверей вошли они в великую церковь Св. Софии, которая имеет их 365, по числу дней года. Пройти сквозь толпу народную до Страстей Господних помог им царев боярин по имени Ботарь, может быть Боцарис. Патриарх

Исидор призывал к себе русских странников, благословил их, пленил их своею любовью к Руси и удивил своим смирением: «не наш бо обычай имеет», – прибавляет странник.

Подробно описал он поклонение всем святыням царьградским, приводя иногда для сравнения то, что после видел он в Иерусалиме: отсюда ясно, что Стефан был и там. Предания святыни цареградской восходили тогда до времен самых первоначальных: на столпе Константиновом лежала секира Ноева. Поразило странника народное зрелище, бывшее в Царьграде всякой вторник: выносили икону Богоматери, писанную евангелистом Лукою; три человека ставили ее на плеча одному, и он, подкрепляемый чудесною силою, носил ее, или, лучше, икона носила его повсюду: так переходила она на плеча многих людей из народа.

С радостью встретили новгородцы двух земляков своих, Ивана и Добрилу, которых считали без вести пропавшими: оба жили в монастыре Студийском и занимались списыванием книг святого писания, потому что были весьма искусны в этом деле. Из этого монастыря, замечает странник, много книг посылали на Русь: Устав, Триодь и другие. Странный спор был между русскими и греками. В великом алтаре Св. Софии находился колодец, которого вода имела будто бы сообщение с водою Иордана. Стража царская вынула из этого колодца котомку (пахирь) (22) и в ней калиги русские (род страннической обуви). Русские тотчас узнали свой пахирь, который обронили, купаясь в Иордане. Но греки не поверили ими не отдали калиг. Оле нам странным! – восклицает новгородец. Рады странники были, что Бог сподобил их увидать все, как они надеялись; но в Царьград, как в дуброву взойти; без доброго вождя ходить невозможно, а скупо или убого нельзя ни видеть, ни целовать ни единого святого, разве на праздник. Видно, святыня царьградская отверзалась русским странникам недаром (23).

Хождение м. Пимена в Царьград. Хождение митрополита Пимена в Царьград, бывшее в 1389 году, описано одним из спутников его, диаконом Игнатием, и встречается встав-

ленным в летописи (24). Пимена сопровождали Михаил, епископ Смоленский, Сергий, архимандрит Спасский, и многие другие. Через Коломну, Перевитск, бывший тогда еще городом, Переславль-Рязанский достигли они до реки Дона и по волнам его поплыли вниз. Путешествие их было печально и *унынливо*. Их поразил вид запустения: здесь не было ни города, ни села: где прежде стояли прекрасные города, смотреть любо, – там все было теперь пусто, не населено. Нельзя было видеть человека; пустыня да звери: козы, лоси, волки, лисицы, выдры, медведи, бобры, во множестве, и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли. На другой день речного плавания миновали они две реки: Мечу и Сосну, на третий прошли Острую Луку, в четвертый – Кривой Бор, в шестый приспели к устью реки Воронежа.

Князь Юрий Елецкий встретил их со своими боярами по приказанию Олега Рязанского. Когда приплыли к реке тихой Сосне, увидали столпы каменные белые: дивно и красно стоят рядом, как малые стога, белы и светлы, над рекою Сосною... Эта огромная пустыня, плод варварского ига, отделяла от них кочевья татарские. За Терклием Городищем в первый разу увидели они татар: много их, что лист или песок. С большим страхом въехали путники в землю татарскую. Когда миновали Бекбулатов улус, увидали татарские стада в бесчисленном множестве; ум превосходят: овцы, козы, верблюды, кони. Миновали Акбугин улус: и тут многое множество татар, и всяких скотов стада бесчисленные. Но из татар, однако, никто их не обидел: только спрашивали и получив ответ, пропускали мирно и давали им молоко. Когда же доехали до города Азова, франки обидели их, поверив какой-то клевете, даже сковали митрополита Пимена и некоторых его спутников. Только платой могли они откупиться от франков. Из Азовского моря вышли в Великое, то есть в Черное, посетили Синоп и останавливались в других городах. Дорогою достигла их весть о войне турков с сербами, о битве между царем турским Амуратом и царем сербским Лазарем, как Амурат пал рукою верного слуги Лазарева, Милоша, и как Баязет, сын Амуратов, отмстил

за то Лазарю и всему его войску. Когда прибыли они под Царьград, русь, живущая там, посетила их на корабле: была и тем и другим радость великая; а в самом Царьграде русь успокоила их в своем жилище близ церкви Иоанна Предтечи. Все храмы они исходили, всем святыням поклонились, по примеру прежних поклонников. Приняли благословение от патриарха Антония. Ходили в куполе церкви Св. Софии, видели 40 окон шейных и вымеряли в одном окне со столпом по 2 сажени. В церкви при Константиновом дворе дивились столпам чудным, *недомысленным;* все люди, проходящие мимо них, в них видны, как в чистом зеркале. Пимен между тем скончался, а Киприан, бывший тогда в Царьграде, получив благословение патриарха Антония на Киев и на всю Русь, поехал туда и претерпел кораблекрушение, о чем написал к ним грамоту.

Но всего более поразило русских путешественников венчание на царство императора Мануила, которое видели они 11-го февраля 1390 года. Много народу собралось в храме Св. Софии: женщины стояли на хорах за *шидяными* (шелковыми) запонами (25); ни лиц их, ни нарядов не было видно. Поразила их также одежда певцов: священные стихари, широкие и долгие, камчатные и шелковые, оплечья золотые и бисерные. В храме были римляне, испанцы, немцы, французы, венецианцы, венгры: при всяком народе знамя земли его, на всяком его одежда. Царь вошел в церковь тихо и кротко, а по обе его стороны двенадцать оруженосцев, покрытых железом с головы до ног. Когда он вступил в чертог, приготовленный в храме, облекся в багряницу и диадему и взошел на место, тогда привели к нему царицу, и оба сели на золотых престолах. Описана литургия и в ней совершение обряда венчания. Когда царь и царица, уже венчанные, сошли с престолов для причащения, – народ разодрал всю опону чертожную и разделил ее между собою на части. Замечательно последнее впечатление, которое вынесли русские с этого торжественного зрелища. Когда патриарх произнес нововенчанному царю наставление и сказал, что надобно прежде всего стяжать страх Божий и смертную память, яко земля еси и в землю паки пойдеши, –

тогда никто не смел приступить к царю с поздравительным приветствием, пока не подошли к нему мраморники и гробоздатели; показывая ему мраморы и другие различные камни, они спрашивали царя: из какого камня желает держава твоя, чтобы был гроб твой? Так притчею напоминали они царю в торжественную минуту венчания о тлении и смерти, чтобы он столько же смирялся, сколько был велик: ибо сильный сильнее испытан будет. Тогда уже князья, стратилаты, ипаты, вельможи и воины здравствовали ему на царство. Царь благословился у патриарха и, выходя из храма, в дверях был осыпан ставратами (крестовиками), которые расхватал народ.

«Сказание о Мамаевом побоище». Из государственных событий XIV века самым отрадным для русского народа была, конечно, Донская битва. 8 сентября 1380 года на Куликовом поле, на берегах Дона, Непрядвы и Мечи посеяны были первые семена политической независимости Отечества и политы святою кровью воинов русских. Вера, как животворная мысль, проникает все это событие единством действия от начала до конца: она побуждает Димитрия к подвигу, одушевляет около него всех князей и воинов, носится над всем полем битвы, укрепляет дух в начале ее и посредине и украшает славу дела христианским смирением.

Вскоре после битвы, в конце же XIV века, сложилось о ней сказание, написанное духовным лицом, современником событию, который мог все подробности его слышать от очевидцев. Имена главных участников битвы, равно как имена падших в ней князей и воевод, обстоятельно переданные, особенно ручаются за истину этого мнения. Победа называется в некоторых списках *новою*. О герое победы, Димитрии, не говорится еще как об умершем, что бы, конечно, сделал автор «Сказания», если бы князя не было уже в живых. Следовательно, оно писано до 1389 года, то есть до года Димитриевой кончины. Карамзин, митрополит Евгений и Арцыбышев приписывали сочинение рязанскому иерею Софронию, жившему в конце XV века. Строев называл сочинителя Софонием, основываясь на Архангельском списке. Но издатель «Сказания», Снегирев,

противоречил мнению этих ученых на том основании, что рязанец не стал бы так поносить Олега Рязанского, своего соотчича, в то время когда местные интересы удельных городов не слишком подавались перед мыслию об единстве Отечества. Судя по тому, что в одном из списков автор в заключении обращается с похвалою к городам Владимиру и Ростову, издатель готов признать его за владимирца или ростовца. Новейшее открытие подобного же памятника, в XV веке писанного, сделанное Ундольским, в котором автор указывает на рязанца Софония как на своего предшественника в прославлении подвига князей Дмитрия и Владимира, окончательно утвердило сочинение «Сказания» за рязанцем Софонием впредь до новых открытий. Прибавим в подтверждение мнению, что в мужах мысли и слова, к числу которых принадлежали особенно духовные лица, местные городовые интересы начали сглаживаться и уступать место великой, хотя еще не совсем ясной, идее русского государственного единства. Вспомним, что еще в Несторовой летописи, в «Хождении Даниила Паломника» и в «Слове о полку Игореве» мысль о единстве связывалась с именем земли Русской.

Сказание встречается под заглавием «Поведание и Сказание о побоище Великого князя Димитрия Ивановича Донского». Так и напечатано оно издателем. В Никоновой летописи, в Сборнике Румянцевского музея оно названо повестью; включено в синопсис под именем истории и отсюда перешло в лубочные картинки русского народа (26), в устах которого слывет битва Мамаевым побоищем. Редко встретить можно другой памятник народной русской словесности, который бы подвергся такому произвольному искажению переписчиков, как это «Сказание». Грамотеи, переписывая его, вредили тексту своим умничаньем, невежеством и рвением не по разуму против татар. Нет двух списков, совершенно друг с другом схожих. Какой-то хитрец прибавил в начале обращение к древнему греческому божеству, Урану. О Мамае говорится, что он эллин родом, а верою идоложрец и иконоборец. Татары называются то эллинами, то печенегами, то агарянами. Литва смешана с варя-

гами. Трудно, почти невозможно при многоразличных вставках и искажениях всякого рода добраться до оригинального текста, как он был первоначально сложен. Такова участь всех памятников, к которым особенно располагалось сердце народа и которые потому усердно и часто переписывались.

Внешняя поэтическая сторона «Сказания», состоящая в описаниях, сравнениях, картинах природы, заимствована из «Слова о полку Игореве». Видно, что автор имел перед собою это «Слово» и под живым впечатлением красот его слагал свое «Сказание». Есть, однако, немногие исключения, принадлежащие собственно автору. Языком оно совершенно уступает «Слову». Изобилие славяноцерковной стихии, искаженной к тому же грамотеями-переписчиками, много повредило жизни памятника. Но что касается до духа «Сказания», его главной мысли и характера героя, в этом отношении оно гораздо выше «Слова». Сила, одолевшая татар на Дону, была сила креста: в этом дух и мысль «Сказания» совпадают с духом и мыслью самого события. Игорь Новгород-Северский есть храбрый, благородный, предприимчивый князь, который действует, следуя порыву своего прекрасного мужества, но благоразумие им не руководит. Его удальство – господствующая черта и во всех его сподвижниках. Отсюда неудачный исход ополчения, обида, нанесенная земле Русской, позор плена и спасение бегством. Не таков Димитрий: в нем нет удальства; он не верит в собственные свои силы. «Кроток есть человек Димитрий», – скажем о нем словами его врага, Олега. Образ смиренномудрия он носит на себе; личную волю свою облекает в оружие веры, покорности Промыслу и в самоотвержение. В его мужестве действует высшая сила. Он сам начальник победы и едва не пал в числе первых жертв ее. Дело венчается успехом как бы не от собственных сил его совершителя, а от той незримой силы, которой он сам служит только верным орудием.

Руководимые этою мыслию, пройдем все «Сказание» и, останавливаясь на некоторых частях, постараемся обнять его, как одно целое. Сказание начинается осуждением гордости Мамая, который вознамерился подражать Батыю и даже пре-

взойти его. Он хочет изгнать из Руси князей, а лучшие города ее оставить в тишине безмятежной. Перевезясь за Волгу со своими силами, он говорит улусникам: «Да ни един у вас пашет хлеба: будьте готовы на Русскую землю, на хлебы!» Скудоумный Олег Рязанский («бысть скудость ума во главе у Ольга, князя Рязанского») приглашает Мамая *огрозиться* на кроткого Димитрия Московского. Олег сердит на него за то, что взял у него Коломну. И к Ольгерду Литовскому он пишет также послание, зовет и его на Димитрия, уверяя, что Димитрий, как услышит имя царево, отбежит далеко. И Олег, и Ольгерд посылают послов к Мамаю с грамотами. Мамай думал, что они заодно будут против него. Гордо принимает он послов, отвечая, что чужая помочь ему не очень надобна, что он и своею одною силою мог бы пленить древний Иерусалим. «Пусть моим именем и вашею рукою распущен будет князь Димитрий Московский, да огрозится имя ваше в странах ваших. Но победить царя, себе подобного, мое дело». Послы, возвратясь, сказали, что *царь здравит, вельми хвалит*. Скудоумные возрадовались суетному привету.

Князь Димитрий, услыхав о походе безбожного Мамая на Христову веру, опечалился. Первым делом его было прибегнуть к Богу. Он пал на колени перед иконою у возглавия своего и, открыв душу Богу, произнес молитву. В ней пагубу, угрожающую Отечеству, приписал вине своей и грехи всей земли принял на себя. «Вем бо, яко мене ради грешного хощеши истребити землю Русскую. Аз бо согреших пред тобою паче всех человек». В этом смирении и в этой молитве зачало его подвига. Призвав к себе в советники брата, князя Владимира Андреевича, он идет к митрополиту Киприану и объявляет ему о беде, угрожающей от царя Мамая. «Чем ты ему не исправился?» – спрашивает Киприян. «Всем исправен по уставу отцов своих и еще более», – отвечает Димитрий. Святитель советует утолить царя золотом, чтобы не разрушил Христовой веры. Золото отправлено, но посланный с ним услышал на пути о замыслах Олега и Ольгерда и с этой вестью возвратился к Димитрию. Усилилась его горесть, когда он узнал, что друзья

и ближние на него умыслили. Усилилась и молитва. «Суди, Господи, по правде между их и мною», – сказал он, и снова идет передать свое горе святителю. Киприян спрашивает: «Какую обиду ты сотворил им?» – «Грешный перед Богом, я чист перед ними», – отвечает князь. Тогда святитель благословил его на подвиг в силу правды и закона Божия и пожелал, чтобы очи его просветились веселием. Твердая стража послана на юг до Сосны-реки. Грамоты разосланы по всем городам. Добытый язык сказал, что царь идет на Русь с Олегом и Ольгердом, не спешит же, ждет до осени, хочет быть на русские хлебы. Димитрий Иванович и Владимир Андреевич подкрепили друг друга взаимным словом, готовясь умереть за веру христианскую, за святые церкви, за обиду Великого князя. А между тем князья изо всех городов стекаются к Москве. «Уже, братия, не стук стучит и не гром гремит в славном граде Москве, стучит рать Великого князя Димитрия Ивановича». Вот в «Сказании» первый отголосок «Слова о полку Игореве».

Но не в этом шуме грозного войска почерпает Димитрий силу на подвиг: внутренний голос стремит его в пустыню, к молитвеннику Сергию. Отшельник напитал его трапезой духовною и пророчит венец ему и его воинам. Князь вкусил от хлеба братии. Два Христовых воина даны ему Сергием: Пересвет и Ослябя. Твердый доспех их – крест Христов, нашитый на схиме. Обвеселился сердцем Димитрий, не поведал никому того, что сказал ему старец, и пошел в Москву, как будто обрел некое многоценное сокровище. Тайна беседы открыта только святителю, но и им заповедано молчание. Совершает Димитрий молитвы перед образом Спасовым, пред иконой Богоматери, у гроба чудотворца нового Петра. Идут освященные соборы в ворота Кремля с честными крестами, с чудотворными иконами благословить каждого воина, а князь между тем с братом своим, Владимиром, в храме небесного воеводы Архистратига Михаила приступает ко гробам православных князей, своих прародителей, и зовет их подвизаться с ними. Прискорбны слезные проводы Великой княгини Евдокии, других княгинь и воеводских жен. Великий князь не плачет наружно

народа ради, но сердцем плачет с кровью и утешает жену свою словом: «Если Господь по нас, кто на нас?»

Димитрий вступил в златокованное стремя и сел на своего коня любимого. Сели на коней своих князья и воеводы. Солнце от восхода светит им и путь показывает, а ветерок тихий и теплый по них веет. Как соколы рвутся от золотых своих колодок, так выехали князья белозерские из каменного града Москвы со своим полком. Любо полки уряжены: достойно избавить стада лебединые это храброе воинство. Князь Димитрий говорит такую речь брату своему князю Владимиру и другим князьям и воеводам: «Братия моя милая! Не пощадим живота своего за веру христианскую и за святыя церкви, за землю Русскую!» Князь Владимир отвечает ему, подражая известной речи князя Всеволода в «Слове о полку Игореве»: «Господин князь Димитрий Иванович! Воеводы у нас вельми крепки, а русские удальцы сведомы, имеют под собой борзых коней, а доспехи вельми твердые, злаченые колантыри (шишаки) и булатные байданы (значки), колгары (кольчуги) фряжские, корды (мечи) ляцкие, сулицы (копья) немецкия, щиты червленые, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога им вельми знакома, берега по Оке изготовлены, хотят головы свои сложить за веру христианскую и за твою обиду Государя Великого князя».

Войско выступило разными дорогами из Москвы: одна бы дорога не вместила его. Спереди ему солнце сияет и добре греет, а по нем кроткий ветер веет. Великая княгиня Евдокия со своей снохой, княгинями и воеводскими женами всходит на свой златоверхий терем и из южных окон смотрит на своего князя и на выходящее воинство. Раздается плач ее, смягченный молитвою. Плачет она всего более о двух своих малых отраслях, князьях Василии и Юрии, боится, чтобы ветер не похитил их с юга или запада, чтобы зной не сразил их... С Димитрием пошло десять гостей из Сурожа: имена их, записанные в «Сказании», обнаруживают современника и очевидца делу.

Следует описание похода до Коломны, как сборного места всему войску. Сыны Руси идут на битву, словно меду пить аль

винограду есть: не меду пить, не винограду есть идут они: хотят искупить честь и славное имя вовеки земле Русской. Дивно и грозно было в то время слышать – здесь уже ясен отголосок очевидца – громко в варганы бьют, тихо трубят ратные трубы споволокою, многогласно и часто кони ржут. А вот и еще отголосок из древнего «Слова»: звенит слава по всей Русской земле, велико вече бьют в Великом Новегороде, стоят мужи-новгородцы у Святой Софии Премудрости Божией, говорят таково слово: «Уже нам, братья, не поспеть к Великому князю Димитрию: как орлы слетелись со всей Русской земли, так съехались к нему дивные удальцы». Новгород поэтому хотя и не участвует своим войском в великом деле, но дума его у Святой Софии одна со всею землею Русскою. По другому же списку есть прибавление о мужах новгородских, побудивших свою родину послать в Коломну шесть воевод и 40 000 воинов. Видно, что всякая область русская вменяла себе в честь и славу участие в Донской битве: так греческие города дорожили местом в Гомеровом списке кораблей ахейских. Отсюда понятно всеобщее отвращение современников к Олегу Рязанскому, который взял сторону Мамая против общего дела земли Русской. Оправдать его нельзя никаким софизмом историческим.

У Коломны уряжено все воинство. Здесь все подробности ярко указывают на современника. Перевезлись через Оку. Между тем Олег Рязанский, узнав о движении Димитрия с войском и о духовной ему помощи от Сергия, устрашился сердцем и распался мыслями: толкует он со своими боярами, сердится на них, что не подвигли его умолить царя Мамая, чтобы не шел на землю Русскую, и утешается тем только, что не он один оскудел умом, а Ольгерд – и тот *продумался*. Но с него Господь больше взыщет, потому что он разумеет закон истинной веры, а не Петра гугнивого. Как малодушный, он решается присягнуть тому, кому Господь поможет. Ольгерд упрекает Олега и остается неподвижен. Отца покидают сыновья, Андрей и Димитрий Ольгердовичи, и предаются Димитрию, который шлет эту радостную весть в Москву к митрополиту Киприяну и к игумену Сергию. А между тем здесь молитвы не умолкают.

Великая княгиня Евдокия со всеми убогими Москвы молится по церквам и день и ночь.

Передовая стража донесла, что Мамаевой силе и счету нет. Димитрий держит совет с князьями: переезжать ли за Дон или нет? Ольгердовичи говорят: переезжать, чтобы ни один воин не мыслил назад; всякий будет биться без обмана, а в великую силу Мамая нечего верить: не в силе Бог, но в правде. Переправились через Дон. Стража доносит, что уже близки татары: радуются многие русские удальцы.

Тогда природа посылает свои знамения, напоминающие опять древнее «Слово». Приходит на место битвы множество волков: по все ночи воют непрестанно: страшно слышать, но храбрым полкам та гроза сердца утверждает. Вороны собрались, неумолчно *грают*; галки свою речь говорят; орлы с устьев Дона приспели; лисицы на кости брешут, ждучи *дня грознаго, Богом изволенного*, когда множество трупов человеческих достанется им в пищу и многая кровь прольется, как морские воды. От такого страха, от великой грозы дерева преклоняются и трава постилается... Многие унывают, видя перед очами смерть. Скорбью омрачаются поганые о погибели живота своего; цветут правоверные, чая прекрасных венцов от Христа Бога Вседержителя. Вестники между тем беспрерывно доносят о близости татар – и вот уже одна только ночь разлучает их полки и наши.

С шестого часа вечера князь Димитрий с князем Владимиром и с князьями литовскими начал уряживать полки. Воевода, прибывший с литовскими князьями, Дмитрий Бобров, родом волынец, ставит войска по местам.

Князь великий со своими братьями-князьями и воеводами выехал на высокое место и видит: прекрасен образ великого воинства, собравшегося на великую битву. Мысль, его подвигшая, носится над ним высоко. Образ святой Иисус, изображенный на христианских знаменах, светится как солнце. Знамена же веют как облака, тихо трепещущие; хоругви как живые пашутся; доспехи русские как воды во все ветры колеблются; шеломы на главах золотом украшены, как утренняя

заря во время ведряное; ловцы шеломов что пламя огненное. Ужасается творец «Сказания» при мысли о таком воинстве. Ему памятно при виде его слово литовских князей: «Не быть ни при нас, ни прежде нас, ни по нас такому воинству: многое его множество, но что боле того: Господь Бог силою Своею вооружил его». Димитрий, увидев строи полков, обвеселился сердцем, сошел с коня, пал на колено прямо великому полку и черному знамени, на нем же сиял образ Иисуса Христа, и начал из глубины сердца звать велегласно: «О владыко Господи Вседержителю! взгляни *смотреливым* оком Твоим на людей Своих: они сотворены Твоею рукою. Внуши, Господи, глас молитвы моей! Обрати, Господи, лице Твое на нечестивых с яростию, они же зло творят рабам Твоим». Много говорил еще он в молитве. Потом с коня своего такими словами привечал он полки: «Братья мои милые, сыны русские от мала до велика, уже приспела ночь, приближился день грозный, бдите и молитесь всю ночь, мужайтесь и крепитесь! Силен во брани Господь: пребудьте на местах своих спокойно. Утром не поспеть так урядиться. Мир вам да будет, мои братья. Завтра на нас татары, а мы все будем готовы противу их!»

Тепла и тиха наступила ночь, роняя мрак на землю, ночь, по слову церковной песни, несветлая неверным, а верным просвещение. «Войску вечерняя заря уже потухла», – таинственно сказал гадатель Волынец Великому князю первую примету, и оба выехали на Куликово поле брать приметы. Димитрий стал посреди меж обоих войск, обратился к полкам татарским, слышал оттоле стук и крик великий, как будто торги снимаются, или города ставят, или голосят трубы. А позади полков татарских волки воют вельми грозно, по правую сторону вороны и галки беспрестанно кричат; трепет великий; птицы перелетают с места на место; на реке на Непрядве гуси, лебеди и утята крылами плещут, велику грозу подают. Спросил Волынец Великого князя: «Что, князь, слышал?» Отвечал князь: «Слышал, брат, гроза великая». И сказал Волынец: «Обратись же на полки русские». Обратились они – и была тихость великая. Волынец спросил: «Что слышишь, господин?» – и сказал князь:

«Слышать нечего, а только видим: от множества огней заря поднимается». И сказал Волынец: «Князь господин! Добрые приметы и знаменья: призывай Бога Небеснаго, не оскудевай верою». Еще есть у меня примета, сказал Волынец и, сошед с коня, припал к земле на правое ухо, пролежал долгой час, встал и опять поник. Спросил Великий князь: «Что, брат, примета?» А Волынец не хочет отвечать ему. Нудит его Великий князь – и он сказал: «Одна примета тебе на пользу, а другая скорбная! Слышал я землю; плакалась она надвое: обе стороны плакали: одна как жена, эллинским голосом; другая как девица, в свирель играющая. Будет победа на поганых, но и христиан падет множество». Прослезился Великий князь: «Да будет воля державе Господней!» – сказал он. В ту же ночь сторож видел на высоком облаке двух светлых юношей: шли от востока, в обеих руках мечи острые, и гласили они татарам: «Кто повелел вам истреблять Отечество наше? Нам его даровал Господь». И начали рубить войско. То были Борис и Глеб.

Рассвел начальный день спасения роду христианскому: день Рождества Богородицы. Пришелся он на Христово воскресение. Затрубили трубы с обеих сторон: татарские онемели, а русские утвердились. Полки еще не видятся: утро мгляное. А земля вельми стонет, грозу подает на восток до моря, на запад до Дуная. Поле Куликово пергибается, вострепетали луга и болота, реки и озера выступили из мест своих: никогда не бывало таких полков на месте том. Димитрий разъезжает по полкам, нося повсюду бодрое слово: «Отцы и братья! Господа ради подвизайтесь, святых ради церквей и веры христианской! Сия смерть не в смерть, но в живот вечный; земного не желайте: увяземся победными венцами Христовыми». Утвердив полки русские, он снова стал под свое черное знамя, пересел на другого коня, совлек с себя приволоку царскую и в другую облекся, а своего коня и приволоку отдал Михаилу Бренку. Став на месте своем, обратился он с молитвою к живоносному кресту на груди своей с изображением Страстей Господних. В то время пришли письмо и святой хлебец от игумена Сергия. Писаньем его укрепился он, как бронями твердыми; святым

хлебцом подкрепил силы тела. Воеводы удерживали князя от личного участия в битве; но он отвечал им: «Братья мои милые, добрые ваши речи. Нет, уже общую чашу мне пить с вами. Умру – вместе с вами; жив буду – вместе с вами же».

Битва началась, как все древние битвы, вызовом татарского исполина, Телебея. Схимник-воин Пересвет вышел с ним на единоборство и отнял у врагов первую силу, от нее же пить бы было многим горькую чашу. Они ударились копьями, кони их пали накорач, и с конями вместе пали и воины бездыханные. В описании битвы слышны опять отголоски «Слова». «Треснули копья харалужныя, звенят доспехи злаченые, стучат щиты червленые, гремят и блещут мечи и сабли булатныя. Текут кровавые ручьи, трепещут синия молнии от *облистания мечнаго*; слышен гром *от копейнаго сломления*». Иногда после этих шумных подражаний «Слову», передающих звуки битвы, автор вставляет выражение сильного чувства, смягчая его религиозною мыслию: «Страшно видеть этот грозный час смертный: в едином часе и в мгновении ока сколько тысяч человек погибает создания Божия! Воля бо Господня совершается».

В шестом часу татары стали одолевать русских. Русские удальцы побиты, как сильные древа сломились. Не туры взревели, взревели многие воины, урываясь на земле под конскими копытами... Самого Великого князя уязвили... Татары повсюду! Видя побоище, рвется Владимир Андреевич из своей засады, но сдерживает его Волынец до осьмаго часа. Сыны русские в полку его плачутся, видя друзей побиваемых, порываясь туда, словно званые на брак вина пить. Тогда время было помолодеть и старому, а молодому храбрости испытать. Но Волынец сдерживает их. Когда же приспел осьмой час, он закричал: «Князь Владимир! Время пришло, и час приспел! Дерзайте, братья и други, сила Святого Духа помогает нам!» Тогда выехали из дубравы единомысленные други, как соколы спущенные, и ударили на стада журавлиныя. Татары крикнули: «Увы нам! Русь перемудрила нас. Худшие с нами бились, а лучшие соблюдались!» Дали тыл татары. Как лес

они клонятся; как трава от косы постилается, так русскими мечами секутся татарские полки. Мамай бежит и призывает богов своих: Перуна, Мокоша, еще других богов неизвестных, и своего помощника Махмета. Победа решена.

Князь Владимир, став на костях под черным знаменем, не нашел князя Димитрия, брата своего, велел трубить сбор, ждал час, а все нет его. В слезах поехал он по полкам расспрашивать: «Братья, кто видел, кто слышал государя своего, князя Димитрия?» Прекрасны ответы воинов: один говорит: «Я видел его в пятом часу, как он крепко бился»; другой: «А я видел еще позднее, как четыре татарина напирали на него»; третий рассказывает подробно этот бой и как татары отбили его от князя. Отроки рассунулись по великому грозному побоищу искать победе победителя. Но вот два воина костромича уклонились в дубраву и там нашли Димитрия, израненного, отдыхающего под срубленною березой. Весть о найденном пронеслась быстро. Скоро все его окружили. Владимир возвещает ему победу. Димитрий отвечает ему словами пасхальной песни: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь».

Привели ему коня кроткого. Победитель выехал на побоище; смотрит: много побито его воинства, а поганых вчетверо. «Неложна твоя примета», – сказал он Волынцу. Умываясь слезами, ездил он по полю и узнавал убитых: тут лежат все вместе князья белозерские, тут Михаил Бренко, а вот Пересвет, *починальникъ* победы! Погребение христианских тел заключает событие. Мамай бежит к Кафе. Русская слава вознеслась над татарами. Весть о ней пошла по всем городам. Воздадим хвалу Русской земле, а Владимир и Ростов со всеми городами воздают хвалу Богу.

В других списках прибавлено подробное возвращение Димитрия в Москву. Проходя Рязанскую землю, он велит воинам не касаться ни единого ее колоса. Жена с детьми встречает его у Фроловских ворот. Благодарственные молитвы приносит победитель во всех тех храмах, где молился, собираясь в поход, и заключает их в обители у Сергия.

Сказание, как видим, хотя и принимает нередко оттенок эпический, но остается всего более верным историческому ходу события – и в его правде, в его сущности почерпает живую мысль для своего единого целого. Нельзя не пожалеть, что этот зародыш поэмы остался у нас дичком и не одушевил ни одного поэта в художественном периоде новой России. Древняя Русь в своем смирении не тщеславилась своими подвигами, а все отдавала Богу. Новая Россия, увлеченная другими стремлениями, полюбила славу. Ее бы дело было воздать славою тем, которые не о славе, а о благе думали; но не туда устремила она очи. Подождем далее. Озеров в своей трагедии, внесши рыцарскую стихию в дело Божие и земское, совершенное Димитрием, театральною ложью исказил событие. Возведет ли когда-нибудь русский поэт это народное сказание в перл создания художественного – решить трудно; но мы скажем только, что, изучая поэзию русскую в этих самородных дичках, в зародышах первоначальных, чуждых всякого подражания и верных одному духу народа, мы замечаем в них отсутствие лжи поэтического вымысла, а проникновение идеи красоты правдою дела, откуда может выработаться новый самостоятельный характер русской поэзии, более согласный с народным духом.

Судя по множеству разнообразных списков «Сказания», украшенных многими прибавлениями, видно, что оно своим содержанием привлекало к себе древних грамотеев и довольно часто служило любимою для них темою. Позднейшее подражание ему, открытое Ундольским и напечатанное Беляевым, по мнению издателя, есть произведение конца XV века. Его заглавие – «Слово о Великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамая». Другой список того же «Слова», не столько полный, открыт в Кирилло-Белозерском монастыре архимандритом Варлаамом; здесь оно названо «Задонщина Великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Ондреевича» (27). Для этого «Слова» послужили два подлинника: «Сказание» рязанца Софония, на которое оно ссылается, и «Слово о полку Игореве»; но и от того, и от другого произве-

дения оно далеко отстало. В нем совершенно нарушена глубокая мысль, дающая единство «Сказанию», и все сосредоточено в личной похвале князьям Димитрию и Владимиру, как это видно и по самым заглавиям. Гораздо ярче выдается подражание «Слову», но это подражание не живое, а мертвое. Находим частые выписки из «Слова», искажающие его поэтическое достоинство. Автор как будто передразнивает творца «Слова», не понимая красот его. Но новооткрытый памятник весьма важен относительно к двум своим подлинникам: он утвердил «Сказание» за рязанцем Софонием и окончательно подтвердил достоверность «Слова о полку Игореве».

«Слово о житии и преставлении Великого князя Димитрия». Вскоре после кончины Димитрия Донского, умершего в 1389 году, написано было «Слово о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (28). Впечатление дня кончины, им переданное так: «Что нареку день той? День скорби и туги» – и слова: «Слышах мног народ глаголющ: о, горе нам, братье! Князь князем успе» – явно указывают на современника событию. Писал его ритор, знакомый, как видно, с греческою словесностию. Некоторые места оборотами греческими и темнотою выражения обличают греческий подлинник, с которого переведены. Упоминаются философы Платен и Пифагор. Судя по некоторым приемам, можно бы было приписать «Слово» тому же Епифанию, который написал жития святых Сергия и Стефана Пермского. Еще Карамзин восхищался красноречием этого «Слова», увлекаясь иными выражениями, как, например, *златоперсистый голубь* и *сладкоглаголивая ластовица*, когда автор говорит о Димитрии и Евдокии, или: *вскипела земля Русская во дни княжения его!* Ему нравился также плач Евдокии по смерти супруга; правда, в нем есть и некоторые живые отголоски простого чувства горюющей вдовы, но этой простоте мешает риторическое многословие. Была мысль у автора представить в Димитрии образец человека, государя, сына, супруга, отца. Нас привлекли бы всего более личные черты Димитрия и чувства к нему народа; но, к сожалению, здесь истина затмилась

в гиперболах похвального слова, которое принимает по временам тон акафиста, иногда же искажается умышленно. Так, например, известно, что Димитрий не хотел, следуя примеру предков, постричься в монахи перед кончиною, а в «Слове» сказано: «Во чернечьскыя ризы по вся дни желаше облещися». Димитрий был монахом во внутренней своей жизни, не желая внешнего образа, что гораздо важнее для государя. Первая черта его нравственного характера была целомудрие: «Слово» выставляет ее. Замечательны также отношения его к боярам. «Слово» выражает их, влагая в уста умирающему Димитрию такие слова, к ним обращенные: «Ведаете обычаи мои и нрав: перед вами родился и при вас возрос, с вами и царствовал, и землю Русскую держал 26 лет, и мужествовал с вами на многие страны, врагов покорил, княжение укрепил, мир и тишину земле сотворил, отчину свою с вами соблюл, к вам честь и любовь имел, под вами города держал и великие волости, и чад ваших любил, никому не сделал зла, ни силой что отнял, не досадил, не укорил, не разграбил, не бесчинствовал; но всех любил и всех в чести держал, и веселился с вами, с вами и скорбел; вы же не назывались у меня боярами, но князьями земли моей». Это лучшее место в «Слове», потому что слова Димитрия к боярам взяты, конечно, из его жизни и верно определяют подвиг бояр его времени, мудрым советом которых утвердился престол московского единодержавия. Другой же подвиг самоотвержения бояр русских на Куликовом поле славит «Сказание о Мамаевом побоище» такими словами, которые обращает к князю Димитрию боярин московский: «Нужь, господин князь Великий Димитрий Иванович, нету у нас бояринов московских больших со́рок, а двенадцати князей белозерских, а трех бояринов посадников новгородских, двадцати бояринов коломенских, сорока бояринов серпуховских, а двадцати бояринов переяславских, а двадцати пяти бояринов костромских, а тридцати пяти бояринов володимерских, а восьми бояринов суждальских, а сорока бояринов муромских, а тридцати бояринов ростовских, а двадцати пяти бояринов дмитровских, шестидесяти

бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, а пятнадцати бояринов углецких, а сгинуло у нас дружины полтретья ста тысяч». Такая жертва, принесенная боярами всей Руси на Куликовом поле за свободу Отечества, объясняет источник тех прекрасных слов, которыми прощался умиравший Димитрий с боярами, окружавшими смертный одр его.

Летописи. Летописи XIV века, Московская, Новгородская, Псковская обнаруживают явные следы очевидцев событиям и современников. Знамения небесныя, наполнявшие суеверным страхом сердца народа; пожары, истреблявшие целые города; грабежи, нередко их сопровождавшие, не только в домах горожан, но и во храмах Божиих; черная смерть со своими роковыми признаками; голод и дороговь – обличают людей, которые следили за примечательными событиями и передавали их правдиво, с подробностями верными. Нередко эти описания сопровождаются размышлениями, иногда же вздохами сердца, чувствующего скорбь современной жизни.

Московская. Московская летопись следит за видимым ростом великого княжения Московского, которое в лице своего князя приводит всех князей русских под свою волю. Три важных события в борьбе нашей с татарами: Мамаево побоище, славное нашею победою, несчастное нашествие Тохтамышево, покрывшее Москву вновь позором и запустением, грозная Тамерланова туча, отведенная от Москвы чудесной силою, округлены в особых повестях или сказаниях, где слышны отголоски жизни. Плачется так добрый москвитин над своею Москвою после Тохтамышева разгрома: «Был прежде Москва град велик, град чуден, град многочеловечен: в один час изменился, когда был взят, посечен, пожжен. Нечего видеть, разве только землю и персть, прах, пепел, трупы мертвых, святыя церкви разоренныя, осиротелыя, овдовевшия. Плачется Церковь о чадах церковных... Где красота церковная? Перестала литургия, перестала просфора, приношение на святом жертвеннике, перестала молитва заутреняя и вечерняя, перестал глас псалму, по всему городу умолкли песни. Увы мне! Страшно слышати, страшнее было видети! Где четцы и пев-

цы? Где клиросники, где церковники? Где священники, служащие Богу день и ночь? Все лежат, все уснули и почили, все посечены, все избиты. Нет звона в колокола, нет удара в било, нет зовущаго, ни текущаго…» Страшный сон Тамерланов – гора высокая и с горы святители, идущие на него с золотыми жезлами, а на воздухе над святителями жена в багряных ризах со множеством воинства – есть, конечно, отголосок народной веры и народных сказаний. Иногда летописец влагает такие слова в уста ханам ордынским, которые иглами впиваются в честь русских князей, начиная с московского. Так Тохтамыш, воложский и всех орд высочайший царь, говорит Михаилу Тверскому: «Я улусы свои сам знаю, и каждый князь русский на моем улусе, а на своем отечестве живет по старине, а мне служит правдою, и я его жалую, а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрия Московского, и я его поустрашил, и он мне служит правдою, и я его жалую по старине во отчине его, а ты поди в свою отчину во Тверь и служи мне правдою, и я тебя жалую».

Обличение в пороках времени, в пороках, к сожалению, народных, совершается с тою искренности, которая внушает нам доверие к исторической правде наших летописей. Пьянство и разгул князей, бояр и воевод нижегородских, суздальских и московских, бывшие причиною их поражения от татар на реке Пьяне, переданы со всем отвращением к позору дела. Подобное же поведение народа в Москве, которую оставили Великий князь Димитрий и митрополит Киприян, поражает также грустною верностью описания. Бесчеловечные поступки смольнян с литовцами при осаде Мстиславля в 1386 году переданы также без утайки. Коварный поступок боярина Василия Румянца с нижегородским князем Борисом Константиновичем обличен сильно, но хладнокровно.

Хотя летописи, по всему вероятию, пишутся духовными лицами, но смуты и соблазны Церкви не скрыты. Сколько благодарности и теплого сочувствия мы видим к миролюбию Сергиеву, к пастырской заботливости Алексия, столько же неблаговоления к честолюбию и роскоши самопоставленни-

ка попа Митяя и к смелому домогательству Пимена. Наружность и характер Митяя по всем приметам переданы человеком, знавшим его лично. Отдана вся справедливость его способностям и его речи легкой, чистой и громогласной, его обширной начитанности, которыми привлек он к себе любовь Димитрия. Но роскошь его драгоценных одежд, которые он любил менять ежедневно, ослепляя внешностью глаза его окружавших, обличена строго летописцем. Пораженный соблазном его внезапного пострижения в иноки и немедленного назначения в архимандриты, в чем участвовал произвол великокняжеской власти, летописец позволяет себе в описании этого события резкую иронию. «Пришел поп как будто неволею, – говорит он, – в монастырь Св. Спаса, послали по чудовского архимандрита Елисея Чечетку, и пришел чудовский архимандрит Елисей Чечетка, и постриг попа Митяя во святый ангельский иноческий образ в церкви, в монастыре Св. Спаса внутри города. И так до обеда был поп мирской, также инок, а после обеда архимандрит: до обеда пришел поп мирской и постригся во иноческий чин, а после обеда вышел начальник и пастырь и учитель». Самые прозвания попа Митяя, архимандрита Чечетки и другие, как, например, архимандрита Ивана Непеицы, кроткого, тихого и смиренного, протодьякона Давыда, прозванного Дашею Московским, обнаруживают краски современной жизни, оживляющие однообразный лад летописного рассказа.

Борьба удельная и дух возрастающего московского единодержавия, ревнивый ко всякой отдельной власти, отзываются нередко в московской летописи. Спор Москвы с Рязанью, вражда Димитрия с Олегом наполняют почти все княжение Димитриево. Эта вражда внушает московскому летописцу бранные слова о рязанцах, соперниках москвичей, по случаю описания похода московского войска на Рязань в 1371 году. Он называет их людьми суровыми, свирепыми, высокоумными, гордыми, и, все более и более увлекаясь, даже полоумными и безумными людищами, наконец чюдищами. В порыве высокоумия сказали они друг другу, говорит он: «не берите с со-

бою доспехов, ни щитов, ни копий, ни сабель, ни стрел; но возьмите с собою только веревки да ремни, чтобы ими вязать москвичей, слабых, робких, некрепких». Наши же со смирением и воздыханием уповали на Господа Бога, на Пречистую Богородицу и на великих чудотворцев, понеже от Бога дается помощь смиренным; не в силе, но в правде дает он победу... И видел Господь Бог смирение москвичей и вознес их, а рязанцев гордость низложил, по словам премудрого Соломона: «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать». Но не до смерти Димитрия длится эта вражда Москвы с Рязанью: ее гасит сила духовная. Св. Сергий Радонежский в 1385 году является примирителем Димитрия и Олега: «старец чудный, – как говорить летописец, – тихими и кроткими словами и речами, и благоуветливыми глаголами много беседовав о пользе душевной, о мире и любви с Олегом», прекращает эту вражду и устраивает между ним и Димитрием вечный мир и любовь. Позднее брак сына Олегова, Феодора, с дочерью Димитрия, Софиею, упрочил этот союз.

Передавая новгородские события, московский летописец любит особенно выставлять дух новгородского своеволия: как новгородцы не слушаются князей московских, не хотят суда митрополичьего и, подобно аспиду, затыкают уши от учительного слова митрополита Киприяна; как новгородские ушкуйники совершают грабежи по Волге, разоряют Кострому, Нижний и Астрахань и, пьяные, все там побиты; как Новгород великий весь от мала до велика, от убогих и нищих защищает Двинские пригороды и волости Св. Софии, которые отнял у них Великий князь Московский Василий Димитриевич. В одном месте сгоревшей Троицкой летописи так выражается о новгородцах летописец: «Таков бо есть обычай новгородцев: часто *правают* (присягают) ко князю к великому, и паки *рагозятся* (ссорятся), и не чудися тому: беша бо человеци суровы, непокориви, упрямчивы, непоставни… Кого от князь не прогневаша? Или кто от князь угоди им, аще и великий Александр Ярославич не уноровил им?.. И аще хощеши распытовати, разгни книгу, Летописец Великий Русьский, и

прочти от Великого Ярослава и до сего князя нынешнего...» В другом месте тот же летописец называет новгородцев *вечниками*, *крамольниками*, *суровыми*, *свирепыми людьми*.

Иногда становясь выше всех этих внутренних раздоров, летописец предается таким размышлениям: «Все один род и племя Адамово, и цари и князья и бояре и вельможи и гости и купцы и ремесленники и рабочие люди, один род и племя Адамово, и, забывшись друг на друга, враждуют и ненавидят и грызут и кусают, удаляясь от заповеди Божией любить искреннего своего как самого себя».

Вероятно, были летописи и по другим знатнейшим удельным городам, продолжавшим распрю с Москвою; но замечательно, что ни Рязань, ни Тверь не сохранили нам своих, а сохранены они только двумя народными общинами, Новгородом и Псковом.

Новгородская. Дух новгородский, вера в силу Св. Софии, любовь к своему Новгороду, благодарность к его строителям и украсителям одушевляют летописи Новгорода. Летописец молится за души новгородцев, которые в 1301 году, сражаясь под предводительством князя Андрея Александровича у шведского города Ландскрона, Венца земли, положили свои головы за Св. Софию. Под 1331 годом, выставляя высокоумие Пскова, который вздумал помимо Новгорода ставить себе владыку, летописец говорит грозно: «Но Бог и святая София низлагает всегда высокомыслящих». И как новгородцам не любить было св. Софии? Она в общественных бедах предлагала им помощь, и когда в 1391 году выгорел Новгород, св. София выдала ему из палат своих 5 000 серебра, накопленных владыкой Алексием, по тысяче на каждый из пяти концов его.

Говоря об архиепископе Василии и его трудах для украшения Св. Софии, летописец обнаруживает его современника, принося молитвы Богу и Св. Софии Премудрости Божией за него с его детьми, новгородцами. Другой сказатель в конце столетия молится также за архиепископа Иоанна. Весьма часто отзывается в летописи живое слово новгородское из жизни народной, так например: «*не было пословицы* псковичам с

новгородцами» или псковичи говорят новгородцам: «господа братия! *Како печалуетеся нами, своею братьею молодшеею?*» – или: «ходили из Новгорода люди молодые на Волгу, *без новгородскаго слова*». В то время, как князь Василий отнимает у них Двинские пригороды и волости, Новгородцы благословляются у владыки Иоанна и говорят: «или паки *изнайдем свою отчину* к Святой Софии и к Великому Новгороду, паки ли свои головы положим за Святую Софию и за своего господина, за Великий Новгород». Изображая вечевые распри двух сторон новгородских, Софийской, или Зарецкой, и Славянской, или Торговой, летописец не держится ничьей стороны, а, возвышаясь над ними, радуется тому, если духовною силою владыки Василия или владыки Моисея мир водворен был между ними и *возвеличен крест*. Летописец отзывается всем великим событиям Отечества – и битве Вожской, и битве Куликовской, и нашествию Тохтамыша, и грозе Тамерлановой. Мысль о всецелом единстве России уже таится в духе исторических преданий и зовет избранных людей от местных интересов родины к великой мысли Отечества. Когда в 1352 году умер шведский король Магнус, конечно, новгородцы сочинили его предсмертное рукописание, в котором он сам рассказывает о поражениях, какие терпел от новгородцев, как Бог отъял у него ум и сидел он год в палате, прикован цепию и заделан, как сын освободил его оттуда, как претерпел он кораблекрушение на море – и как всеми этими бедами Бог казнил его за высокоумие и за то, что он наступал на Русь.

Псковская. Псковская летопись подробнее описывает события Пскова, войны с немцами, отношения к Новгороду, строение церквей, но отзывается также и на общие события Отечества. Дух народный виден особенно в любви псковичей к изгнаннику Твери, князю Александру Михайловичу, которого Москва и Тверь выдали Орде, а Псков защищал сколько мог. Была туга, и печаль, и молва многая по боголюбивом князе Александре, когда он оставил родину Ольгину, согласясь лучше пожертвовать собственною жизнию, нежели навести на христиан новое кровопролитие от ханского гнева.

Тверские события. Тверские события вошли в московские: тверская летопись поглощена московскою, как сама Тверь – Москвою. Так и видно, как растущая сила сей последней тяготеет над ее северною соседкой и соперницей. Орда и литва ставятся в укор Твери, как и Рязань. Но дух веры, возвышаясь над духом земных интересов, озаряет три события в истории тверских князей, в которых участвуют три поколения: дед, сын и внук. Первое – мученическая смерть Великого князя Михаила Ярославича в Орде в 1319 году, при хане Кавгадые; событие записано летописцем по рассказам священников, бывших при нем; второе – такая же смерть сына Михайлова, Александра, любимца псковичей, при хане Узбеке, или Азвяке, в 1338 году; третье – пострижение в иноки Михаила, Александрова сына. Оно совершилось в самом конце столетия, в 1399 году. Им кстати заключим и XIV век: в нем живая его характеристика.

Пострижение Великого князя Михаила Тверского. Михаил был сыном и внуком двух мучеников, князей Тверских, которые в Орде своею великодушною смертию искупили жизнь множества христиан. Родился он во Пскове, когда отец его, Александр, жиль в великой скорби и напасти. Крестил его владыка Новгородский Василий – и потом восьмилетнего, по обычаю времени, как крестный отец, учил грамоте, вверив его своему протодиакону. В малолетстве Михаил был свидетелем всех бедствий отца, гонимого Ордою и всею Русью, кроме Пскова. Воспоминание о кровавой кончине деда, конечно, носилось также над его детством. Княжение его в Твери было отрадою для тверичей. Тридцать четыре года оно продолжалось. За милостыню, которую щедро посылал он в Царьград к Святой Софии, патриарх прислал ему свое благословение и икону Страшного Суда. Михаил принял этот дар за предзнаменование своей кончины и за указание свыше принять перед нею иноческий образ. Однажды во вторник, когда князья, бояре и все люди ждали минуты входа к нему для дел градского управления, Михаил призвал к себе епископа Арсения и объявил ему свое желание по сретении патриаршей иконы оставить

мир и постричься в иноки. После долгой беседы князь просил епископа успокоить его семью, когда она о том узнает. Епископ вышел от князя, и скоро молва о его желании разнеслась по городу. Все пришло в движение: княгиня, сыновья, бояре, отроки, все люди заплакали. Икона патриарха вступала в город; все духовенство торжественно вышло к ней навстречу; вышел и князь Михаил. Приняв икону, отслушав перед нею соборный молебен и угостив послов и все духовенство пиром, он повелел нести икону в соборную церковь Преображения и сам радостно пошел за нею. Поставив ее на правой стороне близ алтаря и приложившись к ней, князь дал обещание уже не возвращаться в дом, а теперь же оставить славу княжения. Тут началось его прощание с миром и народом.

«Исходит он из церкви красными воротами, а за ним народ: множество людей безчисленное. Он стал на высоком помосте перед церковию, поклонился всем людям, прося у них прощения, и так говорил им: “Братия моя дружина, добрые сыны тверские, мне Господь Бог доселе повелел быть у вас: ныне же простите меня. Оставляю вам любимого и старейшего сына моего, Василия, да будет он вам князь в мое место; имейте любовь к нему, как имели ко мне, и он о Боге да соблюдет вас”. Люди слышали это и горько взрыдали, говоря: “Как ты ныне отходишь! Куда идешь от нас? О тверская великая свобода и честная слава сынов тверских! Великий страж тверского города! Как орел, ты стерег свое гнездо: тобою сыны Твери и в других странах честны и необижены жили!” – и был плач великий в людях». Михаил же смиренно поклонился и, подав всем любовь и мир, пошел в монастырь Св. Афанасия на пострижение. В иноках он принял имя Матвей, поселился в келье у инока Григория, заболел, принял схиму и, восемь дней быв иноком, скончался. Его смерть наполнила весь город рыданием. Гости, которых много было тогда в Твери изо всех стран, плакали заодно с тверичами, видя такую любовь народа к князю.

Так скончался Михаил, выразив перед кончиною в своем последнем подвиге главную мысль века, покорив в себе князя

иноку; но не так поступали уже московские князья – и Димитрий не захотел перед смертью монашеского куколя (29).

Народные песни эпохи татарской. Некоторые события русской истории в XIV веке, относящиеся к татарщине, отзываются в наших народных песнях. Здесь место коснуться того слоя, который положила в них татарская эпоха. Карамзин думал, что из народных наших песен «особенно исторические о благословенных временах Владимира Святого были сочинены в веки нашего рабства государственного, когда воображение, унывая под игом неверных, любило ободряться воспоминанием прошедшей славы Отечества». Но и Владимир в этих песнях не всегда является в блеске славы, любезной русскому сердцу, а, напротив, иногда в позоре унижения.

Есть песни, есть отрывки в песнях, которые дышат чувством самой живой, самой современной скорби о тяжелом иге. Вот, например, как выражается русская песня о Калине-царе, когда он силою своею окружил Киев на сто верст во все четыре стороны:

Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от конинаго
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видит луча света белаго,
А от духу татарскаго
Не можно крещеным нам живым быть.

Когда же в другое время с такою энергическою силою могла выразиться народная ненависть к татарам, как она выражается в этих стихах?

Есть три песни эпические в сборнике, известном под именем Кирши Данилова, и три песни лирические, народные, колыбельные, в которых слышен живой отголосок татарщины. Первые: «Щелкан Дудентьевич», «Калин-царь», из которой приведен отрывок, и «Михайло Казаринов».

«Щелкан Дудентьевич». Песня о Щелкане Дудентьевиче имеет предметом событие, случившееся в Твери в 1326 году.

Щелкан Дудентьевич есть Шевкал, сын Дюденев, двоюродный брат Узбека, или Азвяка, как он назван в песне. Шевкала прозвали Щелканом, конечно, современники: так называют его и некоторые летописи. Приехав послом в Тверь, говорит летописец, он хотел посажать князей татарских по русским городам, а сам сесть на великом княжении в Твери и христиан привести в татарскую веру. Мало дней провел он в Твери, а много зла причинил христианам. Вспыхнула невоздержная Тверь в лице своего князя Александра Михайловича. Он созвал тверичей и пошел на посла вооруженною силою. Вышел и Шевкал Дудентьевичь с татарами. Бились с самого утра целый день. К вечеру одолел Александр – и Шевкал побежал во дворец свой. Но тверичи подожгли сени и весь двор. Шевкал сгорел со своими татарами; а гостей ордынских, и старых, и вновь пришедших, тверичи кого изрубили, кого утопили, кого сожгли на кострах. Так летопись передала событие, стоившее пылкой Твери великих бедствий.

Песня начинает с Большой Орды:

А и деялось в Орде,
Передеялось в Большой, –
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.

Азвяк дарит своих шурьев стольными городами. Замечательно, что шурья все носят русские имена: Василий, Гордей, Афромей. Но любимого шурина, Щелкана Дудентьевича, Аз-

вяк не пожаловал потому, что он был в отсутствии: брал в Литве *дани, невыходы, царски невыплаты*. А вот как он брал их, изображая собою корыстолюбие татарское:

С князей брал по сту рублев,
С бояр по пятидесять,
С крестьян по пяти рублев:
У котораго денег нет,
У того дитя возмет;
У котораго дитя нет,
У того жену возмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возмет.

Щелкан, воротясь в Орду с данью, просит у царя Азвяка Твери:

Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.

В песне Борисовичи заменяют князя Александра Михайловича. Они отчеством своим напоминают Бориса Константиновича, князя Нижегородского, имевшего много сношений с татарами. Азвяк соглашается не иначе отдать Тверь Щелкану, как ценою крови его собственного сына.

Гой еси, шурин мой,
Щелкан Дудентьевич!
Заколитко-то сына своего,
Сына любимаго,
Крови ты чашу нацеди,
Выпей ты крови тоя,

Крови горячия;
И тогда я тебя пожалую Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.

Щелкан согласился: он заколол своего сына, нацедил чашу горячей крови, выпил ее – и тогда царь Азвяк пожаловал его Тверью: таким образом кровопийца своего сына сел на тверском княжении. Бесчестье вдов, позор красных дев, ругательство над семьями возбудили гнев в мужиках посадских, которые принесли на то жалобу князьям Борисовичам. От народа понесли они подарки Щелкану – и когда он, приняв подарки, не воздал им чести, да еще притом загординился, – тогда разорвали его на части.

Тут смерть ему случилася,
Ни на ком сыскалося.

«Калин-царь». Песня «Калин-царь» напоминает нашествие Батыево на Киев и Тохтамышево на Москву. Несметная сила татарская обступила Киев кругом со всех четырех сторон. От конского пару померкли месяц и солнце. Калин посылает ярлык ко князю Владимиру с татарином, что нет его выше: он мерою трех сажен, голова с пивной котел в сорок ведер, промеж плечами косая сажень. Калин в ярлыке пишет, что возьмет он Киев, Владимира в полон полонит, Божьи церкви на дым пустит. Татарин с презрением вступает в Киев и в светлую гридню князя: Спасову образу не молится, Владимиру-князю не кланяется, а в Киеве людей ничем зовет. Он бросает ярлыки на стол перед князем и велит поскорее сдать Киев без напрасного кровопролития. Таким презрительным обхождением татарина народ рисовал в своем воображении поступки татарских баскаков. Плачет князь, глядючи в ярлыки: богатырей в Киеве нет. Это напоминает горькую участь Москвы в Тохтамышево нашествие: у Димитрия также не случилось войска, потому

что, кроме распрей в князьях и боярах, вредивших силам России, оскудела людьми Русская земля от Мамаева побоища за Доном. Еще татарин не выехал из Киева, как Василий-пьяница вбежал на стрельную башню, взял тугой лук разрывчатый, калену стрелу переную, навел трубками немецкими, стрелял в Калина-царя, а попал в зятя его, Сартака: стрела угодила ему в правый глаз, и ушиб Василий его до смерти. Летописец рассказывает о том, как народ в осажденной Москве пьянствовал и всячески ругался над татарами, и в то самое время, как бросали на них камнями и стреляли из самострелов, один московский гражданин, суконник по ремеслу, Адам по имени, с Фроловских ворот пустил стрелу из самострела и убил какого-то славного и знатного из князей ордынских, что много причинило горя Тохтамышу и князьям его.

Калину-царю тоже за беду стало, говорит песня, отзываясь истории. Он посылает к Владимиру другого татарина, чтобы выдал виноватого. На ту пору приезжал в Киев Илья Муромец. На первый вопрос князя: что делать? – Илья советует послать подарочки. Здесь опять отзыв на события: митрополит Киприян в известном сказании советует также послать Мамаю золота. Илья вызывается сам ехать вместе с Владимиром и везти к Калину подарки. Тогда князь наряжался поваром, замарался сажею котельною и едет к Калину-царю вслед за татарином. Здесь песня горьким упреком намекает на те унижения, какие русские князья выносили в Орде, кланяясь своим покровителям-ханам. Илья, выведенный из терпения бранью и грубыми поступками Калина и лишенный своей палицы, до которой его не допускают, хватает того же татарина, что ездил в Киев,

И зачал татарином помахивати:
Куда ли махнет – тут и улицы лежат,
Куды отвернет – с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин, не ломится,
А жиловат, собака, не изорвется».

Лишь только Илья выговорил это слово, как голова татарина оторвалась и угодила *по силе вдоль*: бьет ее, ломит и вконец губит. Побежали татары. Илья воротился к Калину-царю, схватил его за белы руки и, приговаривая:

Вас-то царей не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают,

– поднял выше головы своей, ударил о горюч камень и расшиб в крохи. Татары изумились тому, как это один человек всех татар прибил! Илья же отыскал Василья-пьяницу, привел его к князю Владимиру и назвался ему братом названым.

В лице Ильи Муромца, великого в смирении и несокрушимого во гневе, как бы проснулась вся сила русского народа, стала одним человеком и отомстила хану с его татарами за все обиды князьями Русской земли.

«Михайло Казаринов». Третья песня: Михайло Казаринов напоминает нам бесчисленные страдания русских жен и дев в плену у татар. Михаил Петрович Козарянин, родом из Галича, на лихом коне, в дорогих доспехах, с тугим луком разрывчатым (ничему этому цены нету), исполняет приказание князя Владимира настрелять к его столу княженецкому гусей, лебедей, перелетных серых малых уточек. Исполнив это, встречает Михаил на дубу чудесного черного ворона, у которого ноги и нос как огонь горят. Витязь прицелился было в него стрелою, как ворон провещится ему, чтобы он не стрелял его: он указывает ему на добычу богатырскую, на русскую девицу-полоняночку у трех татар-наездников. Михайло едет по указанию ворона на высокую гору: видит – в поле стоят три белых шатра и беседа дорог рыбий зуб: сидят на беседе три татарина. Перед ними ходит красная девица, русская девица-полоняночка, Марфа Петровична. От слез не может она слова вымолвить, а вот ее жалобные причеты:

О злосчастная моя буйна голова!
Горе горькая, моя руса коса,

А вечор тебя матушка расчесывала,
Расчесала матушка, заплетала;
Я сама, девица, знаю, ведаю,
Расплетать будет мою русу косу
Трем татарам-наездникам.

Один из них уже прочит девицу за любимого сына своего, Асдела, в Золотой Орде. Но Михаил скоро разделался с татарами и освободил пленницу; ведет он ее в бел шатер и сам хочет поступить с нею хуже татарина; но открывается, что пленница его родная сестра. Она рассказывает брату, как вечером, во время прогулки с матерью в саду, татары похитили ее и увезли в чистое поле. Михаил с сестрою, с богатою добычею от трех татар и от птичьей охоты возвращается к князю Владимиру, который принимает его с большими почестями и сам подносит ему чару зелена вина в полтора ведра и турий рог меду сладкого в полтретья ведра.

Три колыбельные песни. Колыбельные песни русского народа отзываются до сих пор временем татарщины. Тема их одна – страшный полон татарский. По горам высоким, по раздольям широким горят негасимые огни: злые татары полон делят. Теща достается в плен зятю: он отвозит ее к своей молодой жене, а жена его русская, и назначает пленнице три дела: дитя качать, кудель прясть, цыплят пасти. Пленница, качая младенца при его матери, поет песню:

Ты баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшке
Злой татарчонок,
Ты по матушке
Мил внучоночек:
Ведь твоя-то мать
Мне родная дочь;
Семи лет она
Во полон взята,

На правой руке
Нет мизинчика.
Ты баю, баю,
Мое дитятко.

Жена татарина узнала в пленнице мать свою, бросилась к ней на белы руки и просит ее выбрать лучшего коня и бежать с нею на родину, на святую Русь. Вероятно, часты были такие случаи, что пленники возвращались побегом из улусов татарских в Отечество. Летопись говорит, что на границе татарских кочевьев и русских владений были для нас из татар же доброхоты, которые, вероятно за деньги, радели русским людям. Такими переметчиками из татар могли быть охраняемы побеги русских на Родину. Вспомним половца Овлура в половецкие времена, помогшего в таком же деле Игорю.

Вторая песня припоминает тот же полон. На горе горят огни, около огней сидят татары, делят добычу, все животы твоего отца родимого.

Встань, пробудись, дитятко,
Снимай со стены сабельки
И все-то мечи булатные;
Ты коли-руби сабельками
Злых татар с татарчонками;
Ты секи, кроши губителей
Все мечами да булатными!
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

В третьей песне изображается грозный набег татар. Песнью баюкают дитя, чтобы оно уснуло, «покуль гроза пройдет, покуль беда минет». Мать и отец у него взяты в плен.

Злы татарове набегали,
Домы, теремы сожигали,
Старых стариков убивали,

Молодых в полон полонили,
Животы по себе делили.

Сын был разлучен с отцом и матерью. Ты рости, рости, дитятко, во крепости и младости, говорит ему песня. Терем твой одинок без батюшки и матушки, без молодой жены. Седлай же коня, скачи в Орду Золотую, вывози отца и мать на святую Русь, молоду жену в терем изукрашенный.

Кто бы мог усомниться, что эти песни, дышащие таким живым страхом от набегов татарских, были сложены в ту эпоху, когда семьи русские беспрерывно дрожали страхом горькой разлуки?

Фантастическое изображение Змея Горынчища в наших сказках и песнях, зияющего огнем и полымем, может указывать также на Орду, которая дышала на Русь пожарами. Предания о татарах принимают иногда характер волшебства. Таков в песне об Алеше Поповиче Тугарин Змеевич, пораженный хитростью Алеши: признаки его те же, что и татарина, посыланного в Киев от Калина-царя к Владимиру: в вышину он трех сажен, промеж плеч косая сажень, но сверх того промежу глаз калена стрела, а из хайлища пламень пышет, из ушей дым столбом стоит. Тугарин ведет себя нечестно за столом у князя Владимира и глотает один раз лебедь белую да еще ковригу монастырскую. На бумажных крыльях подымается на воздух чародей Тугарин, но молитвой Алеши грозная туча подмочила ему бумажные крылья – и он упал. Грозит он Алешу огнем спалить, конем затоптать, копьем заколоть; но все это, конечно, оканчивается победою Алеши. Даже и в летописи есть признаки того, что народ боялся татарских чар и зелий. Вспомним того попа, который был в Орде с тысяцким Иваном Васильевичем и потом на Воже: у него нашли мешок злых лютых зелий и по допросе сослали его на озеро Лаче, где жил Данило Заточник.

Ненависть к татарам. Ненависть народная к татарам так сильно сказывается в этих древних песнях, что редко имя татарина употребляется без сопутствующего ему прозвища

собаки. Отголосок этой ненависти жив еще и теперь. Когда крестьянка провожает сына своего на горькую жизнь и нужду, чтобы выразить ему всю силу бедствий, его ожидающих, она говорит ему в своих жалобных причетах: «Назовешь ты, мой батюшка, злаго татарина родным батюшкой; назовешь ты, мой батюшка, злую татарку родной матушкой».

Вникая добросовестно в письменные и устные памятники нашей словесности, кто же после этого, кроме поверхностного верхогляда, осмелится еще сказать, что не было у нас в истории эпохи татарской и что не оставила она ярких следов в жизни нашего народа?

Татарские слова в русском языке. Русский язык в своей сущности и своем характере остался чужд татарского влияния. Единство его в эпоху уделов и татар охранялось языком славяноцерковным. Варварство татарское принесло здесь также свою долю пользы. Ему не могло покориться христианское образование, уже пустившее в жизни народа глубокие корни. Все влияние ограничилось некоторыми словами, оставшимися в языке. Карамзин говорит, что едва ли отыщется 40 или 50 татарских слов в словаре русском.

Заметим сначала те слова, которые остались только в исторических памятниках и не перешли в живое употребление: *шерть* – присяга, шертная (клятвенная) грамота; *ярлык* или дзарлик, указ или милостивая грамота татарского хана, которою давалось княжение или другие права (*ерлык* употребляем мы уже в другом смысле, более низком); *тамга* – клеймо, пошлина, откуда таможня; *улус* – удел; *улусник* – князь, данник хана; *киличей* – посланный от князя к хану; *калта* или *калита* – кошель; *чечак* – цветок; *алам* – драгоценный камень. В духовных грамотах князей употребляются три последние слова: *чечак* золотой с каменьями и жемчугом (гр. 1356); *алам* ожемчуженный, *алам* малый с жемчугами (гр. 1356); пояс золотой с *калитою* (гр. 1389). Здесь кстати объяснить прозвище первого Великого князя Московского Иоанна Данииловича: *Калита*. Карамзин, ссылаясь на Хилкова, объясняет прозвище тем, что Калита имел обыкновение носить

калиту, или мешок с деньгами для бедных. Прочие за Карамзиным повторяли то же самое. Но и другие князья, как видим из духовных грамот, имели обычай носить при поясе мешок для денег. Не в другом ли смысле дано это прозвище Калите? Не был ли он кошелем ненасытных ханов и не удовлетворял ли он их корыстолюбие правильным сбором дани? Такою политикой Калиты и возросло княжение Московское над Тверью и над всеми другими.

Заметим названия улиц, оставшихся в Москве свидетельством пребывания татар: *Арбат* от слова *арба*, телега; *Басманная* от слова *басман*, казенный хлеб; *Ордынка* от орды, *Татарская.* Названия многих городов и урочищ по всей России, на всем юго-востоке ее, носят на себе яркие следы татарщины: Казань (котел), Саранск, Саратов, Симбирск, реки, начинающиеся слогом *су* (вода), как например: Сура, Судогда. Исследование об этих названиях могло бы быть весьма любопытно. Заметим, что имена урочищ в Саратовской, Симбирской, Пензенской, Самарской губерниях почти все татарские. Сюда же относится не менее огромное количество прозвищ, внесенных в родословные нашего дворянства от князей и дворян татарского происхождения.

Вот слова, касающиеся гражданского распорядка и обычая: *казна* (хазиня) (31), *казначей* (хазиняце); *караул* от татарских слов: аул, деревня, и караймен – смотрю; *деньга* (танга), *алтын* и *пуло* татарского же происхождения, по мнению Эрдмана. Самое слово *копейка* производит он не от *копья*, как Карамзин, а от турецко-татарского слова *копек*, собака, потому что древние татары, современники Тимура, употребляли монеты с изображением собаки и называли их *динари копеки* (собачьи монеты) или просто *копеки* (собаки). Из слов, означающих меру, наш *аршин* татарского происхождения: по-татарски *аршун, аршунлаймен* – аршином меряю. Русская *бирка* – палочка с нарезками для счету по разам – указывает в корне на татарское слово *бир*, что значит *раз*. *Ям*, превращенный по русски в *ём*, – *базар, кабак* (дверь, притвор), также татарские слова.

Из слов общеупотребительных заметим два цвета: *алый* (ал), *карий* (от *кара*, черный), *халат, колпак, аманат* (аманят)*, кирпич* (кирбиц), *тузлук* (соленый), *арбуз* (тарбуз), *балык* (рыба), *сундук* (сандук), *юк* (бремя), *тюфяк, чемодан* (чамадан), *шиши* (вертел), что-нибудь острое, откуда может быть объяснено слово *шишак, туман, карандáш, карáндаш* (малый ростом) (32), *кибитка* от *кибит* (лавка), *кургузый* (кюргюзаймен, кажу), *сарай* (палата), *башка* от слова *баш* (голова), *карга* (от *кара карга*, грач), *чоботы* (чабата, лапти), не знать ни *бельмеса* от *бильмесин* (не знаешь), *ералаш* (аралаш – смешанный) (33).

Низким значением многих слов, заимствованных у татар, подтверждается еще более то чувство ненависти и презрения, которое всегда русский народ питал к своим завоевателям и притеснителям». С другой стороны, мы сами дали татарам многие слова, которые свидетельствуют, что образованием своим мы имели на них влияние.

Варварское насилие татарского ига, тяготевшего над Россией без малого два века с половиною, мы должны сознаться, оставило резкие следы на нашей жизни, которых и до сих пор не могли еще изгладить ни христианская вера, ни разум всемирного образования. Татарщина еще сильно отзывается в нас во всем том, где мы обнаруживаем неуважение и презрение к человечеству, произвол злоупотреблений личной воли и ералаш в делах общественных и житейских.

ЛЕКЦИЯ ПЯТНАДЦАТАЯ

Взгляд на XV век. – Два писателя в начале века. – Митрополит Фотий, грек. Его воспитание. – Назначение на русскую паству. – Переезд в Россию. – Опасность от татар. Убежище Святоезерское. – Возвращение в Москву. – Бедствия России. – Личные огорчения Фотия. – Кончина его. – Поучения и послания. – Поучение священникам и инокам. – Поучение князьям, вельможам, купцам и народу. – Против поля. – О посте и молитве. – Объяс-

нение притчей. – Поучение на притчу о блудном сыне. – Влияние церковной песни. – Поучения на Благовещение и Воздвижение. – На Сретение Господне. – Послания к Великому князю. – Послание по случаю избрания Григория Цамблака. – Послания во Псков против стригольников. – Поучения по случаю бедствий народных. Засуха. Голод. – Черная смерть. – Мысль о близкой кончине мира. – «Слово о Втором пришествии». – Заключение. – Григорий Цамблак. – Характер его проповеди. – Сведения о его жизни. – Избрание Киевского митрополита. – Борьба с иудеями. – Борьба с латинянами против опресноков. – Кончина Григория. – Его творения. – Внимание к ним паствы. – 1-е «Слово» за пять дней до Рождества Христова. – 2-е об усопших. – 3-е об иноческой жизни. – 4-е в похвалу отцам-пустынникам. – 5-е в похвалу сорока мученикам. – 6-е в неделю Вербную. – 7-е в Великий Четверток. – 8-е на Великую Пятницу. – Основная мысль «Слов». – 9-е на Вознесение. – 10-е на Рождество Предтечи. – 11-е в похвалу Св. ап. Петру и Павлу. – 12-е в похвалу пророку Илии. – 13-е на Преображение Господне. – 14-е на Успение Богоматери. – 15-е на Усекновение главы Иоанна Предтечи. – 16-е на Рождество Богоматери. – 17-е на Воздвижение Креста Господня. – 18-е св. Димитрию. – 19-е св. Георгию. – 20-е трем отрокам и пророку Даниилу. – Три остальные «Слова» (21, 22, 23-е). – Общее заключение

Взгляд на XV век. На границе XIII и XIV столетий, приводя к единству деятельность святителя Петра, положившего в Москве начало духовной жизни, мы видели в нем пустынножителя, мужа государственного, ученого богослова, поборовшего ереси. В XIV веке эту троякую его деятельность олицетворили св. Сергий-пустынножитель, св. Алексий, муж государственный, св. Киприян и св. Стефан Пермский, ученые богословы. Четырнадцатый век мы назвали по преимуществу веком преподобного Сергия: пустынножительство в нем преобладало. Московский рассадник простер свои ветви по всем концам Русской земли, и особенно на север, куда приливала жизнь, теснимая на юге варварским игом. Пятнадца-

тый век, в который вступаем, мы назовем по преимуществу веком святителя Алексия. Пастыри Церкви обнаруживают в нем деятельность практическую, государственную. Литература церковных посланий особенно богата. Церковь словом своим охраняет свое единство, которому угрожало отделение Киевской митрополии, и участвует в двух главных событиях Отечества: в устроении государственного единства и в свержении татарского ига.

Пустынножительство продолжается; являются новые подвижники; возникают новые обители; но обрядная сторона монастырской жизни начинает превозмогать. Для того чтобы усилить в ней духовное начало, под конец столетия вводится скитское житие, и первый его учредитель, Нил Сорский, является писателем, который словом выразил дело своей жизни.

Племя ученых-богословов у нас не прекращалось. С особенною силою, в полном вооружении богословия являлись они тогда, когда Церковь, обуреваемая еретиками, нуждалась в их помощи. Под конец века явились два славных мужа, связующих его с веком последующим: Геннадий Новгородский, творец новой пасхалии, первый собиратель полного кодекса Славянской Библии, и св. Иосиф Волоцкий, творец «Просветителя» и обличитель жидовской ереси.

В XV веке жизнь государственная, развиваясь сильнее, двинула у нас и жизнь общественную, что отозвалось и умножением памятников литературы светской.

Два писателя в начале XV века. Изучение века мы начнем с двух писателей, которых образовала не Россия: то были митрополит Московский Фотий и митрополит Киевский Григорий Цамблак. Первого прислала к нам Греция и соединила с нами вера; второго прислала Болгария, а соединила с Россиею вера и одноплеменность. Оба действовали в начале столетия, современно друг другу, и находились во враждебных между собою отношениях; но единство веры и ее вечное начало помирили то, что разделяло время.

Митрополит Фотий, грек. Его воспитание. Фотий, уроженец Мореи, с малых лет последовал своему иноческому

призванию и совершал этот путь под руководством пустынножителя старца Акакия, которого уважали и патриархи и императоры Царьграда. Одно желание было у инока – спасение души своей. Он последовал за своим наставником, Акакием, когда патриарх Матфей призвал его на престол митрополии в морейский город Монемвасию, на родину Фотия.

Назначение на русскую паству. Акакий послал ученика своего в Царьград к патриарху Матфею и императору Мануилу с каким-то поручением, и в то самое время, как Фотий жил в Царьграде, Великий князь Василий Димитриевич просил патриарха выслать митрополита для паствы русской. Выбор пал на Фотия. Со слезами скорби должен был он покориться слову патриарха и покинуть мирное пристанище своей монашеской кельи для того, чтобы идти править духовным кормилом русского корабля во времена самые бурные. Россия страдала под игом татар; они набегами беспрерывно ее опустошали; междоусобия князей раздирали ее внутренность. Божия кара ежегодно то мором, то голодом истребляла народ. Церкви угрожало разделение митрополии. В такие тяжкие времена Фотий принял русскую паству – и обнаружил несокрушимую силу воли, готовой страдать, молиться и действовать. Не владея свободно языком славянским, он взял себе в сотрудники товарища по жизни пустынной болгарина иеромонаха Пахомия, сложившего у нас жития многих русских святых и потому прозванного Логофетом, а еще другого монаха – Патрикия, из греков.

Перевод в Россию. 1 сентября, 1409 года последовало назначение Фотия в Царьграде. Ровно через год, 1-го же сентября в 1410 году явился он в Киев, а в апреле месяце того же года, на самый первый день Пасхи, в Москву. Весь священный собор с крестами, Великий князь с князьями, боярами и со множеством народа встретили его далеко за городом. Был двойной праздник на всей земле Русской, где проходил святитель. Так любил народ своих архипастырей.

Свежие следы Эдигеева нашествия первые поразили Фотия как в Москве, так и по всем городам, через которые он проходил. Надобно было прежде устроить дела разоренной

митрополии, чтобы дать ей возможность питать убогих и нищих. На другой же год после прибытия своего в Москву Фотий сам едва не сделался жертвою татарского разгрома и лишился в нем одного из своих верных спутников.

Опасность от татар. Убежище Святоезерское. Вот как это было. Любовь к пустыне влекла Фотия к уединению. Из Москвы летом он переехал во Владимир, а оттуда к Святому озеру, в лесную пустынную обитель Преображения, основанную митрополитом Киприяном. На другой же день по его удалении туда приходит к нему весть из Владимира, что татарский царевич Талыч и воевода нижегородского князя Данилы Борисовича Семен Карамышев соединенно напали на Владимир, грозят ему разорением и ищут митрополита. Фотий удалился в леса, на свои озера Сенежские, и там искал убежища от злодеев. Между тем его верный спутник, Патрикий, в соборе Владимира скрыв церковную казну, погиб мученическою смертью от татар. Неподвижный, со слезами стоял он перед иконою Богоматери, когда грабители вторглись в церковь Его клали на горячую сковороду, вбивали ему щепы за ногти, драли с него кожу, прорезав ноги, привязали к конскому хвосту и влачили его; но никакие муки не могли вынудить из него ответа на вопрос: где церковная казна и другие люди, бывшие при церкви? Весь Владимир сделался жертвою разгрома; людей побито и взято в плен без числа; золота и серебра увезено множество; деньги татары делили мерками; все, что можно было взять, взяли, остальное истребил пожар, в огне которого расплавились самые колокола церквей владимирских.

Между тем Фотий укрывался в своей Сенежской пустыни, где после поставил храм во имя Рождества Богоматери в память избавления своего от татар. Здесь делил с ним уединение и другой спутник его, священноинок болгарин Пахомий. Здесь, в пустыне русской, окруженной такими страшными бурями, Фотий вспоминал ту мирную свою пустыню, где он жил у своего наставника, старца Акакия. Углубляясь в леса и дебри русской пустыни, он невольно сравнивал прежнюю тишину и безмолвие с теперешними бурями, которые со всех

сторон ему грозили, и предавался безутешным слезами скорби об утраченном спокойствии.

Возвращение в Москву. В таком сетовании и плаче застал его зов Великого князя Василия Дмитриевича в Москву. Князь встретил митрополита с честью, беседовал с ним о нашествии татар и предложил ему все возможные утешения. Тогда-то явился Фотий посредником в бракосочетании Иоанна Палеолога, наследника Мануйлова на византийском престоле, с Анною Васильевною, дочерью Василия Димитриевича и внукою Витовта по матери.

Бедствия России. Первое бедствие, претерпенное Фотием в России, было только началом многих других, которые ее поражали. Не проходило почти года, чтобы или черная смерть в самом ужасном виде, или засуха, или голод, или необыкновенная зимняя стужа, или пожар не постигали нашего отечества.

Личные огорчения Фотия. Кроме народных бедствий, которых не мог не принимать к сердцу сердобольный пастырь, были у Фотия и личные огорчения. Его усердие к достоянию Церкви навлекло на него клевету. Клеветники восстали на него перед Великим князем Василием Димитриевичем и старались ссорить митрополита с государем; другие обносили его перед литовским Витовтом. По настоянию сего последнего, против воли царя и патриарха епископы в 1416 году избрали на Киевскую митрополию болгарина Григория Цамблака. Из всех зол, какие испытал несчастный пришелец в нашей земле, конечно, ни одно так не поразило его, как это разделение паствы на глазах у самого пастыря. Только смерть Григория в 1419 году могла прекратить Фотиево горе, которое длилось три года. После того святитель снова имел утешение соединиться с отторгнутою от него паствою и войти в сношения более дружелюбные с литовскими князьями Витовтом и Свитригайло.

Кончина Великого князя Василия Димитриевича в 1425 году поразила скорбию сердце архипастыря, который связан был с ним узами любви искренней. Он упомянул об этой скорби и в своей прощальной грамоте. Ревностно принял он сто-

рону десятилетнего сына его, Василия, наследника престола, против устарелых притязаний его дяди, Юрия Дмитриевича, и тем содействовал утверждению правильной системы единодержавия и престолонаследия в России.

Кончина его. В летописях сохранилось чудесное предание о кончине Фотия. В 1430 году, в пятницу на Святой неделе, когда он отдыхал в ложнице своей после заутрени, явился ему Божий ангел, златовласый, с царским венцом на голове, в одежде изукрашенной, с золотым посохом в руках, и возвестил, что Бог дает ему только седмицу на рассмотрение жизни своей и на управление паствою. Эта седмица длилась семь семидесятидневных недель. Он успел посетить еще раз перед кончиною свою юго-западную паству и скончался в Москве 1 июля 1431 года, оставив по себе прощальную грамоту, в которой вкратце рассказал скорби и труды, понесенные им на русской пастве, и простился со всеми по примеру своего предместника Киприяна, рядом с которым лег и в могилу в Успенском соборе (1). Памятниками его служения на чреде паствы русской и его правоверия остались два саккоса, из которых один украшен изображениями Иоанна Палеолога и супруги его Анны Васильевны, Великого князя Василия Димитриевича и супруги его, Софии Витовтовны, и самого митрополита Фотия. В греческом Символе веры, который вышит золотом на полях саккоса, не встречаем приложения слова *истиннаго* в члене о Святом Духе, которое вошло позднее в наши старые книги и соблазнило раскольников (2).

Поучения и послания. Неутомим был пастырь в исполнении своего долга, как наставник народа. Памятником его непрерывной деятельности остались нам его поучения и послания. Некоторые из них изданы, другие остаются еще в рукописях. Сам ли он писал их или помогал ему в том его сотрудник, славянин Пахомий, – решить трудно; но с вероятностью можно предположить, что он и сам приобрел постепенно навык в языке славянском. В одном из посланий своих к инокам Киево-Печерской обители смиренный пастырь сознается в неискусном знании славянского языка (3), а греческие обороты,

часто встречающиеся в его слоге, показывают, что он писал их по-гречески и переводил на славянский язык.

Из поучений Фотия некоторые писаны на праздники Благовещения, Сретения Господня, по случаю освящения храма, о Втором и страшном Пришествии, в неделю Православия о посте и молитве и содержат в себе объяснения евангельских притчей; другие обращены к священническому и иноческому чину, особенно к инокам Киево-Печерским, также к князьям, боярам и ко всему народу; третьи писаны по случаю современных событий, избрания Григория Цамблака, ереси стригольников, разных народных бедствий: бездождия, голода, черной смерти. Из посланий дошли преимущественно псковские – случайно ли, потому ли, что митрополит обращал на Псков особенное внимание, опасаясь поблизости его к Западу латинских на него влияний (4).

Поучение священникам и инокам. Постоянным действием архипастырей нашей Церкви было поучать священников, указывая им на важное значение их сана и на святость тех обязанностей, которые возлагает на них Церковь. Фотий посвятил этому предмету особые поучения и, кроме того, в редкое из других не вставил тех же наставлений священникам. «Как небо отстоит от земли, – говорит учитель, – так наш сан выше всякого мирского; так Христово священнодействуемое таинство превыше всего в мире. Христос Сам священнодействовал, дав нам тело Свое и кровь Свою на пищу и питие, и завещал через апостолов творить то же самое. Превыше всего священническая рука: она касается божественного угля. Приняв человека смрадного и мертвого, силою благодати Христос сделал его *яко Бога* и нам вручил дело, которое принадлежит единому только Богу: прощать грехи человеческие».

Приглашая священников облещись во всякую просветительную силу делом и словом, он беспрерывно повторяет им слова Дионисия Ареопагита: «Достоит бо быти, рече, господню священнику чисту яко свету, свету быти – и тако просвещати, чисту быти – и тако очищати, святу быти – и тако освящати». Наставник употребляет эти слова вроде послови-

цы, как бы желая ее тем сильнее напечатлеть в сердцах тех, кого она касается. В редком поучении ее не встретите. «Если вы, – говорит святитель священничествующим и иночествующим вместе, – постоите и не переменитесь, будучи светилами душам и телам, тогда тело всего мира просвещено будет. Если же вы, будучи солью, воссмердитесь и, будучи светом, помрачитесь, то какая тьма будет в мире?» С ужасом говорит Фотий о пьянстве священников. Апостол Павел не только о телах священников, но и о телах всех верных сказал: не весте ли, яко дом Божий есте и Дух Божий живет в вас? За три дня, или мало по немощи за два, до́лжно готовить себя чистым, приступая к Божественной Тайне. Да искушаем о сем каждый себя, священники Господни, с каким страхом и трепетом содержать имеем сан великого того Божия священства, которое и самим ангелам ужасно и недостижимо. Молю вас, да отверзете очи сердец ваших и уши духовные, и приимете слова, их же вмале глаголю вам: богомудрое бо ремесло божественное и преестественное дано нам от Бога.

Все главные силы пастырской заботы своей устремляя на священников, как на непосредственных наставников народа, святитель беседует и с иноками об их назначении. Два послания пишет он в Киево-Печерский монастырь, к преемникам Антония и Феодосия, и третье в Снетогорскую псковскую обитель. Приводя имена всех великих подвижников, уставивших иноческое житие – Василия, апостолам вмале равностоятеля, Афанасия, святое Божие жилище, Григория Богослова, непобедимого Христова воина, велегласного Лествичника, великих Исаака, Дорофея и Евфимия, – пастырь свидетельствует, что иноки киево-печерские знакомы с творениями всех этих и других св. отцов, изобразивших иноческое житие, и что в особенности читают они книгу великого Лествичника, «духовным степеням утвердителя». В веке вражды непримиримой, когда, по словам пастыря, нельзя было веры дать другу, ни понадеяться на брата, когда «проглаголешь мирная, а принимаются аки ратная», когда зависть и лжа осилили и никто не поминал о смерти, – пастырь приглашал иноков дей-

ствовать как божественные апостолы, одним миром просветившие вселенную и приведшие ее ко Христу, Который сам есть мир и истина. Как птица некая в дерево ударяет и от того все дерево сгнивает, так братоненавидение погубляет всякую добродетель человеческую. Не словом, но верою и делами оправдается человек и бывает наследник Царствия Небесного, по великому Христову слову, что не в слове Царствие Божие, а в силе. Да будет ваша жизнь образом честного жития для людей мира! Помните великое слово евангельское: «Никто руки взложа на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Небеснем». Помните день великого и грозного Суда, да уподобимся пяти девам мудрым, возжегшим светильники свои в сретение жениху, а не тем пяти безумным, чьи светильники без масла погасли, да не затворятся перед нами двери, да не услышим на зов наш: «Господи, Господи! Отверзи нам!» – страшного того ответа: «Отъидите от Мене, не вем вас, откуду есте».

Поучение князьям, вельможам, купцам и народу. Наставления пастыря от духовного чина простирались на князей, бояр, купцов и народ. Князьям прежде всего проповедует он милость, да услышат они на Страшном Суде голос: блажени милостивии, яко ти помиловани будут. Всем проповедуется нищелюбие, но особенно князьям и вельможам: «Братиею меньшею нарицает Христос учеников Своих и всех нищих; всякой нищий православный и *благодарливый* брат есть Господень, понеже Христос нас ради себя смирил, и в нищете и в убожестве был, да нас милосердием обогатит... Любви часть милостыня, а ненависти часть немилосердие... Вы, благородные князья и вельможи, добродеяние всякое и умиление во всем да покажете, и помощь и заступление, и утверждение и попечение к убогих чади, милуючи сира и вдовицу: вас бо Христос от них возвыси...» Посадников и властелей города Пскова, напоминая им власть, от Господа данную, и силу от Вышнего, призывает он работать Господу, а не человекам, судом Божией правды, судом нелицемерным и немздоимным, не превращая суда для убогого и не стыдясь лица сильного, помня заповедь животворящего

Духа: «Накажитесь, вси судящии земли; работайте Господеви с страхом и радуйтеся Ему с трепетом». Нарочитых града, именитых купцов города Пскова, просит, чтобы в куплях и в мерилах праведных Божию правду соблюдали, «понеже бо купля неправедна и мерила лукавая мерзска суть Богу, а купля же и мерила правая благословена суть и приятна от Бога». В народе преследовал святитель двоеженство и троеженство, которое, видно, встречалось даже и от живых жен. Он приводит слова Григория Богослова, что первый брак есть закон, второй по нужде прощение, ради слабости человеческой, третий – законопреступление, четвертый – нечестие. А тем, которые, разведясь с законными женами, взяли вторую и третью жену, запрещает быть старостами при храмах. Поразил иноземного пастыря зазорный обычай народной брани. Такое предписание дает он по этому случаю духовным наставникам: «А еще учи́те своих детей духовных, чтобы престали от скверных словес и неподобных, что лают отцевым и материным именем, занеже того в крестианах нигде несть; тако же бы и родители учили своих детей измала, чтобы не привыкали говорить лихих слов, а кои не имут слушати вас, а тех також от Церкви отлучайте, ни святаго причастья не давайте, ни доры, ни Богородицына хлеба. Також учи́те их, чтобы басней не слушали, лихих баб не приимали, ни узлов, ни примолвленья, ни зелиа, ни вороженья, и елика такова, занеже с того гнев Божий приходит; и где таковыя лихия бабы находятся, учи́те их, чтобы престали и каялись бы, а не имут слушали, не благословляйте их; христианом заказывайте, чтобы их не дрьжали межу себе нигде, гонили бы их от себе, а сами бы от них бегали, аки от нечистоты; а кто не имать слушати вас, и вы тех также от Церкви отлучайте».

Псковитяне до того простерли гонение свое против баб-колдуней, что в 1411 году сожгли 12 вещих женок, как замечено в Псковской летописи. Но к этому поступку они побуждены были, конечно, не словом святителя, а скорее подражанием обычаям Запада, где сожжение волхвов и ведьм было повелеваемо Церковью.

Фотий восставал и против других обычаев, которые Псков принимал от Запада, – против употребления латинского мура, против крещения обливанием, а не погружением, против употребления удавленины в пищу. С другой стороны, народная брезгливость ко всему иноземному внушала псковичам подобные вопросы, которые они письменно предлагали святителю: можно ли им употреблять в пищу то, что приходит из немецкой земли, – вино, хлеб или овощ? Фотий отвечал: очистив то молитвою от иерея, подобает ясти и пити.

Против поля. С особенной грозою преследовал митрополит обычай поединков, или так называемое *поле*, которое заменяло суд тяжущимся. Он приказывал священникам: человека, который позовется *на поле*, не допускать до святого причастия, ни даже до целования крестного под опасением лишения священства, если поп допустит такого к причащению; погубившего на поле душу человеческую считать душегубцем, не пускать в церковь, не давать даров, ни Богородицына хлеба, а к причастию не допускать осмнадцать лет; убитого же не хоронить, а похоронивший лишается священства.

О посте и молитве. Всех чад своих соединяет пастырь вместе в одном наставлении о посте и молитве. «Велико благо есть пост и молитва, аще с мыслию чистою и благодарною будет». Раскрытию этой мысли посвящено отдельное поучение в неделю православия. Здесь в самом начале встречаем совет, подобный тому, какой предлагает Владимир Мономах в «Поучении» своим детям касательно самой краткой и любимой молитвы русского народа, заимствуя этот совет из поучений Иоанна Златоуста: «Молю всех вас, чада мои, собравшихся в церкви, правилу молитвенному не обленитися никогдаже, но или ясте или пиете, или делаете, или путешествуете, или стоите, или седите, или ино что творите, неоскудно и непрестанно глаголите каждый в помышлении своем: Господи Иисусе, Христе Сыне Божий, помилуй мя. Апостол сказал: безпрестани молитеся и всегда благодарите. Господь сказал: бдите и молитеся во всяко время» (5).

Пост, по слову наставника, предлежит нам, как некоторая лествица. Недели поста – ступени ее... Пост – поновление души и житию целомудрие; пост хранит младенцев, целомудрит юных, благоукрашенных творит старцев... Не в одной пище состоит пост, но и в удалении от всякого зла.

Объяснение притчей. Нередко учитель углубляется в таинственный смысл евангельских притчей. «Иногда, – говорит он, – Господь наш Иисус Христос творит явную беседу в благовестии, иногда же учит повестями и притчами. *Повестная бо беседа явленнейше и чистейше творит* учение и уповающих воздвигает к послушанию».

Так объясняет он притчу *о должнике тьмою талант* (Матф. гл. 18, ст. 24), устремляя внимание на главную мысль: прощай других, чтобы Бог тебя простил. Жена и дети, которых велено продать, – душа и деяния. Господин довел должника до крайности и потому же простил для того, чтобы памятовал он все величество прощения и был снисходителен – своим должникам.

Поучение о блудном сыне. Особенным глубокомыслием отличается объяснение притчи о блудном сыне в 7-м поучении, которое говорено в неделю о нем. В двух сынах отца олицетворены: в старшем правда, в юнейшем – грех наш. Голод той страны, куда отошел юнейший сын, так объясняется, не без намека на причину этого бедствия в народе: где нет страха и закона Божия, там глад крепок; где нет милости и любви и правды, там глад крепок. Сын, исходящий из дому отца, – это мы сами, когда согрешаем: вон исходим из своего смысла, вон из своих помышлений ведемся, *вне разума бываем*. Когда же исполняем заповеди Божии и *правдуем*, тогда в свой паки смысл приходим. В себя же пришед, блудный сын возвращается по глаголющему: обратися, душе моя, в покой твой. Покой души моей есть спасение, а спасения три образа по великому Григорию: рабство, наемничество, сыновство. Раб страха ради ран творит благое, как и Давид глаголет: пригвозди от страха твоего плоти моя, от судеб твоих убояхся. Наемник за приятие мзды добрые и благоугодные деяния совершает: преклоних

сердце мое, сказал божественный Давид, еже сътворити волю Твою в векы въздание. Сын же ради любви к Богу и Отцу заповеди Его делает, как тот же божественный Давид свидетельствует, говоря, яко возлюбих заповеди Твоя, и закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть.

Влияние церковной песни. Иногда под влиянием церковной песни проповедник воспроизводит образы церковной поэзии. Так, на празднике Благовещения, освящая походный храм, устроенный для православных воинов литовским Великим князем Витовтом, во имя Воздвижения Креста, проповедник говорит: «Днесь тихая нам весна Христос, праведное солнце, светлым светом нас осияя, верных мысли просвещает... Днесь богоразумные Силы небесные с неба преклонились и с нами земными невидимо спразднуют сей четвероконечный праздник, и исполняется Давидово пророчество: “Да веселятся небесная и радуются земная!”» По случаю другого праздника, который соединялся с праздником Благовещения во имени храма, проповедник переходит к значению креста и говорит: «Крест царем благочестивым велелепие и оружие неодолеваемо вечно, крест всего божественного действа воспоминаемый о всем вездеделатель знаменоносимый, и на всякое сопротивное ополчение видимое и невидимое победитель» Здесь приводит проповедник сказание историческое, как один малый христианский полк помог молитвою к своему Богу императору римлян, Марку Аврелиану, одержать победу над готфами. Здесь рассказывает он и о славном в истории христианства явлении креста Константину Великому, когда Бог, замыслив просветить его светом истинного разума, явил ему в ночи на реке Дунае честный крест, светлый и превеликий, светящийся паче солнца, с надписанием из звезд: о сем побеждай.

На Сретение Господне. В другом поучении на праздник Сретения Господня, подражая церковной песне, святитель так славословит праздник: «Отроча четыредесятодневно и превечно, Отроча младо и ветхо деньми, Отроча ссущее и веком творец… Младенец зрим и Бог познаваем, Младенец ссущ и

мир напитающ, Младенец на руках матерних земленосим, на небе же неотступен недр отеческих».

Послание к Великому князю. Перейдем теперь к той части содержания поучений Фотия, которая имеет отношение к современным событиям. Два послания его к Великому князю Василию Димитриевичу написаны в защиту прав Церкви на ее имения и доходы. Святитель приводит по этому случаю постановления Константина Великого и примеры прародителей Великого князя, особенно же отца его, Димитрия, который, познав от Божественного Писания, что *не спасется царь многою силою и исполин не спасется во множестве крепости своей,* – когда наступали на него агаряне, грозившие пагубою христоименитым людям, прибегал к руководству и опоре святителя и являлся победоносцем. Вот одно из доказательств тому, что Киприян был у нас во время Донской битвы. Порицания и клеветы врагов Фотия не охлаждали его ревности. «Для меня неважно, – говорит он во втором послании, – хвалят ли меня или хулят; хула меня не печалит и для похвалы не сделаюсь я хуже. Буду ли хулим и хвалим, останусь тем же, чем был; ибо я раб Божий, хотя и грешный». Пастырь не щадит и укоров Великому князю за то, что он с насилием берет у Церкви Божией то, что не принадлежит ему. От князя, как верного сына Церкви, он требует себе покорности (6). Настойчивостью своею митрополит успел, хотя и не скоро, восстановить владения своей кафедры в прежней целости.

Послание по случаю избрания Григория Цамблака. Важностью современного содержания, обширностью объема, силою красноречия отличается окружное послание Фотия, написанное по случаю избрания литовскими епископами Григория Цамблака в сан Киевского митрополита отдельно от Московского. Видно, как это событие в самое сердце поразило пастыря, ревностного о единстве церковном, и как он призвал все свои силы, чтобы охранить его.

Древние божественные мужи, говорит Фотий, не писанием и книгами учимы были, но чистый имея смысл, Духом Святым просвещались и научались Божиим хотениям. Таковы

были первые патриархи. Когда же изнемогли человеки и недостойны стали просвещатися от Духа Святого, тогда Бог дал закон Моисею. Так и Владыка наш Христос беседовал с апостолами, лицом к лицу. Когда же ереси и мятежи смущения церковного начали прозябать, Господь благоволил написатися Евангелиям, и преданиям апостольским, и правилам св. отец.

Ими-то внушаемый, хочу я известить любовь вашу о мятеже, бывшем в Церкви Божией от мужей неподобных. Блюдитеся, возлюбленные; *дние лукави суть и время своих слуг поставляет*... Григорий, изверженный из сана патриархом Вселенским Евфимием, возвращается в Литву, чтобы разрушить и смутить Церковь Божию. Он собирает окаянных епископов, которые на Церковь Божию, увы! начинают замышление, не избранием св. отец, не испытанием соборным, не рассуждением правильным, но самозаконно учинив его поставление, как будто в сонном привидении играя, в священную одежду недостойного одевают… Кто достойно восплачет бывшую ныне беду? Который язык изречет содеянное ныне? Который слух кротко приимет сию повесть?[1] Благовременно и пригодно ныне пророческое слово: «погибе благоговеин от земли и исправляй в человецех несть», – ибо сечивом и оскордом расселки двери Христовой Церкви, гремит проповедник, подражая словам Псалмопевца. Мы, как Иеремия, должны искать главе воду и очам источник слез[2].

В поэтическом образе раскрыта далее мысль о единстве Церкви. Как источник водный, един текущ, разливается по многим странам, напаяет и прохлажает словесных и несловесных, и вся прозябления земная влагою растит и плодит: так и соборная и апостольская Церковь Константинаграда, от источника паче духовнаго и бессмертнаго повсюду текущи, равно и к митрополии Киевской и всея Руси, строит попечения и бережение, и посылает единаго митрополита Киеву и всея Руси.

[1] Все напечатанное курсивом выписано из текста слово в слово; прочее передано в верном сокращении.

[2] …Яко в дубраве древяне секирами рассекоша двери его вкупе: сечивом и оскордом разрушиша и. Псал. 7, ст. 6 и 7.

И так до́лжно сущим всем епископом, князем, велможам, священником и иноком, и всему христоименитому исполнению послушати его, яко пастыря и учителя духовнаго, по словам Христовым: «Слушая вас, Мене слушает, и отметаяся вас, Мене отметается; Мене же отметаяся, отметается пославшаго Мя...» Скажите, окаянные, которые книги святых, которое Евангелие, который апостол вас научил такое нечестие творить?

Христос вас не пользует... Преставшу источнику от течения, скудость бывает всем сущим на земли, словесным же и несловесным, и всякому земному прозяблению и плоду: такоже и вам, не сущей благодати Святаго Духа в вас, от источника духовнаго оскудение бысть вашим душам и погубление.

Скажи ты, всех более прельщенный неепископ Полоцкий Феодосий: по преставлении святого почившего митрополита Киприяна не ты ли шел на митрополию? Ты сам знаешь, сколько обещал ты сребра и злата за то ставление! Если бы за мзду оно давалось, не отослали бы тебя *безделна*. Но ты был отослан с уничижением великим и стыдом, и сказали тебе: *Злато твое и сребро твое с тобою в пагубу да будут!*

Затем следуют вопли сокрушения Церкви и выражение надежды, что Господь не оставит ее уничиженную, но *оденет одеянием веселия, по древнему благолепию.* Призывая всех православных не приобщаться к нечестию, совершенному в избрании незаконном, митрополит приводит слова всех учителей, начиная с апостола Павла, которого именуют *сосудом избранным, пределом церковным, многострадальцем доблественным, благовещанною цевницею, Христовым проповедником, трубою слову и вещателем благочестия.* Призвав слова учительские на убеждение паствы, так обращается пастырь ко всем верующим, уже со словом силы и гнева: *«Ужаснитеся и въстрепещите, которыи с несвященными ядите, и любви творящии с ними, и исправите собе, яко да не погыбнете с беззаконием их. Услышите вси языци, внушите вси живущии по вселенней, услышите пастырие церквам Христовым, услышите священници Господни, услышите благочестивии князи и вси людие, и бояре, и вси судия земскыя,*

иноцы, инокини, юноша и девы, старци с унотами, мали и велиции, или мужеск пол или женьск, вкупе богатии и убозии, вси внимайте глаголемым, молю вы».

Все собранное от Божественного Писания Ветхого и Нового Завета я объявил любви вашей: теперь услышите то, что завещано святыми апостолами и отцами на соборах. Послание заключается многими выписками из соборных положений.

Послания во Пскове против стригольников. Ересь стригольников после увещательных посланий патриархов Нила и Антония все еще коренилась во Пскове. Три послания писал по этому случаю митрополит Фотий во Псков к посаднику и тысяцким, к старым посадникам и тысяцким, ко всему священническому и иноческому чину и *ко всему христоименитому исполнения святаго людства*. Мысль, руководящая пастыря во всех его наставлениях, выражена в первом послании следующими словами: «Церковь Божия, утвержденная Богом и данным нам законом новым, огражденная повелениями апостольскими, укрепляемая божественными и св. отец правилами седми соборов, светится паче солнца, *яко сущее небо земное украшена*, и *красуется непобедимым благолепием* православия». Миряне, дерзающие судить Церковь и откалываться от нее, приводят в ужас начальника паствы. Священникам он строго запрещает принимать от них дары и велит отметать их самих, как члены согнившие, от здравого тела Церкви Христовой; народу возбраняет иметь всякое общение с ними и велит наказывать их, только не смертною казнию, а заточением. Учение стригольников, судя по содержанию посланий, было все то же, как и прежде. Они осуждали священников за ставление на мзде: митрополит указывает, что оно совершается согласно с правилами соборов. Они отпадали от евангельских благовестий, от преданий апостольских и отеческих и, поднимая взоры от земли на воздушное небо, там нарицали себе Отцом Бога, которому и каялись, отвергая покаяние священникам. Настойчивое слово пастыря, поучавшего в самой земле Русской, было действительнее, чем слово отдаленных патриархов Царьграда. Народ сам распорядился с еретиками.

Стригольники уступили мнению народному – и с тех пор имя их уже не упоминается в летописях Новгорода и Пскова.

Поучения по случаю бедствий народных. Несчастные события времени: засуха, голод, мор, пожары находят отголосок в поучениях Фотия, подавая повод к весьма сильным изображениям и к движениям ораторского чувства.

Засуха. Вот изображение засухи из поучения о бездождии: «Земля *изсохши в конец, ненавидна есть*, изменилась в своей красоте, неплодная, залядевшая; сохнет и расседается, и в глубину ее солнечное сияние входит. *Утрезвимся благоговением*, да не будем *соседям нашим новою повестью о гладе и томлении, на поругание*. Видел я прежде *бразды нивныя* неплодныя, и прослезился, и излиял рыдание о том, что дождь не оросил их. Одни семена еще прежде всхода лежа в земле засохли, как их закрыло рало. Другие, выросши мало, увяли жалостно и сгорели от зноя. Земледельцы, сидя при бороздах и сплетши руки на коленях, стенают над трудом рук своих, плачутся, смотря на детей своих, рыдают, взирая на жен и иссохшую траву осязая руками.

…Все окрестные места *одождены*, наши же места *не одождены*. Перемешались времена года, зной и студень. Нет ли в нас самих причины тому?.. Неужели же у Бога что отнялось от Его власти и силы? Оставим такое хуление... Нет, *со всеми делами безместными мы и братолюбие затворили:* вот почему *сухи бразды наши;* любовь иссохла и глас молящихся всуе вопиет и на воздухе расходится, *ниже молящагося слышахом*».

Проповедник приводит в пример Ниневию. Прекрасна картина всенародного ее покаяния: каются матери и на грудях их младенцы, кается старец и юноша, богатый и нищий, кается стража города, и сам царь славу и светлость свою в срамоту преложил, снял венец и персть на главу свою посыпал, багряницу растерзал и во вретище облекся, престол высокий и прехвальный оставил, умиленно и бедно на землю лице свое преклонил, власть и царство покинув, благопокорно плакал вместе с народом...

А мы грехи творим прилежно: леность и уныние – наше покаяние. Кто из нас помолился чисто и испустил слезы, чтобы принять дождь и капли росныя? Кто, потребляя грехи по ревнованию блаженнаго Давида, плача, постелю свою слезами омочил? Кто странным ноги умыл и прах на ногах их отмыл, да во время умолит Бога и испросит его разрешения? Кто воспитал сироту, да и нас напитает Бог животом умножения? Кто пособил вдовице, кто утешил ее, *озлобленную от житейского оскудства, да и нам возмерится нужная пища?* Раздерите писания неправедныя, да и грех разрешится. *Потреби уреченную неправедную тяжкую лихву*, да земля родит свое обычное. *Серебру и злату, не родным сущим, мы через естество творим раждатися; земля же от естественнаго рода пребывает неплодна*...

«Бедный, богатому Богу дай: достоверный Он поручник, ибо повсюду, и по земли, и по морю, имеет полныя сокровища».

Голод. Голод несколько раз постигал Русскую землю при митрополите Фотии. В том же поучении, где изображает он засуху, говорит и о голодной смерти как самой страшной. «Голод есть продолжающаяся болезнь, недуг *всажен и вгнезден, мокроту* он *по естеству иссушает, теплоту студит, толстоту тончит, силу телесную помалу иссушает и увядует*; как *паутина,* она *на костях облежит*; тело не имеет цветности своей; румянец бежит прочь; кровь скудеет, белизны нет на теле; тонея, оно чернеет… Колени не держатся, а влекутся; голос тонкой и немощный; очи стали глубоки от изнеможения… чрево тощее и упадшее и невидное…»

Подробности описания показывают, что Фотий сам бывал очевидцем страданий от голода. Затем следуют увещания. «Старца увидишь голоднаго, напитай его, как Иосиф напитал Иакова; врага увидишь в тесноте, не возлагай гнева на него в отмщение, но напитай, как Иосиф напитал продавшую его братию; увидишь юношу в нужде, прослезись, как Иосиф же над Вениамином, старости сыном».

Черная смерть. По свидетельству летописей, едва ли проходил год во все время служения митрополита Фотия на

чреде русской паствы, чтобы мор, известный под именем черной смерти, не поражал народа в какой-нибудь части России. В поучении *рыданном, о находящих на нас всяческих праведных владычних прещениях*, проповедник говорит, что много было предсказаний от святых икон, *кровьми и слезами текущих:* плен от поганых, страшныя болезни, голод и мор следовали за ними. Подобными знамениями, по свидетельству летописи, предсказывались бедствия – и особенно плен татарский (7). Из этих бедствий пастырь останавливается на черной смерти, говоря, что ни в писаниях такой бедственной казни мы не находим, ниже прежде когда-либо слышали в Божиих казнях о такой *нужной* казни… Особенно прискорбно ему то, что единородные братия наши, мертвые, повсюду валяются, зверями и птицами бесчисленно снедаемые… Известия летописей подтверждают истину скорби заботливого пастыря. В одном из посланий своих ко псковичам, по случаю этого бедствия, он утешается тем, что Бог поражает людей этою смертию не внезапно, но даруя им кончину христианскую, с чистым покаянием и исповеданием, с освящением масла, с причащением честного и животворящего Христова Тела и божественныя и животворящия Его Крови, а многие отходят к Богу и в подобии великаго ангельскаго одеяния. Далее проповедник приглашает страдающих вникнуть, чем ради страждем, грозит Господним днем отмщения, велит словами пророка *расторгнуть сердца, а не ризы*, обнажить к Богу все язвы душ, и предлагает наставления всем сословиям, от высших властей до народа. Любовь и совокупление духовное его последний совет: «О сем разумеют вси, яко Мои ученици есте, сказал Христос, аще любовь имате между собою». Этим словом заключается каждое его наставление во дни всенародных бедствий.

Мысль о близкой кончине мира. Все эти бедствия считались у современников знамениями близкой кончины мира. Проповедник сам соединяет их с мыслию, тяготевшею над умами века, что он есть уже последний. Нередко во всех поучениях своих он упоминает об этом. То называет время свое *последним*, указывая на чародеев и волхвов, на злых деятелей,

на разбойников, на лихоимцев; то род людей именует также *последним*; то приводит слова Спасителя: и будут труси на земли, и знамения в луне и в солнце и в звездах, – применяя их к *нынешним последним дням.* В 11-м поучении, обращенном ко всему народу, он ясно говорит об истечении седьмой тысячи и об ожидании всеобщей кончины мира: «Сей век маловременный преходит; грядет ночь, *жития нашего престание*, когда никто уже не может делать. Седьмая тысяча совершается; осьмая приходит, и не преминет, и уже никак не пройдет. Блажен, кто уготовил себя к осьмой тысяче, будущей и безконечной, и сего ради молю вас: будем делать дела света, пока еще житие наше стои́т… Теперь еще время делать и сеять, а там уже не место тому…»

«Слово о Втором Пришествии». Есть целое пятое «Слово», посвященное мысли о Втором и страшном Пришествии. Вдохновенный притчею евангельскою проповедник изображает этот день словами: «О страшный день он Втораго Пришествия Христова и будущаго Суда! И ужасно нам сие судище, и словоположение на нем грознейшее, когда престолы поставлены будут, и книгу разгнутся, и Судия сядет, нелицемерный и тьмами тем ангел дориносимый: тогда трубы возгласят великим гласом, от святых ангел вдохновенныя…» Можно представить себе, какое действие производили эти изображения Страшного Суда, возглашаемые в храмах, на современников.

От этой страшной мысли о последнем времени и о кончине мира пастырь переходит к самому себе и исповедует перед всеми, как он, смиренный и худший из всех перед Богом, не желал быть кормчим такого великого корабля в столь трудные *последние* времена. Он выразумел слова Григория Богослова, как нужно пастырю, особенно в такое время, совокуплять всяких зверей диких и овец во едину чреду, укрощать свирепство каждого и пасти их соединенных в достоянии мирном. Он же думал прежде о том лишь, как бы свою душу чистую и непорочную предпоставить Богу, а пришлось трудиться о толиком множестве. Пастырь уподобляет себя

человеку, у которого струи неудержимые мимо рук текут; как сон перед ним мелькают люди, как след за кораблем проходят... Во многоразличных бурях, волнующих вверенный ему корабль, несчастный кормчий не только повседневными рыданиями, но и по все часы рыданиями неусыпающими к Богу *имеет ум* о вверенных ему душах человеческих; о своей же единородной и бессмертной душе в сих превеликих волнах ведает Бог, что одним лишь печальным рыданием он ее временно утешает.

Одно из своих поучений, а именно о бездождии и происходящих от него бедствиях, святитель заключает так: все это, чада мои, я собрал от Божественного Писания к научению и исправлению ваших душ: не подумайте, чада моя возлюбленныя о Господе, чтобы я, как мать или кормилица, лживо устрашал вас и говорил вам, как оне обыкли говорить с плачущими младенцами и басенными повестями заставляют их молчать. То, что говорю вам, не басни, но слово неложное, проповедным гласом: *стойте испытно.* Сам веря в силу и правду всемирного Суда Божия, он присоединяет: по евангельскому проречению, строка едина или черта едина не мимо идет, но и тело, в гроб невидимо пролежав, встанет, и душа, смертью затворенная, паки в тело вселится… Пожившим в веке сем обличение неиспытное предстанет, не иным свидетельствующим, но самой совести – и тогда каждому по достоянию от праведного судии возмерится.

Заключение. Вникнув во все содержание поучений Фотиевых, мы можем теперь оправдать свидетельство летописи, которая говорит, что он «всех, от малых до великих, поучал словами благочестия, поучениями от Божественных Писаний, как соблюдать заповеди Христовы, отвращаться от злых и пребывать во благих». Глубины богословские были открыты ему, как христианскому проповеднику; но силу слова своего заимствовал он преимущественно в применении христианской истины к народной жизни той земли, где действовал. И пороки, и бедствия русского народа были близки его пастырскому сердцу. Цветистая риторика школ греческих не погубила жизни

этого слова; он сумел даже победить и препятствия языка, ему чуждого. Сила деятельной мысли и еще более сила любящего сердца торжествовали над этими оковами – и проповедь достигала иногда цели, переходя из мира слова в дело жизни.

Григорий Цамблак. Во враждебные отношения к Фотию поставлен был судьбою другой русский проповедник, ему современный, совместник его по назначению звания и достойный соперник по слову.

Характер его проповеди. Проповедь Григория Цамблака, может быть, превзойдет Фотиеву глубиною отвлеченного богословского созерцания, но уступит в силе жизни: причина тому могла заключаться и в самой местности, где действовал пастырь. Он удален был от зачинавшегося нового северного средоточия русской жизни; биение нового сердца ее, Москвы, и жил, к нему прираставших – Новгорода и Пскова, – было для него чуждо. Мысль его могла витать на высотах церковного богословия; но она слишком отвлечена была от народной жизни. Вот почему и византийская витиеватость, и риторические узоры, сплетаемые из фигур всякого рода, преимущественно из антитезы, составляют весьма обильную стихию в проповеди Григориевой. Только в спорах с иудеями, противниками христианства, с латинянами об опресноках обнаруживаются в нем современные отношения, да разве еще в идеальном изображении иноческой жизни и в обличении братоненавидения, порока, впрочем, общего всем векам человечества, и особенно противного любящему чувству христианского пастыря. А за исключением этого Григорий весь препогружен в общие истины, составляющие основу Христианской Церкви, или вдохновен ее праздниками и церковным славословием, их оглашающим. Вот почему слова его, как и слова Кирилла Туровского, переписывались весьма деятельно нашими грамотеями во всех столетиях древней русской жизни, следовавших за проповедником, и он заслужил от них наименование Григория, *архиепископа Российского.*

Сведения о его жизни. Григорий Цамблак был земляком и племянником митрополиту Киприяну. Болгария была

его отечеством, как свидетельствует и прозвище Цамблака, а город Тернов – родиною. Отец Григория был братом Киприяну. Григорий помнил своего славного дядю еще в отроческом возрасте; но потом до самой старости уже не видал его. Когда в 1379 году Киприян из своего нового отечества, Москвы, возвратился в прежнее и посетил свой родной город Тернов, тогда Григорий был свидетелем той встречи, которую патриарх Евфимий и народ приготовили святителю. Тогда-то Киприян возложением рук своих благословил Григория и тем как будто предрек его будущность. Письмом Киприяна вызван был он в Россию, но не застал уже своего дядю в живых. Он был на Немане в то время, когда настигло его скорбное известие о кончине Киприяна, поразившей, по его словам, все пути московские. Через три года после того написал он надгробную ему похвалу, где передал и эти подробности взаимных между ними отношений (8).

До переезда своего в Россию Григорий был то в Болгарии при Терновском патриархе Евфимии, то в Молдовлахии пресвитером соборной молдовлахийской церкви в Сочаве; то в Сербии игуменом Пантократоровой обители в Дечах и еще игуменом какой-то обители Плинаирской, неизвестно где находившейся. Все эти звания Григория, предшествовавшие его пребыванию в России, обозначены им же самим в заглавиях его сочинений. Был он также и на горах Афонских, как упоминает о том в одном из своих посланий (9).

Витовт, из политических своих видов желая отделить митрополию Киевскую от Московской, предложил епископам избрать своего митрополита и послать его в Царьград на ставление к патриарху. Некоторые епископы согласились с волею Витовта и в 1414 году избрали Григория Цамблака; другие же воспротивились и остались верны Фотию. Путешествие Григория в Царьград не имело успеха, несмотря на то что Витовт хотел подкрепить его жалобами патриарху на Фотия: ни царь, ни патриарх, которым был тогда уже Евфимий, а не Матфей, ставивший Фотия на митрополию русскую, не захотели Григория.

Избрание Киевского митрополита. Но Витовт через два года настоял на своем. После новых требований в Царьграде, не удовлетворенных патриархом, после борьбы с епископами, защищавшими права власти церковной святительской против вторжения власти земской и единства Русской митрополии, Витовт собрал епископов в Новогруде – и ноября 15-го 1416 года совершено было им избрание Григория в митрополиты Киевские.

В оправдание своего действия по внушению Витовта епископы сочинили два послания, одно обвинительное на митрополита Фотия, другое ко всем православным, ссылаясь на пример своих соплеменников и единоверцев – болгар и сербов. Тогда-то Фотий разразился против их действия своею красноречивою грамотою, содержание которой мы уже знаем.

Между тем Григорий, возведенный волею Витовта в сан митрополита, ревновал перед ним о православии; он обратился к литовскому князю с вопросом: зачем ты в ляшском законе, а не в греческом? Витовт отвечал ему: если хочешь видеть не меня одного, а и всех людей моих земли Польской в законе греческом, иди в Рим и вступи в прение с папою и его мудрецами. Если победишь их, мы все перейдем в греческий закон и обычай; если же они тебя, то и все люди земли моей греческого закона перейдут в латинский.

Витовт отправил Григория не в Рим, как говорит о том наша летопись, а на собор Констанский, куда он прибыл вместе с послами императора греческого Маиуила уже к концу заседаний собора, в феврале 1418 года. Не претерпев никаких притеснений относительно веры своей, Григорий, безопасно, но без всяких последствий, возвратился с этого собора, который приобрел страшную известность сожжением Иоанна Гусса (10).

Борьба с иудеями. Рвение свое к православию Григорий обнаружил в борьбе своей с иудеями о главной истине христианства и с латинянами об опресноках. Первой посвятил он часть своего первого «Слова» которым приготовлял верующих к празднованию Рождества Христова. С иудеями

уже не в первый раз приходилось ратовать словом нашим святителям. В Киеве жиды окружали престол митрополии, и терпимость наша позволяла им не только проповедовать свое учение, но и восставать против основных истин нашей веры. Видя, говорит проповедник, нас, готовящихся к светлости праздника и духовно веселящихся, иудеи приходят к простейшим и покушаются привлечь их в свою пропасть, говоря им: Бог поял жену и родил сына! В отпор богохулению иудейскому учитель богословствует о великой тайне христианства, о предвечном рождении Сына, подражая древнему оному учению, которое проходит через все века нашей жизни во Христе. «Сына рождает Отец присносущна, и безлетна, и превечна, неизреченно и несказанно, имже и творит мысленныя силы... Он рожден, как отрасль от корня, как сияние от солнца, как слово от ума. Сын нарицается Слово: Отец рождает бесплотное, единосущное Слово, не несоставное, но составное, свой имущее состав, ибо Сын во всем подобен Отцу, кроме нерождения, равномощно, равносильно, Им же вся быша и без него ничтоже бысть, еже бысть, по богословия гласу, Им же и веки сотвори, по премудрому Павлу». Приведши из Моисея и из Псалмопевца свидетельства о единстве существа Божия и троичности Лиц Его, проповедник останавливается на тайне воплощения. Когда пал человек, смерть укрепилась, ад отверзся, рай затворился, небо заключилось и дьявол объявил нам войну, тогда Бог человеколюбец сотворил такой же совет о поновлении нашего естества, какой был и при нашем создании, и спросил: кого пошлю и кто пойдет? Всем молчавшим Сын сказал: се Аз, посли Мя, и рек Господь: иди, и дал Ему образ человека, да Слово будет плотию. И родился Он от Девы чистой, и, приняв то, чем не был, пребыл тем, чем был: в двух естествах один состав. Все предано было Ему Отцом Его, ибо Отец любит Сына и все отдает в руки Его: как Им все было, так Им же все и обновилось. Он облекся в нашу плоть, чтобы страданием Своим нас успокоить, чтобы алчбою Своею нас напитать, чтобы, сходя в ад, нас возвести в небо… В Нем оживотворился человек!

Но на тебе, иудей, сбываются слова псалма: на мне утвердися ярость твоя. Смежив душевные очи и уши подобно аспиду, Сына Божия не приемлешь; преступник закона, думаешь хранить закон; избив пророков, читаешь их книги. Тут проповедник громит иудеев словами Исаии и других пророков, особенно тех, которые ближе к пришествию Иисуса Христа. Торжествует он над иудеями, приводя слова Малахиины: от восток солнца и до запад имя мое прославися во языцех, и на всяком месте кадило приносится имени моему, И жертва чиста (гл. I, ст. 11) – и слова Софонии: явится Господь над языки и потребит вся боги языческие, и поклонятся ему кождо от места своего (гл. 2, ст. 11). Ведь Моисей велел же вам собираться в одно место и на нем приносит жертвы: какой же это Бог у пророков принимает жертву чистую повсюду, и даже в доме у себя каждый может Ему приносить ее?

Борьба с латинянами против опресноков. В «Слове» седьмом на Великий Четверток Григорий победоносно вооружается против латинян, употребляющих опресноки в причащении. Главною опорою служат ему слова апостола Павла и евангелистов, которые, повествуя о Тайной Вечери, именуют хлеб, а не опреснок. Входя подробно во все обстоятельства Тайной Вечери, Григорий доказывает, что в день учреждения таинства причащения есть опресноки еще не начинали и что все обряды, сопровождавшие вечерю, по рассказу евангелистов, не имеют ничего сходного с теми, какими сопровождалось празднование Пасхи.

Кончина Григория. Так деятельно охранял Григорий православие в своей пастве; но деятельность его была непродолжительна: он скончался зимою в 1419 году.

Его творения. Всех творений Григория, до сих пор известных по рукописям, считается 26: 23 «Слова», два сказания и один богослужебный стих. Девятнадцать «Слов» по случаю церковных праздников помещаются в особых рукописях отдельною книгою в одном и том же порядке, следуя кругу церковных недель и праздников, в какие были сказаны. Начинаются они «Словом», приготовительным к празднованию

Рождества Христова, сказанным 20 декабря, на память св. Филогония. Затем следуют: 2) «Слово» об усопших в родительскую, 4) похвальное отцам преподобным в субботу сыропустную; между ними вставлено 3) «Слово» об иноческом житии, из содержания которого ясно, что оно говорено было между вторым и четвертым. Далее по порядку праздников: 5) сорока мученикам, 6) в неделю Вербную, 7) в Великий Четверг, 8) в Великую Пятницу, 9) на Вознесение, 10) на Рождество Иоанна Предтечи, 11) похвальное апостолам Петру и Павлу, 12) похвальное пророку Илии, 13) на Преображение, 14) на Успение Богородицы, 15) на Усекновение главы Предтечи, 16) на Рождество Богородицы, 17) на Воздвижение Креста Господня, 18) похвальное великомученику Димитрию Селунскому (октября 26-го) и 19) также похвальное великомученику и победоносцу Георгию, празднуемому апреля 25-го и ноября 26-го. На всех этих «Словах» Григорий назван то просто иноком и пресвитером, то игуменом обители Пантократоровы, то архиепископом Российским. В двух синодальных рукописях встречается надгробное «Слово» митрополиту Киприяну с припискою в конце самого автора. Здесь он называет себя игуменом обители Плинаирской. Загадочную обитель Плинаирскую (вне воздуха сущая) не принимал ли он в смысле иносказательном? Похвальное «Слово» Терновскому патриарху Евфимию встречается отдельно в рукописях: Григорий знал его лично и написал это «Слово» по смерти патриарха. Евфимий описал житие святой Параскевы, уроженки славянской. Григорий присоединил к нему известие о том, как мощи ее по ходатайству сербской княгини Ангелики, вдовы князя Лазаря, перед султаном Баязетом перенесены были из Болгарии в Сербию. Он же описал страдания Иоанна, нового мученика, замученного в Белграде сарацинами и погребенного в Сочавском соборе митрополии Молдовлахийской. В заглавии этого сказания Григорий назван презвитером Церкви Молдовлахийской. Эта повесть вошла в наши Четьи минеи под 2-м числом июня. Другое повествование его же о сербском царе Стефане встречается в Прологе под 9-м числом мая, а автор его назван игуменом Дечанским. Бо-

гослужебный стих Григория посвящен Успению Богоматери и есть сокращение его же «Слова» на тот же праздник.

Нет сомнения, что 19 «Слов», встречаемых между рукописями отдельною книгою и так внесенных в Великие четьи минеи митрополитом Макарием под именем книги Григория Цамблака, были приведены в этот порядок и составлены особою книгою самим творцом их. Последовательная связь всех этих «Слов» и указание на нее особенно в тех из них, которые сами собою не связаны порядком церковного круга, подтверждают истину этого предположения. До́лжно думать, что автор сам разными наименованиями званий своих указывал на место и время, когда слова первоначально были сказаны; но что потом переписчики, внося отдельные слова в свои сборники, перемешали эти указания. Впрочем на большей части они еще довольно верно сохранились (11).

Внимание к ним паствы. Проповедник сам свидетельствует, что паства его со вниманием слушала его слово и что оно, падая на добрую почву, приносил плод. «Вижу, – говорит он в первом своем «Слове», – что ваша любовь сладко приемлет слово учения, как добрая и тучная земля семена… К церкви тщание ваше такое же, как чадам к матери, болящему ко врачу, жаждущему к источнику, кораблю к пристанищу; так веселит нас преспеяние ваше, что мы будем радостными вестниками добродетели вашей к пославшему нас патриарху». Во втором «Слове», беседуя со слушателями о всеобщем воскресении, он также свидетельствует, что, сколько раз ни сеял он в них от Божественного Писания семена, они, как земля благая и тучная, в малом времени показывали тех семян прозябение, почему и блажит он их усердие к учению (12).

Пройдем же теперь все эти слова по порядку церковного круга, в котором они собраны, и познакомимся с их содержанием, останавливаясь на его сущности, т.е. на тех основных мыслях, в которых проповедник раскрывает истину христианства.

Первое «Слово» за пять дней до Рождества Христова. Первое «Слово» говорено за пять дней до Рождества Христова, на память блаженного Филогония, архиепископа

Антиохийского. Главная мысль его есть приготовление к сретению великого праздника; далее следует обличение иудейских противников христианства, С чем мы уже знакомы, а заключается слово воспоминанием о жизни бл. Филогония и похвалою ему. Преосвященный Макарий, разбирая это «Слово», находит в нем подражание слову Иоанна Златоуста на подобный предмет.

Обратимся к главной мысли «Слова». Приготовление ко встрече праздника состоит в покаянии и в достойном принятии Божественных Таин, их же обстоят ангелы со страхом и ужасом. Ты видишь священника, а не видишь мысленных сил? Где честная священнодействуется *Христовая* Плоть и Кровь, там и они предстоят с благоговением, дивясь крайней к нам владычней любви, ибо так Свое создание возлюбил Создатель, что и Сына Своего соприсносущного дал нам, да Им нас оживит. Слушай, что велегласно глаголет диакон хотящему иерею раздроблять хлеб: вонмем – значит: испытаем сердце, *истяжим* совесть, *испрашаем* мысль, да не кто убийца, да не кто немилосерд, да не кто прозорил и горд, да не кто сребролюбец, да не кто памятозлобив, да не кто пияница и скверножителен придет и опалится. Ибо *святая святым,* говорит иерей, воздвигая обеими руками святой хлеб на высоту. Если свят, приступи: ибо сказано: святи будете, яко Аз свят есмь. Но ничем, никаким чищением не можешь ты себя к трапезе приготовить столько, сколько сердцем сокрушенным и смиренным по образу Давида. Что бы ты ни принес – пост, девство, бдение, низулегание, – но если не принесешь сердца сокрушенного, не оставишь брату своему согрешений, – ничто не будет на пользу – и скажет пророк тебе вместе с Израилем: не такого поста хочу Я, глаголет Господь. Помнишь, что сказал Господь Петру апостолу: отпускать брату до седьмдесять седмерицею. Значит: если во всю жизнь твою согрешают против тебя братья, оставляй им, и если не оставляешь долг брату своему, с каким дерзновением скажешь в молитву: Отче наш, иже еси на небесех, остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим; ибо сказано: аще оставляете

человеком согрешения их, и Отец ваш Небесный оставит вам согрешений ваших. Но многих слыхал я говорящих: не могу простить, слишком обидел меня, очень обесчестил, премного повредил мне, врагом и ратником стал на меня. Не говори ты мне этих студеных и смеха достойных слов, но истрезвись, как от пьянства, от бессловесной твоей ярости, и познай: кто ты был прежде и кто теперь? Не враг ли ты был прежде Божий, а ныне друг, измененный кровию завета Сына его, как сказал Павел. Не тебя ли ради ныне рождается, и в худом вертепе и в скотиих яслях пеленами повивается? Не тебя ли ради человеком бывает, и по естеству и по действу, чтобы ты Богом по благодати был? Если Христос не облагодетельствовал тебя, бывшего прежде его врагом и ратником, и ты не прощай обидевшему тебя: если же Он, поискав тебя, нашел, взял на плечо и принес ко Отцу, снаследником тебя творя отеческой славы, какой же ты получишь ответ, не переменяясь к опечалившему тебя? Какую милость? Какой суд? И Владыка о распинающихся молился: отче, остави им грех сей, а ты говоришь: не могу оставить… По чему же мы и уверимся, что ты христианин, если не потерпишь сладко, обидимый и гонимый, уничижаемый и хулимый? Слышишь, что Павел говорит о святых? Все они прошли болезненное житие и нужные прияли смерти; все ненавидящих и гонящих считали за своих благодетелей. Что первомученик Стефан? Не молился ли о побивающих? Что апостолы, самовидцы и слуги Слова? Что лики мучеников? Не все ли нужными скончались смертями? Не благодетелями ли исповедовали своих бесчеловечных мучителей?

Второе об усопших. Второе «Слово» говорено в родительскую, в день поминовения усопших. Все мысли, которые может возбудить в христианине подобный церковный обычай, соединены здесь, логически истекая друг из друга. Мы проследим их. Память усопших в вере есть повод к благодарению и молитве, а не к сетованию и плачу. Могут плакать о мертвых эллины безумные, иудеи беззаконные, еретики. Истинные христиане, постигая настоящее значение смерти, не должны о них плакать. Мы поминаем усопших, себя возбуждая к деланию:

жизнь настоящая есть делание, будущая – упокоение. В чем же делание? Страдай в настоящем, чуждаясь сладких мира; будь гоним с апостолами, пролей кровь с мучениками; потребует время – поты и труды принеси: они не меньше крови мученической в цене у владыки. Будь сирому помощник, оправдай обидимую вдову, исхить нищего и убогого из рук оскорбляющего, прослезись о всяком человеке, воздохни, видя мужа в нуждах, простри руку лежащему, дай и хлеб, дей и пенязь, преклонись к нему, помяни, что Владыка для тебя небеса преклонил, напой его студеною водою, одень мерзнущие плечи, обуй ноги сапогами, не пожелай видеть члены свои непокрытыми, провещай ему утешения слова и облегчишь его болезни. Твори это в настоящем – и радуйся, ожидая в будущем покоя.

Что мы здесь? Пришельцы. Сам Давид, муж по сердцу Божию, величайший из царей земных, называет себя пришельцем и не стыдится такого названия. Что скажут к этому ныне цари и князья, мечтающие быть вечными, льстящиеся на бессмертие и привязавшиеся к земному, ненасытные имений многих, гордящиеся и возносящиеся, обидящие, грабящие, пагубный прибыток присно смотрящие? Глагол пророка обличает обман их: трава и тени и сну все ваше подобно; иной ожидает нас мир, иное жительство, земля кротких… Прекрасно изображение Авраама, как пришельца и странника. Имея в мысли это подобие славы человеческой, великий оный патриарх не град созидал, не столпы воздвиг, не храмины высокие построил, не раи насадил, не воды извел, не винограды возделал, не точилия устроил, не коней златоуздных уготовал, не оружия исковал, не колесницы запряг; но как пришелец из местав место ходил, безграден, бездомен, как странник сень свою водружая; она же была ему вместо палаты, а земля – одр слоновий… Принося в жертву сына, он отрекался в нем от всего будущего… Всеми образами был пришелец и странник. А был он не в законе воспитан, не от отцов тому навык, ни пророков не слышал, ни апостолов учителями имел… Был страннопримен, вменял все в общее, а ничего в свое; ничто не было у него в ковчеге заключено и запечатано, все обнаже-

но очам приходящих, Все их рукам доступно, за что он и Бога принял, и сподобился такого великого таинства, какого никто от Адама до него не сподоблялся.

И пророки, Илия и Елисей, и Предтеча, и апостолы – все жили пришельцами и странниками. Никто из праотцев ничего не оставил... Сам первозданный, рукою почтенный Божиею, толикую имел широту земную и, прободая душу свою владычним осуждением: земля еси и вземлю пойдеши, ничем не обличил своей любви к ней. Сиф, Енох и Енос одно похвальное наследие оставили после себя: научили человеков призывать Господа – не пределы горам и местам, не чреды верблюдов и подъяремников, нет, одно всего лучшее: уповать на Господа.

Всякий человек странник, но в то же время и воин, а война его – с миродержителем века сего. Вся жизнь человеческая изображается в виде стана ратного, а с этою мыслию соединяется мысль о последнем времени, и невольно при этой мысли возникают в сердце проповедника такие чувства: страшат меня, говорит он, брани языков междоусобные; страшит меня братняя ненависть; страшит меня оскудение любви. Братняя ненависть воспитает Антихриста; им будет не сатана, но человек под его действием, и этот человек будет из евреев. А явится он для того, чтобы обнаружились избранные.

Тяжелая мысль о близкой кончине мира, стеснявшая всех христиан, влечет проповедника к утешительной мысли о воскресении. Он сам свидетельствует, что слушатели ненасытно внимали беседам его об этом предмете, чем еще более воспламеняли в нем любовь к себе. Прежде всего успокаивает он мысль сомневающихся о воскресении словами апостола Павла: если мертвым нет воскресения, то и Христос не восстал, а если Он не восстал, то суетно проповедание, суетна и вера наша. Воскресение Христово тесно связано с воскресением соборным. Премудры советы проповедника касательно тайны воскресения: не сомневайся, не погружай душу в волны неверия, не ищи, как сие будет, как произойдет, только веруй, как исповедует Церковь, ибо каждый день ты в ней исповеду-

ешь чаяние воскресения мертвых и жизни будущего века. На этом стой, не уклоняясь ни туда, ни сюда, крепкий и непоколебимый... Но если любопытный разум подвигает тебя рассмотреть тайну, притеки опять к Павлу, витии евангельскому, родившему тебя ради благовествования Иисус-Христова, сосцу церковных младенцев, и достигнешь разрешения недоумений. Бог разрушенное восстановляет тело, но благолепнее, но духовнее: ибо и зерно жита, нагое будучи посеяно, истлевает и сгнивает, преданное калу, но восстает сугубое, прекраснее и новее, отложив свою ветхость, полное чуда, трость на высоту воздвигая и веселя жателя; колос у него что город, оси что воины. Таки наши тела мертвые в земле полагаются и истлевают, да встанем в нетлении. Различны бывают колосья пшеницы; есть различие и в телах, по словам того же Павла: ина убо плоть человеком, ина скотом.

Мысль о воскресении и суде переносит проповедника к мысли о назначении человека. День оный страшный приближается: встанем, попечемся стяжать дру́гом Судию, страшного, но милостивого, естеством праведного, но человеколюбивого... Мы сад небесный; на нас образ телесного создания, а достоинство душевное. Четвероногое клонит главу к земле и никнет ею к чреву: наша голова к небу возведена и очи видят горняя... Ищи же горних, над земным будь мыслию, как ты *воображен* от Господа. Житие имей на небесах, где истинное твое отечество, горняя митрополия, граждане и соплеменники первенцы, написанные на небесах. Что земное? Что дни?.. Море, возмущаемое земными ветрами, воздвигающее волны подобно горам, знает по временам тишину; а житие человеческое никогда тишины не знает, вечно в молвах, в мятежах, в попечениях... Убогий спешит обогатиться, богатый превзойти других богатством... Следует подробное изображение различных забот богатого, не без примеси едкой на него сатиры, как он боится вельмож, и трепещет перед властьми, и *образом купленаго раба* к ним припадает. Окаянный и страстный! Ты владычнею искуплен кровию – и почто же волею из себя раба серебру устроил?

Следуют картины забот и тревог вельможи, царя, воинов, земледельцев. Весьма сильно сравнение вельможи с деревом с виду прекрасным, а внутри сгнившим: так вельможа снаружи блещет золотыми одеждами, а внутри съеден и изможден мысленными червями.

От суши переходит на море. И там тревоги и беды человеческие. С моря спускается мыслью в недра земли, к копателям руд; оттуда в семейства, к ненавистям семейным, которых дети жертвою, к заботам рождения, отдоения, воспитания, учения…

Так волнуется многоценное сие животное, человек... И что же после всего? Смерть – пременитель печалей, свободитель от трудов, успокоитель естества, сон человекам последний, мужу покой, как сказал Иов. О чем же ты плачешь, поминая усопшего? – вопрошает проповедник, возвращаясь в конце «Слова» к той мысли, с которой начал... Но он был юноша, говоришь ты, в самом цвете естества, прекрасен между сверстниками, наказан слову, в ответах искусен, учением снабжен высоким... Утешься: он отошел, чтобы, по Соломону, злоба не изменила его разума и лесть не извратила души. Но ты все-таки не можешь удержать слез... Плачь, но разве о том, что много потребно добродетелей к переселению нас туда.

Из этих добродетелей никакая столько не помогает, как милостыня. Проповедник, любящий поэтические образы, заключает слово изображением руки милостивого человека. Такую руку приняв Владыка на Страшном оном и ужасном Суде, покажет перед всеми и предстоящим небесным силам, и святым, во славе сущим, и грешным, ожидающим муки, и скажет: сия рука напитала Меня голоднаго, напоила жаждущаго, одела нагаго, обвязала струпы Мне больному, в темнице послужила Мне, много раз вводила Меня страннаго и промышляла обо Мне, ей же и я воздаю в награду наследие Моего Царствия.

3-е Об иноческой жизни. Следующее, третье «Слово» имеет по мысли своей связь с предыдущим, на которую указано и во вступлении. В противоположность суете мирской жизни человечества проповедник изображает жизнь иноче-

скую, как идеальную, как рай земной, как возобновление первоначальной жизни Адама, еще не падшего. В этом «Слове» слышен, конечно, отзыв столетию, когда монастыри были в полном развитии в пределах нашего Отечества; но до́лжно заметить, что все оно по большей части заимствовано из 68-й и 69-й бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. Здесь изображена в лучшем виде вся жизнь иноков, их занятия, их одежда. Утром вставши от одра, светлые и радостные, они составляют лик единый в светлой совести и согласно все едиными устами поют песнь Богу. Одежда их устроена по образцу одежд Илии, Елисея, Иоанна Предтечи и апостолов. Содержание молитв их не о временном, а о том, как бы с дерзновением стать пред Судищем Страшным. С восходящею зарею каждый выходит на дело. В противоположность бескорыстным трудам иноков выставлено корыстное дело тех, которые злато, хищением добытое, омытое вдовьими слезами, кровью сирот растворенное, не пускают в оборот между людьми, а предают недрам той же самой земли, откуда оно с таким трудом извлечено. Здесь проповедник явно указывает на древний обычай русского народа зарывать в земле клады.

В числе занятий иноческих указано и занятие книжное: один беседует с Исаиею, другой общится с апостолами, третий проходит писания отцов. Как пчелы, облетают они соты святых книг, собирая с них многую сладость.

Дай им багряницу – не возьмут они. Если бы царь повелел кому облечься в ризу убогого – он возгнушался бы всякой другой: так и они не хотят царской одежды: багряная червленица для них паутина. Если же ты отворишь двери их умов и душ, чтобы видеть внутри их всю красоту – упадешь на землю, не снеся красоты сияния, зари одеяний их, молнии совестей…

Далее иноки сравниваются со скифами и со станом воинским. Слыхал ли, как жили кочевые скифы? Ни сел у них, ни городов не было, но чередою ходили из места в место; колесницы были у них одно стяжание; зато всегда легки ко брани и на нее готовы; жены и дети с ними: так до́лжно жить христианам, обходить вселенную, бороться с диаволом, а плененных

и держимых им избавлять... Постеля им трава простая; вместо крова небо; луна вместо светильника, не требующая масла... Нет у них ни владыки, ни раба; все рабы, все свободны: рабы друг другу и владыки друг другу. Беседа их не похожа на нашу: он такой-то был князь, тогда-то престал от власти, тогда-то скончался, а наследие принял другой, и тому подобное. Их беседа о небе, о лоне Авраамовом, о венцах святых, об их со Христом ликовании, ни слова о настоящем… Как мы не находим достойным нашего разговора то, что делают муравьи в своих муравейниках, так и они не говорят о том, что делаем мы. По беседе узнаешь в них небесных граждан. Все равны между ними. Если кто пойдет к ним, одеянный саном высоким, – тогда паче обличается его гордость: простой земледелец сидит у них рядом с великим воином и мудрым правителем областей. Ничто им царь и эпарх; как мы, видя детей, играющих в царей, смеемся над ними, так они над нами.

4-е в похвалу отцам-пустынникам. Четвертое «Слово» похвальное отца преподобным в субботу сыропустную основною мыслию связано также с предыдущим. Представив идеальный образец человеческой жизни в житии иноческом, проповедник переходит к тем отцам, которые его уставили. Он чувствует все недостоинство слова своего при мысли о таком предмете, о подвигах и доблестях отцов-пустынников. Он начинает с похвалы Антонию Египетскому: Антоний выше Авраама, потому что и дом, и сродников, и друзей, и имение – все оставил и прошел непроходимую пустыню. Он выше Иакова: Иаков вошел в Египет с 75 душами, а вышло их шестьсот тысяч; Антоний один вошел в пустыню, а из нее бесчисленные тысячи чад его вышли. Он выше Моисея: Моисей победил Амалика, Антоний – диавола. Победа его выше всех побед Александра Македонского. Что победа целой вселенной перед его победой, когда все лукавые полки обратились в бегство, гонимые Антонием? Что перед ним знаменитые философы Греции? С особенным вниманием останавливается проповедник на Диогене, сидевшем в бочке, и разбирает смысл его просьбы к Александру Македонскому. Когда Александр,

любопытствуя видеть славного философа, подошел к Диогену, гревшемуся на солнце, и предложил попросить у него, чего ему угодно, – философ попросил одного только: чтобы он не заслонял от него луча солнечного. Следовало бы, замечает проповедник, просить свободы отечеству, или создания городов, или законов благодетельных для человечества, или удержания воинов от хищения и насилия – тогда бы отошел от него царь, облагодетельствованный его полезным словом. Но, не будучи учеником Христовым, суетный помышлениями, воображая себя мудрецом, Диоген какую пользу принес людям своим безобразным сиденьем в бочке, своею нелепою наготою и своим не философским, а детским прошением?

Забыты имена Зороастра и Замолкса, потому что ложно было все их учение, а подвиги Антония всем ведомы. Если ты и у ребенка спросишь: кто инокам наставник и истинному любомудрию начальник? – он назовет тебе Антония.

За Антонием следуют в похвале все отцы-пустынники. Из них особенно останавливается Григорий на Ефреме Сирине, наставлениями которого князья, вельможи и сами цари услаждаются, на Исааке Сирине, по книге которого люди, как корабельщики, направляются в небесное пристанище, на Иоанне Лествичнике, новом боговидце святой горы Синайской, который тем отличен от первого, что к Моисею Бог сошел, а Иоанн сам восшел к Богу.

Похвала отцам заключается похвалою святителям: Василию Великому, Григорию Богослову, Иоанну Златоусту, а за нею следует похвала женам-пустынницам.

Не тем были велики отцы-пустынники, что знамения творили, заключает проповедник. Креститель ни одного не сотворил знамения, но всех больше свидетельствовал. И в блаженствах блажит Спаситель не чудеса сотворших, а нищих духом, плачущих, кротких, алчущих и жаждущих правды, милостивых, чистых сердцем, миротворцев, изгнанных правды ради...

5-е в похвалу сорока мученикам. В пятом похвальном «Слове» сорока мученикам картинно изображается их мучение в ледяном озере, во всех подробностях согласуясь

с легендою «Четиих миней» и весьма часто отзываются, или из уст самих мучеников, или из уст их панегириста, слова церковного им канона.

6-е в неделю Вербную. В шестом «Слове» в неделю Вербную великолепно описано вшествие в Иерусалим с его богословским значением, с указанием на пророчества, которые его предзнаменовали. При рассказе подробностей события весьма замечательно сочувствие святителя к простому народу: как благоразумен этот простой народ! – говорит он, – он желал видеть и слышать воскрешенного Лазаря и принимал всласть все, что творил Господь, потому что уверен был, что все им *деемое* божественно. Сочувствуя простому народу, святитель сильно нападает на иудейских архиереев, хотевших убить не только Иисуса, но и Лазаря.

7-е в Великий Четверток. Подражая содержанию церковной песни и канона в Великий Четверг Страстной седмицы, «Слово» на тот же день исполнено укоров предателю Иуде. Мы можем изучать его в полном и ясном преложении на русский язык преосвященного Макария. Приведем один из самых сильных укоров предателю. «Ты не вспомнил блаженного пребывания с Учителем, Его частых и уединенных собеседований: ибо много раз Господь принимал их (двенадцать учеников) наедине, уча их в безмолвном месте приготовить сердца свои к принятию словес Его. Не вспомнил ты чудес Его, предсказаний будущего, таинства той самой вечери, когда Он изрек: *желанием возжелах сию пасху ясти с вами.* Ты не устыдился, наконец, владыки, встающего с вечери, снимающего ризы, препоясующегося лентием, по обычаю рабов вливающего воду в умывальницу и умывающего ноги ученикам, и, как говорят церковные богословы, прежде других умывшего ноги предателю.

«Что же ты, о Иуда?.. Если прочие ученики омывали ноги, будучи чистыми, – как сказал Господь: *вы чисти есте, но не вси*, исправляя тебя, – то они, добрые делатели правды, готовились к проповеди и сеянию Евангелия; им надлежало в скором времени идти в мир весь для благовестия, прияв

крещение и совершение от Утешителя. А ты, к чему ты готовясь, простираешь бесстыдно ноги для омовения? К тому ли, чтобы скоро идти на предание Господа и увидеть сребреники в руках своих?»

За укорами Иуде следуют укоры тем христианам, которые, подражая иудеям и извращая священные предания Церкви, употребляют опресноки в причащении. Мы уже знакомы с этим победоносным опровержением обычая Римской церкви. Слово заключается грозным обличением сребролюбия, как порока, погубившего Иуду, и воззванием к пастве в пользу милосердия к нищим. Здесь опять проповедник сильно обличает тех сребролюбцев, которые зарывают клады. «Земля дает сребро по владычнему повелению, на потребу тем, которые в пользу его принимают. А ты, наоборот скрываешь сребро в недрах земли, воспаляя им геенну, угрожающую немилостивым и становясь по ненасытимости бесчувственнее земли, недугуя подобно окаянному Иуде».

8-е на Великую Пятницу. Слово на Великую Пятницу разделяется на три части. Первая служит вступлением: в ней выражено чувство внутреннего трепета, возбуждаемого ужасом события. Вторая часть вся сосредоточивается в глубине богословской мысли о соединении в Спасителе Божества и человечества. Здесь проповедник вооружается против еретиков, которые в словах Распятого на кресте: «Боже мой! Боже мой! Вскую Мя еси оставил?» – находили повод к унижению во Христе человека. Сими словами, равно как и другими, сказанными в молении о чаше: «Отче! Да мимоидет чаша от Мене!», Он уверял нас в своем вочеловечении и открывал нам свою крестную тайну. Третья часть под влиянием церковной песни содержит в себе плач Богоматери у креста, изъяснение из уст Спасителя слов, Им произнесенных к Матери: «Жено! Се сын Твой!» И к любимому ученику: «Се мати твоя!» – слово Пречистой Девы к Иосифу Аримафейскому и слово Иосифа к Спасителю. В этой части нельзя не заметить сходства с подобным «Словом» Кирилла Туровского в неделю Иосифа Аримафейского; но отсюда не следует, чтобы Григорий заим-

ствовал у Кирилла: обоим церковная песнь служила вдохновением и образцом для подражания.

Основная мысль «Слов». Все «Слова» Григория, как звенья, соединяются одной логической невидимой цепью, которая есть основная мысль христианства – соединение во Христе Бога с человеком.

9-е на Вознесение. В «Слове» на Вознесение Иисуса Христа эта мысль выступает во всей своей очевидности, ибо самое событие было необходимым следствием вочеловечения Бога, а за ним также необходимо должно было последовать и ниспослание Святого Духа. Углубившись в смысл великого праздника, богослов, как земной человек, восторженно восклицает: ныне от земли благодетельствуют небеса! Во второй части «Слова» встречаем то же самое прение между горними силами, сретающими в небо возносящегося, и нижними, его сопровождающими, какое поражает нас своим картинным значением в подобном «Слове» Кирилла Туровского. Но и там и здесь источником заимствованию служит церковная песнь.

10-е на Рождество Предтечи. «Слово» на Рождество Иоанна Предтечи есть изображение Иоанна, согласное евангельскому сказанию о его рождении и жизни. Иоанн – звезда, предвоссиявшая праведному солнцу; горлица пустынная, провозвестница весны спасительной; друг Женихов, играющий во чреве и в пустыне вопиющий: покайтеся… Что пища Иоаннова! *Вермие* (?) дубное и медь дивий. Что питие? Вода чистая, быстрая, трезвенная… Какое одеяние? Верблюжьи волосы, пустынная багряница, древнее одеяние прародителей. Что пояс? Из кожи, признак мужества, всегдашняго подвига и делания, мертвая часть животнаго, знамение того, что носивший его жил только Христу и умер всему человеческому… Но и этого пустынного, малыми власами одеянного человека трепещут цари, носящие багряницу и окруженные тьмами воинов, потому что он и по смерти обличает беззаконных… Сей пустынный ангел первоначальный образ всем пустынникам, начиная с Великого Антония.

11-е в похвалу св. ап. Петру и Павлу. В похвальном «Слове» верховным апостолам Петру и Павлу проповедник в порядке похвалы подражает церковной песне, которая сначала соединяет в ней обоих апостолов вместе, а потом каждого восхваляет отдельно. Петр, камень веры, первый ясно исповедал во Христе Сына Божия, троекратным изъявлением любви воскресшему Спасителю он искупил троекратное свое отречение от Него при жизни, по объяснению Григория. Что касается до этой части слова, мы отнесемся к извлечениям преосвященного Макария, а сами дополним их прекрасным изображением апостола Павла, этого небесного человека, этих Христовых уст, по выражению Григория. Проповедник всего более поражен тем, как учение Павла всемирно и равно всем доступно, иудеями эллинам, законным и беззаконным, всякому роду, всякому языку, всякому возрасту, мужам и женам, девам, вдовам, юношам, господам, рабам. Как животворно для всех учение Павлово, так животворна для всех равно и самая жизнь его. Кто, гонимый, помянув Павловы гонения, не утешится? Кто в узах, услыша об узах Павловых, не на радость преложится? Кто, немощный, услыша Павла, говорящего о своих немощах, не обратит печали на веселие? Всех он утешает своим наставлением, всех разумы возводит.. Если он ныне сладок нам только своею книгою, чем же он был для тех, которые его видели и слышали? Смотри: когда в церкви о Павле начнется беседа, как отовсюду стекаются слушатели, будто пчелы на собрание цветов, и властные, и подвластные, богатые, нищие, риторы, философы, многоученые, малоученые, совопросители, словоготовцы, священники и иноки, мужи и жены, всякой возраст, всякое дело проходящие, и все дивятся премудрости мужа... Как глубокая некая вода всем на всякую потребу предлежит: и пить, и варить, и омываться, и сады напаять, и плавать, и рыбу ловить; глубина же ее никому не ведома: таковы и словеса Павловы– всякому виду добродетели слышащих учат, а высотою разумений всех превосходят. Но что много говорить? Христос похвала Павлу, нам же по Христе Павел (13а).

В «Слове» похвальном св. пророку и боговидцу Илии он представлен суровым и грозным пророком Ветхого Завета, еще не растворенного ясным светом и любовною теплотою Христовой благодати. Авраам заступался за содомлян, Моисей хотел сам погибнуть с израильтянами; но Илия не прощал ни одного согрешения своему народу. В знаменье его безжалостной строгости к своему племени Бог послал ему на гору Кармильскую ворона в питатели, потому что эта птица отличается ненавистью к своим детям. Когда ворон высидит птенцов в гнезде, то покидает их беззаботно и сам отлучается в другие места. Птенцы томятся голодом, испуская жалобный голос; но Бог, промышляющий о всяком дыхании, посылает им мух, которые сами влетают к ним в уста и питают их. Ихто разумел пророк, говоря, что Бог дает пищу и птенцам врановым, призывающим его.

Замечательно, что в народных русских преданиях св. пророк Илия является всегда таким же грозным и немилостивым, каким он изображен в этом «Слове» Григория (13b). Не раз могли мы заметить, что проповедное слово Церкви имело влияние на нашу поэзию народную: не служит ли это ясным доказательством тому, что проповедь не была у нас мертва, не оставалась в стенах храмов, а действовала на народ?

12-е в похвалу пророку Илии. Объясняется словом Господним к грозному пророку восхищение его на небо: «Если ты, Илия, так жесток, что не можешь терпеть согрешений Израиля и никакими человеческими страстьми не преклоняешься, то не следует тебе жить с человеками, а взойди ты ко мне, да Я к человекам сниду. Мена произойдет между нами: взойдет человек и снидет Бог. Не одного Израиля, но и всех народов неправды и беззакония видя и долготерпя о них, Я понесу их грехи и кроме греха во всем им уподоблюсь… Взойди ты с плотию, да сниду Я взять плоть, бесплотный; взойди ко Мне на колеснице огненной, да сойду Я как дождь на руно. Ты в громе на небо, Я в тишине на землю…»

13-е на Преображение Господне. Лирически торжественно слово на Преображение Господне, подражающее

местами и церковной песне, и подобному же слову Иоанна Дамаскина. Здесь опять в значении самого праздника яснеет основная мысль, движущая всем словом проповедника: совместность Божества и человечества во Христе. Три апостола были взяты на Фавор: Петр, как апостол верховный и камень веры; Иаков, как обещавшийся пить чашу Господню и первый мертвец в апостольском лике; Иоанн, как любимый и любящий, долженствовавший возгреметь в концах мира своим Евангелием... Моисей, начало пророкам и воздухошественный человек, Илия, конец пророкам, поклонялись Богу, вочеловечившемуся в едином составе Божества, в двух же естествах неслиянно... Бог взял на Фавори живых и мертвых, чтобы показать, что Он и живыми и мертвыми обладает.

«Слово» заключается восхвалением горы как места события. Фавор славнее Арарата: на Арарате остановился ковчег Ноев, на Фаворе Сам Господь, Фавор славнее Синая: темно было облако, осенившее Синай; светло облако Фавора; там сень закона; здесь сама истина благодати... На Фаворе стояли ноги, по морским волнам ходившие; на нее взошло Слово, плотию пленившее ад; ее обнимали всезрительные очи, ими же всякое помышление человеческое исповедается; на ней апостолам познались пророки и в один лик слились те и другие... Гора Фавор превзошла облака достоинством, она подобна небу, ей поклоняются горы, ей дароносят холмы, ее чтут острова, ублажают поля, хвалят пустыни, превозносят вертепы, орошают облаки, прохлаждают ветры, воспевают птицы, ее желают иноки... а все потому, что она огласилась словами: той есть Сын мой возлюбленный! Здесь опять слово проповедное отзывается и в народной песне, в стихе о Голубиной книге, где гора Фавор названа матерью всех гор земных.

14-е на Успение Богоматери. В «Слове» на Успение Богоматери встречаем тот же самый образ, какой изображается на древних иконах этого праздника и о котором упоминает церковная песня: «Сын и Бог, – говорит «Слово», – пришел со всеми небесными воинствами, и на руках Своих поднимал пречистую душу Своей Матери, и ангельские множества

воспевали и величали Ее, а апостолы священнословствовали». Все это «Слово» есть величание Богоматери – и богослужебный стих на Успение, найденный под именем творения Григория Цамблака, есть не иное что, как сокращение из того же «Слова».

15-е на Усекновение главы Иоанна Предтечи. В «Слове» на Усекновение главы Иоанна Предтечи преосвященный Макарий указывает на явное подражание двум словам Иоанна Златоуста на тот же праздник и против царицы Евдокии. Мы могли бы указать еще на третий источник заимствования, на церковную песнь, в подражание которой проповедник укоряет Иродиаду и Ирода. В заключение «Слова» он желал бы, чтобы кто-нибудь перенес его на самое место усекновения: там он с лобзанием припал бы к праху того места, где оно совершилось.

16-е на Рождество Богоматери. В «Словах» на праздники Богоматери обнаруживается особенно лирическое настроение Григория: так и в 16-м «Слове» на Рождество Богоматери вития переходит в церковного певца под очевидным влиянием церковных песней праздника.

17-е на Воздвижение Креста Господня. Слово на Воздвижение Креста Господня исполнено многих поэтических и символических мыслей: мы передадим их. Крест возносится: на нем с небом соединяется земля; он стал посреди обоих – и пало средостение крепкого коварства, их разделявшее: одно смирение Креста могло соединить то, что вражда рознила… Адам с праматерью человеков да веселится, объемля Крест, да проповедует его силу и исповедует спасение. Он древа ради изгнал был из рая и нетленныя обнажен одежды, а дерева ради крестного в небеса вселился и божеством облекся. О чудо! И там древо, и здесь древо; одно посреди рая, а другое посреди земли: одно зеленое, листом украшенное, плодом угобзенное, проклятие и смерть нанесло нашему роду; другое, не влажное, суходельное, принесло благословение и даровало бессмертие. Гордыня и преслушание причинили всякое зло и смерть; смирение и послушание Христово ввели всякое благо

и жизнь. Чем воцарился над людьми диавол, тем из царства своего да изгнан будет и *смеху да предан будет!*

Зришь ли таинство Креста? Воистину Крест – слава Христова, как Он сам глаголал: когда прославится Сын человеческий или когда вознесется на крест... Не только воображаемый и носимый спасает он, всекрепкий, но и образы его спасительны бывают. Вселенная четырьмя концами описуется; из четырех стихий человеческое естество составляется; четыремя временами круг лета величается; четыремя ветрами вселенная прохлаждается и человеческий образ креста подобие носит... И мачта корабля образом креста безбедно плавает по пучине моря, и дно корабля, чем весь он держится, согвождено крестовидно!.. (14)

Крестом отлучено пламенное оружие от дверей рая: оно уже не возбраняет входа крестносящим – и чудо! Прежде падения Адамова на земле было падение великое на небесах: оно было виною и земному падению, но осталось не исправлено, а земное Крест исправил.

Таковы плоды Голгофинского древа. Крест – скипетр Небесного Царя, имже все воинство гордого низложено: им и цари благочестивые побеждают. Крестом святители, преемники апостолов, жертвища бесов сокрушают, распространяя слово истинное. – Крест оружие мучеников: он им хоругвь и копье и щит и меч и лук и тул, исполненный *стрел благополучных*, и броня и шлем...

18-е св. Димитрию. «Слово» похвальное великомученику и мνроточцу Димитрию следует за «Словом» на Воздвижение в порядке праздников церковного круга. Здесь просто рассказан мученический подвиг св. Димитрия и юноши Нестора, слуги его. Замечательно таинственное объяснение седьми язв Димитриевых, тесно связанное с современною мыслью об истекавшей седмице тысящелетий: «Блажу еже ради седьмых язв Димитриево доброе суботство: сими бо почти от *настоящаго седьмаго* и со всеми святыми чает *будущаго осьмаго*» (15).

19-е св. Георгию. «Слово» похвальное великомученику и победоносцу Георгию одушевлено каким-то особенным со-

чувствием к святому, его же память проповедник соединяет с праздником Воскресения Христова. Страдания Георгия внушают ему много поэтических образов. Не так земля испещрена различными цветами, как тело страстотерпца различными ранами. Не так разнообразно текут источники из земли, как струи крови из язв мученика… На углях, как на цветах, лежит святой страдалец, а лестница железная под ним напоминает ту мысленную, которую видел Иаков, досягавшую небес.

Прекрасна похвала чистоте Георгиевой. Чистота освободила изо рва Иосифа, избавила его из темницы и сделала царем Египту; чистота сотворила Иисуса Навина преемником Моисею; чистота нас с небесными сочетала, сделала девственника Богословом; чистота попрала ад, разрушила смерть, даровала воскресение миру, взошла из небо и села одесную величества Божия.

20-е трем отрокам и пророку Даниилу. Как похвальное «Слово» Георгию соединено с радостным торжеством встреченной Пасхи, так со «Словом», предшествующим Рождеству, с которого мы начали, соединяется похвала трем отрокам и Даниилу пророку. Они своим огненным мучением прообразовали вочеловечение Бога: как лампада (16) сквозь стеклянный сосуд являет свой свет, так и душа блаженных, истнивших плоть, благопрозрачных, показывает светлость красоты своей.

Три остальные «Слова» (21, 22, 23-е). В «Словах» на мучение Иоанна Нового, белградского мученика, на перенесение мощей св. Параскевы Терновской и в надгробном «Слове» святителю Киприяну соединилось в Григории Цамблаке чувство благоговения к святыне Церкви Православной с чувством соплеменности, которым он так дорожил в боговидце Моисее, желавшем скорее погибнуть вместе со своим народом, нежели покинуть его, и в своем усопшем дяде святителе Киприяне.

Общее заключение. При разборе слов Григориевых, увлекаясь глубиною мыслей, мы почти не обращали внимания на византийскую витиеватость и цветы схоластической риторики, которыми оно усеяно. Впрочем, в некоторых местах, приведенных нами, можно было видеть тому образчики. Это,

конечно, самая слабая сторона его слова: проповедник платил ею дань веку и греческим школам, в которых учился. Но высота истины, им исповедуемой, возносит его превыше недостатков времени и школы. Они спадают, как земляная кора, а истина, в глубине слова хранимая, остается все та же, самосуща и неизменна, как самоцветный камень. Эта истина проходит через все века нашей древней и новой жизни и связует все слово наших проповедников одною невидимою связью в одно стройное логическое целое. Отсюда только можно объяснить, как Филарет и Иннокентий встречаются мыслями с Григорием и Фотием, с Кириллом и Иларионом. Для истины вечной нет различия между XIX и XV веками: меняются формы ее выражения, она же все пребывает одна.

На равной степени сознания является у нас Божия истина в умах представителей Церкви, где бы они ни родились, ни воспитывались – в Греции, в Болгарии или в России, и в формах какого бы века ни выражались. Как солнце, она освещает равно наше проповедное слово всех столетий и проникает его равною глубиною. Это наша духовная собственность, наше родное и вековечное сокровище. В начале XV века в других странах Европы вы найдете уже разнообразные плоды ума человеческого; но едва ли где, за исключением страдавшей и умиравшей Византии, истины учения христианского были так глубоко сознаваемы, как они сознаны в слове двух проповедников, озаривших у нас начало этого века.

Фотий был грек, Григорий – болгарин: что же влекло их к нам? Что побуждало к действию? Что связывало их с народом русским? Без взаимного сочувствия, без связи внутренней это действие было бы невозможно и бесплодно. Им принадлежало разумное богословское сознание истины Христовой; народу русскому – ее сердечное понимание. Вот в чем слились оба проповедника с нашим народом – и следы их поучений остались неизгладимы в его жизни.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, СОДЕРЖАЩАЯ XV СТОЛЕТИЕ И НАЧАЛО XVI

ЛЕКЦИЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Характер духовно-словесной деятельности в России XV века. – Черты жизни духовных деятелей. – Святитель Иона. – Митрополиты: Феодосий, Филипп, Геронтий, Симон. – Архиепископ Ростовский, Вассиан Рыло. – Другой архиепископ Ростовский, Вассиан. – Общее содержание посланий. – Послания, имеющие предметом: 1) единство Церкви Вселенской, 2) единство Церкви Русской, 3) устроение единодержавия, 4) освобождение Отечества, 5) действие на власти и князей, 6) действие на народ, 7) действие на семью и дом, 8) на внутреннее состояние Церкви и ее священнослужителей. – Заключение

Пятнадцатый век мы назвали веком по преимуществу святителя Алексия, который соединял в себе образец пастыря Церкви с мужем государственным. Алексиевы заслуги перед государством перешли на целые поколения наших церковных пастырей в XV веке. Их мыслию, их словом, их делами сохранено единство Церкви, создано единодержавное государство, сокрушена чуждая варварская власть и водворена отечественная. Словесная деятельность наших пастырей, принесшая такие благотворные плоды для жизни Отечества, обнаруживается в этом столетии обилием церковных посланий, изучение которых будет предметом нашего шестнадцатого чтения. Здесь каждое слово является плодом жизни и переходит вдело.

Но прежде чем ознакомимся со словесными подвигами духовных деятелей этого века, узнаем хотя главные черты их жизни, потому что только из жизни, оправдываемой делами, может истечь и слово, действующее на пользу ближним и Отечеству.

Здесь первое место занимают московские митрополиты: Иона, Феодосий, Филипп, Геронтий, Симон и два Вассиана, архиепископы Ростовские.

Святитель Фотий посетил однажды Симонов монастырь. Помолившись в храме и благословив архимандрита с братиею, он пошел по монастырским службам, чтобы видеть и благословить в них меньшую труждающуюся братию. Вошедши в хлебню, Фотий увидел инока, который, будучи утомлен воздержанием, трудом и молитвою, спал крепким сном; правую руку держал он на голове согнутую, как будто на благословение. Вид спящего инока поразил Фотия удивлением: он не велел будить его и прозрел в нем великого себе преемника. Этот спящий инок был после святитель Иона. Так говорит о нем предание, записанное в его житии.

Родом он был из Галича; родился на реке Святице, в селении Одноушеве, которое было так названо по имени благочестивого отца его, Федора Одноуша, и подарено им в соборный дом Успения, в Московскую митрополию. Двенадцати лет Иона был уже на родине своей иноком; воспитал же себя для иноческой жизни в Москве, на Симонове, где сохранялись живые предания Феодора, племянника Сергиева, и Кирилла Белозерского. Товарищами его в этой жизни были Варфоломей, эконом обители, Иоанн Златый и Игнатий иконник. Первые подвиги его для Церкви начались в Рязанской и Муромской областях, куда назначен он был епископом. Многих язычников из финских племен: муромы, мещеры и мордвы обратил он в христианство. По смерти Фотия он был избран на Московскую митрополию в 1433 году. Замечательно, что в этом избрании, по свидетельству самого Великого князя, в его думе участвовали и Великая княгиня, его мать, и братья русские великие князья и князья поместные, и Литовской земли осподарь с великим князем, и все святители земли

Русской, и все священники и духовные люди, общежители и пустынные отходники со святыми старцами, и бояре наши, и вся земля Русская со всем православным христианством. Но пятнадцать лет прошло до 1448 года, когда Иона возмог по новому избранию русских епископов самостоятельно взойти на престол митрополии Русской. Причиною тому были церковные смуты: сначала самозванство Смоленского епископа Герасима, утвержденное по настоянию Литвы Царьградским патриархом, а потом коварная измена Исидорова и известное покушение его на Флорентинском соборе.

Во время сей последней смуты Церковь Русская имела достойного поборника и защитника в своем Великом князе, Василии Темном. «Сам Господь Бог, как выражается летопись, даровал тогда слово разума и премудрости святопомазанному царю и рабу Своему».

Когда для самого Василия настали тяжкие времена испытания от коварных гонений Дмитрия Шемяки, святитель Иона явился ему светлым утешителем и твердым помощником и сохранил двух сыновей их несчастному отцу, а Иоанна, будущего основателя и освободителя государства, Отечеству.

Со времени св. Ионы митрополия Русская перестала уже зависеть от утверждения Константинополя. Нежелание самовольно отторгнуться от иерархического единения с колыбелью нашей веры, но зависимое положение Царьграда и происшедшие отсюда церковные смуты на востоке послужили основательными причинами к утверждению русской независимости в иерархическом отношении.

Когда святитель Иона в 1448 году уже самостоятельно вступил на престол митрополии, он прежде всего стал твердою опорою у престола великокняжеского. Неутомимо действовал он словом против притязаний Шемяки, воздвигавшего смуты и кровопролития против Новгорода и Вятки, которые помогали беспокойному князю. Между тем на западе в борьбе с Литвою и ее князьями Иона восстановил и сколько мог поддерживал единство Русской митрополии. Во время двух нашествий Ногайского хана, Мазовши, сына Седиахметова, в Москве,

оставленной Великим князем под тучами татарских стрел, в дыму, при зареве пожаров совершал святитель молитвенные крестные ходы по стенам осажденного города. Во время одного из таких всенародных шествий чудовской инок Антоний Кловыня пал от татарской стрелы и, умирая, предсказал соотчичам избавление от варваров. Между тем народ, изнемогши от великой истомы и дыму, но подкрепленный духом молитвы святителя и верою мученика Антония, смело выходил из города на битву и отражал неприятеля.

Летопись говорит, что два святителя, соименных друг другу, митрополит Московский и архиепископ Новгородский, испросив у князя Василия милость для Новгорода, обещались ему испросить у Бога свободу русской державе от татарского владычества и предсказали вместе с самодержавным царствованием русских князей в Отечестве великой орде разорение, а русскому царству распространение.

В 1453 году пал Константинополь от руки Магомета. Из святителей русских св. Иона последний видел Царьград еще в его славе и в нем принял благословение на свою митрополию после страшного и громкого падения колыбели нашего православия. Прискорбный святитель заботился о выкупе греческих пленных и помогал сколько мог патриарху Геннадию.

Последним предсмертным подвигом св. Ионы была борьба с Григорием, учеником Исидоровым, которого поставил митрополитом на Литву лжепатриарх Царьградский, Григорий Мамма. Твердо и грозно защищал престарелый святитель единство Русской Церкви и православие. Но разделение митрополии уже окончательно совершилось по смерти Григория. Конечно, предчувствие этого события тяжким горем легло на сердце архипастыря и ускорило кончину его в 1461 году.

События времени, междоусобные распри князей, достигавшие самых ужасных размеров, измены, смуты и разрыв в самой Церкви, которая должна была бы служить образцом единства для мира, положили резкую печать неумолимой строгости на характер святителя. Отсутствие любви и вражда между сильными мира отзывались и в народе, проникали даже

в сердца близких к пастырю Церкви. Ключник его жестко отогнал убогую вдовицу, которая просила у него испить немного меду немощи ради. Другой слуга владыки отказал другой вдовице в милостыне, которую обязан был именем святителя раздавать убогим. Грозный приговор из уст Ионы поразил жестоких сердцем. И по отшествии его из этого мира в преданиях о чудесах, им совершенных, мы видим ту же самую строгость. Маловерие он наказывал так же грозно, как отсутствие любви. Народное предание 1812 года говорит, что святитель поднял из гроба грозящую руку на нечестивых врагов, когда они, вешая серебро икон во храме, оскверняли храм Божий своим корыстолюбием. И здесь тот же строгий характер! Так, видно, нужны были по времени и кротость святителя Петра, когда он полагал духовное основание Москве, и строгость святителя Ионы, когда бури внутренние угрожали новорожденной столице[1].

Преемником святителя Ионы по его собственному назначению, утвержденному собором духовенства, был митрополит Феодосий. Неизвестными остались его происхождение и первый иноческий искус. Одно только прозвание Бывальцева уцелело из этих известий. История застает его уже архимандритом Чудовской обители. Здесь, конечно, хранившиеся предания митрополита Алексия и близость к святителю Ионе могли благотворно действовать на его духовное воспитание и приготовить в нем достойного вождя для всей русской паствы. В 1454 году

---

1 Источники для изучения жизни митрополита Ионы: Степенная книга. Т. 2, стр. 69–97. Сказание от части жития, иже во святых, отца нашего Ионы митрополита всея Русии. То же самое «Сказание» встречается и в рукописях: Библиот. В. М. Ундольского, № 322. Но дóлжно заметить, что здесь, в заключительной похвале святому, нет упоминания о митрополите Макарии, которое читаем в Степенной книге, а именно отсутствуют слова: «Преосвященнаго же господина нашего архиепископа Макария митрополита всея России, правящаго престол твой, в мире житие исправити, и учительство Божия проповеди исполнити, поспеши ему, яко да будут и молитвы его действенны и приятны Богу». Творения св. отцов. 1846. Год IV. Кн. 2. Прибавления. Святый Иона, митрополит Киевский и всея России. Стр. 222. Жития святых Российской Церкви. СПб., 1858. Месяц июнь, число 15-е. Житие святителя Ионы в числе 12 напечатаны в «Актах исторических» (т. 1, № 44, 46, 47, 51, 53, 60, 62, 63, 64, 65, 66). Об избрании его всею землею Русскою см. № 41 в «Актах исторических» (т. 1).

Иона возвел его на кафедру Ростовскую. В первый год своего служения, на чреде этой паствы сам подвергшись гневу святителя Московского за нарушение церковного устава, впоследствии он сделался осторожен и взыскателен к самому себе и к своим подчиненными. Духовенство его епархии должно было к нему являться отовсюду для принятия его наставлений. Собор в Белозерске для всего духовенства, ему подведомого, был им собран в 1459 году. Разрешение третьих и четвертых браков особенно было предметом строгих запрещений Феодосия. На престоле митрополии Феодосий старался быть посредником мира между Москвою и Новгородом в отношении к духовной иерархии, так как нельзя уже было сохранить его в мире политическом; он же привел и Псков в должное повиновение к Новгородскому архипастырю.

Строгость, наследованная Феодосием от предместника, побуждала его сзывать каждую неделю священников со всей Москвы для духовных наставлений. Вдовые попы и дьяконы подвергались сильным его укоризнам. Такая настойчивая бдительность архипастыря показалась слишком тяжелою и духовенству и мирянам. Услышав всеобщий ропот, Феодосий оставил свой престол и удалился в келью Чудова монастыря; народ не пожелал его строгого надзора; святитель взял к себе расслабленного, ходил за ним и омывал его струпы. Последнее время жизни своей он провел в Сергиевой лавре и здесь скончался.

Уже будучи митрополитом, он передал письму одно воспоминание из своей жизни в Чудовской обители: это было чудо исцеления, совершенное у раки мощей святителя Алексия над одним хромым монахом Наумом, уроженцем села Филиппова, у которого скорчена была нога. Предмет рассказа и подробности переносят нас в XV век. Исцеление совершилось ночью, во время самых сильных страданий больного, которые он побеждал молитвою; весь монастырь пришел в движение и ночью же благодарными духовными песнями праздновал это чудо. Автор рассказа передает событие не без примеси риторических цветов, как, например: «Не презрех украсити настоящим измарагдом слова венец», «омочих мою трость в светящееся сми-

рение». Сказание вставлено было в летопись и встречается в «Софийском временнике» под 1462 годом, то есть вскоре после того, как Феодосий был поставлен митрополитом на Москве[1].

Феодосию, отрекшемуся от митрополии, соборным избранием наследовал в 1464 году Филипп из епископов суздальских. Он управлял своею паствою в духе кротости. В делах псковских граждан с новгородским владыкою он принял сторону архиепископа против распоряжений паствы, впрочем не без законных прав прилагавшей заботы свои о нравственности вдовых попов и диаконов. В решительной войне Иоанна с Новгородом, положившей конец его гражданской свободе, Филипп старался действовать миротворно: он отклонял Новгород от измены православному отечеству и смягчал гнев государя, когда Иоанн послал грозу свою и меч свой на землю новгородскую. Когда София Фоминишна Палеолог, невеста Иоанна III, готовилась к въезду в Москву и папский легат Антоний, ей сопутствовавший, хотел торжественно вступить в столицу в преднесении латинского креста, – митрополит Филипп на вопрос государя «Дозволить ли это легату?» твердо отвечал: «Легат войдет в одни врата, а я выйду в другие. Кто хвалит чужую веру, тот недруг своей». Легат был принужден при вступлении в Москву спрятать свой крыж. Объявлены были прения между нашим митрополитом и папским легатом о различиях между Церквами Греческою и Римскою. Филипп к ним изготовился. У нас были тогда известны писания патриархов константинопольских: Фотия, Михаила Керуллария и Германа, антиохийского Петра и Никиты Стифата, в которых опровергалось все учение Римской церкви, противное нашей. К прению с легатом приглашен был один русский книжник, Никита Попович, хо-

[1] Творения св. отцов. Год 15-й, кн. 2. 1857. Прибавления. Митрополиты московские: Феодосий и Филипп. Труды митрополита Феодосия. Статья в «Известиях И. Академии наук» (т. II. Лист 21). Послания м. Феодосия приведены будут ниже. «Сказание о бывшем чудеси у гроба иже во св. отца нашего Алексея митрополита всея Руссии чюдотворца, о исцелевшем хромце» в «Софийском временнике» (II. 81–89). Слово на Рождество Богородицы обозначено в вышеупомянутой статье в «Творениях св. отцов» (стр. 213). «Слово» похвальное апостолам Петру и Павлу есть не что иное, как сокращение похвального «Слова» Григория Цамблака тем же апостолам.

рошо знакомый с литературою славного спора. Митрополит восторжествовал над легатом, который, вызвавшись сам на прение, должен был отказаться от него за неимением книг. При митрополите Филиппе начато было строение нового Успенского собора, и по этому случаю совершено перенесение мощей святителей Петра, Киприана, Фотия и Ионы. Филипп скончался в 1473 году, вскоре после страшного московского пожара, истребившего дом его и имущество. Он оставил пять посланий. Преосвященный Филарет полагает, что история похода Иоанна III на Новгород писана если не самим митрополитом Филиппом, то, по крайней мере, под личным его наблюдением[1].

Филиппу наследовал на митрополии Геронтий, при митрополите Ионе бывший архимандритом на Симонове и рукоположенный им в епископа на Коломну. Мысль о построении нового соборного храма была последним заветом умиравшего святителя Филиппа государю Иоанну. Геронтий продолжал дело строения; но церковь, едва складенная до сводов, рушилась по неискусству зодчих. Призваны были лучшие каменщики из Пскова и новый зодчий из Италии, Фиоравенти Аристотель. Храм, довершенный в четыре года, был освящен в 1479 году митрополитом Геронтием. В 1480-м, во время последней борьбы Иоанна с Ордою и ханом ее Ахматом, Геронтий участвовал в примирении государя с его единокровными братьями и благословил его на подвиг освобождения Отечества такими словами: «Бог да сохранит твое царство и даст тебе победу, якоже древле Давиду и Константину. Мужайся и крепися, о сын духовный! Как истинный воин Христов, добрый пастырь полагает душу свою за овцы; ты не наемник! Избави врученное тебе Богом словесное стадо от грядущего ныне зверя. Господь нам поборник!» Все духовные примолвили: «Аминь! Буди тако». Духовенство и митрополит во главе его, одушевленные истинною любовью к Отечеству, торжествовали над коварством и малодушием ложных советников государя. Славное в нашей истории послание Вассианово подкрепил и Геронтий своею грамотою. В память освобождения

1 См.: Обзор русск. духовн. литературы. Стр. 102.

Отечества от монголов и прекращения позорного рабства он установил праздник и крестный ход 23 июня. Митрополит Геронтий скончался в 1490 году.

Зосима, преемник Геронтия, из архимандритов симоновских, четыре года занимал кафедру митрополии и запятнал свою память ересью и отступничеством. В 1494 году Иоанн повелел ему удалиться сначала в Симонов, а потом в Троицкий монастырь. Симон, игумен Троицкий, был преемником, Зосимы. При возведении его на престол Московской митрополии в первый раз упоминается в летописи священный обряд сего поставления, введенный Иоанном III. В символах сего обряда, во взаимных приветствиях государя и митрополита знаменуется ясно то согласие власти духовной и светской, которое составляет отличительную черту нашей истории.

Симон являлся несколько раз ходатаем за опальных слуг Иоанна: он просил за Татищева, чтобы не отрезали ему язык; в первой несчастно знаменитой опале царской – за дворян Патрикеевых, чтобы не отсекали им головы. Симону приносил слезное покаяние Иоанн III в том, что брат его, Андрей, окончил жизнь свою в душной темнице. Симон благословил на царство внука Иоаннова, Димитрия, которому не суждено было, однако, царствовать. При Симоне осуждена была и совершенно истреблена жидовская ересь. Три собора совершилось при этом митрополите: первый – для составления нового Пасхального круга на осьмое тысячелетие; второй – для суждения об имениях Церкви, тяготу которых для духовного существа ее начала сознавать власть светская; третий – против вдовых попов. Год кончины митрополита был 1511-й.

За митрополитами следуют архиепископы, участвовавшие также в посланиях церковных. Здесь первое место занимает Вассиан по прозванию Рыло, архиепископ Ростовский и Ярославский. Происхождение его, первоначальное воспитание, иноческий искус остались неизвестны. История застает его игумном Троицкой обители, осьмым после преподобного Сергия, от которого, конечно, мог он наследовать ту любовь к Отечеству, какая одушевила его в главном подвиге его жизни.

Отсюда митрополит Иона посылал его в Киев к супруге князя Киевского Александра Владимировича, Анастасии, и детям ее с увещанием, чтобы укрепить их в православии против наветов латинского духовенства. Десять лет игуменствовал он у Троицы, потом был архимандритом Новоспасской обители в Москве и вскоре рукоположен в архиепископы Ростова и Ярославля.

Из всех обстоятельств его жизни видно, что он, как духовный отец, был близок к Великому князю и пользовался большою от него доверенностью. В ссоре Иоанна III с братьями Вассиан был миротворным посредником. Он воспринял от купели сына Иоаннова, Василия. Он удержал в своей епархии монастырь Кирилло-Белозерский против воли самого митрополита Геронтия, преклонив в этом споре на свою сторону Великого князя.

Главный подвиг, которым он увенчал жизнь свою, было участие в освобождении Отечества от татарского ига. Когда Иоанн, осторожный и нерешительный, бежал от берегов Оки, занятых войском Ахмата, и колебался в Красном Селе около Москвы – идти на врага или нет, тогда Вассиан побудил его к действию словами горького упрека, которые записала история: «Вся кровь христиан падет на тебя за то, что ты, выдав их, бежишь прочь и не бьешься с татарами. А почему? Боишься смерти! Не бессмертен человек, а смертен. Без рока нет смерти ни человеку, ни птице, ни зверю: дай мне в руки твоих воинов; я, хотя и старик, но не утулю (закрою) лица против татар». Послание Вассианово, с которым мы познакомимся после, довершило великое дело избавления Отечества. Из этого славного примера мы видим, как духовный отец в Древней Руси силою веры мог действовать на государя и какое благо отсюда было Отечеству. Недолго жил Вассиан после освобождения России: он скончался в 1480-м, а по другим летописям – в 1481 году[1].

[1] Вассиан, современник Иоанна. Записка М. И. Сухомлинова. Напечатана в «Известиях Академии наук» (Т. 2. Л. 12 и 13). Здесь в возможной полноте собраны из летописей все известия о Вассиане, но не упомянуто о том, что он посылан был митрополитом Ионою в Киев в 1458 году. Также напрасно приписано ему сочинение жития Пафнутия Боровского.

С этим Вассианом смешивают другого Вассиана, который был также архиепископом Ростовским и Ярославским. Вместе с родным братом своим, Иосифом Волоколамским, он был постриженикомом и учеником Пафнутия Боровского и написал житие своего учителя по преданиям, какие сохранил сам и принял от брата своего и от товарищей по обители. Это житие ученые приписывали до сих пор ошибочно первому Вассиану, который, судя по летам своим, не мог быть учеником Пафнутия. Вассиан второй из архимандрита Симоновского был рукоположен на кафедру Ростова и Ярославля после Иоасафа и Тихона, которые наследовали Вассиану первому. Он скончался в 1515 году. В библиотеке монастыря, основанного братом его Иосифом, хранится ненапечатанное послание его о Латинской церкви и православной литургии, написанное против папского легата Николая Шомберга, или Немчина, как у нас его звали.

Узнав хотя главные черты жизни святителей наших в XV веке, мы перейдем теперь к словам их, которые можно назвать также их делами. Все они писаны славянорусским языком, в котором народная стихия нередко довольно сильно выдается над славяноцерковною. В некоторых словах есть признаки обычая, что послания святителей к народу читались в церквах, что священники в духе послания святительского должны были повсюду продолжать поучение. Церковь в этих посланиях заботилась об утверждении своего вселенского единства во всем православии и единства местного в России, об устроении единодержавия и освобождении Отечества от ига иноземных варваров, действовала словом на власть князей, умягчая ее своими советами, на народ, уничтожая в нем предрассудки и суеверия, на семьи и домы, водворяя согласие между членами семьи и защищая иногда меньшую братию, и, наконец, на внутреннее свое благоустройство, поучая священнослужителей и заботясь об их образовании. По порядку сказанного мы познакомимся с их содержанием.

Посланий числом сохранилось более пятидесяти: это, без всякого сомнения, малая часть из того, что было написа-

но, что истребили пожары и разгромы, что таится еще в древних книгохранилищах.

Мы откроем ряд этих посланий теми, которые касаются единства вселенской Церкви и нашей связи с нею. Князь Василий Темный, жертва последних смут удельного периода, пишет послания к Царьградскому патриарху Митрофану (1441) и к царю греческому Константину Палеологу (1448). Духовное воспитание наших Великих князей, в Древней Руси принадлежавшее Церкви, здесь обнаружило всю свою силу и принесло плод самый зрелый в лице такого князя, который в делах государства обличил вредную слабость. Василий сознает начало единой веры в единосущную и нераздельную Троицу от времен Владимира, когда посланные им мужи увидали истинную веру греческую, как *свечу на свещнице, многосветло светящую,* и поведали ему о ней. Через четыреста пятьдесят и три лета сохранилась она в земле Русской. Хладнокровно, но с резкими подробностями рассказывает Василий измену Исидорову. «Принеси к нам древнее наше благочестие и православную веру», – говорил он ему, неохотно отпуская его на собор в Феррару. Писание, присланное с Исидором от папы, прочтено было в присутствии русских епископов и отвергнуто ими. «Свободно нам сътворите в нашей земли поставление митрополита» – так просит Василий свободы русской иерархии. Он указывает на причину внешнюю, что невозможно государю совещаться с митрополитом о делах государственных через молодых толмачей, которым вверяются тайны самые важные. Но настояла потребность свободы и для той цели, чтобы в России вернее сохранить единство вселенского православия. Послание заключается мыслью о единстве с Греческою Церковию: «Земля наша доколе имет стояти, а никакоже разлучно от вас имать быти наше православне христианство до века»[1].

В послании к царю Константину Василий рассказывает, как святитель Иона был избран на митрополию русскую советом семейным князя, советом всей Церкви Русской, от свя-

[1] Акты историч. Т. I. № 39.

тителей до пустынных старцев, и всею землею Русскою. *За великую нужду* это они сотворили, *а не кичениеми и не дерзостию*, чтобы Русская земля не страдала без пастыря Церкви: ибо «Церковь Русская всегда святой Божией Вселенской Соборной Апостольской Церкви Премудрости Божией Святой Софии Цареградской благословения требует и ищет». Тяжкое чувство неизвестности, есть ли в Царьграде патриарх, заключает послание и обнаруживает причину соборного избрания митрополита в России без благословения от Царьграда[1].

Митрополит Феодосий пишет послание новгородцам и псковичам (1464) «от архиепископа и вельмож даже до меньших людей, всему народу истиннаго православия», и просит о милостыне на искупление Гроба Господня. Свод Иерусалимского храма, этого древнего Сиона, сокрушился. Египетский султан хотел поставить на месте его мечеть и требовал дорогого откупа. Земли Болгарская и Сербская, помогавшие святому Христову гробу, стали уже бессильны. Патриарх Иерусалимский Иоаким, наслышавшись о нашем православии, сам двинулся к нам с молением о гробе Господнем и умер на дороге в Кафе. Митрополит Феодосий приглашает всех по силе приносить жертву на созидание святого храма, *еже есть Сион, всем церквам глава и мати, Сион, от негоже изыде радость и свет Христос.* «Взыщите узреть лице Господне, – говорит святитель, – как оныя святыя жены мvроносицы любовию сердца Христа взыскали и рано притекли к святому Христову Гробу, желая мvром помазать святое Его тело, а не обретши тела, когда ангел своим глаголом огласил их, принявши милость от Бога, возвратились. Так и вы, уподобясь оным святым женам, любезно притеките, прося от Бога прощения своим согрешениям, и вместо мvра подайте милостыню на искупление Христова Гроба и на созидание святой Божией церкви». Сам Господь глаголет о милостыне: «блажени милостиви, яко тии помиловани будут...», «милостыни хощу,

[1] Другая грамота к тому же царю Константину о поставлении митрополита Ионы (1453) не была отправлена, может быть, потому, что здесь слишком резко говорилось об измене Исидоровой (№ 262).

а не жертвы...», «даяй милостыню, Богу взаймы дает...» Сия же милостыня не к нищему, но к Самому вышнему Творцу Христу и к Его пречестному храму Христова Воскресения, и к Его живодавному Христову Гробу... Пространнее бы писал к вам, но знаю, что "божественая писаниа знати добре разумны есте", и того ради, сыны, мы послали к вам сию грамоту... Подающий такую милостыню друг *Божий наречется* и встрашный оный грозный день великого Божия Суда неизмолимаго Судию Христа умилостивит»[1].

Подобные грамоты кроме Новгорода и Пскова, конечно, были посыланы в другие области Русской земли и читались во всех храмах, подвигая народ на благочестивый подвиг искупления Гроба Господня. Другие святыни Востока привлекали также участие святителей и православной их паствы. Есть окружное послание митрополита Симона (1495–1505) ко всем князьям, архиепископам, боярам, вельможам, в городах наместникам, воеводам, волостелям, гостям, купцам и всем людям земским, далее всем духовным, о том, чтобы сотворили милостыню Ксиропотамской обители горы Афона, ограбленной турками. Грамота послана была с иноком старцем Герасимом, который сам был пленен татарами, продан в Астрахань, оттуда в Казань и из Казани выкуплен в Москву[2]. Замечательно в этих грамотах соединение всех сословий, всех людей Русской земли, во имя одной святой мысли, во имя доброго подвига.

Митрополит Иона (1452–1453) посылает патриарху Геннадию дары и говорит: «твоя великыя святыни за тые наши малые поминкы на нас не помолви, занеже, господине, по грехом, и наша земля от поганьства и междоусобных браней *велми истощала и потомилася*». Он просит у патриарха грамоты к Великому князю в утешение, припоминая со скорбью, сколько таких сокровищ, свидетельствовавших об исконной связи Русской Церкви с ее православною колыбелью, погибло: «занеже, господине, колькое у нас было прежних святых

1 № 78.

2 № 103.

патриарх честных грамот, держали есмы за земьскую честь, к своей душевнейползе, поминая тых святых патриархов, да тыя все грамоты по грехом за наша земьская неустроения в пожары истерялися»[1].

На другой год (1454) по взятии Царьграда турками грек Димитрий, потерявший все и плененный со своим семейством в этом разорении, убежав из плена, явился к митрополиту Ионе и рассказал ему об ужасах гибели своего отечества. Святитель снабдил несчастного окружным посланием ко всем православным, прося их сотворить милостыню единоверцу для искупления жены и детей его из плена[2].

Так этими посланиями и светская и духовная власть действовали в пользу вселенского единства нашей Церкви. С другой стороны Запад, опираясь на неправду Флорентинского собора, простирал свои притязания на нас и в Пскове и в Москве. Сюда относятся послания, в которых обнаруживается уже полемическая деятельность нашего духовенства, переходящая более в следующее столетие.

Филипп Петров, вероятно посадник Пскова, извещает Новгородского архиепископа Геннадия (1491), что серые чернецы немецкие приходили в Псков спорить о вере, опираясь на осьмой собор, бывший во Флоренции, и что священники псковские отстояли против них православие. Замечательно, как соединяли тогда понятие о семи соборах с современною мыслию о семи веках, или тысящелетиях, предназначенных для человечества: «Премудрость созда себе храм и утверди столпов седмь, яверж есть седмь собор святых отец и седмь век до будущего века, по Богослову Иоанну». «Сиа, государь, – пишет посадник, – твоим благословением и ина многа от божественных писаний. Господни священники к тем студным латиняном *отмолвили*». Грамота писана около 1491 года, незадолго до того времени, когда у нас ожидали кончины мира[3].

1 № 263.

2 № 264.

3 № 286.

Другое рукописное послание[1], полемическое, писано уже вначале XVI века, вероятно, Вассианом, архиепископом Ростовским, в ответ папскому легату, Николаю Шонбергу, который известен был в Москве под именем Николая Немчина и действовал силою римской пропаганды, употребляя все к тому средства. Ответ Вассианов представляет две части, одну положительную, православную, другую отрицательную, полемическую. В первой он строго и твердо исповедует веру Вселенской Церкви, начиная ее изложение словами апостола Павла. В этой части особенно замечательно объяснение православной литургии по Григорию Богослову, как соединенного служения Богу ангелов и человеков. Здесь раскрывается незримое присутствие ангелов, слетающих с неба во храм в известные мгновения литургии. Ясно, что эти таинственные видения напечатлевались в сердцах и воображении нашего народа под руководством духовных учителей! Вторая часть послания, полемическая, направленная против Латинской церкви, исполнена раздражения, объясняемого временем. Она гораздо слабее первой. Сравнения Латинской церкви с птицей зогзулей и с рыбой амуромой нисколько не могли быть назидательны для защитников православия, и, конечно, еще менее для его противников.

У нас дома была тогда и своя забота об удержании иерархического единства. Отделение Киевской митрополии от Московской сильнее, чем когда-нибудь, возбуждало опасение московских иерархов. В Киев был прислан из Рима митрополит Григорий[2], поставленный в Царьграде лжепатриархом Григорием Маммою. Многие послания и грамоты относятся к этому событию. Святитель Иона писал послания к литовским боярам

[1] Находится в Сборнике библиотеки Иосифова Волоколамского монастыря за № 551, л. 261, на обор., под заглавием «Послание от некоего доктора великаго риторьства именем Николаа от немецкиа области». «Пишет же некоему г̃ну великия области Васьяну архиепископу Ростовскому… Может быть, это послание лишь приписано Вассиану, а писано кем-нибудь другим.

[2] Этого Григория смешивают с Григорием Цамблаком, который скончался в 1419 году. Тот же был в России в 1460-х годах. Первая ошибка была сделана в заглавии грамоты Иоанна III к новгородскому архиепископу Ионе (1465–1470), напечатанной в 1-м томе «Актов Археограф. экспед.» под № 80. Отсюда она перешла в другие ученые сочинения.

и панам, к князю киевскому Александру Владимировичу о единстве митрополии, к смоленскому епископу Мисаилу, к черниговскому Евфимию, к епископам литовским о том, чтобы не признавали киевского митрополита Григория, к новгородскому архиепископу Ионе о том, чтобы ограждал паству свою от наветов лжемитрополита, к литовским князьям, сановникам и мирянам о единстве в православной вере и об удалении от Исидоровых единомышленников[1]. Русские епископы (1458) сходятся в соборную церковь Успения в Москве, у гроба святого Петра митрополита, чудотворца русского, и соборною грамотою утверждают единство Русской митрополии в лице святителя Ионы, отрекаясь от Григория. Те же епископы пишут послание (1459) к епископам литовским против Григория за Иону[2]. Митрополит Феодосий, наследник Ионы (1461), продолжает те же убеждения к новгородскому святителю Ионе[3]. Иоанн III сам пишет подобную грамоту тому же святителю[4]. В Новгороде вольные граждане, противившиеся властолюбию Иоаннову, грозили отпадением от православия: сильно убеждениями и словом послание митрополита Филиппа к вольным мужам Новгорода и к священникам всех семи соборов Новгородской земли[5].

Русская Церковь была опорою русского государства в устроении единодержавия, положившего конец губительным уделам. Многие послания духовенства посвящены этой мысли – и здесь ярче, чем где-нибудь, убедительное слово обратилось в очевидное дело. Первое место между памятниками этого благотворного красноречия нашей Церкви занимает послание русского духовенства к углицкому князю Димитрию Юрьевичу. Карамзин назвал его достопамятным – и привел значительный из него отрывок в своей «Истории»[6]. Димитрий Шемяка представляет последнее нравственное безобразие удельных

[1] 1449–1459. № 45, 47, 62, 63, 65, 66, 273.

[2] № 61 и 272.

[3] № 275.

[4] 1465–1470. Акты археограф. экспед. Т. I. № 80.

[5] Акты историч. Т. I. 281.

[6] Т. 5. 1819. Стр. 335.

междоусобиц России. Память его неправд и беззаконий осталась в народной пословице о Шемякином суде, дожившей и до нашего времени. Сильно и смело укоряют русские святители этого гордого противника власти великокняжеской. Изложим главные их упреки.

Душегубный враг рода человеческого, диавол, *позавидел* праотцу нашему Адаму и положил в сердце ему *равнобожество*, и восхотел праотец наш *обожитися* и *равен Богу быти в разуменьи*, но за то осужден был и *самомнительством обожения* пострадал. Так и отец твой, князь Юрий Дмитриевич, покушался на великое княжение, как древний наш праотец Адам к обожению! И в Орду отец ваш к царю ходил, и всему православному христианству была от него вначале истома и великие убытки, а княжения великого не досягнул, потому что ему Богом не дано, ни *земскою из начала пошлиною.* Что же вышло? Великого князя Василия Васильевича согнал, а потом сам с великого княжения в *пяти человеках съехал*. Так и брат твой, князь Василий, восхотел того же не от Божией помощи и воли, но от гордости и высокомыслия: сколько христианской крови пролилося, а Бог ему не попустил. Воспомянем и тебя самого. Когда безбожный царь Махмет приходил к Москве, Великий князь Василий Васильевич сколько послов по тебя посылал и сколько писал к тебе грамот, а ты к нему не пошел, – и много крови христианской пролилося, и какое множество христианства в поганый полон пошло, и сколько святых Божиих церквей разрушилось, и сколько девиц растленено, а *все то в твоем небреженьи, и видится нам, что все то всесильный Бог от твоих рук взыщет.* Потом безбожный царевич Мамотяк приходил к городу Суздалю, и Великий князь Василий Васильевич со своею братиею, боярами, детьми боярскими, воинством вышел на поганых – и братья его сколько ран понесли! Князь Михаил в полон уведен! И сколько за веру православную в том бою бояр и детей боярских и иных людей побито: они мученически к Богу отошли, *им же вечная память!* А по тебя Великий князь сорок послов посылал, зовучи за христианство помогати: *и ты ни сам к нему не поехал,* ни воевод своих со своими людьми

не послал, – и сколько тут крови христианской пролилося, и сколько в полон уведено, *за все то Бог от твоих рук взыщет.*

Потом, когда Бог милостию своего Великого князя от поганых освободил, – диавол снова вооружил тебя желанием самоначальства, и ты замыслил разбойнически *нощетатством* изгнать его, и сотворил над ним не менее Каина и Святополка. Рассуди сам в себе: какое благо сотворил ты православному христианству? Чем сам себя *попользовал*? Сколько *погосподарствовал*? В какой тишине пожил? *Не все ли в суете и в прескаканьи от места до места*, во дню томимый мыслями, в ночи мечтами сновидения? *Ища и желая большего, и меньшее изгубил.* А Божиею милостию князь Великий опять на своем государстве: кому дано что от Бога, того не может у него отнять никто.

Или ослепила тебя душевная слепота, и возлюбил ты временную и преходящую честь и славу княженья и начальства, и захотелось тебе слышать, как зовут тебя и именуют Великим князем? Или златолюбием ты объят, или женовнимателен и женопокорен, как Ирод?.. А святые епитрахили наши сквернишь неподобными своими богомерзкими речами; а надеемся, что и сам знаешь, что суть те святые епитрахили: они *воображение* муки Господа нашего Иисуса Христа при спасительном его распятии, а ты сквернишь их злыми руками, не как христианин, но и поганых горше. Епитрахили наши твоими речами не могут скверниться никак, но только сам ты свою душу губишь.

Следует исчисление условий, которые сделаны были между Великим князем и углицким Димитрием и утверждены крестным целованием: ими сей последний обещался – *держать своего брата старейшего Великого князя Василия Васильевича честно и грозно*, везде за один, до своего живота; друзьям его быть другом, а недругам – недругом; о добре его и лихе поведать ему вправду; Орду *управливать и знать Великому князю*, а ему, углицкому, давать только выход, и проч.

Но все эти условия были им нарушены, и крестное целование ни во что вменено. «Мы, – так продолжают духовные слово своего наказания, – о прежних твоих делах уж не много

говорим, но скажем теперь о нынешнем твоем преступлении. Ты обещал с Великим князем быть везде за один, а сам ссылаешься с иноверцами, с поганством, с другими землями. Посылаешь к Новгороду просить его о помощи, как будто на татар, что изневолили нашу отчину Москву, а сам *злохитрствуешь* на брата своего старейшего, на Великого князя, – и если татары во христианстве живут, то чинится ради твоего с братом старейшим Великим князем неуправленья, *и те слезы христианские есть на тебе же*... Не ты ли обещал держать брата твоего *честно и грозно* поведать ему о добре его и лихе? И что же? *Где его честь и его гроза? Как ты блюдешь под ним его отчину, все его великое княжение? А ты сам посылаешь везде на его лихо, на его кровь, как всюду во христианство, так и в бесерменство, к Новугороду к Великому посылаешь, ко князю Ивану Андреевичу посылаешь, к вятчаном посылаешь,* а в Вятку тебе по крестному целованью и не до́лжно вступати».

От упреков переходит Церковь к умилительным просьбам и увещаниям: «О том тобе своему господину и вспоминаем, и челом бьем, и благословляем, и по своему долгу Бога молим: пожалуй, господине, поберези своей души и своего христианства и крестного своего целованья, а перед своим, господине, братом перед старшим, перед Великим князем, исправися во всем чисто». Держась не одной стороны Великого князя, а наблюдая выгоды и права князей удельных, Церковь является беспристрастною и примиряющею посредницею между обеими сторонами, как видно из следующих слов: «А мы, господине, ваши богомольци, по своему долгу били есмы за тобе челом своим господину, а твоему брату старейшему Великому князю, и господин наш, брат твой старший Великий князь, как ему Бог положил на сердци, нашего слова своих богомолцев послушал, а тобе своего брата жаловати хочет и в братстве и в любви держати по старине; и о всем тобе управливатися срок, по Крещеньи две недели».

В заключение повторенных несколько раз кротких убеждений Церковь заключает угрозою в случае неисполнения. «Ино то не мы тобе учиним, но сам на себе наложишь тягость

церковную духовную, по Господню глаголющему словеси: "егоже аще разрешите на земли, и будет разрешен на небесех; и его же аще свяжете на земли, и будет связан на небесех", и паки: "слушая вас, Мене слушает, а отметаяйся вас, Меня ся отмещет, а отметаяйся Мене, отмещется и пославшаго Мя".

И если ты не обратишься к Богу и к своему брату старейшему к Великому князю с чистым покаянием, тогда чужд будешь Бога и Церкви Божией, *и не будет на тебе милости Божией и Пречистыя его Богоматери и силы того честнаго и животворящаго креста, который еси к своему брату старейшему, к Великому князю Василью Васильевичу целовал*, и по святым правилом проклят да будешь от св. апостол и от св. богоносных отец, от всех седин Вселенских соборов и в конечную погибель да пойдеши… Також и нашего смирения, святительского и священнического, не будет на тобе благословения и молитвы, ни в си век ни в будущий, ни на тех на всех, кто имеет тобе думати, и на ту кровь к тобе приставати и поберати или спешьствовати, или словом, или делом, или иною какою хитростью, на Великого князя лихо и на его кровь и его детей, и всего православнаго христианства на неустроение и на нетишину. А в том твоем неисправленьи какова, по грехом, кровь християнская прольется, и та християнская кровь вся на тобе же будет»[1].

Митрополит Иона (1448)[2] окружною грамотою сановникам и народу объявляя о поставлении своем, обнаруживает измену князя Дмитрия Юрьевича, нарушившего крестное целование перед Великим князем, и убеждает всех отложиться от изменника и покориться Василию Васильевичу, если не хотят, чтобы кровь христианская на них от Бога взыскалась; в противном случае угрожает отлучением церковным. «Коли вашим ожесточеньем еще кровь христианская прольется, тогда ни христианин кто будет именуяся в вашей земли, ни священник священству, но вси Божьи церкви в вашей земли затворятся от нашего смирения».

1 № 40.

2 № 43.

В посланиях, писанных между 1418 и 1458 годами[1], митрополит Иона обращает внимание новгородского архиепископа на междоусобные распри, убийства и кровопролития, совершаемые в Новгороде; дает ему, как пастырь пастырю, наставления, почерпнутые из пророков и святых отцов, особенно же из Иоанна Златоуста. Затем следует особое увещание к посаднику степенному и старым посадникам, тысяцкому степенному и старым тысяцким, к боярам, купцам, жилым людями всему великому Новгороду: здесь главный пастырь Церкви словами Писания убедительно говорит против гнева и ярости и призывает людей к покаянию, именуя его *корнем жизни*. Из этих обоих посланий узнаем мы некоторые любопытные подробности. Видно, что они читались всенародно, по всему вероятию, в церкви; что архиепископы обязаны были сами в этих случаях наставлять проповедью народ и власти; что, кроме того, наставления подобного рода поручались от архиепископов священникам. Вот места из посланий, подтверждающие нами сказанное: «И того ради, сынове, и вашему отцу, а нашему о Святем Дусе сыну и сослужебнику нашего смирения, архиепископу Великого Новгорода владыце Евфимию, нечто есмы малое вкратце от Божественнаго Писания написали в вашу душевную ползу; *и то, Бог даст, сынове, писание наше грубое послышите, и от своего отца, а нашего сына, и святителя нашего и учителя словеса и наказание услышите же, чиим его Бог милосердый человеколюбец и святый всесильный его Дух божественный наставит*; а вас, наших духовных детей, Бог вразумит и писания и наказания отца вашего послушати, и внимати, и повиноватися за свою духовную ползу». В послании же к самому архиепископу митрополит так выражается: «И благословляю тебя, своего сына и брата, яко да и сам наказуеши и научаеши своими словесы, *и священником всем заповеси, яко киждый от них наказует и учит своих детей духовных отступити и отлучитися всякого зла дела»*.

Тот же святитель Иона пишет (1451–1452) в Тверь к епископу Илии, чтобы говорил тверскому Великому князю Бориса

[1] № 44.

Александровичу, бил челом и докучал твердо по своему святительскому долгу об отсылке своих воевод к Великому князю Василию Васильевичу на безбожных татар, *«со своими со многими людьми, за святыя Божии церкви и за все православное христианство...* Занеже, сыну, ведомо тебе, что тамо учинится, великим Божиим милосердием, тому великому государю великому князю которое что добро, к строению христианскому и тишине, и то обеих тех великий государей и всего нашего православного христианства общее добро… И о том, сыну, Богу ведущу, по пророку: "исчезосте ми очи от слез" и непрестанное моление имею к Богу по своему святительскому долгу о любви и о соединении великим государем нашим православным, и о благостроении и тишине нашему всему великому православию: а тобя, своего сына, благословляю, чтобы еси о том великом деле великое попечение имел»[1].

В послании к новгородскому архиепископу Евфимию (1452– 1453), отличающемся чрезвычайно простым, сильным русским слогом, митрополит Иона является благоразумным и великодушным посредником между властию Великого князя московского и Великим Новгородом. Такое же место посредника занимает он между тою же властью и Псковом, как свидетельствует послание к псковичам, писанное между 1455 и 1461 годами[2].

Нельзя не заметить, как в первом из сих посланий выдаются из форм грамматики полуславянской обороты и выражения чисто русские, как, например: «Великий Новгород и Псков прислали своих послов (послов, так и есть, прислали людей великих), но прислали ни с чем». Или: «чтобы и то могло быти, князь бы велики свое сердце облегчил, грубость бы его к себе отложил, а и пожаловал бы его потому». Или еще: «чтобы дал Бог, свелося все добро, как бы милостью Божиею всему православному христианьству впрок лучше было».

Послание митрополита Ионы (1454) смоленскому епископу Мисаилу о измене и бегстве в Литву можайского кня-

[1] № 51.

[2] № 53 и 60.

зя Иоанна Андреевича и о наблюдении, чтобы он не учинил вреда отчинам великокняжеским, показывает еще раз, как Церковь участвовала деятельно в устроении единодержавия русского и преследовала строго всех тех, которые противились сосредоточению власти в новом от Бога назначенном центре Русского государства, в Москве[1]. Грамота митрополита Филиппа к новгородцам (1471) и послания митрополита Геронтия к вятчанам (1486– 1489)[2] смиряли буйную вольность вечевого города и его колонии.

Новгород тянул к Литве и колебался в православии. Митрополит Филипп пишет к Новгороду: «А и то, сынове, разумейте: царьствующий градь и церкви Божия Константинополь доколе непоколебимо стоял, не как ли солнце сияло в благочестии? А как, оставя истину, да съединился царь и патриарх Иосиф с латиною, да и подписал папе злата деля, и безгодне скончал живот свой Иосиф патриарх, не впал ли в руки Царьград поганым, не в турецких ли руках и ныне? Вы пак так ли не чаете Божия гнева? Колико лет прапращури ваши и пращури, и прадеди и деди, и отьци ваши, от количых лет и до сего времени, а своея старины держалися неотступно от своея господы от великих князей русскых: а как до вас дошло, *на концы последняго времени,* как бы надобе душа своея человеку спасти в православьи, и вы, в то время все оставя, да за латинскаго господаря хотите закладыватися?»

Посмотрим теперь, как наше церковное слово в XV веке участвовало в освобождении Отечества от варварского ига, которое тяготело над ним два века с половиною. Церковь сочувствовала народной власти и давно уже в важных случаях подкрепляла князей в мыслях о независимости. Устроив единодержавие в государстве, она сознала и необходимость и возможность вполне возвратить ему свободу.

В 1480 году хан Ахмат, подкрепляемый советами Литвы, покрыл своими полчищами берега Угры и Оки, которая, как пояс Богоматери, по народному выражению того време-

1 № 56.

2 № 98 и 280.

ни, охраняла север России от татар. Иоанн послал часть войск своих на берега обеих рек, а сам оставался в Коломне. Оттуда он приехал в Москву за советом и думою. Его мать, Великая княгиня Марфа, митрополит Геронтий, духовник его Вассиан, архиепископ Ростовский молили Иоанна подвизаться за православное христианство. Иоанн снова поехал на Угру; но там мнения колебались. Одни хотели упорно драться, другие советовали бежать. Малодушные бояре, Ощера и Григорий Мамон, близкие к Иоанну, нашептывали ему о постыдном мире. В это время Церковь своим словом подкрепила государя.

К событию относятся два послания к Иоанну. Одно соборное, от 13 ноября 1480 года, писано от всего русского духовенства и митрополита Геронтия во главе его к Великому князю на Угру[1]. «Добре стойте, – говорит Церковь ему вместе с его князьями, боярами и воеводами, – за дом Святыя и Живоначальныя Троица, Отца и Сына и Святаго Духа и за дом Пречистые Богородици и великаго чюдотворца Петра Митрополита, и за вся Божия святыя церкви всеа Русския земля, и за свою святую чистую нашу пречестнейшую веру, яже во всей поднебесней, якоже солнце, сияше…» Да пошлет тебе Господь свыше, на помощь вашу, скораго своего архистратига Михаила, воеводу небесных сил, бывшаго древле помощника Гедеону на Мадиамы… А ежели, господин и сын, в ополчении вашего пречестнаго подвига и благочестия, случится кому от православных на той брани убьену быти, за дом Пресвятыя Богородицы и за святыя церкви, и за все множество народа людей православных, их же Христос искупил честною своею кровию, – тот, по реченному Господню словеси, второе святое крещение, мученическое приимет и пролитием своей крови очистится. Вам за оружие и за благострадание телесное вечных благ восприятие, и за мечное усечение с мучениками радование.

Второе послание[2], написанное духовником Иоанна, старцем Вассианом, и отправленное также на Угру, может быть на-

[1] № 90.

[2] Степенная книга. Ч. 2. Стр. 140. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Стр. 225.

звано истинным перлом в памятниках отечественного красноречия. Мы приведем его в извлечении.

Напомнив государю слова, сказанные в Москве митрополитом Геронтием и подтвержденные всем предстоявшим духовенством в то время, когда он приезжал в столицу, *добраго ради совета и думы*, так продолжает Вассиан: «Как добрый пастырь, *взем* Бога на помощь и пречистую Его Матерь и святых Его, и святительское благословение, и всенародную молитву, крепко вооружась силою честнаго Креста, ты исходишь против окаянного волка Ахмата, желающаго исхитить словесное стадо Христовых овец. По твоем отшествии, мы со всеми христианами по всем церквам непрестанно совершаем молитвы. Ныне же слышим: когда бесерменин Ахмат приближается, губя христиан и хвалясь на тебя и на твое отечество, ты смиряешься, молишь о мире, посылаешь к нему, дышущему одним гневом и хотящему до конца разорить христианство. Дошло до нашего слуха, что прежние твои развратники не перестают шептать тебе на ухо льстивыя слова и советуют не противиться супостатам, но отступить… Внимай не им, а себе и всему стаду, в нем же Дух Святый поставил тебя. Боголюбивый царь вседержавный! Послушай Павла, обещающаго таким гнев Божий; послушай Самого Господа, глаголющаго: аще око твое соблажняет тя, исткни е, или рука или нога, отсецы ю. Бог разумеет не чувственное око, руку или ногу, а ближних наших, предлагающих неблагое. Они, мнимые христиане, советуют тебе, повергнув щит свой и оставив христианство и отечество, бегуном скитаться в иных странах. Помысли, велемудрый государь! От такой славы в такое бесчестие сводят твое величество, толиким тьмам народа погибшим и церквам Божиим разоренным и оскверненным, – и кто, каменносердечен, не восплачется о сей погибели? Убойся и ты, о пастырь! Не от твоих ли рук тех кровь взыщет Бог по пророческому слову, – и куда хочешь убежать или где воцариться, погубив врученное тебе от Бога стадо? Слыши, что пророк глаголет: аще взыграешися яко орел и аще посреди звезд гнездо свое сотвориши, то и оттуду тя свергу, рече Го-

сподь… Куда отходишь, пастырь добрый! Кому оставляешь нас, как овец, не имущих пастыря?.. Не слушай тех, что хотят твою честь ввести в бесчестие, славу твою преложить в бесславие, и бегуном тебе явиться, и предателем христианским. Отложи весь страх: возмогай о Господе. Един поженет тысящу, и два двигнут тьмы. Их боги не наш Бог. Лук сильных изнеможет; немощные препояшутся силою. Внемли, что говорит Демокрит философ: князю подобает иметь ум ко всему временному, на сопостатов крепость и храбрость, а к своей дружине любовь и сладкий привет. Вспомни слова Христовы: блажен человек, иже положит душу свою за други своя. Поревнуй прародителям твоим: не только обороняли они Русскую землю от поганых, но и другие страны под себя принимали. Припомни Игоря Святослава, Владимира, бравших дань с царей греческих. Припомни Владимира Мономаха, как бился он с окаянными половцами за Русскую землю, и иных многих. Припомни Димитрия, какое мужество показал он над окаянными сыроядцами, как не убоялся татарского множества, но, забыв жену и детей и не усомнясь, решился на подвиг, желая исхитить из волчьих уст Мамая словесное стадо овец Христовых. И Господь помог ему – и он ныне похваляем и славим, не только от человек, но и от Бога: ангелов удивил и людей возвеселил своим мужеством, а воины Его, как первые мученики, прияли венцы мучения. Если ты поревнуешь ему, Бог поможет и тебе, и покорит врагов под ноги твои, и воины твои, крестясь вторым крещением, как святые мученики своею кровию, восприимут от Вседержителя венцы нетленные и радость неизреченную, какой ни око не видело, ни ухо не слышало и какая на сердце человеку не взошла.

Если же ты вопреки сему скажешь: мы под клятвою от прародителей – не поднимать руки против царя, – послушай, боголюбивый царь! – когда клятва дана по нужде, прощать и разрешать от нея повелено нам. Так святейший митрополит, и мы, и весь боголюбивый собор прощаем и разрешаем и благословляем тебя, не яко на царя, но яко на разбойника и хищника и богоборца. Лучше *солгавши живот* получить, нежели

истинствуя погибнуть, пуская тех в землю на разрушение и потребление всего христианства. Который пророк пророчествовал, который апостол или святитель научил тебя, великого русских стран христианского царя, повиноваться сему богостудному и самозванному царю? Ради согрешений наших, и еще более ради отчаяния, ради того, что мы не уповали на Бога, попустил он Батыя поработить наших прародителей, и попленить землю нашу, и воцариться над нами, ему – не царю и не от царскаго рода. Мы прогневали тогда Бога, и Бог наказал нас, как чадолюбивый отец, по словам апостола: кого Бог любит, того наказует как сына. Но он простит, если ты покаешься, государь, от всего сердца и, прибегнув под Его крепкую руку, обещаешься всем умом и всею душою не согрешать более: ибо человеческое дело падать грехом и восставать покаянием, ангельское не падать, бесовское не вставать и отчаяваться, – если сотворишь суд и правду посреди земли, не будешь никому насиловать и покажешь милость к согрешающим. Кайся не словом, а сердцем, как благоразумный разбойник на кресте покаялся. Истинное покаяние – перестать от греха. Если так покаешься, Господь освободит нас от Ахмата, как израильтян освободил от фараона. Вспомни, как Господь посылал им Моисея, Иисуса Навина, Гедеона, Сампсона: так и тебя пошлет освободителем нам, новому Израилю. И так, Богом утвержденный царь, царствуй ради истины, кротости и правды: престол твой да будет совершен правдою, крепостью и судом, и жезл силы пошлет тебе Господь от Сиона. Так глаголет Господь: "Аз воздвигох тя Царя правды, призвах тя правдою, и приях тя за руку десную, и укрепих тя, да послушают тебе языцы, и крепость царем разрушу, отворю ти двери, и гради не затворятся. Аз пред тобою пойду, и горы поровняю, и двери медныя сокрушу, и затворы железные сломлю". Се твердое и честное и крепкое царство да даст тебе Господь Бог в руце твои, Богом утвержденный владыка, и сынам сыном твоих, в род и род в веки. Мы не престанем от чистой веры молить о тебе, да одолеешь врагов, да рассыплются они, поганые, омраченные молниею Бога, да лижут землю, как го-

лодные псы, и ангел Господень да гонит их. Мы радуемся и веселимся твоим подвигам, но помни слова: “претерпевый до конца, той спасен будет”».

Есть летописное сказание, что Иоанн исполнился веселия, мужества и крепости, прочитав это письмо; что единодушно вместе с государем охрабрилось и все русское воинство и с тех пор часто билось с татарами, стоя все лето и всю осень на берегах Угры и Оки.

В этом послании в первый раз так крепко сознается отечественная власть в лице народного русского властителя и отвергается позор власти чуждой и варварской. Хотя некоторые летописи говорят, что Великий князь не вдруг еще послушал послания владычнего и следовал малодушным внушениям бояр своих любимцев, но слово уже было сказано – и запало в душу, и принесло свой плод довольно скоро.

Власть единодержавная в христианском властителе здесь отличена от власти грубой и безотчетной ордынского хана тем, что соединяется с глубоким, искренним, сердечным покаянием, как залогом совершенствования человеческого в государе. Одною из сил, помогающих в освобождении Отечества, признана и всенародная молитва.

Отношения духовной власти к светской обозначились уже для нас в простодушных назидательных посланиях Кирилла Белозерского к Великому князю московскому Василию Дмитриевичу и брату его, Андрею Дмитриевичу Можайскому[1]. Кирилл указывает на великие нравственные обязанности князей в отношении к народу, умеряет власть любовью, вносит мир в междоусобную вражду века, уничтожает преграды взаимного общения людей во внутренних таможнях, направляет внимание властителей на пороки народные, на пьянство и на грубую брань, внушает благоговение, страх и трепет при стоянии в храме Господнем.

Когда Иоанн III послал грозу свою и меч свой на мятежный Новгород и сам *сел на́ конь, хотя его добре показнити*, митрополит Филипп (1471) явился ходатаем за покоренных

[1] См. ч. 3 «Истории русской словесности», стр. 586–590.

новгородцев перед государем, уже торжествовавшим победу[1]. Вот слова его: «О них же много моля и прося челом бью, твоему великому благородию, чтобы, господине, пожаловал, смиловался над ними: пошлют к тебе, к своему господарю, люди твои, отчина твоя, Великый Новгород, а тебе имут челом бити, и ты бы, господине, пожаловал, не презрел сего нашего к тебе моления и челобиться, гнева бы своего утолил еси, а их челобиться пожаловал еси принял, а меча бы еси своего поудержал, чтобы ся в твоей земли многое крови христианскыя не пролило промежду твоих людей… Напоминаю тебе Господних уст глаголющее слово: "будите, рече, милостивии, якоже Отец ваш Небесный милостив есть; аще оставите человеком съгрешения их, и Отец ваш небесный оставит вам съгрешения ваша", и паки рече: "блажени милостиви, яко тии помиловани будут"… Бог мир да будет с твоим господьством».

В Дмитрове народ погибал от голода. Иосиф Волоцкий (1512) пишет о том к дмитровскому князю Юрию Ивановичу. Напоминая ему из истории греческих императоров попечения их о народе в тяжкие времена голода и указывая ему на пример брата его, Василия Ивановича, он говорит: «Аще подобно тому и ты, государь, сътвориши в своем государстве, оживиши нищиа и убогиа человеки: занеже, государь, уже многиа ныне люди мрут гладом, а кроме тебя, государь, некому той беде пособити»[2].

Не так много находим мы грамот и посланий, которыми Церковь действовала бы на народ, прямо или через духовенство. Есть послания митрополита Ионы в Вятку к воеводам ее и жителям (1452– 1456), чтобы не воевали и не грабили Сысола, Выми и Вычегды, не жгли и не мучили зверски старцев, мужей и младенцев. Святитель грозит мучителям: та кровь христианская вам *отольется*, и напоминает близость кончины мира и Страшного Суда. При этом есть грамота с упреками и угрозами к вятскому духовенству. Не знаем, называть ли вас священниками, говорит святитель. Вы забыли, какову

[1] Акт. историч. Т. 1. № 282.

[2] Дополн. к акт. истор. Т. 1. № 216.

подобает священнику быти, якоже речеся: «идеже желают ангели приникнути у страшнаго престола Христова». Тамошние ваши духовные дети незаконно живут, *понимая* жен до пяти, до шести, до семи, а вы их благословляете и приношения от них приемлете, что Богу мерзко. – Те же упреки и угрозы повторил митрополит Геронтий в двух своих посланиях в Вятку к духовенству и народу (1486–1489), прибавляя, что он священникам велел, если не послушает их народ, чтобы *церкви Божьи затворили и пошли из земли есть вон*[1].

Замечательна грамота митрополита Филиппа (1471), которою он благословляет псковичей учредить шестой собор во имя святого Божия входа в Иерусалим со ста и двумя священниками[2]. Новгород имел уже тогда семь таких соборов. В псковском народе жили еще в начале XVI века остатки обрядов языческих, которые преследовала Церковь. Игумен Елеазарова монастыря Памфил писал наместнику и властям Пскова, чтобы прекратили языческие игрища в день рождества Иоанна Предтечи, развалину от праздника Купалы, в которой участвовал весь народ[3].

Есть послания, из которых видно, что Церковь действовала на семьи князей и на отношения господ к рабам. Митрополит Иона (после 1448) утешал новгородского князя Юрия Семеновича Лугвениева по случаю кончины супруги его княгини Софии, *вспоминая добрый нрав ее и благое покорение к Богу и к Церкви Божией* и говоря о смерти, что она *един мост общий, обыкновения не имущ, велику же и малу нищу и богату, праведному и грешному*[4]. Митрополит Иона обращает строгое послание (после 1455) к детям[5], не повинующимся матери, говоря словами из Священного Писания: «Всем сердцем прослави отца твоего, и рождения матерня не забуди, вспомяни, яко от того родился еси: что воздашь им за то, что

[1] № 261, 267. 97. 98.

[2] № 283.

[3] Дополн. к акт. историч. Т. I. № 22.

[4] Акты историч. Т. 1. № 46.

[5] Дополн. к акт. историч. Т. 1. № 11.

они дали тебе?» И паки: «Как раб послужи родившему тебя: чем ты воздашь за дар их? Они тебя родили, можешь ли ты также родить их?» Приточник сказал: «Чтущий отца и мать свою сам возвеселится о чадах».

Но особенно замечательно прекрасное послание Иосифа Волоцкого к вельможе о миловании рабов (1479–1515)[1]. Приведем его в извлечении. «Слух дошел до меня, господин, про твое благородство, что немилосердие твое велико к твоим рабам и сиротам домашним, теснота и скудость великая телесных потреб, пищею и одеждою не только недовольны, но и гладом тают и наготою страждут. Я, грешный, о том напоминаю тебе, помянув твою веру. Не лепо бы было мне писать: сам я грешен; как же восхищать сан учительский? Но пишу не мои мысли, а что сам слышал от Божественных Писаний, как повелевают они не рабов в них иметь, но как братию миловать, питать и одевать довольно, пещись о спасении душ их, наставлять их на все благия дела и от своих избытков творить милостыню нищим, чтобы души их поставить перед Богом чистыми и непорочными. А до меня, сын, грешнаго, доходит такой слух про твое благородство, что твои рабы и сироты живут у тебя в такой тесноте, что им не только нельзя делать добрыя дела и творить другим милостыню, а сами гладом тают и от злых обычаев удержаться не могут, не имея одежды или пищи телу и ощущая скудость во всех нужных потребах. Страшно, господин, говорит о том Божественное Писание: беда великая, мучение бесконечное тем, кто не печется и не имеет печали о домашних своих сиротах, не только делом их насилует, но ранами казнит, не дает одежды и пищи, и морит голодом; не печется о спасении душ их, но, гордяся житием суетным и тщетным, прелестями света сего, не помышляет о том и не помнит, что мы все создание Господне, все плоть едина, все мvром единым помазаны, все в руках Господних, кого хочет Он обнищевать, и что всем нам стать перед единым Царем страшным на Суде его необыменном…

[1] Дополн. к акт. историч. Т. 1. № 213.

Господин, Бог на тебе Свою милость показал и государь тебя князь великий пожаловал: так и тебе, господин, подобает своих клевретов пожаловать и милость показать к ним… Я же писал к тебе не от слуха, а сам их нужду видел».

Заключим изучение церковных посланий XV века теми, которые касаются собственно самой Церкви и ее внутреннего устроения. Их довольно[1]. В одном из посланий ростовский архиепископ Феодосий сам осуждает себя перед лицом всего духовенства в нарушении поста в богоявленский сочельник и проклинает свой проступок. В другом он строго требует, чтобы все духовенство его епархии съехалось в Белозерск для исправления церковных потреб и злоупотреблений. Митрополит Феодосий жалуется псковичам на них самих, что обижают софийскую отчину владык новгородских; митрополит Филипп приносит те же самые жалобы новгородцам. Новгородский святитель Геннадий пишет митрополиту Симону о необходимости устроить училища для просвещения народа грамотою, без чего он из народа ставить священников не может[2].

Особенно замечательны «Поучения священнослужителям» (1499). Постоянно, в течение всех веков древней нашей жизни, от самого начала у нас христианства, мы слышим глаголы Церкви, заботящейся о достоинстве пастырей народа, своих служителей. В поучениях 1499 года, которыми повершается XV век, нельзя лучше сознать и поставить высокое звание священника. «Потщись, пресвитер, – говорит «Поучение», – представить себя делателем, непостыдно правящим слово истины… Никого не прощай мзды ради: благодать Святого Духа не продается на сребре: не убойся человека,

[1] № 57, 64, 82, 104, 109, 265, 276, 277, 278, 283.

[2] 1496–1504. Эту грамоту противники Древней Руси приводят обыкновенно в укор невежеству и безграмотности, опираясь на недоразумении, к которому подает повод незнание дела. В древние времена духовенство не образовывало у нас касты. В Новгороде народ избирал священников на ставление – и приводил иногда к архиепископу таких людей, которые едва знали грамоту. Вот на что жалуется Геннадий, и вот для какой цели предлагает завести училища. Конечно, грамота была распространена преимущественно в духовенстве. С самых древних времен у нас безграмотные сыновья попов попадали в *изгои*, то есть изгоняемы были из своего сословия.

на грех тебя ведущего, хотя бы и угрожал смертию; не предай Сына Божия в руки недостойных; не устыдись никого от славных земли, но стань как добрый воин Христов… Хранись от пьянства: оно оскверняет молитвы твои, помрачает ум; не *кощунай* – ты Богу советник, и тело чистое блюди – ты Богу ходатай о людях; хождение имей кроткое – ты стоишь на святом месте; руки блюди от нечистоты – ими подъемлешь Тело Христово; чист имей язык от осуждения и злословия – им славишь Бога; не обязуйся куплями житейскими, да всем сердцем печалуешь о порученном тебе стаде; читай книги часто, чтобы ими научать неразумных… Служитель Таин Христовых, серафим ты плотяной, служишь Христову телу… Не приноси приноса на Божий жертвенник от неверных, от грабителя и властеля немилосердаго, от злобника или кто томит челядь свою гладом и ранами и наготою… Явися во всем по имени твоему, а имена твои многи и велики, по Господню словеси и святых его: свет миру, соль земли, врач больных, вождь слепых, наставнику блудящим, учитель и светильник, око телу церковному, столп премудрости, уста Божия, дающий мир миру, ангел Господень, труба небесная, отец братии твоей, к Богу нудитель, миру молитвенник, подражатель Господень и апостольский подобник, источник воды, несущей в источнике не свое имя…»[1]

Можно ли глубже и яснее сознать, даже и в более просвещенное время, высокое назначение священнослужителей Церкви, как сознавала его Церковь Русская в XV столетии, когда словом своим укрепляла свое единство с Церковью Вселенскою, поддерживала свое единство внутреннее против наветов внешних, скрепляла силы государства единодержавием, благословляла свержение позорного ига власти чуждой, воспитывала сознание власти отечественной, смягчала ее грозу перед народом, внушала народу любовь к ней и повиновение, устраивала узы семьи и в доме учила сильных миловать слабых и пещись о них.

1 То же самое поучение вставлялось в ставленные грамоты священникам, как нашел я в рукописях Иосифова монастыря.

Может быть, не совсем некстати будет и в наше время напомнить о той нравственной силе, которую имело русское духовенство у нас в XV столетии. Думаем, что эта сила, как бы ни ослабляли ее посторонние влияния, всегда в нем присуща и готова к пробуждению. Нельзя без сочувствия видеть, как современно нам оно сознает свое призвание и со всех сторон раздаются голоса его в нашем новом общественном движении. Государство пускай вспомнит теперь, что духовенству оно обязано было своим единством и своею независимостью. Сословию, назначенному для воспитания и укрепления высших духовных сил в народе, не место стоять на низших ступенях лестницы сословий. Конечно, не награды, не почести светские могут восстановить нравственную силу в тех людях, которые должны бы от людей восходить к небу и начинать собою между нами чин ангельский. Поражена была много духовная сила в этом сословии, как и во всем народе русском со времен Петровых: теперь настало время сознать и восстановить ее. Прежде всего само духовенство должно тому содействовать; но тогда только оно достигнет высшей своей цели, когда сознает вполне свои духовные силы, возненавидит лесть и ложь в среде своей и полюбит одну животворную истину.

ЛЕКЦИЯ СЕМНАДЦАТАЯ

Рукописи XV века, обозначенные годами. – Места написания их. – Писцы. – Значительнейшие рукописи. – Геннадиевская Библия 1499 года. – 70 новых обителей. – До 70 св. мужей. – Составители Житий: Епифаний, Пахомий Логофет, Иринарх, митрополит Спиридон, Вассиан, Феодосий, клирик Василий, Паисий Ярославов, пресвитер Василий, Ромон, Савва черный, Иродион. – Примеры житий, из уст народа перешедших на хартии. – Лики и черты святых. – Черты исторические. – Сословия, из каких выходили святые, преимущественно боярское и крестьянское. – Иноземцы в числе святых. – Действие святых мужей на народ и на власти. – Жизнь пустынных отход-

ников. – Отрывки из житий: Евфимия Новгородского, Пафнутия Боровского, Зосимы Соловецкого, Александра Ошевенского, Александра Свирского, Даниила Переяславского. – Общее заключение о житиях. – Мысль о скором преставлении света. – Зародыши и происхождение этой мысли в Греции. – Отголоски ее в русской словесности от начала XIII века. – Противоречия Геннадия. – Ночь на 25 марта 1492 года

Рукописные памятники наши в XV веке все более и более умножаются. В печатных каталогах древних библиотек, описанных русскими археологами, рукописи относятся по большей части к XV и XVI столетиям. Дешевизна тряпичной бумаги, распространившейся у нас в XV веке, конечно, была тому причиною; пергамен и бомбицина были дороже и не столько доступны писцам. Мы обратим внимание на рукописи, обозначенные годами. Число их уже так становится значительно, что невозможно, да и не нужно, называть все. Мы упомянем о тех, которые чем-либо особенно замечательны.

Сначала скажем о местах, где писались книги. Иоанн Лествичник 1421 года писан в Царьграде, в обители Божией Матери Перивлепто. Рукопись хранится в Иосифовом монастыре. В Звенигородской обители Саввы Сторожевского в 1408–1412 и в 1428 годах сделано было два списка с устава церковного под заглавием: «Око церковное, рукописи, которую в Царьграде переписал Афанасий, игумен Высоцкого Серпуховского монастыря, удалившийся из России в 1392 году и полюбивший более одинокую келью в Константинополе, чем все почести, какие предлагало ему отечество»[1]. Дошли до нас переводы с греческого, совершенные на Афонской горе: Гавриил, инок Лавры Хиландарской, перевел толкование Олимпиодора Александрийского и других на Книгу Иова в 1412 году; инок Иаков и священник Венедикт в 1426 году перевели на славянский и на сербский языки «Шестоднев» Иоанна Златоуста, или «Беседы» его на Книгу Бытия в то время, когда славный

[1] Рум. муз. № 445 и «Рукоп. гр. Толст.» (отд. 1. № 11).

деспот Стефан правил Сербией и Боснией. Переводы афонских тружеников дошли до нас в их собственноручных рукописях, но перевезены были в Россию Арсением Сухановым в 1655 году, при патриархе Никоне, как дар горы Афонской[1]. Но есть признаки, что иноки Афонской горы трудились тогда в переводах с греческого и для русских иноков: так, в Кирилло-Белозерском монастыре хранится Максима Исповедника «Слово постническо по вопросу и ответу», переведенное с греческого языка на русский во святой горе Афонской в лето 1425 года кир Иаковом доброписцем убогому Евсевию, непотребному Ефрему Русину[2].

Из надписей мы видим, что языки славянский, сербский и русский считались тогда за одно. Есть Евангелие пергам. 1498 года, писанное в Немецком монастыре в Молдавии[3].

На рукописях, писанных в Москве, имя Москвы не обозначается; но, судя по благословению митрополитов, например Фотия или Геронтия, или по именам князей, для которых писаны, можно заключать, что писаны в Москве: таков, например, Иоанн Лествичник, перг. 1419 года, писанный по благословению митрополита Фотия; Октоих 1455 года для Василия Темного. Имена же московских монастырей обозначаются на рукописях: так, например, *на Симонове*, писан в 1453 году, Иоанн Лествичник и при нем сочинения Ипполита Папы и Палладия монаха об Антихристе и Втором Пришествии; в том же монастыре «Тактикон» Никона Черногорца в 1461 году. В Андроньеве монастыре написан «Изборник Святославов» в 1403 году.

Из городов славился своею рукописною деятельностью особенно Новгород. С ним в этом соперничал и младший брат его, Псков. Близ Новгорода славились тем же Хутынь монастырь, основанный в XIII веке преп. Варлаамом, и гора Лисичья. Служебник, содержащий литургию Иоанна Златоуста, без чина проскомидии, в 1400 году писан на Хутыне; Иоанн Ле-

[1] Опис. Синод. библ. № 61, 62, 63.

[2] Поездка в Кир. Белоз. мон. 2. Стр. 16.

[3] Рукоп. Царск. № 63.

ствичник 1431 года, с сочинениями Григория Синаита, Филофея, Исихия пресвитера и Нила – на горе Лисичьей. Полный список Библии 1499 года писан в Новгороде. Многие рукописи XV столетия принадлежат Ольгиной родине, Пскову: особенно Лукинское Евангелие 1409 года и Хронограф 1494-го.

Древнейшие рукописи наши ведут свое начало из Новгорода и Пскова; но из этого никак не следует заключать, чтобы оба эти города брали рукописною деятельностью перевес над Москвою и древним Киевом. Явлением объясняется тем, что до Новгорода и до Пскова не достигали погромы татарские и что древняя письменность безопаснее могла в них храниться. Вот почему и святители наши, ревновавшие о распространении рукописей, обращались преимущественно к книгохранилищам новгородским.

И от других городов дошли до нас рукописи, обозначенные годами. Толкование на Евангелистов Иоанна и Луку писано в 1434 году в Киево-Печерском монастыре в Киеве, и там же «Киево-Печерский патерик», в 1461 году.

Но древнейшая рукопись «Патерика», известная под именем рецензии Арсениевской, писана в Твери. Мы о ней еще скажем.

Кроме Твери есть рукописи, дошедшие к нам из Смоленска, Углича, Ярославля, Коломны. Исаак Сирин писан полууставом в 1428 году в Смоленске по повелению епископа Герасима, родом Москвитина[1]. В Угличе славился письмом Федор Климович Шарапов: он написал в 1458 году Псалтирь в лицах с лицевыми изображениями по сторонам, выбранными из текстов Священного Писания, а другой экземпляр Псалтири с восследованием – в 1491 году[2]. В Ярославле дьяк Ларион в 1495 году переписал Козьму Индикоплова и Палеи с изображением творца книги и с сорока раскрашенными картинами[3].

Монастыри, учрежденные в XIV и XV столетиях, отличались также письменною деятельностью. Есть рукописи,

[1] Отчет Имп. публ. библ. За 1859 год. Стр. 58.

[2] Библиот. гр. Толст. Отд. I. № 32. Рукоп. Царск. № 338.

[3] Рук. Царск. № 210.

писанные в Звенигородском монастыре Саввы Сторожевского; но в самой обители ни одна не сохранилась. На древнейших рукописях Соловецкой обители, принадлежащих теперь Казанской духовной академии, читаем имена Зосимы и Германа, основателей монастыря. Древностью рукописей, современных началу обители, замечательны особенно монастыри Кирилло-Белозерский и Иосифов Волоколамский. В первом находим духовное завещание Кирилла, Псалтирь 1424 года, Канонник 1405 года и другие книги, писанные рукою преп. Кирилла; некоторые книги писаны учениками его: Евангелие пергам. в 1416–1417 годах Христофором и Канонник 1423 года Мартинианом. В Иосифовом Волоколамском монастыре сам преп. Иосиф написал своею рукою Евангелие, Триодь постную в 1460 году, еще до основания обители, Богородичник в 1489 году, Псалтирь; Сборник поучений, переложенных с греческого на русский в 1343 году, переписан его повелением в 1490 году.

Кроме лиц духовных писцами были и люди светские, особенно дьяки. Так, Новгородскую полную Библию для архиепископа Геннадия под руководством архидиакона Герасима писали на архиепископском дворе три дьяка: Василь Иерусалимский, Гридя Исповедницкий и Климент Архангельский. Один из них, Гридя, написал в 1495 году апостол для Михаила Васильевича Кутузова и перевел его с тетра на апракос, за что получил двойную плату. В Москве известен был дьяк Василий Мамырев, списавший Октоих для Василия Темного; имя дьяков Мамыревых встречается на рукописях Иосифова монастыря. В Ярославле славился дьяк Ларион, списатель Козьмы Индикоплова. Углицкий писец Шарапов, вероятно, был также светский человек.

Три раза в рукописях XV века, обозначенных годами, встречается Иоанн Лествичник, писанный в 1419, в 1421 и 1431 годах. Видно, что он составлял любимое чтение наших обителей. Нередко встречаются рукописи, украшенные миниатюрными изображениями: таковы Евангелия 1401 и 1409 годов с изображением евангелистов, Палея Новгородская

1477 года, Углицкая Псалтирь 1485-го и ярославский Козьма Индикоплов.

Остановимся на рукописях, наиболее замечательных и известных по описаниям наших археологов и философов. Четвероевангелие 1401 года принадлежит Румянцевскому музеуму. Оно известно было Калайдовичу под именем Зарайского, или Аверинского, и описано в его Иоанне Экзархе, подробнее же А. Х. Востоковым[1]. Писано оно на пергамене, правописанием русским, с примесью позднейшего болгарского. Живописные изображения четырех евангелистов тщательно расписаны красками и золотом. «Патерик Киево-Печерский» 1406 года, писанный на пергамене в Твери, принадлежит купцу Берсеневу в г. Ржеве Тверской губернии. Он писан подробно Кубаревым[2] и известен под именем Арсениевской рецензии. Рукопись «Патерика», хотя и первая по древности, но искажена в тексте и неполна, потому что из нее по причинам местным исключены некоторые отрывки, и в числе их одно важное свидетельство о Несторе-летописце. Евангелие 1409 года недельное (апракос), писанное на пергамене, принадлежит Синодальной библиотеке. Оно описано было в первый раз Калайдовичем под именем Лукинского, потому что писано дьяконом Лукою в монастыре Св. Николы на Завеличье, в пределах Псковских, за рекою Великою, при посаднике города Пскова Романе Сидоровиче. В Новое время его описывали профессоры Горский, Невоструев и Буслаев[3]. Оно украшено миниатюрными изображениями трех евангелистов – Матфея, Луки и Марка; заставки и первые заглавные буквы из разных перевитых животных особенно красивы. В формах языка находим борьбу народного устного употребления с книжным преданием, которое начинает сильно вторгаться. Изменение буквы *ц* в *ч* обнаруживает

1 Рум. муз. № 118.

2 Описание харатейного списка Патерика Печерского // Журн. Мин. нар. Просв. 1840. № 6.

3 Опис. Синод. библ. № 27. Матер. Для истор. письма слав. рук. № IX. В указателе архим. Саввы ошибочно показан на 172-й стр. № 401 (30). На 276-й стр. той же книги, вернее указан № 71 (27).

признаки новгородского наречия. Хождение св. Иоанна Богослова, описанное будто бы Прохором, учеником его, 1419 года. В библиотеке Румянцевского музеума это самая древняя рукопись, писанная на тряпичной бумаге[1]. Хождение Иоанна Евангелиста, встречающееся нередко между памятниками нашей древней письменности, показывает, что наша древняя каноническая Русь была не так взыскательна к апокрифическим сказаниям о евангелистах. Иоанн Лествичник 1431 года, писанный на Лисичьей горе близ Новгорода, находится в Румянцевском музеуме и описан А. Х. Востоковым[2]. Замечательна рукопись Симеонова Изборника, открытая мною в Кирилло-Белозерском книгохранилище[3]. Она писана в 1445 году. В ней имя Симеона, царя болгарского, заменяет имя Святослава и указывает на истинное происхождение Сборника 1073 года, известного у нас под именем Святославова. Замечательны также Палея Синодальной библиотеки, писанная в 1477 году в Новгороде дьяком Нестором, с живописными раскрашенными рисунками в тексте, и сходный с нею «Хронограф» 1494 года, писанный в Пскове[4]. Остановим внимание на полном экземпляре Библии 1499 года, которой так значительно завершаются рукописи XV столетия[5].

Мы имеем превосходное описание Геннадиевской Библии, составленное профессорами Горским и Невоструевым. Она писана полууставом, переходящим в скоропись, в большой александрийский лист, на 1002 листах. Пятокнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь, Псалтирь и Притчи принадлежат к первоначальному собранию ветхозаветных книг у нас и носят на себе признаки древнейшего перевода с греческого на славянский язык, особенно же пять книг Моисеевых. Две книги Паралипоменон, три книги Ездры, книги Неемии, Товии,

---

1 № 451.

2 № 200.

3 Поездка в Кир.-Белоз. мон. Ч. 2. Стр. 30.

4 № 210. Синод. библ. и № 453 Рум. муз.

5 Описан. Синод. библ. № 1, прежний нумер 915. Разбор «Описания» // Русская беседа. 1856. Кн. 2. Матер. для истор. письм. № X.

Июдифь, Премудрости Соломона, две книги Маккавейские переведены с латинской Вульгаты и носят на себе следы варварских латинизмов. Самое расположение книг ветхозаветных, согласное с Вульгатою, заставляет думать, что это полное собрание книг библейских в один кодекс совершено было тогда, когда издание латинской Вульгаты в XV веке стало распространяться на Западе и дошло до нас. Четыре книги Царств переведены с греческого, но не представляют признаков такой глубокой древности. Первые девять глав Книги Есфирь переведены прямо с еврейского, и перевод носит следы польского происхождения; но вторая половина той же книги, не сохранившаяся на языке еврейском, переведена с латинской Вульгаты. Славянский текст Книги Иова извлечен из толкования на нее Олимпиодора Александрийского и носит признаки глубокой древности, равно как и перевод псалмов. Притчи Соломоновы и Екклесиаст, «сборник царя Соломона», как он назван в нашей Библии, переведены с греческого; но Книга Притчей на конце приведена в порядок, сообразный с текстом еврейским, по Вульгате. Перевод Книги Премудрости, приписываемой Соломону, сделан с Вульгаты, а перевод Премудрости Иисуса, сына Сирахова, – с греческого. Особенно замечательны древностью перевода книги Пророков, больших и малых. У нас сохранился этот перевод в двух списках XV века и в одном списке XVI, но списанный с рукописи 1047 года, изготовленной попом Упирем Лихим для новгородского князя Владимира Ярославича[1]. Сличение текста обнаружило, что составители Библии пользовались этою древнею рукописью, но располагали текст согласно с Вульгатою и еврейским подлинником. Книги новозаветные издавна сохраняли у нас глубочайшую древность славянского перевода в отдельных рукописях и не изменили ей также и в полном составе Библии.

Великий этот труд – собрание всех переведенных на славянский язык книг Священного Писания в один полный кодекс – совершен был архиепископом Геннадием в Новгороде,

[1] Один список принадлежит Троицкой Лавре; другой, упоминаемый Востоковым в предисловии к Остромирову Евангелию, – биржевому маклеру в Петербурге, г. Немилову. Оба XV века. О них кстати здесь упомянуть, хотя они и не обозначены годами. Третий, XVI века, в Синодальной библиотеке.

вероятно, после рокового 1492 года, когда страх преставления света исчез, и окончен в 1499 году, обозначенном на рукописи. Известно, что издатели Острожской Библии пользовались этим трудом, который перешел и в другие списки, но исправляли, однако, текст по греческому подлиннику[1]. Нельзя не пожалеть, что ученые описатели этого первого по древности списка Славянской Библии не сличили в новозаветных книгах рукописного Апостола с тем печатным изданием, которое совершено было в Москве в 1564 году.

Еще славный наш филолог Востоков, разбирая и описывая рукописные сокровища Румянцевского музеума, открыл в Пятокнижии Моисеевом следы исправлений по еврейскому тексту, совершенных у нас в XV веке[2]. В недавнее время ученые Троицкой Лавры нашли случай подвергнуть открытие филолога более подробному исследованию и, воспользовавшись двумя рукописями Пятокнижия Моисеева, перевезенными из Иосифова монастыря в Сергиеву Лавру, исчислили все места славянского перевода, исправленные по еврейскому подлиннику[3]. Они пришли к тому заключению, что какой-нибудь выходец из Малороссии или Литвы, знавший хорошо еврейский язык и искушенный в различии текстов еврейской Библии, совершил это исправление. Состояло ли оно в связи с великим трудом Геннадия, собиравшего всю Библию в один полный кодекс, решить трудно; но известно, однако, что это исправление не вошло в Геннадиевскую Библию, а осталось отдельным. Заметить надобно, что в этих исправлениях не видно никакого особенного умысла и что они все совершены не противно православному пониманию книг ветхозаветных.

В Кирилло-Белозерской обители в Сборнике XV века находится Псалтирь, переведенная с еврейского на русский язык вместе с 9 библейскими песнями по благословению митро-

[1] Есть, однако, у нас противники Древней Руси, в том числе и г. Викторов, которые признают, что первые книгопечатники наши, участвовавшие в издании Острожской Библии, не знали по-гречески!

[2] Опис. Рум. муз. № XXVII.

[3] Твор. св. отц. 1860. Кн. 1. Прибавления. Стр. 134. О славянском переводе Пятокнижия Моисеева, исправленном в XV веке по еврейскому тексту.

полита Филиппа I, который святительствовал между 1464 и 1473 годами[1]. – В одном сборнике Иосифова монастыря мы находим опыт перевода на русский язык надписаний из псалмов немецкой Псалтири, совершенный в 1500 году, и сравнения его с текстом латинской Вульгаты[2].

Семьдесят обителей основано было в разных концах России. Мысль Сергиева продолжала неутомимое свое действие. И сыновья, и внуки его по духовному родству, ученики учеников его распространили пустынножительство в самых отдаленных краях и в самых неприступных дебрях России. Сношения с Афоном были довольно часты в этом столетии: Арсений Коневский, Нил Сорский со своим спутником Иннокентием Вологодским, ученики Макария Калязинского посещали Афон; Савва Крыпецкий, по преданию, сам пришел оттуда, чтобы в пределах Псковских основать обитель. Никон, ученик Сергия, действовал в Лавре, им основанной, и твердо соблюдал все подробности устава, введенного учителем. Никита, другой ученик Сергиев, был руководителем Пафнутия Боровского, который в свою очередь образовал Иосифа Волоцкого и многих других. Кирилло-Белозерская обитель на севере была рассадником пустынножителей: из нее вышли Мартиниан, Дионисий Глушицкий, ученики самого Кирилла, Савватий Соловецкий, Александр Ошевенский, Корнилий Комельский, Нил Сорский. Ей соревновала в образовании пустынных отходников обитель Валаамская, в которой воспитался Александр Свирский. Остров Соловецкий стал новым рассадником духовной жизни благодаря неустрашимости и подвигам Германа, Савватия и Зосимы. Сергий Нуромский и Павел Обнорский еще в начале XV века тронули Комельский лес в пределах Вологодских. Ученики Кирилла Белозерского и Дионисия Глушицкого проникли в глубину самой его дебри. Прибережье Беломорское, области Новгородская, Псковская, Вологодская, берега Волги, Унжи до пределов Нижнего, несмотря на грозное соседство татар, служили местами духовных подвигов для наших пу-

[1] Учен. Зап. 2-го отд. Акад. Кн. V. Архим. Варлаама Описание Сборника XV стол. Кирилло-Белоз. мон. Стр. 2 и 43.

[2] № 573.

стынножителей. В этом веке, казалось, особенно искали они не роскошных угодий природы, но самых уединенных, диких, болотных мест, для одинокой молитвы и для борьбы с природою. Замечательно в этом отношении чудесное предание о Паисии Углицком: он хотел сначала построить обитель свою на высокой горе на берегу Волги, но здание само чудесным образом переносилось за реку на болото, и Богоматерь в видении Сама наконец указала ему это место для основания обители.

До семидесяти святых мужей украшают нашу церковь в XV веке. Некоторые из них начали свою подвижническую жизнь еще в прошлом столетии и докончили в первой половине XV века; другие совершили ее в продолжение столетия; третьи наконец переходят в XVI век. Жития некоторых подвижников составлены в XV же столетии; другие записаны в последующем по преданиям устным, какие сложились тогда же. Предложим подробности об известных сочинителях и способе составления самих житий.

Мы уже знакомы с произведениями одного из жизнеописателей. Это был Епифаний, ученик Сергия Радонежского. Современники прозвали его *Премудрым*. Остались неизвестны род его и происхождение. Он был собеседником Стефана Пермского, довольно к нему близким; вел жизнь странническую, переходя с места на место; посетил Царьград, Афон и Иерусалим[1]; последнее время жизни провел под руководством Сергия; написал жития Стефана и Сергия, нам уже известные, и скончался в обители своего наставника. Где Епифаний мог получить то риторическое образование, которое ярко заметно в обоих его произведениях? Можно предположить, что на него имела влияние ростовская школа в обители Св. Григория Богослова, где выучился по-гречески Стефан Пермский.

Другой жизнеописатель, наследовавший славу и труды Епифания, был Пахомий, прозванный Логофетом. Он был родом болгарин, прибыл к нам вместе с митрополитом Фотием

[1] «Не исходя (св. Сергий) от места своего в иныа пределы разве нужды некыя, не взыска царствующаго града, ни святыа горы, или Иерусалима, якоже аз окаянный и лишенный разума, у люте мне! – ползаа семо и овамо, и преплавая сюду и оводу, и от места на место преходя» (Рукоп. жит. преп. Сергия).

в 1410 году, делил с ним уединение в Сенежской пустыни, во Владимирской области, куда святитель убегал от татар. Принесши риторическое образование к нам, по всему вероятию, из школ греческих и болгарских, Пахомий сложил много житий русских святых, церковных им канонов и похвальных слов. Сначала жил он в обители Сергиевой, где узнал Епифания и дополнил описанием чудес житие, им написанное. Митрополит Иона с освященным собором поручил ему написать житие Алексия митрополита и канон святителю. Новгородский архиепископ Иона пригласил Пахомия в Новгород и здесь поручил ему написать житие предместника своего Евфимия, жития Варлаама Хутынского, Саввы Вишерского с канонами этим святым. Особенно занимало Иону одно чудо, совершенное Варлаамом Хутынским во время пришествия в Новгород Василия Темного. За эти труды Иона дарил Пахомия и серебром и соболями. Много других поручений намерен был Иона дать Пахомию, но его звали в Москву. Здесь Василий Темный и митрополит Феодосий возложили на него новое занятие. Они послали его в Кирилло-Белозерскую обитель для того, чтобы на месте собрать предания о преп. Кирилле и написать его житие. Пахомий сам рассказывает, как он собирал эти сведения от игумена Кассиана, от учеников Кирилловых, и из них особенно от Мартиниана.

Ученики пустынных подвижников сообщали первые сведения списателям житий. Так, например, ученики Дионисия Глушицкого, Амфилохия, Макария, Михаила были уже седовласыми старцами, когда Иринарх пришел к ним в обитель и собрал предания, чтобы написать житие Дионисиево († 1437)[1].

Герман († 1484), спутник Савватия († 1462) и Зосимы († 1478), в их подвигах на острове Соловецком, сам не умея грамоте, продиктовал клирикам все то, чему был очевидным свидетелем при жизни друзей своих. Досифей, игумен Соловецкий, по настоянию новгородского архиепископа Геннадия собрал эти сведения, положил их на бумагу и потом передал в Ферапонтовой обители митрополиту Спиридону, который, будучи поставлен в митрополиты на Востоке без согласия Иоан-

[1] № 610 Синод. библ.

на III, был сослан этим государем на Белоозеро и там написал житие Зосимы и Савватия по тем источникам, какие сообщил ему Досифей[1]. Из подробностей, какие сей последний передал

[1] Все это место так любопытно, что мы считаем необходимым его выписать: «Ведомо буди о сем, яко аз священноинок Досифей, пришед в обитель преподобных на Соловки и застах еще жива преподобнаго Зосиму, его же сподобихся с братиею погрести своима рукама, и елико видех и слышах от уст его, Сие и написах, и о житии блаженнаго Савватиа и подруга его Германа. И о сем известно ми бысть, понеже аз с Германом бых в единой кельи, и написание о житии преподобнаго Савватия видех и держах у себе не единожды и прочитах со многим вниманием. Герман же той, не умея книжнаго писания, но Божиим Промыслом вразумлен бысть, Еже виде при животе блаженнаго Савватиа, и како с ним прииде на остров Соловецкый, и ангелом Божиим изгнавшим рыболовца, и о преставлении чюднем блаженнаго Саватиа, и по преставлении Саватиеве како прииде преподобный Зосима на Соловкы, и пакы Герман с ним, и видение виде божественнаго луча осиявшася на месте, идеже обитель составлена, и церковь прекрасну на воздусе, и ина многа яже виде Герман при животе блаженных отец сия вся повеле Герман клирикам писати, и писаниа того не мало было. По преставлении же Германове нерадиша о писании том; просто бо бе писано, *якоже сказоваше им Герман простою речью*, тако они и писаша, *не украшающе* речи, но точию памети ради писана жития преподобных отец Зосимы и Саватия. И некый священник прииде к нам на Соловкы от иных монастырей, и пребысть неколико время и отъиде во свояси, и писание Германово взя с собою. Нам же без написания оставшимся о житии началник места сего, и прилучися мне Досифею быти в пресловущем великом Новеграде у архиепископа Геннадия. Вопрошаше мя прилежно о устрои места Соловецкаго острова и о началниках монастыря. Аз же, елико видех, и исповедах вся подробну. Архиепископ же рече: напиши мне о житии началник монастыря вашего и очюдесех их, и еже вся ми исповедал еси. Мне же грубу сущу и недоволну смыслом на сие великое дело и много отрицающумися, он же рече: елико взумеешь, напиши ми памети ради: веру бо, рече, имам к началником монастыря вашего, яко Саватие егда на Валааме в монастыре был, Вем бо старца житием велика и свята. Аз ж приим благословение от Архиепископа, Богу поспешествовавшу ми, молитв ради преподобных отец наших Зосимы и Савватия, написах памяти ради елико возмогох, и удержа мя архиепископ у себе не мало лет, и держащу ми у собе писание то не мало лет, и бывшу ми на Беле езере в Ферапонтове монастыре, и понудих тамо пребывающа бывшаго митрополита Спиридона преписати и изложити стройно житие началник Соловецкых, и написанныя тыя памети дах ему, бе бо он тому мудр, добре умея писания ветьхая и новая, и Божиим изволением не отречеся понудити старость свою, и написа в общую ползу хотящих ревновати сих преподобных житию. Списашася жития преподобных по тридесяти летех преставления блаженнаго отца Зосимы игумена честныя обителя Соловецкаго новаго чюдотворца во славу и хвалу всесвятыя Живоначалныя Троица Отца и Сына и Св. Духа ныне и присно и во веки веком аминь» (выписано из рукописнаго жития, находящагося в моей библиотеке).

по этому случаю, видно, что жития святых первоначально слагались по преданиям изустным простою речью, но что потом этот безыскусный материал поступал в руки какого-нибудь смышленаго ритора, который украшал его цветами школьного красноречия. Драгоценнее были бы для нас эти простые первоначальные предания, но, к сожалению, их не сохранили хартии, а разве живут они еще в устах народа около тех обителей, где подвизались святые.

Житие Ионы, святителя Новгородского († 1471), было составлено неизвестным иноком Отенской обители, откуда вышел Иона, сохранив горячую любовь к месту своего духовного воспитания. Вассиан († 1515), брат Иосифа Волоцкого, архиепископ Ростовский и Ярославский, написал житие Пафнутия Боровского († 1479) по своим собственным наблюдениям, как очевидец, и по тем преданиям, какие сообщили Вассианов брат, Иосиф, и другие ученики Пафнутия: Иннокентий, дивный старец, и священноинок Исаия Черный, Пафнутиев сродник[1]. Житие Александра Ошевенского († 1479) написано было в следующем столетии (1567) в основанной им обители иеромонахом Феодосием. Оно изобилует весьма любопытными подробностями, которые обнаруживают в авторе дар рассказа. Житие Евфросина Псковского († 1481) сочинил клирик Василий спустя 80 лет после кончины святого (1561). Оно подверглось большим искажениям от раскольников и послужило им опорою для их учения о сугубой аллилуйе. В него вставлены странствие Евфросина в Царьград для беседы с патриархом об этом вопросе, прение со священником Иовом и переписка с новгородским архиепископом Евфимием о том же[2]. Паисий Ярославов, инок Спасокаменской обители, написал житие Иоасафа, князя Кубенского († 1453) по преданиям старцев обители, о которой также он составил историческое сказание (1481). Жизнь Саввы Крыпецкого († 1495) была описана пресвитером

[1] Библ. Унд. № 353, 354, 355.

[2] Библиот. Унд. № 305 и 306. В последнем номере: О хождении к царствующему граду святого, Повесть о Иеве философе и прение о святей аллилуйи, послание к Евфимию и ответ Евфимием и пр.

Василием при Грозном; Ефрема Перекомского († 1492) – учеником его Романом. Сын священника соборной церкви города Устюга по рассказам отца составил житие Иоанна, юродивого Устюжского, который жил при соборном храме и подражал в жизни предместнику своему, Прокопию. Ученики Иосифа Волоцкого († 1516) составили о нем многие жизнеописания, почти современные, по кончине своего учителя, но всех полнее – Савва Черный, епископ Крутицкий, также ученик его. Житие Александра Свирского († 1533) отличается большими подробностями, как и Александра Ошевенского: оно написано Иродионом, учеником его, 12 лет спустя после кончины Александра. В рассказе говорит нередко от своего имени боярин Андрей Завалишин, которого олень на охоте чудесно завлек в неприступную дебрь на реке Свири, где поселился Александр. Можно б было подумать, что инок Родион и боярин Андрей одно и то же лицо, тем более что сей последний один из первых разделил пустынножительство с Александром и принадлежит к числу самых усердных учеников его[1].

Предания о жизни некоторых святых сохранились в устах народа. Таков, например, Максим юродивый, московский чудотворец († 1437). Он жил в Москве во времена самые бедственные России, когда татары, засуха, голод, черная смерть попеременно терзали народ. Лишаясь всего, бегая почти нагишом в самые суровые зимы и повторяя любимое свое слово: «Хоть яростна зима, но сладостен рай», Максим своим терпением внушал бодрость духа страдавшему народу, который сохранил в устах своих предания о святом до XVI столетия, когда торжественно открыты были его мощи. Житие Паисия Углицкого в пожаре города Углича полуистлело; но народ сохранял в памяти предания о святом – и житие его было вновь написано по этим устным сказаниям.

Во многих житиях сохранены описания внешнего вида святых. Мы знаем, что Дионисий Глушицкий написал портрет

[1] Рукописное житие в моей библиотеке почерка довольно древнего. Повесть об олене напоминает подобные сказания в западных легендах о св. Евстафии и св. Губерте.

Кирилла Белозерского, служащий иконою в его обители; так и портрет-икона Евфросина Псковского написана была учеником его, Игнатием. Подробности кончины многих святых мужей передаются с такою точностью, которая обнаруживает очевидных свидетелей. Есть черты нравственного характера, переданные учениками: таков, например, дар проницания в Пафнутии Боровском, который по взгляду узнавал человека и открывал то, что таилось в душе его. Иосиф, ученик его, сообщил жизнеописателю три подобных примера.

Есть события исторические в житиях, которыми дополняется отчасти история. Таковы в том же житии Пафнутия Боровского сведения об Иване, который отравил Дмитрия Шемяку в Новгороде и потом постригся в монахи, о болезненном струпе, который был признаком черной смерти[1], и другие. Есть черты нравов общества того времени, каких нельзя найти в истории. Так, например, в житии Александра Ошевенского отец его, крестьянин Никифор Ошевен, берету боярина Ивана грамоту слободскую, идет на места, отведенные ему боярином, сзывает жильцов, ставит дворы и основывает слободу Ошевенскую, близ которой после водворяется сын его, инок Александр, и учреждает обитель[2].

Святые мужи России выходили из всех сословий, особенно же из бояр и крестьян. Между святыми XV века находим мы четверых высокого княжеского рода. Первый из них

[1] «Видение же злаго струпа оного, еже преди казах вам сице, яко бы говор водный во время бывающаго дождя, наводняющеся от телеси, из внутрьюду исходяще и дмящеся аки прыщ, не един же зрак имея, ово убо яко ягодище черленеся, ово же выспрь плоти востек и посинеша яко омертве… Комуждо на теле его черлен являшеся вред той, сии же болезновав время не мало, и по недузе том Божиим промыслом снабдевахуся от напрасныя смерти; а идеже бяше язва, место же то извну все изгни и оструписися, ацем же син во плоти их обреташеся, ти гневом Божиим по трех днех живот своей скончеваху» (выписано из рукописного жития моей библиотеки: Повесть о велицем мору в 6935 (1427) году).

[2] Библ. Унд. 276. «И приходит (Никифор) к оному боярину Ивану, и бьет челом и просит грамоту слободскую; Иван же, Видев его человека доброзрачна и речиста, и дает ему грамоту на тыя места, слобода копити, жильцов называти и дворы ставити, и оттуду и до ныне прозвася весь та слобода Ошевиева».

был Михаил Клопский († 1451), сын Симеона Гордого, законный наследник московского престола. Оставив Москву и род свой, отрекшись от прав своих, он постригся в Новгороде в монастыре Клопском; славился чтением Апостола и житий святых; переписывал «Деяния апостольские». Константин Димитриевич, сын Донского, будучи в Новгороде, признал в нем своего дядю. В народе сохранились предания, что он предрек гибель Шемяки, падение Новгороду, Ионе еще в отрочестве – святительство, Иоанну III – его славу в тот самый день, как он родился. Игнатий Вологодский († 1522), сын Андрея Углицкого и внук Василия Темного, был политическою жертвою Иоанна III: 13 лет вместе с отцом и братом он заточен был на Белоозеро. Иоасаф Кубенский и Иаков Железноборский († 1441) принадлежали также к княжескому роду.

Из родов боярских вышли: Григорий Пельшемский († 1442), ученик Дионисия Глушицкого; Савва Вишерский, уроженец города Кашина; Макарий Калязинский, из рода Кожиных, сын знаменитого воина при Василии Темном, Василия; Иннокентий Вологодский, из рода Охлебининых; Геннадий Новгородский, из московского рода Гонзовых; Нил Сорский, из рода Майковых; Лаврентий блаженный Калужский, из рода бояр Хитровых.

Из семей крестьянских вышли: Зосима Соловецкий, Александр Ошевенский, Евфросин Псковский, Иоанн, юродивый Устюга, Серапион, святитель Новгородский, Александр Свирский. Из духовенства находим только одного Евфимия, святителя Новгородского; из купцов также одного, Ефрема Перекомского. Макарий Унженский и Желтоводский вышел из людей посадских города Нижнего; Арсений Коневский был мещанин, ремеслом медник.

Замечательны иноземцы в лике наших святых или их потомки: Пафнутий Боровский был внук татарского баскака, который вынужден был русскими князьями креститься и наречен в крещении Мартином. Предок Иосифа Волоцкого, Санин, выехал из Литвы. Исидор († 1492), юродивый Ростова,

был немец родом, родственник великого магистра ливонского: он жил на улице Ростова в куще из хвороста и лето и зиму. Тихон Луховский († 1503), основатель обители на реке Лух, Макарий, митрополит Киевский, мученически убитый татарами, были родом литвины. Савва Крыпецкий († 1495) вышел из Сербии и переселился к нам с Афона. Кассиан Углицкий († 1504), грек из Мореи княжеского рода, приехал в Россию из Италии в свите Софии Фоминишны, совершил иноческий искус в обители Ферапонтовой близ Белоозера и основал монастырь в Угличе на берегу Волги.

Рассмотрим теперь, извлекая из житий, как святые мужи этого века действовали на народ и на власти. Арсений Коневский († 1444), устроив обитель свою на Коневском острове, уничтожил один суеверный обычай народа, вероятно, остаток времен язычества. На острове находился огромный утес, называемый конь-камень. Народ каждое лето оставлял на острове перед этим утесом коня в жертву невидимым духам, будто бы обитавшим около того места и охранявшим за то скот, который на летнее время приводили на остров для прокормления и оставляли без всякого надзора. Вот почему и остров назывался Коневцем. Конь, покинутый на острове, пропадал зимою, и народ верил, что нечистые духи его пожирали. Не было ли это суеверие еще остатком языческого поклонения Велесу, богу скотоводства? Арсений приступил к камню с молитвою, окропил его святою водою, – и предание говорит, что духи в виде воронов полетели от него на выборгский берег в Большую Губу, которая и поныне называется Чертовой Лахтою.

Питирим, святитель Перми, один из наследников Стефана Пермского на чреде христианской проповеди, защищал свою паству от грабежа вогуличей и вятской вольницы, поучал в домах, проповедовал в храмах, чаще всего беседовал с народом на открытом поле и пал мученическою смертью середи богослужения, во время проповеди, от руки Асыки, вождя разбойнической ватаги вогуличей и вятчан († 1455).

Новгородцы любили красноречивую проповедь святителя своего Ионы, когда он беседовал с ними в Софии Новгородской. Макарий Калязинский отличался также даром слова в беседах своих к братии и к народу. Даниил Переяславский, которого деятельность переходит более в следующий век († 1540), посвятил жизнь свою на собирание тел умерших в поле и на дорогах; он приносил их сам, и днем и ночью, в особую усыпальницу, отпевал своих мертвых, молился за их души и соорудил над ними храм во имя Пресвятой Троицы. Корнилий Комельский призирал младенцев, бросаемых родителями около стен его обители. Александр Свирский не принял милостыни в монастырь от крестьянина Григория за то, что он бесчестил мать свою, и послал его испросить у нее прощения прежде, чем примет его дар.

Святые мужи выступали нередко ходатаями за народ против сильных мира. Димитрий Шемяка разорял и грабил Вологду. Григорий Пельшемский обличил его словом и сброшен был с моста Шемякою за смелые речи. Но угрозы святого подействовали, и Шемяка отступил от Вологды на Галич. Святитель Иона долго отстаивал вольность Новгорода против притязаний на нее Василия Темного. Макарий Унженский взят был в плен татарами; но они освободили его за его кротость, и с ним вместе сорок русских пленных. Серапион, святитель Новгорода, своим ходатайством перед Иоанном III избавил от казни трех именитых боярынь, обвиненных в чародействе.

Особенно замечательны жизнеописания пустынных отходников. Это люди с высшим призванием; внутренний зов души отдается им звоном благовестного колокола из самых неприступных дебрей необозримого Отечества. По большей части они выходят из самых теплых семей, согретых нежною родительскою любовью. Нередко это дети, вымоленные у Бога теплыми молитвами отца и матери. Семи лет отдают их на обученье грамоте, иногда причетникам церковным, а иногда и светским грамотеям. Кирилл Белозерский, приняв на себя духовное воспитание Мартиниана, ученика своего, по воле его

благочестивых родителей, отдал его учиться грамоте Олешу Павлову, мирскому дьяку[1].

Весьма рано, в иных с 10, с 12 лет, открывается призвание к пустынножительству. Странники-иноки, блуждая по городами и по селам, распевая священные псалмы по улицам, приставая к благочестивым семьям, питают эту наклонность в избранных отроках и юношах своими рассказами о славных обителях, о подвижниках, сияющих в них святою жизнью. В призванных к тем же подвигам рано зачинается борьба с крепким семейным началом. Внутренний голос зовет; они покидают дом родительский, бегут в соседнюю обитель, иногда прямо в пустыню, в места безлюдные, лишенные всего. Упорная борьба отцов с сыновьями и пустынниками особенно замечательна в житиях Александра Ошевенского и Александра Свирского. Победа на стороне сыновей. Отцы следуют за ними и принимают пострижение. Иосиф Санин крепостью воли побуждает всю семью свою постричься, и лелея в келье своей престарелого отца своего, уже инока, ходит за ним, как за младенцем.

Но первые порывы к пустынножительству и уединению должны были уступать сильной воле великих наставников, приготовлявших к этой жизни. Иноческий искус был продолжителен. Опытные подвижники несколько раз отвергают покушения молодых борцов, еще неопытных в уединении, и охлаждают их пламенные порывы. «Нет, нет, чадо, – говорит настоятель Валаамской обители Александру Свирскому, – не утвердившись ногами на первой степени общего жития послушанием, как на корне, нельзя касаться верха молчанием и уединением, нельзя безвременно водиться своею волею: на все бывает свое время». После многих и многих усилий венчаются успехом первые попытки, – и желанная пустыня принимает в свои объятия ее пламенного любовника.

1 «И в та времена прилучися близ обители святаго человек некий живяше, имя ему Олеш Павлов, дияк мирский. Дело его беяше книги писати, и ученики учити грамотныя хитрости, и зело искусен сый таковому художеству. Сего Кирилл призвав рече ему: друже, сотвори ми любовь Божию, научи ми отрока сего грамоте, его же не видиши» (выписано из жития Мартиниана Белозерского).

Пустынники бывали ревнивы к месту, ими избранному, и чуждались совместников или близких соседей. Ферапонт, спутник Кирилла Белозерского, удалился от него на озеро Паское, когда Кирилл избрал себе место на Сиверском. В пределах вологодских Александр Куштский († 1439) поставил сначала келью на реке Сняжеме, а потом перешел на Кушту, где поселился уже Евфимий. Сей последний уступил ему Кушту, а сам пошел на Сняжему; пустынники дружелюбно обменялись местами своего уединения, но не остались жить вместе. Павел Обнорский пришел было в соседство к Дионисию Глушицкому и поставил келью за две версты от реки Глушицы; но пустынник просил собрата не основывать так близко от него особой обители, – и Павел удалился в Комельские леса.

Уединенная молитва и безмолвно-одинокая жизнь отходника скоро привлекали к нему братию, – и образовывалось житие общее, и строилась церквица, и благовест раздавался кругом, и князья и поселяне содействовали устройству обители. Но пустынники из среды братии, их окружавшей, все рвались к своей любимой пустыне, все алкали молитвенного уединения, которого не давала им монастырская келья. Никон, наследник Сергия, выговорил себе у братии часть дня для безмолвного богомыслия и слезной молитвы. Дионисий от Глушицы, где основал обитель, уединяется в свой любимый Сосновец, где под навесом огромной сосны он свободно весь предавался молитве и богомыслию. Святитель Иона из Новгорода любит удаляться в Отенскую обитель, печется о ней и украшает ее до конца жизни. Пафнутий Боровский, 50 лет, слагает с себя игуменство и уходит в свою пустыньку, во владения другого князя, навлекая тем на себя гнев и злобу Василия Ярославича, удел которого он покинул. Макарий от Желтых Вод за Волгой, где устроил обитель, ушел на Унжу в пределы костромские и водворился в пустыне. В частом бору около Волоколамского монастыря до сих пор существует одинокая келья, куда уединялся Иосиф.

Эта отдельная, своя пустыня нужна была созидателям общего жития для того, чтобы в ней собирать воедино свои духовные силы и укреплять их на делание общественное.

И в какое же время не нужна бывает человеку, живущему не одним телом, но духом, уединенная келья, где душа открывает себя источнику духовных сил своих и видит себя яснее при лучах высшего света!

Как маленькие пустыньки необходимы были для самих пустынножителей, так и большие пустыни, ими учрежденные, были спасительно полезны Отечеству. Миротворный воздух молитвы отсюда веял и проникал в русскую жизнь, где разыгрывались тогда последние кровавые битвы удельного периода и вражда междоусобная пылала сильнее, чем когда-нибудь, перед тем, как ей угаснуть. Такие пустыни, как хранительницы высших духовных сил народа, необходимы и всегда нашему Отечеству. Без них не полна, не освящена жизнь его и не приближена к Богу. Кто не расстался навсегда с христианством для пиров Валтасаровых, тот ни в какое время не может обойтись без Хорива и Гефсимании.

Рассмотрев содержание житий по их историческому и внутреннему, духовному значению в жизни русского народа, предложим теперь замечательные отрывки из них, чтобы познакомить, хотя отчасти, с художественным их изложением.

Святитель новгородский Евфимий († 1458) по примеру своих предместников был деятельным строителем. Он построил мост через Волхов, возобновил стены Новгородского кремля; соорудил палаты владык новгородских; посреди сада, их окружавшего, воздвиг столп с боевыми часами, звоном своим оглашавшими весь город; но особенно прославился в народе строением благолепных храмов. Пахомий Логофет, сложивший житие Евфимия по поручению его преемника Ионы, так поэтически олицетворил сонм сооруженных им храмов, согласным хором славящих своего строителя:

«Начал Евфимий к церквам прилежать, обновляя обветшавшия и воздвигая от основания новыя в славу и честь святых, не одну или две, но многое множество. Если хочешь увидеть нечто малое от великаго, поди к великому храму Премудрости Божией и возведи окрест очи свои, и там увидишь пресветлые храмы святых как звезды сияющия или как горы

стоящия, от него созданныя. Если и не голосом, то делом вопиют они и свою разнообразную красоту вещью показывая, говорят: сие архиепископ Евфимий даровал мне. Иная церковь, хвалясь своим благолепием, говорит: вот чем он меня украсил. Другая глаголет: а меня воздвиг от основания. Храм великого Иоанна Златоуста, им созданный, высоко стоя, как будто рукою его благословляет, говоря ему: за то, что ты воздвиг мне храм на земле, я умолю Творца даровать тебе храмы на небесах. Великий же храм Премудрости Божией, как град царя великаго, стоя посереди их, многими летами обветшавший и в прежнее благолепие обновленный, многими добротами и иконами украшенный, как перстом на него показует, говоря: сей мне красота и похвала! Церковь середи других храмов как будто говорит к Богу: се аз и дети, яже ми дал еси и, – как мать и царица над всеми, радуется, стяжавши такого святителя. Сам же Евфимий, предстоя посереди их в недоумении, что отвечать ему на их похвалы, воздев руки к высоте, говорит: Господи! Возлюбих благолепие дому Твоего и место вселения славы Твоея, – и так все в едино согласие его похваляют»[1].

Вот легенда-сказание, помещенная в житии Пафнутия Боровского под заглавием «Наказание святаго о милостыни». «Говорил и то блаженный отец наш, что может и одна милостыня спасти человека, если законно живет. Я слышал об одном человеке, что он до конца жизни творил милостыню. Когда же он скончался, о нем было вот какое откровение. Приведен он был к реке огненной, а на другой стороне реки место злачное и весьма светлое, и различными садами украшено. Не мог он перейти в это чудное место: страшная река мешала. Вот внезапно пришло множество нищих, и перед ногами его начали они ложиться по ряду, и сделали как мост через страшную ту реку. Он и перешел по ним в чудное то место. Мог бы Господь и без мосту перевести его через реку. Писано же о Лазаре, что несен он был ангелами на лоно Авраамово. Если и

[1] Переложено из жития, находящегося в «Великих Четиих Минеях» митрополита Макария под 11-м числом марта. В милютинских «Минеях» житие сокращено, и это место не находится.

была пропасть великая между праведными и грешными, то не требовала мосту на прохождение. Но для нашей пользы таким образом показано осуждение грешных и спасение праведного, чтобы узнали мы, ради чего те осуждены и ради чего праведный спасен был».

Поэтически прекрасны новгородские предания о Зосиме Соловецком. Пустынник был в Новгороде, собирал милостыню для своей обители и ходатайствовал за свою братию против обид и насилия рабов боярских, приезжавших на Соловки для рыбной ловли. Владыка новгородский и бояре приняли его радушно, снабдили его дарами и обещали ему помощь. Пришел пустынник и к боярыне Марфе Борецкой просить ее заступления против слуг ее, приезжавших на остров Соловецкий. Гордо повелела слугам боярыня отогнать от дому пустынника и не захотела принять его благословения. Тогда Зосима, кивая головою и отходя от дому, сказал ученикам своим: придут дни, когда жители дому сего не найдут ногами своими следов двора сего, и затворятся двери дому и не отверзутся, и будет двор их пуст. Когда же владыка и бояре написали Зосиме грамоту на владение островом Соловецким и приложили к грамоте восемь печатей оловянных: первую владычню, вторую посадничью, третью тысяцкого и пять печатей с пяти концов города, и одарили обитель многими дарами, тогда раскаялась и боярыня Марфа в том оскорблении, какое нанесла она святому мужу, и пожелала принять от него благословение. Тогда пригласила она Зосиму к себе вдом, благословилась от него со всеми сыновьями и дочерьми своими и посадила его за пир вместе со многими боярами, которых позвала также ради святого гостя. Вот сидит за трапезой честный старец, сидит кротко и молчаливо и мало вкушает пищи, наблюдая и за трапезой боярской монастырское воздержание. Вдруг взглянул он на сидевших на пиру бояр – и поразило его страхом и трепетом ужасное видение: он видит – сидят шестеро бояр спереди, а голов не имеют; еще раз взглянул он – видит то же; взглянул и в третий раз – опять страшное видение! Старец вздохнул, прослезился, поник долу и не мог уже более вкушать от трапезы. – Видение

было пророческое: когда Иоанн III со всеми силами пошел на Новгород и казнил его, тогда в числе обезглавленных бояр новгородских были и те шестеро, которых Зосима видел безголовыми на пиру у Марфы[1]. Живописно-изящны явления Зосимы плавателям Белого моря во время бурь: незримым хранительным парусом служат ладьям воскрилия его белой мантии.

Вот подробности свидания Александра Ошевенского с отцом его Никифором, который после тайного побега сына из дома узнает о пребывании его в монастыре Кирилло-Белозерском и приходит к нему для свидания. «Алексей (имя светское Александра), услышав о приходе отца, поспешил к нему, поклонился образу Спасову и Пречистыя Его Матери, и, взяв у келаря благословение, падает на землю к ногам отца своего с умилением и слезами и просит благословения и прощения: "Согрешил, отец, я не знал, что ты пришел сюда". Никифор сказал ему: "Бог простит тебя, чадо..." Отец с сыном, взяв у келаря благословение, приходят в келью сына и поклонились образу Спасову и Пречистой Его Богоматери. Отец видит жилище сына своего, как игумен и братия берегут его, какой покой ему дали. Он восхвалил Бога и сказал про себя: "О Владыко человеколюбче! Слава неизреченной милости Твоей и благоутробию! Чем воздам Тебе за Твои ко мне блага?" Алексей же пал в ноги отцу своему, проливал жалостные слезы и говорил умильные глаголы: "Отче, прости меня, я прогневал твою старость; я огорчил тебя своим замедлением и небрежением, но надеюсь на твое милосердие и чадолюбие. Не знаю, отец, что велишь сотворить рабу своему, но я хвалю Бога и воспою Господу, мне благодеявшему, за то, что Он сподобил меня увидеть моего родителя, да наслажусь я, видя доброту старости твоей, да возвеселюсь, зря седины твои, и облобызаю ноги твои, имиже ты для меня потрудился. И чем, отче, воздам тебе за труд твой, что ты для меня такой путь прошел, ища своей овцы заблудившейся или погибшей? Кто же когда видел такого чадолюбивого отца, как ты, отец мой?" И каких еще жалостных и умильных слов не сказал он отцу своему со

[1] Выписано из рукоп. жития, находящегося в моей библиотеке.

многим рыданием слезным. Никифор умилился словам сына, обнял его и сказал: "Встань, чадо". Он встал, облобызал отца своего, бросился обнимать его и долго плакал. Наплакались они оба, и когда перестали плакать, то сели. Никифор начал сыну своему со слезами жалости рассказывать по порядку, как пришел к ним человек с грамотой от него, как услышали они то, что в грамоте было написано, как стало им больно и жалко, что не надеялись они уже видеть на этом свете свое чадо возлюбленное; так и мать его от того часу доныне ни одного дня не вкусила хлеба без плача и без скорби. Тогда лишь Господь утешил сердца их, когда услышали они, что сын здоров. Начал и Алексей рассказывать отцу своему то, что с ним было, как он отстал от своих товарищей, как игумен принял его с любовью, какое было ему от игумена и братии береженье и покой. Он показал отцу своему различные одежды, червленые и багряныя, и иными различными цветами украшенные. И сказал Никифор: "Вижу, чадо, что Бог тебе помогает. Виденное больше слышанного уверяет меня. Если хочешь, пробудь здесь и другое лето". Блаженный отрок отвечал: "Не отстану от тебя, отец; ты такой путь прошел для меня, принудив свою старость. Нет, иду с тобою, и утешу печаль матери своей, и увижу любовь братьев своих, и буду с вами до конца жизни вашей, творя вам угодное. Хотел бы и, отец, пробыть здесь, но не смею и сказать о том, боясь твоего гнева". Отец же сказал ему: "Чадо, я не искушая и не лукавством говорю тебе, но истину: если хочешь, останься здесь. Увидев твое пребывание, что благодать Божия на тебе не напрасна, благодарю о том Бога; пойду домой, расскажу матери твоей, что видел, отъиму скорбь ее, утешу печаль ее и возвеселю твоих братьев. Ты же, чадо, оставайся здесь, пока Господь повелит тебе, и будешь нам в утешение в скорбях наших". Алексей сказал отцу: "Если так, отец мой, то Бог совершит любовь твою". Когда скончали беседу, Никифор лег отдохнуть, Алексей же занялся своею службою»[1].

Вот еще подобный отрывок из жития Александра Свирского. «Родители помышляли о том, как бы сочетать сына за-

1 Переложено из рукопис. жития № 276, библиот. Унд.

конным браком, а божественный юноша только и желал, только и помышлял, как бы убежать мира и вручить себя Богу. Он слышал о монастыре Христова Преображения на острове Валааме, о постящейся в нем братии, о других пустынных монастырях, где люди работают Богу и спасаются, а Бог готов к молитве и желанию рабов Своих... И вот, как будто подвигнутые Богом, пришли иноки Валаамской обители на реку на Оять ради нужд своих, и случилось им близ того села, где жили родители отрока, гостить у одного христолюбиваго мужа, а божественному юноше – проходить мимо той самой веси. Увидел он издали монахов, стоявших на берегу реки, и услышал их псалмопение. Он подошел к ним, сотворил молитву, поклонился им до земли и сказал: "Благословите меня, отцы честные". Старцы удивились смирению и целомудрию юноши и отвечали: "Бог да благословит тебя, чадо. Чего ты от нас желаешь?" – Юноша просил только молитв их. Один из странников, старец прозорливый, отгадал призвание юноши и передал ему все подробности общего жития Валаамской обители. Заплакал юноша, и загорелось в нем желание идти в пустыню...

Плодотворная беседа последовала между старцем и юношею и укрепила в нем его желание удалиться от мира. "Нам игумен не приказал отнимать детей у родителей и отвозить в монастырь: иди в дом твой с миром. Господь Сам управит путь твой!" – сказал старец юноше, который затем пригласил его к своим родителям. Им старец предсказал о сыне великое. Юноша просится у отца и матери в ближнее село за каким-то сельским делом. Отец отпускает его, также и мать, но обнимая и целуя, по обычаю матерей, и веля ему возвратиться скорее... Выходит из дому юноша, с ним нет ничего, кроме одежды, да мало хлеба ради телесной немощи. Недалеко отошел он от дому, оглянулся назад издали, увидел дом свой и сказал: "Боже! я оставил дом свой для Твоего имени..." – и долго, долго плакал. Но потом исполнился внутренней радости и быстро устремился в путь свой, чтобы не настигли его родители и не возвратили домой. Пришел он на реку Свирь, перевезся через нее; день склонялся к вечеру, наступала ночь. Видит юноша перед собою озеро, под-

ходит к его краю – озеро прекрасное, небольшое, кругом лес окружает его как стена, а ветви деревьев склонились на воду; на четыре версты лежало оно от Свири. Божественный юноша возвеселился душою, стал на молитву, долго молился со слезами и вот слышит голос, ему говорящий: “Куда желаешь дойти, дойдешь. Иди с миром. Там работай Богу, повинуйся игумену и братии, а потом придешь сюда, поселишься здесь, и многие получат тобою спасение”. Вместе с голосом великий свет явился на этом месте, где почивал блаженный. Юноша очнулся от сна, увидел божественный луч, осиявший его, и подумал сам в себе: что это значит? Слезы полились из глаз, радость наполнила душу, и он отправился в путь свой»[1].

Вот наконец отрывок из жития Даниила Переяславского († 1540), о котором Карамзин еще выразился, что оно писано «не без искусства, умно и приятно»[2]. Здесь Даниил изображен погребателем умерших странников и строителем скудельницы и храма над их телами. «Когда случалось какому страннику прийти в монастырь, все у него находили покой. Слышал ли, что какой-нибудь путник брошен на распутии или в дебрях, мертвый, замерзший ли от стужи, убитый ли разбойниками или скончавшийся каким-нибудь иным случаем, он узнавал о том подробно и давал награду, если кто указывал ему на брошенного мертвого. Ночью выходил из монастыря; никто не знало том; по словам повещавших ему находил мертвых, поверженных зверям на съедение; со многим плачем целовал их; возлагал на свои рамена и относил в скудельницу, называемую Божиим домом; пел над ними надгробные песни; полагал их в скудельную гробницу; служил о них Божественную литургию и много заботился о том, чтобы христианские тела их не были съедаемы зверями».

Народ звал тех, которые за мзду приносили мертвых в скудельницу, *зацеплянцами*.

«Однажды странный муж пришел в монастырь Горицкий (место подвигов Данииловых), муж, о котором никто не знал,

[1] Переложено из рукоп. жития, находящегося в моей библиотеке.

[2] Истор. госуд. Росс. 1819. Т. VII. 226.

кто он и откуда. Сам он не мог сказать того, потому что произносил одно только слово: дядюшка; по немоте ли он безмолвствовал, или Христа ради так юродствовал – один Бог про то ведает. Старец очень любил этого странника и много раз покоил его в своей келье. Однажды ночью, в *первозимие*, старец Данило шел к заутрене в церковь; ночь была темная; уже на полпути он был от своей кельи; вдруг споткнулся обо что-то ногами и бросился на землю, думая, что тут лежало дерево; тронул он руками и ощутил мертвого человека. Затрепетал Даниил и узнал, что это тот самый немой странник, который говорил одно только слово: дядюшка. Тело его было еще тепло, а душа отошла уже к Богу. Он одел его, пел над ним надгробные песни и отнес его в свою скудельницу, где и положил его вместе со многими другими своими странными, не переставая тужить о том, что не мог назвать в молитвах по имени такого странника.

После молитвы ночью часто выходил старец из своей кельи на заднее крыльцо: келья его находилась прямо насупротив скудельницы. Стоя на крыльце, он смотрел на нее и тужил о своих странниках. На той горе от многих лет было много скудельниц, наполненных человеческими мощами. Вот видит старец от них свет, и горят на них многие свечи. Несколько ночей сряду он это видел и дивился, умом говоря: как много угодников Своих имеет Бог, которых и целый мир не сто́ит, а мы грешные, недостойные даже видеть их, презираем их и уничижаем, и даже по отшествии их отсюда не сподобляем их погребения у святых Божиих церквей... Тогда-то пришло ему в ум соорудить на скудельницах, где часто видал он свет, храм во имя Пресвятой Троицы. Три неведомые странника, напоминающие собою трех ангелов, принятых Авраамом, явились к нему и трехлетним искусом ожидания присоветовали освятить исполнение благочестивой мысли»[1].

Замечательное явление в безличной жизни нашей Древней Руси эти Божии странники, лишенные всего и безвестно умирающие во тьме и в стуже, по дорогам и полям неизме-

[1] Преложено в сокращении из жития св. Даниила Переяславского. Библ. Унд. № 301.

римой России, безропотно, с молитвой на устах. Замечателен и этот Даниил, который бóльшую половину с лишком восьмидесятилетней жизни своей посвятил одному подвигу – собирать их тела, хоронить их и петь над ними надгробные песни, поручая имена их Господу Богу, Которому только и были они известны.

Чтением подобных повествований занимались грамотные русские люди в XV и XVI столетиях. Образцы русской святости воспитывали в народе те добродетели, какие его отличают: терпение, смирение, отвержение своей личности, способность к лишениям всякого рода. Отшельники наши могли питаться высушенною травою пополам с пеплом. Некоторые в жаркое время предавали плоть свою в жертву кровожадным насекомым и оставались полунагие по целым часам на воздухе под жалами мух и комаров. Трудолюбие и борьба с грубою природою Севера также не покидали их. Прочистить непроходимые леса, каким был Комельский, населить тундры и болота, строить храмы сначала деревянные, а потом каменные, на местах, где трудно вколотить сваю, было также их делом. В монастырях наших не процветали ни науки, ни искусства. В них не занимались алхимией и не искали, как составлять золото; в них Бертольд Шварц не изобрел бы пороха; из них не могли выйти ни Фра Беато Анджелико, ни Фра Бартоломео, великие живописцы.

В них жила сила духовная; задачею их было одержать победу духа над телом и поработить сие последнее посту и молитве. Вера преобладала над всем человеком и поглощала все его существование. Духовная словесность господствовала исключительно. Творения отцов Церкви, особенно аскетические, были известны во всех монастырях и составляли любимое чтение: таковы Иоанн Лествичник, Исаак и Ефрем Сирины. О некоторых святых в их житиях говорится именно, что они занимались списыванием книг: так, например, о Григории Пельшемском, ученике Дионисия Глушицкого, сказано, что он весь досуг свой отдавал этому занятию; Михаил Клопский в Клопском монастыре Новгорода переписывал «Деяния апостоль-

ские»; Корнилий Комельский еще в Кирилло-Белозерской обители трудился над списыванием книг; Паисий Углицкий в обители Калязинской оставил «Творения» Григория Богослова, переписанные его рукою. – И другие занятия входили в круг деятельности этих святых мужей. Дионисий Глушицкий славился в свое время иконописанием. Он же был и ковачом меди. Арсений Коневский был также медником. И важные труды физические в случаях необходимости совершались при обителях. Обитель Перекомская, основанная Ефремом, нуждалась в воде: Ефрем велел прокопать ров для соединения реки Веренды с озером Ильменем. При обители Волоколамской красуются три пруда, изобильные рыбою, из которых один носит название Гурьевского, ибо рыт при Гурии, третьем игумне Иосифовской обители; другой же безымянный, вероятно, при самом Иосифе.

Живым устным словом действовали все наши святые мужи. О Савве Крыпецком сказано, что князья, посадники, бояре и все люди города Пскова приходили к нему за советом; что богатых поучал он милостыне, а судьям внушал праведный суд. Мы приводим этот пример, потому что Савва был серб родом; но это явление общее. «Наши умники пишут, по счастливому выражению Карамзина: в старину только говорили. Святой отшельник своею молитвою соединял народ с Богом, своим словом действовал на его жизнь – и рядом с этим словом, как живое ему оправдание, совершалась самая жизнь, сильнее, чем написанная повесть, действовавшая на народ своими лишениями, трудами, бесстрастием, любовью и милостынею. Потом эта жизнь изустных преданий учеников и народа передавалась хартии; житие святого составляло тогда уже письменное сокровище и славу его обители, а потом во многих списках переходило в другие для всенародного назидания.

В течение пятнадцатого столетия над умами русскими тяготела унылая мысль о скором преставлении света, которого ожидали в 1492 году. Мы уже нередко встречались с нею в произведениях словесности XIV века. Теперь место и время обратить внимание несколько подробнее на эту мрачную меч-

ту, когда она рассеялась пустым туманным призраком и тем освободила умы от ложного и стеснительного страха.

Подобная мысль тяготила умы Западной Европы в X веке. Тогда на основании двух мест в Апокалипсисе (гл. 20, ст. 4 и 6), неправильно истолкованных, с последним мгновением тысячного года ожидали архангельской трубы, которая созовет все человечество на Страшный Суд. Это страшилище пугало людей вторично и с окончанием шестой тысячи. Но с особенною силою страх кончины мира возобновился у нас перед концом седьмого тысячелетия. Постараемся взойти к началу губительной мечты и проследить ее по памятникам русской словесности до самого 1492 года, когда она исчезла.

Зародыш этого мнения находился в апокрифическом послании апостола Варнавы, там, где сравнивается продолжение мира с неделею его творения. Св. Ириней объяснял это место для истории человечества в смысле пророческом. Так как 1000 лет перед Богом, по словам Псалмопевца, как день единый, то Творец, в шесть дней совершивший творение мира, в шесть тысячелетий совершит его историю. Как в седьмый день по сотворении мира он успокоился, так и в седьмом тысячелетии он успокоится, когда Сын придет на Суд и изменит солнце, луну и звезды. Начало же 8-го дня, когда Христос воскрес, что мы празднуем днем воскресным, означает начало нового мира с 8-м тысячелетием[1].

Это место в послании ап. Варнавы заставляло предполагать двоякое ожидание кончины мира: сначала с концом 6-й, а потом и 7-й тысячи.

О семи тысячелетиях, или семи эпохах, находим предание еще в Сивиллиных оракулах, которые принадлежат V столетию.

Надобно сказать, что отцы Церкви давали этому месту не чисто хронологическое, а символическое толкование. Число *осьмое* знаменовало у них начало вечной жизни, так как оно следует за *седьмым*, числом времени, числом седьмидневной недели, этой меры, данной Богом для измерения нашего земно-

1 Karls des Grossen Kalendarium und Ostertafel. Heraugeg. von Piper. Berlin, 1858. – Die Philosophie der Kirchenvater von Huber. Munchenm, 1859.

го существования. Таково мнение Григория Нисского. Блаженный Августин в своем творении «О граде Божием» несколько раз повторяет слово Господне, что о *дни же том и часе никто же весть, ни ангели небеснии* (Мф. 24, 36); что *несть ваше разумети времена и лета, яж Отец положи в своей власти* (Деян. апост. 1, 7), и слова апостола Павла: *сами бо вы известно весте, яко день Господень якоже тать в нощи, тако приидет* (1 Сол. 5, 2). Этими текстами Августин постоянно устранял мысль, что будто бы можно какими-нибудь числами измерить продолжение мира и определить его кончину. Патриарх Фотий около половины IX века также предупреждал паству свою против этой ложной мысли, ссылаясь на те же слова Писания.

Но другие умы ограниченные, особенно летописцы, вместо прошедшего обращавшие внимание на будущее, питали эту вредную мысль в народе. Так, Кедрин, писавший в половине XI века, указывал на 7-й день творения как на образчик седьмой тысячи, за которою последует конец мира. То же о семи веках жизни мира писал Григорий, епископ Коринфский, в половине XII века. Никифор Каллист по прозванию Ксанфопул, церковный историк первой половины XIV столетия, в своем Синаксаре хотя и говорит, что Господь скрыл тайну кончины мира от учеников Своих, но прибавляет: думают, однако, что будет она по истечении 7-й тысячи. Синаксарь Никифора у нас был известен в XV веке, на него ссылается Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе». Монах Исаак Аргирос в 1373 году также писал, что, по господствующему мнению, кончина мира последует с исходом 7-й тысячи и что по этой причине нет нужды исправлять месяцеслов; но другие говорят, что конца миру определить нельзя. Сам Исаак держался сего последнего мнения.

Присоединялось к этому мистическое толкование чисел, означавших греческие имена Христа и креста. Так как имя Моисей соответствовало 1648 годам – и столько лет длился Моисеев закон, – то и имя Христа по гречески (χριστός) означало 1480 лет. По присоединении к ним 5500 лет, как было тогда в обычае, получали 6980 год. Остальные 20 лет мир долженство-

вал быть предан Антихристу. В рукописных пасхалиях греческих исчисление лет не смели простирать далее 7000 года – и в одной из таких пасхалий за этим роковым годом, последним в пасхальном круге, следуют слова: «Горе, горе тем, которые доживут до конца веков!» Геннадий Новгородский в предисловии к своему пасхальному кругу свидетельствует также, что в одной пасхалии его времени кто-то написал слова: «Зде страх, зде скорбь» при роковом 1492 годе – слова, приводившие в смущение не только простых людей, но и ученых.

У нас не было таких каббалистических толкований на имя Иисуса Христа; но мысль о семи тысячелетиях встречается в памятниках довольно древних литературы нашей, усиливается в XIV и XV веках и простирается до самого рокового 1492 года. В первый раз находим ее в «Слове о небесных силах, чесо ради создан бысть человек», которое до сих пор приписывалось Кириллу Туровскому, но вернее может быть приписано Аврааму Смоленскому, проповеднику начала XIII века. «Устави же Бог рок на земли житиа человеческого 7000 лет, и еже что изберет в ту семь тысячь леть, то теми исполнен есть чин аггелов, отпадший с небеси». «Скончавшуся року житиа и оставшимся трем летом царствовати Антихристу, по скончании трех лет царства его послет Господь Михаила и Гавриила, въструбита в рога овня, и в мгновении ока въскреснуть мертвии».

Итак, по этому мнению, в 7000 лет праведные избранники должны были восполнить в небесах чин ангелов, спадших с неба. Последние три года седьмого тысячелетия были предоставлены господству Антихриста, а потом следовало ожидать с трепетом трубы архангельской.

Епифаний, автор жития св. Сергия Радонежского, говорит, что такой светильник в Русской земле недаром воссиял на скончание седьмой тысячи. О Стефане Пермском то же самое его слово. Просвещение Перми светом Христовой веры соединялось со мнением, что все 72 народа, на которые разделилось человечество при столпотворении Вавилонском, должны были обратиться ко Христу перед исходом последней тысячи лет

мира. Другие говорили, напротив, что не стоило Стефану изобретать пермскую грамоту только на 120 лет и что довольно было бы и русской на такое короткое время.

Из подробностей жития Стефанова мы узнаем, что март месяц считался роковым месяцем, когда ожидали кончины мира, потому что марта 21-го, как думали, создан был Адам; в марте израильтяне освободились от работы египетской; в марте вошли они в обетованную землю; в марте совершилось Благовещение, и в марте же был распят Спаситель. В 1459 году пришлось Благовещение на Пасху и, по замечанию пасхалии того времени, ожидали тогда Второго Пришествия, как записал и летописец. Это мнение коренится до сих пор в суеверной части народа русского – и кто из нас не слыхал о нем в своем детстве?

Мы встречали мысль о близкой кончине мира в поучениях Киприана, Фотия, Григория Цамблака[1]. Когда в 1408 году миротворный круг окончился, у нас не осмелились продолжить пасхальное расчисление далее 1492 года, а ограничили его только седьмою тысячью[2]. В одном Часослове[3], который назван Киприановским и, судя по всем признакам, должен быть отнесен к XV веку, читаем «Послание от невидимаго отца Господа нашего Иисуса Христа», исполненное угроз, относящихся к страшилищу того времени; здесь говорят: «а лета и времена и дни кончаются, а Страшный Суд готовится». Всевозможными казнями грозит людям это «Послание», особенно за несоблюдение пятка и середы. В грамотах некоторых архипастырей упоминается роковое *последнее сто*. Феодосий, архиепископ Ростовский, впоследствии митрополит, в грамоте своей 1455 года выражается так: «Яко же ныне прилучися седмыя тысяща *последняго ста* 63-го лета». Митрополит Филипп в послании к новгородцам 1467 года изображает им картину Страшного Суда и грозит вечною казнью за отнятие сел и имений церковных. Новгородцы и псковичи устроили в городах

1 См. ч. 3 «Ист. русск. слов.», стр. 547, 648 и 661.

2 «О ересях и расколах» Руднева. 1838, стр. 104.

3 Рукоп. Иосиф. Волокол. мон. № 365.

своих семь соборных храмов в память семи соборов святых отец и *семи веков, доводящихдо будущего века*[1].

Иосиф Волоцкий, переписывая в пустыньке своей Богородичник в 1489 году, говорит в послесловии: «*написах последняго ста* седмитысячнаго века, девяносто седьмаго лета». Впрочем, этот великий богословский ум, судя по 8-й и 9-й главам его «Просветителя», едва ли разделял суеверные мнения своих современников. На рукописи, содержащей слова Афанасия Александрийского[2], некто Тимофей Вениамин, переписчик, знавший греческий язык, оканчивая труд свой, написал: *писах к вечеру солнечнаго дне захода, седморичнаго реку века.* Книга окончена была в заключении 1489 года, когда начиналось, по суеверным мнениям современников, трехлетнее царство Антихриста, за которым ожидали уже кончины мира.

Один Геннадий, архиепископ Новгородский, стоял мыслью своею выше современного предрассудка и в послании своем к Иоасафу, архиепископу Ростовскому и Ярославскому, писанном в 1489 году, явно противоречит нелепому верованию и обличает его словами: «А в Евангелии кончина не явлено, когда будет… Мне помнится по Еноху: век работает человечеству, а семь тысяч лет человеческаго ради пременения положены. А по Богослову нам на всякой час ожидать скончания». Геннадий прибавляет к этому шутки: «Да и то мне кажется, что *однова* еретики у нас украли лета: у латинян больше нашего осьмью годами. Да еще говорят: у нас де и написано семь тысяч лет до 8 до скончания века. Я спросил у них: что же толкуете в 8? А они говорят: вот что – будете добры, придам, будете злы – уйму вас. А татары сказывают: еще у них до скончания миру, сиречь до Втораго Пришествия Христова, сто лет да два». Недаром Русская Церковь на соборе 1492 года поручила Геннадию продолжить пасхальное расчисление – и он совершил это дело[3].

1 Акты историч. Т. I. № 286.

2 Рукоп. Иосиф. Волокол. м. № 437.

3 Впрочем, автор нового жизнеописания Иосифа Волоколамского называет и Геннадия не чуждым предрассудку о кончине мира с концом седьмого тысячелетия. Твор. св. отц. Т. V. Кн. 2. Приб. стр. 255.

Для умов, одержимых грубым суеверием века, тяжела была ночь на 25 марта 1492 года. По истечении роковых трех лет господства Антихристова, которое находили современники в учении жида Схарии и его последователей в Новгороде и Москве, робкие люди в эту ночь с трепетом ужаса ожидали всемирного звука трубы архангелов Михаила и Гавриила. Можно представить себе, с какою ясною радостью проснулись эти люди в праздник Благовещения и как светлее с тех пор стало в умах русского народа. Тяжелый и нелепый предрассудок стряхнул он с себя в этот достопамятный год, когда пытливый гений Запада в лице Колумба открывал вторую половину обитаемой нами планеты и братался с нашими антиподами.

ЛЕКЦИЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Памятники светской литературы. – 1) Путешествия. – Ксенос, или Странник Зосимы. – Путешествие инока Симеона Суздальского в Италию в 1437 году. – Флорентийская мистерия: Благовещение, переданная Авраамием. – Отрывок о землях за Араратом. – Хожение Афанасия Никитина в Индию. – 2) Исторические сказания. – Повести о Тамерлане. – Новость от древнего писания о создании Царяграда и о взятии Царяграда. – Сказания о осьмом соборе и о походе Иоанна III под Новгород. – Дух летописей XV века. – 3) Сказки и сказания: «Шемякин суд», «О мутьянском воеводе Дракуле», «Синагрип, царь адоров, или Слово о Акире премудром», «Деяние и житие Девгениево Акрита», «Сказание об Индии богатой». – Притчи, загадки, изречения в сборниках. – Памятники живописи и зодчества. – Кремль. – Стих о Егории храбром.

Приступая к изложению истории словесности русской в XV столетии и обозревая сначала общим взглядом ее развитие, мы сказали: «В XV веке жизнь государственная, развиваясь сильнее, двинула у нас и жизнь общественную, что ото-

звалось и умножением памятников литературы светской». Мы рассмотрим теперь сии последние в хронологическом порядке их появления, разделив их на три отдела: 1) путешествия, 2) историческия сказания, 3) сказки.

Впереди идут путешествия на Восток и на Запад. В 1420 году иеродиакон Зосима, инок Сергиевой Лавры, через Киев совершил странствие в Царьград, был на Афоне и потом в Иерусалиме, и описал свое странствие под заглавием: «Книга глаголемая Ксенос, сиречь Странник Зосимы диакона о пути иерусалимском до Царьграда и до Иерусалима»[1]. В Софии царьградской поразил его образ Спаса Исповедника, которому можно было исповедовать грехи свои, если кто срама ради не хотел открыть их духовнику. Медную статую Юстиниана на медном коне он описывает почти так же, как и Стефан Новгородец, но с некоторыми прибавлениями: «Конь медян, и сам медян вылит, правую же руку держит распростерту, а зрит на восток, а сам хвалится на срацинские цари; а срацинские цари против ему стоят, все болваны медяны, держат в руках своих дань, и глаголят ему: а не хвалися на нас, господине; мы бо ся тебе ради, и потягнем противу ти не единожды, но многочастно». Кроме многих святынь суеверные или хитрые греки показывали ему и Ноев ковчег, и секиру Ноеву, чем он ковчег делал, и трапезу Авраамову, на ней же Авраам угостил Троицу под дубом Мамврийским, и камень, из которого Моисей воду источил, и окаменелую жабу, которая при царе Льве Премудром по улицам ходила и смертно людей пожирала. Из памятников действительно исторических Зосима нашел в женском монастыре Лепеси (Богоматери του λίβος) гробницу Анны Васильевны, дочери Великого князя Василия Димитриевича, внуки Донского и Витовта, бывшей замужем за Иоанном Палеологом, сыном императора Мануила, и умершей через три года после замужества от морового поветрия[2].

1 Путешествия русских людей в чужие земли. Ч. 2. СПб., 1837. Издание Сахарова, стр. 29.

2 «История» Кар. 1815. Т. 5. Стр. 224.

Зосима ходило по всем церквам Святой горы Афонской, а в день Преображения был на самой вершине горы. В близкий Солунь ходил он посуху, чтобы поклониться гробу Димитрия Солунского мvроточца. По пути в Иерусалим был и на острове Патмос, в местопребывании Иоанна Богослова. К самому празднику Воскресения поспел он в Иерусалим. Ни молнии, ни голубя не видал он во время полуночного явления света. Целое лето провел в Иерусалиме, видел все святые места подробно, но жалуется много на бедуинов (арапов), которые грабили его сильным окупом и мучили побоями до полусмерти. Когда Зосима возвращался назад, на корабль напали морские разбойники, ограбили путников и его самого ударили копейным ратовищем в грудь, желая добыть у него деньгу золотую.

Когда митрополит Исидор в 1437 году отправлялся на Флорентинский собор, его сопровождали Авраамий, епископ Суздальский, и инок Симеон, также суздалец, из коих последний описал с некоторою подробностию их странствие, а первый передал описание благовещенской мистерии, виденной ими во Флоренции.

Симеон в описании Исидорова путешествия[1] называет самого себя не один раз. С великою любовью принимали тверитяне, новгородцы и псковичи митрополита Исидора, когда он ехал на собор через Тверь, Новгород и Псков. Из подробностей описания видно, какая любовь везде одушевляла русский народ к святителям Церкви. Все иноземные города, начиная с Юрьева, приводили в изумление русского инока. Даже о Юрьеве он так выражается: «Град же бе Юрьев велик и каменн, несть таких у нас, палаты же в нем созданы вельми чудны, нам же, не видящим таковых, дивящеся». При всяком новом городе простодушное изумление русского путешественника возрастает. В Любеке поразили его палаты с позлащенными верхами и

[1] «Древн. росс. вивлиоф.» Новикова. Изд. второе. М., 1788. Т. VI, стр. 27. Путешествие Исидора митрополита на Флорентинский собор в 6945 (1436) году. – Путешествие инока Симеона Суздальского в Италию в 1437 году в помянутом издании Сахарова, стр. 79. «А мне Симеону и другим инокам довелось быть за другим столом… и вопроси меня един о имени, и аз поведа ему яко Симеон инок из Суздаля града…»

воды, проведенные в город, текущие трубами по всем улицам, а иные из столпов, и студеные и сладкие. В монастыре города Любека монахи принимали русских гостей весьма дружелюбно; наших особенно удивило механически устроенное поклонение волхвов перед Богоматерью с Младенцем Спасителем. В Люнебурге Симеон загляделся на фонтаны, бившие из бронзовых статуй: «истекают из тех людей из всех воды сладки и студены: у иного из уст, а у иного из уха, а у иного из ока, а у иного из локти, а у иного из ноздрию». Ниренберг показался ему хитрее всех вышеписанных городов так, что и сказать о нем не можно и недомысленно. А потом и Аугсбург величеством превзошел все преждеписанные города. Впечатления, видно, так были сильны, что русские путешественники никак не могли отдавать себе в них ясного отчета, а переходили бессознательно от одного к другому. Заметил Симеон различие наречий немецкого языка в Германии: «Аламанская земля, то есть не иная вера, не иный язык, но есть едина вера латинская, а язык немецкий же, но разной, яко Русь с сербы». Горы, покрытые нетающими снегами, понятным образом изумили жителя Русской равнины, как изумляют и теперь. «Дивны горы те и толикой высоты суть, яко облаки в пол их ходят, и облаки от них ся взимают. Снези же лежат на них от сотворения гор тех». В Ферраре Симеон удивлялся часам, устроенным в колокольне с механикою, посредством которой ангел при каждом ударе нового часа выходил к народу.

«У того столба отведено крыльцо и двои двери; и коли приспеет час ударити в колокол, и выдет из столба на крыльцо ангел, просте видети, яко жив, и потрубит в трубу, и входит другими дверцами в столб, а людям всем видящим ангела и трубу видящим, слышати мочно глас его; и потом в тот колокол великий восходяще, ангел на всяк час ударяше». Монахи в дороге, как видно, разрешали на мясную пищу, судя по тем яствам, какие покупали они в Ферраре и которых цены подробно обозначили.

Храмы (божницы) Флоренции поразили их более всего. О соборе ее, Santa Maria del fiore, выложенном из белого

и черного мрамора, дивном произведении многих зодчих и славного Бруннелеско, увенчавшего храм куполом, и о колокольне, создании Джиотто, русский инок так выразился: «И есть во граде том божница устроена велика, камень мрамор бел да черн; и у божницы той устроен столп и колокольница, тако ж белый камень мрамор, и хитрости ей недоумевает ум наш. И ходихом в столп той вверх по лестнице, и сочтохом ступени четыреста и пятьдесят». Из богоугодных заведений Флоренции Симеон заметил *лечебницу великую, и в ней за тысячу кроватей*, и богадельню немощным, и пришельцам, и странным иных земель. Перед чудотворной иконой Богоматери остановил иноков обычай итальянского народа, до сих пор существующий, выставлять восковые маленькие изображения тех чудес, которые совершены были исцелением от иконы над людьми разного возраста и пола и в самых разнообразных случаях. Деревья итальянской природы путник сравнивает с нашими: кедр, говорит он, походит много на русскую нашу сосну, а кипарис корою как липа, хвоею как ель, но хвои мало, а кудрявой, мягкой, шишки походят на сосновые. В Венеции, где по всем улицам вóды и ездят на барках, привлекла всего более внимание русского инока церковь Св. Евангелиста Марка, и особенно потому, что *гречин писал ее мусиею.* Над передними дверьми поставленные *четыре кони медные, позлащены, велики*, были также им замечены.

О Флорентинском соборе Симеон передал некоторые подробности. Он пересчитал поименно всех его участников с обеих сторон – как греческой, так и римской, съехавшихся в Ферраре. Народному самолюбию его приятно было, что в ожидании Исидора не соборовали месяцев шесть; что, когда приехал он, встретило его людей множество с великою честью, *славы ради имени Великого князя Василия Васильевича всея Руссии*; что было в Ферраре 25 соборов, и не могли ничего сотворить, *зане сила православия бе велика*, и ни в чем латины не успели.

Но когда собор перенесли из Феррары во Флоренцию, дела изменились к худшему. Симеон с тверским боярином и послом русским Фомою, сопровождавшим также Исидора,

прихаживал ночью тайно для беседы к епископу Авраамию украдкой от Исидора. Папа послал своего епископа Христофора к Авраамию уговорить его, чтобы он подписал акт соединения; Авраамий не хотел. Исидор посадил его в темницу и держал в ней неделю; вынужденный насилием Авраамий подписал. В самом деле, подпись его мы читаем в Лаврентьевской библиотеке во Флоренции на акте собора Флорентинского. Симеон часто противоречил Исидору, сносил его укоры и даже *томление*, но находил опору и убежище у Марка Эфесского, сидевшего за стражею, и принял от него благословение, сохранившее инока, по словам его, от всякого зла.

Авраамий Суздальский передал нам с большою подробностию мистерию в лицах, которую он видел в одном Флорентинском монастыре[1]. Мистерия представляла Благовещение и устроена была вверху монастырской церкви. На горнем престоле человек сановитый изображал сидящего Бога Отца с Евангелием в руке; множество малых детей, олицетворявших небесные силы, окружали престол; более пятисот свечей горело вокруг. Помост каменный, на несколько сажен вниз убранный красными занавесами, отделял нижнюю часть мистерии от верхней: здесь внизу устроена была кровать с возглавием, убранным великолепно. Благообразный отрок сидел на кровати, изображая Пречистую Деву Марию: он был в венце и облечен в дорогую девическую ризу; в руках держал он книги и читал их тихо. На самом помосте стояли четыре человека с большими бородами, с волосами по плечам, в венцах голубиных, с позлащенными кругами около их голов, в срачицах долгих, белых, широких, подпоясанных, с платом черным на правом плече, переложенным под левое: они, имея в руках разные письмена, содержавшие в себе пророчества о схождении с неба Сына Божия, изображали пророков, предсказывавших о Деве Марии. Все это видение было покрыто занавесью; но когда собрался народ, занавесь открылась и представление началось снизу, где сидела Дева, а потом постепенно переходи-

[1] Хождение Авраамия Суздальского на осьмый собор с митрополитом Исидором в лето 6495 (1437) // Древн. росс. вивлиоф. Т. XVII, стр. 178.

ло к середине, где были пророки, и к верху, где был Бог Отец. С полчаса длилось состязание пророков, свидетельствовавших перед народом письмена свои: они знаками и движениями указывали на них и *которались* между собою о том, откуда прийти спасению. Вдруг раздался гром, и открылось горнее видение Небесного Отца, окруженного ангелами. Пятьсот свечей беспрерывно двигались то туда, то сюда; дети-ангелы, небесные силы в белых ризах гремели в кимвалы и другие орудия. С самого верха от Отца по двум вервям на двух колесцах посредством третьей верви, самой тонкой, спускался вниз к Деве ангел, *отрок чистообразный и кудрявый*, в одежде белой как снег и украшенной повсюду золотом, с орарем ангельским около шеи, с крыльями позлащенными. Во время схождения ангел Божий пел тихим голосом и в руках держал прекрасную ветвь. Когда он сошел, между ним и Девою Мариею произошла евангельская беседа, несколько распространенная сравнительно с благовестием от Луки. Она заключилась словами Пресвятой Девы: «Се раба Господня, буди Мне по глаголу твоему». Ангел, отдавши Ей ветвь, возвратился на небо. Дева, приняв ветвь, смотрела горе́ на восхождение ангела к Отцу. Огонь искрами сыпал сверху и зажигал свечи, которые до тех пор не горели, и гром сопровождал его. Наконец запоны затворились и скрыли от народа это *чудное видение и хитрое деяние*.

Замечательно то простодушное сочувствие, с каким Авраамий Суздальский передал эту римско-католическую мистерию, нисколько не подвергая ее никакому осуждению, а непритворно изумляясь художественному ее исполнению и называя все это видение *пречудным* и *несказанным*.

Запад случайно привлек внимание наших соотечественников. Но на Восток предки наши стремились по какому-то особенному внутреннему влечению. Что-то тайное говорило им, что сила и владычество наши там, а не на Западе. В древние времена жизни народов инстинкт призвания сказывается прямее и истиннее, нежели после, когда его затмевает анализ ума, занесенный из чужи. Наука, разоблачая перед нами первоначальные стремления наших предков, снова наводит нас

на то, что ближе к нашей природе и что свойственнее нашему первобытному характеру.

Заметка о землях за Араратом, встретившаяся в сборнике XVI века, по мнению И. И. Срезневского, должна быть отнесена к XV веку[1]. В этом отрывке, говорит он, слышен голос человека XV столетия, именно около его половины, хотя и худо знавшего гидрографию Юго-Западной Азии. С одной стороны, находим у него названия книжные, как, например, горы Кавказские, горы Иверские и царство Иверское, царство Вавилонское, Междуречие – землю между Тигром и Евфратом, напоминающую священные предания о земном рае; но, с другой стороны, видно не одно знание книжное, а наглядное, передающее сказания самовидца. Таково обозначение дороги от Иерусалима и Цареграда в Самарканд, от Иерусалима через Сирию, от Цареграда мимо Трапезонта в Тавризу и мимо Испагани далее на восток в дальнюю Великую Орду. Царство Иверское названо именем народным *Гурзы*, откуда Грузия; море Каспийское именуется Бакинским, как оно слыло у испанцев и итальянцев того времени. Все эти страны уже привлекали русских и в XV столетии, предсказывая будущее взаимное сочувствие Востока и России, которое после оправдалось на деле и связало тесным союзом наши судьбы с его судьбами.

Но вот ожидает нас другой, более значительный памятник: «Хожение за три моря Афанасия Никитина, тверского купца»[2]. За тридцать лет до того времени, как португалец Васко ди Гама предпринял в 1497 году свое славное морское путешествие, открывшее морской путь в Восточную Индию, наш тверитянин отправился туда же через Персию в 1466 году, пробыл в Индии четыре года, составил записки о своем пути и пребывании и в 1472 году, возвращаясь в свою родную Тверь, умер на дороге в Смоленске. Тетради, его рукою писанные, привезены были купцами в Москву и вручены дьяку Великого князя, Василию Мамыреву, который, как до́лжно думать, и внес

1 Ученые зап. 2-го отд. Акад. н. Кн. 2. Вып. 2. СПб., 1856. Стр. 229.

2 Соф. врем. Ч. 2. М., 1821. Стр. 145. Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853. Стр. 330. Прибавления.

их в современную летопись под 1475 годом. Нашему ученому Срезневскому мы обязаны объяснением этого памятника[1]: он сличил его с итальянскими и португальскими путешественниками, в XV веке описавшими Индию, и вывел заключение, что только рассказы венецианца ди Конти (1444) и отчеты Васко ди Гама (1497– 1499) могут быть поставлены вровень с «Хожением Афанасия Никитина» (1466–1472); что если путешествие Васко несравненно значительнее было по своим всемирным последствиям, то наблюдения ди Конти и Никитина гораздо ценнее по обилию содержания – и Никитин в этом отношении должен быть даже поставлен выше ди Конти.

Что побудило Афанасия Никитина предпринять такое отдаленное и трудное путешествие? Как купец, он не изменил своему промыслу и привез жеребца в Индию, зная уже, что «в индейской земли кони ся у них не родят» (его выражение). В Чюнере хан чуть не отнял у него жеребца, узнав, что он не бесермянин, а русин, и желая обратить его насильно в магометанскую веру. Но русский нашел, однако, средство не изменить своей вере и сохранить своего жеребца. Он отыскал себе ходатая перед ханом, который отстоял и веру его и собственность. Это совершилось в день Преображения, в Госпожинки, – и набожный путник видел в этом событии чудо от такого святого праздника. Жеребца своего он продал в Бедери, большом торговом городе, но без особенной выгоды. Говорит он об алмазах, о родине их, об их копях, о различных качествах и ценности; указывает на важнейшие торговые города Индии. До́лжно думать, что путешественника манила ложная надежда завести большую торговлю с индийцами. «Меня залгали, – говорит он, – псы бесермены, а сказывали много всего нашего товара; ано нет ничего на нашу землю, все товар белой на бесерменскую землю, перец да краска – то и дешево; возят морем, пошлин много, а на море разбойников много». Судя по этим словам, Никитин, увлеченный преувеличенными рассказами жителей Востока, обманулся в своих торговых надеждах.

[1] Учен. зап. 2-го отд. Акад. н. Кн. 2. Вып. 2. СПб., 1856. Хожение за три моря Афанасья Никитина. Чтения И. И. Срезневского.

Выехал он с русским послом Василием Папиным и пользовался покровительством посла персидского к Иоанну III, Асан-Бега. Татары на юге были довольно к ним негостеприимны. Персия не привлекла внимания нашего путника; видно, что все оно сосредоточилось на Индии. Его поразил сначала вид наготы и черноты индийских туземцев, которые бегали за ним толпою, удивляясь белому человеку.

Подробно описывает Никитин нравы и обычаи индийцев, но с особенным вниманием – их веру. Замечательно, что когда он открылся им христианином и они из Афанасия переименовали его в Хозя Ифус Хоросани, тогда перестали перед ним скрываться и жен своих от него уже не прятали. Когда он расспросил их об их вере, они сказали ему, что веруют в Адама, называя его Бут, то есть Будда; а вера с верою ни пьет, ни ест, ни женятся между собою; едят баранов, кур, яйца, но волов не ест ни одна вера. «Индеяне вола зовут отцом, а корову матерью». Он был в Первоте, индийском Иерусалиме. Бутхана, храм Будды величиною с пол-Твери: на стенах расписаны деяния Будды, какие чудеса он творил и как являлся в образах получеловеческих и полуживотных. В этот город съезжается вся страна Индийская на чудо Бутово; старые жены и девки бреют себе волосы перед тем, как взойти в Бутхану. Подробно описан каменный идол Будды, здесь стоявший, голый, с лицом обезьяны, хвост закинут через, правую руку поднял высоко, как царь Юстиниан в Царьграде, а в левой копье. Перед ним стоит вол огромный, вырезанный из черного камня и весь позолоченный; его целуют в копыто и сыплют на него цветы, так же как и на Будду.

Заметил Афанасий обряд похоронный, как сожигают тела умерших и пепел сыплют на воду; как муж повивает у родящей жены; как отец дает имя сыну, а мать – дочери. Вот подробное описание торжественного выезда султана на праздник Байрама в Бедери. С двадцатью визирями он выехал. Триста слонов, наряженных в доспехи булатные, с окованными городками на них, а в каждом городке по шести человек, также в доспехах, с пушками и пищалями, а на великом слоне двенадцать человек; на всяком слоне по два больших прапорца (знамени); к зубам

привязаны великие мечи; к рылу – великие железные гири; человек сидит в доспехе промеж ушей, крюк у него железный великий, и тем он правит; коней простых тысяча в золотых убранствах; верблюдов сто с нагарами (барабанами); трубников 300; плясунов 300. На султане кафтан весь сажен яхонтами; на шапке чечак алмаз великий; сайдак золотой с яхонтами; три сабли на нем золотом окованы, седло золотое; перед ним бежит кафар пеший, играет теремцом (зонтиком), за ним пеших много, а тут блажной слон идет, весь наряжен в камку, большая железная цепь во рту, отбивает коней и людей, чтобы на султана не наступали близко. Брат султанов и хан Махмут, составлявшие свиту султана, выезды султана и его приближенных на потехи или увеселительные зрелища описаны равно подробно. Сообщены также сведения о войске Бедерского султана и других владетельных ханов.

Природа Индии привлекала также внимание нашего путника. Он обозначил разницу в климате многих местностей. В Бедери, в Великую ночь, то есть на Пасху, он делал свои астрономические наблюдения над небом Индии, называя созвездия русскими народными именами: Волосыни, Кола и Лось. Из животных слоны особенно не поразили его, потому, конечно, что он видал их и прежде. Обезьяны, напротив, показались ему особенным народом, имеющим свой язык и своего обезьянского князя, который ходит с ними ратью и мстит людям за обижаемых его подданных; замечательны здесь мифические предания о обезьянах из индийской поэмы «Рамаяна» и о князе их Ганумане. Обезьяны бросают по дорогам детей своих, которые родились ни в отца, ни в мать. Индейцы хватают их и обучают всякому рукоделью и пляске. Упоминает Никитин о ночной птице гукук, так названной по крику своему, птице зловещей, которая, по мнению индейцев, садясь на кровлю дома, предвещает в нем мертвеца. В Бедери на улицах видел он змей длиною в две сажени. Мускусовые олени были ему также известны. Из растительного царства Никитин заметил те плоды, из которых готовятся водки и питья вроде вина, и пряности Индии в географическом отношении где родятся. Драгоценные камни,

и особенно алмазные копи с обозначением цены локтю алмаза в две тысячи фунтов золота, были также им замечены.

Пристани Индийского моря – Гурмыз, Камбат, Дабыль и Келекот, Силян (Цейлан), Шабат описаны им подробно и верно в отношении к произведениям природы и к торговле, какую тогда вели.

Сокрушала Никитина невозможность исполнять со всею строгостью все предписания православной веры касательно постов и главных праздников. Но сколько мог он соблюдал православные обычаи древнего русского человека с удивительною настойчивостью. Правительство восточное было придирчиво к его вере и хотело насилием обратить его к своей, но в народе Индии, напротив, он встретил сочувствие. Описывая сказанный выше случай, как хан чюнерский хотел отнять у него жеребца, если он не перейдет в их веру, Никитин с отчаяния восклицает: «Ино братие, русьтии христиане, кто хощет поити в Индийскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да въскликнув Махмета да поиди в Гундустаньскую землю». Желая в пути своем соблюдать закон своей веры, Никитин запасся было еще на Руси книгами, для того нужными, но его на дороге ограбили и книги те все у него взяли. Несмотря на то, он держался своего расчету, соблюдал посты, особенно Великий, ел тогда по два раза в день хлеб и воду да молился Христу Вседержителю, Кто сотворил небо и землю, а иного не призывал некоторого имени. Несколько раз в описании своего многолетнего странствия он выражает душевную тоску по родной вере и отдает отчет своим соотчичам в том, как проводит он святые дни поста и где встречает Великий день. «Уже проидоша Великиа дени четыре в бесерменьской земле, а христьянства не оставих; дале Бог ведает что будет. Господи Боже мой, на Тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой». Отдавая отчет в последний раз в посте и праздновании Пасхи, он с отчаяния уже так выражается: «А правую веру Бог ведает, а правая вера Бога единаго знати и имя его призывати на всяком месте чисте чисто… а Велика дени христьянского не ведаю Христова Въскресениа, а говейное же их говех с бесермены, и разговехся

с ними, и Велик день взял в Келбери…» Вот наконец мысль, которая заставила его после шестилетнего отсутствия возвратиться в Отечество: когда он приехал в город Дабил, пристань на Индийском море, он раздумался о вере христианской, о крещении Христовом, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских, и устремился умом идти на Русь.

В описание своего хождения Афанасий Никитин вставил много выражений, целых речений и даже отрывков на персидском, тюркском (татарском) и арабском языках, которые он во время странствия своего, а частию, может быть, и прежде себе, усвоил. Все эти восточные вставки исследованы и переведены на русский язык нашим ориенталистом Казембеком[1]. Здесь иногда восточными языками Никитин прикрывает то, что совестится сказать по-русски. Но большею частию вставляет он на этих языках молитвенные выражения восточных народов, которым сочувствует. В одном месте молится за Русскую землю. Вот смысл этой молитвы: «Да сохранит Бог землю Русскую! Боже сохрани (ее)! В сем мире нет подобной ей земли. Да устроится Русская земля. О Боже, Боже, Боже (Боже), Боже!» Последние пять воззваний «о Боже» – на арабском, персидском, два на русском и одно на тюркском языках[2]. «Хождение» свое он заключил магометанскою молитвою на арабском языке, называемой «асмаул-лах». В молитве изложены общие свойства Бога, как существа совершенного; но Афанасий вставил в эту молитву имя Иисуса, драгоценное для христиан.

Перейдем к историческим сказаниям XV столетия. В наши летописи, с этих пор особенно, начали вставлять сказания, которые относятся к важнейшим событиям истории Востока, поскольку она связана с историей России, равно и к событиям Отечества. Мы пройдем их по порядку времени.

О страшном завоевателе Востока, Тамерлане, который у нас известен был под именем Темир-Аксака (Железного Хром-

[1] Полн. собр. летоп. Т. VI. Стр. 354–358. Примечания к статье под литерой Г. Здесь в прим. 48 встречаем слово *алафа*, жалованье, которое от татар перешло к русским. Отсюда наше *лафа*.

[2] Прим. 63 там же.

ца) и нападал на наши пределы в 1395 году, в наших летописях сохранились два сказания: одно о всей его жизни от рождения до смерти, другое о походе его на Русь. Срезневский, исследовавший оба, относит сочинение их к половине XV века. В первом из них внук Темира, умершего в 1405 году, Шах-рох (по летописи Шероух), умерший в 1477 году, именуется *владеющим ныне* Персидскою землею[1].

Слух о страшном завоевателе доходил до наших предков с Востока; молва неслась, конечно, через наших странников; но когда Тамерлан сам дошел до России и был уже в Рязанской области, в городе Ельце, в это грозное время, равно и после его отшествия, сложились те сказания, которые сначала, по всему вероятию, жили в устах народа, а уже потом были записаны и приняты в летопись[2].

Фантазия русского народа, ожесточенного против нового бесчеловечного грабителя, которого посылал нам кровожадный и корыстный Восток, прибавила много своего к тем устным сказаниям о Тамерлане, которые странники приносили к нам оттуда.

Летопись приписывает ему рабское происхождение и ремесло кузнеца. Поприще свое он начинает воровством и грабежом. За то, что он напал на пастухов и отбил у них овцу, его подстрелили в ногу – и он на всю жизнь охромел, и потому прозван хромцом, а так как, по преданию, кузнец спаял свою перебитую ногу железом, то и прозван *хромцом железным* (Темир-Аксак). Летопись высчитывает все царства и земли, какие покорил он на Востоке. Синяя орда, лежащая близ Индии, пала перед ним. Баязета и Тохтамыша он сразил в открытых боях. Русское предание рассказывает, как первого возил он за собою в железной клетке; но история не подтвердила этой выдумки. Бесчеловечность Тамерлана, воз-

1 Никон. лет. Ч. 4. Стр. 246–249, 258–264. Летописец, служ. продолж. Нестору. 1784. 195–207. Соф. врем. 405–413. Полн. собр. летоп. Т. 6. 124–128. Срезневского «Повести о Тамерлане» там же, где «Хожение Никитина», стр. 233.

2 «Его же (Темир Аксака) иногда в повестех слышахом далече суща под востоки солнечными; ныне же близ яко при дверех приближился есть и готовится и поощряется и вооружается на ны зело».

двигавшая пирамиды из черепов человеческих, отзывается и в наших о нем преданиях. Он велит засыпа́ть рвы женами и детьми; видя много детей плачущих, приказывает топтать их конями и оправдывается тем, что освободил их от злобы и скорби мира сего. У Железных ворот, прежде чем принять послов царя, напивается крови человеческой, потом извергает ее пред ними, притворяется мертвым, – и ночью, нападши неожиданно на страну, всю ее разоряет.

Но этот изверг, по преданию народа русского, смиряется перед духовною силою Богоматери. Со своими полчищами он был уже в Рязанской области. Войска его занимали оба берега Оки.

Русский народ, по слову митрополита Киприана, молитвами и постом приготовлялся к ужасному нашествию. Из Владимира двинута была и несена народом в Москву икона Богоматери, писанная, по преданию, ев. Лукою. Киприан, духовенство, князья, бояре, народ ее встречали.

Тамерлан спал на одре своем и видел страшный сон. Перед ним была высокая гора; с горы святители, имея в руках златые жезлы, не давали ему идти вперед; над ними на воздухе жена в багряных ризах со множеством воинства посылала на него грозу. Он вздрогнул внезапно, вскочил от сна, затрепетал, затрясся и сказал: что это? Князья и воеводы спрашивали его о том, что он видел; сначала он не мог объяснить им ничего; только трясся и стенал, но, пришед в себя, рассказал видение. Потом велел всей силе своей бесчисленной идти назад и сам устремился бегом, гонимый гневом Божиим и Пречистой Богородицы.

Восточные летописцы приписывают удаление Тимура из России тому, что он удовольствовался огромными богатствами, награбленными в этом походе, и боялся растерять их.

В преданиях о смерти его, какие у нас тогда сложились, участвовала русская зима. Он замыслил перед своею кончиною идти со всем своим войском к странам ордынским и к Руси; но зимою от ужасного холода множество воинов его померло в этих пределах. Ему сказали, что 100 шатров стоят пусты; он оделся двадцатью кожухами и пошел сам в шатры, чтобы ви-

деть, но не мог по причине холода, возвратился назад, и отстужи повредилась его внутренность, отчего он и умер.

Духовная сила, по преданиям народным, изгнала бесчеловечного грабителя из наших пределов, а русская зима его довершила.

В 1153 году пал Царьград руками турок и предводителя их, Магомета. Это событие отозвалось в Западной Европе и в России особенно по той духовной связи, которая соединяла нас с Грецией. Конечно, вскоре после события сложилась у нас «Повесть о взятии Царяграда», а к ней присоединилась и другая – о создании его; сношения наши с греками при Иоанне III после брака его с Софиею Палеолог еще более содействовали распространению этих повестей; позднее они были вставлены и в летопись под 1453 годом[1]. Мы обязаны Срезневскому ученым исследованием этого памятника и сличением его со сказаниями, современными событию, Леонарда Хиосского, Франца, Дуки, Лаоника Халкондилы, Энея Сильвия и других[2].

Нет сомнения, что «Повесть о взятии Царяграда» сложена была по греческим источникам и свидетельствам современником и очевидцев. Многие события согласны с известными рассказами; есть другие, в них не находящиеся. Следы греческого повествователя видны и в употреблении местоимений личных (*мы* и *наши*), и особенно в греческом произношении итальянских имен: так, например, Генуя (Дженова) превращена в Зеновию и генуэзский предводитель войск, Джустиниани, называется Застунея.

Но таинственно-роковой и нравственный смысл всей повести и сатирические применения в конце к современному состоянию нравов в России указывают явно на русского передельщика, который, пользуясь греческим материалом, влагал в него свою народную мысль.

В «Повести о создании Царяграда», предшествующей «Повести о взятии», особенно замечательно видение, бывшее

1 Никон. летоп. Т. 5. Стр. 222. Повесть от древнего писания о создании Царяграда. Стр. 231. О взятии Царяграда.

2 Учен. зап. 2-го отд. Акад. н. Кн. 1. 1854. Памятники языка и словесности. Стр. 99. Повесть о Цареграде. Чтение И. И. Срезневского.

строителю его, царю Константину, в то время, когда он готовил место для нового города на семи холмах, середи морских *глушиц*, то есть заводей, промеж двух морей, Черного и Мраморного, названного Белым. Змий вышел из норы и побежал по готовому месту; орел слетел с неба, пал на змия и поднял его на высоту. На воздухе происходила борьба между орлом и змием в глазах царя и народа. Змий одолел орла, который обессилел и пал с ним на землю; люди подоспели, убили змия и освободили орла. Изумленному царю книжники и мудрецы так объяснили это видение: будет город седмихолмный и прославится во вселенной; он станет между двух морей, и будут колебать его морские волны; орел знаменует христианство, змий – бесерменство; змий одолел орла: бесерменство одолеет христианство; но люди убили змия и освободили орла: напоследок христианство одолеет бесерменство.

Замечательно также предание, что когда Константин воздвигал в новом своем городе багряный столб, привезенный в три года из Рима, он положил ему в основание те двенадцать кошниц, благословенных Спасителем, из которых два раза Он питал народ хлебом.

Осада Константинополя рассказана довольно подробно изо дня в день. Повествующий исполнен сочувствия к защитникам города. С особенною любовью изображены героями генуэзский полководец Джустиниани и сам император Константин, до конца защищающий свою столицу, громящий врагов ее и великодушно падающий под ее развалинами. Ненавистен только между христианами этот серб, который подносит отрубленную голову славно падшего христианского царя султану Магомету, победителем вступившему в город. Эта подробность, по всему вероятию, принадлежит какому-нибудь греку, ненавистнику сербов.

Над всем этим рассказом, над всеми историческими обстоятельствами события носится мрачная идея необходимой кары Божией. Когда защита города пошла было успешно и Магомет должен был усилить действие осады, внезапным заревом озарился Царьград. Из окон свода Св. Софии исходи-

ло пламя, окружило всю шею церковную, собралось воедино и взошло на небо: отверзлись небесные двери, приняли этот свет и затворились снова. Патриарх Анастас, утром собрав бояр и советников, пошел к царю и объяснил знамение огня, востекшего от Софии к небу, тем, что милость Божия оставила город, и он неминуемо будет предан врагам. Патриарх уговаривал царя с царицею оставить столицу, но не мог убедить их. Царь решился умереть, защищая свое наследие. Когда великодушное мужество царя отбило турок от города и даже поколебало настойчивость в Магомете, задумавшем отступление, – ночью внезапно великая тьма покрыла город, воздух сгустился, подобие буйволова червленого ока написалось в облаках над городом и из него капали слезы великими каплями. Все опять пришло в ужас. Патриарх снова явился к царю и сказал: ты видел в огне, взошедшем на небеса, отшествие от нас Святого Духа; ныне уже тварь проповедует погибель города. Молим тебя: выдь из него, да не погибнем все вместе. Но царь и тут устоял в своей решимости погибнуть вместе со своим городом. Шестьсот турок пало от руки его прежде, чем он сам пал на защите Царьграда.

Так неизбежная кара Божия постигла Византию, по главной мысли сказания. Повествователь утешается пророчеством, что русский народ некогда сразится с измаильтянами и воцарится в Седмихолмном городе. Трудно дойти до источника этому предсказанию; но оно находится не в одних русских, а и в греческих источниках. Греки говорят о *народе русом* (τо ξανθον γέος), который победит Исмаила и овладеет Седмихолмным. Не одни русские относили это имя к себе по народному славолюбию, но есть тому и греческие свидетельства, перешедшие в грузинскую летопись[1].

Нравоучительный и иронический конец повести, заключая в себе ясные намеки на современные нравы России, обличает очевидно русского сочинителя. Главная причина падения Царьграда была отсутствие правды в судах. «Греки праведный суд злоимали, да осуждали неповинно по мздам».

[1] См. 91 прим. к «Повести о Цареграде» И. И. Срезневского.

Магомет, воцарившись в Царьграде, нашел, что судьи судили по посулам, и велел им отложить лихоимство. Поступки его с неправедными судиями ужасны: он велел содрать с них кожу, на кожах набить бумаги, написать на них преступления их неправды и прибить их в судебнях гвоздями железными: без такой грозы правды в царство нельзя ввести: правда Богу – сердечная радость; как конь под царем без узды, так царство без грозы.

Вот изображение безнравственного поля, которым судились у нас в XV веке: один запрется и скажет – не бивал и не грабливал; другой для своего бою грабеж утвердит; оба истца крест поцелуют и на поле бьются; Богу изменят и сами навеки от Бога погибнут. В крестном целовании греки не ставили греха. Но обвинение греков здесь явно касается порока времени.

Магомет ввел правый суд в свое царство и вывел ложь, и воздал Богу сердечную радость.

Кроме правосудия как нравственной опоры царства царю необходимо постоянное и бессменное воинство. И в этом отношении Магомет представляется образцом для христианских государей. У него войско царское с коня не сседает и оружия из рук не выпускает. Он тешит войско жалованьем (алафою), да и речью своею: «Не скучайте, братия, службою; мы на земле не можем без службы быть!» Хотя мало царь *оплошится* и *окротеет*, ино царство его оскудеет. Ангелы Божии, небесные силы, ни на один час пламенного оружия из рук своих не выпускают, хранят и стерегут род человеческий от Адама, да и те небесные силы службою своею не скучают. Мудрый царь веселит сердца воинов: тем он силен и славен.

В числе причин, по которым пало царство греческое, полагается и нравственное состояние его войска при Константине. Вот какие премудрые слова о том влагаются в уста султану Магомету: «В котором царстве люди порабощены, в том царстве люди не храбры и к бою против недруга несмелы: ибо порабощенный человек срама не боится и чести себе не добывает, а говорит так: хоть богатырь или не богатырь, однако я холоп государев и ко мне имени не прибудет. А в царстве Кон-

стантинове, при царе Константине и у вельмож его лучшие люди все порабощены были в неволю; цветно́ было видеть полки его вельмож, да против недруга не держались крепкого бою, смертною игрою не играли и с бою утекали». Магомет Салтан, по слову древнего русского книжника, еще такую мудрую речь сказал своим воинам: «Братья, все мы дети Адамовы; кто у меня верно служит и против недруга люто стоит, тот у меня лучший будет».

Возвращаясь в заключение к мысли о том, как царство Константиново погибло неправдою, пуская татей и разбойниковь на откуп, как греки тем ослабели, что правду потеряли и Бога разгневали неутолимым гневом, русский утешается мыслью, что греки хвалятся нынче благоверным и вольным царством и царем русским. Но касательно правды в нашем царстве русский книжник не ослеплен, а вот каким ироническим словом, слышанным будто бы от какого-то латинянина, заключает он свое повествование о Царьграде: «Правда, лучилось нам бывать в русском царстве для разведывания о вере христианской, они истинно этой веры; велика милость Божия в земле их; но если бы к той истинной вере христианской да правда турецкая была, с ними бы ангелы беседовали, и если бы к правде турецкой да вера христианская была, и с ними бы ангелы беседовали».

В веке Шемякина суда, видно, неправда так превозмогала на Руси, что и правда турок казалась желанною для людей, думавших крепкую думу о своем Отечестве.

К числу исторических сказаний, вставленных в русские летописи XVI века, принадлежат еще два: 1) О осьмом соборе[1] и 2) О походе Великого князя Ивана Васильевича на Новгород[2]. Первое внесено в Софийскую летопись под 1438 годом. Оно по содержанию своему принадлежит более к истории Русской Церкви. Обильный богословский материал его показывает, что у нас были свои книжники, начитанные в богословских сочинениях и вполне вооруженные для по-

[1] Полн. собр. русск. летоп. Т. VI. Стр. 151.

[2] Соф. врем. Т. 2. Стр. 107.

добных состязаний. Греки, бывшие в России, предали нас; но Марк Эфесский на Флорентинском соборе служил опорою для православных русских, на нем бывших. Другое сказание о походе Иоанна III под Новгород встречается в «Софийском временнике» под 1471 годом. Оно написано, по справедливому замечанию архиепископа Филарета, в духе московского правительства и, вероятно, под руководством митрополита Филиппа, если не им самим. Вся кара, от Москвы разразившаяся над Новгородом, представлена здесь как наказание за отступление его от православия к латинству.

В Софийской второй летописи это событие рассказано не с такой официальной точки зрения[1]. Но все же заметно, что древний вечевой дух Новгорода ослабели пал перед единодержавною Москвою. Раздоры новгородцев, выдававших друг друга, еще более уронили его, нежели карающий скипетр Москвы. Значителен голос ходатая владыки новгородского, Феофила, со всеми священниками всех семи соборов Великого Новгорода перед Иоанном III: «Меч твой и огнь ходит по Новгородской земле, а кровь христианская льется: смилуйся над своею отчиною, уйми свой меч, утоли огонь, чтобы кровь христианская не лилась». С беспристрастной точки зрения смотря на это событие, видишь, что великое государственное единство России и историческая необходимость в свое время требовали новгородской жертвы; но единство сокрушило свободу и стерло цвет жизни до другого времени.

За исключением некоторых официальных сказаний, внушенных духом правительства московского, летописи наши остаются верны правде исторической там, где они проникнуты мыслью веры и где связывают свои предания с духом древнейшей летописи Нестора и его продолжателей[2]. С сочувствием рассказывает летописец под 1407 годом подвиги Улиании Вяземской, которая ножом защищалась против князя смоленского Юрия, хотевшего посягнуть на ее целому-

[1] Полн. собр. летоп. Т. 6. Стр. 200. О поезде Великого князя в Великий Новгород.

[2] Никон. летоп. Т. 5. Стр. 28.

дрие. Благоразумно замечает он, как самые ужасы татарского владычества приносили нам нравственную пользу в разгаре удельных междоусобий, заставляя снова вспоминать о Боге, о любви Его и правде. С отвращением передает летописец, как жестоко русские воины поступали с татарами во время осады псковского города Опочек[1].

Кроме путешествий и исторических сказаний мы находим в XV веке произведения, в которых участвует фантазия с примесью сатиры и иронии, столько сродных духу русского народа. Есть произведения оригинальные и заимствованные в этом роде: таковы «Суд Шемяки», «Сказание о мутьянском воеводе Дракуле»; «Синагрип, царь адоров и Наливския страны, или Слово о Акире премудром»; «Деяние прежних времен и храбрых человек, о дерзости и о храбрости и о бодрости прекрасного Девгения»; «Сказание о Индии богатой». Последние три были помещены при том самом «Хронографе», при котором находилось и «Слово о полку Игореве». Рукопись, по всему вероятию, принадлежала к XV веку и погибла в пожаре 1812 года. В сборниках того же столетия встречаются нередко притчи и загадки, которые исстари нравились нашему народу. Многие из них он до сих пор сохраняет в своих изустных преданиях.

«Шемякин суд» остался в наших летописях памятью неправды, которая господствовала в последние времена уделов в XV веке и олицетворялась в Дмитрии Шемяке, последнем лукавом представителе отжившего удельного права. В одном старинном «Хронографе», показанном у Карамзина, говорится: «от сего убо времени в Велицей Руссии на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася *Шемякин суд*». Трудно дойти до источников нашей сказки о Шемякином суде. Г. Пыпин. ее издавший[2], указывает на сходства в ней с одним буддийским преданием, находящимся в тибетском «Дзанглуне», сборнике подобных религиозных преданий; но эти сходства не могли

1 Там же, стр. 8, 19 и 93.

2 Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. 1859. Кн. IV. «Шемякин суд», статья г. Пыпина.

привести ни к какому положительному заключению о происхождении нашей сказки. Передадим ее содержание.

Жили два пустынника: один богатый, другой убогий. Убогий попросил у богатого лошади из лесу дров привезти. Богатый лошадь дал, но убогий просил хомута; богатый рассердился на убогого за то, что у него и хомута нет, и, дав лошадь, хомута не дал. Убогий должен был дровни свои привязать к лошади за хвост. Наклавши дров, сколько было можно, он возвратился домой и, отворив ворота, позабыл выставить подворотню; ударил лошадь кнутом, лошадь рванулась изо всей мочи и оторвала себе хвост. Убогий привел к богатому бесхвостую лошадь, но богатый не хотел брать ее, а пошел в город к судье Шемяке судиться с убогим. Убогий пошел туда же. Дорогой остановились оба они у попа по знакомству. Поп с богатым сели за ужин, стали есть, пить и веселиться, а убогий лежал на полатях и смотрел на них: его не позвали. Вдруг убогий сорвался с полатей, упал на зыбку, где лежал попов сын, и задавил его до смерти. Поп тоже отправился в город к судье Шемяке судиться с убогим в убийстве сына. Все трое вошли в город, где жил судья Шемяка. Убогий шел мостом, мост сделан был через ров, под мостом во рву житель того города вез отца своего в баню. Убогой, видя беду неминучую от двух просителей, с отчаяния бросился с моста в ров, упал на старого человека и до смерти убил его. Все трое поймали убогого и привели к судье Шемяке. Убогий взял камень, завернул в платок, положил в шапку и стал перед судьей. Шемяка, вообразив, что это подарок, все три дела решил в пользу убогого: он велел ему не отдавать богатому лошади, пока у нее хвост не вырастет; у попа взять попадью, и прижив с нею сына, возвратить попу; сыну убитого отца броситься с моста на убогого и убить его до смерти, как убогий убил отца его. Все истцы заплатили еще убогому за то, чтоб он не настаивал на точном исполнении судейского приговора. Когда же Шемяка через своего человека потребовал от ответчика обещанного посула, он показал ему завернутый в платке камень и сказал: это был не подарок, а камень, кото-

рым я хотел убить судью, если бы он не решил всех трех дел в мою пользу. Шемяка благодарил еще Бога за то, что остался цел. Русской народ в этой сказке, как и во многих других, с хладнокровной иронией выставляет бессмыслицу неправого суда и произвола власти.

Изданием «Сказания о мутьянском воеводе Дракуле» мы обязаны также г. Пыпину[1]. Оно издано по древнейшему списку Румянцевского сборника[2]. Карамзин первый познакомил нас с содержанием этого памятника и указал на исторический его источник[3]. Востоков догадочно приписывал сочинение этого сказания дьяку Федору Курицыну или комунибудь из его свиты на том основании, что повествователь видел, как сам говорит, в Венгрии сыновей Дракулиных при короле Матфее, а дьяк Федор Курицын был послан в Венгрию Иоанном III в 1482 году. Г. Пыпин подвергает, однако, сомнению это предположение.

Дракула есть лицо историческое, известное по летописям Молдавии. Безумные его неистовства записаны в истории[4]. Он отличается ими и в «Сказании», которое имя Дракулы порусски переводит дьяволом: послам турецким, которые, по обычаю земли своей, стоят перед ним в шапках, он велит прибить их к головам железными гвоздями; на войне с турками у воинов своих пересматривает раны: раненных спереди награждает, раненных в спину сажает на кол; послов иноземных подвергает той же участи, когда они не умеют отвечать ему на его загадочные вопросы; собирает всех нищих земли своей в дом, угощает их вдоволь и потом, спросив их: чего еще им надобно? – предлагает им: не хотят ли быть на этом свете без печали и нужды? – хотим, отвечают они. Тогда велит он запереть дом и сжечь его вместе с ними.

---

1 Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. Стр. 344. Объяснение сказания – стр. 2, 15.

2 Опис. Русск. муз. № 358. Стр. 511.

3 «Истор.» Кар. Т. 7. Стр. 230 и прим. 411.

4 Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. Соч. Палузова. Стр. 70 и 74.

Два монаха латинских пришли к нему: каждого из них по очереди он повел кругом двора своего, где сидело множество людей на колах и косах. Дракула спросил у монаха: как ему кажется: хорошо ли это? Монах отвечал: нехорошо; государю надо быть милостивым; сидящие на колах – мученики. Другой монах, позванный на то же кровавое зрелище, на тот же вопрос отвечал: ты, государь, поставлен от Бога казнить лихо творящих, а добро творящих жаловать, лихотворящие восприняли по делам своим. Первый монах, говоривший правду без лести, был посажен на кол; второй же, льстец, пожалован 50 червонцами.

Привычка к жестокости так была сильна в Дракуле, что когда он на войне был взят в плен королем венгерским и посажен в темницу, то и здесь не оставил своего злого обычая, а, ловя мышей и покупая птиц, казнил их, сажал на кол и отсекал им головы.

Чтобы возвратить свою свободу, Дракула согласился по предложению венгерского короля переменить греческую веру на латинскую, сел опять на молдавское воеводство и был убит на войне с турками.

Этот чудовищный образчик бесчеловечия XV века под личиною государственной правды представлен так объективно, что трудно отгадать здесь цель рассказчика. Только русское имя дьявола, перемена веры и позорная смерть от турок говорят явно, что он не оправдывает кровавых казней Дракулы, которые и у нас сильно начинались в то время и обещали уже изобилие потоков человеческой крови в следующих столетиях.

«Синагрип, царь адоров и Наливския страны, или Слово о Акире премудром», как называется повесть в позднейшей редакции, есть переделка из арабской сказки, взятой из «Тысячи и одной ночи». Переделка сделана с греческого перевода. Еще Карамзин, напечатавший из нее отрывок[1], указал на ее источник; но г. Пыпин произвел над этим памятником обширное исследование[2]. Синагрип есть искаженное имя Сен-

[1] Истор. гос. Рос. Т. 3. Прим. 272.

[2] Очерк. литер. Истории стар. пов. и сказ. русских. Стр. 63.

хариба, царя Аравии; Акир превращен из Гейкара, Наливские страны – из Ниневийских. Вся история передается в русской сказке от имени самого премудрого Акира, *книгочея*, который, не имея детей, усыновил себе племянника Надана, заплатившего дяде грубою неблагодарностью. В передельщике заметно желание приноровить сказку к нравам и обычаям русским. Наставления Акира Надану хотя первоначально заимствованы из подлинника, но переделаны на свой лад и образовали особое поучение, которое вставлено в сказку, но встречается от нее отдельно. Сожалеем, что памятник до сих пор не издан. За подробностями мы отсылаем к ученому исследованию г. Пыпина.

«Деяние и житие Девгениево Акрита» есть, по мнению г. Пыпина, византийский героический роман, или отрывок из отдельного эпоса византийско-палестинского, содержащего сказания о героях и богатырях. Впрочем, подлинник самой сказки в греческих источниках не отыскан. Карамзин познакомил нас с небольшим отрывком из сказки, как она записана была в сгоревшем сборнике, содержавшем «Слово о полку Игореве»[1]. Г. Пыпин издал нам сказку, к сожалению неполную, по списку из Погодинского древлехранилища, потому что полной не отыскалось[2]. Конец дополняется свидетельством Карамзина о ее содержании. В сказке мы видим ясно борьбу христианской веры с мусульманскою. У набожной вдовы-христианки три сына и дочь, рожденная близнецом вместе с младшим сыном. Амир, царь аравитский, похищает дочь в отсутствие матери и сыновей ее. Три брата по приказанию матери едут добывать сестру и отомстить позор семейный. Они побеждают стражу Амирову и доезжают до него самого. Меньшому брату выпадает жребий сразиться с Амиром за сестру. Амир побежден, но соглашается принять христианскую веру, чтобы только жениться на деве, которую сохранил он чистою. Амир крестился; мать невесты благословляет свадьбу. От этого брака родится Акрит, а в крещении прекрасный Девгений, богатырь чудной

1 Ист. гос. Росс. Т. 3. Прим. 272.

2 Очерк. Стр. 316. Исследование. Стр. 85.

красоты и силы. По 11-му году он начинает играть копьем, по 13-му на добрых конях ездить. Сам юноша *красен вельми*, *лице его* как *снег*, *румяно* как *маков цвет*, волосы как золото, очи большие, как чаши. Отец его дает ему коня белого, что голубь, а в гриве звонцов множество: как юноша начнет на том коне скакать, а конь под ним играть, от гуденья звонцов люди ума лишаются.

По 14-му году Девгений отправляется на звериные ловы. Всех дивит он своей храбростью и силою: лось, медведь и еще какой-то чудный зверь со свирепою пастью падают от руки его. Отец в восторге от охотничьих подвигов сына, но пора ему приниматься и за ратные подвиги. Отец сам омывает у чудесного источника тело сына от пота и крови звериных, и тут же омытый Девгений поражает четвероглавого змея, внезапно прилетевшего; но отец омыл его снова, нарядил в драгоценные одежды и убранства, посадил на коня со звонцами: заиграл под ним конь, загудел в звонцы, и приехал он в дом к матери, и не могла она нарадоваться на сына, любовалась на него, целовала его, и стой поры задумал Девгений о делах ратных.

Затем описаны два его подвига: над царем Филипатом и его воинственной дочерью Максимианою, над Стратигом-царем и такою же дочерью его Стратиговною, которая, по предсказаниям книжным, должна быть его супругою 36 лет. В этих подвигах все уступает его чудесной силе, а сила его вот в чем, как сам он говорит девице Максимиане: «Не имею ни от какова человека помощи, кроме милости Божьей и материнской молитвы: та мне поможет».

В этой сказке, которой источник решительно неизвестен, отзывается древняя страсть нашего народа к богатырским преданиям. Меньшому брату удается подвиг освобождения сестры: за меньшого всегда поэзия, как за жертву в действительной жизни древнего родового быта. Прекрасен образ Девгения на белом, как голубь коне, коне музыкальном, с его гудящими в гриве звонцами. Это создание своею грацией достойно истинного художника. Но внешний прекрасный образ исполнен и нравственного смысла: отец сам, своею

рукою омывает сына от нечистой звериной крови, чтобы приготовить к ратным подвигам, а сила его на войне – Божия милость да материнская молитва, которая, по смыслу древнего русского человека, со дна моря вынимает.

Третье «Сказание об Индии богатой», находившееся в том же сгоревшем сборнике, по словам Карамзина, заимствовано из мнимого письма пресвитера Иоанна к Мануилу, греческому императору. Пресвитер Иоанн был вместе, как говорится в письме, и царем Индии, владычествовал над 72 царями и переписывался с папами и европейскими государями. По иным, это был татарский хан, обращенный в христианство несторианскими миссионерами. Чудеса, рассказываемые здесь об Индии, вроде того, что люди там не лгут, бледнея от лжи, как мертвецы, что улицы намощены драгоценными камнями, привлекали наших древних читателей к этому «Сказанию», которое не было еще подвергнуто до сих пор ученому исследованию[1].

В сборниках XV века нередко встречаются притчи и загадки, столько любимые русским народом. Их колыбель – Восток; они нравятся умам младенчествующим, как все таинственное. До́лжно думать, что в монастырях наших древние русские люди занимались этими мистическими вопросами и остроумными на них ответами. Сюда же отнесем и нравоучительные изречения, кратко и сильно объемлющие какую-нибудь полезную для жизни истину. Приведем несколько примеров[2].

Вот загадки: кто, не родившись, умер? Кто, родившись, не умер? Кто умер и не истлел? Не родившись, умер Адам, родившись, не умер Енох, умерла и не истлела жена Лотова. *Вопрос*. Древян ключ, водян замок, заяц убежал, а ловец погиб. *Ответ*. Моисей ударил жезлом море и прошел, а фараон погиб. – *В.* Который пророк дланию семь небес покрыл? *О.* Когда Предтеча крестил Господа и на него руку положил

1 «Истор.» Кар. Т. 3. Прим. 272 и 282. Очерк Пыпина. Стр. 89. Напеч. В 4-й кн. «Летоп.» г. Тихонравова.

2 Заимствованы из сборника Иосифова монастыря, № 529.

в Ирдани, тогда семь небес покрыл. – *В.* Пришел богатый к нищему, много имея, а одного не имел. *О.* Христос пришел к Иоанну, не имея крещения. – *В.* Сколько времени Адам был в раю? *О.* Столько же, сколько Иисус Христос страдал на кресте. – *В.* Отчего в 25-й день глаголемого римлянами марта месяца Христос в утробу Девы вселился? *О.* Оттого что в тот день создал Бог Адама, и в том же месяце все древа и былия и животные в плодоносие и чадородие подвижутся.

Вот притча о составлении тела человеческого. Что есть? – говорит Писание. Когда земля опустеет, царь изнеможет и сильные его разъедутся, тогда разрушатся каменные грады, источники иссякнут, ветры не возвеют, пути великие запустеют, перестанут жернова молоть, море великое умертвится, многолиственные древеса опадут, плодовитые опустеют, скоты разъидутся, рабы и рабыни от глада изнемогут. Тогда царь сойдет с престола своего и от гнезда своего улетит, как твердо заклепанная голубица. *Толк.* Опустеет земля: не здраво будет тело; царь изнеможет: ум отымется; сильные разойдутся: помыслы погибнут: разрушатся каменные грады: разрушатся кости человеческие; источники иссякнут: слезы из очей перестанут; ветры возвеют: дыхание отымется; путь великий запустеет: проход гортанный; перестанут жернова молоть: зубы; затворятся врата и двери: уши и уста; море великое умертвится: утроба человеческая; многолиственные и плодовитые древа опадут: многоглаголивый язык и словесные уста уложатся; скоты разойдутся: лукавые помыслы; рабы и рабыни от глада изнемогут: руки и ноги без крови ослабеют. Тогда царица изыдет от престола своего, как твердо заклепанная голубица от гнезда своего, изыдет душа из тела человеческого о Христе Иисусе, Господе нашем.

Вот нравоучительные изречения из «Пчелы». – В друзьях верных не ищи врага, ни в злых друзьях друга верного. Тать ненавидит солнца, а гордый кроткого. Пчела на звон летит, а мудрый на полезные слова. Ни птицы упущенной скоро не поймаешь, ни злого слова из уст исшедшего возвратить не можешь. Стар, а несмыслен, как вретище обветшавшее, никому

не на пользу. Ум без книг аки птица опешена, как она взлететь не может, так и ум не домыслится совершенного разума без книг. Свет дневной – слово книжное, его же лишившись, безумный как в тьме ходит и погибнет вовеки. Василий сказал: что это изрек Господь? Не мечите бисера Моего пред свиниями, да его не попрут ногами. Бисер – книжные слова, а свиньи – безумные человеки, непослушные правому учению. Кирик сказал: умному тайну открыть – как уголь горящий в воду бросить, а безумному, как искру в сено впустить.

Вот такие же изречения из «Пролога». Отеческая клятва сына иссушит, а материнская искоренит. Благословение отчее утверждает домы чад, а молитва матери спасет от напасти. Молитвы отца не забудет Бог; не забывайте материнского труда, болезни и печали о чадах.

Вот отрывки из поучения о нравах добрых и злых. Четырьмя делами темен бывает ум: ненавистию друг друга, похулением, рвением, злословием. Четырьмя делами пуста бывает душа: немолчанием, нелюблением труда, хотением плоти, скупостию.

Монастыри были тогда единственным прибежищем образованности для народа русского. Премудрые изречения переходили через иноков из книг в уста народа, и до сих пор еще многие из них сохранились в устном предании. Политическое освобождение Отечества, сношения с Грецией и Италией, внесение светских стихий в словесность были причиною того, что искусства образовательные начали сильнее у нас развиваться в XV веке. Здесь не место излагать их историю, но нельзя не указать на те наиболее значительные памятники, которые от него нам уцелели.

В храмах Кремлевского дворца есть иконы самого чистого византийского стиля, который устное предание ведет от переезда к нам Софии Фоминишны Палеолог и греков, ее окружавших. Таковы храмовые иконы в церкви Спаса за Золотою Решеткою: Всемилостиваго Спаса, по преданию, комнатная икона самой Софии, Логгина сотника, Феодора Стратилата, Иоанна Предтечи. Икона Логгина сотника здесь

находится по благочестивому преданию в роде великих князей московских, что великомученик Логгин сотник дан был от Бога помощником всему их роду: они относились к нему особенно во всех задушевных своих молитвах[1]. Все эти четыре иконы писаны греками и носят на ликах и в пошибе письма явные следы лучшего национального византийского стиля. В церкви Воскресения Словущего до́лжно еще указать на икону Иоанна Богослова. Летописи упоминают о том, как великие князья и цари хранили у себя многоценные иконы греческого письма от своих прародителей.

В начале XV века был у нас свой иконописец, монах Андрей Рублев; его иконы ценились на Руси наравне с иконами греческого письма[2]. Мы имеем живописные памятники его кисти, которые могут нам подтвердить мнения наших предков. В 1408 году[3] он расписывал вместе с товарищем своим Даниилом, городецким жителем, соборную церковь Богоматери во Владимире. При Екатерине II эта древняя иконопись должна была уступить место академической; но ее приняли в свой храм крестьяне села Васильевского[4].

Известному нашему художнику Подключникову мы обязаны открытием ее в новое время. По копиям, снятым с подлинников, мы можем верно судить, что иконное письмо Рублева достойно было образцов византийских: та же величавость стиля, та же колоссальность размеров.

Лишь только Москва вошла в силы, лишь только стали мы свободны от варварского ига, как немедленно обнаружили сочувствие к западному образованию в том, что оно предлагало прекрасного. Из всех стран Европы в XV веке Италия первенствовала, развивая искусство в его классическом

1 Никон. летоп. Т. 5. Стр. 56.

2 «Ист.» Кар. Т. 9. Стр. 458.

3 Т. 5. Стр. 238.

4 Это село, принадлежащее гр. Шереметеву, находится во Владимирской губернии, в Шуйском уезде, в 17 верстах от Шуи. Копии, снятые с некоторых икон, можно видеть всегда в мастерской Н. И. Подключникова. Голова же ангела дает понятие о величавых размерах иконописи.

изяществе. Мы особенно сочувствовали ее зодчеству. Целая семья архитекторов итальянских явилась у нас. Московский Успенский собор, освященный в 1479 году, есть памятник этого сближения. Замечательно, что Семен Толбузин, посланный Иоанном III в Венецию *пытать* (найти) *церковного мастера*, избрал Аристотеля Фиораванти, который участвовал в строении Св. Марка в Венеции – храма, известного греческим своим стилем. Но когда итальянец приехал в Россию, его пригласили взглянуть на древний собор во Владимире, и он должен был построить московский храм в том же стиле.

В произведениях искусства, назначаемых для религии, зодчество итальянское должно было у нас покориться церковному преданию. Но в памятниках зодчества государственного оно осталось свободно. Наш воздушный Кремль со своими башнями, или стрельницами, как их тогда называли, служит ярким тому свидетельством. Его строили Марк Фрязин, Петр Антоний Соларий, Алоизий Миланец под влиянием ломбардского стиля. Кремль достойно венчал Москву и царство русское; государственная крепость облегла святыню храмов, силу духовную, и стала ей твердою оградою. Итальянское искусство украсило эту государственную твердыню своими легкими изящными формами. Кремль строили итальянцы, но он вышел из рук их нашим, потому что прекрасная форма воплотила в себе мысль русской жизни XV века. Вот почему и русское сердце, которому близка русская жизнь, бьется при виде Кремля, и просвещенные умы Запада пленяются им, признавая его художественное достоинство.

Кремль представляет у нас первый прекрасный плод сближения нашего с лучшими стилями западной образованности, но сближения не насильственного, не рабского, а свободного. В создании Кремля мы сохранили свою самостоятельность: в нем живет наша мысль, выражается наша история; в нем мы не продали души своей чужому образованию, не отказались от себя; свергнув иго татарское, не подчинились, как рабы, ярму духовному внешней цивилизации, которое не так легко свергается. Зато и Запад не пренебрегает нашим Кремлем, как

пренебрегает другим заемным, рабским ему подражанием, а, признавая в нем что-то ему родное, уважает в нем живую историческую мысль русского народа.

Москва в этом столетии образовалась сердцем России, и в ней стали срастаться все жилы государства. В гербе московском кроме византийского двуглавого орла стал красоваться крылатый всадник, победоносец Георгий, копьем поражающий дракона, как мы видим это в конце грамоты Иоанна III, писанной в 1497 году[1]. Победоносец Георгий стал символом Москвы государственной, Москвы независимой, сразившей в лице Орды бусурманскаго дракона. Москва явилась устроительницею жизни на Руси православной. Эта мысль находит отголосок в народном стихе о Егории Храбром[2], которым заключим эту лекцию.

Во граде Иерусалиме у царя Феодора и у благоверной царицы его Софии премудрой, напоминающей наши три Софии – Киевскую, Новгородскую и Московскую, родились три дочери и три отрока, а четвертый сын – Егорий свет храбрый. Вот его изображение, напоминающее храмовую икону в окладе:

По колена ноги в чистом серебре,
По локоть руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная.
По всем Егории часты звезды́[3].

Диоклетиан, мучитель Георгия, заменен здесь Демьянищем-бусурманищем, явным олицетворением орды татарской. Егорий выносит у него в плену всевозможные мучения за православную веру; но его не берут ни пилы жидовские, ни топоры немецкие – все намеки на те ереси, которые обуревали Русскую Церковь в XV веке. Его не сварила и смола в котле.

---

1 Собр. госуд. грам. и догов. № 129.

2 Русские народные песни, собр. П. Киреевским. Ч. 1. 1848. Стр. 4.

3 В этом изображении, столько напоминающем икону, г. Буслаев видит не лицо христианского мира, а мифическое существо (см. его речь о народной поэзии).

Смола кипит, яко гром гремит,
А посверх смолы Егорий плавает:
Он поет стихи херувимские...

Демьянище зарывает Егория в погреб глубиною на сорок сажен, закрывает досками железными, задвигает щитами дубовыми, забивает гвоздями полужеными, засыпает песками рудожелтыми; засыпая, притаптывает и приговаривает:

«Не бывать Егорью на Святой Руси!
Не видать Егорью света белаго.
Не обозреть Егорью солнца краснаго.
Не видать Егорью отца и матери.
Не слыхать Егорью звона колокольнаго.
Не слыхать Егорью пения церковного.

Тридцать лет провел Егорий в этом подземном заточении. Тогда явилась ему во сне Богоматерь, и вдруг по Божьему повелению, по Егорьеву молению,

От свята града Ерусалима
Поднималися ветры буйные:
Разносило пески рудожелтые,
Поломало гвозди полуженые.
Разнесло щиты дубовые,
Разметало доски железныя.
Выходил Егорий на святую Русь:
Завидел Егорий свету белаго.
Услышал звону колокольнаго.
Обогрело его солнце красное.
И пошел Егорий по святой Руси...

Сначала Егорий едет в Иерусалим к матери своей Софии и просит ее благословения на то, чтобы по всей земле светлорусской утвердить веру христианскую. Мать велит Егорию взять коня богатырского со двенадцати цепей железных, со

сбруею богатырскою, с вострым копьем булатным и с книгою со Евангельем. Вот благочестивый поезд Егория по Руси, исполненный истинной поэзии:

Тут же Егорий поезжаючи.
Святую веру утверждаючи.
Бусурманскую веру побеждаючи,
Наезжал на леса на дремучие:
Леса с лесами совивалися.
Ветья по земле расстилалися;
Ни пройтить Егорью, ни проехати.
Святый Егорий глаголует:
«Вы лесы, лесы дремучие!
Встаньте и разшатнитеся:
Разшатнитеся, раскачнитеся:
Порублю из вас церкви соборныя,
Соборныя да богомольныя!
В вас будет служба Господняя!
Зароститеся вы, леса,
По всей земле светлорусской,
По крутым горам по высокиим!»
По Божьему все повелению,
По Егориеву все молению.
Разрослись леса по всей земле,
По всей земле светлорусской,
По крутым горам по высокиим:
Ростут леса, где им Господь повелел.

Так Егорий наезжает на реки: они протекают также по земле Русской, исполняя повеление Божие. Равно и горы ему повинуются: он ставит на них соборные церкви. Волки и другие звери разбегаются по земле Русской, и пьют и едят повеленное и благословенное от Егория. Змеи уходят в землю и питаются в ее недрах. Чудесная Черногар-птица, держащая в когтях осетра, с ворот Корсунских в Киеве взвивается под небеса и поселилась на Океане, где пьет и ест и детей произ-

водит. Последний подвиг Егория – уничтожение силы бусурманской в царище Демьянище. Он в самом Иерусалиме ссекает ему злодейскую голову по могучие плечи; богатырскою палицей разрушает его палаты белокаменные, очищает христианскую землю и утверждает Христову веру. Трех родных сестер своих он приводит к Иордани и омывает в водах его: кожа на них во время их плена превратилась в еловую кору, волосы – в камыш-траву. Они очищены от этих наростов бусурманства, они приложились к Христову Гробу, освободились от всей нечистоты пришлой и снова возвращены своей матери, премудрой Софии.

Егорий храбрый есть символ Москвы, устроившей в XV столетии единство разделенной земли Русской. Устрояющая сила была духовная, сила православия, как мы видели это в слове обильных посланий русского духовенства. Свержение ига татарского знаменуется уничтожением бусурманского царя Дамьяна; но оно было только приготовлением к великой борьбе нашей с исламизмом, который пал у нас позднее в образе трех царств: Казанского, Астраханского и Сибирского. Но надежды народа русского, как мы видим в песне о Егории, простираются далее, до вод священного Иордана, до Иерусалима и до цареградской Софии, мысль о которой сливается с мыслью о Гробе Господнем.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Геннадий Гонзов. – Жизнь его. – Послания. – Их характер. – Пасхалия. – Полная Славянская Библия 1499 года. – Иосиф Санин. – Его духовное воспитание. – Свидетельство об обителях, ему современных. – Общежительный устав. – Основание Волоколамского монастыря в 1469 году. – Предания обители. – Борьба с жидовскою ересью. – Дело с Серапионом. – Кончина (1515). – «Просветитель». – Жидовская ересь. – Общее содержание книги. – Двоякий характер. – Основные истины вероучения о Боге. – Разделение древней истории до Христа. –

Мысль о кровавой жертве ветхого мира. – Отношение богослова к явлениям природы. – Мысли, проникшие в жизнь русского человека. – Мысли о церкви и молитве. – О том, как служить Богу. – Характер пяти слов гонительных. – Исход их. – Обличение от вологодских старцев. – Заключение.

Три славных мужа действовали в нашей духовной словесности в конце XV века и связывают его с началом XVI века: Геннадий Гонзов, Иосиф Санин и Нил Сорский.

Год рождения и первоначальное воспитание Геннадия остались неизвестны. Он происходил от московского боярского рода Гонзовых. Колыбелью его иноческого жития была обитель Валаамская; руководителем в нем – Савватий Соловецкий. В благодарность к нему настоянием и усердием Геннадия написано было житие Савватия и сподвижников его, Германа и Зосимы. Из архимандритов Чудовской обители в Москве Геннадий был возведен в сан архиепископа Новгородского в 1485 году. Здесь начались его подвиги на пользу Русской Церкви. Святительствовал он 19 лет. Главным делом его жизни была победоносная борьба с жидовскою ересью; он открыл еретиков при самом вступлении своем на кафедру Новгородскую; изгнал их из Новгорода и преследовал в Москве, куда они убежали; вызвал на борьбу с ними Иосифа Волоцкого и окончательно сокрушил их на соборе 1504 года, но сам пал жертвою этой борьбы. Зависть и вражда заставили его отказаться от святительской кафедры. Геннадий окончил жизнь свою 14 декабря 1505 года в той же Чудовской обители, откуда был вызван в Новгород и где сооружал храм во имя святителя Алексия. Тело Геннадия, причисленного Церковью к лику святых, покоится в древнем храме Михаила чуда, на том же самом месте, где были вырыты мощи св. Алексия[1].

Полемическая деятельность Геннадия против жидовской ереси относится к трудам товарища его в том же деле, Иосифа

[1] Жития святых. Росс. Ц. М. Декабря 14-го. Стр. 106. – Обз. русск. дух. литер. Стр. 109.

Санина. Мы здесь коснемся других памятников его слова. Деятелен был Геннадий в поучениях к народу, и в Новгороде, и во Пскове. Летопись свидетельствует, что к псковитянам он приходил на вече, благословлял народ и говорил слова учительные[1]. Но народ ни в том, ни в другом городе не сочувствовал пастырю, вероятно, по причине его строгости. От литературной его деятельности дошло до нас несколько посланий: 1-е и 2-е) к Нифонту епископу Суздальскому, и к Прохору, епископу Сарскому; 3) к Иоасафу, архиепископу Ростовскому и Ярославскому (1489); 4) к митрополиту Зосиме (1490); 5) к митрополиту Симону (1496–1504)[2]. Три первые касаются всего более еретиков новгородских. Они обнаруживают пылкий характер Геннадия. Слово пророка Иезекииля побуждает его против них. «По Господню слову, иже пророком Иезекиилем рече: вы стражи, аще видите мечь грядущ и не вострубите трубою и не проповесте людем, да ся людие снабдят, и нашед меч возмет от сих душу, таковый убо беззакониа деля своего взятся, а крови ея от руки стражей взыщу». Одушевленный этим словом и подозревая, вероятно, самого Зосиму в отступлении, Геннадий требует от него казни еретиков словами: «Толко же ты, господин отец наш, тех еретиков накрепко не обыщеши, да их не велишь казнити да проклятью предати, ино уж мы какие то будем владыки, что ли паки наше пастырьство зовется?» В этих отрывках резко обозначается пылкий дух писателя и характер его слога.

Вот еще одно место из послания к Зосиме: из него очевидны и век и энергия Геннадиева. В Кремле становилось тесно для разраставшейся силы государственной при Иоанне III; некоторые монастыри и церкви вынесены были оттуда вон; коснулись даже и древнего кладбища; перенесли гробы предков, покоившихся в Кремле, на Дорогомилово. Вспыхнул

1 «Истор.» Кар. Т. 6. Прим. Стр. 160. 1486. «Приеха во Псков архиеп. Геннадий… и пребысть 3 недели, пришед на вече народ благословил, и многа словеса учителная простер, вдаст грамоту и отъеха прочь».

2 Первое и второе находятся в «Рукоп. гр. Толст.», но не напечатаны; третье в «Чт. общ. ист.». 1847. № 8; четвертое в «Акт. арх. Эксп.», Т. 1, № 380; пятое в «Акт. истор.», т. 1, № 104, и в «Др. Вивл.» Новик. Ч. XIV. 1790, стр. 244.

Геннадий при слухе об этом. Вот его слово митрополиту: «А ныне беда стала земская да нечесть государьская великая: церкви старыя извечныя выношены из города вон, да и монастыри старые извечные с места переставлены; а кто веру держит ко святым Божиим церквам, ино то писано сице: "освяти любящая благолепие дому Твоего и тех прослави божественною Твоею силою". Да еще паки сверх того и кости мертвых выношены на Дорогомилово, ино кости выносили, а телеса ведь туто остались, В персть разошлись; да на тех местех сад посажен, а Моисей писал во Втором законе: "да не насадиши садов, ни древа подле требника Господа Бога твоего"; а господин наш отец Геронтей митрополит не вспретил, то он ведает, каков ответ за то даст Богу. А гробокопатель какова казнь писана, а ведь того дня, что будет воскресение мертвых, не велено их с места двигнути, – опричь тех великих святых, коих Бог прославил чудесы, да Божиим повелением и ангельским явлением бывает пренесение мощем на избавление людем и на утвержение и на почесть градовом. А что вынесши церкви, да и гробы мертвых, да на том месте сад посадити, а то какова нечесть учинена? От Бога грех, а от людей сором. Здесе приезжал жидовин новокрещеной, Данилом зовут, а ныне крестьянин, да мне сказывал за столом во все люди: понарядился де есми из Киева к Москве, ино де мне почали жидова лаять: "собака де ты, куда нарядилася?" Князь де великий на Москве церкви все выметал вон».

Геннадий, как видим, крепко стоял за святыню старины, за священные обычаи предков и смело укорял московскую власть в их нарушении. Так боролся он и с остатками вечевой власти Новгорода и Пскова в том, где ими нарушалось предание. Подобная ревность не мешала ему нисколько пещись о народном образовании и просить м. Симона, чтобы он побуждал Государя к учреждению училищ. Мы знакомы уже с этим посланием. Новгородцы избирали священников и диаконов из всех сословий и приводили нередко безграмотных на ставление ко святителю. «А се приведут ко мне мужика, и яз велю ему Апостол дати чести и он не умеет ни ступити, и яз ему велю Псал-

тырю дати, и он и по тому одва бредет, и яз его оторку (отреку, т.е. откажу), и они извет творят: “земля, господине, такова, не можем добыти кто бы горазд грамоте”; ино де ведь-то всю землю излаяли, что нет человека в земле, кого бы избрати на поповство». Геннадий так просил Государя через митрополита о заведении училищ: “А яз того для бью челом государю, чтобы велел училища учинити, да его разумом и грозою, а твоим благословением то дело исправится; а ты бы, господин отец наш, государем нашим, а своим детем Великим князем, печаловался, чтобы велели училища учинити; а мой совет о том, что учити во училище, первое азбука граница истолкована совсем, да и почтительные слова, да Псалтыря с следованием накрепко; и коли то изучять, может после того проучивая и конархати и чести всякыя книги». Геннадий жалуется, что между мирскими грамотеями из мужиков завелась для церковных потреб промышленность; что они учат не грамоте, а только разным службам наизусть, чтобы безграмотные чтецы могли за них добывать себе деньги. Вот обвинение Геннадия: «А се мужики невежи учят робят да речь ему испортит, да первое изучит ему вечерню, ино то мастеру принести каша да гривна денег, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особно, да те поминки опроче могорцы (т.е. могорыча), что рядил от него; а от мастера отыдет, и он ничего не умеет, толко-то бредет по книге, а церковнаго постатия ничего не знает».

Так промышленники XV века пользовались для своих корыстных видов страстию к обрядной набожности в наших предках, как промышленники других столетий пользуются страстью к внешней цивилизации в своих современниках. Геннадий обличал их и им противодействовал: отсюда понятно неблаговоление к нему невежественной толпы, преданной идолу корыстолюбия.

Автор «Обзора русской духовной литературы» весьма справедливо замечает, что Геннадиевы писания отличаются простою русскою речью с самою незначительною примесью церковного языка. Приведенные места могут подтвердить истину этого замечания. Народные слова: *лайба* от *лаять* (как

похвальба от *хвалить*), *оторку, могорыч* дают живую краску этому языку и показывают, как Геннадий, говоря народу, сближался с ним в его речи.

Когда прошел 1492 год и миновала страшная седьмая тысяча, митрополит Зосима поручил Геннадию продолжить пасхалии на восьмую тысячу и сам начал этот труд на 50 лет. Геннадий составил новую пасхалию только на 70 лет: число мистическое, из которого не смели выйти. Мы имеем в Синодальной библиотеке труд его в позднейшем списке. Пасхалии предшествует предисловие, в котором Геннадий рассказывает истории страха, каким были одержимы, ожидая Второго Пришествия, не только простые люди, но даже и образованные. Предисловие заключается истолкованием Символа веры. В 1542 году пасхалия была продолжена священником новгородским Агафоном на 532 года[1].

Мы уже знакомы с великим трудом Геннадия, с полным кодексом Библии 1499 года, который составлен был на его архиепископском дворе под руководством его же архидиакона инока Герасима. Дьяки писавшие были: Василь Иерусалимский, Гридя Исповедницкий, Климент Архангельский. Перевод Маккавейских книг с латинского совершен был по повелению Геннадия доминиканским монахом Вениамином, который был родом славянин[2]. Нельзя сомневаться в том, что Геннадию принадлежало главное наблюдение за этим великим трудом. В Синодальной библиотеке есть его «Устав церковный»[3];

---

[1] В Синод. библ. под № 1 находится эта пасхалия. Рукопись была в руках у Карамзина (6 т. «Истор.», прим. 7). Она начинается пасхалией Агафона, знавшего греческий язык; он ссылается на предшествовавшие труды Геннадия и Иосифа. Затем следуют Геннадиева пасхалия и три слова из «Просветителя» – 8, 9 и 10. В заключение стязание с философом, который слишком загордился знанием пасхального круга, и мистическое толкование азбуки. Здесь, между прочим, под мистическими числами указан дьяк Федор Курицын, как переводчик Лаодикийского послания.

[2] Опис. Синод. рукоп. Стр. 127 и 128.

[3] № 953. Заглавие «Устава»: «Главы окозрительного Устава. Творение господина нашего в нынешнем роде преосвященнаго архиепископа великаго Новаграда и Пскова владыки Геннадия». В этом «Уставе» на конце приложены обряды заздравных чаш, и в том числе чаши *за добраго человека*.

в «Канонике» Сергиевой Лавры – молитва к Богоматери, составленная в 1497 году[1].

Прадед Иосифа Волоцкого, Александр, выехал из Литвы и носил прозвище Саня, переделанное в русское Санин. Иосиф родился в селе Язвище, которое было дано Великим князем Московским в вотчину его прадеду. Семья благочестивых родителей, Ивана и Марины, и волоколамский Крестовоздвиженский монастырь были первыми местами его воспитания. Семилетний отрок Иван был отдан в обитель старцу Арсению на обучение грамоте. Монастырская жизнь решила его призвание. В другой обители, Пресвятой Богородицы на Возьмище, он продолжал свои приготовления к иноческой жизни; здесь рано спознался он с одиночеством кельи, с жизнью молитвенного безмолвия. Здесь подружился он с товарищем знатного рода, Борисом Кутузовым. Но на двадцатом году Иоанн почувствовал нужду в духовном наставнике. Слава старца Варсонофия, который спасался в уединенной пустыньке близ Саввина монастыря в Тверской области, привлекла к себе юношу. Строгость его характера обнаружилась за трапезой иноков обители; он не мог вынести их нескромных разговоров и бежал из-за трапезы прямо в пустыню к Варсонофию, который, однако, не принял его к себе, а указал ему на Пафнутия, учредившего монастырь в Боровске. Иоанн пришел к Пафнутию в то время, как он с братиею таскал и обтесывал бревна. Прямо от работы при первом звуке вечернего колокола игумен спешил в храм. Такова была деятельность Пафнутия. Шестидесятипятилетний старец отличался даром необыкновенной прозорливости, как свидетельствовали о нем ученики его. По чертам и выражению лица он отгадывал мысли и поступки человека. Конечно, он прозрел назначение пришедшего – и в самый день прихода постриг Иоанна, нарекши Иосифом.

Семнадцать лет Иосиф находился под руководством этого строгого и деятельного наставника. Он проходил всевозможные послушания, начиная с поварни и хлебопекарни.

[1] Обз. р. дух. лит. Стр. 111.

Терпеливо и усердно служил он болящей братии – и потом принят был Пафнутием в собственную келью и возведен в сан экклесиарха. Иосиф привлек к себе в обитель своего отца и двух братьев, Вассиана и Акакия. Его мать, Марина, постриглась в женском Волоколамском монастыре и тридцать лет была инокиней. Братья, Иосиф и Вассиан, хранили воспоминания о своем учителе Пафнутии и после перенесли их в монастырь, основанный Иосифом. Предания самого Пафнутия восходили до времен Петра митрополита, первого основателя духовной жизни в пределах московских. Вассиан, брат Иосифов, написали житие Пафнутиево.

Незадолго до своей кончины Пафнутий назначил преемником себе Иосифа. Но Иосиф, по смерти наставника приняв на себя звание игумена, не был доволен уставом обители и особенно его исполнением. К тому же и сам Пафнутий завещал Иосифу улучшить в обители некоторые обычаи. Не встретив сочувствия в большей части иноков к предполагаемым изменениям, Иосиф отправился в путь по России, чтобы лично осмотреть другие славные обители и избрать из них все лучшее, и взял себе в сопутники инока Герасима Черного.

В своей «Духовной грамоте», содержащей устав иноческого жития, Иосиф сохранил нам любопытные сведения о тогдашнем состоянии многих славных монастырей. Он говорит, что хотя и не видал прежних святых отцов, просиявших в нашей земле – Сергия, Варлаама, Кирилла и иных подобных им, – но видал многих, которые были их учениками. Уставы иноческие, заповеданные великими подвижниками, подвергались многим изменениям со стороны новых игуменов, но находили также приверженцев и защитников, которые строго, даже до мученичества, отстаивали их силу. Дело обходилось не без борьбы многотрудной. В обители Сергия неусыпная его деятельность, забота о своей пастве и нищета, им любимая, сохранялись по-прежнему: даже книги писали не на пергамене, а на берестовой коре. В монастыре Кирилла Белозерского старцы Досифей, Илия, Чапей и Игнатий Бурмака со многими иными отстаивали предания Кирилловы против

новых пришлых и даже своих настоятелей и терпели от них мучения и смертельные побои. Около Москвы, в монастыре Симоновом, старец Варфоломей защищал предания и обычаи, введенные Феодором, племянником Сергия, и Кириллом против новых архимандритов, их изменявших. Иосиф передает то, что сам видел, о Савве, основателе Тверской обители, и брате его, пустыннике Варсонофии, великом любителе книг и чтения, который имел у себя в пустыне многочисленную библиотеку, разрешал недоумения многих и даже митрополита Фотия, касавшиеся Слова Божия, помнил все Священное Писание, всегда держал его на языке и всем неоскудно подавал эту духовную милостыню. Когда же Савва и Варсонофий скончались, и тут была борьба за их заветы против новых настоятелей. В Савватиевой пустыни недалеко от Твери Иосиф видел славного старца Евфросина, родом князя Тепринского. В монастыре Андрониковском близ Москвы хранились предания Андроника, ученика Сергиева; здесь Иосиф упоминает о славных иконописцах Данииле и ученике его, Андрее Рублеве, которым и в светлый праздник Воскресения Христова не было другой высшей радости, как смотреть на божественные иконы и от изображений возноситься мысленно к изображенным Владыке Христу, Пречистой Его Богоматери и всем святым. В Чудовском монастыре хранились предания учеников Сергия, поставленных митрополитом Алексием. Иосиф сам видел Макария, основателя монастыря Калязинского, и беседовал с ним. Один старец, инок Митрофан Бывальцев, живший девять лет на горе Афонской, утверждал, что в Калязинской обители жизнь иноков была совершенно подобна жизни киновий святогорских и что он понапрасну ходил во Святую гору мимо Калязинского монастыря, в котором точно так же мог бы спастись.

Иосиф с новым общежительным уставом, плодом его двухлетнего наблюдательного странствия, возвратился в Пафнутиеву обитель; но здесь братия, соскучившись его долгим отсутствием и не желая перемен в образе своей жизни, выпросили уже себе нового настоятеля. Тогда Иосиф решился учре-

дить свою обитель и ввести в нее свой устав, основанных на самых строгих правилах древнего монастырского общежития.

В лесах волоколамских, в сосновом бору, где небольшая речка Струга вливается в Сестрь, при содействии волоколамского князя Бориса Васильевича Иосиф основал свою обитель в 1469 году. Но и здесь не вдруг он мог ввести общежительный устав, а постепенно, когда собралось у него до ста человек братии.

Строгий характер Иосифа и непреклонная воля его положили особенную печать на учрежденной им обители. Восстановление общего жития в древнем его виде, так, как оно было внесено в монастыри наши Феодосием, было главною задачею Иосифа. Отсутствие всякой собственности, одежда, еда и питие общее, строгое исполнение церковного устава во время богослужения составляли главную сущность общего жития. К тому присоединялась ежедневная исповедь во грехах по окончании дня отцу своему духовному. Кроме игумена управлял монастырем совет из старцев. Женщинам до того был запрещен вход в монастырь, что Иосиф не принял даже пришедшей к нему матери. «Истинное сродство, – говорил Иосиф, – се есть еже подобитися добродетелию сродному и богови угоднаа творити и ему спострадати во всем». Отроки не допускались в монастырь, как это бывало прежде.

Пища у иноков была простая и состояла из трех яств; но одним из трех инок должен был жертвовать в пользу нищего. Иноки памятовали и записали в Иосифовском отечнике[1] другое слово наставника: «Достоит иноку в общем житии живущу едино брашно оставляти и глаголати: сие часть Христа моего». Наставник прибавлял к тому: «Аще которой брат совершит довлеяся трапезною пищею, от сего не осужен будет, яко с благословением предлагаема суть; горе же тайно ядущему, по писанию Григория Двоеслова, и вещи и сребренникы особно имущему». Вот почему братия ничего не имели в келиях, кроме икон, божественных книг и худых риз, а потому келии крепко не запирались. Иосиф помнил, какие худые ризы

[1] Сборник № 664. Ркпс. Иосиф. обит. Стр. 78 на обор.

носил преподобный Сергий по преданию, слышанному в его обители, и тот же обычай ввел в свою: все иноки носили у него худые одежды и обувь имели из лыка.

По случаю прихода к нему в обитель двух мирян, детей его духовных, Феодосия живописца и верного ученика его, Феодора, в иночестве принявшего имя своего учителя, Иосиф объявил братии, что они стяжали светильники девственности от самого младенчества, что это не могло быть без особенного Божия дарования. Уподобляя их пяти мудрым девам, приявшим светильники свои во сретение жениху, наставник по этому случаю называл девство огнем, а милостыню – маслом. Но милостыню духовную он ставил выше телесной, как видно из других его слов, сохраненныхь братиею: «Се есть милостыня общеживущих еже спострадати друг другу и претерпети смутившемуся нань брату, и не воздати зла за зло».

Из многих слов Иосифа, сохраненных его учениками и записанных в рукописях обители, мы видим, как учение его действовало и переходило в жизнь. Всевозможные оружия против плоти употреблялись в обители: железные брони, тяжелые вериги, острые власяницы, многотысячные поклоны и молитвы. Инок Феогност, по мирскому прозванию Скряба, с того начал житие иноческое в обители, что вместо рубашки надел на тело броню железную, каждый день совершал все псалмы Давидовы да пять канонов, да тысячу коленопреклонений, да пять тысяч Иисусовых молитв, и не изменил такому правилу в течение трех лет до самой кончины.

Иосиф поощрял такие подвиги, которые вокруг него совершались, но с тем вместе строго предупреждал подвижников против гордости, какая могла обуять их. Один инок Евфимий, знатного рода, мирски Елевферий Волынский, ни с кем не беседовал, а только плакал, молился на коленях в своей келии, за всякою литургиею каялся в помыслах своих старцу Иосифу и понимал от него прощение. Однажды, когда во время литургии он молился и плакал, внезапно от алтаря облистал его свет неизреченный: объятый великим страхом, он подошел к клиросу и исповедал старцу Иоси-

фу сияние того света. Старец сказал ему: «Не внимай тому, но точию молитве и слезам». Евфимий после того наложил на себя схиму и причастился Св. Таин. Раз не пришел он к заутрене: братия, заметив это, послала к нему инока, чтобы разбудить его, но инок нашел его на коленях перед образом Божиим и Его Матери с четками в руках, со слезами на лице отошедшим ко Господу. Такую внезапную кончину, так объяснял ученикам Иосиф, посылает Бог готовым, чтобы устрашить нас, не готовых внезапным нашествием смерти. Когда иноки по времени рассуждали с Иосифом о свете, который осиял Евфимия, и отчего он запретил ему обращать на то внимание, Иосиф сказал им: надобно быть осторожным, чтобы вместо пастыря не принять волка; одному из отцов явился сатана, облистал его светом неизреченным и сказал ему: я Господь; он же закрыл глаза и отвечал: я Христа не хочу здесь видеть. Тем паче нам, немощным, *и в последнее сие время* не следует «искати таковых, но послушание имети и тружатися телесне, и посту и молитве по силе прилежати, и смирению, еже имети себе подо всеми».

Письменная деятельность оживляла также обитель, как это свидетельствует огромное ее книгохранилище. Первым двигателем ее был сам Иосиф, который все досуги в своей келии посвящал списыванию книг. Мы уже знакомы с теми рукописями, какие он написал сам и оставил в своей обители. За Иосифом следует спутник его Герасим Поповка Черный: в книжной описи 1573 года упомянуто 16 книг письма его. Тимофей Вениаминов в роковом 1489 году переписал «Слова» Афанасия Александрийского; чернец Симеон в 1490 году – «Поучения, избранные от Св. Евангелия на всякую неделю и переложенные с греческого еще в 1343 году». В числе писавших книги для обители следует упомянуть еще Досифея и Вассиана Топорковых, Нила Полева, который даже перевел Псалтирь с часословом[1], Даниила митрополита, Нила Сорского, Евфимия Туркова.

[1] На переводе Нила Полева есть надпись: «держати их в книгохранительнице, а по кельям не давати и не учитися по ним».

В 18 верстах от Волоколамска красуется обитель Иосифова, огражденная башнями и стенами, как все древние наши обители. В нижнем соборном храме своем она хранит гробницу своего основателя. Когда вы подъезжаете к ней по Клинской дороге, от села Хлестакова, которое некогда ей принадлежало, за 10 верст уже виднеются ее белые и величественные столпостены. Три пруда, обширные, как озера, к ней прилегают: один из них носит название Гурьевского, потому, вероятно, что рыт при славном архимандрите Гурии, первом основателе епархии Казанской; другой, перед самою обителью, не носит названия и, вероятно, вырыт при самом Иосифе[1]. В нем в светлые дни отражаются стены, башни и храмы монастыря с красивою колокольнею, которая легкостью и стройностью зодчества поспорит с Иваном Великим, а наклонностью положения напоминает колокольню Пизы. Ризница монастыря хранит два посоха, одежду и вериги Иосифовы. Библиотека имела 705 рукописей, из которых 236 обитель уступила ученым Троицкой Лавры. Налево стоит густой сосновый бор – вероятно, развалина того леса, середи которого чудесный бурелом, повалив многовековые сосны, указал место, где быть обители Иосифовой. Бор скрывает в версте от обители ту пустыньку, куда уединялся Иосиф от братии для богомыслия и уединенной молитвы по примеру всех пустынных отходников Востока и Древней Руси.

Кроме учреждения обители, воспитавшей многих известных подвижников Русской Церкви, Иосиф прославился еще подвигом великим – борьбою с жидовскою ересью, против которой он написал лучшее свое сочинение, известное под именем «Просветителя». В 1470 году открылась эта ересь в Новгороде и оттуда проникла в Москву. Геннадий, поставленный в архиепископы Новгорода в 1485 году, открыл ее

[1] В народе до сих пор есть предание, что Иосиф рыл эти пруды руками народа и платил всякому рабочему по 25 коп. ассигн. в день. Когда народ выразил ему неудовольствие за эту плату, тогда Иосиф вынес народу огромный ворох меди и велел брать из него каждому, загребая сколько угодно. Но сколько люди ни загребали, все выходило не более 25 коп. ассигн. у каждого. Тогда все рабочие признали эту плату законною и более не требовали.

около себя, преследовал в столице и пригласил Иосифа в свои сотрудники. Борьба Иосифа с противниками учения Христианской Церкви длилась от 1490 года по 1504-й. Мы возвратимся к ней, когда будем рассматривать писания Иосифовы.

Влияние Иосифа из стен обители простиралось на власти, на бояр, на народ. Во времена голода монастырь открывал свои житницы народу, а игумен его побуждал князей заботиться о его тяжких нуждах, как мы это видим из послания Иосифа к Юрию князю Дмитровскому. Иго, тяготевшее над рабами, возбуждало сострадание в сердце Иосифа, и он писал послания к вельможам о миловании рабов.

Последние годы его жизни омрачены были грустною размолвкою с Серапионом, архиепископом Новгорода. Иосифов монастырь считался в епархии Новгородской и зависел от князей Волоколамских. Сын князя Бориса, покровителя монастыря, Феодор, не следовал примеру отца, а притеснял обитель и ее иноков. Иосиф вынужден был искать защиты в Великом князе Московском и в митрополите Симоне в то время, когда сношения с Новгородом были прерваны по случаю язвы, которая в нем свирепствовала. Серапион вознегодовал на Иосифа и отлучил его от Церкви. Иосиф, опасно больной, но отлученный, не дерзнул приступить к причащению Св. Таин, но обратился с молением к митрополиту, Великому князю и вельможам, его окружавшим. Московские власти, и духовные и светские, приняли сторону Иосифа против Серапиона, который лишен был своей кафедры. Собор, в 1509 году созванный для суда по этому делу, решил его также в пользу Иосифа, как ни упорно утверждал Серапион, что он волен в своем чернце. Иосиф был успокоен разрешительной грамотой, а Серапион отлучен в свою очередь. Но оба противника, духовно смирясь друг перед другом, помирились после. В этой распре, равно как и в образе ее разрешения, сказывался строгий дух единодержавия Москвы, к которой все уже тянуло, все местные власти, и мирские, и духовные.

Тяжкие недуги посетили Иосифа перед концом его жизни. Преемником ему был избран братиею инок Даниил, впо-

следствии митрополит и также славный писатель, и утвержден Иосифом. 75-летний старец принял схиму, и утром в воскресенье, 9 сентября 1515 года, когда храм огласился священною песнию: «Святый Боже» – скончался.

Иосиф Волоколамский является первым в порядке времени русским писателем на поприще полемического богословия. Писания его состоят из 18 посланий и особой книги «Просветитель». Из числа посланий семь относятся к борьбе его с жидовскою ересью, но все они по большей части вошли в состав «Просветителя», пять – к спору с Серапионом, и остальные шесть имеют характер учительный: с замечательнейшими из сих последних мы уже знакомы. Значение Иосифа как писателя сосредоточивается для нас в его «Просветителе».

Тридцать четыре года жидовская ересь обуревала Русскую Церковь, сначала в Новгороде, потом в Москве, и проникла даже во внутренние области России. Из Литвы привез это учение в Новгород жид Схариа (Захария), приехавший туда из Киева вместе с князем Михаилом Александровичем, правнуком Ольгердовым. Он прельстил сначала попа Дениса, а Денис – протопопа Алексея; их обоих вместе с дьяком Федором Курицыным всего более проклинает Иосиф в своем обличительном сочинении. Из Литвы прибыли еще жиды и усилили ересь. Многие духовные лица, из светских людей особенно дьяки и даже простолюдины, пристали к их учению в Новгороде.

В чем состояло оно? Мы имеем два изложения того, в чем заключалась сущность ереси: одно принадлежит собору, который был созван против нее в 1490 году; другое – творцу «Просветителя». Но между тем и другим разница заключается только в бо́льших или меньших подробностях. От самих еретиков не дошло до нас никаких сочинений, да едва ли и излагали они учение свое письменно. Иосиф, конечно, упомянул бы о них, если бы они существовали. Мы должны во всем доверять его свидетельству.

Еретики отвергали основной догмат православного христианства – учение о Святой Троице, утверждая, что в Ветхом

Завете не видно никаких следов подобного учения. Они отвергали также воплощение Бога Слова и рождество Иисуса Христа от Девы, видя в нем простого человека, распятого иудеями и истлевшего в гробе, а не Бога, и говоря, что Бог возмог бы одними небесными Своими силами, пророками и праведниками совершить спасение Адама. Они восставали на поклонение Кресту Господню, мощам и святым иконам и даже позволяли себе ругаться над ними; нападали также на иноческое жительство, говоря, что ни Спаситель, ни апостолы не преподали такого образа жизни, не возбраняли ни жениться, ни чуждаться брашен; что Пахомию явился не ангел, который избрал бы светлый образ для своего явления, а бес, представший в образе черном. Некоторые ученые видят в жидовской ереси начало рационального учения[1], впоследствии сильно развившегося на Западе; но едва ли верно такое предположение, потому что еретики, ожидая пришествия Мессии в будущем, проповедовали закон Моисеев с его ветхозаветными жертвами.

В 1480 году Великий князь Иван Васильевич был в Новгороде и перевел двух главных еретиков, Алексея попа в Москву в Успенский собор на протопопство и Дениса попа к Михаилу Архангелу. Скоро ересь пустила глубокие корни и в самой столице. Геннадий, в 1485 году будучи поставлен архиепископом Новгороду, первый открыл ересь и начал обличать ее. Тогда еретики устремились в Москву и под покровительством Алексея и Дениса образовали сильную партию. Они приобрели себе опору в знаменитом государственном человеке, любимце Иоанна III дьяке Федоре Курицыне, крестовых дьяках Истоме и Сверчке, в купце Семене Кленове, и особенно в архимандрите симоновском Зосиме, который по смерти Геронтия происками сильных еретиков возведен был в сан митрополита. С ужасом увидели поборники истин веры еретика на престоле митрополии Московской. Ересь проникла даже и в чертоги великокняжеские: сноха Иоанна III, по его собственному сознанию, была сведена в жидовство. Сам Иоанн III знал, какой ереси держался Алексей протопоп, и какой Федор Курицын, и недоумевал, что

1 «Расс. о ерес. и раскол.» Н. Руднева, стр. 110.

было ему делать, прося о том прощения у Иосифа в тайных с ним беседах. Ересь проникла и в народ. В домах, по дорогам, на рынках иноки, миряне – все выражали сомнения свои о вере и пытали о ней, как свидетельствует Иосиф. Из Москвы ересь проникла и в другие города.

В 1491 году по настоянию Геннадия созван был противный собор в Москве. Зосима должен был уступить силе православия. Ересь осуждена и проклята, и многие приверженцы ее, не столько сильные, отправлены в Новгород к Геннадию под наказание. Геннадий приказал встретить их за 40 верст от города, посадить на лошадей передом назад, надеть на них острые шлемы из берестовой коры с мочалиными гребнями и с надписью: «се есть сатанино воинство». Так еретики проведены были по всему городу. Народ, встречая их, по приказанию Геннадия должен был плевать на них и говорить: «Это враги Божии, хульники христианства». В заключение процессии сожжены были шлемы на головах их. Геннадий хотел подействовать страхом на еретиков и на народ.

Но ересь, несмотря на страх, только скрылась, а не исчезла и пустила сильнейшие корни в Москве и других городах России. В Новгороде еретики принесли наружное покаяние и разошлись по городам и селам. Истечение с 1492 годом седьмой тысячи, после чего ожидали кончины мира, и обличенная суета этих пустых ожиданий придали еще более дерзости еретикам. Они укоряли во лжи писания апостолов, отцов Церкви, и особенно св. Ефрема. Федор Курицын и брат его Волк усиливают свое покровительство еретикам при дворе и происками своими отправляют еретика Кассиана архимандритом в Юрьевский Новгородский монастырь, который становится притоном еретичества. Тогда сильнее стали действовать ревнители православия. Иосиф заставил Зосиму сойти с митрополии. Собор, собранный в 1503 году при митрополите Симоне, сокрушил еретиков. Духовные осудили их. Правительство, сначала допустив распространение ереси, потом предало их самым жестоким казням: жгло их всенародно в железных клетках, резало им языки, морило в темницах; по-

каяние уже было бессильно – и отвергалось, как вынужденное страхом жестокой казни.

Памятником борьбы Иосифа с жидовскою ересью осталась нам его полемическая богословская книга, которую, конечно, его современники уже после него назвали «Просветителем». История ее написания и составления еще недостаточно исследована; но ясно видно, что она писалась и составлялась постепенно: это доказывается особенно теми семью посланиями, которые писаны были сначала порознь, а потом вошли в состав ее. Теперешний вид ее, как и само название, носит на себе также явные следы руки позднейшей[1].

«Просветитель» разделяется на 16 «Слов», которым предшествует сказание о самой ереси, заключающее краткую историю ее происхождения и распространения в России, равно и общее содержание каждого из 16 «Слов», из которых в 15-м находим продолжение истории ереси. По цели своей эти «Слова» можно разделить на резкие два отдела: первые одиннадцать содержат в себе богословское обличение всех положений, принятых еретиками, и с тем вместе основательное изложение истин православной христианской веры; последние пять имеют не столько обличительный, сколько преследовательный характер и, вероятно, писаны уже в то время, когда сила обличения, к сожалению, изнемогла и перешла в раздраженное гонение. 12-е «Слово», направленное против еретика святителя вообще, а лично против Зосимы, и решающее вопрос: может ли быть действительно проклятие святителя, преданного ереси? – весьма редко встречается в рукописях. В числе многих отлично писанных рукописей «Просветителя» в самой обители, основанной его творцом, нет ни одной с 12-м «Словом».

Книга в течение трех с половиною столетий существовала в одних рукописях. Новиков напечатал в своей «Вивлио-

1 В 8-м «Слове о кончине седьмаго тысячелетия и пасхалии» слова: «й̃ (80) и д̃ (4) уйде миротворнаго круга» показывают вставку, которая относится к 1576 году. Издатели «Просветителя» в «Православном собеседнике» неизвестно на каком основании прочли вместе «уйде» – «у Іюдеи» (см. 399 стр. Кн 1. 1857). Но в списке архивном и в Агафоновой пасхалии читается «уйде».

фике» одно сказание, служащее ей вместо предисловия. Ученые издатели творений св. отцов познакомили отчасти с ее содержанием, предложив на русском наречии отрывки из писаний Иосифа Волоцкого. Ученые издатели «Православного собеседника» в Казани наконец напечатали «Просветителя» по семи различным спискам и тем сделали его доступным изучению всех и каждого. Еще троицкие ученые приводили многочисленные источники, из которых Иосиф почерпал свои доводы и свидетельства против ереси[1]. Казанские ученые указали на 40 церковных писателей, места из коих приводит творец «Просветителя»[2]: в том числе не разумеются свидетельства из патериков. В особом исследовании они соединили всех писателей церковных и их творения, откуда заимствовал Иосиф; но замечательно, что, в нередких случаях предполагая заимствования, они отказываются указать источники, откуда они взяты[3]. Желательно бы было сверить творение Иосифа с рукописями библиотеки монастыря, им основанного; такой труд, вероятно, будет совершен учеными Троицкой Лавры, которые приобрели все важнейшие сокровища того книгохранилища.

Изумительно обилие этих сокровищ. Не менее изумительно и обширное знание их, которым владел Иосиф. Новые издатели «Просветителя» хотят отнять значение оригинальности у сего творения[4]; но совершенно в характере Древней Руси этот способ богословствования, посредством которого всякая мысль духовного писателя выражается или словом Священного Писания, или словом отеческим. Здесь личность его скрывается совершенно за глаголом Церкви. Сильнее и резче обнаруживается она в словах проклятия и гонения, но это служит не к светлому торжеству истины.

Искусством диалектическим отличается первое «Слово». Еретики отвергали присутствие догмата Троицы в книгах

[1] Твор. св. отц. Т. V. Кн. 3. Прибавл. стр. 276.

[2] Прав. собес. 1859. Октябрь. Стр. 156.

[3] Там же, стр. 159, 165, 167.

[4] Там же, стр. 178.

ветхозаветных: надобно было отвечать им исключительно на основании свидетельств Ветхого Завета. Так и поступил Иосиф. «Слово» 11-е, написанное в защиту иноческого жития и исполненное учености необъятной, имеет историческое отношение ко множеству монастырей, основанных у нас в XIV и XV столетиях. Иосиф Санин, как один из распространителей и усовершителей иноческого жития в России, должен был вступиться за свое и общее дело всех двигателей духовной жизни в Отечестве. Это слово всех пространнее: оно отвечало на важный вопрос современного образования.

Желаем познакомить читателей не с одним внешним содержанием творения, которым оно отвечало на потребность своего времени, но с его внутреннею, всегда пребывающею сущностью, которая была причиною того, что рукописный «Просветитель» после трех с половиною веков издан при нас в печать современным русским ученым духовенством. Имея в виду эту внутреннюю сущность, мы представим из Иосифова творения те мысли, которые составляют основу православного христианского богомыслия, также мысли, поразительные своим глубоким значением, и, наконец, особенно те, которые проникли в жизнь русского народа.

Первая мысль касается основной истины христианского богомыслия – Пресвятой Троицы. С нее начинает Иосиф; ей посвятил он все первое «Слово»; к ней возвращается в седьмом. Такая ревностная забота его об утверждении этой истины в умах объясняется тем, что еретики сильно нападали на нее и хотели поколебать православное учение христианства в его коренной основе.

С самого начала введения христианства в России и исповедания веры Владимиром Святым проходит у нас через все века нашей жизни изложение учения о Троице, завещанное отцами Вселенской Церкви. Им открывает Иосиф свое первое «Слово». В этом глубокомысленном и не только богословском, но и философском изложении превосходно совмещены в Боге единство существа и проявление Его в личности, которую Иосиф называет *собством*, или *составом*. Здесь зародыш и на-

шего первоначального философского языка, от которого, к сожалению, мы отказались. Прочтем это изложение.

«Блаженный и великий апостол, уста Господня, Павел глаголет: “аще и суть бози мнози, и господие мнози: но нам един Бог Отец, из него же вся, и мы у него; и един Господь Иисус Христос, имже вся и мы тем, и един Дух Свят, и в Нем же всячскаа и мы в нем”. И сего ради подобает всякому христианину веровати, якоже крестися в имя Отца и Сына и Святаго Духа, в едино существо, и естество и Божество, и едино царство и начяло и крепость, и три составы, рекше Лица, яже и образы наричю и събьства. Ино бо есть состав, и ино существо; сущьство наричю общее трием ипостасем: единаго бо естества и существа три Лиця, состав же наричю естество со образными собьствы: ино бо Отец, и ино Сын, и ино Дух Святый, еже сечеть собства рекше составы, а не естества, но того же естества и того же существа; вкупе бо Отец и Сын и Святый Дух. Но Отец убо и не рожен, Сын же и рожение Отчее, яко от солнца свет и от ума слово; Дух же Святый и исхожение Отчее. Свойственно же Отцу нерожение и еже нарицатися Отец. Свойственно же Сыну еже нарицатися Сын и рожен быти от Отца. Свойственно же Духу еже нарицатися Дух Свят и от Отца исходити. Всех же лиц, рекше состав, едино естество, едино хотение, едино действо, едина благость, едина сила, един совет. Сего ради единаго Бога исповедати, а не три: ни бо отлучени суть друг от друга якоже человецы, ниже нравы различны, но вкупе Отец и Сын и Святый Дух, друг в друзе неслитне и нераздельне вмещается, коемуждо лицу хранящу свое, ов отечьство, овже сыновьство, ов же исхожение. Аще ли глаголет нам кто: что есть Отец? Отвещаем ему: еже есть Сын и Святый Дух, пребывая Отец. Аще же глаголет, что есть Сын? – речем же ему: еже есть яко же рех Отец и Дух Святый, пребывая Сын. Такожде же и о Дусе Святем: се бо есть еже Отец и Сын, пребывая же Дух Святый. Собьство бо недвижимо есть, якоже рече Богослов Григорие: како бо собьство бываеть движимо и прелагаемо? Есть убо Божество, достоить съкращене рещи, неразделно убо в разделениих, ово естеством, овоже ипостас-

ми, якоже в солнцех триех, вкупе сущих, едино света размешение. Егда убо к Божеству, иже в едином естестве зрим, и вине и единоначалию: едино нам есть покланяемо или мечтаемое[1]. Егда же к собьством и лицем, три покланяема суть. Словом убо сиа проходим, по великому Григорию, помышляем солнце и свет и лучю, ум и слово и дух, начало воды и источник и реку. Обаче, по рекшему, вера да предваряет, а не показание, и подобает всякому человеку чистым и богосиателным деанием, наставника Духа имети, яко да светом приемля свет, Веровати в Отца, и Сына, и Святаго Духа, едино Божество и силу, в триех познаваемо и покланяемо съставох. *Тако веруем и тако мудрьствуемь*, и в сих довлеем, и се есть Премудрость наша и разум наш! И тако держим и тако исповедаем с всем воздыханием!»

Те же самые основания учения о Боге изложены и в седьмом «Слове»[2] с некоторыми подробностями относительно каждого Лица.

В истинном понятии о Божестве необходимо должно сливаться нераздельно понятие о вездесущии с понятием о личности. Только в богоучении христианском эти понятия совмещаются. Вездесущие без личности рождает пантеизм; личность без вездесущия – полифеизм. Вот две крайности всех ложных вер и всех ложных учений о Боге, излагаемых философиею, отпадшею от христианства. Иосиф, изложив истину богоучения, прибавляет: «тако веруем и тако мудрствуем», указывая таким образом на первоначальный нераздельный союз веры и знания. Тем же, которые, силясь вникнуть в самую тайну Пресвятыя Троицы, недоумевают о совмещении понятий по человеческому разуму и существу несовместимых, Иосиф отвечает: «Бог бо постижим, несть Бог: аще бо ангела, или своеа душа създаны поститнути или описати не можем, колми паче всех Творцю подобает быти непостижну!»[3]

Но чтобы дать возможность человеку через собственное существо свое, созданное по образу и подобию Божию,

[1] То есть: умосозерцаемо.

[2] Стр. 326–343 печатного издания.

[3] Стр. 326.

приблизиться несколько своим разумом к тайне существа Божия, Иосиф употребляет следующее доказательство от образа и подобия Божия, начертанных на человеке, строго отделяя их от тождества с Богом. Вот слова его: «Слыши, как бысть человек по образу Божию и по подобию еже бо *по образу*, не о плоти глаголет: плоть бо покрывало есть, и создана и мертвена и видима, Бог невидимый и несоздан и безсмертен. Сего ради глаголеть о невидимом в человеце, еже есть душа и слово и дух: по образу бо Божию в человеце душа, иже и ум глаголется, иже подражатель бывает некако Богу: в мгновении бо обтичеть вся, яже на земли и небеси, не существом своим, но мечьтанием помысленым, и обаче совращаем, создан бо. Един убо Бог существом Своим и премудростию и силою вся объемлеть, и не съвращаем и не създан. Душа же умна есть, и се нарицается Отец: слово же от душа ражается, и нарицается Сын. И Дух исходить, обьщее сопребывание имея души и слову нераздельно. И якоже Отець и Сын и Дух Святый безсмертен и бесконечен: сице и человек, по образу Божию създанный, носить в себе Божие подобие, душу и слово и ум. И аще и от тела преидеть человек: но яже в нем по образу Божию троица, душа и слово и дух, поет и славит Господа, якоже навыкла бяше в телеси благочестиве творити молбы и молениа и прочая благотворениа, и не мечтанием, но истиною. Еще же пакы *по образу* глаголет самовластное человека и обладателное. Якоже Бога никтоже вышьши: сице на земли никтоже вышьши человека: всеми бо обладающа сътвори его Бог. А еще, *по подобию*, се есть еже быти милостиву и щедру ко всем, паче же к врагом, якоже Бог, иже сияет солнце на злыа же и благыа. Се есть, еже *по образу Божию и по подобию!*»

Объясняя таким видимым способом тайну Пресвятой Троицы, Иосиф и в начале и в конце утверждает строгое различие между понятием об образе и подобии и понятием о тождестве, чтобы оградить разум в понятии о божестве от пантеизма духовного, антропического, к которому человек бывал наклонен во все времена. «Тленного царя ухищренный образ, –

говорит Иосиф, – все ли имеет в себе, что царь имеет? Нет, но сколько вмещается. Если бы все имел, что царь, то не был бы образ царев, а сам царь. Так и о человеке приемли!» В заключение сказано: «Вот как надобно разуметь образ и подобие Божие! Если же не так, то человек был бы по всему подобен Богу, и в таком случае не был бы образ Божий, но сам Бог».

Еретики, признавая ветхозаветное предание о создании человека, признавали на нем образ и подобие Божие, но посвоему. «Имать Бог Отец, – говорили они, – вседержитель Дух, иже исходит от него и на въздусе разливается». «Яко же человек, иже имать душу, яже ражает слово, износимо усты духом и невидимо в человецех, едина же убо душа состоится в телеси, слово же и дух исходита и погибаета на въздух разливаема: такоже и Отець, всех Творець, имать слово произносно и дух на въздух разливающься: темже ни три лица, ни три составы поведаем о Божестве, якоже и человек създан по образу Божию, не три лица имать, ни три съставы».

Вот что говорит Иосиф против этого лжеучения, которое материальным образом отожествляло существо Божие с существом человеческим. «Не тако бо Слово Божие, якоже мое слово, от чрева орудием гласным износимо и на воздух разливаемо. Суть же орудиа моего гласа сиа три, язык и зубы и устне. Бог же не имать чрева, ни языка, ни зубы, ниже устне, якоже мы, и ниже Слово Его, якоже наше слово, на въздух расходящеся: но Слово живо суще и съставно, еже к Богу вначале и Сам Бог сый. Ниже Дух Божий, яко же мой дух, исходя из уст, и на въздусе разливаася. Дух уст Божиих, Дух истинный, иже от Отца исходя и Сам Бог сый, существа Божиа имея и състав съвершен, а не на въздух разливаайся». – «Аще ли же Дух Святый Божий на въздусе разливается: то како глаголет о Нем пророк Исаиа и нарицает его Дух Божий, Дух премудрости, Дух разума, Дух совета, Дух крепости, Дух сведениа, Дух благочестиа, Дух страха Божия? Дух бо, разливаяйся на воздусе, не подаеть премудрости, ни разума, ни совета, ни крепости, ни сведениа, ни благочестиа, ни страха Божиа, но егда бываеть и помале в небытие приходит».

Так ограждал Иосиф истинное учение о Боге, содержимое в христианской вере от материального пантеизма, который заключался в жидовском учении и угрожал Православной Церкви и русской жизни.

Во втором слове, где Иосиф опровергает учение еретиков, что Христос еще не родился, и ветхозаветными свидетельствами доказывает все события Его земной жизни, встречаем замечательное объяснение таинственного сна Навуходоносора. Колосс, у которого голова была золотая, руки и рамена серебряные, чресла и бедра медные, лядвеи и ноги железные, изображает четыре царства Древнего мира, сменявшие друг друга: золотое Вавилонское, серебряное Персидско-Мидское, медное Македонское, звеневшее по всему миру славою Александровою, и железное Римское, по свойству твердости железного естества обнявшее и поглотившее все прежние царства. Камень отсекся от горы без содействия рук человеческих и сокрушил колосс, истнив до конца все четыре металла; он был образом с гору великую и наполнил всю землю. Этот камень есть Сын Божий; Его Царство, извеявшее все прочие, Царство Божие бесконечное. В этом объяснении Навуходоносорова сна является нам мистическое видение всей древней истории, откуда впоследствии самою наукою заимствована мысль о разделении ее на периоды по последованию всемирных монархий вавилонской, персидской, македонской и римской. Эту мысль мы встречаем и в древних наших хронографах: Иосиф, конечно, заимствовал ее из общего древнего византийского источника. Но особенною глубиною поражает нас мысль, что с Христовым царством прекращается идея всемирного земного завоевания. Становится невозможною всемирная монархия и даже преобладание. В богословских видениях наших мыслителей XV века мерцают основные мысли для христианской философии истории.

Еретики, буквально держась закона Моисеева, хотели неразумно возвратиться к ветхозаветной жертве и к обрезанию. Иосиф в 3-м «Слове» глубокомысленно объясняет историческое значение древней жертвы. Египтяне именовали

богами вола, овцу, козу, голубя и горлицу: вот почему велено было приносить их в жертву, чтобы не навыкли именовать их богами. Бог же не хотел от иудеев жертвы, как и говорил о том устами пророка Исаии: «что ми множество жертв ваших? Исполнь есмь всесъжжениа овен и тука агнець, и крове юнча и козлиа не хощу, новомесячий ваших и субот и день велик не терплю; пост и праздникы ваша ненавидит душа моя. Егда въздежете руце ко мне, отвращу очи мои от вас: руце бо ваши исполнь крове». Господь терпел жертвы, как врач позволяет больному, жаждущему студеного питья, пить из чаши, из дому его принесенной, по разу в день, чтобы он худшего себе не позволил. Этою чашею был для иудеев Иерусалим, где только и позволялось иудеям приносить жертву. А когда время жертвам кровавым миновало, Господь сокрушил Иерусалим, как врач сокрушает чашу у болящего, чтобы отвести его от студеного питья.

Все христианские мыслители любили природу и имели верный взгляд на нее. Как Церковь призывает ее силы к участию в своих благодатных таинствах, так и они употребляют ее значительные явления для наглядного истолкования таинственных истин веры. Таков и взгляд Иосифа на природу, не нарушающий нисколько истины явления. Мы приведем три тому примера.

Вот изображение воздуха, как стихии, существом своим изображающей подобие Божества. «Не мощно бо Бога вместити никомужь, ни самое небо вместити Его может, безконечно бо есть, но престол Ему есть небо, а ангели и вся видимая и невидимая тварь, но что реку, тварь, то и вся четыре стихиа в небе того для конец имеют, единажь от четырех стихий именуется воздух, невидима бо нами и прозрачна человеческим помыслом и видом, аки подобна Божеству, и како бы нигде ее нет, а везде есть, и всем живот и дыхание по Бозе дарует, без него ни единому животному не мочно быти, ни земли, ни морю нельзя стояти, виждь, колико величество землю и море и всю поднебесную обдержит, но и та в небе конец имеет»[1].

[1] Из послания Иосифа к Вассиану о Святой Троице.

Чтобы объяснить таинственное совмещение Божества с человечеством в Иисусе Христе, Иосиф употребляет сравнение огня с железом, которое им раскаляется. «Если кто скажет: когда человечество сроднилось с Божеством, как же Бог Слово не исполнился телесной немощи? Как огонь в железе бывает, сообщая ему своей силы, но не уменьшаясь преподанием: так и Бог Слово подвигся из себя и вселился в нас, не претерпев превращения… Огонь железных свойств не причащается: черно железо и студено, но, разжигаясь, в огненный зрак одевается. Само будучи просвещаемо, не очернивает огня; само распаляясь, не студит пламени. Так и человеческая Господня плоть причастилась Божества, а не преподала Божеству своей немощи… Пречистое Божество исправляет страстное, само не наполняясь страсти: так солнце проникает и в нечистые места, очищает скверное, но не принимает зловония, а, напротив, иссушает гниющее и очищает скверну».

Таинственное действие Пречистой и Бескровной Жертвы, которая приносится от востока солнца до запада на оживление и просвещение души и плоти, сравнивается с действием восковой свечи; воск сгорает и огонь, поедая его, освещает храмину: так и действо Святого Духа, примешиваясь хлебу и вину и воде, претворяет их в плоть и кровь Христову.

Остановим теперь внимание на тех мыслях, которые привились к народной жизни и до сих пор действуют в нашем народе.

Русский человек поклоняется Богу на восток. Кочуя в степи, он совершает утреннюю и вечернюю молитву свою, туда обращая мысли и взоры. Вот объяснение этому действию в «Просветителе» Иосифа. «Писание сказует, яко насади Бог рай в эдеме на востоце, и введе вонь человека, и к нему многажды глаголаше на въстоце, да иже перваго отечьства имущеи и к нему зрящеи *Богу покланяемся на въстокь*, и Еноха на небо взят, и Ною повеле ковчегь сътворити на въстоце, и с ним глаголаше. Аще бо и всяческаа съдержит Господь, но *паче всех на въстоце показа Свою силу и чюдеса*»[1].

1 Стр. 270.

Известно благоговение русского человека к кресту и к крестному знамению. Вот слова Иосифа, относящиеся к этому верованию: «И не точию тому единому животворящему Кресту подобает покланятись и почитати, на нем же Христос распятся, но и всякому кресту, иже в образ и подобие сътворен оного Христова животворящаго креста, подобаеть покланятися, яко самому оному, на немьже Христось пригвоздися: иде же бо аще въобразится крест от каковы вещи, тамо приходить благодать и освящение пригвоздившагося на кресте Христа Бога нашего. Се нам даеться знамение, еже въображати на челе и на сердци и на всех удесех! Се печать, да не прикоснеться нас губитель видя... Сим познаваемся вернии, и от неверных отступаем! Се щит и оружие наше!»[1]

Известно, что русский человек уважает таинства, преподаваемые Церковью, как бы сам по себе ни был недостоин служитель ее, совершающий и преподающий ему таинства. Вот слова Иосифа, прямо относящиеся к подобному образу мыслей русского человека. «И не яко от проста человека, от священника приемлем, но яко от самого Серафима и со лжицы тоя огненныя, страхом и трепетом. Аще и житие неисправлено мниться нам имети, но нам недостойно есть осужати сих: им бо есть сих Судиа, их съкровенных зритель. Тебе же да будет всяк достоин, точию да не будет явственно от Церкви отлучен. Аще бо и житием кто кого преходит, но Святаго Духа печать и дар равно подаеть. Смотри ж сице: ов имать злат перьстень, ов же железен, и един образ царьскы имать, изваяны во обою прьстню. Посемь въском вображаеться: рци, аще еси премудр, кая есть часть железу, каяж ли печять злату? Не можеши убо различити, понеж утвари различие есть, а не образу. Тако и зде человечьское различие есть, а не духовныя благодати! Не умалит бо ся Святаго Духа дар недостоиньством священническым, аще бо и не во всех Бог благоволить. Ты же не суди судиамь, осужень сы, и не паси пастыря, овча сый, ни глаголи, яко той достойнейши, сей же не таково имать достоинство. Но да

[1] Стр. 296.

будеть ти всяк достоин, точью да не будеть кто еретическое имея учительство»[1].

Вот, наконец, превосходные мысли о Церкви и молитве, хранящиеся в основах жизни русского человека.

«Зри, яко добре глаголеть Златоуст: церковь не стены, но народ благочестивых людий, яко да не начнуть человеци точию о церквах величятися, делыж Бога прогневати; но подобает делы благими Богу угажати, и церкви Божественыа създидати, и с страхом и трепетом в них стояти и почитати Божественаа верою и любовию»[2].

«Молитву же глаголю, не я ж просто в устех лежащую, но яже из глубины помысл въсходящу: якоже бо от древес, елици аще в глубину пустять корение, не сламляются от ветра, тако и молитва, из глубины мысленыа въссылаема, к высоте простирается. Сего ради пророк рече: из глубины мысленыа възвах к тебе, Господи. Виждь, како глаголеть и молится! Из глубины сердечныя, а не худою сею молитвою, и разлененна исполненною, но с прилежанием и с болезнующею душею и съкрушеною мыслию: та бо есть молитва, к небеси възводящая. Яко же воды, донддеже по равне земли текуть, невъздвижутся к высоте: внегда же тыя от течениа загражше соберуть, и утешняемы, стрелы всякыа борзейши к высоте възлетають: тако и человечьскаа мысль, дондеже убо в безстрашии и в небрежении о себе пребываеть, много разливается и растичется: внегдаж вещем скорбным и печалным обстоянием от доле утеснится, съгнетаема зелне, тогда чисты и благомощны молитвы к высоте въссылаеть, ибо пророк глаголеть: к Господу, внегда скорбети ми, въхваъ, и услыша мя. Сего ради оскорбим нашу душу памятию смертною, памятию ответа еже о съгрешениих, памятию Страшнаго Суда, памятию огня темнаго, пакыже памятию Царства Небеснаго, памятию св. ангел: ничтоже бо тако отгоняет разленение и пренемогание, якоже сиа всегда помышляти, пачеже во время молитвы. И сице отвсюду събирающе мысль и к себе обращающе, отгоним разленение

[1] Стр. 303.

[2] Стр. 319.

и пренемогание, и вся земная от помысла изгнавше, к небеси всесебе преложим: яко близ престола славы предстоя, помышляим, с ким хощем призывати Бога… Сего ради от всих сиъ съгреим нашу совесть и оскорбим и утесним: ибо сице скорбя и моляся всегда можеть в свою душу божественую сладость привлещи, еже от слез. Якоже бо облаком стечение мрачен творит въздух; егда же чясты испустить капля и отложить дождь, тихо и светло седоловаеть все место: тако и печаль, дондеже убо внутрь есть, помрачает наш помысл. Внегда же молитвеными глаголы и еже по онех слезами, испразднится, и суетных и прелестных мирьских бесед отлучится, многу влагает в душу светлость, Божию заступлению, яко же лучи нецеи, в мысль от Бога послане бывши молящегося, да яко же светилнику свет, сице молитвенный свет.

Аще же молитва толику имать силу: множае же паче с множеством, и болше дерзновение стяжит, и усердию вина бываеть. Аще бо камень к каменю сражаем, множицею искрам искочити устрои: таже что есть камене студенейши? Но обаче естество победи частость. Аще ли же о камени се случается: множае паче о душах, друг друга сражаемых, огнем духовным съгреваемых.

Аще же кто глаголеть, яко и в дому помолитися могу, прельщаеши себе, человече. Помолитися убо в дому возможно: сице же помолитися, яко же в церкви, не възможно, идеже отцев множество, идеже пение единодушно к Богу всылаеться, и единомыслие, и съгласие, и любве союз. И в время оно, любимиче, не человеци точию въпиют страшнейши он вопль, но и ангели припадають Владыце, и архангели молятся… Сего ради не тако услышан бываеши, особь владыку моля. Зде бо и священничьскыа молитвы въсылаются; сего бо ради и священници предстоят, яко да народныя молитвы немощнейша суща, сильнейша сиъ емшася купно, взыдут с ними на небо… И Петра молитва от темница избави…

Ничтоже бо тако обрадованну нашу устраяеть жизнь, якоже еже в церкви красование. В церкви печальным веселие. в церкви тружающимся упокоение, в церкви насилуемых от-

дохновение. Церковь брани разруши, рати утоли, буря утиши, бесы отгна, болезни уврачева, напасти отрази, грады колеблемыа устави. небесныя двери отверзе, узы смертныя пресече и иже свыше наносимыя язвы, и иже от человек наветы вся отъят, и покой дарова. *Приидите*, рече, *к Мне вси, тружающеися и обременении, и Аз покою вы.* Что сего гласа любезнейши? Что сего званиа сладостнейши?.. Сего ради потщимся, възлюблении, к красному пристанищу церковному преже приходити, яко Петр и Иоанн к гробу Господню…

Аще ли не имаши церкви, не рци, яко не возможно ми есть помолитися, кроме церкви. Иже убо чистым сердцем и делы преподобными призывает и́, приимет от всякого места, и молитвы его послушаеть усердием внимая, аще и место мнети не полезно, яко не пытаемо молитвеное место, но образ. Иеремиа в пропасти бе, но Бога умоли. И трие отроци в пещи беша, и Бога умолиша. И Даниил в яме лвове, и Бога умоли. Иев на гноищи бе, и Бога умоли и сугубо богатство прият. Моисей на мори бе… Разбойник на кресте… Да и ты, любимиче, убо где еси, или на мори, или на пути, или в дому, или ходя, или седя, или спя, и на всяком месте непрестанно молися в чисте совести, глаголя сице: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, и Бог послушаеть тебе: Того бо есть земля и конца ея»[1].

Седьмое «Слово» оканчивается изложением того, как подобает ныне служить единому Богу. Этот отрывок содержит в себе самое полное, ясное и сильное изображение обязанностей христианина. В предыдущих отрывках мы достаточно уже ознакомились с оригинальным славянским языком Иосифа, а потому все это место, где богословская истина применена к практической жизни, приведем по-русски[2].

«А чтобы Тому единому послужить, узнай истину, как подобает ныне Тому единому служить не жертвами безсловесными, как иудеи и эллины, но прежде всего сохрани веру, как

[1] Стр. 345–360.

[2] Издатели «Православного собеседника» говорят, что за одну эту статью можно поставить автора в число лучших русских духовных писателей.

обещался на крещении, в Отца и Сына и Святаго Духа, неповрежденную и чистую, и дела, какие обещался Христу, соблюдай со страхом и любовию. Какие же это дела, слушай: прежде всего *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всем умом и крепостию, и помышлением, и да не отлучит тя от любви Его ни живот, ни смерть, ни настоящая, ни грядущая.* Все обычаи свои и нравы и дела поставь угодными Богу: будь праведен, мудр, печальным утешитель, нищим кормитель, странным приемник, поборник обидимым, умилен к Богу и к человекам приветлив, терпелив в напастях, недосадитель, щедр, милостив, в ответах сладок, кроток, неславохотен, нелицемерен, чадо Евангелия, сын воскресения, наследник жизни, незлатолюбец, неосудник, часто молитвенник, скорбен греха ради, весел о Боге, алчен, жажден, смирен, долу поникая, ум же к небу простирая. Ступание имей кроткое, глас умерен, слово благочинно, пищу и питие немятежно; при старейших молчи, премудрейших послушай, к преимущим имей повиновение, к равным себе и меньшим любовь нелицемерну, от злых и плотских и любоплотных отлучайся; мало вещай, множайша же разумей, и *не продерзай* словом, не излишествуй беседою, не дерзок будь на смех, стыдением украшайся; труждайся руками, во всем благодари, в скорбях терпи, ко всем смирен будь, блюди сердце от помышлений лукавых; не испытывай ленивых жития, но ревнуй святых житию; сорадуйся исправляющим добродетели, а не завидуй; плачь о согрешающих, а не осуждай: они имеют своего Судию, Который воздаст всякому по делам его. Не поноси обращающегося оть греха; не оправдывай никогда себя, а исповедуй грешным перед Богом и людьми; не беседуй с лестию, не клевещи ни на кого, не послушай клеветы с сладостью. Ярость да не насилует тебя, похоть да не держит; не гневайся понапрасну на искренняго, не держи мести ни на кого, чтобы злом воздать за зло. Укоряем будь, а не укоряй; биен будь, а не бей; обидим будь, а не обижай. Прежде всего воздержися от бесед женских и от виннаго пития: вино и жены заставляют отступать и разумных. Исправляй заповеди Господни, не унывай, но ожидай награды и похвалы от Бога и

желай вечной жизни. Наставляй безчинных, утишай малодушных, служи болящим, странноприимствуй, прилежи братолюбию. С присными в вере имей мир, еретика человека отрицайся, завещанные книги прочитай, отреченных отнюдь не читай. Сущих благ на небеси желай, сущих на земле не восхищай: сеть над ними растянута: как птица в ней увязнешь. Откажись от мудростей мирских, умудрись же Христу: иная мудрость Его, и иная мудрость мира, распявшего Господа славы. Сегодняшнее имение держи, а завтрашнее отдавай Богу: Он сказал: будь свет, и был свет день. А давший день и совершит его. Оставь земное, да примешь небесное; пребудь в нищете на земле, да на небесах обогатишься; пребудь в алчбе и в жажде на земле, да насытишься на небесах радости безконечной; потаись здесь, да явишься там; помолчи здесь, да возглаголешь там с дерзновением к Отцу. Будь сын воскресения и жизни вечной, и чадо свету дня; взыщи своего отечества и подвигайся по пути, пока достигнешь вечного города. Пока ты во плоти, не прекращай подвига; день за день подвизайся о своем спасении; не отлагай на время: ведь перед смертию вестние не приходит. Скорбен будь и весел, печален и радостен: скорбен и печален смиренного ради жития, не прилепляясь к земной радости; весел же и радостен душою о Господе. Прилепись Господу верою и любовию, да не обольстит тебя от Него прекрасное мира сего; смежи очи свои от видимых и прозри внутренними очами на будущее; поработи тело, освободи душу; не облегчай тела: плоть во льготе буйствует; вдавайся всему скорбному в это время, чтобы в будущее время исполниться всякой радости: торг ведь жизнь сиа. Повергни временное и прими вечное; отдай от себя малое и прими великое; прежде вечного покоя не почивай; прежде вечных благ земных благ не насыщайся. Да будет тебе горько безполезных повестей слушанье, а сотами медвяными святых мужей повести и божественных писаний чтение. Уши имей отверстыя к слушанию, руки готовыя к исполнению слышаннаго; уста имей молчащия, сердце обозрительное; буди молчалив на празднословие, разумен на полезное; к большим добродетелям простирайся, о меньших не

нерадей. Будь верное сокровище добродетелям; имей ключ божественный страх; он да отверзает уста твои, он да затворяет. Когда надо, смотри; когда надо, говори; вопрошаемый отвечай, невопрошаемый безмолвствуй, да не от дерзостного сердца подстерегаемый язык твой уязвит кого, но да исходит от тебя слово утешения, утверждая к тебе искренняго любовь; беседуй с светлым лицем, чтоб было весело беседующему с тобою. Беседуя с нищим, не оскорби его; кто безчестит нищаго, тот раздражает Сотворшего его, говорит притча. Всякому, созданному по образу Божию, не стыдись преклонять главы своей; старейшего деньми почтить не ленись и потщись покоить старость его; сверстников своих сретай мирно, меньших себя принимай с любовию; пред честнейшими себя не ленись стоять; алчного накорми, жаждущего напой, как Сам Господь повелел, нагаго одень, страннаго введи, больного посети, до темницы дойди, узнай беду их, чего требуют – подай им, поскорби и воздохни и прослезись с ними, и вспомни, что многие из них ради единого греха злостраждут; мы же, всегда согрешая, питаемся и благоденствуем. Сего ради скорби о грехах своих, вздыхай о соблазнах, печалься о падениях в городе, где ты живешь, и во иных окрестных. Поищи одного человека, боящегося Бога и всею силою служащаго Ему, и к тому прилепись душою и телом. Если обрел такого человека, то уже не скорби: ты обрел ключ Царства Небеснаго; ему последуй во всем, и словесам его внимай, и угодное ему твори. Имей пристанища тихия, монастыри и домы святых; к ним прибегай, поскорби с ними и утешь их в нищете их. Если имеешь что в доме своем потребное, неси им: все то вруки Божии влагаешь. Разумей, что есть воля Божия и чего требует Царь Небесный от твари Своей: не малой ли и удобной милостыни? Дай малое, возьми вечное; дай единицею, возьми сторицею: милующий убогого Богу взаймы дает. Праздники Божии и святых Его почитай, не сам упиваясь, но алчных накормляя и жаждущих напояя. Отвори дом свой не богатым, ни славным, но убогим и нищим, сиротам и вдовицам, и не имеющим где главы подклонить. Богат ли у тебя дом или убог, за все благодари Господа Бога; все то Бо-

жественным Промыслом строится, и все то зрит неусыпающее Его око. Сего ради потщися всего своего имения десятое Богу отдать, давшему тебе здесь жизнь, а по смерти обещавшему жизнь вечную: ибо мир сей мимоидет, и слава его погибнет; приидет же Господь с небесными силами и поставит на суде всякого человека и воздаст каждому по делам его. Поминай, что можешь завтра увидеть, как небеса расступятся и ангелы сойдут, и ты станешь перед Страшным Судилищем, и слово воздашь о житии твоем, о делах и словах и помышлениях; попекись же о себе, помяни себя и грехи свои, помяни осуждение свое; помяни, что ты человек смертный, болезненный, страстный; помяни, что ты в житии печальном, бед исполненном, погубившем многих добрых и злых, мудрых и не мудрых, богатых и нищих; помяни, что ты человек немощный, не могший вынести ни одного дня труда, ни одной ночи бдения; помяни, сколько ты согрешил Богу от юности своей; помяни, как со львом и со змием борешься день и ночь; помысли, сколько под землею душ, преобидевших страх Божий, молившихся получить малый покой и не получивших; помяни, как часто воздвигалось море сие житейское действием плоти нашей, сколько бурь и сколько мятежей, сколько ветров, сколько грехов, сколько слез во всех городах, в домах и на торгах; помяни, сколько было людей от Адама доныне, и все прошли без следа памяти: одни же те прославились на небесах и на земле, которые пожили по заповедям Божиим во все дни своей жизни. И что благо в мире сем, и что не ложно? Все болезни и страха исполнено: и рождение наше страстно, и смерть наша страшна, а что по смерти, то неизглаголанно и неисповедимо; питание наше меры не имеет, спание и хождение все печально, и плоть наша не умирится нам: здоровая ратует, а немощная печалит нас; не будь ей одного хлеба на утверждение, изнеможет. И кто в этой жизни не дурно пожил? Кто не вкусил соленых вод горького сего моря и сопротивных волн? Кто на нем не постенал? Сколько великих обманула нынешняя жизнь, и сколько текущих прекрасно – остановила? Помяни, что скоро оставишь все видимое, небо и землю, и людей; помяни, как ничтожен ты и

телом и душою: малая скорбь возьмет тебя, малое слово *огромит* тебя, малая болезнь как огнем сожжет тебя и в великую печаль ввержет. И всякое веселие света с его плачем кончается: сегодня брак творят, а завтра над мертвецом плачутся; сегодня растем, завтра гнием; сегодня нами раждаются, завтра погребаются; сегодня радость, а завтра плач; сегодня богат, а завтра наг; сегодня славен, а завтра кипит червями. Убоимся же и вострепещем! Ибо не знаем, что снами сбудется. Покаемся ныне: по смерти нет уже покаяния: что сотворим, то и найдем там; что посеем, то и пожнем. Придет оно и не минует; придет Божий меч на нас и ничьего лица не обойдет: оставит человек все, и отойдет один, нищ и наг, безпомощен, без заступления, без дерзновения, неготовый; долу поник он, плачет и сетует, потом обливается, очи обращает туда и сюда, скрежещет зубами, трепещет, рвет на себе волосы, сгорает языком, хочет бежать и не может, хочет помощь улучить и не улучает; малый огонь, а все ни во что; малая болезнь, а все вотще и всуе: одна ночь глубокая и темная, страшная и болезненная; и веден будет, как осужденник, куда поведут ведущие, в места страха и трепета, где нет смеха, но плач, где нет пищи, но туга, где многий страх и трепет грешникам, беда великая, слезы неизреченныя, сетование неисповедимое, воздыхание неумолчное, огонь неугасимый, червь неусыпаемый, тьма без света, *недароприемный* страшный Судия. Поучимся же сим – ибо в сих будем присно! Оплевав все прекрасное мира сего, поможем себе! Дадим место миру и льготам его! Дадим место всем попечениям и пристрастию к миру и скроемся от них! Все то гонит нас на убиение. Внимаем же себе и Богу своему! Отдадим тело свое всему скорбному и печальному: многих язв оно достойно. Покаемся всем сердцем и скажем: се вся оставихом и вслед Тебе идохом! Всего отверглись мы Твоего ради страха! Покаяние наше пускай дойдет до облак; стенание к небесам приблизится; молитвы и милостыня да придут перед Бога! Послужим Ему страхом и трепетом, потерпим все скорбное и печальное, да насладимся благих, что Господь обещал любящим Его: заповеди Божии свет и жизнь: в тебе сила или творить их, или презреть. Поу-

чайся же им непрестанно и в них пребывай, и напиши сие малое слово на сердце своем, и обвяжи его около выи своей: оно вводит в жизнь вечную хотящих идти по святому желанному пути, им же от века ходили все святые Ветхого и Нового Завета, в подвиге пота их, в скорбях и в нуждах великих, и постнически и мученически угодили Христу и Тому единому послужили, да вставши от мертвых, с ангелами ликуют – блаженный и вечный нерушимый лик, аминь»[1].

Мы до сих пор изучали ту часть «Просветителя», которая составляет внутреннюю сущность Иосифова творения и всегда пребывает в нравственных основах жизни русского человека. Теперь мы должны коснуться слабейшей его стороны, принадлежащей его времени: сюда относятся последние пять гонительных «Слов». Странное противоречие встречаем мы между этими мрачными «Словами» и светлою мыслию, какая поражает нас в 4-м «Слове»: «Сам (Бог) Истина и Любовь именуется, и всех приводит от нечестия в благочестие, не ратью ни оружием, ни водою потопляя, ни огнем сожигая, но кротостию и терпением и смирением, и милосердием и любовию».

Еще в первых одиннадцати «Словах» спокойствие разумного обличения ереси и исповедания истин Христовой веры нередко нарушалось словами гнева и проклятия на отступников. В последних же пяти словах сила гнева переполнила меру. Иосиф, увлекаясь рвением пастыря, оправдывает себя подражанием пастухам, защищающим свое стадо. Когда неверные еретики православных не прельщают, можно оставлять их в покое; но когда они совращают верных, тогда надобно их не только ненавидеть или осуждать, но проклинать и язвить, и тем руку свою освятить. В порыве рвения Иосиф указывает на апостола Павла, Иоанна Златоуста, Порфирия Газского, Льва Катанского, словом или чудесами изгонявших и поражавших еретичество. В ослеплении гнева он говорит даже, что убивать еретика руками или молитвою все то же. В 15-м «Слове» он не признает в отступниках и покаяния, если только оно вынуждено страхом казни. Наконец, в последнем 16-м «Слове»

[1] Стр. 361–373.

устами самого равноапостольного царя Константина Иосиф так обращается к властям, ему современным. «Мы неверующих в святую и единосущную Троицу повелеваем мечом посещи, и богатство их на расхищение предать; повелеваем их казням лютым предавать наравне с ворами и разбойниками... Так и вам повелеваем творить: бози бо есте и сынове Вышнего... Разумейте же, цари и князья, и бойтеся страха Вышнего: вашего ради спасения написал я вам, да, Божию волю сотворив, приимете Божию милость. Вас Бог посадил заместо Себя на престоле Своем. Подобает царям и князьям всякое тщание о благочестии иметь... Солнцу свое дело светить сущим на земле; Царю – пещись о всех сущих под ним...»

Гневное гонительное слово достигло своей цели. Гражданский суд поразил сильнейших еретиков. Запылал костер, на котором сожжены они всенародно в железной клетке. Другим отрезали языки; слабейшая казнь была темница.

Но и тогда еще с другой стороны против гневного слова проклятия, ведшего к жестоким казням, раздалось слово обличительное, слово вологодских и особенно кирилловских старцев[1]. Вот что они писали: «Правда, что не кающихся еретиков и не покоряющихся велено заточить, а кающихся еретиков и свою ересь проклинающих Церковь Божия приемлет с простертыми дланями. Ради грешных Сын Божий воплотился и пришел спасти погибшаго. А что ты, господин старец Иосиф, писал, что Моисей скрижали руками разбил, то так; но когда Бог захотел погубить Израиля, поклонившегося тельцу, тогда Моисей стал вопреки Господу и сказал Ему: "Если их погубишь, то меня прежде их погуби", и Бог не погубил Израиля Моисея ради. Видишь ли, господин, как любовь Моисеева к согрешившим превозмогла самый гнев Божий. Так же Илья пророк, ревнуя по Боге, заклал 400 жрецов Вааловых, потому что не каялись, а покаявшихся принял на покаяние, из них же

[1] Писание старцев вологодских монастырей против Иосифа: Кириллова монастыря старцы и всех вологодских монастырей совокупишася и о сем подвигшася, положиша тому посланию старца Иосифа свидетельство… Др. росс. вивлиоф. Ч. XI. Стр. 424.

вышел после и Авдей пророк... Но тогда еще был ветхий закон; нам же в новой благодати явил Владыко христолюбный союз: не осуждать брату брата, а только единому Богу судить согрешения человеческие: вспомни, что и Сам Спаситель не осудил грешницу и отвел от нее убийственную жидовскую руку. Если ты повелеваешь, Иосифе, брату брата согрешившего убить, то скорее и субботство будет, и все ветхое закона, что Бог ненавидит. А Петр апостол Симона волхва молитвой разбил... и ты, господин Иосиф, сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойных еретиков или грешника. Если же Бог примет еретика или грешника на покаяние, то не услышана будет от Бога молитва твоя. Мы помним разбойника, спасенного исповеданием, мытаря, очищенного милостию, блудницу, помилованную за слезы и названную дочерью. Павел апостол Еллиму волхва молитвой ослепил за то, что искал развратить Анфипата от веры, а сам апостол писал: пускай я буду проклят от Христа, лишь бы братия моя спаслись. Видишь ли, господин, как и апостол душу свою полагает за соблазнившуюся братию, чтобы спаслись, а не сказал, чтобы огонь их пожег, или земля пожрала, а ведь он мог бы все это от Бога приять и испросить. А Лев, епископ Катанский, Лиодора волхва епитрахилию связал и сжег при греческом царе: то так. А ты, господин Иосиф, почто не испытаешь своей святости, зачем не связал архимандрита Касьяна своею мантиею? Пока бы он сгорел, а ты бы в пламени его держал, а мы бы тебя, как одного из трех отроков, из пламени вышедших, да и приняли. Поразумей, господин Иосиф, как много разни промеж Моисея и Илии и Петра и Павла апостолов, да и тебя от них. Кто бы, господин, ведал многое Божие милосердие, если бы не Сам Господь показал его людям над грешными... Вспомни, когда апостол Петр вопросил Господа: *Господи, аще брат согрешит в мя до седьмижды днем, прощу ли его?* – что́ отвечал ему Господь: *не глаголю ти до седьмижды, но до седьмдесят седмерицею прости его*».

Так общий дух нашей Церкви сказался в этом послании вологодских старцев и обличил фанатическое уклонение лица

от духа Любви, который есть, по его же собственному слову, одно с духом Истины.

Первое сильное отступление от истин веры, исповедуемых Православною Церковью, вызвало у нас одно из замечательнейших богословских творений нашей древней словесности. Мы видели, с какою очевидною ясностию сознаны и раскрыты в нем эти истины; как самые явления природы служат к их истолкованию; как не остается это сознание в одном отвлеченном мире богословия, но переходит и в практическую жизнь, в образ мыслей самого народа.

Плодотворнее бывает и для народа и для государства, когда ереси, возникавшие в среде их, действуют открыто и явно, а не под маскою двуличного слова, не под покровительством бездушного лицемерия. Ложь всего вреднее, когда она таится под спудом или роется под землею, как крот: ей надобно, как кроту же, выйти на свет, для того чтобы лишиться жизни, а она того боится и подрывается под людей, пользуясь покровом всеобщей тайны. Ложь, открыто разглашаемая, приносит ту пользу, что вызывает голос истины: так и у нас жидовская ересь вызвала первые одиннадцать «Слов» «Просветителя»[1].

[1] Упомянем об источниках для изучения жизни и деятельности Иосифа Волоцкого. Рукописные жития принадлежат ученикам преподобного: иноку Досифею, который был и его сродником, Савве Черному, впоследствии епископу Крутицкому, и еще неизвестному, писавшему вскоре после кончины Иосифа. По этим источникам составлены статья: «Преподобный Иосиф Волоколамский» (Твор. св. отц. Год. V. Кн. 2. Приб.) и «Житие преп. Иосифа, игумена Волоколамского» (Жит. святых Росс. Церкви. Сентябрь. Стр. 71. «Писания преп. Иосифа Волоколамского» (Твор. св. отц. Год. V. Кн. 3). Здесь можно найти список творений Иосифа с указанием на то, что было напечатано до 1847 года. В «Древней росс. вивлиофике» напечатаны, т. XIV: 1) Грешнаго инока сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков и отступников, Алексея Протопопа и Дениса, Осипа и Федора Курицына и инех, иже тако же мудрствующих (стр. 128); 2) Послание к Борису Васильевичу Кутузову (стр. 177); 3) Послание к архимандриту Вассиану о Св. Троице (стр. 218; Т. XVI, 420–428); 4) Прибавление начала к вышеупомянутому сказанию; 5) Послание к Великому князю Василью Ивановичу; 6) Писание старцев Вологодских монастырей против Иосифа, Кирилова монастыря старцы и всех вологодцких монастырей совокупишася и о сем подвигшеся. В «Чтениях Общ истории и древн. росс.», 1847, год третий, № 1. Смесь: Послания: 1) к Нифонту, епископу Суздальскому; 2) к иноку иконописцу; и 3) к Митрофа-

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТАЯ

Нил Сорский. – Его жизнь. – Учреждение первого скитского жития в России. – Устав сего жития, или Творение о осьми помыслах. – Подобные творения Кассиана Римлянина и Нила Синайского. – Содержание Нилова творения. – Внутреннее делание. – Пять степеней мысленной брани. – Высшее состояние дух а в молитве. – Анализ борьбы с каждым из осьми помыслов отдельно. – Оружие против них. – Три послания Ниловы и сочинение Анастасия Синаита о помыслах. – Заключение.

Третий муж силы духовной, действовавший словом и связующий XV столетие с XVI в нашей древней словесности, был Нил Сорский. Хотя в одном из посланий своих он по смирению и называет себя «поселянином», но он был из боярского рода Майковых и родился в Москве, в 1433 году; рано полюбил он чтение книг и в мирском пребывании проходил должность скорописца[1]. Памятником письменной его деятельности осталась рукопись, хранившаяся в библиотеке Иосифова монасты-

ну, архимандриту андрониковскому, с предисловиями П. С. К. Там же, № 7. Смесь. 4) Преп. Иосифа Волоколамского отвещание и сказание о святых отцех, бывших в русстех монастырех; сообщено П. К. Это есть отрывок из духовной грамоты Иосифа Волок., или глава 10. 5) Опись книг Иосифова Волоколамского монастыря, 1573, сообщено П. К. Там же, № 8. 6) Содержание послания Иосифа Волокол. к Ивану Ивановичу. В «Акт. историч.», т. 1, № 288. 1507. Духовная грамота. В «Дополн. к акт.», т. 1, № 211, 212, 213, 216, 217, из которых особенно замечательны и нам уже известны № 213, послание к вельможе о миловании рабов, и № 216, Дмитровскому князю Юрию Иоанновичу о пропитании народа во время голода. Просветитель напечатан в «Православном собеседнике», издав. от Казанской духовной академии, в книгах 3-й и 4-й 1855 года, в 4-х 1856 года и в 4-х 1857 года, с предисловием. Статья о нем в октябре 1859 года. «Просветитель» в рук. Архива иностр. дел, № 926, и Библиот. Унд., № 486. Духовная грамота Библ. Унд., № 144. В Сборнике Иосиф. мон., № 664, заключающем в себе Иосифовский отечник, составленный по примеру скитского патерика, находятся многие устные предания, слышанные от Иосифа и записанные его учениками.

[1] Эти подробности сообщены иеросхимонахом Нилом и заимствованы из одной древней рукописи, содержащей житие Нила.

ря[1]: в ней рукою Нила переписаны жития святых отшельников Симеона Столпника, Онуфрия Пустынника, Петра Афонского, Паисия Великого, мужей, которых жизнь согласовалась с призванием самого Нила, первого учредителя скитского жития в России. Постригся он в монастыре Кирилла Белозерского. Удаляясь от братий, изменявших обету иночества, Нил сосредоточивался весь в изучении писаний и преданий св. отец. Через несколько времени по пострижении с собратом и учеником своим Иннокентием отправился он к святым местам Востока и провел несколько лет в монастырях Афона и Константинополя; посетил скиты и пустыни отшельников. Один изумил его своим воздержанием, другой – нестяжанием и нищетою, третий – терпением в искушениях; четвертый учил его внутреннему вниманию и умной молитве. Об этом сам упоминает Нил в своем сочинении: «Повсюду обретается в святых писаниях похваляемо, еже с единем или с двема безмолвие, якоже и самовидци быхом в святей горе Афонстей и в странах Царяграда, и по иных местех многа суть такова пребываниа».

Ясно, что в этих монастырях Нил изучал образцы того безмолвного жития с одним или двумя собратами, которые он в своем писании называет путем средним или царским. Нил желал водворить его в своем Отечестве. Иннокентий, ученик его, в своем надсловии к Ниловой книге говорит, что святые отцы разделили все монашеское жительство на три чина: первый – житие общее; второй – уединение с двумя или с тремя, при общей пище и одежде, при общем труде и рукоделии; третий, наконец, – пустынное отшельничество и жизнь одинокая.

Последнее требует ангельской крепости: на уединение и пустыню, по словам св. Кассиана, могут идти только мужи совершенные и вполне очищенные, которые в собрании общеживущих всякую неправду в себе *выварили* и вполне себя приготовили к пустынной жизни. Нил указывал на второй чин как на образец, который он видел на святой горе Афонской, и много говорил против самочинного уединения людей, к нему не приготовленных, которое начинало распространяться в

[1] № 637.

России. Таких людей Иннокентий называет *самочинниками*. Отвергая учение и наставление братнее, они служат духу самомнения и гордости, и в них зачинается и воспитывается внутренний фарисей. Как ядовитый аспид или лютый зверь в пещере становится еще лютее и вреднее, так и они. Старцы говорили: если видишь юного, на небо восходящего, схвати его за ноги и сбрось на землю.

Нил по возвращении в монастырь сначала устроил себе келью вне монастыря, а потом отошел и далее; но пускай он сам об этом нам скажет словами из послания к одному брату, с которым он сопряжен был духовною любовию и который просил его написать ему что-нибудь на пользу души. «По отшествии странничества моего, пришед в монастырь, вне близ монастыря створих себе келлию, и тако живях елико по силе моей. Ныне ж вдалее от монастыря преселихся, понеже благодатию Божиею *обретох место угодно моему разуму*, занежь мирской чади мало входно, якож и сам видел еси. И наипаче испытую божественная писания: прежде заповеди Господня, и толкования их, и апостольская предания: тажь жития и учения святых отец, и тем внимаю, и яжь согласна моему разуму, к благоугождению Божию и к пользе души преписую себе, и теми поучаюсь, и в том живот и дыхание мое имею».

Это место, *уюдное разуму* святаго мужа, есть пустыня Нилосорская, лежащая в 15 верстах от Кириллова монастыря. Дико, мрачно и пустынно то место, где Нилом был основан скит. Почва ровная, но болотистая; кругом лес более хвойный, чем листвяной. Речка Сора или Сорка, давшая прозвище и угоднику Божию, не вьется, а тянется по этому месту и похожа более на стоячее болото, нежели на текучую воду. Середи различных угодий, которыми изобильна счастливая природа стран белозерских, трудно отыскать убежище более грустное и уединенное, чем эта пустынь. Можно представить себе, какая была здесь глушь в конце XV и в начале XVI столетия, когда жил Нил Сорский. Вид этого места с первого раза дает понятие о том, чего искал здесь святой, и совершенно соответствует характеру его духовных созерцаний, известных нам из

его творения. Он переселяет нас тотчас к началу скитского жития в России, которого Нил был основателем. Сначала Нил водрузил крест, создал келью и выкопал колодезь; потом стал заботиться о церкви и сам наносил своими руками земли для ее основания на месте низком и болотистом. Прежде работал один, а после с учеником своим Иннокентием. Церковь была деревянная, во имя св. Ефрема Сирина.

Нил завещал ученикам своим не строить каменной и, как записано в чудесах его, явился гневный во сне Ивану Грозному, когда царь, посетив Нилосорский скит, приказал было вместо деревянной церкви выстроить каменную: святой строго запретил это дело. Но в преданиях иноков осталось, что Нил запретил Грозному строение храма не по этой причине, а потому, что много было пролито им крови христианской. Золото, серебро и всякие украшения не были терпимы Нилом во храме Божием.

На расстоянии брошенного сильною рукою камня от церкви в разных местах по лесу кругом стояло 12 келий, где жила братия по одному, по два и много по три. Всю неделю проводили они в келиях; накануне воскресных дней и праздников сходились в церковь; здесь оставались сутки для богослужения – и потом, после трапезы, расходились снова по келиям. Весь чин богослужения совершался по особенному скитскому уставу, введенному Нилом. Он до сих пор соблюдается в обители.

Из 12 келий, устроенных, по преданию, св. Нилом, уцелела только одна, близ которой своими руками он выкопал прудок и колодезь. В наше время эта келья была возобновлена новым пустынником, Никоном, который в схиме принял имя Нил и верно хранит предания основателя скитской жизни в России.

Здесь, в этой келье, спасался и богомыслил Нил. Отсюда правил он обителью – и всего более внутреннею жизнью учеников своих, которые приходили открывать ему все свои помыслы. Искусен был он во врачевании душевных болезней и отличался необыкновенным даром рассуждения, которым

пользовал всю живущую при нем братию. Здесь, по его собственным словам, окружив себя писаниями отцов Церкви, написал он для учеников своих «Устав скитского жития, или Творение об осьми помыслах». Власяница, висящая при его гробнице, осталась памятником его трудной жизни.

Несколько раз в этом творении он говорит против любостяжания и называет помысл сребролюбия, когда он укрепится в человеке, *всезлейшим*. В 1500 году на Московском соборе, когда говорили об отчуждении сел от обителей, Нил защищал это мнение против Иосифа Волоцкого. Водяная мельница, устроенная на речке Сорке, и милостыня людей христолюбивых служили для пропитания братии. Нил преставился в 1508 году, мая 7, 75 лет от рождения. Братии своей завещал он бросить тело его на съедение зверям и птицам, как недостойное погребения, а если этого они не сделают, то, ископавши ров на том месте, где он жил, пускай погребут его со всяким бесчестием.

Что влекло Нила в такие мрачные болотные дебри от привольных рек и озер? Что устремляло его от господствовавшего тогда устава общежительного к житию скитскому? Он, конечно, заметил, что угодья сельские отвлекали иноков от цели духовной к другим целям житейским, возбуждали в них любовь к неге, праздности и стяжанию; он видел, что обрядная сторона монастырской жизни в некоторых обителях начала брать верх над внутреннею: милостыня вещественная – над духовною, внешняя молитва – над внутреннею. Вот почему он хотел обратить внимание иноков на *умное делание*, как он называет их внутренний подвиг, и предложил им устав скитского жития, или *предание о жительстве скитском*, в виде духовного наставления о внутренней борьбе с осьмью помыслами, которые служат источником всех пороков, обезображивающих душу человека.

Во множестве рукописей встречается это творение Нила в библиотеках древних наших обителей: видно, что оно служило руководством для внутренней жизни иноков, живших и не скитским житием. В первый раз оно было издано в пятом

томе «Истории российской иерархии»; но в 1849 году Козельская Введенская Оптина пустынь издала его особенно и сделала более доступным для всех духовных подвижников – и в пустынях, и в мире.

Не до́лжно думать, чтобы творение Нила было полезно практически только для иноков. В нем философ, просвещенный христианскою истиною, увидит глубокий психологический анализ движений нашей души на пути порока. В нем каждый христианин, неравнодушный к своему нравственному совершенствованию, найдет для него простые и верные способы.

Нилу для его творения об осьми помыслах послужили подобные творения Кассиана Римлянина и Нила Синайского о том же предмете. Они были известны у нас в переводах и находятся в «Главнике Даниловском», или сборнике Даниила митрополита, хранимом в рукописях Иосифова монастыря[1]. С первого раза ясно видно, что Нил пользовался этими творениями, но не переводил их. Его исследование гораздо глубже и полнее, и развитие страсти от первого ее зародыша в *прилог* мысли до полного пожара изложено более систематически. Иннокентий в предисловии к творению своего учителя несколько раз ссылается на сочинение Кассианово и приводит из него отрывки. Не можем не привести одной мысли, которая у Иннокентия приведена вкратце, а у Кассиана изложена подробнее. У старца Антония Великого в странах Фиваидских собрались старцы и рассуждали о том всю ночь, какая первая добродетель; одни говорили – пост и бдение, другие – иночество, третьи – милостыня. Прошла бо́льшая часть ночи. Антоний не согласился со старцами и наконец сказал: «Кто погрешает против правого пути, тот не имеет дара рассуждения. Рассуждение есть око и свещник души, по Евангельскому слову: светильник телу есть око. Как город раскопанный, так человек без совещания все творящий. Без рассуждения наш внутренний дом не может создаться, ни духовное богатство собраться.

1 № 489. Главник Даниловский. Л. 75. Преп. Кассиан Римлянин о осмих помыслах имиже всяк грех свершается. Л. 132об. Нил Синайского о осмех помыслех зело красно слово.

Рассуждение есть родительница и хранительница всем добродетелям, потому что учит, избравши путь их, пребывать на нем». Старцы согласились с мнением Антония Великого.

Превосходно творение Нила Синайского об осьми помыслах. Оно бы вместе с Кассиановым заслуживало быть издано в древнем переводе, в объяснение и дополнение к творению нашего Нила. Совет против гневного помысла молиться за брата, который прогневал, заимствован у Нила Синайского. Есть сравнения поэтические всего творения: молитва постящегося – птенец орлий, взлетающий к небу, молитва объедающегося – отягченная сытостью, влачится долу. Уныние названо у него *изнеможением души.*

Кроме Нила Синайского Нил Сорский ссылается на многие творения богословия созерцательного и аскетического, как, например, на Иоанна Лествичника, Агафона, Варсонофия, Исакия и Исихия Иерусалимского, Ефрема Сирина, Симеона Нового Богослова, Никиту Стифата, Филофея Синаита, Макария Египетского, Максима Исповедника, Феодора Студита, Григория Синаита и многих других. Наш писатель по примеру всех древних своих сотрудников любит становиться за великих учителей Церкви и свое личное мнение одушевлять их мыслию и облекать их словом.

Вникнем же теперь в сущность творения Нилова.

В начале своего предания ученикам Нил указывает на пример отцов, которые прежде делали сами благое, а потом других ему учили. Затем в основу предания своего полагает он исповедание православной веры и отречение от еретиков.

Имея главною целию как в сочинении своем, так и в подвигах жизни направить иноков на внутреннее делание, Нил не хочет, однако, отвратить их от труда и рукоделия, которые необходимы для удовлетворения разных потреб наших. Но дела поручает он своим инокам такие, которые под кровом бывают, то есть дома делаются, а не те, которые на открытом воздухе совершаются: живущим особо такие занятия укорны. Нил приводит по этому случаю слова апостола: *не делаяй, да не яст.*

Нельзя не остановиться на этой мысли, потому что она связана тесно с прекрасным правилом жизни русских крестьян. Апостол Павел во Втором послании к солунянам говорит: «Егда бехом у вас, сие завещавахом вам, яко аще кто не хочет делати, ниже да яст. Слышим бо пения безчинно ходящыя у вас, ничтоже делающыя, но лукавно обходящыя. Таковым запрещаем и молим о Господе нашемь Иисусе Христе, да с безмолвием делающе, свой хлеб ядят» (гл. 3, ст. 10–12). Замечали ли вы, что русский крестьянин, не работающий по какой бы то ни было причине, даже по болезни, в семье своей совестится есть хлеб, постится и отощал бы с голоду, если бы родные ему не подавали? Так исполняет он строго наставление апостольское.

Нил, не отклоняя братий своих от занятий рукоделием, ограничивает их, однако, самыми необходимыми, чтобы при этих трудах они не имели в виду умножения стяжаний самой обители.

Правда, эти стяжания умножались в монастырях под предлогом милостыни ближним; но Нил гораздо выше телесной ставит милостыню душевную. «Иноческая милостыня, – говорит он, – помочь брату словом во время нужды, утешить его в скорби рассуждением духовным: душевная милостыня настолько выше телесной, насколько душа выше тела. А если странник придет к нам, упокоим его по силе нашей, и если требует хлеба, дадим ему и отпустим его».

Сосудов золотых и серебряных, даже и священных, Нил не желает для церкви. Иоанну Златоусту приносили их, равно и другие церковные украшения, но он приказывал все раздавать нищим. Великий же Пахомий не хотел чтобы и здание церковное было украшено, дабы не величаться в храме Божием делом рук человеческих.

Внимание братии во всем Нил обращает на внутреннее делание. Умная молитва выше телесной, по словам апостола: хощу пять слов умом рещи, нежели тьму слов языком. Телесное делание, по словам св. Агафона, только лист, а внутреннее, то есть умное, – плод. Отцы сказали: кто устами только

молится, об уме же небрежет, тот воздуху молится: Бог бо уму внимает. Об иноках, которые заняты только телесным деланием и по простоте не знают мысленной брани и победы, Филофей Синаит повелевает молиться и учить их, чтобы очищали ум, в котором *зрительное души*. Историю этой внутренней брани изложил он на воспоминание себе, собрав все то, что сказали о ней духоносные отцы.

Пять степеней проходит душа наша в этой мысленной брани, по словам отцов: *прилог, сочетание, сложение, пленение* и *страсть*. Первая степень, *прилог*, есть самое объявление помысла уму, которое собственно, как и самый помысел, от нас не зависит. Вторая степень, или второй момент, есть *сочетание*, то есть ответ нашего ума на его явление, соглаголание к явившемуся, приятие помысла, беседа с ним, но еще не заключающая в себе никакого к нему склонения. Третий момент, *сложение*, есть уже преклонение души к помыслу, уступка ему в беседу, сочувствие. Четвертый, *пленение*, есть продолжительное совокупление с помыслом, чем погубляется изящное устроение нашей души. Это последний шаг к пятой высшей степени – *страсти*, совершенно одолевающей человека.

Разумное и изящное борение, по совету отцов, отсекать начало пришедшего помысла в прилог: ибо кто прилогу помысла сопротивляется, тот за раз навсегда его отсекает. Первое средство к этой победе над прилогом – молитва. Надобно во время молитвы подвизаться, по словам Нила Синайского, поставить ум глухим и немым, и сердце безмолвным от всякого помысла, если бы даже он и благим являлся, как говорит Исихий Иерусалимский. Дознано опытом, что за бесстрастными помыслами являются страстные, за благими лукавые, а потому надобно *молчать мыслию*, смотреть в глубину сердца, удерживать частое дыхание и творить Иисусову молитву. Это значит, по словам Симеона Нового Богослова, искать в сердце Господа, умом блюсти сердце в молитве и внутрь его всегда обращаться.

Когда же ум изнеможет, тело и сердце заболит от частого призывания Господа Иисуса – тогда перейди к пению, чтобы

дать ослабу и покой уму. Если имеешь верного ученика, вели ему говорить псалмы, а сам внемли сердцу.

Но кто видит молитву, действующую в сердце своем и не перестающую подвизаться, тот да не оставит ее для пения, разве только сама молитва оставит его: ибо, оставляя Бога внутри, он призывает его извне, от высоких преклоняется к низшим. Отцы предписывали более всего упражняться в молитве, а разленившись, петь или читать деятельные отеческие жития. Согласно с этими мыслями по чину служения, заповеданному братии Нилом Сорским, всенощные бдения накануне больших праздников совершаются пением, а накануне простых дней – одним чтением.

Это упражнение во внутренней молитве доводит человека до высшего состояния духовного, которое Нил описывает так словами Исаака Сирина: «Престанут тогда уста, и язык и сердце, помыслом хранитель, и ум, чувствам кормник, и мысль – скоро летящая и бесстыдная птица; мысль тогда не имеет ни молитвы, ни движения, ни самовластия; но наставлением наставляется от иной силы, а не наставляет... Не молитвою молится ум, но превыше молитвы бывает, и в обретение лучшего молитва оставляется, и человек в исступлении бывает, и не имеет никакого хотения, а по слову апостолову, *аще в теле, или вне тела,* не знает».

Молитва – *семя* такому духовному состоянию, а оно само есть жатва с посеянной молитвы.

Когда действом духовным душа двинется к такому божественному состоянию и уподобится Божеству в непостижном с ним соединении, и просветится лучом высокого света в своих движениях, и когда сподобится ум почувствовать будущее блаженство, тогда забывает человек и себя, и всех сущих здесь… Во время молитвы восхищается ум вне воли в мысль бесплотных… Тогда внезапно зажигается в тебе радость и умолкает язык… Кипит из сердца сладость некая и привлекает всего человека; все тело питается какою-то небесною радостию, которой язык плотской и выразить не может; все земное покажется пеплом. Такое состояние есть не иное

что, как Царство Небесное. Обретший эту радость не только не взглянет на страсти, но даже и на жизнь свою.

Симеон Новый Богослов так описывает это духовное состояние: «Кий язык изречет? Кий же ли ум скажет? Кое слово изглаголет? Страшно бо, воистину страшно и паче слова. Зрю свет, егоже мир не имать, посреди келии на одре седя; внутрь себе зрю Творца миру и беседую, и люблю, и ям, питаяся добре единым Боговидением, и соединився Ему, небеса превосхожду: и се вем известно и истинно. Где же тогда тело, не вем. И о Господе беседуя рече: любит же мя и Он, и в Себе самом приемлет мя, и на объятиях сокрывает; на небеси живый и в сердце моем есть, зде и тамо зритмися. И абие к Господю лицу глаголет: и се Владыка ангелом равна показует мя и лучше тех творит: ниже бо теми видим есмь по существу; естеством бо неприступен, мне же зрим есть всяко, и естеству моему смесится существом».

Но Бог не дает человеку пребывать долго в таком состоянии для того, чтобы он не забыл попечения о братии своей. Господь ослабляет поэтому силу благодати – и не позволяет ему взойти на все ее двенадцать ступеней, оставляя его на одиннадцатой.

Нил, как видно, ощущал подобное состояние вместе с некоторыми своими учениками; но он указывает и на таких, которые говорили, что ныне уже этих *древних дарований* от Бога не бывает. По словам отцов, такое состояние возможнее в ночи, потому что ум всего более очищается ночью; тогда прилежи больше молитве, чем пению, как советует Лествичник, ибо многословие расточает ум в молитве, а малословие собирает его.

Предложив во внутренней молитве возможность достигать высшего духовного состояния, Нил переходит теперь к самой борьбе с лукавыми помыслами и приглашает на нее словами: *не омалодушимся, не унываем.* Наибольшая хитрость дьявола заключается в том, что он внушает нам стыд бороться с этими помыслами покаянием и молитвою.

Не только с нами, страстными и немощными, но и с теми, которые в высоком чину чистоты стоят, под мышцею разума Господня, бывают мысленные падения, но за ними следуют мир, утешение, помыслы целомудренные и кроткие. И вот причина тому, по объяснению Григория Синаита: «Если бы не был человек оставляем и побеждаем всякою страстию и помыслом, не обретая помощи от Бога, – он не мог бы сокрушиться, и *иметь себя под всеми*, и считать себя *последнейшим* рабом всех, горшим самих бесов, которые его побеждают. В самых падениях наших мы видим смотрение Промысла над нами и указание нам смирения. Знай, что *точно стоять* в добродетелях не твое, но дело благодати, носящей тебя на дланях рук своих».

Предложив молитву, пение, чтение, рукоделие и всякое *поделье*, как средства против злых помыслов, и общее правило: порабощать тело душе, Нил разбирает потом каждый из помыслов отдельно, а всего их восемь: от них-то рождаются все страсти, сокрушающие духовное существо человека.

Изложение борьбы начинается с помысла *чревообъястнаго*, потому что невоздержанием началось падение Адамово. Мера пищи, время пищи, различие ее входят в рассуждение об этой борьбе. Григорий Синаит советует вкушать от всех брашен, даже и сладких, но помалу. Имеешь здоровое и крепкое тело – утомляй его, имеешь немощное и недужное – хоть мало, но покой его. При воздержании чрева все добродетели соборно входят в человека. Тому русскому человеку, который, как Нил, хотел жить духом в древние времена нашей жизни, не худо было начинать внутреннюю борьбу с чрева: мы помним из его сказаний и песен, какого множества яств требовала его утроба богатырская.

Второй помысл, *сладострастия*, особенно нападает на человека, когда он хочет причаститься святыни, потому что враг всячески старается осквернить совесть нашу. Целомудрие и чистота не одно внешнее только житие, но потаенный сердца человек, чистый от скверных мыслей: он-то Богу особенно любезен. Отцы говорили: кто слагается с помыслами сластолюби-

выми, тот любодействует в сердце своем. Падением называют все они такое сложение. Необходимо иноку вспоминать стыд и срам, которые бывают ему от людей в таких падениях: смерть предпочтительнее такого стыда.

Третий помысл, *сребролюбия*, когда укрепится в человеке, всех злее бывает: апостол называет его не только корнем всему злу, скорби и гневу, но идолослужением.

О четвертом помысле, *гнева*, отцы говорили: если бы гневливый и мертвеца воскресил, неприятна его молитва. Конечно, говорили это они не в том смысле, чтобы гневливый мог в самом деле мертвеца воскресить, а чтобы показать всю мерзость его молитвы. Можно оскорблять брата не только делом и словом, но даже и взором. Лучшее средство против гнева, по совету Аввы Дорофея, – молиться за прогневавшего и призывать на немощь себе самые его молитвы. Избегающему гнева обещано *сыноположение*: будете сынове Отца вашего.

Замечательна борьба с пятым помыслом – *печалию*, и с шестым, который есть *уныние*. Предлагая правила рати о других помыслах, Нил говорит более словами святых отцов, а здесь уже чаще от своего имени, и говорит так сильно, так живо, как русский человек, наболее доступный чувству уныния. «Немал нам подвиг на дух скорбный, понеже вметает душу в погибель и отчаяние. Если скорбь от человеков будет, подобает благодушно претерпевать ее и молиться за оскорбивших, зная, что не без Божия Промысла все с нами случается и что все на пользу посылает нам Бог и на спасение душам нашим, а если что теперь и кажется неполезным, полезно может быть после. Полезна нам может быть одна только скорбь: о грехах наших, и то с надеждою и покаянием. Скорбь же праздную надобно отметать от сердца, наравне с прочими злыми страстями, потому что она творит душу пустою, и унылою, и некрепкою, и нетерпеливою к молитве, и ленивою к чтению.

Но если уныние укрепится в нас, великий подвиг предстоит душе: лют его дух, самый тяжелый, сопряжен с духом скорбным. А тем, которые пребывают в безмолвии, рать на него належит великая. Когда жестокие его волны встают на

душу, в тот час и не мнит человек, чтобы можно ему было когда-нибудь от них избавиться. Ему приходит на мысль, что и Бог оставил его, и не печется о нем более, и что его одного только и оставил Он, и что с другими того не бывает, что с ним, и тогда все благое кажется ему мерзким».

Последние два помысла, седьмой и осьмой, – *тщеславие* и *гордость*. Приводятся тщеславному слова Никиты Стифата: если ты зла не сделал, то совершение заповедей помысли и увидишь себя недостаточным, как малую купель против величества моря. Тщеславный помысл ведет к презорству и гордыне, которая *всем злым начало и конец*. Бог гордым противится. Мерзок и нечист всяк высокосердый перед Господом. Гордого Бог оставляет, и как лист он колеблется, как прах ветром возметается. Избирай всегда последнее место и на трапезах и всобрании посреди братии, носи худейшие ризы, люби работы черные и низкие, встречаясь с братиею, первый смиренно кланяйся, люби молчание, не высься в беседах, не люби прений словами. Мы сквернее всех тварей: все по естеству живут, а мы и самый закон естества нарушаем. Призывай на помысл гордости молитву Ефрема Сирина.

Изложив борьбу с каждым помыслом в отдельности, Нил приводит молитвы отцов против всех и заключает изображением старца, у которого в обычае было говорить про себя: отойди, окаянный, и приди, возлюбленный! Когда один из братии, думая, что старец говорил с кем-нибудь, спросил у него: «С кем ты беседовал, отче?» – тот отвечал: «Я отгонял злые помыслы, а призывал благие».

Память смерти и память Страшного Суда – сильнейшие оружия в брани с помыслами. Поминай последняя твоя и во веки не согрешишь, говорит Иоанн Лествичник. Всегда положи в сердце твоем, человече, еже отъити, сказал Сирин. Как хлеб нужнее всех брашен, так память смерти – прочих добродетелей; невозможно алчущему не поминать хлеба, так и хотящему спастися не поминать смерти, сказали отцы. Полезно припоминать и различные смерти, виденные и слышанные нами и бывшие во дни наши. Вникнем в страшное таинство

смертное, когда душа от тела нуждою исходит и от составов и сочетаний естественного союза Божиим хотением отлучается. Уразумеем в этот горький час великий подвиг души! О памяти Страшного Суда один из отцов сказал: если бы возможно было тогда умереть, весь мир от страха умер бы.

Другое оружие против помыслов – благодать слез, дарование Божие. Моли о нем у Бога, как библейская Асхань, дщерь Халевова, просила у отца своего земли водоточной. Повторяй молитву за Германом, патриархом Цареградским: «Главу мою исполни, Боже, вод чистительных и сотвори брови моя облаки присно водоточныя». Симеон Новый Богослов именует все добродетели воинством, а царем их и военачальником – умиление и плач. Прекрасны слезы самоисходные, без усилия текущие: они утешают болезненную душу, и она бывает похожа тогда на младенца, который и плачется и светло улыбается в одно и то же время, как говорит Иоанн Лествичник.

Умереть всякому земному попечению есть верх и основание всей иноческой жизни. Эта мысль внушает Нилу в 10-м «Слове» сильные речи против стяжания сел. Она внушала ему их и на соборе 1500 года. Все эти заботы *о притяжании многих сел, о содержании многих имений,* заботы, гнездившиеся во внешнем обычае обителей, ему современных, Нил называет заботами *бессловесными*. Мал влас смущает око, и мало попечение потребляет безмолвие. Уединенное жительство с одним или с двумя братьями, подобное тому, какое Нил видел на св. горе Афонской, и в Царьграде, и в других местах, есть тот средний, или царский, путь между общим житием и совершенным отшельничеством, который всего более ведет к достижению духовной цели.

За одиннадцатью «Словами» об осьми помыслах в рукописных книгах, их содержащих, следуют обыкновенно три послания Нила Сорского, к сожалению, еще не изданные: 1) к брату, вопросившему его о помыслах, 2) к одному старцу о пользе, 3) к некоему брату. Все они относятся к тому же предмету и заключают в себе отрывки, которые вошли в

текст одиннадцати «Слов». Третье послание написано с особенною любовию к тому, который спрашивал Нила, но имени брата любимого он не открыл. Вероятно, это Иннокентий, любимый ученик его и товарищ, основавший пустынножительство в лесу Комельском, в пределах вологодских, автор предисловия к творению Нила и *завета братии*. За посланиями встречается иногда в рукописях[1] перевод небольшого, весьма замечательного сочинения Анастаса Синаита о помыслах. Он обращает внимание на многих духовных деятелей, которые думали состязаться с самыми помыслами и их в себе уничтожить, вооружались против них постом и слезами, и в пустыни удалялись, но нисколько в том не успели: ибо в помыслах своих человек не властен – и за них не отвечает Богу; но власть его начинается с того времени, как помысел к нему явился; от него зависит прямое отсечение прилога, как выше сказано, то есть не зачинать с ним никакой беседы, никакого знакомства.

Так поучал братию свою преподобный Нил борьбе духовной. Так, сам удаляясь в дебри и пустыни, боролся избранный древний русский человек со страстями, одолевавшими плоть его, и тем заготовлял добрую почву для своего будущего образования.

Борьба, предлагаемая Нилом, никогда не окончится, – и русскому человеку нашего времени, не пренебрегающему духовною жизнию, всегда спасительны его советы, содержащие много глубокомысленных наблюдений над душою человеческою. Не можем не питать душевного сочувствия к этим святым высоким созерцаниям и радуемся тому, что они могли принадлежать нашему соотечественнику в XV столетии[2].

---

[1] Так, например, в рукописи Погодинской, принадлежащей теперь И. публ. библиотеке.

[2] Материалы для изучения Нила Сорского: «Слов.» м. Евгения. Т. 2, стр. 140. «Поездка в Кирилло-Белоз. м.» Ч. 2. 91. Нило-Сорская пустынь. «Обзор русск. дух. литер.» преосв. Филарета. Стр. 116. Истор. росс. иерархии. Ч. V. Стр. 215–336. Устав скитского жития, или Творение Нила о осьми помыслах. Преп. Нила Сорскаго предание учеником своим о жительстве скитском. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Москва, 1849. В Нило-Сорской пустыни

хранится письменная книга, писанная древним полууставом. Вот ее содержание: Тропарь, кондак и икос пр. Нилу, изображенные на его гробе. Сочинение их приписывается ученику его Иннокентию. 2, 3, 4, 5) Надписание о предании пр. Нила о жительстве св. отец. Предание пр. старца Нила, отшельника пустыни Сорския, его учеником, или Скитский устав. Краткое извещение о преп. Ниле и о ските его. Оглавление книги пр. о. Нила Сорския пустыни начальника. 11 слов его. Окончательное заключение его же о написании словес книги его. После сих о преставлении и погребении преп. Нила. Его завещание ученикам. 6. Обиход скитский на весь год. Предание и устав иноком скитскаго жития и правило, и когда бывают у скитян сходы в церковь. 7. Послание первое преп. Нила Сорскаго к брату, вопросившему его о помыслах. Послание начинается так: «Похвально желание твое подвигнул еси, о возлюбленне». В некоторых рукописях это послание надписывается брату князю Кассиану. Преосв. Филарет предполагает, что этот кн. Кассиан есть грек, князь Мавнукский, прибывший в Россию с Софиею и скончавшийся в Угличском монастыре в 1504 г. (стр. 728 этой части). 8. Послание второе пр. Нила ко иноку старцу о пользе. «Еже усты ко устом беседова твоя святыня ко мне, честнейший отче, также и писания о томже посылал ми еси». 9. Послание третье пр. старца Нила пустынника Сорскаго к некоему брату. «Писания твоя, отче, еже писал ми еси, получил: просиши у мене отписати к тебе, еже на ползу, и известити ми тебе о себе»… 10. О пришествии пр. о. н. Нила, Сорскаго чудотворца. 11. Изложение отчасти чудес пр. о. н. Нила чудотворца. Чудо 1-е. О образе его, како начася писатися по явлению пр. Нила. Чудо 2-е. О приходе в Нилосорскую пустыню царя Ивана Васильевича Грознаго. 12. Надписание или Надсловие на книгу пр. Нила Сорскаго, написанное учеником его, иноком Иннокентием. Оно напечатано в издании Оптиной пустыни. 13. Завет инока Иннокентия, ученика пр. Нила чудотворца. 14. Заключение. Я пользовался этой рукописью благодаря обязательному расположению иноков обители и особенно отца Никона, теперь же иеросхимонаха Нила. Библиотека Иосифова монастыря изобилует рукописями творений Нила Сорского и за № 637 хранит рукопись от 1-го листа до 253-го, писанную рукою самого преп. Нила и содержащую жития Симеона Столпника, Онуфрия Пустынника, Петра Афонского, Паисия Великаго (последнее сочинено Иоанном Коловым). В конце Паисиева жития подписано: «В сей книзе до зде переписи старца Нила, отшельника Сорьския пустыни, иже на Белеозере». Видно, что Нил Сорский не успел докончить этой рукописи, потому что в 1508 году скончался, а книга окончена была письмом в 1514 году и сдана в обитель Нилом Полевым, который, по всему вероятию, и дописал ее. После помянутых житий следуют поучения великого Илариона и Исаака Сирианина, и предания о авве Филимоне отшельнике, о авве Исааце великом, о авве Сисои, о авве Пимине и проч. В числе творений Нила встречается поучение, начинающееся так: «Седяй в келлии своей, собери си ум». Все эти рукописи, содержащие Ниловы творения, требуют еще пересмотра. В Даниловском Главнике (№ 485) находим творения Кассиана Римлянина (л. 75) о осмих помыслех, ими же всяк грех совершается, и Нила Синайского (л. 132об): о осмех помыслех зело красно слово, в которых можем отыскать первоначальные источники творения нашего Нила.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Несколько слов в дополнение при втором издании

В 1846 году появились первые лекции моего курса в печати.

С тех пор прошло 13 лет. Наука росла беспрерывно; столетия, составлявшие содержание лекций, мною изданных, были постоянным предметом новых исследований. При втором издании их я старался поставить науку в уровень с современным ее состоянием.

К первой части. Ответ г. Буслаеву

Г. Буслаев в 1-й кн. «Летописей русской литературы и древностей», отдавая отчет в памятниках древней русской словесности, изданных в «Православном собеседнике» 1858 года, по случаю жития Аврамия Смоленского счел за нужное учинить на меня грозное и длинное нападение и с сильным чувством защитить против меня смоленских граждан XIII века.

В 11-й лекции, говоря о славном проповеднике XII и XIII веков Авраамии Смоленском (Истор. русск. слов. Ч. 3. Стр. 456), я, основавшись на словах жития, написанного учеником его Ефремом, выразился так: «Но зависть поднялась на красноречивого учителя. И духовенство, и *граждане* восстали и обнесли его клеветою».

Г. Буслаев весьма многоречиво доказывает, что я не имел права обвинить граждан Смоленска XIII века в таком черном поступке, потому что на Авраамия будто бы восстало одно только духовенство, а не граждане.

Вот мое основание. В житии сказано:

«Неции от иерей, друзии же от черноризць, како бы нань въстети, *овы же от града потязати и укорити* исходяще, *дру-*

зии же и спиру творяще, яко ничто же сведуще, противу нань глаголаху, и тако посрамлени с студом отхожаху, и пакы не преставааху крамолы нань въздвизающе, в граде и везде глаголюще: се уже весь град к себе обратил есть».

Далее: «И начаша овии клеветати к епископу, инии же хулити и досаждати, овии еретики нарицати и, а инии глаголаху нань: глубинныя книгы почитаешь; инии же к женам прикладающе, *попове же зилюще и глаголюще: Уже наши дети вся обратил есть* (здесь именно духовенство отделено от граждан), друзии же пророком нарицающе и ина же многа нань вещания глаголюще, их же блаженный чюжь, истиною реку тако, а блаженый все радуяся терпяше о Господе. *Събрашеся вси от мала до велика весь град нань:* инии глаголють заточити, а инии к стене ту пригвоздити и зажщи, а друзии потопити и проведше сквозе град»…

Не ясно ли здесь в словах *весь град* участие граждан в обвинении Авраамия и в жестоких с ним поступках? Имел ли я поэтому право сказать: духовенство и *граждане* восстали на него и обнесли его клеветою?

Далее говорится: «Князю и вълостелем умягчи Бог сердца… Князю же и вельможем не обретающим вины…» Но как же они допустили такое обвинение? Ясно, что они умывали руки, как Пилат, и говорили Пилатово же слово: «Никоея же вины обретаю в человеце сем». Были ли правы князь и властели, когда допускали такое истязание, когда позволили слугам влечь Авраамия, как злодея, а народу ругаться над ним и оскорблять его бранными словами?

Но г. Буслаев берет сторону таких властелей и вельмож и говорит: «*бояре*, то есть *лучшие из граждан*», далее «*...лучшие люди, избраннейшие из граждан*»… Таково мнение г. Буслаева о вельможах вообще; но исследование доказывает, что такое мнение и в XIII веке, так же, как и во всяком другом, не всегда бывает верно, и те вельможи, которые в Смоленске умывали руки, видя истязания Авраамия – не во гнев г. Буслаеву, – не заслуживают той похвалы, которую он весьма чувствительно и витиевато воспевает им.

Грешно ученому извращать такие события в надежде, что читатели не доберутся до источников. И откуда находит он досуг *толочь воду* по пустякам?

В той же статье г. Буслаев говорит: «Само собою разумеется, что для составления настоящей истории древнерусской словесности еще не наступило время». Знаем, знаем, на кого направляются эти благородные намеки г. Буслаева. Но если оно не наступило, то как же исполняет он свою профессорскую обязанность? Разве преподает только половину истории русской словесности, исключая вовсе древний период?

Палеографические приложения ко второй части

К сей части приложено два палеографических снимка.

Первый снимок представляет образец письмен Евангелия, писанного в 1056 и 1057 годах для новгородского посадника Остромира. На одной половине находится отрывок из текста, снятый с приложенного к печатному изданию А. Х. Востокова, а на другой – вся азбука как крупного, так среднего и мелкого почерков, буквы числительные и разные знаки. Сожалею, что не мог я приложить снимка с первой главы Иоаннова благовестия. Вот слова литографированного текста:

се оуже третиее. явися иі҃с оученикомъ своимъ.
въставъ отъ мьртвыихъ.
а҃ і еваг҃ отъ иоана. гл҃ва. ск҃г
Въ врѣмя оно. явися иі҃с оученикомъ своимъ.
въставъ отъ мьртвыхъ. и гл҃а симоноу петр ·:·

Об Остромировом Евангелии говорено в шестой лекции на 259–263 страницах и в 8-м к ней примечании. Здесь извлечем из описания А. Х. Востокова подробности, какие относятся к сему памятнику, и выпишем послесловие.

«Остромирово Евангелие, рукопись на пергамене в лист (длиною в 8 вершков, а шириною без малого в 7 вершков) содержит в себе 294 листа красивого уставного письма в два столбца. – Евангелие сие, писанное в 1056 и 1057 годах в Новегороде для посадника Остромира Григорием Диаконом, есть доселе древнейшая рукопись кирилловского письма со значением года. Хотя писец был русский славянин, как то видно по некоторым особенностям русского наречия, как, например, два раза в послесловии *почах* вместо *почях*, *перегнув* вм. *прегнув*, однако он вообще сохранил древнейшее правописание церковнославянского языка, в других позднейших рукописях более или менее измененное; а потому-то рукопись сия особенно достопримечательна, как ближайший к началу славянской письменности памятник церковнославянского языка».

Вот послесловие:

Слава тебѣ г҃и ц҃рю н҃бсьныи. яко съподоби мя написати Еуг҃лие се. почахъ же е писати. Въ лѣт҃. ҂ѕ. ф. ѯд. А оконьчахъ е въ лѣт҃. ҂ѕ. ф. ѯе. Написахъ же еу҃лие се. рабоу б҃жию нареченоу сѫщоу въ кр҃щеніи иосифъ. а мирьскы остромиръ. близокоу сѫщоу изяславоу кънѧзоу. изѧславоу же кънѧзоу тогда прѣдрьжѧщоу обѣ власти. и оц҃а своего ярослава. и брата своего володимира. самъ же изѧславъ кънѧзь. правляаше столъ оц҃а. своего ярослава кыевѣ. А брата своего столъ поръчи правити близокоу своемоу остромироу новѣгородѣ. Мънога же лѣт: дароуи б҃ъ сътѧжавъшоумоу еуг҃лие се. на оутѣшениемъ ногамъ д҃шамъ крс҃тияньскамъ. даи емоу г҃ь б҃ъ бл҃ние с҃тыхъ. еванг҃листъ. и іоана. мат҃ѳеа. лоукы. марк҃. и с҃тыхъ праоц҃ь. Авраама. и ісаака. и іякова. самомоу емоу. и подроужию его. Ѳеофанѣ. и чѧдомъ ею и подружиемь чѧдъ ею. съдравьствоуите же мънога лѣт҃. съдрьжяще пороучение свое ·:· АМИНЪ ·:·

АЗЪ ГРИГОРИИ ДИякон҃. написахъ еу҃гліее. да иже горазнѣе сего напише, то не мози зазьрѣти мьнѣ грѣшьникоу. почахъ же писати. м҃сца. октаб. к҃а. на памят҃. илариона. а оконьчах. мс҃ца. маия. въ. в҃і напат҃. епифана ·:· молюже вьсѣхъ почитаѭщихъ не мозѣте клѧти. нъ исправльше, почитаите. Тако бо и с҃ты ап҃лъ паулъ гл҃еть: Бл҃те. А не кльнѣте ·:· ∼

АМИНЪ ·:· ∼

Обратим внимание на палеографические признаки древности рукописи. Из согласных букв надобно заметить букву *И*, написание которой похоже на теперешний *Н*; сия же последняя похожа скорее на *И*, с тою разницею, что диагональная черточка проведена в противоположном направлении. Начертание буквы *И* соответствует совершенно греческой *η*, как она встречается в древнейших греческих рукописях по образцам, данным у Монфокона. В гласных, сложенных по написанию с предшествующею *I*, поперечная черточка положена горизонтально: в XIV веке черту сию уже начали поднимать вверх. *Юсы* обоих родов (ѫ, ѭ, ѧ, ѩ) употребляются там, где польский язык ставит носовые звуки ą и ę, соответствующие нашим *у*, *ю* и *я*. Этот существенный признак древнейшего болгарского правописания есть особенность рукописей наших XI столетия. Позднейшее правописание болгарское смешивает оба *юса*, употребляя один вместо другого. Из согласных букв до́лжно обратить внимание на *Ж*, *З*, *Ч*, которых различие определяет всего лучше бо́льшую или меньшую древность рукописи. Здесь предстают они в самой древнейшей форме.

Второй снимок представляет образец письмен Евангелия, писанного в начале XII века для Мстислава, князя новгородского. О нем говорено в восьмой лекции на 338-й странице и в 15-м и 16-м к ней примечаниях. Приведем слова текста. Не худо сличить их с тем же текстом Остромирова Евангелия, который напечатан на 260 и 261 страницах 2-й части.

Искони бе слово и слово бе от б҃а и б҃ъ бе слово. се бе искони оу б҃а. и тем всѧ быша[1]. и без него ничьто же не бысть. Еже бысть. в том живот бе. и живот бе свет чл҃ком[2]. и свет в тьме свьтиться и тьма его не обят. бысть чл҃вк послан от б҃а. имя емоу иѡан. тъ приде[3] в сведетельство. Да сведетельствоуеть о свете. да вьси вероу имуть имь. Не бе тъ свет нъ да сведетельствоуеть о свете. бе свет истиньныи. Иже просвещаеть вьсѧкого чл҃вка грѧдоуща в мир. в мире бе. и мир тем бысть. и мир его не позна. в своя приде и свои его не прияша[4]. елико же их прият и дасть им область чадом[5] б҃жием быти. вероующем вь имя его иже ни от кръви. ни от похоти плътьскыя. ни от похоти моужьскы. нъ от б҃а родишася[6]. и слово плъть бысть. и вселися в ны. и видехом славоу его. славоу яко единочадааго от оц҃а. исплънь блг҃дати и истины. іѡан[7] съведетельствова о немь. и възъва гл҃гя. сь бее гоже рех. грядыи по мне пред мною бысть. яко първеи мене бе. и от испълнения его. мы вьси въ спри҄ѧхом[8] блг҃дть взблагодать. яко закон мѡсеомь дан бысть. блг҃дать и истина і҃с х҃мь бысть: –

Сличая оба текста Евангелия, можно со всею достоверностью сказать, что Мстиславово переписано с Остромирова – с тою только разницею, что болгарское правописание изменено во Мстиславовом совершенно в русское. Так, например, уже не встречаем *юсов* в словах: *веру, имуть, грядуща, прияша, прият, верующем, мужьскы, мною*. Буква ѧ после *ч* и *ш* заменена буквою *а* по нашему правописанию.

[1] По Остром. Ев. *вса бышя*.

[2] *чловеком*.

[3] В подлиннике *приде*, но это потому, что *при* очутилось в конце строки.

[4] По О. Е. *прияшя*.

[5] *чядом*.

[6] В подлин. *родишася* потой же причине, как *приде.*

[7] По О. Е. *Иоан.*

[8] По О. Е. *прияхом.*

Приведем по Калайдовичу описание сего Евангелия вместе с двумя послесловиями, приписанными в конце его.

«Оно писано на пергамене в лист, на двух столбцах, прекрасным уставом с золотыми зачалами, фигурными заглавными буквами и с изображением по золотому полю разными красками евангелистов. В конце сего драгоценного Евангелия, хранящегося в московском Архангельском соборе, написано мелким почерком следующее: "Господи Боже отец наших, Авраамов, Исааков, Ияковль, и семене их правьдьнааго, сподобивый мя грешьнааго раба своего Алексу написати сие Еуангелие благоверьнууму и Хрьстолюбивоому и Богом чьстимоому князю Феодору, а мирьскы Мьстиславу, внуку сущю Вьсеволожю, а сыну Володимирю, князю Новгородьскуому, иже свьрши сие Еуангелие на благословение пресвятей, чистей Владычици нашей Богородици; дай же ему Господь Бог милость Свою и наследие Царства Небесьнааго и дълголетно княжение и с всеми своими, аминь.

Вы же, братие, почитающе в сие Еуангелие, аще кде криво налезете, то исправивше чьтете же, а не кльнете: аз бо грешьный раб Алекса написах сие Еуангелие, сын Лазорев Прозвутера.

О Господи! спаси князя нашего Феодора многа лет, а мирьскы Мьстислава. Жаден пьсал". Написано золотом. Далее другим почерком:

"Аз раб Божий недостойный, худый, грешьный, съпьсах памяти деля *Царю* нашему и *людем* о сконьчаньи Еуангелиа, еже бяшеть казал Мьстислав князь худомоу Наславу, и возив Царюгороду и учиних химипет, Божиею же волею възвратихся ис Царягорода, исправих вьсе злато и сребро и драгый камень, пришед Кыеву, и скончася вьсе дело месяца августа в к̃; цену же Евангелия сего един Бог ведае. Аз же худый Наслав много труда подъях и печали, нъ Бог утеши мя добраа-го князя молитвою. И тако дай Бог вьсем людем угодия ему творити, слышащем его царствие пребывающе в радости и в веселии и в любви; и дай Бог его молитву вьсем хрьстияном и мне худому Наславу, правящи его орудия вправьду и обре-

сти честьи милость от Бога и от своего царя и от братие, верующе в Святу Троицю, Отца и Сына и Святаго Духа, ныня и присно и во векы веком, аминь"».

В подчеркнутых словах *царю и людем* находим *юсы*, но они здесь не на месте и показывают писца, который уже не понимал их древнего значения. В этих же словах Остромирово Евангелие употребляет *ю*.

Касательно палеографических особенностей рукописи: к ней относятся все те замечания, которые сказаны были об Остромировом Евангелии, за исключением древнего употребления юсов. Буква ѧ осталась, но в значении *я*, и ставится с согласными, за исключением *ч* и *ш*, которые ее не допускают, а изменяют в *а*. Самостоятельный же звук *я* выражается начертанием ѩ.

Предисловие к третьей части «Истории русской словесности»

Первые десять лекций этого курса истории русской словесности обнимают, кроме общего ее обзора в древнем периоде, все южное его отделение вплоть до нашествий татар, или до конца первой четверти XIII века. В ней изображен первый расцвет нашей духовной жизни и первое выражение ее в слове, сколько можем мы воссоздать ее из тех развалин, какие оставила нам скупая древность. Эти лекции по своему содержанию составляют свое отдельное целое, как и самые века, в них изображенные, суть только первое, но самостоятельное звено в истории нашего древнего слова.

Первые изданные мною лекции были (по крайней мере, большей частью) списком публичных, говоренных устно в аудитории Московского университета. Передал я их верно, во сколько позволила мне память, верно в отношении ко внутреннему содержанию и несколько подробнее против изустного их изложения.

С тех пор, как вышли первая и вторая части этого курса, прошло ровно 12 лет.

Теперь выходит третья[1]. Она обнимает столетия XIII, XIV и начало XV. Ясно, что лекции, теперь выходящие, не могут быть уже списком с тех публичных, которые сказаны были в 1844/45 академическом году. Наука шла вперед и почти ежегодно делала новые открытая. Я сам следил за ними и в них участвовал. Не ограничиваясь тем, что было изучено прежде, я вел предмет свой далее, предпринимая поездки, работал в библиотеках Кирилло-Белозерской, Синодальной, Иосифа Волоколамского и других. Напечатанные теперь лекции представляют, таким образом, плод нового труда, более полного, более оконченного, нежели прежние, касавшиеся того же времени.

Когда вышли мои две первые книги, пять журналов – «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», Современник», «Сын Отечества» и «Финский вестник», как вооруженная против меня пентархия, со всем ожесточением напали на труд мой. Виною этих нападений, впрочем, был я сам, поставив себя в «Московском наблюдателе» и в «Москвитянине» в полемическое отношение к тем журналам.

Несмотря на неблагосклонный прием, сделанный журналами моему труду, мне приятно было видеть, как по следам моим вели науку далее другие ученые и трудилось молодое поколение, которое скоро и представило отличных деятелей по тому же предмету. Некоторые из них мне лично выражали признательность свою за то, что начали изучать русскую словесность древнего периода по моей книге. Желаю душевно, чтобы и вновь выходящая книга принесла такой же плод, какой принесен был двумя первыми.

Всем, следящим за движением мысли в нашем Отечестве, известна важнейшая распря, которая делит ученых и писателей русских на два резко противоположных стана – как в науке, так и в литературе. Она касается взгляда на древнюю и новую Русь. Об этой распре я говорил еще в «Москвитяни-

[1] Разделение на томы, как неудобное при теперешнем издании, я уничтожаю.

не» 1844 года и в моей вступительной лекции на публичном курсе. Теперь, при благоприятных обстоятельствах, давших новое движение современной русской словесности, при открывшейся возможности мыслителям русским выражать свои мнения как можно искреннее, эта распря достигла всевозможных размеров и разделила мнения на такие две резкие противоположности, какие едва ли когда-нибудь встречались в нашей умственной жизни.

Всего неприятнее для общества и всего бесполезнее для самой науки дух вражды, который раздражает противников. Мы, мало привыкшие к умственному движению в нашей общественной жизни, не доросли еще до высоты того душевного состояния, той благородной и плодотворной терпимости, на которой противники во мнениях уважают друг друга. Кто же помогает нам яснее видеть и полнее обнимать истину, какие противники нашему на нее воззрению? Он должен быть для всякого беспристрастного исследователя истины не ненавистным врагом, а желанным гостем, который вызван нашим же к ней обращением. В этом смысле даже и в науку, в самую жаркую область ее разумных прений, можно внести христианское правило: *любите враги ваша*.

Тогда только, когда ученый воспитает себя до той высоты разумного спокойствия, что не будет оскорбляться никаким противоположным ему мнением, – тогда только он яснее увидит истину и внесет добытые им знания, как достойный вклад, в сокровищницу науки.

Трудно человеку достигнуть до такой высоты разума; но каждый добросовестный искатель истины должен, по крайней мере, стремиться к ней. Думаю, что в раздраженной ненависти, с какою сторонники противоположных мнений встречают друг друга, скрывается и большая доля взаимной неправды их же исключительных воззрений.

Разумеется, главное состоит в том, чтобы противоречия были добросовестны, основаны на искреннем желании узнать истину, проникнуты благородным чувством беспристрастия и чужды всякой личности.

Труду нашему вредят не столько противники наших мнений, которых мы можем только благодарить за их содействие к раскрытию истины, сколько порицатели самой мысли общего труда, или хладнокровные скептики, отвергающие важность словесных памятников старины русской.

В прошлом году автор «Обзора русской духовной литературы» с первых строк труда своего отринул всякую возможность написать полную ее историю – и встретил, к удивлению нашему, сочувственный отголосок в профессоре русской словесности Московского университета, который тем самым уже отказался от возможности передать ее со своей кафедры. Мы совершено согласны с автором «Обзора», что «писать историю по предположениям, по соображениям, не основанным ни на чем, – дело неумное», но кто же так писать решится? А хорошо ли охлаждать других в намерении писать полную историю русской словесности древнего периода, содержание которого составляет по преимуществу духовная литература?.. Удивительно, что нападение на возможность нашего труда совершилось из такого стана, откуда всего менее мы могли ожидать его. Конечно, для полной истории Русской Церкви, которая обнимает эпизодически историю и духовной литературы, еще менее было данных в 1847 году, но автор «Обзора» не усомнился подарить нас пятью томами такой истории, и, несмотря на видимое несовершенство труда, никто не подумал охладить внимание к нему читателей указанием на его преждевременность.

Не смеем сравнивать своего труда с бессмертным подвигом Карамзина к истории государства Российского; но вздумалось ли бы кому-нибудь из просвещенных русских людей в начале столетия останавливать великий труд славного русского историка мнением, что не настало еще время писать полную историю государства Российского, когда еще вполне и правильно не издана была даже первая наша летопись?

По нашему мнению, все труды по части истории русской словесности, древней и новой, труды общие и частные, в одно и то же время равно необходимы. Новый «Обзор русской

духовной литературы» теперь же неполон; нередко открываем в нем недосмотры; не согласны с мнением автора, что при его «Обзоре» «Биографический словарь духовных писателей России» митрополита Евгения становится бесполезным; но, несмотря на все это, благодарим автора за его труд, считаем его необходимым, пользуемся им, исправляем его и советуем другим справляться с ним, хотя и не во всем ему доверять. Номенклатура писателей, конечно, не есть еще история их слова. Для такого труда недостаточно одной механической сшивной работы; для него нужен процесс органический, труд мысли. Изучение одного значительного писателя в его произведениях потребует более умственных усилий, нежели пол-обзора исторической номенклатуры. Но и за нее благодарность, как за всякий труд, в деле науки необходимый.

Нам случалось встречать в печати подобные охлаждающие мнения и касательно нового периода русской словесности. В то самое время, когда я по смерти Жуковского в речи университетской определял его значение в русской поэзии и жизни, автор материалов для его биографии, печатанных в петербургских журналах, говорил в «Московских ведомостях», что еще не настало время определять значение поэта, подразумевая, конечно, под этим, что надобно подождать еще, когда он соберет и напечатает все материалы, касающиеся его биографии. Труд автора до сих пор остался неоконченным и, по его мнению, даже он сам не имел бы права теперь определять значение Жуковского. А между тем тот же самый автор предпринял сочинение полной истории русской словесности и обещает вскоре издать ее, чего мы с нетерпением ожидаем, радуясь новому труду в нашей науке.

Поле науки нашей так обширно, что нуждается во множестве деятелей: если бы было их вдесятеро более против наличного числа, на всех бы достало работы. Из чего же мы спорим? Что мы делим? Из чего мешаем друг другу? Вот в этом отношении желательно бы было, чтоб мы подражали западным нашим учителям в деле науки: у них мы встречаем гораздо более взаимного уважения между теми, которые ее

возделывают. История литературы у всех народов имела тружеников, и своих и иноземных, и никто никогда не подумал охлаждать внимание публики ни к какому подобному труду – ни частному, ни общему.

Постараюсь представить несколько очевидных доказательств тому, как необходимо общее изучение истории русской словесности в совокупной связи всех ее памятников для того, чтобы не впадать в ошибки при специальном их изучении.

Всем, следившим за развитием нашей науки, известно, каким сомнениям подвергали некоторые из наших ученых «Слово о полку Игореве», пока изучали его отдельно. Но с каких же пор прекратились эти бесплодные сомнения? С тех пор, как начали изучать памятник исторически, в связи с другими, принадлежащими тому же столетию. То же можно сказать и о Несторовой летописи.

Но вот еще несколько новых данных, найденных мною, в пользу необходимости общего изучения истории словесности в связи со специальным.

Изложу их по порядку столетий.

Калайдович в издании «Памятников словесности XII века» напечатал под № XII «Слово», приписав его Кириллу Туровскому, чему последовали г. Сухомлинов в новом издании его творений по рукописям графа А. С. Уварова. В библиотеке Иосифова Волоколамского монастыря мне удалось найти настоящего автора этого «Слова о небесных силах, чего ради создан бысть человек» в Авраамии Смоленском. Означение имени Авраамия в заглавии сочинения и согласие между содержанием «Слова» и известиями об авторе из его жития, что он любил перед концом жизни беседовать о тех самых предметах, которые в этом слове излагаются, ясно убеждают в том, что оно должно быть приписано не Кириллу Туровскому, а Авраамию.

Преосвященный Макарий в статье своей о Григории Цамблаке, митрополите Киевском, как писателе, напечатанной в шестом томе «Известий Академии наук по отд. русск. яз. и слов.» (листы 7–10), говорит: «В продолжение двух столетий,

четырнадцатого и пятнадцатого, когда жил он и святительствовал, в России не было ни одного писателя-проповедника, который бы мог сравняться с ним по красноречию и по внутреннему достоинству своих творений». Пятнадцатая лекция моя, надеюсь, обнаружит, что современно Григорию Цамблаку действовал у нас писатель-проповедник митрополит Фотий, который не уступит Григорию ни в красноречии, ни во внутреннем достоинстве своих творений.

В той же статье Григорию Цамблаку приписаны богослужебный стих на Успение Пресвятой Богородицы и «Слово» на тот же праздник, как два особых творения, тогда как при первом взгляде на оба произведения ясно видно, что стих есть только извлечение из того же «Слова».

В другой статье – «Труды митрополита Феодосия», жившего в XV веке, напечатанной во втором томе тех же «Известий» (лист 21), приписано Феодосию «Послание к Новгородскому архиепископу о непризнании Григория Цамблака митрополитом». Это «Послание», писанное в 1401 году, не могло касаться Григория Цамблака, который скончался в 1419-м, а касалось другого Григория, который поставлен был на Литву лжепатриархом Григорием Маммою в 1458 году и оставался еще митрополитом Киевским в то самое время, когда Феодосий святительствовал в Москве.

В той же статье «Слово похвальное святым верховным апостолам Петру и Павлу» названо новооткрытым творением Феодосия, что преосвященный Филарет внес в свой «Обзор русской духовной литературы»; а «Слово» это есть не что иное, как сокращение из «Слова» на тот же предмет Григория Цамблака, отличающееся от своего подлинника одним маленьким к нему приступом.

Митрополит Евгений в своем «Словаре духовных писателей России» назвал известного Вассиана Рыло, архиепископа Ростовского, автора славного «Послания к Иоанну III», сродником Иосифу Волоколамскому. Эту ошибку повторил и А. Н. Муравьев в житии Пафнутия Боровского (мая 1-го), назвав Вассиана, автора «Послания», братом Иосифа Волоцко-

го. Здесь смешаны два Вассиана, которые оба были архиепископами Ростовскими и Ярославскими; но один из них, автор славного «Послания», скончался в 1480 году марта 25, по другим же летописям, в 1481-м[1]; а второй Вассиан, брат Иосифа Волоколамского, в 1515-м, августа 28.

Этого смешения избегнули г. Сухомлинов в статье своей «Вассиан, современник Иоанна III», напечатанной во втором томе «Известий» (л. 12 м 15), и автор «Обзора духовной русской литературы»; но оба они, следуя митрополиту Евгению и П. М. Строеву, приписали житие Пафнутия Боровского первому Вассиану, творцу «Послания», и назвали его учеником Пафнутия.

Вассиан Рыло скончался в 1480 или в 1481 году, а Пафнутий Боровский – в 1479-м, как сказано у г. Сухомлинова. Странным кажется, как Вассиан в один год успел собрать все материалы и написать так скоро житие своего учителя, особливо как духовник великого князя при обширных своих занятиях епархиальных и государственных. Автор «Обзора» полагает год кончины св. Пафнутия 1477-й, согласно житию его. В таком случае было бы, конечно, почти три года для составления жития; но и этого, по обычаю того времени, кажется слишком мало. Тогда у нас жития святых мужей не писались на скорую руку. Епифаний по кончине преп. Сергия, свободный от других занятий, не архиепископ, не государственный деятель, не страж Отечества в эпоху монголов, употребил 26 лет для сочинения жития Сергиева; к тому же он сам жил в той же обители и имел все материалы под руками. У Вассиана же не было тех удобств. Пахомий Логофет для того, чтобы написать житие Кирилла Белозерского, должен был сам отправиться в его обитель и там собирать материалы.

Другое обстоятельство, препятствующее приписать житие Пафнутия Вассиану первому, заключается в годах его. Конечно, в точности лета Вассиановы при кончине его остались неизвестны; но все-таки он был уже в глубокой и маститой

[1] Различие, вероятно, происходит от того, что один летописец ведет счисление уже сентябрьским годом, а другой – мартовским.

старости, когда в 1480 году говорил Иоанну: «Дай семо вои в руку мою, коли *аз старый* утулю лице против татар». Кроме силы духа, вероятно, и лета его давали ему право быть духовником государя и так сильно действовать на него заодно с митрополитом Геронтием. Мог ли поэтому Вассиан быть постриженником и учеником Пафнутия, которому был почти сверстником, если не превышал его годами?

По всем этим данным, житие Пафнутия скорее должно быть приписано второму Вассиану, также архиепископу Ростовскому и Ярославскому, который из архимандритов Симоновских в 1606 году был хиротонисан на эту кафедру и скончался в 1515-м. Он был действительно братом св. Иосифу Волоколамскому, как это засвидетельствовано в помянниках рода Иосифа, после которого он всегда поминается, и во всех рукописных преданиях обители. Оба они были постриженниками и учениками св. Пафнутия, как значится и в самом житии его. После кончины учителя этот Вассиан имел все время и все средства собрать от своих соучеников, товарищей и брата все сведения, касающиеся жития его учителя.

Поводом к смешению двух Вассианов послужило то, что автор жития упоминает о том, что он был постриженником и учеником Пафнутия, что ему сожительствовал и пел с ним в одном лике; а потом в третьем лице говорит о Вассиане, брате Иосифа, которому Пафнутий предсказал архимандритство в Симоновской обители. Такая скромность в духовном лице того века понятна: прозрение о нем Пафнутия автор жития рассказывает в третьем лице, чтобы оно не могло быть прямо отнесено к нему; а о своем пострижении от Пафнутия рассказывает в первом лице, но себя не называя по имени.

На основании этих данных следовало, конечно, отнести житие Пафнутия к Вассиану второму, а не первому. Эти данные, наконец, несомненно подтверждаются свидетельством иосифовского отечника обители, где записаны многие предания о св. Пафнутии, слышанные от учеников его, Иосифа и Вассиана. Тому же Вассиану в другом сборнике приписывается грозно-обличительное послание против Латинской церкви,

в котором находим и объяснение знаменательных небесных явлений в православной литургии[1].

В заключение позволю еще небольшое замечание: в «Обзоре духовной литературы» сказано, что Пахомий Логофет прибыл в Россию при Василии Темном; но, по свидетельству Никоновой летописи, священноинок Пахомий Болгарин «прииде на Русь из грек с Фотием митрополитом», следовательно, при Василии Дмитриевиче, в 1410 году.

Кажется, довольно приведено доказательств в пользу необходимой связи изучения общего со специальным. Не спорю также, что и специальное изучение приносит много пользы изучению общему, но тогда только, когда оно на связи с общим основано. К тому же ведь специальному изучению конца нет, а поэтому общая история русской словесности никогда не будет возможна. Спрашиваю: как же профессоры русской словесности будут читать ее историю, если она невозможна?

Кроме порицателей дела есть еще, как сказали мы, скептики или отрицатели памятников старины русской. Недавно в большом новом труде своем, который совершается по вновь разработанным источникам, в «Истории Петра Великого», г. Устрялов, признавший за нужное во введении сказать хотя несколько слов о России до Петра Великого, выразился о русской словесности в древнем периоде нашей жизни следующими словами: «Словесность ограничивалась списыванием старинных летописей, хронографов и книг душеспасительных». Обаяние завесы преобразования так еще сильно действует на историка Петровой эпохи, что взгляд его как будто не имеет силы проникнуть сквозь туман ее. Для него не существуют даже все открытия, сделанные учеными любителями старины в первой половине текущего столетия, и даже на глазах наших. Правда, что душеспасительные книги составляют главное содержание древнерусской словесности; но если русский народ в древнем периоде

[1] Есть место в этом объяснении, которое соответствует в житии одному видению инока Ефимия: сличение обоих мест еще более убеждает в том, что автор жития есть Вассиан, брат Иосифа.

своей жизни задал себе главною задачею в произведениях своего слова указать пути для спасения души человеческой; то неужели такое явление в своем народе историк Нового периода считает делом столь маловажным, что позволяет себе так небрежно о нем отозваться? На этих книгах основано религиозно-нравственное могущество России, без которого ни реформа Петрова, ни все за нею последовавшие и вновь ожидаемые не имели бы своего правильного и прочного развития. Историк Петра позволил себе так поверхностно выразиться о древнем периоде русской словесности потому, вероятно, что, увлеченный своим предметом, преобразованием в самом его начале, когда оно было только противодействием крайностям старого времени, не вник глубоко во все то, что ему предшествовало, отчего многие явления времен Петровых даже и в эту первую эпоху остаются у него необъясненными, а впоследствии будут еще темнее и неопределеннее. Откуда выйдут внезапно на свет сподвижники Петровы: святитель Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский? Это деятели в духовной и умственной жизни народа; но как же из Древней Руси, при отсутствии всякой промышленности, всякого знания, так как представлена она историком реформы, объяснить *искусного и опытного кормщика* Антипа Тимофеева, которому мы на рогах Унской губы обязаны спасением жизни Петра? К тому же, следя все царствование Петрово, мы видим, что как сильно в начале он отторгся от жизни древних предков, так после все более и более сознавал необходимость возобновления связи с существенными ее началами. Думаем, что историк не обнял еще совокупною мыслью предмета во всю глубину его и находится под излишним влиянием самой ранней эпохи преобразования, которую теперь излагает.

Но в некоторых современных явлениях нашей жизни в связи с западом Европы мы встречаем уже сильные отголоски в пользу Древней Руси. В Париже вышло недавно сочинение «Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie par Nicolas de Géré btzoff» в двух томах. Большое это сочинение обнимает

все отрасли русского просвещения в самом обширном смысле – как в древней, так и в новой России. Конечно, при таком великом труде нельзя избегнуть маленьких промахов, в которых каждый добросовестный читатель извинит автора. Но кто любит свое Отечество и кто верно понимает его жизнь и историю, тот изъявит полное сочувствие трудолюбивому и даровитому автору этой книги, проливающей новый свет перед всем просвещенным Западом на прошедшие, настоящие и грядущие судьбы нашего Отечества[1].

[1] Излагая историю образования и словесности Древней Руси вообще и особенно в первых веках ее, автор, как мне приятно было видеть, пользовался и моею книгою, извлек из нее многие подробности, кой в чем ошибся там, где неточно мне следовал, а главное – из нее заимствовал основное свое воззрение на христианское просвещение Древней Руси. В доказательство тому, что он имел книгу мою перед глазами, мог бы я привести разные места из его книги; но чтобы не утруждать читателя, привету только полстраницы в его переводе.

«Parmi les contes héroiques, les plus remarquables sont ceux qui chantent les hauts faits d'Ilia Mourometz de Kieff, chevalier ou bogotyr du temps de Vladimir.

Dans tous ces contes, le héros se distingue par sa bienfaisance pour les malheureux, son respect filial, sa générosité, sa force herculéenne. qui ne lui est donnée par le bon Dieu que comme récompense de ses vertus: il se garde d'offenser quelqu'un sans cause, il ne fait jamais verser le sang chrétien, il ménage même les brigands, il ne frappe que pour la défense de la chrétienté; son désintéressement est exemplaire, car il ne demande jamais de récompense pour ses exploits: il ne veut ni terres, ni honneurs; mais tout au contraire, c'est lui qui fait des dons magnifiques à son prince» (T. I, 455).

История русской словесности, преимущественно древней. Ч. I, стр. 190 и 197:

«Любимый витязь русского народа, любимый герой его устных преданий – Илья Муромец…

Вот в каких чертах русский народ воображает своего любимого витязя; он милосерд к нищим, его сила – награда за его милостыню; он добрый сын; он бережется напрасной обиды; он не проливает крови христианской; он щадит даже разбойников; он поднимает оружие только для защиты народа и веры против врагов и язычества; он без похвальбы служит Русской земле... он не требует ни земель, ни почестей, ни даров за свои услуги, но сам несет дары к стольным князьям...»

Кажется, достаточно ясно, что книга моя была перед глазами у автора и что он иногда переводил из нее целиком; но, назвав меня автором «Теории поэзии в историческом развитии у древних и новых народов» (стр. 321 второго тома), Н. А. Жеребцов не решился к этому прибавить, что я также автор той «Истории русской словесности», откуда он сам кое-что позаимствовал.

Не могу не принести некоторых оправданий перед публикою в том, что замедлил продолжением моего труда. Мне остается здесь вкратце повторить то, что сказано уже подробнее в моей автобиографии, напечатанной вместе с биографиями других профессоров Московского университета по случаю его столетнего праздника. С тех пор прочтено было мною два курса публичных – истории всеобщей поэзии и истории живописи итальянской: последний напечатан вместе с курсами товарищей. Издана «Поездка в северную область России», совершение которой нужно было особенно для продолжения моего труда. Основана новая кафедра педагогии в Московском университете. Кончина Гоголя вызвала меня на труды по изданию посмертных его сочинений. Кончина Жуковского не могла пройти в Московском университете без сознательного и полного отголоска его жизни и поэзии. Девятилетнее деканство во времена университета самые трудные отнимало много времени на пользу младших товарищей по науке и на пользу студентов. Столетний праздник университета всем грузом трудов своих, и больших и мелких, пал на меня, отнимал четыре года все часы досуга, даже необходимого сна, и расстроил многие мои телесные силы.

Вот причины видимые замедлению в труде. А что за дело читателю до невидимых? Человек, действующий перед обществом, обязан ему отчетом в своих делах общественных, а в душевных скорбях, в борьбе с судьбою, в великом и трудном деле жизни его отчет только Богу.

Главное в ученом то, чтобы, несмотря на все препятствия и противодействия судьбы и людей, сохранить любовь к науке и совершать труд ее – хотя медленно, но добросовестно. Любовь к науке цела и неизменна – а труд все идет и подвигается, постоянно верный одной путеводной мысли, которая легла ему в основу.

Оставив преподавание, я передаю теперь печатному слову плоды многолетних трудов и занятий. В великодушное извинение медленности труда прошу читателей вменить мне и то, что я работаю без предшественников в этом деле, которые

могли бы облегчить мне построение целого и разработку подробностей. Многие литературные материалы столетий, содержащихся в этой части рукописи, еще не изданы, а существуют в рукописях. Не имея права, облегчающего в десять раз труд, изучать рукописи на рабочем столе своем, я должен переписывать их в затворах библиотек и монастырей, и потом уже этот сырой материал претворить в дело науки и в изложение историческое по лекциям.

Считаю сердечною обязанностью принести чувство моей глубоко сознаваемой благодарности митрополиту Московскому Филарету за то, что архипастырь благосклонно и немедленно допускал меня ко всем сокровищам древних библиотек, попечению его вверенных.

Благодарю от души исполнителей воли московского архипастыря. В смиренной и тесной келье у отца ризничего Синодальной библиотеки архимандрита Саввы я переписывал поучения Фотия, Григория Цамблака и другие; в кельях у архимандрита Чудовской обители Паисия трудился над Евангелием святителя Алексия; в кельях архимандрита Иосифова Волоколамского монастыря Гедеона я работал над рукописями знаменитой библиотеки по каталогу, вновь составленному подробно, который облегчал мне труды мои.

Приношу мою благодарность князю М. А. Оболенскому за рукописи, которыми безотказно снабжал меня на дом, и В. М. Ундольскому, который, на малые средства собрав одну из самых значительных частных библиотек, радушно делится своими книжными сокровищами со всеми, занимающимися наукой. Нельзя не пожелать, чтобы его редкое книгохранилище, собранное с таким знанием дела, ухоженное и усовершенное в каждом экземпляре, перешло в городскую собственность нашей столицы и долго бы состояло по всем правам под ведением самого собирателя.

Книга моя, обнимающая часть жизни древнерусской в том, что осталось от нее лучшего, выходит в такое время, когда новая Россия увлечена совершенно иными практическими стремлениями, работою над всяким устройством великой

земли своей. Древняя Русь может обратить к новой следующие смиренные слова, заимствованные у одного из своих представителей, сказавшего их в начале XVI века: «И ты со мною грешным и худым иноком Даниилом совета о сем не имей: еже бы высоту небесную уведети, и глубину морскую измерити, и концы земныя обтицати и исчислити, и езерам и рекам каменныя стезя художьствовати, и весь мир строити, и якож в круг некый вселенную всю объяти, и всех в един нрав привести и от всея поднебесныя неправду, и лукавство, и всякое злохитрьство изгнати, не навыкл есмь: понеже безумен и окаянен есть человек и не делатель никоторому благу; но точию божественныя писания глаголю слышащим и приемлющим и хотящим спастися...»

Мы думаем, что новое дело, которое сильно замышляется у нас на Руси в настоящую минуту и необходимость которого сознавали, однако, и наши смиренные предки в начале XVI века, не должно быть чуждо делу древнему, положенному в основу русской жизни. Духовное единство Русского мира, заложенное там, должно получить в новой России внешнее выражение и скрепить ее внешние силы. Без путей, соединяющих дух, бессильны бы были пути единения материального. Что прибыли, если железные дороги будут нас сближать только в географическом отношении, а духовно станем мы разъединяться на бесконечные расстояния и в разные стороны? Единство внутреннее, духовное заготовила нам Древняя Русь: да облечет его во внешнее Русь новая! Вот, по нашему мнению, какая связь между периодом древним и новым, связь неразрывная, которая таится в духе народа и более и более должна быть приводима в сознание.

В наше время привыкли думать, что век наш все увлекается одними только материальными стремлениями. Железные дороги и электрические телеграфы приводятся как самые очевидные тому доказательства. Нам кажется, что на эти великие плоды ума человеческого можно смотреть совершенно с другой точки зрения. Никогда еще дух человеческий так не торжествовал над условиями материального мира, над

пространством и временем, как в эпоху, до которой мы так счастливо дожили. Железный путь уничтожает между людьми пространство, а электрическая искра – время. В этих явлениях чувствует и сознает человек осязательным образом свое духовное назначение и предвкушает, так сказать, на земле то совершенное уничтожение времени и пространства, которое ожидает его в будущей жизни. Мне кажется, что никогда еще душа человеческая не объявляла столь очевидных прав на свое бессмертие, как в наше время, когда она сделалась почти владычицею двух главных условий вещества, стеснявших жизнь ее в земной, ограниченной ее оболочке.

Жизнь русского человека, если только он хочет в нее глубоко вникнуть, совершается по законам непререкаемой божественной логики. Да не колеблет ее в каждом из нас какое-нибудь лишнее наше мудрование! В древней своей жизни русский человек, чувствуя выше всего духовное свое назначение, проложил духовные пути сближения и этому делу принес все на жертву! Неужели же в новое время его потомок, пролагая пути сближения материального, позабудет о первых и для единства физического земли своей пренебрежет единством народным в духе? Чтобы не могло это быть, новый русский человек не должен забывать древнего своего собрата: новый и древний русский должны составлять одно, и без совмещения их не может быть полного русского человека, а будет одна только половина, и для нового самая невыгодная, потому что, отринув в своем древнем собрате основание высокой половины духовной, новый человек останется при одной материальной и испортит только великое дело всецелой жизни народа русского.

Вот основания, на которых полагаю, что книга моя, возобновляющая в памяти русских людей заветы их доблестных и святых предков, думавших и неуклонно действовавших в пользу насаждения и распространения духовной жизни по всем пределам Русской земли, не будет в противоречии с новыми стремлениями русских людей, а восполнит то, что в настоящее время для них особенно надобно.

Катитесь во все стороны нашего любезного Отечества, пути железные, пароходы крылатые, и соединяйте в одно живое, гибкое и стройное тело все дремлющие члены великого русского исполина! Разрабатывай, Россия, богатства, данные тебе Богом в твоей неисчерпаемой и разнообразной природе, развертывай и высвобождай все свои личные силы человеческие для великого труда над нею! Но помни, что неизмеримая духовная сила твоя заготовлена еще предками в древней твоей жизни, верь в нее, храни ее, как зеницу ока, и во всех твоих новых действиях призывай ее на помощь, потому что без нее никакая сила твоя не прочна, никакое дело не состоятельно и полная, всецелая жизнь всего русского народа и каждого человека отдельно невозможна.

Октября 18-го, 1858

Палеографические приложения к третьей части

I. Образец письмен Псалтири 1296 года

Он приложен к 468-й странице, где о Псалтири упоминается, равно как и в 40-м примечании к XI лекции на 1036-й странице. Об этой Псалтири говорит К. В. Калайдович в «Иоанне, экзархе Болгарском», как указано в примечании. Описана она подробно в «Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», (Отдел первый. Священное Писание. 1855, под № 13, стр. 181–186) гг. Горским и Невоструевым; еще подробнее в «Палеографических и филологических материалах для истории письмен славянских», собранных из 15 рукописей Московской Синодальной библиотеки и. д. э. о. п. Ф. И. Буслаевым, стр. 23, № V.

Рукопись писана на пергамене в малый лист, крупным уставом для книги Марины в 6804 (1296) году писцом Захариею, который, будучи воспитан из детства в таком обычае,

переписал много святых книг, и между прочим, уже будучи в старости, написал на Волоке Евангелие апракос для игумена Антония к Покрову св. Богородицы, а эту Псалтирь после того. К кафизмам Псалтири присоединяются покаянные тропари и молитвы; между последними встречается и молитва святого Феодосия Печерского за все крестьяны. Прочтем текст первого псалма, изображенный в снимке:

Блаженъ мужь иже не иде на съвѣтъ нечтивыхъ ⁘
И на пути грѣшныхъ не станеть
И на сѣдалищи губитель не сѣде ⁘
И въ законѣ гн҃и воля его ⁘
И въ законѣ его поучиться дн҃ь и нощь ⁘
И есть акы древо саженое въ преисходищихъ водъ ⁘
И еже плодъ свой дасть въ время свое ⁘
И листъ его не опадеть ⁘
И вся елико створи поспѣеться ему ⁘
Не тако нечтиви не тако ⁘
Нъ яко прахъ его же въскрываеть вѣтръ отъ лица землї ⁘
Сего ради не въскрьснять нечьстивии на судъ ⁘
Ни грѣшници въ съвѣтъ праведныхъ ⁘
Яко свѣсть господь путь праведныхъ ⁘
И путь нечтивыхъ погыбнеть.

Правописание русское; с частым употреблением *о* вм. *ъ, е* вм. *ь*; древнейшее употребление букв ъ и *ь* частию удерживается, но только по преданию книжному.

Признаки в начертании букв следующие: в *И* средняя черточка сохраняет еще довольно верно свою горизонтальную форму, но местами начинает однако колебаться и отходит от горизонтального положения. В букве *Н* черточка диа-

гональная напоминает греческое начертание этой буквы. В иотированной букве *Е* черточка соединительная сохраняет свой древний горизонтальный характер. Буква *Ж* суживается к верху, а не к середине; буквы *З* и *Ч* сохраняют свою древнюю форму, но последняя от круглоты верхней своей половины начинает переходить к продолговатой форме. Из юсов осталось только ѧ, заменяющее ѩ после согласных, как, например, в словах: всѧ, времѧ; буква же ѩ употребляется без согласной. Знаки препинания – крестообразное четвероточие, которым стих отделяется от стиха, как бы в означение крестного знамения, которым переписчик, вероятно, сопровождал написание каждого стиха Псалтири.

II. Образец письмен Евангелия святителя Алексия

Он приложен к 519-й странице III части. Митрополит Евгений в биографии Епифания Славинецкого (т. I его «Словаря о писателях духовного чина», стр. 177) приводит историческую записку о трудах, предпринятых Епифанием для перевода вновь Священного Писания. В этой записке сказано: «Первая славянская книга бе у преведения сего преводу и рукописания святого Алексия митрополита всея России чудотворца, писанная в лето 6863 (т.е. 1355) до смерти его за 23 лета, яже и доднесь обретается в обители его в Чудовом монастыре в книгоположнице блюдома и прочитаема бывает над болящими». О том же Евангелии говорится в статье «Св. Алексий, митрополит Киевский и всея России» – Творения святых отцов. Год 6, кн. I, стр. 95. Здесь приведено и мнение аббата Добровского о сем Евангелии. В «Достопамятностях Москвы» К. Тромонина, 1845, приложен снимок с надписей, находящихся на рукописи св. Алексия, и двух страниц из рукописи (Послания к евреям I, 1–11). В «Обзоре русской духовной литературы» преосвящ. Филарета Харьковского (стр. 71) приложено чтение притчи о талантах в сравнении с греческим текстом отчасти и с вариантами 10 славянских списков, предшествовавших рукописанию святителя.

Новый Завет, по церковному несомненному преданию приписываемый святителю Алексию, писан на пергамене, весьма мелким уставным письмом, в 12-ю долю листа. Правописание русское. Передаем текст приложенного снимка:

Бж҃твеное еѵ҃лье еже отъ Иоана.

Искони бѣ слово. и слово бѣ къ бу҃. ї бъ бѣ слово. сь бѣ
искони къ бу҃. вся тѣмъ быша и безнего бы҃ ничтоже еже бы҃.
втомъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ чл҃вкм. и свѣ҃ во
тмѣ свѣтить҃. и тма его не обя҃ ∴

Бы҃ чл҃въ посла҃ отъ ба҃. има ему иоанъ. сь приде в свѣ-
детѣльство да свѣдѣтелствуе о свѣтѣ. да вси вѣрую҃ имь. не
бѣ о҃ свѣ҃. но да свѣдѣтелствуе о свѣтѣ. Бѣ свѣ҃ истиный
и҃ просвѣщаетъ всяко҃ чл҃вка грядуща҃ в миръ. в мирѣ бѣ. и миръ
имь бы҃ и миръ его не позна ∴

Въ своя приде. и свои его не прияша. елици прияша же и.
да҃ имъ обла҃ чадо҃ бж҃и быти. вѣрующим҃ во имя ѥ҃. и҃ не ис
кровии. ниже отъ хотѣ҃ния плотска. ниже отъ хотѣ҃ния мужска.
но отъ ба҃ родишася ∴

И слово пло҃ бы҃. и всели҃ в ны. ї видѣхо҃ славу ѥ҃. славу
яко единочада҃ отъ оц҃а. исполнь блгти и истины. Иоа҃ свѣдѣ-
телствуе о не҃ ї возва гл҃я. се бѣ его҃ рехъ.

Иже в слѣ҃ мѣ҃ грядыи. пре҃ мною бы҃. зане первѣе мѣ҃ бѣ.
ї отъ исполнѣя ѥ҃ мы вси прияхо҃. и блгть въ блгть. яко
зако҃ моси҃ да бы҃. блгть и истина ис҃ хмъ бы҃.

При сличении сего текста с греческим подлинником и славянскими списками с первого раза видно стремление, с одной стороны, подойти ближе к греческому тексту, с другой – заменить некоторые славянские речения более народными русскими. В примере первого мы можем привести выражения, здесь в первый раз встречающиеся, из нынешнего текста Нового Завета: «слово бе к Богу, се бе искони к Богу»; сюда же относятся выражения: «иже не ис кровии» вм. «иже не от крови»; «иже в след мене грядый» вм. «грядущий по мне»; заметим также замену двух отрицаний одним и сближение порядка слов с текстом греческим: «и без него бысть ничтоже еже бысть». В пример второго приведем употребление русского местоимения: *он* и *им,* вместо *тъ* и *тем*, *Мосеем* вместо *Мосеом*. Замечательно также сокращенное выражение: *да вси веруюшь им*, наместо: *да вси веру имуть им.*

Что касается до признаков палеографических, то ясно видно, что греческие начертания возымели большое влияние на переводчика. Это показывает сокращение букв, взаимно сплетаемых, напоминающее подобные сокращения в рукописях греческих, также и частое употребление десятиричного *i*. *И* и *Н* напоминают особенно начертания греческие, *И* – своею горизонтальною перекладинкой, а *Н* – своею диагональю, начинающейся от самой вершины. Знаки ударений на слогах, точка над *i* и знаки над некоторыми гласными звуками напоминают также греческое правописание. Перекладинки в связных йотированных гласных начинают уже отходить от чисто горизонтального прежнего направления. Из согласных *Ч* в верхней половинке своей переходит к форме более продолговатой. Юсов нет, обозначающих носовое произношение; ѧ употребляется с согласными, а ѩ для выражения самостоятельного звука *Я.* К знакам препинания принадлежат точка, поставляемая большею частью посередине, и крестообразное четвероточие, которым отделяются стихи, читаемые за один раз в воскресном возглашении пасхального благовестия. Знаками облеченными или титлами текст изобилует.

Дополнения к третьей части

Лекция XI, стр. 29. В «Указателе Синодальной библиотеки», составленном архимандритом Саввою, к XIII веку с обозначенными годами отнесены еще три рукописи: «Трефологион» 1252 года, «Кормчая» 1282-го и «Пандекты» Никона Черногорца. Меня укоряли в том, что я пропустил их. Но все эти рукописи не только не исследованы, но даже и не описаны филологически в «Указателе». Древние рукописи, обозначенные годами, тогда только становятся собственностью науки, когда подвергаются исследованию или описанию, сделанному на ее основаниях. Правда, что я мог внести их в примечания: это теперь и исполняю.

Лекция XI, стр. 43. Когда одиннадцатая моя лекция, в которой я говорю о «Словах» Серапиона, была давно уже отпечатана, в июльской книжке «Православного собеседника» 1858 года, издаваемого при Казанской духовной академии, появились два небольших «Слова», найденных в «Измарагде» Соловецкой библиотеки, писанном в XV веке. В рукописи приписаны они св. Ефрему; но так как вместе с ними находилось третье «Слово», известное уже за Серапионово из рукописи «Златая чепь» и напечатанное в «Прибавлениях к творениям св. отцов», то издатели на этом основании приписали и найденные ими два «Слова» тому же Серапиону. Мои критики укоряли меня в том, что я, в третьей части говоря о Серапионе, пропустил эти два памятника. Но книга моя была уже почти до конца отпечатана, когда они появились. Надобно же было произвести исследование, чтобы сказать что-нибудь более положительное. Невозможно вносить в науку немедленно все, что ни попадается под руку. Весьма жаль, что издатели не напечатали и первого «Слова о казнях Божиих и о ратех». Судя по началу, которое растянуто очень против вначала в «Слове» Серапионовом, можно б было заключить, что и все оно было изменено переписчиком. У Серапиона читаем: «Почюдим, братье, человеколюбье Бога нашего». У св. Ефрема: «Удивимся, братие, и почюдимся человеколюбию и милости

Бога нашего». Первое из напечатанных «Слов» начинается и оканчивается мыслью о Страшном Суде, и в средине содержит мысли о том же. «Тем боитеся, братие, грозы и страха Суда Божиа: внезапу бо день той найдет страшный». Так начинается «Слово»; заключительная мысль его о том же: «Сде бо егда будет буря и гром, того не трьпим, а тамо камо ся дети, егда Суд будет Страшный, аще ныне не уготовимся». – Известно, как в XV веке мысль о Страшном Суде действовала в проповедном слове: мы встречали ее часто в проповедях Фотия и Григория Цамблака. Слова в середине «Слова» имеют особенное отношение к близости кончины мира: «Се бо писанная вся конец принимают и реченная знамениа сбываются и уже мало нашего живота и века». Такие слова не могли быть сказаны Серапионом в XIII веке, когда еще более двух столетий оставалось до рокового 1492 года, в котором ожидали кончины мира. Ясно, что слово относится к XV веку. Есть и другие тому признаки: *церквам нестроение* скорее может быть отнесено к церковным смутам того же столетия, нежели к XIII, когда Церковь наслаждалась еще единством иерархии.

Второе «Слово о мятежи жития сего» по таким же признакам должно быть отнесено к тому же XV веку. Слова, которыми оно начинается («уже наводит ны время на дело вечного живота и неразоримыи славы»), явно намекают на ту же мысль о близкой кончине мира. Далее следует намек на опустошение черной смерти, которая посещала еще Россию в XV веке: «Сию бо жизнь приемлет смерть, а славу постигают студи мнози, преже бо года от велмож в пес место во ад сведени быша». На этом основании оба «Слова» никак не могут быть приписаны Серапиону, умершему в 1272 году. Кто же мог быть св. Ефрем, писавший эти слова? В числе святых мужей, живших у нас в XV веке, мы находим Ефрема Перекомского, Новгородского, который родился в 1412 и преставился в роковом 1492 году.

Лекция XI, стр. 48. Вот скорее следовало бы меня упрекнуть в том, что я, говоря о летописях XIII века, не сказал ничего о «Летописце Переяславля Суздальского», который был открыт князем Оболенским и издан во «Временнике»

1851 года, № 9. Но я связал этот памятник с другим, относящимся к той же Переславской местности, с переделкою «Слова Даниила Заточника», надписанною тому же самому князю Ярославу Всеволодовичу Переславскому, о котором с таким искренним сочувствием отзывается и «Летописец». О подражании «Слову» Даниила, равно како «Летописи Переславской», я говорю в девятой лекции.

Лекция XI, стр. 71. Св. Пафнутий Боровский передал св. Иосифу Волоцкому, ученику своему, устное предание о св. Петре митрополите. Когда святитель в соборной Успенской церкви молился о каких-то земских делах, его келейник, инок по прозванию Целада, пришел к нему и сказал: ты молишься и хочешь быть услышан, а у тебя в казне три рубли. Святитель тотчас же повелел раздать их нищим, и прошение его немедленно было исполнено (выписано из «Патерика» Иосифова монастыря).

Лекция XI, стр. 86, прим. 38.«Апостол толковый» 1220 года, описан также под № 95 в «Описании Синод. бт.» (отд. 2, стр. 141).

Лекция XI, прим. 40, стр. 86. Псалтирь 1296 года описана там же за № 13 в 1-м отд., стр. 181. В конце этой рукописи есть намек на тяжкое порабощение от иноплеменников и приглашение возносить за христиан молитвы с Псалтырью, да пощадит их Господь.

Лекция XI, прим. 52, стр. 89, строка 2. Вместо № 574 след. читать 516.

Лекция XI, прим. 57. Рукопись «Мерила праведного» в Синод. библиотеке за № 524, а не 52, как напечатано по ошибке.

Лекция XII, стр. 106. Монахом преподобный Сергий был 55 лет.

Лекция XII, стр. 129. В библиотеке Чудова монастыря я нашел рукопись «Пандектов» Никона Черногорца под заглавием «Толкование заповедей Господних» в 63 главах, XIV века, где находится и подлинник 41-й главы «О поставлении властель», откуда святитель заимствовал свое сокращение, вставленное им в заключении четырех евангелистов на 52-м

л. об. Нового Завета, писанного его рукою. Эта рукопись восходит, таким образом, к основанию самой обители.

Лекция XIV, стр. 223. В числе рукописей XIV века следует еще поставить «Зерцало», или «Диоптру», писанную в 1308 году, которая находится в библиотеке Чудова монастыря и описана в «Памятниках московской древности» И. М. Снегиревым (1842– 1845, стр. 146), и «Толкование на Книгу Иова Олимпиодора Александрийского и других», рукопись того же монастыря 1394 года, о которой упоминается в «Опис. Синод, библ.» (Отд. 2, стр. 57).

Лекция XIV, стр. 233. В числе переводов с греческого, относящихся к XIV веку, следует упомянуть еще о рукописи, принадлежащей московскому Успенскому собору. Она – XV века, но в заглавии сказано, что перевод сделан был в 1343 году. Вот оно: «Поучение избрана от св. Евангелия и многых божественых писаний, глаголема от архиереа из уст во всякую неделю, на поучение христоименитым людем, или прочитаема такоже и на господскиа праздникы, преложена с гречьскаго языка на рускии книгы в лето 6851» (1343). См. «Пам. моск. древности», с. 43. В библиотеке Иосифова Волоколамского монастыря за № 547 есть рукопись тех же «Поучений», переведенных в 1343 году под тем же самым заглавием. В приписке сказано, что они писаны в Иосифовой пустыни в 1490 году по повелению Иосифа чернцом Симеоном.

Лекция XIV, стр. 261. Поправка: в строке 5-й снизу вместо: *между их и мною*, следует читать: *между ими и мною.*

Лекция XIV, стр. 291. Для исторического объяснения песни о Щелкане, в которой упоминаются тверские князья Борисовичи, следует заметить, что последним тверским удельным князем при Иоанне III был Михаил Борисович.

Лекция XIV, стр. 301. Г. Березин в «Библиотеке восточных историков» (т. 1, прим. 82) слово *богатырь* объясняет посредством монгольского *багатур*, что значит храбрый муж, молодец. К числу татарских слов, оставшихся в русском языке, следует присоединить еще слово *чалый*, что по г. Березину значит седой. Замечательно, что масти лошадей карий и чалый

заимствованы нами у татар. Любопытно бы было произвести исследование над другими словами, то же означающими, как, например, буланый, пегой, саврасый, гнедой и проч.

Лекция XV, стр. 347. В препирательстве с иудеями Григорий Цамблак заимствует то, что известно было о прении Кирилла первоучителя с ними же из его жития. См. издание Шафарика, стр. 12.

Заметки о библиотеках в Москве, особенно Типографской (по случаю статей г. Викторова в «Московских ведомостях» 1859 года (№ 285, 288 и 291)

Всем, следящим за движением литературы современной, известно, что библиотека типографии Синодальной сделалась предметом общественного внимания по случаю возникшего вопроса о распределении этой библиотеки по разным ведомствам и соединении в главном с библиотекою Синодальною. Причиною такого вопроса была мысль одного из усерднейших хранителей сей последней, что и Типографская библиотека, как он выразился в «Известиях 2-го отдел. Академии наук», *есть также Патриаршая, только в чужих руках*. Разумеется, такое воззрение проистекало в библиотекаре от похвального желания умножить хранимую им библиотеку новыми сокровищами, которые потребовали бы от него только нового труда и попечений. Он же намеревался при этом издать к этой библиотеке указатель, которого она не имела, и тем ознакомить всех любителей древней словесности с ее содержанием, мало кому известным. С этой точки зрения, уничтожение библиотеки при типографии и присоединение ее к Синодальной являлись в весьма выгодном свете; но, с другой, типография, древнейшая в нашем Отечестве, лишалась своей исконной собственности и, как учреждение самостоятельное, государственное и всенародное, – того книжного основного капитала, который приобрела она в течение трехвекового своего существования.

Г. Бессонов, служащий при Синодальной типографии и хорошо знакомый с внутренним составом ее библиотеки, написал по этому случаю исторический очерк сей последней и напечатал его в V-й книге «Русской беседы» 1859 года. Единственная мысль, руководившая автора, состояла в том, чтобы показать, что библиотека Типографская есть нераздельная и неотъемлемая органическая часть великого книгопечатного учреждения, в которой хранится вся его история. Всякий, кто хладнокровно прочтет этот очерк, не извлечет отсюда никакой другой мысли.

Не так взглянул на этот очерк г. Викторов: он, заподозрив автора в каких-то личных интересах, напечатал в «Московских ведомостях» три огромные статьи, исполненные негодования и многих неприязненных чувств против г. Бессонова. В заключительной статье неприязнь г. Викторова простерлась и на меня за то, что я во введении, которое приложил к 1-му тому нового издания моей «Истории русской словесности», обозревая значительные библиотеки в России, воспользовался очерком г. Бессонова для описания Типографской библиотеки.

Я уверен, что г. Бессонов, имеющей под руками все документы, на основании которых он составил свой исторический очерк, представит со своей стороны оправдание против грозных только с первого раза, и то для не знающих дела, обвинений г. Викторова. Я же, с моей стороны, коснусь только тех событий, которые из «Очерка» перенес в краткое описание Типографской библиотеки, помещенное в моем «Введении».

Г. Бессонов говорит: библиотека родилась вместе с типографией. Г. Викторов отрицает это. И утверждение г. Бессонова, и отрицание г. Викторова – суть предположения. Для первого типография без библиотеки немыслима; для второго она мыслима и при начале своем и теперь. Спрашиваю: какое предположение вероятнее? При начале такого важного дела, как книгопечатное, не было ли необходимо собрать прежде всего рукописи церковных книг, которые намерены были издавать, – а, конечно, думали издавать не один Апостол, напечатанный в 1564 году, да Часослов, вышедший в 1565-м? В

послесловии к Апостолу сказано, что самая мысль о книгопечатании пришла царю Иоанну тогда, как он повелел *святыя книги на торжищах куповати и в святых церквах полагати, Псалтыри, и Евангелия и Апостолы*, и прочая святыя книги, в них же многия оказались негодными, искаженными от переписчиков. Тогда пришла мысль царю завести типографию. Он сообщил ее митрополиту Макарию, устроил дом от царской казны, *идеже печатному делу сроитися и нещадно даяже от своих царских сокровищ делателем, Николы Чудотворца Гостунского диякону Ивану Феодорову да Петру Тимофееву Мстиславцу, на оставление печатному делу...* Г. Викторов полагает, что *для составления печатного дела* рукописи не были нужны и что издания совершались по одной какой-нибудь рукописи. Все, знакомые несколько с памятниками нашей древней письменности, знают, что у нас нет двух рукописей Евангелия или Апостола совершенно сходных; но, даже не относясь к самим рукописям, стоит прочесть исследования гг. Горского и Невоструева в «Описании рукописей Синодальной библиотеки», чтобы видеть, какое множество вариантов входило в новые экземпляры. Если так поступали, переписывая вновь рукописи, то как же можно подумать, чтобы печатники, принимаясь за окончательное издание Апостола и других книг, удовольствовались какою-нибудь одною рукописью без дальних справок? Впрочем, решить этот вопрос совершенно можно будет тогда только, когда первопечатное издание Апостола сверено будет с рукописными экземплярами, современно его изданию существовавшими, и когда найден будет тот единственный, по которому оно, как думает г. Викторов, напечатано. Любопытно бы было сличить его хотя с теми четырьмя пергаменными рукописями Типографской библиотеки, о которых упоминает сам же г. Викторов.

Спрашиваю после этого: имел ли я право согласиться с предположением г. Бессонова, что библиотека Типографская родилась вместе с типографиею и что часть сокровищ, какие царь давал на *составление печатного дела*, употреблена была и на приобретение рукописей, для этого дела необходимых?

Но от предположения перейдем теперь к несомненным данным.

Основываясь на очерке г. Бессонова, я сказал, что в библиотеку Типографскую перешла библиотека Крутицкого братства. Г. Викторов говорит: на самом деле неизвестно, была ли при Крутицком братстве особая библиотека. Крутицкое братство учреждено было в Москве с тою целью, чтобы ученым людям под руководством Епифания Славинецкого вновь заняться переводами священных книг и творений отеческих. Возможно ли вообразить существование братства, учрежденного с такой целью, без библиотеки? Но документ, приведенный г. Бессоновым, от 1676 года, о передаче книг Крутицкого братства на Печатный двор, начинающийся протоколом: «А ныне по указу святейшаго патриарха *быти тем книгам на печатном дворе*», утверждает, очевидно, что такая библиотека была. Историческая записка об этом братстве, напечатанная в «Словаре» митрополита Евгения, подробностями о многих древних книгах, рукописных и печатных, какими Славинецкий пользовался, подтверждает то же самое. Рукописи, какие были взяты *из книгоположницы у книг печатного дела*, как например, рукопись греческого Евангелия 551 года и славянское Евангелие святителя Алексия из Чудовской обители, упоминаются особенно. Но откуда были, например, франкфуртские и лондонские издания греческой Библии 1587, 1597 и 1600 годов, о которых тут же упомянуто? А кроме того, как же не помнит г. Викторов, что Павел, митрополит Сарский и Подонский, *приказал келейных своих книг после себя в Крутицкой дом 27*? Ведь статья о библиотеке Павла, напечатанная во «Временнике», весьма хорошо ему известна. Куда же бы Павел завещал свои книги, если бы не было при Крутицком доме библиотеки?

Далее г. Викторов подвергает сомнению, что книги Сильвестра Медведева перешли в библиотеку Типографскую, потому что владелец их заподозрен был в ереси и потому что в описи Синод. библиотеки 1700 года сказано о 39 книгах Сильвестра, в нее поступивших. Нельзя никак предполагать,

чтобы библиотека такого славного в свое время библиографа ограничивалась таким малым количеством книг, и отчего же подозрение ереси, помешавшее книгам Медведева попасть в библиотеку Типографскую, не помешало им нисколько перейти в Синодальную? Но на деле выходит не так, и вот свидетельство В. М. Ундольского, специально изучавшего библиографическую деятельность Сильвестра Медведева.

«Какими книгами пользовался Медведев при составлении своего “Оглавления”?

Своими собственными. Он имел обширную по тогдашнему времени библиотеку (стало быть, не 39 книг), в особенности печатных книг на польском, латинском и славянском языках. Часть их теперь находится в Синодальной, некоторые – в Московской семинарской, другие в Московском комитете для цензуры духовных книг, *а самая большая часть – в библиотеке Московской духовной типографии*. Рукописи, которыми пользовался Медведев, почти все можно отыскать в Синодальной библиотеке. Во время Медведева, вероятно, *все они хранились при Типографии*». По этому свидетельству, Типографская библиотека и рукописями тогда владела преимущественно перед Патриаршею.

О библиотеке св. Димитрия Ростовского г. Викторов говорит, что она поступила по кончине святителя в библиотеку Патриаршую, и ссылается на авторитет г. Нечаева, который действительно в своем сочинении о св. Димитрии, митрополите Ростовском (стр. 82), напечатал, что душеприказчик Димитрия, Стефан Яворский, отослал его библиотеку в Московскую Патриархию. Г. Нечаев не оправдал никакою ссылкою такого утверждения, а заимствовал его прямо из «Словаря» митр. Евгения. Но в житии святителя Димитрия, которое напечатано при его сочинениях в 1786 году и «основывается, – как сказано в предисловии, – на достоверных записках, отысканных в Ростове, и на вероятных разного звания людей свидетельствах, бывших при сем святителе в семинарии и служивших при келии его», сказано совсем другое: «По смерти сего трудолюбивого мужа книг

греческих, латинских, польских, славянских, рукописных и печатных остася довольно, которыя в тоежде время все из Ростова взяты преосвященным Стефаном в Москву *и отданы в книгохранительницу Московской Св. правит. Синода типографии*». С этим совершенно согласен и документ, приведенный г. Бессоновым (96-я стр. его «Очерка»), которому г. Викторов напрасно приписывает кривое его толкование. В документе сказано: «Книгохранитель монах Аарон, те книги пересмотря и переписав, принял в книгохранильную палату, а отдавал книги печатнаго двора писец Иван Степанов. А что каких книг, греко-латинских и латинских и полских и славянских, печатных и писмяных принято, и то писано ниже сего». Следует подробная опись, скрепленная руками Аарона и Ивана Степанова; она сохранилась в нескольких экземплярах в Типографской библиотеке.

Вот главные события, заимствованные мною из «Очерка» г. Бессонова для истории Типографской библиотеки, – события, истину которых хотел оспорить г. Викторов. Но чтобы дать образчик того, как он сам, обвиняя других в искажении фактов, искажает их, приведу примеры. В описании библиотеки, оставшейся после Павла, митрополита Сарского и Подонского, показаны весьма подробно все книги и рукописи, приобретенные покупкою на Печатный двор или отданные даром по указу патриарха Иоакима. На особом лоскутке, написанном мелким почерком, в числе других прибавлений сказано, что на Печатный двор отдано латинских книг 13, потому что «инде не годятся». То, что здесь отнесено к неизвестным 13 латинским книгам, г. Викторов отнес ко всем книгам, которые даром отданы на Печатный двор, и говорит: «иные куплены, а другие отданы даром, потому что инде не годятся». Вот как г. Викторов поступает с фактами, чтобы только унизить достоинство библиотеки Типографской!

Но вот еще другой пример, гораздо разительнее. В числе книг, которые из библиотеки митрополита Павла поступили на Печатный двор, были «Послания российских митрополитов», как видно из описи, напечатанной во «Временнике»

(№ 5). Г. Викторову надобно было доказать, что эта рукопись находилась в библиотеке патриарха Филарета в 1631 году. Что же он делает? Ссылается на рукописи Государственного архива старых дел № 3. Но зачем же ссылаться на рукописи? Лучше бы сослаться на «Временник» (№ 12), где роспись книгам патриарха Филарета 7140 года (1631–1632) напечатана. Что же мы здесь читаем? «Книга, писменая в полдесть ветха в досках в коже, застежки медные с ярлыком, а в ней писано, как ходил Пимин митрополит к Царюграду, да в ней же премудраго Георгия Писида беседа и похвала к Богу о сотворении дел его, да в ней же послание многие от митрополитов и докончальные грамоты с великими князьями о людех и о властех и о иных делех». Но та ли это рукопись? В описи библиотеки Павла, напечатанной во «Временнике», сказано просто: книга *Посланья российских Митрополитов.* Тут нет ни «Хождения Пименова», ни поэмы Георгия Писида о творении мира. В указателе она значится под именем «Грамоты и послания всероссийских митрополитов, архиепископов и епископов» (№562). Ясно, что это другая книга, а не Филаретова.

Число славянских пергаменных рукописей у меня обозначено 180. Г. Викторов принимает то же число. Что касается до греческих, у меня показано 40, у г. Викторова 39, в «Указателе» архим. Саввы – 38. Разница проистекает, конечно, от неопределенности описи самой библиотеки.

Не могу не обратить внимания на неверность многих фактов, приводимых г. Викторовым. Он говорит, что «историю московских библиотек древнее патриарха Филарета Никитича возводить нельзя».

«Указатель» архим. Саввы, служащий для г. Викторова авторитетом, здесь прежде всего является сильным ему же противоречием. Автор «Указателя» возводит начало Патриаршей библиотеки к митрополитам московским.

Библиотека Чудова монастыря имеет книги, которые по всем признакам современны началу обители. Сличение «Пандектов» Никона Черногорца с Евангелием святителя Алексия может убедить в этом.

Библиотека, открытая в наследственных сокровищах В. князем Василием Ивановичем, для описания которой был вызван Максим Грек с горы Афонской, изумила своими сокровищами этого ученого, который видел книжные собрания на Западе. Эту библиотеку Иоанн Грозный показывал лютеранскому пастору Веттерману. По каталогу, составленному этим пастором и отысканному в архивах Пернова проф. Дабеловым, видно, что она заключала в себе творения языческих писателей Древней Греции и Рима. Конечно, не может быть сомнения, что эти рукописи перешли в библиотеку Патриаршую. Арсений Суханов был послан не с тем, чтобы привезти в Москву рукописи творений языческих, следовательно, все творения Греции и Рима, хранящиеся в этой библиотеке, ведут начало свое не от него, а от библиотеки Василия и Иоанна.

Библиотека Успенского собора ведет свое начало от митрополитов московских. Г. Викторов совершенно запамятовал «Великие Четии-минеи» м. Макария, которые содержат в себе полную энциклопедию всей церковной литературы, какая была у нас в то время, и многие другие дары митрополитов, в ней хранимые издавна.

Отсутствие библиотек в Москве г. Викторов объясняет отсутствием хороших писцов. Писцов в Москве так было много и так были они сильны, что смогли, несмотря на власть Грозного и м. Макария, уничтожить начало печатного дела и, обвинив Иоанна Федорова и Петра Тимофеева в ереси, изгнать вон из Москвы. Можно ли предполагать, чтобы в таком множестве писцов не было и хороших?

Но вот на каком основании г. Викторов думает, что писцов хороших не было. М. Макарий, говорит он, посылал переписывать свои «Четии-минеи» для царя Ивана Васильевича в Новгород. Известно, что м. Макарий, еще будучи архиепископом в Новгороде, составил первоначально свои «Четии-минеи» для новгородской Софии. Другой экземпляр их устроил он для московского Успенского собора и третий – для самого царя. Немудрено, что, написав первый экземпляр «Четий-миней» в Новгороде, он обращался к писцам новгородским.

Но несправедливо, чтобы третий экземпляр был писан весь в одном Новгороде. В послесловии к «Печерскому патерику» сказано: «Бысть бо тогда повеление от царя великого князя Иоанна по многим градом писати святыя книги». Видно, была мысль у царя возбуждать и в других городах рукописную деятельность и узнавать через это, как в них писали.

Г. Викторов говорит, что редко можно встретить в XVI веке рукопись, в Москве писанную. Видно, г. Викторов мало видал рукописей. Неужели во всех городах, как, например, даже в Ряжске, были писцы, а в Москве их не было? На Евангелии 1508 года, как произведении необыкновенно изящном, из Погодинского древлехранилища, обозначены имена всех мастеров, над ним работавших. А кто же в 1556 году написал «Толкование на 16 пророков» для боярина и воеводы Михаила Яковлевича Морозова, который из Москвы послал эту рукопись в Хиландарский монастырь на Афон, а Арсений Суханов привез ее обратно в Москву? Писцы других городов чаще обозначали места написания рукописи; писцы московские реже, вероятно потому, что писалось в Москве слишком много. Когда рукописями торговали на рынках, то, конечно, огромный запас их приготовлялся в столице. Иным писцам на рукописях обыкновенных не приходило в голову обозначать Москву, потому что это считалось делом ежедневным. Писцы московские, конечно, не могли вообразить, что г. Викторов по этой причине усомнится и в искусстве их и даже в существовании.

Одно обвинение влечет за собою другое. Вот что значит увлекаться! Не было библиотек, не было хороших писцов в Москве, и наконец: *тогда в Москве вовсе не было знающих греческий язык!* Преосвящ. Филарет в своей «Истории Р. Церкви» (т. 3, стр. 173) сказал: «Да и едва ли кто из участвовавших в издании Апостола знал греческий язык». Г. Викторов от частного перешел тотчас к общему. Тут сказано: *из участвовавших в издании*, а по г. Викторову, уж и никто не знал по-гречески. Дальнейшие издания, совершенные нашими первыми печатниками, показывают, впрочем, что и они знали

греческий язык. Послесловие к Острожской Библии 1581 года напечатано Иваном Федоровым на греческом и славянском языках. Но тот же автор, которому последовал г. Викторов, в «Обзоре духовной литературы» говорит: «Отселе видно, что отец Сильвестр (духовник Иоанна) любил просвещение и был столько образован, *что даже знаком был с греческим языком*. Тут же г. Викторов мог бы открыть и порядочную библиотеку у Сильвестра, между книгами которой встречаются Апостол и Псалтырь на греческом языке. Но неужели один только советник Грозного знал по-гречески? А митрополит Макарий, когда в предисловии к «Четь-минеям» говорит, что он в этих книгах многие *иностранские пословицы* переводил на русский язык, не обнаруживает ли знания греческого языка? Неужели же никто не выучился у Максима Грека по-гречески? А инок Силуан, переводивший с греческого Иоанна Златоуста, неужели знал по-гречески только у Троицы, а забывал этот язык, когда приезжал в Москву? А инок Зиновий, другой ученик Максима, неужели не выучился по-гречески? А князь Курбский не в Москве ли приобрел это знание и не там ли вместе с Максимом и Силуаном переводил Златоуста и историка Евсевия, как сам о том говорит («преведенна не малая часть на наш язык словенский, ово Максимом философом и Селиваном, учеником его, ово *мною многогрешным*»)? А Даниил митрополит в своих трудах не обнаруживает ли подобного знания? Проследите Апостолы и Евангелия XVI века по превосходным исследованиям гг. Горского и Невоструева: здесь на всяком шагу вы убеждаетесь, что редакторы этих рукописей знали греческий язык. «Статья сия заимствована с греческого», – говорят ученые. «Списки, сравниваемые между собою, представляют новые исправления текста по другим чтениям греческого подлинника», – говорят они же. А «Греческие слова, не переведенные и впоследствии заменяемые в списках Евангелия славянскими?» Все это явные свидетельства против мнения г. Викторова.

Бедные наши предки! Не любили они хвалиться знанием – и вот за свою скромность, за свое смирение несут тяжкие

обвинения в совершенном невежестве, которое навязывают им гордые потомки их, будто бы уже так превосходно узнавшие греческий язык! Но не все же так думают, как г. Викторов. Профессор Сухомлинов, напечатавший прекрасное рассуждение «О языкознании в Древней Руси», мог бы предложить ему вернейшие сведения об этом предмете.

Но читайте далее, как увлекся г. Викторов. Совершенное незнание греческого языка в Москве XVI века было у него только во-первых; что же будет во-вторых? Вот что: «после Флорентинского собора и после завоевания Константинополя турками, с греками у нас прекратились почти всякие сношения (!!!)». Как же можно было в порыве увлечения забыть вовсе русскую историю? А брак Иоанна III с Софиею Фоминишною Палеолог? А греки, ее окружавшие? А образование нашего двора по образцу византийского? А приезд Максима Грека, имевшего такое важное влияние у нас в XVI столетии? А учреждение патриаршества? И проч. и проч.

Можно бы было привести и другие примеры искажения фактов, но не хочу плодить спора. Возвращаюсь к библиотеке. Г. Викторов обещал было познакомить нас с ее содержанием, но в третьей статье отклонил от себя исполнение этого обещания. Он говорит вообще, что все рукописи Типографской библиотеки – богослужебного содержания, а забыл о славной, теперь общеизвестной рукописи, содержащей житие Бориса и Глеба, украшенное живописными миниатюрами, текст которого издан в «Чтениях» О. М. Бодянским. Ее же с рисунками издает Археологическое общество. А «Пролог», в котором тот же ученый сделал открытие о тождестве славянских божеств, Хорса и Дажьбога?

Я удаляю от себя вопрос о соединении библиотек Синодальной и Типографской, как не входящий собственно в область науки. Скажу только, что тот указ 1786 года, на котором г. Викторов основывает право присоединения библиотеки Типографской к Синодальной, может быть приведен и в пользу обратного действия. Он привел из указателя акт, по которому передано было тогда 534 рукописи в Синодальную, но не про-

должил его до конца, а из продолжения видно, что в то же самое время 142 тома поступило из Синодальной в Типографскую. Если возводить такого рода акты выше, например к 1721 году, то мы увидим, что указатель Синодальной библиотеки, показывающий в ней тогда только 224 рукописи, явным образом говорит о стремлении присоединить Синодальную к Типографской, потому что бóльшая часть рукописей первой поступила тогда во вторую. Если же возведем дело ко временам Сильвестра Медведева, то, по мнению В. М. Ундольского, пойдем еще и далее.

Гг. Горский и Невоструев, описывая Четвероевангелие 1144 года, находящееся в Синодальной библиотеке, приводят на нем две подписи: «Евангелие на пергамине справщика иеромонаха Тимофеа, а как писана тому 555 лет по 7207 год, *в книгохранителную палату в прием написана в 207 году*». По листам той же руки подпись: «Сия книга Евангелие справщика иеромонаха Тимофеа, *взята на печатной двор* после его смерти в 7207 году (1699) *со иными его Тимофеевыми греческими книгами*». Не явны ли наследственные права Типографской библиотеки на эту рукопись Евангелия, третью по древности ясно обозначеннаго года?

Но я указываю на эти факты совсем не с тою целию, чтобы возобновлять тяжбу между двумя соединяемыми библиотеками, а с тем, чтобы доказать, как шатки доводы г. Викторова и как он со своею утонченною диалектикой мог бы употребить их и на исполнение темы совершенно противоположной.

Заключу желанием, чтобы обе библиотеки, в слитном или раздельном состоянии, сделались как можно доступнее всем ученым и чтобы при такой центральной библиотеке, которая соединила бы всю книжную древность Москвы, неутомимо действовала и первенствующая по основанию Русская типография, обоими станками своими, и церковным, и гражданским, на котором началось великое печатное дело, первое орудие просвещенной гласности, в нашем Отечестве.

Я не сказал ни слова о тоне статьи г. Викторова, направленной против г. Бессонова и меня, и оставил без внимания

некоторые подробности, как не идущие к вопросу. Тон принадлежит человеку и остается при нем.

12 декабря 1850

P. S. Последняя статья г. Викторова, в которой он коснулся моей книги, была напечатана в «Московских ведомостях» 8 декабря. 12-го того же месяца я отправил этот ответ к их редактору, который сначала дал обещание его напечатать, но, продержав статью девять дней, отослал ее обратно, говоря, что он ее не напечатает, чтобы не продолжать спора, как будто бы я его начал. Странным образом понимается у нас печатная гласность теми, в чьих руках находятся главные ее орудия: г. Корш позволяет г. Викторову перед лицом всех русских читателей сделать открытое нападение на труд мой в выражениях довольно неприличных и средствами, как видим, противными истине и науке, а мне г. Корш не позволяет отвечать г. Викторову в тех же «Московских ведомостях». Если бы сии последние были частною газетою г. Корша, он имел бы, конечно, некоторое право так поступить, хотя просвещенные издатели газет за границею в спорах ученых принимают оправдание противной стороны и дают им место на тех же столбцах, где совершено было нападение. Но сам же г. Корш называет «Московские ведомости» газетою Московского университета. В таком случае я совершенно не понимаю способа его действия и взгляда его на правду печатной гласности, которой в Москве он хочет быть главным органом и представителем.

Заметка о «Слове» Авраамия Смоленского[1]

Преосвященный Макарий в 22-м примечании к своей статье «О сочинениях митрополита Киевского Кирилла II», напечатанной в «Изв. Акад. н.» (т. VIII, л. 11), говорит: «*Ше-*

[1] В дополнение к тому, что сказано о нем в 3-й части на стр. 851 предисловия, на 457-й и 471-й страницах текста XI лекции и в 52-м примечании к сей последней.

вырев. Истор. русск. слов. III, стр. 88–89. Почтенный академик решительно приписывает это "Слово" св. Авраамию Смоленскому (предисл., XII). На каком же основании? Во-первых, на том, что в одном списке слово подписано именем Авраамия (неизвестно какого), тогда как во многих оно подписано именем св. Кирилла, в особенности "Слово о мытарствах" (см. следующие – 23 и 24 примеч. и нашей "Истор. Русск. Церкви", III, примеч. 246). Во-вторых, на том основании, что Авраамий Смоленский любил перед концом жизни беседовать о мытарствах, а о них-то и говорится в "Слове", как будто поэтому никто другой, называвшийся Кириллом, не мог написать о мытарствах».

Преосвященный академик неточно привел слова моего предисловия (стр. XII): у меня сказано, что Авраамий «любил перед концом жизни беседовать *о тех самых предметах*, которые в этом "Слове" излагаются».

О каких же предметах любил беседовать Авраамий перед концом жизни, у меня сказано в 11-й лекции на 15-й странице и в 52-м примечании. Прочитав это место, преосвященный мог бы увидеть, что здесь речь идет не об одних мытарствах, как он мне это приписывает, укоряя меня в том, чего я не говорил.

Загадочное «Слово», напечатанное Калайдовичем в числе «Слов» Кирилла Туровского за № XII и г. Сухомлиновым за № XVIII в первом выпуске «Рукописей гр. Уварова», весьма часто в рукописных сборниках приписывалось Кириллу по самой естественной причине: оно почти начинается словами: «Кирилл философ рече». Вот почему переписчики относили все слово к Кириллу, а имя первоначального автора могло исчезнуть на рукописях. А. Х. Востоков держится того же мнения относительно Кирилла философа, которому его и приписывали по большей части. В «Сборнике библиотеки Иосифова Волоколамского монастыря» за № 516 (лист 101) мне удалось найти это слово под заглавием «Преподобного отца нашего Авраамия слово о небесных силах: чесо ради создан бысть человек». Преосв. Макарий говорит: «Авраамия – неизвестно какого», основывая свое сомнение на том, что не прибавлено

«Смоленского»; но ведь и при «Словах» Кирилла Туровского эпитет Туровского весьма редко прибавляется, а между тем столько «Слов» ему приписано, на которых нет этого прибавления. Церковь Вселенская в числе своих отцов и писателей Авраамия не представляет; из наших же девяти Авраамиев, о которых упоминает «Словарь русских святых», один только Авраамий Смоленский славился, как красноречивый проповедник, своими поучениями народу, что известно из жития его. Странно, что до сих пор ни одно из этих поучений не открыто. Имя Авраамия на таком значительном поучении, как «Слово о небесных силах, чесо ради создан бысть человек», хотя бы и один раз встретилось на этом «Слове», уже чрезвычайно сильно говорит в пользу моего предположения.

«Слово», как находится оно в «Сборнике библиотеки Иосифова монастыря», гораздо обширнее против того, как оно напечатано гг. Калайдовичем и Сухомлиновым. В списках их изданий выпущена целая половина этого «Слова», из которой яснеет смысл его заглавия: «О небесных силах и для чего создан был человек». Выпущенное место начинается словами: «Небо и землю повелением створи» и оканчивается следующими: «Бог сый естеством милостивый человеколюбец подаст на диавола честный крест, а на сети его помощь святыя книги, яже обнажают всю неприязнину силу и лесть». В составном «Слове на собор Архистратига Михаила», напечатанном г. Розовым, в «Чтениях» (1847, № 8), находится бóльшая часть этого отрывка, но все-таки не весь.

Теперь обратим внимание на те места в Житии Авраамия Смоленского, из которых видно, что он особенно занимался – и как живописец, и как учитель народный – теми предметами, о которых упоминается в «Слове».

«Написа же две иконе едину Страшный Суд Втораго Пришествия, а другую испытания воздушных мытарств, ихже всем несть избежати, якоже великыи Иоанн Златоуст учит, чемерить (sic!) день поминаеть и Сам Господь и вси святии Его сеи проповедають, его же избежать негде, ни скрытися, и река огнена пред судищем течет, и книгы разгибающиися, и Судия

сидяй, и дела открываются всех: тогда слава и честь и радость всем праведным, и грешным же мука вечная, ея же и сам сотона боится и трепещеть, да еще страшно есть, братие, слышати, страшнее будет самому увидети».

На этом основании издатель жития Авраамия Смоленского в «Православном собеседнике» (1858, сентябрь) приписывает одно древнее поучение о Страшном Суде, находящееся в «Измарагде» Соловецкой обители, преп. Авраамию.

Теперь перейдем к тем местам, которые собственно относятся к нашему «Слову». В житии читаем: «Поминаше бо о себе часто о разлучении души от тела блаженный Авраамий, часто себе поминая, како истяжють душю пришедше ангели».

Вот место в «Слове», относящееся сюда: «Егдаж исходит душа от тела, понеж поставил Бог испытаниа г̃ всякому человеку: а̃я, егда хощет разлучитися душа от тела. Преже бо приидут беси, представять ей вся дела, яже сгрешила будеть от юности и до старости, отгибающе харатейныи свитки, и начнут исповедати ея грехи еже съгрешила в сем житии ркуще: почто забыла еси яже сгрешив в сем житии? Но мы их не забыхом, но ясно написахом. И по сем предстанета два аггела посланнаа по душу от Бога. Егда же узрит душа и ужаснется, и образ весь и лепота и лице изменится, и за сим явится смерть, оружие носяще всякое и мечь и пилы и секиры и рожны, и пришед разъемлет вся уды человеческиа по сьставам. И посемь главу усечет, и посемь горести лютыя наплънив чашу и дасть ей испити, и иную юже страшную. Душа от телеси изыдет и станет дръжима: души же зряще на свое тело, от негоже изыде, и умилно к аггелом взирающе, Видяще дела своя представлена добрая и злаа и снесшема аки вызвесех».

Далее в житии: «И како испытанием на воздусе от бесовьских мытарев».

В «Слове»: «И после вземше душу понесут на воздусех к другому испытанию, якоже есть к мытарств Богом поставлена на въздусе пред враты небесными на испытание, яко душе исходящи от телеси и грядущи к небеси». Следует описание 20 мытарств.

В житии: «Како есть пред Богом и ответ о всем въздати и в кое место поведуть».

В «Слове»: «И потом принесена бываеть к престолу Бога Вседръжителя и поклонится подножию Господа. И потом Михаилу предаст завет и глаголет: иди и веди душу сию, и покажи ей обители святых, и небесныа полаты райскиа, и душа праведных сущая в раи, и душа грешных сущаа в аде, вся мукы грешныа внихже хотятся мучити ввекы бес конца. Носима бываеть преже поднебеси и показаеть ей полаты святых и град вышний Ерусалим, яко Сам Господь по вознесении створи; потом несена бывает к праведным душам: исходяще же душа праведных сретаюuть ю объемлюще и целуют, и посем сводят ю в адьскую пропасть, идеже затворены суть душа грешных от века, и показуют же ей место, иде мучитися им, понеже мукы далече мира на запад. И вся места обходит душа праведнаго за м҃ дний и посем вносима есть в рай, в место покойно до последняго въскресения всех…» Душе же грешнаго другое место.

В житии: И како во Второе Пришествие предстати пред судилищем страшнаго Бога, и како будеть от Судия ответ и како огнена река потечеть, пожигающи вся».

В «Слове»: «…И будут глади и пагуби и труси по местом, всеж то начало болезнем. По окончании сем помръкнет солнце, и месяц померкнет, звезды спадут, небеса свиются яко свиток, силы небесныя явятся, и посем Сын Божий с славою приидет, хотя судити всему миру. Скончавшуся року житиа и оставшуся г҃мь летом царствовати антихристу по скончании трех лет царства его послет Господь – Михаила и Гавриила, и вструбита: в мгновении ока въскреснут мертвии. Преже въскреснуть праведнии, светлии по добродетели, последи же грешници омрачении, и по злым делом их въскреснут. И посем огнь негасимый потечет, от въстока поядаа горы и камение и древа, и море, суща твердь яко бересто съвъртится, и вся сущаа вещи, развее человек, от ярости огненныя яко воск истают и изгорят, и сквозе той огнь падают, и подобает проити всему роду человечьскому… Прошедшим им же огненую реку, огненая си

река, повелению Божию послуживши и отшедши к западу и ту учинится езеро огньное на муку грешным».

В житии: «И кто помогая будеть разве покаяние, милостыня и безпрестанныя молитвы, и ко всем любы, и прочая иная дела благая, яже обретаються помогающия души».

В «Слове»: «Аще бо и вся заповеди Божиа исправим и будем немилостивии, немилосерди на нищаа или на рабы своа, неподавающе доволнаго одеяния и пища, делом насильствующе или иными бедами. Егда будет испытаема душа, истязаема от бездушных бесов, аще имать душа та дела добраа, истинное покаание, то теми испупающись, вся не преходить, и посем входит в врата небесная…» «Ащели будет утаил грехи, неисповедал отцу, отец же, дара ради, за то стыдяся не положил ему будет за то опитемьи, рекше дел добрых: милостыни и молитвы, поклона и поста, и прочая добраа дела не наказал будет и не вытягнул, дабы не творил и не сгрешил, таковаго грехи не заглаживаются в свитцех бесовскых… такова оба приимата бесконечную муку, понеже грехи его ведая, не положил ему покаания за то».

Кажется, достаточно приведено доказательств, на основании которых я имел право утвердить «Слово» за Авраамием Смоленским. Едва ли в решении подобных вопросов наши критики совокупляют столько данных, сколько совокупил я их здесь при решении вопроса, мною предложенного.

ПРИМЕЧАНИЯ

Лекция первая

1. Замечательно это сознание древних, что разум без чувства неполон, что любовь к истине есть начало мудрости. Как это сознание язычников противоположно заблуждению некоторых новых мыслителей, которые захотели отрешить знание от всякого чувства любви и готовы были соединить его с какою-то ненавистью или презрением противочеловеческим! Понятие об отрешенном, абсолютном знании ведет именно к такому гордому обособлению знания, которое совершенно противоречит языческому имени философии.

2. В наше время наука в несчастном или лукавом заблуждении объявила, что начало знанию – в падении человека. Но если знание есть одно из прекрасных усилий человека возвратить потерянное ведение о бытии вещей, сколько доступно оно разуму, – то оно не может полагать начала своего в таком несчастном действии человека, которое удалило его от верховного источника Истины. Знание в человеке не дьявольского происхождения, а отблеск утраченного ведения, искра от полного света, обломок от стройного целого. Иные думают, что внесение науки в наш народный быт приведет нас к духовному падению. Те разумеют науку ложную, которая вся состоит в одном праздном сомнении, а не ту высшую науку, которая стремится к сближению с жизнью, которая полагает, что нельзя знать, не любя, и любить, не зная.

3. Один из моих новых критиков, именно в «Атенее», упрекает меня в излишней любви к Отечеству. Упрек был бы справедлив, если бы пристрастная любовь к Отечеству ослепляла меня насчет его недостатков; но во многих местах моей книги я позволял себе открыто их исповедовать.

4. В предисловии к книге «Добротолюбие».

5. В древних рукописях очень часто встречается такое определение философии, приписываемое св. Кириллу, нашему первоучителю, именуемому Философом: «Философия есть Божиим и человеческим вещем разум и елико может человек приближитися Богу». Оно выписано из древнего жития св. Кирилла.

6. О языкознании в Древней России. М. И. Сухомлинова. В 1-й книге «Ученых записок», издаваемых Вторым отделением Академии наук.

7. Эти слова возбудили противоречие в неизвестном критике «Отечественных записок». По-видимому, он пользовался сочинением г. Буслаева «О преподавании отечественного языка», часть 2, и в нем особенно страницами 258–266, следуя которым приводит выписки и доказывает, что песня русская терпела гонения от Церкви. Я тогда же предложил на лекции все возражения против этого мнения моим студентам, которые, вероятно, это помнят. Вопрос так важен, что требует всестороннего обследования. Приведем места из древних памятников, на которые ссылается противник моего мнения.

Нестор в том месте летописи, где восстает на разные суеверия народные, говорит: «Но сими дьявол льстить, и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны от Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальми. Видим бо игрища утолочена, и людий много множство, яко упихати начнут друг друга, позоры деюще от беса замышленаго дела, а церкви стоят». Здесь ни слова не сказано о песнях; но критик замечает: «Говорится против гуслей; а так как гусли сопровождалась песнями, то, следовательно, говорится и против песней». Быстрое заключение!

Приводятся слова Кирилла Туровского из слова XII, которое, по новому открытию, сделанному мною в Иосифове Волоколамском монастыре, следует приписать Авраамию Смоленскому. Вот они: «15-е мытарство: всяка ересь, и веруют в стречю, в чех, в полаз и в птичьи грай, ворожю, я еже басни бают и в гусли гудут»... Прибавим еще к тому и другое, что не было приведено: «7-е мытарство: буе слово, срамословие, бестудная словеса и плясание, еже в пиру, и на свадбах, и в павечерницах, и на игрищах и на улицах». Здесь опять замечательным образом

о песнях ни слова не сказано, хотя по случаю свадеб особенно следовало бы о них упомянуть.

В доказательство того, что древние правила русских митрополитов не запрещали свадебных песен, можно привести 30-ю статью церковного правила Иоанна, митрополита Русского, надписанного Иакову черноризцу (Ист. Русск. Церкви. Т. 2, стр. 351): «Якож рекл еси, иже не бывает на простых людех благословениа и венчаниа, но бояром токмо и князем венчатись, но простым же людем аки меншици поимат жены своа с плясанием и гудением и плесканием». Здесь замечательным образом ни слова не упомянуто о песнях, а уж конечно следовало бы упомянуть о них, если бы Церковь преследовала народные песни.

Приводится еще отрывок из правила Кирилла митрополита в XIII веке. Прочтем его: «Пакы же уведехом бесовьская еще держаще обычая треклятых елин, в божествьные праздьникы позоры некакы бесовьскыя творитя, с свистанием, и с кличем и вплемь сзывающе некы скаредныя пьяница, и бьющеся дрьколеем до самыя смерти и взимающе от убиваемых порты». Здесь опять-таки говорится о языческих игрищах – и нигде не упомянуто слово «песня». Автор же критики говорит: «Правило Кирилла митрополита в XIII веке запрещает игрища, соединенные с пляскою и *пением*». О пении не сказано ни слова; это прибавка критика: свистание, клич и вопль, конечно, не пение.

Далее выписано из книги г. Буслаева (т. 2, стр. 259) его же словами: «Митрополит Фотий в 1410 году убеждает Новгородского архиепископа Иоанна в своем к нему послании: “Учите, чтобы басней не слушали”». Да разве басни, как они в послании м. Фотия разумеются, и песни одно и то же? Читайте все место в послании – и вам будет ясен настоящей его смысл: «Також учите их (своих детей духовных), чтобы басней не слушали, лихих баб не приимали, ни узлов, ни примолвленья, ни зелия, ни вороженья, и елика такова, занеже с того гнев Божий приходит; и где таковыя лихия бабы находятся, учите их, чтобы престали и каялись бы, а не имут слушати, не благословляйте их, христианом заказывайте, чтобы их не дрьжали межу себе нигде, гонили бы их от себе, а сами бы от них бегали, аки от нечистоты; а кто не имать слушати вас, и вы тех такоже от Церкви отлучайте». Ясно, что здесь под именем басней разумеются *бабьи басни*, те

самые, против которых апостол Павел говорит в Первом послании к Тимофею, гл. IV, ст. 7: «скверных же и *бабиих басней* отрицайся». А критик поставил их наравне с песнями. Серапион в своем слове (4-м), которое направлено против суеверия народного, доведшего новгородцев до сожжения колдуний, говорит против тех же басней такими словами: «Но аще услышите, что басний человеческых, к Божественному Писанию притецете». У нас живет и поговорка в языке: *бабьи басни*, чем народ означает какие-нибудь пустяки или сплетни. Но когда же русский человек бабьи басни принимал за песни? У него, по его высокому поэтическому смыслу, *песня быль*.

До сих пор во всех свидетельствах, приведенных рецензентом, о песнях и помину не было; но вот приводится наконец из рукописи 1523 года свидетельство, в котором о песнях упоминается. Оно открыто было Востоковым под заглавием «Слово некоего христолюбца и ревнителя по правей вере» (Опис. Рум. муз., стр. 229). Вот слова, из него приведенные: «Не подобает крестьяном игор бесовьских играти иже есть плясьба гудьба песни бесовьскыя». Но зачем же рецензент ограничился только этой выпиской, а не продолжал ее далее, как сделал это и г. Буслаев? Вот что далее сказано: «И жертва идолская и огневи молятся под овиим и вилам и мокоши и симу реглу и перену и роду и рожаницам и всем теми ж суть им подобна...» Ясно, что здесь под именем бесовских песен разумеются песни языческого происхождения, соединенные с остатками поклонения языческим богам, с языческими жертвоприношениями и обрядами. Это видно также из всего содержания слова, о котором славный филолог, его открывший, сказал: «Русское сочинение, подающее любопытные сведения обе остатках идолопоклонства у предков наших».

После всех приведенных мест, из которых в одном только упоминается о песнях, и то о песнях языческих, рецензент смело заключает: «И так, кажется, ясно, что гонения на народную поэзию были – и притом постоянные и сильные». Из всего приведенного мы видим ясно, может ли быть выведено подобное заключение.

Но поможем нашему критику дополнить еще другими свидетельствами доказательства в пользу того, что Церковь

преследовала не народную поэзию, не песню русскую вообще, а только те песни, которыми сопровождались остатки языческих обрядов народа.

В послании игумена Елеазарова монастыря Памфила к наместнику псковскому и властям описывается праздник Купалы, который во Пскове народ совершал в ночь на Рождество Иоанна Предтечи: «Егда бо приходит велий празник день Рождества Предтечева, и тогда во святую ту нощь мало не весь град взметется и взбесится, бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскыми, плесканием и плясанием, и того ради двинется и всяка встанет неприязненая угодиа, яко в поругание и в бесчестие Рождеству Предтечеву, и в поругание и в коризну дни его; встучит бо град сей и возгремят в нем людие си беззаконием и погибелью лютою, злым прелщением пред Богом, стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание и главам их накивание, устам их неприязнен клич и вопль, *все скверненыя песни*, бесовская угодия свершахуся, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту же есть мужем же и отроком великое прелщение и падение». Ясно, что здесь преследуются песни, которые сопровождали праздник Купалы, и языческие обряды, с ним связанные.

В «Стоглаве» (вопрос 16) царь Иоанн Грозный предлагает духовному собору: «В мирских свадьбах играют глумотворцы, и органники, и смехотворцы, и гуселники, и бесовские песни поют, и как к церкви поедут: священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священницы им о том не возбраняют, и священником о том достоит запрещати».

Замечательно, что в ответе, который собор русского духовенства предложил на этот вопрос Иоаннов, против скоморохов и глумцов сказано, а о песне свадебной ничего не упомянуто. Вот самый ответ: «К венчанию к св. церквам скоморохом и глумцом пред свадбою не ходити, и о том священником таким запрещати с великим запрещением, чтоб таковое бесчиние никогда же не именовалося».

Патриарх Иоаким в 1684 году таким же образом, как игумен Памфил, запрещал «скверная и бесовская действа и игрища в навечерии Рождества Христова. Тогда, – говорит он в своем

указе, – ненаказаннии мужеского полу и женского собравься многим числом, от старых и молодых, мужи с женами и девки ходят по улицам и переулкам к беснованным и бесовским песням, сложенным ими, многие сквернословия присовокупляют, и плясание творят, на разжение блудных нечистот и прочих грехопадений, и преображающеся в неподобная от Бога создания, образ человеческий пременяюще, бесовское и кумирское личат, косматые, и иными бесовскими ухищреньми содеянные образы надевающе, плясаньми и прочими ухищреньми православных христиан прельщают; тако ж и по Рождестве Христове во 12 днех до Крещения Господа нашего И. Христа таковая ж бесовская игралища и позорища содевают». Ясно, что и здесь патриарх Иоаким преследует святки и соединенные с ними языческие обряды, а песни постольку, поскольку они соединяются с этими же обрядами.

Из всех приведенных нами мест ясно обнаруживается, что представители Церкви преследовали у нас не народную поэзию вообще, а только те песни, которые соединены были с остатками языческих обрядов, сопровождались действиями и словами безнравственными и бесчинными и ничего поэтического в себе не заключали. Смешивать невежественные суеверия языческой религии народа с простодушными внушениями его творческой фантазии значит вносить бред и мрак в науку поэзии.

До сих пор мы приводили те свидетельства, из которых противники наши извлекали несправедливые заключения в пользу мнимых гонений Церкви на поэзию народную. Все эти свидетельства доказывают, как мы видели, что Церковь гнала не песню, а языческий обряд, и, конечно, в этом упрекать ее не за что. Теперь обратимся к свидетельствам другого рода, на которые противники наших мнений и не обращают внимания, но из которых, однако, видно, что народная поэзия, чистая, неязыческая, жила у нас в мире и общении с верою и принимала от нее прекрасные внушения.

Самое древнее упоминание о свадебных песнях относится у нас ко временам Владимира Мономаха и встречается в первый раз в примирительном послании его к Олегу Святославичу. Вот оно: «А к Богу бяше покаятися, а ко мне бяше грамоту уте-

шеную, а сноху мою послати ко мне, зане несть в ней ни зла, ни добра, да бых обуим (обняв)[1] оплакал мужа ея и *оны сватьбы ею, в песний* месту: не видех бо ею первее радости, ни венчанья ею, за грехы своя...» Вот свидетельство, что свадебные песни употреблялись у нас в быту семейном князей в конце XI века и служили выражением и радости и грусти. Князь, явившийся в эти времена образцом христианского воспитания Православной Церкви, упоминает об этом обычае с сочувствием к нему в послании к врагу своему Олегу, желая погасить вражду кровную по смерти сына своего Изяслава, убитого в сражении с Олегом. Мономах вставляет это послание в свое предсмертное поучение детям. Инок-летописец, перенося его в свою летопись, переписывает и место о свадебных песнях, а вслед за ним то же делают и другие иноки. Если бы свадебные песни считались у нас бесовскими и если бы Церковь их преследовала, возможно ли б было такое явление?

Что Нестор пользовался народными историческими песнями для своей летописи, особливо в языческом периоде русской истории, это не подвержено никакому сомнению. Следы песенного склада отзываются даже и теперь в Несторовой речи, несмотря на грамматику славяноцерковную, наложившую свои оковы на мерный склад ее. Вот примеры:

И пришед обры
И пришед Добрыня Ноугороду,
Постави кумира над рекою Волховом,
И жряху ему людье ноугородстии...

Или о Владимире еще язычнике так говорится:

А наложниц бе у него
Триста в Вышегороде,
А триста в Белгороде,
А двести на Берестови...

[1] Слово «обуим» из «Послания» Владимира Мономаха к Олегу Святославичу встречается в Несторовом житии Бориса и Глеба (Чтения. 1859. Кн. I, стр. 6).

Вот пример и созвучия:

Есть притча и до сего дне:
Беда аки в Родне.

Что песни исторические народные во времена татар послужили также источником для летописных сказаний инокам, это равным образом вне всякого сомнения.

Связь великих исторических событий Отечества с народной песнею видна и далее. Она есть признак той великой цельной жизни народа, когда грустное или радостное дело ее отзывалось мгновенно в народном песнопении. Это может быть предметом особенных изысканий, еще ожидающих своего делателя. И. Д. Беляев весьма основательно в «Русской беседе» сделал намеки на существование у нас таких народных поэм, из уст народа перешедших в летописи.

Весьма важным источником к объяснению этой связи между историей и поэзией народа служит открытие, сделанное академиком И. Х. Гамелем в Оксфорде, исторических песен русского народа, записанных англичанином Ричардом Джемсом в 1619 году в Москве и относящихся к событиям современной истории, а именно ко въезду патриарха Филарета в Москву, к скоропостижной смерти князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, к участи царевны Ксении Борисовны Годуновой. Здесь мы видим ясно, как важное событие историческое сейчас же отзывалось в песне народа. Другое открытие, сделанное Востоковым в одном хронографе Румянцевского музея (№ 462), где несчастная кончина Скопина-Шуйского записана почти со слов народной песни, может служить свидетельством того, как предание о важном событии из народного стиха, о нем сложенного, переходило в летопись и через нее в историю.

Будем продолжать изложение свидетельств, из которых ясно, что высокие духовные люди у нас не пренебрегали поэзиею народа, особенно тою, которая связана была с его жизнью. Кирилл Туровский IX слово свое, по изданию Калайдовича, так начинает: «Якоже историци и ветия рекше летописци и песнотворци, прикланяют своя слухы в бывшая межю цари рати и вплчения, да украсят словесы и взвеличат мужьствовавъшая

крепко по своем цари, и не давших в брани плещю врагом, и тех славяще похвалами венчают: колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбрым и великым воеводам Божиям, крепко подвизавшимся по Сыне Божии, своем Цари, и Господе нашем Исусе Христе». Если бы представители Церкви гнали поэзию народную, то высокий проповедник в приступе к слову на собор св. отец не выразился бы так о песнотворцах, величающих деяния царей и воинов, и не сравнил бы их с духовными витиями, слагающими хвалу отцам Церкви, как великим воеводам Божиим.

А что песня и песнотворцы такие были, мы знаем это по многократным свидетельствам «Слова о полку Игореве». Сюда относятся Боян, соловей старого времени, певец, живший во второй половине XI и в начале XX века; другой песнотворец Святославов, его современник, о котором упоминается в конце «Слова». Сюда относятся частые упоминания в «Слове» о песнях и песни русских дев, поющих на Дунае, и песни готских красных дев, и, наконец, песня Ярославны.

Волынский летописец, говоря под 1251 годом о Великом князе Данииле, перешедшем через Нарову и избавившем многих христиан от плена, выражается так: «и песнь славну пояху има».

Летописец, рассказывая о событиях XIII века, приводит слова из Гомера.

Если бы духовные писатели ненавидели народную песнь, то не ставили бы они ни плача В. княгини Анны в житие св. Михаила Тверского, ни плача В. княгини Евдокии в «Сказание о Мамаевом побоище».

Кажется, довольно свидетельств тому, что историческая народная песня была близка нашим духовным людям и что они ее не чуждались.

Известно, какое сокровище представляют для народной нашей поэзии духовные песни, называемые по преимуществу стихами. Предания Ветхого и Нового Завета, жития святых, церковная песнь, наше проповедное слово дают им содержание. Мы знаем, что отрывки из слов Авраамия Смоленского, Кирилла Туровского встречаются иногда в духовной песне. Изучая нашу проповедь по всем столетиям, мы не можем не заметить, как она своими мыслями и образами одушевляла и очищала духовную песню народа.

А где поются слепыми нищими эти песни? Всегда в оградах монастырей и на сельских праздниках около храмов. Конечно, с самых давних времен христианства в России Церковь предлагала такое гостеприимство этим певцам – и под ее покровом они распевали и распевают теперь свои песни народу, соединяя их таинственный смысл с ее учением, песнопением и преданием.

Свадебные песни особенно представляют у нас замечательный образец того, как совершалось очистительное влияние самой Церкви на народную песню. По всему вероятию, эти песни – языческого происхождения и первоначально не были так чисты и светлы, как явились впоследствии под влиянием духовного воспитания Церкви.

Теперь сирота, идучи перед браком на могилу отца или матери, в своих слезных причетах говорит:

Ты поди к Божьей церкви,
Ты ударь трижды в колокол,
Разбуди моего батюшку,
Разбуди моего родимого...

Теперь свадебная песня называет таинство Брака Божьим судом:

Завтра к суду Божьему ехати,
Под златым венцом стояти...

Так изображает она невесту и жениха под благословением икон:

Ты сядь с добрым молодцем,
С твоим суженым, с твоим ряженым,
Под святыми иконами,
Под Божиею милостью.

Молодая говорит своему супругу после венчания:

Я теперь Божья да твоя.

Когда едут молодые от венца, то песня начинает их величать князем да княгинею: так высоко она ценит таинство Брака, венец которого дает право на подобный титул венчающимся.

Кому же обязана свадебная песня нашего народа столь чистыми понятиями и прекрасными внушениями, если не Церкви, которая ее очистила и воспитала?

Предоставляю моим читателям, сообразив все, мною приведенное, решить между моими противниками и мною, имел ли я после этого право сказать эти слова: «Наша народная песня, разнообразная, объемлющая все стороны жизни, предмет зависти для других народов, жила у нас свободно, как всеобщее народное достояние, без гонения Церкви, не только в мире, но и в общении с верою, которая предлагала ей многие прекрасные внушения и, блюдя чистоту жизни, блюла чистоту и народной песни».

8. Некоторые, может быть, выведут из моих слов хитрое заключение, что если Россия в древнем периоде своей жизни не могла одинаково заниматься служением делу Божию и делом человеческим и покидала последнее для первого, – то Россия в новом периоде жизни своей не должна ли поступить обратно и оставить дело Божие для дела человеческого, так как трудно заниматься обоими вместе? – На этот вопрос предложен ответ в дальнейшем развитии нашей мысли. Но здесь нельзя не прибавить: равная ли будет уступка? Для служения делу Божию можно было отложить на время дело человеческое: но успеем ли мы в сем последнем, когда для него отложим вовсе служение делу Божию? Все, что в новом периоде Россия произвела великого и замечательного, все то совершилось под осенением ее древней основной мысли, при условии связи с нею сознательной или бессознательной. История нашей литературы в новом периоде послужит лучшим тому доказательством. К сожалению, в наше время есть люди, которые думают, что для начинания дела человеческого настоящим образом до́лжно вовсе отторгнуть себя от сущности и основы древнего русского человека. В таких людях преобразование новой эпохи достигает последней крайности. От них ожидать нечего: все, что ни произведут они, будет мертво, будет подражание, отголосок чужого, – если и подействует, то на время, но вскоре пройдет, не сольется с народною жизнью и не будет замечено самим За-

падом, как один механический сколок с того, что в нем было жизнью и органическим развитием.

Как же соединять служение делу Божию со служением делу человеческому, как проводить мысль древней России, составляющей сущность русского человека, сквозь все начинания России новой, входящей более и более в соприкосновение с западными вопросами: вот великая задача каждого из нас. Кто же примет на себя ее решение для всех? Каждый решай ее про себя, как знает. Если не откажется от древней сущности и вникнет в нее всем своим духом, – то до́лжно надеяться, что решит хорошо. Наука, впрочем, умолкает перед вопросами жизни: решение задач, которые предлагает сия последняя, не от науки зависит. Она в силах только подать свои соображения, могущие быть полезными при решении, – и это она исполняет, внимательно изучая данные русской жизни в ее прошедшем.

Лекция вторая

1. Это разделение приписывают В. Гумбольдту и Нотту. Шлейхер приписывает его себе, но на Гумбольдтовом основании. См. его «Geschichte der slavischen Sprache» в «Beiträge», стр. 3 и 4. Названы разряды языков по-немецки: einsylbige, anfügende und flectirende.

2. Сочинения Гануша и Данковского, где находятся эти указания. Hanusch. Die Wissenschaft des Slavischen Mythus im weitesten, den altpreussisch-lithauischen Mythus mit um fassenden Sinne. 1842. Dankovsky. Die Götter Griechenlands. Данковский увлекателен своими изысканиями. Только в языке славянском находит он корни для объяснения имен многих божеств Востока и Греции.

3. История государства Российского. Т. VIII. Прибавл. Стр. 129.

4. Индогерманы, или сайване. Опыт свода и поверки сказаний о первобытных поселенцах Германии (с приложением карты). А. Вельтмана. Москва, 1856. К нашему вопросу о сродстве индийцев со славянами относятся собственно 20–46 страницы вступления.

5. О Свароге, отце Солнца или Дажьбога, см. т. 2 «Русских летописей. Список Ипатьевский» (СПб., 1843, стр. 5). Не имеет ли он отношения к литовскому Свенторогу, хранителю огня? См. Мицкевича «Конрад Валленрод» (издание санкт-петербургское, 1828), прим. 21: «Замок Свенторога, замок виленский, где был некогда сохраняем *знич*, то есть вечный огонь». О древних суевериях, касательно *сварожица*, см. «Описание Румянц. музеума А. Х. Востокова», стр. 228: «Огневи молятся: зовут его сварожицем». Под именем *Сварга* разумеется в индийской мифологии огненный рай Индры, где находятся горящие постели. *Свар* по-индийски значит небо. Bohlen. Dasalte Indien. T. I, стр. 176. В нашем «Летописце» сказано, что Феост, царь египетский, при котором упали клещи с неба и началось кование оружия, назван был Сварогом; он же ввел одноженство – и огненной печью наказывал тех, которые нарушали этот закон. Здесь в лице Феоста видно как будто влияние индийских обычаев на египетские.

6. Elphinston. 1841. T. I, стр. 119.

«Городовая (township) или сельская община ведет все свои внутренние дела сама; отвечает сообща перед правительством за уплату податей; сама заведует полициею; судит сама всякое воровство, решает все споры первой инстанции. Сама на себя налагает налоги для внутренних расходов и общественных работ; имеет своих выборных – одним словом, устроенное в себе общество во всей внутренней его полноте, но вместе с тем совершенно подчиненное правительству.

Эти общины составляют небольшие республики, имеющие в себе почти все, что нужно для общественной жизни. Они умеют устоять там, где все падает; династия за династией, революция за революцией, победитель за победителем проходят мимо, а сельская община все та же. Во время военной тревоги они все вместе уходят со своим скотом в укрепленные места. Неприятель проходит мимо; если же разобьет вооруженную общину, то она развеивается по соседним общинам, и, как скоро настанет спокойствие, снова возвращается на свои прежние места. Если беспорядки длились долго, то часто возвращается на пепелища своих предков второе, третье поколенье. Сыновья займут места своих отцов; в том же порядке снова строятся дома, каждый занимает родовой участок земли и т. д. Всякая община

в распоряжении головы (headman), должности теперь наследственной; он более представитель народа, чем правительства, хотя прямо и зависит от него. Он отвечает за все обязательства общины и т. д.

Все эти внутренние дела общины совершаются публично на площади или на месте, устроенном для этого, и ничто не решается иначе, как со свободного совещания с поселянами. Все права существуют только сообща, и никто не может располагать своею землею без общего согласия». Сообщено Д. А. Валуевым.

7. Rambles and recollections of an Indian official by Lieutenant-colonel W. H. Sleeman. Извлечение из этой книги помещено в «Revue Britannique» (1845. Février. № 2, стр. 313). Слиман рассказывает о колдуньях, которые высасывают кровь из людей; народ зашивает их в мешки и бросает в воду; но они, по мнению народа, заговаривают воду и не тонут в ней. У нас следы подобного суеверия видны из четвертого слова Серапиона, который восставал против него в XIII веке (Творения святых отцов в русском переводе. Год первый. Кн. 3. 1848. Стр. 202).

8. Слиман приводит сожжение вдовы, им виденное. Свидетельство Ибн Фадлана в «Истор. гос. Росс.» (Т. 8. Прим., стр. 135).

9. La Reconaissance de Sacountala, drame de Calidasa, trad. par Chézy. Paris, 1832, стр. 130.

10. Indische Alterthumskunde von Christian Lassen. 3 Bunde. Bonn. 1847–1858.

11. Софийский временник. Т. 2. Стр. 145–164. Библиотека Главного московского архива Министерства иностранных дел владеет печатным экземпляром Софийского временника, где все восточные слова, приводимые путешественником, объяснены по-русски г. Ярцовым.

12. О Лебедеве немного слов в «Словаре светских писателей» у митрополита Евгения (Т. 2, стр. 4). Он несколько лет был в Ост-Индии при Ост-Индской компании, сочинил и издал на русском языке «Беспристрастное сокращение систем Восточной Индии брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» (3 части, 1805).

13. De lingua Rossica ex eadem cum Samscradamica matre orientali prognata. Auctore Conr. Gott. Anton. 1810.

14. О сходстве санскритского языка с русским. Поднесено И. Р. академии. Перевел с франц. Павел Фрейганг. СПб., 1811. Есть еще рассуждение Борзенкова, профессора Харьковского университета, напечатанное в трудах Харьковского общества: «О происхождении языков славянского и сарматского от мидского и о сходстве оных с языком санскритским».

15. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Griechischen, Lateinischen, Littauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen, von Franz Bopp. Zweite, gunzlich umgearbeitete Ausgabe. Berlin. 1856–1858.

16. О русском полногласии. П. А. Лавровского. В прибавлениях к V выпуску «Известий И. Академии наук. Материалы для словаря и грамматики» (Т. V. Стр. 13–15).

17. Вот еще некоторые слова, свидетельствующие о том, как буква *а* из санскритского переходит у нас в букву *е*: ада – ем, асми – есмь, барами – ноша, беремя, вайгу – ветер, вачь – вещать, дасан – десять, наба (воздух) – небо, рава (голос) – рев.

Слова, свидетельствующие о сродстве *о* и *а* в произношении санскритском и московском: агни – огонь, адима (первый) – один, адвая – отвечающий, года – ходя, гауд (дорога) – ход, калага (шум) – голос, нава – новый, наза – нос, юга – иго.

Слова, свидетельствующие полногласие: барами – ношу, вагана – летать, варага – свинья (боров у нас объясняется из санскритского слова), вигава – вдова, дадгату – дать, данам – подарок, дарана – дар, кабала – голова (кабала? кабалить?), нагна – нагий, сумана (жито) – семя и проч. – О полногласии заметил М. А. Максимович на 135 и 139 страницах своего сочинения «История древней русской словесности» (Книга первая. Киев, 1839). Полнее и определеннее развил он эту мысль в своем сочинении «Начатки русской филологии» (Киев, 1848). Касательно влияния финского на наш язык Добровский выразил свое мнение в первом издании «Entwurf zum Etymologikon» (стр. 74). Востоков приводит мнение Добровского, не соглашаясь с ним, в своем рассуждении о славянском языке, напечатанном в «Трудах Общества Л. Р. С.» (Ч. XVII. 1820, стр. 42).

Г. Петров в своем рассуждении «О свойствах санскритского языка» («Журнал Мин. народного просвещения. 1842, март,

стр. 191) указывает на форму местного падежа: *рунэ* – в виде, *нагарэ* – в городе. Замечательно, что это употребление местного падежа без предлога, встречающееся только в нашем древнем языке, есть и в санскритском.

Об употреблении местоимения *свой* во всех трех лицах см.: «Kritische Grammatik der Sanskrita-Sprache von Franz Bopp» (Berlin, 1834, стр. 36, § 264). Это исконная особенность славянского языка, которая сохранилась в переводе Евангелия. Об этом см. Добровского «Грамматику славянского наречия» (Т. III, стр. 24–29).

Нельзя не заметить, что зендский и санскритский языки совокупно объясняют первоначальные формы нашего и, обратно, наш язык содействует к объяснению сродства в их формах. Например, наше *его* и *свой* соответствуют зендскому *гва* и санскритскому *svu*. Самое произношение русское *ево* содействует к объяснению.

В рассуждении г-на Каткова «Об элементах и формах славянорусского языка» находится много прекрасных исследований относительно сродства нашего языка с санскритским. Может быть, автор держится иногда слишком Бопповой системы и, чтобы дойти до нашего слова, заставляет его долго странствовать через все языки индоевропейской отрасли до тех пор, пока оно не явится в нашем. Но, с другой стороны, нельзя укорить автора в том, что он верен методе своего учителя. Многие формы и изменения слов в нашем языке весьма удачно объяснены из санскритских. Виден зародыш будущего самобытного воззрения.

Сюда следует еще присоединить: сочинения А. Ф. Гильфердинга «О сродстве языка славянского с санскритским» (СПб., 1853), «Об отношении языка славянского к языкам родственным» (М., 1853), «Санскрито-русский словарь» К. А. Коссовича (издание 2-го Отделения Имп. академии наук. 1854–1856. Три тетради), «Сравнение русских слов с санскритскими» А. С. Хомякова (СПб., 1855), «Die Wurzeln des Altslovenischen von Franz Miklosich» (Wien, 1857), «Lexiologie l'indoeuropenne ou essai sur la science des mots sanskrits, grecs, latins, francais, lithuaniens, russes, allemands, anglais, etc. par H. J. Chavée» (Paris, 1849).

18. Рассуждение о ересях и расколах, соч. Н. Руднева. М., 1838, стр. 12.

19. Сведения о поклонении огню у наших предков собраны у г-на Касторского в его «Начертании славянской мифологии» (стр. 158 и далее).

20. Ueber die Keilinschriften der ersten und zweiten Gattung, von Lassen und Westergaard. Bonn, 1845, стр. 16. «Слово *бага* означает бога: это значение подходит к смыслу всюду, где ни встречается в надписях. Зенд его не знает, сколько мне известно, в этом значении. Соответственное санскритское слово *бага* означает бога Чиву (или Сиву), потом одного из 12 богов солнечных, которые не имеют никакого отношения к древнеперсидскому *бага*. Есть в санскритском существительное, которого знаменование подходит к древнеперсидскому именованию бога: *бага* значит по-санскритски *счастливый жребий*, счастье, божественную силу. *Багават*, блаженный, святой, часто придается, как эпитет, к богам высшим. Это значение встречается также и в древнеперсидском имени *Баганатис*, что значит господин счастья[1]; βαγᾶιος, кажется, значит *счастливый*. Разумеется, славянское наименование *Бога* должно также идти в сравнение».

21. Bopp. Gramm. Der Sanskrit-Sprache. Стр. 125. Его же «Vergleichende Grammatik», стр. 295, 297, 304.

22. Слова́ большею частью взяты из словаря, приложенного к Клейкерову переводу «Зенд-Авесты»; некоторые из Бопповой «Грамматики».

23. Vendidad Sade. Die heiligen Schriften Zoroaster's Yaçna, Vispered und Vendidad. Nach den lithographirten Ausgaben von Paris und Bombay mit Index und Glossar herausgegeben von Dr Hermann Brockhaus, ord. Prof. der orientalischen Sprachen an der Universität Leipzig. Leipzig, 1850. – Zend-avesta ou plutôt Zen-daschta expliqué d'après un principe tout-à-fait nouveau par Ignace Pietraszewski. Premier volume. Chapitre I–VIII du Vendidad. Berlin, 1858.

24. Dissertation sur les antiquités de Russie, contenant l'ancienne mythologie, les rites paiens, les fêtessacrées, les jeux ou*ludi*, les oracles, l'ancienne musique, les instrumens de musique villageoise, les coutumes, les cerémonies, l'habillement, les divertissemens de village, les mariages, les funérailles, l'hospitalité nationale, les repas etc. des Russes, comparés avec les mêmes objets

[1] Ktes. Pers. 9. Herod. III, 128.

chez les anciens, et particulièrement chez les Grecs, par Matthieu Guthrie. StPetersbourg, 1795.

25. Молиться *в рощеньи или у воды* – запрещает Владимиров «Устав о церковных судах» (Кар. т. I, прим. 506. – Т. I. Стр. 92). Оттфрид Миллер очень затрудняется, как разрешить эту загадку. См. его «Geschichte der griechischen Literatur» (Т. I, стр. 43). Мицкевич производит даже имя Фракии от нашего слова *драка*, намекая тем на воинственный характер фракийцев и на происхождение от них бога войны Арея.

26. Относительно Зефира, что он у Гомера северный ветер, а не южный, первый заметил Роберт Вуд: это одно из доказательств, на которых он основал малоазийское происхождение Гомера.

Словно два быстрые ветра волнуют понт
многорыбный,
Шумный Борей и Зефир, кои *из Фракиидуя*,
Вдруг налетают, свирепые...

(Илиады П. IX, 3–5).

«Зефир называется у Гомера ветром сильнодующим, бурным, свистящим, мокрым: он приносит дождь или снег» (Robert Wood's Versuch uber das Original-geniedes Homers. Aus dem Englischen. Fr. am Mayn, 1773, стр. 88).

Буква *ф* греческая при буквах *с* и *т* переходит у нас в букву *в* и обратно. Примеры: про*сф*ора – про*св*ира, Ма*тф*ей – Ма*тв*ей, Святослав – Сфентослав, свет – φάος, свой – σφὸς. Сближение зефира с севером подало повод журнальным забавникам к шуткам и глумлению, которые до сих пор продолжаются, но им, кажется, нет дела ни до Гомера, ни до филологии.

27. См. О. Миллера стр. 27 и 28. То же о сходстве припевов греческих с нашими заметил И. М. Снегирев.

28. Вот древнейшее описание греческого сельского хора в изображении щита Ахиллова (Илиады П. XVIII, стих. 591–605).

Юноши тут и цветущие девы, желанные многим,
Пляшут, в хор круговидный любезно сплетяся руками.
Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы

Светло одеты, и их чистотою как маслом блистают;
Тех венки из цветов, прелестные, всех украшают;
Сих золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
Купа селян окружает пленительный хор, и сердечно
Им восхищается; два среди круга их головоходы,
Пение в лад начиная, чудесно вертятся в средине.

29. Заметим некоторые сходства между оборотами, выражениями и описаниями у Гомера и в наших эпических песнях.

Обилие частиц, показывающих детство и свежесть народного языка; по-гречески: χαὶ, ώς, δε, τε, ώς δτε, – по-русски: а и (а и будет день), как, как бы, соответствующее греческому ώς; частица *а* все соединяет в наших песнях, как Гомерово χαὶ.

Плеоназмы: под именем плеоназма я разумею два синонима с легким оттенком; иногда один из них ставится в форме отрицательной. На примере: «и все молодцы закручинились, закручинилися и запечалилися», – или:

Только я, Владимир, князь холост хожу,
А и холост я хожу, не женат гуляю.

У Гомера: ἀγορήσατο χαὶ μετέειπεν (ἀγοράομαι – говорю к собранию, μετάφημι – говорю ко многим). – οί δ άλλοι φύγομεν θάνατόν τε μόρον τε (мы с другими убежали *смерти*-то *жребия*). Одисс. II. IX. 207, – ταμίη δε μι'οίη (домоправительница одна единая). Од. XII, 37 – πιφαυσχόμενος φάτο μῦθον (говоря молвил слово). – 'Αυτὰρ επει ρ ηγερθεν, ομηγερέες τ' εγένοντοXXIVII. 790. (И лишь только собрались и явились все вместе собранными) – αγριος οδδε δίχαιος (дикий человек, необразованный) – μίνυνθα περ ουτι μαλα δην (мало так – немного) и проч.

Оборот отрицательный вместо утвердительного. В песнях русских: Василий не ослушался; Добрынюшка не ослушался. У Гомера: όνχ ἀπίθησε, которое Гнедич, к сожалению, переводил оборотом утвердительным.

Повторение одного и того же стиха или полустиха:

Резвы ноги подломилися,
Подломились ее ноженьки резвые.

Или:

Только я, Владимир, князь холост хожу,
А и холост я хожу, не женат гуляю.

XX П. Ил. стр. 371, 372

Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть – железу.

Может быть, таких оборотов, признаков языка устного, каким сочинена была «Илиада», было и много в прежней «Илиаде»; но они уступили переменам ученой школы критиков, которая уже заботилась о письменном языке.

Некоторые выражения нельзя лучше передать, как подобными выражениями из наших эпических песен. Вот примеры: ύπο γούνατ' έλυσεν – λυτο γούνατα – разрешились колена (слово в слово) – из русской песни: подломились колена (резвы ноги). – βίη Ἑλένοιο ἀναχτος (сила Елена вождя): у нас – сила богатырь, сила Елен, сила Геркулес (по-гречески родительный падеж, у нас именительный, или притяжательное прилагательное: сила Еденова, сила Ираклова). –επος τ' έφατο – молвил слово. – χαι με γλυχυς ιμερος αιρει – и взяло меня желание сладкое. У Кирши Данилова:

….взяло Добрыню пуще острого ножа
По его по сердцу богатырскому.

Гнедич перевел: вожделением сладким пылаю. – νηλέες ήμαρ, χαχον ημαρ, dies atra – черный день, злой день – злыдни.

В песне «Соловей Будимирович» так описано внутреннее украшение терема:

На небе солнце, в тереме солнце;
На небе месяц, в тереме месяц;

На небе звезды, в тереме звезды;
На небе заря, в тереме заря –
И вся красота поднебесная.

В Одиссее дом Менелая описан подобным же образом (П. IV. 45. 46):

Ἀυτους δ εισηγον θειον δόμον οι δειο όντες
Θαύμαζον χατα δώμα Διοτρεφέος βασιληος
Ωστε γαρ ηελίου αιγλη πέλεν ηε σεληνης
Δώμα χαθ’ ύψερεφες Μενελάου χυδαλίμοιο.

«Их ввели в дивный дом, и, посмотрев, удивились они дому царя боговоспитанного: ибо светлость солнца и луны была в высоком доме славного Менелая».

В XIX песне «Илиады» (ст. 400) Ахилл обращает речь к коням своим, и Ксанф отвечает ему:

Рек он: как вдруг под упряжью конь взговорил
бурноногий,
Ксанф, понуривши морду, и пышною гривой своею,
Выпавшей вон из ярма, досягнув до земли, провещал он.

В песне «Иван гостиный сын» Иван говорит к своему коню, и конь ему отвечает:

Провещится ему добрый конь бурочко,
Косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком.

В 4-й песне «Илиады» (ст. 112) так описано стреляние из лука:

Лук сей блестящий стрелец, натянувши, искусно изладил,
К долу склонив; и щитами его заградила дружина,
....
Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стре́лу
Новую, стре́лу крылатую, черных страданий источник.

Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу,
И обет сотворя луконосцу Ликийскому, Фебу,
Агнцев ему первородных принесть знаменитую жертву,
В отческий дом возвратяся, в священные Зелии степы:
Разом повлек и пернатой ушки и воловую жилу;
Жилу привлечь до сосца, и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
Рог заскрипел, тетива загудела и прянула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.

Кирши Данилова стр. 217 из песни «Поток Михайло Иванович»:

...вынимает он Поток
Из налушна свой тугой луг,
Из колчана вынимал калену стрелу,
И берет он тугой лук, в руку левую,
Калену стрелу в правую,
Накладывает на тетивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей,
Заскрипели полосы булатные
И завыли рога у туга лука.

В другом месте (стр. 62) – после такого же описания, следуют стихи:

А спела ведь тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрела.

Г. Буслаев напрасно толкует слово *спела*, как будто бы поет тетива. *Спе́ла* значит *поспела*, *быстра*.

30. Умирающий гладиатор, статуя в музее Капитолийском, прославленная стихами Байрона, представляет тип славянский. Мицкевич первый осмелился это высказать. Важнейшее доказательство, разумеется, – самое лицо, носящее на себе явные признаки славянского, скажу даже русского, образа. Кроме того, до́лжно еще обратить внимание на витую жгутом, или

веревочкой, повязку около шеи. Винкельман и Феа объясняли это различным образом: всего более остановились на том мнении, что этой веревкою обвязывали себе шею глашатаи, чтобы предохранить жилы шеи во время крика, который должны были издавать они. Объяснение натянутое! Не есть ли это наша гривна? Образцы гривен, находимых у нас, также виты веревкой; гривна также плотно прилегала к шее: доказательством тому служит гривна Георгия, отрока Борисова. Убийцы, чтобы снять ее, должны были разрубить ему шею.

К числу славянских типов, завещанных нам древними, до́лжно еще отнести точильщика в трибуне флорентийской, голову дака в Ватикане (Braccionuovo), которой невольно кланяешься, как будто голове своего земляка, когда ее видишь, и фигуры даков пленных на барельефах Траяновой колонны. Лицо Сократа странным образом носит на себе также тип славянский. Прическа капитолийского мальчика, известного под именем Fedele del Campidoglio, который вынимает занозу из ноги, напоминает очень русскую прическу. Все эти остатки древности должны быть преимущественно собственностью наших музеев, как завещание от древних нашему будущему народному искусству.

31. Сочинение Апендини, вышедшее в Рагузе в 1810 году, переведено с итальянского покойным А. С. Шишковым и напечатано в XIII томе его сочинений и переводов.

32. Александр Ходзько объясняет ликийскую надпись, найденную в 1841 году г. Феллосом, таким образом: «Уваяно граб сей памяти, гранавиты Седареием Пана чадом, про себя, про себя, для е Велады увой (убылей) и чаду муяляю». А. С. Хомяков точно так же объяснял ликийские надписи посредством славянского языка; но, к сожалению, не издал своего объяснения, которое иным показалось только что странным.

33. Опыт о ближайшем сродстве языка славяно-российского с греческим. Соч. пресвитером Константином Экопомидом. Пер. Меглицкого. СПб., 1828. Т. I. Предисловия стр. XIV. Прибавлю еще замечательные слова Экономида, которыми решается загадка о первоначальной греческой поэзии: «Славянский язык есть самый сродный с языком отборных так названных фракийцев и братьев его, т. е. с древним илли-

рийским, пафлагонским, фригийским, дарданским и другими диалектами того языка, который прежде называли мы вообще фрако-иллирийским и который также относится к фрако-пеласгийскому, и сего-то языка образования до́лжно искать не столько на Геликоне мировых муз, сколько на Олимпе Мизии и Фригии, и на Ливиферах Фракии, где воспитывался впоследствии Орфей» (стр. XCIX–CIII).

34. Основание всеобщей словесности и происхождение русского языка. А. Ф. Готтес. СПб., 1844. Стр. 33.

35. Об этом римском мире (κόσμος, mundus) говорит Плутарх в жизнеописании Ромула (гл. XI).

36. О суевериях, касающихся птиц, можно видеть в Иоанне, экзархе Болгарском, изд. Калайдовича, стр. 211: вороноградй, куроклик, поточник разных птиц, сорока пощекочет, дятел, желна. Также в слове св. Кирилла «О злых дусех» (Москвит. 1844, №. I, стр. 242): «Веруем в поткы и в датля и в вороны и в синици. Коли где хощем поити, которая переди пограеть, то станем послушающе, правая ли или левая; лидаще ны пограет по нашей мысле, то мы к собе глаголем: добро ны потка си, добро, добро ны кажеть, ркуще окаяннии, чи не Бог той потке указал добро нам поведати». В Уставе Владимировом говорится также о птицах: «поткы не видяху камо летети».

Известна у нас пословица: кто женится в мае, будет маяться. Овидий в своих Fasti (lib. V. 489, 490) приводит такую же пословицу римскую:

Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt,
Mense malas Maio nubere vulgus ait.

В шестой книге (155–160) Овидий рассказывает, как кормилицы ограждают детей противу зловредных птиц, которые впиваются им в щеки и изменяют цвет лица их. Кормилица терновою лозою касается три раза верей дверных и порога, кропит их водою и кладет сырую внутренность двухмесячного поросенка, приговаривая птицам, и они уже не прилетают.

37. У Ливия (кн. I, гл. IX) читаем: «Romulus ludos ex industria parat, Neptuno Equestrisolennes: Consualia vocat». Укомментаторачитаем: «Idem Neptunus dictus Romanis *Consus* (unde *Consua-*

lia ludi, qui postea Circenses a circo maximo appellati), quo nomine alii putant designari Iππιον equestrem (non adjecta ratione)».

38. Bola seu Vola, vetus oppidum Latii in Aequis, по словарюФорчеллини. Bolanus, seu Volanus, ad Bolam pertinens. В IX сатире 1-й книги Горация, место довольно трудное: Ote, Bolane, cerebrifelicem! – объясняется отсюда. Волан, житель Воли, селения, которого жители отличались простотою нравов. Древность этого селения засвидетельствована Вергилием, который упоминает о нем в предсказании Анхиза Энею (Энеиды П. VI, ст. 776).

39. Собеседник любителей российского слова, ч. VII. (143–161). У автора есть много остроумных замечаний, например: costa (ребро), corbis (короб), meta (мета), suadeo (советую) у нас имеют корень в словах: кость, кора, мечу, вещаю; fistula (трубочка), graculus (ворона), nebula (туман), oculus (глаз) – явно уменьшительные имена, которых подлинные у нас в словах: свист, грач, небо, око.

40. Г. Павский в своих «Филологических наблюдениях» указал на многие сходства в формах латинских, русских и древнеславянских.

Вот еще к соображению некоторые слова, указывающие на нашу любовь к букве *в*: ветхий – vetus, греч. ετος – год; вдова – vidua; υδας – вода; ελκω – влеку; υψος – высота.

Имя Иоанна Ιοάννης, Jeān, Jehn, Johann, Juan (Хуан по-испански), Joåo (по-португальски).

Овидий (Fasti, Кн. V, ст. 481, 482) так объясняет перемену слова Remuria в Lemuria:

Aspera mutata est in lenem tempore longo
Litera, qua toto nomine prima fuit.

Смягчение буквы *р* в букву *л* у нас заметно в простонародном произношении многих слов, заимствованных из иностранного, например: секлетарь, колидор, фалейтор. Это говорит в пользу мягкости народного уха. Теперешние римляне не подошли бы под объяснение Овидиево. Они любят очень звук *r* и везде, где только могут, заменяют им мягкий *l*.

41. Staroitalia Slavjanska. Sepsal Ian Kollar. Ve Vidni, 1853. Древняя Италия славянская, или свидетельства и доказатель-

ства стихий славянских в географии, истории и баснословии, особенно же в речи и в словесности древнейших итальянских и соседних племен, из которых видим, что между первобытными насельниками и жителями этой страны и славяне были многочисленнее других. Написал Иван Коллар. В Вене. Не можем не пожалеть, что до сих пор не сделано значительного извлечения из этого великого труда.

42. Исследование А. Д. Черткова: о языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древнеславянским напечатано в 23-й книжке «Временника Импер. московского общества истории и древностей российских» и вышло также особо в 1855 году.

43. Славянские древности. Пер. Бодянского. Т. I. Стр. 86.

44. При долине стоит гай.

45. Diefenbach. Celtica I. Stuttg. 1839. Стр. 160.

46. Beiträge sur vergleichenden Sprachforschung aus dem Gebieteder Arischen, Celtischen und Slavischen Sprachen herausgegeben von A. Kuhnund A. Schleicher. Erster Band. Berlin, 1858.

47. Слав. древн. Т. I. 86, 87. Шафарик приводит еще слова: ausahriggs – серга, усерязь; kaldiggs – кладязь, колодязь; garazds – горазд (в смысле *красноречив*). Я прибавил некоторые из Готфской Библии, изданной Цаном в Вейссенфельсе (1805). Замечательно, как слово *усерязь* может объясниться из готфского amso, ухо, и riggs, может быть, сходного с немецким Ring. Замечательно также, что *slawan* по-готфски значит *молчать*.

48. Приведено из Готфской Библии Ulfilas Gothische Bibel über setzung, Weissenfels. 1805. Лук. гл. 9. Матф., гл. 6. Замечу мимоходом: слово Frauja, означающее господина на готфском языке, одного происхождения со словом frija, frey, свободный. Из этого видно, что понятие о свободе соединялось у древнего германца с понятием о господстве над другим. Вторая часть этого издания, содержащая грамматику и словарь готфского языка, особенно богата материалами для решения нашего вопроса. Здесь, между прочим, в словах laikan (прыгать), bilaikan (насмехаться), bilailaikan (насмеялись) можно найти объяснение происхождения нашего народного инструмента – балалайки.

49. Vergleichendes Worterbuch der Gothischen Sprache von Dr Lorenz Diefenbach. 2 Bde. Fr. amMain. 1846–1851.

Г. Буслаев в своей «Исторической[1] грамматике русского языка» (в которой я имею удовольствие нередко кланяться моим старым знакомым из лекций истории русского языка и слога по памятникам, читанных мною в Московском университете в 1836 году) весьма остроумно производит слово *квас* от глагола *кыснути* (стр. 28 и 48, ч. 1).

50. Немецкие буквы *v* и *f* соответствуют нашей букве *п* во многих словах нашего языка и других языков той же отрасли. Приведу примеры: voll – полный, Fasten – пост, Faust – пясть, fünf – пять, Feld – поле, Feder – перо, Frage – прос (спрос), fallen – падать (пал), flach – плоский (plat), fort – прочь; частица *ver* соответствует нашей частице *при* и *пере*, как видно из слов: verlachen – пересмеивать, verändern – переменять, verachten – презирать; предлог *vor* – предлогу *перед*. Немец из греческого πούς сделал Fuss, из латинского piscis (по-итальянски pesce) сделал Fisch. Всеми этими примерами объясняется, как *Volk* и *полк* одно и тоже.

51. См. в «Материалах для сравнит. и объяснительного словаря русского языка» (Л. 1).

52. См. в «Материалах для истории просвещения в России» Кеппена, т. 3, статью «О происхождении, языке и литературе литовских народов», стр. 169, 173 и 177. Латышский язык, по мнению Ватсона, содержит $^{3}/_{6}$ славянских слов, $^{1}/_{6}$ готских, $^{1}/_{6}$ финских, $^{1}/_{6}$ немецких. Литовский: $^{4}/_{6}$ славянских слов, $^{2}/_{6}$ готских, финских и немецких слов.

53. Wörterbuch der Littauischen Sprache von Nesselmann. Complett in einem Bande. Königsberg, 1850. – Handbuch der Littauischen Sprache von Schleicher. Prag, 1856. – Отчеты Второму отделению И. академии наук о филологическом путешествии по западным краям России кандидата С. П. Микуцкого, печатанные в «Известиях»с 1855 года и «Проба литовско-русского словаря»его же в томе III «Известий», лист 11. Шлейхер в своей «Истории славянского языка» делит ее на пять периодов: первый называет он индо-германским (?), второй – славяно-германским, третий – славянско-леттским, четвертый – сла-

[1] Этот эпитет при «Грамматике» был, как я думаю, главною причиною совершенного беспорядка, господствующего в этом ученом филологическом сочинении.

вянским общим и пятый – славянским, уже разделенным на наречия. Только последний период относит он собственно к историческому времени. Два периода, славяно-германскийи славяно-леттский, требуют еще особенного исследования. Смотри «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtichen und Slawischen Sprachen hg. von Kuhn und Schleicher. Erster Band. Berlin, 1858. Kurzer Abriss der Geschichte der Slawischen Sprache (1–29).

54. Hebräisches Wurzelvörterbuch nebst drei Anhängen von Ernst Meier. Mannheim, 1846. Principes d'Etymologie naturelle basés sur les origines des langues sémitico-sanscrites par H. J. F. Parrat, ancien Professeur. Paris, 1851.

55. Можно заметить еще, что Шафарик и Палацкий находят в неправильном и свободном размере всех древних славянских песен, в том числе и наших, соотношение с подобным размером у племени семитического, особенно у евреев, в противоположность строго правильному размеру индоевропейскому. См. «Введение» их к изданию «Gedichte aus Böhmens Vorzeit» (Prag, 1845, стр. 33).

56. Мнение мое о нашей особенной способности подделываться под звуки иных народов, заключающейся в гибкости и разнообразии звуков нашего языка, встретило противоречия в некоторых слушателях. Говорили, что эта способность зависит не от языка, а от нашей привычки обращаться с детства с иностранцами. В таком случае и всякий иной народ мог бы обнаружить такую же способность. Против этого возражения я мог бы привести многие примеры русских простолюдинов, которые, выехав за границу с исключительным знанием своего языка и уже в известном возрасте, прибретали такое практическое знание языков чуждых, которое удивляло иностранцев. Напротив, взгляните у нас на англичан, французов, немцев, которые век свой живут с русскими – не с русскими, редко употребляющими свой язык, а с русскими коренными, с простолюдинами: как часто после многих лет пребывания в России они уезжают из нее, едва умея два слова сказать по-русски. Не говорю уже о том, что выговора никогда осилить они не могут, тогда как русские простолюдины за границей легко перенимают самый народный выговор. Такою способностью отличались русские еще в самой

глубокой древности. Припомним киевлянина, который еще при Ольге и Святославе обманывает печенегов их языком. («Он же изиде из града с уздою и ристаше сквозе печенеги, глаголя: “не видели коня никто же?”Бебо умея печенежски, и мняхуть и своего».) – Можно доказать самим разбором букв нашего языка, что в нем заключается эта коренная способность, а не в случайной причине детской привычки, принадлежащей исключительно, и то к сожалению, привилегированному классу общества. У нас гласные разделяются на твердые и мягкие, которых звук особенно слышен в слогах *ла* и *ля*. Западные народы имеют только средний звук между этими двумя – звук *la*. От средины своей они никак не в состоянии перейти к нашим крайностям в звуке, тогда как мы, владея крайностями звука, легко уловляем средину. К нашему звуку *ла* подходит отчасти звук итальянский по римскому произношению, например в выражении: alla guerra; а к звуку *ля* – испанское *lla*, которое изо всех народов европейских может только выговорить русский да поляк. В согласных у нас также большое разнообразие, тогда как у других европейских народов некоторые отсутствуют. Для немца *ж* недоступно, *б* и *п* он смешивает, *д* и *т* также. Замечательно, что в немецких грамматиках *б* и *д* мягкие буквы, а *п* и *т* – твердые. Для француза *ц* и *ч* не существуют. Известен анекдот о французах, которых неаполитанцы во время вечерен сицилийских узнавали потому, что они не могли выговорить буквы *ч*. Буква *х* недоступна ни французу, ни итальянцу за исключением тосканца, у которого она считается областным недостатком, ни немцу. Она родная только испанцу. Буквы *б* и *в* в испанском языке строго не различаются, а сливаются одна с другою; также и *д* из твердого переходит в звук подобный *з*, или английскому *th*. А сколько у нас собственных звуков, которые для иностранцев европейских вовсе недоступны! Материальным богатством звуков языка мы, конечно, гораздо выше стоим, нежели все другие народы Запада. Так как язык есть внешнее выражение внутренних способностей народа, то до́лжно думать, что это богатство материала обозначает и другое богатство внутренней силы, которая, конечно, еще в отраслях человеческой деятельности недалеко развита нами, сравнительно с другими народами, но в основе своей заправлена прочнее, чем какая-нибудь другая.

57. Возможность полного решения этой задачи зависит, конечно, от совокупных усилий филологического факультета и от правильного в нем устроения наук филологических. Под именем сего последнего я разумею центральное положение русской филологии, окруженной двоякою семьею: семьею племенною, ближайшею к ней, – славянскою, и семьею всемирною, – санскрито-европейскою. Необходимо для того введение языка санскритского в преподавание (эта мысль была, к счастью, исполнена); необходимо изучение греческого и латинского языков в отношении к отечественному; необходимо, наконец, введение кафедры еврейского и арабского, языков семитических, чтобы определить отношение сих последних к отрасли индоевропейской. (Арабский язык был также введен в преподавание.)

58. Herder's Ideen zur Geschichte der Menschheit. XVI. Buch. IV. Slawische Volker.

59. Колларова «Staroitalia Slavjanska», стр. 2. Помпоний Сабин в комментарии к 164 стиху 1-й песни «Георгик», объясняя слово traheae, говорит: «Traha agricolarum instrumentum atrahendo, Scythae appela verunt *sangi*, sedet pulchrioris formae et supra glaciem utuntur». – «*Трага*, орудие земледельческое от слова traho, влеку, везу, у скифов называлось *санки*, но в красивейшей форме они употребляют его и по льду».

60. Bylazora Liv. lib. XLIV. C. XXVI. – Славянские древности Шафарика. Перевод с чешского О. М. Бодянского. Т. I. Книга II. 117–122. – Его же «Geschichte der Slawischen Sprachen und Literatur nach allen Mundarten» (Ofen, 1829, 7 стр.). – Слово немецкое Meth заимствовано, конечно, у славян вместе с самим напитком и указывает на мягкое произношение буквы *д* на конце слова. – Буква *ы* и теперь заменяется буквою *и* (*у*) у западных народов, которые не в состоянии произнести нашего твердого звука. Западный человек скажет и теперь *буль* вместо *был*, как и тогда выговаривал Bustricius вместо Быстрица. Звук *ы* теперь недоступен для других западных славян, кроме поляков.

61. Грамматика языка славянского по древнему наречию. Соч. Добровского. Т. I. Предисловие, стр. 1.

62. Рассуждение А. Х. Востокова помещено в «Трудах Общества любителей российской словесности», часть XVII. 1820. Стр. 55–57.

63. Рассуждение М. А. Максимовича помещено в «Журнале министерства народного просвещения», 1888, март. Формы *раз* и *роз* одинаково употребляются в нашем языке. Форма *вы* вместо *из* приличнее нашему языку; но употребляется и форма *из*, по влиянию наречия славяноцерковного. Вставка буквы *л* в словах: земля, журавль, корабль пришла к нам также по этому влиянию; опущение же буквы *л* заметно в народном выговоре: корабь, журавь, земь в слове на́земь. Вставка *д* перед *л* есть точно одна из примет, довольно резко отличающих обе отрасли; но до́лжно заметить, что у нас в простом выговоре и в древних памятниках встречается подобная вставка буквы *д* перед буквою *р*, например в словах: нрав (ндрав), разрушите (раздрушити). Вставка буквы *ж* после *р*, назначенная приметою у Востокова, существует в наречиях польском и чешском, но не простирается на словацкое. Вместо *пещ* и *мощ*, *пец* и *моц*, мы выговариваем *печ* и *моч*; но у нас существует и первая форма, по влиянию языка славяноцерковного, существует и вторая в некоторых поднаречиях языка нашего, предпочитающих букву *ц* букве *ч*. Слово *звезда* остается за нами, но *квет* употребляется в наречии южнорусском. Форма *т* встречается только в древних памятниках. *Пепел* говорят великороссияне; но *попел* есть форма южно- и белорусская. Птица и птаха равно употребительны. Мы более говорим *правая*, чем *десная*: десница употребляется по влиянию языка славяноцерковного. Еще подробнее Максимович исследовал вопрос в своих «Начатках русской филологии» (Киев, 1848).

64. X песня в Сборнике Кирши Данилова, стр. 85. О женитьбе князя Владимира.

65. Летопись Несторова по Лавр. списку, стр. 3.

66. Москвитян. 1842, № 9, стр. 175 и 176. Извлечено из «Денницы», журнала, издававшегося г. Дубровским на русском и польском языках.

67. «Славянские древности»Шафарика, т. I, книга II, стр. 111 и 112.

68. Там же, стр. 89.

69. Подробное изложение этого предмета можно прочесть в 164-м примечании к ученому труду А. Д. Черткова «О переводе Манассииной летописи на славянский язык» (М., 1842, стр. 123).

70. «Отсюда же прямой вывод, что русское наречие и в отношении полногласия в полном смысле слова занимает серединное место между двумя пределами: древнейшим, с одним поднятием гласных *р̃– л*, остатки которого уцелели в наречии древанском, и позднейшим, с усилением *р̃* и *л* в *рала, ре–ле*, развившимся в наречиях задунайских, в чешском и словацком». – «Эта вставка вторичного гласного звука сделала русский язык серединным между языками родственными, удержавшими один гласный перед *р–л*, и родственными наречиями, употребляющими также один гласный звук только после *р* и *л*». Заметим, что П. А. Лавровский в своем столько основательном рассуждении не обратил внимания на полногласие в некоторых санскритских словах, простирающееся на другие согласные буквы, кроме *р* и *л*, как было указано М. А. Максимовичем, и тем не связал системы полногласия, более всеобщей в санскритском языке, с нашею более частною.

71. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского (читано на акте С.-Петербургского университета 8 февраля 1849 года) (СПб., 1850, стр. 13 и 22).

72. Известна система гласных звуков, логически изложенная и объясненная у Беккера в его сочинении «Organismus der Sprache» (стр. 35). Три основных гласных звука: *i* (горловая гласная), *а* (язычная) и *у* (губная); *i* и *у* два полюса, между которыми *а* середина – самый легкий и наиболее доступный звук для человека, с которого он и начинает. Беккер заметил, что в немецком языке, первоначально в глаголах, переходы гласных букв обозначались рационально сими тремя основными звукам что и теперь видно в неправильных: binden, band, gebunden. Между *i*, *а*, *у*есть посредствующие звуки, а именно: *е* между *i* и *а*, *о* между *а* и *у*. Из всех гласных звуков *у* есть самый определенный и потому переходит в согласную *в*, что особенно видно в латинском языке. Итак, вот полная лестница гласных звуков:

І А У
Е О

У нас, в выговоре московском и всей образованной России, нельзя не заметить весьма правильного перехода гласных из

одной в другую в обратном движении по этой лестнице. Буква У не изменяется по причине своей наибольшей определенности. Буква О везде наклоняется к А, где не имеет ударения. Буква А переходит в Е после согласных: ж, ч, ц, ш, щ, например: ж*е*лею вместо ж*а*лею, час, ч*е*сы вместо ч*а*сы, ц*е*лую вместо ц*а*лую (в этом слове произношение даже осилило правописание: по этимологии – цаловать, потому что и по-польски całowac; некоторые возвращаются теперь к этимологическому правописанию), ш*е*лун вместо ш*а*лун, *сче*(*ще*)стливый вместо *сча*(*ща*)стливый, *ще*вель вместо *ща*велью. Буква Я, соответствующая А без ударения, также переходит в Е после гласных: *в, л, м, н, п, р, с, т*; примеры: вязать – везать, лягушка – легушка, помянуть – поменуть, понял – понел, пять, пяти – пети, ряд, рядить – редить, десять – десети, тянуть – тенуть. Буква *Б* не соединяется у нас с буквою *П*, а из других наречий*иа (я)* переходит в *е*: польское biały в наше: белый. В наречиях областных слышно: бягу, но у нас: бегу. Гласная Е без ударения переходит в И после почти всех согласных букв. На этом основано у нас правописание местоимения *этот* во множественном числе. Есть три рода правописания этого слова: 1) принятое Карамзиным: *эти* во всех трех родах, основанное на нашем произношении, в котором *е* после буквы *т* переходит в *и*; здесь произношение осилило этимологию; 2) правописание, принятое некоторыми писателями: эти для мужского и среднего родов, как *они*, *эти* для женского, как *оне*. В этом правописании видим мы произвольное стремление согласовать местоимение *этот* с местоимением *он*, тогда как они не одного происхождения; 3) правописание, основанное на этимологии слова: *этот*. Различие между *тот* и *этот* состоит в одном прибавлении указательного междометия *э*, точно так, как *вот* и *эвот*. Отсюда ясно, что если основывать правописание на этимологии, то надобно писать для всех трех родов *эти*, соответственное *те*. – Рационально может быть принято: или первое правописание, основанное на деспотизме произношения, которое в слове, особенно принадлежащем устной речи, может вторгнуться в правописание, – или третье, если правописание основать на строгом единстве этимологии. Я следовал сему последнему, о чем объявил в примечании к книге своей «Теория поэзии»; но теперь, передумав дело, охотно признаю правопи-

сание карамзинское и следую ему, но рационально сознав его и основавшись на устном произношении.

Относительно согласных букв в нашем образованном выговоре главный признак есть переход твердой согласной в соответствующую ей мягкую на конце слова: *б* в *п* (боп), *в* в *ф* (рукаф), *д* в *т* (горот), *з* в *с* (морос), *ж* в *ш* (муш), *г* в *к* (плук) *г* в *х* (бох).

73. Это последует, разумеется, тогда, когда на нашем факультете будут кафедры восточных языков (они введены), языков финского и леттского.

74. «Слав. древн.» Шафар. (т. I, кн. II, стр. 239–240).

75. Сочинение Шегреня: Ueber die Finnische Sprache und ihre Literatur, vom D. A. J. Sjögren. St-Pet., 1821. Стр. 49–54. Сочинение г. Буткова «О финских словах в русском языке и о словах русских и финских», имеющих одинаковое значение» (СПб., 1842. Из V части «Трудов Российской академии»). Г. Бутков предлагает между прочим много весьма любопытных объяснений, например для слова «арбуз» и других; но нельзя с ним согласиться, когда он слова *буй*, *гридень*, *див*, *вещий*, *кикахуть*, *котора* и другие объясняет также из языка финского.

76. Финские имена урочищ приведены из предисловия г. Буткова к тому же сочинению. Шафарик приводит имена северных рек на 220-й странице «Слав. древн.» (т. I, кн. II). Производство Москвы из финского языка принадлежит г-ну Бюргеру и было напечатано в «Московском вестнике». О Москве, текущей в Боснии, говорит А. Д. Чертков в своем упомянутом сочинении (стр. 124).

77. Областные великорусские слова финского происхождения. Замечания профессора Я. К. Грота (Т. II «Известий, л. 1 и 2).

78. Fabricius. Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen. Stralsund, 1841. Стр. 2. «Хотя мы ругиев, упоминаемых древними, признаем за германцев, но в народе, живущем на Рюгене, который с 800 года по Р. Х. вступает в отношение к датчанам и франкам, признаем господство *славянской* сущности». Свидетельства Адама Бременского (IV, 225): «Insularum quae Slavis adiacent insigniores accepimus tres. Fembre opposita Wagris. Altera est contra Wiltos posita, quam Rani vel Runi possident, fortissima Slavorum gens, extraquorum sententiam de publicis rebus nihil agi lex est, ita illi metuuntur propter familiar itatem Deo-

rum, velpotius Demonum, quos maiori cultu prae caeteris venerantur. Ambae igitur hae insulae piratis et cruentissimis latronibus plenae sunt, qui et nemini parcunt extranseuntibus. Tertia est Semland contigua Ruzzis». Гельмольда (I, 2): «Sunt et insulae Baltei maris quae coluntur a Slavis... altera insula longe maior est, contraVuilzos posita, quam incolunt Rani qui et Rugiani»; (1, 6): «Rani sive Rugiani habitant incordemarts».

79. Helmold (I, c. 53): «Inter multiformia autem Slavorum numina praepollet Zuantevith, deus terrae Rugianorum, utpote efficacior in responses».

80. Это мнение о вороге, или враге, как нарицательном имени всякого враждебного пришлеца в нашу землю, после превратившемся в имя собственное, было выражено М. А. Максимовичем в его сочинении «Откуда идет земля Русская?». При этом мимоходом нельзя не заметить о греческом наименовании Βάρραγγος (Варангос). Отчего вошла здесь буква *н*? Это явно объясняется болгарским юсом и доказывает, что болгаре, от которых, вероятно, перешло это имя к грекам, произносили его в нос. Сюда же относится другое слово – другарь, то есть заменяющий кого-нибудь викарий, слово болгарское, которое у греков пишется также с носовым звуком: Δρουγγάριος. Так еще наш Святослав перешел у греков в Сфентослава. Вот греческие доводы тому, что у славянских болгар носовые звуки, соответствующие юсам, существовали.

81. См. «Известия визант. истор.» Стриттера, т. III, стр. 35–38. Прочие пороги: «ессупи», сходно с славянским: не спи; геландри (шумящий), означен только по-русски; струвун – напрези, т. е. малый порог.

82. Г. Греч приводит в нашем языке скандинавские слова языков исландского, датского и шведского: röd, ряд, sina – сено, brynia – броня, gardr – город, torg – торг, laege – лекарь, miod – мед, morke – мрак; но все эти слова находятся в других славянских наречиях, имеют корни и свои производные в нашем и сходство со словами в других языках, как, например, в санскритском. Г. протоиерей Сабинин в своем ученом и прекрасном исследовании «О происхождении наименования боярин и болярин» («Журнал Минист. народн. просвещ.», 1837, октябрь) также смешивает первоначальное родство с влиянием, которое могло

быть позднее. В таком случае можно ограждать себя только славянскими наречиями, за исключением польского, куда могли войти слова норманнские по влиянию, которое было от Руси на многие области, отторженные впоследствии Польшею. Г. Сабинин слово «изба» производит от исландского Hussbaer и Hussbae (гусбай, усбай); но производство *избе* находится в Несторовой летописи от *истьба*, *истопка*, т. е. топленый покой, в отличие от светлицы, которая всегда у нашего крестьянина холодная. Слова *котел* и *костер*, по мнению г. Сабинина, происходят от исландских ketill и köstr, но котел существует и в чешском, а костер явно имеет корень у нас в языке, в слове *кость*, и указывает на древний обычай сожигать кости умерших. Слова *груз* и *безмен*, по мнению Карамзина, шведские: grus и besman. Но груз имеет у нас иное значение, нежели шведское grus (кремнистый песок). Эти слова существуют и в польском языке.

83. См. в «Мыслях об истории русского языка» (стр. 129–154).

84. «Материалы для сравнения русского языка со скандинавскими» протоиерея С. К. Сабинина, в «Материалах для словаря и грамматики, печатаемых при Известиях» (Т. 2, IX), «Областные великорусские слова, сходные со скандинавскими. Замечания профессора Я. К. Грота» (Там же, т. III, ст. IV).

85. См. упомянутое исследование г. Сабинина (стр. 43 и 44). Baer – город и menn – мужи. Этому соответствуют знатные люди острова Рюгена, о которых говорит Саксон Грамматик, называя их cives oppidani или optimates (См.: Fabric. Urk. zur Gesch. d. F. Rugen, стр. 111). Нельзя не пожалеть, что хроника писана по-латыни. Сколько драгоценных преданий уничтожено этим языком, который всюду навязывал внешнее единство римско-католическое, стирая народные краски с жизни и с истории.

86. О слове *боярин* исследование Венелина напечатано в «Чтениях Моск. общества ист. и древностей российских» (1847, год третий, № 1).

87. Сабинина стр. 50. Smaerd, parvitas, resparvimomenti, homonauci.

88. Id., стр. 46. Натянуто было бы, кажется, производить слово *гридень* от чешского hrdina (человек гордый, герой): «ač sě hrdinami zváti chcete (если вы хотите называться героями)» (Краледв. рукоп. (в песне Ярослав.)).

89. Id. 47–49 стр. Г. Сабинин очень справедливо замечает, что имя Тиуна не всегда принимается нас в летописях и грамотах в смысле судьи, но также и в смысле собирателя подати.

90. Нельзя не заметить особенного свойства в нашем народе, который любит иногда осмыслить чужое слово и принимает его при этом условии. Сюда относятся: секуция – экзекуция, растеряция – ресторация, лежанец – дилижанс, обнимусь – омнибус, и другие.

91. Последние два производства принадлежат барону Розенкампфу, говорящему о них в своем сочинении «О Кормчей книге». Впрочем, иные производят слово *метник,* или *метельник*, от меты, знака, буквы. Карамзин производил слово *вервь* (округ и веревка, которою, вероятно, отмерялся он) от шведского hwarf; но hwarf по-шведски значит: раз, порядок, слой, а значения веревки и округа не имеет.

92. Knut – по-шведски узел, нем. Knoten; fá knute – быть биту кнутом; ge knut – бить кнутом. Производные: knutig, knotig, узловатый, knyta, knüpfen, завязывать и проч. Замечательно, что это слово оставалось у нас в своей чужой скандинавской форме как пришлое к нам. Народ не хотел никогда осмыслять его.

93. Шведско-русский словарь, по Высочайшему повелению составленный при Статс-секретариате Великого княжества Финляндского. Две части. Гельсингфорс, 1846–1847.

94. Опыт сравнительной грамматики славянских языков по четырем главным наречиям церковнославянскому, великороссийскому, чешскому (богемскому) и польскому, составленный В. Полевым. Имя существительное. Дерпт, 1851. Смотри об этом труде статью в «Известиях академии» (Т. I, л. 4): «Труды по сравнительной грамматике славянских наречий». Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen von Fr. Miklosich. Erster Band. Lautlehre, 1852; Dritter Band. Formenlehre, 1856. Второй том еще не вышел.

95. Словарь языка словенского шести главных наречий: русьского, блгарского, црьквьного, срьбьского, чешьского и польского, съставил Иосиф Франта Шумавьскый. Часть прьвая *немьцьско*(!)-словеньская. Прага, 1857. Вышло только два выпуска.

96. «Областные великорусские слова восточного происхождения. Замечания к “Опыту областного великорусского слова-

ря” В. В. Григорьева». В «Материалах для словаря», издаваемых при «Известиях» (Лл. I, II и III) и окончание той же статьи (Л. V). «Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков»профессора Мирзы А. К. Казембека (там же, Лл. II и III) и окончание той же статьи (Л. V). «Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными»профессора П. Я. Петрова (там же, л. VI). «Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков» (там же, л. XIII).

Лекция третья

1. Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache, kritisch beleuchtet von Paul Ioseph Šafařik und Franz Palacky. Стр. 41

U jednei su desky pravdodatne.

У одной из дев, стоящих при троне Любуши, в руках *доски правдодатные*. Шафарик нашел под 1208 годом Новгородской летописи упоминание о досках как материале для письма. См. там же, стр. 98.

2. Interius dii stant manufacti, *singulis nominibus* insculptis. VI. P. 151.

3. История госуд. Росс. Т. I. Стр. 109 и 110.

4. Сочинение черноризца Храбра «О *писменех*» напечатано первоначально у Новикова, в XVI томе «Древней вивлиофики». Калайдович отыскал древнейший список болгарский, писанный в 1348 году Лаврентием (Иоанн, экзарх Болгарский. Стр. 189). Карамзин нашел место в одном российском летописце средних времен, который к Несторову известию о буквах Кирилловых прибавляет известие Храбра (т. I, прим. 260). Шафарик издал это сказание под заглавием «Mnicha Chrabra o pismenech slovanskych»(v Praze, 1851). Славяноцерковными буквами и с включением слов, найденных в списке Троицкой Лавры: «суть бо еще живи, иже суть видели их».

5. Известие об этих надписях находится в письме из Лемберга, напечатанном в «Московском наблюдателе» 1836 года (Май. Книжка 2). В «Истории польской литературы М. Вишнев-

ского» (Краков, 1840. Т. I. Стр. 161–172) приводятся мнения различных ученых о первоначальной грамоте у славян языческих. Ими подтверждается свидетельство Храбра о чертах и резах. Г. Кухарский самое слово «руны» производит от нижнелужицкого «грон» (слово). Но частные предположения его, равно Грубиссовиша и других, о древности наших рун и значений нашей азбуки мы не смеем внести в науку. Говоря о всем, что относится к письменам языческих славян, нельзя не упомянуть кстати об одном подлоге, который был сделан при Державине и напечатан в 6-й книжке «Чтения в беседе» (стр. 5–7). Это славянорусское стихотворение со свитка I века и несколько произречений V столетия новгородских жрецов. Замечательно, что стихи писаны любимым размером Державина:

Пакоща свада,
Дюжу убой,
Тяжа нагата,
Тощь перелой.

Буквы похожи на письмо, видимое в зеркале. Подлинники хранились в собрании древностей Селакадзева. Державин и члены «Беседы» вдались в обман. Рассуждение, помещенное в издании «Беседы», это свидетельствует. Вот какие невежественные подлоги у нас делались в 1811 году. Это может служить лучшим, неотразимым опровержением против тех, которые хотели видеть подлоги в таких произведениях, как «Слово о полку Игореве», договорах Олега и Игоря и Несторовой летописи.

И. И. Срезневский в своем рассуждении о древних письменах славянских исследовал предмет подробно. Отсылаю к его статье, напечатанной в «Журнале Минист. нар. просвещ.» (1848. Июль. Отд. II, стр. 18).

6. Ист. госуд. Росс. Т. VIII. Прим., стр. 137.

7. Библиотека для чтения. 1836. Т. XV.

8. И. Г. Р. Т. I стр. 158 и 172.

9. Ныне же оуведел есть князь вашь посылати грамоту ко Царству нашему. Иже посылаеми бываюгь от них ели и гостье, да приносить грамоту, пишюче сице: яко послал корабль селько.

10. Акты юридические. 2. 1483. Правая грамота Снетогорскому монастырю. «И княжой боярин Михайло да Климета соцкой тое воды досмотрели, да и из луб выписали, и перед осподою положили, да и велись по лубу».

11. Ueber das Werk des Königl. Dänischen Etatsrathes und Professors Finn Magnusen, Runamo og Runerne betitelt. Bericht an die Kaiserliche Akademie der Wissenschaften auf Verlangen S-r Excellenz des Hn. Ministers der Volksaufklärung Sergei Uwarov erstattet von D-r Andr. Ioh. Sjögren. 1842. St.-Petersb.

12. Источники отечественные: 1) Несторова летопись под олеговым княжением, 2) О писменех, черноризца Храбра, в списке XIV века (напечат. в: Иоанн, экзарх Болгарский, стр. 189, и Шафариком, см. выше), 3) Четь-Минея: житие св. Кирилла и Мефодия под 11 мая, 4) Житие св. Кирилла и житие св. Мефодия, встречающиеся в рукописях. Содержание их изложено в исследовании, напечатанном в «Москвитянине» 1843 года, № 6. С тех пор жития св. Константина и св. Мефодия были изданы Шафариком в книге под заглавием «Památky drevního písemníctvi jihoslovanův» («Избор югославянских достопамятностей»). V Praze, 1851. Это жития паннонские, так названные по их происхождению из Паннонии. Житие св. Кирилла издано по пяти спискам: Рыльскому (только похвала), Московскому из Великих Четиих Миней митрополита Макария, двум Львовским (одному Сербскому, а другому Русскому), и пятому Римскому из Ватиканской библиотеки; житие св. Мефодия – по списку из Московской духовной академии. Сюда же дóлжно отнести сокращенное житие св. Кирилла, найденное в одной сербской рукописи А. В. Гильфердингом и напечатанное в «Известиях Академии» (1858. Т. VI. Л. 149, стр. 381) под заглавием: «М҃ца Февруаріа д҃і д҃нь. Успение сто҃го кѵрілла філософа». – Источники иностранные: I. Греко-восточные: 1) греческая биография болгарского архиепископа Климента, возбуждавшая недоверие Добровского. Долго она была библиографическою редкостью и существовала только в двух изданиях – Мосхополисском 1746 года, которое приобрести было почти невозможно, и Венском 1802 года, также весьма редком. После многих розысканий и усилий последнее приобрел О. М. Бодянский из стран славянских. Жизнь св. Климента перестала быть библиографическою

редкостью с тех пор, как Миклошич издал ее в 1847 году под заглавием: «Vitas. Clementis episcopi Bulgarorum. Graece edidit Franc. Miklosich. Vindobonae». С этого издания, по моему предложению, биография св. Климента была переведена на русский язык профессором А. И. Меншиковым и издана в русском переводе и в греческом подлиннике в «Материалах для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских, к столетнему юбилею Московского университета» (1855) под заглавием «Жизнь и деяние, исповедание и отчасти повествование о чудесах иже во святых отца нашего Климента, архиепископа Болгарского. Сочинение, написанное святым и славным Феофилактом, архиепископом первой Юстинианы и всей Болгарии, и магистром риторов в Константинополе». – 2) Второе сокращенное житие св. Климента, писанное на греческом языке, найдено было в Охриде профессором В. И. Григоровичем в пергаменной греческой рукописи XIII столетия. Оно напечатано было в первый раз с русским переводом в статье самого профессора, его открывшего: «Изыскания о славянских апостолах, произведенные в странах Европейской Турции» («Журн. Мин. нар. просв. 1847. Январь. Отд. II. Стр. 1). Открытие, сделанное Григоровичем, было чрезвычайно важно, потому что в словах жития: «изобрел св. Климент также знаки другие письмен для большей ясности, отличные от тех, которые изобрел мудрый Кирилл», – открылся еще другой изобретатель славянской грамоты в лице св. Климента. – Шафарик напечатал то же житие на греческом языке с латинским переводом по тексту, пересмотренному вновь профессором греческой литературы в Пражском университете Григорием Курцием, в приложениях к своим «Памятникам глагольской письменности» (Прага, 1853. Стр. LVII). 2) Иоанн, экзарх Болгарский, писатель X века (стр. 13 в издании Калайдовича). II. Западные латинские: 1) Папа Иоанн VIII в послании к моравскому князю Святополку, писанном во второй половине IX века, 2) Диоклейский пресвитер в летописи своей, писанной около 1161 года, 3) Латинские легенды, из которых две древнейшие помещены болландистами в «Acta Sanctorum» на 9 марта, 4) Mährische Legende von Cyrill und Method, herausgegeben von Ios. Dobrowsky. Prag., 1826. – Гинцель в своем сочинении «Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der slawischen Liturgie»

(Leitmeritz, 1857) напечатал все латинские источники в подлинниках под заглавием: «Codex legendarum et monumentorum de SS. Cyrillo et Methodio nec non de liturgia Slavica agentium».

13. Шлецеров Нестор. Т. II, глава X. В критике виден протестант, отличающийся беспристрастием. Жаль, что ему были неизвестны Иоанн, экзарх Болгарский и биография Климента. – Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские первоучители» (перевод Погодина. М., 1825). Видно пристрастие римского католика, который отдает преимущество латинским легендам перед греческими и нашими источниками. – Шафарик. Обозрение истории моравов и словаков в его «Славянских древностях». – Митрополит Евгений в «Словаре духовных писателей» (т. II) статья «Мефодий и Константин». – Калайдович. Рассуждение о времени перевода нашей Библии. Сочинение в прозе и стихах, издав. Обществом любителей российской словесности (Ч. III. 1823). Его же «Иоанн, экзарх Болгарский» (1824) – в тех же «Трудах О. Л. Р.». Рассуждение М. Т. Каченовского «О славянском и в особенности церковном языке» (1817. Ч. VII). – Горский. О св. Кирилле и Мефодии, исследование (Москвитянин. 1843, № 6). – Мацеёвский. Essai historique sur l'eglise chrétienne primitive des deux rites chez les Slaves. Leipsic, 1840. – Новицкий. О первоначальном переводе Св. Писания на славянский язык. Писано в 1835 году. Киев, 1837. – Бодянский. Рассуждение, напечатанное в «Журнале Министерства народного просвещения» (1843, июнь), о том, что язык церковнокнижный есть славяно-болгарский. – Венелин во 2-м томе своего сочинения «Древние и нынешние Болгаре».

14. См. выше прим. 12. – О древней письменности славян («Журн. Мин. нар. просв. 1852. Март. Отд. II, стр. 152).

15. Кирилл и Мефодий, славянские просветители. Исследование Филарета, епископа Рижского. Напечатано в «Чтениях общ. ист. и древн. росс.» (1846, № 4).

16. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской церкви. СПб., 1846. Стр. 188–259. Перевод Св. Писания и богослужебных книг на славянский язык.

17. Расцвет славянской письменности в Булгарии. Соч. П. И. Шафарика. 1847. Перевод с чешского О. М. Бодянского, напе-

чатанный в «Чтениях Общ. ист. и древн. росс.» (Москва, 1848. Год третий, № 7).

18. «Указатель актов, хранящихся в обителях Св. горы Афонской» архимандрита Порфирия (Журн. Мин. нар. просв. 1847. Июль. Отд. II, стр. 41 и 57).

19. О времени происхождения славянских письмен. Сочинение О. Бодянского с 19-ю снимками. Москва, 1855.

(20. Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Von P. J. Šafařik. Mit einer Schrifttafel. Prag, 1858. Стр. 6. – Для желающих изучить в подробности движение всего вопроса укажем еще на два издания Шафарика: Památky Hlaholského písemnictvi. Vydal Pavel Josef Šafařik. V Praze, MDCCCLIII; Glagolitische Fragmente. Herausgegeben von Höfler und Šafařik. Prag, 1857.

21. «Древние письмена славянские» И. И. Срезневского (Журн. Мин. нар. просв. 1848. Июль. Отдел. II. Стр. 18. – Глагольское четвероевангелие В. И. Григоровича (Известия Академии. Т. II. Л. 16). – Следы глаголицы в памятниках X века. Записка И. И. Срезневского. Т. VII. Л. 22.

22. Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen. Von Wilhelm Wattenbach. Wien, 1849. – Geschichte der Slawenapostel Cyrill und Method und der slawischen Liturgie. Von Ginzel. Leitemeritz, 1857.

23. Об этом см. соч. О. М. Бодянского «О времени происхождения славянских письмен», стр. 94, 100, и друг. – «Обрете же ту (в Херсонесе Таврическом) Евангелие и Псалтирь русскими письмены писано, и человека обрет глаголюща тою беседою, и беседова с ним, и силу речи приим, своей беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа и согласнаа, и к Богу молитву творя, вскоре начят чести и сказати, и мнози ся ему дивляху, Бога хваляще». Шафарик разумеет здесь под именем русских письмен готфские, а под именем Евангелия или Псалтири, писанных русскими письменами, Евангелие и Псалтирь готфские, писанные Улфилиною грамотою.

24. Русская Беседа. 1858. № 1. Науки. Предисловие св. Кирилла, просветителя славянского, к переводу Евангелия. Стр. 108. А. Ф. Гильфердинга. – Блаженного учителя нашего Константина философа слово. Из Печского Евангелия XIV в. (Изв. Академ. Л. 161).

25. «Славянские древности» Шафарика. II. 29. Обозрение истории болгарских славян, § 8.

26. Сюда относятся слова черноризца Храбра: «Крестивше же ся, римскими и гречьскыми писмены нуждаахуся писати, словенскы речь без оустроениа; но како может ся писати добре гречьскыми писмены: Бог, или живот, или зело, ил церковь, или чаание, или широта, или ядь, или юность, или язык, и иная подобнаа сим. И тако беша многа лета». Сюда же относятся и статьи Фрейзингенской рукописи, содержащие в себе формулы исповеди славянской и славянское поучение, писанные латинскими буквами. См.: Собрание славянских памятников, находящихся вне России. Составлено Петром Кеппеном. СПб., 1827. 1–20.

27. *Legenda Moravica*. Egressus vero venit primo ad *Bulgaros*, quos divina cooperatrice gratia, sua praedicatione convertit ad fidem. – *Legenda Bohemica*. Ex legenda de S. Ludmilla. Sanctus Cyrillus... postquam Bulgariam ad fidem Jesu boni convertisset, in nomine sanctae trinitatis et individuae unitatis Moraviam est ingressus.

28. «О времени происхождения славянских письмен» О. М. Бодянского, стр. 33. Слова монаха градиштского или опатовицкого: Hac ipsa tempestate Cyrillus et Methodius, *inventis Bulgarorum litteris*, verbum Dei praedicaverunt Moravicis. 31-я стр. исследования сюда же относится.

29. Потом же (то есть когда посрамил иконоборца патриарха Иоанна, в житии Паннонском именуемого Аннием) шед в *Брегальницу*, и обрете от словенского езыка неколико крщенех. Крестив их приведе на православную веру, и написав им книгы словенскыим езыком, и сих ихже обрати на веру христианьску, четыре тысуще и пятьдесят». На Шафариковой карте славян показана речка Брегальница, текущая близ Кратова, в одинаковом, не очень далеком, расстоянии от Солуня и Охриды.

30. την ἱερὰν γραφην, μεταγλωττισθεῖσαν... προς τήν ἐνθάδε Βουλγάροις διάλεχτον ὑπο Κυρίλλου... χαί πρῶτον σὺν Μεθοδίῳ ττην ἱερὰν γραφην, μεταγλωττισθεῖσαν... προς τήν ἐνθάδε Βουλγάροις διάλεχτον ὑπο Κυρίλλου... χαί πρῶτον σὺν Μεθοδίῳ ττην ἱερὰν γραφην, μεταγλωττισθεῖσαν... προς τήν ἐνθάδε Βουλγάροις διάλεχτον ὑπο Κυρίλλου... χαί πρῶτον σὺν Μεθοδίῳ τῶ πάνυ διδασχαλῳ... τὼν Μυσῶν ἔθνει

31. См. перев. жития св. Климента проф. Меншикова, стр. 7. – «Расцвет слав. письменности» (Чтения о. и. и др. Росс, стр. 45).

32. Творения св. отцов в русском переводе. Год XIV. Кн. 1. 1856. Прибавления. О древних канонах св. Кириллу и Мефодию, стр. 40. «Переходя к действиям св. Кирилла собственно среди народов славянских, песнопевец намекает на то, что народы сии и ранее были уже отчасти знакомы с христианским учением, но тем не менее оставались во тьме неразумия, доколе не просветили их книгами греческие проповедники веры. Следует перевод из канона: „Кроткий милостию и полный Божьей мудрости, украшаемый правоверным учением, блаженный Кирилле, ты проходил города и страны, Богом уловленные, и благодатию просвещал, святый, еще не получивших спасительного ведения. Посему почитаем тебя священными пениями». Это было собственное призвание Кирилла – проповедовать закон Евангельский славянам на понятном для них языке. Следует еще перевод из канона: «Светодавен Бог наше, наделив тебя светом, как светило, явил в тебе учителя всему миру и послал тебя учить писаниям закона темные народы запада».

Кроме тех мест, который привел из канонов автор помянутой статьи, приведу еще некоторые места, относящиеся к делу по Синодальным минеям (№ 164 и 165). «Павлу блажену уму ученик бысть, его же детельм последуя пройде до край западныих слово расевая в языцех, в Каоне и в Риме, дух свой Богу своему в руце предаст». – «Обретеся новый Павел, премудре, весь мир богови приобрете, смысльно крьст Христов на ся вسприим, дойде до запад, святе, льсть идольскую вьсю разоряя, вься ереси, блажене, потребляя». – «От въстока пройде, яко сълньце светозарное, льсть прогна бесовьскую, богогласе, тучами книжныими сластьно напои вьсь мир слово раздая языком въпия: дети благосте!»

Болгарскими канонами пользовался я по письменной редакции В. И. Григоровича, который относит сочинение их к XI веку. Приведу из них относящееся к делу: «О вау святаа хвалится славно град солунскыи, Курило святе и Мефодие, Мисиа и Панониа и Моравьскаа блажене земе, славящи и впиющи: благословен Бог». О движении славянской грамоты от востока к западу говорится: «Яко солнца светлость вьстока тя х҃с вьси-

явь к западу, отче, посла мудра учителе, Мефодия всем, просвещающа грады многы и страны, буквами твоими почитающа вся книгы, богодъхновенный блажене, учениа духа пресвятого, нине молися непрестанно о хвалящих тя». – О том, что это первоучители всех славянских народов, замечательны слова: «Одесную престояща Пресвятыя Троице учителе, молитася съхранити стадо славенское».

В дополнение к библиографии, касающейся вопроса об изобретении славянской азбуки, мне приятно указать на статью А. С. Хомякова «Несколько слов о глаголице», которая напечатана была в V томе «Русской беседы» нынешнего года, когда уже я давно окончил печатанием мою третью лекцию. Весьма остроумная догадка, касающаяся изобретения буквы *ч* по ее древнейшему написанию: «Чаша была поставлена как знак самого звука». Но невольно приходит на мысль вопрос: отчего же буква не названа была именем чаши, если дана ей эта форма?

33. Так думает протоиерей Павский в своих глубокомысленных и остроумных «Филологических наблюдениях» (стр. 14. Рассужд. I.); но мы в этом случаев позволяем себе не согласиться со славным нашим филологом, которого вполне уважаем. Стоит сличить нашу древнюю азбуку с коптскою (См.: Hippol. Rosellinii Elementá linguae Aegypticae vulgo Copticae. Romae, 1837), и тотчас можно видеть, что многие буквы, особенно *щ*, заимствованы из коптской азбуки. Нельзя не заметить, как умно черноризец Храбр отличает широту славянских звуков от тесноты звуков греческих: «Тем бо (то есть грекам) подобися святый Кирил створи прьвое писмя азь. Но яко и прьвому сущоу писмени *азь*, и от Бога даноу родоу словенскомоу на отвръстие оуст, в разоум оучящимся буквам, *великом раздвижением* оуст възгласятся, а она писмена (то есть греческие) *малом раздвижением оуст възгласятся и исповедаются*».

34. Слово *грубый* неуместно употреблено Шлецером. Тот язык не мог быть груб, в котором нашлись уже силы для того, чтобы собственными словами передать всю глубину Священного Писания.

35. О глагольской письменности. Рассуждение П. Прейса в «Журн. Мин. нар. просв.» (1843, март. Отд. II. Стр. 201).

36. О времени происхожд. слав. письм. Стр. 154.

37. «Закон благодати наказателе стяжавси, святителю Мефодие, тем убо бысть святым буквам премудр обратник и предал еси своим людем и стаду учение их» (из рукописного канона, принадлежащего В. И. Григоровичу. Об этом см. у О. М. Бодянского, стр. 82).

38. «Московские глагольские отрывки» О. М. Бодянского (Чтения. 1859. Стр. 8).

39. Текст приведен по Остромирову Евангелию, которое могло быть третьим или четвертым списком с первоначальной рукописи Константина и Мефодия. Неизвестный критик «Отеч. запис.» подвергал сомнению этот факт. Архиепископ Филарет в своем исследовании о Кирилле и Мефодии (Чт. Общ. и. и др. росс. 1846. № 4. Стр. 5) вступился за его истину. Критик не имел понятия о том, что Евангелие апракос начинается словами благовестия Иоаннова: «Искони бе Слово».

40. Известие о том, что болгарские славяне пользовались славянским богослужением прежде, чем моравские, принадлежит греческой биографии болгарского архиепископа Климента. Архиеп. Филарет в помянутом исследовании опровергал мое показание, говоря, что такого известия нет в биографии Климентовой. Не имев ее тогда под рукою, потому что в России не было ни одного экземпляра, я заимствовал свое известие из сочинения Добровского, который так приводит слова биографа: «Но поелику народ славянский или болгарский не понимал писания, на греческом языке предложенного, то святые почли сие великим неудобством. Они молили Утешителя, от Которого дарования языков и пособие слова происходит, ниспослать им способность к изобретению письмен, соответствующих грубости языка болгарского; молитва их была услышана, и они изобрели славянские буквы, перевели Богом дарованные писания с греческого языка на болгарский и старались сообщить Божественные словеса достойнейшим ученикам своим. Между почерпавшими из источника их учения находились ликоначальники Горазд, Климент и Наум и Ангелар и Савва». Далее сказано: «Еще прежде сделал он (Мефодий до путешествия в Моравию) учеником своим владетеля болгарского, Бориса, бывшего под покровительством императора Михаила, и вдохнул в него особенную любовь к прекрасному отечественному языку, сообщая ему беспрестанно благодетель-

ные дары слова, ибо Борис был способен к благому учению и ко всякому добру. При нем болгарский народ начал принимать божественное крещение и христианство. Святые Кирилл и Мефодий, увидев множество верующих и великую потребность в духовной пище, изобрели, как выше сказано, новые письменные знаки и изготовили преложение Писания на болгарский язык, да исповедует народ болгарский, освобожденный от скифских заблуждений, Христа, путь истинный, непреткновенный. Обращение сего народа произошло в лето от сотворения мира 6377 (869)». Под этим надобно разуметь обращение всего болгарского народа в христианство. Крещение же Бориса и высшего сословия относит наша летопись к 858 году. Когда биография Климента сделалась мне доступною, я увидел сам, что приведенное мною известие на основании книги Добровского справедливо.

41. Это было в церкви Santa Maria Maggiore. В житии св. Мефодия она названа *фанта*, то есть φάτνη по-гречески, praesepe на латыни, – ясли Иисуса Христа, которые по преданию, хранятся в этой церкви, и теперь называемой S. Mariae ad praesepe, но более Santa Maria maggiore.

42. У Венути в его «Accurata, e succinta descrizione topografica, e istorica di Roma moderna» (T. I. p. I. Pag. 73) сказано: «Si conservano in detta chiesa i corpi di S. Clemente Papa, di S. Ignazio Vescovo e Martire, del Beato Cirillo Apostolo de' Moravi, Schiavoni e Boemi». Тамже, стр. 74: «Vi si osservano due rarità; la prima é l'antica divisione delle tre parti della chiesa, del Nartece, dell' Ambone, e del Santuario».

43. Все это место выписано из румянцевского «Хронографа» казанским ученым г. Ивановым в его любопытных исследованиях об источниках русских летописей и Нестора (см.: Ученые записки Казанского университета. 1844. Стр. 64). Чтобы понять смысл, в каком писатель «Хронографа» называет славянский язык перевода Константинова русским, надобно припомнить его же слова: «Русь убо и словяне обое един есть род».

44. В конце жития св. Мефодия говорится о иопаторской ереси, под именем коей до́лжно разуметь латинян, которые утверждали, что Дух Святый происходит от Отца и Сына (Πατρὸς χαὶ Υιοῦ или Ὑιοῦ χαὶ Πατρὸς). По случаю этого замечательны слова римского католика Добровского, который говорит в своем

исследовании о Кирилле и Мефодии: «Папа спрашивал потом Мефодия в присутствии других епископов, так ли он исповедует Символ православной веры, как тому учит Римская церковь и как обнародовали святые отцы на шести вселенских соборах? Это очевидно относится к жалобе немецких епископов, кои приняли уже в символ прибавление Filioque и коим посему символ без Filioque, как оный исповедовался греками и Мефодием, был соблазнителен. Папа указывает здесь на Римскую церковь и на первоначальное сочинение Символа на вселенских соборах. В Римской церкви, впрочем, Filioque долго еще не прикладывалось. Папа Лев III повелел вырезать Символ на серебряных досках в 809 году по-гречески и по-латыни без сего прибавления, и Паджи думает, что уже после 1040 года пелся первоначально Символ в Риме с Filioque; также гораздо позднее, на соборе Лионском 1274 года, позволено было грекам, которые присоединялись к Латинской церкви, петь Символ по первому сочинению оного, без Filioque».

45. Мацеёвский, стр. 93.

46. «Слав. древности» Шафарика. Т. II. 33. § 3. Ut nullus Episcopus nostrae provinciae audeat in quolibet gradu slavinica lingua promovere.

47. Librilinguae eorum (православных) omnino et disperiditi, nequaquam ulterius in eodem loco recitabantur (Chron. Sazaviens ap. Cosm. I. P. 102).

48. «Расцвет славянской письменности». Статья Шафарика, перевед. Бодянским в «Чтениях» 1848 года, № 7.

49. Замечательно, что летописец приводит известие о изобретении славянской грамоты Кириллом и Мефодием перед тем, как ему говорить об Олеговом договоре, чтобы оправдать, как кажется, возможность этого памятника.

50. Слова Шлецера: «Болгария, которую Нестор именно означает, теперь очень мало нам известна; мы не знаем даже славяно-болгарского наречия. Можно надеяться, что в тамошних монастырях есть еще рукописи, писанные древним кирилловским письмом».

51. Кроме древних мнений, видных из наших летописей, так думал и Коль, первый профессор славяноцерковного языка в Академии наук.

52. Нельзя не припомнить здесь замечательных слов Бандтке: «Дай Боже, чтобы славяноцерковное наречие, как первый, или, по крайней мере, древнейший нам известный источник славянского языка, было изучаемо всеми народами славянскими, – хотя не ради единства Церкви, но ради высшего ученого образования, ради сохранения славянской народности, для того, чтобы нам не онемечиться, не отатариться, не отуречиться (прибавлю еще: не офранцузиться и не омадьяриться), для того, чтобы не отпасть от общего источника народности, который не иссяк, несмотря на бури десятивековые».

53. Таково мнение О. М. Бодянского, основанное на древнем написании слова «язык» («ѫзык»). Вот его слова: «корень будет *ѫзь*, оттуда *юза* – связь, чем прекрасно выражается то назначение этого органа всего живущего, по которому он соединяет, связывает, сближает нас с другими».

54. Ломоносов сожалел об утрате дательного самостоятельного и затруднялся в его употреблении, но предчувствовал, что этот оборот может быть возвращен языку (§ 533 его «Грамматики»). Жуковский, вышедший из школы мнимых врагов языка славянского, возвратил этот оборот языку русскому:

Ревущей бурей, бес предстал.

Или корабль:

Вдруг с волной упадает и, кругом взгроможденному морю,
Видит как будто из адския бездны далекое небо.

Пушкин внес опять в язык употребление славяноцерковного относительного местоимения, заменяющего неблагозвучное *который*:

Ты мне была единственной святыней,
Пред *ней же* я притворствовать не смел.

Или:

Его ж они прославили заране.

Лекция четвертая

1. Обе Владимировы монеты принадлежали сначала ст. сов. М. В. Могилянскому в Киеве. Серебряная находится теперь в музее Общества истории и древностей российских. Обе описаны в книге П. И. Кеппена «Список русским памятниками, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии» (М., 1822. Стр. 1 и 2). Кроме того, о тех же монетах см. статью А. В. Воейкова в «Вестнике Европы» 1816 года, № 12, стр. 315. О Черниговской медали см. статью профессора Крузе в «Журнале Минист. нар. просвещ.» (1836, февраль). Исследователь относит медаль ко временам Василия Македонского и полагает ее византийскою. Она же описана в «Списке памятников Кеппена» на стр. 3–11. О надписи в Десятинной церкви: Там же, стр. 12. Также у Карамзина, «И. Г. Р.», т. I, прим. 473, стр. 187. Снимок с самой надписи в приложениях к VIII тому «Истории» Карамзина, стр. 143. (Разумею везде второе ее издание.)

2. Обе присяги приведены в известной хронике аббата Нитгара († 853), которому мы обязаны историей распрей между сыновьями Людовика Благочестивого. Я привел присягу народа или войска. Приведу присягу и самих королей. Вот французская Людовикова: «Pro deu amur et pro christian poble et nostro commun salvament, d’ist di en avant, in quant deus savir et podir me dunat, si salvarai io cist meon fradre Karlo et in adjudha er in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradre salvar dist in o quid il mi altresi fazet et ab Ludher nul plaid nunquam prendrai, qui meon vol cist meon fradre Karle in damno sit».

Вот немецкая Карлова, на франкском наречии: «In Godhes minna ind durh tes christianes folches ind unser bedhero gehaltnissi, fon thesemo dage frammordesso fram, so mir God geuuizei indi mahlt furgibit, so hald ih tesan minan bruodher Luoduuig, soso man mit rehtu sinan bruodher scal inthin thaz er mig so soma duo indi mit Lutherem in no theinni thing ne gegango, zhe minate uuillon imo ce scadhen werhen».

3. О запретительном каталоге Павла IV, см.: Hallam. Histoire de la literature de l’Europe, t. II, 366. Hosius всвоемсочинении «De eo, num calicem, et uxores sacerdotibus permitti, ac divina of-

ficia vulgari lingua peragi, fas sit. Dilingae», 1560. Словаего: «Quia etsi nos non intelligimus, quae de ore proferimus, illae tamen virtutes quae nobis adsunt, intelligunt et velut carmine quodam invitatae adesse nobis et ferre auxilium delectantur».

4. Слова Экономида: «Перелагатели св. книг удержали свойства славянского сочинения, соединяя с ними свойства и греческого, не делая, впрочем, насилия ясности в языке». Экономид при всем своем желании доказать преобразование славянского языка по форме языка греческого должен был, однако, уступить доводам Добровского и написать эти слова. В синтаксисе Добровского прекрасно указаны как греческие обороты, вошедшие в славянский язык, так и все коренные его свойства, оставшиеся неприкосновенными. Замечательно, что во всех этих коренных свойствах мы узнаем свойства нашего собственного наречия.

5. «История христианства в России» преосвящ. Макария (1846. Стр. 215–228).

6. Находится в болгарской рукописи, писанной в 1348 году для царя Иоанна Александра и хранимой в Синодальной библиотеке. Подробное содержание этого исповедания изложено у арх. Филарета в его статье о славянских просветителях. Шафарик приписывает его другому Константину, ученику первого, но имя брата Мефодия тому противоречит.

7. Русская беседа. 1858. I.

8. Напечатано в «Москвитянине» 1844 года, № 1, стр. 241.

9. Об этой молитве в «Обзоре духовной литер.» арх. Филарета, стр. 3.

10. Находится в рукописной Минее, месяц январь, в библиотеке Московской духовной академии. Об этом в «Расцвете славянской письменности Шафарика», который приписывает сказание Клименту.

11. См. в алфавитных указателях к описанию библ. гр. Толстого, к «Описанию Румянц. муз.», к каталогу библиотеки Царского и библиотеки Общ. ист. и др. росс.

12. «...И хьрсона дошьд, научи се ту жидовьской беседе и книгам, осьми чести прелож граматикие, и от того разумь вьсприемь».

13. «От многа же убо се мы укращьни в мале положихом селико, памети ради. А иже хощеть сьврьшенныхь сих бесед ис-

кати истыхь, в книгахь его обрещеть е, елико преложи учитель нашь архиепископь Мефодие, разьдель е на осмь словесь, и ту узрить словесную силу от божие благодети...» Для того чтобы видеть заимствование Цамблаково, можно сравнить 347 стр. в 3-й части моей «Истории р. слов» с 12 стр. Кириллова жития по изданию Шафарика.

14. Histoire de la littérature grecque, par Schoell. T. VI. 1824, стр. 214 и 215. Первые издания «Speculum sapientiae» относятся к 1470 году. Издание Балтасара Кордье, Венское к 1630. Первый указал на эта князь М. А. Оболенский в своих примечаниях к изданию «Летописца Переяславля Суздальского».

15. Из его жития: «преложив борзе вся книгы исполнь, разве Маккавеи». – «Псалтырь бо бе токмо и Евангелие с Апостолом и избранными службами и церковными с Философом преложил первее».

16. Из Иоанна экзарха: «Архиепискуп Мефодий, брат его, приложи вся уставьныя книги ξ от елиньска языка, еже есть грчьск, в словенск». – «История христ. в России и проч.», стр. 228. – «Славянские просветители» Филарета, стр. 23 и 24, прим. 43. – Дополнение к той же статье. «Чтения общ.» (1847, № 5, стр. 43).

17. Расцв. слав. письм.

18. «Тогда же номоканон, рекше закону правило, и отечьскыя книги преложи».

19. Русская беседа. 1859. Ч. II. Науки. Греческая служба св. первоучителям славянским в житии св. Наума Болгарского.

20. Творения св. Климента подробно указаны В. М. Ундольским в письме к О. М. Бодянскому, напечатанном в «Чт. общ.» (1848, № 7). В предисловии к статье «Славянорусские сочинения», стр. X.

В сборниках упоминаются у нас слова Климента: 1) Слово похвально о четверодневнем Лазари, 2) Похвала на преставление св. Владычица нашеа Богородица, 3) Слово похвальное на собор св. Архангел Михаила и Гаврила, 4) Слово на память блаженного Захарии и о зачатии Иоанна Крестителя. Но трудно решить, какие из них собственно принадлежат Клименту Болгарскому. Издание его творений, предпринятое В. М. Ундольским при содействии Общества истории и древностей рос-

сийских, конечно, разрешит нам этот вопрос. Нельзя довольно нарадоваться подобному предприятию. Прекрасно было бы издать труды всех древних болгарских писателей X века по порядку. В описании содержания «Великих Четиих Миней» приводятся: 1) Мефодия епископа Моравского о вещи и самовластве; 2) О книге Мефодия епископа Моравского; но здесь, вероятно, ошибка – «Моравского» вместо «Патарского».

21. «Очерк путешествия по Европейской Турции» В. И. Григоровича. Казань, 1848.

22. Век болгарского царя Симеона. Сочинение С. И. Палаузова. СПб., 1852.

23. Перевод Симеона под заглавием «Златоструй с его собственными прибавлениями» значится в каталоге рукописей библиотеки бывшей графа Ф. А. Толстого (Отд. I, № 47).

24. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Т. 2, стр. 31.

25. Иоанн, экзарх Болгарский. М., 1824. Здесь указаны и рукописи, в которых находятся творения и переводы Иоанна. Сан экзарха Шафарик так объясняет: «Строитель церковный, обходник, посол или легат Патриархов».

26. Расцвет славянской письменности. Стр. 49–51.

27. Временник Моск. общ. ист. 1851. Кн. IX. «Летописец Переяславля Суздальского с предисловием и описанием рукописи кн. М. А. Оболенского», стр. XIII, XVI, XIX и XXII.

28. «О книгах истинных и ложных и о суевериях» Иоанна экзарха, стр. 208. «Расцв. слав. письм.», стр. 56.

29. Слово *нети* Игорев не соответствует ли греческому ναιέτης – житель, обитатель, жилец или древний быль? Круг находит здесь сходство с немецким Neffe, племянник. Слово *ключь* упоминается в перемирной сделке, предшествовавшей договору: «И заповеда Олег дать воем на 2000 корабль по 12 гривен на *ключь*». Это слово объясняемо было различным образом. Издатель Кенигсбергского списка разумел под ним *судно*. Шлецер не знал, как с ним справиться (645 стран, т. II). Карамзин объяснял, что это означает человека, по обычаю русских людей носить ключ (т. I, прим. 310, стр. 127); но объяснение не приходится к смыслу. Олег прежде просит дани на каждого человека 12 гривен, а потом торгуется и убавляет вместо каждого человека на

ключь. Иные думали, что это весло, другие – лодка. Никто не обратил внимания на греческое слово χλῃίς, означающее и ключ, и лавку гребцов. Вспомним у Гомера: νῆες πολυχλήίδες (корабли о многих ключах, или весельных лавках). Мне кажется, это след грецизма и явное свидетельство, что договоры переведены с греческого. Объяснение приходится и к самому делу. Олег, сначала требовавший по 12 гривен на человека, сбавил потом и требовал по 12 гривен на ключ, то есть на лавку гребцов. Необходимо бы было перевести договоры на греческий язык X столетия, согласив его с хрониками византийскими этого времени. Тогда бы еще яснее утвердилась их достоверность.

30. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Сочинение Николая Лавровского. СПб., 1853. Стр. 15 и 135.

31. Договоры с греками. Записка И. И. Срезневского. Напечатана в исторических чтениях о языке и словесности. СПб., 1855.

32. Памятники X века до Владимира Святого. Записка его же. Напечатана там же.

33. Die Edda. Von Fr. Rühs. Berlin, 1812. Стр. 185, 188, 239.

34. Die Walkyrien der skandinavisch-germanischen Götter und Heldensage. Aus den nordischen Quellen dargestellet von L. Frauer. Weimar, 1846.

35. Тамже, стр. 52, 55, 81.

36. Шлецеров «Нестор» в перев. Д. И. Языкова, т. I, стр. 349 и 338.

37. Там же, т. II, стр. 766.

38. Степенная книга, т. I. стр. 7–9.

39. «Исследования, замечания и лекции о Русской истории» М. П. Погодина, т. III, стр. 104–106. Саксон Грамматик рассказывает, что Гадинг, король датский, осаждая Гандувана, короля Геллеспонта, в городе Дуне, прибегнул к той же самой хитрости, как и Ольга, и сжег город посредством птиц.

40. Лавр. лет., стр. 51. Степен. кн., ч. I, стр. 143.

41. Слышано около Мурома.

42. Цид говорит отцу: «en mal hora» – самую сильную брань у испанцев, соответствующую римской «accidenti» и не-

мецкому «zum Teufel», как и переведено в новом переводе у Региса (1842):

Lasst los, Vater, in's Drei-Teufels
Namen! lasst, zum Teufel, los!

Замечательна ошибка в старинном переводе Гердера. У него отец не жмет рук сыновьям, а связывает их, что дает другой смысл гневу сына, оскорбленного таким бесчестием. Но все произошло оттого, что Гердер не понял значения глагола llegar (arriver, дойти); он думал, что это значит связывать – и стих:

Mas cuando llegó á Rodrigo

ввел его в эту ошибку. Вместо того, чтобы перевести его:

Но когда он дошел до Родрига,

– Гердер дал ему такой смысл в своем вольном преложении, что отец связывает Родригу руки. Самый ответ сына умягчен в переводе Гердера. Вероятно, он пользовался текстом оригинала, искаженным какими-нибудь испанскими монахами. В том обвинять Гердера нельзя, потому что Западная Европа только недавно получила исправный текст романсов о Циде.

43. Г. Никотин, которому я много обязан сообщением этого прекрасного и многозначительного предания, засвидетельствовал мне, что он передал его точно так, как слышал из уст рассказчика Сибиряка. Слог предания он старался сам настроить на лад русских песен. Все означенное вносными знаками взято из рассказа, написанного г. Никотиным.

Не знаю, на каком основании г. Мей, печатая это сказание в «Современнике», изменил в нем текст, напечатав вместо «Силу небесную» – «силу нездешнюю». Г. Буслаев в своей речи «О народной поэзии в древнерусской литературе» ссылается на текст, измененный г. Меем. Под именем нездешней силы народ разумеет нечистую силу, а не небесную.

Лекция пятая

1. Кенигсб. список, стр. 61.

2. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Стр. 85. X песня: О женитьбе князя Владимира.

3. Там же, стр. 45. Волх, сын молодой княжны Марфы Всеславьевны, называется также Всеславьевичем, хотя отец у него был змей. Не имеет ли это отношения ко Всеславу, князю Полоцкому, который в «Слове о полку Игореве» является великим кудесником?

4. Там же, стр. 22.

5. Там же, стр. 187.

> Меня, осударь, зовут Алешею Поповичем,
> Из города Ростова, старого попа соборнаго.

6. Там же, стр. 22. Но Волынь и Галицкая земля, названная красною, то есть Червонною, Русью, тут же смешана с Северною Карелою:

> Из славна Волынца, красна Галичья,
> Из тоя Карелы богатыя.

7. Сказания русского народа, изд. Сахарова. Книга четвертая; Русские народные былины. Стр. 11. Здесь Никита, отец Добрыни, назван богатым рязанским гостем, а мать Добрыни – Амелфою Тимофеевною. Добрыня во всех преданиях носит отчество Никитича.

8. Кирш. Данил., стр. 160.

9. Там же, стр. 252.

> В дальну Орду, в Половецку землю.

10. Там же, стр. 201, 265. Царь Саул Леванидович едет в свое царство Алыберское. В «Слове о полку Игореве» Ярослав действует с разными народами, в том числе и с ольберами.

11. Кирш. Данил. Стр. 201. Сорочина имеет отношение к сарацинам; алюторы или олюторы – сибирский народец в Ир-

кутской губернии. Моск. гор. листок. № 192, стр. 769. О чукчах и олюторах, народце, с чукчами живущем.

12. Там же, стр. 242–251.

13. Там же, стр. 71 и 146.

14. Там же, стр. 95.

15. Тамже, стр. 211.

16. Soldan, Geschichte der Hexenprocesse. 1843. Стр. 175–222. Иннокентий VIII говорит: «Haeresis est maxima opera maleficarum non credere». Вот что произошло в XVII столетии в Германии, в местечке Линдгейм: «Пять или шесть женщин были преданы пытке с тем, чтобы дознать от них, не они ли на кладбище того местечка не за долгое время вырыли умершего младенца и сварили для своих чарований. Женщины сознались. Муж одной из этих несчастных достиг того, что могила была разрыта в присутствии священника и многих свидетелей. Открыли гроб и нашли в нем младенца нетронутым. Но фанатик-инквизитор почел нетронутое тело за дьявольское привидение и настоял на том, что так как женщины уже во всем признались, то признание их гораздо важнее, нежели то, что будто бы видят глаза, а потому и следует сжечь их "во славу Триединого Бога", Который повелел истреблять чародеев и ведьм. Женщины в самом деле были сожжены». Там же, стр. 257.

17. См.: Рассуждение о ересях и расколах, бывших в Русской Церкви, соч. Николаем Рудневым. 1838. Здесь высчитаны подобные случаи, приводимые в летописях (стр. 4–10).

18. Истор. Татищева. Т. I. стр. 39.

19. Кирш. Данил. Стр. 192.

20. Там же, 61 стр.

21. Кирш. Данил. Стр. 215–225. Поток Михайло Иванович. В этом предании замешаны и соборные попы, как принявшие уговор на обрученье и участники в последней казни чародейки, которая называется Авдотьею Лиховидьевною. Отчество показывает, что она дочь какого-нибудь кудесника. К соображению при этом до́лжно принять обычай окапывания на земле жен-мужеубийц или просто убийц до пострижения их в монастырь, как это видно из двух грамот, напечатанных в V томе «Актов исторических» (№ 14 и 80).

22. Гораздо важнейшую роль, чем другие животные, играют у древних индийцев змеи. В эпизоде «Махабхараты» На́ляс, змей, олицетворяет мудрость. (В поэме Жуковского: Наль и Дамаянти, примешаны картины из других преданий.) У поэтов рядом с богами и брахманами упоминаются почти постоянно змеи (*на́га*, собственно *неходящие*, то есть не ногами ходящие, – *ура-га*, ходящие грудью, – *панна́га*, ногами не ходящие, от *над* – *нога*, *на* – *не*). Лассену показалось даже, что эти змеи, равно как и обезьяны в Рамаяне, не были особые народы, бывшие в союзе или во вражде[1] с племенами древних индийцев. Важную роль в санскритском миростроении играет *царь* змеев, называющийся собственным именем *Сешас*. Вот, например, какую он роль играет в «Бхагавад-пуране» во время творения Вселенной. Из пупка покоящегося Вишну прозябнул, распустился и расцвел лотос. В чаше этого лотоса покоился Брагма. Долго покоился он на цветочных листьях; наконец любопытно ему стало выглянуть из своей колыбели. Он приподнялся, посмотрел на все четыре стороны, и у него образовалось четыре лица: восточное, южное, северное и западное. Приобрел он четыре лица, но не увидал ничего, кроме бушующих волн океана и смутного пространства. Любопытно ему стало, что же такое этот лотос, в котором он очутился, что́ такое сам он, откуда взялося все это? – и, томимый пытливостью разума, он опустился вниз внутренностью ствола своего лотоса, чтобы найти по крайней мере корень лотоса, найти, на чем он основан; но, чем глубже он опускается, тем длиннее становится стебель, и не дошел он до корня. Смущенный неудачею своих эмпирических исследований, Брагма воротился назад в цветочную чашу и, уничтожая себя перед лицом бесконечного, погрузился в созерцание. В это время в глубине собственной его души Единый (экас) явился ему в следующем образе: «Он восседал на змие (сэша), который служил ему ложем, светло-голубым, как фибры лотоса; блеск, исходивший из алмазных зубов, венчавших голову этого змея, разгонял мрачность волн...» (Сообщено К. А. Коссовичем). Змея у индийцев является символом жизни или первоначального духа. Будда Парсва изображается в сопровождении этого сим-

[1] Так думал и Вильфорд.

вола (Rhode. Ueber religiose Bildung der Hindu's. T. I, стр. 356). Вот откуда может объясниться, почему Поток головою Большого змея возвращает жизнь телу жены своей.

23. *Наст* – поверхность снега, замерзшая после оттепели. Отсюда ненастье. (Замечание К. Ф. Калайдовича.)

24. Кирш. Данил. Стр. 45– 53.

25. Сказку об Илье Муромце я предложил по изданию г. Сахарова «Русские народные сказки» (СПб., 1841, стр. 65). В «Москвитянине» 1843 года, № 11, напечатана также народная сказка «Илья Муромец», списанная со слов крестьянина г-м Ядовиным. В ней главные события сходны с преданием, но многие подробности пропущены, например все сиденье Ильи и приход нищих, давших ему силу; другие, напротив, прибавлены, например смерть Катюшки, дочери Соловья-разбойника, которую Илья убивает плеткой. Под конец Илья выходит из себя, вынужденный к тому князем Владимиром, который не так честно с ним поступает. Видно, что эта сказка есть искажение предания, перенесенного в другое место. Она была записана в Шенкурске Архангельской губернии, слишком далеко от своей родины.

26. Старинные великорусские песни, записанные священником Е. Фаворским в селе Павлове Нижегородской губернии. Приб. к: Изв. памятники и образцы народного языка и словесности. Л. VI.

27. Московский сборник. Т. I. 1852. Стр. 344. Весьма замечательно предисловие к песням А. С. Хомякова.

28. Былины или побывальщины, собранные г. Гудяевым. Памятники и образцы народн. яз. и словесн. Л. X. – Москвитянин. 1843. № 11. – Былины или побывальщины, называемые также старинами. Собраны в гор. Онеге г. Верещагиным. Пам. нар. яз. Л. XXIII.

29. Китай, соч. монаха Иакинфа. СПб., 1840. Стр. 34. «Удельные князья собирали в своих владениях народные песни и представляли главе империи, который судил по оным о нравах и правлении в уделах».

30. Для полноты библиографии, относящейся к нашему предмету, мы указываем на замечательную статью К. С. Аксакова, напечатанную в «Русской беседе» (1856, № IV) «Богатыри времени великого князя Владимира по русским песням». Здесь

довольно подробно и верно указаны черты богатырей; но не можем никак согласиться с мнением автора в примечании к его статье, чтобы очерки богатырей, им сделанные, подтверждались и дополнялись всеми вновь напечатанными песнями.

Безобразие пьянства искажает древние образы песни, как мы видим. К этому присоединяется еще и куренье табаку. Трубка и цигара появились также в современной народной песне. Обычай не столько безобразный и вредный для нравственности народной, сколько опасный и вредный для его благополучия! От трубки беспрерывно горят деревни, села и города – бедствия ежедневные, стоящие России миллионов, нажитых веками, а пропадающих минутами!

31. Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Часть 1-я. Русские народные стихи. Чтения Общ. ист. и древн. росс. № 9. 1848.

32. Из недоступных источников почерпнут стих о Голубиной Книге; из Ветхого Завета – стих об Иосифе Прекрасном, примененный к удельным междоусобиям братьев; из Нового Завета – стих о Страшном Суде, стих о богатом и убогом Лазаре; из житий святых – стих о Егории хорабром, имеющий отношение к московскому гербу, о Елисавете прекрасной, об Алексии Божьем человеке, о Димитрии Солунском, о Николе Святителе, об Анике воине, о Федоре Тироне (в котором представлен образец покорного и благочестивого сына), о Борисе и Глебе (также с применением к междоусобицам), стих Иоасафия царевича к пустыне (из жития св. Варлаама и Иоасафа), имеющий отношение к пустынножительству нашему в XIV и XV веках. Из богослужебных песней взята похвала Божией Матери: это преложение акафиста в стихи.

33. В Эдде есть предание о великане Имере, из трупа которого творится весь мир: из тела – земля, из крови – море и озера, из костей – горы, из зубов – камни, из черепа – небо, из мозга – облака (Rühs. Edda. Стр. 169). Конечно, только одною ученою натяжкою можно бы было найти здесь какое-нибудь соотношение с нашим стихом. Между скандинавским преданием об Имере скорее можно найти соотношение с подобным преданием о создании мира, которое находится в одной главе Ригведы (Айтарейя Арания). Здесь создание большего и малого мира,

Вселенной и человека представлено фантастически в чудном взаимном соотношении. Тожественность мифа индийского и скандинавского очевидна, но первый гораздо знаменательнее и живее второго.

34. Известно общее средневековое мнение о Иерусалиме, что он стоит посереди, или на пупе земли. У Данта в поэме основаны на этом его астрономические замечания. О пупе земном говорится в «Хождении» Даниила Паломника: «И ту есть возле стены за олтарем (церкви Воскресения Христова) пуп земный» (см. издание Сахарова, стр. 13). Поводом к этому преданию не послужило ли место в пророке Иезекииле (гл. 38, ст. 13): «еже обратити руку мою на землю опустошеную, яже населися, и на язык собраный от язык многих, сотворивших притяжания имений, и *живущих на пупе земли*».

35. Об этом месте, на котором плакала Божия Матерь, есть такие слова в «Хождении» Даниила Паломника, составляющем любимое чтение нашего народа в Древней Руси: «Место, где же плакала Святая Богородицы, то место есть на пригории том. На то место притече скоро Святая Богородица, тщаше бо ся текуще в след Христа и глаголаше в болезни сердца Своего слезящи: “Камо идеши, чадо Мое? И чесо ради течение се скоро течеши? Егда другий брак в Кане Галилеи, да тамо ли тщишись, сыне Мой и Боже Мой, не молча Мене отъиди сыне рождшая Тя? Дай же Ми слово рабе Твоей”. И прииде на место то св. Богородица, и узре с горы Сына Своего распинаема на кресте, ужасеся вельми, и согнувся седе, печалию и рыданием одержима бяше» (изд. Сахарова, стр. 16).

36. «И обрет же ту Евангелие и Псалтырь руськыми писмены писано, и человека обрет глаголюща тою беседою, и беседовав с ним, и силу речи прием, своей беседе прикладае различии писмень, гласная и сьгласнаа, и кь Богу молитву дрьже, и вьскоре начеть чисти и сказовати, и дивляху се ему, Бога хваляще. Слышавь же, яко светый Клименть еще в мори лежить, помоливь се рече: верую в Бога и о светемь Клименте надею се, яко обрести его имамь и изнести изь моря. Убеждь же архиепископа и с клиросомь вьсемь и говейными мужьми, и вьседьше в корабле идоше на место. Утишивлу се морю велми, дошьдше начеше копати поюще, и абие бысть благоухание много, яко и

кадило много, и по семь явише се светые мощи, еже вьзьмше сь великою честию и сь славою вьсехь граждан вьнесоше вь градь, яко же пишеть вь обретении его» (Из жития св. Константина). Шафарик, а за ним и другие полагают, что здесь под именем русских письмен надобно разуметь готфские; но о готфах, имеющих свои письмена, далее упоминается в житии, и сам св. Кирилл в прении своем с венецианскими триязычниками называет их именем готфов. Здесь, напротив, из подробностей сказания видно, что св. Кирилл встретил соплеменника, потому что сейчас же заговорил с ним и немедленно усвоил показанную ему грамоту.

Приведем еще для полноты объяснения этого места в народном стихе тропарь, воспеваемый Церковью священномученику Клименту, папе Римскому, ноября 25: «Иже от Бога чудодействы преславно удивляя вселенныя концы мира, священный страдалче, паче естества морю составы водам содеваеши разделение, в честней памяти твоей, всегда притекающим усердно, в богоданную ти церковь, чудесным твоим мощем, и по всенародном хождении море во едино течение чудодетельне твориши, Клименте предивный, моли Христа Бога спастися душам нашым».

37. По преданиям индийским, вместо кита слон головою своею поддерживает землю: когда чешется у него в голове и он пошевеливает ее несколько, тогда бывает землетрясение. Вся же Вселенная покоится на одной из голов змия Сэша.

38. Зверь Индрик своим именем указывает также на наше родство с индийскими преданиями. Заметим еще, что имя Индрика встречается и в прозвищах народных. Акты археогр. эксп. Т. 2. № 142.

39. В народе сохранились предания о Святой горе, то есть Афонской, которая у нас по преимуществу зовется Святою, потому что от нее ведет начало свое жизнь наших пустынников.

40. Читая эти стихи, невольно припоминаешь Виргилиевы:

extreme per illos
Iustitia excedens terris vestigia fecit.

Georg. II, 473, 4

И Правда, землю покидая,
У них последние оставила следы.

41. Нельзя не заметить сходства между этим стихом и отрывком из одного слова, приписываемого Кириллу Туровскому, но вернее принадлежащего Авраамию Смоленскому: «И тако, и нужею страшною душа от телеси изидеть, и станеть одержима душа, зрящи на свое тело; яко же бо кто изволкся из ризы своея, и потомь стал бы, зря ея: тако станеть душа на свое тело зрящи, от негоже изыде, умилно к Аггелом взирающи, и виде дела своя пред собою поставлена, или добрая, или злая, и яко в всех извещаема» (Пам. слов. XII в. Стр. 94). Ясно видно, что фантазия народа при сочинении духовных стихов одушевлялась церковным словом.

42. Это стихотворение приведено графом Пертикари в его сочинении «Della difesa di Dante».

43. Фра Бартоломео ди Сан-Марко – друг Фра Иеронима Савонаролы, гонителя соблазнов итальянского искусства, – живописец, старавшийся примирить красоты художественные с духовными потребностями религии, изобразил Божию Матерь Милосердия, которая стоит на каменном пьедестале, и около нее несколько ангелов держат покров: внизу на ступенях народ; один стоит прямо, другой сидит, третий преклонил колена – и все смотрят на Спасителя, Который сверху мечет стрелы и молнии в народ, а Божия Матерь от них защищает его (См.: Вазари. Vita di F. Bartolomeo di S. Marco). Вот одна итальянская народная легенда, которая показывает, как превратно понимал народ поклонение Божией Матери: «Чезарио пишет, что в селении Лованьо был молодой рыцарь благородного происхождения, который в турнирах и других светских суетах расточил все свое имение; пришед в совершенную бедность и не будучи в состоянии являться в общество вместе с другими рыцарями, он впал в глубокую меланхолию и доходил до отчаяния. Его дворецкий, желая утешить рыцаря, сказал ему, что возвратит ему богатство, если он согласится на его предложение. Рыцарь дал согласие: ночью пошли они в лес, и дворецкой чарами вызвал дьявола и просил его о помощи рыцарю. Дьявол предложил свои услуги, но с тем вместе первое условие: отвергнуть Иисуса Христа и Его веру. Рыцарь после некоторой борьбы с самим собою решился на этот смертный грех, и хотя против воли и с великою боязнию, но отверг Иисуса Христа и веру Его. Потом дьявол предложил другое условие, чтобы рыцарь отвергнул также и Матерь Божию: тогда уже он все по-

лучит, чего желает. Рыцарь отвечал, что этого он никогда не сделает, и тотчас же пошел назад, избегая всякого ответа. Мучимый раскаянием в грехе, им совершенном, рыцарь входит в церковь, и с ним другой, знавший его несчастия. Грешник приступает с молитвою к изваянию Божией Матери, Которая держала на руках Сына Младенца, и просит у нее ходатайства перед Спасителем. Божия Матерь ходатайствует, но Спаситель сначала отказывает Своей Матери. Тогда Божия Матерь встает, сажает Сына Своего на алтарь, бросается перед Ним на колени и усердно молит Его о прощении. Спаситель прощает. – Рыцарь, бывший невидимо свидетелем всего этого события, предложил молодому человеку руку своей дочери, – и таким образом юноша снова все получил.

Известно, что первая и единственная, можно сказать, молитва итальянского народа есть «Ave Maria».

44. К этим сходствам между стихом и картиною принадлежат: огненная река, протекающая от востока к западу; снесение ангелами на землю креста, на котором был распят Христос; одинаковые слова в стихе и на картине: «Звезды спадут с неба, как листья с дерев», которых нет в Евангелии.

45. Эти стихи имеют также отношение к другому отрывку из слова Авраамиева, которое приведено выше: «Прешедшимь же им огненую сию реку, огньная си река, по Божию повеленью, послуживши, отшедши к западу, учинится озеро огненое, на мучение грешным. Посем будеть земля нова и равна, якоже бе искони, и бела паче снега; и потом повелением Божиим пременится, и будет яко злато, изидеть из нея трава и цветии многоразличнии я неувядающи никогда же, понеже суть духовни; я посем взрастуть древа, не яко видимая си суще, но высотою и лепотою, величеством невъзможно есть изъглаголати усты человеческыми, понеже суть духовна, о Христе Ісусе о Господе нашем» (Пам. слов. XII в. Стр. 101).

Лекция шестая

1. Никон. Летоп. Т. I. Стр. 130, 160– 165.

2. Там же, стр. 164. Паче женами бесовская волшвения бывают; искони бо бес же прельсти, и жена мужа: такожде же

вродех мнозех все жены волхвуют чародейством и отравою, и иными бесовскими козньми; но и мужи прельщени бывают невернии от бесов, яко же се впервыя роды.

3. Волхвы, преследуемые Яном, убили попа Янова: «они же побегоша в лес; убиша же ту попина Янева»; но не сказано ничего, чтобы поп силою против них действовал. Вероятно, он бывал при их прениях с Яном.

4. Кенигсб. летоп. 105, 108. Никон. летоп. 132, 134, 135.

5. «Се аз отхожу света сего, сынове мои; имейте в собе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери: да аще будете в любви межи собою, Бог будет в вас, и покорит противныя под вы, и будете мирно живуще. Аще будете ненавистно живуще, в прях которающесь, то погинете сами и погубите землю отец своих и дед своих, иже налезоша трудом своим великим; но пребывайте мирно, брат брата послушающе».

6. Список русским памятникам, соч. П. И. Кеппена. Стр. 13, 18, 19. Истор. госуд. Росс. Т. 2. Прим. 51 и 56.

7. Подробности, касающиеся истории этого памятника в Москве, и отсылки его в Петербург открыты г. Филимоновым. См. статью его «Дополнительные сведения об истории Остромирова Евангелия» в «Летописях русской литературы и древности» (1859. Кн. I).

8. Остромирово Евангелие 1056–1057 года. С приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843. Издатели Острожской Библии 1581 года, по замечанию А. Х. Востокова, в предисловии говорят, что им доставлен был из Москвы от царя Иоанна Васильевича список Библии времен Владимира I. Зиновий, ученик Максима Грека, в 52-м Слове на ересь Феодосия Косого пишет, что он видел древнего перевода книги, переписанные при Ярославе Владимировиче и при епископе Иоакиме в начале крещения нашей земли.

Исторические обстоятельства, содержащиеся в послесловии к Остромирову Евангелию, следующие. Изяслав предержит обе власти, киевскую и новгородскую: престолом киевским правит сам, а престол новгородский брата своего Владимира поручает *близоку* своему Остромиру. Справляемся в летописях – и точно находим, что Владимир, старший сын Яросла-

ва, скончался в 1052 году, за два года до смерти отца своего, который умер в 1054 году. Изяслав правил с этого времени по 1078 год. Об Остромире показания разнятся. В Никоновой летописи (Т. I, стр. 144) под 1054 годом говорится об Остромире, что он с новгородцами ходил на чудь и был убит; но в Воскресенском списке (Т. I, стр. 190) говорится под тем же годом о походе Остромира, а о смерти его не упоминается. Далее под 1067 годом, в том же списке, упоминается о Порее Вышате, сыне Остромира Новгородского, а в патерике Печерском об Иоанне, сыне Вышаты и внуке Остромира. Таким образом, из летописей XI века нам ясен род Остромира. См. при 260-й странице – подпись: *Образец письмен Евангелия, писанного в 1056 году*, образец письмен из сего Евангелия.

9. «Сборник» был найден К. Ф. Калайдовичем 10 июня 1817 года в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Он описан был Кеппеном в «Списке русским памятникам» (1822), стр. 26; Калайдовичем в «Иоанне экзархе Болгарском», стр. 102–104 и стр. 216; Востоковым в «Описании Румянцевского музеума», стр. 499. Все исторические обстоятельства, сопровождающие этот памятник, согласны с летописями. Святослав в 1073 году изгнал Изяслава и княжил до 1076 года, то есть до года смерти своей. Сыновья его: Глеб, бывший в Тьмутаракани, Олег, Давид, Роман и Ярослав, самый меньшой, поставлены именно в том порядке, как идут они в летописи. Так памятниками древней нашей словесности подтверждается еще более достоверность наших летописных сказаний. Весьма любопытна славянская терминология в философских статьях. Здесь в первый раз встречаются термины: *собство*, *собленое*, *особное*, *количество*, *качество* в смысле философском. Любопытен риторический отрывок Георгия Хуровского: о образех, то есть о фигурах. Об этом см. статью Московского митрополита Филарета в февральской книжке «Журнала Министерства народн. просвещ.» 1836 года. Изображение рисунка, снятое весьма искусно К. Я. Тромониным, приложено кVII части «Трудов Общества истории и древностей российских». До́лжно надеяться, что скоро весь этот драгоценный памятник нашей письменности XI века будет издан трудами О. М. Бодянского. Приведу место из предисловия в образец слога.

«Великый в князих князь Святослав, въжделаниемь зело въжделав, дьржаливый владыка, обавити покръвеныя разумы в глубине многостръпътьных сих книг, премудраго Василия в разумех, повеле мне немудроведию премену сътворити речи инако, набъдяща тожьство разум его. Яже, акы бъчела любодельна, с всякого цвета псанию събьрав акы в един съть в' вельмысльное с҃рдце свое, проливаеть акы съть сладък из уст своих пред боляры, на въразумение тех мысльм, являяся им новый Птоломей, не верою нъ желание(м) паче, и събора деля многочьстьныих, божествьных кънига всех, имиже и своя клети испълнь, вечьную ся память сътвори, еже памяти вину въсприяти. А конець вьсем книгам: оже ти собе нелюбо, то того и другу не твори. В лето 6581 написа Иоанн Диак изборьник сь великуюму Князю Святославу».

В послесловии к «Сборнику» имя Святослава написано по скобленому. – О сборнике Симеоновом см. мою «Поездку в Кир.-Белоз. мон.», ч. 2, стр. 31.

10. Этот «Сборник» известен под именем Щербатовского, потому что принадлежал историографу князю Щербатову. Прежде относили его к 1046 году по причине подскобленной буквы *п*, превращенной в *н* в означении года (*s̃фнд* вместо *s̃фпд,* 6554 вместо 6584). Но этот подлог опровергнут А. И. Ермолаевым. Кроме того, самая летопись противоречит послесловию, в котором сказано: «кончях книжкы сия в лето 6584 при Святославе Князи Рускы земля». В 1046 году Святослав не правил престолом. Об этом «Сборнике» см. Кеппена «Список памятникам», стр. 29. О нем же упоминает и Калайдович в «Иоанне экзархе», стр. 104. Этот «Сборник» из Эрмитажа поступил в Имп. публ. библиотеку.

11. Изв. Акад. СПб., 1859. Т. VII. Вып. I. Письмо к редактору о. Архим. Саввы.

12. К XI же веку до́лжно отнести надпись на Тьмутараканском камне 1068 года. О ней см.: Историческое исследование о местоположении древнего российского Тьмутараканского княжения, соч. Алексея Мусина-Пушкина. СПб., 1794; Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне Тьмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году с описанием картин, к письму приложенных, соч. А. Оленина. СПб., 1806; Кеппена

«Спис. пам.», 24–25; «Географич. словарь» Щекатова. Т. VI; Карамзин. Ист. г. Р. Т. II. Стр. 70 и 71, прим. 120. Исследование Тьмутараканского камня с русскою надписью, соч. гр. Спасского. СПб., 1844. Автор подвергает сомнению достоверность этой надписи. – Об отрывках из жития св. апостола Кодрата у Кеппена, стр. 24. Страницы из Псалтири, из житий Кодрата и Феклы, литографированы в «Образцах славянорусского древлеписания», изданных в 1840 году М. П. Погодиным и К. Я. Тромониным. Рукопись «Слова Григория Богослова» описана у Кеппена в «Библиографических листах», № 7, и в «Изв. Акад.», т. II, л. 16. Антиохов «Пандект» (№ 31) в 4-м выпуске VII т. «Изв. Акад.». Выписки из него в 1-м и 2-м выпусках того же тома. Новгор. Соф. Минея в «Ученых записках акад.», кн. 2, вып. 2, стр. 126.

13. «Очерк путешествия по Европейской Турции» В. И. Григоровича (Казань, 1848, стр. 57). На 93-й странице того же «Путешествия» сказано, что мон. Руссико на Афоне, по свидетельству одного русского сборника, основан Ярославом, сыном Владимира.

14. К XI столетию мы отнесли «Поучение» архиепископа Луки к братии, которое открыл Тимковский в Несторовой «Летописи» и приписал Луке Жидяте, или Жиряте, поставленному епископом Новгородским в 1036 году, и первому русскому, удостоившемуся святительского сана, как говорит преосв. Макарий. Оно напечатано первою статьею в первом томе «Русских достопамятностей» и отличается необыкновенною простотою. Мы приведем здесь все это поучениие, как самый первый памятник нашего проповедного слова:

«Се, братие, первее всего сию заповедь известно должни есмы вси крестиане держати: веровати в един Бог, в Троици славим, в Отца и Сына и Святого Духа, якоже научили Апостоли, святии отци утвердиша. Верую в единого Бога до конца. Веруите же ми кресению, и жизни вечнеи и муце грешныим вечнеи. Не ленитеся к церкви ходити, и на заутреню, и на обедню, и на вечернюю; и в своеи клети, хотя спати, Богу поклонився, толико на постели лязи. В церкви предстоите со страхом Божием; не молви речи, но ни мысли, но моли Бога всею мыслью, да отдаст ти Бог грехи. Любовь имеите со всяцем человеком, а боле з братиею, и не буди ино на сердци, а ино в устех; но под братом амы не

рои, да тебе Бог в горшаа той не вринеть. Но буди правдив тако, яко не каися правды дела и закона Божия и приложа главы, да сочтеть тя Бог с святыми. Претерпите брат брату и всякому человеку, а не въздаите зла за зло; друг друга похвали, да и Бог вы и похвалить. Не мози свадити, да не наречешися сынь дияволу; но смиряи, да будеши сынь Богу. Не осуди брата ни мыслию, поминаа свои грехи, да тебе Бог не осудить. Помните и милуйте странныя, и убогыя, и темничникы, и своим сиротам милостиви будете. Московудство вам, братие, нелепо имети, ни молвити срамна слова, ни гнева на всяк день имети, не похритаися, ни посмеися никакому же, в напасти же терпи, на Бога упование имеа. Буести не имеите, ни гордости, ни прилепляися инех творити, помня, яко утро будем смради гнои и червие. Будете смирени и кротци, да и послужници будете, и творци Божиим заповедем; в гордаго до сердци диавол седить, и Божие слово не хощеть прилнути ему. Чтите стара человека и родителя своя, не кленитеся Божиим именем, ни иного заклинаите, ни проклинаите. Судите по правде, мьзды не емлите, в лихву не даите, Бога ся боите, князя чтите, раби первое Бога, таже Господу; чтите от всего сердца иереа Божиа, чтите и слугы церковныа. Не убеи, не укради, не солжи, лжи послух не буди, не навиди, не завиди, не клевечи; блядни не твори ни с рабою, ни с кимже, не пии без года, но здовол, а не до пианьства. Не буди гневнив, ни напраснив не буди, с радующимися радуйся, с печалными печален, не адите скверна, святыа дни чтите; Бог же мира со всеми вами. Аминь». Преосв. Макарий в «Истории Русской Церкви» (т. I, стр. 262) напечатал это «Поучение» по списку Новгор. Соф. библ. XIV–XV веков. Замечательно упоминание о *московудстве*. Тимковский, объясняя это слово посредством *маска* и *луда* (испещренное театральное одеяние), заключает, что обычай в народе нашем носить маски и переодеваться существовал уже в XI веке.

Автор «Обзора русской духовн. литер.» упоминает о древнем славянском переводе послания против латинян, об опресноках, писанного киевским митрополитом Львом на греческом языке, переводе, будто бы упоминаемом в «Путешествии» у Григоровича; но об этом переводе здесь не упоминается, а говорится только о греческом подлиннике. Перевод русский преосв. Филарета помещен во «Временнике Общ. ист» (кн. V).

М. П. Погодин открыл еще некоторые произведения Иакова-черноризца и ему приписывает Послание к Димитрию, которое Востоков в «Опис. Румянц. музея» (стр. 304) отнес к В. кн. Димитрию Александровичу, а может быть, и к Всеволоду Юрьевичу, носившему в крещении имя Димитрия и умершему в 1212 году. Желательно, чтобы скорее изданы были открытия М. П. Погодина. (Они были изданы, см. ниже.)

К XI же столетию относится «Правило церковное» Иоанна, митрополита Русского, к Иакову-черноризцу, напечатанное Тимковским в I-м же томе «Русских достопамятностей». Издатель отнес его ко второму Иоанну, родом греку, о котором летописец говорит с большою похвалою под 1089 годом его кончины. Черноризец Иаков есть, конечно, тот же самый, которого произведения открыты М. П. Погодиным. Правила же Иоанна касаются более истории Церкви, нежели нашего предмета. Содержание правил есть устроение Церкви и нравов семейной жизни народа. Есть любопытные черты, входящие в характеристику эпохи. Так, например, говорится против двоеженства; против браков дочерей княжеских с иноверцами; против купцов, торгующих рабами и продающих христиан жидам и еретикам; против торговых сношений с погаными; против пиров в монастырях и проч.

Следует присоединять еще Григория, творца канонов, и Иоанна митрополита, творца канона Борису в Глебу (Изв. Акад. Т. VII, вып. I, д. 24).

15. Никон. летоп., т. I, стр. 139. «Ярославу, сыну Влодимерову, внуку Святославлю со греки брани и нестроения быша». Так объясняет летопись причину избрания, прибавляя притом, что Церковь наша не замышляла нисколько отлучаться от православных патриархов и греческого благочестия, а поступила по первому правилу устава апостольского, в котором сказано: «Два или три епископы да поставляют единого епископа». В «Прибавлениях к творениям св. отцов» (год второй, книга 2). Автор статьи «Памятники духовной литературы времен Великого князя Ярослава I» говорит (стр. 216), что в 1051 году были у нас сношения с Константинополем, судя по некоторым свидетельствам, но это противоречит, однако, показанию нашей летописи.

16. Все означенные сочинения св. Илариона напечатаны в помянутых «Прибавлениях к творениям св. отцов», в книжках 2-й и 3-й второго года (1844). Автор предисловия (219–222) приписывает и другие сочинения нашему Илариону. – «О законе Моисеом даннем и о благодати и истине і̃с х҃м бывшим», и «Похвала кагану нашему Владимеру» напечатаны по списку из библ. Царского в Чт. Общ. ист. (1848, год 3, № 7). Издание обогащено вариантами. Любопытны выписки текста из книг пророческих, как он встречается в слове Иларионовом, сравнительно с тем же текстом в летописях и в полных списках Библии. См. «Описание славянских рукописей Синод. библ.» (отд. I, стр. 133). Преосв. Макарий полагает, что «Слово» и «Похвала» были сказаны Иларионом до посвящения его в сан митрополита и, вероятно, в Десятинной церкви, в день поминовения Владимира, у его гробницы. Поучение св. Илариона по харатейному списку Новгородской Софийской библиотеки напечатано в «Изв. Акад.», т. V. Преосв. Макарий приписывает это поучение Илариону Великому.

17. В тексте лекции я излагал содержание творений Илариона русским современным языком, но чрезвычайно близко к подлиннику. Здесь приведу отрывок, касающийся основной мысли христианства, чтобы дать образчик языка Иларионова и чтобы могли видеть близость моего перевода.

«Един сый от Троица, в две естьстве, Божество и человечество: исполнь человек, по въчеловечению, а не привидением; но исполнь Бог, по Божеству, а не прост человек. Показаа на земли Божескаа и человечьскаа: яко человек, во утробе матерни расташе, и яко Бог, изыде, девьства не врежь; яко человек, матерне млеко приять, и яко Бог, пристави ангелы с пастухи пети: слава в вышнихБогу; яко человек, повився в пелены, и яко Бог, звездою влъхвы вождааше; яко человек, в яслех възлеже, и яко Бог, от влъхв дары и поклонение прият; яко человек, бежаше в Египет, и яко Богу рукотвореннаа египетскаа поклонишася; яко человек, прииде на крещение, и яко Бога устрашився, Иордан възвратися; яко человек, обнажився вниде в воды, и яко Бог, от Отца послушество прият: сь есть Сын Мой възлюбленный; яко человек, постися сорок дний и взалка, и яко Бог победе искушающаго; яко человек, иде на брак в Кана Галилеи, и яко Бог, воду в вино пре-

ложи; яко человек, в карабли спаше, и яко Бог, запрети ветром и морю, и послушаша Его; яко человек, по Лазари прослезися, и яко Бог, въскреси и от мертвых; яко человек, на осля вседе, и яко Богу зваху: благословен грядый в имя Господне; яко человек, распят бысть, и яко Бог, своею властию спропятаго с Ним впусти в рай; яко человек, оцта вкуси и испусти дух, и яко Бог, солнце помрачи и землю потрясе; яко человек, в гробе положен бысть, и яко Бог, ада раздруши и душа свободи; яко человека печатлешя в гробе, и яко Бог изыде, печати целы съхрань; и яко человека тщахуся иудеи утаити вскресение, мъздяще стражей, но яко Бог уведеся, и познан бысть всеми конци земля».

18. Вот отрывок из слова св. Ефрема: «…аще не бе плоть, Мария Кого млеком воспоила? и аще не бе Бог, волсви дары Кому приношаху? аще не бе плоть, Симеон на руку Кого ношаше? и аще не бе Бог, Кому глаголаше: отпусти Мя с миром?.. аще не бе плоть: Иоанн Кого крести? и аще не бе Бог: Отец Кому глаголаше: Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоизволих? Аще не бе плоть: Кто постися и взалка в пустыни? и аще не бе Бог: ангели сшедше Кому служиша? аще не бе плоть, Кто призван бысть на брак в Кане Галилеи, и аще не бе Бог, воду в вино Кто преложи?.. аще не бе плоть, в корабли Кто спаше, и аще не бе Бог, ветрам и морю Кто запрети? аще не бе плоть: на гробе Лазареве Кто плакаше, и аще не бе Бог: мертва четверодневна повеленно Кто востави? И аще не бе плоть, на жребяти скотии Кто седяше, и аще не бе Бог, народи со славою на сретени Кому исхожаху?.. Аще не бе плоть: Боже, Боже мой! вскую Мя остави – Кто зовяше – и аще не бе Бог: Отче! прости им грех сей – Кто рече? Аще не бе плоть: на кресте с разбойниками Кто висяше? Аще не бе Бог – разбойнику Кто глаголаше: днесь со Мною еси в раи».

Приведу еще отрывок из Кирилла Александрийского: «Не спит в корабли Бог слово, не воздремлет бо ни уснет храняй Израиля, но спит плоть наша, юже приял Божие слово; не алчет, ни трудится от путнаго шествия Божественное естество, яко же Исаия рече: Бог велий крепом, не взалчет, ни трудится. *Вопрос:* како убо алчет? *Ответ:* плотию иже от нас. *Вопрос:* како слезит? *Отв.* плотию иже от нас. *В.* како умертвися? *О.* плотию от нас, и животворит же духом. *В.* како землю колеблет? *О.* Бо-

жеством Отца. *В.* како ада поирает? *О.* Божеством иже не от нас. *В.* како рече: Аз и Отец едино есма? *О.* горним превечным рожеством. *В.* како: Отец Мой болий Мене есть? *О.* долним от Девы рожеством».

19. Государь русов, великий державою и богатством (Senior Rutorum, magnus regno et divitiis rerum). См.: Неизданное свидетельство современника о Владимире Святом и Болеславе Храбром (Русская беседа. 1856. I. Науки, стр. 1).

20. О мирном распространении христианства в России. Прибавл. к творен. св. отцов. Год третий. Книга 3.

21. В самом начале жития Феодосиева Нестор, упомянув о том, что он же написал житие Бориса и Глеба, так продолжает: «Груб сы и неразумичен, к сим же яко и не бех учен никоемже хитрости, нъ въспомянух, Господи, слово твое рекшее: аще имате веру яко и зерьно горушьно, и речете горе сей: прейди и въврьзися в море, и абие послушаеть вас: си на уме аз грешный Нестер приим и оградивъся верою и упованием, яко вься възможьна от тебе суть, – начатъ к слову съписания положих, еже о житии преподобнаго отца нашего Феодосия, бывъша игумена манастыря сего Печерскаго, святыя владычице нашея Богородице, егоже и день Усъпение ныне празднующе, память творим». С тех пор в «Ученых записках 2-го отдел. Акад.» (кн. 2, вып. 2, 1850) было напечатано житие Феодосия в переводе на современный язык, преосв. Филарета, еп. Харьковского, ныне архиеп. Черниговского. – В «Чтениях Общ. истор.» (1858, книга третья) О. М. Бодянский издал самый подлинник.

22. Все эти подробности свидетельствуют об искренности и верности рассказа Нестерова. «Сеже житие блаженного отца нашего Феодосия от уны вьрсты досде, дондеже прииде в пещеру, мати же его исповеда единому от братия, именьм Феодору, иже бе келарь при отци нашем Феодосии. Аз же от него вся си слышав, оному съповедающюми, и въписах, на память всем почитающим я». Есть подробности о характере матери, которые показывают очевидца: «Бе бо и тельм крепъка и сильна, яко же и мужь: аще бо кто и не видев ея, ти слышащею беседующу, то начьняше мнети мужа ю суща».

23. «По сих же посла одиного от братия в Костянтинь град к Ефрему скопьцю, да вьсь устав Студиискаго манастыря и

сьпьсав присълеть ему. Он же, преподобьнааго отца нашего повеленая ту абие створи и вьсь устав монастырьскыи испьсав и послав блаж. отцу наш. Феодосию».

24. «Пам. слов. XII в.», стр. 250. Что касается до соборной молитвы народа в церкви, вот что мне случилось слышать от одного простолюдина: «В церкви все должны быть как один человек: каждый должен молиться за всех, а не за себя: тогда и будет Церковь. Если же каждый придет со своим делом и один потянет в одну, а другой в другую сторону, тогда уж Церкви не будет. Можно быть в церкви духом – и не быть телом; можно быть телом – и не быть духом». Вот какие ясные понятия имеет наш простой народ о Церкви! Не для всякого западного богослова они доступны.

25. Для тех, которые захотели бы подробнее познакомиться со Студийским уставом, указываю на «Историю православного русского монашества, от основания Печерской обители преп. Антонием до основания Лавры Св. Троицы преп. Сергием. Соч. э. о. профессора Моск. дух. акад. Петра Казанского» (М., 1855, стр. 28 и приложение Б, стр. 198).

26. Замечательно, как монастырские ордена на Западе прививали свои начала к народу. Франциск Ассизский, как известно, отправлялся нищенствовать по миру со всею братиею. Вот что сказано в его жизнеописании (см.: Histoire des ordres religieux et militaires, par le B. P. Helyot. Tome VII, p. 10): «Le nombre des Disciples de S. Francois étant done augmenté, il leur enseigna lea moyens d'acquérir toutes les vertus, mais principalement celle de la pauvreté, dont il s'efforçoit de leur faire connoitre le mérite et de leur persuader la pratique. C'est pourquoi il les men a avec lui par la ville d'Assise demander l'aumône á toutes les portes, pour leur apprendre qu'ils n'auroient point d'autre patrimoine que ce que la charité des personaes dévotes leur procureroit. Outre la honte qu'ils avoient de demander ainsi l'aumône, ils avoient encore à souffrir des paroles piquantes et dee railleries, les reproches de leurs parens, les insultes des enfans qui leur jetoient de la boue, et les rebuts de plusieurs personnes». Странно такое добровольное нищенство без нужды. У нас, напротив, оно было вовсе запрещено в монастырях.

Орден капуцинов был самым народным в Италии, и до́лжно думать, что он в особенности содействовал распространению

нищеты в итальянском народе и страсти его просить милостыню. Инквизиция Доминика имела зародыш в том, что Доминик выпросил у Папы Гонория часть дворца его для своей братии и право поучать слуг кардиналов и придворных министров в то время, как сии последние беседовали с Папою: тогда слуги обыкновенно занимались игрою. Доминику поручены были эти поучения в прихожей папской (вот колыбель инквизиции), а после эта должность (Santo uffizio) оставалась у монахов доминиканского ордена под именем Maestro del sacro Palazzo. Время развило это учреждение в инквизицию, которая преследовала потом уже книги и мнения (см. также т. III, стр. 216).

27. «Тогда же отец наш Феодосий напълнивъся Святаго Духа, начат того обличати, яко неправьдьно сътворивъша и не по закону седъша на столе том, и яко отця си и брата стареишаго прогънавъша: тоже тако обличаше того, овъгда епистолии пиша, посылааше тому, овъгда же вельможам его, приходящем к нему, обличааша того с неправьдьнем прогнании брата, веля тем поведати, сеже и послеже въписа к нему епистолию велику зело, обличая того и глаголя: глас кръви брата твоего въпиет на тя к Богу, яко Авелева на Каина, и инех многыих древьниих гонитель, и убоиник, и братоненавидьник, приводя, и притьчами тому вься, еже о нем указав, и тако въписав, посъла».

28. Ученые записки Втор. отдел. Акад. н. Книга II. Вып. II. СПб., 1850. Стр. 193. Сочинения преп. Феодосия Печерского, в подлинном тексте. Приготовлены к изданию преосв. епископом Макарием. См. его же статью: «Преподобный Феодосий Печерский как писатель» в Исторических чтениях о языке в словесности (СПб., 1855. VIII). Препод. Феодосия Печерского поучение об умеренности в застольном питье напечатано по третьему списку в «Православном собеседнике» (1858, октябрь). Преосв. Макарий открыл еще в Новг. Соф. библ. поучение Феодосия к келарю Киево-Печ. обители и напечатал его в «Истории Русской Церкви» (Т. 2, стр. 294). Современником Феодосию полагается митрополит Георгий, написавший «Стязанье с латиною», напечатанное в «Истории Русской Церкви» (Т. 2, стр. 309).

29. Об Изяславе сказано в житии: «Христолюбивый князь насыщашеся медоточьных тех словес, яже изхожахуть изо уст преподобьного отца нашего Феодосия». О Святославе: «Бла-

женому Феодосию начьншу глаголати тому от святыих къниг, и много указавшю ему о любъви брата, и оному пакы многу вину износящу на брата своего, и того ради не хотящу тому с темь мира сътворити, и тако же пакы по мнозеи той беседе отъиде князь в дом свои, славя Бога, яко съподобися с таковыим мужьмь беседовати, и оттоле часто приходяше к нему, и духовьного того брашьна насыщался паче меду и съта: се же суть словеса блаженааго, яже исходяахуть от медоточьныих уст тех, многышьдыже великии Феодосии к тому хожаше, и тако въспоминаше тому страхБожии и любовь, еже к брату». Вот что сказано о посещениях Феодосия боярину Яну и жене его: «Бе бо любя их блаженный Феодосий, понежь живяста в заповедех господних, и в любви между собою пребываста; единоюжь пришедше ему к нима и учаше их о милостыни к убогим, и о Царствии Небеснем еже прияти праведником, а грешником муку, и о смертнем часе».

30. Одно поучение Феодосия напечатано в 1-й части «Русского временника» (изд. в Москве 1820 г., от стр. 170). Поучение о казнях Божиих находится в одном Торжественнике XV века, по свидетельству Востокова (см. Опис. Рум. муз., стр. 686). Оно, как замечает почтенный археограф, взято почти от слова до слова из Нестерова временника по Лавр. списку. Послание к В. кн. Изяславу о варяжской вере существует в одном древнем Печерском патерике И. Н. Царского (№ 49 в лист, его каталога); но вписано вновь почерком, подражающим древнему. «Слово о том, како крестися Володимер возьмя Корсунь», находится в патерике Киевском, который был снят для графа Н. П. Румянцева в Новгороде под заглавием «Начало Киевского патерика» (см. Опис. Рум. муз., стр. 434). В слове сказано: «радость юже буди улучити всем крестьяном и мне грешному Феодосию». Преосвященный Макарий доказал, что это житие не может быть приписано Феодосию Печерскому, а должно быть приписано Феодосию митрополиту, жившему в XV веке. В «Соборнике» XV в. (См. Опис. Рум. муз., стр. 610–621) находятся многие поучения Феодора Студийского, которые, по мнению А. Х. Востокова, могут быть приписаны Феодосию, потому что в них о Феодоре упоминается в третьем лице; другие же поучения во дни Великого поста – о терпении, о любви, о посте, о милостыне, о смирении,

о молитве – надписаны с именем Феодосия. В книге «Женчюг и Матица Златая между» рукописями М. П. Погодина находится «Слово писано святым Феодосием мнихом» и другое вслед за ним: «Слово о пиянстве, всякому христианину» без надписи Феодосиевой, но такого же содержания и слога, из которых извлечены были мною отрывки; но, соглашаясь с пр. Макарием, что оно не может быть несомненно отнесено к Феодосию, я из текста переношу отрывок из него в примечания по его значительности в народной жизни. «Сам Господь сказал: пияницы Царства Небеснаго не наследят. В первых родах проявлено было от Бога: великие мужи, угодники Божии, погибли пиянством; цари царств лишились; святители святительство погубили; храбрые мечу в снедь достались; сильные силу испортили; богатые в нищету впали; многолетные скоро умерли. В нынешнем роду князья более тридцати лет не прожили и отошли от сего света. Пиянство ум погубляет, прибыток теряет, вражду соделовает, князю землю пусту творит, людей до рабства доводит, людей с людьми ссорит; пьянство жен от мужей отлучает, дело губит, работе предает, а в церковь не пустит, поститься не даст, молитвы неприятными творит; пиянство предает болезням, губит красоту, человека являет утружденным, ослабляет зрак очей, ногам болезнь творит, ум отлучает, от Бога гонит и смерти предает, в огнь негасимый посылает...» Проповедник заключил сильным и живым изречением одного святого мужа, которое долго жило у нас в народе и противодействовало гибельному пороку: «Егда сядеши, первую чашу испиеши здоровию, вторую веселию, третию сытости, четвертую безумию, пятую бесованию, шестую горцей смерти, седьмую же – не будет конца мучению».

31. Иаков мних, русский писатель XI века, и его сочинения. Изв. акад. Т. I. Стр. 326–334. Статья была написана гораздо прежде, чем напечатана в «Известиях академии». Здесь уже определены все сочинения Иакова и время его жизни.

32. В «Христианском чтении», 1849 г. (ноябрь и декабрь), под заглавием «Три памятника русской духовной литературы XI века» преосв. Макарий напечатал статьи: «Похвала князю рускому Володимеру: житие блаженаго Володимера и Сказание страстей и похвал об убьении святую мученику Бориса и Глеба». В «Изв. Академ.» (Т. II, л. 10) он напечатал статью свою

«Еще об Иакове мнихе». После многих сомнений и колебаний автор в своей «Истории Русской Церкви» (т. II, стр. 108–123) пришел к тем же заключительным выводам, с каких начал М. П. Погодин. Здесь же в прим. 254 (стр. 303) напечатано послание Иакова к В. князю Изяславу под заглавием «Некоего отца к духовному сыну». Для полноты библиографии предмета следует указать еще на статью г. Тюрина в «Изв. Академ.» (л. 32) и на статью г. Буткова в «Современнике» (1852, ч. II, отд. II, стр. 90). Преосвященный Филарет Черниговский отвергает мнение, чтобы житие св. Владимира было сочинением Иакова мниха, и называет его компиляцией из Несторовой летописи, но слова в самом начале жития «сице убо бысть малым преже сих лет» и многие известия, каких нет в летописи, противоречат такому мнению. Тот же автор утверждает, что славянский перевод правила, писанного митрополитом Иоанном для черноризца Иакова, принадлежит, без сомнения, самому же Иакову. К решению вопросов об Иакове-черноризце относится также исследование Срезневского «Древние жизнеописания русских князей X–XI век» (Изв. Акад. Т. II. Л. 8). Здесь несколько сличены исторические сочинения Иакова с летописью.

33. Аз, худый мних Иаков, слышав от многых о благовернем князе Володимери всея рускыа земля, о сыну Святославле; и мало събрав от многых я (?) добродетели его написах, и о сыну его, реку же святую и славную мученику Бориса и Глеба...

34. Володимер... свободи всяку душю, мужеск пол и женеск, святого ради крещениа.

35. Трудно согласить два места: место в летописи и место в патерике, а именно: в летописи сказано: «Феодосиеви в живущу в монастыре, и правящу добродетельное житие и чернецкое правило, и принимающу всякаго приходящаго к нему; к немужь и аз приидох худый, и прият мя лет ми сущу семнадцати от рождения моего. Се же написах и положих, В кое лето почал быти монастырь, и чесо ради зовется Печерский; а о Феодосиевом житьи паки скажем». В патерике: «Се бо еликожь выше о блаженем и велицем отце нашем Феодосии испытовая слышах от древних мене отец бывших в то время, тожде и вписах аз грешный Нестор, мний всех в монастыри преподобного отца нашего Феодосия, *прият же бых вонь пре-*

подобным игуменом Стефаном и якоже от того пострижен быв и мнишеския одежда сподоблен, пакиж и на дияконский сан от него возведен сый, емужь и не бех достоин». Шлецер согласил так эти предания, как соглашены они в позднейшем издании патерика, то есть что Нестор пришел еще при Феодосии за год до его кончины, а пострижен был Стефаном. Г. Кубарев в своем исследовании о Несторе затрудняется объяснением этого места (стр. 64). М. П. Погодин в своем историко-критическом рассуждении о Несторе не предложил себе этого вопроса. Эти два совершенно различные показания можно согласить только предположением, что сказание о начале Печерского монастыря принадлежит другому иноку, а Нестором вставлено было в летопись. Так объяснятся разноречия в летописи и в житии относительно Феодосия, которые приводит г. Кубарев на 60-й и 61-й страницах своего исследования.

Лекция седьмая

1. Считаю за нужное выписать все это замечательное место из летописца, свидетельствующее о любви его к книжному ученью: «Сь же (Ярослав) насея книжными словесы сердца верных людий, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы покаянью, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных; се бо суть реки, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломон хваля е глаголаше: азъ премудрость вселих, свет, разум и смысл, аз призвах страх Господень; мои съвети, моя мудрость, мое утверженье, моя крепость; мною цареве царствують, а силнии пишють правду, мною вельможи величаются и мучители держать землю; аз любящая мя люблю, ищющи мене обрящють благодать. Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книгы часто чтеть, то беседуеть с Богом, или святыми мужи; почитая пророческыя беседы, и еуангельская ученья и апостолская, житье святых

отец, въсприемлеть душа велику ползу. Ярослав же се, яко же рекохом, любим бе книгам, многы написав положи в церкви святой Софьи, юже созда сам; украси ю златом и сребром и съсуды церковными, в ней же обычныя песни Богу въздають, в годы обычныя. И ины церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы и дая им от именья своего урок, *веля им учити люди*, понеже тем есть поручено Богом, и приходити часто к церквам; и умножишася прозвутери, людье хрестьянстии» (Летоп. по Лавр. сп. 1846. Стр. 65 и 66).

2. Villemain. Tableau de la litérature du moyen Age. 8 ème leçon. A Ville-Hardouin et aux chroniques de Saint-Denis commencent les monumens de l'histoire nationale en langue vulgaire. Il... mourut vers l'an 1213. Maffei. Storia delta letteratura Italiana. Vol. 1. Pag. 36. «Первая итальянская проза есть хроника неаполитанца Маттео Спинелло, которая простирается от 1247 до 1268 года; но честь первой истории, написанной слогом итальянским не необразованным, принадлежит флорентинцу Рикордано Малеспини, умершему около 1281 года». К XIV веку относится образование исторической немецкой прозы. Одна из первых летописей, писанных на немецком языке, есть гессенская хроника Иоганна Ридезеля, ум. после 1341 года. См.: Wachler Vorles. über die Geschichte der deutschen National-litteratur. 1 Theil 128–130. Конечно, поэтические произведения, содержащие в себе некоторые исторические материалы, сюда не идут в сравнение. Богатство их на Западе известно.

3. В примечании 32 к шестой лекции приведено было важное разноречие между патериком и летописью, относящееся к приходу летописца в монастырь. Тимковский первый в своем рассуждении о патерике (Труды Общ. и. и д. р. Т. I. Стр. 12) указал на эти разногласия между патериком и летописью. До́лжно сказать, что место о зачале Киево-Печерского монастыря находится и в патерике под заглавием «Нестера мниха обители монастыря Печерского сказание, чесо ради прозвася Печеръский монастырь». В словах «к немуже и аз приидох худый и недостойный раб» по некоторым не вставлено имени Нестора, но в рукописи патерика Рум. муз., писанной в 1462 году, имя *Нестора* находится. Кроме этого важного разноречия есть и другие, не менее важные, в рассказе о кончине Феодосия.

В житии говорится, что иноки прямо и единогласно нарекли игуменом Стефана, которого утвердил Феодосий, а в летописи прибавлено, что иноки сначала предоставили Феодосию наречь себе преемника, и когда он указал на Иакова, то они остались недовольны этим назначением, потому что Иаков был с Альты, постриженником другого монастыря, и тогда уже выпросили у Феодосия Стефана, возросшего под его рукою.

4. См.: Полн. собр. русских летописей, изд. Археогр. комис. Т. I. Стр. 1. «Нестера черноризца». Карамзин открыл этот список в библиотеке после покойного купца П. К. Хлебникова и относил его к XV или XVI столетию. Издатель же летописи относит его к XVI. Покойный А. Ф. Малиновский указал на одну рукопись XV столетия, в которой против слов «и яз приидох 17-ти лет сущу» написано рукою того же переписчика: «Нестер». Труды Общ. ист. и древн. росс. Т. VIII. Стр. 251.

5. Истор. Росс. Татищева. Т. I. Стр. 53. «Между всеми токмо в трех древнейших и надежнейших имя его объявлено так, как здесь в заглавлении положено». Эти списки у Татищева означены числами и именами *второго* раскольнического, кончавшегося 1197 годом; *четвертого* Голицынского, конч. 1198 годом, и *одиннадцатого*, писанного вначале с юсами. На первых двух было заглавие такое, по свидетельству Татищева: «Повесть времянных дней Нестора черноризца Феодосиева Печерскаго монастыря». На третьем: «Летосказание Нестора черворисца Печерскаго Феодосиева монастыря о бытии Руския земли о князех и людех». Миллер думал, что первый из этих списков писан в XII столетии (см.: Ежемес. сочин. 1755, апрель. Стр. 296). Татищев говорит, что он был писан на пергамене, весьма древним письмом. Третий из этих списков подарен был Татищевым английскому Королевскому собранию. До́лжно думать, что он целее сохранился у англичан, уважающих не только свои, но и чужие народные предания, чем у нас, довольно равнодушных к своему, – и потому можно бы было обратиться в Англию и достать этот список. Татищев прибавляет, что точная копия с этого списка отдана была им в Академию наук, – и, следовательно, должна находиться в Академической библиотеке.

6. Замечательно, что переписчики выставляли свои имена, а из летописцев, участвовавших в сочинении летописи,

только и знаем из самой летописи об имени Василия, тезки ослепленного Василька, к которому он был посылан. Вот приписка первого переписчика Сильвестра: «Игумен Селивестр святого Михаила написах книгы си летописец, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила, в 6624 (1116), индикта 9 лета; а иже чтеть книгы сия, то буди ми в молитвах». Об этом Сильвестре Петр Могила в патерике Печерском говорит: «Хотя мнози писатели о руссах преди Нестора быша, обаче ово от древности исказишася, ово погибоша, и мало Константин улучи, и Нестору Силвестр Выдобожский исполня сохранил». Отчего же сочинение самой летописи не может быть приписано Сильвестру? Автор летописи именует себя черноризцем Феодосиева монастыря, и все подробности свидетельствуют, что она была сочиняема в стенах этого монастыря, а не Выдубицкого Михайловского, где переписывал ее Сильвестр в 1116 году, то есть вскоре после того, как она была написана. Что летопись доведена была первым ее творцом почти до кончины Святополка-Михаила Изяславича – это можно видеть из предварительного хронологического обозрения событий, которое под годом 6360 (852) предпосылает летописец, начиная от сего года и кончая смертию Святополка. Слова «скажем», «что ся удея лета си» показывают, что он задал себе задачу описать события, начиная с 852 года до кончины Святополковой, последовавшей в 1114 году. Приписка Сильвестра, находящаяся под 1110 годом, хотя сама и относится к 1116 году, показывает, что летопись доведена была именно почти до этого года. Приведу также приписку Лаврентия-монаха, переписчика, труд которого дошел до нас. «Радуется купець прикуп створив, и кормьчий в отишье пристав, и странник в отечьство свое пришед; такоже радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, такоже и аз худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентей мних. Начал есмь писати книги сия, глаголемый Летописець, месяца генваря в 14, на память святых отец наших аввад, в Синаи и в Раифе избьеных, князю великому Дмитрию Костянтиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Дионисья, и кончал есм месяца марта в 20, на память святых отець наших, иже в монастыри святого Савы избьеных от срацин в лето

6885, при благоверном и христолюбивем князи великом Дмитрии Костянтиновичи, и при епископе нашем христолюбивем священном Дионисье Суждальском и Новгородском и Городьском. И ныне, господа отци и братья, оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите исправливая Бога деля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а ум молод не дошел: слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всеми нами хрестьяны Христос Бог нашь, Сын Бога живаго, Ему же слава и держава и честь и покланянье со Отцем и с Пресвятым Духом, и ныня и присно в векы аминь». Рукопись писана в 1377 году на пергамене в большую четверку на 173 листах, до 40-го листа на сплошную строку, а далее в два столбца. В рукописи четыре почерка: первый уставный до 40-го листа; второй полууставный, перемежающийся другими двумя. Видно, что Лаврентий не один писал эту рукопись, а продолжал дело прежних переписчиков и имел, кроме того, помощников. Замечательно, что в Лаврентьевском списке нет слов «черноризца Федосьева монастыря Печерского»; и в Ипатьевском, который относится к концу XIV или к началу XV века, и во всех других списках эти слова находятся.

7. Приведу это важное место из патерика Печерского: «Сии вси послушествовани верою знамений чудесы от твоего черноризца[1], а от моего господина епископа Симона; другим убо неприятна мнятся быти глаголемая величества ради дел; винаж есть неверованию: мене грешнаго суща сведят Поликарпа. Но аще повелит твое преподобство написати, их же ми ум постигнет и память принесет; аще ти не потребно будет, да сущим по нас ползы ради оставим, яко же блаженный Нестор в летописцы написа, о блаженных отцех, о Дамияни и Еремии, и Матфее, и Исакии. В житии же святаго Антония вся жития их вписана суть, аще и вкратце речена».

8. Вот самые слова из древнейшего списка патерика: «Сего не терпяще преподобнии ти мужи Никон игумен, Иоан иже бысть по нем игумен, Пумин постник, Матфеи прозорливец, Исакеи святыи печерник, Агапит лечец, Григории чюдотворец, Никола, иже бысть после же епископ Тьмутороканю,

[1] Замечательно это выражение. Стало быть, епископ продолжал носить имя черноризца того монастыря, где был пострижен.

Нестер, иже написа Летописець, Григории творець кануном, Фектист, иже бысть епископ Чернигову, Оньсифор прозорливець, си вси приидоша боносоци к прелщеному и помолившеся Богови отгнаша беса от него».

9. История росс. иерархии. Ч. II. Стр. 42. Летоп. по Лавр. сп. Стр. 89. «В се же лето (6596) умре Никон Печерьский игумен».

10. Вот слова Поликарпа: «Пречестный архимарите всея Русии, отче и господине мой Анкидине, подай же ми благоприятныя твоя слуха, да в ня возглаголю дивных и блаженных муж жития, деяния и знамения бывших во святем сем монастыри Печерском еже слышах о них от епископа Симона Володимерскаго и Суждальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго тогожь Печерскаго монастыря, лже и сказа мне грешному», и проч. Еще в житии Марка Печерника: «Аз же худый… слышанию последую, еже ми сказа преподобный епископ Симон и сия написах». Карамзин первый отличил этого черноризца Поликарпа, автора третьей части патерика, жившего еще в первой четверти XIII-го столетия, от другого Поликарпа, который был архимандритом с 1164 года и скончался в 1182 году (И. г. Р. Т. III. Прим. 171). Сему последнему приписывали сочинение некоторых житий в патерике.

Эта рукопись принадлежит ржевскому купцу Берсеневу; она известна под именем Арсениевской рецензии, но искажена исключением некоторых мест и самого имени Нестора. Патерик Румянцевского музея за № 305 писан в 1462 году. Но Калайдович в бумагах своих упоминает о патерике, будто бы виденном в Синодальной библиотеке, за № 431, который, по его свидетельству, относится к 1296 году.

Проф. Казанский в статье своей «Еще вопрос о Несторе» (Временник Общ. ист. 1849. Кн. 1) предложил вопрос: «Можно ли думать, что писатель жития преподобного Феодосия Печерского и летописи, известной под именем Несторовой, есть одно и то же лицо?» Нашед разногласия между житием Феодосия и летописью, равно как между житием Бориса и Глеба и тою же летописью, ученый заключил, что автор житий и летописи не есть одно и то же лицо. На эти разногласия указывали и до него; но никто не приходил к такому решительному заключению, потому что все признавали несомненными два свидетельства

Киево-Печерского патерика, на которых со времени Шлецера утверждено было мнение о Несторе как творце летописи.

Проф. Казанский, видя, что он своими сомнениями не поколебал нисколько прежнего мнения, учинил нападение на самые свидетельства патерика в статье своей «Критический разбор свидетельств патерика Печерского о летописи Нестора» (Временник. 1850. Кн. 7). Я отвечал на эту статью в 10-й книжке «Временника». См. мои «Замечания на критический разбор свидетельств патерика Печерского о летописи Нестора». Обращу особенное внимание читателя на восьмую страницу моих замечаний, где ясно доказано, что летопись в теперешнем ее виде была перед глазами Поликарпа.

12. Все эти обстоятельства, приведенные мною и в совокупности взятые, не оставляют в наше время никакого сомнения касательно вопроса о Несторе как первом летописце русском. Одни только разногласия летописи с патериком остаются неразрешенною загадкою, и особенно место о пришествии летописца к Феодосию, противоречащее сказанию Нестерову в житии Феодосия. Желательно было, чтобы кто-нибудь обратил на это прилежное внимание. Что патерик составлен после летописи, это несомненно; но современно ей существовало одно житие Феодосия, к которому после и стали прибавлять все относящееся к монастырю Печорскому. Вставка имени Нестора во все, что внесено из летописи в патерик, еще более служит подтверждением тому, что предание о нем как летописце существовало уже в обители несомненно, и потому все вставляемое из летописи означали его именем. Так (позволю себе эту догадку), может быть, и сказание о зачале Печерского монастыря, вероятно, написанное другим иноком и внесенное Нестором в летопись без имени инока, вставили в патерик с его именем. Сим способом, по моему мнению, может быть соглашено противоречие между патериком и летописью.

13. Описание Киево-Печ. лавры. Изд. 2-е. Киев, 1831. Стр. 106 и 110.

14. «…И якожь от того (Стефана) пострижен быв и мнишеския одежда сподоблен, пакижь и на дияконский сан от него возведен сый…»

15. Это место находится в летописи и в патерике. В сем последнем оно везде содержит имя Нестора, которого в летописи нет.

16. «Житье святаго и преподобнаго Отца нашего Феодосия, игумена Печерскаго, списано Нестером, мнихом того же монастыря». Так значится заглавие Феодосиева жития на всех рукописных патериках, которые с него и начинаются. В самом начале жития Нестор свидетельствует о другом своем сочинении: «Благодарю тя, Господи Владыко мой Иисусе Христе, яко сподобил мя еси недостойнаго исповедателя быти святым Твоим угодником. Се бо исперва списавшу ми о житии и убиении и о чюдесех святую и блаженную страстотерпцу и мученику Бориса и Глеба, понудихся и на другое исповедание приити» и проч. А. М. Кубарев в своем исследовании о Несторе (1842) привел отрывок из этого жития по древнейшему харатейному списку из библиотеки Синодальной типографии. Тот же исследователь предупреждает (стр. 57), что до́лжно отличить это житие от другого жития, писанного после Несторова, в котором упоминается уже о перенесении мощей Бориса и Глеба. Это позднейшее житие, по мнению М. П. Погодина, может быть приписано Иакову-черноризцу.

17. Чтение о житии и о погублении и о чюдесех святоую и блаженоую страстотерпьцю Бориса и Глеба. Съписание Нестора. По харатейному списку Московской синодальной библиотеки, с разнословиями по некоторым другим (Чтения Общ. ист. 1859. Книга I). «Православный собеседник» в апрельской книжке 1858 года напечатал также: маия в̃ день. Чтение о житии и о погублении блаженную страстотръпицу Бориса и Глеба. О. М. Бодянский говорит, что здесь не вполне является сочинение Нестора, а только одна первая его половина. Археологическое общество собирается с 1851 года издать житие Бориса и Глеба, написанное Иаковом мнихом, с изображениями, какие при нем находятся, по списку Типографской библиотеки. О. М. Бодянский обещает также вскоре издание всех творений Иакова мниха по двум пергаменным спискам.

Житие Феодосия в переводе на современный русский язык издано было преосвященным Филаретом, епископом Харьков-

ским, в «Ученых записках 2-го отдел. Акад. н.» (кн. II. Вып. II). А потом и самый текст оригинальный был издан в «Чтениях общ.» (1858. Кн. III) под заглавием «Житие Феодосия, игумена Печерьскаго, съписание Нестора. По харатейному списку XII века московского Успенскаго собора, с разнословиями по многим другим».

18. Выписки из патерика, касающиеся Антониева жития, можно прочесть в статье А. М. Кубарева «О патерике Печерском», напечатанной в «Чтениях Общ. ист.» (1847, № 9, стр. 14–15).

19. «Се же и аз, Нестер грешный, о житии, и о погублении, и о чюдесих святою и блажьную страстотерпьцю сею, опасне ведущих испитав, а другая сам сведы, от многих мала въписах, да почитающе славять Бога».

20. «Се бо испрьва писавъшю ми о житии и о убиении и о чюдесех святою и блаженою страстотрьпцю, Бориса и Глеба, понудихъся и на другое исповедание приити».

21. «Видите ли, братие, коль высоко покорение, еже стяжаста святая к старейшоу брату? Си аще бо быста супротивилася емоу, едва быста такому дару чудесному сподоблена от Бога: мнози бо суть ныне детескы князи, не покаряющеся старешим и супротивящяся им, и оубиваемы суть, ти не суть такои благодети сподоблени, яко же святая сия. Яко что бо святую сею чюднее, еже в такои чти и в такои славе, ти тако покорение имуще, яко же и на смерть предастася? Мы же нимало имам покорения к стареишинам, но овогда прекыи глаголем им, овъгда же оукаряем я, многажды же супротивимся им. Нъ послушаите глаголемых, яже о святою. Егда же беста святая сия, яко и он, егда не того же ли отца быста сына, или во ине месте? Того ради не супротивистася ему, но слышасте преже: егда придоша послании на погубление ею, что отвестата сущим с нима, егда хотяста супротивитися има; не токмо молястася, да не противятся им, нъ и в домы своя повелеста им ити? оуняста бо сама за вся оумерети, подражающа самого и̃са х̃а, иже положи душю свою за люди своя».

22. Об этом см. I. Стр. 88.

23. Любопытны слова Шлецера о том месте, какое занимает Нестор в бытописании северном. Он, сравнив его со всеми источниками для истории Верхнего Севера, говорит: «Теперь

пусть сравняют беспристрастно русское *богатство* с *бедностию* всей остальной верхнесеверной истории; Несторову *древность* с *молодостью* скандинавов, прочих славян и венгров; *полноту* и связь в русской истории с *отрывками* других; ея *правдивость* и важность с *легкомысленными* выдумками первых скандинавских, славянских и венгерских времянников и всеми их продолжениями до XVI столетия!»

24. Schloezer. Ein Beitrag zur Litteraturgeschichte des achtzehnten Iahrhunderts, von Adolf Bock. Hannover, 1844.

25. Нестор. Перев. Д. И. Языкова. Т. I. Стр. 49 и 47. Введения. Шлецер прибавляет: «Один только Гейнрих Латыш может еще быть поставлен подле него, хотя описываемый им предмет и не столь обширен; но исландец Снорро в сравнение с ним едва может быть терпим; ибо, как полуученый, нещадно баснословит и подробно рассказывает пустые мелочи».

26. «Нестор» Шлецера. Перев. Языкова. Т. I. Стр. 14 и 15. Вступление в русскую историю.

27. О славянском переводе Георгия Амартола см. статью П. М. Строева в «Трудах и летописях Общества истор. и древ. росс» (Ч. IV. Кн. I. 1826) «О византийском источнике Нестора». Здесь приведено семь мест, сходных с такими же в летописи. См. также статью о Георгии Амартоле И. М. Снегирева в тех же «Трудах» (Ч V. Кн. I). К полному изданию Лаврентьевского списка Несторовой летописи приложены отрывки из «Хронографа» Георгия Амартола, сведенные по пяти рукописям, из коих старшая XIV века. Необходимо бы было, конечно, издать древнейшую из них и приложить к ней варианты из других. Нужен бы был также и греческий подлинник для поверки. Лучшие по древности кодексы греческие находятся в Королевской мюнхенской библиотеке. Они уже были списаны в один и приготовлены к изданию. Следовало бы только дополнить вариантами из Парижских рукописей. В 1839 и 40-х годах я предлагал Обществу и. и д. р. предпринять на свой счет это издание, на которое готов был один мюнхенский ученый; но Общество по недостатку денежных средств не могло согласиться на мое предложение. Проект г. Газа в Париже, которому покойный граф Н. П. Румянцев намеревался поручить это издание, также не был исполнен. А между тем для полного объяснения Несторовой летописи необ-

ходимо бы было такое издание греческого подлинника с древним славяноболгарским переводом.

С тех пор в 1847 году напечатано было исследование князя М. А. Оболенского «О греческом кодексе “Хроники” Георгия Амартола Московской синодальной библиотеки» (М., 1847). Здесь, кроме Амартола, указано еще на славянский перевод «Палеи» Иоанна Дамаскина, как на источник Нестора.

28. Не могу не указать на первые страницы историко-критического рассуждения М. П. Погодина о начале русских летописей, где прекрасно развита эта мысль.

29. Оборона летописи русской Несторовой от навета скептиков. Соч. П. Буткова. СПб., 1840. Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. Соч. М. Погодина. М, 1839. Нестор, первый писатель российской истории церковной и гражданской. Соч. А. Кубарева (напечатано в 4-й книжке «Русского исторического сборника», Москва, 1842). У г. Буткова в предисловии указано подробно все то, что было издано скептическою школою.

30. Исследования, замечания и лекции М. П. Погодина о русской истории. Тома I–VII. Москва, 1846–1856. О Несторовой летописи. Исследование И. Д. Беляева. Чтения Моск. общ. ист. 1847. № 5. О древней русской летописи как памятнике литературном. Сочинение М. И. Сухомлинова. СПб., 1856.

Чтоб дополнить по возможности библиографию предмета, присоединяем еще то, что к нему относится: «Исследование о летописи Якимовской» П. А. Лавровского (Ученые записки 2-го отдел. Акад. наук. Книга II. Вып. I. СПб., 1856). Здесь опровергнута первая часть Якимовской летописи и обличен в ней подлог, составленный, по всему вероятию, архимандритом Мельхиседеком; но с тем вместе признана вторая часть содержащею достоверные, действительные известия о нашем Отечестве. «Хронология Нестора и его продолжателей» И. Д. Беляева (Чтения. 1846. № 2). «Хронология вообще и в особенности хронология Нестора и его продолжателей» Н. В. Хавского (Чтения. 1847. № 3). «Библиографическое обозрение русских летописей» Д. Поленова (Ж. Мин. нар. просв., 1849, октябрь, ноябрь и декабрь). «Ответ на новый вопрос о Несторе, летописце русском. Сочинение П. Б.» (СПб., 1850). Этот ответ направлен был г. Бут-

ковым на сомнения, изложенные г. Казанским в его статье «Еще вопрос о Несторе. – Объяснение некоторых недоумений касательно летописи Нестора» (Временник. Кн. 13. 1852). Ueber die Sprache der ältesten russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's, von Franz Miklosich. Wien, 1855. Заметим еще прикосновенное к тому же вопросу: «О времени основания Печерской обители» П. С. Казанского (Временник. Кн. 19. 1854). «О языке северных русских летописей» П. А. Лавровского (СПб., 1852). «Новгородские летописи» М. П. Погодина (Изв. Акад. Л. 139 и 140). «Исследования о новгородских летописях» (Там же. Т. II. Л. 5).

31. Память преподобного Нестора, летописца Печерского, празднуется 27 октября.

32. «Поляне бо своих отець обычай имуть кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим и к сестрам, к матерем и к родителем своим, к свекровем, и к деверем велико стыденье имеху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять по невесту, но приводяху вечер, а завътра приношаху по ней, что вдадуче».

33. Весь этот отрывок об ангелах есть один из прекраснейших в Несторе и достоин бы был занять место в учебнике образцов древней русской словесности. «Том же лете бысть знаменье в Печерьстем монастыре, в 11 день февраля месяца: явися столп огнен от земля до небеси, а молнья осветиша всю землю, и в небеси погреме в час 1 нощи, и весь мир виде. Се же столп первее ста на трапезници каменей, яко не видети бысть креста, и, постояв мало, съступи на церковь и ста над гробом Феодосьевым, и потом ступи на верх, акы ко встоку лиць, и потом невидим бысть. Се же беаше не огненый столп, но вид ангелеск: ангеле бо още является ово столпом огненым, ово же пламенем, якоже рече Давыд: творя ангелы своя духы и слугы Своя огнь палящь, и шлеми суть повеленьем Божьим, аможе хощеть Владыка и Творец всех. Ангел бо приходит кде благая места и молитвении домове, и ту показають нечто мало виденья своего, яко мощно видети человеком; не мощно бо зрети человеком естьства ангельскаго, яко и Моиси великый не взможе видети ангельскаго естьства, водяшеть бо я в день столп облачен, а в нощи столп огнен; то се не столп водяше их, но ангел идяше пред ними в нощи и в дне. Тако и се явленье некоторое показываше, ему же бе быти, еже и бысть: на 2-е бо

лето не сели ангел вожь бысть на иноплеменникы и супостаты, якоже рече: ангел пред тобою предъидеть, и пакы: ангел твой буди с тобою. Якоже пророк Давыд глаголеть: яко ангелом Своим заповесть о тебе схранить тя. Якоше пишеть премудрый Епифаний: к коей же твари ангел приставлен: ангел облаком и мъглам, и снегу и граду и мразу, ангел гласом и громом, ангел зимы и зноеви, и осени и весны и лета, всему духу твари его на земли, и тайныя бездны, и суть скровены под землею, и преисподнии тьмы, и сущи во безднах, бывшия древле верху земля, от неяже тмы, вечер и нощь, и свет и день, ко всим тварем ангели приставлени. Тако же ангел приставлен к которой убо земли, да соблюдають куюжьдо землю, аще суть и погани; аще Божий гнев будет на кую любо землю, повелевая ангелу тому на кую любо землю бранью ити, то оной земле ангел не вспротивится повеленью Божью. Аще ли кто речеть, яко ангела несть у поганых, да слышит яко Олександру Макидоньскому ополчившу на Дарья, и пришедшю ему и победившю землю вою от въсток и до запад, и поби землю Егупетьскую, и поби Арама, и приде в островы морьскыя; и врати лице свое взыти в Ерусалим, победити жиды, занеже бяху мирни со Дарьем, и поиде со всими вои его, и ста на товарищи и почи, и приспе ночь, и лежа на ложи своем посреде шатра, отверз очи свои, виде мужа стояща над ним, и мечь наг в руче его, и обличие меча его яко молонии, и запряже мечем своим на главу цареву. И ужасеся царь велми и рече: не бий мене, и рече ему ангел: посла мя Бог уимати царе великии пред тобою и люди многи, аз же хожю пред тобою, помагая ти; а ныне ведай, яко умереши, понеже помыслил еси взяти в Ерусалим, зло створити ереем Божьим и к людем его. И рече царь: молю тя, о господи, отпусти ныне греху раба твоего; аче не любо ти, а ворочюся дому моему. И рече ангел: не бойся, иди путем твоим к Иерусалиму, и узриши ту в Иерусалими мужа в обличеньи моем, борзо пади на лици своем и поклонися мужю тому, и все еже речеть к тебе створи, не преступи речи ему; в онь же день преступиши речь его, и умреши. И въставь царь, иде в Ерусалим, и пришед въспроси ереев: иду ли на Дарья? И показаша ему книги Данила пророка, и рекоша ему: ты еси козел, а он овен, и потолчеши и возмеши царство его. Се убо не ангел ли вожаше Олексаньдра? Не поган ли побежаше, и вси еллини кумирослужебници? Тако и

си погании попущени грех ради наших. Се жь ведомо буди, яко в хрестьянех не един ангел, но елико крестишася, паче же к благоверным князем нашим: но противу Божью повеленью не могуть противитися, но молять Бога прилежно за хрестьянскыя люди. Якоже и бысть: молитвами святыя Богородица и святых ангел умилосердися Бог, и посла ангелы в помощь Русьским князем на поганыя, якоже рече к Моисееви: и се ангел мой предъидет пред лицем твоим, якоже рекохом преже».

34. Не могу здесь не вспомнить с особенным удовольствием, что эта мысль встретила сильное, единодушное сочувствие в моих слушателях.

35. «Мы же хрестеяне, елико земль, иже верують в Святую Троицю, в едино крещенье, в едину веру, закон имам един, елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся».

36. В исповедании веры св. Владимира превосходно указано назначение лиц Пресвятой Троицы сими словами: «Три собьства свершена, мыслена, разделяема числом и собьственным собьством, а не божествомь; разъделяет бо ся неразделно, и совокупляется неразмесно. Отец, Бог Отец, присносый пребываеть в отчьстве, нерожен, безъначален, начало и вина всем, единем нероженьемь старей сый Сыну и Духови; от негоже рожается Сын преже всех век, исходить же Дух Святый без времене и без тела; вкупе Отець, вкупе Сын, вкупе Дух Святый есть. Сын подобен-сущен Отцю, роженьемь точью разньствуя Отцю и Духу. Дух есть пресвятыи, Отцю и Сыну подобно-свершено и присносущно. Отцу бо отцьство, Сыну же сыновьство, Святому же Духу исхоженье. Ни Отець бо в Сын, ли в Духъ преступа, и ни Сын во Отца и в Духа, и Дух ли в Сын, ли во Отець; неподвижена бо свойствия. Не трее Бози, един Бог, по нему же едино Божьство в трех лицах». Глубоко сознано также воплощение Иисус Христово и его человечество, не мечтою, а существенно. «Хотеньемь же Отца и Духа свою спасти тварь, отческих ядр, их же не отступи, съшед, и в человечьское ложе пречистое, аки Божье семя, вше, плоть съдушну, словесну же и умну, не преже бывшю приим, изиде Бог воплощен, родися неизречьньне, и девьство Мати сърани нетленьно. Не смятенье, ни размешенье, ни измененья пострадав, но *пребыв еже бе, бысть еже не бе*, приим рабий зрак истиною, а не мечтаньемь, всячьски, разве греха, нам подобынй быв. Волею бо родися, волею взалка,

волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре, истиною, а не мечтаньемь; вся естьственая, неоклеветаны страсти человечества». См. 65 стр. в помянутом сочинении г. Сухомлинова, где показан источник этого исповедания.

37. Сведения о первых походах Руси приведены из перевода Георгия Амартола в статье П. М. Строева (стр. 182 и 183) и еще полнее в приложениях к Лаврент. списку летописи (стр. 242 и 245). Место о первом походе Игоря также сходно с подобным местом у Кедрина, которое, впрочем, взято, по всему вероятию, из Амартола.

38. Лавр. список Нестор. летоп. Нов. изд. Стр. 7, 6 и 10.

39. О народной поэзии славянских. племен. І. Бодянского. Москва, 1837. Стр. 135.

40. Лавр. спис. Нест. летоп. Стр. 113.

41. Мы позволим себе выразить совершенное противоречие словам г. Щапова в его книге «Русский раскол старообрядства». «Предки наши, – говорит он, – по обращении к вере и Церкви Христовой прежде всего пленились вслед за послами Владимировыми внешним благолепием и обрядностью христианского богослужения, которая в то время в Византии достигла высшего развития». До путешествия послов предложено было у нас самое учение веры христианской, которое подействовало на Владимира, а богослужение, как внешнее выражение внутренней истины, только подтвердило первоначальное убеждение. Первым же плодом насажденной веры были дела милосердия и любви. Г. Щапов находит в народе русском порок – одно стремление к наружному благочестию и обряду. Нет веры без внешнего обряда: это ее необходимая и вместе слабая сторона. Но сказать, чтобы народ русский всегда приковывал всю веру свою к одному наружному обряду значит вовсе не понять смысла его древней жизни. Один из наших патриархов говорил так в старинные времена: «В церкви есть видети *общий смысл всего народа и государства*, общий в вере святей разум, общее святых отец учение, и чинное в обычаи предания содержилище, един глас… аще ли един глас, и едино умствование». Вот с каким уважением наши патриархи смотрели на отношение народа к церкви; не так смотрит на него наше молодое духовенство, готовой сейчас же обвинить весь народ в непонимании Церкви и от него отколоться.

42. Вот место из выписки, которая сделана из Амартола П. М. Строевым (Труды и летописи О. и. и д. р. Ч. IV. Кн. I. Москва, 1828. Стр. 179): «Сим бо убо тако наследовавшим Хамов сын Ханаон, видев землю прилежащу к ливану, яко блага есть и плодовита, и повелику своея земля лучши сущи, силою исхити ю; а сущим от Сима наследникы изгна», и проч. Это место, очень важное, к сожалению, не находится в приложениях из Амартол к новому изданию Лавр. списка Несторовой летописи (см. стр. 240). Приведу соответственное место в греческом подлиннике, выписанное мною из Мюнхенской рукописи: τούτων οὖν τῶν χληροδοθέντων, δ τοῦ Χάμ διὸς Χαναὰν ἰδών τὴν προς τῷ Λιβάνω γῆν δτι ἀγαθὰ τε χαί εὖφορος, χαί χατὰ πολὺ τῆς ἑαυτοῦδε αλλαστό σης γῆς, τυραννιχῶς χαθήρπασεν αὐτὴν χαὶ τοὺς ἐχ τοῦ Σὴμ χληροντούτων ἐξήλασε χαὶ οὕτω πασα γῆ τῆς ἐπαγγελίας τοῦ Χαναὰν προσηγορεύεται χαὶ τεῦθεν δ δίχαιος τοίνυν χριτῆς μεταταῦτα τοῖς ἐχ τοῦ Σὴμ ὑιοῖς Iῆλ, ἀπέδωχεν αὐτὴν… Вот место из летописи (стр. 78, нов. изд.), где говорится о Святославовом похищении Киевского престола: «А Святослав седе Кыеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отню, паче же Божью. Велий бо есть грех преступати заповедь отца своего: ибо и сперва преступиша сынове Хамови на землю Симову, и по 400 лет отмьщенье прияша от Бога; от племене бо Симова суть евреи же избивше хананитско племя, вcase прияша свои жребии и свою землю. Пакы преступи Исав заповедь отца своего, и прия убииство; не добро бо есть преступати предела чюжего».

43. Лавр. сп. Нестор. летоп. Стр. 72, 73, 74. Замечательно употребление будущего причастия от глагола: *приду – придущий*, подобно: грядущий, будущий. Нестор служит оправданием подобному употреблению у Гоголя в «Мертвых душах»: «пронестись светлым явленьем, *возрадующим* мир» (стр. 466). У Жуковского в переводе «Илиады» (т. VI, стр. 171) также употреблено будущее причастие: *падущих*:

Братьев моих истребленье, тогда неизбежно *падущих*
В прах под рукою врага…

44. Архимандрит Савва открыл в июльской книге служебной Минеи XII века канон святым мученикам Борису и Глебу,

творение Иоанна, митрополита Русского. Жаль, что канон еще не издан и что мы не можем сверить его с отрывком акафиста в летописи. Любопытно и необходимо сличить летопись с житием Бориса и Глеба, которое писано преподобным Нестором. Жаль, что все житие не издано по древнему списку (издано только в 1859 году); но некоторые материалы для сличения предлагают приложения, сделанные к исследованию г. Кубарева. Нельзя не заметить к соображению некоторых отличий в летописи от рассказа в житии. В первой есть подробности об убиении отрока Георгия, которых нет в житии. В ней же сказано, что убийцы завертели Бориса почти мертвого в шатер, взложили на телегу и повезли, когда он еще дышал, а Святополк, узнав, что он еще дышит, послал двух варягов прикончить его; один из них, увидя, что он еще жив, извлек меч и пронзил Бориса в сердце. В житии Борис, раненый и сочтенный мертвым, после того как убийцы удалились, выбегает из шатра и произносит еще молитву. Тогда один из убийц возвращается и ударяет его в сердце. В описании кончины Глеба летопись предпосылает некоторые подробности, не находящиеся в житии, и, обратно, житие предлагает подробности о кончине, которых нет в летописи. Вообще сия последняя, теперь вполне изданная, нуждается еще в обширном труде, в котором, собрав в одно все, совершенное предшественниками для критики Нестора, следует разобрать всю летопись по частям и сличить ее со всеми источниками. Дóлжно ожидать такого труда от г. профессора Казанского университета Иванова, который в своем исследовании о летописях русских, напечатанном в «Учебных записках Казанского университета», совершил прекрасный приступ к этому делу.

Не от г. Иванова дождались мы такого труда, который был предложен мною в 1846 году, а от г. Сухомлинова, о чем сказано выше.

Лекция восьмая

1. Ипатьевский список. СПб., 1843. Стр. 4 и 5.

2. Замечательна эта связь наших древних церковных преданий с латинскими во всем, что касается до общего в деле веры. Явное свидетельство в пользу нашей терпимости.

3. Эти прекрасные предания о голубе находятся не в самом «Сказании», а в житии Алипия иконописца.

4. В подробностях об этом событии есть замечательное указание на обычай вступать в духовное братство во храме перед иконою, чем у нас освящалось человеческое чувство дружбы. В преданиях о витязях так до́лжно разуметь выражение *братья названые*. Приведу весь этот отрывок из «Сказания»: «Быста два мужа некая от великых града того друга собе: Иоанн и Сергей. Сия придоша в церковь Богонареченную, и видеста свет паче солнца на иконе чюдней Богородичней, и в духовное братство приидоша. По мнозех же летех Иоанн разболевся, остави сына своего Захарию пяти лет суща, и призва игумена Никона, и раздааше имение свое нищим, и часть сыновнюю дасть Сергию тысячу гривен сребра и сто гривен злата; предасть же и сына своего Захарию юна суща на съблюдение другу своему яко брату верну, заповедав тому: яко егда возмужает сын мой, дайте ему злато и сребро. Бывшу же Захарии пятинадесяти лет, въсхоте взяти злато и сребро отца своего у Сергея. Сийже, уязвен быв от диавола, и мнев приобрести богатьство, и хоте живот с душею погубити, глаголет юноше: отец твой все имение свое раздал Богови: у Того проси злата и сребра своего: Той ти должен есть, аще ти помилует; аз же не повинен есмь ни твоему отцу, ни тебе, ни во едином златницы. Се ти сотворил отец твой своим безумием, раздая все свое имение в милостыню; тебе же нища и убога оставил. Сия же слышав, юноша начал плакатися своего лишения. Посылает же юноша с мольбою к Сергию: дай же ми половину, а тебе половина. Сергий жестокими словесы укоряше отца его и того самого. Захария же третией части проси, таче и десятыя. Видев же себе лишена всего, глаголет Сергию: прииди и кленимися в церкви печерской пред чюдною иконою Богородичною, идеже и братьство взя со отцем моим. Сей же отвеща и кленыйся, яко не взял тысячи гривен сребра, ни сто гривен злата, и хотя целовати икону, и не возможе приближитися ко иконе. Исходящу ему из дверей, нача вопити: о святая Антоний и Феодосий! Не велита мене погубити аггелу сему немилостивому. Молитаже ся святей Богородице, да отженет от мене многия бесы, им же есть предан. Возмете же злато и сребро запечатано в клети моей, и бысть страх на всех, и оттоле не дадяху клятися святою Богородицею

никомуже. Пославше же, взяша сосуд запечатан, и обретоша в нем две тысячи гривен сребра, а злата двести: тако бо усугуби Господь отдатель милостивым. Захария же все вдаст игумену Иоанну, да растрошит якоже хощет. Сам же постригся, сконча живот свой ту. Сим же златом и сребром поставлена быть церкви святаго Иоанна Предотеча, уду же на полати восходят, во имя себе Иоанну болярину и сынови его Захарии, егоже бысть злато и сребро» (выписано из двух сличенных рукописных патериков М. П. Погодина и И. Н. Царского).

5. Для библиографии, касающейся Киевского Патерика, следует привести статьи, с тех пор вышедшие: «О Патерике Печерском и описание харатейного списка Патерика Печерского» Л. М. Кубарева. Обе статьи перепечатаны из «Журн. Мин. нар. просв.» (1838 и 1840) в «Чтен. Общ.» (1847. № 9), первая исправленная, вторая с небольшими пополнениями. «Обзор редакций Киево-Печерского Патерика, преимущественно древних» Макария, епископа Винницкого (Изв. Акад. Т. V. Вып. 3; Историч. чт. о яз. и слов. 1857). «О редакциях Патерика Печерского вообще в ответ на предыдущую статью» А. М. Кубарева. (Чтения. 1858. Кн. 3).

6. Эту мысль очень ясно выразил А. Н. Муравьев в своем сочинении «Первые четыре века христианства» (Изд. 2-е. СПб., 1842. Стр. 245): «Скоро красота Древнего Рима перешла в новый, вместе с правительством, частию сената и сановниками всемирной империи. Крепкие стены, обширные пристани, палаты царские и чертоги вельмож, площади народные, амфитеатры, ристалища, бани, водопроводы, торжища – все соорудилось внезапно, кроме капищ идольских; ни одно из них не осквернило Царьграда, и кумиры языческие изнесены были из храмов Греции, чтобы украшать только его ристалища, с треножником Дельфийским, послужившим для стольких оракулов».

7. Об этом говорится в «Сказании о создании киево-печерской церкви». Такую же церковь построил и Владимир Мономах в Ростове.

8. Ипат. список. Стр. 94 и 95.

9. Пролог. Апреля 28. Житие Кирилла Туровского: «И Андрею Боголюбивому князю многа послания написа от евангельских и пророческих указаний».

10. Патерик Печерский. О Преподобнем Святоши Князи Черниговьском. «Суть же и книга его многы и до ныне».

11. «Житие преподобные матере нашея Евфросинии девицы, игумении обители святаго Спаса в Полоцке» в Четиих Минеях под 23-м числом мая; Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители, соч. К. С. Сербиновича. СПб., 1841; Путешествия русских людей в чужие земли, изд. Г. Сахаровым. Ч. I. СПб., 1837. Стр. 91; Ист. госуд. Росс. Т. 2. Прим. 251.

12. Памятники российской словесности XII века. М., 1821. Стр. 255. «Пишет же ми книги (значит: письма на древнем болгарском языке) княгини Ростиславля Верхуслава, хотящи тебе поставити епископом Новуграду на Онтониево место, или Смоленску на Лазарево место, или Юрьеву на Олексиево место». Слова из послания Симона к Поликарпу.

13. О древнерусских училищах. Соч. Н. Лавровского. Харьков, 1854. Стр. 38–49; В. князь Константин Всеволодович Мудрый. Соч. И. Беляева (Временник. 1849. Кн. 3); История Русской Церкви. Соч. Макария Винницкого. 1857. Т. 3. Стр. 97.

14. История российская Татищева. 1774. Кн. 3. Стр. 196, 238, 279, 410.

15. Описание этого Евангелия находится в «Списке русским памятникам» П. И. Кеппена (стр. 30– 32) в Иоанне, экзархе Болгарском (стр. 110), где выписано и послесловие. См. палеографические приложения в конце этой части и снимок с Евангелия, приложенный к 338-й странице. Мстислав сел в Новгороде с 1095 года (Лавр. сп., стр. 96).

Г. Филимонов напечатал в 3-й книге «Чтений» 1859 года дополнительные сведения к истории Мстиславова Евангелия. Он полагает, что оно писано было в 1103 году, когда Мстислав, княжа в Новгороде, заложил церковь Благовещения на Городище, и что оно написано было для этой самой церкви; что обложено было в Царьграде Наславом, по поручению Мстислава, уже княжившего в Киеве; что отправлено опять в городищенскую церковь, где и оставалось до 1559 года, когда обновлено повелением Иоанна Грозного. Мстислав в 1117 году вызван был отцом своим из Новогорода в Киев и жил в Белегороде, оставив

по себе для новгородцев сына своего, Всеволода; но, конечно, он сохранял до самого 1125 года свой титул князя Новгородского, как старший сын Владимира Мономаха, потому что князей белогородских мы не знаем. А потому, отдавая полную справедливость остроумным догадкам г. Филимонова, до открытия новых данных мы можем повторить то же самое, что говорили и прежде: Мстиславово Евангелие написано ранее 1125 года.

16. Мстиславов список Евангелия есть полный список апракоса, поскольку содержит чтения и на простые, будние дни от Пятидесятницы до Великого поста, тогда как в Остромировом списке и многих других читаются здесь только одни субботние и недельные евангелия. Евангельский текст сличен с Остромировым списком апракоса, Галичским тетром и двумя другими списками XII века (хранящимися в Типографской библиотеке), из коих один апракос, а другой тетр, и одним апракосом XIII века (в ризнице Архангельского собора). С сими же всеми списками сличен и месяцеслов Мстиславова Евангелия. В обоих случаях в евангельском тексте для объяснения разных вариантов, а в месяцеслове – для показания других святых, сравнительно с нынешним изданием, употреблены греческие списки Евангелия Синодальной библиотеки VIII–XI веков, известные издания Нового Завета Маттеи, Шольца, Тишендорфа и др. Для объяснения месяцеслова, сверх того, взяты во внимание греческий месяцеслов императора Василия X века, Ассеманиев календарь, греческие и славянские списки, издания пророков, миней и нек. др.

По исследовании оказалось, что евангельский текст Мстиславова списка вместе с другими апракосами вообще передает древний, можно думать, первоначальный перевод славянских просветителей, тогда как в Остромировом списке виден текст исправленный, представляемый и тетрами. Месяцеслов Мстиславов идет из числа в число, согласен с древними списками и очень близко подходит к нынешнему печатному, а в Остромировом списке неполон, в показаниях иногда оригинален и в переводе неисправен. В языке перевода по Мстиславову списку представляется весьма много древнейших форм и оборотов речи, и замечательно, что они встречаются в болгарских переводах золотого Симеонова века.

17. Описано о. архим. Амфилохием в «Изв. Акад.» (Т. VII, вып. 4).

18. Описано Калайдовичем в «Иоанне экзархе», прим. 57, стр. 104. В «Описании славянских рукописей Моск. Синод. б.» за № 20, стр. 209. В «Палеографич. матер.» г. Буслаевым, стр. 18.

19. См. «Опис. Рум. муз.», № 103. О нем же Калайдовича в «Иоанне экзархе», прим. 68, стр. 110.

20. Из служебника снимок в «Образцах древлеписания Погодина», тетр. 1, № 6, а стихирарь описан в «Палеографич. матер.» г. Буслаевым, стр. 18. В указателе архим. Саввою обозначен 1152 год.

21. См. 198 № Рум. муз. По описанию г. Куприянова, Новогородская Софийская библиотека имеет пять пергаменных рукописей XII века и три XII–XIII веков. Изв. Акад. Л. 125 и 129. О памятниках письменности XII века см.: «Истор. Русск. Церкви» пр. Макария, стр. 85– 94.

22. Надпись на кресте напечатана в «Исторических сведениях о жизни преп. Евфросинии». Кроме того, см. «Журнал Минист. народн. просвещ.» (Январь. Смесь. 1–6). К той же книжке приложен и снимок со креста, изданный также особо. О других надписях см. Кеппена «Спис. русск. пам.», стр. 34, 35 и 45–48. Надпись на Рогволодовом камне снята в «Bulletin Hist. philol.» T. II. Köppen, der Rogwolodische Stein.

23. См. «Вестник Европы», 1818, № 15, 16 и 20. «Примечания на грамоту Великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю». Эта статья отпечатана и особой брошюрою. Кроме того, об этой грамоте у Кеппена в «Списке русск. памятн.», стр. 32, и в «Ист. госуд. Росс», т. 2, стр. 177.

24. Ист. госуд. Росс. Т. 2, стр. 167.

25. Об этом говорит издатель «Духовной Владимира Мономаха» (1793. Стр. 28).

26. Ист. госуд. Росс. Т. 3. Прим. 216.

27. Ипат. спис. Стр. 82, 88, 111.

28. Владимирский собор описан был в художественном отношении графом С. Г. Строгановым в особом сочинении: Ди-

митриевский собор во Владимире на Клязьме. М., 1849. В б. л. С 23 изображениями.

29. Там же, стр. 173. Прекрасно выражение летописца о Владимирской церкви: «яже бе ополела в великий пожар».

30. Ипат. спис. Стр. 151.

31. Там же, стр. 152–155, под годом 1200.

32. Новгор. летоп. Стр. 19 и 20.

33. «Истор. Русск. Церкви» Макария, т. II. стр. 201.

34. См. «Извест. акад. н.», л. 175.

35. Напечатан в «Истор. Русск. Ц.» Макария, т. 3, стр. 139 и прим. 241.

36. Это послание встречается при некоторых рукописных патериках, между прочим в одном, принадлежащем И. Н. Царскому.

37. Открыто преосв. Макарием и напечатано в «Истории Русск. Ц.», т. II, прим. 273.

38. См. в «Памятниках слов. XII века» послание митрополита Никифора к Владимиру Мономаху о разделении Церквей, Восточной и Западной.

39. Пам. слов. XII в. Стр. 202.

40. Там же, стр. 184.

41. Там же, стр. 209 и 211.

42. Ипат. спис., стр. 29, 30 и 79.

43. Там же, стр. 92: «Се же молвяше им (епископ), льсть тая в собе: бяше бо родом гречин».

44. «Пам. слов. XII века». Вопросы Кирика Нифонту. «Ходили бяху роте, хотяче в Иерусалим. Повеле же опитемью дати: та бо, рече, рота губить землю сию».

45. Слов. м-та Евгения. Т. 2, стр. 142. Вот эти слова: по каталогу рукописей графа Ф. А. Толстого, стр. 123, 130, 135, 456: 1) Слово св. Нифонта, яко в последнем издыхании покаянием и слезми и милостынею угодити Богу, 2) Св. Нифонта о искушении Божьи, 3) Его же о русальях, 4) Св. Нифонта о богатем и скупем, 5) Св. Нифонта, како подобает с тихостию и молчанием обедати на трапезе всякому христьянину. По «Описанию Румянц. муз.», стр. 227, 230, 234: 5) Слово св. Нифонта о ядении и то же слово о русальях.

46. Никон. Летоп. Т. 2, стр. 95. «и зело книжен, и учителен, и философ велий, и много писания написав, предаде». Ипат. спис., стр. 29: «И бысть книжник и философ, так якоже в Русской земли не бяшеть».

47. Об Аврaамие Смоленском см. «Истор. русск. слов.», ч. 3, стр. 13 и прим. 236.

48. Ипат. спис., стр. 139. Здесь, конечно, говорится о Третьем крестовом походе, который совершался именно в это время под предводительством германского императора Фридриха I, и в котором участвовали Филипп II, король Франции, возвратившийся из похода в 1191 году, и Ричард Львиное Сердце, наследник отца своего Генриха I, возвратившийся в 1192 году.

49. Слова Мишо («Histoire des croisades»): «Quelques papes, abusant de leur ascendant sur l'esprit des fidèles, armèrent les milices de la croix contre des peoples chrétiens et contre leurs ennemis personnels; les guerres saintes perdirent par-là le carectère qu'elles avaient eu d'abord, et ne furent plus que des guerres civiles dans fa chrétienté».

50. До сих пор лучшее издание этого памятника словесности принадлежит г. Сахарову, который напечатал его в первом томе «Путешествий русских людей в чужие земли», сличив по шести спискам. Издатель говорит сам, что он не имел средства пользоваться сводным списком митрополита Евгения. Лучший древнейший пергаменный список этого памятника, по свидетельству П. М. Строева, принадлежит Флорищевой мужской пустыне, находящейся во Владимирской епархии, в Гороховецком уезде.

51. И. г. Р. Т. 2. Прим. 211; Словарь м-та Евгения. Т. 1. Стр. 113.

52. См.: Путеш. русск. люд. в чужие земли. Том I. Стр. 18 и 86.

53. Стр. 11 и 71.

54. Стр. 4 и 65.

55. Стр. 36.

56. Путешествие к св. местам А. Н. Муравьева. Т. I. Стр. IX Предисловие.

57. Бл. Августин в своей «Беседе о словах, апостолом Петром сказанных Спасителю», говорит: «Не замышляй путей далеких: Того, Кто везде, достигают любовью, а не плаваньем». Св. Григорий Нисский в послании «О странствующихв Иерусалим» еще сильнее восстает против злоупотребления сих стран-

ствий, говоря, что Иисус Христос и Святой Дух не живут в одном месте более, чем в другом. Блаженный Иероним, сам совершивший странствие, разделял то же мнение, как видно из слов его: «Из Иерусалима, как и из Британии, равно отверсты небесные чертоги». Он прибавляет, что много святых достигли вечного блаженства, не видавши Иерусалима.

58. При изучении этого памятника любопытно опять взглянуть на различие в нашем воззрении на иерусалимские странствия и западном. У нас Церковь останавливала злоупотребления, западная сама подавала к ним повод. В XI столетии наказания церковные на Западе были заменены странствиями ко святым местам. Не было такого преступления, которого нельзя б было искупить хождением в Иерусалим и набожными подвигами на Господнем Гробе. Вменялось в особенную заслугу подвергаться страданиям от мусульман. Совершивший путешествие приобретал славу особенной святости: отъезд и возврат сопровождались обрядами или, лучше сказать, церковными почестями в честь странника. Многие христиане католического Запада, по свидетельству его же монахов, отправлялись затем, чтобы возбудить к себе удивление и рассказывать чудеса по возвращении. Повествования самых набожных странников ими наполнены. Особенно поразительны хождения французских богомольцев. Крайним неприличием отзывается рассказ под заглавием «Sainte et bénigne astuce du Comte d'Anjou». Странствие семи тысяч человек, совершенное в 1064 году, за 21 год до первого крестового похода, блеском внешности и золотом епископских одежд раздражило алчность варваров, и накануне Христовой Пасхи разбойники, прельщенные добычею, напали на великолепных богомольцев, и полилась кровь с той и другой стороны: таково было начало войн, длившихся после в течение столетий. Все это не худо принять к соображению для того, чтобы видеть различие проявления христианской жизни у нас и на Западе. (Извлечено из книги Мишо.)

Лекция девятая

1. Поучение Владимира Мономаха издано было в первый раз графом Мусиным-Пушкиным под заглавием «Духовная Ве-

ликого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в Летописи Суздальской Поученье» (СПб., 1793). Теперь мы имеем его в Лаврентьевском списке летописи (1846, стр. 100– 107).

2. Поучение продолжается до слов на стр. 105: «Божие блюденье леплее есть человечьскаго». Затем трудно определить, где начинается послание к Олегу, – словами ли «О многострастный и печальны аз» или «Да се написах»; оканчивается же оно на 106-й странице словами «на страшней при без суперник обличаюся» и прочее. Это показывает всего лучше, что оно вставлено самим Владимиром, а не летописцем.

3. Так увидим мы «Слово» митрополита Киприана, духовное завещание Грозного, духовное завещание Татищева к его сыну.

4. Слова «седя на санех» первый издатель толкует так: сидя на смертном одре; Карамзин принимает их в собственном значении, то есть: во время зимнего пути. В летописях встречается иногда, что больных или покойников носили на санях.

5. «Да дети мои, или ин кто, слышав сю грамотицю, не посмейтеся, но ому же любо детий моих, а примет е в сердце свое и не ленитися начнеть, такоже и тружатися». – «Да сю грамотицю прочитаючи, потеснетеся на вся дела добрая, славяще Бога с святыми его».

6. «Первое, Бога деля и душа своея, страх имейте Божий в сердци своем и милостыню творя неоскудну, то бо есть начаток всякому добру».

7. «И сему чюду дивуемся, како от персти создав человека, како образи розноличнии в человечьскых лицих, аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кый же своим лиць образом, по Божии мудрости».

8. «Ни одиночьство, ни чернечьство, ни голод, яко инии добрии терпять, но малым делом улучити милость Божью».

9. «Не грешите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли, али вы ся начнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не ленитеся, тем бо ночным поклоном и пеньем человек побежаеть дьявола, и что в день согрешить, а темь человек избываеть. Аще и на кони ездяче не будеть ни с кым орудья, аще инех молитв не умеете молвити, а “Господи помилуй” зовете безпрестани, втайне; та бо есть молитва всех лепши, нежели

мыслити безлепицю». Эта мысль заимствована у Иоанна Златоуста. Ту же молитву предлагает и Феодосий своей братии.

10. I посл. от Иоанна, ст. 20. Матф. Гл. 6, ст. 15.

11. Здесь находится одно из древнейших свидетельств о свадебных песнях наших в начале XII века: «да бых обуим (обняв) оплакал мужа ее и оны сватбы ею, *в песний место*: не видех бо сю первее радости, ни венчанья ею, за грехы своя». Слово *обуим* встречается в житии Бориса и Глеба: «И пакы встав, обуим выю его, целоваше с слезами». В «Мериле праведном» читаем: «Не буди мудр о себе, в всем стяжи разум, и почти и да тя *обуимет* и дасть главе твоей венец».

12. Это, вероятно, древний перевод того отрывка из канона св. Андрея Критского (из последования Великого повечерия в понедельник первой седмицы), который в нынешнем издании читается таким образом: «Воспряни, о душе моя, деяния твоя, яже соделала еси, помышляй, и сия пред лице твое принеси, и каплю испусти слез твоих: рцы со дерзновением деяния и помышления Христу, и оправдайся».

13. Напечатано в I томе «Русских достопамятностей» (Москва, 1815) под заглавием «Послание Никыфора митрополита Киевского к Великому князю Володимироу, сыноу Всеволожю сына Ярославля». Калайдович говорит, что это «Послание», равно и другое послание того же митрополита Никифора также к Владимиру Мономаху о разделении церквей Восточной и Западной, в рукописях не отделяются от творения Мефодия Патарского: это внушает ему предположение, что и самое творение Мефодия преложено было на славянский язык митрополитом Никифором (Пам. русск. слов. XII века. Стр. 156). Здесь напечатано и самое «Послание». Другие послания того же митрополита: одно к неизвестному князю о латинах, другое к Ярославу Святославичу, князю муромскому, во многом сходное с предыдущим, и «Поучение в неделю Сыропустную» напечатаны преосв. Макарием во 2-м томе «Истории Русской церкви» (прим. 277, 281 и 283). Содержание их относится более к истории Церкви.

14. «Но не дан ми бысть дар язычный, по божественному Павлу, яко тем языком творити ми порученная, и того ради безгласен посреде вас стоя, и молчу много».

15. «Что подобает глаголати к такому князю, иже боле на земли спить и дому бегает, и светлое ношение порть отгонить, и по лесом ходя сиротину носить одежду, и по поути в град входя, власти деля, в властельскоую ризу облачиться?»

16. «Сам убо служиши и стражеши рукама своима». – «Ти тако угаждаеши сущим под тобою и трепиши седя и зря их же имееши рабы упивающася, и тем поистине угажаеши и покаряеши а».

17. «Рука твоя по Божии благодати к всем простираются, и николиже ти съкровище положено бысть, ли злато, ли сребро ищьтено бысть, но вся раздавая, и обема рукама истощая даже и доселе». Слова «в земли не хороните» показывают, что это был исконный обычай русского народа: отсюда множество кладов. Земля была тогда единственным банком, где русские люди во время насилия и общественной безурядицы могли сберегать свои деньги.

18. Напечатано с некоторыми выпусками в VIII томе «Истории» Карамзина на 150-й странице примечаний под заглавием «Слово о Даниле Заточнике по списку XVI века» и в «Памятник. слов. XII века» на стр. 225 под двумя заглавиями: «Послание Заточника Даниила к Георгию Долгорукому» и «Слово о Даниле Заточнике». В «Каталоге ркКпп. графа Ф. А. Толстого» значится оно (№ 73 отдел. III, ст. 22) под сим последним заглавием. Этою рукописью конца XVI или начала XVII века пользовался Калайдович при своем издании. Г. Сахаров поместил его в «Сказаниях русского народа», а в «Москвитянине» (1843, № 9. Стр. 149) предложил весьма любопытное сличение некоторых мест из Даниилова «Слова» с подобными местами из «Пчелы» – древнего сборника, существующего в списке трех разрядов. Сличая оба текста, кажется, можно вывести то заключение, что «Пчела» заимствовала свои отрывки из Даниилова «Слова», потому что выражения сего последнего гораздо короче и сильнее, тогда как в «Пчеле» то же самое более растянуто. Здесь, по моему мнению, можно сделать то же самое замечание, какое делаешь обыкновенно при сличении текста сходных мест в «Слове о полку Игореве» и в «Слове о Мамаевом побоище». В «Златоусте» 1555 года (Рум. муз., № 182) находится «Поучение», составленное из притчей Соло-

моновых, в котором есть места, сходные со словами Даниила Заточника о князьях и думцах. Г. Сухомлинов в своей статье «Замечания о сборниках, известных под названием “Пчел”» (Изв. Акад., т. II, л. 14 и 15) указывает также на одно место, заимствованное Даниилом из «Пчелы» (стр. 227). Судя по этому заимствованию, следует предположить, что сборник «Пчелы» был у нас известен уже в XII столетии.

19. Никон. спис. Т. 4, стр. 81.

20. Данило приписывает эти слова Ростиславу князю: «Не лгал бо ми Ростислав князь: лепши бы ми смерть, а не курское княжение». В летописи же под 1139 годом эти слова говорит Андрей Владимирович Переяславский Всеволодоу Ольговичу, который хочет отнять у него Переяславль и отдать ему Курск: «Леплее ми того смерть, а с своею дружиною, на своей воочине и на дедне, нежели курьское княженье» (Лавр. списк., стр. 134).

21. Напечатано в «Русской беседе» (1856, II, стр. 90).

22. Ярослав Всеволодович, сын Всеволода III Георгиевича, родился 1190 (или 1191 года) февраля 8 в г. Переславле; в 1201 году августа 10 по воле отца своего отправился в Переславль Залесский на княжение; в 1206 году женился на дочери Юрья Кончаковича, хана половецкого, но детей от нее не имел; Всеволод Чермный изгнал его из Переяславля в 1207 году, и он переехал к отцу своему в Суздаль; тогда же он послан был отцом своим княжить в область Рязанскую, а по смерти отца своего, Всеволода, в 1212 год снова является на переславском княжении; в 1214 году он женился вторым браком на Ростиславе, дочери Мстислава Мстиславича новгородского; в 1215 году был призван новгородцами; в 1216 году, пораженный в битве Мстиславом, снова ушел в Переславль; в 1222 году опять призван в Новгород; в 1224 возвратился с женою в свой любимый Переславль; в 1225 году новгородцы послали вновь за Ярославом, который, княжа в Новгороде, постоянно сохранял дружелюбные отношения с Переславлем-Залесским и призывал оттуда войско свое в Новгород; нередко из Новгорода уезжал он в Переславль и снова возвращался в Новгород. На престол великого княжения Ярослав Всеволодович взошел в 1238 году и был из великих князей первым данником татарских ханов.

23. Замечательно в переделке «Слова» употребление слова «колбаса»: «Якоже бо птица частящи песнь ненавидима бывает: глаголет бо се в мирскых притчах: не добро слово продолжено, но добро продолжено колибася».

Один из моих критиков укорял меня в том, что я в XIII веке забыл об этом памятнике. Немудрено, что он принадлежит к числу тех, которые сами в 1856 году слышали в первый раз от меня же об этом «Слове» на лекциях университета. Место говорить о подражании там, где говоришь о подлиннике. Так я сделал с кафедры; так поступил и теперь.

24. «Летописец» открыт и издан князем М. А. Оболенским во «Временнике» 1851 года, книга 9, с предисловием, в котором пояснены многие места Несторовой летописи, заимствованные из Иоанна Малалы и древнеславянского перевода «Палеи», приписываемой Иоанну Дамаскину. Открытия князя Оболенского предшествовали исследованиям г. Сухомлинова, который пошел по следам его.

Приведем из «Летописца» два места, имеющие отношение к Ярославу. Описав кончину Андрея Боголюбского под 1175 годом, он говорит: «Андрею княже великыи, молися помиловати князя нашего и господина Ярослава своего же приснаго и благороднаго сыновца (то есть внучатого племянника) и дай же ему на противныя, и многа лета с княгинею, и прижитие детий благородных и мирну державу его и царьство небесное в бесконечныя векы». Издатель заключает, что «Летописец» писан до 1219 года, когда у Ярослава родился первый сын Феодор от второго брака с Ростиславою, дочерью Мстислава Новгородского. Второе место указывает на взаимную приязнь Ярослава с переславцами. «Ярослав же, приехав в Переяславль, месяця априля в и˜i день (1213) и съзвав вси переяславци к святому Спасу, и рече им: братия переяславци, се отець мои иде к Богови, а вас оудал мне, а мене вдал вам на руце да рците ми братия, аще хощете мя имети собе, яко же иместе отца моего, и головы своя за мя сложити. Они же вси тогда рекоша: велми, господине, тако буди, ты нашь господин, ты Всеволод. И целоваша к нему вси крест. И тако седе Ярослав в Переяславли на столе иде же родися».

25. Описание этой рукописи находится в библиографических листах П. И. Кеппена, № 7. Автор описания говорит: «Судя по языку, преложение сих слов сделано болгаром или другим каким славянином; но настоящая рукопись есть копия писанная, как кажется, в России». Известно, какую особенную любовь питал к Григорию Богослову св. Кирилл, первоучитель славянской грамоты: отсюда, вероятно, замечает П. И. Кеппен, что перевод сочинений Григория был одним из первых, коим занялись ученики Константина и Мефодия. В X беседе замечательна славянская вставка, вероятно, переводчика, потому что ее нет в подлиннике. Здесь высчитываются разные остатки идолопоклонства, как то: приношение треб на колодезях для испрошения дождя, поклонение рекам и животным, в них живущим, способ присяги с дерном на голове, также присяга костями человеческими, вера в полет птиц, во встречу. Это может еще более убедить, что «Слово» Кирилла о злых дусех, открытое князем М. А. Оболенским и упоминающее о многих таких же суевериях, есть славянское сочинение.

Описание той же рукописи и издание по ней некоторых «Слов» совершено И. И. Срезневским в «Изв. акад.» (Т. II, л. 16 и 17, и т. IV, л. 18– 21).

26. Замечательно это избрание Кирилла в епископы. Сначала он приобретает своей жизнью и служением любовь князя и народа, и потом, избранный любовью их, возводится в сан епископа митрополитом. Здесь также яснеет обычай избрания, издревле существовавший в нашей Церкви.

27. В житии сказано: «Феодорца же, за укоризну тако нарицаема, сего блаженный Кvрилл от божественных писаний ересь обличи и прокля его». Об этом Феодорце говорится в Ипат. списке (стр. 102) и в Никон. сп. (т. 2, стр. 206). Сказано, что он не хотел поставления от Киевского митрополита, а приехал прямо в Ростов, ссылаясь на то, что он поставлен от Патриарха Константинопольского; что он затворил все церкви во Владимире и даже церковь соборную, где находилась чудотворная икона Божией Матери, и ключи от них взял к себе; что грабил именье князей и бояр; что хотел мученьем отнять сокровища у одного богатаго княжьего постельничего и, не стерпев досадного слова его, велел распять его стремглав; что жег волосы, бороды,

глаза; отсекал руки, ноги, языки, носы, уши; распинал людей на стенах и на досках; рассекал надвое; жен богатых также мучил и непокорных варил в котлах; был грозен так, что все его трепетали; голос имел сильный, рост величественный, речь быструю и всегда готовую. Князь Андрей сначала увещевал его; но потом, убежденный просьбами народа, отправил его к киевскому митрополиту Константину, который, сняв с него сан, велел наказать его примерною казнью. Приведу из «Повести» Кирилла к Василью игумену Печерскому все место, которое может быть истолковано намеком на Феодорца. Это Кирилл говорит инокам: «Сиа же имуще обещания иноци, подвизайтеся; подобает же и в нынешних апостолех и ныне Июде быти, но кождо вас да съблюдет себе, не продадим Божиа слова на лжи: крадуще, грабяще, обидяще».

28. Калайдович думает (на стр. XXXII своего предисловия к изданию «Слов» Кирилла), что послания его к Андрею Боголюбскому и «Слова» одно и то же, только что сии последние были надписаны этому князю. Но отчего же послания поименованы отдельно от «Слов» в самом житии? До сих пор ни одного не отыскалось, но мало ли что древнее у нас еще не отыскано и постепенно открывается?

29. Древнейший список пергаменный, отнесенный Калайдовичем к XIII веку, значится 8-м номером 1-го отд. «Катал. библ. гр. Толстого». Списки, обозначенные в «Описании Румянц. музея», восходят к XVI, XV и даже XIV веку; некоторые из них исправнее напечатанного текста, по замечанию А. Х. Востокова.

30. «А вы единого часа не может ли отлучити Богови? Въпрошьшю же вы и отвещаете ми: аще злато или сребро по вся дни раздавал бых, или мед, любо си пиво, не бысте ли приходили сами и непризываеми, и друг друга бесте варили? Ныне же словеса Божия раздаваю, лучьша паче злата и каменья драгаго, и слажьша паче меду и ста, и лишаетеся их не приходяче к церкви» (стр. 55).

31. Вот полное заглавие всех творений Кирилла Туровского, напечатанных Калайдовичем: 1) Слово в неделю цветоносную, от сказаниа евангельска. 2) Слово на Святую Пасху в светоносный день Въскресениа Христова, от пророчьскых сказаний. 3) Слово в новую неделю по Пасце, о поновлении

Въскресениа и о артусе и о Фомине испытании ребр Господень. 4) Слово о снятии тела Христова с креста и о мюроносицах, от сказания евангелскааго, и похвала Иосифу; в неделю г҃-ю по Пасце. 5) Слово о раслабленемь, от Бытия и от сказания евангельскаго; в неделю д҃-ю по Пасце. 6) Поучение в неделю е҃-ю по Пасце. 7) Слово о слепьци и о зависти жидов, от сказания еуангельскаго; в неделю ѕ҃-ю по Пасце. 8) Слово на Възнесение Господне, в четвьрток ѕ҃ недели по Пасце, от пророчьскых указаний и о въскрешении всеродьна Адама из ада. 9) Слово на Сбор святых отец т҃ и и҃і, от святых книг указание о Христе Сыне Божии, и похвала отцем святого Никейского събора; в неделю преже Пянтикостия. 10) Поучение на Пянтикостии. 11) Слово о премудростие притча. Из всех «Слов», кажется мне, 11-е менее всех может быть приписано Кириллу. Своею простотою оно более напоминает поучения Феодосиевы. 12) Слово (Авраамиево). 13) Сказание о черноризьчьстемь чину, от Ветхаго закона и Новаго, оного образ носяща, а сего делы съвьршающа. 14) Повесть к Василью игумену Печерьскому. Притча о белоризце человеце, и о мнишьстве, и о души и о покаании. 15) Притчя о человечьстей души и о телеси, и о преступлении Божиих заповедей, и о въскресении телес человечь, и о будущем суде и о муце.

С тех пор как вышло первое издание моей книги, св. Кирилл Туровский был постоянным предметом исследования для наших ученых. Приведу по возможности полную библиографию того, что с тех пор было издано. В «Чтениях Общ. ист.» (1847, № 8) «Слово Кирилла Философа на собор Великого Архистратига Христова Михаила», найденное г. Розовым и то же почти, что «Слово Авраамиево» со вставкой «Поучения к попом». В «Прибавлениях» к «Творениям св. Отцов» (год 9-й, кн. 2, 1851) напечатано «Послание к Василию, архимандриту Печерскому» с предисловием.

В «Исторических чтениях о языке и словесности» (1855): «Новые списки поучений Кирилла Туровского» с замечаниями И. И. Срезневского (стр. 137) и «Еще одно поучение Кирилла Туровского по неизданным спискам» с замечаниями И. И. Срезневского (стр. 221). Последнее есть то самое, которое у Калайдовича напечатано под № XII и которое должно быть приписано Авраамию Смоленскому.

В тех же «Чтениях» за годы 1856 и 1857: «Св. Кирилл, епископ Туровский как писатель» преосвящ. Макария (стр. 119), отрывок из «Истории Русской Церкви», перепечатанный после в ней (т. III, гл. IV). «Еще заметки о творениях св. Кирилла Туровского» И. И. Срезневского (стр. 175).

Православный собеседник. Казань, 1857. Кн. первая и вторая. «Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского» с предисловием. – Некоторые из этих молитв напечатаны в 3-м томе «Истор. Русск. Церкви», прим. 240, а канон молебен Кюрила грешного – в тексте того же тома (стр. 139– 141) и в прим. 241.

Рукописи графа А. С. Уварова. Том второй. Памятники словесности. Выпуск первый. СПб., 1858. Здесь проф. Сухомлинов издал «Слова» Кирилла Туровского по рукописям библиотеки графа А. С. Уварова. Немногое прибавлено здесь против издания Калайдовича. «Наказанье» под № XII едва ли может быть отнесено к Кириллу Туровскому. Это «Слово о почитании книжном» приписывается более Иоанну Златоусту и Василию Великому. О нем упоминает и из него приводит отрывок «Православный собеседник» в своем исследовании «О чтении книг в древние времена России» (1858, июнь, стр. 175). Оно озаглавлено так: «Слово апостола Павла, истолковано Иоанном Златоустом и Василием Великим». – «Поминание и исповедание Кирилла епископа Туровского стиси добрейши» (за № XVI) должны бы быть отнесены к числу молитв его или следовать за его каноном; но ни канона, ни молитв на всю неделю не напечатал г. Сухомлинов, потому что, к сожалению, держался только тех рукописей, какие находятся в библиотеке графа Уварова. Вот причина, почему издание неполно, и в этом заключается главный его недостаток. Но зато ученый издатель обогатил труд свой предисловием «О сочинениях Кирилла Туровского», в котором со свойственною ему любознательностью указал на многие источники, откуда Кирилл занял некоторые отрывки слов своих.

32. Позволю себе не согласиться со следующими словами г. Сухомлинова: «Византийский элемент принес с собою не глубокие идеи или поэтическое чувство, а исключительный, односторонний взгляд на человека и прозаическую холодность к природе». Кто читал «Шестоднев» Василия Великого, творения Иоанна Златоуста, Григория Назианзина и других отцов Церк-

ви, тот никак не может согласиться с г. Сухомлиновым, который выразился так под влиянием убеждений чужих, совершенно посторонних его собственному направлению.

33. Вот слова церковной песни: «Тебе одеющагося светом яко ризою, снем Иосиф с древа с Никодимом, и видев мертва нага непогребенна, благосердный плачь восприим, рыдая глаголаше: увы мне, сладчайший Иисусе! Его же вмале солнце на кресте висима узревше, мраком облачашеся, и земля страхом колебашеся, и раздирашеся церковная завеса: но се ныне вижду Тя, мене ради волею подъемша смерть. Како погребу Тя, Боже мой, или како плащаницею обвию? коима ли рукама прикоснуся нетленному Твоему телу? или кия песни воспою Твоему исходу, щедре? Величаю страсти Твоя, песнословлю и погребение Твое со воскресением, зовый: Господи, слава Тебе». Вот то место в Кирилле Туровском, которое частью отсюда заимствовано: «Въпияше же Иосиф, глаголя сице: солнце незаходяй, Христе, творче всех и тварем Господи! како пречистем прикоснуся теле Твоем, неприкосновьньну Ти сущю небесным силам, служащим Ти страшьно? Кацеми же плащаницами обию Тя, повивающаго мьглою землю и небо облакы покрывающаго? Или какы воня възлею на Твое святое тело, ему же дары с вонями пьрсьстии принесше цари, яко Богу покланяхуся, прообразующе Твое за вьсь мир умьрщвение? Кыя ли нагробьныя песни исходу твоему въспою, ему же в вышьних немольчными гласы Серафими поють?»

34. См. предисловия г. Сухомлинова, стр. XXXIII–XXXVII. Приведем к соображению также некоторые места из церковной песни, подающие мысль к такому сравнению: «Днесь весна душам, зане Христос от гроба якоже солнце воссия тридневный, мрачную бурю отгна греха нашего, Того воспоим: яко прослався». «Царица времен, светоносному дню, дней же царю явственнейши даронося, красит избранныя люди церковныя, непрестанно поя воскресшаго Христа». – «Днесь весна благоухает и новая тварь ликует»…

35. Приведем из церковной службы места, имеющие некоторое отношение к этому слову: «При овчей купели человек лежаше в немощи, да егда возмутится вода, ввержет мя в ню.

Егдаже прихожду, ин предваряет мя и приемлет изцеление, аз же немощствуяй лежу, и абие умилосердився спас, глаголет к нему: *тебе ради человек бых, тебе ради в плоть облекохся*, и глаголеши: человека не имам, возми одр твой и ходи. Вся тебе возможна, вся послушают, вся повинуются, всех нас помяни, и помилуй святый, яко человеколюбец.

В купель иногда овчую ангел схождаше и единаго исцелеваше на всякое лето: крещением же божественным ныне очищает безчисленная множества Христос.

Ангел оубо господень на всякое лето схождая, воду в купели возмущаше, совершая здрава единаго точию: Христос же множество безчисленное божественным крещением спасает».

36. «Слово» Кириллово, объемля, так сказать, в совокупности всю вечную истину жизни Христовой и извлекая из каждого частного события всемирный смысл его, не обращает иногда внимания на хронологию событий. Так, Спаситель в речи Своей к расслабленному упоминает о воскресении Лазаря.

37. В «Слове на Вознесение Господне» я указал на места, взятые из пророка Захарии, яснее других пророчествовавшего о Вознесении, равно и из Исаии. Церковь читает оба эти пророчества на паремиях всенощной. Можно привести еще антифоны, воспеваемые Церковию. Они упоминаются в «Слове». Есть немногие сходства в приемах и мыслях. Проповедник приглашает взойти мысленно на гору Елеонскую: «Пойдем же и ныне, братие, на гору Элеоньскую умомь, и узрим мысльно вся преславьная сътворивъшаяся на ней». В церковной песни «Приидите, совзыдем вернии на высокую гору Елеонскую, якоже апостоли совосходяще, и на высоту вземше сердца и мысли, узрим Господа ныне носима». Апостолы и в «Слове» и в песне говорят: «Владыко, не остави нас сирых», но и там и здесь это имеет отношение к обещанию Спасителя: не оставлю вас сиры. В песне ангелы всего более воспевают слова, сказанные ими по свидетельству «Деяний апостольских» ученикам: мужие галилейстии, имже образом зрите, той паки приидет. Эта мысль не упоминается в «Слове». Ангелы в песне дивятся, ужасаются, величают человеколюбие, спрашивают: кто есть сей пришедый? И отверзают врата. Но мысль о борьбе между вышними

вратниками неба и ангелами, сопровождающими от земли Возносящегося, выраженная в таком величавом образе, принадлежит более самому Кириллу Туровскому.

38. Приведу все это место: «Пред вчерашним днем Господь наш Иисус Христос яко человек распинаемь бе, и яко Бог солнце помрачи и луну в кровь преложи, и тьма бысть по всей земли; яко человек възпиив, испусти дух, но яко Бог землею потрясе, и камение распадеся; яко человек в ребра прободен бысть, но яко Бог завесу прьваго закона полма раздра; яко агнец кровь с водою источи, за кровь агнець закалаемых преже на жрътву, и собою жрътву за спасение миру Богу Отцю принесе; яко человек в гробе положен бысть, и яко Бог олтарь язычьскыа церкви освяти; яко Царь стражьми стрегом и запечатлен в гробе лежаше, но яко Бог ангельскыми вои бесовьскым силам в твердыни ада прещаше, глаголя: възмете врата князи ваши, да внидет Царь славы».

39. Беседы на Евангел. Матфея. Ч. III. 1839. Стр. 191.

40. Православный Собеседник. 1857. Казань. Книжка I, стр. 232. Укажем также на Кутеинское издание молитв, находящееся в библиотеке Московского университета: «Молитвы повседневные от многих святых отец в общую ползу собраны, и з друку выданыи, в Кутеине з друкарни Спиридона Соболя. Року ˜ахла (1631). Тут и «Молитвы на всю седмицу, творение святого отца нашего Кирила мниха Туровского».

Лекция десятая

1. Приведу здесь заглавия всех изданий. 1) Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная странным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. Москва: В Сенатской типографии, 1800. В четверку. 2) Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Ольгова. В «Сочинениях и переводах, издаваемых Российскою академиею». Ч. I. СПб., 1805. 3) Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода-Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний.

СПб.: В типограф. Департ. народн. просвещ, 1819. В четверку. 4) Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке прозою и с оной преложенная стихами древнейшаго русскаго размера, с присовокуплением другаго буквальнаго преложения, с историческими и критическими примечаниями, критическим же рассуждением и родословною. Москва: В типогр. С. Селивановского, 1823. В восьмерку. (В посвящении Императрице Елисавете Алексеевне означено имя издателя Николая Грамматина.) 5) См. № 2. То же перепечатано вVII части собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. 6) К III тому «Истории русского народа», в приложении VI, г. Полевой перепечатал «Слово» по тексту первых издателей. 7) Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северскаго. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом. Москва: В типографии С. Селивановского, 1833. В восьмерку. 8) Песнь о полку Игореве, сложенная в конце XII века на древнем русском языке. Издана с переводом на нынешний русский язык профессором русской словесности Михаилом Максимовичем для своих слушателей. Киев, 1837. 9) Издание И. М. Снегирева. Приложено им к «Поведанию и сказанию о побоище Великого князя Димитрия Донскаго» в III части «Русского исторического сборника», 1838. 10) Издание И. П. Сахарова в «Сказаниях русского народа», в книге V, 1839, и в книге IV по изданию «Сказаний» 1841 года. 11) Слово о полку Игореве Святославля песнетворца стараго времени, объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским. Москва: В Унив. тип., 1844. В восьмерку. Составляет третью часть «Русских достопамятностей», издаваемых «О. и. и д. Р.».

2. Michala Wiszniewskiego Historya Literatury Polskiej. T. I. Krakow, 1840. 224 стр. «Слово о полку Игореве», по мнению г. Вишневского, столько же принадлежит русской, сколько и польской литературе, ибо написано на наречии польско-русском, вскоре после Нестора, когда влияние польское на Русь сильнее выражалось как в государственной жизни, так и в литературе (!). Г. Вишневский говорит, что автор «Слова» называет себя Велесовым внуком. Видно, что он смешивает его с Бояном. По всему заметно, что он изучал «Слово» не в подлиннике.

3. Я слышал лично от Пушкина о его труде. Он объяснил мне изустно вступление, которого смысл, по мнению Пушкина, был тот, что автор «Слова», отказываясь от *старых словес* и *замышления Боянова*, предпочитает говорить о полку Игоревом по былинам своего времени.

4. Вот заглавия новых изданий. Примечания на «Слово о полку Игореве». Н. Г. Москва, 1846. Объяснение седьмого века Траянова находится на 81-й странице. Траян покорил Дакию в 102 году по Р. Х. Всеслав овладел Киевом в 1068 году, следовательно, 966 лет спустя после покорения Дакии. По древнему летосчислению, это будет в VII веке от Траяна, считая по четыре сорока, или по 160 лет, в каждом веке. В шести веках будет находиться 960 лет. Из этого видно, что Всеслав овладел Киевом в 6 году VII века от покорения Дакии Траяном. Отсюда яснеет следующее место в «Слове»: «На седьмом веце Трояни връже Всеслав жребий о девицю себе любу». Из всех прежних комментаторов г. Головин всех ближе подошел к истине при объяснении места «нъ рози нося им хоботы пашуть». Но Максимович, кажется, окончательно разрешил эту загадку. К сожалению, г. Головин обнаруживает весьма ограниченные сведения в языке, когда производит слова *усобица* от *со* и *убийство*, или *жемчуг* от *женщина*. Издателю неизвестны древняя форма возвратного местоимения: *собе*, откуда объясняется слово *усобица*, и исследование Френа о Ибн-Фоцлане, где давно уже слово *жемчуг* объяснено арабским словом *jendschu*. Г. Березин объясняет его тюркским словом *инчу, инджу*, которое в иных наречиях, особенно северных, произносится *джинчу*.

Игорь, князь Северский. Поэма. Перевод Николая Гербеля. СПб., 1854.

Слово о полку Игореве. Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzer. Altestes Russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert im Urtexte mit Commentar, Grammatik, Glossar und einer metrischen Uebersetzung herausgegeben von Dr. August Boltz, Lehrer der russischen Sprache an der koniglichen Kriegsschule. Berlin, 1854.

Слово о полку Игоревом. Игоря Святославича, внука Ольгова, с переводом в прозе и примечаниями С. П. Кораблева. Москва, 1856.

«Украинец, издаваемый Михаилом Максимовичем». Книжка первая. Москва, 1859. «Песнь о полку Игореве», переложенная на украинское наречие. Переводчик говорит: «Первое издание этого перевода напечатано в Киеве в 1857 году. Здесь предлагается второе, поправленное его издание, к которому приложен и подлинник песни, по моему чтению и исправлению – место: *нъ рози нося им хоботы пашуть* Максимович (стр. 111) объясняет картинкою XIV века: *Борис идет на печенегы*, приложенною к 3-й книги “Киевлянин” (1850). Там изображены Владимировы стяги, украшенные одни копьями, а другие *рогами месяца-молодика*: это *рози* на стягах Владимировых. А под копьями и полумесяцами на стягах навешаны *челки стяговыя*: это *хоботы* (то есть хвосты) на стягах. *Хоботы пашуть*, то есть веют и машут: это у певца укоризненное выражение о стягах Давыдовых, которые бездейственно простояли у Треполя над Днепром, по пленении Игоря, – только повеяли, помахали своими хвостами, и не двинулись далее на защиту Переяслава, осажденного Кончаком». – «*Стругы простре* (стр. 112) – так поправляю я вместо *стругы ростре*. Здесь не *струг* (муж. р.) – водоплавное судно, а *струга* (жен. р.), уменьш. *стружка*: так и теперь в Поднепровской Украине называется проток бегучей воды между речными плавнями или островами, заросшими кустами, деревьями или камышом. Нестор, описывая потопление Ростислава Всеволодовича в р. Стугне 26 мая 1093 года, – говорит: бе бо наводнилася велми тогда».

5. Предложу по возможности литературу, относящуюся к «Слову о полку Игореве». Здесь нельзя не отдать благодарности И. П. Сахарову, который сделал самые богатые указания. Первое известие о находке напечатано, как говорит И. П. Сахаров, в «Spectateur du Nord» (октябрь, стр. 35). Мнение Шлецера изложено в Несторе, т. I, стр. 384. Мнение Карамзина в III т. «И. г. Р.», стр. 218 и прим. от 262 до 272. Востоков в «Опыте о русском стихосложении», 1818. Калайдовича рассуждение: «На каком языке писана песнь о полку Игоря: на древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг Священного Писания, или на каком-нибудь областном наречии?» (в «Трудах Общества любителей российской словесности», ч. XI). Еще мнение Калайдовича в биографии Мусина-Пушкина, ч. II «Записок

О. и. и д. р.». Мнение его же и Тимковского в «Сыне Отечества», 1838. Раковецкий в своем сочинении о «Правде Русской» (т. I. стр. 78) упоминает о «Слове». Замечания г. Буткова в «Вестнике Европы» (1821, № 21 и 22) и в «Сыне Отеч.» (1834, № 52, стр. 616). Полевой в «И. р. н.», ч. II, и в рецензии на издание «Слова», напечатанного Вельтманом (Моск. телегр., 1833, ч. 50, стр. 419). Мнения Каченовского, представителя школы скептической, в «Ученых записках Моск. унив.», 1834, № 3, стр. 457. В статье г. Беликова о том же предмете там же, № 2 и 3, стр. 295 и 448. Г. Руссов: «О подлинности “Слова о полку Игореве”», 1834. Мнение И. И. Давыдова в «Ученых записках М. у.», 1834, ч. 3, стр. 281. Мнение г. Сенковского в «Библиотеке для чтения», 1834, т. IV, стр. 5. Критика. Мнение Максимовича: «“Песнь о полку Игореве”, критический разбор из лекций о русской словесности, читанных 1835 года в Унив. Св. Владимира». Напечатано в «Ж. М. н. п», в апрельской и июньской книжках 1836 года и в январской 1837 года. «Сербская сказка о царе Трояне. (К объяснению “Слова о полку Игореве”)», статья г. Буслаева (Москвитянин, 1842, № 11). «Следы азиатизма в “Слове о полку Игореве”» о. п. Каз. унив. Эрдманна (Ж. М. н. п., 1842, октябрь). Ст. Вельтмана в «Москвитянине», 1842, 213 стр. Упоминаемый *бо Ян* в «Слове о п. И.» есть старец Ян, упоминаемый Нестором. Моя статья в «Москвитянине», 1843, № 12. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. Здесь сличено «Слово о полку Игореве» с сею летописью. Разбор издания г. Дубенского: статья г. Буслаева в «Москвитянине», 1845, № 1. Ответ на эту статью г. Дубенского в «Отеч. зап.», 1845, № 6. Мнение М. П. Погодина в письме ко мне о десятой моей лекции (Москвит., 1845, № 1). «Об одном “Прологе” Библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Даждьбога», соч. О. М. Бодянского (№ 2 «Чтений О. и. и д. р.», 1846). Кстати упомяну здесь и о переводах «Слова». Кроме тех, которые приложены к изданиям, мною помянутым, существуют на русском языке переводы в стихах: Серякова, изд. в Петербурге в 1803 году; Палицына, изд. в Харькове в 1808 году; Язвицкого – в С.-Петербурге в 1812 году; Левитского – там же в 1813 году. Немцев познакомил первый со «Словом о полку Игореве» Август Коцебу в журнале «Der Freimuthige». На немецкий язык переве-

ли «Слово» Рихтер, напечатавший его в «Nordische Miscellen» в Риге в 1803 году, Иосиф Миллер в Праге в 1811 году, Зедергольм (Das Lied vom Heereszuge Igors, Sohnes Swatoslaw Enkels Olegs. Moskau, 1825.), Свобода. На чешский язык переложили Юнгман прозой в 1808 году, а позднее Рожняй в стихах, но эти преложения не вышли. В 1821 году Вацлав Ганка издал перевод на чешском языке с текстом и немецким переводом под заглавием «Igor Swatoslawič. Hrdinsky zpiew o taženj proti Polowcům. Wěrně w původnjm gazyku, spřipogenjm Ceskeho a Nèmeckèho přeloženj. Od Waclawa Hanky. W Praze, 1821. Киприан Годебский перевел слово с французского перевода по-польски, но он считал его за поддельное произведение Мусина-Пушкина. Раковецкий в «Правде Русской», а Линде в «Истории русской литературы» предложили из него отрывки. Август Беловский перевел все «Слово» по-польски отлично и выдал в Львове в 1833 г. В Москве выдан был перевод Бланшара. Другой французский перевод помещен в журнале Экштейна «Le Catholique».

Следует еще упомянуть о трех стихотворных переложениях «Слова о полку Игореве»: г. Де ла Рю (Одесса, 1839), г. Минаева (СПб., 1846), г. Мея (М., 1850 – «Москвитянин» на 1850 год, № 22).

Кроме изданий, которые указаны выше, с 1846 года вышли еще следующие статьи, касающиеся «Слова о полку Игореве». «Москвитянин» 1850 года, № 18: «Об эпических выражениях украинской поэзии» г. Буслаева. «Замечания на “Слово о полку Игореве”» князя П. П. Вяземского (Временник. 1851, кн. 11; 1853, кн. 17). «Москвитянин» 1854 года, № 22, г. Березина разбор перевода г. Гербеля, где указаны многие турчизмы в языке «Слова». «Москв.» 1855 года, № 1 и 2, М. А. Максимовича «Замечания на “Песнь о полку Игореве” в стихотворном переводе г. Гербеля». № 6, его же «Темное место в “Песни о полку Игореве”». Буслаева «Летописи русской литературы и древности» – «О Бояне, поэте XI века».

6. Галлицизм относительно кричащих телег принадлежит «Библиотеке для чтения». Вот ее слова (стр. 6): «Есть даже галлицизмы, например: кричат телеги полунощные – тут и глагол и прилагательное (а в подлиннике: *полунощи* – предложный

падеж: вот какою точностью отличались наши скептики!) “не старее нас летами”». Другой галлицизм – rompre une lance avec quelqu’un, показывающий, как знали мало французский язык те, которые искали таких галлицизмов, – принадлежит скептикам Московской школы.

Мнение Г. Беликова в «Ученых записках Московского унив.».№ 2 и № 311834 г. Стр. 295 и 449.

7. См. часть I «Ист. р. слов.», 2-е изд., стр. 188.

8. Так, например, Грамматин заменил древние формы: *бяшеть, растекашется, помняшеть, пущатеть*, и проч. более новыми без *ть*: *бяше, растекашеся, помняше, пущаше.* Ему неизвестно даже было, что эта же самая форма глаголов весьма употребительна в Ипатьевском списке летописи, сходной языком своим со «Словом о п. И.», как заметил Карамзин. Форма двойственная: *есв, ростреллеев, опутаев*, заменена другою, как неизвестная издателю. Вместо *неготовами дорогами* (падеж имени прилагательного неопределенного, свидетельствующий о древности языка) поставлено: *неготовыми.* Вместо: *минула лета Ярославля* напечатано: *минули лета Ярославля*, опять незнание древней формы глагола. Все изменения Грамматина высчитывать было бы слишком долго. Эти древние формы подлинника свидетельствуют в пользу добросовестности первых издателей, которые строго держались текста рукописи, не изменяя ничего.

10. Критик «Библиотеки для чтения» говорит: «Частое употребление местоимения *свой*, столь редкого в старинных славянских писаниях, показывает в сочинителе человека, напитанного французским языком». Положим, что критику не могло быть известно выражение, встречающееся на первой странице Остромирова Евангелия: «В *своя* приде, и *свои* его не прияша». Остромирово Евангелие не было тогда издано, да как же без него так решать историю местоимения *свой*, по старинным славянским писаниям? Но критику должна бы быть известна «Грамматика» Добровского, которая была уже тогда издана даже в русском переводе. В ней на страницах 24– 29 тома 3 он увидел бы историю возвратных местоимений в нашихдревних памятниках и заметил бы, что местоимение *свой*, как славянское коренное, в древнейших рукописях более употреблялось, чем в новейших,

где его заменили посредством *мой, твой* в единств. И *наш, ваш, их* во множ. ч. Каким образом *свой* сделалось особенностью французского языка и из коренного славянизма стало у нас галлицизмом, мы решительно не понимаем. Скептик московской школы спрашивал: «Откуда певец мог знать леопардов? Неужели они водились когда-либо в России?» Видно, что он не прочел даже вполне издания Грамматина, где в примечании 108 нашел бы выписку из летописей о пардусах в России; не говорю уже о том, что он не заглядывал в грамоты наши, где также нашел бы *пардусников*. Еще смущало того же скептика слово *оксамит*: как могло быть оно у нас известно в XII веке? – спрашивает он, а не справился с летописью XII века, где оно несколько раз встречается. Тот же скептик, представляя черты языка в «Слове», говорит: «Прилагательные имеют и древнюю усеченную форму, и полную позднейшую, например “храбра князя” и “храбраго полку”», не зная того, что обе формы равно древни и встречаются равно в древнейших памятниках. Говоря о глаголах, он так выражается: «Прошедшее время иногда имеет конечную *л*, например *притрепетал,* иногда не имеет ее – *притопта*”». Как из этих слов видно, что критику неизвестны были первые основания филологии славянской! Имя *Салтана*, по мнению графа С. П. Румянцева, появилось позже XII века, а между тем оно является уже в истории крестовых походов.

11. Г. Беликов, предполагавши, что «С. о п. И.» первоначально могло быть даже переложено с иностранного языка, думал, что в XVI веке у нас «нашелся любитель изящного, которому понравилась сказка или песнь о походе Игоря и который, чувствуя в себе способность красноречиво передавать свои мысли, решился записать ее и, как бы хороший начетчик старинных книг, вздумал изложить оную старинным языком XII века – старыми словесы», притом языком сочинителя, который, по его мнению, был южный русин. «Это намерение заставило его искать старинных форм языка, слов южного наречия, и почерпать по неведению слова из польского и сербского языка». Вот смелые гипотезы наших скептиков!

12. В первом издании у меня ошибочно было сказано, что Шафарик отнес «Слово» к концу XIV столетия. В чешском под-

линнике «Славянской народописи» оно отнесено к концу XII столетия, а в русском переводе – к концу XIV.

13. Так, слово *харалужный* г. Березин производит от татарского *харуджо*, означающего *сталь*. Вот слова, встречающиеся в «Слове о п. И.» и объясняемые г. Березиным из восточных языков, преимущественно из тюркского: гза (каз, гусь), Див, женчюг, жля (чал, седой), карна, касожский, писань (хорек), кобяк (конек, собака), коган, кончак (сука), салган, топчак (по-тюркски хищная и легкая лошадь), тур (объяснение в примечании 12 к первому тому «Библиотеки восточных историков»), кур Тмуторокань (курень тьмутараканский) (прим. 35 и 36 к той же книге), хин, Хорс, чага (дикое дитя), Шарокан, япончица (турецкое япунча), орьтма (тюркская накидка). См. статью в «Москвитянине», приведенную выше, и «Библиотеку восточных историков», издаваемую И. Березиным, проф. Казанского университета, том. 1. «Шейбаниада. История монголо-тюрков», 1849.

14. Поучение Мономахово могло бы быть также подвергнуто сомнению на этом основании, потому что встречается только в одном списке «Летописи».

15. Труды Общества любителей российской словесности. Часть XI. Москва, 1818, стр. 17 и 18. Карамзин в 227 прим. к 4-му тому приводит всю приписку к харатейному «Апостолу» (в Синод. библиотеке под № 19): «Сии же Апостол книгы вда Св. Пантелеймону Изосим игумен сего же монастыря. Сего же лета бысть бой на Русьской земли Михаила с Юрьем о княженье новгородское. При сих князех…» и т. д. Подробное описание сего «Апостола» под № 4 (по прежнему каталогу – № 722) можно прочесть в «Описании слав. рукописей Синод. библ., отд. I, стр. 292). Здесь восстановлено и самое чтение текста, которое у Калайдовича неправильно. О том, что Дажьбог есть солнце, см. 5 стр. Ипат. списка летоп. (Временник. 1851, кн. 9). Предисловие к изданию «Летописца Переяславля Суздальского», стр. XVI. «Чтения Общ. ист.», 1846, № 1. Смесь. «О Свароге, боге языческих славян», соч. Шафарика, пер. О. М. Бодянского, стр. 32. Из всех исследований ясно, что славянские переводчики переводили греческое слово ‹Ηφαίστος Сварогом, ‹Ήλιος – солнцем и Дажьбогом. Так и Зевес переводится Перуном. Другое выражение: «своя вещиа пръсты на живая струны

вскладаше» – обнаруживает сходство с подобными словами, которые встречаютсяв «Слове о Лазаре»: «рече бо Давыд царь, накладывая многочестныя персты на живыя струны», как заметил И. М. Снегирев в 5-м прим. к своему изданию.

16. Сличение всех мест схожих приведено подробно Д. Н. Дубенским в предисловии к его изданию (стр. XXVI–XXXIII). Я сообщу здесь только два наиболее разительных, о которых упоминаю в лекции.

Речь Всеволода из «Слова о п. Игореве»:

«И рече ему буй тур Всеволод: “Один брат, один свет светлый ты Игорю; оба есве Святъславичя; седлай, брате, свои бързыи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска на переди; а мои ти куряни сведоми къмети, под трубами повити, под шеломы взлелеяны, конець копия вскормлени, пути им ведоми, яругы им знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами сами скачють аки серыи влъци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».

Речь Владимир Андреевича из «Сказания о Мамаевом побоище»:

«И говорит князь Владимер Андреевичь: “Господине князь Димитреи Ивановичь, воеводы у нас велми крепцы, а руские удалцы сведоми, имеют под собою борзы кони, а доспехи имеют велми тверды, злаченые колантыри и булатныя байданы, и колчары фряйския, корды лятцкие, сулици немецкие, щиты червеныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога им велми сведома, березі им по Оце изготовлени, хотят головы своя сложити за веру християнскую и за твою обиду государя великаго князя».

Предзнаменования из «Слова о полку Игореве»:

«Игорь к Дону вои ведет: уже бо беды его пасет птиц; подобию влъци грозу въсрожат по яругам; орли клетком на кости звери зовут, лисици брешут на чръленыя щиты». В другом месте: «Тогда по Русской земле редко ратаеве кикахуть; нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче; а галици свою речь говоряхут, хотят полетети на уедие».

Из «Сказания»: «За многие же дни приидоша на то место мнози волцы, по вся нощи воют непрестанно; гроза бо велика есть слышати, храбрым полком сердца утвержает, и мнози ворони собрашася, необычно неумолкающе грают, галицы же своею

речью говорят и мнози орли от уст Дону приспеша, лисицы на кости брешут, ждучи дни грознаго, Богом изволеннаго, в оньже имать пастися множество трупиа человеческаго, и кровипролития, аки морским водам; от таковаго страха и от великия грозы дерева приклоняются и трава постилается». Заключение сходно с другим местом в «Сл. о. п. И.»: «Ничить трава жалощами, а древо стугою к земли преклонилось».

17. См.: Временник. 1852, кн. 14. «Задонщина» в «Изв. акад.», т. VI, вып. V, стр. 338–362. «Истор. русск. слов.», ч. 3, стр. 274.

18. Замечено еще Карамзиным. См. VII том его «Истории», прим. 123.

19. Подробнее об этом в моей статье. см. «Москвит.», 1843, № 12. Критика.

20. О церкви Богородицы Пирогощей см.: Лавр. сп., г. 6639; Ипат. сп., г. 6640; «И. г. Р.», т. 2, прим. 383. Прим. 119 к изданию И. М. Снегирева, стр. 128. О песнях половецких и готфских девах см.: Ипат. спис., стр. 155. Изд. «Слово», п. И. Д. Н. Дубенского, стр. 132. Карамзин, «И. г. Р.», т. IV, прим. 68. «О древностях южного берега Крыма и гор Таврических», соч. Петра Кеппена, 1837, стр. 63, прим. 85.

21. О *Бусовом яре,* как бывшем становище хана Буса, см. в III т. «Русского историч. сборника», стр. 227, в статье В. В. Пассека «Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов». Мнение П. И. Кеппена о Тьмутараканском болване см. в помянутом его сочинении, прим. 189.

22. О Тимофее см. Ипат. сп. стр. 157. Там же, на стр. 156, выражение: *славяху Игоревича*, и на стр. 187 (песнь славну пояху има). Там же о певце Митусе, стр. 180. Первый обратил ученое внимание на этого единственного певца, упоминаемого в наших летописях, скудных подобными известиями, И. М. Снегирев в своем первом выпуске «Русских праздников». Г. Головин Тимофею книжнику готов приписать сочинение «Слова». О Бенедикте, как одном из трех имен Антихриста, см. «Опис. слав. ркпс. Синод. библ.», отд. II, стр. 195. Для объяснения имени певца Митусы к соображению принять до́лжно глагол *митушати* – прилаживать, приплясывать («Церковн. слов.» Алексеева, т. 3, стр. 24. Замечание, сообщенное И. М. Снегиревым). Обычай славить и воспевать князей и связь «Слова» с целым

рядом поэтических сказаний древнего периода русской истории указаны М. П. Погодиным в его письме ко мне по случаю этой лекции, когда она была сказана (Москвит., 1845, I).

23. «Начаша выступати полци Половецкии, *ак борове*», – сказано в Волынской летописи. К объяснению этого слова прилагается выражение: *борове* – сосны (πίτυες) из текста Библии 1499 года (Опис. Синод. библ., отд. I, стр. 105).

24. Предложу разделение на части «Слова о полку Игореве»: для тех, которые хотели бы изучить самый памятник в подлиннике, это может облегчить изучение. Мое разделение было в первый раз предложено слушателям в то самое время, как М. А. Максимович в Киеве предлагал свое. Все «Слово» я делю на 16 частей: 1) *Вступление* кончается словами: «наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецкую за землю Руськую», и содержит предмет «Слова» и воспоминание о Бояне. 2) *Сбор Игоря и Всеволода к походу* начинается словами: «Тогда Игорь възре на светлое солнце» и кончается: «сами скачють аки серыи волцы в поле, ищучи себе чти, а князю славе»; содержит: знамение от солнца, предложение Игоря воинам, ополчение, обращение к Бояну, ожидание брата Всеволода, речь Всеволода к Игорю. 3) *Выступление в поход* начинается: «тогда вступи Игорь в злат стремен», и кончается: «Русичи великая поля чрлъными щиты прегородиша, ищучи себе чти, а князю славы»; содержит отправление войска, предзнаменования природы, побег половцев к Дону. 4) *Победа Игоря над половцами и их бегство* начинается словами: «С зарании в пятке потопташа поганыя плъкы половецкыя» и кончается: «Кончак ему след править к Дону великому»; содержит описание добычи русской и Игоревой, ночь, проводимую войском (Ольговым гнездом, так названным по причине Олега, деда Игоря и Всеволода), и бегство Гзака и Кончака. 5) *Набег новых сил половецких и отступление русских* начинается: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают», и кончается: «А храбрии русици преградиша чрълеными щиты»; содержит: описание утра и новых злых предзнаменований, выступление половцев, отступление русских. 6) *Подвиги Всеволода* – начинается: «Яр туре Всеволоде!» и кончается: «свычая и обычая». 7) *Воспоминание о междоусобиях князей и битвах* – начинается: «Были вечи

Трояни», и кончается: «а сице и рати не слышано»; содержит описание тяжких междоусобий и несчастий земли Русской. 8) *Поражение русских*, «с зараниа до вечера» – «а сами полегоша за землю Русскую». 9) *Печаль природы и всей Русской земли о междоусобиях и нападениях половецких:* «Ничит трава жалощами» – «емляху дань по беле от двора». 10) *Воспоминание о подвигах Святослава против половцев:* «Тии бо два храбрая Святъславича» – «а веселие пониче». 11) *Сон Святослава и беседа с боярами.* «А Святослав мутен сон виде» – «Туга и тоска сыну Глебову». 12) *Воззвание к современным князьям о помощи:* «Великый княже Всеволоде!» – «Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святославича». 13) *Воспоминание о прежних князьях.* «Уже бо Сула не течет сребреными струями» – «копиа поют на Дунаи». 14) *Плач Ярославны.* «Ярославнын глас слышит» – «тугою им тули затче». 15) *Побег Игоря из плена.* «Прысну море полунощи» – «то почнут наю птици бити в поле половецком»; содержит бегство Игоря и Овлура, разговор Игоря с Донцом, погоню Гзака и Кончака. 16) *Возвращение Игоря на Русь и хвалебное заключение.* «Рек Боян и ходы» – до конца.

25. Српски Ріечник. 1818, стр. 829 и 830 и статью о том г. Буслаева (Москвит., 1842 №. 11). Эта статья, более распространенная, вошла как часть в исследование его о Бояне, поэте русском XI века, приведенное выше.

26. О. М. Бодянский доказывает, что Хорс и Дажьбог есть одно и то же божество, что первое есть имя зендское, а второе русское; что *прерыскал волком путь Хорсу* значит пробегал быстро владения Хорса или Дажьбога, то есть Русскую землю.

27. «Все же лето умре Брячислав, сын Изяславль, внук Володимер, отец Всеславль, и Всеслав, сын его, седе на столе его; его же роди мати от вълхвованья, матери бо родивши его, бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: “се язвено, навяжи на нь, да носить е до живота своего”, еже носить Всеслав и до сего дне на собе. Сего ради немилостив есть на кровьпролитье» (стр. 67 Лавр. сп.).

28. «В се же лето Новегороде иде Волхов вспять, дний 5; се же знаменье не добро бысть, на 4-е бо лето пожже Всеслав град» (стр. 70). «В се же лето Всеслав рать почал. В си же време-

на бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имущи акы кровавы, всходящи с вечера по заходе солнечнем, и пребысть за 7 дней. Се же проявляше не на добро: посем бо быша усобице много и нашествие поганых на Русьскую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи кровипролитье. В си же времена бысть детищ вверьжен в Сетомль, сего же детища выволокоша рыболове в неводе, его же позоровахом до вечера, и пакы ввергоша и в воду бяшеть бо сиць: на лици ему срамнии ве, иного нелзе казати срама ради. Пред сим же временем и солнце пременися, и не бысть светло, но акы месяц бысть; его же невегласи глаголють снедаему сущю».

29. См. 276 стр. 1-й части.

30. Это мнение изложено было г. Вельтманом в 1-м номере «Москвитянина» 1842 года.

31. Мнение Венелина изложено им в «Истории болгар». У Симеона, царя болгарского, от двух супруг было четверо сынов: Петр, Иоанн, Михаил Боян. Петр, с прозванием *первого*, наследовал Симеону; Иоанн и Михаил сделаны господарями областей, а Боян, младший, предпочел жизнь частную. Раич в своей «Истории славянских народов (т. I, стр. 399, Вена, 1799) говорит: «Был еще и четвертый сын Симеонов, зовом Ваян, о коем повествуется, что толико извыкл бе художество волшебства, что мог от человека волка или инаго каковаго зверя преобразити». Известие взято из Дюфрена Дюканжа, «Historia Byzantina», 1680, стр. 313. «Addunt Luithprandus et Albericus alium praeterea Symeonis filium Bajanum, qui adeo didicisse artem magicam ferebatur, ut ex homine lupum et quamounque aliam vellet feram faceret».

По мнению Вельмана, заимствованному из тех же источников, Симеон жил до 931 года, но Калайдович годом его смерти полагает 927 год. О том, что имя Бояна упоминается в одной болгарской песне, слышал я от болгарина С. Н. Палаузова.

32. Г. Буслаев в приведенной выше статье учинил нападение на меня и отвергает существование этого обычая, видя здесь одно сравнение в народной форме отрицания: десяти соколов – с десятью перстами гусляра-певца, а стада лебедей – с живыми струнами. Мнение это принадлежит не ему одному, точно так как и мнение о существовании обычая также не мне. Напрасно он превращает то в личное разногласие между нами, что выра-

зилось давно противоречием между различными учеными, еще до нас с ним изучавшими предмет. Обычай здесь видели первые издатели «Слова» – Шишков, Пожарский, Дубенский; одно поэтическое сравнение – Грамматин, Головин, Максимович, со всеми теми же подробностями, как указывает на них и г. Буслаев. Мне кажется, что можно согласить оба мнения и что обычай подал повод к сравнению. Ловища лебединые с соколами принадлежат к числу самых старинных потех русских. Летописи XIII века говорят о них ясно, но, конечно, они предшествуют XIII веку. Что охота сопровождалась песнями и имела характер удельных времен – это также вероятно. Если бы сравнение не было заимствовано из обычая, то как объяснить подробность в сравнении: чей сокол долетал, тому прежде и песню пели? Число *десять*, конечно, взято для сравнения с перстами. Для объяснения места надобно обратить также внимание на глагольные формы: *помняшеть, пущашеть,* которые употребляются в «Слове» в неопределенном безличном смысле: помнилось, пускалось, как, например: *сеяшется и растяшеть* усобицами.

33. Вот место, откуда мы заимствуем эту подробность: «Река Боян и ходы на Святъславля пестворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кроме плечю; зло ти телу, кроме головы». Максимович отказался от этого места, самого темного во всем «Слове», и выкинул его из своего издания. Слово *ходы* объясняется, как я думаю, посредством прошедшего простого от малороссийского глагола: *ходыти, ходы* вместо *ходил*. Песнотворец, на которого выступал Боян, есть певец Олега Тьмутараканского, сеятеля раздоров и междоусобий на всем юге; с именем этого певца соединены имена трех князей: Олега, Святослава и Ярослава, то есть певец пел Олега, отца его Святослава и деда Ярослава. Называется он Святославовым по преимуществу, конечно, потому, что от отца мог перейти к сыну. Но что значит: *Ольгова Коганя хоти*? Что такое *Коганя хоти*? Это слово употреблено в другом месте в смысле жены: «своя милыя *хоти* красныя Глебовны». В чешском языке оно употребляется в смысле жениха и невесты (chot swého choti miluge). См.: Юнгм. Слов. чешский. Для объяснения слова *хоть* мы получили с 1846 года много драгоценных данных. Из древнего перевода Книги Царств видно, что слово *хоть* употреблялось

в смысле наложницы, а слово *водимая* (веденица) – в смысле законной жены (Летописец Переяславля Сузд. Временник, кн. 9, стр. LXXXVI. – Опис. Синод. библ. Отд. 1, стр. 40). *Ольгова*, по грамматике древнего языка, есть прилагательное притяжательное и родительный падеж. Итак, *Ольгова Коганя хоти* – будет *Олега, Кагановой супруги.* Известно, что Олег жил более в Тьмутаракани, водился с казарами, братался с половцами; что он сына своего оженил на дочери Аэпы, хана половецкого (Лавр. спис., стр. 120). Автор «Слова» его ненавидит – и потому немудрено, что он назвал его любимцем кагановым, то есть какого-нибудь хана половецкого. Его песнотворец называется певцом старого времени, но это не дает ему никакого первенства перед Бояном, потому что и Боян называется также соловьем старого времени. Явно, что они современники. Боян в большом уважении у автора «Слова», как певец независимый, не по жеребью певший песни князьям, а по собственному желанию возлагавший персты на живые струны, сочинивший премудрую припевку Всеславу и нападавший на певца Олегова, которого автор, как видно, не жалует вместе с предметом его песнопений. Г. Буслаеви в этом случае также мне противоречит, обвиняя меня в том, что я перенес понятие о литературныхвраждах, нам современных, на певцов XI века. Вражда, к сожалению, принадлежит всем векам и, конечно, была возможна между певцами во времена удельных междоусобий. Но вражда Бояна к песнотворцу Олега, прозванного Гориславичем, сеятеля раздоров, была вражда благородная: он враждовал не против лица, а против начала.

34. Здесь кстати припомнить толкование Пушкина, который пропускал частицу *ли* или давал ей смысл отрицательный: «Не прилично нам, братья, начинать *старыми словами*, прискорбную повесть о походе Игоревом; начаться же той песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояновым». Явно, что автор отказывается от прежней поэзии вымысла – и называет слова Бояновы уже *старыми словами* при всем уважении к самому певцу и к тому доброму, что представляли его времена.

35. Все эти отрывки песен вполне выставлены в третьей лекции о «Слове» у М. А. Максимовича.

36. *Трудный* в древнем языке – прискорбный. «Доколе *притрудну* творите душу мою?» (Кн. Иова, гл. 19, ст. 1). По-

этому и в рассказе сновидения Святославова: «чрьпахуть ми синее вино с *трудом* смешено» слово *труд*, как мне кажется, до́лжно перевести *горем*.

37. Приведу подлинник: «Ничить трава жалощами, а древо стугою к земли преклонилось. Уже бо, братие, не веселая година встала, уже пустыни силу прикрыла. Встала обида в силах Дажьбожа внука. Вступил девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синем море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица князем на поганыя погыбе, рекоста бо брат брату: се мое, а то мое же; и начяша князи про малое се великое млъвити, а сами на себе крамолу ковати: а погании с всех стран прихождаху с победами на землю Рускую. О! далече зайде сокол, птиць бья к морю: а Игорева храбраго плъку не кресити…»

«Жены руския всплакашась аркучи: уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима сглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А встона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми; тоска разлияся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускый».

В переложении я следовал иногда прекрасному переводу М. А. Максимовича.

38. «Братие и дружино! Лучеж бы потяту быти, неже полнену быти: а всядем, братие, на свои бързыя комони, да позрим синего Дону!

Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго с вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломом Дону».

39. См. 16 прим. к этой лекции.

40. «Яр туре Всеволоде! Стоиши на борони; прыщеши на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо тур поскочяше, своим златым шеломом посвечивая: тамо лежат поганыя головы половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы оварьскыя от тебе, яр туре Всеволоде.

Кая раны дорога, братие, забыв чти и живота и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глебовны свычая и обычая?»

41. «Грозою бяшеть; притрепетал своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю половецкую;

притопта хлъми и яруги; взмути реки и озера; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка из луку моря от железных великих плъков половецких, яко вихрь выторже: и падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святславли».

42. «Чръна земля под копыты, костьми была посеяна, а кровию польяна; тугою взыдошу по Руской земли.

Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пир докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

«На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костьми руских сынов».

43. «Бориса же Вячеславича слава на суд приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя». Последние слова относятся к Борису. Олег нигде не удостоился похвалы от автора «Слова». Даже когда автор называет Игоря внуком его, то не упоминает имени Олега, а говорит просто: того внука. Издатели вставили имя Олга. О битве, в которой пал Борис, говорит «Летопись» по Лавр. списку под 1078 годом (см. стр. 86): «И поидоста противу, и бывшим им на месте у села на Нежатине ниве, и сступившимся обоим, бысть сеча зла: первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми».

«Уношу князю Ростиславу затвори Днепр темне березе. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславе. Уныша цветы жалобою, и древо стугою к земли преклонилось». В Лавр. спис., стр. 94, сказано: «побеже и Володимер с Ростиславом. Прибегоша к реце Стугне, и вбреде Володимер с Ростиславом, нача утопати Ростислав пред очима Володимерима; и хоте похватити брата своего, и мало не утопе сам. И утопе Ростислав сын Всеволож. Володимер пребред реку с малою дружиною, мнози бо падоша от полка его, и боляре его ту падоша; и перешел на ону сторону Днепра, плакася по брате своем и по дружине своей, пришед Чернигову печален зело... Ростислава же искавше обретоша в реце; вземше принесоша и Киеву, и плакася по нем мати его. И вси людье пожалиша си по нем повелику, уности его ради...»

45 «Уже бо Сула не течет сребреными струями к граду Переяславлю, и Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых. Един же Изяслав сын Васильков позвони своими острыми мечи о шеломы литовския; притрепа славу деду своему Всеславу, а сам под чрълеными щиты на кроваве траве притрепан литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рек: дружину твою, княже, птиць крилы приоде, а звери кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; един же изрони жемчюжну душу из храбра тела, чрез злато ожерелие. Уныли голоси, пониче веселие. Трубы трубят Городеньскии». Не могу не привести прекрасного поэтического комментария к этому месту, который находится в лекциях о «Слове о полку Игореве» М. А. Максимовича: «Обратите внимание на изображение кончины князя: *он один, без братьев, изронил свою жемчужную душу из храброго тела чрез золотое ожерелье.* Какое нарядное, трогательное и совершенно народное изображение исхода души! Душа представлена как любимое сокровище, как перло многоценное: ибо славяне весьма дорожили этим произведением природы, и в X веке (по свидетельству Фоцлана) платили по драхме золота за жемчужину для женского ожерелья; притом это сокровище печальное, ибо крупный жемчуг, по русскому поверью, составляет примету слез (как и в самой песни Игорю). Золотым ожерельем иносказательно названа впадина, где от груди начинается шея; на это место и теперь укажет простолюдин, если спросить у него: где у тебя душа? И чрез это-то золотое ожерелье изронил свою жемчужную душу князь Изяслав, и притом *один* (как сказано дважды); и в этом одиночестве смерти еще более печали, чем в одиночестве жизни, особенно для воина южнорусского, как видно из народных песен. *Уныли голоса, поникло веселье; трубы трубят Городенския*: похоронные звуки в вечную память князя, какими и поэзия украинская обыкновенно поминала смерть казаков своих».

46. Как ясен укор Всеволоду в том, что он слишком удалился уже от юга и не думает вдалеке о древнем отеческом столе, то есть киевском. Слова о том, что он может Волгу веслами раскропить, указывают на поход его воевод в Болгарию, о чем летопись (по Лавр. списку) упоминает под 1186 годом. *Чага*

встречается в Ипат. списке «Летописи» (стр. 98), где в числе полона, взятого у половцев, показаны колодники и чаги. По мнению Карамзина, это пленницы половецкие, а по мнению Березина, дикое дитя. *Кощей* должен быть слуга половецкий: там же, на той же странице, сказано, что половцы узнали весть о нашествии князей русских *от кощея от Гаврилкова от Иславича*. В «Слове» говорится, что Игорь пересел из золотого седла в седло Кощеево. Известно, что освободителем его был Овлур, или Лавор, муж половецкий. С сынами Глебовыми Всеволод вел войны. Владимир Глебович защищал острог, то есть укрепление Переяславское, – и сделал славную вылазку, но был прободен тремя копьями. О нем-то сказано в «Слове»: «Владимир под ранами, туга и тоска сыну Глебову».

47. Ипат. спис., стр. 133. «Володимер же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая их к собе, да быша ему помогле; они же опоздишася ожидающе Давида Смолняны, и тако князе руские опоздишася и не заехаша их».

48. Приведу все то место из «Летописи», которым оправдывается характер Ярослава Галицкого, здесь выставленный. Ипат. спис. стр. 135: «Бе же князь мудр и речен языком, и богобоязнив, и честен в землях, и славен полкы: где бо бяшеть ему обида, *сам не ходяшеть полкы своими, но посылашеть я с воеводами*». Как из этих слов «Летописи» ясен становится Ярослав, изображенный «Словом». Выражение: *меча бремена чрез облаки* – указывает на то, как Ярослав свои тяжкие железные полки посылал через горы Галицкие, нередко покрытые облаками. О Романе Мстиславиче Волынском см.: Критико-историческую повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. Соч. Дениса Зубрицкого. Пер. с польского О. М. Бодянского. Стр. 52.

49. Подобное сравнение с соколом встречается и в «летописи» (Лавр. спис., стр. 115): «Боняк же разделися на 3 полкы, и сбиша угры акы в мячь, яко се сокол сбиваеть галице».

50. «Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетети издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти. Аже бы ты был, то была бы чага по ногате, а кощей по резане. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стреляти удалыми сыны Глебовы».

«Ты буй Рюриче и Давиде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкают акы туры, ранены саблями калеными, на поле незнаеме? Вступита господина в злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святславича».

«Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованнем столе. Подпер горы Угорскыи своими железными плъки, заступив Королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча в (б)ремены чрез облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землям текут; оттворяеши Киеву врата; стреляеши с отня злата стола салтани за землями. Стреляй господине Кончака, поганого кощея, за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святославича.

А ты буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носит вас ум на дело. Высоко плаваеши на дело в буести, яко сокол на ветрех ширяяся, хотя птицю в буйстве одолети. Суть бо у ваю железныи папорзи под шеломы латинскими. Теми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, ятвязи, деремела и половцы сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша под тыи мечи харалужныи.

Но уже княже Игорю, утрпе солнцю свет, а древо не бологом листвие срони: по Рсии, по Сули гради поделиша; а Игорева храбраго плъку не кресити. Дон ти княже кличет, и зоветь князи на победу. Олговичи храбрыи князи доспели на брань.

Ингварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрилци, не победными жребии собе власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкии и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславича».

51. Чтения. 1846. № 2. Об одном «Прологе» библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Даждьбога. Лавр. спис. «Летописи», стр. 34. «И Хръса Дажьбога».

52. Славянорусское слово *дева*, имеющее, по всему вероятию, корень свой в санскр. daivas (бог), daivi (богиня), daivata (божество), в зендском daevi (божество женского рода), в латинском divus, dea, приносит честь первоначальным понятиям народа, выражаемым этим словом, о деве и девстве.

53. «Ярославнын глас слышит: зегзицею незнаема рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрян ру-

кав в Каяле реце, утру князю кровавыя его раны на жестоцем его теле.

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, аркучи: о ветре! ветрило! чему господине насильно вееши? Чему мычеши Хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшет гор под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему господине мое веселие по ковылю развея?

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, аркучи: о Днепре словутицю! ты пробил еси каменныя горы сквозе землю половецкую. Ты лелеял еси на себе Святославли посады до плъку Кобякова: възлелей господине мою ладу к мне, а бых неслала к нему слез на море рано.

Ярославна рано плачет к Путивле на забрале, аркучи: светлое и тресветлое слънце! Всем тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладе вои? В поле безводне жаждею им лучи спряже, тугою им тули затче».

Для сравнения приведу плач Евдокии из «Сказания о Мамаевом побоище» и плач княгини Анны из жития Михаила Тверского.

Плач Евдокии. «Княгини же великая Евдокея с своею снохою и иными княгинями и с воевотскими женами взыде на златоверхии свой терем в набережный и сяде под южными окны и рече: “Оуже бо конечно зрю на тебя великого князя?” А в слезах не может словеси рещи; слезы бо от очию льются аки речныя быстрины. Воздохнувь печально и шиб руце свои к персем, и рече: Господи Боже великии, призри на мя смиренную, сподоби мя еще государя своего видети славного во человецех великого князя Димитрея Ивановича. Дай же, Господи, ему помощь от крепкия руки Твоея, да победит противныя своя! Не сотвори, Господи, яко же за мало лет брань была на реце на Калке християном с татары от злаго Батыя. От Калкинского побойща до Мамаевы рати р҃нз лет. От таковыя же беды ныне, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, ныне погибнути оставшему християнству! От тое бо рати Руская земля оуныла. Не на когоже бо надежи неимам, токмо на Тебя всевидящего Бога. Аз же оунылая имею две отрасли – князя Василия да Юрья, но еще и те мали суть. Егда похизит их ветр с оуга или з запада: то не могу терпети, ни на чтоже опираяся; их или зной проразит, та-

коже им погибнути; а противу сему что сотворят? Возврати им, Господи, отца их по здорову: то и земля их по здорову будет, и оне во веки царствуют».

Плач Анны. «Видевши же гроб супруга своего благоверная великая княгиня Анна со многоцелебным телом великого князя Михаила Ярославича, и восплакася горким плачем: источники слезные из очию своею пущаше и оутробою своею распалашеся тепле, и в перси своя биющи, и яко труба рать поведающи, и яко иарган, слатко и жалостне вещающи сице: оувы мне, любезный мой сужитниче, чесо ради оставил мя еси вдовствовати безгодно? Вскую аз прежде тебе не оумрох, да быхъ не видела смерти твоея, и своего вдовства ныне не сетовала? Где идеши, сокровище живота моего? Почто не проглаголеши ко мне словесе оутешна, цвете красный? Вскую рано оувядаеши, винограде многоплодный? Почто не хощеши дати от плода своего гроздия? О великий княже! Чесо ради оуже не взираеши на мя, ниже ответна словесе подаеши мне? И почтоже я дети своя презираеши и завета какова с ними не завещаеши? О свете очию моею! Почто внезапу сице исчезаеши? Звездо восточная! Почто скоро на запад пришел еси и не сияеши еще своею светлостию? Господи, наю преславный великий княже! Где твоя честь и слава? Где твоя держава? Егда еси был порученым тебе от Бога людем деспота, тогда почитаем и славим был еси от всех, не точию от своих, но и от окрестных стран; ныне же мертв, аки един сый от прочих, лежиши, никимже владея. Многия страны примирил еси и многия победы показал еси; ныне же смертию побежден бысть, и изменися слава твоя, и зрак лица твоего во истление, и за многоценныя ризы, худеми и бедными погребалными порты одеваешися, и вместо красных полать гроб восприемлеши. Отверзоша на тя оуста своя неправедная окаянный Кавгадый и врази твои. И Иеремиев плач прireку: позвиздаша и поскрежеташа зубы своими, и реша: поглотим! И восплескаша руками вси минующии путем; позвиздаша и поикваша главами своими. Подобне и о тебе ныне збысться, великий княже. Бысть бо яко медведь ловяй тя, и приседяй яко и лев в сокровенных гна отступающа, и оудержа тя, и положи тя погибша, напряже лук свой, и постави тя, яко знамение на стреляние. Но, о сожителю мой любезный! Аще дерзновение к Богу имаши, помолися о

мне, сожителницы твоей, да и мою душу ныне возмет от мене и сопричтет мя тебе, и вкупе поклонимся Ему, и прославим Его". Сия и иная многая плача глаголаше» (из жития Михаила Ярославича Тверского, находящегося в моей библиотеке).

54. «В лето 6619. Вложи Бог Володимеру в сердце, и нача глаголати брату своему Святополку, понужая его на поганыя, на весну. Святополк же поведа дружини своей речь Володимерю; они же рекоша: "не веремя ныне погубити смерьды от рольи". И посла Святополк к Володимерю, глаголя: "да быхом ся сняли, и о том подумали быхом с дружиною". Послании же приидоша к Володимеру и поведаша всю речь Святополчю; и прииде Володимер, и сретостася на Долобьске, и седоша в едином шатре, Святополк со своею дружиною, а Володимер со своею. И бывшу молчанью, и рече Володимер: "брате! ты еси старей; почни глаголати, како быхом промыслили о Руськой земли". И рече Святополк: "брате! ты почни". И рече Володимер: "како я хочю молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердом? но се дивно ми, брате, оже смердов жалуете и их коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смерд тот орати лошадью тою, и приехав половчин ударит смерда стрелою и поиметь лошадь ту, и жону его и дети его и гумно его зажжеть; то о сем чему не мыслите?" И рекоша вся дружина: "право воистину тако есть". И рече Святополк: "се яз, брате, готов есмь с тобою", и посласте ко Давидови Святославичю, велячи ему с собою». Замечательно, что это же самое находится в Лаврентьевском списке, но под 1103 годом, а не под 1111-м, как тут, и сокращеннее.

Лекция одиннадцатая[1]

1. См. «Истории русской словесности, преимущественно древней», том I, часть II, стр. 134–142.

2. Лавр. спис. Киевск. летоп., стр. 185. Того же лета князь Гюрги, сын Всеволожь, извед Симона игумена блаженнаго от Рождества Святыя Богородица, и посла и в Кыев к митрополиту, и постави и епископом Суждалю и Володимерю. – Стр. 190.

[1] См. также «Дополнения к третьей части» в приложениях. – *Прим. ред.*

В лето 6734, месяца мая в 22 день, преставися блаженный и милостивый, учителный епископ Симон Суждальскый и Володомерьскый, постригся в скыму, и положено бысть честное тело его в церкви Святыя Богородица в Володимери.

3. См. Ист. р. слов. Т. I. Часть II. Стр. 137– 142.

4. Напечатано в «Памятниках российской словесности», изданных К. Ф. Калайдовичем под № XXI, стр. 249 под заглавием «Послание смиренаго епископа Симона Владимерскаго и Суздальскаго к Поликарпу черноризцу Печерскому» по двум спискам – Синодальному начала XVI века и списку библиотеки графа Толстого, писанному в 1549 году. Это «Послание» не находится в древнейшем харатейном списке Патерика 1496 года, судя по описанию его содержания, напечатанному А. М. Кубаревым в 9 № «Чтений общества и. и д. р.» (1847). Этот список Патерика, хотя и древнейший, не есть, однако, лучший.

5. Книга степенная. Ч. I. Стр. 489. Егда же ли кто от препростия сердца и грубостию неведения божественных писаний, или в некое прегрешение преткнется, и таковии от достовернейших и истинно ведущих Божественное Писание благоразсудными беседами и посланьми люботрудными друголюбезно и благомудренно другдруга исправляху.

6. Якоже бо дождь растить семя, тако и церкви влечеть душу на добрыя дела: все бо елико твориши в келии ни в чтоже суть, аще и Псалтырь чтеши, или обанадесять псалма поеши, ни единому «Господи помилуй» подобится съборному пению. О сем, брате, разумей, яко верховный апостол Петр, сам церкви сый Бога жива, егда ять бысть от Ирода и всажен в темницю, не от церкви ли бывающа молитва избави от руку Иродову? Давыд бо молится глаголя: единого прошу у Господа и того взыщу, да живу в дому Господне вся дни живота моего, и да зрю красоты Господня и посещаю церковь святую Его. Сам же Господь глаголеть: дом Мой дом молитвы наречется; иде же бо, рече, два или трие сьбрани во имя Мое, ту есмь посреди их. То аще толик збор боле ста сберется, веруй, яко ту есть Бог наш. От того бо божественаго огня тех обед створяется, его же аз желаю единоа крупици паче всего суща иже предо мною.

7. «Но что пишет блаженный Иоанн иже в Лествице?» – «Аще хощеши вся уведати, почти Летописца старого Ростовь-

скаго, есть бо всехболе л̃, а еже потом и до нас грешных, мню, близ и̃». – «Аще ли кому неверно мнится се написаное, да почтет жития святых отец наших, Антония и Феодосия, начальника руским мнихом, и тако да верует». О житии Антония говорит Симон и в других местах, которые высчитаны в статье А. М. Кубарева «О Патерике Печерском», напечатанной в № 9 «Чтений общества и. и д. р.» (1847).

8. «История Российская» Татищева. Книга и часть I, стр. 58. «Сего времени (то есть с 1203 года по 1226), или мало прежде, видим, что Симон епископ в Белой Руси дополнял, ибо просто Русские или Малорусские и Червенские Руси или Волыни дел весьма мало упоминается. Оной Симон епископ умер в 1226. Сей Симон не токмо тщание к «Истории» как гл. 5, н. 2[1], но к тому потребный способ имел, ибо жил во время любомудрого государя Константина, которого он хотя по вражде с его защитником Георгием III несколько неправо обвиняет, а Георгия выхваляет, однако ж Константина мудрым, кротким и справедливым нарицает. О его библиотеке великой и писании истории не умолчал, и в учреждении училищ хвалу приписывает. *Сей его или с него список, однако ж довольно стары* видел я, и выписывал у Артемья Волынского, который кончен разорением Москвы от Токтамыша в 1384 году: однако ж знатно, что в то же время и по другим местам историки были и дела тех времен описывали, понеже некоторые списки во многом с оным разнятся, и многие, чего он не знал, дела в разных летописцах находятся, токмо о творцах неизвестно, яко Голицынской, видно, что сочинен на Волыни, Еропкина в Полоцку, Хрущова в Смоленске, и един в нижнем Новегороде; оный список есть с Новгородского».

[1] В этом месте Татищев говорит: «Равно то же и с Нестеровою летопись учинилось, что Могила, живший в семнадцатом веке, в предисловии Патерика говорит: Несторово писание русских деяний чрез войны отдалися от нас, почитай написал Симон епископ Суздальский». – А выше на той же странице: «Петр Могила в предисловии Патерика листе 6 пишет о нем: Нестор инок Печерского монастыря первее деяния руская описал, а Симон епископ в предисловии, как Киприан сказует, написал: хотя мнози писатели о русах преди Несторы быша, обаче ово от древности изказишася, ово погибоша и мало Константин улучи, и Нестору Сильвестр Выдобожский исполня сохранил».

9. «Да слышат твое благоразумие глаголы моего младоумия и несовершенна смысла», – пишет он к Акиндину. «Не внидеши в святое и честное место, в нем же еси *остриглься*», – говорит ему Симон в своем «Послании».

10. «Чай от Бога милости: труда ради твоего двои двери доспели еси то святей велицей церкви Святыя Богородица Печерския, и Та отверзет ти двери милости Своея: ибо иереи вопиют о таковех всегда в той церкви Господи, освяти любящая благолепие дому Твоего, и тыя прослави божественною силою Твоею».

11. «Вземже Владимер (Мономах) едину святую Богородицу, и послав во град Ростов в тамо сущую церковь, юже сам созда, иже и до ныне стоит, ейже аз самовидец бых: сеже при мне сотворися в Ростове, Церкви той падшися, и та икона без вреда пребысть, и внесена бысть в древяную церковь яже изгоре от пожара; икона же та без вреда бысть, ни знамения огненного на себе имущи». Эта икона и теперь находится в ростовской соборной церкви. См. мою «Поездку в Кирилло-Белозерский монастырь», стр. 69.

12. Вот слова, которыми Симон заключает житие Афанасия затворника: «Ты ж, брате и сыну, сим не последуй: не тех бо ради пищу се, но да тебе приобрящу. Совет же ти даю благочестием: утвердися во святем том монастыри Печерском не восхощи власти, ни игуменства, ни епископства, и довлеет ти к спасению, еже скончати жизнь свою к нем. Веси сам, яко могу сказати всех книг подобная, уне ми и тебе полезное, еже от того божественого и святого монастыря Печерского содеянная и слышанная от многихе мало сказати о Христе Иисусе о Господе нашем».

13. «Вопросил мя еси некогда, веля ми сказати о тех черноризец содеянная». – «Тем же и аз грешный Поликарп, твоей воли работая, державный Анкидине, напишю мало нечто о блаженом Григории чюдотворцы».

14. Второго послания еже к архимариту Печерскому Анкидину о святых и блаженных черноризец братий наших. Списано Поликарпом черноризцем того же монастыря Печерского.

15. «Древних убо святых подражающе мы грешнии писанию, еже они изъясниша и многим трудом взыскаша в пустынях, и горах, и пропастех земных, инех убо сами видевше, инех же слышавше преже их бывших жития же и словеса и деяния,

еже есть Патерик печерский в том сложше, сказаша о них отцы, еже мы почитающе, наслажаемся духовных тех словес. Аз же недостойный ни разума истины не постиг, и ничтоже от тех таковового видех, но слышанию последуя, еже ми сказа преподобный Симон и сия написах твоему Отечестве, и несь николиже обходил святых мест, ни Иерусалима видех, ни Синайской горы, да бых что приложил к новости, якож обычай имут хитрословесницы сим краситися, мне ж да не буди похвалитися. Но токмо о святем сем монастыри Печерском, и в вем бывших святых черноризец, и тех житием и чюдесы их же помянаю радуяся, желаю и аз грешный святых тех отец молитв».

16. «Аще повелит твое преподобство, написати их же ми ум постигнет и память принесет, аще ти непотребно будет, да сущим по нас ползы ради оставим, якоже блаженый Нестор в Летописцы написа о блаженных отцех: о Дамиани и Еремии, и Матфее, и Исакии. В житии же святаго Антония вся жития их вписана суть, аще вкратце речена, но и паче прежеречении черноризцы, ясно реку, а не втайне, якоже и прежде. Аще бо аз премолчю, от мене до конца забвена будут, и к тому не помянутся имена их, якоже было и до сего дни. Се же речеся в еі̃ лето твоего игуменства, еже небысть воспомяновения за р̃ и з̃ лет, ныне же твоея ради любве и утаеная слышана быша».

17. В лето 6739… поставлен бысть Кирил епископом месяца априля в 6 день, в неделю святых мѵроносиц по Пасце; священ же бысть присвященым митрополитом Кирилом и с окрестными епископы… и игумени мнози, и *архимандрит Святыя Богородица монастыря Печерьскаго Анкудин.* Лавр. сп., стр. 194.

18. Кроме того места, которое приведено в 15-м примечании, приведу самое начало «Послания»: «Господу поспешествующу и слово утвержающу ко твоему благоумию, пречестный архимарите всея Русии, отче и господине мой Анкидине, подай же ми благоприятныя твоя слуха да в мя возглаголю дивных и блаженных муж жития, деяния и знамения бывших во святем сем монастыре Печерском, еже слышах о них от епископа Симона Володимирского и Суждальского, брата твоего, черноризцы бывшаго того ж Печерскаго монастыря иже и сказа мне грешному…»

19. «И в таковем страдании лежа преподобный Пимин лет к҃; во время же преставления его явишася три столпы над трапезницею, и оттуду на верх церкви приидоша, о них же речено бысть в летописцы. Свесть же Бог, знамение сие показавы, или сего ради блаженнаго, или ино кое смотрение бысть».

20. «Болеслав… воздвиже гонение велие на черноризцы, изгна вся от области своея; Бог же сотвори отмщение рабом Своим вскоре: во едину убо нощь Болеслав напрасно умре, и бысть мятеж велик во всей Лядской земли, и воставше людие избиша епископы своя, и боляры своя, якож и в летописцы поведает». Из жития Моисея Угрина.

21. «Уже бо вы постиже суд, яко вси вы в воде умрете и с князем вашим… Ростислав нейде в монастырь от ярости, не восхоте благословения и удалися от него, возлюби клятву и прииде ему; Владимир же прииде в монастырь молитвы ради, и бывшим им у Треполя и полкома снемшимася, и побегоша князи наши от лица противных: Владимир же прееха реку молитв ради святых и благословения; Ростислав же утопе со всеми вои своими, по словеси блаженнаго Григория». См. Лавр сп., стр. 94.

22. «Егда же Святополк с Давидом Игоревичем рать зачаста про Василкуову слепоту, егожь ослепи Святополк, послушав Давида Игоревича, с Володарем, и с самем Васильком, и не пустиша гостей из Галича, ни лодии от Перемышля, и не бысть соли во всей Руской земли: сицева неуправления быша». Вот одно из доказательств тому, что была торговля в Древней Руси и что касалась она предметов первой необходимости. Здесь замечательно место, где употребляется слово *голважень*: «Юже бо преже драго продаваху, по две голважне на куну, нынеж по ї, и никто же взимаше».

23а. «Мстиславу же хотящу стрелити, внезапу ударен бысть под пазуху стрелою, на забаролех, сквозе дску скважнею, и снедоша и, и на ту нощь умре». Лавр. сп., стр. 115. «Не по многих же днех сам Мстислав застрелен бысть в Володимери, на забралех по проречению Василиеву: бияшеся с Давидом Игоревичем, и тогда познав стрелу свою, ею же застрели Василия, и рече: се умираю днесь преподобных ради Василия и Феодора» (из Патерика).

23b. Житие и терпение преподобного отца нашего Авраамия, просветившегося в терпении мнозе и нового града во святых Смоленского. Август, 21 дня. Л. 2127 «Великих четиих миней» митрополита Макария. Дальнейшие объяснения отсылаю к 52-му примечанию. Здесь скажу только о *глубинных книгах*. Преосвященный Макарий в тексте своей «Истории Русской Церкви» назвал их *голубиными книгами* (49 стр.), но в тексте жития Авраамиева, отрывками помещенного в примечаниях (269 стр.), читаем *глубинныя книги*, как и в Макарьевских минеях. Г. Буслаев извлек отсюда заключение о том, что это относится к стиху о голубиной книге. Не преждевременно ли такое заключение? К соображению принять можно книгу: *Глубина*, которая показана в статье о книгах истинных и ложных, но поставлена, однако, в числе истинных. Неопределенность мнений в этом отношении в такие отдаленные времена может скорее подать повод к заключению, что разумелась эта книга. Заметим мимоходом, что «Златая чепь» уже упоминается в житии Авраамия. Слово, приведенное мною, находится в рукописи Иосифова монаст. за № 516. В «Памятниках словесности XII века» оно напечатано под № XII с большим выпуском всего того, что относится к небесным силам и созданию человека.

24. «Timebamus, ne per illos in proximo Ecclesiae Dei periculum immineret», – говорит Плано Карпини в начале своего путешествия.

25. В «Русском временнике» сказано даже, что был совет по всем городам русским на всех бусурманов, поставленных властелями от Батыя, и что по убиении Батыя велели князья русские убивать всех тех, которые не хотят креститься, и что многие из них крестились.

26. Собрание путешествий к татарам. Пер. Языкова. СПб., 1825, стр. 195 и 55. У Карамзина (т. 4, стр. 49) Кузьма назван Комом – вероятно, с французского Côme. У Мангу жил в большой чести золотарь парижский Гильом, по свидетельству Рубруквиса.

27. «Видев ужеся Данилу о реку Велью с королевичем, и некое слово похвально рекшу, его же Бог не любит…»

28. Вот, конечно, одно из свидетельств тому, что эта песня древнего происхождения. Народ мог заимствовать этот образ

только из тех времен, когда эти ловли еще совершались часто. «Слово о полку Игореве» упоминает о десяти соколах, которых пускали на стадо лебедей. Город Рыльск находится в Курской губернии, а Воргольская область сохранилась теперь в имени села Ворголя в Елецком уезде Орловской губернии.

29. Собрание путеш. к татарам. С. 85. «Южной стороне поклоняются как Богу, и заставляют то же делать других знатных людей, кои предаются им. По этому случилось недавно, что Михаил, бывший одним из великих герцогов русских, приехав к Батыю для предания себя, сперва проведен был ими между двух огней, а потом сказали ему, чтобы он поклонился Цингис-кану на юг. Он отвечал, что охотно поклонится Батыю и его служителям; но образу человека умершего кланяться не будет, поелику это неприлично для христианина. Когда же несколько раз говорили ему, чтобы он поклонился, а он отказывался, то Батый чрез Ярославова сына велел ему сказать, что его убьют, если он не поклонится. На это он отвечал, что скорее согласится умереть, нежели сделает неприличное дело. После этого Батый прислал одного телохранителя, который бил его пинками в сердце до тех пор, пока он умер. В это время один из Михайловых воинов, тут же бывший, подкрепляя его словами, говорил: мужайся, мучение это продолжится недолго, и за сим немедленно последует веселие вечное. После этого отрезали ему ножом голову, а потом отсекли также и вышесказанному воину». Плано Карпини был в Орде в 1246 году; тем же годом записано событие и в наших летописях.

30. Волынская летопись упоминает о 25 книгах, подаренных князем Владимиром Васильковичем в разные церкви и монастыри, и в том числе о двух сборниках отца его: из этих книг князь сам списал Апостол и Евангелие, апракос в трех экземплярах, пролог в 12 месяцах, 12 миней, триоди, октоих, ирмолог, службу св. Георгию, молитвенник с утренними и вечерними молитвами.

31. «Правило Кюрила митрополита Русьскаго сшьдшихся епископ Далмата Ноугородьскаго, Игнатья Ростовськаго, Феогноста Переяславьскаго, Симеона Полотьскаго, на поставление епископа Сарапиона Володимирскаго». Напечатано в «Русских достопамятностях», издаваемых Обществом исто-

рии и древности российских (М., 1815, с. 106). Список полнее напечатанного находится в Румянцевском музее, в «Кормчей» за № 238. См. Востокова стр. 321. Замечательно, что об этом соборе и его «Правиле» не упоминает ни одна летопись, между тем как в Никоновском о ставлении Серапиона в епископы Кириллом упоминается.

32. См. Staatsleben des Klerus im Mittelalter, von S. Sugenheim. Berlin, 1839, t. B, стр. 95–107. После Людвига, сына Карла Великого, все Каролинги продавали духовный сам за деньги. Ближайшие наследники их в Германии, саксонские императоры, виноваты в том же, начиная с Генриха Птицелова. В Италии, по свидетельству епископа Оттона Верчельского, с того времени, как погасла Каролингская династия, было в общем обычае, что светские властители продавали епископии тем, которые наиболее предлагали денег. Не лучше дело шло и во Франции, где все церковные должности королями раздавались тем, которые наиболее предлагали денег, часто мальчишкам, из-под розги едва выросшим, а иногда короли предпочитали снабжать этими доходными местами незаконных сыновей от своих любовниц, как поступил именно король Гугон, современник Оттона Великого. Ужасны были последствия этой позорной купли: она подкопала основания Церкви и разрешила все узы дисциплины и нравов.

33. Прибавление о обычае новгородском находится в румянцевской «Кормчей» и напечатано у Востокова в «Описании Р. м.».

34. «Кыи оубо прибыток наследовахом оставльше Божия правила? не расея ли ны Бог по лицю всея земля? не взяти ли быша гради наши? не падоша ли силнии наши князи острием меча? не поведени ли быша в плен чада наша? не запустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всяк день от безбожных и нечистых поган? Си вся бывают нам, зане не храним правил святых наших и преподобных отец».

35. В Описании Рум. муз. у Востокова, стр. 304 и 321.

36. Об этих ответах см. «Ист.» Кар., т. VIII, прим. стр. 149. «История Русской Церкви. период второй» (М., 1848, стр. 78). Поездка моя в Кирилло-Белоз. монастырь. Ч. 2, стр. 21. Епископ Сарайский Феогност еще в 1274 году уже в третий раз возвращался из Царяграда, куда посылан был от Кирилла митрополита

и от Менгутемира с грамотами к патриарху и царю и Михаилу Палеологу. Ник. лет. Т. 3, стр. 68.

37. Оно описано Калайдовичем в его издании Иоанна экзарха Болгарского, стр. 111, и носит признаки новгородского наречия – *ц* вместо *ч*.

38. Описан в палеографических и филологических «Материалах для истории письмен славянских, собр. из 15 рукописей Моск. синод. библиотеки г. Буслаевым», стр. 20.

39. Описано у Калайдовича, там же на той же стр., и у Востокова в «Описании» под № 105.

40. См. у Калайдовича, там же, стр. 28 и 106. Слова К. там же, стр. 97. «Списка Псалтыри с ясным означением времени не знаю старше конца XIII века. – Списки Апостола мне известные не восходят выше XIII века». Описана в том же издании у г. Буслаева, стр. 23.

41. См. у Калайдовича, стр. 15.

42. *Книгы глаголемыя Гречьскым языком Номоканун, сказаемая нашим языком закону Правило.* См. «Описание славяно-росийских рукописей» гр. Ф. А. Толстого. Отдел 1, № 311. Здесь сказано, что рязанский епископ Иосиф получил подлинник из Киева чрез посредство митрополита Максима.

43. Все приведенные грамоты напечатаны в 1-й и 2-й частях «Собрания государственных грамот и договоров».

44. Данная напечатана Калачовым в «Актах относ. до юридич. быта Древней России», т. I, стр. 439.

45. Лавр. сп., стр. 190. Никон. сп., т. 2, стр. 309. Митрополит Евгений в «Словаре» своем говорит, что из сочинений его много «Слов» находится в библиотеке Волоколамского Иосифова монастыря между рукописями. Ему приписано в «Обзоре русской духовной литературе» «Поучение крестьяном», но гадательно.

46. Опис. Рум. муз., стр. 301 и 326.

47. См. в «Творениях святых отец» в русском переводе. Год первый. Книжка 4. М., 1843. Статья «Кирилл II, митрополит Киевский и всея России».

48. См. Лавр. список, стр. 195. «Любовному ученью же и тщанью дивлься сего честнаго святителя Кирила, с страхом и покореньем послушая, в узце месте некоем и во входне *написанья* собе вдах, *сего перваго словесе деятеля написати*; зело бо велье

дело паче нас всприях, боязнью ослушанья, разумех в Притчах глаголемое: яко сын ослушливый в погибель будет, послушливый же кроме ея будет». Узкое место автор вышеупомянутой статьи объясняет затвором монастыря св. Григория Богослова.

49. Опис. Рум. муз., стр. 201. Один из трех писцов, Иоанн Драгослав, сопровождает эту «Кормчую» письмом, в котором пишет: «Пишу тебе взлюбленый богом архиепископе Кvриле протоероию да со словом твоим вселеная руская просветит». «Кормчая» дошла до нас в списке XVI века.

50. *Слово и поучение к попом*, или *Поучение епископле к иереом*. Между рукописями Румянцевского музеума встречается в 4 списках «Кормчей»: под № 231 с именем Кирилла, но ранее «Правил» Кирилла митрополита: под № 233 и 234 без имени Кирилла, непосредственно за «Правилами» собора; под № 238 с именем Кирилла и после собора, но не непосредственно. Мнение ученых лавры основано на том, что в некоторых «Кормчих» именуется оно именно поучением епископа, что речь в нем обращается от лица епископа к священникам его паствы и что ни в одном списке поучения в надписи нет имени митрополита, тогда как в надписании «Правил» собора Владимирского Кирилл назван митрополитом.

51. *Слово и поучение к попом*. «Слыши, иерей сборе преподобный! К вам ми слово. Понеже вы нарекостеся земнии ангели, небеснии человеци. Вы со ангели предстоите у престола Господня; вы с серафими носите господа. Вы сводите с небеси Дух Святый, и претваряете хлеб в плоть, и вино в кровь Божью, человеком невидимо, и святии бо мнози видеша. Вы бо просвещаете человекы крещением святым; вы связаете, вы разрешаете. Вами свершает Господь тайну спасения роду человечьскому; вас стража постави и пастухы словесных овец Своих, за ня же кровь Свою излия… Господь бо рече: луче навязати жернов на шию, имже осел мелет, и погрузити в мори, нежели соблазнити единаго малых. *Души бо человечьстей ни единой несть равен весь мир...* Простец бо съгрешив за едину свою дасть душю ответ пред Богом: а ерей же согрешив многих соблазнить, и за тех душа будеть ему осуждение… Аз же не ленюся вам глаголати… Разумейте, как духовныя дети учити: ни слабо да не ленивы будуть; ни жостко, да ся не отчають…

Святую же страшную службу ствaряйте. Николи же не вниди в святый олтарь, вражду имый с ким; и велику имев прю, томь дни не служи, но, утишив мысли, молитвы восли Господеви от чиста ума. И не озирайся назад, но ум весь имей горе: со ангелы бо служиши; и не мысли земных в той час: Небеснаго бо Царя приемлеши в сердце свое; весь освящайся Им…» (Твор. св. отцев. Год I, кн. 4. Приб. стр. 428).

52. «Слово» Кирилла Философа на Собор великого Архистратига Христона Михаила найдено было г. Розовым в одном сборнике XVII или XVIII века и напечатано в «Чтениях общ. ист. и др. росс.» (1847, № 8). Это слово под заглавием «О небесных силах, и чего ради создан бысть человек, и о исходе души» встречается в сборнике Иосифова Волокол. монастыря (№ 529) под именем Кирила Философа, а в сборнике того же монастыря (за № 574) под именем Авраамия. Припомним кстати, что Авраамий Смоленский, как говорится в его житии, написал две иконы – Страшного Суда и испытания воздушных мытарств, и ко всем приходящим любил о том беседовать. А в этом «Слове» находим изображение мытарств. «Слово о мытарствах» встречается отдельно, как знаем из «Памятников словесности XII века». Кроме того, в житии Авраамия сказано: «Поминаше бо часто о своем разлучении души от тела блаженный Авраамий, и како истяжуть душу пришедшеи ангели, и како испытание на въздусе от бесовскых мытарев, како есть стати пред Богом и ответ о всем въздати, и в кое место поведуть, и како в которое пришествие предстати пред судищем страшнаго Бога, и каков будет от судий ответ, и како огненаа река потечеть пожигающа вся, и что помогаяй будеть, разве покаяние и милостыня, и беспрестанныа молитвы и ко всем любы и прочая дела благаа». Это входит в содержание слова о небесных силах и есть главное содержание слова, напечатанного Калайдовичем. Упоминание о бесерменских странах находится во вставленном «Поучении» ко священникам, а не в самом «Слове» о небесных силах. Слова же, следующие после «Поучения»: ныне же на предлежащее возвратимся, – ясно обличают вставку поучения.

53. См.: Творения св. отцев. Год первый. Книжки 1, 2, 3. М., 1843. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ч. 2, стр. 36.

54. Под тем же годом новгородский летописец, Тимофей пономарь, рассказывает об ужасном голоде и море как его последствии. И в Новгороде было землетрясение в обыденное время.

55. «Разрушены божественныя церкви; осквернен и быша ссуди священии, потоптана быша святая; святители мечу во ядь быша; плоти преподобных мних птицам па снедь повержени быша; кровь отец и братья нашея, аки вода многа, землю напои. Князии наших, воевод крепость исчезе; храбрии наши страха наполньшеся бежаша. Множайша же братья и чада наша в плен ведени быша. Села наша лядиною поростоша. И величьство наше смерися, красота наша погыбе, богатство наше инем в користь бысть, труд наш погании наследоваша. Земля наша иноплеменником в достояние бысть, в поношение быхом живущим вскрай земли нашея, в посмех быхом врагом наши». Привожу это место в подлиннике ради красоты его и потому еще, что оно повторяется и после в летописях и древних памятниках наших приописании подобных случваев.

56. Geschichte der Hexenprocesse. Aus den Quellen dargestellt von D-r W. G. Soldan. Sluttg. und Tubing. 1843. Zehntes Capitel. Стр. 179. In dem Hexenprocesse gewann der Inquisitor einen geschmeidigen und unerschopflichen Criminalstoff.

57. Никон. лет., т. 3, стр. 86. История российской иерархии, ч. 1, стр. 135. «Словарь» митрополита Евгения. Т. 2, стр. 209. Рукописи «Мерила праведного» в Синод. библ., № 52 (л. 79об) и 525 (77об).

58. В подлиннике употреблено древнее слово *рана*, соответствующее в теперешнем языку *удару*.

59. По рукописи «Златой чепи» Сергиевой Лавры напечатано в «Москвитянине» 1851 года, № 6. Архиепископ Филарет приписывает его Кириллу I митрополиту.

60. Указаны Калайдовичем и Строевым в описании рукописей графа Ф. А. Толстого, отдел IV, № 275. С этой рукописи напечатаны в Приложениях к изданию Лаврентьевского списка летописи, стр. 252. Указаны еще мною в книгах св. Кирилла Белозерского. См. «Поездку в Кирилло-Белозерский монастырь», ч. 2, стр. 22.

61. Полное соб. русск. летоп. Т. 3, стр. 47. «А дай Бог молитва его святая всем крестьяном и мне грешному Тимофею поно-

марю». Внизу вставлен вариант: «И дай Бог молитвами его всем христианом, и мне грешному Иоанну попови». В «Обзоре русской дух. лит.» Тимофей признан за автора летописи, но не разрешено недоумение, невольно возникающее по случаю варианта.

62. Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенской монастырь патриархом Никоном в 1658 году. Ч. 1, стр. 70. «Мы же от начала Русской земли до сего лета и вся по ряду известно да скажем от Михаила царя до Александриа и Исакиа». Здесь разумеются Алексей Ангел и отец его: следственно, до сего лета относится к 1203 году». Замечание Добровского. См. «Исследования, замечания и лекции о русской истории» М. П. Погодина, т. IV, стр. 72.

63. Лаврентьев. сп., стр. 190 и 191.

64. Там же, стр. 193.

65. Так в Софийск. времен., т. 1, стр. 245.

66. «Яко же премудрый хронограф списа, яко же добродеянья в векы святяться».

67. Никонова летопись. Т. 3, стр. 27–29. Воскресенский список. Т. 2, стр. 226. Русский временник, 1790. Стр. 188.

68. Троицк. спис., стр. 222. «И кто, братие, о сем не плачется, хто ся нас остал живых, како ону нужную и горкую смерть подъяша? Да и мы то видевши быхом устрашилися, и грехов своих плакалися с вздыханием день и нощь, пекущеся не о имении, ни о ненависти братни». Новгор. спис., стр. 52. «Да кто, братье и отцы и дети, видевше Божие попущение и на всеи Русьской земли не плачеться?» Соф. врем., т. 1, стр. 239. «И кто, братие, о сем не поплачется? Кто ся нас остал живых? Како ону нужную и горкую смерть подъяша?» Стр. 246. «Да кто, отци и братия и дети, видевши Божие попущение се на всей Русьской земли, и не плачеться?»

68. Ипат. сп., стр. 185.

69. Лавр. сп., стр. 191. Новгор. сп., стр. 46, 52, 60.

70. Никон. сп. Т. 3, стр. 53.

71. Русский временник. Печат. в Моск. синод. типографии, 1790. Стр. 114. Второе прибавление к «Описанию славянoросс. рукоп.» графа Ф. А. Толстого. Отдел II, № 455, л. 43. Каталог рукоп. И. Н. Царского. № 380, л. 381.

73. Опис. слав. росс. ркп.» гр. Толстого. Отдел II. № 110. Отдел III. № 69, л. 301, 320. Опис. Румянц. музея. № 364, л. 215. Катал. И. Н. Царского. № 136, л. 344.

74. В библиотеке В. М. Ундольского под № 294 есть житие Василия и Константина, составленное иноком Пахомием по благословению Кирилла, архиепископа Ростовского и Ярославского. Рукопись нового письма. Здесь сказано, что мощи святых открыты были при Иоанне III в 1501 году. Пахомий пришел в Россию, по словам митрополита Евгения, около 1460 года, – по «Обзору дух. лит.» при Василии Темном, но по Никонову списку лет. – вместе с митроп. Фотием при Василии Дмитриевиче. Кирилл в архиепископы Ростовские хиротонисан в 1526 году. Следовательно, это житие не может быть приписано Пахомию.

75. Повесть о мучении великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского и боярина его Феодора вставлена в Никонову летопись, в Воскресенскую, в Русский временник, в Софийский временник. – «Опис. рукоп.» гр. Толстого. Отд. I, № 282, л. 47. Отд. II, № 67, л. 148. № 84, л. 149. Отд. III, № 69, л. 327. – «Опис. Рум. муз», № 160, л. 42. № 172. № 434, л. 45. Катал. рукоп. И. Н. Царского, № 368, л. 77. № 379, л. 39. Филолога черноризца слово о святых великомученику, иже от Чернигова славную, о великом князе Михаиле и Феодоре Синьглитице. № 614, л. 103. В сборнике из библиотеки В. М. Ундольского за № 565 это житие названо в заглавии творением иеромонаха Пахомия святыя горы. За житием следует известное «Сказание о убиении злочестивого царя Батыя».

76. Катал. рукоп. И. Н. Царского. № 296, л. 20об.

77. Канон, стихиры и чудеса, позднее собранные, находятся в библиотеке В. М. Ундольского под № 363.

78. Опис. Рум. муз., 547 стр. № CCC, LXXI. – Катал. рук. И. Н. Царского. № 96. № 408, л. 652. № 411, л. 175. Библиот. В. М. Ундольского. № 307. Во всех пяти списках обозначен автор. Он говорит: «Сподобихся достоверно слышати от поведавших ми неложно черноризец обители преподобныя иже во граде Суждале». – О образовании преподобной Евфросинии сказано: «Аще и не во Афинах учися блаженная, по афинейски премудрости изучи: философию же и риторию и всю граматикию, числа

и кругом обхождения и вся премудрости». Весьма важно в этом свидетельстве то, что признавалась необходимость такого образования. Приведем замечательные слова и выражения из этого жития: мнози падоша *взнацы*. Царь Батый ста *на яронове горе* на берегу у реки *каменица* от полуденныя страны (на дороге ко Владимиру). Любопытно бы знать, есть ли теперь около Суздаля Яронова гора и река Каменица? И *трезлым* своим повелением. – Вражии бесов его суть *находи* и мечты. – Коня и *снузницы* его вверже в море. – Нигде же бо таков монастырь по всей России великой на *устрой* и благочиние. – Приведем ответ Евфросинии в подлиннике: «Рыба на студени суще и снегу на ню сыплему не смердит никакоже и червей не творит, но сладко вкушение творит: тако и мы черноризцы мужеска полу и женьска, аще зимою стража терпим, сладость будем х҃ви ввечную жизнь».

79. Находилось в библиотеке М. П. Погодина под № 115. – «Опис. рукоп.» гр. Толстого. Отд. I. № 183. Отд. II. № 110, л. 21. № 368, л. 5. Отд. III, № 69, л. 165. – Втор. приб., отд. II, № 455, л. 57. – Опис. Рум. муз. № 34, ст. 17. Житие, описанное современником. № 297, л. 348об. – Катал. рукоп. И. Н. Царского. № 369, л. 289. № 378, л. 104. № 400, л. 104. № 411, л. 132. № 614, л. 499. № 729, л. 810об. – Библ. В. М. Ундольского. № 274. Печатныя в «Софийском временнике» и в Степенной книге. Приведем два выражения замечательные по списку В. М. Ундольского. «И многи гости побиша новгородцкия до *луги* и до сабля». – «В. кн. Александр во время *рагозен* бяше с новоградцы и отъехает от них в переславль град».

80. Опис. Рум. муз., стр. 208 и 546. – Катал. рркк. Царск. № 136, л. 418. № 427, л. 133. – В. М. Ундольский владеет списком (№ 300), к сожалению неполным, канона и стихир, равно и жития. К первым прибавлено следующее послесловие, открытое владельцем библиотеки: «Стихиры и канон благоверному великому князю Даниилу, сотворены, по благословению святейшего Иова патриарха, Московского и всея России, тщанием и труды Симеона Романовича Олферьева да инока Сергия честныя обители Пресвятыя Троицы Даниилова монастыря Переславля Залескаго». В конце жития говорится о перенесении мощей в 1652 году в царствование Алексея Михайловича. В каноне и молитвах к святому есть беспрерывные отношения к Москве:

«Царствующий свой град Москву и страны Российския земли благомилосердо пощади, и милостивно утверди, и мир, и любовь, и здравие обильно во всем, во всех домех сотвори, и всегда радостно нас посещай». – «Сохрани град свой, Москву, и все страны Российския земли, благочестивый княже Данииле, от безбожных иноверных находа, и от междоусобныя рати, и всякого страха и муки избави». – «Радуйся, земли Российской заступник и забрало нерушимо! Радуйся, граду своему Москве великий поборниче!»

81. Библиотеки В. М. Ундольского № 384. Канон и служба преподобному Феодору с детьми его, и далее житие и чудеса. В заглавии жития сказано: «Составлено ж бысть сие житие и чюдеса ермонахом Антонием того же монастыря по благословению господина преосвященного митрополита… волею же боголюбивого и вседержавного господаря великого князя Иоанна Василиевича и при благородном и благочестивом его сыну великом князе Иване Ивановиче всея Руси». В тексте жития читаем: «Аз же предреченыи инок Антоний нечто мало освятем списах, слышав известно о его житие, начеж от самех чюдес бывающих от раки богоносного отца Феодора, неподобно вменших быти святаго чюдесем, но на многы части глаголатися, яко цветци собравше от многых в едино, да не умолчано будеть едино праведное святаго же и приснопамятнаго житие». Все оно отличается цветистым и вычурным слогом. О времени написания сказано: «Тем же и повсюду слава о нем происхожаше якоже лехким пером произношашешся по всем странам, даже и до великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и до его сына великаго князя Ивана Ивановича, тогда великое княжение ему держащу». Есть замечательные формы слова: *лествица, въспитение,* недуг тяжек *корчета* (как в других житиях встречается *корчетная* немощь). – Опис. Рум. муз. № CLX, л. 40 на об. № CCCV. Патерик Печерский пис. В 1462 году, л. 260, без предисловия, которое находится в списке Ундольского и повидимому гораздо короче. № CCCCXXXIV, л. 43об. – Катал. ррукк. Царск. № III, л. 313–348. Сочинитель Антоний показан и прибавлено автором каталога, что он жил около 1470 года. – № 372, л. 385. – № 388, л. 193. Соч. иеромонах Антоний. – № 481, л. 30об. – № 614, л. 110об показан автором.

82. Опис. Рум. муз. № CCCXCVII, л. 370об. № CCCCLVII, л. 762. – Катал. рркк. Царск. № 129, л. 77. № 132, л. 223. № 135, л. 99. № 396, л. 87. Автор каталога замечает, что это житие встречается очень часто. № 411, л. 43. № 728, л. 322. Библиот. В. М. Ундольского, № 360. Владелец библиотеки замечает, что по Сборнику академическому за № 224 это есть сочинение монаха Эразма. Так говорит автор жития, обращаясь ко святым угодникам: «Да помянитеже и мене грешнаго списавшаго сие елико же слышах, а не ведый, а аще ми суть написали ведуще выше мене; аще же аз грешен есмь и груб, но на Божию благодать и на щедроты его уповая и на ваше моление ко Христу надеяхся и трудихся». – Выпишем загадки и ответы Февронии: «Не лепо есть быти дому без ушию и храму без очию». – «Отец мой и мати поидоста взаем плакати, и брат же мой иде чрез ноги в *нави* зрети». – Аще бы был в дому сем пес, лаял бы на тя, ощутив тя идуща к дому, се бо есть дому уши, и аще бы было во храмине моей отроча, и видев тя к храму приходяща, поведало бы мне: се бо храму есть очи. А еже сказах ти про отца и матерь и про брата, яко отец мой и мати идоша взаим плакати, пошли бо суть на погребение мертваго, и тамо плачут, а егда по них смерть приидет, и иннии по них учнут плакати: се есть заимоданный плач. А брата же моего рекох ти, яко отец мой и брат древолазцы суть: в лесе бо и с древа меда взимают, и брат же мой иде на таковое дело, якоже лезти на древо в высоту чрез ноги зрети к земле, мысля какобы не урватися и себе живота не гонзнути, и сего ради рех ти яко иде чрез ноги в нави зрети». – «И посла к ней единаго от слуг своих, и с ним посла повесмо лну, и рече яко сия девица хощет ми супруга быти мудрости ради: аще бо мудра есть, да в сем лну учинит мне срачицу, и порты, и убрусец, в ту годину, в нюже аз в бане пребуду. Слугаже принесе повесмо лну, и поведа ей княжее слово. Она же рече слузе: взыди на пещь нашу, и снем зградки поленцо, и снеси семо. Он же послушав ея и сня поленцо. Она же отмерив пядию: отсеки сие от поленца сего. Юноше же отсече. Она же рече: возми сей утинок поленца и шед даждь князю своему, и от мене рцы ему: в кий час сие повесмо очищу, а князь твой да приготовит ми в сем утинце стан и все строение, ким сотчется полотно его».

83. Опис. Рум. муз. CLX, л. 83. – Катал. рркп. Царск. № 135, л. 485. № 190, л. 135. № 378, л. 270. № 614, л. 258. № 728, л. 334об. № 743, л. 267об. – Библ. В. М. Унд. № 358. Когда написано это житие, неизвестно; но дóлжно думать, что оно написано еще во времена татарского нашествия. В заключении рассказывается, как Игнатий, правнук Петра, освободил Ростов от нашествия Ахмыла, татарского хана, в силу своего родства с ним по предкам. Язык этого жития местами весьма хорош. Приведем отрывок. «Прииде Ахмыл на Русскую землю и пожьже град Ярославль, и пойде к Ростову с всею силою своею, и устрашися его вся земля, и бежашя князи ростовстии, и владыка же бе Прохор, Игнатий же извлече меч, и угна владыку: аще не идеши с мною противу Ахмыла, то сам посеку тя: наше есть племя и сродичи. И послуша его владыка, и с всем клиросом в ризах, взем крест и хоруговь пойде противу Ахмыла, а Игнатий пред кресты с гражяны взем тешь царскую, кречеты, шубы, питие, край поля езера, ста на колену пред Ахмылом, и сказася ему древняго брата царева племя, а село царево твое, господи: се есть купля прадеда нашего, идеже чюдеса творяхуся, господи. Страшно ж есть видети рать его вооружену. И рече Ахмыл: ты тешь подаеши, а сии кто суть в белах ризах и хоруговь сиа? Егда сещися с нами хотят? Игнатий же отвеща: сии богомолцы царевы и твои суть, да благословят тя, а се ношаху божницу по закону нашему».

84. Псковск. летоп, изд. М. П. Погодиным. 1837. Москва, стр. 11 – 17. Полн. собр. русск. льтоп. Т. IV, стр. 180– 183.

85. См. Новгор. летоп. под 1243 стр.

86. Опис. рукоп. Гр. Толстова. От. I, № 292, л 449. Слово на преставление св. отца нашего Игнатиа, епископа Ростовского. – Опис Рум. муз. № 160, л. 15об. № 322. Маиа 28.№ 434, л. 435об. Катал. И. Н. Царского. № 411, л. 74об. № 563, л. 201. № 728, л. 250. – Библиот. бывшей Погодина № 149, л. 52. – Относительно епископа Василия см. Библ. Погодина, № 169, л. 143.

87. Опис. Рум. муз. CLIV, л. 153. Служба. Л. 176. Житие и чудеса, л. 200. Слово похвальное на пречестную память преподобного отца нашего Варлаама, священноинока Пахомия Логофета, в нем же имать нечто на людей. – № CLX, л. 48. Житие преподобного Варлаама Хутынского. – № CCCCXXXXIV,

л. 104об., л. 108об. – Катал. ррkk. Царск. № 89. № 370, л. 56 и 57об. № 382, л. 91. № 396, л. 202. № 401, л. 43. № 420, л. 145. Л. 150. № 446, л. 84. № 457, л. 111. № 481, л. 42. № 624, л. 126, 129. № 743, л. 12об, л. 14. Библ. В. М. Унд. № 565. Житие и похвальное слово. – Как житие, так и похвальное слово написаны сербом, иеромонахом Пахомием Логофетом. Первое свидетельствуется его же словами: «не бо своима очима видех что таковых, но пришедшу ми от святыя горы в преславный великий Новград и слышав елика от многих поведаема бяху чудеса, и сего ради повелен бых архиепископом тогоже преименитаго града владыки Евфимия прийти в обитель святаго тамо своими ушима слышати бывшая и бывающая чюдеса». Место против иудей, находящееся в похвальном слове, должно иметь современное отношение к ереси жидовствовавших, которая уже зачиналась в Новгороде. «Рци ми убо, о иоудею, что негодуеши? что печалуеши? что распыхаешися, Видев вас покланяемом мощем святого благочестно угодивших: иже от вас распятому Христу исцелением бо знамения видевше покланяемся, не глаголюще мощи святых Бога быти, но яко угодившому, тем же хвалу вздаем прославльшему их Богу». Далее следуют укоры народу еврейскому в преступлениях, им совершенных против избранников Божиих. Известно, что жидовствующие восставали против поклонения мощам святых.

88. Жития святых Российской Церкви. Ноябрь, стр. 46.

89. Житие Антония Дымского с чудесами находится в библиотеке В. М. Унд. под № 281. Здесь сказано, что Антоний родился в 1206 году в Новгороде, пострижен в Хутыне в 1227 году, был в Царьграде у Патриарха в 1238 году, поставлен игуменом на Хутыне по смерти Варлаама в 1243 году, преставился в 1273 году, июня 24. Житие сложено, конечно, в новое время на основании источников и преданий, хранившихся в обители.

90. Полный экземпляр жития и чудес Прокопия Устюжского находится в библиотеке В. М. Ундольского под № 362. Здесь сказано: «Раб же Божий Симеон (отец Стефана Пермского) почюдися зело глаголанным от святого и прослави Бога о сем, яко показа ему Господь такова свята мужа, и скры тайныя его глаголы, яже беседова с ним, и никому же поведа о житии святаго Прокопия, и о великом его терпении, донележе он

изыде от жития сего. По преставлении же святаго, все написа по ряду, еже виде и слыша от святаго ползы ради душевныя последним родом нашим». Многие чудеса, совершенные Прокопием, отмечены годами. Весьма странное по подробностям чудо о Соломонии означено 1071 годом и рассказано попом Иаковом. Здесь видно нерусское влияние. Тут же находится «Слово похвалное святым и блаженным Христа ради юродивым Прокопию и Иоанну Устюжским чюдотворцем, списано дуксмо Симеоном Шаховским». В этом похвальном «Слове» встречаются сравнения поэтические. «Блаженный же сей муж вся сия божественная учения в сердцы своем собра и отвержеся родителей и дому своего, и во след Христа своего и Бога потече, и странник в чюжей земле явися, яко птица парящая по воздуху, во время красновидныя весны царицы времен ко странам нашим приближается, и в дубравах вселяются, и подружию примешаются, и гнезда себе созидают, и птенцы своя воспитывают, и сладкоглаголивыми песнми воздух наполняют, и сердца человеком услаждают. Такожде и сей чюдный муж блаженный Прокопий, невемый от коея страны суть или коих родителей, еже о нем писание поведа».

91. Житие Петра митрополита помещено в Степенной книге и находится как в письменных, так и в печатной. Имя автора Киприана обозначено в заглавии. В заключении жития Киприан сам говорит о важном событии в жизни своей, которое связано с чудом святителя Петра.

92. Панагия № 11 в Патриаршей ризнице. См.: Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы и библиотеки, составленный архимандритом Саввою. Изд. 2, стр. 13.

93. Творения св. отцев. Изд. Московской духовной академии, 1844. Год второй. Книжка 1. В прибавлениях статья: Св. Петр, митрополит Киевский и всея России, и тут же *Поучение смиренного Петра митрополита Киевского и всея Руси игуменом, попом и диаконам.* Подлинник находится в сборнике владыки Леонида Рязанского 1576 года, находящемся в библиотеке Иосиф. Волокол. монаст. за № 567, лист. 385. Там же на л. 389об находится *Поучение того же к епископом и архимандритом и игуменом и дьяконом, и ко всем православным крестьяном, како ходити по закону.* Но автор статьи справедливо замечает,

что это поучение по содержанию своему противоречит кроткому характеру святителя и не может быть ему приписано, с чем нельзя не согласится.

Лекция двенадцатая[1]

1. В «Словаре историческом о святых, прославленных в Российской Церкви» год рождения преподобного Сергия показан 1315, а год кончины – 1391. Но в рукописном житии Епифаниевом читаем: «чистую свою и священную душю с молитвою Господеви предаст в лето 6905 месяца сентевриа 25, жив же преподобный лет 70 и 8». Отсюда годы рождения и кончины сами собою определяются: 1319 и 1397.

2. «Житие преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена Сергиа чюдотворца. Списано быть от премудрейшаго Епифаниа». Имею собственную рукопись, прекрасно писанную, по всему вероятию, в XV веке. Епифаний в предисловии говорит: «Елика от старец слышах и елика своима очима видех, и елика от самого уст слышах, и елика уведах от иже в след его ходившего время не мало и взлиавшего воду на руци его, и елика другая некаа слышахом, и от его брата старейшаго Стефана, бывшего по плоти отца Феодору, архиепископу Ростовскому, оваже от инех старцев древних достоверных бывших самовидцев рождеству его, и воспитанию, и книговычению, възрасту его и юности, даже и до пострижениа его; друзии же старци самовидци суще и свидетели неложнии постризанию его, и начатку пустынножительству его, и поставлению его еже на игуменьство, и поряду прочим прочии возвестители же сказатели бываху – инок множество у трудов старчих».

3. Там же: «Дивлюжеся о сем, како толико лет минуло, а житие его не писано; о сем съжалихся зело, како убо таковый святый старець пречюдный и предобрый, отнележе преставися 26 лет прейде, никтоже не дръзняше писати о нем, ни далии ни ближнии, а меншии яко не смеяху; но лет убо единем или по двою по преставлении старцев, аз окаянный и вседрързый дрързнух на сие, въздохнув к Богу и старца признан на молитву,

[1] См. также «Дополнения к третьей части» в приложениях. – *Прим. ред.*

начах подробну мало нечто писаты от житиа старцева и к себе втайне глаголя: аз не хватаю ни пред кымъже, но себе пишу и запаса ради и памяти ради, и пользы ради; имеих же у себе за 20 лет приготованы таковаго списаниа свитки, в них же беаху написаны некыа главизны еже о житии старцеве памяти ради, ова убо в свитцех, она же в тетратех, аще и не поряду, но предняя назади, а задняа напреди, и сице ожидающу ми в таковаа времена и лета, и жадающу ми того, дабы кто паче мене и разумнее мене описал, яко да и аз шед поклонюся ему, да и мене поучит и вразумит; но распытав и услышав и уведах известно, яко никтоже нигдеже якоже речеся не писаше о нем, и се убо егда въспомяну или услышу помышляю и размышляю: како тихое и чюдное и добродетельное житие его пребысть бес писаниа по многа времена?» Епифаний написал еще похвальное слово преподобному: «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию. Сътворено бысть учеником его, священноиноком Епифанием». В той же рукописи.

4. В описании чуда о сухоруком юноше: «И всем братиам предстоящим, и мне, недостойному Пахомию, писавшему в то время житие святаго…» В другом сказании: «О прозвитере и о мужи, бывших в латинских странах» читаем: «Сия же аз смиреный таха ермонах Пахомие, пришедшу ми в обитель святаго, и видех чюдеса бывающа от ракы богоноснаго отца, уведев от самого ученика блаженного, иже многа лета наче же от самого възраста юннаго живша с святым глаголюже Епифаниа» Из последующего ясно, что Пахомий описывал только чудеса: «Земля убо широта, и моря глубина, и святых чудеса неисчетенна суть: сиа же написах, яко да не забвению предана будут».

5. Привожу все это место из жития, которое есть драгоценный материал для историка времени: «О преселении родитель святого. Се убо прежереченный раб Божий Кѵрил преже имеаше житие велико в Ростовстей области болярин сый, един от славных и нарочитых боляр, богатством изъобилуа многым, но напоследь на старость обнища и оскуде: какоже и что ради обнища, да скажем и се, яко частым хоженьми еже с князем в орду, частыми ратьми татарскыми еже на Русь, частым послы татарскыми, частыми тяшкими даньми и выходы еже в орду, частыми глады хлебными, надо всемиже сими и паче егда бысть великаа рать

татарскаа, глаголемаа Федорчюкова, Туралыкова, егда по ней за год един наста насилование, сиречь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купнож и досталося княжение Ростовьское к Москве. Увы! Увы! Тогда граду Ростову, паче-же и князем их, яко отъяся от них власть и княжение, и имение и честь и слава, и вся прочаа потягну к Москве, егда изиде по великого князя и послан бысть от Москвы на Ростов, акы некый воевода, един от вельмож, именем Василий, прозвище Кочева, и с ним Мина, и егда внидоста в град Ростов, тогда възложиста велику нужу на град, да и на вся живущаа к нем, и гонение много умножися, и не мало их от ростовец москвичем имениа своа с нуждою отдаваху, а сами противоу того раны на телеси своем с укоризною взимающе и тщима рукама отхождах, иже последняго беденьства образ, яко не токмо имениа обнажени быша, но и раны на плоти своей подъяша, и язвы жалостно на себе носиша и претръпеша. И что подобает много глаголати? Толико дръзновение над Ростовом седеаша, яко самаго того епарха градского, старейшего болярина ростовского именем Анеркиа, стремглав обесиша и възложиша на руце свои и оставиша поругана, ибысть страх велик на всех слышащих и видящих сиа, не токмо в граде Ростове, но и в всех пределех его. И таковыа ради нужа раб Божий, Кvрил въздвижеся из веси оноа предреченныа Ростовьскыа, и събраса с всем домом своим, и с всем родом своим, въздвижеся и преселися от Ростова в Радонеж, и пришед приселися близ церкви нареченныа в имя Рожества Христова, еже и доныне стоит церковь та, и ту живяше с родом своим, не един же сий, но с ним и инии многие преселишася от Ростова в Радонеж, и быша преселници на земли чюждей, от них же есть Георгий сын протопопов с родом си, Иоанн Федор Тормосов род Дюден зять его с родом си, Онисим дяди его, иже последи бысть диакон, Онисимаже глаголют с Протасием тысяцкым пришедша. Туюже весь глаголемую Радонеж юже даде князь великий сыновси своему мезоному князю Андрею, а наместника постави в ней Терентиа Ртища, и льготу людем многу дарова, и ослабу общася такое велику дати, ея же ради льготы събрашася мнози, якоже и Ростовскыа ради нужа и злобы разбегошася мнози».

6. Здесь надобно искать первого объяснения тому психологическому явлению, которое известно в нашем простом народе

между женщинами под именем кликуш. Конечно, бывают при этом злоупотребления часто безобразные; но до́лжно сказать, что злые люди, к сожалению, пользуются иногда прекрасным набожным расположением русских крестьянок.

7. По дороге к Троице около Хотькова прежде благочестивые богомольцы читали Псалтирь в лесу, поминаючи родителей преподобного Сергия. Обычай есть блинки связан с тем же поминанием.

8. Св. Алексий, митрополит Киевский и всея России. Творения св. отцов, издав. при Московской духовной академии. Год шестой, 1848. Книжка 1. Прибавления, стр. 89–128. Статья профессора А. В. Горского, в которой указаны рукописные и печатные источники. – Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских. Месяц октябрь. СПб., 1856, стр. 89– 195. Жизнь святителя Алексия, митрополита Киевского и всея Руси чудотворца. Большею частию почерпнута из предыдущей статьи, хотя автор притом пользовался и рукописями из библиотеки графа А. С. Уварова, бывшей И. Н. Царского. Св. Алексий, митрополит всей России в «Обзоре русской духовной литературы», помещенном в «Ученых записках Второго отделения Императорской академии наук» (кн. III. СПб., 1837, стр. 70–73). Житие св. Алексия митрополита рукописное Пахомиево в библиотеке В. М. Ундольского, № 280. Степенная книга. Т. I. 444–478. Никонова летопись. Т. IV. Стр. 55–66.

9. Акты исторические. Том I. № 3. Грамота митрополита Феогноста напечатана там же под № 1.

10а. См. помянутую статью А. В. Горского, стр. 95. «Словарь о писателях духовного чина» митрополита Евгения. Ч. 1, стр. 182. «Достопамятности Москвы» К. Тромонина. 1845, стр. 7 и след. «Обзор русской духовной литературы» преосвященного Филарета Харьковского. Здесь описано содержание рукописи, приведено сличение притчи о талантах и предложена справедливая догадка, что митрополит Алексий воспользовался пребыванием своим в Константинополе для поверки перевода по лучшим спискам греческим, потому что труд святителя и вторая поездка в Царьград относятся к 1355 году. Сличая текст святителя Алексия с текстом Остромирова Евангелия, находим в первом обороты, ближайшие к тексту греческому: «и слово бе

к Богу» – «сь бе искони к Богу» – отсутствие двойного отрицания: «и без него бысть ничтоже еже бысть» – «Бога никтож виде когда» – «да вси веруют им» вместо «да вси веру имуть им» – «иже не ис крони» вместо «иже не от крови» – «и глаголет» вместо «и глагола». Замечательно отсутствие юсов повсюду, где они находятся в Остромировом Евангелии. Русские обороты и выражения: «не бе *он* свет» вместо «не бе *тъ* свет»; и «мир *им* бысть» вместо «и мир *тем* бысть»; *Мосеем* как теперь употребляет это имя народ русский вместо *Мосеом*; *Илья* вместо *Илия*; «пославшиим ны» вместо «пославшим ны»; «что убо крестиши?» вместо «что убо крещаеши?». Замечательны еще отмены: «в *ядре* отчи» вместо «в *лоне* отчи»; «ему же аз несмь достоин да разрешю его в *стугву сапожную*». В О. Е.: «ему несмь достоин, да отрешѫ ремень сапогу его». Греческая рукопись Нового Завета, могущая послужить к сравнению предисловий, переведенных святителем Алексием, находится в Синодальной библиотеке под № 407 и 382 и отнесена у Маттеи к XII веку.

10b. После заглавия, которое приведено вполне в тексте лекции, следуют вопросы Анастасия Синаита. Эти самые вопросы с ответами находятся в «Сборнике Святославовом». Все они вместе составляют бо́льшую часть его содержания от л. 27 до 223. Вопрос о поставлении властелей в рассуждении Алексия митрополита находится на первом месте, а в «Сборнике» середи других вопросов на листе 95. Вопрос о допущении язычников на народы верные следует за ним непосредственно, как в «Сборнике», так и в рассуждении, но в сем последнем с прибавлением своим к его содержанию и с некоторыми пропусками против подлинника. Вопрос об оставлении Божием, в рассуждении третий, в вопросах Анастасиевых стоит гораздо выше, в «Сборнике» на 63-м листе. В нем есть значительные изменения и прибавлена вставка из Златоустова «Бисера». Вопрос о благополучии творящих плотские грехи следует непосредственно в рассуждении и в «Сборнике». Пятый вопрос о внезапно умирающих в «Сборнике» на 166-м л. Об. Это же самое поучение в вопросах и ответах находится в апрельской книге «Великих четиих миней» митрополита Макария, л. 663об по новому означению листов. Есть большие изменения в слоге. Наверху листа, где оно начинается, озаглавлено так: «Святого Анастасия Синайского слово *м́а*». Это же самое

слово под 41 же номером встречается в творениях Никона Черногорца, а именно в его «Пандектах» (Рукописи Царского, опис. Строевым, стр. 254). То же можно найти в ррkк. Синод. б. № 197 и 188. Никон Черногорец его и составил из творений Анастасия Синаита. Сличая перевод в Евангелии с переводом в творениям Никона Черногорца и в «Великих четиих минеях», видишь большую разницу. Отдельный вопрос с ответом: все ли удавляющие, или утопающие, или посыпаеми по Божию гневу и по повелению Его стражют или от действа злолукавого? – встречается в тех же рукописях в «Измарагде» под № 142, л. 379об и в «Опис. ркпс. гр. Толстого» (Отд. II, № 254, л. 488).

11. «Поучение Алексия митрополита, от апостольских деяний к христолюбивым христианом. Отче благослови». Под этим заглавием напечатано в «Прибавлениях к творениях святых отцов», издаваемым при Московской духовной академии. Год V, кн. 1. 1847, стр. 30. Здесь сказано: поучение сие найдено – а) в Сборнике из библиотеки Московского главного архива иностранных дел, XVI в. и б) в Сборнике, принадлежащем И. Н. Царскому, XV века. В первый раз мне удалось познакомить московскую публику с этим памятником на лекции в 1844 году. Он был тогда только что открыт. Сообщил же мне его В. М. Ундольский.

12. Приведем эти сходные места: в «Поучении»: «Хощу вам, братиа, ньспомянути душеполезнаа и спасенаа. Понеже убо, дети, должен есмь вас пасти и учити порученную ми паству»; в грамоте: «приехал есми к Святой Софии, в митрополью всея Руси в Киеве и ко всем християном, обретающимся во всей Русской земли, пастух и учитель; имею великую тягость на себе, что ми молвити и учити всех на вся душеполезная и спасеная». В «Поучении»: «И нанче, чада, елика сила ваша может» – «*исполнивать* закон Божий»; в грамоте: «да *исполнивали* бы есте заповеди Божия… Иже имете *исполнивати* се, Спасени будете». Весьма замечательна эта форма многократного вида, служащая подтверждением моему мнению, что это есть превосходная степень глагола.

13. Летопись по Никон. списку. Т. IV, стр. 62 и 64.

14. Известно, что наименование философа, по обычаю византийскому, придавалось тогда всем духовным лицам книжного образования.

15. Летопись по Никон. списку. Т. IV, стр. 141. Автор «Обзора русской духовной литературы» сближает свидетельство летописи о Павле Высоком со многими памятниками литературы, которые не носят на себе имени автора, но по языку и содержанию могут быть отнесены к XIV веку.

Житие св. Стефана Пермского, писанное священноиноком Епифанием, помещено в «Великих четиих минеях» митрополита Макария под 26 апреля. Я изучал его по этому списку, равно и по отдельному списку из библиотеки В. М. Ундольского, № 378, списанному с «Чудовской минеи», л. 509. Слова автора жития: «Ова слухом услышах, оваж от ученик его уведах яже о учительстве и управлении; есть же другое яко и своима очима видех; иное же и с самим беседовах многажды и от того навыкох, и прочая елико вопрошах от старых муж якожь рече святое писание: вопроси отца твоего и возвестит тебе, и старцы твоя, и рекут тебе». Слова из заключительной похвалы Епифания: «Аз, отче господине епископе, аще и умершу ти хощу принести ти хвалу или сердцем, или языком, или умом, иже иногда живу сущу ти бых ти досадитель, понежь похвалитель, и не огда с тобою смирахся о неких о приключьшихся, или о слове старе, или о коеждо стисе, или о строце; но обаче поминая ныне твое долготерпение и твое многоразумие и благопокорение, сам ся себе устрамляю и окаю, самся обрыдаю и плачю».

17. Эти предания местные собраны большею частию, в особом сочинении: «Сказание о жизни и трудах святого Стефана, епископа Пермского» А. М. (СПб., 1856). Автор в этом добросовестном труде собрал эти предания из разных статей, которые печатались в «Вологодских губернских ведомостях» или в других изданиях. Таково, например, предание об истреблении Стефаном *прокудливой березы*. Многое находится также в «Истории российской иерархии» (Т. VI, стр. 566–580) (Усть-Вымская Архангельская пустынь).

18. Так сказано в житии св. Прокопия, в главе о велицем зимнем мразе и о терпении блаженного Прокопия. (По списку из библ. В. М. Ундольского, № 362.) Здесь рассказано, как Прокопий после ужасного зимнего мороза, от которого гибли люди и животные в Устюге, пришел к Симеону и передал ему подробности своих страданий, от которых он спасен был

чудесным явлением ангела. В заключение читаем: «Раб же Божий Симеон почюдися зело глаголанным от святого и прослави Бога о сем, яко показа ему Господь такова свята мужа, и скры тайныя его глаголы яже беседова с ним, и никому же поведа о житии святого Прокопия, и о великом его терпении, донележе он изыде от жития сего. По преставлении же святого, все написа по ряду, еже виде и слыша от святого, пользы ради душевные последним родом нашим».

19. «Святыя книги писаше хитре и горазде и борзо, и послушествуют книги его многия яже и до сего дни, яже и своима рукама написал трудолюбно счинив, яже суть трудов его».

20. «И бяше умея глаголати тремя языки, також и грамоты три умеяше, яже есть: руски, гречески и пермьски».

21. Замечательно в житии св. Стефана Пермского все это место о марте месяце: «Уставижеся таковый праздник праздновати месяца марта в ке̃ день, рек яко сий праздник есть начало всем праздником великим господьским и яко се есть начаток спасению нашему, ему же тропарь настоящий послушествует рекий: днесь спасению нашему начаток и вечней тайне явление, яко се есть март месяц начало всем месяцем, иже и первый наречется в месяцех, ему же свидетельствует Моисей законодавец глаголя: месяц же вам первый в месяцех да будет март, да акож учими есмы и иже научаемся яве начало бытию: марта бо месяца начало бытиа, вся тварь Богом сотворена бысть от небытия в бытие, марта бо начало созданию бысть, марта же месяца в ка̃ день и первозданный человек, родом началник, Адам, рукою Божиею создан бысть; марта же месяца некогда Израильтистии людие, якож Григорий Богослов вещает, от земля Египетская и от работы Фараонитскии избыша, и моря Чермнаго пучину немокрыми стопами яко по суху пеши шествоваша; марта же месяца паки Израильтяне в землю обетованную внидоша и иеросалим составиша; марта же месяца паки израильтяном пасху уставиша праздновати; марта же месяца и Благовещение бысть святыя Богородица, еже Архангел Гавриил благовести Ей, егда за наше спасение Сын Божий с небесе сниде и вселися во утробу всесвятыя владычицы нашея Богородица и Приснодевыя Мариа, и без семени плоть от Нея восприим; марта же месяца и распятие Христос волею претерпе, и смерть за нас пострада,

и воскресение боголепно нам праздновати устави; марта же месяца паки чаем воскресения мертвым и Втораго Пришествия Христова и страшнаго, грознаго, трепетнаго, пристрашнаго, необыменнаго, безпосульнаго, всемирнаго Суда, егда приидет со славою хотя судити живым и мертвым, и воздати комуждо по делом его, Ему же слава во веки».

22. Это место о передаче вестей весьма замечательно в житии: «Паки другонци наша вера лучше есть: вести у нас вскоре бывают, еже бо что сдеется на далней стране на ином городе на девятой земли, сегодни доспелося что, а сегодни в том часе вести у нас полныя обретаются, егож вы христиане неудобь возможете уведати во многи дни и во многи времена не уведаете, да тем наша вера лучши есть многим паче вашея, им же многи боги имам спопешествовавшая нам».

23. Послание напечатано в переводе на новый русский язык в № 1 «Москвитянина» 1847 года. Г. Калачев в своей статье «О значении Кормчей в системе древнего русского права», напечатанной в «Чтениях Общества истории и древностей российских» (1847, год третий, № 3), первый заметил сходство двух памятников. В двух синодальных рукописях «Мерила праведного» (№ 524 и 525) послание адресовано без имени Стефана, в первой – к великому князю православному, русскому, без имени, во второй к великому князю Ярославу Святославичу. В середине послания, там, где читаем: «Великому сему всего мира кораблю хранителя Христос тебе мудраго нашего кормчию, благочестиваго царя великаго князя Дмитрия заступника востави воистину» – в № 524 читаем на место Димитрия имя Михаила, несмотря на то что в заглавии никакого имени не показано; в № 523 читаем имя Володимера, хотя в заглавии стоит имя Ярослава Святославича. Это различие имен доказывает справедливость моего предположения. Памятник этот «Мерило праведное», но по важности своего учительного содержания заслуживает еще особенного изучения и издания. Автор «Обзора духовной русской литературы» утвердил предисловие к «Мерилу праведному» за Кириллом II, митрополитом Киевским, и отнес послание к великому князю Василию, сыну Невского; но в других рукописях встречается имя Ярослава Святославича, внука Ярослава Великого, и даже имя Вла-

димира, но неизвестного какого – крестителя Русской земли или Мономаха.

24. «Истории» Карамзина том V, прим. 125. Описание Румянц. музеума. Сборник, № 359, л. 242. Сказание о жизни и трудах св. Стефана, еп. Пермского. Прим. 19.

25. История росс. иерархии. Т. 6, стр. 328.

26. Митрополит Евгений в «Словаре» своем приводит рукопись, принадлежащую библиотеке Московского общества истории и древностей российских. В библиотеке В. М. Ундольского под № 59 находится: Божественная служба, сочинена св. Стефаном, епископом Пермским. Списана в бытность в Вологде С….. С….. 1798 года.

27. Основная мысль этого сравнения принадлежит А. С. Хомякову, который предложил мне ее, когда выслушал мою лекцию.

Лекция тринадцатая

1. «Григориа мниха и прозвитера игумена обители Илипаирьскыа надгробное иже во святых поистинне Киприану архиепископу Российскому» в рукописи Синодальной библиотеки под № 384. Родство Григория с Киприаном обозначено ясно следующими словами надгробного слова: «понеже и отец вашь, иже плачю нам предлежит вина, брат беаше нашему отцю».

2. «Моисеева благость и о своеплеменном милование».

3. Ист. госуд. Росс. Т. V, стр. 61 и прим. 60.

4. Св. Киприан, митрополит Киевский и всея России. Творения св. отцов. Год шестой. Книжка 2. Стр. 302. Хронология церковная могла бы решить задачу года на таком основании. В Никоновой летописи сказано, что Киприан пришел из Киева в Москву в четверг шестой недели по Пасхе, в праздник Вознесения Христова. Если это придется на 23 мая 1381 года, тогда решится задача в пользу сего года. В «Древнем летописце», напечат. в 1774 году, год пришествия Киприана в Москву показан 1380 (см. ч. I, стр. 334).

5. В Троицком сп. летописи: «книг же толико множество снесено со всего города и из загородья и из сел, и в зборных церк-

вах до тропа наметано, схраненья ради спроважено, то все без вести створиша» (Ист. госуд. Росс. Т. V, прим. 96).

8. О суде над Евфимием. Ник. лет. Т. IV, стр. 197. Замечательно, что это самое известие находится в уставе церковной службы 1438 года, писанном дьяком Андреем (Синод. библ. № 351). О том же есть в житии св. Арсения (Библиот. В. М. Ундольского, № 286). Здесь Евфимий обвиняется в ереси.

7. Служебник в 8-ю д., писанный на пергамене средним уставом, хранится в Синодальной библиотеке за № 601. У проф. Горского показан прежний номер 478. У Погодина в «Образцах славяно-русского древлеписания», № 23, тетради 1-й образчик странички. В нем содержатся: литургия св. Иоанна Златоуста; литургия преждеосвященных; служба в неделю Св. Духа, куда вставлена «Молитва, прилагаемая по сих молитвах особна Святому Духу. Творение святейшего патриарха Костянтина града Филофея» – вероятно, в переводе Киприана; последование просвещения святых богоявлений; последование освящению в 1-й день августа; «Молитвы на оцещение церкви егда пес вскочить; на поставление креста; над вином служебным; устав и чин обручению и венчанию царем и князем и всем христианом» (замечательно, что при обручении по древнему обряду было два перстня: золотой для мужа и железный для жены, которыми они обменивались). В заключении: «Чин омыти мощи святых потребы ради якоже есть лепо». Из скрепы по листам видно, что эта книга в 1661 году была внесена патриархом Никоном в обитель Новоиерусалимскую, им основанную, и что служебник писан Киприаном в 1397 году. После литургии преждеосвященных следует приписка тою же рукою: «Сий служебник преписал от грецкых книг на русскый язык рукою своею Киприан смиреный митрополит Киевскый всея Руси». За сим просьба к вероятному заключению, что служебник был списан иноком Иларием с подлинника Киприанова и, вероятно, близко к его времени. Чин омовения мощей находится не в требнике Волоколамском № 98, как сказано в «Обзоре духовной литературы» архиепископа Филарета, а в рукописи за № 83 по новому каталогу под заглавием: «Служебник семионовской протопопа московского духовника государьского в иноцех Симеона, родом псковитина, Верою и любовию и добрыми делы украшена, пачеж милостынею славна

и дивна бывша паче всех, постриженика пречистыа обители Иосифова монастыря при игумене Евфимии худом». Вероятно, это тот самый Симеон, духовник Грозного, о котором упоминается в деле о ереси Висковатого. Здесь, на странице 163, «Списание сему от греческых книг смиреным митрополитом Киевскым и всеа Русии Киприаном. Чин иже омыти мощи святых, или крест мочити. Преж вольет воду в чашу и аще будет поп в ризах и проч.». Это, как видно, списано с помянутого служебника. Разрешительная молитва не в Псалтири митрополита Даниила, как сказано в «Обзоре», а в «Потребнике» (№ 333), данном по своей душе попом Арсением Бузаном в 1548 г., л. 282. «Молитва разрешити князя и всякого христианина. Творение господина Киприяна митрополита Киевского и всея Руси. Списано в Луцте над гробом княжим Димитриевым». Начинается так: «Владыко Боже Отче Вседержителю створивый человека по образу Своему и по подобию, и всеми дарованьми своими украсивый, и бессмертием почет, преступльша же Твою заповедь праведным Ти судом осудил есть сирая изгнанием, и еже, яко земля еси, и в землю паки пойдеши» и проч. Тут же на первом листе находится «Поучение и благословение св. митрополита Киприана Киевского и всея Руси князем и княгинем» – грамота, вставленная в Никонову летопись. Та же грамота вместе с описанием преставления и погребения м. Киприана находится в сборнике чернца Васьяна Фатеева ученика (№ 517), л. 35. В сборнике (№ 573, л. 208об) находится грамота Киприяна, митрополита всея Руси, против тех, которые без благословения переходят из обители в обитель. Он приказывает не допускать их к поповству и к причащению Св. Таин. За № 365 часослов, надписан *книгою Киприяновскою*, письма древнего на лощеной бомбицине. Внесен московским священником, лежавшим в больнице монастырской. Этот часослов весьма замечателен многими своими статьями, особенно же «Посланием Господа нашего Иисуса Христа» (на 111-й и 135-й стр.) римского происхождения, угрожающим близкою кончиною вселенной.

8. Опис. Рум. муз. Стр. 717. Устав церковный 1608 года. «А се написано о отреченных книгах из молитвенника митрополичья Киприянова всея Русии».

9. И. г. Р. Т. V. Стр. 237 и прим. 216.

10. Грамоты, послания и поучения м. Киприана в «Актах исторических», т. I, № 7, 8, 9, 10, 11, 252, 253, 255, в «Актах археограф. экспед.», т. I, № 11, и см. выше в Сборнике Волокол. № 573, л. 208об. В ррkk. Царского в Сборнике за № 425, л. 117. Грамота, данная в Великом Новеграде мая 12-го 1395 года, кажется, еще не напечатанная. Также не напечатано учительное «Послание Киприана митрополита Киевского и всея Руси игуменом и попом и диаконам и ко мнихом и ко всем православным христианом» в Синод. рукописи за № 228–138 в л. «Правила св. апостол». В одном из Киприановых посланий (№ 11, «Акт. историч.») встречаем слово *община*: «с теми, кто посмеется ангельскому образу и свергнет с себя его, ни есть, ни пить, ни *обчины никакой не держати*».

11. Значительное собрание этих канонов и молитв находится в двух канониках Синодальной библиотеки. Первый за номерами прежним 349-м и теперешним 468-м относится к 1157 году и писан по желанию княгини инокини Евпраксии рукою какого-то Сидора. Второй за № 774 новее. Здесь находим Филофеевы творения: стихиры и канон, певаемый в печалех и нужах; служба всем святым, в позднейший список которой, находящийся во втором канонике, вставлены имена славянских и русских святых; «Служба Господу Иисусу Царя всех якоже Бога и священноначалника за божественное смотрение яко человека бывша»; «Молитва к Св. Владычице Богородице изложена внезапу, а не преж в уме изображена при новоявленных тое чюдесех по запленении Ираклия»; «Канон молебен ко Господу нашему Иисусу Христу и к пречистей Его Матери на поганыя (потружением Киприяна смиренного митрополита всея России)»; тут же молитвы на поганыя к Иисусу Христу и к Божией Матери (греческий подлинник первой молитвы находится в греческой рукописи Синодальной б. за № 349–337); «Канон молебен ко Господу нашему Иисусу Христу в усобных бранех иноплеменных (творение святейшего Патриарха Филофея. Потружение же Киприана митрополита Киевского и всея Руси)»; молитва в бездождие; последование другое певаемо к святей Богородици о бездождии (указан переводчик этого последования первопрезвитер Феодор; тут же следует русский перевод, сделанный тем же Феодором, отриновенным от Церкви от лица святительского,

но все же пресвитером, канона молебного к Пресв. Богородице, певаемого от лица незрящего человека, творения Иоанна Евхаитского); «Молитвы в страшную и всемирную язву смертную»; молитва Св. Богородице Одигитрии. Творения патриарха Исидора: кондаки и икосы подобны акафисту св. Иоанну Предтече; архистратигу Михаилу; икосы апостолам Петру и Павлу, вкупе же и дванадесяти апостолам; св. чудотворцу Николе, подобны акафисту; на всечестное Успение Богородицы. Тут же находим «Моление по вся дни о покаянии грехов своих к Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Матери Божией, творение Патриарха Никифора»; «Молебен к Господу нашему И. Х. и Пречистой Его Матери, егда дождь идет рамяно, творение Феофила»; канон Успению кир иеромонаха Иоанна; в исход души из телеси, творение кир Иоанна Евахитского; молитва к Св. Богородице Григория, философа царьградского; «Канон к Г. и И. Х. ходатая имеяй всесвятую Богородицу и честнаго Предтечю и славныя апостолы и святыя вся, творение Феодора Мелезиота, переведенное по просьбе архимандрита Иоанна священномнихом Ларионом; молитва преп. Илариона, митрополита Российского (уже известная в печати; она читалась и в нашествие иноплеменников, и за бездождие, и в смертоносие, и за всяко прошение; встречается три раза). Другие каноны не обозначены именами ни творцов своих, ни переводчиков. Из них особенно замечательны: «Моление певаемо за князя и за люди, егда исходити противу ратным» (в нем раздается тот же глас, что и в молебне 1812 года: «С нами Бог, разумейте, языци, и покоряйтеся, яко с нами Бог»); «Канон молебен к Господу нашему Иисусу Христу и ко всем святым, певаем за князя и за люди, егда изходити из града противу ратным» (здесь молитвы все направлены против врагов-агарян); «Канон составлен в страшную и смертоносную языву покаанен и умилен к Господу нашему Иисусу Христу, к которому приложены и молитвы на тот же случай патриарха Филофея»; «Молитва в нашествие иноплеменных внегда унывати нам от всякоя скорби и печали»; «Молитва благодарная по внегда престати смертной язве; молитва в любовь еже есть мир»; «Молитва еже от вражды смиряющихся».

12. Другой список Иоанна Лествичника с подлинника Киприанова находится в библиотеке графа Уварова по каталогу

Царского за № 181. Тут же обозначены Псалтырь и Дионисий Ареопагит. Моск. дух. акад. за № 115 и 122.

12. Духовная грамота м. Киприана, кроме V тома Никоновой летописи, напечатана еще в «Актах юридических», изд. Калачевым, 1857.

14. Чудеса Николы Качанова. Рукоп. из б. В. М. Ундольского № 344. Блаженный Феодор, Христа ради юродивый Новгородский. Жития святых Российской Церкви. Январь, 19-е число. Автор так говорит о борьбе Николы с Феодором: «Разумея духовно один другого, они как бы взаимно преследовали друг друга, обличая, быть может, собою нелепую вековую вражду обеих сторон, Софийской и Торговой, и выражая тем дух своего времени. Когда случалось Феодору переходить Волховский мост на Софийскую сторону, Никола гнал его оттуда, как бы овладевшего его наследием, и метал в него все, что попадало ему в руки; то же делал и Феодор, когда заставал на своей стороне Николу».

15. Житие св. Арсения, епископа Тверского. Ркп. В. М. Ундольского. № 281. В начале жития сказано: «Написахом отчасти жития его, изыскахом духовными мужы, еже слышахом от преподобных его уст, такоже и от иже с ним пришедших, тоже они писаху на памятех изо уст...»

16. Житие св. Димитрия Прилуцкого. Ркп. В. М. Ундольского. № 302.

17. Житие св. Павла Обнорского или Комельского. Ркп. В. М. Ундольского. № 369.

18. Житие св. Кирилла Белозерского я изучал по рукописи, мне принадлежащей. Некоторые подробности, собранные местно, находятся в моей «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь», которую предпринимал я с тою целью, чтобы изучить жизнь и труды преподобного на месте его действий.

Лекция четырнадцатая[1]

1. Описано у Калайдовича в «Иоанне, экзархе Болгарском», стр. 112, в «Описании слав. рукоп. Моск. Синод. библ.» под № 21,

[1] См. также «Дополнения к третьей части» в приложениях. – *Прим. ред.*

стр. 213 (прежний № 740), у Буслаева в «Палеограф. и филологических материалах для истории письмен славянских стран», 30.

2. См. «Описание слав. рук. М. Синод. библ.», № 45, стр. 282 (прежний № 722). Первый упомянул об этом апостоле Карамзин в 227, прим. к IV т. «Ист. г. Р.».

3. См. в том же «Описании», стр. 294, № 46 (пр. № 15).

4. Там же, стр. 218, № 22 (пр. № 67).

5. См. «Твор. св. отц.», 1848. Год 6-й. Кн. 1. Приб. стр. 95. «Обзор дух. русск. литер.», стр. 71. «Достопамятности Москвы» Тромонина, 1845, стр. 7. См. выше в XII лекции стр. 519 и прим. 10а.

6. Опис. сл. рук. М. Синод. б. Стр. 220, № 23 (пр. 70). У Буслаева стр. 39.

7. См. «Опис. сл. рук. М. Синод. б.», № 24, стр. 221 (пр. № 68).

8. См. там же, № 25 (пр. № 69), стр. 223. Иоанн. экз., стр. 112.

9. См. «Опис. Рум. муз.», № CCCII.

10. Издан в первом томе Полного собрания русских летописей (СПб., 1846).

11. Опис. слав. рук. М. син. Б. № 26, стр. 224 (пр. № 742).

12. Опис. Рум. муз. № СССС к 12-му ном. приводимых рукописей, а к 13-му «Твор. св. отц.», г. шестой. Кн. 2. Прибавления, стр. 312.

13. «Опис. слав. росс. ркпс.» гр. Толстого. Отд. I. № 262, стр. 170.

14a. «Опис. ркпс.» гр. Толстого, стр. 701, в л. № 312.

14b. См. «Обозрение пергаменных рукописей новгородской Софийской библиотеки» П. К. Куприянова в «Изв. И. акад. наук», т. VI. Выпуск IV, стр. 276.

15. Опис. слав. ркпс. Моск. синод. б. Отд. I. Свящ. Пис., стр. 234 и далее. В числе рукописей, означенных верными годами, я не привел Требника Феогноста митрополита, который по подписи относим был к 1329 году. При внимательном взгляде на эту рукопись сейчас видно, что она есть позднейшее произведение. Вот почему она не приведена и в «Обзоре русской духовной литературы», в чем напрасно укорял автора в «Отечественных записках» г. Пыпин, незнакомый с делом. Впрочем, и Карамзин (т. IV, прим. 321) выразил уже сомнение касательно подписи митрополита Феогноста. Что касается до Служебника Киприянова, он,

как сказано в XII лекции, если не современная подлиннику, то весьма близкая к нему по времени копия. Автографы Киприянова, еще нигде подробно не описанные, упомянуты были прежде.

16. Ист. Кар. Т. IV, конец гл. X и прим. 373. Заметить дóлжно, что в примечании у Карамзина показание древности письменных памятников у европейских народов, по новым открытиям, уже неверно. В Испании эти памятники относятся не к 1367 году, а к 1178-му и 1231-му; во Франции также не к 1311-му, как у него сказано, а к 1270-му (письмо Жуанвиля к Людовику Святому).

17. Мы имеем греческий подлинник этой молитвы патриарха Филофея в Синодальной рукописи (за № 349–337, стр. 33 и 34). Τοίς δέ πιςούς βασιλείς ήμων δύναμιν κατα τών πολεμίων ένδύσας άήττηΨτον, λάλησον έιρήνην έις τήν καρδίαν άυταν, υπέρ άλλήλων, υπέρ της εκκλησιας σοι, ίπέρ του λαου σου παντός, συντετριμμένου τοις πειρασμοις ώς ύράς και ταλαιπωρουμένου πάντοθεν...

18а. См. «Временник И. Общ. ист. и др. росс.», книга 25. М., 1857. Книга «Пчела». Памятники древней русской словесности.

18b. Предание о Евфросине читается в житии его, напечатанном в «Четиих минеях» св. Димитрия Ростовского под 11 сентября. Предание о Макарии см.: Иоанна. экз., стр. 210. Кроме Степенной книги и Софийского временника «Послание» Василиево напечатано в VI томе Полного собрания русских летописей, стр. 87.

19. Акты историч. Т. I, № 4.

20. Там же, № 6.

21. Там же, № 12, 16, 27.

22. Слово *нахирь*, конечно, котомка или мешок, которые странники привязывали у паха.

23. «Странник» Стефана Новгородца напечатан г. Сахаровым во второй части «Путешествий русских людей в чужие земли» (СПб., 1837). Этому Стефану г. Бессонов приписывает распространение у нас рукописей «Пчелы» на основании весьма верных данных. См. во «Временнике» его издание «Пчелы», стр. VI.

25. Вставлено в «Русский временник» и в нем напечатано в 1790 году под заглавием: «В лето 6897-е хожение Пимина митрополита втретие в Царьград».

25. *Шидяный* от *шида* (шелк) явным образом происходит от немецкого seide: ясно, что мы приняли шелковые материи от немцев через Новгород. Позднейшее же слово *шелк* произошло

от английского silk – вероятно, с тех пор как завелась торговля с англичанами.

26. В первый раз издано И. М. Снегиревым в 1829 году под заглавием «Сказание о побоище Великого князя Димитрия Иоанновича Донского»; в другой раз им же в 3-м томе «Русского исторического сборника» в 1838 году под заглавием «Поведание и сказание о побоище Великого князя Димитрия Иоанновича Донского». Издатель пользовался пятью списками, а в основу положил список Р. В. Тимковского. В 4-м томе Никоновой летописи озаглавлено так: «Повесть полезна бывшаго чюдеси, егда помощию Божиею и Пречистыя Его Матери Богородицы и угодника их святаго чюдотворца Петра Митрополита всеа Руссии, и преподобнаго игумена Сергия чюдотворца, и всех святых молитвами князь Великий Дмитрий Иванович с братом своим, иже из двоюродных, с князем Володимером Ондреевичем, и с всеми князи рускими на Дону посрами и прогна воложския орды кордаго князя Мамая, и всю Орду его со всею силою их нечестивою изби». В «Историческом сборнике Рум. м.» за № 378, писанном рукою посадского человека Ивана Логинова Бедрина, начинается так: «Братия, хощу повесть начати новыя сея победы…» В лубочных картинах встречается под заглавием: «История о походе Великаго князя Димитрия Иоанновича Донскаго против Мамая его же Божиею помощию на Куликовом поле до конца победиша». В VI томе Полного собрания русских летописей, стр. 90, напечатано под заглавием «Побоище Великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем». Положение весьма замечательно – и, может быть, в нем заключается первоначальная ткань, предложившая основу для сказания.

27. Открытое В. М. Ундольским «Слово» напеч. во «Временнике И. м. общества и. и др. росс.», книга 14. М., 1852. «Задонщина» – в «Известиях И. Акад. н.», т. VI, вып. V, стр. 338–302. Никак не можем согласиться с предположением издателя, чтобы воспоминание о рязанце Софонии, столько важное для объяснения памятника, было книжною вставкою.

28. Напечатано в «Русском историческом сборнике», изд. Обществом истории и др. росс. под редакциею М. П. Погодина, том 3, стр. 81. Издано же И. М. Снегиревым. Также в «Софийском временнике», ч. I. стр. 383, и сокращенно в Никоновой ле-

тописи, т. 4, стр. 184. Вновь напечатано в VI томе Полного собрания русских летописей, стр. 104.

29. Литературная характеристика летописей составлена по 3, 4, 5 и 6-му томам издания Археографической комиссии, равно и по 3-му и 4-му томам Никоновой летописи, начиная от 1300 года по 1400-й.

30. Песни, в которых отзывается татарская эпоха, находятся в «Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым» (стр. 31, 180, 203 и 242) и в «Сказаниях русского народа», собранных г. Сахаровым, т. 2, стр. 263. Изд. 3. 1841.

31. Эрдманн говорит, что слову *казна* корень в арабском языке – *ххазана*, сохранить в верном месте; *ххазноп* – стража; *ххазинон*– страж, казначей; *ххизанатон* – сокровищница. Не отсюда ли наше слово: *хозяин? – Чи* и *чей* или *це* прибавляется иногда в турецком и татарском языках, например: пушка – *топ*, пушкарь – *топчи*; сад – *бустан*, садовник – *бустанчи*: отсюда объясняется и *хазиняц* (казначей) от *хазиня* (казна). См. «Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский» Ф. Эрдманна. М., 1830.

32. Брат по-татарски *кардаш*, уменьшительное братец – *карындаш.* В Саратовской губернии *кара́ндыш* или *кары́ндаш* означает малорослого человека. По областному словарю то же самое слово употребляется в Симбирской и Вологодской губерниях.

33. См. «Словарь российско-татарский», собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный. СПб., 1804.

Лекция пятнадцатая[1]

1. Подробности жизни Фотиевой заключаются в V томе Никоновой летописи (стр. 17– 108). Кроме того, см. «Творения св. отцов» (М., 1852). Год десятый. Книжка 2-я. Прибавления. Фотий, митрополит Киевский и всея России (стр. 207–271).

2. См. Указатель Московской патриаршей ризницы, составл. архимандритом Саввою. Изд. 2-е. М., 1858. Стр. 38 и 39.

[1] См. также «Дополнения к третьей части» в приложениях. – *Прим. ред.*

3. «Не зазрите же убо смерению моему, яко неискусну ми сущу писанию вашему и языку».

4. Поучения Фотия я изучал по рукописи Синод. б. под заглавием «Патерик», № 216 по старому каталогу и № 225 по новому, л. 344–443. Здесь находится всего 16 поучений, а именно: 1) О нынешнем разорении и мятежи церковнем, писанное по случаю избрания Григория Цамблака и напечатанное в «Актах исторических» (т. I, № 19); 2) К священническому всему и иночьскому чину о великом Божием священстве (напечатано в «Дополнениях к Актам историческим» (т. I, № 181)); 3) Слово вкратце рекомое ради днесь праздника сего пречестнаго Благовещения Пречистыя Владычица нашея Богородица о новосотворенном храме во имя Воздвижения и о водружении сего храма благородному и славному Великому князю Александру (напечатано в «Дополн. к актам историч. Т. I, № 182); 4. Слово на Сретение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; 5) Слово о вторем и страшнем пришествии Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; 6) Поучение в неделю православную о посте и о молитве. 7) О находящих на ны всяческих праведных гнева и ярости ради о всем познаниа всех и уверениа, понеже бо яко скор есть Бог в спасение всем обращающимся к нему и медлив же есть на мучение. В сем же словеси притча есть о блудном сыну пришедшиа неделя; 8) Поучение о бездожии, и яко аще не отдадим друг другу съгрешениа от всего сердца нашего, и аще не благодарением трьпим вся находящаа на ны грех ради наших, аще не обыщемся и не престанем от зла, ни Бог оставит нам съгрешениа наша, ниже аще в роптании и в благодарении пребываем, не токмо бльша сих наведет Бог на нас, но и муце вечной предани будем; 9) Поучение о еже много кратце реченное и глаголанное, и ныне паче ко всем рыданное и о еже находящих на ны всячьских праведных владычных прещений бывающих, различными язвами и болезни и тлетворными въздухи, еже сие все бывшее к наказанию нашему бысть; 10) В еже по пръвоначалственных оградах, в пречестную обитель Успения Пречистыя Владычица наша Богородица и от пръвоначалственаго изъобразованиа божественых отец, иже преподобием зде просиавших, великаго Андониа[1] и Феодосиа, и проч. (напечатано в

[1] Как в этом написании имени Андониа вместо Антония слышен новогреческий выговор самого митрополита Фотия!

«Дополн. к акт. историч» (Т. I, № 180, I)); 11) К иже началство духовное съдръжащим и того желающим епископом и священничьскому и иноческому всему чину, и благородным и благоверным князем, и христоименитому всему исполнению святаго людства; 12) В пречестную сию обитель Успениа Пречистыя Владычица наша Богородица настоятелю духовному архимандриту и священником, и иноком всего о Христе пребывающаго съединьственнаго полка духовнаго; 13) Поучение в ту же обитель с таким же надписанием как прежнее (нап. В «Дополн. Т. I, № 180, II); 14) Благородным князем и велможам, и священническому всему и иноческому чину, и всему христоименитому испълнению святаго людства (напечат. В «Дополн.», т. I, № 183); 15) Поучение о находящих на ны всячьскых владычних праведних прещений, бывающих различными язвами, и о братолюбии; 16) Благоверным князем и велможам и священническому всему и иночьскому чину и всему христоименитому исполнению св. людства. – Последние два повторения прежних поучений с немногими указаниями. – Затем следуют повесть о предсмертном явлении Фотию ангела и его духовная грамота.

В I томе «Дополнений к Актам историческ.», примеч. 32е, стр. 12, напечатано содержание рукописи библиотеки ярославского Архиерейского дома, в которой находятся «Слова» и «Послания» митрополита Фотия. Я сличал заглавия их с теми, которые находятся в Синодальном Патерике, и нашел между ними совершенное сходство. Издатели «Актов» полагают, что и «Слово об исхождении Св. Духа» (л. 63 на об. рукописи) хотя и не обозначено именем Фотия, но принадлежит ему; мнение основано на словах: «паче же и на великую сию землю пришедшю» и на том, что о крещении Пермской земли Стефаном говорится как о событии, уже свершившемся.

Напечатаны из сочинений и грамот Фотия следующая: «Актов исторических» Т. I, № 18. 1414. Настольная грамота Герасиму, еп. Владимирскому, на Волыни. – № 19. 1415–1419. Окружное послание о незаконном избрании литовскими епископами Григория Самблака в сан Киевского митрополита отдельно от Московского (См. выше в Синод. рук. Поучение 1). № 20. 1416. Послание псковичам о соблюдении законоположений православной веры, удалении от церковных мятежников и

покровительстве православным людям, выходящим из Литвы. № 21. 1416. Им же о необщении со стригольниками. № 22. 1416. Поучение псковскому духовенству, о строгом соблюдении церковного устава в богослужениях, о неотпевании самоубийц, неядении удавленины и невзимании роста. № 23. 1416. Послание псковичам о том, что он, разрешая их от крестного целования, благословляет отменить новую уставную грамоту князя Константина Димитриевича. № 26. 1418. Послание в Снетогорский монастырь о недействительности устава, данного оному суздальским владыкою Дионисием, с подтверждением инокам соблюдать правила общежития, а мирянам не вступаться в дела духовные. № 30. 1426. Послание псковичам о моровой язве. № 33. 1427. Им же о убеждении стригольников возвратиться к православию с повелением духовенству упорных и нераскаянных отлучать от Церкви, а верным не иметь с ними общения. № 34. 1427. Псковским посадникам и духовенству о приведении стригольников в раскаяние увещаниями и наказаниями, о ротниках и удалении их от звания судей и церковных старост, также о небытии старостами в церквах двоеженцам и троеженцам. № 35. Прежде 1430. Псковским посадникам и духовенству о соблюдении чиноположений Православной Церкви и христианских добродетелей, о необливании при крещении младенцев с запрещением употреблять при том латинское мvро. В «Прибавлениях» к тому же тому: № 254. 1393. Настольная грамота Константинопольского патриарха Антония митрополиту Фотию. В этой грамоте и год и имя патриарха обозначены неверно, потому что Фотий назначен был в митрополиты в 1409 году патриархом Матфеем, а не Антонием. № 258. После 1410. Грамота с увещанием о возвращении похищенного церковного сокровища. № 257. Благословенная грамота иноку Павлу Обнорскому на устроение монастыря и освящение в нем церкви с увещанием братии о соблюдении иноческих обетов.

«Актов Археографической экспедиции» т. I. № 20. 1421. Жалованная грамота Великого князя Василия Димитриевича митрополиту Фотию о дозволении купить в Талыше волостную Яковлевскую деревню с тем чтобы она тянула судом и пошлинами к митрополита и проч. № 23. 1425. Жалов. гр. Того же князя м. Фотию об освобождении от пошлин пришлых в митрополитские

села людей на пятнадцать лет, а старожильцев на пять лет, о подсудимости их митрополит и о суде смесном. В «Дополнениях» к этому же тому № 369. 1410. Послание новгородцам о соблюдении законоположений церковных.

Дополнения к Актам историческим. Т. I. Прибавления. № 180. 1410–1431. Два послания (I и II) митрополита Фотия в Киево-Печерский монастырь об иноческих обязанностях. (См. выше в Синод. рук. № 10 и 13). № 181. 1410–1431. Поучение священникам и инокам о важности священства и об обязанностях священнослужителей. (См. выше № 2). № 182. 1419–1430. Поучение на освящение походной церкви, устроенной для православных воинов литовским Великим князем Витовтом. (См. выше № 3.) № 183. 1419–1430. Послание литовским православным священникам и мирянам при вторичном вступлении его в управление Западнорусскою Церковью. (См. выше № 14.)

К ненапечатанным поучениям митрополита Фотия следует отнести еще два поучения с одинаковым заглавием: «Поучение Фотия митрополита Киевского и всея Руси к Великому князю Василию Дмитриевичу». Отрывки из них приводит автор статьи, помещенной в Творениях св. отцов. Кн. 2. 1852. Оба поучения находятся в рукописном сборнике Иосифова Волоколамского монастыря в 4 д., составленном по благословению игумена Нифонта в 1536 году, прежнего каталога № 414.

5. Вот слова Иоанна Златоуста: «Должец есть инок, аще яст, аще пиет, аще седит, аще служет, аще путешествует, аще ино что творит, непрестанно вопити то: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!.. Да имя Господа Иисуса, сходящее во глубину сердца, смирит змия, содержащего пажити, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребуди во имени Господа Иисуса, яко да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и да будета два сия во едино… Не отлучайте от Бога сердца вашего, но потерпевайте и храните е всегда с памятию Господа нашего Иисуса Христа, дондеже внутрь в сердце водрузится имя Господне, и ничтоже ино помышляйте, точию яко да возвеличится в нас Христос».

6. Содержание этих посланий я излагал по вышеупомянутой статье о митрополите Фотии (Ч. 3, стр. 630–634).

7. Никон. летоп. Т. V. Стр. 24.

8. Григориа мниха и прозвитера, игумена обители Плинаирьскыа, надгробное иже во святых по истине Киприану архиепископу Российскому. Выпишем из этого слова те места, которые относятся к биографии Григория. «Его же (Киприяна) убо наше отечество изнесе». «Отъиде доброта она, яже паче солнечных зарей, вам же и надсладчяйшаа, братиа бо вам есмы от лучшии, понеже и отец ваш, иже плачю нам предлежит вина, брат беаше нашему отцю». «Мы святого оного лицам вмале сподобихомся видети отроческый еще носяща возраст, абие же от нас отъиде, и старости нас постигши, не ктому того видехом…» «Суть бо оттоли до тридесяти негде лет, егда от вас воздвигся к великому сему и царици градовом грядяаше» («Слово» писано в 1410 году, след. если 31 год вычесть, будет 1379-й, когда Киприан приезжал из Москвы в Царьград и к себе на родину). «Тогда великое сие светило видехом, братие, и священныя оны руче нашеи коснушась главе, купно убо благословляюще, купнож и хотящая нам случатися духом проричяюще». О любви народа к Киприяну по смерти его говорит: «не до двоих, или триех год *иже приидоша*, но и простертию летнему съпротяжется и ваше ко отцю люболение…». Киприян скончался в 1407 году, стало быть, «Слово» писано в 1410 году. «Ему же вместо Геона реки была река Немон протичющиа Литвы, на ней же горкому нас стретшю возвещению, ниже плакати можахом». Внизу «Слова» приписано: «Написах Киприану: о Киприане по истине еси светило Российской земли, Григорие Цамблак писавыйслово сие надгробное бывый митрополит Киеву и всеа державы Литовскыа».

9. См. вышеупомянутую ст. «Фотий», стр. 238. Также о Григории Цамблаке, митрополите Киевском, как писателе. Статья преосвященного Макария, епископа Тамбовского, в «Известиях И. академии наук по отделению русского языка и словесности» (Т. VI. Л. 7–10). Оттуда перепечатана в «Исторических чтениях о языке и словесности» (СПб., 1857. Ст. VII). О пребывании своем на Афоне он говорит сам в 4-м слове: «Но аз вем горы Афоньския».

10. Ник. лет. Т. V. Стр. 54, 58, 59, 70, 71. Ст. «Митрополит Фотий», стр. 233–249.

11. Сочинения Григория Цамблака я изучал по двум рукописям Синодальной библиотеки за № 384 (52) и 386 (308), обе

в четверку, также отчасти по «Великим Чет. Минеям» митрополита Макария, где кроме особенной книги, вмещающей все слова Григорьевы в июльском томе с полным их оглавлением, эти «Слова» рассеяны отдельно по праздникам, к которым относятся, – также и по рукописям библиотеки И. Н. Царского, когда она еще принадлежала покойному ее собирателю и находилась в Москве. Вот заглавия «Слов», извлеченные из полных рукописей в том порядке, как они помещаются: Григория смиренаго инока и презвитера 1) О Божественных Тайнах, и яко достоит хотящему причяститися испытовати себе, и о еже не памятозлобствовати, и яко довлять сии пять дний истинным покаянием предочистити человека, и яко достоит християнину терпети напасти, и на иудея глаголющих, поят ли Бог жену и роди сына, и о блаженнем Филогонии, архиепископе Антиохийском («Слово» относится к 20 декабря, когда празднуется память св. Филогония); 2) О усопших, и о еже, яко странии, жити на земли, и о Антихристе, и о воскрешении мертвых, и яко суетно и труда полно житие человеческое, и яко смерть сон и от трудов покой есть, и о милостыни (это «Слово» говорено, вероятно, в родительскую, в день поминовения усопших); 3) О иноческом житии, яко ангелом подобится и на иже от неправды и хищения богатящиихся (из начала этого «Слова» ясно видно, что оно имеет отношение к предыдущему и говорено вслед за ним); 4) Слово похвалное отцем преподобным, в суботу сыропустную (из начала этого «Слова» также видно, что оно говорено вслед за третьим «Словом»); 5) Похвално святым великомучеником четыредесятим (в заглавии этого слова ко «мниху и презвитеру» прибавлено: «игумена обители Пантократоровы»); 6) Слово в неделю Вербную (здесь Григорий в заглавии именуется архиепископом Российским); 7) В св. и Великий Четверток на часех. На предание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и о Июде, и на яже опресноки приносящих таиньством, и о сребролюбии (опять в заглавии: «игумена обители Пантократоровы»); 8) Во св. и Великий Пяток на часех, о еже узрите Живот ваш висящ пред очима вашима и на еретики, и о еже: Жено, се сын Твой, и к ученику: се Мати твоея, в распятие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (в заглавии также «игум. об. пантокр.); 9) Слово на славное Вознесение Господа нашего Иисуса Христа (в загла-

вии «Григория, епископа Российского»); 10) Слово на Рожество предтечи и крестителя Иоанна (в заглавии просто «инока и презвитера»); 11) Похвалное святым и верховным апостолом Петру и Павлу (в заглавии то же); 12) Похвалное святому пророку и боговидцу Илии (в заглавии «игум. об. Пантокр.»); 13) Слово на божественное Преображение Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (в заглавии «архиепископа Российского»); 14) Слово на всечестное Успение преславныя владычица наша Богородица и приснодевы Мария; 15) Слово на Усекновение главы честнаго и славнаго пророка и предтеча и крестителя Иоанна (оба «Слова» озаглавлены именем Григория архиепископа Российского); 16) Слово на всечестное Рожество пресвятыя Владычицы нашея Богородица («инока и прозвитера»); 17) Слово на Воздвижение честнаго креста Господня («архиепископа Российскаго»); 18) Похвалное святому славному великомученику и мѵроточцу Димитрию («архиепископа Российского»); 19) Слово похвално святому и великому в мученицех и победоносцю Егорьгию (имени Григория не обозначено); Здесь оканчивается оглавление «Великих Четиих Миней». По двум синодальным рукописям следуют: 20) Мучение святаго и славнаго мученика Иоанна Новаго, иже в Белеграде мучившагося («Списажеся Григорием мнихом, игуменом обители Пантократоровы, и прозвитером великой церкви Молдовлахийской); 21) Григориа, мниха и прозвитера, игумена обители Плинаирьскыа (от πλήν (вне) и άήρ (воздух), надгробное иже во святых по истинне Кѵприану архиепископу Российскому. В конце этого слова приписано: «Написах Киприану: о Киприане, по истинне еси светило Российской земли, Григорие Цамблак писавый слово сие надгробное бывый митрополит Киеву и всеа държавы Литовскыа». Кроме того еще встречаются в рукописях отдельно: 22) Слово похвальное иже во св. отцу нашему Евфимию патриарху Терновскому (рукоп. гр. Толст. Отд. II. № 205); 23) Сказание о св. Параскевии, как принесена бысть во славную Срьбскую землю, списано Григорием Цамблаком. Помещается при житии преподобныя матере нашея Парасковии, списанном Евфимием, патриархом Терновским. Опис. рукоп. Царского, стр. 71. № 133. Л. 549; 24). Повествование о сербском царе Стефане Дечанском, писанное Григорием, игуменом Дечанским (помещается обыкновенно в прологе под 9 мая); 25) Богослужебный

стих на Успение Пресвятой Богородицы. Открыт В. М. Ундольским под заглавием: «На Успение Пресвятой Богородицы поем сей стих на целование, творение кир Григория Российскаго Цамблак». Напечатан при статье: «Замечания для истории церковного пения в России» в «Чтен. Моск. истор. общ.» (1846, № 3) и перепечатан сполна в вышеупомянутой статье преосвященного Макария. В «Опис. библ. гр. Толстого», отд. I, № 256, л. 121, есть «Слово» Григория, архиепископа Российского, в неделю Цветную, – и в «Рукоп. Царск.», № 365, л. 354 от «Слова» цветного. В «Опис. рукоп. Царского», № 264, л. 530об встречается Григория мниха и презвитера «Слово» похвалное святым трем отроком и Данилу пророку, и яко искушения и напасти находят святым на объявление тех добродетели, и о святом причащении.

(12) «И понеже вашу любовь зряй, слово учения сладце приемлюще, якоже некую добрую и тучную землю семена... Прежде похваливше ваше усердие теплое, толико бо к церкви тщание ваше, елико чадом к матери, елико болящему ко врачю, елико жаждущему ко источнику, елико кораблю к пристанищу: толико же и нас веселит преспеяние ваше, яко и вестници радостни будем добродетели вашеа пославшему нас патриарху». «Но и о общем и чаемом воскресении всем последованно к вашей пробеседую любви, вем бо несытное вашее же о таковых желание, отонудуже и к вашему множае распалихся люблению, елижды бо аще что от божественаго писания в вашая всеяхом слуха, вы и яко благая и тучная земля в мале времяни показовасте таковых семян, нас убо о предварших веселяще и иным касатися усердным съдевающи. Тем же и блажу ваше еже ко учению усердие».

13a. Слово похвальное апостолам Петру и Павлу, приписанное митрополиту Феодосию (1461–1465. См.: Изв. Ак., т. II, л. 21), есть только сокращение Григориева «Слова» с особым небольшим приступом.

13b. Мне известно одно сказание народное «Об Илье великом и Миколе милостливом», в котором представлена вся полевая работа крестьянина от первой пашни до уборки хлеба, совершающаяся при беспрерывных препятствиях со стороны Илии пророка и при милостивом покровительстве Николая чудотворца, который своим заступлением отвращает все беды, посылаемые гневным пророком Ветхого Завета. Я слышал это сказание

в Саратовской губернии, в Петровском уезде. Оно заключается тем, что к крестьянину приходят под конец *злыдни*, олицетворенные в виде какого-то полунагого мужика. И тут спасает его от *злыдней* милостивый Микола.

14. Здесь проповедник употребляет два греческих слова для мачты корабля – *катарт* – κατάρτιος, καταρτια и κατάρτιον (корабельная мачта), и *тропи* или *тропі* – τρόπις – для обозначения корабельного дна. Здесь я позволю себе разногласие в чтении текста с тем, которое принято преосвященным Макарием. Вместо принятого чтения: «Что же ли нарицаемаа *тропионе*, иже все ставление корабелное содержится» – я читаю: «Что же нарицаемая *тропі*, о нейже все ставление корабельное содержится».

15. Для объяснения этого места нельзя не привести слов Василия Великого из творения его о Святом Духе: «В первый день седмицы совершаем молитвы стоя прямо[1], но не все знаем тому причину. Ибо не только как совоскресшие со Христом и обязанные искать вышних в воскресный день прямым положением тела во время молитвы напоминаем себе о дарованной нам благодати; но и потому сие делаем, что этот день, по-видимому, есть как бы образ ожидаемого нами века. Посему будучи началом дней у Моисея назван он не первым, а единым. Ибо сказано: *бысть вечер, и бысть утро, день един* (Быт. 1, 5); потому что один и тот же день возвращается многократно. Посему он же есть и единый и осмый, изображающий собою действительно единый и воистину осмый день, о котором Псалмопевец упомянул в некоторых надписаниях псалмов (Пс. 8 и 11), то есть оное состояние, которое последует за теперешним временем, оный непрекращающийся, невечерний, не сменяющийся день, оный нескончаемый и нестареющий век». Богословы XIV и XV века применили это к седмице тысящелетий – и осьмую тысячу считали уже вечностью.

16. В подлиннике читаем *ламбада* по греческому произношению, явно обнаруживающему влияние греческого народа на образование болгарина Григория.

---

[1] То есть без земных поклонов и коленопреклонений.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,
СОДЕРЖАЩАЯ XV СТОЛЕТИЕ И НАЧАЛО XVI

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Русский исследовательский центр. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 28.06.2017 г. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times». Объем 53,2 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
Русская архитектура и скульптура
Русская живопись
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ РУССКИМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ ЦЕНТРОМ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.

Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.

Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.
Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.
Ушинский К. Д. Русская школа, 688 с.
Распутин В. Г. У нас остается Россия, 1200 с.
Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина, 896 с.
Вельтман А. Ф. Древности и сокровища российские, 1152 с.
Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века, 1200 с.
Русская доктрина, 1056 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.

Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Миронов Б. С. Русский национализм, 560 с.
Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
Тимофей Буткевич, протоиерей. Верою разумеваем, 704 с.
Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
Душенов К. Ю. Православие или смерть, 960 с.
Крушеван П. А. Знамя России, 720 с.
Ивашов Л. Г. Геополитика Русской цивилизации, 800 с.
Аверьянов В. В. Наш дух не сломлен, 688 с.
Бегунов Ю. К. Тайные силы в истории России, 944 с.
Ямщиков С. В. Горький дым Отечества, 976 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
Шергин Б. В. Отцово знанье. Поморские были и сказания, 704 с.
Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.

Русские люди XVIII века, 784 с.
Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.
Орлов А. С., Пропп В. Я. Героическая тема в русском фольклоре, 864 с.
Бурцев А. Е. Народный быт великого севера, 624 с.
Богданович А. Е. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов, 160 с.
Нидерле Л. Славянские древности, 784 с.
Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке, 752 с.
Мэкензи Уоллэс. Традиции и быт России глазами иностранца. Этнографические очерки, 800 с.
Прыжов И. Г. Очерки русского быта, 640 с.
Август Гакстгаузен. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, 672 с.
Русский Народ. Полное собрание этнографических трудов Александра Бурцева в 2-х томах, т. 1 – 592 с.; т. 2 – 592 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанныя самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.
Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.
Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.
Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.
Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.
Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 608 с.
Николай Краинский. Психофильм русской революции, 624 с.
Михаил Чижов. Константин Леонтьев, 640 с.
Личутин В. В. По морю жизни – на русском челне, 976 с.
Краинский Д. В. Записки тюремного инспектора, 896 с.
Станислав Куняев. Воспоминания, 688 с.
Константин Петрович Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах, 624 с.
Крупин В. Н. Море житейское, 752 с.
Славянофилы в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 656 с.
Большаков В. В. Война на идеологическом фронте. Воспоминания участника, 1184 с.
Грибанов С. В. Великий Сталин глазами сталинского сокола, 976 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.

Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.
Катасонов В. Ю. Россия и Запад в XX веке: История экономического противостояния и сосуществования, 736 с.
Куняев С. Ю. Русское слово и мировое зло, 880 с.
Кикешев Н. И. Истоки славянской цивилизации: Мифы. Гипотезы. Открытия, 912 с.
В. Аладьин, В. Ковалев, С. Малков, Г. Малинецкий. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу, 480 с.
Маюров А. Н. Борьба с пьянством в России с древних времен до наших дней, 880 с.
Большаков В. В. Сионизм и коммунизм. Корни родства и причины вражды, 1248 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Юрген Граф. На пути к Апокалипсису. Что ждет коренные народы Европы? 624 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.
Платонов О. А. История русского народа в XX веке, 1264 с.